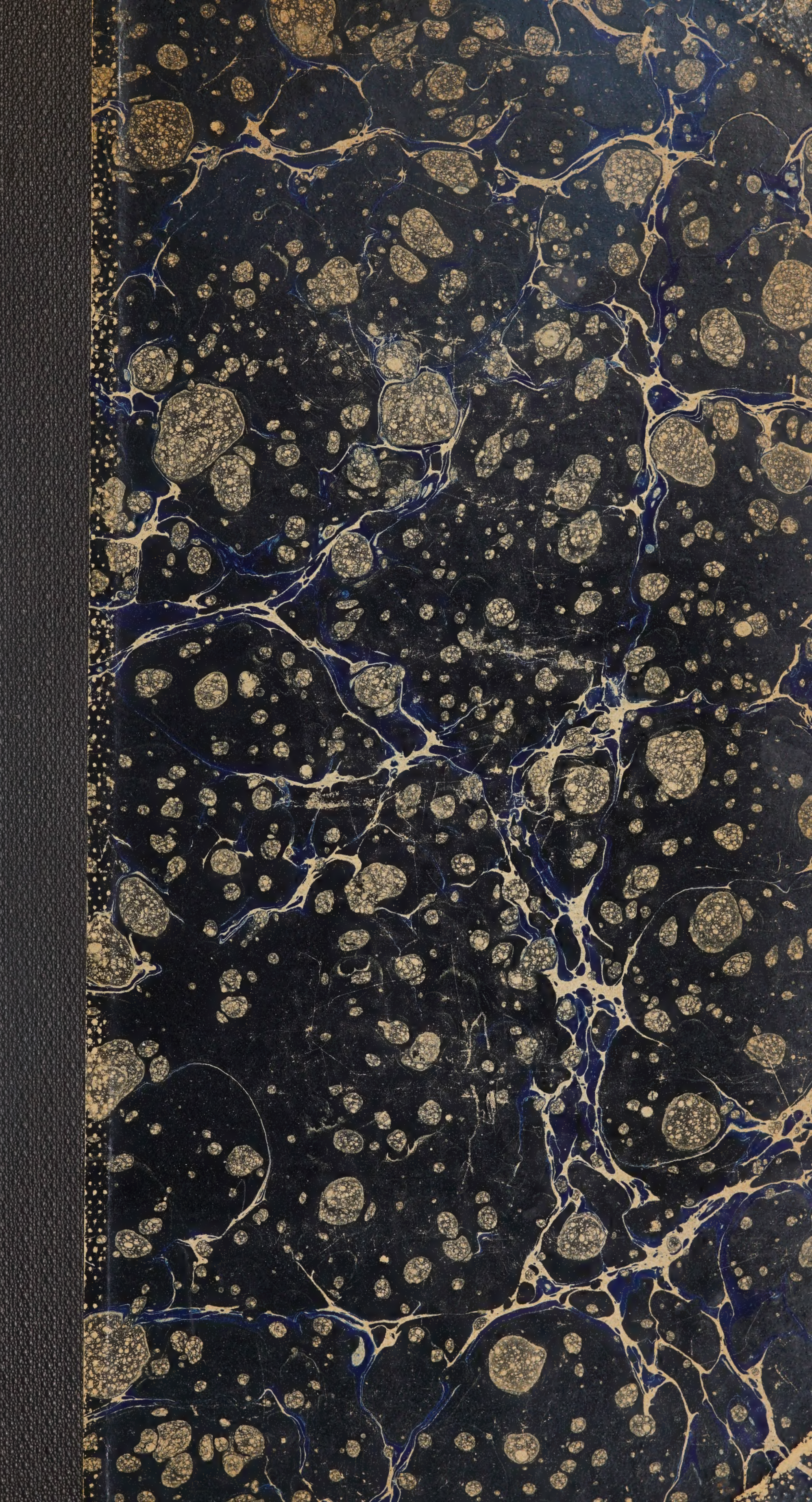
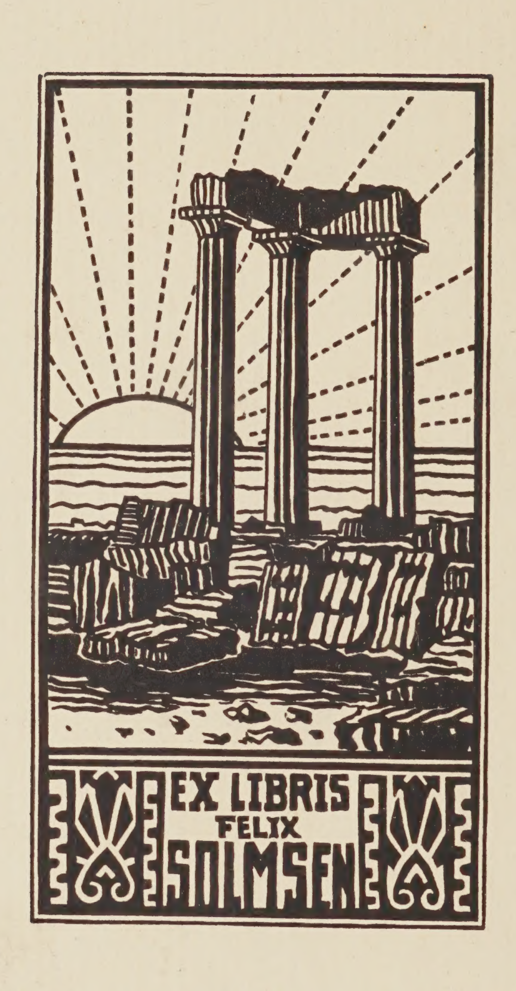
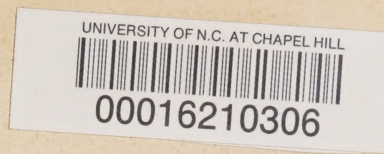

EX LIBRIS
FELIX
SOLMSEN

Ф. Ф. Фортунатов

Фотот. П. Павлова.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

ПОСВЯЩЕННЫХЪ

УЧЕНИКАМИ и ПОЧИТАТЕЛЯМИ

АКАДЕМИКУ и ЗАСЛУЖЕННОМУ ОРДИНАРНОМУ ПРОФЕССОРУ

ФИЛИППУ ѲЕДОРОВИЧУ ФОРТУНАТОВУ,

по случаю

тридцатилѣтія его ученой и преподавательской дѣятельности въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

1872—1902.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1902.

Дозволено цензурою.

Варшава, 18 сентября 1902 года.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“.

Русское и словенское аканіе.

Давно отмѣчена изслѣдователями сходная судьба неударяемаго *о* въ русскихъ (южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ) говорахъ, съ одной стороны, въ словенскихъ, съ другой. Такъ, Ст. Вразъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Ярника о хорутанскихъ говорахъ, помѣщенной въ сборникѣ Kolo, въ 1842 году, отмѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Зильской долины всякое неударяемое *о* звучитъ какъ *а*, наподобіе московскаго нарѣчія (knj. I, с. 57, прим.). И. И. Срезневскій въ 1849 году, въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», сопоставилъ бѣлорусское и южновеликорусское измѣненіе неударяемаго *о* въ *а* съ такимъ же измѣненіемъ его въ хорутанскомъ (словенскомъ) нарѣчіи (изд. 1887 года, с. 46). Причину сходства русскихъ и словенскихъ явленій выяснилъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, который, въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ за 1873 годъ, остановился на вопросѣ о могущественномъ вліяніи ударенія въ словенскихъ и великорусскихъ говорахъ и о сходныхъ результатахъ этого вліянія на качественное измѣненіе гласныхъ. Словенская и великорусская группы славянскихъ говоровъ, отличаясь между остальными именно преобладающимъ вліяніемъ ударенія на отношенія гласныхъ, „совершенно расходятся въ подробностяхъ этого вліянія и связанныхъ съ нимъ явле-

ній“ — таковъ выводъ почтеннаго изслѣдователя изъ сравнительнаго изслѣдованія сближенныхъ имъ явленій [1]).

Сравнительное изученіе звуковыхъ измѣненій, связанныхъ съ неударяемостью гласныхъ, въ русскомъ и словенскомъ языкахъ бросаетъ, какъ мнѣ кажется, свѣтъ на вопросъ о происхожденіи русскаго аканія и прочихъ качественныхъ измѣненій гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ. Оставляя въ сторонѣ сѣвернорусскіе и малорусскіе говоры, я остановлюсь только на среднерусскихъ говорахъ: въ составъ этого понятія входятъ бѣлорусскіе и южновеликорусскіе говоры, живущіе теперь отдѣльною жизнью, но нѣкогда образовывавшіе въ діалектическомъ отношеніи одно цѣлое.

I.

Общимъ для всѣхъ словенскихъ говоровъ явленіемъ оказывается ослабленіе гласныхъ въ слогахъ неударяемыхъ и напротивъ усиленіе ихъ въ ударяемыхъ: усиленіе это выразилось: а) въ удлиненіи краткихъ ударяемыхъ гласныхъ въ положеніи не въ конечномъ слогѣ и не въ односложныхъ словахъ, б) въ распаденіи долгихъ гласныхъ въ дифтонги и дифтонгическія сочетанія; ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ сказалось: а) въ измѣненіи ихъ звука, б) въ переходѣ ихъ въ „полугласныя“ (т. е. въ гласныя неполнаго образованія) и даже въ совершенномъ ихъ исчезновеніи. Замѣчательно, что судьбу *неударяемыхъ* гласныхъ раздѣляютъ краткія гласныя *ударяемыя* тамъ, гдѣ онѣ, при указанныхъ только что условіяхъ, не могли удлиниться: такъ въ говорахъ, гдѣ неударяемыя *и* и *і* перешли въ „полугласные“ звуки (обозначу ихъ греческою буквой ε), тѣ же „полугласныя“ замѣнили краткія *і* и *и* подъ удареніемъ: krὲh (krùh),

---

[1]) Отчеты командир. министерства нар. просв. за границу съ ученою цѣлію И. А. Бодуэна-де-Куртенэ о занятіяхъ по языковѣдѣнію въ теченіе 1872 и 1873 гг. Вып. II, Казань 1877.

kɛ̀p (kùp), predɛ̀h (predùh), dɛ̀m (dìm), sɛ̀r (sìr), mladɛ̀č (mladìč); въ говорахъ, гдѣ неударяемое *а* перешло въ полугласную (α), ту же полугласную находимъ вмѣсто краткаго *а* подъ удареніемъ: среднекарстск. bὰt (bàt), brὰt (bràt), mὰk (màk); въ говорахъ, гдѣ неударяемыя *о* или *е* перешли въ *а*, находимъ то же *а* на мѣстѣ краткихъ ударяемыхъ *о*, *е*: цирклянскія: zlà (zlò), pràč (pròč); рожневскія: cànt (cènt), otàp (otèp) и т. д. Уже отсюда надо, мнѣ кажется, вывести заключеніе, что современныя словенскія измѣненія неударяемыхъ гласныхъ нельзя разсматривать какъ результатъ физіологическаго ослабленія неударяемыхъ звуковъ въ зависимости отъ усилившагося ударенія; измѣненія эти оказываются результатомъ сложнаго фонетическаго процесса, захватившаго всѣ краткія гласныя вообще, даже въ положеніи ихъ подъ удареніемъ. Подтвержденіемъ такому взгляду могутъ служить звуковыя отношенія тѣхъ словенскихъ говоровъ, которые допустили усиленіе гласныхъ подъ удареніемъ, но не ослабили ихъ въ слогахъ неударяемыхъ: такъ, въ угрословенскомъ нарѣчіи, гдѣ гласныя подъ удареніемъ въ неконечномъ слогѣ всегда долги, „глухіе гласные (полугласные) совсѣмъ отсутствуютъ. Всѣ гласные звуки произносятся ясно (какъ въ сербо-хорватскомъ)“ [1]). Отсюда видно, что мы имѣемъ право признать усиленіе гласной подъ удареніемъ явленіемъ общесловенскимъ, переходъ же неударяемыхъ гласныхъ въ полугласныя надо отнести къ явленіямъ діалектическимъ; слѣдовательно, измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ не сопутствовало непосредственно усиленію ударяемыхъ и не стояло въ прямой зависимости отъ такого усиленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ общесловенскомъ языкѣ замѣчалось противоположеніе ударяемыхъ неударяемымъ гласнымъ: ударяемыя произносились сильнѣе,

---

[1]) Т. Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію, I, 519; ср. Срезневскій, О нарѣчіяхъ славянскихъ (Ж. М. Нар. Пр. 1841 г., сент, с. 162). Облакъ въ Archiv XIV, 349—350 указываетъ подобные же говоры въ восточной Штиріи.

неударяемыя слабѣе. Но въ настоящее время, въ отдѣльныхъ словенскихъ говорахъ, видимъ противоположеніе долгихъ гласныхъ (всегда ударяемыхъ) краткимъ (которыя могутъ быть ударяемыми и неударяемыми): долгія гласныя подвергаются однимъ измѣненіямъ, а краткія другимъ. Такимъ образомъ, одинъ звуковой принципъ смѣнился другимъ. Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію того, какимъ путемъ совершилась эта смѣна, приведу нѣсколько данныхъ о судьбѣ краткихъ гласныхъ въ современныхъ словенскихъ нарѣчіяхъ. Но предварительно сдѣлаю нѣсколько замѣчаній касательно исторіи общеславянскихъ полугласныхъ *ъ* и *ь* въ словенскомъ языкѣ.

По господствующему мнѣнію, *ъ* и *ь* очень давно совпали въ одномъ полугласномъ звукѣ; этотъ полугласный въ краткихъ слогахъ *сохранился* почти во всѣхъ говорахъ; только на востокѣ (въ угрословенскомъ) онъ перешелъ въ *e;* въ долгихъ же слогахъ полугласный звукъ измѣнился въ западныхъ и южныхъ говорахъ въ ā, въ сѣверныхъ же и восточныхъ въ ē [1]). Имѣя въ виду: 1) только что указанный переходъ краткаго полугласнаго звука въ *e* въ угрословенскихъ говорахъ, при чемъ здѣсь вѣроятнѣе говорить не о діалектическомъ измѣненіи *ъ* въ *e*, а о сохраненіи краткаго *e* (тожественномъ съ сохраненіемъ краткихъ неударяемыхъ гласныхъ вообще); 2) появленіе долгихъ ā, ē вм. *ъ*, при чемъ долгота замѣстителя общеславянскихъ *ъ* и *ь* частью болѣе древняго происхожденія (напр. въ dân, vâs, mâh), частью же новаго (odáhnem, pásji, діалектическ. lъgâk, tъnâk съ выдвинутымъ удареніемъ) [2]) — я думаю, что мы не имѣемъ основанія допускать сохраненіе полугласнаго звука изъ *ъ*, *ь* въ обще-

---

[1]) Ср. Облакъ, Die Halbvocale und ihre Schicksale in den slav. Sprachen, Archiv XV, 160, 163: „in kurzen Silben... bleibt ъ erhalten“; „in kurzen Silben blieb dagegen ъ erhalten“.

[2]) Въ одномъ южно-штирійскомъ говорѣ въ долгихъ слогахъ вм. полугласныхъ *ъ* и *ь* находимъ *ie:* miegla (Облакъ, Archiv, X, 617).

словенскую эпоху. Мнѣ представляется гораздо болѣе вѣроятнымъ предположить, что *ъ* и *ь* совпали въ указанную эпоху въ одной гласной полнаго образованія. Эта гласная звучала какъ средній звукъ между *a* и *e* (ä, ср. переходъ ея въ однихъ говорахъ въ *a*, въ другихъ въ *e* въ долгихъ слогахъ), и при томъ не съ открытымъ, а съ закрытымъ оттѣнкомъ (Сиверсъ: æ[1], т. е. тотъ звукъ, который по Passy слышится во французскихъ словахъ père, tête, net). Ниже я укажу тѣ основанія, которыя заставляютъ признать общесловенское ä узкой, а не широкой гласной: здѣсь же сошлюсь на изображеніе этого звука въ словенскихъ памятникахъ не только черезъ *a* и *e*, но и черезъ *i*. Общесловенское ä узкое въ долгихъ слогахъ измѣнялось въ ā, діалектически въ ē; въ краткихъ слогахъ оно перешло въ полугласную, такъ же какъ *i*, u, *ѣ*; въ тѣхъ же говорахъ, гдѣ *i*, u, *ѣ* не звучатъ какъ полугласныя въ краткихъ слогахъ, мы находимъ гласную полнаго образованія и на мѣстѣ узкаго ä: кромѣ указанныхъ выше угрословенскихъ говоровъ, то же находимъ въ одномъ изъ южно-штирійскихъ говоровъ, гдѣ, рядомъ съ lenuh, levicar, teló съ краткимъ *e* (на мѣстѣ *ѣ*), видимъ dehniti, začietek (Облакъ, Archiv X, 617).

Словенскіе говоры въ отношеніи къ фонетическимъ измѣненіямъ краткихъ гласныхъ могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: въ однихъ говорахъ видимъ ассимиляцію краткихъ неударяемыхъ гласныхъ гласной ударяемаго слога, въ другихъ — самостоятельное, независимое отъ ударяемой гласной, измѣненіе краткихъ гласныхъ и притомъ не только неударяемыхъ, но и находящихся подъ удареніемъ. Къ первой категоріи принадлежатъ резьянскіе говоры, превосходно описанные какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Бодуэномъ-де-Куртенэ: узкія ударяемыя гласныя (сюда относятся *i*, *u*, а также „темныя" или „глухія" ö, ü, œ, *y*), при томъ неодинаково въ различныхъ говорахъ Резіи, вліяютъ на переходъ неударяемыхъ гласныхъ *o* и *e* (ë) въ *u*, ö и *i*, œ; широкія гласныя *a*, *o* (изъ ǫ), *e* (изъ ę) вліяютъ на переходъ

в (*ě*) въ *а*. Изслѣдователь формулируетъ замѣченныя имъ отношенія слѣдующимъ образомъ: „если гласный ударенного слога есть гласный ясный или звонкій, то и гласные неударенныхъ слоговъ того же слова являются тоже ясными или звонкими; если же данное слово или же извѣстная форма даннаго слова представляетъ въ ударенномъ слогѣ гласный темный или глухой, то точно также темными или глухими должны быть гласные неударенныхъ слоговъ“ [1]). На этихъ словенскихъ говорахъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ въ ихъ фонетикѣ не найдется общихъ съ среднерусскими говорами чертъ. Укажемъ только, что они не стоятъ уединенно въ славянскомъ мірѣ. Такъ, въ кайкавскомъ говорѣ, описанномъ Рожичемъ [2]), неударяемое *о* передъ ударяемымъ *i* инфинитива на ìti переходитъ въ *е* или *i*: nisìti, kisìti, silìti, dibìti, gistìti, redìti, presìti, gedìti (въ резьянскихъ говорахъ *о* въ такомъ положеніи звучитъ какъ *и*).

Я охотно ввелъ бы въ кругъ предстоящихъ мнѣ наблюденій возможно бо́льшее число словенскихъ говоровъ Крайны, Штиріи, Каринтіи и Приморья; но, къ сожалѣнію, долженъ ограничиться лишь нѣсколькими доступными мнѣ изъ описаній говорами, а именно: 1) нижнекраинскими, хорошо представленными въ цѣломъ рядѣ грамматическихъ обработокъ литературнаго нарѣчія, начиная съ Метелки [3]), и весьма обстоятельно изслѣдованными Ст. Шкрабцемъ [4]) (послѣдній останавливался преимущественно на говорахъ въ окрестностяхъ Рыбницы и Доброполя); 2) горицкимъ цирклянскимъ, описаннымъ Бодуэ-

---

[1]) Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ, § 212.

[2]) Kajkavački dijalekat u Prigorju (Rad, кн. 115, 1893 г.).

[3]) Fr. Metelko, Lehrgebäude der slowenischen Sprache. Laibach 1825.

[4]) Ср. его изслѣдованіе: O glasu in naglasu našega knjižnega jezika v izreki in pisavi (Programm des Gymnasiums zu Rudolfswerth, Novomesto. Laibach 1870), а также рядъ статей на обложкахъ журнала Cvetje z vertov sv. Frančiška.

номъ-де-Куртенэ [1]); 3) верхнекраинскими говорами, научно представленными въ трудахъ Бодуэна-де-Куртенэ (говоръ бохинско-посавскій) [2]) и въ записяхъ Валявца (говоръ преддворскій) [3]); 4) среднекраинскимъ говоромъ юговосточной части Горицы, описаннымъ подъ названіемъ среднекарсткаго говора Штреклемъ [4]); 5) хорутанскимъ говоромъ, носящимъ названіе рожневскаго или розентальскаго и описаннымъ Шейнигомъ [5]).

Въ предлагаемыхъ ниже краткихъ извлеченіяхъ изъ представленныхъ изслѣдователями данныхъ я обращаю преимущественное вниманіе: а) на измѣненія краткихъ гласныхъ въ полугласныя, б) на измѣненіе краткаго *о* въ *а*. То и другое явленіе, какъ увидимъ ниже, имѣло мѣсто и въ среднерусскихъ говорахъ: намъ важно провести параллель между сходными явленіями словенскаго и русскаго языка.

Нижнекраинскіе (доленскіе) говоры. Сравнительно со многими другими словенскими говорами они представляются болѣе устойчивыми въ звуковомъ отношеніи. а) Въ полугласныя переходятъ краткія *і*, *и*, то *е*, которое восходитъ къ *ѣ*, и наконецъ замѣститель общеславянскихъ *ъ*, *ь*; всѣ эти звуки совпали въ настоящее время въ одномъ полугласномъ звукѣ, но еще въ XVI столѣтіи различались по крайней мѣрѣ двѣ категоріи полугласныхъ: 1) полугласныя на мѣстѣ замѣстителя *ъ*, *ь*, съ од-

---

1) Der Dialekt von Cirkno (Kirchheim). Archiv f. sl. Phil., т. VII и VIII.

2) Отчеты, вып. II, Казань 1877.

3) Пѣсни изъ Преддворскаго прихода въ фонетической транскрипціи Валявца помѣщены въ сборникѣ Штрекля: Slovenske narodne pesmi.

4) Morphologie des Görzer Mittelkarstdialektes (Sitzungsberichte Вѣнской Академіи, т. 113); ср. отзывы Бодуэна-де-Куртенэ и Облака въ Archiv f. sl. Phil., т. X (с. 603—626).

5) Die Assimilation im Rosenthaler Dialect (Programm des Staats-Gymnasiums zu Klagenfurt, 1882). Его статья въ Kres'ѣ осталась мнѣ недоступной.

ной стороны, *i*, *e* (изъ *ѣ*), съ другой; 2) полугласныя на мѣстѣ *u*. Это видно изъ правописанія памятниковъ XVI столѣтія, которые для первой категоріи полугласныхъ употребляютъ знаки *e* и *i*, а для второй обыкновенно *u* [1]). Если обозначить полугласную современныхъ нижнекраинскихъ говоровъ черезъ ɛ, то произношеніе словъ съ упомянутыми выше краткими гласными можно представить слѣдующимъ образомъ: mɛ̀š (пиш. mìš), bɛ̀k (bìk), mátɛ (máti), topítɛ (topíti), mȃlɛ (mȃli), lɛsíca (lisíca), žɛvína (živína); krɛ̀h (krùh), kɛ̀p (kùp), dȏmɛ (dȏmu), rȃje (rȃju), pȇstɛna (pȇstuna), zamɛdíti (zamudíti); hlɛ̀b (hlèb), blɛ̀sk (blèsk),ríbɛ (ríbi дат. ед.), sɛnȏ (senȏ), dɛlíti (delíti); sɛ̀n (сонъ), tɛnɛ̀k (тонокъ), tɛmà (тьма), vrábɛc (воробей) и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ современномъ языкѣ имѣется рядъ исключеній изъ общаго закона о переходѣ звуковъ *i*, *u*, *e* (изъ *ѣ*) и замѣстителя *ъ*, *ь* въ полугласныя. Нѣкоторыя изъ этихъ исключеній обязаны фонетической причинѣ: такъ, переходу *i*, *u* въ полугласныя препятствуетъ ихъ положеніе въ началѣ слова: iglà iméti, imȇ, in, igra; učȋm, uhȏ; далѣе, по указанію Шкрабца [2]), *i* и *u* сохраняются *иногда* передъ слогомъ съ гласною *a*: pisȃnje, pristȃva, dišȃva, pihȃłnik, zidár, zidaríca, puščȃva, kurjȃva, lučȃnje, sɛzuválɛ. Но кажется, *i* и *u* въ подобныхъ словахъ слѣдуетъ объяснять вліяніемъ глаголовъ písati, díšati, zídati, píhati, púščati, kúriti, lúčati (у Плетершника lúčanje); pristȃva (der Meierhof) едва ли не обязано вліянію prístav (der Meier). Подобнымъ же образомъ въ bẹžím, bẹžȃla, bẹlíca, bẹlílɛ находимъ закрытое *e* подъ вліяніемъ bẹ́žat, bẹ́lɛt, bẹ́la съ за-

---

[1]) Шкрабецъ въ Cvetje IV, 12; Облакъ въ Archiv XV, 160—170.

[2]) Cvetje XII, 10; также въ статьѣ: O glasu in naglasu.

[3]) Шкрабецъ въ Cvetje XII, 10. Metelko пишетъ въ дат. ед. *u*, а не полугласную: ráku имѣетъ *u* подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ на *u* приходится удареніе (bogu, možu). Шкрабецъ: mȏčnɛmɛ, мѣстн. ед. časɛ, slóvstvɛ, pomẹnɛ, дат. našɛmɛ.

крытымъ *e* (или дифтонгомъ e¹i̯) [3]). Совершенно отдѣльно стоятъ тѣ случаи, гдѣ въ неударяемыхъ слогахъ мы находимъ *e* открытое на мѣстѣ ожидаемаго полугласнаго звука или по крайней мѣрѣ *e* закрытаго (изъ *ѣ*): telȏ, testȏ, petélɛn, tesȃn, prepelíca (Шкрабецъ), vreména, breména, kresílo (при krẹ́siti у Плетершн.), medȋ (у Метелки); также въ приставкахъ pre-, pred (presẹ̀k, predáti, predlȍg): такое *e* можетъ имѣть на себѣ и перенесенное удареніе: sléme, vréme, bréme, prépad, prédlog, prévеč, prégraja. На основаніи этихъ и нѣкоторыхъ другихъ имъ подобныхъ случаевъ слѣдуетъ, кажется, заключать, что замѣститель общеславянскаго *ѣ* въ слогѣ передъ удареніемъ переходилъ въ словенскомъ въ *e* открытое тамъ, гдѣ этому не препятствовало вліяніе ударяемаго *ѣ* въ родственныхъ словахъ и образованіяхъ; послѣднее обстоятельство способствовало удержанію закрытаго *e*, которое переходило затѣмъ въ полугласную: ср. при tesȃn tɛsɛ̀n изъ tẹsɛ̀n подъ вліяніемъ tẹ̑snɛ (tẹ̑sni). Въ противоположность звукамъ *i*, *u*, замѣстителямъ *ѣ* и *ъ(ъ)*, звуки *a*, *o*, *e* не переходятъ въ нижнекраинскомъ въ полугласныя. Кажущіяся исключенія принадлежатъ тремъ категоріямъ: 1) *o*, *e* въ слабоударенныхъ (энклитическихъ) словахъ могутъ переходить въ полугласныя: вм. ako находимъ akɛ, prɛtɛ вм. proti, kɛlɛ вм. koli; вм. hočem — hočɛm; namreč вм. namreč (такъ у Плетершн.) и мн. др.; 2) полугласная является на мѣстѣ *u*, замѣнившаго ŏ подъ вліяніемъ ū изъ ō въ родственныхъ образованіяхъ: сюда относится окончаніе ɛ изъ *u* вм. ŏ въ им. вин. ср. рода именъ существительныхъ и прилагательныхъ, а также въ нарѣчіяхъ (ū появилось вм. ō подъ удареніемъ въ словахъ какъ sɛnȏ, drɛvȏ, blagȏ — sɛnȗ, drɛvȗ, blagȗ; отсюда písmu, létu, vínu вм. pismo, leto, vino): nȏvɛ lẹ́tɛ, imẹ́lɛ (прич. ср. р.), vsȃkɛ dẹ́lɛ, jȃkɛ [1]); 3) тамъ, гдѣ *e*

[1]) Оставляю въ сторонѣ вопросъ объ окончаніяхъ -ɛga, -ɛmu, -ɛm въ склоненіи прилагательныхъ, такъ какъ мнѣ неясно происхожденіе этого ɛ. По мнѣнію Облака, svetɛga подъ влія-

стоитъ передъ j или смягченной согласной, а также и тамъ, гдѣ передъ *o* стоитъ группа согласныхъ, оканчивающаяся на *v* — эти *e* и *o* въ краткихъ слогахъ переходятъ въ полугласныя ɛ. Такъ находимъ ɛ въ póstɛlja (при póstelja), známɛnje (при známenje), kámɛnje (при kámenje), prijȃtɛlj (при prijȃtelj); не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переходомъ *e* открытаго въ *e* закрытое, которое и подверглось указанному измѣненію въ полугласную; ср. приводимое Шкрабцемъ произношеніе žéja, réja, méja, glej съ *e* закрытымъ (ej) вм. ожидаемаго ȩe (žȩja и т. д. у Плетершн.) [1]. Объясненіе Облака, видящаго въ указанныхъ образованіяхъ вліяніе аналогіи со стороны суффиксовъ -ɛn (общеслав. -ънъ или -ьнь), -ɛl (общеслав. -ълъ или -ьлjь), представляется мнѣ невѣроятнымъ [2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ не вижу необходимости возводить за Шкрабцемъ [3] prijatɛl къ prijatejl и охотно повторяю возраженіе Облака, указывающаго на то, что prjatu, puȇstle говорится и въ такихъ говорахъ, которые не знаютъ произношенія krajl вмѣсто kralj. Вмѣсто vo находимъ ɛ, напр. въ stɛriti (при storiti вм. stvoriti), tɛja, sɛja (вм. и при tvója, svója) [4]. Вѣроятно, что ɛ непосредственно изъ закрытаго *o*. — И такъ, въ нижнекраинскомъ *a* и *открытыя o*, *e* не переходятъ въ полугласныя; напротивъ, *i*, *u*, замѣститель *ѣ*, а также, какъ мы только что видѣли, *закрытыя o* (изъ *vo*) и *e* (передъ j и смягченной согласной) переходятъ въ полугласныя; иначе — открытыя краткія гласныя остаются въ нижнекраинскомъ безъ измѣненія; напротивъ, закрытыя краткія гласныя переходятъ въ полугласныя; вотъ почему я при-

---

ніемъ svetɛ (т. е. sveti). Шкрабецъ думаетъ, что *-ov-* стянулось въ *ѣ*, откуда правильно ɛ въ неуд. слогѣ.

[1] O glasu in naglasu, 31.

[2] Doneski I, 12—13.

[3] Cvetje X, 2.

[4] Ср. приводимыя Срезневскимъ нижнекраинск.: t'ja, s'ja (Журн. Мин. Нар. Просв. 1841 г., сент., с. 139); m'ja подъ вліяніемъ t'ja, s'ja.

знаю общесловенскаго замѣстителя *ъ* и *ь* закрытымъ звукомъ. Ниже я попытаюсь дать объясненіе этому явленію, а теперь приведу нѣсколько примѣровъ исчезновенія полугласнаго звука, замѣстившаго краткія неударяемыя гласныя. Шкрабецъ указываетъ, напр., на слѣдующіе случаи: vérjem (изъ vẹ́rujem), pȩ̑stna (изъ pȩ̑stuna), nȃdjem (изъ nȃdȩjem), zlȏdja (изъ zlȏdȩja), rȋbča (изъ rȋbiča), dvíca (изъ dȩvíca), srȏv (изъ surȏv), nógrad (изъ vinógrad); въ нижнекраинскихъ пѣсняхъ, напечатанныхъ въ сборникѣ Штрекля, находимъ: sliš' 3 ед. (№ 67), na teb' (ib.), bla (bila, была, № 182), ljub' (имен. ед. вм. ljubi, № 715), k mal' (№ 446), hotli (№ 945), bli (№ 706), v postlji (№ 706), v vaš' vasí (№ 962), zelen' ni b'lo (№ 662) и т. п. Нижнекраинскіе говоры преимущественно передъ другими лежатъ въ основаніи современнаго литературнаго нарѣчія. Поэтому здѣсь умѣстно привести данныя искусственной поэзіи, подтверждающія наблюденіе, по которому синкопа (а слѣдовательно и предшествовавшая ей редукція) касается только гласныхъ *i*, *u*, *e* и *o* закрытыхъ, а также замѣстителей древнихъ *ѣ* и *ъ(ь)*. Остановлюсь на доленцѣ Валентинѣ Водникѣ и на горенцѣ Фр. Прешернѣ. У Водника [1]) находимъ синкопу и элизію указанныхъ гласныхъ во всякомъ положеніи ихъ въ словѣ: 'meli 8, 'zvíra 18, 'mam 29, 'zgin'la 94, b'lé 13, c'lo (цѣло) 56, s'cer 56, st'rít' 103 (*o* закрытое), p'šico 79 (u), p'telinčъka 49 (ѣ), č'belarjem 42 (ь), s'romaku 36, ht'la 27 (ѣ), b'ljava 88 (ѣ), zap'stím 55, hot'li 27, mil'mu 33, pov'dó 37 (ѣ), pokus'la 58, sul'ca 78, jez'káč 80, na post'lji 63, bran'te 2 мн. наст. 82, pič'la 84 (i), pir'h 28, ven'c 16 (ь), zápov'd 93; dom' hití 58, nóv' leto 34, za nov' let' 36, vrh' dobráv 19, z nam' rájat' si 33, dal' so 27, po svoj' blagósti 86, se čud' natóra 86, svet' raj 87, dol' do tál kolén' podrto 87, mal' po malo 88, ljubezen prav' 85 (3 ед.), v sladkem med' 85, prot' men' devica

---

[1]) Ссылаюсь на изданіе словенской матицы 1869 г., подъ редакціей Левстика.

53, vъ hlev' stojí 63 и т. д. Любопытны случаи, гдѣ синкопированы гласныя въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ: nos't' 104, tros't' 90, poskus't' 15, kol'k' 26. Гласныя *a*, *o*, *e* никогда не синкопируются, слѣдовательно и не редуцируются: č'mú 81, t'mú 92 опускаютъ ту гласную, которая опущена и въ star'mu, mil'mu, т. е. или *i* (Облакъ) или закрытое *e*; b'do 54, č'mo 101 — принадлежатъ къ слабоударяемымъ словамъ и въ расчетъ идти не могутъ. Неясно deb'lej' 63, ср. debeł, debẹ́la, но рядомъ dẹ́blast, deblàt; составъ слова dežéla мнѣ неясенъ: здѣсь находимъ d'žele 53, d'ževne 81; непонятно svoj' gorjé 56 (svoje gorje); do lepe mater' Lade 84 (вм. matere), быть можетъ, подъ вліяніемъ основъ на краткое *i*. То же наблюдается въ пѣсняхъ, записанныхъ Водникомъ: znam'nja 125 (e закрытое), zlod' 132 (ѣй), póm'noval 129 (ѣ), m'ja 142 (*o* закрытое подъ вліяніемъ *o* въ tvoja, svoja); въ nar'dít' 112 синкопа вызвана предшествующимъ r; неясно zad'gá 141 (отъ zadegati : verschleudern): быть можетъ, здѣсь было *ь*.— Въ стихотвореніяхъ Прешерна [1]) синкопа при тѣхъ же условіяхъ, какъ у Водника, но случаи ея сравнительно рѣже: t'le 65 (ѣ), vél'ki 79, naš'ga 23, svet'jem 4, clo 9 (ѣ), post'ljica 62, žal'vanju 63 (*o* закрытое), treš̀č'la 27, ozdrav'li 54, zved'la 12 (ѣ), svatóvš̀č'ne 78, cvet'lè 16 (ѣ) и т. д.; въ концѣ слова элизія, по замѣчанію Ѳ. Е. Корша, имѣетъ мѣсто только передъ гласною слѣдующаго слога: čez let' in dan 54, v svet'olje 73, mrlič' in mi 61, tud' òn 173, vod' otrôke ljube 186 и т. д.; но отъ этого имѣются отступленія, изъ которыхъ нѣкоторые случаи принадлежатъ къ опредѣленнымъ категоріямъ, другіе же оказываются единичными отступленіями: къ первымъ относятся неопр. наклоненія, какъ vedet' treba 187, govorit' 12, bit' 12 и т. д., далѣе им. ед. муж. р. прилагательныхъ: mlad' gradník 211, bogat' 102, usmiljen' Bog 58; ко вторымъ случаямъ—mat' 211,

[1]) Ссылаюсь на изданіе 1900 г., редактированное Пинтаремъ.

gôr' na goro 213, sam Bog naprot' 209, štir' 79 и нѣк. др. Звуки *a*, *o*, *e* открытыя не подвергаются ни синкопѣ, ни элизіи: въ č'mú (ср. то же у Водника) опущена та же гласная, что въ прилагательныхъ (zlat'mu, druz'ga и т. д.); hoč'te 91, mor'te 3, hoč'mo 30 представляются словами слабоударенными; отношеніе слова pondeljek 81 къ ponedeljek мнѣ неясно.

б) Что касается измѣненія *o* въ *a* въ слогахъ неударяемыхъ, то оно, по свидѣтельству Шкрабца, замѣчается въ нижнекраинскомъ нарѣчіи лишь въ единичныхъ случаяхъ. Такъ, въ рыбницкомъ говорѣ онъ отмѣчаетъ damȃ, klabúk, matȋka, brátava, въ Люблянѣ damọ́v и даже dám (ср. dam у Прешерна, 58). Но Срезневскій отмѣчалъ въ нижнекраинскомъ нарѣчіи общее произношеніе неударяемаго *o* какъ *a* (gawarítĭ), при чемъ въ *a* переходитъ и конечное *o* изъ *o* носового въ вин. и тв. ж. р. (sým widû lejpa žena z boŭna noga) [1].

Цирклянскій говоръ (въ Горицкой землѣ). а) Всѣ неударяемыя гласныя, по замѣчанію Бодуэна-де-Куртенэ (§ 61), по большей части неполнаго образованія: вслѣдствіе этого онѣ произносятся очень неявственно. Изъ приведенныхъ имъ данныхъ слѣдуетъ, однако, что въ полугласныя или гласныя неполнаго образованія перешли не всѣ краткія (неударяемыя) гласныя, а только тѣ, которыя подверглись подобному же измѣненію въ нижнекраинскомъ, а именно закрытыя гласныя *i*, *u*, замѣститель *ъ*(*ь*) и замѣститель *ѣ*. Правда, изъ § 54 слѣдуетъ, что неударяемое *e* произносится весьма неявственно, почему въ слогахъ неударяемыхъ едва могутъ быть различены *e* и *i*, но изъ § 50 видно, что краткое *e* произносится и какъ гласная полнаго образованія и при томъ открыто (æ): ср. letí, zapælāt, mæsā, rsūjæ; ĕ, обозначающее, повидимому, неявственный звукъ *e*, находимъ лишь въ единичныхъ случаяхъ (mĕsŭ, prĕd woγu, pliewĕ). Кромѣ того,

---

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1841, сент., с. 140.

въ § 49 не находимъ указаній на полугласное произношеніе краткаго ударяемаго *e*, а въ § 83 не приведено ни одного примѣра выпаденія древняго этимологическаго *e* (изъ *e* или *ę*) въ неударяемомъ слогѣ: štīr (весьма обычное во многихъ словенскихъ говорахъ) восходитъ къ общеславянскому čьtyr-; nardìti вм. naredìti находимъ и въ нижнекраинскомъ (въ пѣсняхъ, записанныхъ Водникомъ), при чемъ случаи, гдѣ передъ *e* стоитъ *r*, будутъ разсмотрѣны особо. Равнымъ образомъ, не находимъ мы данныхъ для предположенія, чтобы *o* и *a* произносились въ изслѣдуемомъ говорѣ какъ полугласныя: краткія ударяемыя *o*, *a*, совпавшія въ одномъ звукѣ *a*, произносящемся иногда лабіализованно, какъ *a* склонное къ *o* (ср. §§ 39 и 59), не перешли въ полугласныя; равнымъ образо̀мъ, этого не случилось въ неударяемыхъ слогахъ: въ strīt (вм. stvoriti) выпало, согласно предыдущему, закрытое *o*, а въ tkú при takú (ср. § 85) находимъ выпаденіе *a* въ словѣ слабоударяемомъ (ср. въ старинномъ и современномъ языкѣ toko, koko вм. tako, kako) [1]). Въ § 41 указанъ переходъ конечнаго ȯ въ им. вин. средняго рода и въ нарѣчіяхъ въ u, но при этомъ разъяснено, что замѣна ȯ черезъ u произошла не фонетическимъ путемъ, а подъ вліяніемъ ū на мѣстѣ ударяемаго ō (ср. то же явленіе въ нижнекраинскомъ). Что до измѣненія alu, ala, ilu, ila и др. въ ā, ī въ ж. и ср. р. прилагательныхъ и причастій, то, кажется, здѣсь слѣдуетъ допустить нефонетическую замѣну *l* черезъ u̯ подъ вліяніемъ формъ мужскаго рода и затѣмъ выпаденіе u̯, повлекшее за собою стяженіе гласныхъ: подъ вліяніемъ mau̯ являлось mau̯u, откуда mau — má (мало); подъ вліяніемъ žiwiu̯ — žiwiu̯a, откуда žiwia — žiwī (ср. §§ 79 и 86). — Такимъ образомъ, мы не находимъ указаній на полугласное произношеніе *e* и *a* (изъ *a* и *o*) въ цирклянскомъ говорѣ. Напротивъ, полугласное произношеніе *i*, *u* и т. д. доказывается, какъ измѣненіемъ этихъ звуковъ въ краткихъ ударяемыхъ сло-

---

1) **Бохинско-посавск. kokó, tokó.**

гахъ, такъ и выпаденіемъ ихъ въ слогахъ неударяемыхъ. Согласно § 49, краткое *i*, а также замѣститель *ѣ* переходятъ подъ удареніемъ въ *e*, т. е. въ гласную полнаго образованія; думаю, что *e* восходитъ непосредственно къ полугласной ɛ: ср. rèt, nèč, jèh (при jĭh), jem (при jьm), hudèč, mèš. Изъ § 39 слѣдуетъ, что краткое ударяемое *u*, а также замѣститель *ǐ(ъ)* подъ удареніемъ перешли въ цирклянскомъ говорѣ въ *o;* это *o* восходитъ, думаю, непосредственно къ полугласной *α*: ср. tò (вм. tu), ukòp (вм. ukŭp); dòš. pòs, wòs, tòma (тьма). И такъ, полугласныя ɛ, *α* подъ удареніемъ перешли въ этомъ говорѣ въ гласныя полнаго образованія *e*, *o*. Въ неударяемыхъ слогахъ находимъ полугласныя, которыя могутъ и выпасть: vídɛu (§ 50), jĭmīl, jmīl, jьh, jьm (энклитики); bla, ble, žwīl при žiwī, nótr u jām, u hīš, prèd usém tém hūdьm zwerínam, jesk (jezik), slúžt (služiti), dāl (dali), mlīnšč kamьn, pstíjæ (3 мн. § 85), snā (senā), tlī (hoteli) и т. д.; ср. еще въ цирклянской пѣснѣ, записанной Седеемъ: snuč, na bel' blazin (сборникъ Штрекля № 136). Въ тѣхъ словахъ, гдѣ вмѣсто ожидаемаго ɛ находимъ *i*, *u*, *e* (какъ замѣстителя *ѣ*), слѣдуетъ допускать вліяніе аналогіи со стороны формъ съ ударяемыми *i*, *u*, *ie:* такъ hudíč подъ вліяніемъ hūd; дат. ед. pa switu, swetmu Petru; им. вин. ср. р. ánu pīsma, druγu lita, нарѣчія málu, samu (ср. slatkū, lьpū, dabrū).

б) Краткое *o* перешло въ цирклянскомъ говорѣ всюду въ краткое *a;* ср. подъ удареніемъ zlà (вм. zlo), dast (вм. dost), prač (вм. proč), watràc (otroci), wan (on); безъ ударенія: člavíka, klabūk, stajīš, haγū, padkújc, pabīla, patrība, kažūh; mažā (мужъ), patí, račíc (рукѣ), ustapīl; jízera, líta, žalastьn, lítas; вин. žéna, wówna, тв. z lapata, pred naša hiša, 3 мн. bóda и т. д. Древность этого перехода *o* въ *a* доказывается тѣмъ, что *o*, получившее на себя новое (восходящее) удареніе съ слѣдующаго слога, звучитъ здѣсь какъ долгое *a:* na kancu, h wāzu, warh (орѣхъ), wáda, naγa, stvárt (stvoriti), kása, γára, stála, ráka (рука), sè kápat.

Верхнекраинскій бохинско-посавскій говоръ слышится, по замѣчанію Бодуэна-де-Куртенэ, на всемъ протяженіи Бохинской Савы отъ ея истоковъ до сліянія съ Долинской Савой. а) Переходу въ полугласныя подверглись здѣсь не только закрытые звуки *i*, *u*, замѣстители *ъ*(*ъ*) и *ѣ*, но также открытыя *e* и *o*. Гласная ǎ оказывается единственною устойчивою гласною; свою устойчивость она передала и ä, въ которую она переходитъ въ положеніи за *j*, а въ закрытыхъ слогахъ и передъ *j* (jälíca, jäsén, näjlúb, učeräj). Что касается измѣненія краткаго *a* въ ä послѣ *r*, то о немъ мы скажемъ ниже въ связи съ однородными явленіями въ другихъ словенскихъ говорахъ. Останавливаясь на прочихъ гласныхъ, видимъ, что закрытыя гласныя отличаются все таки еще меньшею устойчивостью, чѣмъ *o* и *e*. Это видно, какъ изъ того, что выпаденію подвергаются преимущественно полугласныя, замѣстившія закрытыя гласныя, такъ и изъ того, что полногласныя *o* и *e* все таки наблюдаются довольно часто въ неударяемыхъ слогахъ бохинско-посавскаго говора, и притомъ, если не ошибаюсь, довольно послѣдовательно въ положеніи за удареніемъ; наконецъ, устойчивость ŏ и ĕ сказалась и въ томъ, что языку они не чужды въ слогахъ ударяемыхъ, при чемъ они замѣняютъ здѣсь и краткія *u*, *i*. Разсмотримъ поэтому отдѣльно краткія закрытыя гласныя отъ краткихъ *o* и *e*. На мѣстѣ закрытыхъ гласныхъ находимъ полугласныя *ɑ* (у Бодуэна *ъ*, „средній качественно между *u* и *o*“) или ɛ (у Бодуэна *ь*, „средній качественно между *i* и *e*“); *ɑ* замѣщаетъ *u* (и *ъ*), ɛ остальныя закрытыя гласныя, рѣже *u* (jɛnáka, stɛdénc). Такъ, подъ удареніемъ: krɑ̀h, ukɑ̀p, jɑϑ (жидъ); dɛm (дымъ), tɛ̀č, nɛ̀t, konɛ̀č (лошадка); dɛ̀š (дождь, при dɑ̌š), pɛ̀s (при pɑs), swɛ̀t (свѣтъ), žlɛ̀φ (водоточная труба), na tlɛ̀h (на полу). Передъ удареніемъ: hɑdó, kɑpjítë (купить), lɑdjé, sɑhó, dɑžjá; šɛróko, tɛší (тихіе), dɛwíca, lɛpó (красивое), z lɛsá, tɛló. Послѣ ударенія: za najъ (для насъ двоихъ); wjćlɛk, jä̋zɛk, wjídɛm, sónčnɛ práh. Выпаденіе полугласной: kná (куна), sténc (studenɛc), spstí

(спустить), po mrás (по морозу); na pôt (на пути), s'nočɛ, m'rít (мирить), čwouk (человѣкъ), médus (медвѣдь), snó (сѣно), zdí (сидѣть), žbé (жеребенокъ) и т. д. Замѣну ожидаемыхъ полугласныхъ *α*, ɛ подъ удареніемъ черезъ *o*, *e* видимъ, напр., въ ukòp (вм. ukǔp), pɛr dαžjò (pri dαžjù), h kъrstò (къ крещенію), mojɛmò (моему), h annò (къ одному); pès (пёсъ); lèft (при lαft, род. lúfta, воздухъ), wès (весь), na kъrwè, wαdè дат. ед., po stɛzè (ср. § 70), pъršlè (пришли), pojdè (пойди). Въ склоненіи *o* замѣняетъ и неударяемое *u:* na grúnto (мѣстн. ед.), gospódo (господину), na sweto (на свѣтѣ); а *e* замѣняетъ *i:* táče (такіе), ср. также wjidle (видѣли); sóseϑ вм. ожидаемаго sósɛϑ. Гласныя *e* и *o* въ ударяемыхъ слогахъ, кажется, вообще не переходятъ въ полугласныя: bαl при bòl, bèl (болѣе), dowàl при dowèl (довольно), od dàl (отдавна) принадлежатъ къ слабоударенньмъ словамъ. Ср. wèč (болѣе), räp (хвостъ), wodè (воды) и т. д. Переходъ въ полугласныя имѣетъ мѣсто преимущественно передъ удареніемъ: kαzè (козы), prαsò (просо), dαmû (домой), gαsjí (гуси), wαdá, kαpíta, kαlésa, rαčé (руки); pɛrò, pɛtè (пяты), mɛhkó (мягко), dwje pɛtíc (два пятачка), z mɛtwó (метлою), lɛtí (летитъ), lɛží, grɛdó (идутъ) и др. Рядомъ wodè, kozè, mostá, možá, metwám, kostí, kosíwo, wečír, prädíwo и т. д. Послѣ ударенія *α*, ɛ вм. *o*, *e*, кажется, преимущественно въ закрытыхъ слогахъ: žéwαϑ (при žíwos : желудь), s'nožɛt (при s'nožet), jǎčmɛn, pámɛtna; въ žít, lét (им. ед.) исчезло не ŏ открытое, а ó закрытое или даже *u* (см. выше). Полное исчезновеніе *o* и *e* передъ ударяемымъ слогомъ рѣдко: pte вм. bodete въ слабоударенномъ словѣ; въ bdãm при pαdãm (пойду) выпало, какъ кажется, закрытое *o* (ср. чередованіе дифтонговъ *oj* и *ou*, откуда *o* долгое закрытое, въ случаяхъ какъ doga и dojga); въ tčã, mzä имѣемъ дѣло съ выпаденіемъ несомнѣнно за-

[1]) Такое *o*, какъ видно изъ § 69, произносится иногда очень закрыто; такъ же произносится ударяемое *e* вм. *i* въ случаяхъ какъ bɛle (были), šle (шли) (ср. § 70).

крытаго *o* (ср. *o* долгое закрытое въ wōk, čōn, и краткое закрытое *o* въ točām § 71). Слѣдовательно, случаевъ *исчезновенія* открытыхъ *o* и *e* не имѣется: nardít (нарядить), mortä (можете) стоятъ особо; здѣсь выпаденіе *e* вызвано вліяніемъ *r* (см. ниже).

б) Перехода *o* въ *a* въ бохинско-посавскомъ говорѣ не замѣчается [1]). Но *o*, получившее удареніе съ слѣдующаго слога, произносится очень открыто: góra, wókno, mókro.

Въ *верхнекраинскомъ Преддворскомъ говорѣ* (на сѣверовостокѣ отъ города Крайны) замѣчаемъ еще большую устойчивость открытыхъ гласныхъ. а) Закрытыя гласныя подверглись переходу въ полугласныя и дальнѣйшему исчезновенію: *i:* jъspovêdova (Штрекель № 649), črnъ grof (358), môlъle (358), trekъč (т. е. tretjič, 239), ъnkolъ (nikóli 632), starъ (им. ед., 521); pršwa (358), pr grobъ (358), srota (470), at (т. е. aliti 530), druš'na (družina 470), postavlъ (postavili 409), b'o (358); краткое *i* подъ удареніемъ: nъč ní (286), konjъč (632), šlъ (84). Гласная *u:* zapъstí (521), pъsté (358), gospódъ (дат. ед. 286), zasъžilъ (заслужили 409), ъljdjé (ljudjé, 239), vôčъ (дат. ед. 521), zgъbí (714), vob letъ (286), po trgъ (84); h pogréf' и h pogrêf' (дат. ед. 358, 409), na kríž' (668), Ježša (668), na prál' (521), rmêno (632), rdèč (1147); краткое *u* подъ удареніемъ: vkъp (358). Замѣститель *ѣ:* ъlpé gostí (521), prelъpó (668), dъkličov (470), dъklè (714), h spovъdъ (къ исповѣди, 829), svъtwó (829), sъdí (1004), vidъwa (521), svъtlъ (84); tva (хотѣла, 470), na sr (na sredi, 530), zdi (632). Замѣститель *ъ(ь):* tъmъn (632), z mъnô (409), pesъk (84). Закрытое e[1]: póstъljcъ (мѣст. ед., 239), kamъnjam (632), pušъljc (778), v póst'ljъ (1092), kamnja (632), rsnico (714). Закрытое o[1]: miwъ (milo, нарѣчіе, 358), na dnъ (239), hitrъ (нарѣчіе, 521), maternъ srce (358), hitr (239), lét' (820). Откры-

---

[2]) Préstar—prestóra § 40, вѣроятно, опечатка вм. préstor.

тыя *o*, *e*, равно какъ и *a*, переходу въ полугласныя не подверглись: дѣйствительно, *ъ* вм. *o* находимъ только въ слѣд. слабоуд. словахъ: nejbъlj (668), dъlj (714), kamъr и kamr (470, 239 вм. kamor), даже vdo (вм. bodo, будутъ, 632), kávš (kaj boš, 470), mevš (me boš, 530), mev (me bo, 649). Совершенно единично: u zboto (вм. soboto, 286) [1]. Вм. *e* находимъ полугласную въ корнѣ svet-, вѣроятно, по смѣшенію его съ svět-: svъtô tevô (649), svъtóst (829). Вм. *a* полугласная въ имени Mъrjêta (498). Отдѣльно стоятъ случаи, гдѣ вм. *ra r* черезъ посредство слогового *r:* rzbójъnk (521); rzjôkov (409). Замѣчательно, что краткое *u*, сохранившееся подъ вліяніемъ той или другой аналогіи отъ перехода въ полугласную, измѣняется въ *o:* mo (дат. ед., 286, 649, 83), sojmo (286), na nj'mò (239), na t'mo svêtъ (470), po celmo Dúnejo (84), bélъmo (83); hodiče (вм. hudiče 470). Ср. *o* вм. *ъ* также въ dons (вм. dъnъs, 239, 668).

б) Неударяемое *o* переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ *a:* govarí (358, 470, 530), govarù (649, 668, 714), odgovarí (358), ogovarí (521), odgóvara (род. ед., 829); damú (286, 239, 521) и рядомъ dám (521, 358). Обратный переходъ вызванъ или вліяніемъ слѣдующихъ *v*, *w* (klicov, pomázowa, rovna, ср. žov, zrov) или слабымъ удареніемъ слова (kokr, toko, tokô, tok, kokó).

Среднекраинскій Среднекарстскій говоръ пошелъ въ измѣненіи краткихъ гласныхъ дальше всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше говоровъ. а) Штрекель различаетъ два оттѣнка въ полугласныхъ: или онѣ звучатъ какъ редуцированное *a*, какъ средній звукъ между *a* и *ъ* (Штрекель изображаетъ его греческою буквой *α*), или какъ редуцированное *e* (Штрекель пишетъ ε). Оба оттѣнка вызываются вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, а именно, ε употребляется тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ палатальная глас-

[1]) Едва ли это не восходитъ къ „subota", т. е. хорватскому произношенію. Непонятно „sabota" у Прешерна.

ная, а также въ положеніи передъ *j* (и смягченной согласной) или послѣ него; *α* — передъ слогомъ съ непалатальною гласной. Кромѣ того, въ словахъ односложныхъ ɛ замѣняетъ краткія *i* и *ѣ*, а *α* краткое *a*; вмѣсто краткихъ *e* и *u* находимъ и *α* и ɛ въ словахъ односложныхъ въ зависимости отъ условій, для меня неясныхъ. Въ среднекарстскомъ говорѣ переходу въ полугласныя подверглись не только краткія закрытыя гласныя, но также гласныя *a*, *e*, рѣже *o*. Разсмотримъ сначала полугласныя на мѣстѣ краткихъ закрытыхъ гласныхъ. Гласная *i:* lɛsíca, pɛjawka, svɛńár, sαróta, zαdár, vαsók, šαrók; подъ удареніемъ: dɛ̀m, klɛ̀n, jɛ̀skat. Гласная *u:* lɛpína, dαhówńik, sαknár, dαhŭóve; подъ удареніемъ: krὰh, šɛ̀m, kɛ̀p. Замѣститель *ѣ:* worɛh, médvɛt, lɛwíca, snɛžníca, sɛnŷ (дат. ед.: sęnû), sαnû (sęnô), tαstû, lαpóta; подъ удареніемъ: hlɛ̀p, svὰtu, svὰtlo. Замѣститель ъ(*ь*): hrámъc, końъk, pὰsъk (собачка); подъ удареніемъ: tὰmn, kὰsn, pαs. — Гласная *a:* prɛvíca, sɛmíca, zɛmýda, zlɛtɛníca, sɛdý (род. ед.), stɛrína, zɛdiéva и т. д.; srαmóta, sαmóta, rαstáva, rαzváda, poγlαvár, nαpájat, plαńáva (передъ смягченной согласной!); подъ удареніемъ: brὰt, klὰt, bὰt, čὰs, mὰk, hlὰdn, γlὰsn (а передъ j: krɛ̀j). Замѣчательно, что послѣ ударенія *a* остается безъ измѣненія, но, кажется, только въ концѣ слова, а также тамъ, гдѣ за нимъ не слѣдуетъ и гдѣ ему не предшествуетъ *j* или смягченная согласная: žílast, bránami, bŭóbnar, pušpan, kýhar (но kýhɛrja, pušpɛń, kαkúšńɛk, dómɛć, bršl'ɛn, mázɛńɛ, pɛ̀jɛn, priéγlɛj). Гласная *e:* vɛríγa, nɛdiél'a, prɛdívo, nɛstýda, tɛlɛtína, lɛdɛníca; nαbú, srαbrú, tαplúta, plαsáwka, dαsαták, svαtúst, mαsú, wnαbohót; послѣ ударенія обыкновенно ɛ: máćɛha, bíjɛtɛ, grébɛmo, но viévαrca; въ конечномъ слогѣ ɛ, но также ъ (въ род. ед., им., вин. мн. ж. р.); подъ удареніемъ: čɛ̀p, но zὰt, plὰsc (der Tänzer), mὰsn. — Устойчивѣе не только звука *e*, но даже и *a*, оказывается ŏ: оно сохраняется подъ удареніемъ, напр.: wòw, stòw, γòjst (р. γójzda: лѣсъ), smò. Равнымъ образомъ оно не измѣняется въ положеніи за удареніемъ: jáγoda, lákota,

bíjəmo. Наконецъ, оно сохраняется передъ гласной *a* и передъ палатальными гласными: γospodár, kosmáto, pomíjъ, kolíéno, γonéńe, wodíca, koríto, postíél'a, koščíén, pomočńík, γodý (род. ед.: ў вм. ū). Только передъ ударяемыми *o* и *u* (изъ ǫ и ō) краткое *o* нерѣдко переходитъ въ *a*: parúka (и poruka), kalawus, prasú, tapóla, labóda, prabóden, kakúš, slawúć (но mokrúta, potkóva, posúda, podlúγa и др. сложныя съ предлогами pod и po).

б) Случаевъ перехода краткаго *o* въ *a* въ среднекарстскомъ говорѣ не замѣчается.

Хорутанскій Рожанскій говоръ (Rosenthaler Mundart) представляетъ рядъ чертъ совершенно оригинальныхъ и неизвѣстныхъ въ разсмотрѣнныхъ выше областяхъ словенскаго нарѣчія. Повидимому, этотъ говоръ пережилъ тѣ же самыя звуковыя явленія, которыя мы только что отмѣтили въ среднекарстскомъ говорѣ, но вступилъ въ новый періодъ развитія, вслѣдствіе замѣны полугласныхъ звуковъ гласными полнаго образованія. А именно, онъ измѣнилъ всѣ закрытыя гласныя а также *e* въ полугласные звуки: ср. для гласныхъ *i*, *u*: jazъ̀k, s patmъ̀ (съ пятью), na zalíenam kvobuk', na lödъ̀, na bröhъ̀; nöslъ̀ (несли), nöstъ̀ (нести); для замѣстителя *o* закрытаго (=u): p'šanъ̀, ršatъ̀, sadvъ̀ (сѣдло); для замѣстителя *ѣ*: vad'và (вѣдала); для *e* открытаго: ndöla (недѣля), rást'm, žalъ̀n (=željen). Но полугласная, замѣстившая *e* открытое и закрытое (*ѣ*), перешла затѣмъ въ гласную *a*, рѣже ö; ö является фонетически, повидимому, передъ ударяемыми ū и ī слѣдующаго слога: nöbú (изъ nabú), slöpú, töstú, sönú; bösíeda, pšöníca, žölözníua, röčí, ložím, södím; также въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ ударяемымъ ъ, замѣнившимъ *u*, *i*: дат. lödъ̀, snöhъ̀, svötъ̀, na bröhъ̀; неопр. nöstъ̀, прич. nöslъ̀, röklъ̀. Во всякомъ другомъ положеніи полугласная (изъ *e*, *ѣ*) переходитъ въ *a*: talösa, nabösе, ladá, snahá, žalézo, ladén, davét, izare (jezero), zalíenaha, krádam, mážam, màd ldí (между людьми), pràd šišo (pred hišo), navúeln (неволенъ), snažén, nasvà (несла), lpahà, našahà, tahà (tega), prapúevad. Ср. въ пѣс-

нихъ, записанныхъ на Rožju, въ сборникѣ Штрекля: pojdam 82, pohublana 82, zalěnah 192, pertakla 192, perstan 193, prad njo 193, očam, moraš 193, pojaš, pojam 297, tielasu 305, matarna 699, vzemaš 641; въ сборникѣ Шейнига: daklé, tačé 158, prstan 250, pratače 347, prapelica 347, zamlo, zamla 308, taba (дат. ед.) 233, drujaha 252 и т. д. Что дѣйствительно это *a* замѣнило полугласную, я заключаю, во-первыхъ, изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ ударяемое краткое *e(ѣ)* переходитъ въ *a:* hlàb (род. hlöba), hràn, otàp, na ohlàd, madvàd, cànt (вм. cènt), nasàm, baràš; во-вторыхъ, изъ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, гдѣ *a* является и на мѣстѣ *i* (очевидно, черезъ посредство полугласной): jézam (вм. jezim), также въ окончаніи род. и мѣстн. множ. прилагательн. и мѣстоим.: našah šiš, po völčah míestah, ср. въ сборникѣ Штрекля: žegnanah zvonov, drobnah tic, čistah devic 297; тамъ же: k mena вм. k meni (k menъ) 192; въ сборн. Шейнига: tačah ludi 299. Отмѣчу здѣсь еще одну любопытную особенность Рожанскаго говора: если за ударяемымъ слогомъ появляется слогъ съ полугласнымъ, то удареніе переходитъ на слѣдующій за этимъ полугласнымъ слогъ (конечный въ словѣ): poklékniti переходитъ въ poklaknъtѐ, počéditi—počadъtѐ; если поэтому мы найдемъ matarѐ р. ед., detalà (dételja), našahà (našega), trdahà, то заключаемъ отсюда, что *a* въ предпослѣднемъ слогѣ этихъ и подобныхъ имъ словъ замѣнило полугласную.

б) Что касается перехода *o* въ *a*, то онъ вообще въ Рожанскомъ говорѣ не извѣстенъ. Но, повидимому, *o* передъ *v* принимало окраску закрытаго звука (ср. rovnát' вм. ravnati, mrovlà вм. mrávlja): закрытое же *o*, какъ и всякій другой закрытый краткій звукъ, переходило въ полугласную; но мы теперь уже не найдемъ этой полугласной, такъ какъ она, такъ же какъ полугласная изъ *e(ѣ)*, замѣнена гласной *a:* поэтому brátrova перешло въ brátrъva, откуда bratrъvà и далѣе bratravà, ср. šiťtarjavà, mojstravà; также pavavà изъ pávola. Особый случай представляютъ сочетанія *ro* и *or:* вмѣсто нихъ могли

являться ɣъ и ъɣ, откуда въ современномъ языкѣ *ra* и *ar*: poraka̍ вм. póroka, úrak вм. úrok, rázbar, но род. rázbora, даже prastàr, но род. prastóra (pra изъ pre), ср. krtko вм. kratko въ сборникѣ Штрекля 404, II. Въ единичныхъ случаяхъ, какъ damú, mabóč, bavób, можно предполагать окраску *o* въ направленіи къ *u*, откуда полугласная и далѣе *a*: ср. *damú* и др. под. въ среднекарстскомъ говорѣ. Въ dro вм. dobro синкопа объясняется, можетъ быть, слабоударяемостью этого нарѣчія.

Хорутанскій Зильскій говоръ, о которомъ мы упоминали въ самомъ началѣ этой статьи по поводу замѣчанія Ст. Враза, повидимому, восходитъ къ одному общему нарѣчію съ говоромъ Рожанскимъ. Но полугласная, замѣнившая *e* (и *ѣ*), перешла здѣсь не въ *a*, а въ *e*. Впрочемъ, свѣдѣнія мои объ этомъ говорѣ весьма скудны. Въ *e* перешла въ нѣкоторыхъ случаяхъ и та полугласная, которая соотвѣтствуетъ древнимъ *ĭ* и *ŭ*: ср. v roce, na mize, ke Drawe; na swie*tв*, na ok*ne* (Jarnik); le*dí* (вм. ljudí) въ сборникѣ Штрекля 236. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, діалектически, вмѣсто ожидаемаго *e* является, какъ въ Рожанскомъ говорѣ, *a*: sadí (вм. sedi) 236, postalci 236, vedała 278, novamu 143; въ сборникѣ Шейнига: navesto, sadi, pojdate 316, zelanej 332 и т. д. Доказательствомъ того, что *e* въ болѣе древній періодъ жизни Зильскаго нарѣчія перешло въ полугласную, можетъ служить, между прочимъ, слово vliko вм. veliko 143. Одинъ изъ Зильскихъ говоровъ — Бистрицкій, раздѣляющій особенности сосѣднихъ говоровъ (ср. k tisteme bírte 176, pojdava 235, dievat девять 176, pridan 144), ассимилировалъ звуку *a* всякое краткое *o*: pajé 144, magóč 144, padała 144, kazarič 176, kazice 176, pagublena 176, žena sva 235, gavari 235, vbijaja 3 мн. 235 и т. д. (сборникъ Штрекля).

Нашъ очеркъ не изобилуетъ данными: разнообразіе словенскихъ говоровъ отразилось въ немъ лишь въ слабой степени. Но тѣмъ не менѣе, благодаря однородности изучаемыхъ явленій, считаемъ возможнымъ перейти теперь же къ нѣкоторымъ обобщеніямъ. Начало качественному измѣненію гласныхъ въ словенскомъ языкѣ было дано тѣми новыми условіями, которыя повліяли на измѣненіе въ немъ первоначальнаго характера ударенія. Изъ статьи Штрекля, появившейся въ Люблянскомъ Звонѣ за 1885 годъ и перепечатанной Валявцемъ въ 77-й книгѣ Rada, съ очевидностью вытекаетъ экспираторный характеръ словенскаго ударенія. Возраженія, сдѣланныя Валявцемъ, не имѣютъ существеннаго значенія, такъ какъ касаются только вопроса о различеніи нисходящаго и восходящаго ударенія на долгихъ слогахъ, т. е. различенія, почему то отрицаемаго Штреклемъ. Быть можетъ, нѣкоторые словенскіе говоры и не различаютъ восходящаго ударенія отъ нисходящаго, быть можетъ, и вѣрны наблюденія Крека, сдѣланныя имъ надъ учащеюся молодежью, стекающеюся въ Градецъ, и давшія отрицательныя въ этомъ отношеніи результаты (Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологіи, с. 89), — но тѣмъ не менѣе вѣрными остаются положенія Шкрабца и Валявца, имѣвшихъ и нѣкоторыхъ предшественниковъ. Положенія эти нисколько не противорѣчатъ мнѣнію объ экспираторномъ характерѣ словенскихъ ударенiй, такъ какъ и въ удареніяхъ, произносящихся съ усиленіемъ, а не повышеніемъ голоса, различаются не только различныя степени усиленія, но и различные виды его (ср. у Сиверса: der stark geschnittene Accent und der schwach geschnittene Accent, а также указаніе на aufsteigende и absteigende Exspiration: Grundzüge der Phonetik[4], §§ 541 и слѣд.). Штрекель упустилъ это обстоятельство изъ виду: вслѣдствіе этого его возраженія противъ системы Шкрабца и Валявца носятъ отчасти совершенно теоретическій (и при томъ основанный на неправильно понятой теоріи) характеръ. Экспираторныя ударенія современнаго словенскаго языка

смѣнили экспираторно-музыкальныя ударенія болѣе древней эпохи: сербскій языкъ съ очевидностью показываетъ, что въ общеславянскомъ языкѣ удареніе имѣло смѣшанный характеръ, т. е. что рядомъ съ экспираторными удареніями въ немъ были извѣстны и музыкальныя. Ударенія общеславянскаго языка въ извѣстный моментъ жизни словенскаго языка, точно еще не опредѣленный, подверглись слѣдующимъ измѣненіямъ: экспираторно-музыкальныя ударенія повысились и утратили всякую экспираторность, вслѣдствіе чего слѣдующій за ударяемымъ слогъ получалъ экспираторное усиленіе (bȍga переходило въ bogâ, jȅzero въ jezêro, dûha въ duhâ); экспираторныя ударенія усилились въ положеніи передъ однимъ или нѣсколькими неударяемыми слогами, а также послѣ повысившагося музыкальнаго слога (см. выше), вслѣдствіе чего гласная удлинялась, и на ней, въ зависимости отъ весьма опредѣленныхъ условій, появлялось восходящее или нисходящее экспираторное удареніе (kòža перешло въ kóža, но kòžō твор. ед. въ kôžo; ólovo; lopáta изъ lopàta, ср. сербск. лòпата; bogâ вм. bȍga). Усиленіе экспираторнаго ударенія имѣло слѣдствіемъ ослабленіе всѣхъ прочихъ слоговъ слова: всѣ они утратили всякую высоту, а долгіе слоги, кромѣ того, должны были сократиться (kôžo вм. kôžō, duhâ вм. dūhâ). Долгота неударяемой гласной и вообще высота ея сохранились только тамъ, гдѣ древнее удареніе осталось безъ измѣненія, а это, согласно предыдущему, могло имѣть мѣсто только въ конечномъ слогѣ слова; впослѣдствіи и въ этомъ случаѣ нарушены первоначальныя отношенія: удареніе переходило на предшествующій конечному слогу слова долгій слогъ, а діалектически и на краткій, подвергшійся удлиненію (hvála, víno; vóda). Такимъ образомъ, и при томъ еще до перехода vīnò въ víno, въ языкѣ сложилось противоположеніе долгихъ гласныхъ краткимъ: краткія гласныя произносились при однихъ условіяхъ, долгія при другихъ; краткія гласныя были извѣстны въ неударяемыхъ слогахъ, а подъ удареніемъ только въ конечныхъ слогахъ, долгія гласныя

имѣли на себѣ всегда удареніе, исключая положенія въ преднослѣднемъ слогѣ слова. Это противоположеніе въ значительной степени усилилось тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство долгихъ гласныхъ произносилось узко, было закрыто: ср. ī, ū, ē¹ изъ ѣ, ē¹ изъ ĕ подъ усилившимся удареніемъ, o¹ изъ ŏ при тѣхъ же условіяхъ; открытымъ оставалось только ā; между тѣмъ въ краткихъ гласныхъ перевѣсъ принадлежалъ открытымъ, широкимъ гласнымъ: ср. открытое произношеніе ĕ и ŏ, противоположенное произношенію ē и ō. Противоположеніе краткихъ слоговъ долгимъ имѣло неминуемымъ слѣдствіемъ нѣкоторыя качественныя измѣненія въ краткихъ слогахъ: подобно тому, какъ краткимъ открытымъ *e*, *o* соотвѣтствовали долгія закрытыя *e*, *o*, на мѣстѣ краткихъ закрытыхъ гласныхъ, въ соотвѣтствіи долгимъ закрытымъ же гласнымъ, стали являться краткія гласныя открытыя. Такъ, повидимому, общесловенскимъ явленіемъ можно признать переходъ краткаго (неударяемаго) *e* закрытаго — замѣстителя *ѣ* — въ *e* открытое: ср. приведенныя изъ нижнекраинскаго нарѣчія pre-, pred-, telô, testô. Но чередованіе *e* закрытаго и *e* открытаго въ предѣлахъ одного и того же слова не могло стать въ языкѣ обычнымъ явленіемъ: *e* закрытое поддерживалось въ краткихъ слогахъ вліяніемъ закрытаго *e* въ долгихъ; se¹nô вм. senô подъ вліяніемъ na sē¹no. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что *e* являлось въ чередованіи съ другимъ оттѣнкомъ закрытаго *e*, т. е. тѣмъ оттѣнкомъ, который распался на дифтонгическое сочетаніе *ie*: совр. mesô, но na mi̯êso, nebô, но do ni̯êba. Въ извѣстную эпоху жизни словенскаго языка стремленіе замѣнять закрытыя краткія гласныя открытыми охватило цѣлый рядъ говоровъ: ä¹ (замѣститель *ъ* и *ь*), e¹ (замѣститель *ѣ*, а также при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, при вліяніи слѣдующей смягченной согласной, — и *e*), o¹ (замѣнявшее o² въ нѣкоторыхъ грамматическихъ категоріяхъ подъ вліяніемъ o), *i* и *u*, независимо отъ положенія въ неударяемомъ или ударяемомъ слогѣ, стали переходить въ болѣе открытые оттѣнки. Но

при этомъ не могло имѣть мѣста измѣненіе ихъ въ открытыя ä, *e*, *o*, *i*, *u*: потеря закрытыми гласными специфическаго ихъ произношенія (узости, закрытости) повлекла за собой ихъ редукцію (этотъ терминъ я употребляю въ томъ значеніи, которое даетъ ему Сиверсъ въ § 463). Стремясь замѣнить закрытыя гласныя открытыми, языкъ получалъ на мѣстѣ ихъ редуцированныя гласныя и не могъ такимъ образомъ достичь того результата, который собственно имѣлся въ виду. И такъ, первымъ и при томъ наиболѣе важнымъ моментомъ въ исторіи краткихъ гласныхъ словенскаго языка является переходъ *закрытыхъ* краткихъ гласныхъ въ редуцированныя или, какъ мы ихъ называли выше, въ полугласныя: dno^1, póste^{1}lja, lẹto^1, dim, hle^{1}b, kup, brátu, orè^{1}h, kožùh, vodámi и т. д. переходили въ dnъ̀, póstъlja, lẹtъ, dъm, hlъb, kъp, brátъ, orъ̀h, kožъ̀h, vodámъ.

Вторымъ, далеко не столь общимъ явленіемъ оказывается вліяніе редуцированныхъ гласныхъ указаннаго происхожденія на редукцію краткихъ гласныхъ *a*, *e*, *o*. Мы видѣли, что закрытыя гласныя, ассимилируясь открытымъ *a*, *e*, *o*, переходили въ полугласныя; эти полугласныя въ свою очередь стремились ассимилировать себѣ открытыя *a*, *e*, *o*. Здѣсь надо различать: а) явленія, хотя и спорадическія, но свойственныя всѣмъ говорамъ, получившимъ при указанныхъ выше условіяхъ полугласныя; б) явленія болѣе сплошного характера, но діалектическія. Къ явленіямъ перваго рода относится редукція *o*, *e*, *a* послѣ *r*, *l*, *n*, т. е. тѣхъ согласныхъ, которыя имѣютъ свойство сонантовъ: слоги ṛъ, ḷъ, ṇъ изъ *ri*, *li*, *ni*, *ru*, *lu*, *nu* [1]) и т. д. ассимилировали себѣ *ra*, *la*, *na*, *ro*, *lo*, *no* и т. д. и тамъ, гдѣ *tъ*, *dъ*, *vъ* и т. п. не вліяли на *ta*, *da*, *ve* и т. д.: очевидно, къ ассимилирующему вліянію редуцированной гласной присоединялось вліяніе вокализировавшихся *r*, *l*, *n*. Такъ, въ старинномъ языкѣ вм. raz- находимъ обыкно-

---

[1]) По фонетическому закону, обозначавшемуся индійскими грамматиками терминомъ samprasāraṇa.

венно rez- (очевидно вмѣсто ŗъz, при чемъ ŗъ перешло въ *re* подъ вліяніемъ чередованія *re* и ŗъ въ другихъ случаяхъ): rezmyriti, reznašal, resumen; kragъlj, praščъč перешли въ kŗъgъlj, pŗъščъč, откуда kregъlj, preščъč,, ср. въ нижнекраинскомъ рыбницкомъ говорѣ: krégulj, kregúlja, préščəč (Шкрабецъ, Cvetje IX, 8, kregulja у Прешерна, 39); prodati, prostor перешли въ pŗъdati, pŗъstor, откуда въ рыбницк. говорѣ: prédat, préstor (тамъ же); предлогъ na и отрицательная частица ne совпали въ ņъ, откуда безразлично ne и na: ср. въ рыбницк. говорѣ néšъw (нашелъ), népъh (napuh), также ne péčъ (на печи); то же у старинныхъ писателей (ср. Облакъ, Doneski, 18). Въ горицкомъ цирклянскомъ говорѣ, гдѣ e не измѣняется въ полугласную, мы тѣмъ не менѣе находимъ nardím, nardila вм. naredím; въ бохинско-посавскомъ, гдѣ *a* не переходитъ въ полугласную, мы находимъ, съ одной стороны, brät, mräs, bräst и также brästóulä, kolorät, räzbijœ, а съ другой: ьrspnäm, sä ьrzlégwo (раздалось); въ преддворскомъ говорѣ, гдѣ *a*, *o* также не подвергаются измѣненію въ полугласныя: rzjôkow (сборникъ Штрекля, 409), rzbojъnk 521, rzbojъnška 521, ъnсôj вмѣсто nocôj 632; ср. цирклянское ncnó; въ рожанск. говорѣ мы отмѣтили переходъ *ro* въ *ra* и *or* въ *ar* черезъ посредство ŗъ, ъŗ: poraka, úrak и т. д.—Къ явленіямъ діалектическимъ, охватывающимъ неударяемыя *o*, *a*, *e* въ положеніи послѣ всякихъ согласныхъ, относятся разсмотрѣнныя нами измѣненія въ полугласныя гласныхъ *e* и *o* въ бохинско-посавскомъ говорѣ, *e*, *o* въ хорутанскихъ, *e*, *o*, *a* въ среднекарстскомъ. Я думаю, что толчкомъ къ измѣненію этихъ гласныхъ служили тѣ вліянія, которыя онѣ испытывали отъ сосѣднихъ звуковъ: такъ, во многихъ горенскихъ говорахъ согласныя смягчаются передъ гласной *i*. Не вліяла ли эта палатализація согласныхъ на суженіе предшествующихъ *o*, *e*: kop¹ito могло вызывать ko¹p¹ito, откуда вслѣдствіе закрытости *o*: kъp¹ito? Начавшаяся въ такихъ случаяхъ редукція шла и дальше: вмѣсто peté, pegó являлись pьté, pьgó. Особенно поучителенъ въ этомъ отноше-

ніи среднекарстскій говоръ: звукъ *a* переходитъ здѣсь въ *e* передъ *j*, слѣдовательно, палатализуется, суживается; первоначально въ немъ подверглось редукціи только суженное *a*, что видно и теперь на слогахъ за удареніемъ (tíćar, но tíćǝrja), но впослѣдствіи передъ удареніемъ редуцировалось всякое вообще *a* (примѣры см. выше); напротивъ, *o* сохранилось вообще безъ измѣненія, но редуцировалось передъ лабіализованными гласными (γalúp: голубь), слѣдовательно, редуцировалось тамъ, гдѣ само сузилось, окрашиваясь подъ вліяніемъ слѣдующей узкой гласной.

Третьимъ моментомъ въ исторіи краткихъ согласныхъ словенскаго языка является замѣна редуцированной гласной—гласною полнаго образованія. Здѣсь мы опять различаемъ: а) спорадическое появленіе такой гласной на мѣстѣ полугласной, б) сплошную замѣну подобнаго рода въ діалектахъ. Спорадически гласная полнаго образованія замѣняетъ гласную редуцированную едва ли не во всѣхъ говорахъ словенскаго языка, выше нами разсмотрѣнныхъ. Такъ, по наблюденію Шкрабца, гласныя *i* и *u* полнаго образованія являются въ нѣкоторыхъ отглагольныхъ образованіяхъ съ основой на -а: dišȃva, pisȃnje, puščȃva, kurjȃva: *i* и *u* заимствованы, какъ кажется, изъ písati, púščati, díšati, kúriti; тотъ же изслѣдователь указываетъ на замѣну полугласной черезъ краткое закрытое *e* въ глагольныхъ образованіяхъ, какъ bẹžȃla, bẹlíti, bẹlíca: здѣсь, очевидно, вліяніе bẹ́žati, bẹ́liti. То же находимъ въ грамматикѣ Метелка, который пишетъ, напр., življénje (274), šibíla (273), lupínjo (276, ср. lupiti); кромѣ того, какъ мы уже указывали, Метелко имѣетъ *u* полнаго образованія въ окончаніи дат. ед.: ráku, sodnъmu dnévu, lépъmu и т. д.; это *u* заимствовано, повидимому, еще въ отдаленную эпоху изъ тѣхъ образованій дат. падежа, гдѣ удареніе вслѣдствіе переноса падало на конечное *u* и удлиняло его: ср. исчезающее теперь bogȗ, možȗ, svẹtȗ; что до мѣстн. ед. pъr slápъ, pъr rákъ и т. д., то это *ъ* восходитъ, конечно, также къ *u*, а не къ *ѣ(i)*, но

оно не замѣнилось черезъ *u* потому, что въ мѣстномъ падежѣ передвиженія ударенія на окончаніе не допускалось въ словахъ, какъ grȃd, mȏst и т. п. [1]). Далѣе находимъ у Метелки *a* вм. ожидаемаго *ъ* въ твор. ед. rákam, slápam: ясно, что *a* заимствовано изъ формъ дв. и мн. slápama, slápam (подобно тому, какъ въ другихъ говорахъ при bratoma, bratom въ тв. ед. является brátom); ср. въ бохинско-посавскомъ говорѣ: pod grádam, móžam, въ среднекарстскомъ bátan, kə̀lćan, dńévan и т. д. [2]). Въ trebúham 274 видимъ вліяніе trébuh, а въ trébuh вліяніе trebúha и т. д. Въ преддворскомъ и нѣкоторыхъ другихъ горенскихъ говорахъ вмѣсто ожидаемаго полугласнаго въ окончаніи дат. п. ед. находимъ *o:* preljub'mo moj'mo ljubèъko; *o* явилось вм. *u* очевидно потому, что краткое *u* въ этомъ говорѣ неизвѣстно (*u* въ stur*u*, narêd*u* особаго происхожденія): *u*, измѣнившееся въ *o*, обязано указанной выше причинѣ. Въ среднекарстскомъ находимъ въ дат. *u*, въ мѣст. ед. *i* полнаго образованія; при *u* является *y*—обыкновенный замѣститель долгаго *u;* ясно, что *u* заимствовано изъ тѣхъ словъ, гдѣ окончаніе *u* дат. пад. было нѣкогда ударяемымъ и долгимъ (ср. выше): búγu и búγy, dnȳ; мѣстн. búγi, mési, mȁγli имѣютъ *i* неяснаго для меня происхожденія; неясны также *i* въ им. мн., какъ kláći, bognowi (при bognóvə), *i* въ твор. мн.: s̀kȉpeami, dȉvami, mȁγlami и др. Не слѣдуетъ ли допустить, что въ нѣкоторыхъ говорахъ грамматическія окончанія не подвергались общему закону о редукціи гласныхъ? Въ среднекарстскомъ dohá (при dýh : духъ) видимъ явленіе аналогичное появленію *o* въ дат. ед. горенскихъ говоровъ: *u* перешло въ *o* тамъ, гдѣ оно сохранялось или появлялось подъ вліяніемъ родственныхъ словъ или образованій.

[1]) Горенскія pri slapȕ, na plazȕ и т. п. сохраняютъ древнее мѣсто ударенія, ср. русск. на мосту́.

[2]) Ср. также Облакъ, Zur Geschichte der nomin. Declination im Slovenischen, с. 54 и слѣд.

Перехожу къ говорамъ, гдѣ наблюдается сплошная замѣна редуцированныхъ гласныхъ гласными полнаго образованія. Таковы нѣкоторые хорутанскіе говоры: въ нихъ редуцированная гласная на мѣстѣ *е*, рѣже та гласная, которая замѣнила *ĭ* (и *ъ*), переходитъ въ однихъ говорахъ въ *а* (matar, medane, pojdan; čôvak, sadí), а въ другихъ въ *е* (mater и т. д.); редуцированная гласная на мѣстѣ *и* — въ *ė*: ledí, k tisteme birte.

Четвертымъ моментомъ въ исторіи краткихъ гласныхъ словенскаго языка является переходъ краткаго *о* (ударяемаго и неударяемаго) въ *а*. Онъ наблюдается во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами говорахъ (кромѣ бохинско-посавскаго и среднекарстскаго), но особенно онъ развитъ въ горицкихъ говорахъ (цирклянскомъ); въ нижнекраинскихъ, а также горенскихъ онъ является спорадически, а въ хорутанскихъ (особенно Бистрицкомъ Зильской долины) онъ долженъ быть разсмотрѣнъ особо потому, что *а* замѣнило здѣсь и редуцированное *е*; слѣдовательно, возможно предположить, что *а* на мѣстѣ *о* замѣнило здѣсь непосредственно также редуцированную гласную. Переходъ *о* въ *а* слѣдуетъ объяснять, съ одной стороны, какъ слѣдствіе открытаго произношенія краткаго неударяемаго *о*, а съ другой, какъ вліяніе краткаго *а* на краткое *о*: мы видѣли, что открытыя краткія гласныя вліяютъ на измѣненіе краткихъ закрытыхъ гласныхъ. Въ говорахъ, гдѣ въ краткихъ слогахъ были извѣстны изъ нередуцированныхъ гласныхъ только краткія *е*, *о*, *а*, весьма естественно возникало стремленіе сблизить эти гласныя между собой. Но кажется, что первый толчокъ къ переходу *о* въ *а* давался тѣмъ обстоятельствомъ, что сосѣднія согласныя стремились уподобить себѣ краткое *о*: языкъ, избѣгая развитія новыхъ оттѣнковъ въ краткихъ гласныхъ (которыя при этомъ склонялись къ редукціи), измѣнялъ *о* въ *а*, не поддававшееся указаннымъ вліяніямъ (среднекарстскій говоръ, гдѣ не наблюдается перехода *о* въ *а*, стоитъ въ этомъ отношеніи особо). Такъ, въ domú подъ лабіализирующимъ вліяніемъ *mu* легко возникъ бы закрытый от-

тѣнокъ *o*, но языкъ (разумѣется безсознательно) избѣгалъ его, измѣняя *o* въ *a* (damú во многихъ горенск. говорахъ и также въ доленскомъ; damọ́v у Шкрабца); ср. сходное положеніе *o* въ словѣ klobuk, вм. котораго долен. klabúk. Въ словахъ слабоударяемыхъ, какъ мы видѣли уже на многихъ примѣрахъ, вмѣсто открытаго *o* легко возникалъ закрытый оттѣнокъ, приводившій къ редукціи (bαlj, kαt вм. kot, kα вм. kako и т. п.). Слово govoriti въ наст. вр. часто попадало въ разрядъ такихъ слабоударяемыхъ словъ (ср. русское грит, гыт вм. говоритъ); для того, чтобы сохранить краткія гласныя отъ редукціи (и выпаденія), языкъ измѣнялъ *o* въ *a*: ср. постоянное govarí, odgovarí въ преддворскомъ говорѣ, напротивъ, gavorí въ толминскихъ записяхъ Бодуэна-де-Куртенэ (знаю ихъ изъ частнаго сообщенія почтеннаго слависта). Возникши въ рядѣ словъ, какъ damú, klabúk, brátava, kakúš, gaspúd, bagú, každúh, *a* переносилось въ damá, gaspá, bagá и понемногу вытѣсняло ŏ сначала въ неударяемыхъ, а затѣмъ и въ ударяемыхъ слогахъ (zlȁ, dȁst вм. dost и т. д.).

Сложные вопросы, возникающіе при изслѣдованіи исторіи краткихъ гласныхъ въ словенскомъ языкѣ, могутъ составить предметъ обширной диссертаціи; обхватить ихъ въ краткой статьѣ невозможно. Мы ограничимся вышеизложенными выводами, добытыми на основаніи разнообразнаго, хотя и не обильнаго матеріала. Главный изъ этихъ выводовъ—это взаимное вліяніе краткихъ гласныхъ, противоположенныхъ долгимъ гласнымъ: перевѣсъ открытыхъ краткихъ гласныхъ въ словенскомъ языкѣ вліяетъ на качественное измѣненіе, на редукцію, закрытыхъ краткихъ гласныхъ. Замѣчательно, что словенскій языкъ въ этомъ любопытномъ фонетическомъ явленіи не стоитъ одиноко въ семьѣ европейскихъ языковъ. Въ прароманскую эпоху произошелъ, напр., переходъ всѣхъ долгихъ гласныхъ (кромѣ *a*) въ узкія гласныя, всѣхъ краткихъ въ широкія (ср. Meyer-Lübke, Einführung in das Studien der roman. Sprachwissenschaft, § 84); ср. узость всѣхъ долгихъ гласныхъ (кромѣ *a*), открытость и реду-

цированность всѣхъ краткихъ гласныхъ въ современномъ словенскомъ. Но что особенно любопытно, это то, что такое же явленіе имѣло мѣсто еще въ общеславянскомъ языкѣ. Не напрасно нѣкоторые словенскіе ученые сравнивали появленіе въ ихъ языкѣ редуцированныхъ гласныхъ (полугласныхъ) съ возникновеніемъ *ъ* и *ь* въ общеславянскомъ. Мнѣ кажется, что причины, вызывавшія *ъ* и *ь* въ общеславянскомъ языкѣ, условія, сопровождавшія здѣсь это явленіе, тожественны съ только что разсмотрѣнными нами условіями и причинами редукціи закрытыхъ гласныхъ въ словенскомъ. Въ словенскомъ редукція поражаетъ *і*, *u* и прочія закрытыя гласныя при условіи ихъ краткости и при томъ независимо отъ ударенія. Въ общеславянскомъ редуцированы, во-первыхъ, *і* и *u* краткія ударяемыя и неударяемыя; во-вторыхъ, *о* закрытое и *е* закрытое, возникавшія изъ *е* и *о* открытыхъ, какъ кажется, только въ неударяемыхъ слогахъ: ср. čьstь, domъ, sъpati — здѣсь *ь* и *ъ* восходятъ къ ĭ и ŭ; *о* закрытое являлось на мѣстѣ неударяемаго *о* открытаго въ положеніи передъ конечными согласными *m* и *s* (ср. латинскій переходъ *о* въ *u* въ такомъ положеніи): им. и вин. rako¹s, rako¹m, 1 л. мн. nesemo¹s; поэтому общеслав. rakъ, nesemъ [1]); *е* закрытое на мѣстѣ *е* открытаго неударяемаго обязано своимъ появленіемъ совокупному дѣйствію: а) палатальной гласной слѣдующаго слога, б) смягченной согласной передъ нимъ или послѣ него безразлично: ср. mьčь вм. meč̌ь (ср. Ляпуновъ, Изслѣдованіе о языкѣ Новгородской 1-й лѣтописи), pьci вм. peci, vьčera, čьtvero (польское czworo), šьsti (др.-русское шьсти), šьdli (отсюда и šьdlъ) [2]). Кромѣ того, закрытое *е*, откуда *ь*, явля-

---

[1]) Но подъ удареніемъ: vino, esmo. Popъ вм. popó, slóvo вм. slovъ явились подъ вліяніемъ аналогіи.

[2]) Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ *ъ*, быть можетъ, восходитъ къ лит.-слав. *і* изъ индоевроп. редуцированной краткой гласной, ср. статьи Ф. Ѳ. Фортунатова въ сборникѣ Χαριστήρια (с. 487—488) и въ Zeitschrift f. vergl. Sprachf., B. XXXVI, 38 и сл.

лось въ дифтонгѣ ei̯ и вообще въ положеніи *e* передъ i̯: ьi̯ въ дифтонгѣ переходило затѣмъ въ i (zima), а не въ дифтонгѣ *ь* передъ i̯ измѣнялось въ краткое *i*, не переходившее въ *ь* подъ ассимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго i̯ (tri̯e). Наконецъ, закрытое *e* замѣняло открытое въ нѣкоторыхъ слабоударенныхъ словахъ, напр., въ desetъ въ сложныхъ числительныхъ именахъ (dvadьseti, trinadьsetь). Въ нѣкоторыхъ говорахъ старославянскаго языка имѣли мѣсто явленія, сходныя съ тѣми, которыя Штрекель наблюдалъ въ среднекарстскомъ говорѣ: а именно, редуцированныя гласныя принимали окраску слѣдующаго слога: передъ непалатализованною гласною являлось *ъ*, передъ палатализованною *ь*: ср. Зогр. **кьнѣ** при **кънъ**, **дьвѣ** при **дъва**, **дъвос**, **ꙃьлѣ**, но **ꙃъло**, **мьнѣ**, но **мъноѭ**, **въсѫдѣ**, но **вьсѣкъ**, **оумъръ**, но **оумьрѣ**, **тъма**, но **тьмѣ**, Супр. **ꙃьлѣ**, но **ꙃълъ**, **дьстѣ**, но **дъскы**, **дьвѣ**, но **дъва**, **мьнѣ**, но **мъноѭ** (примѣры взяты изъ статьи Ягича въ Archiv, I, 8—55), Савв. кн. **ꙃьлѣ**, **любьви**, **обрѣтьше**, **стаvьше**, но **тъмы**, **правъды** (Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Савв. кн.).

Итакъ, общеславянскій и словенскій языки противополагали краткія гласныя долгимъ: взаимное вліяніе краткихъ гласныхъ устраняло въ нихъ закрытые узкіе оттѣнки; вслѣдствіе этого происходила редукція краткихъ закрытыхъ гласныхъ.

II.

Пользуясь всѣми вышеприведенными выводами, перехожу къ изслѣдованію тѣхъ измѣненій, которыя поразили неударяемыя гласныя въ среднерусскихъ говорахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти измѣненія находятся въ зависимости отъ ударенія. Но существеннымъ представляется слѣдующее обстоятельство: въ среднерусскихъ говорахъ неударяемыя гласныя подверглись такимъ измѣненіямъ, которыя неизвѣстны ни въ южнорусскомъ, ни въ сѣвернорусскомъ языкахъ. Зависѣло ли это отъ особен-

наго свойства среднерусскаго ударенія? Приписавъ измѣненіе неударяемыхъ гласныхъ экспираторности ударенія, можно ли думать, что въ среднерусскомъ его сила была значительнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ русской рѣчи, и что именно особенное усиленіе ударяемаго слога повліяло на особенное, неизвѣстное въ другихъ нарѣчіяхъ, ослабленіе слоговъ неударяемыхъ? Раньше я отвѣчалъ на эти вопросы утвердительно, но теперь вижу, что не имѣлъ для этого достаточныхъ основаній. Во-первыхъ, сопоставленіе малорусскаго и сѣвернорусскаго ударенія съ бѣлорусскимъ или московскимъ не обнаруживаетъ бо́льшаго усиленія ударяемаго слога въ этихъ послѣднихъ сравнительно съ первыми; правда, бо́льшая экспираторность среднерусскаго ударенія могла съ теченіемъ времени утратиться; все же указанное сопоставленіе не можетъ служить аргументомъ въ пользу отрицаемаго мною теперь предположенія. Во-вторыхъ, оказывается, что въ неударяемыхъ слогахъ въ среднерусскихъ говорахъ существуетъ рядъ гласныхъ полнаго образованія: *а*, *и*, *у*, *ы*; допустивъ, что измѣненіе гласныхъ въ слогахъ неударяемыхъ, измѣненіе, заключавшееся въ редукціи ихъ, зависѣло отъ усиленія ударяемаго слога, мы не поймемъ, почему редукція не коснулась гласныхъ *и*, *у*, *ы*. Въ-третьихъ, несомнѣнно, что редукція поразила не только *о* и *е*, но и *а*: появленіе *а* въ неударяемыхъ слогахъ непонятно, если предположить, что редукція гласныхъ произошла вслѣдствіе усиленія ударенія, вслѣдствіе ослабленія хотя бы тѣхъ слоговъ, которые содержали звуки *а*, *о*, *е*. Въ-четвертыхъ, измѣненіе общеславянскаго ударенія надо относить къ общерусской эпохѣ. Это видно изъ того, что ни одинъ изъ русскихъ говоровъ не представляетъ отклоненія отъ слѣдующихъ общихъ явленій: утраты долготы и утраты первоначальнаго различія въ удареніяхъ, различія наблюдавшагося и въ отдѣльной жизни русскаго языка, какъ видно изъ различнаго мѣста ударенія въ во́ронъ и воро́на. Странно было бы допустить новое измѣненіе характера ударенія въ среднерусскихъ говорахъ. Въ-пятыхъ, предло-

женное мною раньше объясненіе явленій русскаго аканія не можетъ быть признано удовлетворительнымъ по отношенію къ такимъ говорамъ, гдѣ при вада́, сяло́ существуетъ произношеніе выда́ (въда́), сило́.

Исторія краткихъ гласныхъ словенскаго языка показываетъ, что онѣ подверглись прежде всего взаимной ассимиляціи: открытыя гласныя ассимилировали себѣ закрытыя, подвергшіяся вслѣдствіе этого редукціи. Встрѣчаясь съ редукціей нѣкоторыхъ гласныхъ въ среднерусскихъ говорахъ, мы прежде всего останавливаемся на предположеніи и въ нихъ сходнаго со словенскимъ явленія, а именно, на предположеніи вліянія однѣхъ гласныхъ на другія, но при этомъ въ предѣлахъ не краткихъ слоговъ, какъ въ словенскомъ, а только неударяемыхъ, такъ какъ русскій языкъ рано утратилъ количественныя различія общеславянскаго языка и не развилъ, подобно словенскому, новыхъ количественныхъ отношеній. Въ словенскомъ языкѣ открытыя гласныя повліяли на измѣненіе закрытыхъ: это зависѣло, быть можетъ, отъ численнаго перевѣса слоговъ съ краткими *а*, *о*, *е* надъ слогами съ *і*, *и*, *ѣ*, *ъ*. Въ среднерусскомъ, напротивъ, закрытыя гласныя остались въ неударяемыхъ слогахъ безъ измѣненія, а открытыя были редуцированы: можно думать, что закрытыя гласныя повліяли здѣсь на измѣненіе открытыхъ, при чемъ это зависѣло отъ перевѣса закрытыхъ гласныхъ надъ открытыми въ русскомъ языкѣ; въ противоположность словенскому, русскій языкъ увеличилъ число закрытыхъ гласныхъ вслѣдствіе перехода *е* передъ мягкими согласными въ *е* закрытое (ве¹ли́к, се¹ре¹ди́на), а также вслѣдствіе перехода *о* открытаго въ закрытое передъ лабіализованными согласными. Не могу останавливаться здѣсь на доказательствахъ того, что согласныя общерусскаго языка были лабіализованны передъ лабіализованными [1])

[1]) Терминъ лабіализованный понимаю въ широкомъ смыслѣ измѣненія звука въ направленіи къ *у*, хотя бы безъ измѣненія артикуляціи губъ.

гласными (къ нимъ относились *о*, *у*, *ѣ*), подобно тому, какъ онѣ были палатализованны передъ средненёбными гласными (т. е. передъ *е*, *и*, *ѣ*); сошлюсь только на измѣненіе *е* въ ӧ (откуда далѣе *о*) передъ твердыми согласными, измѣненіе несомнѣнно доказывающее лабіализацію согласныхъ и предшествующей имъ гласной. Такимъ образомъ, мы видимъ, что *е* подвергалось различной окраскѣ въ зависимости не только отъ палатализованной, но и лабіализованной согласной: передъ палатализованной оно суживалось, а передъ лабіализованной оно переходило въ ӧ. Въ видѣ предположенія, основанія для котораго выяснятся ниже, допускаю, что и *о* подверглось измѣненію не только передъ лабіализованной, но и передъ палатализованной согласной, при чемъ въ обоихъ положеніяхъ оно переходило въ *о* закрытое: во^{1}ды, дво^{1}ру, то^{1}по́р, но^{1}си́т', го^{1}рѣ́т', по^{1}сте^{1}ля и т. д. [1]). Ср. подобное явленіе въ современныхъ угрорусскихъ говорахъ, гдѣ, по наблюденію Броха, *е* и *о* закрыты передъ палатальными согласными (u̯o^{1}l'a, u̯o^{1}z'i въ возѣ, mo^{1}ro^{1}z'i). Только передъ слогомъ, содержавшимъ гласную *а*, не было основанія измѣнять первоначально открытый звукъ гласныхъ *е* и *о*: ве^{2}сна́, во^{2}да́, се́^{2}ла (не сӧла), сло́^{2}ва. Равнымъ образомъ, *о* и *е* оставались открытыми въ открытомъ конечномъ слогѣ (идите^2, сло́во^2). И такъ, въ слогахъ неударяемыхъ русскій языкъ имѣлъ въ числѣ открытыхъ звуковъ: *а*, *о*, *е* (послѣдніе два звука только въ конечномъ открытомъ слогѣ, а также въ положеніи передъ твердой согласной, за которой слѣдовало *а*); всѣ прочія гласныя, равно какъ *о* и *е* въ другихъ, чѣмъ только что указанныя, положеніяхъ были закрыты. Въ общесреднерусскую

---

[2]) Ср. закрытое *о*, откуда и *у*, въ сѣверновеликор.: ву́лю, пу́жня, дому́й, ку́сят, пароху́д, побу́ремся, сму́трит, ку́ни, готу́витця, тупону́сая, фасунистая, на кулья, к ну́чи, пусте́ля, були́то, скурѣ́а, уко́шка, угоро́ды, хво́рус, ныньку, а также к но^{1}чи, нынько^1, по́^{1}жня, помо^{1}ры, наро^{1}д и т. д. (отмѣчено мною въ Петроз. уѣздѣ).

эпоху число открытыхъ звуковъ увеличилось вслѣдствіе перехода общерусскаго дифтонгическаго сочетанія *ie(ѣ)* въ *e* открытое передъ твердыми (хотя и лабіализованными) согласными; передъ палатализованными согласными оно перешло въ *e* закрытое [1]): река, гнездо, греху, но гне¹зде, ре¹чный. Тѣмъ не менѣе въ неударяемыхъ слогахъ перевѣсъ былъ, очевидно, за закрытыми гласными, и это было причиной тѣхъ измѣненій, которымъ подверглись открытыя неударяемыя гласныя въ общесреднерусскую эпоху.

Въ предшествующее еще обособленію среднерусскихъ говоровъ время, а именно въ эпоху общерусскаго единства, утратился музыкально-экспираторный характеръ общеславянскихъ ударенiй. Это доказывается тѣмъ, что общій характеръ ударенія одинаковъ во всѣхъ говорахъ русскаго языка, при чемъ всѣ они утратили количественныя отношенія въ гласныхъ, хотя нѣкогда, по свидѣтельству малорусскаго перехода *o* и *e* въ *уо*, *ie*, а также общихъ многимъ говорамъ явленій второго полногласія, русскій языкъ имѣлъ долготу гласныхъ звуковъ. Вмѣсто прежнихъ отношеній въ языкѣ появилось противоположеніе ударяемыхъ гласныхъ неударяемымъ: первыя произносились сильнѣе, чѣмъ вторыя. Относительная слабость неударяемыхъ гласныхъ содѣйствовала ихъ сближенію между собой: въ неударяемыхъ гласныхъ стало труднѣе проводить различіе между закрытымъ и открытымъ произношеніемъ. Подъ вліяніемъ этого въ среднерусск. говорахъ появилось стремленіе произносить неударяемыя гласныя одинаковымъ образомъ, а именно закрыто — вслѣдствіе перевѣса закрытыхъ гласныхъ надъ открытыми; ср. словенское стремленіе произносить всѣ краткія гласныя открыто вслѣдствіе перевѣса открытыхъ краткихъ гласныхъ надъ закрытыми. Такимъ образомъ, должны были подвергнуться измѣненію звуки *a*, звукъ *o* въ конечномъ открытомъ

[1]) Въ конечномъ открытомъ слогѣ *ie(ѣ)* подъ удареніемъ переходило въ *e* открытое, а безъ ударенія въ *и*.

слогѣ и въ положеніи передъ *a*, звукъ *e* въ такомъ же положеніи, а также передъ твердыми согласными вообще — тамъ, гдѣ *e* восходитъ къ *ѣ*. Но *a* не могло перейти въ закрытый звукъ потому, что языкъ не зналъ закрытаго *a*; *o* и *e* открытыя не могли перейти въ *o* и *e* закрытыя, такъ какъ закрытость этихъ звуковъ стояла въ прямой зависимости отъ условій, данныхъ слѣдующею за ними согласною: языкъ зналъ закрытое *o* только передъ лабіализованной или палатализованной согласной, а закрытое *e* только передъ палатализованной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, ни *a*, ни открытыя *o*, *e* не могли сохраняться, въ силу указанной выше причины, какъ открытые звуки. Это было причиной ихъ редукціи, перехода въ такія гласныя, гдѣ уже не различались открытые или закрытые оттѣнки; *a*, *o*, *e* совпали при этомъ въ одномъ редуцированномъ звукѣ, который обозначу черезъ ɑ въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ, черезъ ɛ въ положеніи послѣ мягкихъ. Такъ явились въ общесреднерусскую эпоху: трɑвá, свɛтýю, прóдɑли, слáвɑ, тéстɑ (р. ед.); стɑрикá, вɑдá, вɛснá, слóвɑ (им. ед.), рɛкá, рɛкóю, гнɛздý, вúдɛл и т. д. Переходъ *a*, далѣе *e* изъ *ѣ* передъ твердыми согласными, *o* и *e* въ положеніи передъ слѣдующимъ слогомъ съ звукомъ *a* и въ открытомъ конечномъ слогѣ — въ редуцированную гласную надо признать первымъ моментомъ въ исторіи неударяемыхъ гласныхъ среднерусскаго языка. Во второй моментъ этой исторіи такой же редукціи подверглись всѣ остальныя *o* и *ö*: но этому предшествовалъ переходъ ихъ въ открытые звуки, переходъ, вызванный измѣненіемъ слѣдовавшихъ за ними лабіализованныхъ согласныхъ въ простыя (см. ниже). Въ этотъ второй моментъ, какъ укажемъ ниже, условія редукціи неударяемыхъ гласныхъ значительно измѣнились, а именно, отъ нея были защищены гласныя въ слогѣ передъ удареніемъ. Вслѣдствіе этого *o* и *ö* въ слогѣ передъ удареніемъ переходили не въ редуцированную гласную (ɑ-ɛ), а въ гласную полнаго образованія—*a* (см. ниже). Этотъ второй моментъ пережитъ еще общесреднерусск. языкомъ (въ его нарѣчіяхъ), но въ значи-

тельной части современныхъ говоровъ не успѣли стереться тѣ явленія, которыя возникли въ первый моментъ, когда въ слогѣ передъ удареніемъ вмѣсто гласныхъ полнаго образованія являлись гласныя редуцированныя. Явленія эти слѣдующія: во-первыхъ, замѣна *о*, *а*, *е* редуцированными гласными или гласными *ы*, *и* въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ съ *а* въ тѣхъ говорахъ, гдѣ въ слогѣ передъ удареніемъ, падающимъ на другія гласныя (палатальныя или склонныя къ лабіализаціи), является на мѣстѣ *а*, *о*, *е* гласная *а(я)*: ср. въ южновеликор. и бѣлорусскихъ говорахъ, въ калужской, смоленской, витебской губерніяхъ произношеніе т*ɑ*ва́р, в*ɑ*да́, с*ɑ*ма́, а также выда́, ныга́, быда́т', дыста́т', дычка́, двыра́, систра́, сила́, лигла́, чиса́хъ, типла́, трыва́, рика́, лиса́, стина́ и т. д. при вадо́й, наге́, дачку́, двару́, сястри́ца, сяле́нья, тяпло́, траву́, ряки́, в лясу́, стяне́ и т. п. Во-вторыхъ, къ этимъ древнѣйшимъ явленіямъ редукціи гласныхъ относится замѣна *а* черезъ *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ въ положеніи за шипящими и *ц* въ тѣхъ именно говорахъ, гдѣ вообще *а* полнаго образованія вытѣснило въ слогѣ передъ удареніемъ редуцированныя гласныя: ср. южнорязанск. шыли́ш, жылѐт', лашыде́й, жыра́ (Будде) при сяло́, дяло́ф, ряка́, вясна́ и т. д.; очевидно, *ы*, явившееся на мѣстѣ редуцированной гласной и при томъ въ положеніи послѣ отвердѣвшихъ шипящихъ, не подверглось замѣнѣ черезъ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ, такъ какъ такой замѣнѣ подвергалась только редуцированная гласная: с*ɑ*ва́ перешло въ сава́, д*ɑ*ви́т' въ дави́т', но шылишь, жыра́ сохранились безъ измѣненія.

Совершенно особаго рода явленія возникали тамъ, гдѣ редукція поражала гласныя въ двухъ рядомъ стоящихъ слогахъ. Мы знаемъ, что происходило въ подобныхъ случаяхъ въ общеславянскомъ языкѣ при редукціи краткихъ *i* и *u*: въ предшествующемъ слогѣ получалась при этомъ болѣе сильная въ экспираторномъ отношеніи редуцированная гласная, чѣмъ въ послѣдующемъ слогѣ. Въ общеслав. tьmьno, dvьrьmi, šьvьca, žьnьca, tъšьka,

въ первомъ слогѣ, по свидѣтельству всѣхъ славянскихъ языковъ, полугласныя *ъ* и *ь* были сильнѣе, чѣмъ во второмъ (отъ начала слова): дѣйствительно, *ъ* и *ь* перваго слога перешли въ гласныя полнаго образованія, между тѣмъ какъ во второмъ они исчезли (ср. русск. темно, двери, точка, древнерусск. женца, шевца). Въ группѣ, состоящей изъ трехъ редуцированныхъ гласныхъ, болѣе сильною оказывалась гласная средняго слога: въ ш̌ьвьсь, žьньсь, гърътъ звуки *ъ* и *ь* средняго слога были сильнѣе, чѣмъ редуцированныя гласныя сосѣднихъ слоговъ (ср. русск. швец, жнец, древнерусск. ртот)[1]. Появленіе болѣе сильныхъ въ экспираторномъ отношеніи гласныхъ не могло нарушить въ общеславянскомъ языкѣ общей гармоніи слова и не мѣняло ударенія слова: въ неударяемыхъ слогахъ могли быть не только болѣе сильныя, но и болѣе высокія гласныя, чѣмъ въ ударяемомъ. Сходныя съ общеславянскими явленія должны были имѣть мѣсто въ средне-русскихъ говорахъ при возникновеніи въ нихъ новыхъ редуцированныхъ гласныхъ изъ *а*, *о*, *е*; впрочемъ, въ общеслав. языкѣ редукція поражала вообще всякія закрытыя краткія гласныя, ударяемыя и неударяемыя, въ средне-русскомъ она ограничивалась неударяемыми гласными. Но и здѣсь, какъ въ общеславянскомъ языкѣ, въ группѣ, состоящей изъ двухъ или нѣсколькихъ редуцированныхъ гласныхъ, однѣ изъ нихъ должны были произноситься сильнѣе, другія слабѣе; а именно, въ группѣ изъ двухъ слоговъ бóльшая сила принадлежала предшествующей редуцированной гласной; въ группѣ же изъ трехъ слоговъ наиболѣе сильною была редуцированная гласная средняго слога. Появленіе въ слогахъ неударяемыхъ разли-

---

[1]) Ср. то же при встрѣчѣ двухъ редуцированныхъ гласныхъ въ индоевропейскомъ языкѣ: въ pεkεtós, sεkεtós (изъ peketós, seketós) гласная перваго слога произносилась съ бóльшимъ напряженіемъ, чѣмъ гласная второго слога, что видно изъ греч. πεπτός, ἑκτός, лат. coctus, древнеинд. paktás и т. д. См. Hirt, Der indogerm. Ablaut, § 21.

чія въ экспираторной силѣ нарушало общую гармонію русскаго слова, такъ какъ всѣ неударяемыя гласныя произносились въ немъ безразлично слабо сравнительно со слогомъ ударяемымъ. Экспираторно усилившаяся гласная стремилась получить на себя второстепенное удареніе: между тѣмъ такое удареніе было нетерпимо въ слогахъ, недостаточно отдаленныхъ отъ ударенія; второстепенныя ударенія были извѣстны въ русскомъ языкѣ только въ третьемъ слогѣ отъ ударяемаго къ началу или концу слова. Экспираторное усиленіе во второмъ отъ ударяемаго слогѣ или въ сосѣднемъ съ нимъ слогѣ должно было быть устранено тѣмъ или другимъ путемъ. Остановимся на отдѣльныхъ случаяхъ, гдѣ въ среднерусскомъ языкѣ возникали группы слоговъ съ редуцированными гласными. Въ положеніи передъ удареніемъ могли быть такія группы изъ двухъ и изъ трехъ слоговъ.

Группы изъ двухъ слоговъ: *вєкαва́т*', *заdαла́*, *наdαви́т*', *засєку́*, *навєла́*, *прαспαла́* и т. п.; здѣсь первые слоги *вє*, *зα*, *нα*, *зα*, *нα*, *прα* должны были быть сильнѣе слѣдующихъ слоговъ *кα*, *dα*, *сє*, *вє*, *спα*, въ силу только что указанныхъ причинъ. Но это нарушило бы общій строй приведенныхъ словъ, такъ какъ на этихъ отдѣленныхъ отъ ударенія только однимъ слогомъ слогахъ не могло появиться второстепеннаго ударенія. Необходимо было ослабить эти усилившіеся слоги: но ослабленіе ихъ вызывало усиленіе слѣдующихъ слоговъ, непосредственно предшествующихъ ударенію, а это опять противорѣчило бы общему строю русскаго слова, гдѣ не могло быть терпимо второстепенное удареніе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ главнымъ. Языкъ прибѣгъ къ совершенно естественному выходу: онъ замѣнилъ редуцированную гласную этого второго слога, и при томъ сосѣдняго съ удареніемъ, гласною полнаго образованія. Другими словами: стремясь ослабить усилившійся насчетъ слѣдующаго слога первый слогъ словъ *засєку́*, *заdαла́*, языкъ не могъ достичь этого усиленіемъ второго слога, такъ какъ усиленіе его опять противорѣчило бы общимъ законамъ объ

относительной силѣ слоговъ русскаго слова; но онъ легко достигалъ желаемаго результата превращеніемъ редуцированной гласной второго слога въ гласную полнаго образованія, такъ какъ этимъ совершенно устранялась необходимость произносить первый слогъ съ особеннымъ усиленіемъ, усиленіемъ, вызваннымъ присутствіемъ въ слѣдующемъ, второмъ слогѣ редуцированной гласной: при этомъ *α* (ɛ) всякаго происхожденія, т. е. явившееся безразлично изъ *а*, *е*, *о*, переходило въ гласную *а* (*я*). Такъ, вм. *засɛку́*, *прαдαлá*, *вɛкαвáт'*, *нαнɛслá*, *зαплɛсáлα*, *нα мɛстáх* и т. п. возникали *засяку́*, *прαдалá*, *вɛкавáт'*, *нαнясла́*, *зαплясáла*, *нα мястáх*.

Группы изъ трехъ слоговъ: *зαпрαдαлá*, *пαнαстαвля́т'*; здѣсь редуцированная гласная третьяго отъ начала слова слога должна была, согласно предыдущему, перейти въ гласную полнаго образованія; ослабившійся вслѣдствіе этого предшествующій слогъ вызывалъ усиленіе перваго слога; усиленіе это и не устранялось, такъ какъ на разстояніи трехъ слоговъ отъ ударенія могло быть терпимо второстепенное удареніе: *зὰпрαдалá*, *пὰнαставля́т'*.

Въ положеніи за удареніемъ имѣли мѣсто сходныя явленія. Группы изъ двухъ слоговъ: въ *зáнαвɛс*, *гóрαдα*, *хóлαдα*, *éхαлα*, *ты́сɛчα* гласныя первыхъ изъ обоихъ неударяемыхъ слоговъ должны были усилиться насчетъ вторыхъ; но подобное усиленіе было немыслимо въ слогѣ сосѣднемъ съ удареніемъ; для устраненія группы изъ двухъ редуцированныхъ гласныхъ, языкъ превращалъ гласную второго слога въ гласную полнаго образованія: *зáнαвяс*, *гóрαда*, *хóлαда*, *ты́сɛча*, *éхαла*. Въ группѣ изъ трехъ слоговъ, какъ *рáдαвαлα*, переходъ *α* въ *а* конечнаго неударяемаго слога устранялъ необходимость усиленія второго отъ конца слога (*рáдαвαла*); но это неминуемо вызывало усиленіе перваго неударяемаго слога; между тѣмъ такое усиленіе слога сосѣдняго съ удареніемъ не могло быть терпимо; затрудненіе устранялось, повидимому, переходомъ редуцированной гласной второго отъ конца слога въ гласную полнаго образованія: *рáдαвала*.

Указанныя причины содѣйствовали появленію въ слогахъ неударяемыхъ открытой гласной *а (я)*, т. е. такой гласной, которая должна была бы, по указанному выше закону, редуцироваться: а именно, *а* являлось, во-первыхъ, въ слогѣ передъ удареніемъ, если въ третьемъ отъ ударенія слогѣ была редуцированная гласная; во-вторыхъ, въ слогахъ за удареніемъ, не сосѣднихъ съ нимъ, если за удареніемъ слѣдовалъ слогъ съ редуцированною гласною. При этомъ *а* въ такихъ условіяхъ уже не могло подвергнуться редукціи; напротивъ, оно распространялось насчетъ *ɑ* въ положеніи послѣ ударенія подъ вліяніемъ грамматической аналогіи; окончаніе *ɑ* въ род. ед. муж. или ср. род., въ им.-вин. средн. р., им. ж. р., возникавшее въ случаяхъ, какъ го́рɑдɑ, ве́чɜра, зо́лɑта, о́лɑва, по́стɑвка и т. п. переносилось діалектически и въ такія слова, какъ ме́ста, сла́ва, си́ла и т. п.; такимъ образомъ, въ открытомъ слогѣ послѣ ударенія *а* въ нѣкоторыхъ говорахъ вытѣсняло совсѣмъ *ɑ*; между тѣмъ въ другихъ говорахъ *ɑ* стало замѣнять *а* и въ случаяхъ го́рɑдɑ, зо́лɑтɑ, ве́чɜрɑ, вслѣдствіе чего, повидимому, стало появляться нѣкоторое усиленіе въ конечномъ слогѣ, отдѣленномъ отъ ударенія только однимъ слогомъ: діалект. го́рɑдɑ съ второстепеннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

Появленіе *а* въ слогѣ передъ удареніемъ, распространеніе его въ открытыхъ слогахъ послѣ ударенія—въ значительной степени видоизмѣнили первоначальный законъ о редукціи открытыхъ неударяемыхъ гласныхъ, законъ продолжавшій, однако, какъ увидимъ, дѣйствовать. Во-первыхъ, редукція не могла уже поражать гласную *а* въ слогѣ передъ удареніемъ; во-вторыхъ, въ слогахъ за удареніемъ редукція стала поражать преимущественно слогъ, непосредственно слѣдующій за удареніемъ, между тѣмъ какъ гласная *а* въ болѣе отдаленныхъ отъ ударенія слогахъ и въ открытыхъ слогахъ вообще оставалась нередуцированною. Другими словами, первоначальный законъ о редукціи неударяемыхъ открытыхъ гласныхъ принялъ слѣдующій характеръ: редукціи подвергались откры-

тыя гласныя передъ удареніемъ въ слогахъ не сосѣднихъ съ нимъ, послѣ ударенія преимущественно въ слогахъ непосредственно за нимъ слѣдующихъ; переходу въ *а* подвергались открытыя гласныя въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію, а за удареніемъ въ слогахъ не сосѣднихъ съ нимъ. Впрочемъ, въ начальномъ слогѣ передъ удареніемъ сохранялись и редуцированныя гласныя, замѣнившія въ первый моментъ дѣйствія закона о редукціи звукъ *е* изъ *ѣ* передъ твердыми согласными, а также *а*, *о*, *е* передъ ударяемымъ *а*. Но эти редуцированныя гласныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялись гласною *а* подъ вліяніемъ тѣхъ словъ, гдѣ *а* возникало на мѣстѣ редуцированной гласной въ неначальномъ слогѣ: подъ вліяніемъ зᴀсяку́, нᴀсяку́—сэку́ переходило въ сяку́: пᴀвалю́, зᴀдари́т', рᴀскали́т' вызывали валю́, дари́т', кали́т' вм. вᴀлю́, дᴀри́т', кᴀли́т'. Область редуцированныхъ звуковъ въ слогѣ передъ удареніемъ такимъ образомъ значительно суживалась и преобладающимъ въ немъ звукомъ оказывалась гласная *а* на мѣстѣ открытыхъ гласныхъ.

Вторымъ моментомъ въ исторіи редуцированныхъ гласныхъ среднерусскаго языка было появленіе новыхъ открытыхъ *о* и *ӧ* изъ *о* и *ӧ* закрытыхъ. Мы видѣли выше, что редукція касалась только открытыхъ звуковъ, каковымъ было *о* только въ конечномъ открытомъ слогѣ и передъ согласной, за которой слѣдовала гласная *а;* во всякомъ другомъ положеніи, т. е. передъ лабіализованными и палатализованными согласными, *о* было закрыто; закрытымъ было также *ӧ*, извѣстное только передъ лабіализованными согласными. Но въ большинствѣ говоровъ среднерусскаго языка лабіализованныя согласныя утратили свой лабіализованный характеръ и перешли въ простыя: это явленіе началось, повидимому, съ конечныхъ согласныхъ, за которыми слѣдовалъ нѣкогда *ъ*, ср. утрату палатализаціи нѣкоторыми конечными согласными, за которыми слѣдовалъ нѣкогда *ь*. Въ положеніи въ концѣ слова лабіализованныя согласныя не были защищены

вліяніемъ лабіализованной гласной и это облегчало ихъ переходъ въ простыя; но вскорѣ простыя согласныя стали возникать и передъ гласными, сначала передъ менѣе лабіализованными *о*, *ъ*, а потомъ и передъ *у*. Одновременно измѣнялся звукъ предшествовавшихъ имъ гласныхъ *о* и *ö*: закрытость ихъ находилась въ самой тѣсной связи съ лабіализаціей слѣдующихъ согласныхъ; утрата этой лабіализаціи влекла за собой открытіе *о* и *ö*: но^{1}с съ лабіализованнымъ *с* переходило въ нос съ простымъ *с* и открытымъ *о*; ско^{1}ту, вöду съ лабіализованными *т*, *д* переходили въ скоту, вöду съ простыми *т*, *д* и открытыми *о*, *ö*. Но замѣна закрытыхъ *о* черезъ открытыя въ положеніи передъ твердыми согласными повлекла за собой подобную же замѣну и въ положеніи передъ согласными палатализованными: со^{1}ли́т', во́^{1}ля, го^{1}ре́т' переходили въ соли́т', во́ля, горе́т' съ открытыми *о*. Такимъ образомъ, языкъ избавился отъ всѣхъ закрытыхъ *о* и *ö*. Что же сдѣлалъ онъ съ вновь явившимися открытыми гласными? Законъ объ уподобленіи открытыхъ неударяемыхъ гласныхъ закрытымъ продолжалъ еще свое дѣйствіе, хотя, какъ мы видѣли, въ значительно измѣненномъ видѣ: онъ *требовалъ* редукціи открытыхъ гласныхъ въ слогахъ передъ удареніемъ, но не сосѣднихъ съ нимъ, а также въ слогахъ не открытыхъ, слѣдующихъ непосредственно за удареніемъ; онъ *допускалъ* редукцію гласныхъ въ начальномъ слогѣ передъ удареніемъ въ особенности передъ ударяемымъ *а*; но *требовалъ* перехода открытыхъ гласныхъ въ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ, когда этому слогу предшествовалъ слогъ съ редуцированной гласной, а въ слогѣ послѣ ударенія, когда онъ былъ отдѣленъ отъ ударенія слогомъ съ редуцированною гласною. Новыя открытыя гласныя подчинились этимъ условіямъ: онѣ перешли въ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ; онѣ редуцировались во всякомъ другомъ положеніи. Такъ явились: сяли́т', гарѣ́т', нαгарѣ́т', вади́ца, жану́, сястру́, хажу́, пращу́, тяпло́, нясу́, зαнясу́, пαмяло́; рαзгаво́р, тαпары́, пαлива́т'; го́рαд, по́лαст', бо́лɜн, вы́вɜл, о́тпαвед' и т. п.

При встрѣчѣ двухъ редуцированныхъ слоговъ здѣсь имѣли мѣсто тѣ же явленія, что въ первую древнѣйшую эпоху: сюда относятся случаи, какъ прсол'ит', н\̆ вороту́, порс'а́, горд'ит' и т. п., которые переходили прямо въ прасалит', нӑ варату́, парася́, гарадит'; равнымъ образомъ ско́вороду, про́волоки измѣнялись въ ско́ваpаду, про́валаки — въ силу общаго закона объ измѣненіи открытыхъ гласныхъ. Но особо должны быть разсмотрѣны тѣ случаи, гдѣ рядомъ съ болѣе древней редуцированной гласной появлялась новая въ предшествующемъ слогѣ: слова голова́, ворота́, корова́й, борона́ и т. п. звучали, въ первую эпоху исторіи неударяемыхъ гласныхъ средне-русскаго языка, какъ слобада́, добрата́, голава́, вората́, корава́й, борана́, такъ какъ *о* въ первомъ слогѣ было закрыто и не подлежало редукціи; во вторую эпоху оно стало открытымъ и подлежало редукціи, такъ какъ стояло передъ удареніемъ, въ несосѣднемъ съ удареніемъ слогѣ; редукція перваго слога должна была вызвать переходъ редуцированной гласной слѣдующаго слога въ гласную полнаго образованія, т. е. въ *а;* такъ явились слабада́, дабрата́. Но въ нѣкоторыхъ говорахъ ра, ла перешли въ слоговыя *р*, *л:* въ этихъ говорахъ не могли имѣть мѣсто только что указанныя явленія, такъ какъ *р*, *л* слоговыя не могли измѣниться въ *ра*, *ла;* это обстоятельство объясняетъ намъ сохраненіе въ нѣкоторыхъ говорахъ произношенія галва́, варта́, карва́й, барна́ съ слоговыми *л*, *р*, откуда впослѣдствіи галва́, варта́, карва́й: между тѣмъ въ другихъ говорахъ, гдѣ ра, ла не переходили въ слоговыя *р*, *л*, являлись галава́, варата́, барана́, карава́й. Равнымъ образомъ измѣнялись такія группы съ редуцированными гласными послѣ ударенія: при́говора, жа́воронка, про́волока звучали въ первую эпоху при́говара, жа́воранка, про́волака, такъ какъ *о* третьяго отъ конца слога было закрыто; во вторую эпоху оно открылось и должно было редуцироваться, вліяя вмѣстѣ съ тѣмъ на переходъ редуцированной гласной слѣдующаго слога въ гласную полнаго образованія — *а:* при́гавара. Но

въ тѣхъ говорахъ, гдѣ *ра*, *ла* перешли въ слоговыя *р*, *л*, въ предпослѣднемъ слогѣ не могло появиться *ра*, *ла*, а сохранялись слоговыя *р*, *л*: такъ являлось произношеніе про́вълка, жа́въpнка (при им. жа́въранак, дат. жа́вьранку) съ *р* и *л* слоговыми, откуда впослѣдствіи про́вълка, жа́върнка съ простыми *л*, *р*.

Въ нѣкоторыхъ сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ происходило въ общесреднерусскомъ измѣненіе закрытаго *е* въ открытое подъ вліяніемъ отвердѣнія слѣдовавшихъ за нимъ нёбныхъ согласныхъ. Открытое *ė* подлежало редукціи, а въ положеніи передъ удареніемъ переходу въ *а*: зя́те'м', го́лубе'м' переходили въ зя́тем, го́лубем, откуда зя́тэм, го́лубэм; зе'м'ли́ца переходило въ земли́ца, откуда зямли́ца и т. д.

Указанными здѣсь явленіями исчерпываются, повидимому, тѣ измѣненія, которымъ подвергались неударяемыя гласныя въ общесреднерусскую эпоху. Другія измѣненія имѣли мѣсто уже въ отдѣльной жизни тѣхъ многочисленныхъ говоровъ, на которые издревле распадался среднерусскій языкъ. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ изъ этихъ измѣненій, приведу данныя современныхъ живыхъ говоровъ, подтверждающія описанныя выше отношенія.

Въ слогѣ передъ удареніемъ, согласно предыдущему, являлись редуцированныя гласныя преимущественно (въ соотвѣтствіи же съ *о*, *а* исключительно) передъ ударяемымъ *а*; гласная *а*—передъ другими ударяемыми гласными. До сихъ поръ сохранились говоры, которые представляютъ передъ ударяемымъ *а* редуцированныя гласныя или звуки *ы*, *и* (о происхожденіи ихъ скажемъ ниже), между тѣмъ какъ передъ другими ударяемыми гласными въ нихъ является *а* [1]); сюда относятся, напр., ельнинскіе говоры Смолен-

[1]) При этомъ *и*, *ы* распространились и на случаи, гдѣ передъ *а* мягкая согласная; между тѣмъ древнее *о* передъ мягкою согласною не редуцировалось, какъ мы видѣли, въ первую эпоху.

ской губерніи въ записяхъ В. П. Добровольскаго: тыва́ръ, дыста́ть, скыта, зызваў, рыга́тина, устрыша́ить, систра́, дила́, рика́, лигла́, привиза́ть, чисахъ, гнизда́, выприда́ють и т. д. (при ряку́, пряду́ть, дяло́ў, бярно́ и т. д.); въ рославльск. говорѣ, описанномъ г. Четыркинымъ (програм.) находимъ: сыва́, трыва́, хрыма́ть, глыза́, дыжжа́, прыда́ў, слиза́, пита́к, рика́ (но стянѣ́, глядѣ́ть, вяснѣ́, вясно́ю, слязи́нка, вяли́к); въ нѣкоторыхъ жиздринскихъ говорахъ, изслѣдованныхъ А. Никольскимъ (Р. Ф. Вѣст. 1901, № 1 и 2), „въ положеніи передъ ударяемымъ *а* звукъ *о* измѣняется въ ă глухое, склонное къ *ы*, или даже въ *ы*...“, „послѣ смягченныхъ согласныхъ безударный звукъ *е* измѣняется... передъ ударяемымъ *а* слѣдующаго слога въ *и*“ (ўдăⁿва́, у пыпа́хъ, быга́тай, двыра, бида́, лиса́ми, но пясо́к, дяло́ў, сяло́, варо́ны, вади́цы); въ витебскомъ говорѣ, описанномъ Никифоровскимъ (прогр.), находимъ быга́тый, сыха́, мыя́, лыма́иць, систра́, жина́, изя́м, изя́ми (но сястри́ца, по-жану́, саху́, дваро́ў, язи́, язёв); въ лепельскомъ уѣздѣ: дыва́й, зыпра́ўду, плила́, висна́, дрима́ла, бида́ (но по ляду́, цаны́, пяру́нъ, ня бяду́й, сборникъ Шейна); сѣненск. въ записяхъ Романова: быга́тому, взрысла́, кыза́, кыза́ць, пыпра́сно, кысматый; въ нѣкоторыхъ мещовскихъ говорахъ, представленныхъ въ записяхъ, изданныхъ Чернышевымъ и Косогоровымъ: твыя́, жина́, систра́, кыда́, три кыта́, рика́ (но ряку́, сматрѣ́ли, маю́ жану́) [1]. Распространенность *а(я)* въ слогѣ передъ другими ударяемыми гласными, кромѣ *а*, доказывается для общесреднерусской эпохи тѣмъ, что мы найдемъ такое *а* на всемъ пространствѣ, занятомъ среднерусскими говорами, начиная отъ тамбовской и рязанской губерній и кончая польскою границей: ряз. кальцо́, нямо́й, козлов. шаштой, темник. вязу́, плято́ (а также ряка́), тульск. пля-

[1]) Въ говорѣ, откуда заимствованы эти примѣры, *и* замѣняетъ еще древнее *е* закрытое (передъ слѣдующей мягкой согласной) и вѣроятно также *я* въ такомъ положеніи (т. е. тамъ скажутъ: придеть = прядётъ).

ту́шка (и ряка́, стяна́), мещов. гнязд́о, жиздр. вяно́к, льгов. нябо́сь, могил. лягу́шкыю, рогач. зявну́ла, по лясу́, слуцк. сястра́, свенцянск. рака́, лясо́к и т. д. Правда, вмѣсто *я* мы нерѣдко найдемъ *и* и е[1]: но е[1], какъ увидимъ ниже, замѣнило *я* вслѣдствіе опредѣленнаго ассимиляціоннаго процесса, а *и* восходитъ частью къ такому е[1], частью же обязано перенесенію изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ оно предшествовало ударяемому *а*, въ положеніе передъ другими ударяемыми гласными (въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ увидимъ, только передъ ударяемыми *е* и *о*). Впрочемъ, нѣкоторые случаи съ *и* (*ы* послѣ шипящихъ) вм. первоначальнаго *а* и вм. первоначальнаго *ѣ* могутъ быть признаны архаизмами: южноряз. жылѣть, лашыдей и др. Равнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ, весьма впрочемъ рѣдкихъ, говорахъ редуцированная гласная (или даже *ы*) распространилась изъ случаевъ, гдѣ она появилась передъ ударяемымъ *а*,— или и передъ другими ударяемыми гласными изъ первоначальнаго *а*, — насчетъ *а* изъ древняго *о* въ положеніи передъ другими гласными (ефрем. скыту, кыро́ста, въ гыду́, гыдовъ, кырова, хвыро́стъ изъ такихъ случаевъ, какъ выда, пышла́, грыни́ца, жыра, жылѣть: сообщеніе весьма обстоятельнаго наблюдателя, о. Благовѣщенскаго, прогр.).

Общій законъ, что изъ двухъ неударяемыхъ слоговъ съ гласными *е*, *о*, *а* въ положеніи передъ удареніемъ редуцируется предшествующій слогъ, между тѣмъ какъ въ послѣдующемъ является *а*, выдерживается, какъ кажется, во всей области среднерусскихъ говоровъ; эта редуцированная гласная послѣ смягченныхъ согласныхъ весьма склонна къ переходу въ *и*, послѣ твердыхъ она рѣже замѣняется черезъ *ы*: рузск. гърява́т', пъмярла́, пъвязу́т, пълязи́й (Дурново въ Р. Ф. В.), касим. пътацку́, мăладеньцу, пăглядитя, пълуцыла, хърашы (Будде), крапив. нъчява́ть, лъшадя́х (Будде), одоев. пъцалу́ю, мъладу́ю, пăкажы-ка (Будде), бѣлев. пъпадáя (Будде), бронницк. кърава́й, сълавей, пълави́на (Глѣбинъ). Исключеніе представляютъ тѣ говоры, въ которыхъ наблюдатели отмѣчаютъ *а* и *я* вмѣсто *ъ*(*ы*) и *и* другихъ говоровъ: *я*, *а* въ бѣлор.

сяраб*р*о́, зяляпава́тый, сямяры́хъ, южновеликор. (тульск.) валаса, панясу, дясяти, дярявушка, тяжало́ обозначаютъ, вѣроятно, не всегда редуцированное *а*, но весьма часто звукъ *а* полнаго образованія, о происхожденіи котораго скажемъ ниже. Редуцированными же являются *о*, *а*, *е* въ третьемъ отъ ударенія слогѣ, когда въ предударномъ слогѣ слышатся гласныя *ы*, *и*, *у* (т. е. не только *а*): стърика или стырика при тульск. старика́ съ гласной *а*. Древнимъ по происхожденію исключеніемъ изъ указаннаго здѣсь общаго правила оказывается произношеніе *ы*, *и* вмѣсто ожидаемаго *а(я)* въ слогѣ передъ ударяемымъ *а* въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ *ы*, *и* вм. *а* и въ начальномъ слогѣ передъ ударяемымъ *а*: ср. ельнинск. пыстя́лый, вылыска́, гылыва́хъ, пырысятъ, зывиза́лъ, миртвица́мъ, лидина́я, иаднила́ся и т. д.; гылыва́ нельзя объяснить изъ гылава́; оно восходитъ къ го¹*ла*ва́, откуда г*ала*ва́, измѣнившееся въ однихъ говорахъ въ г*а*лава, а въ другихъ въ г*а*лыва́ (въ третьихъ въ г*а*лва́ съ *л* слоговымъ, см. выше); пырысятъ, пыстыялый имѣютъ *ы* по аналогіи такихъ словъ, какъ гылыва (гдѣ гласная преднослѣдняго слога стояла передъ твердой согласной); въ выдыва́ть — *ды* такого же происхожденія, какъ въ ўдыва, дыла́, а въ выгынять *ы* замѣнило *о* по аналогіи (*о* изъ о¹ передъ мягкой согласной).

Показанія всѣхъ среднерусскихъ говоровъ уполномочиваютъ насъ допускать редуцированность открытыхъ гласныхъ въ положеніи за удареніемъ и при томъ какъ въ серединномъ слогѣ, такъ и въ конечномъ закрытомъ слогѣ: сѣвернорязь. восьмиро, касим. га́лкыми, добрыва, полысы, бѣлыва, раненб. волысы, вароными, прежниму, четвиро, епифан. озиро, мѣсица, темник.-тамб. крыльив, ястриб, погриб, вѣтир, рославл. скушыла, горыда, етыга, тёплинькыга, поисъ, вымила, вылизъ, бронницк. весила, озиро, вечир, капе́ик, яблыко, надыть, мещов. этыва, катырга, дурычка, новоалекс. дудычка, новыга, лепп. мѣсицъ, попилъ, пѣсинъ, церимъ, мѣщаныкъ, загадычки, сѣнненск. шубычка, я радзилыся и т. д. Мы увидимъ ниже, что во

многихъ говорахъ редуцированная гласная, въ особенности въ положеніи въ конечномъ слогѣ передъ согласной, замѣнена гласной *а* полнаго образованія, но эта замѣна представляется явленіемъ новымъ, вызваннымъ тѣми ассимиляціонными процессами, о которыхъ скажемъ дальше.

Большинство южновеликорусскихъ и, кажется, всѣ бѣлорусскіе говоры доказываютъ, что въ открытомъ конечномъ слогѣ звуки редуцированные были почти окончательно вытѣснены гласной *а* полнаго образованія. Сошлюсь на рязанскіе говоры: въ касимовскомъ уѣздѣ, какъ извѣстно, на мѣстѣ южнорязанскихъ *а*, *я* слышатся нерѣдко *ы*, *и*, а еще чаще неопредѣленный (редуцированный) звукъ; между тѣмъ въ открытомъ конечномъ слогѣ *а* звучитъ явственно (Будде, стр. 64 и сл.): ба́ба, бума́га, нада, стыдна, по́ля, брюха, бу́дя, пріяжжа́я, скажы́тя и т. д.; въ ельнинскихъ и рославльскихъ говорахъ въ слогахъ послѣ ударенія всегда являются *ы*, *и*, но въ открытомъ конечномъ слогѣ *а*: серца, дужа, чимъ жа, Божа мой, мно́га, асвяти́тя, яўляўся (Добровольскій), вумныга, етыга, слова, масла, сѣна, дажа, тамъ жа, нясú́тя, тяперя, троя (Четыркинъ); то же въ витебскомъ: сыба́ка, ет*а* зробилыс*я*, намурдува́лыс*я* (Никифоровскій); то же въ томъ ефремовскомъ говорѣ, гдѣ слышится произношеніе кырова, скыту́, выгныли, эфтыму: слѣпо́ва, батюшка, сила, крестьяня, старѣя, теперя, нонча (Благовѣщенскій) и т. д. Изъ этихъ данныхъ мы и извлекаемъ доказательство того, что конечное *ѣ* еще въ среднерусскую эпоху перешло въ *и*, такъ какъ въ названныхъ говорахъ мѣстн. ед. именъ существительныхъ, а также нѣкоторыя нарѣчія, еще въ древнерусскомъ замѣнившія *е* черезъ *ѣ* подъ вліяніемъ аналогіи (болѣ вм. боле подъ вліяніемъ болѣе, ширѣ подъ вліяніемъ бѣловатѣе, голосистѣе; смѣлѣ, вѣжливѣ, мѣтнѣ въ онежск. былинѣ, Кирѣевск. III, 68), оканчиваются не на *я*, а на *и*: касим. г бало́ти, х по́ли (но ў по́ля), не́гди, навышы, дляшэвли, раньшы, ефрем. на базари, въ городи, рославл. у горыди, ны быза́ри и т. д. О діалектическомъ измѣненіи этого *и* въ *я* скажемъ ниже.

Изъ предшествующаго изложенія видно, что въ эпоху среднерусскаго единства узкія неударяемые гласныя *ы*; *и*, *у*, а также *е* и *о* закрытыя не подлежали редукціи. Болѣе обстоятельныя данныя для такого утвержденія будутъ представлены теперь, когда мы переходимъ къ изложенію звуковыхъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ.

III.

Эти явленія можно раздѣлить на двѣ большія группы: къ первой относятся измѣненія звуковъ самихъ по себѣ или подъ вліяніемъ данныхъ въ томъ или другомъ словѣ условій; ко второй—измѣненія однихъ звуковъ подъ вліяніемъ другихъ имъ однородныхъ или поставленныхъ въ одинаковое съ ними положеніе въ словѣ; первыя явленія я назову переходомъ однихъ звуковъ въ другіе, вторыя замѣной однихъ звуковъ другими.

А. *Переходъ однихъ звуковъ въ другіе.* Къ діалектическимъ измѣненіямъ неударяемыхъ гласныхъ въ среднерусскихъ говорахъ относится переходъ *е* и *о* закрытыхъ въ *и* и *у*. Закрытое *е* было извѣстно только передъ мягкими согласными; что въ общесреднерусскую эпоху оно оставалось безъ измѣненія, видно изъ его распространенности въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ, причемъ частью оно замѣнило (въ слогѣ передъ удареніемъ) болѣе древнее *а(я):* ср. моск. песи, велик, девети́, плеса́ть, река́, село́ съ закрытымъ *е* (Ѳ. Е. Коршъ и другіе наблюдатели), касимовск. дете́й, сетя́ми, сеньца, лени́ва, веньца́лъ, предём, ези́, езы́къ, пъилешы́ (Будде), тульск. и крапивенск. земьли́, места́, къ јему́, дели́ть, зафсегда (Будде), бронницк. гледѣть, смегчать, ребой, тенуть (Глѣбинъ), мосальск. теке́ть, ў еди́, беллё, спеке́ш, тресецца, церя, предеть (мои наблюденія) и т. д. Но во всѣхъ названныхъ говорахъ рядомъ находимъ *и* вмѣсто закрытаго *е*. Во всякомъ случаѣ есть говоры,

окончательно отдѣлавшіеся отъ закрытаго *е*: оно перешло въ *и* независимо отъ какихъ бы то ни было условій ударенія, т. е. не только въ слогахъ отдаленныхъ или слѣдующихъ за удареніемъ, но и въ слогѣ непосредственно ему предшествующемъ. Ср. южноряз. будиш, тонить, бу́дитя, плачить, каминь, стюдинь, тачёниньккяй, пирярy̆бъ, чирянóкъ, пилянá, дисятй, рузск. зилёная, на бирягу́, жылéза, жынé, цыдить, рославл. сирябро, у вóсинь, дéвиря, вóчинь; мещов. вилéлъ, одіялочка, ворон. типерь, ничаль, съ симьёй, тонить, чешыть, крапивенск. пъсирётки, нивѣста, нидéль, среднедонск. въ тиряму, нисеть, очинь, старицк. вывиди, каминь, поѣдишь, помирли, по виснѣ, висенній, епифан. лебидь, коринь, лѣзишь, девиря, осинью, оцынить, дисяти, въ тéрими, витебск. дзиривянный, мидвѣдій, зилянó, новоалекс. силязёнка, симярыхъ, сирадá, быховск. восинь, зиляну́, куку́ить, дися́тку, дарóжинька (прогр., Н. Короленко), волковыйск. сіріе̇г, сіbіе̇ (Federowski), лепельск. будзишь, дзися́того, чирвякоў, пирабью (сборникъ Шейна) и т. д. Во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ случаяхъ видимъ фонетическій переходъ *е* закрытаго полнаго образованія въ *и;* переходъ этотъ былъ, повидимому, очень распространенъ въ нѣкоторыхъ, особенно южновеликорусскихъ говорахъ; онъ ясно отразился особенно на тѣхъ говорахъ, которые представляютъ чередованіе *я* и *и* въ зависимости отъ твердости или мягкости слѣдующей согласной, при чемъ, какъ увидимъ ниже, *а* между двумя мягкими согласными замѣнялось черезъ *и* подъ вліяніемъ аналогіи. Такіе говоры отмѣчены въ егорьевскомъ уѣздѣ (вязутъ, но синьца, Чернышевъ), въ крапивенскомъ уѣздѣ (прядуть, ня зналъ, но диреўня, пъсирётки, Будде) [1]), въ тульскомъ (двянадцать, Стяпанна, по диревня, жыныхъ), въ мещовскомъ

---

[1]) Впрочемъ, *и* стало проникать и въ положеніе передъ твердою согласною: слизóю, распивáли, нибисáми, систру, фсигдá (большею частью передъ *а;* слизою, систру изъ формъ слиза, систра?).

(яда, жана, но вилѣлъ, явленная, Чернышевъ; плясáть, гнѣздó, чясы́, слязá, сястрá, но висьнѣ́, систрѣ́, слизи́нка, глидѣть, Чернышевъ и Косогоровъ), рузскомъ (вядрó, пятáк, панясу́, дявáть, па гряхáм, жанá, но бири́, питёрка, книги́ни, рибúна, жынé, Дурново) [1]), темниковскомъ тамб. губ. (ряка, пляту, святой, вязу, вяла, сляза, пятáк, по вилúкъ, питúшница, бирёза, нивѣста, слизи́пка, Поручиковъ, прогр.), липецк. унясла, яво, сямая, по нисёт, типерь, иё, жирибец (Аѳан. Сказки I), зубцовскомъ (сядóй, вянóкъ, бядá, вяслó, сялó, но щивéль, нидѣля, види́, тичóтъ, глидѣть, жилѣть), старицк. (святóй, гнездо, часы, но висенній, глидѣть, систрѣ, види) и др. Нѣкоторые говоры, напр. рузскій села Парфёнокъ, сохранили указаніе на то, что этотъ переходъ *е* въ *и* совершился до отвердѣнія шипящихъ (ср. мишóк, пишкóм, чижóлай); мещовское гряшыть имѣетъ *я*, быть можетъ, подъ вліяніемъ случаевъ, гдѣ передъ твердой согласной произносится *я*. О чередованіи *и* и *я* при сходныхъ условіяхъ послѣ ударенія, см. ниже. Звукъ *е* закрытое измѣнился въ *и* самъ по себѣ, т. е. независимо отъ вліянія окружающихъ согласныхъ, хотя, конечно, сама закрытость *е* зависѣла отъ сопровождавшей *е* мягкой согласной. Это *и* изъ *е* надо отличать какъ отъ *и* въ діалект. нису и т. п., такъ и отъ *и* въ мисаѣт: въ нису оно заимствуется изъ случаевъ, какъ нисéть, въ мисаѣт *и* произошло изъ ǝ (редуцированнаго звука) подъ вліяніемъ предшествующей мягкой согласной (см. ниже).

Переходъ закрытаго *е* въ *и* вполнѣ аналогиченъ переходу закрытаго *о* въ *у* въ южновеликорусскихъ и бѣлорусск. говорахъ. Мы видѣли, что *о* закрытое вытѣснено въ ударяемыхъ и неударяемыхъ слогахъ еще въ общесредне-русскую эпоху открытымъ *о*; вытѣсненіе это имѣло мѣсто передъ твердыми и мягкими согласными, но передъ

---

[1]) То же подтверждается о. Благовѣщенскимъ (прогр.): „передъ твердой яснѣе слышится *я*, передъ мягкой средній звукъ между *е* и *я*“.

неслоговымъ *u* (или *j*) *o* закрытое сохранялось въ томъ случаѣ, когда за такимъ *u* (*j*) слѣдовалъ звукъ *y*. Это имѣло мѣсто, напр., въ окончаніи тв. ед. словъ женск. р., гдѣ -ою имѣло закрытое *o* подъ вліяніемъ слѣдующаго *ю* (но рядомъ было извѣстно и -ою съ открытымъ *o*, быть можетъ, тамъ, гдѣ на *o* стояло удареніе); -ою съ закрытымъ *o* перешло въ отдѣльные среднерусскіе говоры и измѣнилось въ нихъ въ -ую (откуда -уй) въ то самое время, когда *e* закрытое переходило въ *u*: ср. егорьевск. тёткуй, палкуй, зубцовск. съ карзинкуй, съ нянюй, касим. дубинкуй, линейкуй (и даже сеструй, Крашенинникова, прогр.) [1], старицк. папашуй, каровуй, бѣлевск. невѣстуй, сарокуй, мещов. этуй дарогуй, одежуй, крапив. крышкуй, великолуцк. асинуй, бярёзуй (Успенскій, Жив. Ст.); въ смоленскихъ говорахъ находимъ и болѣе древнее -ую: ельнин. зъ маткую, асиную, дарогую, сабакую при ёлкуй, дарогуй (Добров.), ср. также лепельск. барылкую, горкую горэлкую (сборникъ Шейна); въ касим. находимъ позднѣйшее измѣненіе -ую не только въ -уй, но и въ -уя: Михайлуя, за боро́нкуя (послѣднее въ пѣснѣ, Будде). Любопытно, что -уй особенно часто послѣ *к*, *г*: это служитъ еще лишнимъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что -уй нельзя возводить къ -*ой* (изъ -ой), но что его надо объяснить изъ -ой съ закрытымъ *o*, при чемъ закрытость *o* была защищена послѣ задненёбныхъ болѣе, чѣмъ послѣ другихъ согласныхъ. Сходно объясняется -ую въ вымую зубцовск. вм. вымою (отсюда и вымуй 2 л. пов. старицк.). Діалектически *o* закрытое сохранялось въ среднерусскую эпоху тамъ, гдѣ согласныя не утратили своего лабіализованнаго характера; оно перешло затѣмъ въ *y*, вслѣдствіе чего было обезпечено отъ дальнѣйшихъ измѣненій даже послѣ утраты согласными лабіализаціи; такіе говоры находимъ въ рогачевскомъ уѣздѣ могилевской губ.; особенно характеренъ говоръ мѣстечка Озераны, гдѣ *y* получило

---

[1]) Будде подъ удареніемъ отмѣтилъ закрытое *o*: снахой (Къ исторіи великор. говоровъ, с. 101).

сильное распространеніе и насчетъ *а* подъ вліяніемъ ассимиляціоннаго процесса; о случаяхъ, гдѣ *у* вытѣснило *а*, скажемъ ниже, а здѣсь приведемъ нѣсколько примѣровъ перехода *о* закрытаго въ *у*, пользуясь записями, помѣщенными въ сборникѣ Романова (т. I, вып. 3-й): сладкуй вудóй 173, кунецъ 92, муюй 92, гурицъ 91, худзя́инъ 91, пушли 88, стуицъ 88, прусицъ 88, куня́ 88, пудуждоў 89, за вукно 92, двурэцъ 92, пу дурози 402, пусьлё 336, думоў 401, на вурóтахъ 403, вуды 337 и т. д. (разумѣется, и ударяемое *о* закрытое измѣнилось здѣсь въ *у*: ў двуръ 402, плухо 330, сыну́къ 330, живуго 337, жунка 401, цюмный 88, Бугу 89, дубрый 88 и т. д.). Въ единичныхъ случаяхъ подобное произношеніе извѣстно и въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ говорахъ: бронницк. прусить (вліяніе губной, Глѣбинъ, прогр.). Такіе случаи, а особенно, конечно, рогачевскіе говоры, служатъ лучшимъ доказательствомъ выставленнаго нами выше предположенія о томъ, что нѣкогда общесреднерусское *о* было закрыто какъ передъ лабіализованными, такъ и передъ палатализованными согласными.

До сихъ поръ мы говорили объ измѣненіяхъ гласныхъ полнаго образованія. Переходимъ къ измѣненіямъ, испытаннымъ редуцированными гласными. Редуцированная гласная, по самой природѣ своей, легко уподоблялась сосѣднимъ звукамъ. Предшествующія нёбныя или губныя согласныя, а также звуки *и*, *у* въ слѣдующемъ или предшествующемъ слогѣ — вліяли на измѣненіе редуцированной гласной въ *и*, *у* полнаго образованія. Разсмотрю отдѣльно нѣкоторыя изъ указанныхъ явленій. Редуцированная гласная перешла въ *и* подъ вліяніемъ предшествующей нёбной (мягкой) согласной и притомъ начальной въ словѣ въ цѣломъ рядѣ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ. Ср. касим. јиравыји, цылаэ́к, рузск. чижалó, ельн. синакосъ, звирабой, сикануў, питухи́, питакóвую, дримату́, лисавыхъ, трихани, бронницк. лисави́къ, вирставой, южноряз. мисаѣдъ (Будде), старицк. виставóй, ворон. викава́ть, питачёкъ, јиравой, чижала

(Филатовъ), обоян. чисавой, чирадѣй (Машкинъ), дисненск. мисаѣдъ. Съ такимъ *и* не слѣдуетъ смѣшивать то *и*, которое замѣнило *е* закрытое полнаго образованія (см. выше). Но совершенно однородно съ этимъ *и* то *и*, которое замѣняетъ редуцированную гласную передъ слѣдующимъ ударяемымъ *а*, въ тѣхъ говорахъ, гдѣ она не замѣнилась гласною *а* полнаго образованія: среднедонск. виснá, слизá (Калмыковъ), жиздр. бидá (Никольскій), мосальск. лисá, виснá, питáк, ельнин. systрá, силá, чисáхъ (Добров.), рославл. слизá (Четыркинъ) имѣютъ *и* изъ редуцированной гласной, подвергшейся вліянію предшествующей мягкой согласной; въ этихъ говорахъ *и* замѣняло редуцированную гласную не только въ начальномъ слогѣ слова; вотъ почему мы находимъ здѣсь *и* передъ ударяемымъ *а* и въ неначальномъ слогѣ: ельн. сир*и*брá, миртв*и*цамъ (но миртвяцоў), зывизалъ, нибиса, выпридають, привизали, лидиная, среднедонск. сиридá, рославл. дивитнáдцать, шырстинáя, мосал. выпригáя и т. д. Въ нѣкоторыхъ говорахъ редуцированная гласная перешла въ *и* и послѣ твердой согласной подъ вліяніемъ гласной *и* въ слѣдующемъ слогѣ: мосал. Кизими́роўка (назв. деревни), мещов. Висилёво (назв. деревни), Висилиса, касим. пиринёк и пиринёцык, Кипитóн (Будде), ворон. бисикóмъ (Филатовъ), егор. басивики́ (Чернышевъ), ворон. Бирьсихлѣпскъ (Филатовъ), донск. бисикóмъ (Калмык.) касим. висилёк (Крашенинникова).

Редуцированная гласная переходитъ въ *у* въ положеніи послѣ твердыхъ губныхъ въ началѣ слова: дон. музыля́ (Калмык., отсюда и музы́ль), мещов. музаля́ (Черныш.), бѣлев. мужавéльныкъ (Будде), касим. пулцасá, мужавельник, мужавёлăвай куст, бушмаки́ (Будде), мосал. пуправлеють, музали́, раненб. музали́, зубцов. бушмаки́ (Рахманина, прогр.), касим. мугарычъ (Крашенинникова), епиф. Бугародица (Жирицкій), епифан. музали́, мугарычъ (Мокѣевъ), новосил. бухмара (бахрома), Бугородица (Сучковъ, прогр.), бронницк. бухрама, путаму, Бугародица, мугарычъ, старицк. мугарычъ, Бугародица, рузск. буга-

чо́ву, ефрем. бухрама (Благовѣщенскій); особенно распространенъ этотъ переходъ въ нѣкоторыхъ смоленскихъ говорахъ, ср. ельн. пумагай, пуминали, пувязу, пу пити, пувялѣнія, пубядить, пумяломъ и т. д. (между двумя губными), Бугородица, пусматрю, пу языку, пуспивать, бушмаки и т. д. Рѣже находимъ переходъ редуцированной гласной въ *у* передъ губными и при томъ не только передъ удареніемъ, но и послѣ него: рузск. кумара, кумари́, думавничьт', чубата́ми, бронницк. тупарище, супаги, жолуб, спосуб, тимск. спосуб (Двоелученскій, прогр.), зубцов. сумава́ръ, супаги́, егор. супаги́, кубаки́ (Чернышевъ), мещов. молитувкой (Чернышевъ), старицк. сумава́ръ, тупоро́мъ, супаги́ (отсюда им. тупо́р, мещов. и касим. супо́г у Крашенинниковой,—какъ мещов. бушма́к подъ вліяніемъ бушмака́ или бронницк. кума́рь подъ вліяніемъ кумари́), сѣнненск. заѣхувъ, орѣхувъ, кумарово. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ передъ ударяемымъ *а* сохранялась редуцированная гласная, она переходила въ *у* при указанныхъ здѣсь условіяхъ: ельн. пупа́, пупка́ (но папу́, папо́къ), лумать, лупату, пупаў, мосал. пупалъ, пупра́вили, ельнин. букалъ (заимств. слово); такой же переходъ имѣетъ мѣсто и въ неначальномъ слогѣ: мосальск. самува́р, самуар, забувля́ецца, прибувля́ить, рославл. сымува́р, льгов. самувар (Костенко, прогр.). Гораздо рѣже находимъ *у* вмѣсто редуцированной гласной послѣ гортанныхъ; мнѣ извѣстенъ только одинъ случай: кураго́д ряз. (Будде), епифан. (Жирицкій), козловск. (Падучевъ), ефрем. (Благовѣщенскій), бронницк. (Глѣбинъ) и др.—Редуцированная гласная переходитъ въ *у* подъ вліяніемъ слѣдующаго неударяемаго *у*: сѣнненск. жолубу, бронницк. гусударь, поэтуму, рославл. хо́луду (Четыркинъ), обоян. кулупать, ворон. за́ нугу, по́ нусу, на́ гуру, по́руху, го́луву, въ кутухѐ, пути́на (Филатовъ), ельн. гулубиныя, здубрувать (-увать вмѣсто -овать подъ вліяніемъ основы наст. вр.), занучува́лъ, тулкувать, гусударь, кулдуно́ў, булува́тца, пурубіў, пуручитиль, лускуты, прупущать, пу кусочку, пу дурацки и т. п., мещов. пудучать, хулую́, зугубилъ, пугуляй, гулу-

бочкя (Черпыш. и Косогоровъ), витебск. накрусувалыся.— То же подъ вліяніемъ предшеств. *у* неударяемаго или ударяемаго: ельн. публугадаріў (первое *у* изъ редуцированной гласной вслѣдствіе своего положенія между губными), Дубувика́; ту́лувища, пу́гувицы, бѣлору́сскуму, голу́бучка, су́мучку (Добров.). Отмѣчу еще энклитическое ужу вм. уж*а* (таперь ужу позна: Мосал., и т. п.): рославл., дмитріев. (Коростелевъ, прогр.), старицк. (Макавѣева, прогр.), ельн. (пайдёмъ ужу двару и т. п.). Въ говорахъ, гдѣ передъ ударяемымъ *а* сохраняется редуцированная гласная, она переходитъ въ *у* подъ вліяніемъ гласной *у* въ предшествующемъ слогѣ: мосальск. дурука, гусука, кружува, жиздр. хрустуля́, рукува́, ельнин. дурука (по дураку), рославл. дурука, гусука́, витебск. дурука, гусука (Никифоровскій) [1]).

Такимъ образомъ въ среднерусскихъ говорахъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ возникали на мѣстѣ редуцированныхъ гласныхъ гласныя полнаго образованія *а*, *у*. Это повліяло на переходъ редуцированныхъ гласныхъ и во всякомъ другомъ положеніи въ гласную *ъ*, т. е. въ ту гласную, которая въ положеніи послѣ твердыхъ согласныхъ соотвѣтствовала гласной *и* послѣ мягкихъ: переходъ сънако́с въ сипако́с вызывалъ переходъ с*а*лаве́й въ сылаве́й. Подобный переходъ свойственъ очень многимъ среднерусскимъ говорамъ, при чемъ, однако, его позднее

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассимиляціи предшествующему неударяемому *у* подверглись и гласныя полнаго образованія *а*, *ъ*, *и*: мценовск. кумуча́, дуруки́, пузурёк (Корнѣевъ, прогр.), льгов. кружува́, музули́ (Костенко), мценск. мужуки́, кружува́, ефрем. пузурёк, дмитріевск. дурука́, рукува, рославл. музули, новосил. хрустуля́, пузурёк, епифан. мужуки́, темник. мужуки, пузурёк, раненб. и касим. мужуки́, ельнин. мужучок, кулюкоў (куликовъ), мосал. мужуки́, пузурёчкамъ, быховск. мужуки. Думаю, что всетаки надо исходить при объясненіи такихъ формъ изъ случаевъ съ ударяемымъ *а*: дурука, кумуча имѣютъ *у* изъ редуцир. *а*; музули́ подъ вліяніемъ музуля́; мужука́ подъ вліяніемъ дурука́ и уже отсюда мужуки́.

появленіе сравнительно съ переходомъ ꞓ въ *и* доказывается существованіемъ такихъ говоровъ, гдѣ при *и* изъ ꞓ продолжаетъ еще слышаться *а* при болѣе рѣдкомъ *ы* (мосальскіе и др. говоры). Приведу нѣсколько примѣровъ: темпик. пыпясу, гыспада, пыгади, касим. пыласа́, рызбалта́ю, добрыва, по́лысы, рославл. стыражи́лъ, стырики, рызлюбе́зна, пылатно́, етыга, сильныга, вароными, Хвёдыру, дѣвычка, ефрем. мыладца́, бырада, пылѣчить, выгныли, про́дыли, говыру, горыду, мещов. кылaсо́къ, кыраси́, зыпаха́лъ, дурычка, катырга, фуражкыю, скушыть, великолуцк. судырь, лѣсымъ, радысть, дырагой, витебск. кыляду́, дырмавщинкый, зынимацца, пымыладзѣла, тыпары́, сѣпенск. кынопельки, зылатый, мыладыя и т. д. Въ говорахъ, гдѣ *а* не замѣнялось черезъ *а* въ слогѣ передъ ударяемымъ *а*, это *а* также переходитъ въ *ы*: ельн. тыва́ръ, выда́, прыгна́лъ, витебск. двыра, сныпа, пирыга.

Рядомъ со стремленіемъ замѣнять редуцированныя гласныя гласными полнаго образованія *ы*, *и*, *у* видимъ и другое противоположное стремленіе—опускать редуцированную гласную. Это бываетъ преимущественно въ трехъ положеніяхъ: во-первыхъ, послѣ *р*, *л*, которыя, очевидно, становились слоговыми подъ вліяніемъ гласнаго элемента, представленнаго слѣдующимъ редуцированнымъ звукомъ, а потомъ утрачивали этотъ слоговой характеръ: ср. болхов. полсану́ть (Сахаровъ), ряз. сарфаны́ (Будде), мещов. бурвичо́к, бурвика́ (поэтому и бурви́к), сырмоло́тный, волковыи окна, молкососишка, двоюрный, обоян. ширхаватай, молкасосъ, приталка, жаварнакъ, колкалъ, пиркусить, пирдавать (по пиряда́лъ), ворон. пирвали́лъ, пирсказалъ [1]; тимск. пархаво́й, калкала́, раненб. пиркусить, бронницк. по́дволка, касим. колколъ (Ильинскій), мещов. бирьгаво́й, епифан. колкол, колкала́ (Жирицкій), сарфаны́ (Мокѣевъ), ефрем. серьду (Благовѣщенскій), рузск. пер'рубилъ, бър-

---

[1]) Изъ такихъ случаевъ *пир* переносилось и въ положеніе передъ мягкими согласными: пирсидѣть, пирьвярнулась изъ пирисидѣть, пиривярнулась съ *и* изъ *е* закрытаго.

нават', Сълманида, пирда мной (Дурново), мосал. пархавы́хъ и т. д. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ звукамъ *р*, *л* предшествуетъ древняя гласная, но то же имѣемъ мѣсто и тамъ, гдѣ имъ предшествуетъ согласная: слоговыя *р*, *л* переходятъ въ ар, ал (*ар*, *ал*); ср. гордобойна (вм. градобойна): мещов. (моя запись), балдарим: тимск., епифан., тульск. и др. непосредственно изъ *балгадаримъ* [1]). Во-вторыхъ, подобное же выпаденіе встрѣчается тамъ, гдѣ редуцированная гласная находится между muta и liquida; распространенность сочетаній muta cum liquida содѣйствовала выпаденію редуцированной гласной въ такомъ положеніи: ворон. за врата́, мещов. крагодъ, праходъ, дон. скаврада, крапив. храшо, вратили́ся, южноряз. плавина, кравайчики, прасяты, донск. сковрады, жавранак, темник. брада, глава, тимск. крава́й, врата, платенца, епифан. по плави́нѣ, тульск. гласа, касим. страна, хранить (Ильинскій), касим. трака́на, бронницк. крандашъ, прася́та, ворон. на́ пли, быховск. жа́вронокъ (прогр.) и т. д. Замѣчательно, что въ такомъ положеніи можетъ выпадать и редуцированная гласная, сохранившаяся передъ ударяемымъ *а*: тимск. и тульск. гра́зда. Въ-третьихъ, выпаденіе редуцированной гласной замѣчается между такими согласными, которыя часто сочетаются между собой въ языкѣ: *гв*, *кв*: ворон. пугвица, зубцов. луквица; *сп*: зубцов. спаги́; *ск*: мосал. висколе́тно; *сч* = *щ*: тыща во многихъ говорахъ; *зв*: касим. берёзвики.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о начальной редуцированной гласной. Вопросъ объ измѣненіи этого звука стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о его происхожденіи; а послѣдній вопросъ приводитъ насъ къ рѣ-

[1]) Какъ указано выше, при *галава́* было извѣстно діалектическое *галва́* съ слоговымъ *л*; ср. обоян. галвашки, цалвать, карвай; бронницк. барна, варта, въ галвѣ (подъ вліяніемъ галва́), дмитріевск. у галва́хъ, карвай, курпа́тка, тимск. у галва́хъ, карва́й, мещов. курпа́тка, епифан. во галва́хъ, мещов. кырвай, у галвахъ (Корнѣевъ).

шенію другого вопроса, а именно, различались ли въ начальномъ *о* (а редуцированное *α* восходитъ почти исключительно къ *о*) тѣ оттѣнки закрытости и открытости, которые привели къ различной судьбѣ звуки *о* въ серединѣ слова. Въ серединѣ слова *о* было закрыто передъ лабіализованными и палатализованными согласными; вліяли ли эти согласныя на закрытость и начальное *о*? Оставалось ли начальное *о* открыто только тамъ, гдѣ за нимъ слѣдовалъ слогъ съ гласной *а*, или же открытость его поддерживалась всюду положеніемъ въ началѣ слова? Разсматривая позднѣйшія замѣны звука начальное *а* въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ и не находя здѣсь указаній на особое измѣненіе его передъ слѣдующимъ ударяемымъ *а* (ср. сила́ при сяло, выда́ при ваде), я склоняюсь къ предположенію, что начальное *о* оставалось въ общесреднерусскую эпоху вообще открытымъ. Но, конечно, попадая въ положеніе за согласной (напр. предлога), начальное *о* становилось закрытымъ, если этого требовала сопровождавшая его согласная: быть можетъ, *о* закрытое, переносясь изъ такихъ случаевъ въ начало слова, развивало передъ собой звукъ *в* (ср. діалектическія возеро, вочень, вопшество). Если мы вспомнимъ, что наиболѣе обычною является замѣна *о* черезъ *во* въ закрытомъ слогѣ, образовавшемся послѣ отпаденія *ъ* или *ь*, и что именно въ такомъ положеніи *о* (удлиняясь) становилось закрытымъ въ общерусскомъ языкѣ, мы можемъ предположить, сопоставляя слова озеро, одинъ, осень, отецъ со словами вотчимъ, востръ, восмь, вотъ, что отсутствіе *в* въ большинствѣ среднерусскихъ говоровъ передъ одинъ, отецъ, осень доказываетъ, что начальное *о* было здѣсь открыто. Начальное открытое *о*, какъ всякая открытая гласная, подверглось въ общесреднерусскую эпоху редукціи и перешло въ *α*: *α*те́ц, *α*ди́н, *α*го́н', *α*на́, *α*дному, *α*браза́м и т. д. При извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, напр., въ положеніи послѣ гласной предшествующаго слова, *α* утрачивалось; подобную утрату мы отмѣчаемъ и теперь во многихъ южнорусскихъ и бѣлорус-

скихъ говорахъ: мосал. при тцу (при отцѣ), ён всё дин, двѣ льхи (ольхи́), ельн. ни тдасть. за вёсъ, на рѣхи, ни дна (и на дну), ня ди́нъ, мещов. на кнѣ. ворон. за кно, на ганёчик, егор. на тавѣ, рогач. усё дно, быховск. ня тдамъ, за дзинъ дзе́нь, на бѣдъ, новоалександр.-ков. ни ткажы, ни тдаешъ (прогр.), минск. ня тходзиць (прогр.) и т. д. Благодаря такимъ случаямъ, возможно отпаденіе *ɑ* и не послѣ гласныхъ: ср. мосальск. 'тец (есть тец?), 'смушку (осьмушку), 'рѣхи́ лузгають, ельн. а Іуда имъ 'твичаить, каравать 'блюбую, мещов. 'горо̀дъ, ворон. 'свабадила, касим. 'гурцы́, бѣлев. 'на (Будде), рузск. 'жыре́ли, болхов. спажи́нки (Сахаровъ) и т. п. Начальное редуцированное *ɑ*, повидимому, еще въ общесреднерусскую эпоху было склонно къ переходу въ *a* чистое: въ современныхъ говорахъ такая замѣна очень распространенна; ср. моск. абмирать, агурцы, рузск. абвизать, атрубить, аццыпить, крапив. аткажысь, агурцы, ельн. агонь, агню, аўса, мосальск. адна́, авёс. рогач. атдыхнуть и т. д. Но вообще начальное *ɑ* могло раздѣлять судьбу *ɑ*(ɛ) послѣ согласныхъ: вотъ почему мы находимъ рядомъ съ чистымъ *a* глухой звукъ, напр., въ рузск. ъгаро́т, ъ̆бвязат', ср. ъ̆ въ пъгляжу. Поэтому въ нѣкоторыхъ говорахъ, гдѣ *ɑ*(ɛ) послѣ согласныхъ перешло въ *ы* (*и*), мы находимъ *и* вмѣсто начальнаго *ɑ* (*ы* въ началѣ словъ вообще не извѣстно): льгов. иӌять, обоян. ипять, донск. ипять, ряжск. ильдару, игурец (Будде), бобров. иддадуть, иб акошка, иманшик (Филатовъ), мосал. ипять, итец, итня́л, идип, ивсы́, иттыле, ина (опа), ит Бога, ихотник, итказали (мои записи), ельн. идинъ, ибѣдъ, игню, на игни, ибѣдня, въ имбаръ, итчаво, іуца, съ іўсо́мъ, идпаму и т. д. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстно измѣненіе *ɑ* подъ вліяніемъ губныхъ въ *у*, можно найти *у* и вмѣсто начальнаго *ɑ*: ельн. урабѣў, ужіўлю, убрадува́лась, угародъ, мещов. узнобъ, упадысь, узновлять, ворон. урабѣла и т. д. — Думаю, что соврем. ипять, иди́н, ихо́тник и т. п. ясно указываютъ на то, что въ общесреднерусскую эпоху всякое начальное *a* измѣнилось въ редуцированное *ɑ*.

Б. *Замѣна однихъ звуковъ другими.* Мы видѣли, что измѣненія неударяемыхъ гласныхъ въ общесреднерусскую эпоху начались вслѣдствіе стремленія уоднообразить ихъ произношеніе, а именно, провести въ нихъ *закрытое* произношеніе. Но это стремленіе привело къ редукціи открытыхъ гласныхъ; встрѣча нѣсколькихъ слоговъ съ редуцированными гласными вызывала переходъ гласной второго слога въ *а* полнаго образованія, уже не подлежавшее редукціи. Такимъ образомъ, вмѣсто желаемаго однообразія получилось въ результатѣ еще большее разнообразіе: въ неударяемыхъ слогахъ однѣ гласныя произносились закрыто (*ы*, *и*, *у*, *е* передъ мягкими согласными, діалект. и *о*), другія открыто (*а*); рядомъ съ ними были извѣстны и редуцированныя гласныя. Между тѣмъ первоначальное стремленіе оставалось въ прежней силѣ и оно вызвало своеобразные результаты въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ. Слѣдствіемъ общаго стремленія уоднообразить произношеніе неударяемыхъ гласныхъ были: въ однихъ говорахъ замѣна однихъ звуковъ полнаго образованія другими, въ другихъ замѣна редуцированныхъ звуковъ гласными полнаго образованія, въ третьихъ замѣна гласныхъ полнаго образованія редуцированными. Мы остановимся на каждомъ изъ этихъ трехъ явленій.

1. *Замѣна однѣхъ гласныхъ полнаго образованія другими.* Гласныя полнаго образованія въ неударяемыхъ слогахъ были, какъ мы видѣли, закрытыми или открытыми. Различіе по условіямъ образованія между *а*, съ одной стороны, *ы*, *и*, *у*, съ другой, было настолько значительно, что не допускало прямого вліянія однихъ изъ этихъ звуковъ на другіе. Но звуки *е* закрытое и діалектическое *о* закрытое были въ значительной степени ближе къ *а*, и это вызвало рядъ ассимиляціонныхъ связей между ними и *а*. Въ однихъ говорахъ (имѣемъ въ виду такіе, которые утратили закрытое *о*) *е* закрытое стало замѣнять *а*, разумѣется, только послѣ мягкихъ согласныхъ. Сюда относится, напр., московскій говоръ, гдѣ вмѣсто сяло́, вяду́, панясу́, бяру́т, навязла́, яйцо́, пляса́ть, заяви́ть возникло

произношеніе село, веду, *па*несу́, беру́т, *па*везла́, ейцо́, плеса́ть, *за*еви́ть съ закрытыми *е*. Едва ли найдется въ области южновеликорусскаго языка другой говоръ съ столь же выдержанною фонетикой, какъ московскій: благодаря употребленію его въ культурномъ центрѣ, звуковыя отношенія его въ значительной степени упрощены и первоначальное разнообразіе сглажено. Такъ, между прочимъ, замѣна *я* черезъ *е* закрытое проведена здѣсь съ полною послѣдовательностью, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ, наиболѣе близкихъ говорахъ, рядомъ съ произношеніемъ на *е* закрытое, откуда и *и*, продолжаетъ сохраняться и произношеніе на *я*. Такъ, въ рузскомъ говорѣ, описанномъ г-мъ Дурново, рядомъ съ јизы́к, јимшы́к, трипат', слизо́ю, лита́л, чиса́т', систру́, јиво́, произносятъ: сястра́, јаво́, јаму́, слязо́ю, тряпа́т', лята́мшы, к чаму́ и т. д., по обратной замѣны *е* закрытаго черезъ *я* (т. е. передъ мягкой согласной) въ этомъ говорѣ нѣтъ. Нѣсколько консервативнѣй московскаго говора представляются тѣ довольно многочисленные южновеликорусскіе говоры, гдѣ переходу въ *е* закрытое подверглось только то *а* (полнаго образованія), которое находилось точно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ закрытое *е*, т. е. не только *послѣ* мягкихъ согласныхъ, но *между* мягкими согласными. Сюда относятся мещовскіе говоры: по наблюденіямъ Чернышева, подтвержденнымъ и записями Косогорова, *и* является передъ мягкими согласными, *а(я)* передъ твердыми: вилѣлъ, одіялочка, дивчушка, на зими́ (на землѣ), ивля́ется, свишше́нникъ, глидѣть (въ этихъ трехъ словахъ находимъ замѣну *я* черезъ *и*); но чятыри, вясной, яловый, вясы, дяловъ, яда, пляса́ть. Не станемъ останавливаться здѣсь на томъ обстоятельствѣ, что *я* вм. *ѣ* передъ твердыми согласными въ сущности замѣнило здѣсь редуцированную гласную (см. ниже), но укажемъ, что *я* можетъ замѣнять *и* изъ *е* закрытаго передъ отвердѣвшими шипящими: бяжы́ть, гряшы́ть; такой замѣны нѣтъ въ рузскомъ говорѣ, несмотря на то, что передъ твердыми согласными въ немъ безразлично употребляются *и* и *я*. То

же отношеніе — *я* передъ твердыми, *и* передъ мягкими — отмѣчается г. Чернышевымъ въ Егорьевскомъ уѣздѣ; изъ сообщаемыхъ г. Будде данныхъ видно, что то же наблюдается въ нѣкоторыхъ говорахъ тульскаго и крапивенскаго уѣздовъ [1]); изъ отвѣтовъ на программы слѣдуетъ, что такъ же чередуются *я* и *и* въ темниковскомъ уѣздѣ тамб. губ. (пята́к, сляза, но питишница, дисити); въ старицкомъ уѣздѣ тверской губ. (сляза, пясокъ, яво, но види, систрѣ, глидѣть, бири, ниси: наблюденія Ветлина и Макавѣевой). И такъ, *е* закрытое, откуда діалектически *и*, вытѣснило *а* послѣ мягкихъ согласныхъ во всѣхъ упомянутыхъ здѣсь говорахъ въ положеніи этого *а* передъ мягкими согласными; но замѣна *а(я)* передъ твердыми согласными ограничивается лишь немногими говорами, при чемъ въ однихъ (напр. въ рузскомъ) *и* не могло вытѣснить *я* въ такомъ положеніи, въ другихъ же (въ московскомъ) *я* вытѣснено закрытымъ *е* въ указанномъ положеніи; въ бронницкомъ говорѣ, описанномъ Глѣбинымъ, *я* вытѣснено звуками *и* и *е* (очевидно, закрытымъ: наблюдатель называетъ его глухимъ): ребой, тенуть, гледѣть, мисной, свитой, чижёлый. Отмѣчу еще нѣсколько говоровъ, не знающихъ замѣны закрытаго *е* черезъ *я* и потому, очевидно, относящихся къ говорамъ, гдѣ *я* при извѣстныхъ условіяхъ замѣняется черезъ *е(и)*: тимск. (Двоелуч., прогр.), епифан. (Мокѣевъ, прогр.), дмитріевск. (Коростелевъ, прогр.).— Однородными съ замѣною и вытѣсненіемъ звука *я* черезъ *е* закрытое и *и* представляются тѣ явленія, которыя наблюдаются въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ говорахъ, сохранившихъ дольше другихъ закрытое *о* и превратившихъ его въ *у*. Мы упоминали о такихъ говорахъ и указывали на рогачевскій уѣздъ могилевской губерніи, какъ на область наибо́льшаго ихъ распространенія. Изъ обнародованныхъ въ сборникѣ Романова записей можно составить себѣ понятіе о подобныхъ

---

[1]) Для крапивенскаго уѣзда то же подтверждается о. Благовѣщенскимъ (прогр.).

говорахъ въ мѣстечкѣ Жлобинѣ и селѣ Озеранахъ. Оставляя въ сторонѣ замѣчаемое въ Озеранахъ чередованіе *о* и *у* даже въ ударяемыхъ слогахъ, отмѣтимъ нѣсколько случаевъ, гдѣ *у* замѣнило ожидаемое *а:* зугудаешъ, разлумала, устуво́йця, достувать: общесреднерусск. яз. имѣлъ въ этихъ словахъ передъ слогомъ съ удареніемъ—*а*. Неясно, какой именно звукъ замѣнило *у* въ начальномъ слогѣ передъ удареніемъ — *а* или редуцированную гласную (изъ *а* и открытаго *о*), напр. въ словахъ скузаў, зубрали, дуво́й (т. е. давай), пупло́кали (т. е. поплакали), бугато, субо́ки (собаки); въ общесреднерусскую эпоху здѣсь была редуцированная гласная [1]).

Рядъ другихъ говоровъ представляетъ совершенно противоположную замѣну звука *е* закрытаго звукомъ *а(я)*. Кажется, такая замѣна имѣла мѣсто только въ слогѣ передъ удареніемъ, и при томъ непосредственно ему предшествующемъ. Это зависѣло отъ того, что въ другомъ положеніи *е* закрытое, по причинѣ, которую укажемъ ниже, рано перешло въ редуцированное ε; замѣна первоначальнаго закрытаго *е* въ случаяхъ, какъ сямяры́х или о́сян', о́зяри, произошла черезъ посредство редуцированнаго ε. Мы остановимся поэтому на подобныхъ случаяхъ ниже. Замѣна *е* закрытаго звукомъ *а (я)* свойственна едва ли не большинству южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ: то обстоятельство, что *а* между мягкими согласными (изъ болѣе древняго *а*) было извѣстно въ языкѣ въ цѣломъ рядѣ случаевъ, содѣйствовало самымъ рѣшительнымъ образомъ замѣнѣ *е* закрытаго черезъ *а*, тѣмъ болѣе, что послѣ твердыхъ согласныхъ *а* преобладало въ слогахъ передъ удареніемъ. Указать на причину, почему одни говоры замѣнили *я* черезъ *е*, а другіе обратно *е* черезъ *я*, не представляется пока возможнымъ. Замѣну

---

[1]) Въ случаяхъ, какъ вуро́ты, туго, думовъ, гулусокъ, тупоръ, худжу, куня, вуды, хуцила, муюй, прусиць, стуиць и т. п. *у* восходитъ непосредственно къ *о* закрытому передъ лабіализованной и палатализованной согласными.

е черезъ *я* находимъ, напр., въ южноряз.: сястрицы, бярёзу, лляжа́ть, сиряди́, збиряги́, шызьдяся́тъ, касим. на рякѣ́, стряляют, ляни́ва, раздяли́ла, тьвятё, спасск. ядя́ть, мястецка (Будде), мценск. вяли́къ, вяди, слязинка, льгов. вяликъ, новосильск. сялёдка, на стянѣ, пирвязи, тульск. вяди, рякѣ, тярпѣть, дяшевля, крапив. вярёвка, слязинка, вяди (Благовѣщенскій), мосальск. пиримяни́ли, ляжыть, увязеть, приняси, пякеть, смяюцца, сярёх, сямейство, спяшитя, ельн. вящей, скатярётку, тяперь, плятьми, мяльчѣй, хмялькомъ, рославл. нявѣста, вяснѣ, стянѣ, великолуцк. дяревня, нявѣста, па сянёмъ (Успенскій, Жив. Стар.), псков. зямля, зялёный (Евсѣевъ), рогач. дятямъ, вядзе́рцо, поцяче, быховск. мяне, яще, лямешики, трокск. дзяржи́ць, цяпе́р, ржев. нядзѣлямъ, трящиць, мядзвѣдзь, ядинъ, пярину, сѣнненск. зялёная, верябей, перяпёлушка, гомельск. ляти, щабячи́, до мязе́нца, витебск. вядеркыми, смяшиць, зямлямъ, цвяце́ и т. д. — Особо должны быть отмѣчены тѣ говоры, которые вообще не замѣняютъ *е* черезъ *я*, но допускаютъ замѣну *е* черезъ *а* послѣ твердой (отвердѣвшей согласной): ср. подобную замѣну даже въ московск. цалу́й вм. це¹лу́й.—Сравнительно очень немногіе говоры, и при томъ въ ограниченномъ числѣ случаевъ, допускаютъ замѣну *и* полнаго образованія (изъ первоначальнаго *и*) въ слогѣ передъ удареніемъ черезъ *я*: новосильск. сяжу, зямою вм. зимою (Сучковъ, прогр.), тульск. грябы, дляна, мяло́й (Благовѣщенскій), елецк. трянадцать (Никольская, прогр.) обязаны своимъ появленіемъ аналогіи тѣхъ случаевъ, гдѣ *я* находилось въ чередованіи съ *и* (изъ *е*).

2. *Замѣна гласныхъ полнаго образованія редуцированными.* Наше вниманіе останавливается на двухъ различныхъ категоріяхъ. Къ первой принадлежатъ слоги, непосредственно предшествующіе ударенію, т. е. тѣ слоги, гдѣ было преимущественное мѣсто для гласной *а* полнаго образованія; ко второй категоріи — остальные слоги, гдѣ, какъ извѣстно, *а* полнаго образованія было вообще неизвѣстно, кромѣ, впрочемъ, конечнаго открытаго слога.

Въ первой категоріи случаевъ замѣну гласныхъ полнаго образованія редуцированными можно признать сравнительно рѣдкимъ діалектическимъ явленіемъ; во второй категоріи такая замѣна захватила едва ли не всѣ среднерусскіе говоры. Остановимся на первой категоріи.

Наиболѣе распространенной является замѣна звука *а(я)* редуцированною гласной *α(ε)* передъ слогомъ съ ударяемымъ *а*. Замѣна эта вызвана тѣмъ, что языкъ въ начальномъ предударномъ слогѣ зналъ только *α(ε)*, когда за нимъ слѣдовала твердая согласная, а удареніе падало на *а* (вαда́, сεла́, пεта́к): подъ вліяніемъ такого произношенія начальнаго слога измѣнялось произношеніе слоговъ неначальныхъ, заключавшихъ въ себѣ *а* полнаго образованія при тожествѣ прочихъ условій. Такъ, вм. гарада́, варата́ являлись гαрαда́, вαрαта́ еще, быть можетъ, въ общесреднерусскую эпоху, но гαрαда́, вαрαта́ снова измѣнялись въ гαрада́, варата́ по выясненной выше причинѣ. Но въ діалектахъ, измѣнившихъ *α, ε* въ *ъі, и*, возникавшія вновь гαрαда́, вαрαта́ сохранялись или точнѣе измѣнялись въ гырыда, вырыта, сирида, при чемъ, однако, были возможны и параллельныя формы гαрαда́, вαрαта́: ср. мосальск. мαлαда́я, слыбыда́, пαкαча́ю, пαпαха́ть, быгыча́мъ, ельн. гылыва, зывизалъ, пилипами, сирибра, жирибца, витебск. ў гылывахъ, вырыта, пывтыра, пырыся и т. д. Равнымъ образомъ замѣнялись редуцированными гласными, передъ слѣдующей мягкой согласной и слогомъ съ ударяемымъ *а*, какъ *а* (пαля́ = пыля́ вм. паля́), такъ и закрытое *е* (зεмля́ = зимля́ вм. земля́): ср. мосальск. мыча́ла, дычка́, быля́ть, ельнин. пырысять, твыя, пысты́лый, тиля́тъ, чирьвя́къ, дивя́тымъ, двиряхъ и т. п. Такимъ образомъ, въ этихъ и другихъ сходныхъ съ ними говорахъ сложилось общее правило, по которому передъ ударяемымъ *а* произносятся звуки *ъі* и *и* вмѣсто ожидаемаго *а*.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, получившихъ *α(ε)* въ слогахъ передъ удареніемъ, эти редуцированныя гласныя изъ случаевъ, гдѣ за ними слѣдовало ударяемое *а*, распро-

странялись и на случаи, гдѣ подъ удареніемъ стояли другія гласныя. Особенно любопытно, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ говоровъ *а*(ɛ), откуда *ъ*(*и*), проникаетъ только въ положеніе передъ ударяемыми *о*, *е*, между тѣмъ какъ передъ ударяемыми *ъ*, *и*, *у* безраздѣльно господствуетъ звукъ *а*: сюда относятся наблюдавшіеся мною мосальскіе говоры; я замѣтилъ, что въ нихъ *и* слышится не только передъ *а* (при чемъ *я* вм. *и* неизвѣстно), но и передъ *е*, *о* (при чемъ *и* чередуется съ *я*): рика́, сила́; jигнёнка, тилёнка, пичёнками, тикеть, пиме́нницы, типеря, сбирёть, рибёнок, нисе́те, дитей (но ячме́нь, пясо́къ, бядо́вай, сястрёнка, мяшочик, дяўчонка, сяло́); равнымъ образомъ я отмѣтилъ произношеніе *сапо́х*, *пага-рѣ́ли* и нѣк. др. Своимъ наблюденіямъ я не придалъ бы особеннаго значенія, если бы, совершенно независимо даже отъ вопросовъ составленной Академіею программы, къ подобному же наблюденію не пришелъ М. Калмыковъ, напечатавшій въ III т. Извѣстій описаніе говора Кочетовской станицы перваго Донского округа (средне-донской говоръ): изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что передъ *и*, *у*, *ъ* ударяемыми слышится въ томъ говорѣ *я* (бяру, бяруть, часы, няси), между тѣмъ какъ передъ ударяемыми *а*, *е*, *о* — *и*: рика, рикою, къ виснѣ, гриховъ, слиза, ширстиной, висло, глидять, нисеть и т. д.

Еще дальше пошли многіе другіе говоры. Мнѣ кажется, сюда должны быть отнесены, между прочимъ, тѣ говоры, которые, рядомъ съ переходомъ *е* закрытаго въ *я* въ слогѣ передъ удареніемъ, представляютъ произношеніе *и* вм. *а*(*я*) въ слогѣ передъ удареніемъ. Отмѣчу, напр., въ дмитріевскомъ уѣздѣ курской губ.: нявѣста, пирвязи и рядомъ слиза, слизу (и слязу), глидѣть, питьсотъ (и пятьсотъ), чиснокъ, чисы (Успенскій, прогр.); въ епифанскомъ уѣздѣ г. Жирицкимъ отмѣчено, что мужчины произносятъ нявѣста, святой, а женщины нивѣста, свитой, биру, бирём, нису; въ тимскомъ уѣздѣ наблюдатель отмѣчаетъ не только рика, плисать, питакъ, но и нису́, плиту́, при менѣе употребительныхъ плятý, нясý; въ козловскомъ уѣздѣ

г. Падучевъ указываетъ на то, что обыкновенно говорятъ на *и:* свитой, гниздо́, висна, рика, чисы, но когда хотятъ придать особое удареніе, то говорятъ на *я:* вяли́к, гряши́ть; по наблюденію Мокѣева въ епифанскомъ уѣздѣ рядомъ слышатся сляза и слиза, глиди́ть, висна, гниздо; въ обоянскомъ уѣздѣ, судя по обнародованнымъ въ V томѣ Этн. сбор. матеріаламъ, при звянѣла, нявѣста, бяри, сястры, сястрою и т. п., говорятъ систра, мидами, пискомъ, ичмень, паисочки, лижала, чилэкъ, бирёзу, винецъ, твиточки; въ новосильскомъ уѣздѣ г. Сучковъ отмѣчаетъ пляту, пирвязи, сями и рядомъ биру, жилѣть, жипа (прогр.); въ малоарх. уѣздѣ лиса и ляса, звяриному, пывялѣлъ, ляжатъ, но пиро, пира, систра, дивчонка, аллиной, рикою (записи П. Якушкина); въ суджан. уѣздѣ: аб сями́, убялю́, бяленичка, бярёзаю, твяты, маяму, но вино́к, бирёза, лижал, слиза́ми, па лиду́, тимна́ и т. д.

Если не предположить, что *и* въ приведенныхъ примѣрахъ восходитъ къ редуцированной гласной ɛ и не имѣетъ поэтому ничего общаго съ тѣмъ *и* изъ *е* закрытаго, которое мы встрѣчаемъ въ говорахъ, не замѣняющихъ *е* черезъ *я* (мещовскомъ, рузскомъ, крапивенскомъ и т. д.), нельзя, мнѣ кажется, понять сосуществованіе бяру, вяликъ и биру, глидѣть въ упомянутыхъ выше говорахъ. Напротивъ, чередованіе редуцированной гласной съ гласной *а* въ слогѣ передъ удареніемъ вполнѣ естественно именно потому, что такое чередованіе издревле было извѣстно еще въ общесреднерусскую эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ говорахъ чередованіе *и* съ *я* ограничивается положеніемъ передъ извѣстными гласными (*е*, *о*), а въ другихъ *и* вм. *я* господствуетъ только передъ ударяемымъ *а*, гдѣ оно во всякомъ случаѣ можетъ объясняться только изъ ɛ.

Подтвержденіе предложенному объясненію происхожденія биру́ въ тѣхъ говорахъ, гдѣ возможно нявѣста, нахожу въ замѣнѣ *а* передъ удареніемъ черезъ *ы*. О распространеніи *а* (откуда *ы*) передъ ударяемымъ *а* гово-

рено выше; но *ъ* мы находимъ въ рѣдкихъ впрочемъ говорахъ и передъ другими гласными. Ср. приведенное выше мосальск. сᴧпо́х, мещов. кыко́й (Чернышевъ); въ ефремовскомъ уѣздѣ о. Благовѣщенскій отмѣчаетъ произношеніе не только выда, трыва, пышла, но и кыро́ва, гыдовъ, въ гыду́, кыро́ста, скыту, грыни́ца, пышо́л, хвыро́ст, пылыжилъ, при чемъ подчеркиваетъ, что вмѣсто *ъ* большею частью слышится средній звукъ между *ъ* и *а*, но что въ пышолъ, нымай, не зымай—ясное *ъ* (ср. рядомъ питух, трису, в лису, рика и т. д.).

Въ говорахъ, гдѣ редуцированная гласная распространилась насчетъ гласной *а(я)*, она замѣнила и закрытое *е:* бери перешло съ одной стороны или при одномъ способѣ говорить (ср. приведенное выше замѣчаніе г. Падучева) въ бяри, а съ другой, въ бэри́, откуда бири. Въ этихъ говорахъ довольно часто найдемъ выпаденіе подвергшейся редукціи гласной въ слогѣ передъ удареніемъ: дмитріевск. и новосил. счас, ефрем. счас, чсы, дистина. Повидимому, кое-гдѣ редуцировалось и *и*, ср. выпаденіе его въ вильчают ефрем., вильчаютъ дмитріевск.

Ко второй категоріи случаевъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, относится замѣна гласныхъ полнаго образованія редуцированною гласной въ слогахъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію: редукціи подлежало вообще закрытое *е*, гораздо рѣже *у*, *и*, *ъ;* гласная *а*, извѣстная въ открытомъ конечномъ слогѣ, подверглась редукціи лишь въ очень немногихъ говорахъ. Причиной редукціи всѣхъ этихъ гласныхъ было вліяніе, оказанное на нихъ столь обычными въ языкѣ редуцированными гласными. Закрытое *е* въ цѣломъ рядѣ грамматическихъ случаевъ находилось въ чередованіи съ редуцированною гласною э: употребленіе того или другого изъ этихъ звуковъ стояло въ прямой зависимости отъ мягкости или твердости слѣдующей согласной: ср. чередованіе *е* закрытаго и э передъ гласными окончаній, напр., въ случаяхъ, какъ озери—озэро, будет'—будэм, береги—берэг, берэгу, мученик—мучэн и т. д.; то же чередованіе въ такихъ слу-

чаяхъ, какъ нерябой при нэплахо́й, нервязу, нерепясу при нерэважу, перэнашу и т. п. (это чередованіе зависѣло отъ того, что *е*, *о* передъ твердыми согласными были открыты, а потому редуцировались еще въ общерусскую эпоху). Подобное чередованіе не было однородно съ тѣмъ, которое замѣчалось въ слогѣ передъ удареніемъ, гдѣ передъ твердой согласной было *я*, передъ мягкой *е* закрытое; это было причиной вытѣсненія *е* звукомъ э сначала въ случаяхъ какъ озери, береги, будет', перенясу, а потомъ вообще во всякомъ положеніи, кромѣ слога передъ удареніемъ (о діалектическомъ вытѣсненіи *е* закрытаго и въ этомъ слогѣ сказано выше). Затрудняюсь признать это явленіе общесредневеликорусскимъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно имѣло мѣсто въ большей части южновеликорусскихъ и въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ. Звукъ э послѣ мягкихъ согласныхъ переходилъ, какъ мы видѣли, въ *и* во многихъ среднерусскихъ говорахъ: ср. рославл. сирябро́, у терими, девиря, у восинь, каминь, тонить; темников. вшистяромъ, жинихи́, девирь, дмитріевск. дисяти, дирявушка, осиныо, вывиди, тысича, тониш, маминька; рузск. милинькай; касим. зилянóва, ф цытьвяро́м, пиряпа́хываиш, хватаить, полиш, стелиш, хрястытиль, глу́пинькюю, южноряз. каминь, перстинь, паринь, будить, бу́дитя, висяло́ и т. д.; витебск. зилянó, дзиривя́нный, сирябро́, новоалекс. силязёнка, сирада́, симярых, зилинаватый и т. д.

Возникшее указаннымъ путемъ редуцированное э подвергалось въ извѣстныхъ случаяхъ такому же выпаденію, какъ и первоначально редуцированныя *ɑ*, э: ср. темник. двятнадцать, срябро, пирвизи, виртяно, тыща (тысяча), новосил. дсятина, пирвязи, ефрем. пирпилушка, льгов. пинча, обоян. дирвяннай, перпилъ, ворон. за збирженья, мещов. давча, ежли.

Редукція *и*, *у*, *ы* ограничивается лишь немногими говорами, а именно тѣми, которые превратили э, *ɑ* въ *и*, *ы* (при извѣстныхъ же условіяхъ въ *у*). Чередованіе *и*, *ы* съ редуцированными гласными въ такихъ случаяхъ, какъ

зыкупи и закупи, питачёк и пэтачёк вызывало чередованіе *α*, э и съ исконными *и*, *ъ*(*у*). Не стану приводить здѣсь случаевъ замѣны *и*, *ъ*, *у* гласною *а*, замѣны аналогичной съ замѣной черезъ *α* звуковъ редуцированныхъ (приведу ихъ ниже), но замѣчу, что возможность перехода барин, покойник въ барян, покойняк свидѣтельствуетъ о посредствующемъ произношеніи барэн, покóйнэк. Редукція *и*, *у*, *ъ* въ слогахъ, непредшествующихъ непосредственно ударенію, доказывается: 1) замѣною ихъ редуцированнымъ *α* (иногда изображаемымъ буквой *а* въ записяхъ тамъ, гдѣ чистое *а* не мыслимо по основнымъ законамъ того или другого говора, напр. въ слогѣ передъ удареніемъ, не сосѣднемъ съ нимъ): ср. мещов. капятóк, скапятить (Черныш.), крапив. матъшки (Будде), бѣлев. запъсташы́л, батьшка (Будде), рузск. дабавы́и сундукú, мажучóкъ (Дурново), мещов. мыжукá (Косогоровъ), тульск. мажукú, мажикá и отсюда мажúк (Благовѣщенскій), старицк. мăжикú, мăжика (Макавѣева), ельн. высунала, напробаю, у пазаху, чустваить, скиналась, радаитца, вымались, опатный, миластаню и т. д.; 2) замѣною *у* черезъ *ъ*, напр. въ слогѣ послѣ ударенія: старицк. зáмыжъ, данк. у голыбя (Будде), ельн. пролыбку, голыба, голыбъ, лычинку, пажалый (NB послѣ *л*), но и здрастый, ворон. пажалыя, дѣвышка, дѣдышка (Филатовъ) и т. д.; 3) выпаденіемъ и отпаденіемъ *ъ*, *у*, *и* въ указанномъ положеніи: бѣлев. вышшышь (высушышь: Будде), моск. и др. штобъ, тыбъ, былибъ; бронницк. курьца, ульца, чирпильца, мольца (молится: Глѣбинъ), бѣлевск. кăравятьну, нагульвалъ, крапив. пиргаварьваю, на ульцы, ряз. видьтя, скоп. вычстялъ (Будде), ворон. курьца (Филатовъ) и т. д.

Редукція конечнаго открытаго *а* появилась, разумѣется, подъ вліяніемъ того, что въ языкѣ издревле чередовались *α* и *а* въ такомъ положеніи (*α* явилось въ случаяхъ какъ слáв*α*, т. е. непосредственно за удареніемъ, *а* въ случаяхъ какъ óзэра, óл*α*ва, т. е. послѣ редуцированнаго слога). Редукція конечнаго открытаго *а*, или точнѣе замѣна его редуцированнымъ *α*, свойственна лишь не-

многимъ южновеликорусскимъ говорамъ, напр. московскому: московск. *олава*, озер*а*.

3. *Замѣна редуцированныхъ гласныхъ гласными полнаго образованія.* Здѣсь такъ же, какъ при обратной замѣнѣ, должно различать двѣ категоріи случаевъ: замѣну въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, и замѣну въ другомъ положеніи.

а) Что касается первой категоріи, то повидимому всѣ среднерусскіе говоры представляютъ случаи замѣны редуцированныхъ гласныхъ изъ *а*, *о* и *ѣ* гласными полнаго образованія. Мы видѣли, что къ древнѣйшимъ явленіямъ редукціи относится переходъ *а*, *ѣ* (передъ твердыми согласными), *о* (передъ твердыми согласными, сопровождаемыми гласною *а*) въ *α*, ɛ; въ болѣе позднее время *о* въ слогѣ передъ удареніемъ передъ палатализованными и потерявшими свою лабіализацію лабіализованными согласными переходило въ *а* полнаго образованія. Редуцированное *α* изъ *а* въ слогѣ передъ удареніемъ замѣнено во всѣхъ среднерусскихъ говорахъ гласною *а* подъ вліяніемъ звука *а* изъ *о* въ слогѣ передъ удареніемъ, т. е. слова какъ казу при к*α*зá, вадѣ при в*α*дá вызывали при кр*α*сá, хв*α*лá—красу, хвалѣ́ вмѣсто кр*α*сý, хв*α*лѣ; такъ же явились скажý (при ск*α*зáть), палúть, валúть, варúть, дарúть подъ вліяніемъ прасúть, хадúть (ср. вóриш, вóлить, надóрить въ южновеликор. говорахъ); и вообще *α* въ слогѣ передъ удареніемъ вытѣснено гласною *а* даже въ тѣхъ говорахъ, которые сохранили *α* (и частью, какъ мы видѣли, распространили насчетъ *а*) въ слогѣ передъ ударяемымъ *а*. Чередованіе *я*, *е* закрытаго и ɛ въ словахъ, представлявшихъ древнее *е* (сяло́, сялý — селé — сɛлá), неминуемо вызывало въ говорахъ такое же чередованіе и въ словахъ, представлявшихъ древнее ѣ (рякóй — рекé — рɛкá вм. рɛкóй — рекé — рɛкá), т. е. ɛ изъ *ѣ* замѣнялось звукомъ *а* (*я*) даже въ тѣхъ говорахъ, которые сохраняли редуцированныя гласныя въ слогѣ передъ ударяемымъ *а*. Такъ явились пясóк, ляснóй, пятýх, в лясý вм. пɛсóк, лɛснóй, пɛтýх, в лɛсý и т. д.

Появленіе *a* вм. *ɑ* и *ɛ* въ указанныхъ случаяхъ (дари́ть, рякóй) не можетъ принадлежать общерусской эпохѣ, хотя и свойственно всѣмъ современнымъ среднерусскимъ говорамъ (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рякóй замѣнено черезъ ре¹кóй): широкое распространеніе *ɑ* и *ɛ* въ слогѣ передъ ударенiемъ доказывается для среднерусской эпохи, во-первыхъ, діалектическими жыра, шылить, жылѣть (при сяла́, сяло́, вяли́к), гдѣ переходъ *ɛ* въ *и—ы* послѣ шипящихъ предохранилъ его отъ замѣны гласною *a*, во-вторыхъ, тѣми говорами, гдѣ *и*, *ѣ* изъ *ɛ*, *ɑ* распространились насчетъ *a* (*я*) въ слогѣ передъ ударенiемъ.

Но между тѣмъ какъ одни говоры ограничились замѣной *ɑ* (изъ *a*) гласною *a* въ слогахъ передъ ударенiемъ, не падавшимъ на гласную *a*, и замѣною *ɛ* гласною *a* въ слогахъ передъ ударяемыми *у*, *ѣ*, *о* (хвалить, хвалу, но хвɑла́; рякой, в лясу́, бяды́, но рɛка́, лɛса́, бɛда́), другіе говоры пошли еще дальше и вытѣснили вообще *ɑ*, *ɛ* изъ предударнаго слога, т. е. и при томъ условіи, когда подъ ударенiемъ находилась гласная *a*. Сюда относятся рязанскіе, московскіе, тульскіе, орловскіе, курскіе, тверскіе говоры, а также большинство бѣлорусскихъ, кромѣ, повидимому, говоровъ смоленскихъ, витебскихъ и нѣкоторыхъ могилевскихъ: во всѣхъ этихъ говорахъ слышится вада, каза, ряка (рака), ляса, сляпа́я, пляса́ть, ряба́я и т. д. (а не выда́, рика́, при чемъ однако въ нѣкоторыхъ говорахъ съ ними смежныхъ извѣстно и произношеніе рика, рику, рикой, слипой, винок, рибая: здѣсь редуцир. гласная распространилась вообще насчетъ гласной *a*, см. выше). Что касается московск. ре¹ка́, рузск. рика, то они выходятъ къ ряка́, при чемъ *я* замѣнено закрытымъ *е* такъ же, какъ въ светой, плесать, ребой и т. д. (см. выше).

β) Перехожу ко второй категоріи случаевъ замѣны редуцированныхъ гласныхъ гласными полнаго образованія. Выше мы разсматривали цѣлый рядъ фонетическихъ явленій, состоявшихъ въ переходѣ редуцированныхъ *ɑ*, *ɛ* въ гласныя полнаго образованія *у*, *и* подъ вліяніемъ

предшествующихъ согласныхъ; ε, ассимилируясь предшествующимъ мягкимъ согласнымъ переходило въ *и*, *α* послѣ губпыхъ, рѣже передъ губными переходило въ *у*; это вызвало въ нѣкоторыхъ говорахъ общій переходъ *α* послѣ твердыхъ согласныхъ въ *ы* (выда́, рыга́), хотя онъ и не былъ проведенъ вполнѣ строго (рαга́ и рыга́, зαпашу́ и зыпашу́). Указанныя звуковыя явленія видоизмѣнили такимъ образомъ въ большей части среднерусскихъ говоровъ первоначальный, унаслѣдованный изъ общесреднерусской эпохи, строй слова: перевѣсъ оказывался за гласными полнаго образованія не только въ слогѣ передъ удареніемъ, но и во всякомъ вообще положеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако значительно увеличилось число закрытыхъ гласныхъ въ слогахъ непредшествующихъ непосредственно ударенію; а это, въ связи съ тѣмъ, что закрытыя гласныя потеряли свою прежнюю устойчивость, съ тѣхъ поръ какъ стали чередоваться съ гласными редуцированными (ср. пупа и пαпа́, пувясти и пαвясти, питака́ и пεтака, зыпашу и зαпашу́), должно было вызвать рядъ новыхъ явленій въ области неударяемыхъ звуковъ. Относящіяся сюда явленія могутъ быть разсмотрѣны, во-первыхъ, въ слогахъ передъ удареніемъ, во-вторыхъ, въ слогахъ послѣ ударенія.

Въ слогахъ передъ удареніемъ, послѣ перехода ε въ *и*, *α* въ *ы*, *у*, оказывались двоякаго рода по отношенію къ характеру гласной группы словъ: или это была группа изъ закрытаго и слѣдовавшаго за нимъ открытаго слога (съ гласной *α*), или это была группа изъ двухъ закрытыхъ гласныхъ; съ одной стороны пирага́, выхади́ть, синако́с, дисяти́, мыладе́ц, съ другой—мужыки́, вынима́ть, пристыди́ть, чипуха́, вилика́, стырика́. Эти группы подлежали въ отдѣльныхъ говорахъ измѣненіямъ: наиболѣе устойчивой оказывалась гласная въ слогѣ передъ удареніемъ; тѣмъ не менѣе она измѣнилась въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ группахъ второго вида. А именно гласная *ы* слога передъ удареніемъ, будь то первоначальное *ы*, или діалектически (въ говорахъ, сохранявшихъ редуциро-

ванную гласную передъ ударяемымъ *а*) результатъ измѣненія звука *а*, рѣже гласная *и* въ томъ же положеніи, ассимилируясь гласной *у* предшествующаго слога, переходила въ *у* (*ю*): епиф., мосальск. и др. мужукú, смол. дурукá, рукувá, пузурёк и т. д. (см. выше). Но въ большинствѣ говоровъ измѣненію подлежала только гласная третьяго отъ ударенія слога. Общимъ для цѣлаго ряда говоровъ стремленіемъ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, признать диссимиляцію гласныхъ въ группахъ второго рода: вмѣсто двухъ закрытыхъ гласныхъ явилось стремленіе произносить одну гласную открыто, другую закрыто. Это стремленіе вызвано тѣмъ, что подобное отношеніе наблюдалось въ группахъ перваго рода: дисятú, вліяя на произношеніе виликá, не могло вызвать вилякá вслѣдствіе устойчивости гласной передъ удареніемъ; но оно естественно наводило на произношеніе вялúка; равнымъ образомъ мужукú, мужыкú переходило въ мажукú, мажыкú, произношеніе отмѣченное нами выше въ тульскихъ, старицкихъ, рузскихъ говорахъ. Возможность вліянія типа словъ какъ мыладéц, дисятú на слова виликá, стырикá доказывается такого рода словами, какъ мосальск. кылашú вм. колышú (непоср. кылышú). Но, какъ указано, такого рода измѣненія были сравнительно очень рѣдки вслѣдствіе устойчивости гласной передъ удареніемъ. И такъ, вмѣсто двухъ указанныхъ выше типовъ, передъ удареніемъ явились два другіе типа: въ одномъ наблюдалась смѣна закрытой гласной на открытую (дисятú), въ другомъ — обратная смѣна открытой гласной на закрытую (вялúка). Предполагаемыя здѣсь отношенія не сохранились въ современныхъ среднерусскихъ говорахъ: оба типа вліяли другъ на друга и стремились къ однообразному произношенію гласной перваго слога. Въ однихъ говорахъ перевѣсъ остался за закрытыми гласными *и*, *ы*: дисяти, мыладец повліяли на появленіе питухá, стырикá, лыпушóк, примикóм, рыспилить и т. д., т. е. на возвращеніе къ старому произношенію; въ этихъ говорахъ замѣчается стремленіе ассимилировать въ группѣ изъ двухъ закры-

тыхъ слоговъ гласную перваго слога гласной слога передъ ударенiемъ: ср. Кипитóн (касим.), бисиком, висилёк и т. д. (см. выше). Къ такимъ говорамъ принадлежатъ рязанскiе, воронежскiе, смоленскiе, тамбовскiе, часть тульскихъ, курскiе, часть орловскихъ, витебскiе, ковенскiе и др.; но въ единичныхъ случаяхъ въ нихъ слышится болѣе древнее произношенiе: рятивáя ворон. (Филат.), козлов. жанихи́, но въ шыстиромъ (Падучевъ), и другое измѣненiе этого произношенiя въ случаяхъ какъ пярявóз, тяжалó, чалавѣ́к касим. (Крашенинникова).

Въ другихъ говорахъ перевѣсъ получили не закрытыя гласныя, а открытая гласная *а*, которая изъ случаевъ какъ вяликá, старикá проникала и въ случаи дясяти́, маладéц. Подобные говоры особенно распространены въ Бѣлоруссiи, а также въ юго-западной части южновеликорусскаго нарѣчiя: ср. тульск. старики́, панясý, гаспадá, палатнó, карагодъ (съ чистымъ а), дясяти, дяряв ушка, вярставой, сярябрó, дявятнадцать (Благовѣщенскiй), елецк. дясяти, тяжало (и чижало), сяряда (Никольская), новосил. жанихи, въ шастяромъ, мясаѣдъ, пярядóм, вясялá (Сучковъ), свенцянск.-виленск.: вясялѣй, дзясяци, сялязёночка, сямяры́хъ, сярада (прогр.), рѣчицк.-минск.: зялянó, сярябрó, дзяравя́ный, мядавы́й (прогр.), минск. малатки́, чатырóхъ, сярадá, цяцярýк, перапивáй (прогр.), рогачевск.-могил.: пераляцѣць, перагориць, пяхрищоный, витебск. жярабóкъ, пятушóк, перавязу, рашатомъ, оршанск. сцяражець, быховск. чацверга, дисненск. у цярамý, лепельск. вяселицися, мядуницы, бяражóчку, ў рашацѣ́, вячерóмъ, лябядзи́нка и др. (ср. сборники Шейна и Романова). Въ нѣкоторыхъ говорахъ попадаются случаи перехода исконнаго *и* въ такомъ положенiи въ *я* (ассимиляцiя слѣдующей гласной): вянавáтъ елецк. (Никольская). Рядомъ наблюдается и болѣе первоначальное произношенiе: лепельск. зилянѣть, силязень, читырьмя, биражисты, пирабью, зилянý и т. д. Произносится ли *а* въ подобныхъ говорахъ въ третьемъ слогѣ отъ ударенiя такъ же, какъ въ слогѣ передъ ударенiемъ (дясяти́), мнѣ не-

ясно, но во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью утверждать, что оно не редуцированно, хотя, быть можетъ, и болѣе кратко, чѣмъ обыкновенное *а*: эта краткость обусловлена тѣмъ, что *а* заступило мѣсто редуцированной гласной.

Перехожу къ замѣнѣ редуцированныхъ гласныхъ гласною *а* въ слогахъ за удареніемъ. Здѣсь, повидимому, имѣли мѣсто, послѣ перехода редуцированныхъ гласныхъ въ *ы*, *и*, явленія однородныя съ только что нами разсмотрѣнными въ слогахъ передъ удареніемъ; а именно здѣсь возникали точно также группы слоговъ двоякаго рода по отношенію къ качеству гласной: группы, состоящія изъ закрытой гласной и гласной *а* (конечной открытой), и группы изъ двухъ закрытыхъ гласныхъ; съ одной стороны: о́зира, ве́чира, ве́сила, о́лыва, го́лубя, головычка, прежнига, добрыга, съ другой—о́зиру, олывым, голуби, голо́вычку, прежниму, добрыму. Вліяніе перваго рода группъ на группы второго рода имѣло слѣдствіемъ диссимиляцію въ этихъ послѣднихъ группахъ обѣихъ однородныхъ въ смыслѣ открытости гласныхъ; но диссимиляція въ подобныхъ сочетаніяхъ могла имѣть слѣдствіемъ измѣненіе только первой, а не второй гласной, такъ какъ устойчивость этой второй гласной зависѣла отъ ея положенія въ окончаніи слова, охраняемомъ грамматическими ассоціаціями. Диссимиляція сказалась такимъ образомъ въ замѣнѣ закрытой гласной предпослѣдняго слога гласною *а*: о́зиру, добрыму, голо́вычку перешли въ озяру, добраму, голо́вачку. Въ одиихъ говорахъ чередованіе о́зира—о́зяру, о́зяри, добрыга—добраму повело къ вытѣсненію формъ съ *а*, *я*: сюда относятся напр. смоленскіе, а также тамбовскіе, нѣкоторые тульскіе, витебскіе и т. д. Въ другихъ восторжествовало произношеніе съ *а*, *я*, при чемъ вытѣсненіе о́зира черезъ о́зяра имѣло слѣдствіемъ общую замѣну *ы*, *и* (изъ редуцированныхъ гласныхъ) гласною *а* полнаго образованія. Приведу относящіяся сюда данныя изъ разныхъ говоровъ: южнорязанск. озя-

ро (деняшки, селязень, выпясли, матяри)[1]), по́мяр, па́ляц, де́нях, буянъ вѣтяръ, терямъ (Будде), касим. (по цо́рнаму, зелёнаму, сало́мкаю, свѣжаю вадой, го́рькяю вин. ед.), гривян, капляф, пѣсян, капе́як, будят, сажа́ям, вытkяш, умяр (Будде), ворон. не дурян, нечяго, румяняцъ, свидѣтяль, парянь (Филатовъ), новосил. (прежняму, выпляспи), озяро, весяло, ястряб, погряб, паляц, осянь, дурянь, корянь, будять, хочать, мамянькя, Оляпькя, мценск. вѣтяр, крыльявъ, выляз, видялъ, мѣсяцъ, заяц, плохеняк, лебядь, девярь, камянь, крапив. семяро, восьмяро, мѣсяца, (прежняму, въ терями, помярли), вѣтяр, ястряб, денях, дурянь, девярь, осянь, мамянькя, голянькяя, полнянькяя (Благовѣщенскій), одоевск. гривян, камянь (Будде), суджанск. тестяв, видян (Р. Ф. В.), быховск. старацъ, камяня, хочашь, вочарядзь, выстрояшъ, рогач. парань, пуймаяшъ, гноамъ (гноемъ), поймаамъ, пѣвянь, восянь, ко́няй, вытярабить, нямедлянно, дёхтямъ, минск. камяня, восянь, старага, свенцянск. возяра, милянькій, вярпись и т. д.— Доказательствомъ того, что въ конечный слогъ, передъ согласной, *я* проникло изъ формъ какъ озяро, я вижу въ томъ обстоятельствѣ, что въ нѣкоторыхъ изъ относящихся сюда говоровъ *и* (изъ редуцированной гласной) передъ конечной мягкой согласной не переходитъ въ *я*: при озяри издавна существовало какъ ве́тир, такъ и де́вирь; переходъ озира въ озяра (*и* въ *я* передъ твердой согласной) прежде всего отразилось на переходѣ ветир въ ветяр и уже потомъ распространилось на переходъ девирь въ девярь. Такъ въ южно-ряз. передъ конечной мягкой согласной находимъ: абычій, перстинь, паринь, камень, стюдень (съ закрытымъ), будеш, будеть (съ закрытымъ), касимовск. дивирь, девить, десить, осень, восемь, уцытель (Будде), дмитріевск. коринь, лебидь, девить, очинь (но паляц, пояс, выляз). Равнымъ образомъ *и*, *ѣ*

[1]) Ставлю въ скобки тѣ случаи, гдѣ *ѣ*, согласно предыдущему, замѣнило редуцир. гласную = *ѣ*, *и* раньше, чѣмъ въ другихъ.

удерживалось въ закрытомъ слогѣ въ серединѣ слова: южноряз. миленькай, Оленька, дмитріевск. маминька и т. д.—Замѣчательно, что большинство относящихся сюда говоровъ представляетъ параллельныя формы съ *и* вмѣсто ожидаемаго *я* и передъ конечной твердой согласной, а также еще чаще въ серединѣ слова: скоп. завтрикать, ворон. спакоин, слабодин, зафтрикать, среднедон. поисъ, озиро (при крыльявъ, копѣякъ), дмитріевск. прежниму и прежняму (Успенскій), мѣсица, семиро, тысича, помирли, девиря и т. д., касим. мѣсиц, деник, понек (и поняк), ве́цыр и т. д. Часть такихъ случаевъ должна быть признана остатками болѣе древняго произношенія, но другая часть, въ особенности же случаи въ серединѣ слова, могла возникать вновь потому, что слогъ послѣ ударенія (напр. въ двусложныхъ словахъ) вообще произносился съ редуцированною гласною: ве́сяла вызывало ве́сєл, но рядомъ продолжало существовать ве́сил, подъ вліяніемъ котораго ве́сяла измѣнялось опять въ ве́сила. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоитъ та особенность, свойственная нѣкоторымъ южновеликорусскимъ говорамъ, по которой конечный закрытый слогъ съ гласной *а* полнаго образованія протягивается: ве́сял для того, чтобы ассоціироваться съ ве́сяла и не быть вытѣсненнымъ произношеніемъ весил, стало произноситься съ долгимъ *а*, равнымъ по количеству двумъ неударяемымъ слогамъ слова ве́сяла. Такое протяженіе отмѣчено, между прочимъ, г. Будде въ касимовскомъ говорѣ, при чемъ тамъ конечный неударяемый закрытый слогъ можетъ, повидимому, произноситься или кратко съ редуцированной гласной или долго съ гласной полнаго образованія. У г. Будде отмѣчена долгота, напр., въ конечномъ слогѣ словъ: ска́жат, се́ям, по́лям, пъкупаям, Кандратьяф, бу́дят, ля́жат, аре́хах (орѣховъ), с рыбай, с пълави́най, но́шкай, хрёснай, пья́най, перьвай, сливак, гривян, хо́лад, помяр, свёкар, де́вять, со́рак и т. д.; то же отмѣчено г. Будде въ одоевск.: дьякан, бѣлевск.: ат гло́так, бо́лян, з Бо́гам, богородск. во́лас и др. Г. Коростелевъ въ отвѣтѣ на про-

грамму сообщаетъ, что въ дмитріевскомъ уѣздѣ курской губерніи послѣдній слогъ словъ, какъ вѣтяр, паляц, видял, пояс, произносится протяжно. Въ нѣкоторыхъ говорахъ эта указанная особенность повела, какъ кажется, къ новому измѣненію гласныхъ въ слогахъ неударяемыхъ: долгая и явственная гласная въ закрытомъ конечномъ слогѣ стала чередоваться съ редуцированною гласною въ серединѣ словъ; о́зяра, ве́сяла стали произноситься съ редуцированными гласными въ предпослѣднемъ слогѣ, между тѣмъ какъ ве́сял произносилось съ долгою и явственною или діалектически только съ явственною гласною: ср. дмитріев. семиро при вѣтяр (съ протяжнымъ *а*), касим. матерью, сѣмицка, четьвиро. Благовѣщенскій указываетъ, что въ ефремовскомъ уѣздѣ Ѳёдар, говар произносятся съ *а*, а Ѳёдыру, говыру съ *ъ*.

Особенно вѣское подтвержденіе предложенному выше объясненію озяри и далѣе о́зяра изъ озири, озира, мо́лад изъ молыд, я нахожу въ томъ обстоятельствѣ, что переходу въ *а* подлежали въ слогахъ за удареніемъ не только *и*, *ы* изъ редуцированныхъ гласныхъ, но также исконныя *ы*, *и*, *у*; въ группѣ изъ двухъ слоговъ съ закрытыми гласными диссимиляція и переходъ гласной перваго слога въ *а* происходили независимо отъ происхожденія этой закрытой гласной. Вотъ почему мы находимъ въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ *аи*, *аю*, *яи* вм. *ыи*, *ую*, *іи*, вотъ почему вообще *и*, *у*, *ы* подвержены переходу въ *а*. Ср. ворон. лѣваю при прасту́я, маладу́я (гдѣ *я* вм. *ю* однородно съ *я* въ выляз вм. вылиз), дон. добраю, всякаю (но такуя, васьму́я), обоянск. добраи, свѣтлаи, скоп. сѣраи, любезнаи, новаи, дон. сѣраи, свѣжаи, строгаи, касимов. краснаю дѣвичю, тимск. чорнаи, сѣраи, добраи, зубцов. милаю надругу, новосил. милаи, железнаи, бѣлолицаи, тульск. сѣраи, блѣднаи, чорнаи (но худы́я, слѣпы́я, малады́я, Благовѣщенскій), жолтаю, сильнаю, чорнаю (но больну́я, глуху́я, ворону́я), мценск. добраю, скораю (но каку́я), зубцов. длиннаи, ситнаи; *я*, *а* вм. *и*, *ы* въ конечномъ закрытомъ слогѣ: ка-

сим. павóйняк, урядьняк, барян, пакóял, прóлял, залóжаш, моцам, пъсóдяш, дѣлям, любят, ходям, скопинск. выташшалъ, вымя́сялъ, спорялъ, выпялъ, вычьстялъ, ворон. ѣздялъ, повѣрялъ, суккян сынъ, мерянъ, крапив. хазя́ян, тимск. барян, отвѣтял, раненб. полял, выпял, елецк. барян, атвѣтял, новосил. барян, прославял, тульск. мерян, полял, привѣтял, мценск. барян, выпял, бронницк. прибаль, старицк. вырал, вылял, ворон. нé бал, вырал, опат, прибаль, пастарь, мецов. Степапачъ, вымался и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что подобный переходъ имѣлъ мѣсто преимущественно въ закрытомъ конечномъ слогѣ: это стоитъ въ связи съ указаннымъ выше произношеніемъ *я* вм. *и* (изъ *е*) въ такомъ же положеніи.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о распространеніи звука *а* насчетъ *ѣ* и *и* въ конечномъ открытомъ слогѣ. Выше было уже высказано предположеніе, что еще въ общесреднерусскую эпоху *іе(ѣ)* въ конечномъ открытомъ слогѣ подверглось переходу въ *и*; слѣдовательно, намъ придется говорить здѣсь безразлично о замѣнѣ черезъ *а* какъ первоначальнаго *и*, такъ и болѣе новаго *и* изъ *ѣ*. Какъ мы уже неоднократно о томъ упоминали, въ конечномъ открытомъ слогѣ издревле чередовалось *а* полнаго образованія съ редуцированнымъ *α*(ε): óлαва, горαда получились фонетически изъ города, олово; *а* переносилось и въ такія слова, какъ лѣта, вúна, поля, горя, ведúтя, бýдетя вм. лѣтα, полε, ведитε, бýдетε. Но рядомъ продолжало существовать и произношеніе лѣтα, ведитε; переходъ ε послѣ смягченной согласной вызвалъ произношеніе ведити, несити, будети, но имена средняго рода горε, полε и т. п. не перешли въ гори, поли, вѣроятно, потому, что ассоціація съ лѣтα, стадα удерживало редуцированную гласную, не позволяя ей замѣниться гласною *и*; точно также волε, долε (вм. воля, доля) не перешли въ воли, доли подъ вліяніемъ сúлα, славα. Чередованіе ведити и ведитя, дайти и дайтя имѣло слѣдствіемъ едва ли не въ большинствѣ южновеликорусскихъ говоровъ (московскій и родственные ему оставляю

въ сторонѣ) вытѣсненіе произношенія *и* произношеніемъ *я*. Ср. южноряз. няси́тя, поѣдитя, упадётя, хоча, позатихня (Будде), касим. будя, насохня, бывая, цатыря, двоя, нонь-ца, нацуйтя, ня сыньтя (Будде), тимск. крестьяня, троя, раненб. теперя, ноньча, будя, ходитя, епифан. двоя, зная, дмитріевск. тоня, будя, епифан. неси́тя, теперя, ѣдя, рославл. няси́тя, тяперя, ельн. недалеча, замѣтьтя, будьтя, ня вѣдая, мой сыня (въ сказкѣ), саколя (въ пѣснѣ), ляж-тя и т. д., тульск. баря, носи́тя, лѣпи́тя, будя (Благовѣщенскій), мценск. тоня, теперя, крапив. гуляйтя, таперя, мещов. по́йтя, рогачев. обожджиця, выпиця, гукаа, быхов. звольця, грабиця, обѣщаа, вынимаа, сураж. обоя, бобруйск. усылая, себеж. процяня, лепельск. лося (въ пѣснѣ, зв. ед.), витебск. дайтя и т. д. Гораздо рѣже произношеніе съ *и*, но тѣмъ не менѣе оно не окончательно вытѣснено: скоп. завтри (Будде, при касим. затря), касим. застафьти, пишы́ти (изрѣдка, Будде), раненб. крестьяни, темник. ходити, нисити, козлов. несити, ходити, крестьяни; ельн. малити-жъ, уставайти-ка, приготоўти-ка, благаславити-ка и др. (впрочемъ, здѣсь *и* не въ абсолютномъ концѣ слова), но также за̀гади, заўтри, нынчи, гаражани и др. Впрочемъ, случаи, гдѣ ельнинскіе и другіе южновеликорусскіе говоры имѣютъ *и(ы)* въ окончаніяхъ нарѣчій и степеней сравненія, должны быть разсмотрѣны особо: боли, шири, сушы восходятъ къ общесреднерусскимъ боли, шири, суши изъ болѣ, ширѣ, сушѣ, гдѣ *ѣ* заимствовано изъ формъ, какъ болѣе, старѣе, сушѣе; отсюда и крашчи, дальши, больши, бага́чи, хужи; посли, разви, умѣсти вліяли на за̀гади, завтри, вовси.

Въ тѣхъ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, гдѣ имѣло мѣсто вытѣсненіе *и*, *ы* черезъ *я*, *а* въ положеніи за удареніемъ въ слогахъ неконечныхъ, а также въ закрытыхъ конечныхъ слогахъ, подобное же явленіе охватило конечныя *ы* и *и* (какъ изъ *ѣ*, такъ и изъ древняго *и*). Въ южнорязанскомъ Будде не отмѣчаетъ его, но въ касим. онъ указываетъ на вы́пйля, даля, на́бра̀ля, ядим самя, дѣхькя (вм. дѣвки им. мн.), што

ля; 3 ед. хва́тя, ходя, пӑваротя (по въ дат. и мѣстн. ед. всегда *и:* к пивѣсти, х поли и т. д.); въ мосальскомъ уѣздѣ, на границахъ съ рославльскимъ, я наблюдалъ произношеніе куса́ля, паби́ля, а восточнѣе: у работя, какія то, такія, у хатя, у старостя, зли (возлѣ) школя, на работя, у Дубровя, у городя, у пакентя (въ кабакѣ), въ жиздринскомъ — прастыя, вмѣстя, у Жыздря. Г. Машкинъ отмѣчалъ въ обоянскомъ уѣздѣ: у домя, на паря, шубя, бабя, на базаря (но послѣ *ж*, *щ*, *ц*, *ш*, а также нерѣдко послѣ *к*, *г*, *х* — *и*, *ѣ* сохраняются); въ бѣлевск. у. находимъ: на биседя, ва усём домя, с вамя (съ вами) (Будде), въ тимск.: ра работя и на работи, въ раненб.: худыя, слѣпыя, въ дмитріевск.: на выгоня, двѣстя, на горохя, в острогя, въ епифан.: 3 ед. ходя, видя, прося (но на базари, въ сказки, такіи, худыи), въ новосил.: нося, прося, нѣтутя, въ рославл.: такэя, мыладэя, сляпэя (но у поли, на работи), въ ельн.: звонкія гусли, дѣти любезныя, двѣстя, хто вы такея, святэя святитили (но ихныи, сивыи, сѣрыи, у мѣсти, на свѣти), тульск. у.: ходя, бѣдокуря, любя, двѣстя, вмѣстя (но в терями, у поли, у городи), мценск.: на базаря, въ городя, вмѣстя, худы́я, слѣпыя, мещов. въ лѣся, у поля, въ городя (но и у поли, въ бани), молодыя (Корнѣевъ), крапив.: мочя, вѣря, видя (но на базари, на́ мори), свенцянск.: дзвѣсця, худыя кони (но у лѣси), минск. у.: ў хлѣвя, на цѣля, пъяны́я, быховск.: у собора, ня усо́дзя, видзя (но на базари, у царстви) и т. д. Во многихъ говорахъ находимъ также замѣну конечнаго открытаго *ѣ* черезъ *а:* касимов. я ба пъмярла́, навази́л ба, крапив. бил ба, купил ба, ворон. каба, ѣхал ба, мещов. когда ба, дон. еслиба, пашол ба, епифан. ты ба, тимск. пошол ба, ельн. што ба, ѣў ба и т. д. Однородна замѣна *ю* черезъ *я* въ вин. ед. прилаг. ж. р.: бѣлев. такуя, другуя, скоп. такуя, любуя, ворон. прастуя, раднуя, крапив. глухуя, сляпуя, бронницк. шаштуя, маладуя, мценск. какуя, ефрем. осьмуя, рябуя, мещов. какуя, васьму́я и т. д.

Въ заключеніе этого изслѣдованія о судьбѣ неударяемыхъ гласныхъ въ среднерусскихъ говорахъ, я еще разъ возвращаюсь къ сопоставленію разсмотрѣнныхъ выше словенскихъ явленій съ русскими. Толчекъ, главное основаніе измѣненій *краткихъ* гласныхъ въ словенскомъ, *неударяемыхъ* гласныхъ въ русскомъ былъ данъ тѣмъ ассимиляціоннымъ процессомъ, которому подверглись эти гласныя во взаимномъ другъ на друга вліяніи; самый же процессъ этотъ былъ вызванъ тою сравнительною слабостью, съ которою эти гласныя произносились въ противоположность ударяемымъ гласнымъ вообще въ русскомъ языкѣ, — ударяемымъ гласнымъ въ неконечныхъ слогахъ въ словенскомъ. Ударяемыя гласныя и въ русскомъ и въ словенскомъ въ извѣстную эпоху ихъ жизни усилились — повысились (въ словенскомъ) [1]) въ произношеніи, пріобрѣли экспираторную силу — музыкальную высоту: это отразилось на удлиненіи ударяемыхъ гласныхъ въ словенскомъ, въ положеніи въ неконечномъ слогѣ, до полной долготы, въ русскомъ же это имѣло слѣдствіемъ развитіе въ ударяемыхъ гласныхъ полудолготы, по крайней мѣрѣ въ положеніи не передъ группой согласныхъ, когда составныя части этой группы распредѣляются на два слога [2]). Ассимиляціонный процессъ, охватившій слабыя, т. е. неударяемыя гласныя въ среднерусскомъ, краткія въ словенскомъ, состоялъ въ томъ, что эти гласныя стремились произноситься съ одинаковымъ напряженіемъ, между тѣмъ какъ онѣ искони произносились двояко: однѣ узко—это і (въ русскомъ также ы), и, $е^1$, $о^1$ (въ словенскомъ еще $ä^1$ на мѣстѣ ъ, ь), другія

[1]) Къ такому выводу относительно словенскаго ударенія пришелъ я уже при печатаніи этой статьи. Поэтому надлежитъ согласовать съ этимъ то, что сказано объ этомъ предметѣ выше.

[2]) Ср. произношеніе такихъ словъ, какъ пору́тчик, съ одной стороны, пору́ка съ другой. Въ словенскомъ передъ группой согласныхъ является на долгой гласной другое удареніе, чѣмъ передъ простой согласной или напр. передъ muta cum liquida.

широко — это a, e^2, o^2. Перевѣсъ широкихъ гласныхъ надъ узкими въ словенскомъ имѣлъ слѣдствіемъ вытѣсненіе узкихъ гласныхъ въ краткихъ слогахъ: эти гласныя, теряя специфическую черту своего произношенія, редуцировались; такъ на мѣстѣ i, $ä^1$, e^1, съ одной стороны, u, o^1 — съ другой, являлись въ словенскомъ редуцированныя гласныя ɛ и α, совпавшія быть можетъ, очень рано въ одной гласной. Въ среднерусскомъ языкѣ перевѣсъ оказывался за узкими гласными вслѣдствіе лабіализаціи и палатализаціи, охватившихъ всѣ ряды согласныхъ: это повело къ вытѣсненію широкихъ гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ, къ замѣнѣ ихъ редуцированнымъ α (послѣ твердыхъ и мягкихъ согласныхъ). Встрѣчи двухъ слоговъ съ редуцированными гласными имѣли въ словенскомъ языкѣ мѣсто сравнительно очень рѣдко: но, повидимому, перевѣсъ получалъ первый изъ этихъ слоговъ, что вело, быть можетъ, къ синкопѣ или элизіи второго: pravíti измѣнялось въ práv*α*t*α* — práv*α*t. Въ среднерусскомъ онѣ имѣли мѣсто, напротивъ, очень часто, передъ удареніемъ — благодаря распространенности предлоговъ, какъ *на*, *за*, *по*, *до*, *про*, *пере*, *над*, *под*, *от*, послѣ же ударенія — благодаря распространенности *е*, *о*, *а* въ грамматическихъ окончаніяхъ: мы видѣли, почему редуцированная гласная второго слога замѣнялась въ такихъ встрѣчахъ гласною *а*. Это обстоятельство повело въ среднерусскомъ къ совершенному видоизмѣненію первоначальнаго закона о редукціи открытыхъ гласныхъ въ неударяемыхъ слогахъ, при чемъ въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, все большее распространеніе получала гласная *а*. Тѣмъ не менѣе и дальнѣйшая исторія словенскихъ и среднерусскихъ гласныхъ представляетъ нѣкоторыя общія черты. Сюда относится, во-первыхъ, появленіе новаго ассимиляціоннаго процесса, по которому редуцированныя гласныя стремятся уподобить себѣ — въ словенскомъ краткія, а въ среднерусскомъ неударяемыя гласныя въ слогѣ, не предшествующемъ непосредственно ударенію: такъ въ словенскомъ діалектически редуциру-

ются *е*, *о* и даже *а*; въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ редукція поражаетъ *е*[1], а также *и*, *у*, *ы*. Во вторыхъ, сюда же относится замѣна редуцированныхъ гласныхъ гласными полнаго образованія: въ словенскомъ языкѣ она имѣетъ мѣсто въ тѣхъ говорахъ, которые редуцировали не только узкія, но и широкія гласныя, напр. въ хорутанскихъ; въ среднерусскомъ мы видимъ такую замѣну въ говорахъ, гдѣ, благодаря переходу редуцированныхъ гласныхъ въ узкія *ы*, *и*, *у*, произошло сближеніе между первоначально узкими и первоначально широкими гласными: хорутанск. zamlá, lažava, žané (им. мн.), hočaš, pojdamo, zalienah (мѣстн. мн.), v mojam и т. п. представляютъ явленія, аналогичныя съ среднерусскими вѣ́тяр, осянь, девярь, покóйняк и т. п., но аналогія ограничивается лишь тѣмъ, что какъ въ среднерусскихъ, такъ и въ хорутанскихъ говорахъ *а* замѣнило непосредственно редуцированную гласную. Аканіе тѣхъ среднерусскихъ говоровъ, въ которыхъ *а* замѣняетъ *о* не только въ слогѣ передъ удареніемъ или въ открытомъ конечномъ слогѣ, т. е. говоровъ, гдѣ извѣстно произношеніе сúльнаму, палучить и т. п. съ чистымъ *а*, можно сопоставить съ аканіемъ нѣкоторыхъ хорутанскихъ говоровъ, если дѣйствительно въ нихъ, какъ и въ этихъ русскихъ говорахъ, *а* замѣнило непосредственно редуцированную гласную изъ *о*. Но вообще среднерусское и словенское аканія имѣютъ разное происхожденіе: въ среднерусскомъ *а* замѣнило редуцированную гласную въ слогѣ передъ удареніемъ и въ открытомъ конечномъ слогѣ, если этимъ слогамъ предшествовалъ слогъ съ редуцированною же гласной (зαламáть, гóрαда), и отсюда оно распространилось вообще въ слогахъ, непосредственно предшествующихъ ударенію и въ открытыхъ конечныхъ слогахъ. Въ словенскомъ же *о* переходило въ *а* сначала тамъ, гдѣ вліяніе сосѣднихъ звуковъ могло превратить его въ узкую гласную, которая подлежала бы затѣмъ редукціи (напр. въ словахъ damú или govarí, ср. выше); изъ этихъ случаевъ *а* распространялось діалектически насчетъ всякаго вообще крат-

каго *о*. Слѣдовательно, словенское аканіе есть результатъ уподобленія краткой гласной *о* — болѣе широкой гласной *а*, результатъ диссимиляціи открытой гласной *о* отъ закрытыхъ гласныхъ, подвергавшихся въ языкѣ редукціи. Русское же аканіе, рядомъ съ редукціей неударяемыхъ гласныхъ, вызвано процессомъ, сходнымъ съ тѣмъ, который еще въ общеславянскомъ языкѣ провелъ различіе между редуцированнымъ *ъ* и *ь* въ зависимости отъ различнаго положенія: при одномъ положеніи *ъ*, *ь* впослѣдствіи исчезли въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, при другомъ они перешли въ гласныя полнаго образованія.

А. Шахматовъ.

С.-Петербургъ.

***

ЛЕГЕНДА
о
Св. Вячеславѣ.

Въ 1827 году А. Х. Востоковъ издалъ славянскій текстъ сказанія о убіеніи св. Вячеслава, по рукописи Румянцовскаго музея 15-го столѣтія. Лѣтъ двадцать спустя было ему указано на параллельный же текстъ той же легенды въ четьихъ минеахъ, подъ 28 сентября. Оба текста нынѣ доступны для научныхъ изслѣдованій въ Филологическихъ наблюденіяхъ А. Х. Востокова (С.-Пб. 1865, въ концѣ книги на стр. 91—114, съ примѣчаніями И. И. Срезневскаго) и въ изданіи сентября мѣсяца Великихъ Миней Четіихъ (С.-Пбгъ 1868, стр. 2186—2192). Попытка сопоставленія обоихъ текстовъ сдѣлана О. Бодянскимъ въ примѣчаніяхъ къ его изслѣдованію „О происхожденіи славянскихъ письменъ" (Москва 1855, на стр. LXXVI—LXXXVIII), но авторъ не исчерпалъ темы. Онъ не могъ, правда, не замѣтить разницы между обоими сказаніями и что въ минейской редакціи кое что передѣлано или прибавлено (напр. изъ отечественной исторіи указано на подобный же примѣръ на убійцу Святополка), однакожъ послѣдовательно проведенной параллели между обоими списками замѣтки Бодянскаго не представляютъ. Самаго бѣглаго взгляда на текстъ этихъ двухъ списковъ достаточно, чтобы признать за румянцовской редакціей сказанія всѣ преимущества большей древности и вѣроят-

ной первоначальности. Несмотря на это преимущество, издатель своднаго текста для I-го тома Fontes rerum bohemicarum (Prameny dějin českých), Іосифъ Коляржъ, предпочелъ класть въ основаніе своего изданія этой легенды (на стр. 127—134) не румянцовскій а минейный текстъ! Еще недавно повторилъ упрекъ этому некритическому пріему проф. Калусекъ (Kalousek) въ своей „Obrana knížete Václava Svatého" (V Praze 1901). Но за Коляржомъ остается все-таки одна заслуга: онъ первый обратилъ вниманіе на одинъ глаголическій текстъ того же сказанія, найденный имъ же въ бревіаріи (часословѣ) глаголическаго письма въ Румянцовскомъ музеѣ, въ собраніи Севастьяновскихъ рукописей (см. А. Викторова описаніе этого собранія, Москва 1881 № 51, стр. 75—77). Глаголическій бревіарій попалъ въ Румянцовскій музей черезъ Севастьянова изъ Италіи (Рима?) въ 1862 году, Коляржъ же изучалъ рукопись въ 1864 году. Она повидимому написана въ предѣлахъ Хорватскаго приморья или на одномъ изъ прилегающихъ острововъ (на Кркѣ?) или же наконецъ, и это вѣроятнѣе всего, въ Истріи, во всякомъ случаѣ раньше 1443 года (этотъ годъ записанъ, кажется, въ одной изъ приписокъ). Мало удовлетворяющее описаніе рукописи, сдѣланное покойнымъ А. А. Дювернуа, напечатано А. Викторовымъ въ вышеупомянутомъ Отчетѣ. Въ этой рукописи, во второй части ея, несомнѣнно подъ 28 ч. сентября Іосифъ Коляржъ нашелъ глаголическій текстъ сказанія о св. Вячеславѣ, которымъ онъ воспользовался для своего изданія въ примѣчаніяхъ. Къ сожалѣнію текстъ, найденнѣй имъ, очень не полный, только небольшое начало сказанія сохранилось; продолженія и конца нѣтъ, должно быть утрачены или вырваны листы.

Однакожъ и этотъ небольшой отрывокъ текста обратилъ на себя вниманіе историковъ. Если они вообще всѣ безъ исключенія (начиная съ Палацкаго, кончая Калусекомъ) признаютъ большое значеніе славянской легенды, не уступающей естественной простотой и богатствомъ содержанія древнѣйшимъ латинскимъ легендамъ, то открытіе

глаголическаго отрывка еще болѣе подтверждаетъ это ихъ убѣжденіе. Ограничимся передачею мнѣнія новѣйшаго историка этого вопроса. Калусекъ говоритъ (на стр. 29 своей „Обраны") слѣдующее: „Востоковская легенда найдена до селѣ только въ относительно позднихъ спискахъ, но происхожденіемъ своимъ она, должно быть, очень стара. Такъ надо полагать по различнымъ причинамъ, главнымъ же образомъ по тому внѣшнему обстоятельству, что начало этой легенды нашлось также въ одномъ хорватскомъ бревіаріи глаголическаго письма, написанномъ въ 1443 г. Разъединеніе церквей, происшедшее уже за нѣсколько столѣтій передъ упомянутымъ годомъ, сдѣлало невозможнымъ общеніе между славянами католиками и славянами православными. Поэтому первоначальный общій текстъ, изъ котораго продолжительной постепенностью развились списки русскіе и списокъ глаголическій, долженъ былъ возникнуть и разойтись по славянству уже въ то время, когда западные и восточные славяне принадлежали еще къ единой церкви христіанской".

Хотя противъ этой аргументаціи можно возражать— напр. на почвѣ южнославянской общеніе между хорватами-католиками и сербами-православными продолжалось въ ихъ церковныхъ книгахъ (кирилловскихъ и глаголическихъ) еще задолго послѣ разъединенія церквей — но въ данномъ случаѣ, гдѣ исходной точкой повидимому была Чехія, соображенія Калусека вѣрны. Они подтверждаются также данными изъ содержанія легенды и очень раннимъ распространеніемъ памяти св. Вячеслава въ церковныхъ книгахъ славянскаго востока.

Если проф. Калусекъ уцѣлѣвшему небольшому отрывку глаголическаго текста придаетъ такую важность, то можно представить себѣ, на сколько должно увеличиться значеніе той же легенды, коль скоро отыщется полный текстъ. Къ счастію такое открытіе сдѣлано нами на дняхъ въ Вѣнѣ, благодаря слѣдующему совсѣмъ случайному обстоятельству. Какъ извѣстно, послѣ кончины усерднаго Ивана Берчича, послѣдовавшей уже въ концѣ шестидесятыхъ

годовъ, интересъ для изученія хорватской глаголической письменности почти совсѣмъ прекратился. Даже давно извѣстныя собранія рукописей глаголическихъ (въ Загребѣ, Люблянѣ, Вѣнѣ) не нашли любителей для изслѣдованія ихъ. Всѣ мои старанія привлечь кого нибудь изъ молодыхъ южныхъ славянъ къ научной дѣятельности въ этомъ направленіи остались тщетными. Только въ послѣднее время одинъ молодой священникъ, родомъ далматинецъ, началъ заниматься чтеніемъ глаголическихъ рукописей. Для него-то я выписалъ въ нашъ университетскій институтъ двѣ глаголическія рукописи изъ Любляны. Я конечно просилъ его обозрѣть содержаніе обѣихъ рукописей и вотъ въ одной изъ нихъ онъ наткнулся подъ 28 числомъ сентября на легенду о убіеніи св. Вячеслава. Сразу оказалось, что это таже самая легенда, которую знаемъ черезъ Востокова и Коляржа и что она здѣсь уцѣлѣла въ полномъ объемѣ. Считая эту находку довольно важной я списалъ текстъ легенды съ предшествующими и послѣдующими антифонами и молитвами и пользуясь рѣдкимъ случаемъ, гдѣ ревностные ученики Филиппа Федоровича Фортунатова подносятъ своему любимому учителю литературный подарокъ, я присоединяюсь къ нимъ въ качествѣ искренняго почитателя и представляю его вниманію этотъ мой камешекъ, какъ δόσιν ὀλίγην τε φίλην τε.

О значеніи легенды какъ историческаго памятника не буду распространяться. Это дѣло историковъ. Достаточно освѣтить наше пріобрѣтеніе въ связи съ прежде извѣстными текстами сказанія. Мы теперь получили возможность сличать текстъ этой легенды въ полномъ ея объемѣ, отъ начала до конца, по тремъ спискамъ, которые можно назвать тремя редакціями, хотя онѣ въ сущности сводятся къ одному первоначальному тексту, къ одному источнику. Румянцовскій текстъ остается по прежнему главнымъ спискомъ, онъ и впредь долженъ занимать первое мѣсто, потому что онъ богаче содержаніемъ чѣмъ текстъ глаголическій, съ другой же стороны онъ не пострадалъ въ своемъ составѣ отъ позднѣйшимъ вставокъ

въ родѣ минейнаго списка. Но въ частностяхъ текстъ румянцовскій можетъ быть исправленъ текстомъ глаголическимъ, сохранившимъ многія древнія черты въ отдѣльныхъ словахъ. Въ особенности это видно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и минейный списокъ, отступая отъ румянцовскаго, примыкаетъ къ глаголическому.

Но скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о самой рукописи. Она пергаменная, на 180 листахъ in folio, написана же безъ сомнѣнія въ Истріи. Въ припискахъ болѣе поздняго времени, постоянно упоминается Истрія, чаще всего мѣстечки Берамъ и Болюнъ. Время написанія рукописи можно приблизительно опредѣлить старшей изо всѣхъ приписокъ, помѣщенной внизу послѣдней страницы послѣдняго (180-го) листа. Въ этой записи разсказывается, что 27 мая 1444 года нѣкто „пре Муниго" у святой Екатерины въ Полѣ (Pola) далъ подъ залогъ этой книги въ займы господину Доменигу (фамиліи его нельзя прочесть) изъ Болюна четыре золотыхъ (4 червонца). Было бы не совсѣмъ вѣроятно предположить, что рукопись тотчасъ послѣ написанія дана подъ залогъ; да и почеркъ этой записи и цвѣтъ чернилъ нѣсколько разнятся отъ остальной рукописи, хотя отступленіе не большое, уставъ письма выдержанъ, чего нельзя сказать ни объ одной изъ многочисленныхъ прочихъ приписокъ. Во всѣхъ ихъ употребляется или полууставъ или скоропись, заходятъ же онѣ по указаніямъ годовъ въ 16-ое и 17-ое столѣтіе. Итакъ мы вправѣ сказать, что эта рукопись, бревіарій или часословъ римскаго обряда, написана приблизительно около 1400 года или нѣсколько, но не много позже.

Текстъ сказанія, т. е. легенда о св. Вячеславѣ, обнаруживаетъ, конечно, всѣ слѣды хорватской редакціи церковнославянскаго оригинала съ виднымъ вліяніемъ хорватскаго нарѣчія и помимо правописанія. Во всемъ этомъ люблянскій текстъ нисколько не отступаетъ отъ московскаго. Оба текста, на сколько можно судить по отрывку въ Севастьяновскомъ бревіаріи, очень сходятся, хотя и не

представляютъ буквально одно и то же. Есть маленькія отступленія, на которыя указано при самомъ текстѣ. Но изъ всего видно, что былъ только одинъ типъ легенды въ томъ видѣ, какъ она вошла въ глаголическіе часословы.

Важнѣе вопросъ объ отношеніи глаголическаго текста къ кирилловскому, преимущественно румянцовскому. Тщательное сопоставленіе доказываетъ, что глаголическій списокъ, отличающійся мѣстами очень древнимъ подборомъ словъ, въ самомъ содержаніи разсказа представляетъ все таки сокращеніе и пропуски въ сравненіи съ болѣе полнымъ текстомъ румянцовскимъ. Это сокращеніе по всей вѣроятности вызвано особенной цѣлью глаголическаго текста, послужить матеріаломъ для церковнаго чтенія. Не только вся легенда раздѣлена на шесть чтеній, но по видимому существовало также желаніе текстъ сказанія немного сократить. Церковныя чтенія не нуждались во всѣхъ подробностяхъ легенды, все что казалось слишкомъ индивидуальнымъ могло быть пропущено или по крайней мѣрѣ сокращено. Все не относившееся къ главной цѣли, прославленію святого, считалось не важнымъ, безъ чего можно было обойтись. Такимъ образомъ, должно быть, объясняются слѣдующіе пропуски: не упоминается названіе церкви, гдѣ происходили постриги Вячеслава; не упомянута по имени баба Людмила, участіе ея въ обученіи сына въ славянскихъ книгахъ такъ же пропущено, какъ и участіе отца Вратислава въ отправкѣ сына въ Будечъ для обученія въ латыни; не говорится ничего объ участи сестеръ; не указанъ 18-лѣтній возрастъ Вячеслава, когда онъ долженъ былъ занять мѣсто отца; не упомянуто названіе города, гдѣ сдѣлано убійство (впрочемъ служба упоминаетъ „ќ Болеславли градѣ“ два раза); не указано точно время, когда оно совершилось. Есть и другія сокращенія. Итакъ сообразно съ цѣлью внесенія легенды въ церковное чтеніе нѣкоторыя существенныя части легендарнаго разсказа не вошли въ глаголическую редакцію. Полнотою содержанія она, какъ

уже сказано, уступаетъ первоначальному тексту, сохранившемуся лучше всего въ румянцовской редакціи.

Но несмотря на эти пропуски текстъ глаголическій имѣетъ большое значеніе, онъ даетъ возможность мѣстами исправить редакцію кирилловскую, и показать, какія выраженія въ кирилловскомъ текстѣ можно считать позднѣйшимъ подновленіемъ, взамѣнъ болѣе древнихъ словъ или формъ.

Начнемъ съ нѣкоторыхъ словъ. Въ глагол. текстѣ два раза приводится слово **маша** (древняя форма была конечно **мьша**), гдѣ рум. и мин. пишутъ *литургія;* мнѣ кажется, что послѣднее слово новѣйшая замѣна. Въ глаголич. употребляются **благодѣть**, **питѣти**, въ кирилл. **благодать**, **питати** и даже **кръмити** (но въ рум. сохранилось разъ **въспитѣ**). Въ глагол. существуетъ еще форма **кри** (т. е. **кры**, вмѣсто **кръвь**) и рядомъ съ **цркви** (это хорватизмъ) еще **костель** (чехизмъ, вм. храма или церкви). Въ глаголическомъ остался еще глаголъ **лаяти** („**тагда лаимь его**“) въ значеніи ἐνεδρεύειν, рум. передѣлалъ **лаимъ** въ **полокимъ**, мин. замѣнилъ словомъ **убіемъ**. Въ глаголическомъ остался довольно рѣдко употребляемый глаголъ **оутє** (т. е. **оутѧ**), рум. замѣнилъ его словомъ **оудари**, мин. ближе подходящимъ **оусѣкноу**. Въ глагол. уцѣлѣла еще форма чешск. **братръ** (хотя только разъ), въ рум. всегда **братъ**. Признаками древности языка въ глаголическомъ текстѣ могутъ быть названы причастія **обращь**, **поущь**, **рождьша**, **вложьшоу**, **разбраашьшоу** или простой аористъ: **разбѣгоу се**, **отидоу**, и т. д. Въ глаголическомъ текстѣ еще осталось прилагательное **искрьнии**, въ рум. оно замѣнено обыкновеннымъ **ближнии**. Вмѣсто **невидѣние** въ глаголическомъ написано правильно **невѣдѣние** (ἀγνοία). Въ глагол. сохранилось выраженіе **инегдоу**, въ соотвѣтствіе древнему **инъгдож**, сл. въ древнеч. *inhed*, въ рум. новая замѣна **одинока**, мин. **єдиною**. Слово **плахта** глагол. текста могло стоять въ первоначальной редакціи какъ чехизмъ, хотя и хорв. нарѣчіе знаетъ это слово; въ рум. и мин. **тонкою плащаницею** можно считать позднѣйшей за-

мѣной. Оборотъ **не рачи въ землю ити**, сохранившійся въ глаголич. текстѣ, замѣненъ потомъ обыкновеннымъ глаголомъ **хотѣти** (но въ мин. спискѣ осталось на этотъ разъ еще слово **не рачи**!). Вмѣсто **въ истиноу** читается въ глагол. спискѣ **въ рѣснотоу**. Правильный оборотъ повелительнаго наклоненія **богъ же покои** не слѣдовало въ изданіи кирилл. списка передавать черезъ **богъ же покой**, въ старину этотъ обликъ повелительнаго былъ трехслоговый. Укажемъ наконецъ еще на форму **сведѣ** („**грѣхъ мои сведѣ**"), т. е. съведѣ какъ первое яицо, и **ютрьнѥ** (три раза вм. рум. **злоутрьнѥ**). Къ чехизмамъ, оставшимся въ глаголическомъ текстѣ — они указаны въ извѣстномъ изслѣдованіи Вондрака — прибавлю еще два: слово **протиканстие** (чешское protivenství) и синтактическій оборотъ **Вещеслава же отидоу рассѣчена и несхранена**, см. въ словарѣ Юнгмана подъ словомъ odegdu такіе примѣры: zabitého ho odešli.

Попадаются конечно иногда и такіе случаи, гдѣ въ глаголическомъ спискѣ выраженіе древнее вѣроятно замѣнено новымъ, хорватскимъ, первоначальное же сохранилось въ румянцовскомъ спискѣ, напр. употребленіе слова **попъ, попинъ**, въ глагол. текстѣ не встрѣчается, въ рум. же спискѣ оно сохранилось (?, въ глагол. **ıереи**). Въ рум. употребленъ разъ глаголъ **намолвиша**, вѣроятно и это чехизмъ, замѣненный въ глагол. текстѣ хорватскимъ **наговорише**. Къ остаткамъ древности, быть можетъ, относится также глаголъ **охапивъ** рум. списка, въ глагол. **ѥмь**.

Но и помимо чисто филологическаго интереса глаголическая редакція представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ румянцовскаго списка, гдѣ я не затрудняюсь первоначальное находить на сторонѣ глаголическаго текста, напр. мнѣ кажется древнѣе по глаголическому списку **ѣко бысть подстрици и**, чѣмъ рум. **ıако бы оуяти ѥмоу власъ**. Минейный списокъ передѣлалъ разсказъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Въ глаголическомъ спискѣ (собственно въ обоихъ) уцѣлѣло названіе епископа, совершавшаго постриги, онъ названъ **Нотарь**, это же имя читается также

въ минейномъ спискѣ: „благовѣрный епископъ и **Нотарій**". Для повѣрки этого имени укажу на разсказъ Козмы пражскаго, гдѣ подъ годомъ 995 одинъ церк. сановникъ названъ *Notharius*, (сл. Fontes rerum bohem. II. 45: cum viro summae discretionis praesule, nomine *Nothario*).—Мятежники, затѣявшіе убить Вячеслава, по списку глаголическому обратились къ Болеславу, „**рекоуще: хощеть те врать Вещеславь оубити**", въ румянц. спискѣ наоборотъ они будто бы обратились къ Вячеславу тѣми же словами. Въ пользу глаголическаго чтенія говоритъ не только совпаденіе минейнаго списка, но также естественный ходъ разсказа и событія: мятежникамъ естественно было обратиться за содѣйствіемъ къ тому лицу, съ помощью и одобреніемъ котораго они намѣревались низвергнуть Вячеслава. Указаніе на мать какъ союзницу Вячеслава оправдывается тѣмъ, что она прежде была въ заточеніи, потомъ же Вячеславъ раскаявшись возвратилъ ее. И Іос. Коляржъ въ своихъ пояснительныхъ примѣчаніяхъ (Fontes rer. boh. I. 129 прим. 16. 17) считаетъ текстъ минейной, или какъ онъ называетъ ее, макаріевской редакціи въ данномъ случаѣ исправнѣе. — Въ рум. спискѣ говорится о тѣхъ же мятежникахъ, **иже вѣша Вачеслава илоучили выдати матерь свою безъ вины**; этотъ текстъ содержитъ въ себѣ двѣ описки, исправить же можно при помощи глаголическаго списка, съ которымъ сходится въ этомъ случаѣ минейный, такъ: **илоустили выгнати**. Было ли въ первоначальномъ текстѣ **въгнати** или **изъгнати** (такъ въ глаголическомъ спискѣ), сказать трудно. — Въ рум. спискѣ сказано про молодого Вячеслава „**къ немоу же** (т. е. **Ємрамоу**) **вѣше обѣщанъ**"; лучше, кажется, форма прилагательнаго, сохранившаяся въ глаголическомъ текстѣ, **обѣтань**, т. е. по древнему **обѣтьнъ**, молодой Вячеславъ „**вѣше обѣтьнъ**" къ Эмраму (erat devotus). — Въ рум. спискѣ разсказывается о Вячеславѣ и его усердіи, что онъ собралъ „**божїа рабы... отъ всѣхъ языкъ**" и что богослуженіе продолжалось **день и нощь** „**яко и въ велицѣхъ языцѣхъ**"; такъ приблизительно сказано и въ ми-

нейномъ спискѣ. О томъ же самомъ говорится въ глаголическомъ спискѣ гораздо проще и естественнѣе: „**слоужетели божие вь нихь** (т. е. въ церквахъ имъ построенныхъ) **бельми красно оть многь ѣзикъ**", т. е. духовенство не было одной національности, а были славяне, нѣмцы, быть можетъ, также греки и итальянцы. — Слова румянцовскаго списка „**добръ бѣ намъ господинъ вечеръ**", которыми Вячеславъ обращается къ Болеславу, высказывая ему свое удовольствіе насчетъ вчерашняго дня, не представляютъ удовлетворяющаго смысла. Еще же менѣе можно одобрить текстъ минейнаго списка, въ которомъ говорится: „**добръ день, господи, вчера**". Лучшее, по моему, сохранилось въ глаголическомъ спискѣ: „**докарь бѣ намь слоужабникь вчера**", что значитъ: вчера ты мнѣ сослужилъ (угощеніемъ) хорошую службу. Что объ этомъ рѣчь идетъ, видно изъ дальнѣйшаго хода разсказа, Болеславъ отвѣчаетъ брату иронически: „**сице тебѣ хощоу оунѣи быти**", т. е. если ты былъ моей службой доволенъ вчера, сегодня я хочу еще лучше послужить тебѣ. Здѣсь въ глаголическомъ спискѣ я предполагаю маленькую описку вм. „**нине тебе хощоу оубити**", надо пополнить: „**нине тебѣ хощоу оу(нѣи) бити**". — Послѣ убійства, жертвой котораго сдѣлался также нѣкто **Мьстиня** (или **Мьстина**), въ рум. спискѣ сказано „**а иныя мужи идоша въ корзѣ**", что опять не даетъ удовлетворительнаго смысла, не сказано куда они шли. Лучше передано въ минейномъ текстѣ: „**и на иныя моужи идоша прочее**", въ глаголич. же спискѣ еще понятнѣе и естественнѣе: „**прочее же абие гнавше вь Прагь**". Такимъ образомъ могла бы быть оправдана догадка Іос. Коляржа, что вм. **въ корзѣ** слѣдуетъ читать **въ Празѣ**, хотя къ глаголу **идоша** ожидали бы не **къ Празѣ**, а **къ Прагоу**. — По разсказу глаголич. списка изреченіе „**младѣнце же ихь подавише**" не значитъ ничего особеннаго, т. е. въ младенцахъ не слѣдуетъ подразумѣвать какихъ либо княжескихъ отроковъ въ родѣ пажей, это просто были дѣти убитыхъ сторонниковъ Вячеслава. Подъ конецъ легенды имѣется ссылка на это

мѣсто: и младѣньцє єго ради издавишє ѣкоже и Христа ради, значитъ, приведена параллель съ библейскимъ избіеніемъ младенцевъ. Былъ ли въ первоначальномъ текстѣ глаголъ избиша или какъ въ глаголическомъ издавишє, сказать трудно. Легче, во всякомъ случаѣ, представить себѣ, что менѣе употребительный глаголъ издавити былъ замѣненъ общеизвѣстнымъ избити, чѣмъ наоборотъ.— Порядокъ разсказа о гоненіи, послѣдовавшемъ послѣ убійства, совершеннаго надъ Вячеславомъ, гораздо проще и естественнѣе въ глаголическомъ спискѣ, чѣмъ въ румянцовскомъ. Сначала сказано, что́ случилось съ самими сторонниками Вячеслава, потомъ что́ съ ихъ дѣтьми, наконецъ, съ ихъ женами. Послѣ всего этого на очереди судьба служителей божьихъ. Въ румянцовскомъ и минейномъ спискахъ судьба рабовъ божьихъ вставлена между младенцевъ и женъ и такимъ образомъ могъ возникнуть вопросъ, о чьихъ женахъ здѣсь рѣчь идетъ, иные изслѣдователи стали вдаваться въ разсужденіе о безбрачіи духовенства и т. п. — Одинъ изъ убійцъ Вячеслава совѣтуетъ брату его Болеславу покончить также съ матерью, „да одиновл одолѣєши брата своєго и матєрь свою“. И здѣсь, кажется, первоначальное чтеніе сохранилось въ глагол. „да инєгдоу окаєши брата и матєрь“. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ то, что и въ мин. спискѣ читается глаголъ ожалѣєши, подходящій, конечно, ближе къ глаголическому окаєши, чѣмъ къ румянцовскому одолѣєши.

Не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности, гдѣ глаголическій списокъ могъ бы быть съ пользою примѣненъ для возстановленія первоначально текста сказанія. Приходится только жалѣть, что севастьяновскій списокъ не уцѣлѣлъ; судя по разночтеніямъ, онъ могъ бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить или дополнить люблянскій списокъ. Укажемъ для примѣра на два-три случая: любл. списокъ имѣетъ глаголъ вьспѣ́кшемь, севаст. пѣ̀кшимь, послѣднее чтеніе совпадаетъ съ румянц. текстомъ, стало быть, въ первоначальномъ текстѣ могло быть пѣкъшемъ.— Въ любл. спискѣ послѣ словъ благословениємь бискоупа

того праведнаго нѣтъ продолженія **и молитвами**, но оно имѣется въ севаст. и рум. спискахъ, стало быть, въ люблянскомъ спискѣ это слово пропущено. — Наоборотъ, я даю предпочтеніе люблянск. тексту, когда онъ пишетъ: **навиче же и книги словѣнские и латиньские**, въ севаст. спискѣ, по указанію Коляржа, послѣдняго слова нѣтъ, но оно здѣсь необходимо для сокращенной передачи того, что полный румянцовскій текстъ приписываетъ обоимъ членамъ семьи, бабѣ Людмилѣ (обученіе внука въ славянской грамотѣ) и отцу Вратиславу (обученіе сына въ латинской грамотѣ).

Будемъ надѣяться, что дальнѣйшіе поиски откроютъ еще въ какомъ нибудь глаголическомъ бревіаріи ту же легенду. Послѣ всего сказаннаго считаю лишнимъ далѣе распространяться о значеніи глаголической редакціи, но не могу не указать на одно вѣское доказательство въ пользу мнѣнія, что глаголическій списокъ, конечно не нашъ, а первоначальный полнаго разсказа, безъ сокращеній, послужилъ когда-то даже источникомъ и подлинникомъ для кирилловскихъ изводовъ. Дѣло въ томъ, что въ концѣ легенды, гдѣ рѣчь идетъ о перенесеніи тѣла Вячеслава въ Прагу, въ глаголическомъ спискѣ точно сказано, что оно состоялось мѣсяца марта въ 4-тый день. Глаголическій списокъ выразилъ это число по глаголическому счету буквою ⰳ. Въ кирилловскихъ же спискахъ, румянцовскомъ и минейномъ, не обращено вниманіе на различіе альгебраическаго значенія буквы этой въ кирилловскомъ алфавитѣ, и такъ осталось въ кирилловской транскрипціи глаголическаго текста ·г·, какъ будто бы перенесеніе состоялось не 4-го, а 3-го марта! Эта ошибка не ускользнула отъ вниманія проф. Коляржа и Калусека, они объяснили ее точно, не зная, конечно, впередъ, что догадка ихъ будетъ подтверждена фактически, спискомъ люблянскимъ.

Сказаніе [1]).

Се нине ѥкисть се пророчьское слово ко (еже) самь господь нашь Исоу-христь (*въ подл.* исхь, *въ севаст. нѣтъ*) рече. коудеть ко, рече, к последнее дни, еже мним нине боудоуще, Кстанеть брать на брата, сынь на отьца, и врази (*севаст. прибавл.* соуть) чловѣкоу домаши его. Чловѣци бо (*севаст.* же) боудоуть себѣ немили и вздасть имь богь по дѣломь ихь. Бисть же кнезь к чесѣхь именемь Братиславь, жена же его нарицаема (*севаст. приб.* именемь) Драгомира. И рождша (*севаст.* родивши) сынь свои прѣвлаць крстиста и и нарѣста име емоу Веществавь. Вьзрастшоу же емоу (*севаст.* вьзрасте же) ѣко бисть подстрищи и, призва Вратиславь отьць его на подьстрижение его (*последнихъ трехъ словъ въ севаст. нѣтъ*) блаженаго бискоупа, именемь Нотара сь своимь емоу клиромь (*севаст.* клиромь). Вспѣвшем (*севаст.* и пѣвшим) же имь машоу, взамь бискоупь отрока и постави га (*севаст.* и) на крилѣ степеннѣемь пред олтаремь, и благослови и реки· Господи Исоу-Христе (*въ подл.* исхе, *севаст.* воже Израилевь) благослови отрока сего, ѣкоже благословиль еси все праведние твое. Сице (*севаст. прибав.* же) с благословлениемь бысть подстрижень.

Чтение. Тѣм же (*севаст.* тѣмжде) мним ѣко благословлениемь бискоупа того праведнаго (*севаст. прибавл.* и молитвами его) наче (*севаст.* начеть) отрокь расти, благодѣтию божиею храним. Навиче же и книги (*въ севаст.* же и *пропущ.*) словѣнские и латинские (*севаст. это слово пропущ.*) зѣло добрѣ (*сев. только* добро). Оумрвшоу же отьцоу его, поставише чеси кнеза сего Вещеслава сына его. Болеслав же брать его под нимь растѣше. Бѣхота же оба млада (*севаст.* оба още мала). На мати ею Драгомира оутврди землю и люди (*это слово сев. проп.*) строи

---

[1]) Антифоны, молитвы и гимнъ здѣсь не печатаются, сокращенія разрѣшены.

доидѣже и възрасть (*севаст.* възрасте) Вещеславь науе (*сев.* и науе) самь строити люди свое. Благодѣтию же божиею Вещеславь кнезь (*сев.* к истиноу кнезь Вещеславь) не такмо книги навиче добрѣ, на и вѣрою свршень бѣ. Всѣм же нищимь добра твораше (*севаст.* добро творе), нагие одѣваше, лачоущее (*севаст.* лакающе) питѣеше (*сев.* питаше), странние приемаше по еванћелскоу гласоу (*сев.* еванћелском словоу). Вдовиц же не дадѣше обидѣти, люди все (*сев.* и люди всехь), оубогие и богатие миловаше (*сев.* и оубогие милоуе, *здѣсь прекращается севастьян. текстъ*), богоу работающимь слоужаше, црькви многие златомь краташе. Вѣроуе оубо богоу всѣмь срьдьцемь (*въ подл.* срцмь) своимь вса благаѣ твораше ѣже колиждо можаше к животѣ своемь.

Чтение. Разгрдѣкше же чешци моужи и дѣвлоу юже кложшоу в срце ихь, ѣкоже и дрѣвле в срце Июди прѣдатела господьна, всташе же на г(осподин)а своего Вещеслава, ѣкоже июдеи на Христа господа. Писано бо е(сть), ѣко всакь встави на господа своего Июдѣ подобань е(сть). И наговорише Болеслава рекоуще· хощет те брать Вещеславь оубити, свещавь с материю и сь моужи своими. Ти пси зали и Вещеслава бѣхоу прѣжде наоустили матерь свою без вини изагнати. На Вещеславь, разоумѣвь страх божии, оубоѣ се словесе глаголюща· чти отьца твоего и матерь твою и възлюбиши искрнаго своего како самь себе. Хоте же испльнити всакоу правдоу божию, възврати матерь свою и велми кае се с плачемь говораше· Господи боже, не постави мнѣ сего за грѣхь. И поминае слово Давида пророка говораше· грѣхь юности моее и невѣдѣниѣ моего помени господи. Кае же се утѣеше матерь свою. Она же радоваше се о вѣрѣ его и о благодѣти его юже твораше. Не такмо бо нищим и страннимь и прочимь многимь, ѣкоже спрѣдь рѣхомь, добро твораше, на и проданне искоупоуваше. Црькви же бѣ оустроиль к всѣхь градѣхь зѣло добрѣ, и слоужители божие к нихь велми красно оть мног ѣзикь, ки слоужбоу богоу творахоу дьнь и нощь строе-

ниемь божиемь и раба его Вещеслава. Вложи же емоу богь в срце и сазда црьки светаго Вида.

Утение. Болеславоу же братоу его наоущеноу бившоу нань, всѣѣ дѣвль в срце его злобоу, ѣкоже оубити и, да не би спасена доуша его била в вѣкь. Приде же дьнь светаго Имрама, к немоуже бѣ обѣтань Вещеславь. и веселещоу се емоу ва т дьнь, ти зали врази, призвавше Болеслава, свѣть творахоу неприѣзьнии ш нимь о братѣ семь Вещеславѣ, ѣкоже дрѣвле июдѣи о Христѣ. Биваюшем же свещениемь црькеномь в всѣхь градѣхь, Вещеславь ѣзде по все гради, в недѣлю же соущоу праздникоу Коузми и Домѣна, Послоушавь маше, оустрми се домовь ити в Прагь. Болеслав же оустави и сквринимь оумомь, реки· Поуто отходиши, брате; ибо и пиво цѣло имамь. Са же не отрече се братоу, на всѣдь на конь играти наче сь слоугами своими. тоу же минмь, ѣко повѣдѣше емоу рекоуще· хощет те брать Болеславь оубити. Са же не вѣрова томоу, на бога вхложь. Пришадши же ноци, сабраше се ти зали врази на дворь етера врага Гнѣвисе и призваше Болеслава. оуткрдише ш нимь та неприѣзании свѣть о братѣ его, ѣкоже дрѣвле снидоше се жидове, мислеще на Христа, тако и си зали иси сашадше се свѣть створише, како би оубили господина (*въ подл.* га) своего, кнеза. Рѣше же· када поидеть на ютрню, тагда лаимь его.

Утение. Ютроу же бившоу, взвонише на ютрню. Вещеслав же, слишав звонь, рече· слава тебѣ господи, иже даль еси добити ютра сего. и вставь поиде на ютрню. абие же састиже и Болеславь в вратѣхь црькенихь. Вещеслав же озрѣв се, рече к немоу· Брате, добарь бѣ намь слоужабникь вчера. Болеславоу же дѣвлоу приникшоу к оухо и развращшоу срце его, да извлѣкь мечь отвѣща еки· нине тебе хощоу оубити. се же рекь оудари и мечемь по главѣ. Вещеслав же обращ се к немоу рече· что еси оумислил брате. и ѣмь покрже и на землю. Слоуга же етерь притекь оуте Вещеслава к роукоу. Са же вредли си роукою, поуць братра (sic) побѣже к цркки. Злодѣѣ же два, рекома Тира и Часта, оубиста и в вратѣхь

црквених. Гнѣвиса же пришадь ребра емоу проболе мечемь. Вещеслак же абие испоусти доухь свои, реки· В роуцѣ твои, господи, предаю доухь мои. Оубише же тоудѣжде, к томь градѣ, и Мастиню етера, частна моужа Вещеславла. Прочее же абие гнавше в Прагь, ови избише, ови же разбѣгоу се по земли, младѣнце же ихь издавише, жени же многие за иние моуже вдаше, слоужителе божие изгнаше и всоу неприѣзанноу створише. Тира же рече Болеславоу· поидѣмь да оубиемь и госпою матерь ваю, да инегдоу окаеши брата и матерь. Болеслав же рече· нѣ камо се дѣждеть, доидѣже доспѣемь инѣми.

Чтение. Вещеслава же отидоу рассѣчена и несхранена. Крастѣи же ерѣи етерь, взам и положи и прѣд црьквою покрив плахтою. Слишавши же мати его оубиень соущь сынь свои, пришадши искаше и оузрѣвши и припаде к срцоу его, плачоущи се и сабравши все оуди тѣлесе его не смѣ нести и вь домь свои, на ва избѣ ерѣисцѣ оумивши облѣче и несши положи и в црькви. Оубоѣвши же се оубиениѣ, бѣжа в хрвати. Болеслав же пославь не деси ее тоу. Призвавше же ерѣѣ етера, именемь Павла, да молитвь створить над тѣломь Вещеславлимь, погребоше частное тѣло Вещеславле, добраго и праведнаго богочатца и христолюбца· доуша же его взиде к богоу, емоуже и слоужи с говѣниемь и с страхомь. Крв же его по три дни не рачи в землю ити. трети же вечерь, всѣмь видещимь, црѣки взиде над нимь ѣко дивити се всѣмь. И още надѣем се о бозѣ молитвами благовѣрнаго и добраго моужа Вещеслава вещьшемоу чоудеси ѣвити се. В рѣснотоу же Христовѣ моуцѣ и светихь моученикь приложи се моука его. Свѣть бо створише о немь, ѣкоже июдѣи о Христѣ, рассѣкоше же и ѣкоже и Петра (sic!), и младѣнце его ради издавише, ѣкоже и Христа ради.

Оубиен же бисть Вещеславь кнезь мисеца сектебра вь 20-ни [1]) и сдми (sic) дьнь. Богь же покои доушу его

---

[1]) Въ подлинникѣ глагол. буква 8, далѣе ни и сдми, несомнѣнно сначала читалось осми.

в̓ светѣемь покоищи сь всѣми праведними и са сими иже̓ его ради и̓збиени соуть, неви̓нни соуще.

Не остави же богь вѣ̓рнихь в̓ пороугание невѣрнихь, на прѣзрѣв̓ (*читай:* призрѣвь) милостию своею прѣложи окаменена срца на покаѣние и разоумѣние грѣхь ихь. и да Болеславь поменоувь, коликь грѣхь с̓твори, помоли се богоу и всѣмь свѣтимь его и прѣнесе тѣло брата своего, праведнаго моужа Вещеслава в̓ Прагь, глаголе· азь сагрѣшихь и грѣхь мои свѣдѣ.

Положише же и в̓ костелѣ светаго Вида, о десноую страноу о̓лтара обою на де̓сте апостолоу, идѣже вѣ и сам рекаль, сьздавь црѣкви. Пренесено же в истиноу бисть тѣло Вещеслава кнеза христолюбца мѣсеца марча в ·4·-ти [1]) дьнь. На лонѣ же Авраамли и Исаковли и Ѣковли богь оумѣсти доушоу его кдѣ вси праведни почивають, чекающе вскрѣшениѣ тѣлесь своихь, о Христѣ Исоусѣ господѣ нашѣмь.

Вѣна 18/31 января 1902.

И. В. Ягичъ.

---

[2]) Въ подл. буква %.

Къ исторіи древнѣйшей церковно-славянской письменности.

I. Нѣсколько наблюденій надъ словарнымъ матеріаломъ.

Мы владѣемъ нѣсколькими сотнями переводныхъ и оригинальныхъ произведеній, которыя по даннымъ языка должны быть отнесены къ первому столѣтію существованія славянской письменности, но лишь о немногихъ можно сказать что-нибудь опредѣленное.

Позволительно утверждать, что евангеліе, апостолъ и псалтырь, приспособленные къ употребленію при богослуженіи, переведены первоучителемъ Кирилломъ; что книги ветхаго завѣта (не всѣ) переведены подъ руководствомъ Меѳодія его учениками; что Шестодневъ Василія Великаго и избранныя главы изъ Богословія Іоанна Дамаскина переведены и нѣсколько поученій составлено во времена болгарскаго царя Симеона Іоанномъ Экзархомъ; что Златоструй и такъ называемый Святославовъ Сборникъ переведены во времена того же царя; что два житія—Антонія Великаго и Панкратія Тавроменійскаго—переведены по приказанію Іоанна Экзарха; что нѣсколько поученій составлено ученикомъ Кирилла и Меѳодія Климентомъ; что Учительное Евангеліе и Слова Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ переведены другимъ ученикомъ первоучителей Константиномъ; что сказаніе о славянскихъ письменахъ написано младшимъ современ-

никомъ учениковъ Кирилла и Меѳодія монахомъ Храбромъ; что наконецъ сочиненіе противъ богомиловъ составлено младшимъ современникомъ Іоанна Экзарха Козьмою.

Вотъ все, что признается критикою. Относительно нѣсколькихъ другихъ произведеній мнѣнія расходятся. Относительно перевода Грамматики Іоанномъ Экзархомъ большинство держится отрицательнаго взгляда; о переводѣ Хронографа Малалы современникомъ царя Симеона пресвитеромъ Григоріемъ можно сказать то же. Что до остальной массы произведеній (между которыми переводы значительно преобладаютъ), то для сужденія о нихъ у насъ нѣтъ пока данныхъ, и единственное, по чему мы считаемъ эти произведенія древнѣйшими изъ числа существующихъ на церковно-славянскомъ языкѣ,— ихъ языкъ, матеріалъ котораго однако такъ мало приведенъ въ извѣстность, что наличные его словари—Востокова, Миклошича и Срезневскаго—не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ изслѣдователя, а немногія монографіи, ему посвященныя, представляютъ попытки самаго скромнаго значенія.

Можно однако надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ, когда будетъ издано болѣе древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, данныя языка прольютъ болѣе свѣта на произведенія древнѣйшаго періода и что мы будемъ имѣть возможность говорить не только о переводахъ Кирилла и Меѳодія, но и о дѣятельности кружка царя Симеона съ Іоанномъ Экзархомъ въ главной роли, о работахъ Климента и его товарищей изъ числа жившихъ въ Охридѣ „седмочисленниковъ“ [1]), о трудахъ еще одного, двухъ мѣстныхъ кружковъ. Конечно, если данныя языка будутъ умѣло собираемы и оцѣниваемы. Позволительно говорить рѣшительно, что разысканія въ области сходныхъ по звукамъ словъ, въ родѣ *благодѣть* и *благодать*,

---

[1]) Синодикъ царя Бориса возглашаетъ вѣчную память Клименту, Саввѣ, Горазду, Науму, „много потрудившимся о славянскихъ книгахъ“.

благословествити, *благословестити* и *благословити*, *небесьскъ* и *небесьнъ*, *чловѣчь* и *чловѣчьскъ*, *велии* и *великъ*, *олей* и *елей*, *ради* и *радьма*, или не приведутъ ни къ какимъ результатамъ, или дадутъ нѣчто не выдерживающее критики, хотя бы потому, что переписчики, сохраняя вообще словарный матеріалъ, не стѣснялись замѣнять, например, *небесьскъ* через *небесьнъ* (какъ показываетъ сравненіе списковъ одного и того же произведенія). Цѣнные результаты могутъ получиться лишь тогда, когда будутъ имѣться въ виду другія данныя и прежде всего данныя *элементарной христіанской терминологіи* (догматической, богослужебной и т. п.).

Извѣстно, что христіанство между славянами Балканскаго полуострова существовало раньше начала церковно-славянской письменности и подвиговъ Кирилла и Меѳодія. Жители окрестностей Солуня, гдѣ по словамъ древняго житія Кирилла, всѣ „чисто" говорили по-славянски, навѣрное во времена первоучителей насчитывали въ своей средѣ нѣкоторое число христіанъ. То же можно сказать о славянахъ, жившихъ близь Тиверіополя (=Струмицы), Охриды, Сардики, Дристры и другихъ городовъ съ большими или меньшими остатками стараго христіанскаго населенія, грековъ и романцевъ. Конечно, этихъ остатковъ было особенно много въ Македоніи и вообще въ западной Болгаріи. Много времени спустя, въ XIV в., Стефанъ Душанъ называлъ не только Солунь, Сересъ, но и мѣстности по Вардару, Брѣгальницѣ, Струмѣ, Струмицѣ, вообще среднюю Македонію, — „Романіею", т. е. греческою землею [1]). Въ IX вѣкѣ упоминается въ источникахъ епископъ „Μοράβων" (=балканской Моравіи) Агаѳонъ, ревностный сторонникъ Фотія. Въ Македоніи и вообще въ западной Болгаріи очень рано возникаютъ болгарскіе монастыри, а вмѣстѣ съ ними появляются мѣстные святые болгарскаго происхожденія. Іоаннъ Рыльскій,

[1]) *Флоринскій*. Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 45.

основатель Рыльскаго монастыря, родомъ изъ подъ Сардики, умеръ около 945 года, слѣдовательно, началъ подвизаться въ началѣ X столѣтія; Гавріилъ Лѣсновскій, основатель Лѣсновской обители (въ Овчепольской области, между Брѣгальницей и Пшиной, притоками Вардара), Іоакимъ Сарандапорскій и Прохоръ Пшинскій, основатели монастырей,—были его современниками [1]). Климентъ и Наумъ, ученики Кирилла и Меѳодія и основатели монастырей,—также.

Въ восточной Болгаріи грековъ и романцевъ было меньше и успѣхи христіанства среди болгаръ здѣсь были менѣе быстры и значительны. Хотя монастыри возникаютъ и здѣсь, но между ними ни одинъ не достигаетъ извѣстности; восточно-болгарскіе ревнители христіанства или не удостоиваются канонизаціи, или заслуживаютъ лишь мѣстное почитаніе и скоро забываются. Царь Симеонъ, не смотря на свои заботы о славянскихъ книгахъ, не причисляется къ лику святыхъ; Іоаннъ Экзархъ, послѣ кратковременнаго мѣстнаго почитанія [2]), исчезаетъ изъ святцевъ; Синодикъ царя Бориса поминающій Климента, Савву, Горазда и Наума какъ „потрудившихся о славянскихъ книгахъ“, не знаетъ ни его самого, ни его сотрудниковъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь христіане болгары должны были существовать до крещенія Бориса; въ виду силы литературной дѣятельности кружка Симеона, приходится думать, что первыя славянскія книги здѣсь появились при жизни Меѳодія, когда славянскій первоучитель еще не былъ окруженъ ореоломъ святости и дѣло его и брата представлялось дѣломъ обыкновенныхъ человѣческихъ рукъ.

---

[1]) О времени жизни и мѣстахъ подвиговъ этой „четверицы“ болгарскихъ святыхъ см. *Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей болгарской, сербской..., стр. 662.

[2]) Проф. Воскресенскій нашелъ въ одномъ Апостолѣ XIII вѣка память „святаго Іоанна Экзарха Болгарска“, подъ 31 января (Древне-слав. Апостолъ, стр. 15).

Если христіанство распространилось между славянами въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова независимо въ одномъ отъ другаго, то вмѣстѣ съ нимъ должна была возникнуть въ разныхъ мѣстахъ *разная христіанская терминологія.*

Дѣйствительно, разсматривая словарныя данныя древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, мы видимъ обиліе христіанскихъ терминовъ.

Такъ, для обозначенія *священника* (=ἱερεύς) мы находимъ слова: 1) *иерей* (книжное слово, едва ли бывшее у славянъ въ живомъ употребленіи), 2) *попъ* (=греч. вульгарн. παππᾶς), 3) *священикъ, священьникъ,* 4) *святитель,* 5) *чиститель, чиститељникъ,* 6) *молитвьнъникъ,* 7) *мольбьникъ,* 8) *жьрьць*[1]); изъ нихъ 3-е, 4-е, 5-е, 6-е и 7-е— вновь составленныя, представляющія переводъ греч. ἱερεύς; лишь послѣднее—славянское народное слово.

Или, для обозначенія *монаха* (=μοναχός, μοναστής): 1) *мнихъ* (греч. вульгарн. *μονηχός, *μνηχός?)[2]), 2) *калугеръ* (греч. καλόγερος), 3) *чрьньць,* 4) *чрьноризьць,* 5) *инокъ, инокый*[3]).

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь слова *законьникъ,* такъ какъ въ значеніи *священникъ* оно извѣстно намъ только въ церковно-славянскихъ текстахъ, переведенныхъ съ латинскаго, по нашему мнѣнію, въ Моравіи. Сравни чешск. zakonnik = членъ монашескаго ордена, монахъ, въ Хроникѣ Далимила, легендѣ о св. Прокопѣ и друг. древне-чешскихъ памятникахъ (въ связи съ zakon = монашескій орденъ), съ которымъ связано соврем. польск. zakonnik = монахъ.

[2]) Въ своей записи (неизвѣстно въ точности, къ какому переводу) пресвитеръ Григорій называетъ себя „*мнихомъ* всѣмъ церковникомъ болгарскихъ церквей". Повидимому, это слово употреблено имъ въ значеніи *начальникъ,* въ силу особыхъ условій тогдашняго церковнаго быта. Сравни въ переводахъ съ латинскаго *законьникъ* (собственно: монахъ) въ значеніи священника.

[3]) Въ переводѣ Словъ Кирилла Іерусалимскаго *инокъ* = μόνος (о Богѣ).

Или, для обозначенія *причащенія:* 1) *причястие*, *причящение*, 2) *комъкание* (лат. communicatio).

Или, для обозначенія *рая:* 1) *рай*, 2) *порода* (греч. *παράδεισος*).

Или, для обозначенія греческаго *γέεννα:* 1) *геона*, 2) *дъбръ* (огньна), 3) *родьство* (огньно, огни), 4) *рождьство* (огньно), 5) *родъ* (огньнъ).

Изслѣдованіе употребленія подобныхъ терминовъ можетъ открыть происхожденіе, если не всѣхъ, то значительной части древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ. Во всякомъ случаѣ, пользуясь однимъ изъ этихъ терминовъ, *чиститель*, мы, кажется, получаемъ возможность указать на восточно-болгарское происхожденіе [1]) цѣлаго ряда древнѣйшихъ переводовъ.

Это слово, являющееся часто рядомъ съ словомъ *чистъ* въ значеніи *ἱερός* и съ нимъ тѣсно связанное, *изъ извѣстныхъ намъ* переводовъ употребляется:

въ переводахъ Іоанна Экзарха;

въ Златоструѣ, имѣющемъ стихотвореніе въ честь царя Симеона;

въ Святославовомъ Сборникѣ, также съ стихотвореніемъ въ честь Симеона;

---

[1]) Мы говоримъ вообще о восточной Болгаріи, такъ какъ здѣсь рядомъ работали два кружка переводчиковъ, одинъ съ Іоанномъ Экзархомъ въ главной роли, переводившій толково, стараясь передавать смыслъ греческаго текста, и другой, неизвѣстно кѣмъ руководимый, на который жалуется Іоаннъ Экзархъ въ предисловіи къ переводу Богословія, говоря: „есть неплодьно, якоже и криво, иже не силѣ и разуму вънимати, нъ глаголомъ“; послѣдній переводилъ черезчуръ буквально и вмѣстѣ неясно. А. С. Будиловичъ о переводѣ Словъ Григорія Богослова, вышедшемъ повидимому изъ этого кружка, говоритъ такъ: онъ „давно уже поражалъ своею темнотою и неудобопонятностью всякаго, кто приступалъ къ чтенію этого памятника.. Переводчикъ взялся за дѣло, которое было ему не по силамъ; нерѣдко онъ не понималъ того или другаго слова и очень часто не понималъ оборота“ (Изслѣдованіе языка... XIII Словъ Григорія Богослова, стр. 27, 28).

въ житіи Панкратія Тавроменійскаго, переведенномъ по приказанію Іоанна Экзарха;

въ житіяхъ Сильвестра папы римскаго, Кира и Іоанна, Созонта, Евдокима Праведнаго, тѣхъ, которыя вошли въ составъ Супрасльской рукописи, и многихъ другихъ, находящихся въ древнѣйшихъ четьихъ минеяхъ;

въ Номоканонѣ въ XIV титулахъ;

въ преніи христіанина Тимоѳея съ іудеемъ Акилою;

въ преніи Іакова новокрещеннаго съ іудеями;

въ Пандектахъ Антіоха;

въ Лѣствицѣ;

въ Андріатисѣ Іоанна Златоуста;

въ 13 Словахъ Григорія Богослова;

въ словѣ Іоанна Златоуста о злыхъ женахъ;

въ словѣ Евѳимія инока на введеніе Богородицы;

въ словѣ Германа на тотъ же праздникъ;

въ Завѣтахъ 12 патріарховъ;

въ Вопросо-отвѣтахъ (лже-)Аѳанасія къ Антіоху (въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 года);

наконецъ въ первоначальной, дошедшей до насъ уже въ древне-русскомъ исправленіи редакціи Хронографа Амартола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это слово совершенно отсутствуетъ въ кирилло-меѳодіевскихъ переводахъ всѣхъ редакцій, въ трудахъ епископа Константина, епископа Климента, въ наиболѣе употребительной (и потому очень рано переведенной) части церковныхъ чинопослѣдованій, въ наиболѣе употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Очевидно, въ словѣ *чиститель* мы имѣемъ терминъ спеціально восточно-болгарскій (можетъ быть, даже спеціально прѣяславскій), не принятый въ Македоніи и западной Болгаріи и скоро вышедшій изъ употребленія [1]).

Само собою разумѣется, это слово является въ тек-

---

[1]) Впрочемъ благодаря многочисленности восточно-болгарскихъ переводовъ, онъ иногда употребляется *русскими* переводчиками.

стахъ для перевода ἱερεύς не одно; рядомъ съ нимъ мы иногда встрѣчаемъ 1) другой важный терминъ *святитель* (переводы Іоанна Экзарха, Святославовъ Сборникъ, Пандекты Антіоха, Слова Григорія Богослова, житіе Нифонта, Толковый Апостолъ), также свидѣтельствующій, по нашему мнѣнію, о восточно-болгарскомъ происхожденіи перевода; 2) *иерей*, 3) *попъ*, 4) *священикъ*. Появленіе послѣднихъ объясняется тѣмъ, что они были въ кирилло-меѳодіевскихъ переводахъ, въ церковныхъ чинопослѣдованіяхъ, въ важнѣйшихъ пѣснопѣніяхъ, имѣвшихъ широкое распространеніе и употребленіе. Такимъ образомъ важна лишь наличность въ текстѣ слова *чиститель* [1]).

Безъ сомнѣнія, не лишены значенія и тѣ слова, которыя не имѣютъ отношенія къ церковной терминологіи; но по нашему мнѣнію, ими нужно пользоваться съ осторожностью, помня, что во всякомъ говорѣ существуютъ синонимы и что какъ мы теперь пользуемся синонимами *докторъ*, *врачъ* и *лѣкарь*, *мѣсяцъ* и *луна*, такъ и у древнихъ болгаръ одно и то же лицо могло употреблять рядомъ *балии* и *врачь*, *женихъ*, *зять* и *невѣстьникъ*, *воинъ*, *храбъръ* и *оиминъ*, *мѣсяцъ* и *луна*, *стеръ* и *нѣкъй*, смотря по стилистическимъ и другимъ потребностямъ. И дѣйствительно, А. С. Будиловичъ указываетъ

---

[1]) Переводы, *исправленные* по греческому оригиналу, особенно легко могутъ имѣть смѣшанную терминологію. Такіе переводы появились рано; къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ тѣ пѣснопѣнія, которыя дошли съ одной стороны въ Пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ, съ другой въ древне-русскихъ церковныхъ книгахъ (см. изданіе Пражскихъ отрывковъ Срезневскаго). Западно-славянскіе христіанскіе термины, встрѣчающіеся въ переводахъ съ греческаго, если нѣтъ въ послѣднихъ указаній на моравское происхожденіе, показываютъ, что мы имѣемъ передъ собою работу одного изъ учениковъ Кирилла Кирилла и Меѳодія. Такъ, слово *крижь* въ Толстовскомъ спискѣ Толковой Псалтыри (яко-бы) Аѳанасія (Лавровскій) свидѣтельствуетъ объ участіи въ переводѣ этого памятника Горазда, Наума или кого-либо изъ ихъ товарищей.

въ Словахъ Григорія Богослова для перевода греческаго ἄρχων три слова: *властель*, *кънязь* и *боляринъ*, для перевода гр. οἰκία три слова: *домъ*, *храмъ* и *хлѣвина*, для перевода μοναστής два слова: *чрънъцъ* и *инокъ*; мы можемъ указать въ Тріоди Постной (Погод. № 41, конца XIV вѣка) для перевода στολή слова *риза* и *одежда* и т. п. Наибольшею цѣнностью обладаютъ, на нашъ взглядъ, славянскія слова, употребляемыя переводчиками для передачи тѣхъ греческихъ словъ, соотвѣтствующихъ которымъ, по разнымъ причинамъ, не было въ древне-болгарскомъ языкѣ; это—слова для означенія нравственныхъ, философскихъ, научныхъ и т. д. понятій, или составлявшіяся вновь переводчиками, или получавшія подъ перомъ переводчиковъ новыя значенія. Они, не указывая на мѣсто происхожденія перевода, помогаютъ намъ узнать труды одного переводчика. Востоковъ обратилъ вниманіе на то, что въ Толковой Псалтыри Θеодорита и въ Словахъ Григорія Богослова греческое ἀρετή переведено черезъ *добрый нравъ* и заподозрилъ принадлежность этихъ двухъ переводовъ одному и тому же времени и одному переводчику [1]). Мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ можно рѣшительно говорить объ одномъ переводчикѣ [2]).

Сохраненіе безъ перевода греческихъ словъ также можетъ давать полезныя указанія. Едва ли можно придавать значеніе отсутствію или присутствію перевода такихъ словъ, которыя представляли затрудненіе для перевода и подобныя которымъ мы теперь оставляемъ безъ перевода (*иерей*, *пресвитеръ*, *игуменъ*, *епископъ*, *ересъ*, *мнаса* и т. п.). Важно сохраненіе греческихъ словъ, легко под-

---

[1]) Описаніе Румянц. Муз., № 334.

[2]) По нашимъ наблюденіямъ, переводъ Златоструя, Святославова Сборника и Вопросовъ Кесарія принадлежитъ одному изъ сотрудниковъ Экзарха, участвовавшему въ переводѣ Шестоднева и Богословія. Сравни въ предисловіи къ Шестодневу: „си же словеса *мы есмъ* съставили“, „аще *есмъ* почитали“, „*есмъ* съплатили*се*“.

дающихся переводу. Такъ, въ текстѣ Четвероевангелія по Галицкому списку 1144 года мы находимъ частицу *ара*=греч. ἄρα, оставленную безъ перевода. Она говоритъ намъ, что редактированіе церковно-славянскаго текста Четвероевангелія было произведено тамъ, гдѣ славянское населеніе больше или меньше знало по-гречески и въ своей славянской рѣчи нерѣдко пользовалось греческими словами [1]). Такое же значеніе имѣетъ выраженіе: людие *периусии* въ Учительномъ Евангеліи Константина (=λαός περιούσιος).

Форма не переведенныхъ греческихъ словъ равнымъ образомъ дозволяетъ дѣлать полезныя соображенія. Едва ли можно воспользоваться разницею въ склоненіи слова *Христосъ*: род. п. Христ*а* и Христ*оса* и т. д. (здѣсь могутъ играть большую роль переписчики), но напримѣръ, рѣдкая и для насъ не вполнѣ понятная передача греческаго окончанія им. п. мн. ч. муж. р. οι черезъ славянское *у* заслуживаетъ вниманія. Мы ее находимъ въ Шестодневѣ Іоанна Экзарха: каркин*у* (печ. изд., л. 162); въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: ин'д*у*, вактириан*у*, скот*у*, спан*у* и др. (изд. О. Д. П., л. 139; рядомъ, л. 138: асvріѵ, лvдѵ, мадианѵ, парѳѵ); въ Вопросахъ Кесарія: мид*у* (изд. О. Д. П., 14); въ Завѣтахъ 12 патріарховъ: асури*ю*, мид*у*, перс*у* (*Тихонравовъ*, I, 293), въ четырехъ памятникахъ, которые, несомнѣнно, тѣсно связаны между собою (см. выше).

---

[1]) Судя по „Проглас у святаго евангелія“, принадлежащему епископу Константину (о немъ см. въ слѣдующей статьѣ), редактированіе Четвероевангелія произведено этимъ Константиномъ. Въ „Прогласѣ“ мы читаемъ: „услышите, словѣне вьси! даръ вамъ отъ Бога данъ—Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ“, т. е. рѣчь идетъ именно о Четвероевангеліи. Да и не было смысла снабжать громкимъ предисловіемъ (эту роль долженъ исполнять „Прогласъ“) евангеліе-апракосъ, хотя бы и съ исправленнымъ текстомъ. Сравни въ Четвероевангеліи по списку 1144 года: пріими *букъви* своя (=кънигы), и въ „Прогласѣ“: *букъвьнъ* книжный, *безбукъвьнъ* некнижный.

Въ заключеніе не лишнее замѣтить, что говоря о древнихъ переводахъ мы имѣли въ виду переводы не позднѣе конца X вѣка. Около этого времени уже произошло въ Болгаріи установленіе и вообще словарнаго матеріала въ литературномъ церковно-славянскомъ языкѣ, и въ частности христіанской терминологіи, имѣвшее своимъ результатомъ значительное уменьшеніе того разнообразія, которое наблюдается въ древнихъ переводахъ.

II. Гдѣ жилъ епископъ Константинъ?

Намъ извѣстны лишь два труда, несомнѣнно принадлежащихъ епископу Константину: 1) Учительное Евангеліе, по послѣднимъ изслѣдованіямъ оказавшееся простымъ переводомъ съ греческаго [1]), и 2) переводъ Словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ.

Время составленія перваго изъ нихъ намъ неизвѣстно; 894 годъ, которымъ обыкновенно датируютъ это произведеніе, относится къ статьѣ, случайно приписанной къ нему въ русскомъ спискѣ XII—XIII вѣка и отсутствующей въ двухъ сербскихъ спискахъ XIII и XIV вѣковъ. Можно сказать лишь одно: Учительное Евангеліе написано тогда, когда Константинъ былъ еще священникомъ, и время работы надъ нимъ совпало съ временемъ обращенія множества славянъ въ христіанство; „летитъ нынѣ словѣньско племя къ крьщенію“, говоритъ Константинъ въ стихотворномъ „Прологѣ“ къ этому труду.

О мѣстѣ дѣятельности Константина, когда онъ былъ священникомъ и читалъ Учительное Евангеліе своей паствѣ, нѣтъ прямыхъ указаній.

Константинъ говоритъ о себѣ не разъ. Въ упомянутомъ уже „Прологѣ“ къ Учительному Евангелію онъ на-

---

[1]) *М-тъ Антоній*, Изъ исторіи христіанской проповѣди. Изд. 2-ое. Спб. 1895 (статья посвященная Учительному Евангелію).

зываетъ себя послѣдователемъ своихъ учителей Кирилла и Меѳодія; по записи перевода Словъ Аѳанасія онъ — „ученикъ Меѳодовъ“; но въ числѣ охридскихъ учениковъ славянскихъ первоучителей, называемыхъ по именамъ въ греческомъ житіи Климента, въ Синодикѣ царя Бориса и въ другихъ источникахъ, его нѣтъ. Слѣдовательно, онъ жилъ не въ Охридѣ и не въ мѣстахъ особенно близкихъ къ ней. Тѣмъ не менѣе съ охридскими дѣятелями Константинъ былъ въ сношеніяхъ, и къ написанію Учительнаго Евангелія онъ былъ принужденъ просьбами „брата Наума“, тѣсно связаннаго съ Охридой. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы Константинъ жилъ въ Прѣяславлѣ и работалъ подъ руководствомъ Іоанна Экзарха. Если, будучи уже епископомъ, онъ перевелъ Слова Аѳанасія по повелѣнію царя Симеона, изъ этого нельзя дѣлать заключенія объ его жительствѣ въ восточной Болгаріи: Климентъ получилъ повелѣніе того же Симеона перевести Тріодь, хотя жилъ въ западной Болгаріи.

Но въ Учительномъ Евангеліи есть нѣсколько подробностей, позволяющихъ догадываться, гдѣ жилъ Константинъ въ санѣ священника.

Онъ знаетъ „словѣньскый родъ, мьнимый попьранъ быти вьсѣми“ (бесѣда 47-я). Такого презрѣнія къ славянамъ не могло быть въ то время ни въ славянской Охридѣ, ни въ столицѣ ославянившагося Симеона. Оно могло быть лишь въ большомъ греческомъ городѣ, жители котораго и хорошо знали славянъ, и не зависѣли отъ нихъ. Такимъ городомъ былъ въ IX вѣкѣ родной городъ Кирилла и Меѳодія и, вѣроятно, большей части его учениковъ. Славяне жили подъ самымъ городомъ и платили дань грекамъ; многіе изъ нихъ, судя по даннымъ извѣстныхъ чудесъ св. Димитрія Солунскаго, находились даже въ городѣ, въ качествѣ прислуги, рабочихъ и т. п. Греки относились къ нимъ, конечно, какъ къ грубымъ варварамъ.

Наставленія Константина, по словамъ авторитетнаго ученаго, изучавшаго его трудъ, „отличаются ясностью,

простотою и общедоступностью“ [1]); а между тѣмъ мы читаемъ у него слѣдующее. На страшномъ судѣ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „съберетъся, якоже на тръзѣ ли *на позорищи*, вьсь родъ чловѣчьскъ“; лицемѣръ — то же, что актеръ, говорится у него въ другомъ мѣстѣ; „якоже аще къто, нищь сы, къняжь образъ обложить на ся, и дотолѣ свѣтьлъ являетъся, доньдеже *позорище стоитъ*“ (= ἕως ἂν τὸ θέατρον κάθηται). Если Константинъ оставилъ въ своемъ переводѣ эти подробности, значитъ, онъ имѣлъ въ виду такихъ слушателей, которые были знакомы съ театромъ. „Воле рьцѣмъ, говоритъ еще Константинъ: буди нѣкъто *вѣньцедатель* (ἀγωνοθέτης) етерымъ страстотрьпьцемъ храбъромъ мъногомъ (= ἀθλητάς ἀρίστους πολλούς), въходящемъ на брань (= εἰς ἀγῶνα)“; „хотяще въ сь добрый *стадий* поста вънити“ (нѣтъ въ греческомъ оригиналѣ). Значитъ, славяне Константина были знакомы и съ циркомъ. „Не чрьньця точию глаголю и живущяя въ горахъ, но вьсѣкого вѣрьна“, говоритъ еще Константинъ (нѣтъ въ греческомъ оригиналѣ). Значитъ, его славяне имѣли представленіе о монахахъ и отшельникахъ. Всѣ эти подробности указываютъ также на Солунь [2]).

Итакъ, Константинъ священникъ жилъ, повидимому, въ Солунѣ или подъ Солунемъ.

Позволительно догадываться, что онъ былъ настоятелемъ въ одной изъ солунскихъ или присолунскихъ церквей, посѣщавшейся славянами, что онъ отправлялъ въ ней богослуженіе на греческомъ языкѣ и лишь проповѣдь обращалъ къ своимъ слушателямъ на ихъ родномъ языкѣ. Въ Учительномъ Евангеліи довольно много цитатъ изъ евангелія. Они переведены Константиномъ самостоятельно, хотя его переводъ и показываетъ хорошее

---

[1]) O. c., стр. 177.

[2]) О торгѣ (ἀγορά), театрѣ, циркѣ (στάδιον) и многочисленныхъ монастыряхъ въ Солунѣ см. *Tafel*, De Thessalonica ejusque agro dissertatio, Berol., 1839, стр. 163, 164, 167.

знакомство переводчика съ кирилло-меѳодіевскимъ текстомъ этой священной книги. Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ нами изъ русскаго списка XII—XIII вѣка (М. Синод. Библ. № 262): „бѣ свѣтъ *истовый*, иже просвѣщаетъ вьсѣкого чловѣка въ миръ грѧдѫща“; „иже речетъ братови своему: *бус, подобънъ* естъ геонѣ огньнѣй“; „иже възьритъ на жену, *да похощетъ ей*, уже прѣлюбы *сѣдѣя* съ нею въ срѣдьци своемъ“; „подобааше вѫдати сребро мое *купьцемъ*“. Если бы Константинъ совершалъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и читалъ евангеліе въ обычномъ славянскомъ переводѣ, — конечно, въ своей проповѣди онъ объяснялъ бы слова этого именно перевода, а не другія, хотя бы и близкія.

О мѣстѣ дѣятельности Константина въ санѣ епископа могутъ быть лишь догадки.

Константинъ имѣлъ несчастіе быть соименникомъ своего знаменитаго учителя. Какъ извѣстно, славянскій первоучитель долго почитался у славянъ подъ своимъ мірскимъ именемъ. Лишь съ теченіемъ времени за нимъ утвердилось его монашеское имя и онъ сталъ извѣстенъ какъ „Кириллъ Философъ“. Тожество именъ повело къ тому, что заслуги епископа Константина съ теченіемъ времени были приписаны славянскому первоучителю и его литературные труды явились въ спискахъ съ именемъ Кирилла. „Прологъ“ къ Учительному Евангелію, или азбучная молитва, дошелъ до насъ въ значительномъ числѣ русскихъ списковъ съ именемъ Кирилла. Отрывокъ изъ Учительнаго Евангелія въ русскомъ спискѣ приписывается также Кириллу. Съ именемъ Кирилла является въ русскомъ спискѣ [1]) „Предсловіе евангельское“, то древнее славянское стихотвореніе, которое въ трехъ сербскихъ спискахъ XIV вѣка (Гильфердинга, Хлудова и Хиландарскомъ) признается произведеніемъ „Константина Философа“ („Про-

[1]) Изданъ въ нашей статьѣ въ „Трудахъ“ XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

гласъ святаго евангелія"), и которое вполнѣ можетъ принадлежать нашему Константину.

Въ виду этого позволительно относить къ епископу Константину то, что говорится въ такъ называемой Солунской легендѣ [1]) о соименномъ славянскомъ первоучителѣ. Кириллъ, читаемъ мы въ этой легендѣ, „шедъ въ Брѣгальницу и обрѣтъ отъ словѣнскаго языка нѣколико (не)крещеныхъ, крестивъ ихъ, приведе на православную вѣру... И сихъ, ихъже обрати,... четыре тысуще и пятьдесятъ". То есть, позволительно думать, что Константинъ былъ епископомъ въ недалекой отъ Солуня Брѣгальницѣ (въ пяти часахъ пути отъ г. Струмицы).

III. Когда и гдѣ писалъ черноризецъ Храбръ?

Теперь мода на глаголицу. Это не мѣшаетъ свидѣтельству Храбра о древности и господствѣ кириллицы и о составленіи именно этой азбуки славянскимъ первоучителемъ, *единственному древнему и ясному свидѣтельству въ вопросѣ о происхожденіи славянскихъ азбукъ*,— сохранять полное значеніе.

Когда писалъ Храбръ? „Суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ" (Кирилла и Меѳодія), читаемъ мы въ одномъ изъ лучшихъ списковъ его труда. Академикъ И. В. Ягичъ, горячій сторонникъ древности глаголицы сравнительно съ кириллицею, заподозриваетъ принадлежность этой фразы Храбру [2]). Подобныя фразы, цѣнныя для современнаго историка, не представляли интереса для ста-

---

[1]) О ней см. *Вороновъ*, Кириллъ и Меѳодій, Кіевъ, 1877, стр. 196 слѣд.

[2]) Изслѣдованія по русскому языку, I, стр. 311.

О томъ, чтобы списокъ, гдѣ находится эта фраза (Моск. Дух. Ак.), восходилъ къ глаголическому оригиналу, — не можетъ быть и рѣчи.

рыхъ переписчиковъ и читателей, интересовавшихся главнымъ предметомъ разсказа, и потому свободно могли быть опускаемы; но кому была надобность ихъ вставлять и какія могли быть основанія для вставки? Критика текста въ данномъ случаѣ рѣшительно говоритъ противъ И. В. Ягича. И такъ, — Храбръ писалъ, когда были еще живы люди, видѣвшіе Кирилла и Меѳодія, слѣдовательно, едва ли позднѣе 930 года.

Гдѣ писалъ Храбръ?

Задача труда этого по своему образованнаго человѣка, во всякомъ случаѣ знавшаго по-гречески настолько хорошо, чтобы переводить съ него вполнѣ удовлетворительно,—достаточно ясна: Храбръ взялся за перо, чтобы показать противникамъ славянской азбуки и письменности, грекамъ и грекоманамъ, что славянская азбука, составленная святымъ человѣкомъ Кирилломъ (какъ это извѣстно *всѣмъ* славянскимъ книжнымъ людямъ), нисколько не ниже греческой азбуки, честь изобрѣтенія которой принадлежитъ язычникамъ.

Слѣдовательно, Храбръ писалъ тамъ, гдѣ славянская азбука и письменность подвергались нападеніямъ и нуждались въ защитѣ, тамъ, гдѣ греки были сильны, гдѣ славянскіе книжники жили рядомъ съ греческими, гдѣ живо интересовались вопросами славянскаго просвѣщенія. Такимъ мѣстомъ всего скорѣе могъ быть греческій Солунь, давшій въ своихъ монастыряхъ пріютъ также монахамъ славянамъ; во всякомъ случаѣ это былъ тотъ городъ, гдѣ какое-то недавнее „устроеніе“ (= исправленіе?) славянскаго текста священнаго писанія („кънигъ“) вызвало толки. Если мы правы, считая авторомъ „Прогласа святаго евангелія“ и редакторомъ Четвероевангелія епископа Константина, то подъ „устроеніемъ“ всего удобнѣе разумѣть работу именно этого лица (значитъ, одинъ изъ живыхъ очевидцевъ первоучителей, извѣстныхъ Храбру, — не кто иной, какъ Константинъ) [1]).

---

[1]) Любопытно, что Храбръ въ значеніи греческаго γραμ-

Должно замѣтить, что говоря о славянскихъ первоучителяхъ, Храбръ пользовался или устными разсказами, или неизвѣстными намъ письменными источниками. Имя моравскаго князя, призвавшаго въ Моравію первоучителей, имѣетъ у него такую форму, которой нѣтъ ни въ паннонскихъ житіихъ, ни въ другихъ произведеніяхъ, посвященныхъ Кириллу и Меѳодію, и которая имѣетъ окончаніе западно-славянскихъ уменьшительныхъ: Рас*тицъ*. Коцелъ у Храбра именуется „княземъ Блатенскимъ", титуломъ также неизвѣстнымъ намъ изъ другихъ источниковъ о первоучителяхъ.

IV. Нѣсколько палеографическихъ наблюденій.

Палеографъ приходитъ въ большое недоумѣніе, разсматривая древне- и средне-болгарскія кирилловскія рукописи XI, XII и начала XIII вѣковъ. Ихъ письмо представляетъ поразительное разнообразіе и въ общемъ, и въ частностяхъ.

Въ то время, какъ Погодинская Псалтырь XII вѣка имѣетъ прямой уставъ, довольно изящный, похожій на уставъ русскихъ рукописей того же времени, въ Листкахъ Ундольскаго XI вѣка, въ Охридскомъ Апостолѣ и друг. передъ нами является косое письмо, очень близкое къ косому письму греческихъ унціальныхъ кодексовъ IX—X вѣковъ, въ родѣ Псалтыри 862 года.

Возьмемъ нѣсколько отдѣльныхъ буквъ.

Буква *а* въ однихъ рукописяхъ имѣетъ овалъ небольшой величины, не доходящій до строки; буква въ нихъ

ματεύς пользуется, между прочимъ, словомъ *букаръ*. Срв. *букъви* (= кънигы) въ Четвероевангеліи и *букъвьнъ* въ „Прогласѣ". См. выше.

стоитъ на своей прямой чертѣ; въ другихъ ея овалъ опускается до строки; здѣсь форма буквъ въ общемъ не отличается отъ формы ея въ русскихъ уставныхъ рукописяхъ.

Буква д въ Супрасльской рукописи (а также въ надписи царя Самуила) помѣщается вся на строкѣ, т. е. ея ножки не свѣшиваются къ низу отъ строки; въ другихъ рукописяхъ она имѣетъ обычную для насъ форму.

Буква ц въ томъ же памятникѣ и въ Листкахъ Ундольскаго, и буква щ въ Листкахъ Ундольскаго также помѣщаются всѣ на строкѣ; въ другихъ онѣ имѣютъ обычную форму.

Буква щ въ однихъ рукописяхъ имѣетъ обычную форму, въ другихъ вмѣсто ея стоитъ шт.

Буква ж въ Григоровичевомъ Евангеліи № 1690 пишется такъ, что очень похожа на ѫ; въ другихъ памятникахъ ж имѣетъ обычную форму.

Буква ы пишется то ъı (съ ъ), то ьı (съ ь), то ъи.

Буква ю въ однихъ рукописяхъ иногда пишется оі; въ другихъ мы видимъ ее только въ обычной формѣ.

Составъ азбуки или количество знаковъ также разнообразно. Одни рукописи имѣютъ ɫ, ɲ, въ другихъ ихъ нѣтъ; одни знаютъ іотированныя буквы (ѥ, ѭ, ѩ); другія не знаютъ; одни употребляютъ букву ѕ той или другой формы; другія не знаютъ; одни употребляютъ одинъ ъ (въ нихъ нѣтъ ь); въ другихъ только ь (нѣтъ ъ), и т. д.

Все указываетъ, что въ XI и XII вѣкахъ болгарскіе книжники еще не подвели итоговъ тѣмъ разнообразнымъ преобразованіямъ, которымъ, послѣ славянскихъ первоучителей, подверглась кириллица въ разныхъ частяхъ Болгаріи, что они слѣдовали лишь за своими предшественниками, книжниками конца IX и первой половины X вѣка.

Изученіе палеографическихъ особенностей древне- и средне-болгарскихъ кирилловскихъ рукописей, можетъ быть, приведетъ когда-нибудь къ раздѣленію ихъ на группы и пріуроченію каждой группы къ какой-нибудь части старой Болгаріи.

Но для этого нужны сборники палеографическихъ снимковъ, которыхъ пока у насъ совершенно нѣтъ. Какъ извѣстно, лишь недавно появились въ печати снимки съ Саввина Евангелія и Хиландарскихъ Листковъ; Листки Ундольскаго, Слѣпченскій Апостолъ, Охридскій Апостолъ, Евангеліе Григоровича № 1690, Паремейникъ Григоровича, не говоря уже о другихъ менѣе извѣстныхъ рукописяхъ, — пока доступны для палеографическихъ наблюденій только въ подлинникахъ.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ древне-болгарская письменность IX—XI вѣковъ перешла въ древнюю Русь. Русскіе списки съ древне-болгарскихъ оригиналовъ во многихъ случаяхъ сохранили особенности азбуки и ороографіи этихъ оригиналовъ, и мы можемъ утверждать, что послѣдніе представляли много разнообразія.

Между ними были рукописи съ кирилловскимъ письмомъ, но съ употребленіемъ въ томъ или другомъ количествѣ также глаголическихъ буквъ.

Между ними были рукописи роскошнаго письма и отдѣлки. Оригиналъ Остромирова Евангелія долженъ былъ быть близокъ къ своему великолѣпному списку и представлять собою вкладъ болгарскаго царя или вельможи въ храмъ или монастырь какого-нибудь большаго болгарскаго города. Объ оригиналѣ Святославова Сборника 1073 года позволительно догадываться, что онъ былъ или точная во всѣхъ отношеніяхъ копія съ поднесеннаго болгарскому царю Симеону экземпляра, или именно этотъ экземпляръ.

Между ними были тексты съ тою ороографіею, которой главная черта—частое употребленіе *о* и *е* на мѣстѣ древнѣйшихъ ъ и ь и въ другихъ случаяхъ, и въ формахъ именит. пад. ед. ч. муж. р. именъ прилагательныхъ (Евгеніевская Псалтырь).

Между ними были тексты также съ частымъ употребленіемъ ъ послѣ шипящихъ (чъто и т. п.), отличающимъ Саввино Евангеліе (Лѣствица XII вѣка Рум. Муз.).

Трудно допустить, чтобы русскіе X—XII вѣковъ (послѣ Святослава) имѣли значительныя сношенія съ самою Болгаріею. Приходится думать, что древне-болгарскія книги IX—XI вѣковъ перешли въ древнюю Русь изъ Болгаріи при посредствѣ Константинополя. Константинополь того времени былъ огромнымъ рынкомъ, распространявшимъ товары въ разныя стороны міра; что страннаго въ мысли, что онъ торговалъ славянскими книгами, направляя ихъ между прочимъ въ Кіевъ, гдѣ на нихъ долженъ былъ быть хорошій спросъ и стоять высокія цѣны? Сверхъ того, послѣ занятія Болгаріи греками при Цимисхіи, въ Константинополь могли попасть въ составѣ военной добычи книги Симеона и вообще болгарскихъ царей, употребленныя потомъ греками для подарковъ кіевскимъ великимъ князьямъ.

Конечно, въ Русь X—XII вѣковъ въ особенно большомъ количествѣ должны были попасть тѣ древне-болгарскія книги, которыя были написаны въ восточной Болгаріи. Изъ нихъ русскіе должны были заимствовать азбучную систему вообще и начертанія буквъ въ частности.

И такъ, по русскимъ рукописямъ XI—XII вѣковъ мы можемъ судить объ азбучной системѣ и формахъ буквъ восточной Болгаріи.

Русскія рукописи имѣютъ, между прочимъ, іотированныя буквы ѥ, ѭ, ѩ; первая изъ нихъ утвердилась въ древне-русскомъ уставѣ; двѣ послѣднія были изъяты изъ употребленія за излишествомъ; въ нихъ мы находимъ большое є, равное по значенію съ ѥ (Галицкое Евангеліе 1144 года и др.); оно получило особенное распространеніе въ русскомъ уставѣ конца XIII и всего XIV вѣка; рядомъ съ ю встрѣчается и ѹ; есть ꙉ, ꙉ, ѯ. Но мы не можемъ указать ни одной несомнѣнно древне-русской рукописи, въ которой бы было ѧ.

Отсутствіе ѧ въ какомъ бы то ни было значеніи показываетъ, на нашъ взглядъ, что эта буква не была въ употребленіи въ восточной Болгаріи IX—XI вѣковъ, что ею не пользовались Іоаннъ Экзархъ и другіе дѣятели церковно-славянской письменности въ Прѣяславлѣ болгарскомъ.

А между тѣмъ въ древне- и средне-болгарскихъ рукописяхъ XI—XII вѣковъ ѧ въ *большомъ* употребленіи. Изъ древнѣйшихъ кирилловскихъ текстовъ болгарскаго происхожденія только Листки Ундольскаго не имѣютъ ѧ; всѣ прочіе – Саввино Евангеліе, Супрасльская рукопись, Хиландарскіе листки—имѣютъ эту букву въ томъ или другомъ количествѣ и значеніи; изъ средне-болгарскихъ ею пользуются такіе тексты, какъ Слѣпченскій Апостолъ, Парижскій Стихирарь, Паремейникъ Григоровича, старшія кирилловскія приписки въ знаменитомъ Зографскомъ Евангеліи (лл. 35, 35 об., 89 об., 131).

Значитъ, эти рукописи написаны не въ восточной Болгаріи, а или въ западной Болгаріи, или въ Солунѣ [1])

[1]) Митрополитъ солунскій Евстаѳій въ своемъ разсказѣ о взятіи въ 1185 году Солуня латинянами (= итальянскими норманнами) сообщаетъ слѣдующее. Когда латины вторглись въ городъ, его жители показывали доблесть (= ἠνδραγαθίζοντο); ἐν οἷς καὶ παῖδες τοῦ Μυροβλύτου (Димитрія), ἄλλοι τε, καὶ ἐκ τῆς Σέρβων τεθέντες αὐτῷ (*Migne*, Patrologia, pars graeca, т. 136, глава 75). Здѣсь намъ важно указаніе на существованіе въ Солунѣ ἡ τῶν Σέρβων = „сербскаго монастыря“. Этотъ монастырь, вѣроятно, — тотъ Филокалъ, о которомъ говорится въ житіи Саввы Сербскаго. Савва въ началѣ XIII вѣка прибылъ съ Аѳона въ Солунь, ради монастырскихъ потребъ. „И тако вь свои монастырь вь Филокали вьшьдь, обитаеть, и ту бо бѣ много злата давь на вьздвигнутие манастира того, тѣмь же яко ктитора имѣяху (и) иже вь немь живущеи“ (*Ив. Павловић*, Домаћи извори за српску историју, въ *Гласник*'ѣ, II отд., кн. VII, 1897 г., стр. 75, 104). Если въ Солунѣ въ XII вѣкѣ былъ сербскій монастырь, то непремѣнно были въ немъ болгарскіе монастыри, съ монахами изъ присолунскихъ областей.

Изъ дошедшихъ до насъ рукописей Слѣпченскій Апостолъ

и прилежащихъ къ нему областяхъ съ славянскимъ населеніемъ. Всѣ названныя нами средне-болгарскія рукописи имѣютъ или одинъ *ѣ* на мѣстѣ *ѣ* и ꙗ другихъ рукописей, или употребляя и *ѣ*, и ꙗ, смѣшиваютъ ихъ между собою до полнаго безразличія; иначе говоря, онѣ имѣютъ яркую солунскую или вообще македонскую окраску въ своей орѳографіи.

Изъ всего сказаннаго выводъ: употребленіе буквы ѧ въ рукописяхъ XI—XII вѣковъ болгарскаго происхожденія свидѣтельствуетъ о томъ, что они написаны не въ восточной Болгаріи [1]).

Такъ называемый Азбучный Патерикъ дошелъ до насъ во многихъ русскихъ спискахъ не старше XV вѣка. Онъ представляетъ сборникъ разсказовъ о подвижникахъ въ алфавитномъ порядкѣ ихъ именъ. Древній переводчикъ сохранилъ греческій порядокъ разсказовъ и греческія заглавія главъ: буква *α*, буква *δ* и т. п., но послѣднія снабдилъ поясненіями. Мы читаемъ: „знаменіе (=буква) *ζи*, еже есть *ѕѣло*“ (слѣдуютъ разсказы о аввѣ Ксоѣ и др.); знаменіе *оитѣ*, еже есть *ѳ великое*“ (слѣдуютъ разсказы о тѣхъ аввахъ, имена которыхъ начинаются съ ѳ) [2]).

(греческій палимпсестъ) и Парижскій Стихирарь (на поляхъ греческой рукописи XII вѣка съ сочиненіями Платона) имѣютъ особенно много права считаться написанными въ Солунѣ.

[1]) Рукописи XIII и начала XIV в. съ ѧ извѣстны и восточно-болгарскаго происхожденія. Таковъ Апостолъ 1277 года, Южно-славянской Академіи, написанный, повидимому, въ епархіи Прѣяславскаго митрополита (*Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки, № 49).

Двѣ рукописи XII—XIII вѣка связанныя съ Охридою: Охридскій Апостолъ и Болонская Псалтырь, почти не имѣютъ ѧ и по своей орѳографіи совершенно отличны отъ Слѣпченскаго Апостола, Парижскаго Стихираря и Григоровичева Паремейника. Можетъ быть, и Охрида не употребляла этой буквы.

[2]) Мы пользуемся спискомъ Рум. Муз. № 307, 1570 года. Другіе списки даютъ то же.

Переводчикъ пользовался кириллицей и писалъ букву ѕ въ той формѣ, которую мы видимъ въ Листкахъ Ундольскаго: ꙁ, и которая совпадаетъ съ однимъ изъ начертаній греческаго ξ; эта форма, а за нею и происшедшія изъ нея ꙁ и з (иногда перечеркнутое по срединѣ), конечно, имѣютъ своимъ первообразомъ именно это греческое начертаніе [1].

Переводчикъ не зналъ буквы *ѳ*; на ея мѣстѣ онъ употреблялъ „*т* великое", *т* какой-то особенной формы, пока еще не отмѣченное палеографами. Сравни существованіе при обычномъ є, послѣ согласныхъ, — еще другаго, большаго є, которое обыкновенно имѣетъ значеніе ѥ.

V. Родина боснійскаго ћ.

Мирославово Евангеліе конца XII вѣка [2]) и современное ему Волканово Евангеліе — древнѣйшія книги, имѣющія ту букву ћ, которая въ XIV вѣкѣ является непремѣнною особенностью боснійской кириллицы.

Употребленіе ћ въ Мирославовомъ Евангеліи представляетъ интересъ. Мы ее находимъ только въ греческихъ словахъ, въ большинствѣ случаевъ на мѣстѣ греческой γ передъ *е*, *и*, *ю*, *ѣ*, *ь*, въ меньшинствѣ на мѣстѣ греческой ι: 1) анћель (чаще: ангель), еванћелие (чаще: евангелие), витьфаћии, ећюпьть, ћеона, ћерги, ћюрћь, ћетьсимани, ћемонь, параскевћи, срьћь (=Σέργιος); 2) ћета (=ἰῶτα), ћюстина (=Ἰουστίνη) [3]). Изъ словъ второй группы — ћета можетъ быть перенесено въ первую груп-

---

[1]) Буква ꙁ (перечеркнутая въ верхней части) въ Евангеліи Григоровича XII в. № 1690 одинъ разъ употреблена какъ цифра въ значеніи 60, т. е. какъ греческое ξ. Въ русскихъ рукописяхъ она неизвѣстна.

[2]) Мирославъ, владѣтель Хума, по Л. Стояновичу, умеръ около 1197 года.

[3]) Пользуемся статьею Л. Стояновича о Мирославовомъ Евангеліи и статьею г. Кульбакина о Волкановомъ Евангеліи

пу, такъ какъ въ кирилловскихъ памятникахъ встрѣчается ґета и ґ едва ли не принадлежитъ греческому простонародному произношенію этого слова, какъ ґ въ параскевги, Севгиръ и др. [1]).

Рядомъ съ ћ на мѣстѣ греческой γ мы ожидали бы найти въ Мирославовомъ Евангеліи какую-нибудь особенную букву на мѣстѣ греческой κ передъ *е*, *и*, *ю*, *ѣ*; но таковой не оказывается, и мы читаемъ ќентурионь и т. п., съ *к*.

Употребленіе ћ въ Волкановомъ Евангеліи незначительно. Его мы видимъ лишь въ двухъ словахъ: левћить и хоћаше. На мѣстѣ греческой κ мы находимъ здѣсь всегда *к*.

Извѣстно, что въ сербо-хорватскихъ говорахъ (въ ихъ числѣ боснійскихъ) въ греческихъ словахъ на мѣстѣ греческой γ вмѣсто мягкаго *г* находится ђ (= ћ Мирославова и Волканова Евангелій), а вмѣсто мягкаго *к* находится ћ.

Въ виду этого нельзя думать, что буква ћ впервые явилась на сербо-хорватской почвѣ. Если бы творецъ ея былъ сербо-хорватъ, онъ въ соотвѣтствіе съ нею, рядомъ съ нею, создалъ бы еще другую букву.

Гдѣ же родина ћ?

Кирилловскіе тексты, какъ древне-болгарскіе, такъ и средне-болгарскіе, совершенно не знающіе этой буквы [2]), не даютъ намъ права говорить объ ея болгарскомъ происхожденіи.

Остаются области древнихъ мораванъ и словинцевъ. Въ одной изъ нихъ должна была явиться ћ [3]).

(въ *Извѣстіяхъ* р. отд. Ак. Н., 1898 г., т. III).— Наши выписки изъ этихъ памятниковъ не отличаются полною точностью.

[1]) Срв. данныя въ нашей статьѣ въ Рус. Филол. Вѣстн. 1883 года, № 1, стр. 2.

[2]) Это указываетъ, что ћ было введено въ кириллицу относительно поздно и не было въ общемъ употребленіи при Меѳодіи.

[3]) Пока мы склоняемся на сторону Моравіи въ виду на-

Если ћ перешло въ Мирославово и Волканово Евангелія съ сѣвера, то, конечно, и вся кирилловская азбука перешла оттуда же, вмѣстѣ со словомъ *мьша* въ Мирославовомъ Евангеліи, вмѣстѣ съ употребленіемъ изображеній Христа и святыхъ въ орнаментѣ большихъ буквъ въ томъ же памятникѣ. Трудно допустить, чтобы съ сѣвера пришла лишь одна маловажная (только для немногихъ греческихъ словъ) буква, безъ которой сербо-хорваты могли свободно обойтись. А если перешла вся азбука, то вмѣстѣ съ нею перешла и тѣсно связанная съ азбукою орѳографическая черта первой важности, общая Мирославову и Волканову Евангеліямъ съ боснійскими памятниками, какъ книгами, такъ и грамотами (начиная съ грамоты бана Кулина), — употребленіе *ѣ* на мѣстѣ ꙗ болгарской обычной кириллицы [1]).

Извѣстно, что вполнѣ соотвѣтствующая ћ буква имѣется въ глаголицѣ и что она въ древнѣйшихъ, церковнославянскихъ, глаголическихъ памятникахъ употребляется въ тѣхъ же случаяхъ, какъ ћ въ Мирославовомъ и Волкановомъ Евангеліяхъ. Давность нахожденія ея въ глаголицѣ не подлежитъ сомнѣнію: она введена въ глаголическую цифровую систему.

Конечно, родина этой глаголической буквы тамъ же, гдѣ и родина ћ.

А. Соболевскій.

С.-Петербургъ.

хожденія въ чешскомъ языкѣ мягкаго *d* на мѣстѣ греческой γ въ an*ď*el, evan*ď*eli (*Gebauer*, I, 529), теперь совпадающаго съ мягкимъ *д* передъ древнимъ *ѣ*. Срв. близость формы буквы ћ въ Мирославовомъ Евангеліи съ формою буквы *д* въ надписи царя Самуила и въ Супрасльской рукописи (*д* все, съ ножками, стоитъ на строкѣ); какъ будто ћ этой формы получилось черезъ замѣну верхняго треугольника *д* прямою линіею.

[1]) Другія орѳографическія черты (*о* вм. *ъ* и т. п.), какъ и редакція евангельскаго текста, могли перейти въ сербо-хорватскую область изъ Болгаріи.

Объ исчезновеніи междугласнаго i̯, j.

Между звуками „j“, т. е. звонкою небною длительною согласной, и „i̯“, т. е. употребляемымъ въ качествѣ согласной *i*, для звуковой физіологіи, какъ извѣстно, невозможно установить вполнѣ опредѣленной границы. При узкомъ образованіи или усиленномъ выдыханіи, въ „i̯“ легко развивается свойственное длительной согласной j извѣстное „треніе“ выдыханія въ узкомъ отверстіи между спинкою языка и пёбомъ, а съ другой стороны „j“, при болѣе открытой артикуляціи или болѣе слабомъ выдыханіи, легко теряетъ упомянутое треніе и такимъ образомъ переходитъ въ i̯.

Это, какъ извѣстно, не мѣшаетъ любому языку развивать и установить категорическую, грамматическую границу между j и i̯. Но въ извѣстныхъ мнѣ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ такого категорическаго раздѣленія названныхъ звуковъ не существуетъ. Можно, кажется, сказать, что въ нихъ чаще слышится i̯, чѣмъ j; однако, насколько наблюдаемую артикуляцію слѣдуетъ опредѣлить какъ одно или другое, это нужно рѣшать для каждаго отдѣльнаго случая, встрѣчающагося въ рѣчи. Поэтому и можно (по крайней мѣрѣ въ настоящей статейкѣ) довольствоваться однимъ знакомъ, напр. i̯.

Мои наблюденія надъ разными славянскими нарѣчіями установили, что такое i̯ въ положеніи между гласными имѣетъ извѣстную склонность исчезать. Эта склонность можетъ представляться болѣе или менѣе часто,

можетъ имѣть даже болѣе или менѣе субъективный отпечатокъ, но всюду приходилось указывать на нее. Нерѣдко при томъ явленіе представляется въ томъ видѣ, что i̯ исчезаетъ въ связной, болѣе бойкой рѣчи, а становится слышнымъ при произношеніи медленномъ и ясномъ; оно тогда, можно сказать, существуетъ психологически, между тѣмъ какъ физически оно отчасти исчезло; это явленіе обозначено въ моихъ изслѣдованіяхъ черезъ [i̯]; его можно считать, въ извѣстныхъ случаяхъ, переходной ступенью къ полному исчезновенію междугласнаго i̯. Не нужно приводить здѣсь примѣровъ; достаточно указать на разныя мои работы по угрорусской и восточно-словацкой діалектологіи.

Нѣсколько болѣе широкому изслѣдованію этотъ же вопросъ подвергнутъ мною въ печатающемся въ настоящее время, въ Балканской Коммиссіи Вѣнской Академіи Наукъ, сочиненіи «Die Dialekte des südlichsten Serbiens». Собранный тамъ матеріалъ и вызванныя имъ соображенія я положу въ основаніе настоящей статейки. Обрабатывая ихъ для сборника въ честь моего знаменитаго и любимаго русскаго учителя, не могу, конечно, не сожалѣть, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ добавить здѣсь и наблюденій надъ его роднымъ, русскимъ языкомъ, что̀ было бы всего естественнѣе. Но такъ какъ разсмотрѣніе вопроса объ исчезновеніи междугласнаго i̯ съ точки зрѣнія звуковой физіологіи представляетъ интересъ для славянскаго языковѣдѣнія вообще, то поэтому я не считаю лишнимъ передать упомянутыя соображенія на русскомъ языкѣ, хотя и безъ русскихъ примѣровъ.

Разсматривая случаи исчезновенія междугласнаго i̯ по наблюденіямъ надъ живыми говорами южной Сербіи— при чемъ, конечно, нужно исключить случаи, гдѣ исчезновеніе уже установившійся, грамматическій фактъ (напр., 3 л. мн. ч. čúvav изъ стараго čuvai̯ą) — я нашелъ, что оно въ связной, бойкой рѣчи явленіе весьма обычное, но не поддающееся опредѣленнымъ правиламъ. Встрѣчаются случаи какъ, напр., vidéa рядомъ съ vidéi̯a (-ja,

ср. видѣлъ). При томъ, въ случаяхъ, какъ mrėem при mrėjem (умираю), развитіе иногда, но вовсе не всегда, продолжается и образуетъ новыя формы въ родѣ „mrêm“. Вообще, оказывается, тутъ приходится говорить не о правилѣ, но о склонности, общей, впрочемъ, всей изслѣдованной области.

Иногда междугласное ị артикулируется неясно, такъ что звукъ становится трудно уловимымъ и можно просто сомнѣваться, существуетъ ли таковое ị; въ другихъ многочисленныхъ случаяхъ можно было установить то же самое, что̀ и въ раньше изслѣдованныхъ нарѣчіяхъ, а именно, что ị существуетъ „психологически“ и потому выговаривается ясно при произношеніи медленномъ, слогъ за слогъ, но за то исчезаетъ въ бойкой рѣчи. Для такихъ видовъ ị я употребляю вышеупомянутое обозначеніе [ị]. Изъ многочисленныхъ случаевъ приведу для объясненія нѣсколько примѣровъ: želé[ị]a (желалъ), bí[ị]a (былъ), spí[ị]em (сплю), sto[ị]ím (стою), máče[ị]a (мачиха), pi-[ị]éńe [1]).

Разслѣдуя случаи съ [ị], нельзя не замѣтить, что особенно часто приходится употреблять это обозначеніе тамъ, гдѣ передъ ị стоитъ гласная *i*: zmí[ị]u (змѣю), či[ị]á (чья) и т. д. Это, очевидно, не случайность. Съ этимъ можно сопоставить, напр., замѣчаніе Аранца въ Предварительныхъ сообщеніяхъ Балканской Коммиссіи (Vorläufige Berichten der Balkan-Commission, Anz. der philolog.-hist. Classe der Wiener Akademie) 1899, № II, стр. 61. Изъ изслѣдованнаго имъ далматинскаго острова Мортеръ онъ сообщаетъ формы мужеск. рода причастія

---

[1]) Описываемое явленіе, какъ можно ожидать, встрѣчается и тогда, когда ị, принадлежащее началу слова, попадаетъ по случайной связи въ междугласное положеніе: bilá-[ị]e golemá kiša (шелъ сильный дождь); хотя въ такихъ сочетаніяхъ исчезновеніе, какъ кажется, не встрѣчается такъ часто, какъ внутри слова и склонно при томъ ограничиваться извѣстнымъ меньшимъ кругомъ словъ.

съ *-lo-*, какъ то: došaja (дошелъ), znaja (зналъ) и т. п.; но „вмѣсто -ija слышимъ скорѣе -ia, какъ то: bia, čінia, rodia и т. д.“ (ср. русскія былъ, чинилъ, родилъ).

Значитъ, и по изслѣдованіямъ другихъ, междугласное i̭ (j) особенно склонно исчезать, когда передъ нимъ стоитъ гласная *i*. Это простое заключеніе, конечно, и само по себѣ не безъ интереса; но, чтобы найти или, по крайней мѣрѣ, искать объясненія этого факта, нужно обратиться отъ фактовъ языка къ звуковой физіологіи.

Надо, прежде всего, объяснить себѣ, что́ обыкновеннымъ слухомъ считается i̭'омъ, или j'омъ между гласными. Чтобы произвести впечатлѣніе того звукового сочетанія, которое пишется „ai̭a“, „aja“, не требуется безусловно, чтобы артикулировалось между гласными *a* настоящее i̭. Неслоговое *e*, даже очень открытое неслоговое *e* между названными гласными, въ обыкновенной рѣчи производитъ на слухъ желаемое впечатлѣніе „i̭“. Подобное явленіе можно установить и при другихъ сочетаніяхъ гласныхъ. Исключаю пока случаи, гдѣ первая изъ гласныхъ *i*; въ прочихъ сочетаніяхъ для того, чтобы на обыкновенный слухъ еще казалось, будто бы i̭ стоитъ между гласными, необходимымъ условіемъ является, говоря кратко, одно, а именно, чтобы стоящій между гласными небный звукъ имѣлъ артикуляцію у́же любой изъ двухъ окружающихъ гласныхъ; только тогда, когда ослабленіе или открытость имѣющейся между гласными артикуляціи переходитъ эту границу, только тогда приходится считать впечатлѣніе i̭ между гласными совершенно пропавшимъ.

Такимъ образомъ, исчезновеніе i̭ въ положеніи между гласными, первая изъ которыхъ не *i*, это — исчезновеніе самостоятельной артикуляціи спинки языка.

Обратимся теперь къ сочетаніямъ „ii̭a“, „ii̭e“ и т. п. И здѣсь, конечно, i̭ можетъ происходить отъ особеннаго съуженія, образоваться помощью артикуляціи языка противъ нёба, которая у́же стоящаго передъ ней *i*. Но, это не единственная возможность, чтобы произвести въ та-

кихъ сочетаніяхъ впечатлѣніе звука „i̯“. Если названнаго съуженія не существуетъ, тогда вопросъ, насколько сочетаніе слѣдуетъ считать за „ia“ или за „ii̯a“, рѣшается въ сущности слогораздѣленіемъ. Мы знаемъ, что новый слогъ, въ большинствѣ случаевъ, сопровождается и особеннымъ выдыханіемъ; а если это новое выдыханіе, въ сочетаніяхъ названнаго рода, начинается уже внутри гласной *i*, такъ что *i* разсѣкается и его послѣдняя, оторванная часть втягивается въ слѣдующій слогъ, тогда для обыкновеннаго слуха опять получается впечатлѣніе звука i̯. Такое произношеніе встрѣчается, при естественной рѣчи, во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гораздо чаще, чѣмъ это, вѣроятно, многіе полагаютъ [1]). А при такомъ произношеніи шагъ отъ существованія къ несуществованію „i̯“ — а конечно и наоборотъ — очень кратокъ; незначительное передвиженіе въ выдыханіи, т. е. перемѣщеніе слоговой границы, перемѣняетъ звуковую картину, или, по крайней мѣрѣ, заставляетъ наблюдателя колебаться. Какъ чувствуетъ дѣло самъ говорящій, обыкновенно не трудно установить, заставляя его произносить подобные случаи медленно, слогъ за слогомъ; это и важно для познанія выговора, который принципіально еще имѣется въ его языкѣ. А въ бойкой рѣчи часто весьма трудно рѣшить въ подобныхъ случаяхъ, насколько слѣдуетъ признать „i̯“ существующимъ или несуществующимъ.

Такимъ образомъ, исчезновеніе i̯ между гласными послѣ *i*, хóтя *можетъ* обозначать собою, какъ и въ между-

---

[1]) Для обыкновеннаго, не спеціально развитого славянскаго слуха, связаннаго съ традиціоннымъ произношеніемъ его племени, будетъ, пожалуй, даже труднымъ, въ сочетаніи *ia*, будь оно и безъ настоящаго, спеціально артикулированнаго i̯, слышать „ii̯a“, если только не раздѣлить гласныя другъ отъ друга паузою, или не произносить *a* съ т. н. „fester Einsatz“ (Сиверсъ, 4 изд., стр. 138), т. е. затворяя голосовую щель при концѣ *i* и отворяя ее взрывомъ, когда начинается *a*.

гласномъ сочетаніи другого рода, исчезновеніе самостоятельной артикуляціи спинки языка, но можетъ при этомъ, когда впечатлѣніе ị'а достигается не специальной артикуляціей языка, основываться, а весьма часто и дѣйствительно основывается только на передвиженіи слоговой границы.

Вызванная отсутствіемъ ясно отдѣляющей согласной артикуляціи неопредѣленность слогораздѣленія въ названныхъ сочетаніяхъ „іа", „іịа" и т. п., вѣроятно, и способствуетъ соединенію двухъ слоговъ подъ однимъ выдыхательнымъ движеніемъ, что̀ обусловливаетъ между прочимъ, напр., и извѣстное развитіе „воскресеніе" въ „воскресенье" и т. п.

Олафъ Брокъ.

Христіанія. Ноябрь 1901 г.

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЛѢТЪ ЖИЗНИ

Московскаго Университета.

Извѣстныя слова Неплюева о томъ, что въ Россіи все началомъ своимъ имѣетъ дѣятельность Петра Великаго, вполнѣ оправдываются и въ области нашего высшаго образованія. Въ исторической литературѣ давно высказано и нерѣдко до сихъ поръ повторяется обвиненіе Петра въ непониманіи истинной, чистой науки, въ преслѣдованіи имъ исключительно цѣлей спеціальнаго, техническаго образованія. Обвиненія эти несправедливы: они, съ одной стороны, упускаютъ изъ виду и общее положеніе знаній въ то время, и особыя условія и потребности тогдашней Россіи, а съ другой — не оцѣниваютъ какъ того, что́ всетаки сдѣлано Петромъ для общаго образованія, такъ и его собственное, личное отношеніе къ наукѣ. Въ частности, нападкамъ подвергаются и заграничныя путешествія Петра: но помимо даже тѣхъ знаній, которыя Петръ пріобрѣталъ во время этихъ путешествій, тѣхъ интересовъ, которыя онъ тогда высказывалъ, полнымъ опроверженіемъ нападокъ могутъ служить сношенія Петра во время путешествія съ выдающимися учеными, въ особенности съ Лейбницемъ. Знакомство и сношенія Петра съ Лейбницемъ, стоятъ въ прямой связи съ мѣрами Петра по народному образованію вообще, — въ частности и съ мѣрами его по высшему образованію. Петра Великаго, несомнѣнно, надо считать основателемъ нашей университетской науки, нашего высшаго общаго

образованія, и совѣтникъ его въ этомъ дѣлѣ, Лейбницъ, тоже принадлежитъ, такимъ образомъ, къ исторіи русской высшей школы и своимъ авторитетнымъ именемъ освящаетъ ея начало.

Всѣ сношенія Петра Великаго съ Лейбницемъ намъ хорошо извѣстны, благодаря документамъ, которые открылъ, издалъ и подвергъ научному обслѣдованію В. И. Герье въ своемъ цѣнномъ сочиненіи о Лейбницѣ. Напомню здѣсь вкратцѣ то, что относится до вопроса о высшемъ научномъ образованіи.

Въ одной изъ первыхъ записокъ, представленныхъ Петру, Лейбницъ въ основу самыхъ настоятельныхъ мѣръ для Россіи кладетъ правильную организацію народнаго просвѣщенія, требуя прежде всего созданія центральнаго учрежденія для наукъ и художествъ, причемъ для образованія школы въ Россіи предлагается посылка русскихъ за границу; въ другой запискѣ Лейбницъ прямо даетъ программу для научнаго образованія, а позднѣе совѣтуетъ открыть университеты, въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Астрахани, при чемъ предупреждаетъ, чтобы въ новыхъ учрежденіяхъ не повторили ошибокъ и недостатковъ, отъ которыхъ страдали германскіе университеты, предлагаетъ дать подробныя указанія въ этомъ отношеніи, такъ какъ хорошо знаетъ бытъ германскихъ университетовъ. Въ томъ письмѣ къ царю, гдѣ содержится проектъ коллегій, Лейбницъ совѣтуетъ учредить ученую коллегію, которая завѣдовала бы всѣмъ дѣломъ народнаго просвѣщенія.

Говоря о предложеніяхъ Лейбница, не можемъ не упомянуть и о Вольфѣ, который также имѣетъ отношеніе къ нашему научному образованію не только какъ учитель Ломоносова, не только какъ важный пособникъ нашей Академіи наукъ въ первое время ея существованія, но и какъ человѣкъ, дававшій совѣты Петру Великому по устройству нашего народнаго просвѣщенія, прямо указывавшій ему на необходимость учредить университетъ. Вольфъ писалъ лейбъ-медику Блументросту, бывшему потомъ и первымъ президентомъ С.-Петербургской Академіи

наукъ, и первымъ кураторомъ Московскаго университета (вмѣстѣ съ Шуваловымъ), по поводу проекта учредить Академію: „Извольте обратить вниманіе, что обыкновенный университетъ, гдѣ ученые будутъ преподавать то, что распространитъ науки между русскими, не только полезнѣе для страны, чѣмъ Академія наукъ, которая должна держаться ad plausum exterorum, а подобныя вещи немногіе поймутъ, но университетъ поведетъ также къ тому, что въ нѣсколько лѣтъ Академія наукъ будетъ состоять изъ русскихъ, которые доставятъ своему государству настоящую славу".

Историкъ Петербургской Академіи наукъ и вмѣстѣ извѣстный изслѣдователь Петровскаго Просвѣщенія, Пекарскій, думаетъ, что планы и совѣты Лейбница не имѣли вліянія на Петра въ дѣлѣ учрежденія Академіи, окончательный уставъ которой и указъ объ ея учрежденіи относятся уже къ концу царствованія Петра Великаго, много лѣтъ спустя послѣ смерти Лейбница. Это положеніе можетъ быть принято только съ очень существенною оговоркою. Петръ Великій необыкновенно высоко ставилъ Лейбница, а также и Вольфа, что́ можно видѣть изъ писемъ къ нимъ самаго царя и его приближенныхъ, изъ лестнаго рескрипта Петра на имя Лейбница, изъ значительной пенсіи, которую послѣдній получалъ отъ Россіи. Если мы сравнимъ первый Петровскій уставъ нашей Академіи съ совѣтами Лейбница и Вольфа, то увидимъ, что на немъ прямо отразились мнѣнія обоихъ германскихъ ученыхъ, такъ какъ Академія, по первоначальному плану, являлась именно чѣмъ-то въ родѣ ученой коллегіи, о которой представлялъ Лейбницъ, а однимъ изъ главныхъ ея назначеній было приготовлять русскихъ ученыхъ, для чего она и соединена была съ университетомъ, на необходимости котораго настаивалъ Вольфъ. Но съ другой стороны, конечно, никакъ нельзя сказать, чтобы Лейбницъ или Вольфъ объяснили Петру значеніе науки и научнаго образованія, чтобы онъ въ этомъ вопросѣ дѣйствовалъ единственно по ихъ внушеніямъ, исполнялъ бы

только ихъ указанія. Петръ еще до сношеній съ нѣмецкими учеными былъ уже проникнутъ убѣжденіемъ въ важности научнаго образованія. Еще по возвращеніи изъ своего перваго заграничнаго путешествія, Петръ въ октябрѣ 1698 или 1699 года высказывалъ патріарху Адріану сожалѣніе, что учебное дѣло поставлено въ Москвѣ такъ плохо, говорилъ о своемъ желаніи послать молодыхъ людей учиться въ Кіевъ, о томъ, что учебное дѣло не можетъ идти, какъ слѣдуетъ, пока не поручить его попеченіямъ особаго лица или даже учрежденія, и такъ отзывался о будущей школѣ: „И изъ школы бы во всякія потребы люди, благоразумно учася, происходили въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство". Далѣе Петръ отмѣтилъ существенную потребность въ изученіи „свободныхъ наукъ", — потребность, которая оставалась неудовлетворенною изъ-за низкаго уровня гувернеровъ-иностранцевъ. „А въ нашей бы школѣ при знатномъ и искусномъ обученіи всякаго добра училися. И ктобы гдѣ въ наукѣ заправился, въ царскую школу хотя бы кто побывать пришелъ, и онъ бы пользовался". Въ такой обширной программѣ проектируемой царской школы, въ такой широкой постановкѣ дѣла можно видѣть, вслѣдъ за Соловьевымъ, первую уже мысль Петра объ учрежденіи университета. Для насъ въ приведенномъ разговорѣ Петра очень характерно еще слѣдующее: во-первыхъ, уже въ XVII вѣкѣ, до начала Петровскихъ реформъ, русскіе старались удовлетворить потребность въ образованіи, при посредствѣ учителей иностранцевъ, на которыхъ Петръ въ цитованномъ разговорѣ указываетъ какъ на явленіе общее, весьма распространенное, — а во-вторыхъ, мысль объ учрежденіи этой царской школы, какъ позднѣе самое учрежденіе Императорскаго университета, поставлена въ зависимость отъ того, что домашнее образованіе идетъ неудовлетворительно, и иностранные учителя оказываются большею частью плохи.

Мысль о заведеніи школы „свободныхъ наукъ" не

оставляла Петра во все продолженіе его царствованія, но ему не суждено было привести ее въ исполненіе на дѣлѣ. Обстоятельства внѣшнія и внутреннія, трудныя и сложныя, поглощали все вниманіе Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ требовали въ области народнаго просвѣщенія скорѣйшихъ, насущнѣйшихъ мѣръ; этимъ и объясняется господствующій утилитарный, спеціальный характеръ Петровскаго просвѣщенія. Въ концѣ царствованія, когда Россія вышла изъ главныхъ опасностей и затрудненій побѣдительницею, Петръ Великій принялся за осуществленіе своей старой мысли о царской школѣ „свободныхъ наукъ", принявшей теперь уже видъ обширной Академіи. На возраженія и замѣчанія, которыя ему тогда дѣлались въ томъ смыслѣ, что въ Россіи еще не подготовлена почва для такого научнаго учрежденія, Петръ отвѣчалъ слѣдующею характерною притчею: „нѣкоторый дворянинъ желалъ въ деревнѣ у себя мельницу построить, а не имѣлъ воды. И видя у сосѣдей озера и болота, имѣющія воды довольство, немедленно началъ, по соглашенію оныхъ, каналъ копать и на мельницу припасъ заготовлять, котораго хотя при себѣ въ совершенство привесть не могъ, но дѣти, сожалѣя полкоженнаго иждивенія родителемъ ихъ, по нуждѣ принялись и совершили".

Въ этихъ словахъ Петра, сохраненныхъ для насъ въ письмѣ Татищева, ясно видно высокое пониманіе необходимости просвѣщенія, заботливое къ нему отношеніе, сознаніе невозможности достичь тутъ сразу значительныхъ результатовъ, сознаніе, что работа эта будетъ полезна для потомства. Сравненіе Петра оказалось пророческимъ: преждевременная смерть не позволила ему увидать не только результаты своей Академіи, но даже самое начало ея дѣйствій: какъ извѣстно, фактическое открытіе Академіи состоялось уже при преемницѣ Петра. Великій Преобразователь только приготовилъ „припасъ", намѣтилъ „каналъ", по которому къ намъ должно было притечь истинное научное просвѣщеніе...

За годъ до своей смерти Петръ издалъ указъ объ

учрежденіи Академіи наукъ. Изъ этого указа мы видимъ, что Петръ Великій, понимая хорошо потребности русскаго образованія, хотѣлъ, чтобы Академія, имъ учрежденная, была не только собраніемъ ученыхъ для дальнѣйшей разработки наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ университетомъ и гимназіей. Академія, открытая въ дѣйствительности послѣ смерти Петра, соединяла въ себѣ „соціететъ наукъ“ съ университетомъ и гимназіей. Академическій университетъ просуществовалъ до самого конца XVIII вѣка, но въ силу цѣлаго ряда неблагопріятныхъ причинъ, отражавшихся и на самой Академіи, и еще сильнѣе на ея университетѣ, послѣдній вообще находился въ печальномъ положеніи и далеко не достигъ тѣхъ цѣлей, которыя бы были ему поставлены при его учрежденіи. Именно въ виду неудовлетворительнаго состоянія академическаго университета, въ срединѣ вѣка былъ основанъ другой университетъ, московскій. Но исторія русскаго образованія всетаки не можетъ не помянуть съ благодарностью о нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ заслугахъ академическаго университета. Этотъ первый русскій университетъ сослужилъ свою службу, какъ извѣстный проводникъ образованія въ русское общество, къ которому онъ обращался между прочимъ и непосредственно, при помощи публичныхъ лекцій. При высокомъ научномъ уровнѣ профессоровъ-академиковъ академическій университетъ, не смотря на ограниченное число студентовъ, сумѣлъ подготовить изъ своихъ учениковъ не мало выдающихся русскихъ ученыхъ XVIII вѣка. Къ числу учениковъ академическаго унинивepситета принадлежали и первые русскіе профессора московскаго университета, оказавшіе ему важныя услуги. Наконецъ, опытъ академическаго университета, вопросы, возникавшіе въ его быту, выяснявшіяся на практикѣ недостатки его, выдвигавшіяся впередъ его потребности, все это послужило на пользу московскому университету. Сейчасъ я буду говорить объ этомъ, и мы увидимъ, какъ истинный основатель московскаго университета, Ломоносовъ, старался провести въ своемъ созда-

ніи начала, которыя ему не удавалось осуществить въ академическомъ университетѣ, котораго онъ былъ ректоромъ. Въ общемъ итогѣ заслуги академическаго университета были скромны по своимъ размѣрамъ, но всетаки онѣ были существенны. Мы должны признать значеніе академическаго университета, должны цѣнить также и то, что черезъ него высшее русское образованіе связано съ именемъ, съ геніемъ Преобразователя. Петръ Великій и косвенно и прямо есть главный, первый основатель русской науки, русскаго высшаго образованія, основатель русскихъ университетовъ.

Какъ сказано уже, академическій университетъ шелъ неудовлетворительно, далеко не разрѣшалъ поставленныхъ ему задачъ. Въ виду этого, дочь Петра Великаго основала въ 1755 г. новый университетъ въ Москвѣ. Указъ, которымъ создавался этотъ новый научный разсадникъ, любопытенъ не только тѣмъ, что онъ прямо ссылается на взгляды и намѣренія Петра Великаго, осуществленіемъ которыхъ и является новый университетъ, но и тѣмъ еще, что здѣсь повторяются дѣйствительно тѣ основныя положенія, которыя проводилъ Петръ Великій, задумывая учредить при Академіи и высшую научную школу, повторяются, можно сказать, тѣ же взгляды, какія были высказаны Петромъ еще въ концѣ XVII вѣка въ приведенномъ выше разговорѣ его съ патріархомъ Адріаномъ. Новый университетъ и былъ тою царскою школою свободныхъ наукъ на потребу людямъ, о которой мечталъ Петръ послѣ перваго своего заграничнаго путешествія. Въ высочайшей грамотѣ объ учрежденіи московскаго университета мы видимъ полное уваженіе къ наукѣ, полное признаніе ея важнаго значенія для государства, для народа и выраженіе твердой увѣренности, что московскій университетъ принесетъ великую пользу Россіи. Московскій университетъ былъ основанъ во имя науки, при полномъ къ ней уваженіи, при полномъ довѣріи къ ней правительства. Вторая черта въ высочайшемъ указѣ для насъ интересная, это — педагогическая задача, прямо возлагае-

мая на университетъ, выставляемая какъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ его учрежденія. И здѣсь опять повторяется то, что было высказано Петромъ еще въ 1699 г.

Извѣстно, что основателемъ Московскаго университета, „изобрѣтателемъ того полезнаго дѣла“ былъ И. И. Шуваловъ, вліятельный фаворитъ императрицы Елизаветы Петровны, которому не было и 28 лѣтъ, когда былъ основанъ имъ университетъ. Молодой вельможа находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Ломоносовымъ, находился подъ научнымъ вліяніемъ знаменитаго ученаго. Ломоносовъ былъ человѣкъ науки, вполнѣ ей преданный, вполнѣ понимавшій ея самостоятельное значеніе, проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ университетамъ, какъ разсадникамъ и центрамъ науки. Когда Ломоносовъ состоялъ ректоромъ академическаго университета, онъ много заботился объ его усовершенствованіи, онъ составлялъ тогда для него особый регламентъ. До насъ этотъ регламентъ не дошелъ, и мы знаемъ объ немъ только по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ, именно по той полемикѣ, какую онъ возбудилъ, по той защитѣ, съ какой долженъ былъ выступить Ломоносовъ; кромѣ того, до насъ дошелъ черновой планъ регламента. Путемъ сопоставленія этихъ отрывочныхъ данныхъ мы всетаки можемъ видѣть сходство между регламентомъ, который проектировалъ Ломоносовъ въ 1759 г. для академическаго университета, и проектомъ устава для московскаго университета, представленномъ при доношеніи Шувалова объ учрежденіи Университета. Но это не означаетъ, что Ломоносовъ для академическаго университета заимствовалъ основы изъ чужого проекта: дѣло въ томъ, что проектъ устава Московскаго университета былъ составленъ самимъ Ломоносовымъ, выразившимъ въ немъ и свои общіе взгляды на научное образованіе, и свои наблюденія надъ бытомъ академическаго университета.

До насъ дошло любопытное письмо Ломоносова къ Шувалову, показывающее хорошо участіе, какое принималъ первый русскій ученый въ учрежденіи Московскаго

университета. Ломоносовъ благодаритъ Шувалова за присылку черноваго доношенія въ сенатъ объ университетѣ, т. е., другими словами, Шуваловъ посылалъ Ломоносову на просмотръ свое доношеніе объ университетѣ, послѣ того, какъ самый вопросъ былъ уже рѣшенъ между ними на словахъ, что́ также видно изъ письма; Ломоносовъ радуется, что осуществляется дѣло—„къ приращенію наукъ, слѣдовательно, къ истинной пользѣ и славѣ отечества". Въ этомъ же письмѣ Ломоносовъ, на случай, если очень спѣшать съ учрежденіемъ университета, указываетъ главныя основы для его устава, предлагая представить потомъ подробный планъ всего учрежденія: „1) главное мое основаніе, *сообщенное* вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы планъ университета служилъ во всѣ будущіе роды. Того ради, не смотря на то, что у насъ нѣтъ довольства людей ученыхъ, положить въ планѣ профессоровъ и жалованіе студентовъ довольное число. Сначала можно приняться тѣми, сколько найдутся. Со временемъ комплектъ наберется. Осталую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе употребить на собраніе университетской библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ, какъ размножатся, оный снова передѣлывать и просить о прибавкѣ суммы. 2) Профессоровъ въ полномъ университетѣ меньше двѣнадцати быть не можетъ въ трехъ факультетахъ (6 на философскомъ, 3 на юридическомъ, 3 на медицинскомъ). 3) При университетѣ необходимо должна быть гимназія, безъ которой университетъ, какъ пашня безъ сѣмянъ". Далѣе Ломоносовъ прибавляетъ: „ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу"... Надо думать, что Ломоносовымъ и былъ оставленъ тотъ планъ университета, который приложенъ при доношеніи Шувалова. Во всякомъ случаѣ въ основу этого плана положены тѣ же самыя начала, которыя кратко перечислены въ приведенномъ письмѣ Ломоносова.

Академическій университетъ не дѣлился на правильные факультеты, но это раздѣленіе было предложено тамъ

во время ректорства Ломоносова, и оно и выставлено имъ въ письмѣ сейчасъ цитованномъ, оно проведено и въ планѣ московскаго университета, на самомъ дѣлѣ такъ и раздѣленнаго при своемъ учрежденіи на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій; послѣдній соединялъ въ себѣ теперешніе факультеты историко-филологическій и физико-математическій. Мы видѣли, что Ломоносовъ считалъ необходимыми двѣнадцать профессоровъ (т. е. 12 каѳедръ), въ проектѣ академическаго устава онъ предполагалъ всего 11 профессоровъ, а въ планѣ московскаго университета ихъ назначено всего 10. Такое сокращеніе было вызвано, очевидно, соображеніями экономическими. По плану въ Московскомъ университетѣ было назначено: на юридическомъ факультетѣ: „1) профессоръ всей юриспруденціи, который учить долженъ натуральныя и народныя права и узаконенія римской древней и новой имперіи; 2) профессоръ юриспруденціи россійской, который сверхъ вышеписаннаго долженъ знать и обучать внутреннія государственныя права; 3) профессоръ политики, который долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки государствъ и государей между собой, какъ были въ прошедшіе вѣки и какъ состоять въ нынѣшнее время“. На медицинскомъ факультетѣ: „1) докторъ и профессоръ химіи долженъ обучать химіи физической особливо и аптекарской; 2) докторъ и профессоръ натуральной исторіи долженъ на лекціяхъ показывать разные роды минераловъ, травъ и животныхъ; 3) докторъ и профессоръ анатоміи обучать долженъ и показывать практикою строеніе тѣла человѣческаго на анатомическомъ театрѣ и пріучать студентовъ къ медицинской практикѣ“. Въ философскомъ факультетѣ: „1) профессоръ философіи обучать долженъ логикѣ, метафизикѣ и нравоученію; 2) профессоръ физики обучать долженъ физикѣ экспериментальной и теоретической; 3) профессоръ краснорѣчія для обученія ораторіи и стихотворства и 4) профессоръ исторіи для показанія исторіи универсальной и россійской, также древности и геральдики“.

Приведенное распредѣленіе каѳедръ какъ разъ такое, какое предлагалъ Ломоносовъ въ письмѣ къ Шувалову, только каѳедра поэзіи соединена съ каѳедрой краснорѣчія, а каѳедра древностей съ каѳедрой исторіи, отчего и получилось 10 каѳедръ вмѣсто 12.

Съ нашей современной точки зрѣнія, приведенное распредѣленіе каѳедръ можетъ представляться страннымъ, планъ преподаванія, установленный Ломоносовымъ, узкимъ и одностороннимъ. Но въ исторіи науки съ особенною строгостью слѣдуетъ держаться исторической точки зрѣнія. Десять каѳедръ 1755 г. должны быть оцѣниваемы не съ точки зрѣнія современныхъ намъ научныхъ требованій, а въ ихъ отношеніи къ положенію и развитію науки въ срединѣ XVIII вѣка. Не буду входить въ подробности, сдѣлаю только общее замѣчаніе, что наука тогда далеко была отъ той спеціализаціи, какой она достигла теперь, черезъ полтораста лѣтъ, что въ то время ученые обыкновенно являлись такими энциклопедистами, какими теперь, — и всетаки не въ такой степени, — иногда являются, какъ рѣдкое исключеніе, лишь наиболѣе одаренные дѣятели науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя науки, въ своихъ подраздѣленіяхъ, были тогда болѣе широкими, заключали бо́льшіе круги, бо́льшія области знаній. Если принять во вниманіе то различіе, какое оказывается въ положеніи науки 150 лѣтъ назадъ и теперь, мы должны будемъ признать, что 10 каѳедръ 1755 г. болѣе, пожалуй, соотвѣтствуютъ требованіямъ своего времени, чѣмъ 57 каѳедръ по уставу 1884 года требованіямъ современной намъ науки.

Вліяніе Ломоносова сказалось и на общей постановкѣ научнаго преподаванія въ университетѣ. Не смотря на краткость плана, приложеннаго къ доношенію Шувалова и утвержденному, какъ положеніе объ Московскомъ университетѣ, мы можемъ видѣть въ немъ господство чисто научнаго духа. Такъ, напр., юридическое образованіе не ограничивается изученіемъ дѣйствующаго русскаго законодательства или изученіемъ догмы римскаго права;

оно, напротивъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ право естественное и народное, т. е. въ основу юридическаго образованія кладется то, что называется теперь философіей и теоріей права. Подобный же научный характеръ можетъ быть отмѣченъ и въ постановкѣ другихъ факультетовъ. Надо прибавить, что все преподаваніе въ университетѣ было поставлено подъ ближайшій контроль профессорской конференціи, которая должна была и принимать мѣры къ поддержанію преподаванія на необходимой высотѣ. Конференціи предписано „совѣтовать и разсуждать о всякихъ распорядкахъ и учрежденіяхъ, касающихся до наукъ и до лучшаго оныхъ произвожденія, и тогда всякому профессору представлять директору обо всемъ, что онъ по своей профессіи усмотритъ за необходимое нужное и требующее поправленія“.

Обращаюсь къ другимъ подробностямъ университетскаго положенія 1755 г., и прежде всего отмѣчу опять отраженіе идей Ломоносова. Ломоносовъ отстаивалъ право вольноотпущенныхъ обучаться въ академическомъ университетѣ, и это право было введено имъ въ уставъ московскаго университета. Этотъ важный принципъ общесословной доступности образованія, приводимый настоятельно въ срединѣ XVIII вѣка, является для насъ очень характернымъ и поучительнымъ. Значеніе его подтверждалось безсмертнымъ примѣромъ самого Ломоносова. — Въ академическомъ университетѣ Ломоносовъ заботился объ увеличеніи казенныхъ стипендій, онъ ввелъ ихъ въ учрежденіе Московскаго университета, придавъ имъ спеціальное, педагогическое назначеніе.

Положеніе 1755 г. признало за университетомъ немаловажныя привилегіи, между прочимъ, всѣ члены университета, какъ профессора, такъ и студенты, были избавлены отъ общаго суда, подлежали только суду университетскому, а это при судебныхъ порядкахъ того времени было весьма существеннымъ преимуществомъ. Дома профессоровъ и студентовъ были избавлены отъ постоя, опять таки по тому времени льгота весьма важная.

Мы видѣли, что по мнѣнію Ломоносова — университетъ безъ гимназіи все равно, что пашня безъ сѣмянъ. Въ положеніи объ основаніи Московскаго университета были при немъ учреждены двѣ гимназіи,—одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Эти гимназіи дѣлились на четыре школы: первая школа россійская, вторая латинская, третья школа первыхъ основаній наукъ (ариѳметика, геометрія, географія и философія), четвертая школа знатнѣйшихъ европейскихъ языковъ. Кромѣ того предположено было введеніе греческаго языка, а также восточныхъ языковъ, по мѣрѣ развитія средствъ университета и по мѣрѣ подысканія подходящихъ учителей. Любопытно, что Ломоносовъ настаивалъ на изученіи восточныхъ языковъ, понимая все значеніе ихъ для Россіи.

Что касается до главнаго управленія университетомъ, то онъ былъ подчиненъ непосредственно сенату, наравнѣ съ коллегіями; все управленіе университета находилось въ рукахъ кураторовъ (ихъ было по два и по три) и директора, предсѣдательствовавшаго въ конференціи профессоровъ. Послѣдняя вѣдала многія дѣла и по ученой и по судебно-административной части.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе объ университетѣ, написанное, вѣроятно, Ломоносовымъ, которое было представлено Шуваловымъ при его доношеніи и затѣмъ распубликовано при указѣ. Это не былъ собственно уставъ университета—и хотя первоначальная дѣятельность Московскаго университета основывалась именно на этомъ положеніи, но съ самаго начала было признано необходимымъ составленіе подробнаго и полнаго устава. Проектъ устава составлялся не разъ профессорами, но онъ не получалъ окончательнаго утвержденія, и, строго говоря, до 1804 г. московскій университетъ не имѣлъ устава. Первый проектъ устава былъ составленъ профессорами въ первые же годы, еще въ царствованіе Елизаветы: подробности этого проекта, не получившаго утвержденія, намъ неизвѣстны. Въ 1767 г. правительство считало до того настоятельнымъ изданіе университетскаго

устава, что состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы профессора въ теченіе *трехъ недѣль* представили свое мнѣніе объ учрежденіи и содержаніи Московскаго университета. Въ отвѣтъ на это профессора заявили, что они стараться будутъ дать на запросъ отвѣтъ „по своему наилучшему знанію и совѣсти, кратко и основательно". Такъ какъ профессора и ранѣе того уже занимались составленіемъ проекта устава, то они могли теперь исполнить требованіе Екатерины, и въ назначенный срокъ представили кратко составленный проектъ, касавшійся всѣхъ сторонъ „учрежденія и содержанія" университета. Проектъ этотъ былъ написанъ по-нѣмецки и переведенъ на русскій языкъ профессоромъ Барсовымъ. Не останавливаюсь на этомъ проектѣ, — приведу изъ него только одинъ параграфъ, объясняющій, почему профессора считаютъ необходимымъ, чтобы веденіе университетскихъ дѣлъ было возложено не на посторонняго, назначеннаго директора, а на выбраннаго ректора и проректора изъ профессоровъ. Главнымъ представителемъ университета долженъ быть ректоръ магнефицентиссимусъ, а рядомъ съ нимъ вмѣсто директора выборный проректоръ. „Чтоже мы передлагаемъ не директора, — говорится въ проектѣ профессоровъ, — но проректора, и то изъ профессоровъ, который бы погодно правилъ университетомъ, такъ какъ по старшинству порядокъ дойдетъ, къ тому думаемъ мы, что весьма важныя причины имѣемъ. Директоръ не будучи собственно изъ ученаго состоянія, особливо при будущемъ впредь распространеніи университета, будетъ оному больше препятствовать, нежели споспѣшествовать. Человѣкъ, мало смыслящій, смотритъ чужими глазами, принимаетъ отъ всякаго совѣты, и еще, можетъ быть, самые худшіе изъ нихъ производитъ въ дѣйствіе. Сіе можетъ произойдти отъ наилучшаго въ свѣтѣ сердца, для того, что онъ лучше разсудить не можетъ; но если къ тому еще злое сердце присовокупится, то вредъ будетъ неисцѣльный. Напротивъ того человѣкъ нѣсколько болѣе знающій, можетъ быть, будетъ имѣть самолюбіе къ своимъ мнѣніямъ

и не захочетъ терпѣть, чтобъ ему кто лучшее нѣчто показалъ. Изъ сего происходитъ послѣ, когда онъ власть свою злоупотребить захочетъ, притѣсненія тѣмъ, которые по должности своей за справедливость вступаются, презрительные поступки съ учащими и пр., что послѣ весьма великое и вредное воображеніе въ учащемся юношествѣ къ наивящему предосужденію общаго блага производитъ". Какъ уже сказано было выше, и на этотъ разъ университетскій уставъ не былъ изданъ, и такъ дѣло тянулось до изданія устава 1804 г. Иногда уставъ 1804 г.,— составленный въ полномъ довѣріи къ наукѣ, въ полномъ уваженіи къ ея самостоятельности, въ полномъ благорасположеніи къ ея правамъ и потребностямъ, — обвиняютъ въ отвлеченномъ рѣшеніи университетскаго вопроса, въ слѣпомъ подражаніи чужеземнымъ образцамъ и въ слѣдованіи теоретическимъ соображеніямъ. Но на самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ, и университетскій уставъ 1804 г. опирался уже на предшествующій опытъ Московскаго университета, считался съ тѣми потребностями его, которыя были сознаны и заявлены раньше.

26 апрѣля 1755 г. состоялось открытіе Московскаго университета. На торжественномъ актѣ профессоръ Барсовъ произнесъ рѣчь „о пользѣ учрежденія Московскаго университета". Ораторъ восклицалъ: „какой вымыселъ или способъ, какое слово или дѣйствіе можетъ довольно быть къ возблагодаренію величайшей въ свѣтѣ монархинѣ, которая толь многочисленному имѣющемуся симъ учрежденіемъ пользоваться народу, самое ученіе все даровало? Ученіе все, говорю потому, что самое слово университетъ точно то какъ вещію въ себѣ заключаетъ, такъ и именемъ. Ибо оный не иное что есть, какъ мѣсто опредѣленное и посвященное наукамъ и ученію: такъ что назвавши университетъ его именемъ, въ мысли и понятіи представлять должно все собраніе потребныхъ въ жизни человѣческой наукъ, весь кругъ просвѣщающаго разумъ ученія". Ораторъ указываетъ пользу науки, совершенно необходимой для истиннаго благополучія. Такимъ обра-

зомъ, рѣчь выставляла передъ слушателями, впервые собравшимися на университетское торжество, высокое значеніе и высокое понятіе университета и великую пользу науки.

Московскій университетъ сразу привлекъ достаточное число студентовъ. Въ рѣчи профессора Поповскаго на актѣ 1758 г. говорится: „Толикое множество дѣтей, вашимъ тщаніемъ, вашими совѣтами и повелѣніями толь ревностно и почти ежедневно стекающихся, довольно показываетъ, коль истинное и высокое мнѣніе, коль великое почтеніе и любовь къ ученію имѣете“.

Лекціи въ университетѣ шли пять дней въ недѣлю, а по субботамъ профессора должны были собираться на конференцію. Лекціи читались по-русски и по-латыни, иногда и на другихъ иностранныхъ языкахъ. Каждый профессоръ обязанъ былъ въ эти 5 дней читать ежедневно по два часа публичныхъ, т. е. даровыхъ лекцій для студентовъ, а кромѣ того, профессоръ могъ открывать частные курсы за особую плату по условію, но такъ, чтобы эти частные курсы не препятствовали его обязательнымъ публичнымъ лекціямъ.

Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ „каталоговъ лекцій“, т. е. росписаній, за первые годы существованія университета. Въ первомъ дошедшемъ до насъ росписаніи 1757 г. обозначены только три профессора: Дильтей читалъ народное и естественное право, всеобщую исторію, гражданское римское право и государственное право римской имперіи; Поповскій объяснялъ Саллюстія, основанія слога и риторики, упражнялъ студентовъ въ русскихъ и латинскихъ сочиненіяхъ; Фроманъ читалъ метафизику и логику, исторію философіи, упражнялъ студентовъ въ диспутахъ. Приведу еще указанія изъ позднѣйшихъ каталоговъ, чтобы судить о разнообразіи курсовъ, читавшихся въ университетѣ и объ энциклопедичности тогдашнихъ профессоровъ. Въ 1770 году читали: Дильтей — морское право, положительную юриспруденцію, вексельное право; Барсовъ — реторику, Цицерона, Вир-

гилія, Ломоносова; Ростъ — военную и гражданскую архитектуру, натуральную философію; Аничковъ — логику, метафизику, ариѳметику, геометрію, тригонометрію. Еще примѣры изъ росписаній 1770-хъ годовъ. Рейхель преподавалъ въ эти годы: духовное, свѣтское, экономическое и ученое состояніе знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ, статистику, исторію учености, древнюю исторію вкратцѣ, исторію знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ, государственныя современныя учрежденія, первыя основанія политической, церковной, ученой и философской исторіи, вспомогательныя историческія науки, прагматическія свѣдѣнія о происшествіяхъ послѣднихъ вѣковъ въ Европѣ. Профессоръ Шаденъ за тѣ годы читалъ: практическую философію, объясненія Пуффендорфа, народное право, политику, право благоразумій или экономій и пр.

Первыми профессорами Московскаго университета были назначены двое русскихъ: Поповскій и Барсовъ. Оба они были первоначально учениками Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, откуда перешли одновременно въ Академическій университетъ. При Академіи Поповскій занимался піитикой подъ особымъ руководствомъ Ломоносова и, еще будучи студентомъ, началъ писать стихи, которые Ломоносовъ вполнѣ одобрялъ; вообще Ломоносовъ очень покровительствовалъ Поповскому, занимавшемуся, конечно, разными предметами въ академическомъ университетѣ (и самъ Ломоносовъ преподавалъ тамъ разнообразные предметы), но подъ руководствомъ своего главнаго наставника Поповскій подготовилъ себя главнымъ образомъ къ словесному поприщу. Еще будучи студентомъ, онъ принялся за переводъ дидактической поэмы Попэ: «Опытъ о человѣкѣ», напечатанной позднѣе, уже во время его профессорства; извѣстно, что этотъ переводъ вызвалъ крупную цензурную исторію. Барсовъ въ академическомъ университетѣ отличался своими серьезными усердными занятіями, omnes lectiones frequentavit, mathematicis, philosophicis et humanioribus studiis incubuit. Своей спеціальностью Барсовъ избралъ философію

и астрономію, при окончаніи курса получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ. Онъ, еще будучи студентомъ, былъ назначенъ преподавателемъ академической гимназіи, въ которой Поповскій былъ одно время конректоромъ. Въ 1755 г. оба они были назначены профессорами новооткрытаго Московскаго университета, Поповскій для преподаванія краснорѣчія, Барсовъ — математики. Поповскій, достойный ученикъ Ломоносова, хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ, обладалъ широкимъ литературнымъ образованіемъ и съ успѣхомъ велъ преподаваніе элоквенціи и философіи; онъ немало сдѣлалъ для русской литературы своего времени и умеръ рано, въ 1761 г., въ молодыхъ еще лѣтахъ. Каѳедру его занялъ его товарищъ, Барсовъ (характерный для своего времени переходъ отъ математики къ краснорѣчію); еще во время болѣзни Поповскаго, Барсовъ не разъ исправлялъ его должность. На каѳедрѣ элоквенціи Барсовъ оставался до самой своей смерти, въ 1791 г. Необыкновенно дѣятельный — онъ оставилъ намъ много различныхъ переводовъ. Онъ имѣлъ немалое вліяніе на образованіе Карамзина. И Поповскій, и послѣ него Барсовъ, оба были инспекторами университетской гимназіи, а Барсовъ, кромѣ того, былъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Оба, и Поповскій, и Барсовъ, были люди замѣчательно преданные наукѣ, университету, люди честные и безкорыстные; они принесли много пользы молодому университету. Въ воспоминаніяхъ о Барсовѣ, оставленныхъ намъ М. Н. Муравьевымъ, извѣстнымъ писателемъ, который былъ впослѣдствіи, въ началѣ XIX вѣка, попечителемъ Московскаго университета, — говорится, что Барсовъ „въ университетскомъ правленіи имѣлъ великое вліяніе и уваженіе, въ разсужденіе постоянныхъ правилъ, коимъ онъ слѣдовалъ... Нравы его были непроницательной честности... Онъ былъ уважаемъ въ публикѣ московской“...

Значеніе Поповскаго и Барсова особенно велико, какъ представителей русскаго начала въ университетѣ. Въ прямую заслугу надо имъ поставить ихъ заботы объ

усиленіи преподаванія на русскомъ языкѣ. Особенно горячо отстаивалъ этотъ принципъ Поповскій, выставившій положеніе: „нѣсть такой мысля, кою бы по россійски изъяснить было невозможно". Это положеніе, важное принципіально, имѣло громадное значеніе для университетскаго преподаванія. Въ одной изъ первыхъ лекцій своихъ по философіи Поповскій такъ объяснялъ необходимость преподаванія на русскомъ языкѣ: „Кто хочетъ научиться философіи, тотъ долженъ искать стараго Рима, или, яснѣе сказать, долженъ пять или больше лѣтъ употребить на изученіе латинскаго языка. Какой тяжелый доступъ! Но напрасно мы думаемъ, будто ей столь латинскій языкъ понравился. Я чаю, что ей умершихъ и въ прахъ уже обратившихся Римлянъ разговоръ довольно наскучилъ. Она весьма соболѣзнуетъ, что при первомъ свиданіи никто полезнѣйшими ея совѣтами наслаждаться не можетъ... Наука, которая разсуждаетъ о всемъ, что ни есть въ свѣтѣ, можетъ ли довольствоваться однимъ римскимъ языкомъ?... Итакъ съ Божьимъ поспѣшествованіемъ начнемъ философію не такъ, чтобы разумѣлъ только одинъ во всей Россіи или нѣсколько человѣкъ, но такъ, чтобы каждый россійскій языкъ разумѣющій могъ удобно ею пользоваться". Въ вопросѣ о преподаваніи философіи на русскомъ языкѣ Поповскій имѣлъ противъ себя почти всю конференцію. Послѣ смерти Поповскаго защитникомъ правъ русскаго языка явился его преемникъ по каѳедрѣ, Барсовъ. И только въ 1776 году Екатерина II признала въ особомъ указѣ за русскимъ языкомъ всѣ права въ дѣлѣ преподаванія.

Первымъ профессоромъ Московскаго университета изъ иностранцевъ былъ Шаденъ, — ректоръ университетской гимназіи, содержатель частнаго пансіона, гдѣ воспитывался Карамзинъ; онъ былъ профессоромъ юридическаго факультета и преподавалъ естественное право и политику; въ гимназіи онъ училъ древнимъ языкамъ, философіи и логикѣ. До насъ дошли отзывы учениковъ о лекціяхъ Шадена. „Сей ученый мужъ, — говоритъ о немъ Фонви-

зинъ — имѣетъ отмѣнное дарованіе преподавать лекціи и и изъяснять такъ внятно, что успѣхи наши были очевидны". М. Н. Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ посланій упоминаетъ объ его же лекціяхъ: „Шаденъ истину являетъ безъ покрова".

Наиболѣе знаменитымъ изо всѣхъ профессоровъ Московскаго университета въ XVIII вѣкѣ нельзя не признать Шварца. Нѣмецъ родомъ, Шварцъ пріѣхалъ въ Россію въ 1776 году въ качествѣ учителя и тогда же принялся за изученіе русскаго языка и русской литературы. Онъ былъ съ самаго начала пораженъ дѣятельностью Новикова, имя котораго было извѣстно уже за границей и „пламенно" желалъ съ нимъ познакомиться, сознавая, что въ немъ онъ найдетъ себѣ единомышленника, чувствуя въ немъ ту же любовь къ просвѣщенію и къ общему благу. Онъ не ошибся: послѣ перваго же знакомства, Новиковъ и Шварцъ сдѣлались „неразлучны", и ихъ имена навсегда соединены вмѣстѣ около великаго просвѣтительнаго дѣла, которому они служили такъ беззавѣтно и такъ энергично. Я не буду здѣсь говорить о широкой просвѣтительной дѣятельности Новикова и охарактеризую вкратцѣ дѣятельность Шварца, главнымъ образомъ въ ея связи съ его профессурой.

Шварцъ былъ назначенъ въ 1779 г. профессоромъ философіи, нѣмецкой литературы и нѣмецкаго языка. Молодой профессоръ очень быстро занялъ выдающееся мѣсто среди преподавателей Московскаго университета. Онъ пріобрѣлъ любовь своихъ слушателей, расположеніе ихъ родителей. Сочувствуя дѣлу Новикова, желая доставить ему хорошихъ переводчиковъ, Шварцъ стремился пріохотить своихъ слушателей къ литературѣ, къ переводамъ. Чтобы лучше заинтересовать ихъ и возбудить въ нихъ охоту къ чтенію, онъ раздарилъ имъ свою библіотеку. Это послужило къ сближенію его и со студентами, и съ ихъ родителями. Познакомившись съ домашнимъ образованіемъ въ московскихъ семьяхъ, Шварцъ увидалъ, какъ много было плохихъ иностранныхъ учителей, и рѣшился

помочь дѣлу. Шварцъ много работалъ для университета и для его гимназіи. Насколько труды его были безкорыстны, видно изъ того, что онъ самъ жертвовалъ на университетъ. По его инициативѣ была основана педагогическая семинарія для приготовленія студентовъ къ учительскому и профессорскому званію: на учрежденіе этой семинаріи Демидовъ пожертвовалъ 20.000 руб., а самъ Шварцъ 5.000 рублей. Шварцу было поручено составленіе проекта измѣненій въ уставѣ гимназіи: онъ безвозмездно взялся за дѣло, составилъ проектъ и по его утвержденіи привелъ его въ исполненіе. Шварцъ весь отдался этому дѣлу, посвящалъ на него все свое время, проводилъ въ гимназіи цѣлые дни, а остальныя свои работы исполнялъ уже ночью. Шварцъ учредилъ собраніе университетскихъ питомцевъ, которое имѣло цѣлью нравственное самовоспитаніе членовъ и ихъ образованіе, литературную работу. Самъ Шварцъ руководилъ этимъ собраніемъ и поставилъ его на твердую почву. Труды Собранія университетскихъ питомцевъ печатались у Новикова, въ его журналахъ. Далѣе, по инициативѣ того же Шварца, на пожертвованія Татищева и другихъ была основана переводческая семинарія для 16 студентовъ — для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на россійскій языкъ. Затѣмъ по учрежденіи Дружескаго Общества Шварцъ весь отдался широкой дѣятельности по программѣ этого общества.

Занимаясь этими широкими предпріятіями, Шварцъ имѣлъ большое и непосредственное вліяніе, какъ профессоръ. Лекціи его по философіи и по эстетической критикѣ, читанныя имъ на дому, привлекали много слушателей даже не изъ числа студентовъ и производили сильное впечатлѣніе: онѣ отличались высоконравоучительнымъ направленіемъ, глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Шварцъ, какъ и Новиковъ, принадлежалъ къ массонству, его обвинили, что онъ проповѣдуетъ массонство на лекціяхъ, и онъ долженъ былъ оправдываться. Кромѣ того, у него было много непріятностей съ кураторомъ универ-

ситета Мелиссино, который былъ очень враждебно настроенъ относительно его. Труды и непріятности сократили жизнь Шварца; онъ умеръ въ 1784 г. Если подумать, что его дѣятельность въ университетѣ продолжалась всего неполныхъ шесть лѣтъ, то нельзя не придти въ изумленіе, сколько могъ сдѣлать въ столь краткій сравнительно срокъ этотъ замѣчательный человѣкъ, одушевленный любовью къ общему благу! Дѣятельность профессора Шварца стоитъ въ неразрывной связи съ дѣятельностью Новикова и еще тѣснѣе и непосредственнѣе сближаетъ ее съ жизнью и работой университета. Дѣятельность Новикова и Шварца образуетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи русскаго общества, въ исторіи нашего просвѣщенія, и молодой „нѣмчикъ" принадлежитъ къ наиболѣе славнымъ профессорамъ Московскаго университета за всѣ полтора столѣтія его существованія.

Дѣятельность Шварца представляла явленіе выдающееся, исключительное, но въ то же время было немало и другихъ замѣчательныхъ профессоровъ въ Московскомъ университетѣ, какъ среди иностранцевъ, такъ и среди русскихъ. И Московскій университетъ скоро оправдалъ предсказаніе Вольфа: въ немъ быстро появились профессора изъ собственныхъ его питомцевъ. Лучшіе воспитанники по окончаніи курса посылались за границу, продолжали свои занятія у знаменитѣйшихъ ученыхъ своего времени, — напр. у Адама Смита или у Линнея. Многія каѳедры по всѣмъ факультетамъ уже въ шестидесятыхъ годахъ были заняты бывшими воспитанниками Московскаго университета, получившими затѣмъ заслуженную извѣстность и своимъ преподаваніемъ, и своими учеными и литературными трудами.

Вмѣстѣ съ развитіемъ научной собственно дѣятельности, Московскій университетъ съ такимъ же успѣхомъ разрѣшилъ и ту спеціальную задачу, которая была возложена на него при его учрежденіи. Онъ распространилъ

образованіе посредствомъ своихъ гимназій и своими заботами о правильной постановкѣ частныхъ училищъ и домашняго образованія. Университетъ обращался съ пропагандой научныхъ знаній не только къ студентамъ, но и къ обществу, которое онъ приглашалъ на акты и публичныя лекціи. Наконецъ, университетъ черезъ своихъ профессоровъ и студентовъ сдѣлалъ въ первые же годы многое для развитія литературы, предпринималъ изданіе журналовъ, печатаніе книгъ. Московскій университетъ, даже помимо великаго подвига Новикова и Шварца, много и плодотворно работалъ надъ педагогическимъ и литературнымъ дѣломъ.

Московскій университетъ быстро укрѣпился на твердой почвѣ и скоро показалъ, что оправдаетъ пророчество, провозглашенное Поповскимъ на университетскомъ актѣ 1756 г. „Наши дѣти, внуки и ихъ правнуки имѣютъ готовое великія сея милости участіе... Безчисленныя тысячи нашего потомства прежде еще своего рожденія симъ благодѣяніемъ обязаны. О! какую радость, какое ощущаемъ мы веселіе, возбуждаемы надеждою, что увидимъ вожделѣнные плоды сего новонасажденнаго винограда; что дождемся блаженнаго онаго времени, когда изъ сего премудрою государынею учрежденнаго мѣста произойдутъ судіи, правду отъ клеветы отдѣляющіе, полководцы на морѣ и на землѣ спокойство своего отечества утверждающіе, когда процвѣтутъ тутъ мужи, закрытыя натуры таинства открывающіе, когда напослѣдокъ сему прозорливостью нашей государыни основанному мѣсту Россія одолжена будетъ внутреннимъ и внѣшнимъ своимъ благосостояніемъ“... Эти слова Поповскаго интересны для насъ, такъ какъ показываютъ широкій взглядъ на задачи, на значеніе университетовъ, существовавшій въ то время. И какъ ни велики заслуги, которыхъ Поповскій ждалъ отъ университета,—мы теперь, черезъ 150 лѣтъ, должны признать, что Московскій университетъ въ извѣстной степени исполнилъ пророчество Поповскаго, должны при-

знать, что Московскій университетъ тѣсно связанъ со всей исторіей русскаго просвѣщенія, со всѣмъ ходомъ русскаго развитія, что онъ оказалъ важныя услуги „благосостоянію“ Россіи въ широкомъ смыслѣ слова.

В. Якушкинъ.

Москва.

Діалектологическія замѣтки.

Вокругъ города Казани, въ предѣлахъ — на сѣверъ до г. Арска, на с.-з. до Чебоксаръ, на ю.-в. до Чистополя и на югъ по Свіягѣ до самаго Симбирска расположились русскіе говоры, общей особенностью которыхъ служитъ извѣстный оттѣнокъ произношенія звуковъ *е* и *о* въ различныхъ положеніяхъ этихъ звуковъ относительно ударенія въ словахъ.

Звукъ *е(ѣ)*, находясь подъ удареніемъ передъ слѣдующимъ мягкимъ (смягченнымъ) согласнымъ, звучитъ почти какъ *і:* пі́ᵉ̆сня, трі́ᵉтій, ті́ᵉ̆сть, ді́ᵉнь, сі́ᵉли, пі́ᵉли и под. Но при этомъ мы имѣемъ ясное *открытое е* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго въ словахъ: пѣ́на, тре́скъ, тѣ́сто, дѣ́ло, сѣ́ла, пѣ́ла и под. Такимъ образомъ мы наблюдаемъ здѣсь иное произношеніе звука *ѣ(е)* подъ удареніемъ, чѣмъ въ сѣверно-великорусскихъ типичныхъ говорахъ. Указаннымъ произношеніемъ особенно отличается говоръ *Ягодной Слободы* подъ самой Казанью [1]).

Звукъ *о* при общемъ *оканьѣ,* то болѣе, то менѣе рѣзкомъ, вездѣ однако въ двухъ опредѣленныхъ положеніяхъ звучитъ, какъ закрытое лабіализованное *о*, почти какъ *у*, и какъ — *ъ* (ирраціональное). Это, именно, бываетъ тогда, когда звукъ *о* находится въ начальномъ сло-

[1]) Говоръ Ягодной Слободы записывался мною отъ мѣщанки Марины Ивановой Котельниковой, молодой женщины, уроженки и жительницы Ягодной Слободы.

гѣ слова, въ третьемъ слогѣ отъ слѣдующаго за нимъ ударяемаго слога: въ такомъ случаѣ мы всегда имѣемъ почти *у*. Звукъ же *ъ* (ирраціональное) слышится въ закрытыхъ слогахъ, слѣдующихъ непосредственно за ударяемымъ слогомъ; иногда, хотя рѣдко, въ такомъ положеніи даже въ открытыхъ слогахъ. Напр., гуса́рыф, Ива́ныф, ста́рым, пе́рвым и под. Послѣдніе два примѣра, быть можетъ, и не фонетическаго происхожденія, такъ какъ въ описываемыхъ говорахъ нѣтъ совсѣмъ формы предложнаго падежа ед. числа именъ прилагат. муж.-средняго рода съ падежнымъ окончаніемъ *-омъ;* здѣсь вездѣ мы имѣемъ въ произношеніи вмѣсто формы предл. падежа форму творительнаго съ окончаніемъ *-ъмъ* (-ы́мъ, -имъ, -и́мъ). Напр., „ф ста́рым до́ми", „на пе́рвым мѣ́сьти", „во фторы́м окнѣ́", „в ру́ским пла́тьjи", „в гŏротски́м теа́три" и проч. Однако въ мѣстоименіяхъ: т а к о́ й, к а к о́ й въ этихъ же говорахъ слышатся только формы: таке́jи, каке́jи — им. мн. ч., таке́х, каке́х — род. мн., ф таке́м, ф каке́м — предл. п. ед. ч., с таке́м, с каке́м — тв. ед. ч. Срв. ф тѣ́м, за ты́м до́мъм, на ты́м дворѣ́ и проч. Видно, что въ этихъ формахъ происходило образованіе *по аналогіи:* съ одной стороны, формы мѣстоименія „тотъ» повлекли за собой образованіе формъ: таке́, каке́, таке́х, с таке́м, ф каке́м; съ другой,—формы приведенныхъ мѣстоименій вмѣстѣ съ формами мѣстоименія „тотъ" послужили, вѣроятно, поводомъ къ смѣшенію твор. и предл. падежей въ именахъ прилагательныхъ: срв. „но́ме^і^р за jе́м" (=за нимъ) и „я не^і^ была́ в ни́м" (Ягодн. Слобода).

Что касается звука *о^у^* или *у^о^*, то въ указанномъ выше положеніи онъ слышится, напр., въ словахъ: ўбяза́тильно, ўтопри́, ўтошла́, ўдина́къй (и „ўдина́кій") и под.

Можно бы признать описываемые говоры говорами сѣверно-русскими въ ихъ, примѣрно, Суздальскомъ типѣ, но, какъ будетъ видно изъ записей, помѣщаемыхъ для оправданія выводовъ ниже, въ нашихъ говорахъ извѣстны еще особенности не одного сѣверно-русскаго происхожденія, и даже вовсе не сѣверно-русскія. Напр., мы

имѣемъ во всѣхъ этихъ говорахъ *неясное* произношеніе звуковъ *с* и *з* смягченныхъ: эти звуки имѣютъ при себѣ *шепелеватый* оттѣнокъ въ произношеніи: *с*[ш] и *з*[ж]. Напр., „пасˇ[ш]ля́ Тро́йцы", „каку́ пи́сˇ[ш]ню", зˇ[ж]илѣ́зо и под. (Симбирск. губ. Симб. у. Сѐло́ Обра́мъфка Кѐдыко́скай во́лъсти). Эти звуки доходятъ мѣстами до полнаго смѣшенія *с* съ *ш*, *з* съ *ж*, причемъ однако всегда на слухъ ясенъ какой-то шепелеватый оттѣнокъ, который помогаетъ слуху опредѣлить эти звуки, какъ *средніе*, то болѣе склонные къ шипящему, то болѣе къ свистящему резонансу. Особенно далѣе характерно, что среди этихъ говоровъ есть говоры (Чебоксар. у. Казан. губ. Алымкасинской волости, дер. Ельниково, Маріинскій Посадъ, а также въ Тетюшскомъ уѣздѣ) съ безусловно *мягкимъ* звукомъ *ш* и *ж*: ждёмъ, хърошѐ, служи́ть, выше[1], жива́, но: слу́жба... (Говоръ крестьянки Настасьи Васильевой Щербаковой. Чебоксар. у.). При этомъ въ говорѣ дер. Бимери Каз. у. мы имѣемъ примѣры вышеназванной шепелеватости: низ[ж]доро́вицца, „пǎж[з]ыва́ют по́ѣст", „у́гъл пеш[с]по́й"; нос[ш]и́ть, с[ш]вѣ́т (с. Обрамовка, Симб. у. Симб. губ.). Здѣсь мы имѣемъ такой шепелеватый звукъ не только въ мягкомъ его состояніи (въ небномъ произношеніи), но и въ отвердѣвшемъ видѣ. Очевидно, что эти говоры когда-то имѣли вполнѣ мягкіе звуки *ж* и *ш*, изъ *з* и *с* смягченныхъ, и ихъ отвердѣніе распространилось на твердые *з* и *с*, такъ что шепелеватый резонансъ появился и тамъ, гдѣ его не должно бы было быть, такъ какъ звуки *з* и *с* въ такихъ случаяхъ не были мягкими.

Къ отличіямъ разсматриваемыхъ говоровъ въ области консонантизма относятся и произношенія звуковъ: *ч*, *ц* и *т* (передне-небнаго, мягкаго). Именно, звукъ *ч* здѣсь всегда звучитъ, какъ звуковой комплексъ *тш* съ *т* мягкимъ и *ш* среднимъ. Напр., „зьде́сь робо́тˇше" (= здѣсь рабочіе), ситˇша́с, „ф тˇшэ́тьвирьть—бо́льшы нѣ́т"... (с. Чигурчи, близъ г. Арска Каз. губ.).

Или: „на́утˇшы́ти ка́к домо́й притˇти́", „тˇшо́рным со́боле[е]м", „вы ни тˇша́я[е]ли миня́ ижжы́ть избы́ть"... (дер.

Бимери, Каз. уѣзда). Звукъ *ц* звучитъ очень часто, какъ *тц*, а *т* мягкое, — какъ *т͡с* (почти *ц*), въ родѣ бѣлорусскаго звука. Напр., „А мы т͡сибя́ ни одну́ пошлём, мы пошлём ы"ть с тобо́й сва́хыньку“ (дер. Бимери). Т͡ся́блӑ = передній уголъ (ibid.). „Вёно́к сплитём ис тцвято́ф, нало́жым ут веанка́ ле́нтъф, нало́жым на́ го̆лъву; пото́м и бирёзу убряди́м, дє́въ͡тш'ки фпеірёд˘ыду́т и нёсу́т бирёзу и сно́п: јим вп́сьло̆ и бёгу́т фпеіре́д на́с“ (Симб. губ. и у. Село Обрамовка). При этомъ однако слышится и произношеніе тьвѣ́т и тсвѣ́т (село Александровка. Ново-Кишитской вол. Казан. уѣзда). Звукъ *щ* всегда звучитъ, какъ *ш͡тш*, причемъ послѣднее *ш* почти твердое: іш͡тшу́пӑла (ibid.).

Наконецъ, отмѣтимъ произношеніе: хрешшэ́нне, усе́нне и под. [1]) въ дер. Горталовкѣ Лаишев. у. Каз. губерніи, гдѣ и звуки *к* и *г* мягкіе звучатъ, какъ *т* и *д* мягкіе: в ба́нти, ло́шти, катьле́тти, де́ньди и проч.

Далѣе, при общемъ характерѣ *оканья*, мы имѣемъ среди этихъ говоровъ такіе, которые не знаютъ неударяемаго *ё(о)* въ положеніи непосредственно передъ твердымъ ударяемымъ слогомъ: провёл, хоро́ш, хожу́, ношу́, коро́ва съ рѣзкимъ неударяемымъ *о*, но: по̆тшэму́, веаду́, веала́, пеакла́ и проч. Звукъ же *я(а)* передъ ударяемымъ слогомъ звучитъ совершенно ясно: пято́к, свяш͡тшэ́нник и проч. (село Алатъ, Сунгурово Каз. уѣзда). Слѣдуетъ отмѣтить также произношеніе слова *шея*, какъ „шы́я“: „украша́м, зждѣлӑм ис тря́пък го́лъу (=го́лову), а пото́м ру́ки — па́лку пъпеірёк снопа́-то, надієним ю́пку, а пото́м ко́фту, бу́съф на шы́ю“... (Симб. у. Сёло́ Обра́мъфка). И произношеніе прилагательныхъ: „сшидя́т го́сш'ти до̆ро-

---

[1]) Такія произношенія всетаки извѣстны намъ и въ южновеликорусскихъ и въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ, какъ можно видѣть изъ моихъ изслѣдованій въ Рязанской и Тульской губерніяхъ. Срв. здѣсь и въ Пермской губ. „съ малоннями со палючими“. Срв. проф. *Соболевскаго*, Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 10, стр. 402.

ге́и, jе'нс^а^ра́лы пълковы́'jс“ (ibid.). А равно и глаголовъ въ неопр. н. на -*чь:* с̀тирѐтчи́, пѐтчи́, бирѐ'тчи́ и под. [1]).

Всѣ эти особенности разсматриваемыхъ говоровъ, взятые вмѣстѣ, исключаютъ возможность вести колонизацію средняго Поволжья изъ одной Новгородской области, даже изъ Суздальской вмѣстѣ съ Новгородской. Надо думать, что, въ виду вообще поздней колонизаціи русскимъ населеніемъ означенной мѣстности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ переселенцами изъ тѣхъ областей прежняго окающаго произношенія, которыя сосѣдили съ акающими говорами и испытывали на себѣ цѣлый рядъ вліяній послѣднихъ еще во время своего пребыванія въ сосѣдствѣ. Срв., напр., говоръ Меленковскаго уѣзда Влад. губерніи, говоръ Касимовскаго у. Рязанской губерніи, говоръ Шацкаго у. Тамбовской губерніи, говоры южной части Тульской и отчасти Смоленской губерній. (Въ селѣ Александровкѣ Каз. уѣзда старики мнѣ разсказывали о переселеніи ихъ предковъ изъ Тульской и Калуж. губерній). Въ виду отсутствія цоканья и чёканья въ разсматриваемыхъ говорахъ при общемъ *оканьѣ*, но спорадическомъ *ёканьѣ* (сё́ло́), и при общемъ произношеніи открытаго *е^а^* въ положеніи передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ (ве^а^-ду́, ве^а^ла́), а равно при общемъ *яканьѣ*, т. е. произношеніе звукового комплекса *я* или *`а отчетливо* въ по-

---

[1]) Проф. Соболевскій предполагаетъ здѣсь сначала двойное *ч: чч:* печчи́ и проч. См. Ж. М. Н. Пр. 1901 г. № 10. „Изъ исторіи русскаго языка“. Вѣроятно, это такъ и было: наши говоры, имѣющіе вообще вмѣсто *ч*--*т'ш* (см. выше), въ указанныхъ формахъ однако представляютъ комплексъ звуковъ *т* мягкаго и *ч* мягкаго, что̀ было бы невозможно, если бы данные говоры и въ этихъ формахъ неопред. наклоненія имѣли не *ч*, а *т'ш*. Если это такъ, то первый звукъ *т* (мягкое) есть остатокъ отъ перваго комплекса *ч*, произносившагося здѣсь подобно литературному звуку *ч*, и сохранившаго въ сочетаніи съ слѣдующимъ *ч* (не *т'ш*) *по диссимиляціи* первую свою составную часть.

ложеніи передъ слѣдующимъ ударяемымъ твердымъ слогомъ (свято́й, рябо́й, Яры́гин, ямско́й и под.), надо предполагать, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ тѣми говорами, какихъ было много въ центральной части Россіи до подавленія этихъ говоровъ силой *аканья*, оказывавшаго рѣшительное вліяніе главнымъ образомъ благодаря централизующей дѣятельности Москвы. По всей вѣроятности, разсматриваемые говоры, не успѣвши вполнѣ передѣлаться въ акающіе, были перенесены на восточныя окрайны, гдѣ смѣшались съ переселенными сюда сѣверными жителями, поддержавшими общій характеръ *оканья* новыхъ пришельцевъ.

Приводимъ въ качествѣ сырыхъ матеріаловъ нѣсколько своихъ записей изъ означенныхъ выше мѣстностей, сожалѣя о томъ, что не располагаемъ въ настоящее время такимъ досугомъ, который позволилъ бы намъ къ сроку представить *обстоятельное* изслѣдованіе данныхъ говоровъ. Мы получили приглашеніе участвовать въ Сборникѣ въ честь нашего высокочтимаго учителя Ф. Ѳ. Фортунатова лишь 9-го октября и тогда же узнали, что срокомъ представленія работъ для Сборника назначено 1-ое декабря. Тѣмъ не менѣе опытный читатель и въ сырыхъ матеріалахъ замѣтитъ много интереснаго для исторіи русскаго языка, какъ въ отношеніи исторіи звуковъ, такъ, въ особенности, для лексикологіи русскаго языка.

Говоръ села Чигурчи́ близъ г. Арска Казанскаго уѣзда и губерніи.

Сит̡ша́с о́т я поста́влю сўму͡а́р: фсѣ́ на робо́те^{а}, жнут наймáми у на́с, хъть и з^{ж}'е́лйн, а жну́т ове́с; кънопле́ сі^{е}ют: по́скънь — она́ о^{у}знат̀ша́тцă (= обозначается) вйть: у кънопля́ голо́фкă са́мъя зе^{і}лё́нā (sic!), у по́скъ^{о}ни засо́хнит о́къл Каза́нско^{а}й̈, тада́ бра́т^{с}ь на́да; мо́жы̆м брат^{с}ь фсіё́ в два́ дьни́. Льну́ но́ньчи нѣ́ту: симя́ ильяны́ пропа́ли, ф ч̀шэ́тьвирьть, бо́льшы нѣт јих, и симё́ф нѣ́т: фся хлѣ́бнā поро́да пропа́ла, и з^{ж}ёрно́ пло́хŏ... По́што

жа́тˢь зилё̆но̆й, мы сʷъпѣ́ло̆й ваʷбира́м, вы́ ви́ть чʷать ра́нŏ сʷі́ᵉјели, а мы ў ма́и уш т̃шисла́ дьвёна́тцътŏво сʷі́ᵉјели. Я найма́ю робо́т̃ших, я ўдова́. Жну́т се̇рьпа́ми. Бŏрона́ залѣ́знā: у фсѣ́х в зе̇мьлѣ́ ко́ринь, бо́льнŏ про̆рестā́т (?) она́, про̆сора́пăт (процарапаетъ), а по́ве̇рьху знамо̆ ди́ривя́ннā пойдёт: он доржа́тˢь бу́дит зу́бŏм-ти, и до́ржыт залѣ́зным, спа́иш јіё, пото́м зуб наскро́сь прохо́дит: спа́ям до́ржыт и зуб до́ржыт... Је̇сь таке́ји мъжыки́: мётли́ ни умѣ́т зʷдѣлăтˢь... Не ф тѣ́м я гъворю́: они́ сило́м с миня́ неᵃ мо́гут...

У на́с хра́мскэй пра́зʷьник Мико́ла, вот и пою́т:

Виногра́дна сла́тка я́гътка,
Не сто́й-ка нăд быстро́й нăд рѣко́й,
Не рони́-ка своё ли́сьица:
Твоё ли́сьица бума́жнŏё.
У миня́ жă мъладёшыньки
Ма́ть та ма́чйха была́:
Поу́тру-ту она́ бу́дит ранёшынько,
А ввичёру́-ту спа́ть кладёт позьдёшынько.

—

Во по́люшки пасту́х ни кри̃ши́т,
Во саду́-ту сŏлове́й-т ни свисти́т,
(Два ра́с пою́т про ма́ть-ту!)
(Вдруго́ре̇тˢь с конца́ зăпою́т. Је́та пёва́т она́ на ма́тшиху)
Виногра́дна сла́тка я́гътка
Не сто́й-ка нăд быстро́й нăд рѣᵃко́й:
У миня́ жă мълодёшыньки,
Зиле̇нёшыньки,
Роди́ма ма́тушка
Спа́ть-то кла́ла миня́ ранёхŏнько,
А буди́ла-то позьдёхŏнько...

Дер. Бимéри Казанскаго уѣзда.

Кŏрово́дна (вёсно́й).

Гŏлова́ боли́т, маломо́жытца
Ой люли́ (2.)

Маломо́жы̆тца, низ доро́витца,
Ой̆ люли́ (2.)
Низждоро́витца, гуля́тсь хо́чйтца...
Я пой̆ду́ млада́ ръзгуля́юсъ
Со подру́шкйми со голу́пкйми.
Вы, подру́жыньки, вы, голу́бушки,
Наутшы́ти ка́к домо́й̆ притти́?
Јеашо́ у́льцэй̆ сшѣ́рŏй̆ у́тьцэй̆,
Пеіреау́лътшкъм пеіреіпе́лътшкŏй̆
К широку́ двору́ тьшо́рным со́бŏлеам,
На широ́кŏй̆ двор я́сным со́къломъ,
На красше́н крыле́ц кра́снŏй̆ дѣ́ушкŏй̆,
Во новы́ сшіени мълодо́й̆ жоно́й̆:
Јеашо́ но́ф терё́м ръстворё́н стои́т,
Мой̆ посты́лŏй̆ муш за столо́м сшиди́т,
За столо́м сиди́т у́бжыкра́й̆тца,
Мŏлода́ жона́ у́лыба́й̆тца.
Јеашо́ хлѣ́б да соль, мой̆ посты́лŏй̆ муш,
Хлѣ́ба ку́шъти, мŏлода́ жона́!
Сам по ла́очьки пŏдьвига́й̆тца,
За шолко́ву пліетсь хвата́й̆тца,
Он беіре́т жону́ за праў́ руку
Он бъё́т (sic! И: пъё́т— тоже) жону́ по бѣлу́ тѣ́лу
Възмоли́съ, жона́, свŏё́му́ му́жу!

—

Вилитпа́льна. (Как нивѣ́сту за сто́л сажа́тсь).

Што во те́рьми свѣтшы горя́т
Во высо́ким но́вым те́іплютца.
Во ту по́ру, во то́ вре́митшко
Свѣ́т Ма́рья дары́ шила,
Свѣ́т душа͡она́ Ё́го́рьјивна,
Шшила она́ дары́ поло́жы̆ла,
Пъложа́ дары́ за сто́л сѣ́ла,
За сто́л сѣ́ла, го́рькŏ спла́къла,
На ба́тьшку рŏспрогнѣ́въласъ:
Уш ты су́дăрь мой̆, ба́тюшка,

Сударъня, моя́ ма́тушка,
Вы ни тшаёли миня́ ижжы́тсь-избы́тсь,
Ижжывёти миня̆ го́рькăю,
Миня́ го́рьку гŏрёмы́шную.
А мы тсеiбя́ ни одну́ пошлём,
Мы пошлём ы́ть с тобо́й сва́хы̆ньку,
А сва́хăньку с прŏвожа́тъми.
Фсѣ сва́хы̆ньки розъѣ́дутцă,
Прŏвожа́ты фсѣ́ розо́йдутцă,
Я оста́нуса одна́ го́рька,
А я го́рька гŏрёмы́шнăя
Со уда́лым з до́брым мо́лътцăм.

—

Кода́ па дво́р „поѣздъ“ взъёжжа́т, тады́ дѣ́фьки поютъ:
Не́ было вѣ́тру, вдру́к наду́нулŏ,
Не́ было госте́й, вдру́к наѣ́хăло,
По́лнŏй двор коне́й да коре́т,
По́лŏн кры́лёц князжьёф да боя́р,
По́лны сíени князжьёфских жон,
По́лŏн теiрём добры́х люде́й,
По́лŏн тшула́н кра́сных дѣ́вушкъф.
Но́вы сíени пъдломи́лйса,
Дубовы́ столы́ рŏсклеи́лйса,
Зŏлота́ тша́ра рŏспаи́ласа,
Роспла́кăлас Марьюшка,
Рŏзрыда́лăс Его́рьjиевна,
Ты ни платш-ка ся, душа́ Марьюшка,
Но́вы сíени мы пŏдруби́тсь ўддади́м,
Дубовы́ столы́ склеiи́тсь ўддади́м,
Зŏлоту́ тшару пиреiли́тсь ўддади́м.

Дер. Тура́ Казан. уѣзда (близъ Раиоской Пустыни).

Поку́тшълас я пăсало́мшику сы́на мово́ утшы́ть; ста́ръшъй с робятъми во́дитца: года́-те сы́ну пришли́, ёво́ придеiли́тсь на́до к мѣ́сту — во́т тшово́! Хутсь и помру́, он оста́ньтца. Мы — Тури́нски, прихо́дъм в Оси́нъфку, вёрст

с^ш^е́мь от Кра́сно̆й Го́рки-те, пре́ж бы́ли ф Красну Го́рку, а топе́рь — в Оси́нъфку. Вёрсты́ тшоты́ри ли пя́т^с^ь-ли д' Оси́нъфки. У на́с, слыха́ли, мънасты́рь-ти Раи́ха—Грузи́нска Бо́жӑя Ма́тирь, как и Сӑмале́нска, еӗ, ма́тушку, носи́ли фторо́й де́нь пос^ш^ля́ Тро́йцы, што наро́ду-ту бы́ло̆ но́ньшнӗй го́т. Топе́рь она́ уш на Пъро̆ховы́м (на Пороховомъ Заводѣ) ли́бо̆ ф сло̆бодѣ^а^. У миня́ робя́ты-те: о̆дному́ шошто́й го́т, а друго́й с ма́лыми во́дитца; како́й чьловѣ́к б у́ д е (sic!), ишшо́ не зна́м; у́тшы́тца охо́та ёму́, да фсё на́до̆ хло̆пота́т^с^ь... Хут^с^ь бы́ в бизде́ньжно̆е у́тшы́льшшӑ одда́т^с^ь ёво́! Сва́риш карто́ви -- во́т как пита́юс, а ковда́ ро̆зговӑмса — мъло́тшка́...

Мо́шка-те ско́ро̆ п р о̆ п а д а́ (sic!), а вот кома́р фсё лѣ́то̆ жывёт.

С. Пестрецы́ Казан. у.

Прив^е^зьли́ сёво́дьни во́лка-то, ба́бу-ту ни́тшово́, то́лько̆ она́ ки́нулӑс, па́лиц ёму́ уткус^ш^и́л. Робя́ты-те шли́ и ба́ба шла взаём хлѣ́ба у сусѣде^в^ д'утра́: с робёнкъм идёт с кърова́им, во́лк за е́й, она́ ки́нулӑс в воро́тӑ, во́лк за мўжыко́м-ти, шу́бу, боры́-те изорва́л, хвата́т, ёму́ в ро́т ви́лы су́нули. У на́с на ба́рским дворѣ́ стал к и́ д ӑ т ц а ч^ш^ьловѣ́к уку́шънно̆й, — нуш ма́е^а^лса. Спаси́ Бо́х! Годо́ф шэ́сь наза́т и с п о́ л ь з ъ в а л и о̆дноо́ в Москвѣ́; дӑк то́т с ји́м ско́лько̆ вози́лса. Топерь весь по́л п р о т е́ р ь л и. (Не „протёрли“! Не „протёрьли“!).

Городъ Арскъ Казан. уѣзда. (Мѣщанинъ Иванъ Го̆ршэпӗф).

Кода́ ври́мя е́сть, а то в ді́^е^нь ни пріји́ди́ш. Кода́ робо́та ни поји́дут с мясо̆м-ти суды́...

Насъпроти́в пе́тшы стои́т к о́ д ь н и к (или: к о́ й н и к = к о́ н н и к. Такъ въ селѣ Александровкѣ въ 16 верстахъ отъ Арска, Казан. у.). На ни́м одёжу кладу́т и спя́т кода́. Б а л а́ к и р ь фсё бо́льшы, а то хто нӑж'ыва́т к р и́ н-

кӧй. Т̑шохлы́ но́сют пот платко́м ба́бы. Ежли до́лгӧй вы́шыᵊ груде́й, — запо́н, а коро́ткӧй — фа́ртук. Холсты́ тоте̑шо́м (= ткём)!

Дер. Ельниково, Альмкасинской вол., Чебоксар. уѣзда Казан. губернiи. (Крестьянка Наталья Васильева Щербакова, 52 лѣтъ).

Го́рӧт хо́тят зˣьдѣ́лать Марі́инскъй Поса́т, а душ-то ма́лӧ: ду́шеф (sic!) мно́гӧ на́дӧ. Т̑шыбокса́ры уш спо́лнеⁱ-нӹй го́рӧт, а Марі́инскъй Поса́д — нѣ́ту: Сундырём поса́цке (= посадскіе люди) ни виля́т нӑзыва́тᵉь; неᵃбо́сь штраф запла́тишь (sic!). Топе́рьᵉ на́ша конто́ра и ду́ма мѣ́шша́нска: то купцы́, то ᵍоспода́, а то — го́роднӧй мѣ́шшани́н; онѣ́ мо́гут в го́ръди жи́тᵉь, а крисья́неᵃ поду́шьно пла́тя̆т. Хлѣ́п сі́ᵉют, ро́шь посі́ют, на росхо́д јим хвата́т. Быва́т и ты́шшю пудо́ф в го́т пр̆ода́ду́т. Крисья́ны бо́льши пла́тя̆т: и штрахо́фка и фсё, за тʲе́тыри души́ э́да́к-ту со́рӧк рубле́й. На ло́шитᵉь, на коро́ву даю́т купцы́, на но́вӧй зеᵃмлѣ́: хоро́шеⁱй хриᵉсья́нин ни појіᵉдит. Го́рӧт Често́х (= Ченстоховъ) е́сьть, там сын и слу́жит, ут нёво́ жьдём нисшьмо́, ничёво́ хъроше́ слу́жит; пока́лѣᵃ два го́да слу́жит, слу́жба-та на грани́цы пятᵉь лѣ́т. У нёво́ дѣ́въчшᵐ-ка ф тѣ́м ф пріюти: вы́ше, вы́ше ут̑шы́тᵉь её бу́дут, пока́лѣ жива́ Лизаве́та Пётро́вна купчи́ха Коро́ткъва.

С. Новые Ченчугй (Анайкина Гарь-тожъ) *Казан. уѣзда.*

Биме́рскіји (см. дер. „Биме́ри“ — выше) то́льки бога́тше, а тут вода́ удо́бна̄: клюте̑шы́, тут врак поло́гӧй и вода́ (р. Юрлу́ш) не мео́рзнит [1]); доро́га прӧѣ́зна̄, фся́кой устано́витца, а хрешшэ́нна у воды́ мно́го удо́бнѣᵃ и свяшшэнникъм. У Биме́рских та́к—прудо́к: одна́ гря́с: то́лькӧ свинья́м; и нӧвины́ (холстъ) суда́ ѣ́дут мы́тᵉь, то́лькӧ

[1]) Въ Лаишев. у. Державинской вол. С. Бутыри: ме́рьзьнит. Срв. протéрьли — с. Пестрецы. Каз. у. — выше.

оди́н форс у jи́х, нит̣шово́ не́т. Они́ хотя́т та́м (дѣло идетъ о построеніи церкви въ Бимеряхъ или въ Чепчугахъ), jим и хре́ст ви́дна, а тут — доро́га. Сёмна́тцыт^с дворо́в мы суда́ пришли́ уш с^ш е́мьди́сят три го́да. Биме́рскіjи ͤсвяшшэ́нни́ка прогна́ли, он ни пи́ми̑ши, ни ѣ́ти̑ши убе̂к к на́м. Ви́ш, каки́ моро́зы у на́с зимо́й-ту ж̑ и в у́ т; з^ж ди́сь вода́ удо́бна̄ ж̑ и в ё т... Излома́м до́ску-ти, вода́-ти у на́с хоро́ша̄, жи́сь была́ ишчо́ приво́льна̄.

Дер. Царёво Каз. у. Кощáковской волости.

Рахт̣ша́ (названіе деревни) — дьвѣ́ вёрсты́ от jе́й, блис Т̑ш̣ы́стао По́ля (= Чи́стополя), суды́ к Т̑п̣ы́стъму По́лю. Суды́ нам далёко́ мо̆локо́-то воз^ж и́т^с ь... Робя́ты вызьбѣ́ ф пе́т̣шку залі^е зьли, а то хо́ло̆дно, хозя́^е ин-о̆т мо̆й у Цыгано́ва робо́тӑт: парьке́т дѣ́лӑт, ра́мы-ти сосно́вы, таке́jи хре^а сты́, а на jих уш парьке́т... Дорж̑и́ ло́шеть-ту!... Миня́ Кули́на зва́т^с ь: мы о^у после́ во́ли вы́шли на свою́ ро́ди̑ну, а то нас про́дӑли из Рахт̣шы́ пот Симби́рским. Урёва ско́лько̆ бы́ло̆; нас ͤсвя́зӑнных ве^і ли́ к Симби́рскъму-ту.

С. Семь Ключей Тетюшскаго у. Казан. губ.
(Для сравненія).

На вечёрках поют:

Алекса́ндръска бе^і рёза
Сериди́ к р е́ м л ю стоя́ла,
Она́ ли́сьими шумѣ́ла,
Зо̆лоты́м вѣнко́м сія́ла,
Гу́лю, гу́лю, го̆лубо́к,
Гу́лю сизи̑нькій
Сизакры́ли̑нькій.
Ты куды́ голу́пь пошо́л,
Куды́ сизы̑й пъле^і тѣл?

Я ко дѣ́ви̑цы ко краса́вицы,
Ко́я лу́ччи фсѣ́х,
Ко́я кра́шы фсѣ́х,
Биз бе^і ли́л то бѣла́,
Биз румя́н хо̆роша́.
Та невѣ́ста моя́
Пъцалу́й радо̆сь миня́,
Пъцалу́й в уста́,
Пъцалу́й пожа́лыста.

—

(Сидитъ парень въ кругу хоровода съ тарелкой, наполненной лакомствомъ, и дремлетъ. Кругомъ него ходятъ и поютъ тамъ же):

Сиди́, сиди́, Яша,
В орѣ́хъвой ча́шэ,
Гры^{э}зи́, гры^{э}зи́, Яша,
Кедро́вы орѣ́шки.
Яшынька, Яша,
Ду́мӑш-ли жэни́тцӑ,
Вӑбира́й невѣ́сту
Из любы́х любу́ю,
Ду́шычьку милу́ю,
Се́мь рӑс пъцалу́ю.
Пъцалу́й миня в уста́,
Пъцалу́й пожа́лы̆ста!

(Онъ выбираетъ, и они цѣлуются въ хороводѣ. Она садится вмѣсто него, а онъ ходитъ. Ей поютъ или эту пѣсню или другую):

Журӑвли́ны до́лги но́ги
Не нашли́ пути́—доро́ги,
Онѣ́ шли сто̆роно́й,
Бо̆рони́ли бо̆роно́й,
Бо̆рона́ жылѣ̆знӑя,
Пъцалу́й любе́знӑя.

Въ этомъ говорѣ вообще нѣтъ мягкихъ *ж* и *ш*, нѣтъ звука *т*^{с} и *з*^{ж}, нѣтъ *i*^{е}.

Ягодная Слобода подъ Казанью.

На вечё́ркѣ поютъ:

Не^{i} спаси́бо̆ игу́мну тому́,
Не^{i} спаси́бо̆ бессо́вѣ^{а}сно̆му:
Мълоде́шы̆ньку ф т͡ше^{i}рьнит͡шки постри́к,
Зе^{i}ле^{i}не́шы̆ньку по̆стри́гъваит:
Не моё дѣ́ло̆ ф кобі́^{е}дьни ходи́т^{с}ь,
Не моё дѣ́ло̆ моле́бны служы́т^{с}ь.
То́лько̆ моё дѣ́ло̆ скака́т^{с}ь да пляса́т^{с}ь,
То́лько̆ моё дѣ́ло̆ в ыгри́ш͡ши игра́т^{с}ь.
Уш я по́со̆х-от под ла́фку брошу́,
Кӑмилавъ͡тшку на сто́л пълажу́,
Пъдарю́-ли я се^{i}сьтри́цу свою́,
Пъдарю́-ли я возлю́блёную.

(Отдаютъ палку другому, другой ходитъ вновь).

'Игрышныjи пі^{е}сьни на ветшо́ркӑх, мно́гӑ таке́х пі^{е}-син в Ягӑдной Слӑбоде́.

Лопа́ты пот хлѣ́бы пӑтса́въвают. Лӑшаде́й потка́въ-вают, кода́ ме́рьзьнит вода́. Фа́ртуки свои́ ді́^{е}т^{с}и зӑфсегда́ опля́въвают. Он взя́л м у т о́ в е^{а} з ӑ к и потпа́сӑлса (= веревку, ссученную изъ нитокъ, и подпоясался). У на́с на клоко́льнѣ звоня́ют, зво́н тако́й гу́лкӑй. Jі́^{е}сли робё́нък гӑвори́т н ё́ м ӑ, jиво́ тру́днӑ поня́т^{с}ь. („Н ё́ м о“ = нечисто выговариваетъ слова, по-дѣ́тски). Он (батюшка) робё́нка ни ма́тшыт (= мокаетъ) з гӑлово́й в во́ду, кода́ кре́стит. Вы слы́шэ^{ы}ли, како́й пӑсало́мщик с и п а́ в ы й? Я то́лькӑ вы́мӑрнула, а она́ за мно́й! Фсю Во́лгу ма́слӑм поде́рь-нит: кода́ моро́зы-те пойду́т: са́лӑм подё́рнулӑ—нӑзыва́тца. Ф таке́м пальтѣ́ ф просты́м он приходи́л. Для како́й цы́^{е}-ли, ф цы́^{е}ль стре^{і}ля́т^{с}ь? 'И^{с}тих люде́й визьдѣ́ мно́гӑ.

Въ говорѣ Ягодной Слободы, какъ видимъ, звукъ *е(ѣ)* ударяемый, въ положеніи передъ мягкимъ слогомъ или согласнымъ въ закрытомъ или открытомъ слогѣ, произносится почти какъ *і* съ слабымъ оттѣнкомъ звука *е*, т. е. слышится звукъ передняго ряда, средній закрытый нелабіализованный, но рядомъ съ этимъ звукомъ, который мы слышимъ, напр., въ словахъ: пові́^{е}си́ли, смотрі́^{е}т^{с}ь, ді́^{е}ся́т^{с}ь, ді́^{е}вя́т^{с}ь, копі́^{е}jек, ді́^{е}ньги, ні́^{е}мец, лі́^{е}бе^{і}т^{с}ь и проч., мы имѣемъ какъ разъ обратное произношеніе этимологическаго *и(і)* въ положеніи подъ удареніемъ передъ слѣдующимъ мягкимъ согласнымъ или слогомъ: такое *и(і)* звучитъ, какъ среднее *е* закрытое, склонное къ *і*, звукъ передняго ряда: напр., зьвире́^{і}ньц или: „прӑгиба́тца па́лиц к мизе́^{і}ньцу“, мизе́^{і}ньц и под. Въ другихъ говорахъ это не такъ легко уловимо, хотя, кажется, въ большей или меньшей степени извѣстно всѣмъ разсматриваемымъ говорамъ, по крайней мѣрѣ, въ формахъ неопр. н. на ударяемое *-ѣть* я могъ подмѣтить на слухъ такое *і^{е}*: т е^{і} р ь-п і^{е} т^{с} ь, однако: з ь в и р е́^{і} н ь ц. Кромѣ того, всѣмъ этимъ

говорамъ свойственно произношеніе глаголовъ въ неопр. накл. на ударяемое *-ать* въ положеніи его послѣ небно-зубныхъ (передненебныхъ) *ч*, *щ* (аффрикатъ и слитныхъ согласныхъ) со звукомъ *е* вм. *а* подъ удареніемъ: к р и-ч ѣ́ т ь, с т у ч ѣ́ т ь, п и щ ѣ́ т ь. Собственно разницею между всѣми этими говорами прежде всего служитъ, именно, произношеніе звуковъ: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, которые слышатся то мягко, то болѣе твердо, и въ послѣднемъ случаѣ въ звукахъ *ч* и *щ* выступаютъ ясно составные элементы: *тш* въ различномъ ихъ произношеніи по качеству и *шш* или *штш* — тоже въ различномъ произношеніи по качеству этихъ элементовъ, то болѣе, то менѣе мягкихъ, но *никогда не доходящихъ до полной твердости*, какую мы имѣемъ для звуковъ *ж* и *ш* въ литературномъ произношеніи.

По отношенію къ *оканью*, которымъ отличаются всѣ разсматриваемые говоры, имѣя произношеніе: вода́, оби́дыш, боги́ня, коне́шно, ходи́т^{с}ь и проч., надо замѣтить, что далеко не всѣ имѣютъ: вёду́, сёло́, слёно́й, вмѣсто которыхъ часто слышимъ: веду́, село́; при этомъ *всѣ* говоры имѣютъ: свято́й, пято́к. Но: пе^{і}ти́, усве^{і}ти́ (и: пяти́, усвяти́). Однако всегда: ве^{і}ли́, ме^{і}ли́, не^{і}сьли́ и проч. Всѣ говоры имѣютъ: сѣ́но, лѣ́то, дѣ́фка, но: сі́^{е}ни, ді́^{е}ти, ді́^{е}фьки, ді́^{е}нь, ті́^{е}ни и проч. Напр., „ф сі́^{е}ньку (= си́ньку) упа́л“ — Ягодн. Слобода. Отмѣтимъ: „коро́ва зъб*о*дёт“ и „коро́ва зъб*ы*гда́и^{е}т“, „коро́ва б*ы*гду́чія“ — Ягодн. Слобода. Срв. послѣ ударенія: „уш ты ч^{ш}а́р*ы*гчка“ — ibid. Въ словѣ „суда́к“ (рыба) мы имѣемъ здѣсь произношеніе ударяемаго *о* вм. *а*: „Ф трі́^{е}тём году́ был судо́к ръзварно́й“ — ibid.

Въ области гласныхъ звуковъ мы имѣемъ еще интересныя произношенія звука *е*, перешедшаго потомъ подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ въ ^{э}*о*, которое во многихъ говорахъ осталось и въ положеніи передъ ударяемымъ слогомъ.

Изъ разсматриваемыхъ говоровъ намъ извѣстны нѣкоторые съ произношеніемъ вёлъ, вёла́, другіе — съ про-

изношеніемъ вёл, веᵃла́, а третьи (Каз. у. Алатской вол., дер. Торопово, Чистоп. у. С. Архангельское и друг.) — съ произношеніемъ дифтонгическаго сочетанія е͡о, съ удареніемъ на второй части; въ нихъ слышится появленіе новаго звука между смягченной согласной и слѣдующей гласной *о*; этотъ звукъ долженъ былъ развиваться самъ собой (по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова) при измѣненіи звука *е* въ *о* со смягченіемъ предшествующей согласной. Напр., „Jе́то соба́ка, а jе́то виш тˢере͡ом (=теремъ) какой-то, а jе́то подзо́р (=узоръ): купе́цкіjи до́чйри-ти вышъва́ли, а тут розьби́ли́сь тѣ — зёрькала́-ти“. (Объясненіе картины, вышитой шерстями и висящей на стѣнѣ). Срв. выше: „замео͡рьзьли“, „зӑмео͡рза́тˢь“ — Чистополь. уѣздъ.

Наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что я нигдѣ не слыхалъ такого количества формъ именъ сущ. им. пад. множ. числа муж. рода на ударяемое *а́* вмѣсто ы́ (въ именахъ сущ. муж. рода типа: „*рабъ*“), какъ въ этихъ говорахъ. Напр., „там ни таке́jи пъстоя́лы̆и д в о р а́, там большы̆и“ —Ягодн. Сл. „Фсюду свои́ н о с а́ сую́тъ они́“ — ib. Или: „мѣсяца́“, „воза́“, „пола́“, „гроба́“, „ситца́“.

Надѣясь въ недалекомъ будущемъ обстоятельно изслѣдовать накопившіеся у меня матеріалы по діалектологіи указанныхъ мѣстностей, я обращу пока лишь вниманіе лингвистовъ на тотъ интересный фактъ, объединяющій въ произношеніи всѣ эти мѣстности, что мы здѣсь не имѣемъ ни типичнаго сѣвернорусскаго *цоканья*, которымъ издавна отличался новгородскій говоръ, ни типичнаго для этого говора произношенія х л и́ б, с и́ н о, л и́ т о, н а с т о л и́ при частомъ т е́ н ь, с е́ н и и проч. Здѣсь мы имѣемъ *оканье* при произношеніи с в я т о́ й, но не имѣемъ б у́ д ё т, п и́ ш о т, а всегда: б у́ д и т, п и́ ш ы т; произношеніе в ё д у́ распространено не вездѣ, и звукъ *е* въ такомъ положеніи звучитъ большею частью, какъ *е*ᵃ. При этомъ въ области консонантизма извѣстны звуки *т*ˢ, т͡ш и произношенія: ш ы́ я, х р а́ м с к э й, п ъ л к о в ы́ᵊ и и под.

Съ какими говорами мы имѣемъ здѣсь дѣло? Трудно признать ихъ говорами Новгородской области и вести ихъ только оттуда. Думаю, что это — говоры смѣшанные со среднерусскими, бывшими въ центральной Россіи до возобладанія въ нихъ *аканья* на Московскій ладъ.

Евгеній Будде.

Казань. 1901 года. 3 ноября.

Der künig Eligas von rüssen поэмы Ortnit.

Упоминаніе о русскомъ князѣ *Елигѣ*, *Елѣ* или *Илѣ* въ поэмѣ объ Ортнитѣ, съ которымъ, очевидно, тожественъ греческій ярлъ Илья (Ilias, jarl âf Greca) Тидрекъ-саги, давно уже обратило на себя вниманіе изслѣдователей поэтическаго творчества древне-русскаго и древне-нѣмецкаго и вызвало попытки объяснить источникъ и происхожденіе этихъ явственныхъ результатовъ старинныхъ русско-нѣмецкихъ устно-поэтическихъ взаимоотношеній.

Мюлленгофъ, Майковъ, Ягичъ и Веселовскій согласны въ признаніи факта отраженія въ указанныхъ древне-нѣмецкихъ поэмахъ героическихъ сказаній именно древне-русскихъ. Въ болѣе частномъ опредѣленіи этихъ послѣднихъ названные изслѣдователи расходятся.

Мюлленгофъ въ статьѣ Zeugnisse und Excurse zur deutsch. Heldensage, XXIV (Zeitschrift f. deutsch. Alterth. v. M. Haupt. т. XII) высказалъ мнѣніе, что Ilias künig von rüssen поэмы объ Ортнитѣ, равно какъ и Ilias jarl âf Greca Тидрекъ-саги, есть Илья Муромецъ русскихъ былинъ (353).

Со взглядомъ Мюлленгофа согласились Л. Н. Майковъ (О былинахъ Влад. цикла. М. 1863, стр. 30—31) и И. В. Ягичъ (О славянск. нар. поэзіи. Слав. Ежегодн. Задерацкаго, кн. III, стр. 216—221). Послѣдній, кромѣ того, основательно возражалъ А. И. Кирпичникову, оспа-

ривавшему мнѣніе Мюлленгофа и отрицавшему русскую народность „Иліаса“ (Поэмы Ломб. цикла, М. 1873 г., стр. 109—111).

А. Н. Веселовскій усматриваетъ въ разсказѣ поэмы объ Ортнитѣ про походъ Ильи подъ Судерсъ варіантъ русской былины про хожденіе Вольги въ индѣйскую или турецкую землю, но признаетъ соотвѣтствующимъ нашему Вольгѣ образомъ нѣмецкой поэмы не Ilias'а, а цверга Альбериха, помогающаго Ортниту и Ильѣ въ ихъ свадебномъ походѣ въ Судерсъ. Оставляя „открытымъ“ вопросъ о древности имени Вольги въ русской поэмѣ о его „хитростяхъ-мудростяхъ“, акад. Веселовскій въ разсказѣ нѣмецкой поэмы объ участіи „князя русскаго“ въ свадьбѣ Ортнита видитъ отголоски древнѣйшихъ южныхъ русско-готскихъ пѣсенъ-сагъ „о хожденіи Ильи русскаго на Сурожъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1890, Мартъ, 26).

Въ своемъ изслѣдованіи южно-славянскихъ пѣсенъ о Кралевичѣ Маркѣ я удѣлилъ мѣсто, между прочимъ, и опредѣленію источниковъ для древне-нѣмецкихъ упоминаній про Ilias'а. Я натолкнулся на сходство отношеній Eligas'а—Ilias'а къ Ортниту, какъ рисуетъ ихъ поэма Ortnit, съ отношеніями Олега къ Игорю, какъ они представляются въ одной группѣ древне-русскихъ сказаній про Олега; вмѣстѣ съ тѣмъ я отмѣтилъ и возможность фонетическаго равенства сл. *Ольгъ* и *Eligas*, какъ именуетъ русскаго князя бывшая весьма популярной въ Германіи въ XV—XVI вв. Heldenbuoch (Кирпичник. Поэмы Ломбард. ц., 77—81). Эти мои сближенія сочувственно встрѣтилъ глубокоуважаемый И. В. Ягичъ (Arch. f. Slaw. Philologie, 1893 г., т. XVI, стр. 233). Въ настоящее время я получилъ возможность повѣрить, дополнить и исправить свои прежнія работы надъ выясненіемъ вопроса объ отношеніяхъ „Ортнита“ къ русскому эпосу. Не имѣя возможности здѣсь входить въ подробное сличеніе „Ортнита“ съ др.-русскими лѣтописными сообщеніями объ Олегѣ, я замѣчу лишь, что, по моему мнѣнію, вся часть поэмы объ Ортнитѣ, въ которой говорится объ участіи

русскаго князя Елига или Ельги, иначе Ельи, Ильи и даже *Илли*, представляетъ большое сходство, въ содержаніи и собственныхъ именахъ, съ древне-русскими лѣтописными разсказами о походѣ *Ольга* изъ Новгорода (ср. Garte въ Ортнитѣ) по великому пути изъ варягъ въ греки для овладѣнія Кіевомъ (способъ взятія Кіева Олегомъ одинаковъ съ уловкой, къ которой прибѣгли Ортнитъ и Илья для входа въ Судерсъ) и затѣмъ для завоеванія Царьграда (Судъ, разграбленный и взятый Олегомъ, = Suders, Sunders поэмы объ Ортнитѣ).

Замѣчательныя фонетическія изслѣдованія акад. Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова даютъ основанія для научнаго выясненія истинныхъ отношеній собственныхъ именъ — *русскаго князя:* — *Ольгъ* въ русскихъ памятникахъ—и его соотвѣтствій въ нѣмецкихъ поэмахъ: *Eligas*, *Elygas*, *Elias*, *Elyas*, *Ilias*, *Illas*, künig v. Reussen или Riuzen. Отношенія эти мнѣ представляются *теперь* иначе, нежели прежде (Ю.-слав. сказ. о Кр. М., стр. 116 слѣд.).

Въ виду указаннаго и объясненнаго акад. Фортунатовымъ и Шахматовымъ факта существованія въ *русскомъ языкѣ* однихъ и тѣхъ же словъ то съ начальнымъ *о*, то съ начальнымъ ѥ, въ зависимости отъ чередованія въ самомъ корнѣ ихъ нач. *he*, переходившаго въ русскомъ языкѣ въ *о* и нач. ѥ, съ *j* изъ *h*, мѣшавшимъ такому переходу (Фортунатовъ, Лекціи по фонетикѣ ст.-слав. яз. М. 1888, 217 слѣд.; Шахматовъ, Изслѣдов. въ обл. рус. фонетики, 12; Его же, Отчетъ о присужд. Ломон. прем. въ 1897 г., стр. 43—44; Wondrak, Altkirch-slaw. Gram., стр. 44; ср. Потебня, Къ истор. звук. I, 9) есть основаніе предполагать, что въ древне-русскомъ языкѣ, въ соотвѣтствіи съ древне-нѣмецкими формами собственнаго имени Helge—Helgi при Helgr, Heiliga, Halicho, Halucho, Helicho, Heilig, Hillig (Rassman, Die Deutsche Heldensage[2], 1863, т. II, 73), восходящими къ основной ф. *Heilagr*—Sanctus (Kluge, Etymolog. Worterbuch) (ср. латинскую форму этого же имени у Saxo Gram.—Hel-

gus и Helgo) — въ древне-русскомъ языкѣ существовали не только отмѣченныя древнѣйшими памятниками — *Ольгъ*, *Олгъ*, *Волгъ*, *Легъ*, *Олгъ*, т. е. *Ольге* (имен. п.), *Ольга* (им. п. муж. р.) (Хроногр. XVII в.), — но и не сохраненныя др.-русскими памятниками, а все-таки существовавшія въ др.-русскомъ разговорномъ и поэтическомъ языкѣ —**Ельгъ* и **Ельга*, съ *ь* внутри, можетъ быть, и не „развившимся неорганически вслѣдствіе неудобства произношенія сочетанія двухъ рядомъ согласныхъ" (Б. М. Ляпуновъ, О яз. I Новг. л., 78), а передававшимъ основное *i* нѣмецкихъ формъ. Сравн. Евдокія при Овдотья, Евстафій при Остапъ, Евпатій при Олпатъ и др. (Соболевскій, Лекціи², 33—34); ср. др.-русскія: *Олбѣгъ* при *Елбѣгъ*, *Оловичъ* при *Еловичъ* и друг.

Въ пользу вѣроятности реальнаго существованія въ русскомъ языкѣ формъ **Ельгъ*, **Ельга*, какъ варіантовъ *Ольгъ*, *Ольга* (для именит. пад. ед. ч. *мужеск.* рода), говоритъ засвидѣтельствованная историческими памятниками форма имени в. кн. *Ольги* съ нач. ѥ: у Константина Багрянороднаго и у Кедрина Ἔλγα ἡ ἀρχόντισσα Ῥώσιας (Kunik, Die Berufung, II, 144) при явственномъ Οὔλγα на миніатюрѣ I. Куропалата, изображающей пріемъ Ольги во дворцѣ Византійскаго императора (Рус. клады Кондакова, I, 1). Сравн. др.-сѣв.-нѣм. Helga — Hölga (Kunik, ibid., 145) и *Helga*, filia Frotonis у Saxo Gram. (Historia Danica редакц. Müller'a, 1839 г.).

Въ теченіе своей продолжительной жизни въ русскомъ языкѣ и эпосѣ какъ формы Ольгъ, такъ и *Ельгъ *Ельга (м. р.) разными путями могли дойти до своего измѣненія въ *Илья*.

Во-1-хъ, форма **Ельга*, „по звуковымъ законамъ древняго языка" русскаго (А. А. Шахматовъ, Къ вопросу объ образов. рус. нарѣч. С.-Пб. 1899, стр. 11, примѣч. 1) должна была измѣниться въ *Ельa*, т. е. *Ел'ja*, какъ изъ Дрьгуть, Дрьгутьскъ возникли *Дрютъ*, *Дрюцкъ* (ibid.). Сравн. *Elia* Morowlin у Ериха Лассоты. Начальное *е*, т. е. *je*, могло измѣниться здѣсь въ *и*, какъ въ

иръй, ирусалимъ (Шахматовъ, Изслѣдов. въ обл. рус. фон., 24).

Во-2-хъ, слова *Ольгъ*, **Ельгъ* и *Льгъ* могли употребляться въ др.-рус. языкѣ въ формахъ зват.-имен. падежа на *е*, при чемъ *г* не подвергалось переходному смягченію въ *ж* (Потебня, Изъ запис. по рус. гр.², 94—97; А. И. Соболевскій, Лекціи², 114, 175—176; А. А. Шахматовъ, Изслѣдов., 47—48; Б. М. Ляпуновъ, О яз. новг. лѣтоп., 209; Потебня, Къ истор. звук., I, 43—44, Замѣтки о мр. нарѣч., 84—85; ibid. указаніе на П. Лавровскаго): въ арх. сп. Новгор. лѣт. подъ 1381 г. читается: пріиде князь резанъскии *Олгѣ Ивановичъ* (издат. 2 и 3 Новг. л. напечатали Олегъ, оговоривъ *поправку* въ примѣчаніи на стр. 35), гдѣ Олгѣ, т. е. Ольге имѣетъ такое же конечное *е*, какъ во *въдале Варламе* Хутынской грамоты Варлаама и мн. др. случаяхъ.

Въ формахъ *Ольге*, **Ельге*, **Льге* звукъ *г*, по фонетическимъ законамъ др.-рус. языка, долженъ былъ измѣниться въ *j*; срав. аньѥлъ, Еюпетъ и друг. (Соболевскій, Очерки изъ истор. рус. яз., 106; Шахматовъ, Изсл., 48, Къ вопросу объ образ. рус. нарѣч., 11).

Конечное ѥ въ формахъ **Ольѥ* (и *Вольѥ), **Ельѥ*, **Льѥ* въ юго-западныхъ и западныхъ говорахъ русскаго языка должно было измѣниться въ *я* уже къ XIII—XII в. (А. И. Соболевскій, Очерки, гл. II; А. А. Шахматовъ, Изслѣдов., гл. II и XVII): *Григорья* (въ Новгор. Мин. 1096, по рукоп. XIII—XIV в. Ягичъ въ X гл. Предисловія къ Служеб. Мин.), *кнѧзь Юрія* Холмъский (Грам. 1376 г.), *Ортемья* (Новгор. Купч. XIV—XV в. Акты юридич. I, 110) и друг.

Такимъ образомъ чисто фонетическимъ процессомъ могли возникнуть формы **Олья — Волья* и *Елья*. Форма *Волья* сохранилась въ былинахъ (Гильферд. № 32) какъ фонетическій варіантъ *Вольва* (Гильферд. № 254) и *Вольга* при *Волхъ* (изъ Волгъ). Форму *Елья* сохранилъ Ерихъ Лассота въ начертаніи *Elia Morowlin*, какъ онъ называетъ ein führnehmer *Heldt* oder *Bohater* des

Wolodimirs, имѣя въ виду, повидимому, того героя книжныхъ и народныхъ сказаній, котораго распространенное проложное житіе Владимира называетъ *Ольгомъ воеводой Владимира* (т. II Чтеній въ Общ. Нестора лѣтоп. ред. А. И. Соболевскаго) и который назывался въ *южнорусской народной* средѣ не только *Ельей*, но и *Ильей* (у Кальнофойскаго Пiјa), но прозывался не „русскимъ“, а *Моровлиномъ, Муравлениномъ* и друг.

Въ этомъ же Ольгѣ, воеводѣ Владимира, привозящемъ для Владимира невѣсту, греческую царевну изъ Царьграда, естественно, нужно видѣть никого иного, какъ *Ольга воеводу и храбра Игоря* извѣстной части др.-русскихъ лѣтописей (Шахматовъ, О нач. кіевск. лѣтоп. сводѣ, 40), пріуроченнаго къ эпохѣ Владимира св. древне-русскимъ устнымъ поэтическимъ творчествомъ, развивавшимъ Ольговъ циклъ героическихъ сказаній.

Форма *Елья*, какъ въ великорусскихъ, такъ и въ южно-русскихъ говорахъ измѣнялась въ *Илья:* — въ-первыхъ въ силу законовъ ассимиляціи звуковъ, т. е. вліянія на *е* слѣдующихъ мягкихъ согласныхъ (Шахматовъ, Изслѣдованія, стр. 24, 242—248, гл. XIX); во-вторыхъ въ силу положенія въ закрытомъ слогѣ, причемъ переходной ступенью для перехода ѥ въ *и*, естественно, былъ дифтонгъ (Шахматовъ, Изслѣдованія, стр. 111—113). Такой дифтонгъ можно видѣть въ прилагат. *иѡжинъ* Житія Влад. сп. 1494 г., а равнымъ образомъ, можетъ быть, къ томъ обозначеніи имени в. княгини Ольги, которое далъ упомянутый Эрихъ Лассота: *kniazin Juulza* (сравн. выше Ἔλγα и Ὄὐλγα, при русск. *Ольга*); сравн. *Юльюша*, *Юльюшенька* (Былины Тихонр.-Миллера, стр. 57—65) при обычномъ Илья, Илюша и при *Вольвушенька*, *Вольва* (Гильф. № 254); хотя, съ другой стороны, возможно, что *Juulza* изъ *Елица, Елена*, христіанское имя Ольги.

Наконецъ, форма *Илья* могла возникнуть и отъ формъ **Льге*, **Льѥ*, **Лья* вслѣдствіе приставки *и* къ началу слова, какъ въ Ильтиця (Потебня, Замѣтки о мр. нар., 23), Илвовскій (Соболевскій, Очерки, 62, 101), Ильговъ (въ

Черниг. г.), Ильшанка, Ильпиновская пустынь при Волпиновская и Льпиновская, ильгота, илгунъ и друг. [1]).

Въ словѣ *Илья*, происшедшемъ указанными путями, очень рано въ юго-западныхъ и западныхъ русскихъ говорахъ *лj* должно было измѣниться въ *лл*, благодаря чему должна была возникнуть форма *Илля* (Шахматовъ, Изслѣдов., 65; Ляпуновъ, О языкѣ I Новг. л., 202).

Такимъ образомъ, при свѣтѣ фонетическихъ изслѣдованій акад. Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова открывается возможность всѣ варіанты имени русскаго князя, о которомъ говорятъ Ortnit и Thidrikssaga, поставить въ прямое соотвѣтствіо съ тѣми формами, которыя являются теоретически вѣроятными и возможными для древне-русскаго языка, какъ діалектическіе варіанты имени *Ольгъ:*

1) Elígas=*Ельгъ или, можетъ быть, **Ельго* (сравните у Saxo Gram. Helgo Norwagiensis; сравн. Helicho собств. имя въ германск. памятн. VIII в. (Rassm. I, 73) и древне-русскія собствен. имена Юрко, Оленко, Гѣнко (Грам. 1351); Полотьско, Полтескъ при *Palteskta* Тидрекъ-саги):

Eligas sprach behende
der tegen unferczeit

(Das deutsche Heldenbuch изд. Adalb. von Keller въ Biblioth. d. litterarisch Vereins in Stuttgart, LXXXVII, 1867 г., стр. 20);

Eligas sprach geschwinde
du bist meiner schwester kint (21).

2) Eligás = *Ельгá:

Die kinigin sprach geschwinde
du bist mein einigs kint

---

[1]) Сранн. еще нѣсколько примѣровъ перехода начальнаго *he* и *hei* въ русск. языкѣ въ иностранныхъ именахъ: *Илине* — Ἕλληνες (Изб. Свят. 1073 г., л. 250), *Индрихъ* (Ипат. л.), Индрикусъ, Ириксонъ, Ирикъ въ Актахъ Копенг. арх.

seit das all meine frynde
an dich gedygen sint
vnd auch an meinen bruder
den künig Eligas
er kummet gar bald zůder
wann er dein nie fergass (31)

3) Elias и Elyas (ibid. 62—63; Deutsch. Heldenbuch изд. Amelung u. Jänicke, I, 4)=**Ельял*, *Elia* (Morowlin у Лассоты).

4) Ylias, ylias, Ilias, Ŷljas (Amelung — Jänicke, стр. 4 и мн. друг.) = *Ilija* (у Кальнофойскаго) и *Илья* (Муромецъ):

Dô sprach diu frouwe in zühten „du bist mîn liber kint,
sît alle mîne mâge an dich gedigeu sint
und ouch an mînen bruoder, dînen oeheim Ŷljas,
den künec von wilden Riuzen, der dir ie getriuwe was"

(ibid., ср. 12, строфа 86).

и 5) Ilias и Illas въ спискѣ Ортнита XVI в. (ibid., Einleitung, стр. VI)=*Илля* (ср. Illa Muurowitza въ финской сказкѣ. Акад. Веселовскій, Ж. М. Н. Пр., 1890 г., мартъ).

Насколько позволяютъ данныя древне-русской діалектологіи, можно съ увѣренностью полагать, что всѣ указанные народные варіанты имени *Ольга* — **Ельгъ*, **Ельга*, *Ельял*, *Илья* и *Илля* отражаютъ фонетическія особенности старинныхъ юго-западныхъ, западныхъ и сѣверо-западныхъ говоровъ русскаго языка, существовавшія уже въ XIII в., къ которому принято относить начальную редакцію какъ Ортнита, такъ и Тидрекъ-саги.

Конечное *s* въ нѣмецкой передачѣ соотвѣтствующихъ русскихъ формъ принадлежитъ нѣмецкой грамотной средѣ, въ которой возникла или, по крайней мѣрѣ, переписывалась поэма „Ортнитъ": формы съ конечнымъ *s* въ заимствованныхъ собственныхъ именахъ нерѣдко встрѣчаются въ др.-нѣмецкихъ памятникахъ: *Tarias*, *Zacharîs*, *Milias* (Wolfdietrich, Thidrekssaga) и друг.

Постояннымъ эпитетомъ *Елѓга* или *Ельгй*, *Ельй*, *Ильй* и *Иллй* въ нѣмецкомъ эпосѣ является „князь русскій“, künig von Reussen; такъ и называется князь *Ольгъ* „Вѣщій“ въ извѣстной второй группѣ древне-русскихъ лѣтописей (Шахматовъ, О нач. кіевск. лѣтоп. сводѣ, 40). Но и въ эпитетѣ *Елїи — Ильи* русскихъ героическихъ сказаній или ихъ отраженій — *Morowlin*, *Муравецъ*, *Муровецъ*, *Муромецъ* можно возстановить такое же первоначальное соотвѣтствіе эпитету древне-русскому „русскій“ и нѣмецкому „von Reussen или Riuzen“, какъ и въ собственныхъ именахъ героя — *Елья=Elias*, *Илья=Ilias* и *Ольгъ—*Ельгъ=Eligas*. Всѣ формы *прозвища* русскаго богатыря *Ильи—Ельи* представляютъ народно-этимологическія образованія отъ сл. **Норманскій*, *Мурманскій*, *Урманскій*, какъ и прозывается *Олегъ* въ Іоакимовской лѣтописи: Рюрикъ по отпускѣ Осколда бѣ вельми боля, и начатъ изнемогати; видѣвъ же сына Игоря вельми юна, предаде княженіе и сына своего шурину своему Олгу, варягу сущу, князю Урманскому (Татищевъ, Рос. истор., I, 35). Въ древне-русскомъ языкѣ слова *Урманскій*, *Мурманскій*, *варяжскій* и *русскій* являлись синонимами, въ силу извѣстныхъ географическихъ, этнографическихъ и историческихъ причинъ: И отъ тѣхъ варяговъ находниковъ прозвашася Русь, и оттолѣ словетъ русская земля, иже суть Наугородстіи людіе и до днешняго дне, прежде бо нарицахуся Словене, а нынѣ Русь отъ тѣхъ варягъ прозвашася: сице бо варязи звахуся Русью (Ник. лѣтоп.). Идоше за море ко варягомъ, къ Русі. Сице бо тіи звахуся варязи Русь яко се друзіи зовутся Свие, друзии же *Урмане* и т. д. (Лавр. л.). Объ употребленіи сл. Норманны въ болѣе широкомъ значеніи *скандинавовъ* и болѣе узкомъ *норвежцевъ* см. въ Словарѣ Гримма подъ словомъ Nordmann. Въ силу этой синонимичности словъ *мурманскій*, *варяжскій* и *русскій*, князь Олегъ въ древнихъ лѣтописяхъ называется то „русскимъ“, то „варягомъ“ и „урманскимъ княземъ“. Слово *урманскій*, *мурманскій* съ теченіемъ времени, съ забвеніемъ своего зна-

ченія въ народно-русскомъ языкѣ, оказалось сближеннымъ съ болѣе знакомыми и понятными словами, каковыми были *Муромскій* отъ сл. *Муромъ* и *Муравскій*, bohemicus (ср. муравское сукно белмь дуксъ — объясненіе Θ. Е. Корша), а также *муравьный*, *Моровійскъ* и друг.

Благодаря такой народной этимологіи, старинное прозваніе Олега Вѣщаго — князь Урманскій и Мурманскій (=варяжскій и *русскій*)—измѣнилось въ цѣлый рядъ формъ, указывающихъ на усилія народнаго языка понять и осмыслить ставшій неяснымъ эпитетъ любимаго героя: *Мурамъ* Илья въ сказкѣ, записанной въ Смоленской губ. Добровольскимъ (Вс. Миллеръ, Очерки рус. нар. слов., 377), *Мурамецъ* (Бѣломорск. был. А. Маркова, 351), ср. *Мурамъ* „сортъ сукна", т. е. чешскаго и нѣмецкаго (Слов. Срезневскаго), Муравецъ (Бѣлом. был. Маркова) (ср. Муравское сукно, Муравскій князь Буривой и др. и *муроватъ* Слов. Даля), Муравленинъ, Моровлинъ, Муромлянъ (ср. мурава, муравить, муравленый и друг. Слов. Даля), Муринъ (сказка, запис. въ Волынск. губ. Вс. Миллеръ, Очерки, 379; ср. Муринъ—*αἰθίοψ*), наконецъ, Муромецъ при названіи города Мурома, къ которому и явился, въ концѣ концовъ, пріуроченнымъ мурманскій князь или воевода древняго эпоса съ превращеніемъ въ крестьянина, также между прочимъ и вслѣдствіе забвенія стариннаго значенія слова *крестьянинъ*, т. е. христіанинъ. Подобнымъ образомъ въ южно-славянскомъ эпосѣ пріурочился къ Герцеговинской мѣстности, къ горѣ „Пирлитору према Дурмитору", герой Момчило, жившій и дѣйствовавшій на берегу Эгейскаго моря въ области, главнымъ городомъ которой былъ Перитъ, Перитеорій (Περιθεώριον), Анастасіополь (срав. мои Ю.-слав. сказ. о Кр. Маркѣ, 13—14); Ogier le Danois—къ датскимъ историческимъ воспоминаніямъ (ibid., 118) и Роландъ къ Бруссѣ въ Малой Азіи (Gidel, Études, 58).

Дѣйствительность предположенной здѣсь народной этимологіи въ *Мурманецъ — Муромецъ, Мурманскій — Муромскій подтверждается древне-русскимъ памятникомъ

XVI в., Завѣщаніемъ Лазаря Муромскаго, въ которомъ одинъ и тотъ же островъ Мучь называется одинъ разъ *Мурманскимъ,* а три раза *Муромскимъ* (Истор. рос. іерарх., V, стр. 115—129). Арх. Леонидъ и святого Лазаря называетъ *Мурманскимъ* и *Муромскимъ* (Опис. рук. гр. Уварова, II, 497). Теперь и „езеро *Мурмо*" Завѣщанія Лазаря называется Муромскимъ и обитель св. Лазаря Муромскимъ и Мурманскимъ монастыремъ (см. Россія редакц. Семенова и Ламанскаго, III, 404).

По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ той же народной этимологіи возникли названія старинной торговой дороги „изъ варягъ въ греки" (сухопутной) *Муравскій путь, шляхъ, Муравская дорога,* теперь *Муравка,* и *Муравскаго* острова на Днѣпрѣ, при старомъ названіи *Варяжскій* островъ (лѣтоп. Ипат. Лавр.).

Анализъ старинныхъ книжныхъ сказаній про Олега Вѣщаго, особенно, сказаній XV—XVI в., къ сожалѣнію, не приведенныхъ въ должную извѣстность и не изученныхъ [1]), подтверждаетъ высказанныя здѣсь соображенія о тѣсной преемственной связи между древнимъ Ольговымъ цикломъ героическихъ русскихъ сказаній и, съ одной стороны, древне-нѣмецкими сказаніями объ Eligas'ѣ—Ilias'ѣ, а съ другой, былинами про Вольгу — Волью и Илью—Елью Муровца—Муромца.

Различіе богатырскихъ образовъ Вольги—Вольи и Ельи—Ильи (Муромца—Муровца) намѣчено, было уже древнѣйшими сказаніями про Олега, отражавшими различныя областныя русскія симпатіи (вѣроятно, Новгорода и Кіева): въ древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ личность Олега, какъ замѣчено выше, раздвояется: то онъ князь, то онъ воевода при князѣ (Игорѣ и Владимірѣ). Съ теченіемъ времени различіе двухъ образовъ *Ольга*

---

[1]) Въ недалекомъ будущемъ мы предполагаемъ посвятить этому вопросу рядъ статей въ Журн. М. Нар. Просв. подъ заглавіемъ: „Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ".

болѣе и болѣе увеличивалось подъ воздѣйствіемъ разнообразныхъ историческихъ и поэтическихъ вліяній на складывавшійся Ольговъ циклъ поэтическихъ сказаній, подъ вліяніемъ, наконецъ, діалектическихъ особенностей языка тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили и развивались эти сказанія.

Въ результатѣ — въ народномъ эпосѣ два несходныхъ по виду имени собственныхъ и два различныхъ богатырскихъ образа, восходящихъ къ одному лицу глубокой древности не только русской, но, кажется, вообще сѣверно-европейской, какъ и нѣкоторые другіе историческіе и поэтическіе образы эпохи „призванія варяговъ“ на Руси.

М. Халанскій.

Харьковъ.
6 февр. 1902 г.

О нѣкоторыхъ аномаліяхъ ударенія
въ славянскихъ именахъ.

Прекрасныя изслѣдованія Фортунатова и Лескина установили тотъ фактъ, что въ славянскихъ языкахъ существуютъ различія качества ударенія, точно соотвѣтствующія тѣмъ различіямъ, которыя наблюдаются въ языкахъ балтійскихъ. Но въ довольно большомъ числѣ случаевъ качество ударенія славянскихъ именъ не соотвѣтствуетъ тому, которое ожидается согласно съ принципами, выставленными и доказанными F. de Saussure'омъ (Mémoires de la Société de linguistique, VIII, 425 и слѣд.), и которое для нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ на самомъ дѣлѣ засвидѣтельствовано литовскимъ языкомъ. Настоящая замѣтка имѣетъ своимъ предметомъ опредѣлить одну отличительную черту бо́льшей части этихъ аномалій.

Разсматривая списки сербскихъ словъ, приведенные Лескиномъ во второй его статьѣ о количествѣ въ сербскомъ (Abh. d. sächs. ges. d. wiss., phil.-hist. cl., XIII, 558 и сл.), можно констатировать, что почти всѣ двухсложныя основы на -ĭ- имѣютъ на корневомъ слогѣ восходящее удареніе (*geschliffen* Куршата) и что это удареніе является даже тамъ, гдѣ ожидается удареніе нисходящее (*gestossen* Куршата). Въ сербскомъ есть отвлеченное существительное женскаго рода дŷж, дŷжи при дȕг, дȕга, дȕго: это различіе не имѣетъ ничего общаго съ различіемъ въ литовск.

il̃gis : ìlgas, съ которымъ сопоставляютъ первое, ибо il̃gis — существительное муж. рода, съ основой на *-ja-* и имѣетъ перенесенное восходящее удареніе, которое часто встрѣчается въ литовскихъ словахъ, образованныхъ съ помощью суффикса, начинающагося съ -j- (F. de Saussure, l. c., 429 слѣд. и 421 п.). Точно также чакавск. vlát, vláti, русск. во́лоть, во́лоти не согласуются съ литовск. váltis; серб. мли̏јеч, мли̏јечи «молочай» не согласуется съ русск. моло́ки, ни̑з, ни̑зи — съ ни̏зак и ни̏ши; наконецъ, слова стараго языка, какъ ри̏јеч, тва̑р, ва̑р и проч. имѣютъ восходящее удареніе противъ общаго правила.

Въ другихъ случаяхъ ожидаемое нисходящее удареніе иногда еще сохраняется діалектически при удареніи восходящемъ: при ма̑ст, ма̑сти — чакавск. mást, màsti, которое согласуется съ ма̀зати, ма̀жем̄, ма̀сло и съ русск. ма́зать, ма́жу (M. s. l., XI, 347 и слѣд.); точно также stúd, stùdi при сту̑д, сту̑ди; и дѣйствительно, ū въ формѣ корня безъ *e* — *styd-* (сербск. сти̏нути се) заставляетъ ожидать краткости; наоборотъ, штокавскій представляетъ пе̏ст, пе̏сти (ср. литовск. kū̃mstė, F. de Saussure, M. s. l., VII, 93) при чакавскомъ pést, pésti (и pȇst, pȇsti въ Рагузѣ, по Rešetar'y, Die serbocroat. betonung südwest. mund., стр. 102) и жу̏ч, жу̏чи при чакавск. žúč, žúči. Эти несоотвѣтствія, очевидно, указываютъ на присутствіе какого-то особаго условія; тоже подтверждаютъ и другіе случаи, въ которыхъ наблюдается подобная же аномалія ударенія.

Старая основа на -ŭ- synŭ- въ сербскомъ даетъ си̑н, си̑на, между тѣмъ какъ литовскій здѣсь представляетъ ожидаемую нисходящую долготу, acc. sū́nų. Естественно заключать отсюда, что основы на -ŭ- представляютъ ту же самую аномалію въ удареніи, какъ и основы на -ĭ-. И дѣйствительно, мы находимъ опять восходящее удареніе въ сербск. ста̑н, ста̑на, болгарск. станъ́т, ср. литовск. stónas; но stanŭ была основой на -ŭ-, какъ это доказываютъ locat. станоу (Син. пс., cv, 16),

производное станъкъ и склоненіе stan въ старочешскомъ (см. Gebauer, Hist. mluv., III, 1, 331).

Основа на -ā- glava даетъ сербск. гла̑ва, гла̑ву и русск. голова́, го́лову; здѣсь открывается существенное условіе: литовск. galvà, gálvą (ср. латышск. gal̂va, Endzelin, BB. XXV, 268) принадлежитъ къ очень небольшой группѣ двухсложныхъ основъ на *-о-* съ нисходящей корневой гласной и съ подвижнымъ удареніемъ; *слѣдовательно, тамъ именно, гдѣ существовала подвижность ударенія, имѣло мѣсто и измѣненіе качества ударенія.* Этотъ примѣръ, къ сожалѣнію, единственный, ибо литовскому naudà, acc. náudą, латышск. naũda, въ славянскомъ соотвѣтствуетъ nužda (ср. nązda), а русское ну́да слишкомъ тѣсно ассоціировалось съ ну́дить, такъ что его удареніе не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія.

Но литовское sūnùs, какъ и galvà, принадлежитъ къ типу *Mob.* [т. *подвижныхъ;* о типахъ *Mob.* и *Im.* (*неподвижныхъ*) см. F. de Saussure, IF. VI, Anz. 158 слѣд.]. Основы на -ĭ-, которыя измѣнили качество ударенія, не имѣютъ соотвѣтствующихъ въ литовскомъ. Но серб. ни̏т, ни̏ти, сохранившее нисходящее удареніе, соотвѣтствуетъ литовскому nýtis, которое принадлежитъ къ типу *Im.*; и дѣйствительно, дат. мн. ч. будетъ ни̏тима (род. мн. ч. ни̏та̑ не сохранилъ формы отъ основы на -ĭ-). Ничто не мѣшаетъ допустить, что мје̏д, мје̏ди и ра̏т, ра̏ти принадлежали первоначально также къ типу *Im.*, между тѣмъ какъ dlĭžĭ и проч.—къ типу *Mob.*: этимъ объяснялось бы непосредственно сохраненіе нисходящаго ударенія въ однихъ и переходъ къ восходящему въ другихъ. Къ сожалѣнію, мы довольно плохо знаемъ о дѣйствительномъ положеніи ударенія въ рѣдкихъ словахъ типа *Im.* (см. Rešetar, Die serbocroat. beton. südwest. mund., стр. 104); въ род. мн. ч. типа *Im.* или обобщилась форма *Mob.*, напр., smr̀tī въ Рагузѣ, или же стала употребляться форма не отъ основы на -ĭ-, напр., ни̏та̑; слово пр̏си имѣетъ

три формы родит. множ. ч.: п р̏ с и (типъ *Mob.*), п р̏ с и ј у (древнее дв. ч.) и п р̑ с а̑ (типъ р а̑ б а̑).

Здѣсь можетъ представиться слѣдующее возраженіе: въ литовскомъ основы на *-i-*, *-u-* и *-o-* (древнее -а̄-), принадлежащія къ типу *Mob.*, имѣютъ въ имен. пад. удареніе на конечномъ слогѣ; по аналогіи основъ на *-o-*, которыя удлинняютъ въ имен. пад. корневое *o*, когда это *o* получаетъ удареніе, но сохраняютъ *o* краткимъ, когда это *o* не имѣетъ ударенія (р о̑ г, р о̏ г а, но д р о̏ з д д р о̀ з д а), ожидалось бы, слѣдовательно, въ сербскомъ *н о̏ ћ, н о̏ ћ и, въ виду литовск. n a k t ì s; но мы имѣемъ н о̑ ћ, н о̑ ћ и. Т. е. дѣло происходитъ такъ, какъ будто бы им. пад. съ самаго начала имѣлъ удареніе на корневомъ слогѣ, т. е. какъ будто бы типъ *Mob.* не характеризовался въ славянскомъ удареніемъ въ имен. пад. на конечномъ слогѣ. Отвѣтъ на это простъ: н о̑ ћ не есть только именит., но также и винительный пад. и соотвѣтствуетъ литовской формѣ n ã k t į точно такъ же, какъ и формѣ n a k t ì s; такимъ образомъ удовлетворительно объясняется долгота.

Есть и другое, гораздо болѣе серьезное затрудненіе: не однѣ основы на -ĭ-, -ŭ-, и -a- представляютъ восходящія ударенія сверхъ ожиданія; мужскія основы на *-o-* равнымъ образомъ представляютъ довольно большое число такихъ ударенiй.

Сербское с м р а̑ д, с м р а̑ д а, русск. с м о́ р о д ъ, с м о́ р о д а и болгарск. с м р а д ъ́ т имѣютъ восходящее удареніе, между тѣмъ какъ сербск. с м р а̏ д и т и и русск. с м о р о́ д и т ь имѣютъ нисходящее; русск. с м о́ р о д и т ь есть результатъ простого смѣшенія с м о́ р о д ъ и с м о р о́ д и т ь: если бы исходной точкой было качество ударенія, засвидѣтельствованное русскимъ с м о́ р о д и т ь, то въ такомъ случаѣ удареніе перемѣстилось бы и падало бы на слогъ *-ди-* (см. M. s. l., XI 347) [1]). Но древнее качество ударенія

---

[1]) Изъ примѣчанія 2. на страницѣ 57-й статьи T. Torbiörnsson'a, Die gemeinslavische liquidametathese (Upsala Univ. årsskrift, 1902), я вижу, что въ отношеніи правила, на которое

здѣсь — нисходящее, какъ показываютъ литовск. smìrdżu, smárvė; smir̃das, безъ сомнѣнія, обязано своимъ восходящимъ удареніемъ на -ir̃- синониму smir̃dżius, гдѣ перемѣна качества ударенія правильна; мѣсто ударенія на ē въ литовск. smirdė́ti и русскомъ смердѣть, сербск. смр́дјети — древнее и не есть результатъ передвиженія,—такого, какъ представляютъ намъ русск. терпѣ́ть, сербск., тр́пјети (M. s. l. XI, 347).

Сербск. зна̑к, зна̑ка распространило качество своего ударенія на глаголъ зна̑чити, но русск. зна́чить свидѣтельствуетъ еще о нисходящемъ удареніи звука *a*. Сербск. би̏јег, болгарск. бегъ́т не согласуется съ бје̏гнути и съ литовск. bė́gu; ви̑с, ви̑са — съ ви̏ши; мла̑з, мла̑за — съ русск. моло́зево, сербск. му̏сти, литовск. mélżu, mìlszti; да̑р, да̑ра (болгарск. даръ́т) — съ да̀ти; пи̑р, пи̑ра — съ пи̏ти (?); жи̑р, жи̑ра — съ жи̏то и проч. Ожидаемая краткость иногда сохраняется только діалектически, какъ и для основъ на -ĭ-; такой случай представляютъ: ви̑д, ви̑да, болгар. видъ́т, но чакавск. vìd, vìda, при литовск. véidas и сербск. ви̏дјети = русск. ви́дѣть; мра̑к, мра̑ка, русск. мо́рокъ, мо́рока, болгарск. муракъ́т, но чакавск. mrák, mràka, при сербск. мр̏кнути = русск. ме́ркнуть (ср. литовск. mérkti «зажмурить глаза»?); вра̑г, вра̑га, но чакавск. vrág, vràga; ми̏јех, ми̏јеха, но восточн. ме̑х, ме̏ха (по Буку), ср. литовск. máiszas.

Такъ какъ основы на *-o-* принадлежатъ главнымъ образомъ къ типу *Im.* (Hirt, I. F. X, 44 и слѣд.), то на первый взглядъ можетъ казаться, что эти восходящія ударенія не могутъ объясняться здѣсь гипотезой, которая дала намъ возможность объяснить это явленіе въ основахъ на -ĭ-, -ŭ- и -ā-. Но не надо забывать, что во всѣхъ славянскихъ діалектахъ произошло смѣшеніе основъ на

я сослался выше, я схожусь, по счастливой случайности, съ ученіемъ Фортунатова: это ученіе, къ сожалѣнію, мнѣ извѣстно только по ссылкѣ T. Torbiörnsson'a.

-*о*- и на -ŭ-; слѣдствіемъ этого могли и должны были явиться перемѣны ударенія и, какъ вторичное явленіе, качества ударенія. Въ самомъ дѣлѣ, многія изъ приведенныхъ выше словъ имѣютъ въ сербскомъ мѣстный пад. на -*и*, съ удареніемъ на конечномъ слогѣ: смра́ду, ви́су, пи́ру, жи́ру, мра́ку; но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что мѣстный падежъ на -*и* въ сербскомъ можетъ имѣть удареніе самъ по себѣ и независимо отъ всякаго перемѣщенія со слога восходящаго на слѣдующій слогъ нисходящій; такимъ образомъ при дательныхъ падежахъ го̏вору, о̏блаку и проч. являются мѣстные падежи говѐру, обла́ку и проч, и въ русскомъ мѣстные падежи на -*у* точно также — oxytona, каково бы ни было мѣсто ударенія въ другихъ падежахъ. Слѣдовательно, флексія сма̑д, сра̑да, смра̑ду, loc. смра́ду представляла такую подвижность ударенія, которая достаточна, чтобы объяснить перемѣну качества ударенія на корнѣ. Слово са̑д, са̑да, loc. са̑ду соотвѣтствуетъ старо-чешскому sad, sadu (Gebauer, Hist. mluv. III, 1, 331); ср. ст.-слав. садоке, садовъ въ Супр. Что касается слова да̑р, то оно во множественномъ склоняется — дӓрови, дарова̑ и уже въ ст.-славянскомъ представляетъ много формъ отъ основы на -ŭ-: loc. дароу, имен. мн. ч. дарове, род. мн. ч. даровъ (см. Leskien, Handbuch, § 63). — Смѣшеніе склоненія основъ на -ŭ- со склоненіемъ основъ на -*о*- внесло подвижность ударенія въ русскомъ и въ такіе случаи, какъ волкъ, во́лка, мн. ч. во́лки, волко́въ и садъ, са́да, мн. ч. сады́, садо́въ, какъ это замѣтилъ Hirt, I. F. X, 48.

Перемѣнность ударенія въ словахъ средняго рода — или по типу русск. село́, сёла, сербск. сѐло, се̏ла, или по типу русск. по́ле, поля́, сербск. по̏ље, по̏ља — постоянная и особаго рода: *она не имѣла никакихъ послѣдствій въ отношеніи качества ударенія.* — Восходящее удареніе на *е* въ сербск. ме̑со, которое представляетъ затрудненіе при сопоставленіи съ долготой въ скр. mā̃ṃsám, объясняется иначе; оно не обязано своимъ

происхожденіемъ заимствованію изъ германскаго, такъ какъ германскія долгія гласныя и дифтонги передаются въ славянскихъ существительныхъ долгими нисходящими; такъ въ ст.-слав. ѵадо, сербск. че̏до; оно предполагаетъ просто краткое *е*; въ самомъ дѣлѣ, древнее *mēms- предполагаетъ рядомъ *mĕms-: если бы здѣсь ē было ē изъ ряда долгихъ, т. е. типа τίϑημι, то корневая форма *mēms- была бы единичной въ индо-европейскомъ; скр. māṃsám, отъ основы *mēmso-, относится къ ст.-слав. масо, сербск. ме̑со, чешск. maso, отъ основы *mĕmso-, такъ же, какъ греч. ὦμος, отъ основы *ōmso-[1], къ скр. áṃsaḥ, отъ основы *omso-. Восходящее удареніе въ сербск. ме̑со не имѣетъ, слѣдовательно, ничего общаго съ восходящимъ удареніемъ въ литовск. mėsà, mė̃są: если это литовское слово есть заимствованное русское мясо, какъ это предполагаютъ, то его восходящее удареніе не представляетъ затрудненія; однако, нѣтъ и никакого основанія допускать заимствованіе, а согласіе въ родѣ съ оригинальнымъ прусскимъ словомъ mensā, латышск. mîsa даетъ основаніе думать, что данное слово является оригинальнымъ и въ литовскомъ; но, подобно всѣмъ основамъ на -ā-, mėsà есть производная основа; она образовалась отъ Nom.-Acc. средн. р. *mēs (скр. mā́ḥ) точно такъ же, какъ литовск. vasarà отъ *wesr̥ (греч. ϝέαρ); но ē въ *mēs должно получить тоже качество ударенія, какъ и другія долгія гласныя въ именительныхъ падежахъ, которые утратили сонанту: ср. литовск. akmũ и duktė̃; напротивъ, прусск. mensā происходитъ отъ основы *mems-, какъ ст.-слав. весна отъ *wes-n- и срѣда отъ *$k_1$erd-. Такимъ образомъ качество ударенія въ масо, сербск. ме̑со можно объяснить вполнѣ удовлетворительно, не призывая на помощь подвижность ударенія во флексіи этого слова.

---

[1]) По всѣмъ аналогіямъ, *ŏmso- дало бы въ іонійскомъ и аттическомъ *ουμος, а не ὦμος; ср. ἔνειμα (см. Brugmann, Griech. gramm.³. § 109, стр. 126).

Какъ бы ни было дѣло со словами средняго рода, изложенные выше факты позволяютъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: *Восходящее качество ударенія явилось на мѣсто болѣе древняго нисходящаго во многихъ словахъ, которыя имѣли, съ литовско-славянской эпохи, подвижное удареніе и въ которыхъ перемѣщеніе ударенія не было явленіемъ фонетическимъ и вторичнымъ, но морфологическимъ и восходило, безъ сомнѣнія, къ индо-европейской эпохѣ.*

Подобно тому, какъ восходящее удареніе въ славянскихъ старыхъ окситонированныхъ прилагательныхъ можетъ быть вторичнымъ (M. S. L. XI, 349), восходящее удареніе во многихъ славянскихъ основахъ на -ĭ-, -ă-, -ŭ-, -o- вызвано извѣстными условіями акцентуаціи и не можетъ, слѣдовательно, быть пригоднымъ средствомъ для опредѣленія стараго литовско-славянскаго качества ударенія. Какова бы ни была предполагаемая причина этого факта, отъ изслѣдованія которой мы здѣсь воздержимся, важно констатировать и имѣть всегда въ виду этотъ фактъ при сужденіи о качествахъ ударенія.

А. Мелье.

Парижъ.

О польском ѣ.

Заглавіем настоящей статейки я, конечно, не имѣю в виду приписать польскому языку особый звук ѣ, а только указываю сокращонно на польскія отраженія этого звука.

Слѣд ѣ-тя, в других случаях совпавшаго со звуком *e*, а также с ь-ем (поскольку послѣдній не онѣмѣл), сохраняется, какъ извѣстно, у поляков в видѣ умягчительнаго *a* перед твёрдыми зубными: świat, gniady, las, gwiazda, biały, к каковым звукам примыкает ещо передненёбный r: miara.

Из приведённаго закона мы знаем однако цѣлый ряд исключеній в ту и другую сторону.

Во первых, есть словà, гдѣ перед мягкостью является *a*. Эти исключенія всѣ должно признать мнимыми. Тут мы, прежде всего, встрѣчаем такіе явные и общепризнанные подражательные выговоры, как po pierwszym wystrzale, w małym rozmiarze, bladzi rycerze, rumiani młodzieńcy. Нѣкоторые случаи менѣе очевидны, но тоже довольно ясны. Например, umialny („mogący być umianym", Линде) получило свое *a* именно от слова umiany; żelazny (при областном, силезском, żeleźny) взяло его у żelazo, вмѣстѣ с твёрдостью звука z (причом, правда, возникает вопрос, почему las не навязало звука *a* и своей твёрдости прикладку leśny); jakmiarz почти, точно, коль скоро, вмѣсто тоже бытующаго jakmierz, надо полагать, содержит велительное наклоненіе к mierzyć, но обыкновенно пріурочивается и примѣняется к выраженію jaką miarą.

Иныя слова, кои могли бы быть здѣсь приведены, пожалуй, и вовсе сюда не относятся. Таково слово zaprzaniec отступник, которое можно было образовать к основѣ zaprz- глагола zaprzeć się по примѣру каких-нибудь braniec плѣнник (brać), mieszkaniec (mieszkać обитать), rzezaniec скопец (rzezać), хотя оно м. б. и возникло при zaprzał się заперся, отперся (разновидности к zaparł się), так что подходит под первый пункт. Рѣшительно устранить от даннаго вопроса слѣдует инфинитивы lać, śmiać się, wiać, dziać, chwiać (колебать, шевелить), siać, гдѣ *a*, несмотря на староцерковныя ятевыя настоящія **лѣѭ**, **смѣѭ сѧ** и т. д., нечего возводить к основному ѣ, а надо обьяснять из древняго *a*, в формах **лиꙗти**, **смиꙗти сѧ**, **вѣꙗти**, **дѣꙗти**, **сѣꙗти** и ***хвѣꙗти** [1]). С русской точки зрѣнія, правда, нельзя не смущаться тѣм обстоятельством, что в инфинитивах в́ѣять, с́ѣять и д́ѣять (сод́ѣять, д́ѣятель, д́ѣятельный, д́ѣятельность) на *ѣ* падает удареніе, чему соотвѣтствует и сербская акцентовка вȅјати—вȉјати и сȅјати—сȉјати. Однако у словенцев сходно только vę̑jati, а sejáti и dejáti или djáti ударяют на глагольную примѣту, да и поболгарски имѣются аористы сѣя́х, вѣя́х, а порусски вмѣсто д́ѣятельный, д́ѣятельность, слышится также дѣя́тельный, дѣя́тельность, дѣя́ніе же даже господствует, а кромѣ того в областной рѣчи являются фонемы вья́лица и завья́ть, которыя мудрено вывести из в́ѣялица и зав́ѣять. Первоначально, вѣроятно, удареніе в разсматриваемых инфинитивах всегда падало на примѣту, причом и огласовка вездѣ была слабая: естественно предположить доисторическія фонемы воја́ти, соја́ти и хвоја́ти, со звуком *o* из праязычнаго глухого, европейскаго *a*, при сильной огласовкѣ через ē. (Эту ступень корня, должно быть, представляет предметница хвоя́ [1]), хотя ея ој могло бы быть и древним диф-

---

[1]) **Хвѣꙗти** у Миклошича опримѣрено только из русскаго азбуковника.

[2]) Хвоя́ — Далевская акцентовка, с коей согласны сти-

тонгом, равносильным ѣ). Ѣ в наши инфинитивы навѣрное зашол (хотя стал заходить уже рано) из настоящаго, откуда мог быть взят прямо в ударяемом видѣ. Итак, польское *a* в глаголах lać, siać и т. д. не из ѣ-тя. Ятевое *a* дѣйствительно представляют инфинитивы grzać и zaprzać (встарь zaprzeć), куда оно легко могло зайти из элевых и эновых причастій: grzał, grzany, zaprzał, zaprzany.

Больше затрудненій представляют исключенья в другую сторону: тѣ случаи, гдѣ перед твёрдыми зубными или r является вмѣсто ожидаемаго *a* — *e*.

Правда, и тут есть ряд кажущихся исключеній — это глаголы на -erać: umierać, rozdzierać, pożerać и т. п., восходящіе к болѣе ранним umirać, rozdzirać, pożyrać, как sierota, wierzch, ser — к sirota, wirzch, syr.

Затѣм имѣются такія реченья, гдѣ отсутствіе расширенія обьясняется нѣкогда бывшею в них мягкостью. Таковы прикладки с древней наставкой -ьнъ, напр. kwietny, wjezdny, zamienny, wierny; таково и какое-нибудь wyświetlić, из основного высвѣтьлити, слово, в коем t не есть, — да никогда и не было вполнѣ твёрдым [1]).

Одно слово — tlen кислород — можно устранить, как новѣйшее, искусственное образованіе.—Мѣстное названье Pieskowa skała, с варьянтом Piaskowa [2]), я был бы скло-

---

хи К. Случевскаго: „Но не сравнить с этим шумом, Ежели дрогнет хвоя́“; „Вот оттого-то средь шума Вѣчно-зелёной хвои́“. Пѣсни из уголка, IV. Русская Мысль, 1897 г., ноябрь, стр. 205. Въ Словарѣ Второго Отдѣленія — хво́я.

[1]) Противурѣчащее этому толкованью *a* в предметницѣ światło lux, из основного свѣтьло, можно оправдать тѣм, что твёрдый ł был особенно твёрд, и рѣшительно уподоблял себѣ предшествующую мягкость, срв. siodło и русское седло-сёдла из седьло. Сравним также противуположное явленіе: устойчивость мягкаго l перед другим твёрдым зубнико́м, напр. wolny, вольный, хотя godny, годный.

[2]) Pieskowa skała—за́мок в 15 верстах от Олькуша (Кѣлецкой губерніи) и в 3½ милях от Кракова. Słownik geogra-

нен понимать как „Собачкину скалу“, так как „Песчаная скала“, надо думать, было бы скорѣе „Piaseczna“. Впрочем, это слово можно истолковать также иначе, не отрицая его связи с „пѣсъкомь“ (о чом ниже), а „Piaskowa skała“ мы во всяком случаѣ, как уже Бодуэн-де-Куртенэ [1]), будем обьяснять вліяніем сло́ва piasek, хотя бы и не родственнаго. (Я в своей этимологіи тоже не увѣрен: старинныя написанья через sz и sch как будто указывают на связь ни с песком, ни с пёсиком, а с пѣшеходом, пѣхотинцем — pieszek; а, чего добраго, названье это не польское, а только ополяченное).

В старѣйших польских текстах употребленье *e* вмѣсто *a*, напр. kwiet, wietrów, можно считать указаніем на архаическій выговор, не имѣвшій здѣсь еще настоящаго *a*, а весьма *узкое a*, или же весьма *широкое e*, для изображенья каковoго звука естественно брали то *a*, то — *e*. С другой стороны в этих текстах, представляющих в значительной степени передѣлки (скорѣе звуковые переклады, чѣм переводы) с чешскаго, написанье через *e* иногда могло бы быть просто механическим воспроизведеніем чешскаго образца.

Да и в болѣе позднее время иное *e* вм. *a* позволительно обьяснять чешским вліяніем, ибо с чехами встарину было постоянное общеніе, и язык их был в модѣ [2]). Так выраженіе na mą wierę, вм. na mą wiarę, я готов поставить на счот чехизующим шляхтичам, кои (думаю так наперекор Брюкнеру) [3]) отлично могли замѣнить чеш-

---

ficzny królewstwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom VIII. Warszawa 1887.

[1]) Бодуэн-де-Куртенэ, О древне-польском языкѣ до XIV столѣтія. Лейпциг 1870, стран. 77, прим. 3.

[2]) Łukasz Górnicki, Dworzanin polski, Księga I; Wład. Nehring, Ueber den Einfluss der altčechischen Literatur auf die altpolnische, Arch. f. slav. Philol., Band I u. II, особенно введеніе, т. I, стр. 60—71.

[3]) A. Brückner, Zur Stellung des Polnischen, Arch. f. slav. Philol., Band XXII, 237—238.

скія окончанія соотвѣтственными польскими — na mu wieru было бы уж слишком грубым чехизмом, — но тѣм не менѣе сохранить чешскую огласовку: сравним русскій выговор „одёжда“, при народном „одёжа“ и вполнѣ книжном „одежда“, или „увлёк—увлечь“ при церковных фонемах „оувлѣклъ—оувлѣшти (-ещи̇)“ и русских „уволо́к—уволо́чь“. Также obiedwać я не затруднился бы признать чехизмом, пришедшим притом двумя путями: и через церковныя книги, и через уста шляхтичей, могших щеголять чешским obědvati, как иной нѣмец французским dinieren, или петербургская прислуга нѣмецким „фры́штык“ вмѣсто „завтрак“. Легко тоже предположить, что выговор krzesło, вм. ожидаемаго krzasło (что̀ тоже встрѣчается) [1]), вмѣстѣ с самым предметом, пришол от чехов. Впрочем, слово krzesło допускает ещо иное толкованье, о чом ниже, в главной части этой замѣтки.

В других случаях можно видѣть вліяніе русское (а именно бѣлорусское и малорусское). Так, кажется, bies первоначально не польское слово, а русское, что̀ утверждает Линде: „Bies, bis, a m. z Ruska, czart, diabeł, szatan, zły duch“, и за что̀ говорят приводимые им стихи Папроцкаго:

Rusini, swym językiem gdy komu łajali,
Biesy, to jest szatany, często wspominali“,

а также слова̀ Мартына Бѣльскаго: „Po wielkiej części było w niej [в прусской рѣчи] słów ruskich: co się stąd znaczy, iż Ś. Wojciecha (jako w jego żywocie stoi) nazwali biesem, po rusku, czartem“. O Prusiech [2]). Самое русское вліяніе, надо думать, было здѣсь двоякое—бѣлорусское и малорусское, и это отразилось в колеблющей-

---

[1]) По указанію Брюкнера, в только что цитованной статьѣ, стр. 238.

[2]) Marcin Bielski, Kronika polska, Księgi Pierwsze, str. 63. Это мѣсто, вѣроятно, соотвѣтствует Линдевской ссылкѣ „Bielsk. Kr. 44“ — я цитую по старопечатному изданію, без заглавнаго листа.

ся огласовкѣ: bies и bis. Bies могло, конечно, придти и от чехов, и мы, пожалуй, тут, как и индѣ, должны послѣдовать совѣту Бодуэна [1]) не выбирать между двумя одинаково возможными причинами, а принять их совмѣстное дѣйствіе [2]). На счот русскаго или чешскаго вліянья позволительно будет отнести и нѣкоторые из слов, коими мы затруднимся ниже.

Но ка́к смотрѣть на такіе случаи, как bieda, cena, dziȩło?

Естественно думать, что в них, хотя и был в древнѣйшую эпоху тот же звук ѣ, который слышался в каких-нибудь siadać, piana, cały, но что̀ имѣлась разница в ударевьи, или же в количествѣ. И вот, сама собой напрашивается мысль, что долгота ѣ-я, сказывающаяся до сих пор в „сжатіи" или „наклонѣ", приближающем звук *e* к *i*, либо прямо превращающем его в *i* (piérze, dziécię), мѣшала расширенію ѣ-я в *a*, так что в *a* переходил только ѣ *краткій*.

Рѣшительно в пользу такого толкованія говорит параллелизм польской предметницы bieda с чешскою bída, при междометьях biada и běda, а также dzieło и dílo дѣло, при działo — dělo пушка.

Однако в значительно большем числѣ случаев нѣт соотвѣтствія.

Впрочем в иных словах легко предположить древнеславянское колебанье ударенія, а вслѣдствіе того — колебанье чешско-польскаго количества. Так, польское *a* в biały противурѣчит, по моей теоріи, чешскому *í* в bílý, но зато соотвѣтствует сербскому выговору б ӣ ј е л ӣ, с нисходящею долготой, которая у сѣверозападных славян под-

---

[1]) Baudouin de Courtenay, Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, Band VI, S. 41.

[2]) То̀ обстоятельство, что слово bies не чуждо народной рѣчи (Jan Karłowicz, Słownik gwar polskich, Kraków 1900), понятное дѣло, не доказывает его туземности.

лежала сокращенію: сравним чешск. hrad, при сербском гра̑д; чешская долгота здѣсь, видно, идёт из именных форм: bíla, bílu и т. д. (посербски бијѐла, -лу). То́ же соотношенье замѣчается между польским rzadki, чешским řídký, и сербским ри̏јеткӣ. (Этот прикладок у чехов уж несомнѣнно представляет подражательную огласовку в сравнительной степени řidší и в производной предметницѣ řidkost). Подобным же образом и предметница dział, несогласная с чешскою díl, соотвѣтствует сербской ди̏о, ро́дник ди̏јела, и русскому областному выраженью на дѣлу̀ („на дѣлу̀ не обдѣли́"), предполагающему склоненіе „дѣл—дѣ́ла"; чешскую же долготу можно сопоставить с другим сербохорватским выговором: ди̏јел (ди̏о), дијѐла [1]).

Нерѣдко разногласье может зависѣть от первоначальнаго колебанья ударенія по падежам и подравненья в одном из обоих языков, или же и в том, и в другом, но в разных направленіях. Так, польское слово wiatr, расходясь с чешским vítr, сходится с его косвенниками: větru и т. д. Польское имя Piast, очевидно, тождественное с чешским реченьем píst и с русским пест-песта́, я вывожу из назывно-винильнаго падежа, который мог имѣть спускное ударенье (что̀ и повело к сокращенію), тогда как в косвенниках ударенье было оттяжечное, подьёмное, сказавшееся у чехов перенесённою затѣм и на назывно-винильный падеж долготой [2]).

---

[1]) Mažuranić, Anton, Slovnica hèrvatska. U Zagrebu 1869, стран. 16, прим. 1. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademije znanosti i umjetnosti. Dio II.

[2]) Ходячее теперь мнѣніе, будто при наконечном удареньи косвенников безнаставочный назывно-винильник имѣл ударенье подьёмное, оттянутое с онѣмѣвших ера и еря, я считаю ошибочным. 1) Само по себѣ невѣроятно, что конечный глухой звук, онѣмѣвшій во всѣх новославянских языках, когда-либо был носителем ударенія. 2) Соотвѣтственныя литовскія окончанья -as и -ą рѣшительно чуждаются ударенія. (Греческій

То же самое можно предположить для слова pian отвѣс при чешском pín шпенёк в суконничьей рамѣ: soukennický hřebík na rámu, хотя к нему нѣт ни русской, ни сербской параллели. В разновидности же его pion должно быть надо видѣть вторичный, подражательный наклон ятеваго *a* [1]).

Подобным же образом я толкую и польское piasek при чешском písek. Примыкая к наблюденію Шахматова, для сербохорватскаго языка, что бѣглые гласники назывно-винильнаго падежа первоначально не были носителями ударенія [2]), так что склоняли, напр., пȍсал — послȁ, ȍван — овнȁ, пȇсак — пȇскȁ, я вижу в чешском písek отраженье долготной огласовки косвенников (его же можно усмотрѣть и в вышеприведённом Pieskowa skała, при чешском pískowý), а в польском piasek — отраженье краткостной огласовки сѣверозападнаго назывно-винильника пȅсък вмѣсто пȇсък [3]). Это тол-

и санскритскій выговор ποταμός, -μόν, devás, -vám и т. п. я не затрудняюсь признать вторичным плодом подравненія акцентовки, в пользу чего говорят самыя окончанія -os, -om, а не -es, -em. Та́к же я смотрю на ударяемыя часто и литовцами -us да -is, так как они представляют слабую огласовку). 3) Какія-нибудь чакавскія králj, kónj легко могли принять подьёмное ударенье взамѣн спускного, т. е. приблизить ударенье к концу, гдѣ нельзя было на слог, хоть на полслога, в угоду наконечному акцентованію косвенников; тѣм болѣе русское произношенье корóль может быть замѣною древнѣйшаго *кóроль.

1) Этот наклон можно представить себѣ двояко. Или он возник по образцу таких соотношеній, как мужескій род sám при женском sama, а впослѣдствіи *a* (либо замѣнившее его настоящее *o*) зашло в косвенники, или же — в болѣе раннюю пору — здѣсь произошла сдѣлка между кратким *a* одних падежей и долгим *e* — других, породившая долгое *a*.

2) А. Шахматов. К исторіи сербохорватских удареній. Варшава 1888, стран. 14, = Рус. Фил. Вѣст., том XIX, стр. 170.

3) Такое же соотношеніе я усматриваю между выговором Wiedeń, почешски Víděň, и старопольским Wiadeń (Nehring, Altpolnische Sprachdenkmäler, Berlin 1886, S. 94).

кованье примѣнимо и к меньшильницам lasek и kwiatek, при чешских lísek и kvítek, так что у них можно обойтись без подражанья первичницам las и kwiat, которыя однако (думается мнѣ) всётаки вліяли в пользу рѣшительнаго возобладанія звука *a*.

Кое-гдѣ польское *a*, не находя себѣ параллели в собственно-чешской рѣчи, найдёт её в словацкой: так мы можем сравнить польскія jadło и lato, вмѣсто чешских jídlo и léto, со словацкими jedlo и leto. (Впрочем и чешская рѣчь представляет, в соотвѣтствіе польскому latoś, — letos, да ещо и множи́нные косвенники let, letům, -ty, -tech).

Больше других случаев я затрудняюсь словами dziatki при чешском dítky, jadać при чешском jídati, laska палочка, трость при чешском líska орѣшник (также lísa, -ska плетень, ограда, овчарня) и miazga при чешском mízha. Dziatki едвали можно обьяснять звуковым развитіем одного падежа, ро́дника дѣтъкъ, через д ѣ̂ т ъ к, д ѣ̏ т ъ к, в dziatek; jadać не очень удобно выводить из основного ꙗдати, оправдывая чешское í заимствованіем у предложных глаголов. (В самое заимствованіе я вѣрю, но думаю, что оно уже в праславянском создало дублет ѣ д а т и к j а д а т и). Laska также недостаточно обьясняется вліяньем, не очень близкаго по значенію, слова las. Особенно же затруднительно слово miazga: для него не годится, повидимому, ни одно из указанных обьясненій. Единственное оправданье, которое я могу здѣсь подобрать, это — количественное различье между вліявшими друг на друга словами мѧзга и мѧздра. Вліянье одного из этих слов на другое мнѣ казалось необходимым допустить уже в Дополненіях к разбору Миклошичева Этимологическаго словаря, из-за малорусских слов м я з г (мезга) и мя́ з о к сердцевина, оно нужно также для польскаго miazdra и для сербскаго (черногорскаго) ме́ з г а древесный сок: с *е* = ѧ, а не съ *ије* = ѣ; двоякость корней сохранена чехами, у коих рядом с mízha стоит mázdra, и словенцами — в народном произношеньи mejzga и mjezdra. Но

краткость для одного из этих корней я могу только предположить: на дѣлѣ вездѣ является долгота.

В иных случаях противурѣчье между польским *a* и чешскою долготою устраняется старинным и областным выговором, представляющим требуемое *e*. Таковы старинное jezda вмѣсто jazda и старинное и областное powiedać (стяженно — pedać) вмѣсто powiadać [1]), при чешских jízda и povídati.

Вторичныя jazda и powiadać нельзя, кажется, объяснить ничѣм иным, как привычкою к органической смѣнѣ звука *e* звуком *a*, соотвѣтственно чередованью за ними зубного звука мягкаго и твёрдаго, т. е. подобной же подстановкой, как появленіе в меньшильницѣ piosnka, вмѣсто встрѣчающагося встарину piasnka, звука *o*. На счот такой подстановки позволительно будет отнести, быть может, и нѣкоторые другіе случаи с *a* вмѣсто *e*. Так wiara и miara, при чешских víra и míra, вряд-ли могли возникнуть только на основаньи (отчасти даже, по значенію этих слов, мало употребительных) падежей вѣрож, вѣръ, вѣрамъ, -ами, -ахъ, чешских věrou, věr, věrám, -ami, -ách, мѣрож и т. д., и проведенье здѣсь, кромѣ давально-мѣстнаго падежа, wierze, mierze, звука *a* должно объяснять обычным в аналогичных случаях появленіем перед значительною твёрдостью *a*, при *e* — перед мягкостью: las при w lesie, leśny, gniazdo при gnieździć się, biały при bielszy, bielić, могли вызвать рядом с wierze, wierzyć, mierze, mierzyć — wiara и miara. Такое оправданье для *a* на мѣстѣ долгаго ѣ можно принять, на ряду с выше приведёнными, а отчасти и одно, для слов jadło, lato, dziatki, jadać, laska и miazga [2]).

---

[1]) Брюкнер, Archiv für slavische Philologie, XXIII, 237.

[2]) Областной *наклон* ятеваго *a*, в каких-нибудь опольских kwiátek, piásek, pozjádać, jádųo, "obiád (Lucian Malinowski, Ueber die Oppelnsche Mundart in Oberschlesien, Leipzig 1873, стран. 7) или в бродницко-кашубских látac, dzád, řádko, přejázd, biáły (Leon Biskupski, Die Sprache der brodnitzer Ka-

E вмѣсто ожидаемаго *a* мы встрѣчаем лишь изрѣдка. Таков глагол rzezać при чешском řezati. Это противурѣчье отчасти устраняется тѣм, что встарину мы читаем и rzazać, отчасти тѣм, что порусски при глаголѣ рѣ́зать—рѣ́жешь имѣется многократный глагол (от)рѣза́ть—(от)рѣза́ешь, в соотвѣтствіе чему естественно ожидать у сѣверозападных славян количественныя колебанія, отчасти тѣм, что долгота стоит на лицо в чешском říznouti, куда очевидно заимствована из других видов, рѣ́зати или рѣза́ти, ибо ѐновым глаголам свойственна слабая огласовка, которая и является в польском rznąć. Послѣднею фонемою, с ея выпадною огласовкою, я склонен оправдать возобладаніе здѣсь звука *e* — обычнаго *бѣглаго* гласника. Такова еще предметница krzesło, если не считать её, как выше сдѣлано, чехизмом. Слово это, как мы видѣли на стран. 205, прим. 1, представляет и правильное соотвѣтствіе чешскому křeslo, в видѣ krzasło, а krzesło можно оправдать древним колебаньем огласовки, сославшись на словацкое krieslo. Таково, наконец, и слово cena, которое я в своей «Краткой фонетикѣ и морфологіи польскаго языка», стран. 5, напрасно пытался оправдать ссылкою на отвердѣнье звука *ц*, забыв про прикладок cały [1]) и родственный ему глагол całować, в чом уж и повинился в „Отзывѣ о II-ой части труда Орд. Проф. Т. Д. Флоринскаго «Лекціи по славянскому языкознанію» Санктпетербург 1900“, стран. 50 [2]). Теперь я полагаю, что польское cena отражает в себѣ сѣверозападное цѣ́на, с подьёмным удареньем, и вполнѣ соотвѣтствует русскому выговору цѣна́, сербскому циjѐна,

---

schuben im Kreise Karthaus, Leipzig 1883, стран. 45 и 56) могут быть истолкованы по второму пункту 1-го примѣчанія на моей 208-ой страницѣ.

[1]) Cały правильно соотвѣтствует чешскому celý и сербскому ци̂jели̑.

[2]) «Отчет о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго в 1898 г.», стран. 250.

чешскую же краткость я вывожу из винильника цѣ̂нж, и из множи́нных форм цѣ̂ны, цѣ̂н, находящих себѣ соотвѣтствіе в русском выговорѣ цѣ́ну, цѣ́ны и в сербохорватском, по Мажураничу, — цӥjену, -не [1]. (Порусски также, хотя не всегда, цѣ́нам, -ами, -ах).

В виду вышеизложеннаго должно признаться, что не всѣ случаи той или другой замѣны ѣ-я перед твёрдыми зубника́ми обьясняются с достаточной убѣдительностью [2]; но выставленный мною закон расширенія исключительно краткаго ѣ-я, при обращеніи долгаго в *е*, мнѣ представляется вѣроятным сам по себѣ, а нѣкоторые примѣры говорят за него достаточно краснорѣчиво.

Роман Брандт.

Москва.

[1]) Slovnica hèrvatska, стр. 46.

[2]) Подготовляя настоящую статейку, я просмотрѣл цѣликом, выписывая слова̀ с ѣ-м перед зубника́ми, словарь Потоцкаго (Словарь польскаго и русскаго языка, составленный Фр. А. Потоцким. Часть I. Польско-русская. Лейпциг 1873), равно как словарики при Нерингском изданіи Флоріанской псалтыри и при его старопольских памятниках, да еще при изданьи Софіиной библіи, Малэцкаго, и попытался посчитаться со всѣми случаями, требовавшими особаго разсмотрѣнія.

Гипотеза о славянскихъ заимствованныхъ словахъ изъ германскаго.

Въ спорѣ о родинѣ древнеславянскаго языка, который велся между Добровскимъ и Копитаромъ, этотъ послѣднiй, для того чтобы обосновать свою гипотезу о хорутанскомъ происхожденiи древнеслав. яз., придавалъ особенное значенiе славянскимъ заимствованiямъ изъ германскаго; онъ былъ увѣренъ, что эти слова только на сѣверѣ могли стать достоянiемъ древнеславянскаго языка. Въ письмѣ отъ 28 декабря 1822 года онъ писалъ Добровскому: „Dico ergo, coeptam esse a Methodio literaturam in Slavis, qui jam habebant christianismum a Germanis, ergo in Karantanis, sed continuatam post 24 primos annos, per tria — 4 secula in Bulgaris, Serbis, Russis. Illinc explices *krst*, *crky*, *post*, *pop* etc. hinc bulgarismos Methodii“ [1]. Вскорѣ Копитаръ увеличилъ число германскихъ словъ, которыя говорили въ пользу его гипотезы [2]. Въ письмѣ своемъ отъ 14 мая 1825 г. онъ пишетъ Добровскому: „Wenn Sie die Germanität von црькы, крстъ, олтарь, мнихъ, постъ, гонезну, столъ, римъ, оупвати, пенезь nun leugnen“ [3]. Добровскiй вовсе не желалъ разсматривать этотъ вопросъ такимъ образомъ въ письмахъ

[1] И. В. Ягичъ, Письма Добровскаго и Копитара I (Сборникъ Имп. Акад. Наукъ, т. 39. 1885), 484.

[2] L. c., 502—3.

[3] L. c., 516—7; ср. 534 и 514.

къ Копитару. Впрочемъ, и въ послѣдующей борьбѣ за родину древнеславянскаго языка не придавали большого значенія этимъ его доказательствамъ. Но въ недавнее время академ. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи древнеславянскаго языка [1]) снова затронулъ излюбленныя его доказательства: „Da Dobrovský, пишетъ акад. Ягичъ, auf Kopitar's Einwendungen Antwort schuldig blieb, so dürfte es angezeigt sein, die Frage zu stellen, wie wir uns heute dazu verhalten". Отвѣчая на этотъ вопросъ, акад. Ягичъ прибавляетъ, что слово олтарь, быть можетъ, „sogar in Constantinopel von den dort gewesenen und vielleicht ausdrücklich zu diesem Zwecke zurückgebliebenen Gliedern der Gesandschaft dem Constantin... eingegeben worden... Dasselbe könnte bei попъ, хрьстити, црькы, постъ der Fall sein". Хотя онъ и признаетъ, что всѣ эти слова вошли въ древнеславянскій языкъ во время дѣятельности Сл. Просвѣтителей въ Паннонія и Моравіи, тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что они и въ такомъ случаѣ не могутъ опровергнуть теорію о македонскомъ происхожденіи древнеславянск. языка, и прибавляетъ въ концѣ своего изслѣдованія: „Ich muss übrigens hier, wie ich es schon bei einer anderen Gelegenheit gethan, hervorheben, dass mir Entlehnungen mit *ц* für das deutsche *k*, wie in цирки, цѣсарь, цѧта (die analog sind den Lehnwörtern кънѧзь, пѣнѧзь) älteren Datums zu sein scheinen und nicht erst um die Mitte des 9 Jahrhunderts in den slavischen Sprachschatz aufgenommen".

Если предположеніе акад. Ягича о томъ, что заимствованія изъ германскаго имѣли мѣсто раньше дѣятельности Сл. Первоучителей, вѣрно, то не трудно придти къ заключенію, что они относятся, быть можетъ, къ германскимъ племенамъ, находившимся въ VI и VII стол. на Балканскомъ полуостровѣ. Вѣдь извѣстно, что еще

---

[1]) V. Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache, I (Denkschriften der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, Band 47, 1900), 81—3.

съ 3-го вѣка послѣ Р. Хр. германскія племена начали заселять нѣкоторыя части Балканскаго полуострова, такъ что въ IV вѣкѣ нѣкоторыя мѣстности его были уже ими вполнѣ колонизованы. Вторженія германскихъ племенъ на Балканскій полуостровъ повторялись неоднократно; они имѣли мѣсто въ большихъ размѣрахъ въ особенности въ V в., когда, вслѣдствіе смерти Атилы, рухнуло гунское государство и началось новое передвиженіе народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе германскихъ государствъ. Восточные готѳы взяли Паннонію [1]), откуда потомъ нападали на Балканскій полуостровъ и полонили его. Но въ это время и на Балканѣ находимъ готѳовъ въ Эпирѣ около Драча (Durrachium), на нижнемъ Дунаѣ около Никополя и, наконецъ, во Ѳракіи. Эти готѳы, несомнѣнно, представляютъ тѣхъ, относительно которыхъ разсказываетъ Прокопій (De bello goth. IV, 5; ed. Comparetti, III, 28), что они, тѣснимые Гуннами, перешли Дунай: „Καὶ πολλὰ μὲν τοὺς ταύτῃ ᾠκημένους δεινὰ ἔδρασαν, μετὰ δὲ δόντος βασιλέως ᾠκήσαντο ἐς τὰ ἐπὶ Θράκης χωρία“. Въ другомъ мѣстѣ (De bello goth. I, 1; ed. Comp. I, 5) упоминается также о нихъ: „Τότε οἱ ἐπὶ Θράκης δόντος βασιλέως κατῴκηντο“. Этими готѳами правилъ Ѳеодерихъ Страбонъ, готѳскій князь [2]), который въ то время, когда на Балканскій полуостровъ пришелъ Ѳеодерихъ Аманскій съ войсками, былъ его естественнымъ соперникомъ, такъ что между ними дошло до столкновенія. Свои войска Ѳеод. Стр. высадилъ во Ѳракіи и былъ удостоенъ самыхъ высшихъ военныхъ званій [3]). Но въ то время, когда вступилъ на престолъ императоръ Зенонъ (478 г.), Ѳеодерихъ

[1]) L. M. Hartmann, Gesch. Italiens im Mittelalter, I (1897), 63—4; W. Barth, Kaiser Zeno (1894), 14—5.

[2]) Онъ „durch manenhafte Anlockung soldbegieriger Barbaren sich einen Anhang gebildet... Diese angesammelten Streitkräfte stationierte Theoderich.... im südlichen Thrakien“. W. Barth, l. c., 16.

[3]) L. M. Hartmann, l. c., 66; W. Barth, l. c., 25.

Страбонъ впалъ въ немилость, а Θеодерихъ Аманскій былъ вознагражденъ высокими военными и гражданскими званіями, былъ даже усыновленъ императоромъ и получилъ кромѣ того годовую дань и мѣсто для пребыванія его войскъ въ Мезіи. Между тѣмъ Θеод. Стр. „blieb trotz Allem in Thrakien und hatte grossen Zulauf“ [1]). Наконецъ, между ними дошло до открытой войны. Но они вскорѣ послѣ этого помирились, сговорившись совмѣстно дѣйствовать противъ Византіи. Не смотря на это, Страбонъ измѣнилъ своему союзнику, который теперь собралъ всю свою разношерстную массу солдатъ и началъ грабить въ Македоніи и Эпирѣ. Θеод. Стр. разошелся опять съ императоромъ и сблизился съ Θеод. Аман. И когда въ 481 году онъ умеръ, его войско сплотилось съ войсками Θеодориха. Императоръ, въ концѣ концовъ, былъ принужденъ помириться съ нимъ, дать ему званіе главно-командующаго, назначить его консуломъ на 484-й годъ и дать ему взамѣнъ его войска Дакію ripensis и Нижнюю Мезію [2]). Но эта новая родина была для готθовъ слишкомъ тѣсной, и они вскорѣ послѣ этого начинаютъ уходить во Θракію. Византійскому двору казалось въ высшей степени желательнымъ избавиться отъ такихъ сосѣдей (готθовъ), и, въ дѣйствительности, дипломатіи Зенона удалось направить и послать въ Италію Θеодериха и его готθовъ осенью 488 г. противъ Одоакра [3]).

Но не всѣ готθы ушли съ Θеодерихомъ въ Италію. Часть готθовъ осталась тогда во Θракіи и сохраняла еще долго свою національную индивидуальность. Они представляли отдѣльное національное цѣлое еще и въ то время, когда славяне начали появляться на Балканскомъ полуостровѣ, въ особенности во Θракіи, въ большомъ количествѣ, и приходить несомнѣнно въ соприкосновеніе съ ними.

Прокопій, разсказывая о войнахъ Византіи съ готθа-

---

1) L. M. Hartmann, l. c., 67.
2) L. M. Hartmann, l. c., 64—70; W. Barth, l. c., 64—76.
3) L. M. Hartmann, l. c., 72; W. Barth, l. c., 118.

ми въ Италіи, утверждаетъ, что въ войскахъ Велизарія былъ нѣкто Βέσσας, который „Γότθος μὲν ἦν γένος τῶν ἐκ παλαιοῦ ἐν Θράκῃ ᾠκημένων Θεοδερίχῳ τε οὐκ ἐπισπομένων, ἡνίκα ἔνθενδε ἐς Ἰταλίαν ἐπῆγε τὸν Γότθιον λεών...“ (De bello goth. I, 16; ed. Comp. I, 121). Въ персидской войнѣ въ византійскихъ войскахъ были два полководца изъ готѳовъ: „Γοδίδισκτός τε καὶ Ἐβέσας, Γότθοι ἄνδρες, Γότθων τῶν οὐκ ἐπισπομένων Θεοδερίχῳ ἐκ Θράκης ἰόντι...“ (De bello Pers. I, 8; Ed. Bonn. I, 39) [1]. Въ то время, когда, какъ указано, готѳы находились во Ѳракіи, славяне доходили уже до этой страны. Уже Прокопій разсказываетъ о томъ, что славяне во время готѳскихъ войнъ: „τὰ... Θρᾳκῶν καὶ Ἰλλυριῶν, ἀδεέστερον ἐληΐζοντο, καὶ φρούρια πολλὰ πολιορκίᾳ εἷλον“ (De bello goth. III, 38; Ed. Comp. II, 447). Менандръ же говоритъ, что „κατὰ δὲ τὸ τέταρτον ἔτος Τιβερίου Κωνσταντίνου Καίσαρος βασιλείας ἐν τῇ Θράκῃ ξυνηνέχθη τὸ Σκλαβηνῶν ἔθνος μέχρι που χιλιάδων ἑκατὸν Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ ληΐσασθαι“ (Hist. Graeci Minores II, 98; Ed. Dindorf, y Teubn.) [2].

Ѳеофилактъ Симокатскій также разсказываетъ, что Коментіонъ „κατὰ τὴν Θράκην ἐπιὼν ἀπελαύνει τῶν Σκλαυηνῶν τὰ πλήθη“ (Ed. de Boor, 52; y Teubn.; ср. 230 и 249), и въ другомъ мѣстѣ: „Τὸ δὲ Γετικόν, ταὐ-

---

[1]) Іорданъ упоминаетъ о томъ, что въ началѣ второй половины VI вѣка жило много готѳовъ въ Мезіи около Никополя (Jordanes, De origine actibusque Getorum, c. 51.)— О томъ, что одна часть готѳовъ осталась, упоминаютъ вполнѣ вѣрно L. M. Hartmann, l. c., 72 и W. Barth, l. c., 119.—Excerpta же Valesiana (Ed. Gardthausen, Amianus Marcellinus II, 293 — y Teubn.) не упоминаютъ объ этомъ. — У N. Nodila говорится ошибочно, что Теодерихъ „pribra sve Ostrogote i krenu, u jeseni god. 488. na Germane u Italiji“. Ср. Bizantija i Germanski Zapad do smrti cara Justinijana, I (1900), 58.

[2]) Ср. Іоанна Эфесскаго, переводъ I. M. Schönfelder'a (1862), 255.

τὸν δ᾽ εἰπεῖν αἱ τῶν Σκλαυηνῶν ἀγγέλαι, τὰ περὶ τὴν Θράκην ἐς τὸ καρτερὸν ἐλυμαίνοντο“ (l. c., 116—117) [1]).

Такимъ образомъ, когда въ концѣ V в. масса готѳовъ пошла съ Ѳеодерихомъ въ Италію, одна часть ихъ всетаки осталась во Ѳракіи и упоминается въ ней еще во второй половинѣ VI ст., стало быть, въ то время, когда славяне въ этихъ краяхъ уже появились. Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, славяне были уже осѣдлыми на Балканѣ и вступили, по всему вѣроятію, въ сношенія съ частью оставшихся готѳовъ, которые въ то время были уже христіанами [2]).

Отъ нихъ и могли славяне получить германскія слова, казавшіяся столь многозначащими Копитару. Это не противорѣчило бы и времени, которое указываетъ Ягичъ, говоря, что эти слова „älteren Datums... und nicht erst um die Mitte des 9. Jahrhunderts in den slavischen Sprachschatz aufgenommen“ [3]), и мѣсту, относительно котораго онъ говоритъ: „dass die Heimat (der kirchenslavischen Sprache) irgend wo im Süden, von Süd-Macedonien angefangen bis gegen Constantinopel zu suchen... ist“ [4]).

Ст. Станоевичъ.

Бѣлградъ, 1 ноября 1901.

---

[1]) Ср. O. Pniowez у K. Müllenhof'a, Deutsche Alterthumskunde, II (1887), 386—9; Fr. Kos въ Izvestja Muzejskega Društva za Kranjsko 1898, 90—5 и 109—121.

[2]) Ср., напр., Ch. Diehl, Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle (1901), 375—7.

[3]) V. Jagić, Zur Entstehungsgeschichte, I, 83.

[4]) Op. c., II, 56.

СТАРОСЛАВЯНСКІЯ
ЧЕСО, ЧЬСО.

Въ то время, какъ ни одна изъ многихъ теорій, предложенныхъ для объясненія славянскихъ мѣстоименныхъ родительныхъ kogo, togo, jego, не можетъ считаться общепринятою, почти всѣ лингвисты согласны между собою по отношенію къ вопросу о происхожденіи род. česo (čьso) при им. čьto. Въ *-so* они видятъ при этомъ индоевропейское окончаніе родительнаго *-so* и сопоставляютъ česo съ греч. гом. τέο, готск. hvis; форма čьso новѣе по своему происхожденію, именно она имѣетъ *ъ* вмѣсто *е* по аналогіи им. вин. čьto (см., напр., Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка Ф. Ѳ. Фортунатова, Москва 1888, стр. 96 сл.; Brugmann, Grundriss, II, 779 и др.). Итакъ, česo представляетъ собою единственное образованіе славянскихъ языковъ, сохранившее старый индоевропейскій суффиксъ родительнаго *-so*, вытѣсненный вообще въ склоненіи мѣстоименій окончаніемъ *-go*, неяснымъ по своему происхожденію.

Другое объясненіе предложено въ послѣднее время Г. А. Ильинскимъ въ статьѣ: «Родительный-ли падежъ мѣстоименіе чьсо?» (Извѣстія Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., VI, кн. 2, стр. 222—234); здѣсь онъ пытается лишить чесо (чьсо) права считаться древними, индоевропейскими образованіями и разсматриваетъ ихъ какъ новыя явленія, возникшія уже на славянской почвѣ.

Такого рода попытка должна обратить на себя вниманіе уже по той причинѣ, что новообразованія, возник-

нія на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, на первый взглядъ нерѣдко могутъ казаться очень древними фактами. Чтобы не уклоняться далеко въ сторону, спросимъ себя, напр., развѣ современныя сербскія формы настоящаго времени глагола „быть“ 1 мн. smo, 2 мн. ste не производятъ такого впечатлѣнія, будто онѣ непосредственно произошли изъ индоевроп. *smo, *st(h)e, будучи тождественными съ древнеинд. smás, sthás? Развѣ нельзя на первый взглядъ сербское kȍ „кто“ объяснять прямо изъ индоевроп. *qos, откуда литовск. kás, древнеинд. kás? Однако, ближайшее изслѣдованіе исторіи данныхъ фактовъ не замедлитъ обнаружить всю поспѣшность подобныхъ сопоставленій: сербск. smo, ste произошли въ самомъ сербскомъ языкѣ изъ jesmo, jeste при положеніи ихъ безъ самостоятельнаго ударенія, а сербское kȍ встрѣчается только начиная съ XV вѣка и произошло, вѣроятно, изъ tko (получившагося путемъ перестановки изъ kto), во всякомъ случаѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ косвенныхъ падежей koga, komu и т. д., не имѣвшихъ издревле въ началѣ *t*.

Возникаетъ теперь вопросъ, не принадлежитъ ли и česo (čьso) къ категоріи такихъ образованій, которыя лишь по недоразумѣнію могутъ считаться непосредственнымъ наслѣдіемъ глубокой старины? Важное значеніе этого вопроса оправдываетъ въ достаточной степени подробный разборъ доказательствъ г. Ильинскаго.

Обычное объясненіе лишь неудовлетворительно разъясняетъ двойственность формы род. česo—čьso — таковъ исходный пунктъ аргументаціи г. Ильинскаго. Именно, если čьso дѣйствительно получило ь подъ вліяніемъ čьto, то, по его мнѣнію, аналогичное явленіе должно было бы произойти и въ западнославянскихъ языкахъ, т. е. мы должны были бы найти здѣсь *čho, *czgo вм. čeho, czego; на самомъ дѣлѣ, однако, извѣстны только эти послѣднія образованія.

Что касается этого возраженія, то оно нисколько не подрываетъ прежняго объясненія. Именно, въ дѣйствитель-

ности, здѣсь мы не имѣемъ равенства, на основаніи котораго можно было бы построить приведенную выше пропорцію. Родительные западнославянскихъ языковъ čeho, czego не являются вѣдь древними образованіями, но представляютъ собою сравнительно позднія новообразованія по образцу прочихъ мѣстоименій, появившіяся лишь въ ту эпоху, когда старый родительный čьso, западнослав. čso, co получилъ значеніе имен. вин. пад., о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Какимъ же образомъ они могли подвергнуться тому нефонетическому измѣненію, о которомъ говоритъ г. Ильинскій? Какое обстоятельство могло дать поводъ для этого?

Итакъ, это соображеніе нашего автора совсѣмъ не опасно для господствующей теоріи.

Далѣе г. Ильинскій подходитъ къ объясненію разсматриваемыхъ образованій слѣдующимъ образомъ. Čьso, česo по своему происхожденію формы не родительнаго, а именит. винит. падежа. Подобно тому, какъ старое čь „что“ (сохранившееся въ старослав. ni-čь-že, болг. ће, чак. ča) соединилось съ *-to* и дало въ результатѣ обычное čьto, могло оно соединиться съ *-so*, представляющимъ „совершенно правильную форму именит.-винит. падежа ср. р. полузабытаго указательнаго мѣстоименія *съ* (=k'ъ)“. Такимъ образомъ, род. česogo, čьsogo (которые, замѣчу кстати, очень рѣдки и въ памятникахъ старославянскаго языка встрѣчаются только 3 раза наряду съ безчисленными česo, čьso), дат. česomu, мѣстн. česomь являются совершенно правильными образованіями по сложному склоненію, ср., напр., kojego, kojemu, kojemь. Основа če- (при čь-) представляетъ новообразованіе по аналогіи основъ на *-jo-*.

„Этотъ выводъ имѣетъ“, по мнѣнію г. Ильинскаго (стр. 230), „для насъ громаднѣйшее значеніе и сразу озаряетъ яркимъ свѣтомъ множество фактовъ, которые, при прежнемъ объясненіи нашихъ формъ, оставались совершенно непонятными“. Именно, становится понятнымъ:

1) почему мы имѣемъ čьso, а не čьcho, такъ какъ k͡o могло вѣдь дать только *-so*;

2) почему западнославянскіе языки употребляютъ co (изъ čьso), въ значеніи именит. винит.;

3) почему въ старомъ чешскомъ языкѣ и въ діалектахъ являются cse, ce и cso, co; *-se* представляетъ именно форму отъ основы *sъ-*.

Все это, по мнѣнію г. Ильинскаго, косвенныя доказательства правильности его объясненія; существуютъ, однако, также и прямыя доказательства, которыхъ тоже три, а именно:

1) въ старомъ русскомъ языкѣ česo является не только со значеніемъ родит., но и со значеніемъ им. вин.;

2) то же явленіе наблюдается и въ церковнославянскомъ языкѣ;

3) параллельныя образованія česomu : čьsomu и т. д. получаютъ весьма простое объясненіе.

Что касается самаго серьезнаго затрудненія, возникающаго при построеніи г. Ильинскаго, а именно вопроса, почему форма именит. винит. падежа получила значеніе родительнаго, то авторъ останавливается на немъ сравнительно мало: ničesože, по происхожденію винит. пад., въ отрицательныхъ предложеніяхъ стало съ теченіемъ времени замѣняться родит. ničesogože; оба образованія употреблялись параллельно и въ результатѣ смѣшались, тѣмъ болѣе, что неуклюжее ničesogože легко подвергалось упрощенію; такимъ путемъ ničesože получило значеніе родит., а по его аналогіи то же значеніе получили и простыя česo, čьso.

Что теорія г. Ильинскаго, сейчасъ мною изложенная, не выдерживаетъ критики ни въ одномъ пунктѣ, показать нетрудно.

Начнемъ съ послѣдняго пункта. Если объясненіе г. Ильинскаго справедливо, то мы имѣли бы въ исторіи всѣхъ индоевропейскихъ языковъ чуть ли не единственный примѣръ того, что именит. винит. падежъ получаетъ значеніе родительнаго, между тѣмъ какъ обратный слу-

чай, замѣна родительнаго винительнымъ, представляетъ собою явленіе, очень нерѣдкое какъ разъ въ славянскихъ языкахъ. Сколько нибудь убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія нашъ авторъ не можетъ привести. Именно, мы не имѣемъ права видѣть древнія, исконныя образованія въ родит. čьsogo, česogo, которыя встрѣчаются въ памятникахъ чистаго старослав. яз. только трижды (1 разъ въ Савв., 2 раза въ Супр. — и только). Они (если только они вообще существовали въ живомъ языкѣ), во всякомъ случаѣ, не что иное, какъ позднія и недолговѣчныя новообразованія по аналогіи дат. česomu, мѣстн. česomь, съ одной стороны, и родит. kogo, jego, съ другой стороны [1]), поэтому совершенно невозможно думать, будто они, между прочимъ, повліяли на то, что čьso, česo получили значеніе родительнаго. Далѣе, какимъ образомъ вообще могли получить значеніе родит. пад. такія образованія, которыя не имѣли никакихъ признаковъ этого падежа? Какъ разъ česogo показываетъ, что česo представляло неудобство съ этой именно стороны, и поэтому явилось стремленіе подчеркнуть значеніе родит. пад. присоединеніемъ *-go*. Это образованіе, исчезнувшее рано, является такимъ образомъ предшественникомъ появившагося впослѣдствіи во всѣхъ славянскихъ языкахъ новообразованія čego.

Далѣе возникаетъ вопросъ, касающійся центральнаго пункта разбираемой теоріи, а именно, можно ли вообще доказать существованіе въ славянскихъ языкахъ мѣстоименной основы *so*-? Само по себѣ это было бы вполнѣ возможнымъ, такъ какъ такая основа получилась бы изъ индоевроп. основы *k̑o*-, на которую указываютъ, между прочимъ, древнеисл. hann „онъ“, hon „она“ (ср. Brugmann, Grundriss, II, 769). Какіе же слѣды этой основы можно найти въ славянскихъ языкахъ, кромѣ предполагаемаго г. Ильинскимъ *so* въ čьso? Немногочисленные случаи, приводимые нашимъ авторомъ, пред-

---

[1]) См. также нѣсколько ниже.

ставляются мнѣ, во всякомъ случаѣ, спорными. Им. мн. *si*, встрѣчающійся нѣсколько разъ при обычномъ siji, притомъ только въ Супр., не дастъ никакихъ несомнѣнныхъ указаній на основу *so*-, такъ какъ его можно разсматривать, какъ новообразованіе подъ вліяніемъ sichъ, simъ, simi по аналогіи отношенія *ji* (въ jiže) : jichъ, jimъ, jimi, или, что еще проще, *si* представляетъ собою им. мн. отъ основы на *jo*-; измѣненіе *s* въ š, которое мы ждали бы, здѣсь не имѣло мѣста или было устранено точно такъ же, какъ въ sego, semu. sichъ, simъ и т. д., надо думать, подъ вліяніемъ падежныхъ формъ этого мѣстоименія отъ основы на *i*- (къ числу которыхъ въ историческое время, несомнѣнно, принадлежитъ им. ед. м. р. *sь*).

Род. мѣстн. мн. ч. въ словинскомъ яз. sêh, встрѣчающійся лишь въ оборотахъ: do sêh mal, po sêh mal „до сихъ поръ“, „отнынѣ“ (Miklosich, Vgl. Gram., III, 147) при do sih mal, po sih mal, является, понятно, новообразованіемъ по аналогіи têh; какъ на позднѣйшія новообразованія по аналогіи tú, tou, слѣдуетъ смотрѣть и на чешскія sú, sou въ выраженіяхъ: po sú dobu, po sou dobu (vgl. Gebauer, Hist. Mluvnice, III, 1, 509), такъ какъ въ древнѣйшую эпоху въ чешскомъ языкѣ въ качествѣ винит. ж. р. отъ *sь* извѣстны только śú, siú, sí = ст.-сл. sъją, siją.

Такимъ образомъ, основу *so* могли бы представлять въ славянскихъ языкахъ еще только слѣдующія нарѣчія: ст.-сл. sądu, otъsądu, русск. діал. суда, отсуда, старыя сербскія sudu, otsudu, чешск. dosud, odsud, на которыя и ссылается г. Ильинскій. Однако, по отношеніи къ основамъ мѣстоименій и нарѣчій не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду возможности появленія новообразованій: такъ, напр., въ литовскомъ яз. появились teĩp при taĩp по аналогіи szeip и, надо думать, szeñ по аналогіи teñ; прусск. stwendau вызвано вліяніемъ quendau (см. Berneker, Preuss. Spr., 204); въ русск. яз. сямъ появилось по аналогіи тамъ (въ со-

четаніи тамъ и сямъ), ср. еще діалектич: откеля, оттеля при отселя (ср. ст.-сл. selě—tolě, kolě). Итакъ; можно думать, что и sądu не что иное, какъ новообразованіе по аналогіи tądu, kądu, ovądu и т. д.; употребительное въ современномъ русскомъ яз. сюда (уже въ XII в. *сюд-* при *суд-*) получило смягченную согласную подъ вліяніемъ мѣстоименія сей, сего и т. д. (= śej, śevo) уже на почвѣ русскаго языка.

Въ чешск. и слов. sotva „едва" (при jedva) нельзя видѣть основу *so-*, какъ это дѣлаетъ г. Ильинскій, такъ какъ это слово не можетъ быть отдѣляемо отъ чешск. sotně „едва", sotný „тяжелый", sotiti „дѣлать что-либо съ трудомъ", sotna, sotně ж. р. „послѣднее издыханіе, борьба съ смертью" и, вѣроятно, отъ ст.-слав. setьnъ „extremus", болг. setně „потомъ, послѣ", naisetně „послѣ всего".

Итакъ, въ славянскихъ языкахъ нельзя найти указаній на основу *so-*, и, слѣдовательно, падаетъ главная опора теоріи г. Ильинскаго. Мнѣ остается еще показать, что факты, которые, по его мнѣнію, могутъ быть объяснены только при его точкѣ зрѣнія, не остаются безъ надлежащаго объясненія и при прежнемъ взглядѣ.

1) То обстоятельство, что мы находимъ čьso, а не *čьcho объясняется просто: въ ту эпоху, когда ъ изъ имен.-вин. čьto проникло въ род. česo, уже не дѣйствовалъ законъ, по которому *s* переходило въ *ch* послѣ небныхъ гласныхъ.

2) Также и тотъ фактъ, что западнославянскіе языки употребляютъ въ значеніи им.-вин. co изъ čьso, объясняется безъ всякихъ затрудненій и при старой точкѣ зрѣнія. Именно, слѣдуетъ исходить изъ сложенія ničьso. Этотъ родительный падежъ замѣнялъ винит. пад. во всѣхъ отрицательныхъ предложеніяхъ на основаніи извѣстнаго литовско-славянскаго правила; отсюда čьso, co въ значеніи им.-вин. пад. вопросительнаго мѣстоименія, вытѣснившее первоначальное čь; далѣе, оно вытѣснило и čьto, которое нѣкогда должно было существовать въ западно-

славянскихъ языкахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ моравскіе и словацкіе діалекты и верхнелужицкій языкъ (мор. ništ „ничего“, слов. діалект. ništ, вл. što „что“. Параллельно съ этимъ процессомъ происходило образованіе новаго род. czego, čeho. Замѣну родительнаго падежа именительнымъ-винительнымъ въ среднемъ родѣ вопросительнаго мѣстоименія мы находимъ въ славянскихъ языкахъ и въ другихъ случаяхъ, по всему вѣроятію, по той же самой причинѣ. Такъ, въ далматско-сербск. яз. старый родительный česa имѣетъ значеніе им.-вин. и позднее новообразованіе šta, возникшее сперва въ сложеніи ništa, употребляется въ современномъ сербскомъ языкѣ наряду съ što какъ им.-вин. Въ русскомъ языкѣ мы также находимъ подобныя явленія: ничего является въ значеніи именит. пад.: ничего его удивить не могло (Тургеневъ); Борису ничего не угрожало (Костомаровъ; ср. Körner, Ausf. Lehrbuch der russ. Sprache, стр. 460); по аналогіи, по крайней мѣрѣ въ великорусскихъ діалектахъ, употребляется род. чего въ значеніи вин. пад.; такъ, напр., въ пермской губерніи (Аѳанасьевъ, Р. н. ск., II, 78, 79): чево ты умѣёшь дѣлать?, (тамъ же, II, 104): чего дѣлаютъ на дѣдиной полянкѣ? Имѣя въ виду эти параллели, мы не найдемъ страннымъ западнославянское co, по происхожденію род. пад., въ роли именит.-винит.

3) Наконецъ, г. Ильинскій думаетъ, что въ его пользу говоритъ старое чешское czse, ce: по его мнѣнію, это тоже сложеніе, именно čь + se, ср. р. мѣстоименія *sъ*. Это образованіе представляетъ нѣкоторыя затрудненія для объясненія. Замѣчу, что оно засвидѣтельствовано не только въ чешскомъ, но и въ старомъ польскомъ языкѣ. Для чешскаго языка Gebauer даетъ много примѣровъ (Historická mluvnice, III 1, 464 ff.); что касается стараго польскаго языка, то я приведу нѣсколько примѣровъ: a on w *nycze* dowedze neeprzyyacele nasze Flor. Ps. 107, 14; y za *nyczse* gymyely sǫ szemǫ szǫdnǫ, ibidem, 105, 24; a nixecz ginsego

thamo ne sǫcz ony bily nalesly Gnes. Predigten (ed. Nehring) 181 b, 7. Въ обоихъ языкахъ, и въ польскомъ, и въ чешскомъ, czse, ce встрѣчаются только послѣ ni и ни разу не засвидѣтельствовано внѣ этого сочетанія. Въ соединеніи съ ni въ обоихъ языкахъ никогда не встрѣчается co; мы находимъ такимъ образомъ или образованіе съ гласною *e* въ концѣ, или безъ всякой гласной *-czs*, *-c*. Для чешскаго языка см. Gebauer, loco citato; для польскаго языка можно привести примѣры: a niczs my nedostone Fl. Ps. 22, 1; niczs sǫ ne nalezli 74, 5; niczs przespeie neprzyaczel w nem 88, 22; a o czalocz on nix ne dba Gnes. Red. 172 b, 10 (x, вѣроятно, вмѣсто cs).

Какъ объяснить эти образованія? Едва ли можно сказать, что здѣсь *o* фонетически измѣнилось въ *e*, или что оно отпало, измѣнившись въ *e*. Въ такомъ случаѣ подобное явленіе мы нашли бы и у простаго *co*, или, по крайней мѣрѣ, у nieco, něco, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы не находимъ ничего подобнаго. Навѣрное, въ исторіи *-czse* (*-ce*), *-czs* (*-c*) замѣшано отрицаніе *ni*. Послѣ *ni*, какъ извѣстно, сохранилось čь безъ *-to* особенно хорошо. Въ старослав. яз. засвидѣтельствовано ničьže и производный отъ него глаголъ uničьžiti; въ старомъ чешскомъ языкѣ w nywczez, въ старомъ польскомъ w niwecz (Fl. Ps. 57, 7 и т. д.); въ польскомъ яз. еще и теперь употребителенъ глаголъ niweczyć „уничтожить“. Итакъ, въ западнославянскихъ языкахъ существовало нѣкогда nič, какъ им.-вин. пад., на счетъ котораго распространялось ničьso, ničso: посредствомъ контаминаціи обоихъ образованій получилось ničs, nic. Съ другой стороны, старое ničь-žь, сложеніе съ -že, -žь, обыкновенно являющееся въ старославянскомъ языкѣ, должно было обратиться въ ničež: ср. ст.-чешск. w nywczez (также и въ сочетаніи съ предлогами: proč̌ež, načež). Какъ результатъ контаминаціи этого образованія съ старымъ ničso, и могли появиться ničsež, ničse (nice). Впрочемъ, можно было бы допустить, что разсмотрѣнныя

нами выше nič s, nic измѣнились въ nič se, nice подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей ničeho, ničemu, при чемъ дѣйствовала аналогія отношеній: se—seho, semu; vše—všeho, všemu, такъ какъ вѣдь им. пад. ср. р. мѣстоименій вообще не былъ извѣстенъ безъ гласной въ окончаніи. Сравните, что въ словацкихъ діалектахъ существуетъ, между прочимъ, če „что", гдѣ č и *e* перенесены изъ косвенныхъ падежей (Gebauer, 465); только č заимствовано изъ косвенныхъ падежей въ слов. čo и nič, верхнелуж. ničo. Въ польскомъ языкѣ уже послѣ того, какъ появилось nic вм. *nico, возникло и nikt изъ *nikto непосредственно подъ вліяніемъ nic (ср. только niekto, не *nickt); въ старомъ чешскомъ языкѣ по аналогіи nice было создано nikte (очень рѣдко простое kte вм. kto, Gebauer, 462), а nikt существуетъ лишь въ діалектахъ; слов. nik при nikto восходитъ, надо думать, къ *nikt. Вообще мы находимъ и въ другихъ случаяхъ, и при томъ какъ разъ въ западнославянскихъ языкахъ, взаимное вліяніе другъ на друга мѣстоименій kъto и čьto: такъ, верхнелуж. štó „кто" получило š подъ вліяніемъ što (изъ čьto), ср. něchtó, nichtó, гдѣ *ch* изъ *k*.

Перехожу теперь къ тѣмъ фактамъ, которые, по мнѣнію г. Ильинскаго, подтверждаютъ правильность его выводовъ.

1) Въ древнерусскомъ яз. является чесо не только въ значеніи родит., но также и им.-вин. падежа. Работа г. Соболевскаго, на которую ссылается г. Ильинскій, „Статьи по славянорусскому языку", Варшава 1883, мнѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстна, но примѣры, которые г. Ильинскій приводитъ изъ этихъ „Статей", равно какъ и примѣры, которые г. Соболевскій даетъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка"[2], 184, не говорятъ ничего въ пользу нашего автора, такъ какъ они касаются почти исключительно **ничьсо**: нѣсть ничьсо же таино; ничьсо же достоино съмьрти обрѣтохъ и т. п. Такіе примѣры извѣстны и изъ старославянскихъ памят-

никовъ: такъ въ Ассем. Іоанн. 1, 3: bež nego niče-sože ne bystъ (здѣсь Зогр. Мар. имѣютъničьtože), или въ Супр. 71: ni izvěštala ničьsože ni sъmě-reno ni nedostoino vrěmeni и т. п. Эти случаи объясняются, понятно, точно такъ же, какъ и появленіе ничего вмѣсто ничто въ современномъ русскомъ языкѣ (см. выше, что касается очень рѣдкихъ случаевъ, гдѣ является и простое чсо въ значеніи винит. пад., какъ, напр., крада чсо юму въпадяше (Пандекты 1296 г., 79), то съ ними можно сопоставить приведенное выше чего вм. что (пермск.). Впрочемъ, можно думать, что послѣ появленія новаго родит. чего старое чсо уже не сознавалось, какъ род. ед., при чемъ могло вліять и сходство съ что; на такое смѣшеніе обоихъ образованій указываетъ и то обстоятельство, что въ древнерусскомъ языкѣ нерѣдко встрѣчается что ради вмѣсто и при чсо ради.

2) Примѣры, приводимые г. Ильинскимъ изъ старославянскаго языка для предполагаемаго имъ употребленія česo въ значеніи им.-вин., ничего не доказываютъ. Въ примѣрѣ изъ Мар., Лук. 14, 14: не имѫтъ ти чесо въздати ти, чесо, понятно, зависитъ отъ отрицанія; ср. оборотъ русскаго яз.: закусите, чѣмъ Богъ послалъ. Еще болѣе неудачны примѣры: česo prosite и něčso prosęšti, такъ какъ prositi первоначально требовало родит. падежа, что ускользнуло отъ вниманія г. Ильинскаго.

3) Что касается образованій čьsomu, čьsomь при česomu, česomь, то и г. Ильинскій не можетъ привести для объясненія ничего другаго, какъ то, что ь здѣсь проникло изъ имен. *čьto (стр. 232), т. е. то же, что говоритъ и общепринятая теорія. Странной является ссылка на аналогію, представляемую образованіями či-jego, či-jemu, которыя будто бы получились изъ первоначальныхъ *čejego, *čejemu подъ вліяніемъ имен. čijь. Спрашивается, однако, какимъ образомъ можно допускать существованіе *če-jego и т. д.? чий,

первоначальное чьй (какъ показываетъ русск. чей, чьего), не что иное, какъ притяжательное прилагательное, образованное при помощи обычнаго суффикса -ьјь отъ мѣстоим. *къ, ср. божий при богъ; на это указалъ уже Миклошичъ (Vergl. Gramm., II, 62); о сложеніи здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Разборъ теоріи г. Ильинскаго, только что нами оконченный, показалъ съ достаточной очевидностью, что она не выдерживаетъ критики такъ-же, какъ ни одинъ изъ доводовъ, приведенныхъ въ ея пользу.

Въ заключеніе остановимся нѣсколько на древнѣйшемъ склоненіи čьto, какъ оно засвидѣтельствовано памятниками старославянскаго языка (ср. также Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen, Archiv, II, 482 сл., особенно 558—560).

Род. пад. въ огромномъ количествѣ случаевъ česo и čьso; только 1 разъ (Савв.) встрѣчается čego. По одному разу засвидѣтельствованы čьsogo (Супр.) и česogo (Савв.).

Дат. пад. засвидѣтельствованъ только въ рѣдкихъ случаяхъ: česomu встрѣчается 10 разъ (Мар. 5, Зогр. 4, Ассем. 1), čьsomu 2 раза (Зогр.). Одинъ разъ мы имѣемъ čemu, что осталось неизвѣстнымъ Шольвину, а именно въ Супр. (изд. Миклошича) стр. 304 мы читаемъ: чемоу хоштеши навыкнѫти.

Твор. пад. только čimь.

Въ мѣстн. пад. мы находимъ колебаніе: 3 раза мы находимъ česomь (Савв., Зогр., Псалт.), 6 разъ čemь (Мар. 2, Зогр. 1, Савв. 1, Псалт. 2).

Уже изъ этого статистическаго обзора видно, что формы съ элементомъ *-so* древнѣе и исконнѣе соотвѣтственныхъ образованій безъ этого послѣдняго, за исключеніемъ, понятно, твор. čimь. Это *-so* было получено только въ род. česo, индоевроп. *qe-so, гр. τέο, въ дат. и мѣстн. оно проникло позднѣе, надо думать, слѣдующимъ путемъ. Мы знаемъ, что въ этихъ падежахъ ед. ч.

мѣстоименій самъ суффиксъ начинался нѣкогда съ сочетанія *sm:* ср. др.-инд. дат. tásmāi, мѣстн. tásmin, прусск. дат. kasmu, stesmu, мѣстн. schisman и т. д., а въ слав. и литовск. язз. *s* въ этихъ суффиксахъ, какъ обыкновенно думаютъ, было утрачено подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ падежныхъ формъ множ. ч., суффиксы которыхъ искони начинались только съ *m*. Можетъ быть, čь (čьto), не имѣвшее множ. ч., сохраняло *sm* нѣсколько дольше, такъ что въ дат. являлось *česmu, а въ мѣстн. *česmь. То обстоятельство, что *kъ, kъto не имѣетъ слѣдовъ такихъ образованій, хотя и оно не имѣло множ. ч., объясняется вполнѣ удовлетворительно его тѣсною связью съ tъ, togo и т. д. Итакъ, род. česo, съ одной стороны, и дат. *česmu, мѣстн. *česmь, съ другой стороны, стояли совершенно особнякомъ, и это содѣйствовало измѣненію послѣднихъ образованій подъ вліяніемъ род. въ česomu, česomь (ср. также Лекціи Фортунатова, 96). Твор. пад. čimь никогда не имѣлъ *s*, такъ какъ здѣсь мы находимъ совершенно иное образованіе: къ твор. či (слов. či, чешск. či, польск. czy) = лат. qui былъ присоединенъ суффиксъ твор. пад. -mь, точно также какъ лит. tũ, jũ были измѣнены въ tũmì, jũmì (Brugmann, Grundriss, II, 783). Это новое образованіе творит. čimь вызвало новообразованіе въ мѣстн. падежѣ (čemь), которое уже въ старослав. яз. встрѣчается чаще болѣе древняго česomь. Такимъ образомъ, česomu и даже česo были обречены на исчезновеніе, такъ какъ отъ čimь и čemь оставался только одинъ шагъ до čemu и čego. Въ старослав. яз. мы находимъ только начало этого явленія, за то всѣ другіе славянскіе языки въ позднѣйшіе эпохи ихъ жизни болѣе или менѣе окончательно пошли по этому пути. Можетъ далѣе представиться вопросъ, принадлежали ли формы род. česogo, čьsogo, засвидѣтельствованныя въ старослав. яз. только по 1 разу, дѣйствительно живому языку и не являются ли они просто на просто новообразованіями самого писца, такъ какъ вѣдь въ позднѣйшее время мы не нахо-

димъ никакихъ слѣдовъ такихъ образованій. Сами по себѣ они, понятно, легко объясняются; подъ вліяніемъ отношенія komu, komь : kogo легко могло возникнуть при česomu, česomь и česogo.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о род. čьso, встрѣчающемся въ старослав. языкѣ при česo и продолжающемъ еще понынѣ свое существованіе въ западнославянскомъ co (въ старослав. это čьso повлекло за собою и дат. čьsomu). Можетъ быть, въ слав. языкахъ образованія съ ь были получены изъ праязыка параллельно съ образованіями, имѣющими *e*, какъ что дат. čьsomu mutatis mutandis было бы то же, что греческ. гортинское ὅ-τιμι (мѣстн. пад.) изъ *τισμι (ср. Solmsen, Kuhns Zss., 29, 79; Brugmann, Grundriss, II, 784). Со стороны того обстоятельства, что мы имѣемъ *s* въ čьso (а мы ждали бы *čьcho), не возникаетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ *s* могло сохраниться подъ вліяніемъ образованій род. пад. отъ основъ на -*o* и -*jo*; ср. -*chъ* въ мѣстн. мн. ч. и у основъ на -ā (ženachъ), хотя это окончаніе въ такомъ его видѣ фонетически могло возникнуть только у прочихъ основъ; точно также мы имѣемъ -*chъ* въ 1 л. ед. ч. аориста отъ всѣхъ основъ на гласныя: dachъ, grěchъ и т. д., хотя старое *s* могло измѣниться въ *ch* только у части такихъ основъ. Въ старослав. яз. сохранялись бы такимъ образомъ обѣ формы съ *ь* и съ *e*, между тѣмъ какъ въ западнослав. языкахъ въ результатѣ сохранилась только форма съ ъ.

Однако, изложенная только что теорія не представляется мнѣ болѣе вѣроятною, чѣмъ та, которая приведена мною выше, скорѣе, какъ мнѣ кажется, не говоря уже обо всемъ прочемъ, сами данныя старослав. памятниковъ указываютъ на то, что čьso болѣе новое образованіе. Рядъ источниковъ (Ассем., Псалт., Мол., Савв., Клоц.) совсѣмъ не знаетъ čьso; часто встрѣчается это čьso въ Мар. и Зогр., представляя ту особенность, что оно употребляется почти идключительно въ сочетаніи съ ni: въ Мар. мы находимъ 26 разъ česo и ни одного

раза сьsо, а въ сочетаніи съ ni 11 разъ ničьsоže, 30 разъ ničesоže, 1 разъ něčesо. Подобнымъ же образомъ въ Зограф. česо встрѣчается 22 раза, а čьsо только 4 раза, между тѣмъ какъ ničesоže и ničьsоže засвидѣтельствованы по 18 разъ. (Въ Остр. Ев. мы находимъ подобное же явленіе: česо — 15 разъ, сьsо только 3 раза, между тѣмъ какъ ničьsоže встрѣчается, по крайней мѣрѣ, 9 разъ при ničesоže, извѣстномъ въ 29 случаяхъ). Только въ Супр. čьsо вообще чаще, чѣмъ česо.

То обстоятельство, что мы имѣемъ čьsо при česо особенно часто при ni, врядъ ли дѣло случая. Мы видѣли, что какъ разъ при ni сравнительно дольше сохранилось и первоначальное образованіе им. пад. čь безъ -tо; ničь-že могло такимъ образомъ легче повліять на появленіе ь въ род., нежели сложное čьtо, такъ какъ всѣ мѣстоименія ср. рода представляли полное тождество гласной основы въ этихъ падежныхъ формахъ: tо — tоgо; se — sego. Можно, однако, думать, что появленію въ род. ь способствовало употребленіе въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ роли прямаго дополненія какъ ničьtо-že, такъ и ničesоže, и это объясненіе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ: ср., напр., Лук. 9, 3. ničьtоže ne vъzьmětе na pąt въ Ассем. (Мар. ničъsоže) и т. п. Эти оба образованія, употреблявшіяся въ данномъ случаѣ съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ, легче могли повліять другъ на друга, чѣмъ простыя čьtо и česо. Уже послѣ того, какъ появилось ničьsоže при ničesоže, былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ, и стало употребительнымъ čьsо вмѣсто простаго česо.

Это новое čьsо совершенно вытѣснило въ западнославянскихъ языкахъ старое česо, а то, что отъ него не сохранилось никакихъ слѣдовъ, объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что самые древніе памятники западнославянскихъ языковъ на цѣлыя столѣтія моложе памятниковъ языка старославянскаго.

Э. Бернекеръ.

Берлинъ, январь 1902.

Замѣтка об измѣняемости основ склоненія, в особенности же об их сокращеніи в пользу окончаній.

По предложенію А. А. Шахматова я рѣшился принять участіе в сборникѣ, издаваемом в честь Ф. Ѳ. Фортунатова, и рѣшился тѣм с большею охотою, что питаю искреннее уваженіе к Филиппу Ѳедоровичу, как к самостоятельному мыслителю, нетолько всю свою жизнь преданному наукѣ, нетолько обогатившему ее нѣсколькими крупными вкладами, но тоже способствовавшему своим вліяніем появленію цѣлаго ряда выдающихся ученых — его учеников. Глубоко сожалѣю, что, обреченный на своего рода каторжныя работы и по уши в них завязшій, я, за недостатком времени, лишен возможности представить нѣчто, вполнѣ достойное как самого Филиппа Ѳедоровича, так и моих сотоварищей по сборнику.

Еще в 1870 г. я был допущен историко-филологическим факультетом Петербургскаго университета к чтенію лекцій по сравнительной грамматикѣ индоевропейских языков в качествѣ приват-доцента. Думая, что мнѣ прійдется читать двѣ пробныя лекціи, я и принялся-было за составленіе лекціи по собственному выбору, *„об измѣняемости основ склоненія“*. Но, так как я в то время был уже магистром сравнительнаго языковѣдѣнія, то факультет освободил меня от пробных лекцій, начатая же составленіем лекція осталась неоконченною. Теперь я извлекаю ее из цѣлой кучи начатых и полуоконченных работ, которых у меня в теченіе стольких лѣт набралось изрядное количество.

В то время мы были молоды и ожидали будущаго; теперь же озираемся в прошлое. Во мнѣ это обозрѣніе прошлаго возбуждает горькое чувство. Как вслѣдствіе неумѣнія работать и сосредоточиваться, так и по обстоятельствам жизни, я размѣнялся на мелкіе гроши и, вмѣсто чего нибудь цѣльнаго и заслуживающаго вниманія, сочинял какіе-то осколки и обрывки. Один из таких обрывков предлагаю теперь вниманію снисходительных.

Хотя я печатаю его в первоначальном видѣ, но все таки в разных мѣстах измѣняю, сокращаю и дополняю, да кромѣ того замѣняю слог лекціи слогом статьи. — Время происхожденія статьи пусть извинит устарѣлость нѣкоторых воззрѣній, легших в ея основаніе.

Позволяю себѣ извѣстную вольность с внѣшней стороны: свою статью печатаю без еров.

В связи с извѣстными фонетическими процессами формы склоненія и спряженія не остаются все одними и тѣми же, но подвергаются измѣненіям. Эти измѣненія состоят преимущественно в сокращеніи форм: формы сокращаются.

Вопрос: сокращаются ли только окончанія или же и основы? Подвергаются ли измѣненіям одни только окончанія, или же тоже основы?

По мнѣнію большинства изслѣдователей языка, можно говорить только об исторіи окончаній, основы же вовсе не развиваются. Это мнѣніе является естественным выводом из предположенія, что основы, раз сложившись, раз сформировавшись так-то и так-то, были затѣм, на подобіе каких-то окаменѣлостей, брошены куда то внѣ человѣка, без всякой связи с мыслительною способностью.

Слѣдовательно, если, например, в предполагаемом первобытном языкѣ аріоевропейском существовали основы на гласные -a, -i, -u, то онѣ должны быть принимаемы и до самаго поздняго времени во всѣх языках, являющихся продолженіем этого первобытнаго аріоевропейскаго, — и это вопреки всевозможным измѣненіям, вопреки тому, что в иных случаях нетолько от этих -a, -i, -u ни слѣда не осталось, но и никакого окончанія не существует. Так, например, хотя прааріоевроп. *varka-s* [1]) перешло со временем в русск. *volk (волк)*, но все же таки и в *volk* продолжается та же первобытная основа *varka-* или же, в крайнем случаѣ, *volka-*.

Вот перед нами сѣдой человѣк, но мы знаем, что он был когда-то брюнетом, и поэтому, вопреки очевидности, мы все еще считаем его брюнетом. А что же мы бы сдѣлали, еслиб увидали его в первый раз и вовсе не знали, что он был брюнет? Мы бы преспокойно сказали, что он

---

[1]) Прошу не забывать, что это было составлено в 1870 г., во времена неограниченнаго господства ученія о трех первобытных гласных, a, i, u, ученія, легшаго в основаніе Шлейхерова Compendium'a.

или брюнет, или блондин, или рыжій, или нѣчто в этом родѣ, но уж никак не сѣдой. Также точно то или другое существительное, стоящее особняком, например, в славянских языках, не может быть приведено в ясную связь ни с основами на *a*, ни с основами на *u* и пр., но мы все таки навязываем ему гласную (вокальную) основу и, не зная подробностей, допускаем возможность в этом существительном или *a*-основы, или *u*-основы, или *i*-основы, или *ja*-основы или т. п.

Перед нами лысый господин, но мы не признаем того, что он лысый и, так как он в молодости отличался прекрасными густыми волосами, то он и теперь считается нами густоволосым красавцем.

У каждаго человѣка в продолженіе извѣстнаго времени в період его эмбріологическаго развитія был маленькій хвостик, который послѣ сократился и наконец исчез, оставив только незамѣтный рудимент; мы же, в силу того же міросозерцанія, по которому основы на -a, -u, -i живут до сих пор в славянских и других аріоевропейских языках, описывая человѣка, утверждаем, что у него хвост, правда, маленькій, но все таки хвост.

Американскіе хозяева из обычной рогатой породы коров произвели новую, безрогую породу; тѣм не менѣе послѣдователю теоріи незыблемых основ на -a, -i, -u и на головах этих коров будут мерещиться длинные рога.

В каком-то мѣстѣ земного шара появилась гора, прежде там не существовавшая, в другом мѣстѣ бывшая там гора исчезла, в третьем мѣстѣ море замѣнилось сушей, в четвертом, наоборот, суша морем; глазу послѣдователя теоріи неизмѣняемых основ на -a, -i, -u в первом мѣстѣ представляется по прежнему равнина, во втором все та же гора, в третьем море, в четвертом суша.

Что же мы бы сказали о біологах и геологах, которые таким образом смотрѣли бы на разбираемые ими предметы? А вѣдь у поклонников теоріи незыблемых основ на -a, -i, -u точ в точ такая же логика.

Какая же причина такого упрямаго исповѣдыванія этой теоріи? Какая сила не позволяет ея поклонникам отнестись критически к избитым, условным, мнимым истинам и стать на эволюціонную точку зрѣнія, единственно вѣрную в науках біологических и соціологических?

Чтобы отвѣтить на этот вопрос, мы оставим на минуту языкознаніе и перенесемся в область психологіи.

Основатели сравнительной грамматики начали изучать аріоевропейскіе языки с санскрита, и даже, собственно говоря, в самом началѣ исторіи науки — слѣдовательно, не так давно — они занимались не равноправным объясненіем строя всѣх языков аріоевропейских, а просто сравненіем их с санскритом, при чем на явленія прочих языков они глядѣли через санскритскія очки и подгоняли их под санскритскія категоріи. Занимаясь же санскритом, они нашли, с одной стороны, в самом языкѣ основы на -a, -i, -u, хотя тоже далеко не выдержанныя, с другой же стороны, в индійской грамматической литературѣ,— что́ гораздо важнѣе, — ученіе об основах на -a, -i, -u и пр. Итак, если в санскритѣ жили эти основы, то онѣ тѣм самим должны быть, по мнѣнію сравнительных грамматиков, и во всѣх прочих языках аріоевропейских. Эту теорію стали усваивать себѣ послѣдователи основателей сравнительной грамматики, а извѣстно, как сильно бывает вліяніе того, что человѣк слышит или читает в началѣ своих занятій извѣстным предметом. Не будь учителей чтенія, которые не в состояніи отличать звуки от букв, не было бы впослѣдствіи такого множества грамматиков, даже пользующихся извѣстностью и почетом, которые самым безалаберным образом смѣшивают звуки и буквы, грамматиков, для которых, например, русское *щ* есть простой согласный, *я* — мягкій гласный, *ъ* и *ь* полугласные и т. п.

Еслиб, с одной стороны, не было внушенія со стороны индійских грамматиков, еслиб с другой стороны, сравнительная грамматика аріоевропейских языков началась с изученія, напримѣр, языка латинскаго, греческаго

или же славянских, и в особенности еслиб у Греков, Римлян и Славян нашлись такіе знаменитые труды по части морфологіи языка, как у древних Индійцев, то не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ ученые, которые теперь с таким жаром защищают основы на -a, -i, -u во всѣх аріоевроп. языках, не видѣли бы их не только у себя дома, но даже ни в санскритѣ, ни в предполагаемом аріоевроп. праязыкѣ. Такова сила внушенія и привычки. Кто-то сказал, что одним из самых сильных побужденій человѣческих дѣйствій является лѣнь. Отчего же не объяснить лѣнью и упрямства, с которым ученые придерживаются основ на -a, -i, -u во всѣх аріоевроп. языках? Вѣдь это так удобно в раз принятыя или выработанныя рамки втискивать всѣ новыя явленія: uniformitas прежде всего; на всѣх солдатах мундир одного покроя и одна и та же безсмертная каска!

Я полагаю, что всякій предмет нужно прежде всего изслѣдовать сам по себѣ, выдѣляя из него только такія части, какія в нем дѣйствительно имѣются, и не навязывая ему из внѣ чуждых ему категорій. В области языка объективным руководителем при подобных научных операціях должно служить чутье языка и вообще его психическая сторона. — Ссылаюсь же я на чутье языка потому, что для меня оно не есть какая-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но факт дѣйствительный и вполнѣ объективный. Чутье каждаго языка может открыть и понять и иностранец, точнѣе иноплеменник, если только он изучит этот язык, как слѣдует, если он обладает достаточным знаніем фактов и научною сообразительностью и, наконец, если его голова свободна от навѣянных преданіем предразсудков.

При таком взглядѣ на сущность языка основы или темы склоненія являются не какими то фикціями, витающими в туманной атмосферѣ праязыка, не застывшими в своей неподвижности отголосками золотого вѣка языковой жизни, но живыми частями склоняемых и спрягаемых слов, составляющими необходимое условіе настоящей

флексіи до тѣх пор, пока она окончательно не выведется из языка, уступая мѣсто неподвижным в своем составѣ, сросшимся в одно нераздѣльное цѣлое и морфологически недѣлимым словам, — каковыми становятся на так называемой „аналитической" ступени развитія языка всѣ прежде склоняемыя и спрягаемыя слова.

Если всѣ изслѣдователи соглашаются, что основы, вмѣстѣ с другими морфологическими частями слов, замирают в языках вторичных или „аналитических", то зачѣм же отвергать возможность их развитія и перерожденія в языках первичных, на подобіе развитія и перерожденія корней, суфиксов и окончаній?

Затѣм, если приверженцы теоріи неподвижных, деревянных основ допускают, все таки, с одной стороны, замѣну в извѣстных существительных „согласных" основ основами „гласными", i-основ и u-основ a-основами, с другой же стороны, фонетическое разнообразіе однѣх и тѣх же основ (напр., различеніе хотябы на санскритской почвѣ основ сильных, средних и слабых), то отчего же они так возстают против возможности сокращенія конца основ и исчезновенія свойственных им когда то их конечных гласных -a, -i, -u, как их характеристических признаков?

В силу выше изложенных соображеній мы должны согласиться, что основы или темы, как и все остальное в языкѣ, подвергаются постоянным измѣненіям, и именно измѣненіям двоякаго рода: чисто фонетическим и измѣненіям под вліяніем аналогіи. Благодаря этим измѣненіям, бывшія когда-то основы на -a, -i, -u и т. п. (прочность которых, впрочем, не выдержана даже в санскритском языкѣ), лишились в славянском и других языках аріоевропейских своих конечных гласных и развились в чисто согласныя, болѣе краткія, основы, фонетическіе же продолжатели их нѣкогда конечных гласных, вмѣстѣ с фонетическими продолжателями древних окончаній, служат в славянском, точно также как и во всѣх прочих первичных языках аріоевропейских, простыми окончаніями, выражающими разныя падежныя связи и отношенія.

Это сокращеніе основ в пользу окончаній должно было начаться еще в аріоевропейском праязыкѣ, именно в тѣх случаях, когда конечному гласному основы пришлось сталкиваться с начальным гласным окончанія и сливаться с ним в один долгій гласный. Так напримѣр, навряд ли можно видѣть гласную a-основу в Abl. sing. m. n. на -ād или -āt (санскр. -āt, лат. -ōd, литов. -o, слав. -a) и в других подобным образом сложившихся падежах. В этих случаях уже в праязыкѣ произошло сокращеніе основ в пользу окончаній и развитіе болѣе краткаго вида основы, простиравшейся только по послѣдній согласный включительно.

Исторію развитія основ склоненія существительных от праарійскаго состоянія до новѣйшаго состоянія, например, славянских языков можно представить приблизительно в слѣдующем видѣ:

Древнѣйшему предполагаемому періоду, періоду праарioевропейскому, были свойственны двѣ группы основ:

I. основы с конечными гласными и дифтонгами.

II. основы, оканчивавшіяся согласными.

I-я группа была гораздо богаче, как численностью принадлежавших к ней слов, так и разнообразіем составлявших ее типов. Главные составлявшіе ее типы были:

1. Основы с конечным -ā (*a* долгим) (жен. и отчасти муж. рода).

2. Основы с конечным -ă (*a* кратким) или -e || -o (муж. и средн. рода).

3. Основы с конечным -u или -u || -eu || -ou (всѣх трех родов, с преобладаніем на сторонѣ мужескаго).

4. Основы с конечным -i или -i || -ei || -oi (тоже всѣх трех родов, но с преобладаніем на сторонѣ женскаго).

Типы 3. и 4. составляли переход ко II-ой главной группѣ основ, основ с конечным согласным.

Конечные гласные типов 1-го и 2-го сочетались с предшествовавшими им согласными, или „твердыми“, т. е. не-палатальными, или же с согласным j (являвшимся или отдѣльно, или в соединеніи с другим предшество-

вавшим ему согласным). Это различіе чрезвычайно важное особенно при переходѣ прааріоевропейскаго состоянія в состояніе праславянское, так как, сообразно с природою предшествующаго согласнаго, один и тот же гласный развѣтвился на два гласные.

II-я главная группа основ склоненія прааріоевропейскаго языка представляла собственно один только тип, и к ней принадлежали существительные всѣх трех родов. Но при переходѣ к состоянію отдѣльных аріоевропейских языков от этого типа остались только нѣкоторыя частныя образованія; так напримѣр, при переходѣ к славянскому празыку: основы, оканчивавшіяся на -ū || -ŭv (жен.), -er || -r (-ter || -ter) (жен.), -men || -mn (муж. и ср.), -as (-es || -os) (средн.).

Переход от прааріоевропейскаго состоянія к состоянію праславянскому ознаменовался двумя фонетическими процессами, отразившимися, между прочим, в склоненіи. Одним из этих процессов было вліяніе согласнаго j на измѣненіе слѣдовавших за ним гласных, вліяніе, благодаря которому 1. и 2. типы склоненія I-ой главной группы распались на два отдѣла, а) и б). Вслѣдствіе этого явились гласными окончаній:

в отдѣлѣ *а:*	в отдѣлѣ *б:*
о	е
ŭ (ъ)	ĭ (ь)
у (ы)	ę (ѧ)
ē (ѣ)	ī

и т. д.

Другим фонетическим процессом, ознаменовавшим переход от прааріоевропейскаго состоянія к состоянію праславянскому, было исчезновеніе всѣх согласных с конца слогов и появленіе фонетическаго строенія слов, состоявшаго из одних только открытых слогов. Благодаря этому процессу, конечные согласные окончаній исчезли; а так как не исчезла потребность выражать падежныя отношенія с помощью окончаній, то и произошло окончательное

31

сокращеніе всѣх основ, так что основы стали оканчиваться послѣдними согласными прежних основ, гласные же, слѣдовавшіе за этими согласными, отошли к окончаніям. Таким образом произошло *поголовное сокращеніе основ в пользу окончаній*, состоявших в то время или из одной только части прежних основ, или же из такой же части прежней основы в сочетаніи с фонетическим продолженіем прежняго окончанія.

Но оба эти фонетических процесса вызвали морфологическіе перевороты только в первой главной группѣ типов склоненія, в группѣ, восходящей к прааріоевропейским гласным основам (-a, -u, -i ...), при чем первым из этих процессов было обусловлено появленіе новаго распредѣленія типов только в 1-ом и 2-ом отдѣлѣ I-ой группы, тогда как второй процесс (исчезновеніе согласных с конца слогов и упроченіе одних только открытых слогов) отразился на морфологическом характерѣ всѣх четырех отдѣлов первой группы. Во второй группѣ, в группѣ прааріоевропейских согласных основ, произошел, конечно, тоже фонетическій процесс исчезновенія согласных с конца слов, но без каких-бы то ни было морфологических послѣдствій.

И вот в праславянском состояніи, отразившемся болѣе или менѣе вѣрно еще в древне-славянских памятниках, мы имѣем слѣдующіе главные типы склоненія:

I. В первой группѣ вмѣсто четырех прежних типов появилось теперь цѣлых шесть:

1a, т. е. тип, продолжающій собою тип 1. праарioевропейскаго состоянія с послѣдним согласным „твердым“. Признаками этого типа являются: Nom. s. -a, Ab.-Gen. s. -ȳ (ы); вообще всѣ вновь сложившіяся окончанія начинаются с гласных, то не-небных (a, o, ŭ, ū, ȳ, ą), то небных (e, ī, ē).

2a, т. е. тип, продолжающій собою тип 2. праарioевропейскаго состоянія, тоже с послѣдним согласным „твердым“. Признаки: Acc.-Nom. s. m. -ŭ (ъ), Acc.-Nom. s. n. -o, Ab.-Gen. s. -a; вообще всѣ окончанія начина-

ются с гласных, или не-небных, или небных, как в типѣ *1а*.

1б. продолжает собою тип 1. праарiоевропейскаго состоянiя с послѣдним согласным основы j. Признаки: Nom. s. -а, рѣдко -ī (и), Ab.-Gen. s. -ę (ѧ); окончанiя начинаются с гласных или не-небных (а, ą, u), или же небных (ī, ĭ, е, ę), при чем эти небные гласные нѣкоторых окончанiй произошли из прежних не-небных под влiянiем предшествующаго j.

2б. продолжает тип 2. праарiоевропейскаго состоянiя с послѣдним согласным основы j. Признаки: Acc.-Nom. s. m. -ĭ (ь), Acc.-Nom. s. n. -е, Ab.-Gen. s. -а; окончанiя начинаются с гласных не-небных или небных, как в типѣ *1б.*

Тип 3., продолжающiй тип 3. праарiоевропейскаго состоянiя. Признаки: Nom. s. -ŭ (ъ), Ab.-Gen. s. -ū (оу), Dat. s. -ov-i (ови), Nom. pl. -ov-е (овє); вообще всѣ вновь сложившiяся окончанiя начинаются с гласнаго не-небнаго (ŭ, ū, о, у).

Тип 4. продолжает тип 4. праарiоевропейскаго состоянiя. Признаки: Nom. s. -ĭ (ь), Ab.-Gen. s. -ī; всѣ окончанiя начинаются с гласнаго небнаго.

В типѣ 3-ем остались теперь, в состоянiи праславянском, только имена мужескаго рода. Из типа 4-го исчезли имена средняго рода и остались только мужескаго и женскаго. В типѣ *1а* и *1б* преобладают имена женскаго рода, хотя есть в нем незначительное количество и муж. р.; типы же *2а* и *2б* содержат в себѣ по прежнему masculina и neutra.

Уже в состоянiи праславянском прежде всего окончанiя Nom. s. ассоцiировались тоже с представленiями родовыми: *а* с femininum, ŭ (ъ) с masculinum, *о* или *е* с neutrum.

II. группа основ праарiоевропейскаго состоянiя, группа согласных основ, при переходѣ в праславянское состоянiе, лишилась многих частных типов, но все таки сохранились типы:

-ȳ || -ŭv- (-ꙑ || -ъв-), femin.,
-tī || -ter (-ти || -тєр-), femin.,
-mȳ || -men- (-мꙑ || -мєн-), mascul.,
-mę || -men- (-мѧ || -мєн-), neutr.,
-o || -es- (-о || -єс-), neutr.

Однимъ изъ общихъ признаковъ всѣхъ этихъ типовъ является окончаніе *-e* въ Ab.-Gen. s.

Съ морфологической точки зрѣнія, въ этой группѣ сохранились древнія отношенія съ незначительными видоизмѣненіями.

Сравнивая теперь между собою двѣ большія группы праславянскаго состоянія, группу I. и II., въ отношеніи къ соотвѣтствующимъ имъ группамъ состоянія праарioевропейскаго, мы можемъ установить слѣдующіе характеристическіе признаки обѣихъ этихъ группъ:

Въ группѣ I.:	въ группѣ II.:
Nom. s. = основа + окончаніе.	Nom. s. < основы (короче основы).
Окончаніе Ab.-Gen. s., съ фонетической стороны, является продолженіемъ дифтонга или же долгаго гласнаго, съ морфологической же стороны содержитъ въ себѣ часть прежней основы и прежнее окончаніе.	Окончаніе Ab.-Gen. s., съ фонетической стороны, является продолженіемъ краткаго гласнаго, *e* (*es*), съ морфологической же стороны, равняется одному только прежнему окончанію.

Отличительные же признаки развитія отъ состоянія праарioевропейскаго къ состоянію праславянскому состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ группѣ I	въ группѣ II
произошло морфологическое сокращеніе основъ въ пользу окончаній.	произошли одни только фонетическія сокращенія цѣльныхъ падежныхъ формъ, но морфологическія границы между основою и окончаніемъ остались безъ измѣненія.

Въ этотъ періодъ развитія склоняемыхъ формъ выработался общій типъ окончанія: *каждое обще-славянское окон-*

чаніе должно содержать в себѣ по крайней мѣрѣ один гласный, с котораго оно и начинается.

Затѣм, во все продолженіе обособленной жизни славянскаго языкового матеріала мы можем различать три періода в развитии типов склоненія:

1) разсмотрѣнный выше період морфологических различій, отражающихся в памятниках древнецерковнославянскаго языка и отчасти тоже в древних памятниках других славянских языков;

2) період распредѣленія склоненія по родовым различіям, свойственным почти всѣм нынѣшним языкам славянским;

3) період замиранія основ склоненія, до котораго дошел болгарскій язык.

Переходу выше охарактеризованнаго перваго общеславянскаго періода во второй період способствовал прежде всего фонетическій процесс исчезновенія конечных гласных ŭ (ъ) и ĭ (ь).

Благодаря этому фонетическому процессу, с одной стороны, появились формы с окончаніем *нуль* или без всякаго окончанія, с другой же стороны, произошло фонетическое отожествленіе основ с именительными падежами (Nominativ'ами) многих существительных, принадлежащих к I-ой группѣ.

Благодаря тому же фонетическому процессу, продолженіе древних морфологических различій типов склоненія стало еще менѣе возможным, и произошла новая группировка типов склоненія, новое распредѣленіе существительных по отдѣльным группам. При этом на первый план выступило, как признак типов, сочетаніе или ассоціація извѣстных окончаній (включая сюда тоже нуль окончанія или отсутствіе особаго окончанія) с родовыми различіями.

И вообще разные признаки семасіологическіе и лексическіе взяли теперь перевѣс над признаками чисто морфологическими, так что мало по малу совершился переход от распредѣленія типов склоненія по чисто морфо-

логическим признакам к их распредѣленію по признакам семасіологическим и лексическим.

Но рядом с этими новыми типами склоненія на семасіологической и лексической подкладкѣ продолжают существовать остатки (пережитки) древних морфологических различій. С этой точки зрѣнія слѣдует замѣтить:

1) что произошло смѣшеніе продолжателей древних типов. Древняя группа II., продолжавшая прааріоевропейскія согласныя основы, совершенно исчезла и поглощена продолжателями типов из I-ой группы. Вообще же берут перевѣс продолжатели 1-го и 2-го отдѣла I-ой группы над продолжателями других отдѣлов. Отдѣл 3. смѣшался с *2 a*, отдѣл 4. с отдѣлом *1б*.

2) Древними чисто морфологическими различіями воспользовались для совершенно иных, семасіологических цѣлей. Довольно указать на распредѣленіе окончаній Ab.-Gen. s. m. -a и -u (*у*) в языках русском, польском и т. д., окончаній, происходящих из типов 2. и 3., но связанных теперь с оттѣнками значенія данных существительных. Точно также сюда относятся разныя окончанія Nom. pl., в зависимости от различія личности и безличности, одушевленности и неодушевленности и т. д.

3) Выработались однакож и новыя чисто морфологическія различія типов склоненія, но различія, основанныя на других началах. Так напримѣр, в нѣкоторых из славянских языков весьма важную роль играет различіе основ с послѣдними согласными „твердыми" и „мягкими", различіе между основами с послѣдним согласным, видоизмѣняющимся в связи с измѣненіем значенія или падежа (видоизмѣненіе с психическою ассоціацией), и основами с послѣдним согласным, лишенным возможности видоизмѣняться. Затѣм, различаются основы, в которых послѣдній гласный (т. е. гласный, предшествующій конечному согласному основы или же конечной группѣ согласных) остается во всѣх формах без психически опредѣленных измѣненій, от основ, в которых послѣдній гласный видоизмѣняем (напр. польск. ród — rodu, чешск. bůh — boha,

словинское bûg — bogá, малорус. *нiч* — *ночи* ...). Важную роль играет видоизмѣняемость основ со стороны количества: в языках, отличающих краткiе и долгiе гласные, различаются основы, сохраняющiя одни и тѣ же гласные во всѣх формах, от основ, представляющих, смотря по формѣ склоненiя, гласный то краткiй, то долгiй. Во всѣх же славянских языках существует чередованiе основ, являющееся послѣдствiем развѣтвленiя древних гласных ŭ (ъ) и ĭ (ь) на нуль и на опредѣленный гласный, так что одна и та же основа является в двух видоизмѣненiях, то с гласным, то без гласнаго (напр., русское *сон* — *сн*-а, *пень* — *пн*-я..., польск. *pień* — *pń*-a...). Наконец, в языках, обладающих еще морфологическою подвижностью ударенiя, различаются типы основ с неподвижным ударенiем и типы основ с ударенiем подвижным.

Крайним предѣлом развитiя основ является полное смѣшенiе типов склоненiя, сращенiе основ с окончанiями в одно морфологически недѣлимое цѣлое, появленiе одного общаго „падежа“ (casus generalis) и, при неисчезнувшей потребности флексiи, послѣдовательное возмѣщенiе всѣх без исключенiя окончанiй синтаксически отдѣлимыми приставками или падежными опредѣлителями, так называемыми „предлогами“ (praepositiones). Этот стадiум развитiя равносилен полному исчезновенiю категорiи основ склоненiя в их прежнем значенiи и появленiю новых основ, продолжающих прежнiя цѣльныя формы и сочетающихся не с окончанiями, но с *представками*, с начала синтаксически отдѣлимыми (связь свободная), и затѣм синтаксически неотдѣлимыми (связь постоянная и зародыш новых форм склоненiя на новых началах).

В славянской области до подобнаго состоянiя почти уже дошел язык болгарскiй, в котором сохранилось вообще только отличенiе формы singularis и pluralis, да кромѣ того продолженiе древняго звательнаго падежа (Vocativus) с особым окончанiем, т. е. как раз того падежа, который первоначально, в состоянiи праарiоевропейском,

равнялся просто основѣ без всякаго особаго формальнаго признака, т. е. без всякаго окончанія.

Ускоренію этого перехода морфологической стороны языка из состоянія „синтетическаго“ или централизованнаго в состояніе „аналитическое“ или децентрализованное способствует в значительной мѣрѣ этнографическое смѣшеніе с каким нибудь другим племенем.

И. Бодуэн-де-Куртенэ.

С.-Петербург.

Листки Ундольскаго.

Евангельскіе листки Ундольскаго, хранимые въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ, содержатъ четыре страницы кирилловскаго текста, который писанъ на длинномъ лоскутѣ пергамена, сложенномъ вдвое, въ форматъ малой четвертки. Евангеліе, въ составъ котораго входили листки, было Апракосъ; отрывокъ относится къ его синаксарной части и содержитъ два чтенія: Мѳ. XIII. 24—30, 36—43 и Мрк. V. 24—54, кромѣ того ссылки на чтенія, ранѣе помѣщенныя, и календарныя указанія, довольно скудныя, на сентябрь — по декабрь (к. л. 1 об. — к. л. 2).

Въ виду того, что текстъ безъ перерыва переходитъ со страницы 2-ой на страницу 3-ю, слѣдуетъ признать, что памятникъ представляетъ два средніе листка тетрадки. Листки, однако, разлинованы порознь, оба съ recto, въ простую клѣтку, первый на 18, второй на 19 строкъ.

Почеркъ памятника—одинъ изъ двухъ главныхъ почерковъ древнѣйшей кириллицы: съ наклономъ вправо, къ концу строки, и безъ *существеннаго* утолщенія наиболѣе вертикальныхъ чертъ на счетъ остальныхъ. Оба эти признака выражены сильно: общій наклонъ почерка значительнѣе, чѣмъ, напр., въ Изборникѣ 1073 года и Саввиной книгѣ, и приблизительно равенъ наклону Хиландарскихъ листковъ, а тонкостью основныхъ вертикальныхъ чертъ Листки превосходятъ названные древнѣйшіе памятники.

Особенности почерка Листковъ этимъ не исчерпываются: отдѣльныя начертанія его сильно отличаются отъ типовъ Изборника 1073 года и Саввиной книги и не подходятъ вполнѣ и къ типамъ Хиландарскихъ листковъ: почеркъ нашего памятника заключаетъ ясно выраженную *стилизацію*, ту самую, черты которой наблюдаются въ большинствѣ древнѣйшихъ „среднеболгарскихъ" памятниковъ, и которая, въ видѣ сложившейся каллиграфической системы, перешла въ Россію въ к. XIV — н. XV вѣка. Каллиграфическій стиль, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо считать произведеніемъ такой эпохи и области, гдѣ кириллица встрѣтила особенно сильно вкоренившіяся глаголическія традиціи — т. е., очевидно, Македоніи XI вѣка.

Этотъ стиль, подобно глаголицѣ, отмѣченъ чертами скорописи и гротэска. Онъ порвалъ съ традиціями строго геометрическаго почерка Симеонова Золотаго Вѣка, лучшимъ памятникомъ котораго остается Остромирово Евангеліе, дающее, въ красивомъ чередованіи, только правильныя округлости, и прямоугольныя формы [1]. Наклонный почеркъ въ качествѣ болѣе простаго, дѣловаго письма, существовалъ, какъ показываетъ Изборникъ 1073 года, уже въ Симеоновской школѣ; въ такихъ памятникахъ, какъ листки Ундольскаго, Хиландарскіе отрывки и Саввина книга — не говоря уже о македонскихъ почеркахъ XII и XIII вѣка — наклонъ получаетъ еще большее значеніе: онъ долженъ уже быть разсматриваемъ какъ скорописная черта, какъ существенное упрощеніе техники въ сравненіи съ каллиграфическимъ почеркомъ придворной школы Золотаго Вѣка. Не даромъ рука объ руку съ наклономъ идетъ почти всегда другая особенность: стиль „κάλαμος" смѣняется стилемъ птичьяго

---

[1]) Я отношу каллиграфическій типъ Остромирова Евангелія къ Золотому Вѣку болгарской письменности на основаніи соображеній, изложенныхъ мною въ книгѣ «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги».

пера, отчего вертикальный остовъ буквъ окончательно теряетъ свой столпообразный, монументальный характеръ.

Было бы неосторожно связывать этотъ славянскій наклонъ XI вѣка съ подобнымъ наклономъ въ греческомъ уставѣ VIII—IX вѣковъ. Это значило-бы приводить два явленія въ преемственную связь по внѣшнему сходству, не изслѣдуя причинъ этого послѣдняго и нисколько не заботясь о томъ, что славянская палеографія вообще не нуждается въ подобной гипотезѣ. Это значило-бы закрывать глаза на то, что лучшій образецъ древнѣйшей кириллицы, Остромирово Евангеліе, въ языкѣ, графикѣ, художествѣ такъ вѣрно отражающій вкусы Золотаго Вѣка, не знаетъ наклона и что послѣдній еще незначителенъ въ Изборникѣ 1073 года. Изслѣдователь, признающій столь необходимую гипотезу Шафарика о первенствѣ глаголицы предъ кириллицей, не долженъ кромѣ того скрывать отъ себя, что для него совершенно исключена возможность возводить почеркъ Саввиной книги или листковъ Ундольскаго къ греческому наклонному уставу VIII—IX вѣка, ибо это равнялось бы молчаливому признанію, что кириллица возникла въ эпоху Первоучителей, а не при дворѣ Симеона.

Греческій и славянскій наклонъ лишены преемственной связи; но они вызваны одинаковыми причинами — стремленіемъ упростить и ускорить процессъ письма. Очень понятно, почему этотъ наклонъ въ греческомъ уставѣ исчезаетъ съ X-мъ вѣкомъ, — при общемъ стремленіи всѣхъ областей византійской духовной дѣятельности возвратиться къ болѣе правильнымъ античнымъ формамъ и сочетать ихъ съ внѣшними эффектами богатства и блеска. Очень поятно, почему славянскій сильно сказался въ провинціальномъ письмѣ XI вѣка, когда были поколеблены вліянія Симеоновской школы, спѣшившей пересадить въ Восточную Болгарію черты новаго византизма X вѣка.

Стремленіе къ гротеску въ македонскомъ кирилловскомъ почеркѣ выразилось въ томъ, что геометрическія формы стали примѣняться для украшенія въ подробно-

стяхъ, а въ основѣ начертаній онѣ уступали мѣсто линіямъ болѣе сложнымъ, заимствованнымъ изъ природы. Эта причудливая манера, какъ указано, не можетъ считаться вполнѣ сложившейся даже въ македонскихъ памятникахъ XII—XIII вѣка. Въ листкахъ Ундольскаго ею объясняются: 1) а съ плосковатой петлей, сидящей на срединѣ мачты (ср. подобныя, но рѣдко тождественныя а въ: Охридскомъ Апостолѣ, Боянскомъ Евангеліи, и въ почеркѣ Бѣлослава въ Болонской псалтыри); 2) красивый завитокъ буквы ѵ — вверху вправѣ (ср. очень похожій завитокъ у 4-го писца Болонской псалтыри и въ Паремейникѣ Григоровича, подобный — въ Боянскомъ Евангеліи); 3) ꙁ — округло переходящее въ длинный хвостъ съ мягкими извивами пресмыкающагося (старая, строго геометрическая схема хвоста нарушена почти во всѣхъ среднеболгарскихъ памятникахъ; округлый переходъ мачты въ хвостъ находимъ въ Паремейникѣ Григоровича и въ почеркѣ Бѣлослава въ Болонской псалтыри — наряду со многими другими типами). — Нарушеніе основной геометрической формы находимъ въ различныхъ несоразмѣрныхъ, но выразительныхъ угловатостяхъ, напр., въ ѡ (всего ближе къ этому типу одинъ изъ варіантовъ, употребляемыхъ Бѣлославомъ, въ Болонской псалтыри), въ ѧ и д, наклонныя которыхъ сильно заходятъ одна за другую (лѣвая покрываетъ правую, а не на оборотъ), въ ж съ косымъ язычкомъ (начинается правѣе пересѣченія наклонныхъ; то-же иногда въ почеркахъ Болонской псалтыри, въ мелкомъ письмѣ; обратная несимметричность въ Охридскомъ Апостолѣ: язычекъ начинается лѣвѣе пересѣченія). Эффекты того-же рода достигаются системою навѣсовъ и срѣзовъ: а въ Листкахъ Ундольскаго имѣетъ вверху, подобно другимъ мачтовымъ буквамъ, покрытіе — горизонтальную черту, иногда направленную исключительно влѣво, въ видѣ навѣса (то-же въ Болонской Псалтыри въ почеркѣ Бѣлослава у а и д, въ Охридскомъ Апостолѣ у д и л). У буквъ оканчивающихся вверху острымъ угломъ или округлостью, такое по-

крытіе или навѣсъ соединены со срѣзомъ. Въ листкахъ Ундольскаго срѣзу подвергаются: ρ (всегда) и о, є, ѧ (нерѣдко). Подобное ρ очень распространено въ среднеболгарской письменности; его мы находимъ: въ Охридскомъ Апостолѣ, Паремейникѣ Григоровича, Боянскомъ Евангеліи, во всѣхъ почеркахъ Болонской Псалтыри (не во всѣхъ одинаково часто и одинаково типично); въ Хиландарскихъ листахъ также ρ со срѣзомъ, но слабо намѣченнымъ; о со срѣзомъ—въ Охр. Ап., Парем., Боян. Ев., въ 1-мъ и 3-мъ (Бѣлославъ) почеркѣ Бол. Пс.; въ Хиландарскихъ листкахъ у о срѣзъ выраженъ еще слабѣе, чѣмъ у ρ; є со срѣзомъ и навѣсомъ вправо — въ Охр. Апост., 1-мъ и 2-мъ почеркѣ Бол. Пс.; с — со срѣзомъ и навѣсомъ вправо — въ Охр. Ап., 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ почеркѣ Бол. Пс.; ѧ со срѣзомъ въ Охр. Ап., Парем., 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ (ѧ) почеркѣ Бол. Пс. — Далѣе въ Листкахъ Ундольскаго: слегка округлое ж Остромира замѣнено несимметрично граненымъ (подобное ж уже въ Хиландарскихъ отрывкахъ, далѣе — въ Охр. Ап., болѣе симметрично граненое въ Бол. Пс. у Бѣлослава); с и ж получаютъ граненыя части (с съ изломами — въ Охр. Ап., 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ почеркахъ Болон. Пс.; ж съ изломами, отчасти несимметричными—у Бѣлослава).—Въ отрывкахъ Ундольскаго ц и щ совсѣмъ или почти не спускаютъ своихъ язычковъ внизъ (можно-бы было сказать, что они стоятъ съ язычками на строкѣ, если-бы всѣ буквы отрывковъ не были писаны ниже начерченныхъ строкъ) и сообразно съ этимъ сократили свою верхнюю прямоугольную часть, которая такимъ образомъ по размѣрамъ перестала гармонировать съ п н и и др. типами прямоугольнаго очерка.— Отмѣтимъ здѣсь-же, что ы всегда является съ соединительной чертой.

Эта македонская манера слагалась подъ различными вліяніями: глаголическими, греческими и народными. Растительныя и животныя формы могли быть воспринимаемы въ большомъ количествѣ изъ греческаго минускульнаго письма, срѣзы и угловатости—изъ народной эпиграфики.

Въ Россіи древнѣйшіе примѣры обоихъ послѣднихъ явленій находимъ въ надписяхъ XI—XII вѣка, начерченныхъ острымъ орудіемъ на стѣнахъ Новгородскаго Софійскаго Собора (Древности Моск. Археологич. Общества, т. XIX).

Исключительно глаголической традиціей слѣдуетъ объяснять систему висячихъ строкъ: строки нашего памятника касаются начерченныхъ линеекъ верхами буквъ,— совершенно также, какъ строки глаголическихъ Кіевскихъ отрывковъ, Glag. Cloz., нѣкоторыхъ частей Син. Псалт., а также Охридскаго Евангелія, Zograph. В и различныхъ др. болѣе позднихъ текстовъ [1]). Даже въ та-

[1]) По Гартгаузену въ греческой палеографіи X вѣкъ составляетъ грань, на которой сходятся манеры стоящихъ и висящихъ строкъ. Въ письмѣ минускульномъ стоячія строки не исчезаютъ до конца X вѣка, хотя съ другой стороны минускульныя висячія строки можно встрѣтить уже въ концѣ IX вѣка. Въ X вѣкѣ есть рукописи, въ которыхъ борются обѣ манеры, въ XI вѣкѣ висячія строки господствуютъ. Было-бы очень неосторожно, вмѣстѣ съ Гейтлеромъ (op. cit., 149), переносить эти даты въ славянскую палеографію, которая заимствуетъ отъ греческой только исходныя даты и далѣе развивается самостоятельно. Можно лишь подозрѣвать, что древнѣйшая кириллица потому стоитъ на строкахъ, что ту-же особенность имѣетъ ея греческій первообразъ — унціальное письмо. Съ другой стороны очевидно, что даже по даннымъ Гартгаузена манера висячихъ минускульныхъ строкъ почти соприкасается съ эпохой Первоучителей. Для глаголицы исконность этой манеры подтверждается древнѣйшими Кіевскими отрывками. Для вопроса о взаимной хронологіи двухъ славянскихъ алфавитовъ даты греческой палеографіи не даютъ ничего, ибо унціальное стоячее письмо у византійцевъ существовало еще въ X вѣкѣ, а висячее минускульное уже въ IX. Остается только выводъ: древнѣйшая кириллица — на строкѣ, древнѣйшая глаголица — подъ строкой. Послѣдующая исторія кириллицы почти не знаетъ отклоненій отъ этого правила, въ глаголицѣ наблюдается борьба, очевидно, вызванная вторженіемъ кириллицы (откуда ясно, къ какой эпохѣ относятся глаголическіе памятники съ стоящими строками); въ кириллицѣ отрывки Ундольскаго представляютъ случай вторженія старой глаголической системы висячихъ строкъ.

кихъ глаголическихъ рукописяхъ, какъ Син. Треб., Ассем. и Маріинское Евангелія, гдѣ буквы стоятъ на строкѣ, крупные инициалы висятъ на нѣсколько строкъ внизъ. Это, быть можетъ, одинъ изъ графическихъ архаизмовъ, сохраненныхъ глаголическими инициалами.

Въ листкахъ Ундольскаго совершенно по глаголически висятъ оба большихъ инициала К и Р, а въ срединѣ строкъ очень круглое прописное О, видимо соотвѣтствующее глаголическому Ѳ, встрѣчаемому въ томъ же употребленіи.

Знаки препинанія рѣдко могутъ служить надежнымъ мѣриломъ для опредѣленія мѣстности и вѣка рукописи. Основные элементы этихъ знаковъ одни и тѣ-же, а комбинаціи этихъ элементовъ безконечно разнообразны и какъ бы предоставлены на произволъ писца. Въ одной и той-же школѣ, въ одной и той-же рукописи, различные писцы могутъ значительно отличаться другъ отъ друга знаками препинанія или мѣнять таковые втеченіе своей работы. Все-же слѣдуетъ отмѣтить, что листки Ундольскаго, подобно глаголическимъ рукописямъ, совершенно не знаютъ знака ∽, извѣстнаго Саввиной книгѣ и Остромірову Евангелію, что̀, быть можетъ, снова составляетъ особенность македонской провинціальной кириллицы, въ отличіе отъ придворной Симеоновской. Листки употребляютъ слѣдующіе знаки:

Между словами въ строкѣ — точка на половинѣ высоты буквы.

Между словами въ заглавіи 1) : 2) :· 3) ·:·

Тѣ-же три знака употребляются по сторонамъ цифръ.

Въ концѣ отдѣловъ находимъ 1) :· 2) :·– 3) :·— 4) ·:·– 5) ·:÷ 6) ·:·÷

Въ началѣ отдѣловъ <·╳·>

Въ области тителъ слѣдуетъ отмѣтить два явленія: листки Ундольскаго употребляютъ надъ вынесенными буквами двускатное титло ^, извѣстное изъ Болонской Псал-

тыри, а надъ числами — двойное титло ⩦ совершенно какъ въ Ассемановомъ Евангеліи. То-же титло безъ удвоенія употребляется: изрѣдка — надъ числами, а въ словахъ — при сокращеніяхъ безъ выноса буквъ, при чемъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ (Савв. Ассем.), концы этого прямаго титла не нормированы: они образуются нажимомъ пера, который можетъ дать различные результаты. Кромѣ того, нажимъ не обязателенъ съ обѣихъ сторонъ. Листки Ундольскаго (какъ Ассем. и Савв.) знаютъ варіанты: ⏤ ⏤ ⏤ (очень различной длины).

Въ обозначеніи звуковъ листки Ундольскаго обнаруживаютъ ближайшую зависимость отъ глаголицы: не только отсутствуетъ ѥ (рѣдко и непослѣдовательно, но все-же встрѣчаемое въ Хиландарскихъ отрывкахъ), но отсутствуетъ также и ꙗ, всюду выражаемое знакомъ ѣ, который въ Хиландарскихъ отрывкахъ замѣняетъ ꙗ только послѣ согласныхъ [1].—Особенность отрывковъ Ундольскаго есть отсутствіе знаковъ для выраженія йотаціи юсовъ: ѧ и ѫ употребляются и вмѣсто ѩ и ѭ. Можно бы сказать, что относительно ѧ Листки стоятъ на стадіи глаголическихъ памятниковъ, знающихъ только одинъ знакъ ⰵ = ѧ и ѩ. Что касается ѫ, то среди древнѣйшихъ памятниковъ письменности листки Ундольскаго стоятъ одиноко: Савв., Клоц., Хиланд., не знающіе ѭ послѣ согласныхъ, послѣ гласныхъ употребляютъ только ѭ. Но мы находимъ ѫ послѣ гласной въ древнѣйшемъ эпиграфическомъ памятникѣ македонской кириллицы — надписи царя Самуила 993 года (полагаѫ), которая употребляетъ и ѣ

[1]) Сравненіе съ Хиланд. показываетъ, что въ отрывкахъ Ундольскаго отсутствіе ѥ и ꙗ составляетъ систему, хотя и нельзя утверждать, что спорадически эти знаки не встрѣчались въ памятникѣ. Съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить графическое сходство между Хиланд. и Савв.: въ обоихъ памятникахъ — рѣдкое ѥ при є; ѣ вм. ꙗ только послѣ согласныхъ (въ Савв. почти только послѣ ρ и л); ѭ и ꙗ (въ Хиланд. ѧ=ꙗ) существуютъ, но употребляются только послѣ гласныхъ.

послѣ гласной: [натлли]ѣ,—двѣ особенности, которыя могли такимъ образомъ очень рано существовать въ провинціальной македонской кириллицѣ, и не указываютъ непремѣнно на позднѣйшую эпоху.—Какъ глаголическое ⰰ передается въ листкахъ Ундольскаго только черезъ ѣ, безъ вниманія къ симеоновскому ꙗ, такъ глаголическое ⰷ совершенно независимо отъ г, ѕ въ качествѣ звука (цифру г находимъ и въ нашихъ Листкахъ) передается черезъ ꙁ (въ Хиландарскихъ листкахъ ꙁ, въ среднеболгарской письменности ꙁ и ꙁ). По отношенію къ полугласнымъ отрывки Ундольскаго заключаютъ рѣшительное новшество: они ограничиваются одной изъ нихъ, именно ъ'омъ и примыкаютъ такимъ образомъ къ одной изъ двухъ (точнѣе еще не обслѣдованныхъ) школъ средне-болгарской письменности. Въ подробностяхъ употребленія ъ'а Отрывки близко напоминаютъ Болонскую Псалтырь. Въ Отрывкахъ ь встрѣчается только два раза: есть л. 1, гь л. 1 об.— Изъ памятниковъ, строго различающихъ юсы между собою и отъ другихъ звуковъ, одни Отрывки такъ рѣшительно порвали съ системой двухъ полугласныхъ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о знакахъ ı ї ѡ и ȣ:

ı находимъ только въ ıсъ, ıсоу, т. е. въ видѣ подражанія греческому.

ї въ їѡ̂л и два раза въ видѣ сокращенія вмѣсто и: аггліі, ї|ꙁнего.

ѡ, кромѣ греческаго: їѡ̂л, находимъ въ славянскихъ словахъ: ѡ, ѡбращъ сѧ, ѡбрѣтъ|ши, ѡгладаше, ѿ (3 раза), ѿвѣщавъ, ѡтиде (при оставите); ѡгнемъ, ѡнъ (2 раза), ѡщоути. — добрѡе (при добро), нарѡдъ (только такъ, и три раза), подѡбно; ȣбѡ, многѡ. Употребленіе ѡ въ славянскихъ словахъ не въ началѣ слова есть также черта македонской орнаментальной манеры.

Скорописное ȣ находимъ одинъ разъ: ȣбѡ.

аггліі, агглы — два раза и только съ иг.

Въ художественномъ отношеніи, въ употребленіи узоровъ и красокъ, листки Ундольскаго тѣснѣй-

шимъ образомъ примыкаютъ къ глаголическимъ рукописямъ, ближе всего — къ Ассеманову Евангелію.

Цвѣтныя заглавныя строки рѣдки въ Ассемановомъ Евангеліи; правило составляютъ черныя строки, п о м а з а н н ы я — до или послѣ написанія, сплошь или съ перерывами (по отдѣльнымъ словамъ или буквамъ) зеленой, рѣже желтой краской. Въ листкахъ Ундольскаго тою-же зеленью, съ тѣми-же перерывами (по словамъ) помазаны заглавныя строки; такъ-же помазана отдѣльная, повторяющаяся помѣта мѣ.

Эта манера помазанія извѣстна въ греческой палеографіи до и послѣ возникновенія славянской письменности. Въ качествѣ примитивнаго пріема она была отвергнута придворной каллиграфической школой Симеона, но сохранена провинціальной македонской кириллицей въ числѣ прочихъ чертъ, унаслѣдованныхъ отъ болѣе стараго и простаго глаголическаго письма.

Чрезвычайно поучительно приглядѣться къ и н и ц і а л а м ъ Листковъ. Ихъ два: Р и К, и оба неудобочитаемы.

Въ кириллицѣ, даже тамъ, гдѣ инициалы исполнялись не самимъ писцомъ рукописи, наблюдается большое соотвѣтствіе между типами текста и типами заглавныхъ буквъ. Этому содѣйствуетъ характеръ кирилловскаго алфавита, обладающаго каркасомъ: строгою, простою геометрической рамкою, какъ бы нарочно созданной для заполненія орнаментомъ, и никогда не теряемой сознаніемъ читателя, пока орнаменты не смѣняются полными человѣческими и звѣриными изображеніями. Глаголическія буквы не могутъ служить канвою для узоровъ: онѣ слишкомъ вычурны; онѣ въ самихъ себѣ содержатъ одностороннюю орнаментальную манеру. Изъ глаголическихъ буквъ, имѣющихъ геометрическій остовъ — Ⰰ Ⱋ Ⰲ Ⰶ Ⰹ Ⱃ Ⱂ Ⱐ Ⰴ Ⱉ Ⱑ Ⱎ Ⱏ Ⰴ — только немногія можно часто встрѣтить въ инициалѣ. Остальные глаголическіе типы заключаютъ геометрическій мотивъ — кружекъ (петлю), но не въ остовѣ, а въ украшеніи. Въ томъ и другомъ разрядѣ буквъ иллюминаторъ ограниченъ одними и тѣми-же,

слишкомъ часто повторяющимися формами и заранѣе обреченъ на неподвижность и однообразіе. Остовъ такихъ буквъ, какъ Ⰰ Ⱋ Ⱎ Ⱆ Ⰺ Ⰻ Ⱈ Ⱑ слишкомъ сложенъ и слишкомъ неизмѣняемъ для внесенія свободнаго растительнаго орнамента; петли допускаютъ его примѣненіе еще менѣе; онѣ могутъ быть заполнены только концентрическими кругами, крестами, звѣздами, симметричнымъ плетеньемъ, словомъ — геометрическими мотивами византійской мозаики. Петли, составляющія лишь подробность буквы, пріобрѣтаютъ при этомъ первенствующее значеніе; соединительныя линіи — и безъ того мало характерныя, но составляющія истинную основу буквъ — исчезаютъ въ украшенномъ иниціалѣ еще болѣе, нежели въ строчномъ типѣ. Даже тогда, когда глаголическая буква содержитъ вертикальную мачту, не обремененную чрезмѣрно ни петлями ни трехугольниками, послѣдняя заполняется обыкновенно лишь мозаичными узорами: жгутомъ или крестами. Типами Э и Э глаголиты не воспользовались для созданія тѣхъ реально художественныхъ формъ, которыя находимъ въ кирилловскихъ и греческихъ уставныхъ Є, С и О.

Глаголическіе типы даютъ особенно мало поводовъ примѣнять простѣйшіе орнаменты, заимствованные и з ъ п р и р о д ы: цвѣточную почку, завитой листокъ и крыло (по происхожденію, вѣроятно, также листокъ — вырѣзной и воспринятый художникомъ съ боку). Если мастеръ тѣмъ не менѣе примѣняетъ эти мотивы, смыслъ глаголической буквы затемняется совершенно: завитокъ или крыло, становясь на мѣсто петли, дѣлаютъ ее неузнаваемой; почка, присоединяясь къ конечности буквы, легко измѣняетъ ея значеніе (такъ, напр., почка, приставленная къ Ⱐ снизу слѣва, измѣняетъ букву въ Ⱏ). Много убѣдительныхъ примѣровъ этого рода содержатъ иниціалы Синайскаго Требника, изданные Гейтлеромъ (die albanesischen und slavischen Schriften, 141). Кто узнаетъ среди этихъ негармоничныхъ созданій буквы Ⱋ Ⰼ Ⰺ Ⰳ? Единственный красивый типъ, Ⰼ, можетъ быть прочтенъ и за Ⰼ Ⱏ и за Ⱐ.

Но даже инициалы проще украшенные не избѣгаютъ той-же судьбы. Въ Маріинскомъ Евангеліи, въ заглавныхъ буквахъ Ь л. 4 об, 113, 115 об, Ⰲ л. 57, 79, 79 об, Ꝑ л. 95 об, 115, 160, Ր л. 93 об, 138, 148 об, 170, и особенно въ Ассемановомъ Евангеліи въ буквахъ Ⰲ л. 113, 131 об, Ь л. 8 об, 14, 21, 23 об, 27, 53 об, 120 об, 151, Ꝑ л. 82 об, 147 об, мы находимъ глаголическій шрифтъ существенно измѣненнымъ и неудобочитаемымъ.

Совершенно та-же степень неясности наблюдается и въ инициалахъ листковъ Ундольскаго. Почему мастеръ, писавшій эти типы, не воспользовался контурами петлей Р и К, какъ ими пользуется Остромирово Евангеліе или Супрасльская рукопись? Вѣтки могли протянуться вдоль контуровъ, нисколько не затемняя значительнаго смысла петель. Мастеръ предпочелъ удалить петли, замѣнивъ ихъ узорами — совершенно такъ, какъ дѣлали иногда глаголическіе орнаментаторы. И самые типы узоровъ заимствованы изъ глаголицы: верхи у Р и К украшены грубо измѣненнымъ крыломъ или растительной почкой, низъ буквы К — столь-же грубымъ завиткомъ (по происхожденію это вѣроятно змѣиный узелъ); мачта у Р — угловато стилизованнымъ жгутомъ. Мало того, — при ближайшемъ разсмотрѣніи кирилловское Р Листковъ оказывается просто опрокинутымъ глаголическимъ Ь или, быть можетъ, глаголическимъ Ꝑ, Ր, а кирилловское К — тѣмъ-же самымъ глаголическимъ типомъ съ неловкимъ прибавленіемъ завитка внизу. Даже самые пояски, которыми охвачены обѣ буквы посрединѣ, могутъ оказаться непонятымъ повтореніемъ того орнамента, который въ глаголическихъ инициалахъ изображаетъ поперечную черточку строчныхъ типовъ Ꝑ и Ր.

Характеръ почки и завитка — тотъ-же самый, что̀ въ Маріинскомъ и Ассемановомъ Евангеліи. Въ этотъ грубый и неопредѣленный стиль легко могутъ быть вчитаны различныя растительныя и звѣриныя формы. И очень вѣроятно, напр., что инициалъ К Саввиной книги есть тотъ-же глаголическій типъ — Ь, Ꝑ или Ր, — только само-

стоятельно осмысленный и кирилловски-стилизованный. И въ Маріинскомъ и Ассемановомъ Евангеліяхъ многіе иниціалы могутъ быть поняты въ видѣ той ушастой морды (или по желанію — въ видѣ птичьей головы съ бородкой и клювомъ), которую мы находимъ въ Саввиной книгѣ [1]), въ иниціалѣ К. Листки Ундольскаго оставляютъ этотъ мотивъ въ его глаголической неопредѣленности.

Краски обоихъ иниціаловъ въ листкахъ Ундольскаго: зеленая, кирпичная и чернило; онѣ хорошо извѣстны въ глаголическихъ рукописяхъ и очень характерны, напр., для Ассеманова Евангелія.

Заставка нашего памятника (л. 2) составлена изъ тѣхъ же мотивовъ: это угловатый жгутъ, образуемый пересѣченіями двухъ ломанныхъ полосокъ—зеленой и кирпично-красной. Красная полоска оканчивается справа небольшимъ завиткомъ, слѣва имѣетъ вверху болѣе крупный грубый завитокъ зеленаго цвѣта. Заставка занимаетъ правую половину строки. Этимъ, а также своей примитивностью, она приближается къ заставкамъ Саввиной книги.

Всѣ разсмотрѣнныя особенности въ области обозначенія звуковъ, въ техникѣ письма, въ стилѣ почерка и заглавныхъ буквъ убѣждаютъ насъ въ близкой зависимости листковъ Ундольскаго отъ глаголической письменности. Но черты эти характеризуютъ не спеціально нашъ памятникъ, а всю школу македонской кириллицы. Чтобы утверждать, что листки Ундольскаго списаны непосредственно съ глаголицы, были бы необходимы совершенно иныя данныя: ошибки чтенія, внесенныя кирилловскимъ писцомъ въ свой списокъ — смѣшеніе однихъ глаголическихъ буквъ съ другими, непониманіе глаголическихъ лигатуръ, глаголическія числовыя значенія буквъ и т. п. Такихъ слѣдовъ не заключаютъ Листки, и поэтому судить

---

[1]) Глаголическій образецъ Саввиной книги, подобно многимъ иниціаламъ Ассеманова Евангелія, видимо присоединялъ орнаменты къ петлѣ, не устраняя эту послѣднюю.

о качествѣ ихъ непосредственнаго оригинала мы не имѣемъ повода. Быть можетъ, впрочемъ, только незначительные размѣры памятника не позволяютъ подойти къ этому вопросу, какъ они-же не даютъ возможности произнести рѣшительное сужденіе о говорѣ памятника.

Его языкъ не даетъ для того достаточныхъ данныхъ.

Въ области полугласныхъ наблюдаются слѣдующія явленія:

1. Въ извѣстномъ положеніи старыя ъ и ь дошли до полной краткости и потеряли свой ирраціональный характеръ. Нѣсколько разъ ь выражается чрезъ є: пришєдъше л. 1, шєдъшє л. 1 bis, правєдъници л. 1 об., скръжєтъ, пришєдъши л. 2 об. (при: нишьдъшѫ л. 2 об.). Необходимо принять, что и ъ въ томъ-же положеніи перешло въ звукъ полнаго образованія; но памятникъ не открываетъ намъ, каковъ этотъ звукъ: о какъ въ Мар. Асс. Зогр. Cloz. Псалт. Треб., или ъ какъ въ Савв. Супр.: ъ въ положеніи, допускающемъ діалектическій переходъ въ о, случайно не встрѣчается въ памятникѣ [1]). На основаніи македонскаго характера графическихъ и художественныхъ пріемовъ, а также, какъ сейчасъ увидимъ, на основаніи одной фонетической черты, написаніе нашего памятника можно относить къ юго-западной области современной территоріи болгарскаго языка, что̀ въ свою очередь позволяетъ предположить для нарѣчія Отрывковъ и переходъ ъ въ о. Но утверждать послѣднее рѣшительно невозможно уже потому, что мы не имѣемъ полнаго понятія о діалектическомъ состояніи Македоніи въ переходную эпоху XI—XII вѣка.

---

[1]) Синаксарныя замѣтки нашего памятника: мѣ҃ ·:· то҃ ·:· л҃ ·:· и т. п. не содержатъ примѣра о изъ ъ, ибо должны быть читаемы мѣсѧца тогожде, а не мѣсѧцъ тожде: на род. ед. указываетъ обычай всей славянской церковной письменности, а въ самихъ нашихъ отрывкахъ надписи м҃ : л҃ : сего мѣ҃, :· м҃ ·:· л҃ ·:· авгоуста, : м҃ : єі҃ : сєнтѧбрѣ, м҃ : єі҃ : сєнтѧбрѣ ·:· ; ·:· дєкабрѣ ·:· л҃ дьнъ ·:·

2. При иномъ положеніи ъ и ь исчезали:

въ корнѣ, начальный слогъ:

кът: вторни̂

дъв: двѣнадесате

дъщ: дщи

мън: многъ, многѡ

кът: кто bis

въ приставкѣ, начальный и неначальный слогъ:

възъ: въстръгнете

въстръзажще

съ: ск|нъчѣние

изъ: ї|з него

объ: ѡбращъ са

въ суффиксахъ, срединный слогъ:

ьн: вторни̂

подѡбно

ьц: чюдотворца;

въ суффиксахъ, конецъ слова:

ъ: вам:—

Въ а̄ днъ, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ сокращеніемъ слова, а не съ выпаденіемъ полугласной: титло отсутствуетъ только потому, что для него не оставляетъ мѣста висящая надъ словомъ заставка.

Число выпаденій — ничтожно въ сравненіи съ случаями сохраненія, особенно, если имѣть въ виду некоренные слоги. Полугласныя сохраняются въ видѣ ъ въ цѣломъ рядѣ примѣровъ:

въ корнѣ, начальный и неначальный слогъ:

връг: въвръгжтъ

вьс: въсж πᾶσαν

въса πάντας

кръв: кръве

льз: полъзж

мьн: мънѣ ἐμοί

пьш: пъшеницж bis

пъшеница

свьт: просвътатъ са

съл: посълетъ

съп: съпащемъ

тъч: притъчж bis

тръг: въстръгнете;

въ приставкѣ, начальный и неначальный слогъ:

въ:	къвръгѫтъ	съ:	съберѣте
	вънесение		съберѫтъ
	къпадъши		събиражтъ сѧ
	късѣѣ		съкажѣте
	късѣѣвы bis		съжещи
из:	изъберемъ		съжиꙁажтъ сѧ
	изъберѣте		съкажи
			сътвори bis

отъ: пишется въ сокращеніи: ѿвѣщавъ, передъ гласными от: отиде; отъ въ нарѣчномъ выраженіи отъкѫдоу.

Суффиксы:

ъш: въпадъши, иждикъши, ишъдъшѫ, пристѫпльше, постр|давъши, пришедъши, пришедъше, слышавъ|ши, сътворъ[ш]ѫѫ, сѣвъшоу, шедъше bis, оубоѣвъши сѧ, обрѣтъ|ши

ьн: житьницѫ, исповѣдьникъ, истоуьникъ, коньуина, коупьно, праведьници, сельныхъ, ск|ньуѣние, сльньце, огньнѫ

ьск: уловуьскы.

Точное изслѣдованіе вопросовъ: гдѣ именно, почему и въ видѣ какого звука сохранялись полугласныя, — не возможно на основаніи столь ограниченнаго матеріала. Но можно быть увѣреннымъ, что писецъ иногда ставилъ ъ тамъ, гдѣ въ его говорѣ не слышалось никакаго звука. Такое искусственное правописаніе необходимо предположить въ словахъ късѫ, късѧ, мънѣ, сътвори, такъ какъ въ этихъ группахъ полугласная особенно рано исчезла. Одно обстоятельство должно убѣдить насъ, что писецъ отнюдь не былъ свободенъ отъ орѳографической условности: мы находимъ въ отрывкѣ написанія късъ миръ и ѿ коньцъ ꙁемлѧ; въ обоихъ случаяхъ писецъ просто замѣнилъ ь своего оригинала чрезъ ъ, вмѣсто того чтобы

по своему говору поставить є; тоже самое сдѣлалъ онъ, быть можетъ, и въ ншъдъшж, хотя въ этомъ случаѣ онъ уже въ оригиналѣ могъ найти шъ.

Наоборотъ, примѣры пропуска полугласной заслуживаютъ довѣрія. Среди нихъ особую важность имѣетъ написаніе дщн, ибо оно заключаетъ діалектическое указаніе: относительно начальной группы дъщ- территорія современнаго болгарскаго языка распадается на два района: на востокѣ находимъ *дъщеря́*, на западѣ и югозападѣ *щерка* и другіе варіанты безъ *дъ*-.

Изъ другихъ явленій языка заслуживаетъ вниманія слѣдующее:

1. Носовые звуки употребляются вполнѣ правильно; всего — около 80 примѣровъ.

2. Звукъ ѣ на письмѣ не различается отъ ꙗ, но не смѣшивается никогда съ другими звуками, всего — болѣе 50 примѣровъ. Въ скѫчѣнин находимъ единственный примѣръ смѣшенія ѧ съ ꙗ; въ съкажѣте имѣемъ, вѣроятно, настоящее ѣ, внесенное аналогіей всей массы формъ повелительнаго на -ѣте.

3. Одинъ разъ нн стянуто въ н: въ црствн; въ двухъ случаяхъ находимъ -нє, гдѣ болѣе древніе памятники пишутъ -нє и -ьє: вънєсєннє, въ тоѵєннє.

4. Два раза находимъ группу: губная + j, оба раза съ постановкой l epentheticі: прнстѫплѧше, ȥемлѧ.

5. На судьбу группы р + j указываютъ родительные ед. мѣсяцевъ на -рь, которые вошли въ классъ старыхъ именъ на -рь = -рjъ, именно: сєптѧбрѣ 4 раза, дєкѧбрѣ 1 разъ.

6. ꙃ = *dz* встрѣчается 4 раза: въстрѫꙃающє, съжнꙃѫтъ сѧ, полꙃѧ, проꙃѧбє. Ни разу не встрѣчается ȥ вм. ожидаемаго ꙃ; ꙃ въ проꙃѧбє подтверждается въ своемъ фонетическомъ значеніи показаніями среднеболгарскихъ памятниковъ: проꙃѧбє Парем. Григор., прозѧбаахѫ Хрон.

Манасс. XIV в., просѣкиїн Грамота XV вѣка, и живыхъ болгарскихъ говоровъ: *дземнжм* (см. Лавровъ, Обзоръ, 100—101). Тѣмъ не менѣе на основаніи указаній нашихъ Отрывковъ невозможно судить окончательно объ употребленіи звука *dz* въ ихъ говорѣ.

7. Изъ шипящихъ ч соединяется съ ю, шт и ш — съ оу: чюдотворца, ωшоути, сѣкъшоу (по одному примѣру); для ж и жд примѣровъ нѣтъ. — Для свистящихъ только одинъ примѣръ: оцоу.

8. Послѣ ц и ѕ находимъ только а: оцa, чюдотворца, къстрѣѕажще, съжнѕажтъ са. Послѣ ч (единственный примѣръ для группы ча) находимъ ѣ: сконьчѣние. Послѣ ж (единственный примѣръ) находимъ ѣ въ съкажѣте; с слова вьсь и родственныхъ словъ не встрѣчается съ послѣдующимъ а, и о степени мягкости такого с судить нельзя.

Матеріалъ слишкомъ ограниченъ для опредѣленнаго вывода, но предположительно можно принять, что въ говорѣ нашего памятника ч мягче другихъ шипящихъ и мягче свистящихъ.

9. Въ говорѣ отрывковъ старое *skai* чрезъ сцѣ измѣнилось въ стѣ: по пастѣ (это слово и въ другихъ памятникахъ измѣняется такъ, какъ будто-бы оно содержало к).

10. Листки содержатъ, подобно Добромирову Евангелію XII вѣка, неясное тодга при тогда, егда (всё по одному примѣру).

11. Имена собственныя, какъ видно изъ слѣдующаго перечня, далеко не всегда имѣютъ книжную форму: гюрна, самонъ, акика; андрѣа; варвары, оулѣнина, глигорнѣ, филипа, климентоу.

Въ области морфологіи можно отмѣтить:

1. Совмѣстное употребленіе сложнаго, именнаго и мѣстоименнаго склоненія прилагательныхъ:

сꙮ҃та апꙮ҃ла
g. s. m. сꙮ҃таго . . . . . . сꙮ҃та прꙮ҃рка
g. s. f. сꙮ҃тыꙗ bis. . . . . сꙮ҃ты кꙮ҃ца
сꙮ҃ты мꙮ҃ца
d. s. m. . . . . сꙮ҃томоу.

2. Въ глаголѣ находимъ формы: 2 л. ед. хоштн = хоштєшн; 3 л. ед. нматъ съ однимъ л; 3 л. ед. вжде (вжде плачъ) безъ окончанія -тъ; спєтъ въ смыслѣ аориста ἔσωσε; 3 мн. аор. рѣшѧ.

Изъ синтактическихъ явленій отмѣтимъ употребленіе дательнаго въ: врѣмѧ жатвѣ.

Въ словарѣ:

Греческому *ζιζάνια* соотвѣтствуетъ единств. ч. плѣвєлъ въ отрывкѣ Мѳ. XIII. 24—30, множественное плѣвєлн въ отрывкѣ Мѳ. XIII. 36—43, хотя уже въ Мѳ. XIII. 30 читаемъ при нзъберѣтє прѣждє плѣвєлъ множественное мѣстоименія: съвѧжѣтє ꙗ въ снопы.

Находимъ цр҃стко Мѳ. XIII. 24, но цр҃ствнѣ Мѳ. XII. 38.

Находимъ прилаг. нб҃сноє Мѳ. XIII. 24 (не нб҃скоє).

Находимъ трѣва.

Находимъ єтєра.

На чтеніи греческаго текста основано въ тоуєніє кръвє: εἰς etc. вм. ἐν ῥύσει αἵματος.

Палеографія принуждена ограничиваться самыми общими опредѣленіями, когда вопросъ касается вѣка древнѣйшихъ югославянскихъ памятниковъ. Причина такой безпомощности заключается въ томъ, что старославянскихъ памятниковъ опредѣленнаго времени мы не имѣемъ совершенно, а сербскихъ и болгарскихъ — до конца XII вѣка. Болѣе богатая датами русская письменность идетъ своими особыми путями и не даетъ прямыхъ указаній для хронологіи дошедшихъ до насъ югославянскихъ рукописей. По состоянію языка, по обозначенію звуковъ старо-

славянскіе и среднеболгарскіе памятники могутъ быть приведены въ извѣстную хронологическую скáлу, но таковая имѣетъ главнымъ образомъ теоретическій интересъ, такъ какъ на практикѣ мы завѣдомо имѣемъ дѣло со средой, представлявшей многочисленные одновременные говоры на различныхъ ступеняхъ развитія, и ороографическія школы, различно старавшіяся удовлетворить возникавшимъ потребностямъ языка, грамотности и вкуса. Районы древнихъ говоровъ и ороографическихъ школъ остаются для насъ во многомъ неясными.

Вотъ почему я затрудняюсь опредѣлить эпоху отрывковъ Ундольскаго по типамъ почерка и фактамъ языка. На этомъ пути изслѣдователь встрѣчаетъ неизчислимыя затрудненія. Такъ, напр., округлая чаша у ѵ и высокая средина у ω считаются признакомъ древности, послѣднее — даже признакомъ XI вѣка (въ русской письменности). Оба типа (2-ой особенно) господствуютъ въ листкахъ Ундольскаго; но оба типа находятся и въ Болонской псалтыри — ѵ у 1-го и 2-го писца, ω у 1-го и 3-го. Въ языкѣ Листковъ недостаетъ только смѣны юсовъ, чтобы по общепринятому обычаю отнести памятникъ къ „среднеболгарскому“ разряду. Между тѣмъ существуютъ живые болгарскіе говоры, и между ними нѣкоторые югозападные, повидимому, совершенно не знавшіе смѣны юсовъ. И, наконецъ, можно-ли быть увѣреннымъ, что въ той или иной діалектической формѣ эта смѣна была вполнѣ чужда нашему памятнику въ его первоначальномъ объемѣ? Наоборотъ, можно утверждать, что подобно среднеболгарскимъ памятникамъ Листки относятся отрицательно къ старославянской системѣ двухъ полугласныхъ и подобно имъ менѣе смѣлы въ удаленіи полугласной выпавшей, чѣмъ нѣкоторые памятники старославянскаго разряда. Быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ чертахъ ороографіи памятникъ проявляетъ ту условность, которая стала обязательной въ среднеболгарскую эпоху. Эти факты во всякомъ случаѣ необходимо принять въ разсчетъ при оцѣнкѣ тѣсной ху-

дожественной зависимости Листковъ отъ такихъ глаголическихъ рукописей, какъ Мар. и еще болѣе — Ассем.

Листки Ундольскаго по времени возникновенія должны быть поставлены между Ассемановымъ Евангеліемъ съ одной стороны и Болонской псалтырью съ другой. Въ Листкахъ мы имѣемъ, всего вѣроятнѣе, болгарскій памятникъ первой половины XII-го вѣка.

В. Щепкинъ.

Москва, 7 янв. 1902 г.

ОБЪЯСНЕНІЯ

нѣкоторыхъ славянскихъ словъ.

I. Объ имени славянъ.

Происхожденіе имени славянъ давно занимаетъ и чужихъ и самихъ славянъ. Насколько мнѣ извѣстно, существуютъ четыре разныхъ теоріи объ этомъ словѣ.

Первая, по которой славянинъ производился отъ славы, пріобрѣла громкую извѣстность благодаря краснорѣчію Коллара, но она „скорѣе поэтическая выдумка, чѣмъ результатъ ученаго изслѣдованія", какъ отзывается о ней Шафарикъ и невозможна уже потому, что первоначальная форма не славянинъ, а словѣнинъ.

Другая, также весьма старая теорія, имѣетъ до сихъ поръ послѣдователей. Еще *Мюлленгофъ* въ Deutsche Altertumskunde II, стр. 106 сл. пишетъ: „Njemez d. i. der stumme, nicht redende hiess dem Slawen ursprünglich doch wohl jeder fremde und ausländer im gegensatz zu dem Slowenen, dem verständlich redenden, ehe daraus der name für die Germanen oder Deutschen wurde". И это повторяетъ О. Шрадеръ въ своемъ прекрасномъ трудѣ Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, стр. 922. Конечно, очень соблазнительно производить слово нѣмецъ отъ нѣмой, первоначальное значеніе котораго не „mutus", а „непонимающій" (nĕmъ = nĕ, срв. авест. naē, + ьmъ, ср. po-jьmǫ, пойму), но тѣмъ не менѣе эта этимологія очень мало убѣдительна, особенно когда при объясненіи слова нѣмецъ отъ нѣмой надо прибѣгать къ ни на чемъ не основанному предположенію, буд-

то бы нѣмцемъ назывался „всякій чужой и иностранецъ“. Нѣмецъ было только названіемъ германскихъ сосѣдей. Происхожденія этого имени можно, по моему, скорѣе искать въ названіи Nemetes. Во время Юлія Цезаря это германское племя жило на Рейнѣ приблизительно около нынѣшняго г. Шпейера, но названіе ихъ кельтскаго происхожденія, *Müllenhoff*, Deutsche Altertumskunde, II, 301). Это было, вѣроятно, германизовавшееся кельтское племя, которое нѣкогда находилось въ сосѣдствѣ съ славянами. Такимъ образомъ нѣмецъ первоначально обозначало кельтскихъ сосѣдей славянъ, мѣста которыхъ потомъ заняли германцы. О древнемъ сосѣдствѣ кельтовъ свидѣтельствуютъ мало изслѣдованныя пока кельтскія слова въ славянскихъ языкахъ. Перенесеніе имени отъ одного племени къ другому нерѣдкое явленіе, стоитъ только вспомнить объ имени волоховъ, которое какъ и его источникъ германск. valha тождественно съ названіемъ кельтскаго племени Volcae, а потомъ обозначаетъ романцевъ. Теперь мы должны разсмотрѣть утвержденіе, будто бы словѣнинъ происходитъ отъ слово и значитъ „verständlich redender“. Положимъ, что данное племя, въ противоположность чужому, называетъ себя „понятно, толково говорящимъ“, сравн. škʹipɛtấr „понимающій“, туземное названіе албанцевъ отъ алб. škʹipóń, что въ свою очередь заимствовано изъ лат. excipere, Шрадеръ l. c., но тѣмъ не менѣе словѣнинъ не можетъ быть производимо отъ слово, потому что суффиксъ -ěnin, -janinъ обозначаетъ принадлежность къ какому нибудь мѣсту. Это замѣчено уже *Добровскимъ*. По этому онъ представилъ новую, третью теорію: словѣнинъ можно объяснить только отъ имени той страны, гдѣ издревле господствовалъ словянскій или словенскій языкъ и эта страна называлась Slowy, совсѣмъ какъ Polan и Polak происходятъ отъ polj, Morawan и Morawec отъ Morawa, Slezan и Slezák отъ Slez. Časopis česk. mus. 1827, I, стр. 83 (я цитирую по нѣмецкому изданію Шафарика Slaw. Alterthümer, III, 45).

Эта теорія имѣетъ только одну слабую сторону: Шафарикъ не можетъ указать намъ страну называемую „Slowy".

Четвертая теорія представлена профессоромъ Бодуэнъ-де-Куртенэ. По его мнѣнію, славяне получили свое имя отъ своихъ южныхъ сосѣдей, романскихъ народовъ. Такъ какъ существуетъ большое число славянскихъ личныхъ именъ на -славъ: Богославъ, Брониславъ, Ярославъ и т. п., то чужимъ это окончаніе показалось настолько характернымъ, что они начали называть не только носителей этихъ именъ, но вообще всѣхъ ихъ соплеменниковъ „славами". Это названіе приняли и сами славяне, замѣняя короткое *a* чужого языка своимъ *o*. Такъ и получилось имя словѣнинъ (см. *Baudouin de Courtenay*, Sull' appartenenza linguistica ed etnografica degli slavi del Friuli. Cividale 1900). Но и эта остроумная теорія не можетъ устранить всѣхъ трудностей. Если допустить возможность, что характерная часть личныхъ именъ (-славъ) черезъ посредство романской рѣчи обратилась въ племенное названіе носителей именъ на -славъ у южныхъ славянъ, ближайшихъ сосѣдей романцевъ, то спрашивается, откуда имя словѣнинъ явилось такъ далеко на сѣверѣ, какъ напр. на Ильменѣ (у новгородскихъ словѣнъ) и въ Помераніи (у словинцевъ на Гардненскомъ озерѣ). Ближайшими сосѣдями первыхъ были финны, которые называютъ славянъ (русскихъ) вендами (Venäjä, Venää изъ *Venätä). Также у германцевъ самымъ древнимъ названіемъ славянъ было, какъ извѣстно, winida (др.-в.-н.), vindr (др.-ск.).

Надо въ такомъ случаѣ искать новаго объясненія. Туземныя названія нѣкоторыхъ племенъ обозначаютъ просто принадлежность къ одному и тому же племени или сословію. Такъ, напр., эстонцы называютъ себя maarahvas отъ maa „земля, страна" и rahvas „народъ", т. е. народъ земли: туземцы въ противоположность нѣмецкимъ пришельцамъ, Teutones или Teutoni зна-

читъ „принадлежащихъ къ (одному и тому же) народу“; древне-сканд. Suéar „шведы“ стоитъ въ связи съ древе-в.-нѣм. ge-swio „Verwandter durch Anheiratung“ (Much, Deutsche Stammeskunde, 138) и съ славянскимъ „свой“: suéar — просто „свои люди“; названіе финнскаго племени Karjalaiset, кореловъ, происходитъ отъ слова karja „стадо“, первоначально отъ древнегерм. *harja-, нѣм. Heer, стало быть, Karjalaiset — „принадлежащіе къ одной толпѣ“. Въ виду этого я сопоставляю slov-ěninъ съ греч. λᾱϝός изъ *σλᾱϝός. Если долгота перваго слога здѣсь не возникла на почвѣ самого греческаго языка, то приходится допустить чередованіе гласныхъ („ablaut“). Дальше укажу на кельт. *slougos, ирск. slúag „Schar, Zug, Heer“, *tego-slougos : ирск. teglach „Hausgenossenschaft“ (*Stokes*, Urkelt. Sprachschatz, стр. 321), гдѣ коренная часть *slou- (съ Розвадовскимъ я считаю слав. слуга заимствованнымъ изъ кельтскаго). Такимъ образомъ slov-ěninъ значитъ „членъ племени“. Въ связи съ этимъ не могу не упомянуть о словѣ чехъ. Оно происходитъ отъ слова četa: церковнослав. чета „agmen, cohors“, слов. četa „толпа“ и т. д. Отношеніе производного чехъ къ слову чета такое же, какъ, напр., племенного названія ляхъ къ лядь-скій, чух(-на) къ чудь и др. Чехъ значитъ въ такомъ случаѣ „членъ толпы“ или, можетъ быть, „войска“, ср. Karjalainen выше, кельт. Corii, герм. Harii (герм. *harja „толпа, войско“). Весьма распространенное славянское племенное названіе сербъ, праслав. sьrbъ, справедливо отождествляется Сольмсеномъ (Kuhn's Zeitschrift, XXXVII, 592—597) съ словомъ -sьrbъ (ср. насербъ), но съ его мнѣніемъ, будто sьrbъ черезъ перестановку согласныхъ произошло отъ *sьbrъ (р. ссберъ), никакъ не могу согласиться, уже потому что послѣднее неславянское слово.

---

2. Господь.

Кто имѣлъ счастье слушать лекціи Филиппа Өеодоровича Фортунатова, тотъ уже давно знаетъ, что обозначаемый буквой *г* согласный звукъ въ словахъ господь и богъ и въ окончаніи родительнаго падежа муж. и ср. рода у мѣстоименій и прилагательныхъ происходитъ не изъ праславянскаго *g*, а изъ фрикативнаго *h* или γ. Филиппъ Өеодоровичъ, по моему, вполнѣ убѣдительно объясняетъ форму того изъ общеславянскаго *toγò и эту форму въ свою очередь изъ индоевр. *tojò, Русск. Фил. Вѣст. XXXIII и Bezzenberger's Beitr. XXII 181 и сл. Придыхательный γ въ словѣ богъ объясняется тѣмъ, что это слово заимствовано изъ иранскихъ языковъ. Но откуда явился *h*(γ) въ словѣ господь и его производныхъ, аналогичныя видоизмѣненія котораго встрѣчаются и въ русскомъ языкѣ и въ кашубскихъ говорахъ (hосподь, восподь, осподь и каш. словинц. vi̯ȯspodȏř)? Очевидно, это звуковое явленіе обусловлено заимствованіемъ. *Мухъ*, Deutsche Stammeskunde Festschrift für Heinzel стр. 215 и Deutsche Stammeskunde стр. 36 считаетъ мнимое гот. *gastifaþs источникомъ славянскаго слова. Противъ этого говоритъ, во первыхъ, то обстоятельство, что слово *gastifaþs не встрѣчается ни въ одномъ германскомъ нарѣчіи. Даже въ случаѣ если такое слово нѣкогда существовало въ какомъ нибудь германскомъ нарѣчіи, хотя оно случайно не сохранилось, гипотеза Муха не можетъ объяснить намъ, почему славянское слово начинается не эксплозивой *g*, а придыхательнымъ. Во всѣхъ другихъ словахъ, заимствованныхъ изъ германскаго, германскому *g* соотвѣтствуетъ *g* и въ славянскомъ, напр. герм. gaman, слав. gomonъ, герм. *ganazjan (ср. др.-в.-нѣм. ginezjan) : слав. gonoziti, др.-в.-н. gawīhjan : слав. gověti, герм. gans : слав. gǫsь (чисто славянская форма была бы *žǫsь, ср. лит. żąsis). Слав. *hospodь или *γospodь за-

имствовано изъ языка, имѣющаго въ соотвѣтствующемъ словѣ начальный придыхательный и такой видъ нашего слова представляютъ только италійскіе языки. Поэтому я читаю источникомъ славянскаго *hospodь италійскую форму въ родѣ лат. hospes изъ *hostipotis.

Такого рода соприкосновеніе между италійскими и славянскими языками произошло въ то время, когда италійцы еще не жили въ Италіи, а были только, такъ сказать, въ пути на полуостровъ. Кречмеръ въ Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache стр. 146 и слѣд. указалъ уже на замѣчательныя лексикальныя совпаденія изъ области культурныхъ словъ между италійскими съ одной стороны и славянскими и балтійскими языками съ другой стороны, какъ лат. faba : слав. bobъ, лат. *cāso- откуда cāseus : слав. kvasъ, лат. fornus : слав. gъrnъ. Особенно замѣчательны слова, какъ лат. secūris : слав. sekyra, лат. aurum (*auzom): лит. áuksas, прус. ausis, лат. falx : лит. dal̃gis (см. мою статью въ Bezzenbergers Beiträge XXV, 74). При словѣ secūris : sekyra сходство такъ поразительно, что оно не можетъ быть объяснено иначе, какъ тѣмъ, что или славяне заимствовали слово у италійцевъ или наоборотъ. Балтійское слово, обозначающее золото, само уже обличаетъ свое чужестранное происхожденіе: иначе нельзя объяснить отношеніе прусскаго ausis къ литовскому áuksas. Странное сочетаніе *ks* между двумя гласными въ литовскомъ я считаю попыткой замѣнить чужое *z* (auzom), котораго нѣтъ въ литовскомъ въ положеніи между гласными.

Но если начальный согласный славянскаго слова *hospodь несомнѣнно указываетъ на источникъ въ родѣ *hostipotis, какъ же объяснять конечное *d*? Надо припомнить, что *hostipotis не только „Herr und Beschützer des Fremden“, онъ также угоститель „Bewirter, Gasstgebar“ и именно это значеніе дало поводъ къ составленію слова *hospoda „мѣсто, гдѣ *дается* угощеніе“, и дальше къ произведенному изъ послѣдняго *hos-

podarь „*датель* угощенія". Однимъ словомъ, *d* вмѣсто древняго *t* возникло подъ вліяніемъ слова дать. Понятно, что и *hospotь примкнуло къ словамъ *hospoda и *hospodarь и перешло въ *hospodь. Относительно сочетанія *sp* придется допустить или очень древнее отпаденіе срединнаго *i* въ hostipotis или отпаденіе ъ (и ь) въ извѣстныхъ случаяхъ еще въ общеславянскую эпоху.

---

3. Лодья и другія слова.

Лодья и родственныя съ нимъ слова другихъ славянскихъ языковъ, какъ извѣстно, сопоставляютъ съ лит. eldijà „Flusskahn", которому у Ширвида въ южнолитовской формѣ соотвѣтствуетъ eldze. Литовское слово производитъ впечатлѣніе очень древняго заимствованія изъ славянскаго еще до развитія полногласія. Какъ бы то ни было, въ этимологическомъ отношеніи это славянское (и литовское) слово не выяснено. Въ большинствѣ случаевъ имена судовъ происходятъ отъ именъ посуды. Всякій русскій замѣчаетъ связь между судномъ и посудою. Оба значенія имѣетъ также др.-в.-н. scif, франц. vaisseau и т. д. Подобнымъ образомъ также лодья, или скорѣе праславянская форма этого слова, обозначала родъ посуды. Въ финскомъ языкѣ встрѣчается слово allas (изъ первоначальной формы *aldas, какъ это видно, напр., изъ род. над. altaan, древнѣе altahan изъ *aldasan); значеніе этого слова „корыто" и „большая посуда". Финское слово заимствовано, и съ довольно большою опредѣленностью можно сказать, что источникъ его есть въ литовскомъ языкѣ. Формы *aldas, пожалуй, нѣтъ въ литовскомъ языкѣ, но есть aldà (см. Словарь А. Юшкевича), хотя не въ томъ значеніи, какое имѣетъ фин. allas. Лит. aldà у Юшкевича значитъ, правда, „попойка; hulatyka", но стоитъ только вспомнить

русск. попой, во первыхъ въ значеніи „гульба, пьяное угощенье“ и во вторыхъ „водопой“, чтобы понять, что и лит. aldà „попойка“ могло развиваться изъ *aldà „водопой, корыто“. Сюда относится, можетъ быть, и лит. áldija „большая изба“ (у Юшкевича); ср. разныя значенія нѣм. Zimmer и родственныхъ съ нимъ словъ другихъ германскихъ языковъ, начиная съ „бревна“ до „комнаты“.

Такъ объясняется и польск. okręt „корабль“. Корбутъ въ своемъ изслѣдованіи «Wyrazy niemięckie w języku polskim» (Prace filologiczne, т. IV) многократно, хотя нерѣшительно, производитъ польск. okręt отъ мнимаго нѣм. Hochrand. Но если бы okręt было также довольно поздно заимствованное слово, оно никакъ не могло бы дать бѣлорусскую форму окрут, на которую непремѣнно указываетъ лит. ãkrūtas. На самомъ дѣлѣ, okręt гораздо болѣе древняго происхожденія. Его первоначальное значеніе было „посуда“. Это доказываетъ фонетически тождественное хорватско-чакавское ȍkrut „doliolum“ (см. *Nemanić*, Čakavisch-kroatische Studien, Sitzungsber. Wien. Ak. Phil.-hist. Cl. CIV, стр. 390). Вторая часть нашего слова -krǫt фонетически соотвѣтствуетъ лит. krañtas; *okrǫt, стало быть, „посуда съ высокими *краями*“.

Отъ названія судно не далеко перейти къ названію паруса. Русск. парусъ уже не знаю сколько разъ сопоставлено съ гр. φᾶρος, и тѣмъ не менѣе это сопоставленіе нисколько не убѣдительно. Греческое окончаніе ος замѣняется при заимствованіи въ славянскіе языки окончаніемъ ъ. Такъ, напримѣръ, греч. κῆτος даетъ русск. китъ, στίχος : стихъ, χορός : хоръ и т. д. Только въ ученомъ и торжественномъ стилѣ -ος замѣняется окончаніемъ *-осъ*, какъ, наприм., китосъ вмѣсто китъ, клиросъ, и Христо́съ вмѣсто Христъ. По этому изъ φᾶρος слѣдовало бы ожидать или *фаръ, *паръ или *фаросъ, *паросъ, а никакъ не парусъ. Кромѣ того, φᾶρος употребляется исключительно въ эпи-

ческомъ и потомъ вообще въ поэтическомъ языкѣ и у Геродота; въ значеніи „парусина“ оно встрѣчается въ Одиссеѣ, но даже здѣсь *φᾶρος* не terminus technicus, а просто поэтическое выраженіе. Впрочемъ оно или египетскаго или семитическаго происхожденія (см. *Helbig*, Das Hom. Epos aus den Denkmälern erläutert², 195). Парусъ — сложное слово, состоящее изъ префикса *па-* и *-русъ*. Вторая часть *-русъ* стоитъ въ связи съ общеславянскимъ ruχo „платье, полотно“. Объясненіе отношенія *s* : χ между -русъ и рухо оставимъ здѣсь въ сторонѣ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко.

---

4. О нѣкоторыхъ названіяхъ изъ области водяной фауны.

Систематическое изслѣдованіе лексикальнаго запаса славянскихъ языковъ по извѣстнымъ категоріямъ имѣетъ значеніе не только для культурной исторіи славянъ, но также въ извѣстныхъ случаяхъ для отысканія и опредѣленія ихъ первоначальной родины. Поэтому меня очень интересовали названія изъ области водяной фауны. Изслѣдованіе этихъ, какъ и вообще названій животныхъ однако представляетъ большія трудности, въ виду громаднаго распространенія нѣкоторыхъ названій. Такъ, напр., одно и то же названіе мыси встрѣчается начиная съ манджурскаго и тунгузскаго языка и кончая всѣми финно-угорскими языками, хотя родство послѣднихъ съ первыми болѣе чѣмъ сомнительно; или: русск. сорога „cyprinus rutilus“, лат. sargus, алб. saragε и т. д. (см. G. Meyer, Etymologisches Wörterbuch der alban. Sprache, стр. 379) и соотвѣтствующее слово финно-угорскихъ языковъ (финн. särki, мордв. säŕgä и т. д.)[1].

---

[1]) Torbiörnsson, Die gemeinslavische Liquidametathese, I, стр. 31. утверждаетъ, будто бы фин. särki заимствовано изъ

Приведу здѣсь два три примѣра изъ славянскихъ языковъ.

Начнемъ съ тюленя. Общеславянскаго названія нѣтъ. Русское слово заимствовано изъ лопарскаго: норвежско-лопар. dullja, которому въ нарѣчіи восточныхъ лопарей должно соотвѣтствовать tul'l'a. Китъ также не имѣетъ общеславянскаго названія.

Перейдемъ къ рыбамъ. Какъ извѣстно, общеиндоевропейскаго названія рыбы не существуетъ: съ одной стороны латинскій языкъ, германская и кельтская группа имѣютъ свое общее слово: piscis, *fiskaz, *peiskos (ир. íasc), а съ другой стороны греческій, армянскій и балтійскіе языки указываютъ на одно слово (ἰχθύς, jukn, žuvìs). Особнякомъ стоитъ не только санскритъ съ своимъ matsya-, но и славянская группа. Повидимому, каждая языковая группа обобщала названіе какой нибудь отдѣльной породы рыбъ. К. Ф. Югансcонъ (Johansson) въ Bezzenbergers Beitr. XIII, стр. 117 и сл. совершенно вѣрно сопоставилъ литов. žuvìs, žuk-, греч. ἰχθύς со шведскимъ *gius (теперь gös) „судакъ". Подобнымъ образомъ и славянское слово рыба было первоначально названіемъ извѣстной породы — налима, такъ какъ рыба фонетически родственно съ древне-верхне-нѣм. rûppa, теперешнимъ нѣм. Aal-raupe „налимъ". Почему именно налимъ сдѣлался рыбою κατ᾽ ἐξοχήν объясняется тѣмъ, что очень легко ловить его

Но въ славянскихъ языкахъ встрѣчается и названіе рыбы, родственное съ латинскимъ piscis и кельтскимъ (p)eiskos — piskorь, которое въ разныхъ славянскихъ языкахъ обозначаетъ или „пескаря" или „мурену" или „миногу". Безъ суффикса -orь основа *peisko-

---

русскаго, но это невозможно уже потому, что русскому полногласному сочетанію *-оро-* соотвѣтствуетъ въ старыхъ финскихъ заимствованіяхъ *-ar-*. Кромѣ того, särki обще-финско-угорское слово и такихъ заимствованій изъ славянскихъ языковъ не встрѣчается.

выступаетъ въ русскомъ п е с к о - з о б ъ, - з у б ъ, гдѣ вторая часть темнаго происхожденія. Русская форма п е с к а р ь возникла вслѣдствіе народной этимологіи, какъ будто слово происходило отъ п е с о к ъ, сравни нѣм. Sandbeischer.

I. Миккола.

Гельсингфорсъ.

Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія.

Бругманнъ въ своей греческой грамматикѣ (§ 14) говоритъ о греческихъ двоегласныхъ, какъ о соединеніи слоговой гласной съ неслоговой или полугласной, т. е. какъ о звуковой группѣ, въ сущности не отличающейся отъ любого закрытаго слога съ краткой гласной. Впрочемъ таковъ господствующій взглядъ на этотъ вопросъ, да такъ обыкновенно и опредѣляются двоегласныя вообще въ нашихъ руководствахъ по языкознанію. Однако достаточно было бы, казалось, уже литовскихъ и латышскихъ двоегласныхъ для того, чтобы измѣнить такое опредѣленіе: этимъ языкамъ свойственны двоегласныя не только въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, т. е. соединенія слогового и неслогового элементовъ, но и такія, въ которыхъ обѣ части одинаково слоговыя и притомъ одна изъ нихъ положительно долга, какъ обыкновенная долгая гласная, а другая — кратка, какъ обыкновенная краткая помимо соединенія въ дифтонгѣ. Правда, лингвистъ признаетъ такія соединенія звуковъ (двухъ гласныхъ или voc.+liqu.) за двоегласныя, а не за два слога, но чуть-ли не только потому, что ясно видитъ ихъ происхожденіе, напр., aũ при u, но именно видитъ, а не ощущаетъ непосредственно, если не говоритъ съизмала на этихъ языкахъ или не изощрилъ къ нимъ своего слуха; такъ-же опредѣлитъ ихъ, можетъ быть, и природный

Литвинъ или Латышъ; но какъ-же не слышать, что хоть то-же ай требуетъ въ произношеніи не столько времени, сколько, напр., нѣмецкое au въ Baum, а скорѣе столько, сколько aue въ Bauer? Не забудемъ, что и Bauer, Feuer, Leier и т. п. двусложныя слова были нѣкогда односложны (bûr — báůr и т. д.), а съ теченіемъ времени стали рѣшительно двусложными вслѣдствіе, такъ сказать, слоговой длительности сочетаній ur, ir. Такъ-же у Англичанъ двоегласныя ai и au+r передъ согласной или остановкой произносятся часто въ два слога, откуда такія риѳмы, какъ у Шекспира въ Гамлетѣ (II, 2):

Doubt thou the stars are *fire*,
  Doubt that the sun doth move,
Doubt truth to be a *liar*,
  But never doubt I love.

Такой выговоръ даже отмѣченъ необычнымъ правописаніемъ въ старинной балладѣ «The baffled knight, or lady's policy» ст. 69—72 (Thomas Percy, Reliques of ancient english poetry, II, p. 283, ed. Tauchn.):

He from his saddle down did light
  In all his riche attyer;
And cryed, As I am a noble knight,
  I do thy charms admyer

вмѣсто attire и admire. Такъ всегда flower изъ франц. fleur, tower изъ tour, хотя hour изъ heure и т. п. Подобныя двоегласныя есть и въ итальянскомъ языкѣ, въ которомъ Славянинъ или Нѣмецъ, привыкшій къ своимъ двоегласнымъ изъ гласной и полугласной (ai, oi, ei, au, ou, eu, öü), слышитъ каждый разъ не соединенія гласныхъ, а по двѣ самостоятельныхъ гласныхъ съ зіяніемъ, напр. въ Láura, Faustína, Európa, oimè, aitár, Teobáldo, Dioméde, Páolo, marmóreo. Подобно этимъ примѣрамъ и латинское laus Deo въ устахъ Итальянца звучитъ такъ, что намъ кажется, будто онъ произноситъ laus въ два слога. Точно такъ-же плохо нашъ слухъ улавливаетъ итальянскую элизію или, говоря иначе, συναλοιφή конеч-

ной гласной слова съ начальной слѣдующаго. На самомъ дѣлѣ въ два слога выговариваются почти только сочетанія двухъ гласныхъ въ концѣ слова съ удареніемъ на первой передъ паузой, а внутри фразы или стиха эти-же сочетанія звучатъ за одинъ слогъ. То и другое можно видѣть въ слѣдующемъ стихѣ Петрарки (11-сложномъ):

Sopra 'l monte Tarpéo, canzon, vedráï.

Встрѣчаются примѣры разложенія двоегласной и помимо этихъ условій, напр. у того-же Петрарки (въ 11-сложномъ стихѣ):

Pur Faüstina il fa qui stare a segno,

у него-же:

Ad una gran marmoreä colonna,

у Маркетти (въ 8-сложномъ стихѣ):

S' allegraran quest' aüre.

и т. п. Но это исключенія, важныя однако въ томъ смыслѣ, что устраняютъ возможность такого толкованія подобныхъ соединеній въ итальянскомъ языкѣ, какое мы были бы склонны дать имъ по аналогіи съ нашими такъ называемыми двоегласными, признавая въ нихъ части слоговую и неслоговую, изъ которыхъ одна въ добавокъ звучитъ, пожалуй, какъ неслоговыя i̯ или u̯. Что-же касается правила, то оно состоитъ въ томъ, что всякія двѣ (а иногда и три) стоящія рядомъ гласныя, принадлежатъ-ли онѣ одному слову или двумъ, считаются за одинъ слогъ, — иначе говоря, образуютъ дифтонгъ, части котораго приблизительно равны между собою, а именно каждая равняется (опять-таки приблизительно) половинѣ длительности слога [1]). Сто́итъ только произнести такія двѣ

---

[1]) Постоянное исключеніе отсюда составляютъ съ одной стороны сочетанія съ неизмѣнно неслоговыми i и u (какъ già, гдѣ i есть только показатель выговора g какъ *чжъ*=iam, tiène изъ tenet, fáccia, tèmpio изъ templum, più изъ plus, buòno изъ bonus, guastare изъ vastare), съ другой — слова, весьма немногочисленныя, какъ fïata, soáve, paüra (всѣ съ удареніемъ на второй части дифтонга), которыя никогда не допускаютъ сліянія своихъ гласныхъ въ одинъ слогъ.

сосѣднія гласныя одинаковымъ темпомъ съ прочими или дать почувствовать между ними зіяніе посредствомъ смычки или согласнаго приступа (fester Einsatz) передъ второй, — и получится не двоегласная, а двѣ самостоятельныхъ въ слоговомъ отношеніи гласныхъ, какъ áüra вмѣсто áura. На это, не то односложное, не то двусложное, áu похоже наше сочетаніе тѣхъ-же звуковъ въ словахъ *Яуза*, *кляуза*, *пауза*, которыя мы обыкновенно признаемъ трехсложными, кажется, только потому, что въ русскихъ словахъ нѣтъ двоегласной *ау*. Съ такимъ-же трудно опредѣлимымъ у насъ соединеніемъ гласныхъ наше простонародіе, особенно женщины, выговариваетъ *бáушка* (вм. *бабушка*) и *дéушка* (вм. *дѣвушка*) въ смыслѣ звательнаго падежа. Вслѣдствіе наклонности Англичанъ къ комканью слоговъ слiянія гласныхъ въ томъ-же родѣ попадаются и у нихъ, напр. у Шекспира Othello, III, 3:

That came a wooing with you, and so many a time.

Легкость или трудность физіологическаго опредѣленія въ этихъ случаяхъ (помимо стиха) зависитъ отъ чувствительности даннаго языка къ двумъ, только что указаннымъ, явленіямъ — къ опредѣленной длительности слоговъ и къ съ согласному приступу или, что̀ то-же, къ зіянію. Въ обоихъ отношеніяхъ итальянскій языкъ стоитъ выше русскаго, но уступаетъ языкамъ строго-количественнымъ, между которыми по тонкости акустическихъ различеній одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ языку древне-греческому. Потому, если у Итальянцевъ Tarpéo или marmòreo звучатъ обыкновенно такъ, что конечныя *e* и *o* вмѣстѣ равняются одному слогу съ раздѣленіемъ его приблизительно пополамъ, то у Грековъ, напр., въ стихахъ Архилоха:

Νῦν δὲ Λεώφιλος μὲν ἄρχει, Λεώφιλος δ᾽ ἐπικρατεῖ,
Λεωφίλῳ δὲ πάντα κεῖται, Λεωφίλου δ᾽ ἀκούεται

гласныя εω, составляя одинъ слогъ, должны произноситься по такому расчету (конечно, тоже приблизительному), чтобы ε длилось $^2/_3$ моры, а ω — $^1/_3$. Что звукъ *е* въ по-

добныхъ случаяхъ не сокращался въ j, видно изъ такихъ примѣровъ, какъ первое Λεώφιλος, передъ которымъ δὲ обязательно кратко, у Θеогнида 56:

Ἔξω δ' ὥστ' ἔλαφοι τῆς δ' ἐνέμοντο πόλεος,

въ Эсхиловыхъ Эвменидахъ ст. 688 и 691:

Καὶ μὴ τὸ δεινὸν πᾶν πόλεως ἔξω βαλεῖν.
Ἔρυμά τε χώρας καὶ πόλεως σωτήριον

или тамъ-же ст. 896:

Πρεπτῶν ἀγώνων οὐκ ἀνέξομαι τὸ μὴ οὐ

или у Праксиллы:

Ἀλλὰ τεὸν οὔποτε θυμὸν ἐνὶ στήθεσσιν ἔπειθον,

и даже съ двоегласной въ первой части, напр., у Θеогнида 931:

Φείδεσθαι μὲν ἄμεινον, ἐπεὶ οὐδὲ θανόντ' ἀποκλαίει,

гдѣ впрочемъ ει, вѣроятно, утратило ι, какъ въ ἐπεάν. Здѣсь слоги πό-, τὸ-, -λὰ и ἐ- также должны быть кратки передъ односложными -λεως, μὴ οὐ, τεὸν и -πεὶ οὐ. Односложвое θεός отличалось отъ двусложнаго, вѣроятно, только отсутствіемъ смычки, а не количественнымъ отношеніемъ между гласными; въ другихъ же падежахъ при сліяніи гласныхъ, какъ у Θеогнида 171:

Θεοῖς εὔχου, θεοῖς ἐστιν ἔπι κράτος· οὔ τοι ἄταρ θεῶν,

это отношеніе могло быть приблизительно $^2/_3 + ^4/_3$ моры. Думать, что въ этихъ случаяхъ ε произносилось какъ i̯, возможно, кажется, лишь относительно τεόν у Праксиллы вслѣдствіе не только параллельнаго въ другихъ нарѣчіяхъ σός (фонетически *цос*?), но и по исключительному положенію этого слова въ ряду примѣровъ сліянія двухъ гласныхъ, помимо i и u, въ двоегласную, такъ какъ двоегласная такого происхожденія, какъ и всякаго другого, равняется долгому слогу, а не краткому, напр. въ Иліадѣ XVII 461:

Ῥέα μὲν γὰρ φεύγεσκεν ὑπὲκ Τρώων ὀρυμαγδοῦ,

въ Одиссеѣ XVIII 247:

Πλέονές κε μνηστῆρες ἐν ὑμετέροισι δόμοισιν

и т. п., совершенно такъ-же, какъ при стяженіи, которому вѣдь и предшествовало сліяніе, какъ въ Одиссеѣ X 204:

Ἠρίθμεον, ἀρχὸν δὲ μετ᾽ ἀμφοτέροισιν ὄπασσα,

откуда непосредственно іон. ἠρίθμευν или, черезъ ē^{2}ríth-mŏ^{1}o^{1}n, атт. ἠρίθμουν = ḕ^{2}ríthmō̆^{1}n (по Сиверсовому обозначенію — 1 = закрытости, 2 = открытости). Въ стихѣ Иліады V 567:

Μή τι πάθοι, μέγα δέ σφεας ἀποσφήλειε πόνοιο

многіе издатели основательно признаютъ форму σφας. Если нѣтъ ошибки въ преданіи у Пиндара Пиѳ. 1, 56:

Οὕτω δ᾽ Ἱέρωνι θεὸς ὀρθωτὴρ πέλοι,

гдѣ размѣръ (эпитриты) требуетъ на мѣстѣ слова θεὸς одного краткаго слога, это слово могло здѣсь произноситься едва-ли иначе, нежели thjós, такъ какъ предположеніе Бергка, что здѣсь слѣдуетъ читать θές, какъ въ θέσφατος, Θεσπρωτοί и т. п., еще нуждается въ подтвержденіи. Возможно thjós и въ іоническомъ триметрѣ Исилла:

Ἱεπαιᾶνα θεὸν ἀείσατε, λαοί,

приведенномъ въ комментаріи Криста къ этому мѣсту, но не необходимо, потому что первая гласная въ ἀείσατε можетъ быть и коротка, а разложеніе долготъ въ этомъ стихотвореніи попадается часто (⏑ ⏑ | –́ –̀ ⏑ ⏑ | ⏑́ ⏑ –̀ ⏑ ⏑ ⏑́ –̀). Изъ указанныхъ имъ двухъ другихъ примѣровъ — Софокла Электра 179 и Эдипъ въ Колонѣ 253 — въ первомъ, антистрофическомъ

Οὐθ᾽ ὁ παρὰ τὸν Ἀχέροντα θεὸς ἀνάσσων,

которому въ строфѣ соотвѣтствуетъ

Βήματι μολόντα τάνδε γᾶν Ὀρέσταν,

можно читать θεός не только односложно, однако непремѣнно какъ долготу (= γᾶν), но даже въ два слога (какъ τὸν Ἀ- = -λόν-), а второй ненадеженъ въ критическомъ отношеніи. Что до Пиндарова логаэдическаго стиха Пиѳ. 10, 28:

Ὅσαις δὲ βρότεον ἔθνος ἀγλαΐαις,

то βρότεον въ видѣ пиррихія представляется тѣмъ менѣе вѣроятнымъ, что тутъ-же повыше, въ стихѣ 25

Καὶ ζώων ἔτι νεαρὸν

односложное -εα- равняется долготѣ, и потому новѣйшіе издатели, конечно, правы, принимая поправку Э. Шмида βροτὸν. Возможность чтенія tịòn, thịòs, thịòn въ приведенныхъ выше мѣстахъ явствуетъ между прочимъ изъ того, что неслоговое *i* съ предшествующей согласной не протягиваетъ слога впереди, напр. у Эврипида въ Медеѣ ст. 1229 (1259 — дохміи):

'Αλλά νιν, ὦ φάος διογενές, κάτειργε, κατάπαυσον, ἔξελ'
οἴκων φονίαν,

такъ-же между двумя словами у Анакреонта (въ логаэдахъ):

Ψάλλω πηκτίδα τῇ φίλῃ κωμάζων παΐδι ἁβρῇ,

почему, кажется, нѣтъ препятствій къ принятію ученія нѣкоторыхъ древнихъ грамматиковъ о возстановленіи ι изъ апострофа въ такихъ мѣстахъ, какъ Ил. V, 5:

'Αστέρ' ὀπωρινῷ ἐναλίγκιον.

Но тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, что у Іонянъ и Аттиковъ (а ни Праксилла, ни Пиндаръ къ нимъ не принадлежали) ε въ двоегласныхъ εα, εᾶ, εο, εω произносились какъ ᶅ. Помимо отсутствія примѣровъ написанія ια вмѣсто εα и т. д. въ этихъ нарѣчіяхъ противъ такого предположенія свидѣтельствуетъ 1) то, что въ тѣхъ отрасляхъ греческаго языка, которыя стягивали ε передъ болѣе широкой гласной въ ι и далѣе въ ị, этотъ переходъ и былъ отмѣченъ уже древними, напр. въ віотійскомъ ἱών вмѣсто ἐ(γ)ών, лаконскомъ μογίομες и т. п., явно въ отличіе отъ языка тѣхъ Грековъ, которые этого суженія не допускали, и выговоръ которыхъ считался нормальнымъ, т. е. прежде всего Аттиковъ; 2) то, что у Іонянъ и Аттиковъ εα и т. п., если подвергались какимъ измѣненіямъ, то во всякомъ случаѣ не такимъ, чтобы ε теряло свой слоговой характеръ: изъ φιλέοντες=phìlé^{1}ò^{1}nte^{1}s у Аттиковъ возникало φιλοῦντες=phìló^{1}ò^{1}nte^{1}s черезъ phìlő^{1}ò^{1}nte^{1}s,

а у Іонянъ дѣло не шло дальше ступени φιλεῦντες = phìlé^{1}ùnte^{1}s или, можетъ быть, phìlṓ^{1}ò^{1}nte^{1}s [2]). И такъ,

[2]) У Латинянъ i̯ вызываетъ обыкновенно долготу предшествующаго слога, напр. у Вергилія въ Георгикахъ IV 32:

Fluvi̯orum rex Eridanus camposque per omnis,

въ Энеидѣ II 492:

Custodes sufferre valent. Labat ari̯ete crebro,

тамъ-же VIII 599:

Inclusere cavi et nigra nemus abi̯ete cingunt,

у Проперція, V, 1, 42:

Laeserat abi̯egni venter apertus equi,

у Катулла 55, 10 въ Фалековомъ размѣрѣ:

Cameri̯um mihi, pessimae puellae,

въ такомъ-же стихѣ Пріапей 1, 10:

Templi pari̯etibus tui notavi,

у Горація въ алкеевскихъ одахъ III, 4, 41:

Vos lene consili̯um et datis et dato

и III, 6, 6:

Hinc omne principi̯um, huc refer exitum.

Такъ и съ u̯, напр. у Лукреція II 232:

Propterea quia corpus aquae naturaque tenu̯is,

у него-же IV 64:

Quam quae tenu̯ia sunt, hiscendist nulla potestas,

у Вергилія въ Энеидѣ V 439:

Genu̯a labant, vastos quatit aeger anhelitus artus

и XII 905:

Genu̯a labant, gelidus concrevit frigore sanguis.

Прилагательное tenuis встрѣчается въ такомъ измѣреніи такъ часто, что здѣсь трудно признать только „піитическую вольность“. То-же явленіе наблюдается въ глаголахъ solvo и volvo, хотя нерѣдки и примѣры со слоговымъ u. Нѣчто иное въ reliquus или relicus изъ relicuos, гдѣ i всегда остается краткимъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ (кромѣ послѣдняго) слышались, очевидно, уже такъ называемыя полугласныя — j и v (какъ и въ санскритѣ изъ конечныхъ i и u при sandhi). Однако и латинскому языку не совсѣмъ чужды примѣры настоящаго неслогового i, т. е. такого, которое не протягиваетъ предшествующаго слога (какъ наоборотъ въ итальянскомъ языкѣ, по природѣ тоническомъ, наличность неслогового i доказывается долготою предшествующаго слога, какъ въ battáglia, которое выговари-

въ этихъ нарѣчіяхъ ε съ послѣдующей болѣе широкой гласной составляли настоящую двоегласную, хотя могли произноситься и отдѣльно, со смычкой по серединѣ. Особенно много такихъ, можно сказать, факультативныхъ

вается съ accento, долгимъ удареніемъ, а не съ rinforzo, короткимъ, какое слышится передъ двумя согласными). Примѣры, на сколько они мнѣ извѣстны, суть слѣдующіе. У Луцилія въ дактилическомъ гексаметрѣ:

dominį̯a atque sodalicia omnį̯a
Tollantur.

У Теренція (Andr. I, 1, 25) въ ямбическомъ триметрѣ:

Liberį̯u' vivendi fuit potestas, nam antea

(мѣсто впрочемъ подозрительное). У Левія въ ямбическомъ диметрѣ:

Operį̯untur ac suavi quie.

У Варрона въ ямбическомъ тетраметрѣ:

An qui gradu tolutili te melį̯u' quam tute molliter.

У Лукреція II, 991:

Denique caelesti sumus omnes semine orį̯undi.

Въ Аквилейской надписи C. I. L. V 923=Anthologia latina. Carmina epigraphica ed. Buecheler 1320, довольно безграмотной, ст. 5:

C. (=Gaius) Manlius hic Valerį̯anus nomine dictus.

И такъ, говоря откровенно, примѣры все сомнительные, кромѣ одного, Лукреціева. За то не возбуждаютъ никакихъ подозрѣній два стиха Стація съ неслоговымъ u въ сравнительной степени того-же tenuis, гдѣ сходятся три гласныя, — въ Сильвахъ I, 4, 36:

Sperne coli tenuiore lyra, vaga cingitur astris

и въ Ѳиваидѣ XII 2:

Ortus et instantem cornu tenuiore videbat,

т. е. вѣроятно, = te²nüiô¹re² съ двоегласной üi, которую Корсенъ призналъ въ qu съ узкими гласными, какъ Quintus—у Грековъ Κύιντος. Если позволительно ограничиться примѣрами operį̯úntur, orį̯úndi, Valerį̯ánus и tenuióre, т. е. какъ разъ самыми надежными, легко предположить, что j и v развивались послѣ ударенія, а į̯ и u̯ — передъ нимъ. У Грековъ неслоговое υ также не вліяло на количество предшествующаго слога, напр. въ Одиссеѣ XI 568:

Χρύσεον σκῆπτρον ἔχοντα, θεμιστεύοντα νεκύεσσιν

двоегласныхъ, именно состоящихъ изъ ε съ послѣдующей болѣе широкой гласной, было въ іонійскомъ нарѣчіи. Изъ нихъ наибольшее сходство съ итальянскими имѣли тѣ, которыхъ оба элемента кратки. Но разница между какимъ-нибудь Tarpeo и πόλεως (со сліяніемъ гласныхъ) не ограничивалась количественными отношеніями, а простиралась и на удареніе. Итальянскія двоегласныя, говоря вообще, имѣютъ удареніе на первой части или остаются безударными. Потому совершенно естественно односложное произношеніе группы ea какъ въ 11-сложномъ стихѣ Петрарки (Son. I 3):

Tempo non mi paréa di far riparo,

такъ и въ такомъ-же у Данта (Inf. VII):

Poco sofferse me cotal Beatríce,

но, напр., въ beáto оно казалось-бы натяжкой [3]). Что ка-

(если только не νέκοσσιν, что̀ вѣроятнѣе) и у Пиндара Пиѳ. 4, 225 (эпитриты):

Καὶ βόας, οἳ φλόγ᾽ ἀπὸ ξανθᾶν γενύων πνέον καιομένοιο πυρός.

Но чѣмъ рѣже у Латинянъ примѣры i̯ (а не j) изъ i передъ другой гласной, тѣмъ менѣе вѣроятенъ у нихъ переходъ *e* передъ широкой гласной въ i̯ или j, напр. въ такихъ случаяхъ, какъ у Лукреція I 362:

Corporis officiumst quoniam premere omnia deorsum,

гдѣ deo- не вліяетъ на количество предшествующаго слога, хотя впослѣдствіи, при разложеніи латинскаго языка въ романскіе, *e* въ такомъ положеніи несомнѣнно измѣнилось въ i̯ или j, какъ linea — франц. ligne. Въ классическую эпоху *e* передъ *a* и *o*, по всей вѣроятности, просто сокращалось до ирраціональности, какъ при такъ называемой элизіи.

[3]) Сочетанія i или u + voc. не составляютъ исключенія: это — или два слога, какъ fïáta, tïára, travïáto, presuntüóso, prüína (а такъ-же paüra, saëtta и т. п.) или двоегласныя одного изъ двухъ названныхъ въ текстѣ типовъ, какъ у Петрарки Son. I 1:

Di quei sospiri ond' io nudriva il core.

Тамъ-же:

Del vário stile in ch' io piango e ragiono.

сается ударенія такихъ сочетаній въ греческомъ языкѣ, то, принимая въ расчетъ выдыхательный характеръ итальянской акцентуаціи, мы должны будемъ искать соотвѣтствующаго этому ударенію признака не въ прозаическомъ удареніи, которое у Грековъ было хроматическаго свойства, а въ ритмическомъ, по природѣ выдыхательномъ, зависящемъ отъ количества (долготы или краткости) входящихъ въ составъ дифтонгическаго сочетанія частей и сосѣднихъ слоговъ. На основаніи ритмическаго ударенія (ictus) εω, εᾰ, εη и т. п. должны быть признаны двоегласными восходящими, ᾱε, ᾱο, ωα — нисходящими, εο, εᾰ, οᾰ — то безударными, то нисходящими, какъ въ Иліадѣ XI 282:

Ἄφρεον δὲ στήθεα, ῥαίνοντο δὲ νέρθε κονίῃ,

что по-аттически было-бы ἤφρουν δὲ στήθη, а ритмически = ∸ ◡ — ∸ — ∸ ◡. И такъ, въ двоегласныхъ изъ двухъ краткихъ звуковъ замѣчается полное сходство съ итальянскими двоегласными кромѣ того обстоятельства, что у Грековъ такая двоегласная могла быть и при остановкѣ, какъ въ Анакреонтовомъ гликонеѣ:

Βουλοίμην κέρας οὐδ᾽ ἔτεα,

а у Итальянцевъ она возможна только въ связной рѣчи, тогда какъ передъ остановкой разлагается, напр. у Петрарки съ одной стороны (Son. I 3)

Ed aperta la vía per occhi al core,

Son. I 30:

Con le non súe bellezze v' innamora,

между прочимъ и передъ другимъ i, напр. у Леопарди (Inno ai Patriarchi):

Or te, padre de' pii, te giusto e forte.

Впрочемъ i передъ иной гласной становится часто неслоговымъ, какъ въ siámo (но sía, или, въ концѣ стиха, sía), pietá (но pío или pío) и т. п. Первые два типа и въ троегласныхъ, напр. у Петрарки (Canz. I 15),

Del cúi amor vivo, e senza 'l qual morrei

или (Son. I 79):

In mézzo di duo amánti onesta altera.

а съ другой (Son. I 7) —

Senza sospetto di trovar fra vïa.

Колебалось ритмическое удареніе, вѣроятно, и въ тѣхъ случайныхъ двоегласныхъ, которыхъ обѣ составныя части были долги, какъ у Пиндара въ Истм. 3 (4), 42 (эпитриты):

Ἀωσφόρος θαητὸς ὣς ἄστροις ἐν ἄλλοις,

но такіе примѣры рѣдки. При стяженіи всѣхъ этихъ сочетаній въ простыя гласныя или второобразныя двоегласныя верхъ брала сильная часть: *φιλέω* стягивалось въ *φιλῶ* (черезъ philṓ^{1}ò^{2}), *Ὠαρίων*—въ *Ὠρίων* (черезъ ō^{2}ḁ̀rí̀ō^{2}n, которое, можетъ быть, мы и находимъ у Пиндара въ Нем. 2, 12 на мѣстѣ трохаической диподіи среди логаэдовъ:

Μὴ τηλόθεν Ὠαρίωνα νεῖσθαι),

τιμάω=tìmáṑ^{1} — въ *τιμῶ*=tìmó^{2}ò^{2}, *χρυσέῳ* — въ *χρυσῷ* (черезъ khrȳsṓ^{1}ò^{2}i, что̀ можно предполагать, лишь съ должнымъ сокращеніемъ передъ гласной, въ Иліадѣ I 45:

Χρυσέῳ ἀνὰ σκήπτρῳ, καὶ ἐλίσσετο πάντας Ἀχαιούς,

т. е. khrỳsṓ^{1}ò^{2}i̭ = $2+{}^{1}/_{3}+{}^{2}/_{3}$, а объ i̭ см. ниже), *ὦ ἀγαθέ* — въ *ὦγαθέ* (черезъ ó^{2}ò^{2}o^{2}gàthé^{1}), *ῥαίδιος* — въ *ῥᾴδιος* = hràái̭dìos [4]), *καὶ εἰ*=kai̭ e^{1}i — въ *κεἰ*=ke^{1}i (черезъ kae^{1}i — ke^{2}e^{1}i), *καὶ εἰς* = kai̭ ē^{1}s — въ *κεἰς* = kē^{1}s, *προηγορεών* — въ *πρηγορών* [5]). и др. Краткая первая часть двое-

---

[4]) Мыслимо впрочемъ острое удареніе на i̭, судя по *πετερας* вмѣсто *πέτρας* въ дельфійскомъ гимнѣ съ нотами, такъ какъ это значитъ, что въ соотвѣтствіе второй нотѣ изъ двухъ, приходящихся на слогъ *πέ*-, согласная *ρ* раздѣлялась на двѣ части—слоговую и неслоговую, изъ которыхъ первая, пѣвшаяся выше, чѣмъ гласная *ε* въ *πε*- (do—mi), получала острое удареніе, а *πε* — тяжелое.

[5]) Вѣроятно, отъ утеряннаго **προήγορον* въ смыслѣ корма, собирающагося у птицы въ зобу до употребленія въ пищу. *Προήγορος* „адвокатъ“ попадается впервые чуть-ли не у Ксенофонта и можетъ быть вторичнымъ образованіемъ по аналогіи старыхъ *κατ-ήγορος*, *δημ-ήγορος* и т. п.

гласной при стяженіи съ предшествующей долгой гласной измѣнялась по тому-же закону: ωὐριπίδη = ó^{2}ò^{2}ụrī-pídè^2 изъ ὦ Εὐριπίδη (черезъ ó^{2}ò^{2}ö^{1}urīpídè^2), δηὖτε = dé^{2}è^{2}ụte изъ δὴ αὖτε (черезъ dè^{2}é^{2}ùte), τωὐτοῦ = to^{2}ò^{2}ụtó^{1}ò^1 изъ τοῦ αὐτοῦ = tó^{1}ò^1 aùtó^{1}ò^1 у Іонянъ и Дорянъ (черезъ tō^{1}o^{2}ùtó^{1}ò^1), но у Аттиковъ ταὐτοῦ = tàụtó^{1}ò^1 по аналогіи формъ ταὐτό изъ τὸ αὐτὸ, ταὐτά изъ τὰ αὐτά, αὑτός изъ ὁ αὐτός. Вообще аналогія и грамматическая ясность во многихъ случаяхъ повели къ уклоненіямъ отъ упомянутаго правила: изъ μισθόητον выходило μισθῶτον, вѣроятно, не безъ участія заботы о сохраненіи тематической гласной хотя-бы съ такимъ, общегреческимъ измѣненіемъ, какъ въ μισθώσω, изъ μισθόῃ — μισθοῖ (а не *μισθῇ, какъ ἁπλῇ изъ ἁπλόῃ), изъ μισθόει — μισθοῖ (что впрочемъ можетъ быть объяснено и фонетически путемъ указаннаго выше раздѣленія ει = e^{1}i на e^1 + i, не безъ такого-же преобладанія низкаго *o* надъ болѣе высокой гласной, какъ въ ᾠδή = ō^{2}ịdè^{2}é^2 изъ ἀοιδή = ao^{1}idè^{2}é^2 черезъ o^{2}o^{1}ịdè^{2}é^2), изъ τιμάητε — τιμᾶτε (но у Дорянъ τιμῆτε, во что однако стягивалось и τιμάετε), изъ τῇ ἀγορᾷ — τἀγορᾷ, изъ τοῦ ἀνδρός — τἀνδρός (если не фонетически изъ промежуточнаго to^{1}àndró^{1}s — to^{2}àndró^{1}s, съ тѣмъ-же сокращеніемъ передъ гласной, какъ въ μισθοίην = misthò^{1}íēn изъ misthṑ^{1}íē^{2}n, εὖνοι = é^{1}ùno^{1}ị изъ è^{1}únṑ^{1}ị), изъ τύχῃ ἀγαθῇ — τύχἀγαθῇ, изъ τὸ ἥμισυ — у Гесіода τὤμισυ и т. п. При равенствѣ частей сильныя колебанія по нарѣчіямъ: ὁ ἀνήρ у Аттиковъ ἁνήρ, у Дорянъ ὡνήρ (іон. ὡνήρ, лезб. ὤνηρ), изъ τὰ ἐμά у Аттиковъ τἀμά, у Дорянъ τῆμά, изъ Ποσειδάων у Іонянъ и Аттиковъ Ποσειδῶν, у Дорянъ Ποσειδᾶν, изъ τιμάομεν или -ες у Іонянъ и Аттиковъ τιμῶμεν, у Дорянъ τιμᾶμες и др. Разумѣется, многія относящіяся сюда діалектическія различія зависятъ отчасти или даже всецѣло отъ особенностей въ произношеніи одной и той-же гласной, какъ, напр., стяженіе οε у Іонянъ и Аттиковъ въ ου = ō^1, у большинства Дорянъ и Эолянъ въ ω = ō^2 вслѣдствіе того, что одни выговаривали ο и ε закрыто, а другіе—

открыто, при чемъ однако у тѣхъ и другихъ низкая гласная брала верхъ надъ высокой.

До сихъ поръ здѣсь шла рѣчь не столько о собственно такъ называемыхъ двоегласныхъ, сколько о сліяніи двухъ различныхъ гласныхъ въ одинъ слогъ при качественной и количественной самостоятельности каждой изъ нихъ (συνίζησις или συναλοιφή), хотя, конечно, трудно было мѣстами не прихватить кое-чего изъ послѣдующаго изложенія. Но таковые-же были и настоящія, т. е. постоянныя, греческія двоегласныя. Это ясно изъ отношенія ихъ и предшествующихъ имъ слоговъ къ ударенію. Подобно тому, какъ, напр., ω въ ὦμος съ облеченнымъ удареніемъ звучало óò (съ легкимъ дыханіемъ, т. е. согласнымъ приступомъ, при первомъ ο и безъ него при второмъ), а въ ὤμου — òó, такъ, очевидно, и αι въ χαῖρε, ει въ τεῖχος, οι въ οἶνος, υι въ μυῖα, αυ въ ταῦρος, ευ въ φεῦγε, ου въ τοῦτο произносились какъ áì, éì, óì, ǘì, áü (áò), éü (éò), óü, а въ χαίρω, τείχους, οἴνου, μυίας, ταύρου, φεύγω, τούτου — какъ àí, èí, òí, ǜí, àǘ, èǘ, òǘ. Такъ-же въ качественномъ отношеніи должны были звучать нѣкогда и ᾳ, ῃ, ῳ, ᾱυ, ηυ, ωυ, только съ количественнымъ преобладаніемъ первой части надъ второй, и притомъ съ тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ дальше подвигалось сокращеніе трехвременной двоегласной въ двухвременное сочетаніе, пока вторая часть не утратила своего слогового характера: ᾆδε = àáìde, но ᾄδω = àáìdò^{2}o^2, впослѣдствіи = áàde и àádòo; ηὗρον = hè^{2}é^{2}üron, но ηὕρομεν = he^{2}è^{2}ǘròmen, впослѣдствіи = hé^{2}è^{2}ŭron и hè^{2}é^{2}ŭrò-men (кое-гдѣ héüron, hèǘròmen съ сокращеніемъ η въ ε, распространявшимся діалектически не только на ῃ, напр. въ εἴκασα отъ εἰκάζω, но и на сочетанія ē+cons.+cons., какъ можно заключить изъ средне-греч. ἔρπασα отъ ἁρπάζω и т. п.), наконецъ, уже въ византійскую эпоху, ηὗρα = ívra, ηὕραμεν = ívramen. Между первоначальной трехвременной двоегласной и позднѣйшей двухвременной простой гласной (α, η, ω) въ этихъ случаяхъ являлась, вѣроятно, и при ι та-же ступень, что при υ, которую

мы находимъ, напр., въ сербскомъ на̑јвише (читай на́а̀ј-више), т. е. долгая гласная съ соотвѣтствующимъ удареніемъ + неслоговая гласная: ᾄδε читай áàįde, ᾄδω—áàį-d̀òo. Заглохло į послѣ долготы также у насъ въ на́большій и, вѣроятно, въ скоро на́скоро и т. п. (ср. болг. на́йбръзо при на́йбръже), у нѣкоторыхъ Германцевъ (ю.-нѣм. kān изъ kāįn = kein, англ. bone = bōᶦn изъ Bein и т. п.). Съ ų такъ-же въ ἑαυτοῦ изъ ἑαυτοῦ — heaàųtóò вмѣсто прежняго heaaŭtóò). Но этимъ и ограничивается сходство двоегласныхъ греческихъ съ сербскими, такъ какъ первыя допускаютъ ударенія περισπωμένη и ἀντανακλαζομένη безусловно, а вторыя только при долготѣ первой части, которая и служитъ исключительнымъ мѣстомъ примѣненія сложныхъ удареній ̑ (нисходящаго) и ́ (восходящаго). Что самую долготу въ сербскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, подъ сложнымъ удареніемъ, можно сравнить съ двойной гласной или, точнѣе, съ повтореніемъ той-же краткой гласной, т. е. отождествить а̑ съ àа (или съ ȁа), а́ съ аà [6]), — это другой вопросъ, такъ какъ здѣсь рѣчь только о сочетаніяхъ двухъ

---

[6]) Какъ извѣстно, ̏ и ̀ служатъ знаками ударенія на краткой гласной, но первый изъ нихъ означаетъ удареніе болѣе рѣзкое и падающее на гласную лишь одного слога, а второй—удареніе менѣе рѣзкое и, по изслѣдованіямъ Л. Мазинга, распространяющее свою высоту на гласную слѣдующаго слога. Можно спорить о томъ, чему равняется а̑: àа или ȁа и т. п., такъ какъ, напр., въ сто̑ отношеніе между двумя временами о̑ чуть-ли не то-же, что̀ между о и и въ словѣ сто̀тина, а съ другой стороны восточнымъ лѐп, снѐг, двѐ, западнымъ ли̑п, сни̑г, дви̑ соотвѣтствуютъ южныя ли̏јеп, сни̏јег, дви̏је и т. д. (такъ, по крайней мѣрѣ, пишутъ Сербы вслѣдъ за Вукомъ); гро̏хотъ — гро̏от стягивается въ гро̑т (гро̑том се насмѐјати). Въ этомъ случаѣ желательны были бы болѣе точныя акустическія изъисканія. Что-же касается а́, то это несомнѣнно аа̀, а не аа̏, такъ какъ, напр., въ восточномъ лѐтати предпослѣдній слогъ на столько-же выше послѣдняго, на сколько въ южномъ лијѐтати. Любопытно совершенно исключительное два̏а въ два слога въ 8-сложномъ стихѣ „Два̏а седла, два самара“ (въ

разныхъ гласныхъ. Что первая изъ нихъ могла быть у Грековъ не дольше, нежели вторая, видно также изъ слѣдующаго закона греческаго ударенія: въ οἶνός τις степени высоты распредѣлены вполнѣ одинаково съ ζῷόν τι = dzóòón tì и съ πόλεμός τις = pólèmós tìs, а именно òìnós tìs, а не такъ, какъ въ ἄρκτος τις = árktòs tìs; слѣдовательно ι въ οι требовало для выговора больше времени, чѣмъ цѣлыя три согласныя, изъ которыхъ одна въ добавокъ длительная. При нашемъ *ой* это различіе между *ойносъ* и *арктосъ* было бы непонятно. Но у Грековъ были и такія *ой* и *ай*, какъ наши, а именно такъ называемыя краткія οι и αι въ концѣ имен. пад. мн. ч., неопредѣленнаго наклоненія аор. дѣйств., повелительнаго аор. средняго и т. д., — словомъ, почти всякое конечное αι или οι: πόλεμοι = pólèmoj, χῶραι = khóòraj, λῦσαι = lýỳsaj и пр. Πόλεμοι относительно ударенія ничѣмъ не отличается отъ πόλεμος и, если гдѣ измѣряется какъ анапестъ, то лишь въ тѣхъ-же положеніяхъ, что и πόλεμος, т. е. передъ согласной, въ концѣ стиха, да развѣ еще въ цезурѣ подъ ритмическимъ удареніемъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ долгота этого οι (какъ и αι) встрѣчается чаще, нежели долгота окончанія -ος. Отсюда разница между οἴκοι, т. е. óìkoj, „домá" и οἶκοι, т. е. òíkòi, „дóма", между βούλευσαι = bò¹ó¹lèusaj [7]) „посовѣтуйся", βουλεῦσαι = bò¹léùsaj „по-

---

словарѣ Вука подъ словомъ два̂): читать-ли его двӓаа или два̀аа (съ греческимъ ᾰ + α)?

[7]) Отношеніе двоегласной въ προπαροξύτονον непосредственно послѣ ὀξεῖα къ ударенію, а именно то, что на нее приходилась лишь одна степень высоты, не можетъ служить доказательствомъ въ пользу неслогового произношенія ея второй части: вѣдь и простыя долгія гласныя разсматривались въ этомъ случаѣ какъ краткія, т. е. имѣли одну степень высоты, напр. ἄνθρωπος=ánthrò²pos, гдѣ о неслоговомъ выговорѣ которой-нибудь изъ моръ, очевидно, не можетъ быть рѣчи. Что въ такихъ словахъ долгота предпослѣдняго слога не сокращалась, ясно изъ ея ритмическаго значенія въ стихахъ, въ которыхъ она такъ-же продолжительна, какъ и всякая другая. Кажется, мы не можемъ обойтись безъ гипотезы, что тяжелое удареніе, въ про-

совѣтоваться" и βουλεύσαι = bòᶦléúsài „чтобы онъ посовѣтовалъ". Можетъ быть, число примѣровъ съ конечными ai и oi было меньше, чѣмъ мы думаемъ, такъ какъ, при отсутствіи особаго знака для ἀντανακλαζομένη (въ отличіе отъ ὀξεῖα), подлинное измѣреніе этихъ αι и οι въ концѣ ὀξυτόνων не явствуетъ ни изъ какихъ внѣшнихъ признаковъ [8]). Не-

---

тивоположность острому, могло захватывать по двѣ моры, какъ ἀτονία по три и больше, напр. προπαροξυτόνησις = proparoxýtóne²sis, δυσαριστοτόκεια = dysaristòtókèia. Впрочемъ, при сопоставленіи словъ въ рѣчи двѣ моры сряду подъ тяжелымъ удареніемъ должны были встрѣчаться нерѣдко, напр. ὃς νῦν πολλὸν ἄριστος 'Αχαιῶν εὔχεται εἶναι (A 91) = hòs nýýn pollòn áristos akhaìóòn èúkhètai é¹è¹nai. Вообще ничто, кажется, не противорѣчитъ тому предположенію, что двѣ степени высоты внутри одного слога возможны только въ видѣ περισπωμένη и ἀντανακλαζομένη.

[8]) Чтобы у Дорянъ (лаконскихъ и сицилійскихъ) αι и οι были въ этомъ положеніи всегда настоящими двоегласными, т. е. ai, oi, а не ai, oi, еще не слѣдуетъ изъ упоминаемаго древними грамматиками ударенія φιλοσόφοι, ἐσσεῖται и т. п., потому что сохраненные ими-же примѣры, въ родѣ γυναίκες, φῶτες, ἐφιλάθεν (вмѣсто ἐφίληθεν), и др., всѣ съ острымъ удареніемъ вмѣсто облеченнаго, намекаютъ на совсѣмъ иную причину этой дорической особенности, а именно, какъ кажется, на ту-же, которая заставляла Римлянъ произносить, напр., amāvērunt съ ἀντανακλαζομένη, не смотря на то, что amāvêre они выговаривали съ περισπωμένη. Причина эта заключалась, должно думать, въ томъ, что у Дорянъ и у Римлянъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстную эпоху долгія гласныя были значительно короче двухъ моръ, вслѣдствіе чего удареніе на предпослѣдней долгой гласной могло быть облеченнымъ только тогда, когда послѣдній слогъ былъ безусловно кратокъ: иначе онъ перетягивалъ на себя вторую часть ударенія. По латыни условіемъ такого вліянія послѣдняго слога была, на сколько извѣстно, его долгота по положенію, т. е. двѣ согласныя въ концѣ; по-дорійски—, вѣроятно, то-же или нѣчто сходное, а именно нѣкоторая долгота конечной согласной (у Грековъ всегда длительной: ν, ρ, ς,), обыкновенно находящая себѣ оправданіе въ этимологіи или въ физіологіи, иногда неполная долгота послѣдней гласной (но лишь въ закрытомъ слогѣ), также имѣющая основаніе этимологическое: πάσας (хоть пишутъ и πᾶσας) изъ πάσανς, τιμάες

сомнѣнно съ неслоговымъ *i* произносились αι, ει, οι при сокращеніи ихъ передъ гласными внутри слова, какъ въ дактилическомъ ἔμπαιον, ямбическомъ ποιεῖν (откуда ποεῖν), пиррихическихъ οἷος (= hòi̯òs вмѣсто hòìos) и υἱός (= hy̆i̯ós вмѣсто hyìós) и т. п. [9]), и въ концѣ передъ начальной гласной слѣдующаго слова, какъ οἶκοι ἔσαν=

изъ τιμάϝενς, можетъ быть, черезъ τιμάϝε̄ς съ полудолгимъ ε (то и другое съ исконнымъ ς), ἔλῡσαν изъ *élūsann — *élusant, ἔδεν изъ ἔδε̄ν (у другихъ Грековъ ἔδην, ἔδειν = héūdēn — см. примѣч. 24). Съ этимъ явленіемъ тождественъ переносъ ударенія въ ἀγγέλοι съ полугласной на концѣ, ἔφέρον (3 л. множ. ч.) изъ *épheronn—*épheront и т. п. При удареніи на послѣднемъ слогѣ и въ односложныхъ такая усиленно длительная или двойная согласная даже перетягивала на себя часть облеченнаго ударенія: Ἀλκμάν (вмѣсто ожидаемаго Ἀλκμᾶν по стяженіи древнѣйшаго Ἀλκμάων) непосредственно изъ *alkmânn—*alkmâns (съ позднѣйшимъ s по аналогіи), γλαύξ, αἴξ; такъ и σκῶρ, вѣроятно, изъ *skòó²r̀r—*skórs по аналогіи словъ м. и ж. р., какъ χέρς (но βῶς съ обычнымъ удареніемъ при исконномъ ς послѣ гласной). Что же касается окончанія мн. ч. -ες, то оно могло стать полудолгимъ также на основаніи аналогіи не только такихъ примѣровъ, какъ τιμᾶ́ες изъ τιμᾶ́ϝενς, συρίσδε̄ς изъ συρίσδεις, но и болѣе прямо — при посредствѣ ἱαρές изъ ἱαρέες — ἱαρῆες — ἱαρῆϝες, Πριανσιέες — Πριανσιῆες — Πριανσιῆϝες и т. п. (ср. сербск. плèтēм по разу̏мēм, зна̂м, пра̂тӣм). Вообще нѣкоторые Доряне, очевидно, сокращали позднѣйшую, діалектическую долготу (какова у Іонянъ и Аттиковъ въ ᾱ, ει = ē¹, ου = ō¹) въ конечномъ слогѣ, хотя, разумѣется, не сразу, да и съ самаго начала, можетъ быть, не доводили ея до длительности полныхъ двухъ моръ, что въ свою очередь должно было облегчать и позже нѣкоторое, по говорамъ, протяженіе краткихъ гласныхъ въ опредѣленныхъ случаяхъ. Странно только сокращеніе и, сверхъ того, упрощеніе общегреческаго двоегласнаго ει (= ei̯, не ē¹) во 2 л. ед. ч. глагола.

[9]) Какъ между ποιεῖν = po¹i̯é¹è¹n и ποεῖν = pò¹é¹è¹n была ступень pò¹i̯é¹è¹n, такъ и между θρασεῖα = thràséìa и геродотовскимъ θρασέα = thràsé¹à, между Ἀθαναία = athānàìā и лезбійскимъ Ἀθανάα = athānáā и т. п. посредствующимъ звеномъ должны были служить thràséi̯à, athānái̯à и т. д. (дальнѣйшая ступень — аттическое Ἀθηνᾶ = athē²náà, какъ, напр., и λεοντῆ

yò¹íkò¹i̯ é¹sàn ‒ ‿ ‿ ‿ ‒ (Одисс. I 12). Но въ послѣднемъ случаѣ ι не исчезало безъ остатка, какъ то бывало при встрѣчѣ конечнаго i̯ съ начальной гласной, напр. въ κἀγώ = kāgòó изъ καὶ ἐγώ черезъ kae¹gòó — kae²gòó, μεντἄν = me¹ntàán изъ μέντοι ἄν черезъ mé¹ntò¹án — me¹ntò²án, σοὔδωκεν = sò¹ó¹dò²ke¹n изъ σοὶ ἔδωκεν (подобно σοὔθιγεν изъ σοῦ ἔθιγεν), а, если вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія съ послѣдующей гласной иногда переставало звучать само по себѣ, то оставляло слѣдъ въ количествѣ гласныхъ, напр. ἐάν изъ εἰ ἄν = ei án, очевидно, при посредствѣ ē¹án (ср. βασιλέᾱ изъ βασιλῆα и т. п.) и уже изъ формы съ перенесенной долготой, подъ гнетомъ простого ἄν (сократившимъ и послѣдній слогъ въ ἐπειδάν изъ ἐπειδὴ ἄν въ ст. 469 трагедіи «Ресъ»), пиррихическое ἐάν съ послѣдовательнымъ стяженіемъ въ ἤν или ᾱ́ν, хотя во второмъ еще чувствуется вліяніе долготы α. Правда, такіе случаи очень рѣдки; но вѣдь за то и примѣровъ пропуска ι (не i̯) въ двоегласной при ея слитіи съ послѣдующей гласной вообще такъ мало, что и пресловутое правило о двоегласныхъ съ ι въ красисѣ — будто ι сохраняется въ слитіи лишь тогда, когда находится во второмъ изъ сливаемыхъ словъ, какъ κᾆτα изъ καὶ εἶτα — позволительно, кажется, измѣнить слѣдующимъ образомъ: i̯ при слитіи (κρᾶσις и συνίζησις) пропадаетъ, ί въ двоегласной такъ или иначе сохраняется. Такой редакціи правила можно, пожалуй, противоставить 1) частое сліяніе ἐπεί съ οὐ и его производными, какъ уже въ Иліадѣ XIII 777:

Μέλλω, ἐπεὶ οὐδ' ἐμὲ πάμπαν ἀνάλκιδα γείνατο μήτηρ,

2) соединеніе -ει 2 л. ср. зал. съ союзомъ ἄρα въ ст. 532 Аристофанова «Мира»:

Ἐπολλίων Εὐριπίδου. — Κλαύσᾱρα σύ

= le¹ò¹nté²è² изъ λεοντέᾱ вмѣсто λεοντείᾱ черезъ le¹o¹nté¹i̯a). Также между ἐπισκευάζω = episkeŭádzò и позднѣйшимъ ἐπισκεάζω, вѣроятно, было episkèu̯ádzò и т. п.

и 876 его-же «Богатства»:

Εἰπεῖν ἃ πεπανούργηκας. — Οἰμώξἀρα σύ,

3) довольно обыкновенный красисъ члена съ опредѣляемымъ словомъ въ дательномъ падежѣ, какъ τἀγορᾷ, τῷχλῳ, и формулу τὠγαθῷ (или τἀγαθῷ?). Противъ этихъ доказательствъ нетрудно привести слѣдующія соображенія: 1) хотя въ ἐπεί было полновѣсное ει, такъ какъ ει въ концѣ слова вообще неизвѣстно, тѣмъ не менѣе именно въ этомъ словѣ, какъ служебномъ, двоегласная, часто попадая въ положеніе передъ гласной, напр. въ первой пѣсни Иліады не менѣе 8 разъ (ст. 57, 114, 119, 132, 156, 169, 278, 515, вездѣ передъ οὐ съ производными и ἤ), легко сокращалась до простого ε, чему аналогію представляютъ служебныя-же ἀντί, ἐπί, ἀμφί, ποτί, а у азіатскихъ Эолянъ и нѣкоторыхъ Дорянъ — также περί, теряющія передъ гласной конечное ι, которое въ другихъ словахъ не подлежитъ элизіи (впрочемъ exceptis excipiendis, какъ извѣстно изъ грамматикъ). 2) Въ рукописяхъ Аристофановскихъ комедій читается κλαύσ' ἄρα или ἆρα, οἰμώξ' ἄρα (послѣднее только въ Равеннской, а въ прочихъ οἰμώζ' ἄρα), а красисъ введенъ Диндорфомъ, и, конечно, съ полнымъ основаніемъ, но, правильно-ли въ техническомъ отношеніи, вопросъ иной. Такой красисъ былъ-бы безусловно законенъ, еслибы первое изъ сливаемыхъ словъ оканчивалось на αι, какъ въ Аристофановомъ трохаическомъ тетраметрѣ Ахарн. ст. 325:

Ὡς τεθνήξων ἴσθι νυνί.—Δήξομἄρ' ὑμᾶς ἐγώ,

но при ει онъ во всякомъ случаѣ неясенъ, не говоря уже объ его безпримѣрности. Не ближе-ли къ истинѣ подошли Брункъ и Боте со своими κλαύσαι 'ρα и κλαύσει 'ρα? Правда, первое со звуковой стороны нѣсколько загадочно — что значитъ удареніе на пустомъ мѣстѣ? —, а второе указываетъ на ἀφαίρεσις, которая засвидѣтельствована, кажется, только послѣ простой гласной или послѣ αι и οι; но гдѣ границы между ἀφαίρεσις и συνίζη-

σις? Возможно, что, напр., Аристофановскіе случаи такъ называемой ἀφαίρεσις, ἄχθομαι ʼγώ (Ахарн. 69) и μέντοι ʼγώ (Ляг. 971), звучали ákhthò¹mae¹gò²ó², mé¹ntò¹e¹gò²ó² съ полными двоегласными, а уже не съ ai̯ и oi̯; возможно и даже вѣроятно, что междометіе οἴ произносилось не съ i̯, а съ i, и въ такомъ случаѣ трагическое οἲ ʼγώ (напр. у Эсхила Сем. пр. Θ. 808=794, у Софокла Эантъ 803) не могло произноситься иначе, какъ съ o¹i или o¹e¹ (о чемъ ср. ниже). А такъ какъ ἀφαίρεσις (она-же συνίζησις, она-же и κρᾶσις), устраняющая по большей части ε, не обходитъ и α, напр., у самого Аристофана ὦναξ, ὠχαρνέων, ὦγαθοί, ὠχαρνηίδαι, ὠχαρνικοί (Ахарн. ст. 94, 286, 305, 322, 324), у Эсхила въ анапестическомъ диметрѣ Сем. пр. Θ. 1076=1057:

Μὴ ʼνατραπῆναι μηδʼ ἀλλοδαπῷ

(или μὴ ἀνατραπῆναι), у Софокла въ ямбическомъ триметрѣ Трах. 230:

Εὐκταῖα φαίνων ἢ ʼπὸ μαντείας τινός;

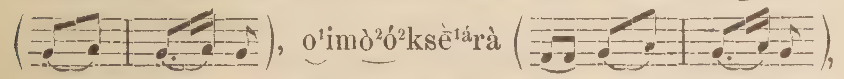
и т. п., то вполнѣ мыслимы κλαύσει ʼρα, οἰμώξει ʼρα въ смыслѣ klàúsè¹árà, o¹imò²ó²ksè¹árà, до нѣкоторой степени похожія на такія итальянскія слитія, какъ у Петрарки Son. I 65:

Ed ogni laccio onde 'l mio cor è avvinto,

а еще болѣе — Son. I 99:

Questo ch' è a noi, s' ella sel vede e tace?,

если не съ еще сильнѣйшимъ преобладаніемъ первой гласной надъ второй, то есть, наприм., такъ: klàúsè¹ᵃrà

как и ἢ ʼπὸ звучало, вѣроятно, è²ᵃpo¹ и т. д. Нѣчто въ этомъ родѣ должно было представляться и Брунку, когда онъ писалъ κλαῦσαι ʼρα: онъ, очевидно, сознавалъ, что ударенія обоихъ словъ слышались и по сліяніи. 3) Двоегласныя ᾳ, ῃ, ῳ, бывшія нѣкогда трех-морными, сократились впослѣдствіи до двух-морной долготы посредствомъ превращенія своего i въ i̯, которое потомъ и совсѣмъ

исчезло (какъ, напр., и въ славянскомъ *рабу*, по объясненію Ф. Θ. Фортунатова, изъ *rābåi, хотя, вѣроятно, черезъ rābō^{2}ü — rābō^{2}u — rābo^{1}u̯ — rābō^1 ср. впослѣдствіи *тіунъ* изъ сканд. ϑjōnn и т. п.), а это исчезновеніе должно было начаться именно съ положенія передъ гласной, и, можетъ быть, уже гомеровское χρυσέῳ ἀνὰ σκήπτρῳ слѣдуетъ читать не такъ, какъ предположено выше, а просто khrȳ̀sé^{1}ō^{2}anaskè^{2}é^{2}ptrō^{2}i̯, не говоря уже о Софокловомъ

Δώρημ᾽ ἐκείνῳ ᾽δωκεν ᾽Αλκμήνης γόνος

въ Эантѣ 1303, гдѣ впрочемъ къ живому выговору чуть-ли не было-бы ближе e^{1}kè^{1}ínò^{2é}dò^{2}ke^{1}n, такъ какъ удареніе здѣсь не могло теряться. О значительной древности сокращенія āi, ē^{2}i, ō^{2}i въ āi̯, ē^{2}i̯, ō^{2}i̯ свидѣтельствуютъ нѣкоторые случаи красиса члена съ опредѣляемымъ въ дат. пад., каковы τἀρετῇ, τἀγορᾷ, если они предполагаютъ сокращеніе τῇ въ τε- (о τᾷ едва-ли можетъ быть рѣчь), а что красисъ члена самъ по себѣ относится отчасти къ эпохѣ до-іонической, можно вывести какъ изъ θἄτερον, гдѣ только и встрѣчается ἅτερον вмѣсто ἕτερον, такъ изъ аттическихъ ᾦνος. τᾠκίδιον и т. п., гдѣ два ο стянуты въ ω=ō^2, а не въ ου=ō^1, которое передъ гласной, какъ было указано выше, должно было сократиться. Сокращеніе ῳ въ οι, какъ и ῃ въ ει, мы находимъ въ κλοιός (древне-атт. κλῳός) и κλείω (др.-атт. κλῄω) съ κλείς род. κλειδός (др.-атт. κλῄς, іон. κληΐς, дор. κλαΐς) и κλεῖθρον (др.-атт. κλῇθρον), въ βούλει (раньше βούλῃ изъ βούλεαι) и т. п., ἐν στήλει λιθίνει и др., а также и сокращеніе ᾳ въ αι, только не въ іоническомъ и аттическомъ нарѣчіяхъ, гдѣ ᾳ, кажется, всегда діалектическаго происхожденія, какъ и ᾱ (кромѣ положенія послѣ ε, ι и ρ), а въ говорахъ дорійскихъ и эолійскихъ, которые не только сокращали трехъ-морныя двоегласныя, но и превращали ихъ ι въ ι̯, какъ видно изъ одинаковой судьбы ᾳ, αι и αι̯, ῳ, οι и οι̯ въ этихъ разновидностяхъ греческаго языка. Но объ этомъ рѣчь ниже.

Слоговое (на нашъ слухъ) произношеніе греческихъ двоегласныхъ засвидѣтельствовано отчасти и самымъ пра-

вописаніемъ. Правда, древнѣйшія свидѣтельства этого рода касаются только двоегласныхъ *αυ* и *ευ*, но относящіеся сюда факты особенно поучительны въ примѣненіи какъ разъ къ этимъ сочетаніямъ, такъ какъ они, и только они, перешли впослѣдствіи въ то, чтò мы называемъ обыкновенно двоегласными, т. е. aṷ (въ нѣм. Baum) и eṷ (въ нѣм. heute по макленбургскому выговору). Правописаніе, указывающее на гласность второй части, состоитъ въ замѣнѣ υ буквой ο: *αὀτός*, *φεόγειν*, *βασιλεός*, *Ὀρφεός*, преимущественно у Іонянъ, но не у нихъ исключительно, съ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ, напр. *Σεοῆρος*=Severus, если только это не описка вмѣсто *Σεουῆρος*. Такъ-же и при долготѣ первой части, хотя рѣдко: *ἑᾱοτῶν*, *Νᾱόλοχος* (въ стихахъ за дактиль). Однако, если ο въ этихъ случаяхъ выражало подлинный звукъ второй части двоегласныхъ *αυ* и *ευ*, что-же значитъ обычное ихъ написаніе съ υ? Очевидно, дѣйствительное произношеніе не передавалось точно ни тѣмъ, ни другимъ способомъ, и не только у Іонянъ и Аттиковъ, произносившихъ υ за ü, но и у тѣхъ Грековъ, у которыхъ еще сохранился древнѣйшій звукъ этой буквы. Не менѣе очевидно и то, что гласная, изображаемая посредствомъ то ο, то υ, представляла собою звукъ, приблизительно средній между *о* и *u*. Потому чуть-ли не ближе всего къ истинѣ — по крайней мѣрѣ, относительно качества звука—написаніе *εου*, встрѣчаемое въ имени *Ἀχιλλεούς* на одной кориноской вазѣ и въ трехъ позднѣйшихъ примѣрахъ — *ἱκετεουσάσης* на папирусѣ, *Λαοδικεούς* и *Παουλλίνα* въ надписяхъ императорскихъ временъ (G. Meyer § 119), хотя въ такую позднюю эпоху это правописаніе уже не имѣетъ важности, такъ какъ всякое *ου* (т. е. u изъ ou͡ или ō[1]) звучало тогда за ū. Недоказательны и *εοὔδρου* и *ταούρων* въ дельфійской надписи съ нотами (II—I в. до Р. X.), какъ по той-же причинѣ, чтò впрочемъ еще подлежитъ вопросу, такъ въ особенности потому, что такое правописаніе обусловлено тамъ подведеніемъ двоегласной подъ двѣ ноты. Что-же

касается перваго примѣра, то его свидѣтельство въ высшей степени цѣнно. Значеніе ου въ случаяхъ протяженія ο и стяженія οο или οε у Коринѳянъ было то-же, что у Іонянъ и Аттиковъ, — долгое закрытое *о*. Долгота гласной, обыкновенно представляемой этимъ сочетаніемъ, и была, конечно, единственной причиной, по которой оно не вошло въ общій обиходъ при изображеніи двоегласныхъ αυ и ευ. Однако у Іонянъ, какъ и у Коринѳянъ, самое ο произносилось закрыто, что̀ видно, напр., изъ стяженія οο въ ου, а не въ ω; потому αο, εο могли быть у нихъ вполнѣ подходящими знаками вмѣсто αυ, ευ [10]). У Коринѳянъ правописаніе αο, εο не было принято, можетъ быть, потому, что свою азбуку они получили отъ такого греческаго племени, которое писало только αυ, ευ, а оно могло въ этомъ случаѣ держаться болѣе узкой гласной или по преданію (такъ какъ произношеніе au, eu есть исконное, еще индо-европейское), или-же потому, что ο произносилось въ этомъ говорѣ открыто. А если расширеніе *u* въ *о* послѣдовало на греческой почвѣ подъ вліяніемъ предшествующихъ гласныхъ, вторая часть этихъ двоегласныхъ была настоящею гласной, т. е. имѣла продолжительность слоговую, такъ какъ неслоговая гласная

---

[10]) О степени закрытости ο въ нѣкоторыхъ греческихъ говорахъ можно судить по одному довольно распространенному орѳографическому пріему, состоящему въ томъ, что эта буква употреблялась для выраженія краткаго и даже неслогового *u* (Ϝ, о чемъ ниже) и чуждаго Грекамъ υ, — способъ, конечно, несовершенный, вслѣдствіе чего иногда всякая попытка даже къ намеку на два послѣдніе звука оставлялась въ сторонѣ. По поводу Velia — Ὑελή (а не Ὑέλη) — Ἐλέα Вильгельмъ Шульце въ Куновой Zeitschrift (XXXIII 395 слѣд.) составилъ слѣдующую пропорцію: „Ϝάξος : Ὄαξος : Ἄξος ∾ *Octavius* : Ὀκτάουιος : Ὀκτάιος". Тамъ-же приведены Ὀαλέριος = Valerius, Σεροΐλιος = Servilius и т. п. Само собою разумѣется, что для такого пріема нужно было два условія: 1) чтобы въ данномъ говорѣ не было краткаго *u*, — иначе говоря: чтобы ο звучало въ немъ какъ ŭ; 2) чтобы краткое *о* произносилось въ немъ закрыто. Оба эти условія были на лицѣ въ нарѣчіяхъ іоническомъ, аттическомъ и, вѣроятно, нѣкоторыхъ сѣверно-дорійскихъ.

не расширяется, по крайней мѣрѣ, по такой причинѣ. Мы не знаемъ, отличалось-ли εο вмѣсто ευ отъ εο въ συνίζησις; если отличалось, то развѣ только нѣсколько большей закрытостью второй части; но у Іонянъ и этой разницы не было.

Замѣна ι въ αι и οι, ᾳ и ῳ посредствомъ ε, если, можетъ быть, и не новѣе написанія αο, εο вмѣсто αυ, ευ, то, насколько можно судить по извѣстнымъ до сихъ поръ источникамъ, территоріальное ея распространеніе было у́же. Любопытно, что области употребленія αο, εο и αε, οε не совпадаютъ. Правописаніе αε, οε вмѣсто αι, οι, ᾳ, ῳ обычно, повидимому, съ V в. до Р. Х. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Віотіи, именно въ Танагрѣ и отчасти въ Платеяхъ, а вмѣсто αι и οι — также въ Коринѳѣ. Откуда у Коринѳянъ это ограниченіе? Конечно, оно должно быть объяснено тѣмъ, что ᾳ и ῳ замѣтно отличались у нихъ отъ αι и οι, сохраняя долготу первой части, а ῳ сверхъ того — и свою открытость, тогда какъ въ упомянутыхъ говорахъ віотійскаго нарѣчія они совпали съ αι и οι, и притомъ путемъ сокращенія, какъ можно судить по аналогіи обще-віотійскихъ η и ō какъ изъ αι (ᾳ) и οι (ῳ), такъ и изъ ᾳ и ῳ. Примѣры αε изъ императорскихъ временъ недоказательны, потому что тогда этимъ сочетаніемъ, вѣроятно, обозначалось уже простое открытое долгое *e*, а такое изображеніе этого звука могло быть заимствовано изъ латинскаго правописанія (G. Meyer § 113). Время указанныхъ перемѣнъ въ двоегласныхъ віотійскаго нарѣчія опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ онѣ должны быть старѣе введенія у Віотянъ іонійской азбуки, благодаря которому онѣ впервые обнаружились на письмѣ. Именно потому, что въ Віотіи къ концу V в. αι и οι стянулись въ простыя гласныя, танагрскія αε и οε чрезвычайно поучительны: они ясно показываютъ намъ, что путь, которымъ совершился этотъ переходъ, состоялъ въ приспособленіи второй части двоегласной къ первой; въ обоихъ случаяхъ *i* расширилось до потери свойственнаго ему рѣзко пебнаго характера.

Какова была вторая ступень этого процесса, можно вывести изъ результата: очевидно, по мѣрѣ качественнаго приближенія второй части къ первой, первая въ свою очередь все болѣе подвергалась ея вліянію и въ такомъ измѣненномъ видѣ еще болѣе открывала вторую до полнаго слитія обоихъ звуковъ въ одномъ, среднемъ, т. е. ai — ae^1 — äe^1 [11]) — äe^2 — ē^2, o^{2}i — o^{2}e^1 — o^{1}e^1 — ö^{1}e^1 — ü̈. Путь ai̯ и oi̯ въ томъ-же направленіи могъ быть таковъ: ai̯ — äi̯ – äe^1 — ē^2, oi̯ — öi̯ — öü̯ — ü̈. Ступень öi̯ или öi (можетъ быть, между öe^1 и ü̈) является у Віотянъ и, рѣже, у позднѣйшихъ Аттиковъ въ видѣ οε: ποιόμενοε = po^{2}i̯ió^{2}mè^{2}nöi̯ (съ οι передъ гласной, какъ обыкновенно въ Βοιωτοί, и такъ-же οὑιός = hüi̯ó^{2}s, а не υἱός или ὑός), οἴκοε (аттич.) = ö^{1}íkö^{1}i, τοέ = töi. Віотяне въ паденіи сво-

[11]) Такъ звучало, вѣроятно, и латинское ae въ то время, когда Германцы стали называть римскихъ императоровъ именемъ Caesar: древне-верхне-нѣмецкое keisar ясно указываетъ на образецъ, содержащій въ себѣ соединеніе какого-то открытаго *e* съ закрытымъ, такъ какъ о произношеніи лат. ae за ai тогда уже не можетъ быть рѣчи. И греческое Καίσαρ Германецъ начала нашей эры едва-ли передалъ-бы на письмѣ иначе. У Римлянъ переходъ отъ ai къ ae = ē^2 выразился въ написаніяхъ Caeicilius, Cæiciani, queistores (съ *e* вмѣсто æ), гдѣ i, какъ вѣрно толкуетъ Зельманъ (Die Aussprache des Latein, стр. 167), означаетъ звукъ между i и e, т. е. e^1. Оски изображали его въ значеніи второй части двоегласныхъ своимъ i съ горизонтальной черточкой съ лѣвой стороны, а этотъ знакъ соотвѣтствовалъ у нихъ, по всей вѣроятности, звуку e^1 (при буквѣ e=e^2, какъ весьма правдоподобно предполагаетъ Турнейзенъ). Такое-ли значеніе имѣло коринѳское ε въ αε какъ будто въ отличіе отъ віотійскаго αε, какъ думаетъ Блассъ (Ueber die Aussprache des Griechischen, 3 изд., стр. 55 слѣд.), вопросъ темный. Едва-ли имѣютъ какую важность для исторіи греческихъ двоегласныхъ φδαεῖσι, κλυταιεῖς, εὐχαιεῖσι, αἰείθει (вм. φδαῖσι, κλυταῖς, εὐχαῖσι, αἴθει) въ дельфійскихъ нотныхъ надписяхъ, потому что ει звучало тогда какъ ι. Впрочемъ и эти написанія (подъ двумя нотами) не лишены значенія въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуютъ о произношеніи αι еще за ai, что̀ въ то время было чуть-ли не архаизмомъ, удержавшимся только въ пѣніи.

его вокализма, какъ извѣстно, лишь упредили прочихъ Грековъ, а потому суженіе и упрощеніе гласныхъ звуковъ во всѣхъ греческихъ нарѣчіяхъ, пережившихъ античную эпоху, должно было происходить приблизительно такъ-же, какъ и въ віотійскомъ. Но въ такомъ случаѣ самъ собою навязывается вопросъ, отчего правописаніе αε, οε вмѣсто αι, οι ограничивалось такой незначительной территоріей и не встрѣчается, напр., у Іонянъ наряду съ αο, εο вмѣсто αυ, ευ. Причина, вѣроятно, та, что въ большинствѣ греческихъ нарѣчій и говоровъ вторая часть двоегласныхъ αι и οι, какъ и υι, хотя несомнѣнно была открытѣе обыкновеннаго ι, однако-же долго не доходила до ε, а когда достигла этой степени открытости, орѳографическое преданіе было такъ опредѣленно и твердо, что уже не поступалось въ пользу фонетики. Вѣдь правописаніе αο, εο явилось и болѣе или менѣе держалось въ общемъ употребленіи во времена самостоятельности іонійской культуры, а та эпоха, въ которую αε и οε или, выражая ихъ звуки точнѣе, äe[1] и öe[1], могли бы служить для передачи тогдашняго выговора начертаній αι и οι, совпадаетъ съ эллинистическимъ періодомъ греческой письменности. Танагрійцы и, можетъ быть, отчасти Коринѳяне оказались въ этомъ отношеніи смѣлѣе прочихъ своихъ соплеменниковъ только потому, что въ ихъ говорѣ соотвѣтствующія такому необычному правописанію звуковыя измѣненія совершились до культурнаго преобладанія Аѳинъ съ его послѣдствіями для дальнѣйшей исторіи греческаго языка. Какъ сильна была грамматическая теорія во времена уже общаго для всѣхъ Грековъ перехода αι = ai въ $\breve{\text{äe}}^1$ и затѣмъ въ $\overset{\frown}{e^2e^2}$ (= ē²), видно изъ того, что полуграмотный Грекъ императорскихъ временъ, но свободный отъ вліянія латинскаго языка, скорѣе могъ написать αἴτωμα вмѣсто ἀέτωμα (C. I. III, 162), чѣмъ какое-нибудь αἐσχρός, вмѣсто котораго его-же современники, только изъ менѣе цивилизованныхъ мѣстностей, написали бы, пожалуй, ἐσχρός, хотя и наоборотъ αἰσθλός (какъ написано въ Гесіодовомъ стихѣ,

попавшемъ зачѣмъ-то въ Ассендельфтовы восковыя таблички съ баснями Бабрія). Во всякомъ случаѣ самый фактъ стяженія греческаго αι въ e², какъ оно звучитъ и доселѣ, ничѣмъ уже не отличаясь отъ ε, указываетъ на предшествующія ступени ae и т. д. съ *e* въ видѣ второй части, которое не могло быть полугласнымъ, а оно въ свою очередь могло произойти изъ i только слогового. Правда, и ai̯ или äi̯ можетъ переходить въ ē, однако, кажется, лишь въ ē закрытое, какъ bē¹n, kē¹n, rē¹n и т. п. въ нижне-нѣмецкихъ говорахъ. Дѣло въ томъ, что въ двоегласныхъ съ неслоговыми i, u, ü первая часть, если вліяетъ на вторую, то не качественно, а количественно, протягиваясь на ея счетъ до полнаго ея исчезновенія, какъ въ англійскихъ bone, both, stone, нижне-нѣмецкомъ bōm (изъ boum = baum), австрійскомъ kān = kein и т. п., но качественно дѣйствуетъ лишь вторая часть на первую; такъ ново-верхне-нѣмецкія ein, т. е. äi̯n вмѣсто ai̯n, Bäume, т. е. böü̯me вмѣсто bäü̯me (перезвуковка подъ вліяніемъ слѣдующаго *e*), средне-в.-нѣм. houbet изъ haubut, ново-перс. me¹i̯, ro¹u̯ изъ mäi̯, räu̯ вмѣсто mai̯, rau̯ и т. д. Если гдѣ и замѣчается вліяніе перваго, слогового, элемента на второй, то лишь послѣ обратнаго вліянія, напр. Feuer, т. е. föü̯er или, можетъ быть, föü̯i̯er вмѣсто föü̯r изъ fe¹u̯r, древняго fiur, тогда такъ въ истинной двоегласной, состоящей изъ двухъ полныхъ гласныхъ, взаимное уподобленіе исходитъ отъ первой. Отсюда мы должны заключить, что, напр., въ геродотовскихъ *θωῦμα* и *τρωῦμα* вмѣсто *θαῦμα* и *τραῦμα*, если только эти формы подлинны [12]), *υ* выражало собою неслоговое u,

---

[12]) Въ рукописяхъ Геродота встрѣчаются также *θῶμα*, *τρῶμα* и сверхъ того *διαφώσκω* вмѣсто *διαφαύσκω*. Такъ какъ ω звучало у Іонянъ открыто, такимъ стяженіемъ предполагалось бы āu (потомъ āo¹—ō²o¹—o²o²), а не au̯. Но *θῶμα* засвидѣтельствовано, повидимому, слабѣе, чѣмъ *θωῦμα*, а два остальные примѣра могутъ быть внѣ всякой связи съ āo: *τρῶ-μα* ср. *τι-τρώσκω*, *δια-φώ-σκω* ср. *φῶ-ς* род. *φω-τός* — не изъ *φάος* род.

какъ, вѣроятно, и вообще вторая часть двоегласныхъ съ долгою первою частью была, по крайней мѣрѣ, въ извѣстную эпоху неслоговою, о чемъ было сказано уже выше. Отсюда потомъ тѣ перемѣны, которымъ подъ конецъ подверглись такія двоегласныя. Дальнѣйшая судьба ихъ была различна, и это различіе въ свою очередь не лишено поучительности относительно вопроса объ ихъ прошломъ въ связи съ исторіей двоегласныхъ двух-временныхъ, или обыкновенныхъ. Какъ показываетъ намъ измѣненіе двоегласныхъ съ ι — αι, ει, οι — въ простыя гласныя ē², ī, ǖ (теперь e², i, i), вторая часть ихъ не сокращалась въ i̯. Точно такъ-же и ᾳ, ῃ, ῳ упростились въ ā, ē, ō (теперь a, i, o²), почему о ступени āi̯, ēi̯, ōi̯ можно говорить почти лишь какъ о постулятѣ для соединенія двухъ крайнихъ точекъ въ развитіи этихъ звуковъ. Вѣроятно, неслоговое произношеніе ι въ такихъ двоегласныхъ было сначала явленіемъ непостояннымъ и спорадическимъ, отчасти факультативнымъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долгота первой части обусловливалась только даннымъ соединеніемъ словъ, какъ, напр., въ Аристофановыхъ Лягушкахъ ст. 511:

Ἔφρυγε κῷνον ἀνεκεράννυ γλυκύτατον

или 836:

Ἐγῷδα τοῦτον καὶ διέσκεμμαι πάλαι,

гдѣ звуку ῳ отведено было ритмомъ не болѣе двухъ моръ, а между тѣмъ ни ω не могло быть сокращено

φάεος, хотя облеченное удареніе какъ будто и указываетъ на стяженіе изъ двухъ гласныхъ, а отъ φω-, которое относится къ φα- въ φά-Ϝ-ος такъ-же, какъ κνώδαλον къ κναδάλλω, τρώγω къ τράγημα, γλῶσσα къ герондовскому γλάσσα. Читать послѣднее за προπερισπώμενον въ іонійскомъ текстѣ не менѣе странно, чѣмъ μάλλον, хотя Іонянамъ и навязываютъ атт. μᾶλλον, забывая пропорцію атт. κρεῖττον : іон. κρέσσον = атт. μᾶλλον : іон. μάλλον (даже ἕσσον изъ ἧσσον). Возможно и такое отношеніе, какъ между гласными первыхъ двухъ слоговъ въ ἀγ-ωγ-ή, — можетъ быть, впрочемъ тождественное съ указаннымъ выше.

до одной моры, ни ῳ не должно было слишкомъ рѣзко отличаться звукомъ отъ οι въ καὶ οἶνον и ἐγῷ οἶδα. Можетъ быть, въ этихъ ῳ было нѣсколько болѣе двухъ моръ, какъ, напр., несомнѣнно въ первомъ слогѣ формы ᾤκτιρον, гдѣ за гласной слѣдовало двѣ согласныхъ; можетъ быть, ῳ не выдерживалось до полныхъ двухъ моръ, и сокращалось на столько, чтобы для выговора ι оставалось больше времени, чѣмъ сколько требуетъ согласная передъ согласной, — и все-таки на долю ι приходилось такъ мало длительности, что этотъ звукъ во всякомъ случаѣ едва-ли могъ существенно отличаться отъ неслогового. Затѣмъ это i̯ постигла та-же участь, какъ i̯ въ южно-нѣмецкомъ ān изъ ain и т. д. Но, какъ бы то ни было, произношеніе āi̯, ēi̯, ōi̯ не представляло собою такого опредѣленнаго и общаго всѣмъ Грекамъ момента въ исторіи звуковъ ᾳ, ῃ, ῳ, какъ, напр., ae^1, ee^1, oe^1, oo^1 въ качествѣ звена между ai, ei, oi, ou и ǟ, ē^1 (потомъ ī), ṻ, ō^1 (потомъ ū). Судя по віотійскимъ αε, οε, далѣе η, υ вмѣсто ᾳ, ῳ, также по весьма распространенному ει вмѣсто ῃ и т. п., трех-временныя двоегласныя, какъ было упомянуто, кое-гдѣ сокращали свою первую часть; но ничто не препятствуетъ думать, что это сокращеніе не вездѣ бывало полное, а въ иныхъ мѣстахъ доходило — примѣрнымъ счетомъ — до полуторы моры, причемъ около полуморы оставалось на ι. При такомъ распредѣленіи временъ звукъ *ι*, какъ ирраціональный, могъ подпасть вліянію полу-долгаго *α* или *ο* въ такой степени, что чередованіе ступеней i — e^1— ä — a, i — e^1— ö — o и т. п. совершилось очень быстро, почти незамѣтно. Что-же касается двоегласныхъ съ υ, то средне-вѣковое и современное произношеніе уцѣлѣвшихъ αυ и ευ за av (af) и ev (ef) несомнѣнно доказываетъ, что въ ихъ развитіи былъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ неслогового выговора второй части. Опредѣлить этотъ періодъ хронологически тѣмъ труднѣе, что какъ начало его, такъ и конецъ въ различныхъ мѣстностяхъ наступили, конечно, не въ одно и то-же время. Тѣмъ не менѣе вполнѣ вѣро-

ятно, что это произношеніе появилось впервые въ двоегласныхъ съ первою частью долгою. Намекъ на произношеніе двоегласной ᾱυ, потомъ ωυ у нѣкоторыхъ Іонянъ какъ āu̯, ōu̯ мы уже видѣли въ θωῦμα и т. п. Изъ такого-же уподобленія гласной ε слѣдующему υ въ критскихъ ἐξοδούσαντες = exodóu̯santes вмѣсто ἐξοδεύσαντες, ψουδία = psou̯día вмѣсто ψευδία и т. п. мы можемъ вывести для этого нарѣчія неслоговое произношеніе υ и въ обыкновенныхъ двоегласныхъ [13]). Что это ου не значитъ здѣсь ū, слѣдуетъ, по видимому, именно изъ такого написанія — ου, а не υ, потому что въ строгомъ доризмѣ Критянъ υ едва-ли звучало за ü. Иначе это измѣненіе двоегласной ευ (въ ū) пришлось бы объяснить губнымъ (лабіальнымъ) выговоромъ ευ, а такое объясненіе равнялось бы отказу отъ опредѣленія υ въ древнѣйшемъ критскомъ ευ, такъ какъ лабіализмъ ведетъ двоегласныя какъ съ u̯,

---

[13]) Критское-же Ῥωκίονς (вмѣсто Ῥαυκίονς = атт. Ῥαυκίους) въ надписи у Le Bas (63, 3), если списано вѣрно, можетъ быть отнесено на счетъ тогдашняго выговора жителей Равка. Но въ такомъ случаѣ мѣсто этого ω въ исторіи двоегласной αυ неопредѣлимо впредь до выясненія двухъ вопросовъ: 1) какой звукъ изображался тогда въ этомъ говорѣ посредствомъ ω? 2) если ω какого бы то ни было происхожденія уже соотвѣтствовало $\bar{o}^1$, то когда произошло стяженіе αυ въ ω: до закрытія ω или послѣ него? Рѣшеніе перваго вопроса можетъ быть двояко, двояко и слѣдствіе этого рѣшенія: если ω = $\bar{o}^2$, чего скорѣе слѣдуетъ ожидать, то предшествующія ступени были o^2o^1—ao^1—au; если $\bar{o}^1$, то o^1u̯—o^2u̯—au̯. То-же и со вторымъ вопросомъ: если αυ перешло въ ω открытое и закрылось лишь тогда, когда закрылось всякое ω, это αυ было au; если-же стяженіе произошло по закрытіи ω, то стяженію предшествовало au̯. Съ тѣмъ-же затрудненіемъ мы встрѣчаемся въ дельфійскомъ αὗς ὠτόν (= αὐτὸς αὐτόν) и т. д. (ср. Wakkernagel K. Z. XXXIII 12, гдѣ приведены изъ надписей αὑσωτόν, αὑσωτάν, αὑσωτάς, αὑσωτῶν, αὑσωταῖς, лак. ὠτῶ — всѣ съ ω, извлеченнымъ изъ -ωτ- вмѣсто -ᾱοτ- въ стянутомъ αὐτᾱοτ- изъ ᾱὐτᾱὐτῶ вмѣсто αὐτῷ αὐτῷ и т. п.), въ извѣстныхъ изъ словарей и отчасти изъ Ликофрона κασωρίς, κασωρῖτις, κασωρεύω, κασωρεῖον или κασώριον вмѣсто κασαυρίς (иначе κασαλβάς) и т. д.

такъ и съ u къ одному и тому-же исходу — ū. И такъ, у Критянъ того времени ευ = eu̯, откуда öu̯, потомъ ou̯, далѣе, можетъ быть, ov. Такъ и въ ново-греческомъ языкѣ εὔμορφος, γεῦμα превратились въ ómorfos, jóma (пишутъ ὄμορφος, γιῶμα), а что здѣсь звуковой процессъ шелъ именно такимъ путемъ, доказываютъ съ одной стороны ovri̯ós (Ὀβριός) изъ Ἑβραῖος (= evréos, съ *i* вмѣсто *e* передъ *o*, также по-дорически), съ другой — kláma (κλάμμα) изъ κλαῦμα. Въ латинскомъ языкѣ двоегласныя были по своимъ физіологическимъ свойствамъ одинаковы съ греческими [14]); однако eu переходитъ здѣсь въ ou, потомъ въ ū, а не въ $\bar{o}^1$ (какъ и у Грековъ ου = ou, позже = ū). Точно такъ-же и у Славянъ, двоегласныя которыхъ, какъ и въ языкахъ балтійскихъ, состояли нѣкогда изъ двухъ полныхъ гласныхъ, eu еще до раздѣленія племенъ звучало какъ ou, а потомъ какъ ū. Причиной тутъ можетъ быть едва-ли что кромѣ лабіализма. Не даромъ и у Славянъ и у Италійцевъ *e* переходитъ въ *o* также передъ v (новъ, novus, но νέϝος), однако же, что̀ очень

---

14) Это слѣдуетъ изъ ихъ дальнѣйшей судьбы: ai перешло въ ae (какъ у Осковъ въ aí = ae^1), потомъ въ $\ddot{a}e^1$ — см. примѣч. [11]), наконецъ — въ e^2 (въ качествѣ вульгаризма уже у Луцилія pretor ne rusticu' fias—, конечно, не съ e^1, а съ e^2, такъ какъ дальше стяженія въ e^2 эта двоегласная не пошла и у Романцевъ), ei въ ī (а не въ $\bar{e}^1$, какъ было-бы изъ ei̯), au въ $\bar{o}^2$ (простонародныя plostrum, Clodius и т. п. съ $\bar{o}^2$, а не съ $\bar{o}^1$, какъ видно изъ романскихъ языковъ). Къ тому-же заключенію ведетъ и переходъ oi сначала въ oe, потомъ въ ū (oinos—oenos—ūnus) съ участіемъ лабіализма или вслѣдствіе отвращенія отъ ö и ü (o^2i—o^2e^1—o^1e^1—$\ddot{o}^1e^1$—$\ddot{o}^1\ddot{u}$ или, независимо отъ oe, o^2i—$o^2\ddot{u}$—$o^1\ddot{u}$—$\ddot{o}^1\ddot{u}$, но во всякомъ случаѣ ранѣе перехода въ ǖ послѣднее звено обоихъ рядовъ обратилось въ ou, откуда подъ удареніемъ ū, а безъ ударенія ō, напр. ne oinom—noenum или noenu—nōn, какъ проклитика; ср. lautus, но illōtus изъ *in-lautos). Впрочемъ стяженіе oi въ ū или ō, какъ и au въ тѣ-же гласныя (claudo—clodo и clūdo) зависѣло, вѣроятно, и отъ говоровъ, какъ, напр., у Осетинъ ai и au даютъ по-дигорски ē, ō, а по-иронски ī, ū.

знаменательно, у первыхъ, какъ первоначально, вѣроятно, и у послѣднихъ, только передъ твердымъ v (т. е. такимъ, за которымъ слѣдуетъ широкая гласная или твердая согласная), а передъ мягкимъ удерживается *e*: девѧть, какъ и литовское devynì, не могло-бы измѣнить свою начальную согласную (н) по образцу слѣдующаго числительнаго десѧть, лит. dészimtis, если-бы его *e* уже успѣло обратиться въ *o*, что̀ случилось-бы, по всей вѣроятности, раньше уподобленія девѧти къ десѧти, свойственнаго лишь славяно-балтійской группѣ, такъ какъ лабіализирующее дѣйствіе v и u̯, обусловленное законами чисто физическими, должно было болѣе или менѣе заявить о себѣ еще въ индо-европейскомъ языкѣ [15]).

---

[15]) Можно думать, что у Славянъ сравнительная степень отъ *новъ* была нѣкогда **невлъ* (изъ *névi̯os), при существительномъ *гнусъ* (словинск. gnûs отвращеніе) находилось прилагательное **гнюсьнъ* (ср. словинск. gnjus, вѣроятно, діалектическое, поставленное Левстикомъ въ Прешерновомъ сонетѣ «Življenje ječa» вмѣсто gnus перваго изданія), и такое-же чередованіе гласныхъ наблюдалось и въ склоненіи: им. п. **ку́до* (изъ *koúdos, а это изъ *keúdos — ср. кудесникъ, что̀ Потебня сравнивалъ съ скр. kuh- въ kuhaka-s „фокусникъ", kuhayate „производитъ фокусы", съ греч. κεύθειν, англо-сакс. hydan „скрывать" и т. д.) род. *чудесе* (изъ *keudeses), и въ спряженіи: *пловѫ*, **плевеши*, причастіе *пловы*, какъ по-латыни, подъ вліяніемъ твердости или мягкости послѣдующихъ l или m, volo, volt, volumus, voltis, volunt, но velim, velle, а прежде, конечно, и *holos (изъ *helos) род. *heleses, homo род. *hemenes. Впослѣдствіи парадигмы должны были выравняться, какъ и въ исторической латыни holus род. holeris, homo род. hominis (послѣ колебаній между homōnis и hemōnis). Недоумѣнія возбуждаетъ *ю—ев* при *у—ов* изъ eu, напр. въ *рюти—ревѫ* при *плути—пловѫ* (греч. πλέω): откуда разница, и почему она не обратна? *Щуждь* (но и *туждь*), *людъ*, *блюдѫ*, можетъ быть, заимствованы (ср. готск. thiuda, сканд. lȳðr, гот. biudan), а въ другихъ случаяхъ eu, можетъ быть, по причинѣ разницы въ мѣстѣ или качествѣ ударенія, еще до отдѣленія Славянъ отъ Балтовъ измѣнилось въ iu, напр. въ *любъ* (вмѣсто естественнаго **лубъ* изъ *loubhos), *жуѭ* (изъ *giu̯ā̊, а это изъ *geu̯ā̊, ср. греч. γευ-σ-τός, нѣм. kauen) —

Какъ-бы то ни было, неслоговое произношеніе υ въ αυ и ευ въ извѣстную эпоху древне-греческаго языка не подлежитъ сомнѣнію и, можетъ быть, даже является передъ нами въ памятникахъ, опять-таки у Дорянъ: Ναϝπακτιων въ надписи изъ эпикнемидской Локриды, Ἔϝθετος въ коринѳской. Видѣть въ этомъ ϝ согласное v, хотя-бы даже чисто-губное (не зубно-губное, какъ нынѣшній Грекъ выговариваетъ β и υ напр. въ εὑρίσκω), мѣшаютъ не столько Ναυπακτίων, встрѣчающееся тутъ-же нѣсколько разъ, и другія написанія съ υ, среди которыхъ αϝ и εϝ появляются только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, и не ἀϝυτοῦ (надобно замѣтить: въ іонійской стихо-

---

**жути* (ср. польск. żuć) или *жьвати* (какъ *берж—бьрати* или *брати* изъ *berā̯—br̥[ā]tei, *пишж—пьсати* изъ *peisi̯ā—*peis[ā]tei и т. п.), лит. liaupsė похвала (кор. leubh-, но liubėti не отъ Славянъ-ли?), liáuti-s переставать (ср. греч. λύω), jaukinti прі-уч-ать и др., впрочемъ, какъ видно уже изъ этихъ немногихъ примѣровъ, не безъ разногласія между обѣими группами, откуда можно вывести заключеніе, что въ періодъ славяно-балтійскаго единства утонченіе *e* въ i—i̯ только еще начиналось. Дифтонгизація второй части двоегласной eu какъ будто указываетъ на то, что это утонченіе совершалось путемъ постепеннаго отнесенія частицъ первой части ко второй (какъ въ λεώς изъ λᾱός и т. п.). Такъ было, кажется, и въ *шуй* изъ индоевропейск. *skovi̯o-s (греч. σκαιός изъ *σκαϝιός, скр. savya изъ *sçavi̯a, зенд. havya), гдѣ исконная мягкость сочетанія *sk* (съ передне-небнымъ *k*) превратила, наоборотъ, *o* передъ *v* въ *e*. Правда, Фиккъ предполагаетъ западно-европейское *sqaivos—, разумѣется, на основаніи „σκαιϝός = lat. scaevus", но *v* въ этомъ словѣ, несомнѣнно заимствованномъ изъ греческаго языка, появилось уже на латинской почвѣ. За то Фиккъ принужденъ отдѣлить западно-европейскія формы отъ прочихъ. Допустимо впрочемъ и предположеніе, что *e* въ *eu* отчасти подверглось излому (Brechung), какъ ē послѣ задне-небныхъ въ *часъ* и т. п., т. е. *leubhū—*leoubū—*li̯oubū—*любъі*, что было-бы близко къ англ. new = njū изъ neu-, вѣроятно, черезъ néou—neóu—ni̯óu. Изъ *любъі* мягкость первой согласной распространилась на *любъ*, и такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ корняхъ *ю* возобладало надъ *у*.

творной надписи, и при томъ очень древней), которое, по Г. Мейеру (§ 121), „есть, вѣроятно, лишь поправка вмѣсто первоначально задуманнаго рѣзчикомъ αϝτοῦ“, но можетъ быть и попыткой передачи вообще необычнаго звука u̯ какъ и кипрское κενεϝός, сильно напоминающее древне-персидскія paruva (скр. pūrva), haruva (скр. sarva), и также ariya (скр. arya) и пр. [16]): всѣ эти указанія далеко не такъ важны, какъ совокупность тѣхъ чертъ, изъ которыхъ слагается фонетическая система тогдашняго греческаго языка,—разумѣется, на сколько мы можемъ возстановить ее. Дѣло въ томъ, что вторичное появленіе спиранта v въ греческомъ языкѣ должно было болѣе или менѣе совпасть по времени съ развитіемъ другихъ, новыхъ спирантовъ: вѣдь v есть не только ϝ, но и позднѣйшее β, а β начало переходить въ спирантъ, конечно, одновременно съ γ и δ (теперь γ = малор. г, а δ = англ. th въ thou), какъ и соотвѣственные латинскіе звуки во французскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, между гласными: caballus — cheval, magis — *ma(γ)is = mais, amāta—amé(δ)e=amée (теперь aimée). Около тогоже времени, хотя не непремѣнно какъ разъ тогда-же, придыхательныя ϑ, φ, χ, все болѣе и болѣе уподоблявшія придыханіе своему основному звуку — t, p, k —, дошли наконецъ до степени спирантовъ или, точнѣе, придувныхъ. Только въ этомъ періодѣ, характеризуемомъ новыми спирантами, и стало возможно полное отождествленіе αυ и ευ съ av и ev, а передъ глухими согласными — даже съ af и ef. Чуть-ли не первое неоспоримое свидѣтельство о такомъ состояніи звуковъ греческаго языка есть написаніе ἀπελέφτερος вмѣсто ἀπελεύϑερος, находящееся въ одной очень поздней, римской по происхожденію, надписи (5922 b): въ говорѣ ея автора не только υ передъ глухой, но и φ звучали какъ придувная φ, хотя, можетъ быть, еще чисто-губная, а не губно-зубная, да и звукъ ϑ, очевидно, уже сталъ придувнымъ

[16]) Ср. также harauvati (скр. Sárasvatī) = harabu̯ati.

(англ. th въ thin), откуда и ново-греческая диссимиляція φθ въ φτ = ft, какъ φθάνω = фтáно, ἐχθρός = эхтрóсъ и т. п. Прежде возможна была развѣ противоположная ошибка: ἄπθιτος, ἐλεγκθέντος, ἐκθρός (послѣднее въ надписи даже II или III в. по Р. Х. — Г. Мейеръ § 209) и т. п., которыя произносились однако-же áphthitos, eleñkhthéntos, ekhthrós. Ранѣе начала этого періода, наступившаго, конечно, не одновременно во всѣхъ мѣстностяхъ греческаго міра, спирантовъ въ греческомъ языкѣ почти совсѣмъ не было, такъ какъ j и v исчезли еще до эпохи нарѣчій, s—также, за исключеніемъ положенія передъ согласной и конца слова, а тотъ звўкъ, который въ историческія времена выражался посредствомъ ϝ, былъ не v, а u̯, что̀ можно доказать не только кипрскими κενευϝόν (вмѣсто κενεϝόν) = keneu̯ón, εὐϝρητάσατυ (т. е. ἐϝρητάσατο) = eu̯re^{2}tásatu и т. п., на которыя ссылается Г. Мейеръ § 239, но и словами, какъ ἡδύς, ἕ, ἑκυρός, сохранившими у Гомера всѣ признаки дигаммы при исконномъ густомъ дыханіи (изъ s), которое, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ намъ изъ памятниковъ греческомъ языкѣ существовало только передъ гласной. Изъ такихъ случаевъ у Гомера, какъ, напр., B 832:

Ἤιδεε μαντοσύνας οὐδὲ οὓς παῖδας ἔασκεν,

E 343:

Ἣ δὲ μέγα ἰάχουσα ἀπὸ ἕο κάββαλεν υἱόν

и др. (какъ Γ 172: φίλε ἑκυρέ, E 302: Σμερδαλέᾱ ἰάχων, E 371, Z 192, Λ 226: θυγατέρᾱ ἥν, K 465: ἀπὸ ἕθεν, ε 459, Π 542: σθένει ᾧ, Ω 36, δ 175: τέκει ᾧ, γ 39: πατέρι ᾧ, ε 459, ι 392: μεγάλα ἰάχοντα, ι 398: ἀπὸ ἕο и т. п., изъ которыхъ нѣкоторые могутъ объясняться древней долготой, но лишь отчасти, потому она является обыкновенно въ цезурѣ, какъ Ω 285: Χρυσέῳ ἐν δέπαϊ, ζ 269: Πείρατα καὶ σπεῖρα), слѣдуетъ, по видимому, заключить, что u̯ въ такихъ соединеніяхъ какъ-бы удвоивалось: o^{1}ude^{1}u̯hu̯ô^{1}s, mé^{1}gàu̯u̯iákhô^{1}sa, apò^{1}u̯hu̯é^{1}o^1. И такъ, все говоритъ въ пользу того, что Ναϝπακτίων и т. п.

слѣдуетъ читать не съ v (объ f не можетъ быть и рѣчи), а съ u̯. Даже Δαβίδ при Δαυίδ у 70 толковниковъ [17]), κατεσκέβασεν вмѣсто κατεσκεύασεν, какъ и наоборотъ — εὔδομον вмѣсто ἕβδομον въ позднихъ надписяхъ сами по себѣ еще не доказываютъ произношенія υ въ двоегласныхъ за v, хотя, чѣмъ памятникъ ближе къ византійской эпохѣ, тѣмъ вѣроятнѣе, конечно, предположеніе именно такого выговора. Стоитъ только сравнить кипрскія κατεσκεύϜασε, βασιλεύϜοντος, ΕὐϜαγόρω и т. п. въ памятникахъ мѣстнаго, слогового письма и болѣе позднія Εὐβάλκης въ лаконской надписи и Εὔβανδρος въ эпирской, чтобы убѣдиться въ полномъ тождествѣ звуковъ, изображаемыхъ здѣсь посредствомъ Ϝ и позже посредствомъ β, а звукъ этотъ былъ въ данномъ случаѣ, конечно, u̯ или близкій къ нему, но менѣе плотный, чѣмъ v, — все равно, означалось-ли соединеніемъ υ съ согласной сочетаніе uu̯ (почти какъ въ нѣм. Aue = au̯we съ англ. w) или-же одно u̯. Что въ Δαβίδ, чередующемся съ болѣе обычнымъ Δαυίδ, β представляло собою не v, а u̯, правдоподобно въ высшей степени, такъ какъ нынѣшнее произношеніе еврейскаго waw за v отнюдь не можетъ считаться древнимъ, что̀ видно не только изъ арабскаго языка,

---

[17]) Что въ ихъ время періодъ спирантовъ еще не наступилъ, доказывается употребленіемъ буквъ ϑ, φ и χ въ переводѣ Ветхаго Завѣта при передачѣ еврейскихъ и сирскихъ словъ: этими знаками передаются не придувные звуки, образовавшіеся впослѣдствіи изъ глухихъ подъ вліяніемъ предшествующихъ гласныхъ (t — англ. глухое th, потомъ s, p — f, k — нѣм. ch), а по большей части нынѣшніе глухіе — t, p, k — въ началѣ словъ, гдѣ Евреи произносили ихъ тогда, вѣроятно, съ придыханіемъ (Φιλισταῖοι — ʻPilištīm и т. п.), но, ужь конечно, не за придувные, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству греческой транскрипціи, этого перехода вообще не было въ еврейскомъ языкѣ того времени, да и внесенъ-то онъ въ этотъ языкъ, кажется, искусственно изъ сирскаго, усвоеннаго себѣ Евреями въ вавилонскомъ плѣненіи. Сверхъ того ϑ часто соотвѣтствуетъ семитскому t эмфатическому, которое не обращается въ придувную даже Сирійцами. Ср. впрочемъ примѣч. 31.

сохранившаго обще-семитскіе звуки гораздо лучше еврейскаго и живого до сихъ поръ, но также (и это важнѣе) изъ этимологическаго значенія waw. Правда, β того времени не во всѣхъ случаяхъ звучало какъ u̯, а большею частію какъ v, но не наше, а чисто-губное, подобное сѣверно-нѣмецкому w или испанскому b, да и то, вѣроятно, только въ положеніи послѣ гласныхъ, съ котораго всегда и вездѣ начинается переходъ звонкихъ въ придувныя (въ языкахъ еврейскомъ, сирскомъ, иранскихъ, романскихъ, относительно b — въ позднѣйшемъ латинскомъ, въ нѣкоторыхъ германскихъ, татарскихъ, въ калмыцкомъ и пр.) [18]); но вполнѣ естественно, что тогдашніе Греки плохо распознавали это новое v отъ еще прежде знакомаго имъ u̯. Отсюда, между прочимъ, ῥαύβδους вмѣсто ῥάβδους въ луврскомъ папирусѣ II в. до Р. Хр. и εὐβδομήκοντα въ керкирской надписи (С. I. 1845), живо напоминающія собою Εὔβανδρος и т. п., но еще болѣе похожія на εὐϝρητάσατο, въ которомъ трудно опредѣлимый звукъ находится также передъ согласной. Отъ такого употребленія β было уже недалеко до постановки его вообще на мѣсто діалектической дигаммы, — и вотъ являются въ позднѣйшихъ надписяхъ и у грамматиковъ элейское βοικίαρ, керкирское ἔββος, лаконское βωρθέα, лесбійское βρόδον и т. д. Но это было обозначеніе условное, такъ какъ β, помимо положенія послѣ гласной, продолжало звучать какъ русское б, что̀ доказываютъ транскрипціи не только латинскія, но даже сирскія, готскія

---

[18]) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ надлежащаго матеріала для возстановленія исторіи элейскаго ζ (т. е., вѣроятно, англійскаго звонкаго th или новогреческаго δ) вмѣсто δ, — перехода, тѣмъ болѣе любопытнаго, что онъ относится ко времени, далеко не позднему. Впрочемъ, измѣненіе звонкихъ взрывныхъ въ придувныя было долго ограничено очень узкими предѣлами; даже въ Египтѣ, истинномъ разсадникѣ всякихъ нововведеній по части языка, δ и γ произносились, очевидно, безъ аффрикціи, такъ какъ частое смѣшеніе ихъ съ τ и κ ясно указываетъ на ихъ чисто взрывный характеръ въ этомъ нарѣчіи.

и армянскія. И такъ, исторія двоегласныхъ съ υ въ видѣ второй части была такова: au (или ao[1], откуда, можетъ быть, кое-гдѣ ω = ō[2]) [19]) — au̯ — av съ v губнымъ — av съ v губно-зубнымъ, а передъ глухими — af съ f губно-зубнымъ. Судя по приведенному выше ἀπελέφτερος, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ процессъ завершился еще до наступленія византійскаго періода.

Доказательство въ пользу предположенія, что греческія двоегласныя первоначально состояли изъ двухъ полныхъ гласныхъ, можно найти и въ тождествѣ двоегласныхъ исконныхъ или возникшихъ путемъ стяженія и двоегласныхъ отъ эпентезы. Всѣмъ извѣстно, что эпентезой называется отраженіе гласной или полугласной (обыкновенно i̯, рѣже u̯) въ гласной предшествующаго слога черезъ раздѣляющую обѣ гласныя согласную. Вліяніе небной или губной гласной на гласную предшествующаго слога въ русскомъ языкѣ было замѣчено Бётлингомъ: по его наблюденіямъ (совершенно вѣрнымъ), *а* въ *бабѣ* звучитъ иначе, нежели въ *бабу*, именно во второй своей части, по мѣрѣ приближенія къ согласнымъ различнаго качества. Вопросъ о развивающихся отсюда „полифтонгахъ" разработанъ А. Д. Путятой въ особомъ изслѣдованіи («Къ исторіи индо-европейскаго вокализма». Москва 1881), гдѣ, напр., для *а* въ словѣ *бабѣ* устанавливаются ряды звуковъ въ родѣ слѣдующаго: a — aä — ae[2] — ae[1] — ai и т. п., но гораздо подробнѣе. Какъ бы то ни было, акустическое впечатлѣніе отъ такого „полифтонга" можно выразить приблизительно такъ: въ *бáбѣ* гласная *а*, длящаяся подъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ довольно долго, состоитъ изъ *а* примѣрно такой-же долготы, какъ въ *пáдкій*, и изъ очень короткаго e[1], а въ *бáбу* — изъ такого-же *а* съ очень короткимъ o[1]. Но это еще не пол-

---

[19]) Какъ и въ древне-персидскомъ, по крайней мѣрѣ, при послѣднихъ Ахеменидахъ, когда имя Rauχšanā передавалось Греками Ῥωξάνη, согласно съ ново-персидскимъ rōšan (теперь rūšän или rou̯šän) „свѣтлый".

ная эпентеза, — не такая, которая слышится всегда и неизмѣнно, какъ бы кто ни выговаривалъ слова, — связно или отрывочно, медленно или быстро. Эпентеза, какъ опредѣленный, постоянный звуковой законъ, входитъ окончательно въ свои права лишь тогда, когда вызвавшая ее причина исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, перестаетъ дѣйствовать, ограничившись извѣстными, оставшимися отъ старины случаями, какъ, напр., Umlaut въ германскихъ языкахъ. Правда, въ Зендѣ эпентеза i и u является передъ простой согласной, особенно, кажется, передъ r и t, почти каждый разъ, какъ слѣдующій слогъ заключаетъ въ себѣ i или i̯ (j), u или u̯ (v), безъ различія грамматическихъ категорій и вообще безъ опредѣленныхъ ограниченій; но еще неизвѣстно, что̀ это была за эпентеза: вѣдь не даромъ-же въ самомъ Зендѣ это явленіе подвержено колебаніямъ, а изъ прочихъ иранскихъ языковъ оно, — по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ — неизвѣстно, такъ какъ тѣ одиннадцать пеглевійскихъ и ново-персидскихъ словъ, въ которыхъ Джемсъ Дарместетеръ (Etudes iraniennes I § 82) видитъ эпентезу, содержатъ въ себѣ ē (теперь ī или e^{1}i̯), соотвѣтствующее зендскому ae (т. е., вѣроятно, ē^2), а не ai; напр. nērō (теперь ne^{1}i̯rū) „сила" предполагало бы въ Зендѣ не *nairyava (отъ nairya „мужественный" — nara „мужъ"), а *naeryava, форму немыслимую (ср. также ново-перс. hunar „достоинство, искусство", — вѣроятно, изъ индоиранскаго *su-narya-m, которое въ Зендѣ было бы *hunairyem). Особенно странно отношеніе gērad [20]) (теперь gīrăd) „беретъ" къ зендскому geurvayēiti и sirīn „лядвея" — къ зендскому çraoni, въ которомъ даже нѣтъ эпентезы. Однако, если въ этихъ примѣрахъ мы дѣйстви-

---

[20]) Впрочемъ уже въ XIII в. у Саади (въ касыдѣ Yā rab, az mā či çalāḥ āyad, agar tu na paδiri? Ba χudāvandi u luṭf at, ki naẓar bāz na giri) глаголы giram и paδiram (зенд. *paiti — geurvayēimi) звучатъ уже съ i, какъ видно изъ риомъ munīr ī, faqīrī и т. п.

тельно имѣемъ дѣло съ эпентезой, то это эпентеза уже настоящая, обнаруживающаяся въ превращеніи простой краткой гласной въ двоегласную, и притомъ такую-же, какъ греческія, и съ той-же дальнѣйшей исторіей. Во всякомъ случаѣ можно, если не должно, предположить, что зендскія ai, ei, au, eu и т. п. сочетанія, возникшія вслѣдствіе вліянія послѣдующихъ i, y и u, v, представляли собою не двоегласные, иначе — долгіе звуки, конечно, кромѣ ēi и т. п., а простыя, краткія гласныя, стоящія по качеству между той и другой гласной, знаками которыхъ онѣ изображены: такъ paiti (древне-персидск. patį, ново-перс. bad въ bad-ō, теперь bäd-ū „ему“, bad-ān „тому“ и т. п.) — читай päti (т. е. съ *a* въ родѣ французскаго въ patte), haurva (древне-перс. haruva условно вмѣсто harụa, ново-перс. har) — hårva (т. е. съ *a* въ родѣ мадярскаго краткаго *a*). Но, если даже это предположеніе вѣрно, послѣ долгой гласной эпентетическое *i* должно было слышаться: geurvayēiti, вѣроятно, какъ gĕrụayēⁱti (съ ĕ какъ въ нѣм. Anger и съ ēⁱ какъ *a* въ англ. pale), tūirya — съ ū, за которымъ слѣдуетъ призвукъ ŭ и т. д. Возможно впрочемъ и другое объясненіе зендской эпентезы. Эпентеза есть движеніе небнаго или губного произношенія спереди назадъ, черезъ согласную, которая и подвергается дѣйствію измѣняющаго звука прежде, чѣмъ оно скажется на предшествующей гласной. Эту большею частію преходящую аффекцію согласной иногда бываетъ трудно уловить, но она не подлежитъ сомнѣнію, и вотъ именно въ зендѣ мы, можетъ быть, застаемъ какъ разъ этотъ моментъ эпентезы. Говорятъ, въ ирландскомъ и шотландскомъ языкахъ разница между какимъ-нибудь each или eoch (изъ *equos им. пад. ед. ч.) и eich (изъ *equī род. п.) замѣчается не столько въ гласной, сколько въ согласной, которая въ первомъ случаѣ подобна нашему *хъ*, а во второмъ — *хь*. Если такъ, зенд. airya могло бы быть передано фонетически arⁱịa (т. е. приблизительно то-же, что̀ русскими буквами *арья*), aurušа — ar^uuša (съ отзвукомъ u въ r, самой, такъ сказать, глас-

ной изъ согласныхъ, при которой, кажется, только и бываетъ эпентеза и въ зендѣ). Соединить оба эти объясненія едва-ли возможно, потому что, пока согласная вполнѣ мягка, ни настоящей эпентезы (съ разложеніемъ предшествующей гласной на два звука), ни вообще существеннаго измѣненія гласной, повидимому, не бываетъ, какъ нѣтъ его между прочимъ у насъ, если не считать важнымъ измѣненіемъ разницу ударяемыхъ *е(ѣ)* въ *шестъ* и *шесть*, *вѣру* и *вѣрю*, *вѣсъ* и *вѣсь* или *весъ* и т. п. Впрочемъ, при лабіализаціи возможна и двоегласная изъ эпентезы; такъ, напр., у Кумыковъ, придающихъ согласнымъ *k* и *g* при гласныхъ ö и ü такой сильный губной оттѣнокъ, что самыя эти гласныя послѣ нихъ превращаются въ *o* и *u*, вмѣсто нормальнаго tögülgen (прош. прич. страд. отъ tök-mek „разсыпать, разливать") слышится не только tögulguèn, но и töugulguèn (то и другое произносится съ вытянутыми и сжатыми въ трубку губами, причемъ *e* похоже на нѣмецкое въ kommen). Если относительно зенда вѣрно первое объясненіе, въ такомъ случаѣ зендская эпентеза съ физіологической стороны тождественна съ нѣмецкой или, пожалуй, съ древне-скандинавской, такъ какъ въ послѣдней дѣйствуетъ и *u* (maðr „человѣкъ"—дат. ед. männi — имен. мн. men — дат. мн. mönnum, гдѣ ö выговаривалось нѣкогда какъ *a*, склонное къ *o*). Хотя и такое явленіе называется у насъ часто эпентезой, однако оно скорѣе подходитъ подъ категорію уподобленія, чѣмъ эпентезы въ строгомъ смыслѣ слова: подъ ἐπένθεσις Грекъ, создавшій и потому понимавшій этотъ терминъ, разумѣлъ вторженіе инороднаго звука, становящагося рядомъ съ первоначальнымъ. Такова греческая эпентеза, такова и французская. Какъ произошло, напр., raison изъ латинскихъ косвенныхъ падежей ratiónis, ratióni, ratiónem и пр.? Должно думать, такимъ путемъ: *radzįón(e)— *radz'ón (=радзён) — rae¹(d)zǫ́ — rē²zǫ́ = raison; т. е. неслоговое *i*, подвигаясь назадъ, вошло въ предшествующую согласную, которая оттого вполнѣ смягчилась; затѣмъ эта мягкость, исчезая изъ согласной, мало по малу переда-

лась послѣдней части предшествующей гласной, и, чѣмъ болѣе твердѣла согласная, тѣмъ самостоятельнѣе становился этотъ призвукъ, пока въ соединеніи съ предшествующей гласной не составилъ двоегласной изъ полныхъ двухъ гласныхъ, ае, а она, какъ и слѣдовало ожидать, стянулась въ долгое, отчасти до сихъ поръ не сократившееся открытое *e*. Тотъ фактъ, что результатъ былъ именно ē^2, а не ai̯ и не ē^1, служитъ доказательствомъ слогового выговора обѣихъ частей двоегласной. Еще убѣдительнѣе въ этомъ отношеніи исторія двоегласной oi (т. е. на самомъ дѣлѣ прежде u̯e^2, теперь u̯a) и ui изъ o^1 (= лат. ō и ŭ) передъ согласной смягченной, напр., tonsiṓnis, tonsiṓni, tonsiṓnem и т. д. — *tō^{1}zi̯ṓn(e) — *to^{1}z^{i}ṓn — *to^{1}e^{1}zǫ́ — *to^{1}e^{2}zǫ́ — tu̯e^{2}zǫ́ (= toison по прежнему выговору) — tu̯āzǫ́ (= toison по нынѣшнему); angústia — *añgṓ^{1}sci̯ă — *a̧gṓ^{1}s(s)i̯ĕ — *a̧gṓ^{1}s^{i}ĕ — *a̧gṓ^{1}e^{1}sĕ — *a̧go^{1}é^{2}sĕ — a̧gu̯é^{2}sĕ (= angoisse по прежнему выговору) [21]) — a̧gu̯ás (= angoisse по современному); cúneus (фонетически kú-ne^{1}us) — *kṓ^{1}ni̯(ŏ) — *kṓ^{1}n^i — *kṓ^{1}ȩ^1 (это или ko^{1}i̧ и выражается правописаніемъ coin) — *kṓ^{1}ȩ^2 — ku̯ȩ́^{2} (= coin не только по старинному, но и по новѣйшему произношенію, такъ какъ превращенію u̯e^2 въ u̯a помѣшалъ носовой призвукъ); coctus (фонетически kṓ^{2}ktus) — *kṓ^{2}k^u-

---

21) То-же обращеніе съ *oe*, теперь двоегласнымъ, находимъ, напр., у Маро (Marot):

Un gros joueur durant la nuit de Noël
Joua si fort qu' il perdit sa fortune,
Parquoi saisi d' une rage importune
Le malheureux regagna son hôtel,

у Лафонтена (Fables XII 11):

Ne sont, en l' ouvrage du poète

съ риѳмой

Sa louange en est plus complète.

Односложное *oe* у Буало (Sat. VIII):

Laissons en discourir la Chambre et Coeffeteau

въ нынѣшнемъ правописаніи было бы замѣнено посредствомъ *oi*.

t^i(ŏ) [22]) — *kó^{1}ue^{1}tt(ŏ) — kúe^{1}t — *kuit — *kuí̯(t) = cuit. Также при u изъ лат. u: púteus — *púcḁo — púc^i(ŏ) — *pús^i — *púe^{1}s — *pűe^{1}s — *pűis — püí̯(s) = puits, искусственно отличенное правописаніемъ отъ puis = post на основаніи латинскаго первообраза. Ясно, что въ oi и ui энентетическая часть двоегласной возобладала надъ первоначальной, присвоивъ себѣ одной полный гласный звукъ. То-же самое произошло и съ прежней двоегласной e^{1}i, возникшей путемъ эпентезы изъ латинскаго ĭ, а впослѣдствіи перешедшей въ oi, кромѣ положенія передъ замыкающимъ слогъ носовымъ призвукомъ: teindre изъ tingere (но moins изъ

---

[22]) Лабіализація задненебной передъ согласной (по крайней мѣрѣ, послѣ широкихъ гласныхъ) въ романскихъ языкахъ доказывается переходомъ латинскаго c = k въ u въ португальскомъ (auto изъ actum) и въ p въ румынскомъ (peptŭ изъ pectus); долгое удержаніе ея, хотя отчасти въ ассимилированномъ видѣ, видно не только изъ румынскаго p и итальянскаго t (cotto, notte и т. п.), но также изъ французскаго t (cuit, nuit и пр.), которое не удержалось бы, если бы не было нѣкогда удвоено, почему, напр., pré изъ pratum, но chat изъ cattus (а не catus: ср. ит. gatto, франц. ж. р. chatte, да и у Марціала XIII 60 catta). Съ другой стороны мягкость t послѣ k слѣдуетъ изъ испанскаго и провансальскаго ch = русск. *ч* въ ocho, noche, pecho и т. п. Вообще французская двоегласная ui, если не произошла путемъ стяженія u + i, обусловлена, кажется, всегда губнымъ звукомъ послѣ гласной или впереди ея: té^{1}gula — *té^{1}ulă — *te^{1}ülĕ — *tíülĕ — *tüílĕ — tuí̯le (ср. rivicéllus — *riusél l — *riüséll — *rüiseál, rüisó^1 = ruisseau), sé^{1}vum — *sé^{1}uv — *séüv — *síüf — suif, ólea (краткое *о* въ началѣ) — *uó^{2}li̯a — *uó^{2}l^{1}ă — *uó^{2}e^{1}lă — *ó^{1}e^{1}lĕ (ср. англ. oil) — *úe^{1}lĕ — *üilĕ — ü̯il = huile, córium (краткое *о* послѣ задне-небной въ открытомъ слогѣ) — *kuó^{2}ri̯(ŏ) — *kuó^{2}r^1 — *kuó^{2}e^{1}r *kó^{1}e^{1}r — *kúe^{1}r — *küir — kü̯ír = cuir, póssit (краткое *о* послѣ чисто-губной) — *puó^{2}si̯a — *puó^{2}s^{1}ĕ — *puó^{2}e^{1}sĕ — *pó^{1}e^{1}sĕ — *púe^{1}sĕ — *pűisĕ — pü̯is = puisse, sécta (ср. выше coctus) — *sé^{2}k^{u}ta — *se^{2}utta — *sé^{2}ut^{1}a — *sé^{2}ütă — *sé^{1}ütĕ- (ново-англ. suit, фонетически sjūt, ср. new, фонетически njū, слѣдовательно изъ seut) — *síütĕ — *süitĕ — sü̯it = suite и т. п. Но fólia (множ. въ смыслѣ ед.) — feuille, *voleat (отъ ром. volēre = velle) — veuille при f и v губно-зубныхъ, col(li)gat — cueille, scop(u)lus - écueil вслѣдствіе lg, pl.

mins вмѣсто minus, откуда, вѣроятно, oi въ moindre). Эпентезой объясняются испанскія hecho изъ factum, primero изъ primarius, румынскія oámenĭ (читай u̯ámen[i])= homines, frumósă (т. е. frumu̯ásă съ ă = русск. *о* и *а* въ мя́со, мя́са = formosa, țară (т. е. ца́ря̆) = terra (ром. tierra, какъ въ испанскомъ) и т. п. — все примѣры, указывающіе на двоегласныя изъ двухъ полныхъ гласныхъ, тождественныя съ тѣми, въ которыхъ отчасти можно видѣть и стяженіе: faire изъ facere (черезъ *fáje[1]re[1], откуда также ит. fáre — ср. русское знаѥтъ, по московскому выговору znái[2]t, по сѣверному — znáe[1]t или znáe[1]t, откуда костромское znāt), peur изъ pavórem и т. п. Таковы условія и физіологическія свойства полной эпентезы. Въ греческомъ языкѣ эти свойства должны были обнаружиться еще явственнѣе, чѣмъ въ романскихъ, потому что онъ не только сохранилъ, но, какъ кажется, даже усилилъ древнюю разницу между долготою и краткостью. Такимъ образомъ, напр., въ *φαίνω* изъ *phn̥i̯ó [23]), *δότειρα* изъ dóteri̯a, *μοῖρα* изъ (s)mori̯a *αι*, *ει*, *οι* представляли собою долготу не ирраціональную, какъ ai въ raison, а полную, въ цѣлыхъ двѣ моры. Вообще двоегласныя, происшедшія путемъ эпентезы, ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ-же двоегласныхъ иного происхожденія. А между тѣмъ эпентеза даетъ непосредственно не ai, e[2]i, oi, а ae[1], e[2]e[1], oe[1], и только послѣ e[1] небный призвукъ можетъ явиться прямо въ видѣ i, хотя, вѣроятно, все-таки открытаго. Выше были приведены данныя, на основаніи которыхъ слѣдуетъ предполагать, что *ι* и *υ* въ греческихъ двоегласныхъ, какимъ бы образомъ онѣ ни возникли, звучали не совсѣмъ какъ i и u, а довольно близко къ e и o, а рѣдкость замѣны ихъ въ этихъ соединеніяхъ буквами *ε* и *ο* объяс-

---

[23]) Едва-ли изъ *φαείνω* = phae[1]é[1]nō[2], первоначально *phavé[1]njō[2], откуда по стяженіи должно было-бы произойти **φήνω* или *φάνω*. Отъ *φαίνω* буд. *φᾰνῶ* изъ *phan-é-h-ō; отъ *φαείνω* — *φᾱνῶ* (у Аристофана Всадн. 300, у Эврипида Вакх. 527) изъ *phaven-é-hō.

няется ороографическимъ преданіемъ. Именно по поводу эпентезы, гдѣ ε и ο какъ будто имѣли бы за себя физіологію звуковъ, особенно умѣстно выяснить по мѣрѣ силъ это таинственное преданіе, упрямо поддерживающее буквы ε и ο. Прежде всего — къ какому греческому нарѣчію была впервые примѣнена финикійская азбука? Если вѣрить самимъ Грекамъ, то къ нарѣчію жителей той мѣстности, въ которой поселился Кадмъ, миѳическій изобрѣтатель греческой азбуки по финикійскому образцу. Исторія этой азбуки указываетъ, по видимому, на Дорянъ, какъ на племя, обладавшее ею съ древнѣйшихъ временъ. Что касается выводовъ, которые можно добыть изъ отношенія между буквами и соотвѣтствующими имъ звуками, то при разсмотрѣніи этого вопроса необходимо помнить, что ни въ одной азбукѣ, не прошедшей через руки грамматиковъ, какъ, напр., деванагари, нѣтъ особыхъ знаковъ для различенія долгихъ и краткихъ гласныхъ, если-же съ перваго взгляда покажется, что эта разница выражена, можно сказать съ увѣренностью, что въ этомъ случаѣ различіе количественное сопровождалось качественнымъ. Даже въ масоретской вокализаціи еврейскаго письма, противополагающей каждому краткому звуку соотвѣтствующій ему долгій, какъ азбука санскрита, можно уловить съ одной стороны равнодушіе къ этой разницѣ, а съ другой — наличность качественной разницы между обоими рядами, какъ какъ ŏ и ā выражены въ ней однимъ и тѣмъ-же знакомъ, откуда слѣдуетъ, при сравненіи съ живымъ языкомъ Масоретовъ, сирскимъ, что ā произносилось ими за o^2 (теперь у южно-русскихъ Евреевъ—даже за o^1), а если такъ, то и прочіе краткіе гласные звуки отличались у нихъ отъ соотвѣтственныхъ долгихъ открытостью, что̀ вполнѣ согласуется съ переходомъ древнѣйшихъ ĭ и ŭ въ ĕ и ŏ (сначала, конечно, e^1 и o^1, потомъ e^2 и o^2). Такъ и у Грековъ Η и Ω, замѣнившія собою впослѣдствіи Ε и Ο тамъ, гдѣ эти знаки изображали долгія гласныя, отличались, конечно, отъ Ε и Ο самымъ качествомъ звука, но едва-ли у всѣхъ греческихъ

племенъ въ одинаковой степени. Введеніе Η и Ω съ тѣмъ значеніемъ, которое они имѣли въ іонической азбукѣ, приписывалось поэту Симониду съ іоническаго острова Кеоса. Такъ-ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не Доряне и не Эоляне должны были почувствовать прежде всѣхъ потребность въ отличеніи Η отъ Ε и Ω отъ Ο, такъ какъ у нихъ, судя по ихъ стяженіямъ и протяженіямъ, напр. δᾶμω изъ δάμοο, οὐδῆς изъ οὐδένς. Ε и Η, Ο и Ω по качеству были одинаковы или очень близки между собой, а именно всѣ звучали болѣе или менѣе открыто,—по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшія времена. Правда, въ такъ называемой Doris mitior отношеніе между обще-греческими ε и η, ο и ω было не совсѣмъ таково, но въ нѣкоторыхъ отрасляхъ этой разновидности доризма первоначальное соотвѣтствіе этихъ звуковъ измѣнилось лишь впослѣдствіи; да и вообще вопросъ о ней еще ждетъ своего разъясненія. Въ ѳессалійскомъ нарѣчіи ē и ō всякаго происхожденія были закрыты, а при однообразіи качественной разницы между долгими и краткими гласными графическое обозначеніе ея не кажется дѣломъ необходимости, почему, напр., Нѣмцы до сихъ поръ пишутъ Lob (= $lō^1p$) и ob (= o^2p) съ однимъ и тѣмъ-же гласнымъ звукомъ. И такъ, несомнѣнно, что, если въ какомъ изъ греческихъ нарѣчій знаки Η и Ω были нужны, такъ это именно въ іоническомъ и въ аттическомъ, гдѣ, помимо рѣзкой разницы между ε и ο, которыя были закрыты, и η и ω, которыя были открыты, существовали еще закрытыя ē и ō, развившіяся изъ ε и ο путемъ позднѣйшаго стяженія и протяженія (δῆμοο, οὐδείς). Для изображенія этихъ аттико-іоническихъ долготъ особыхъ знаковъ не было, и писались онѣ просто Ε и Ο, тогда какъ Η и Ω въ тѣхъ-же самыхъ надписяхъ употреблялись для выраженія обще-греческихъ ē и ō, а уже ко времени распространенія іонійской азбуки, т. е. въ V в., начали передавать e^1 и o^2 посредствомъ сочетаній ει и ου. Совершенно очевидно, что, если бы изобрѣтателями или хоть первыми устроителями греческой азбуки были Іоняне или

Аттики, рядомъ съ Н и Ω для $\bar{e}^2$ и $\bar{o}^2$ непремѣнно существовали бы особыя буквы для $\bar{e}^1$ и $\bar{o}^1$. И такъ система азбуки, а съ ней и первыя зачатки правописанія возникли не у Іонянъ и не у Аттиковъ, а у племени съ открытыми ε и ο, къ которымъ η и ω стояли въ отношеніи не только историческомъ, какъ φιλέω — φιλήσω, μισθόω — μισθώσω, но и живомъ фонетическомъ, какъ ἐφίλεε — ἐφίλη, ἐμίσθοον — ἐμίσθων, ἕνς — ἧς, φίλονς — φίλως. А если такова была звуковая основа первоначальной графики Грековъ, понятно, что въ томъ единственномъ случаѣ, гдѣ это нарѣчіе допускало e^1 и o^1, именно въ двоегласныхъ, эти звуки, исключительные по условіямъ своего происхожденія, казались отличными отъ изображаемыхъ посредствомъ ε и ο, особенно въ сочетаніяхъ ει = e^2e^1 и ου = o^2o^1, и смѣшивались съ і и u. Отчего-же однако у Іонянъ, произносившихъ ε и ο закрыто, встрѣчаются только αο и εο вмѣсто αυ и ευ, но неупотребительны αε и οε вмѣсто αι и οι? Да потому, вѣроятно, что краткое *o* звучало у нихъ вездѣ закрыто, а краткое *e* въ однихъ случаяхъ было закрыто, въ другихъ—открыто, приближаясь качествомъ звука то къ Е = ευ = $\bar{e}^1$, то къ Н = $\bar{e}^2$. Доказывается это тѣмъ, что въ употребленіи ο не замѣтно никакихъ колебаній, зависящихъ отъ звуковыхъ причинъ, а вмѣсто ε въ правописаніи нѣкоторыхъ островов съ іоническимъ населеніемъ, какъ Пароса, Ѳасоса и Наксоса (которые, сказать мимоходомъ, пора бы намъ единодушно и окончательно переименовать въ Паръ, Ѳасъ и Наксъ), является Н каждый разъ, когда *e* представляетъ собою діалектическую замѣну обще-греческаго $\bar{a}$, въ родѣ δεσπότεω изъ δεσπόταο, какъ наоборотъ эти-же Іоняне писали Е вмѣсто η въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ обще-греческомъ было $\bar{e}^2$, очевидно, закрывшееся въ этомъ говорѣ іонійскаго нарѣчія, но такое $\bar{e}$, которое съузилось изъ $\bar{a}$ и произносилось ими открыто, они выражали посредствомъ Н. И такъ ΟΙΚΗ изъ οἰκίᾱ, и такъ-же въ стяженіи сочетанія εα, какъ ΕΠΗΝ изъ ἐπεάν, ΛΛΗΟΝ = ἀλλέων изъ ἀλλάων, но ΜΕ = μή и потому ΜΗΤΕΡ

= μήτηρ изъ μάτηρ, такъ-же ΦΕΡΕΝ = φέρειν = phé^{1}rè^{1}n (см. примѣч. 24) и ΕΝΑΙ=εἶναι=é^{1}è^{1}nai изъ *ésnai (ср. Blass, S. 25—27). Ясно, что здѣсь знаками Ε и Η отличалось только качество звуковъ, но никакъ не ихъ количество. Правда, если въ этомъ говорѣ буквой Ε было принято выражать только e^1, то въ памятникахъ его было бы естественно ожидать особенно значительнаго процента αε вмѣсто αι. Такъ-ли это, покажутъ, быть можетъ, дальнѣйшія открытія; но во всякомъ случаѣ такое употребленіе знаковъ Ε и Η, какое мы находимъ на упомянутыхъ островахъ, было свойственно лишь одной группѣ іонійскаго племени, а большинство Іонянъ, хотя первоначально, по всей вѣроятности, различало краткія e^1 и e^2 точно такъ-же, однако при выборѣ между Ε и Η руководилось уже разницей въ количествѣ, которая впрочемъ была большею частью связана съ разницей въ качествѣ. При такомъ правописаніи Ε значило у нихъ не только e^1, но въ нѣкоторыхъ, хоть и довольно рѣдкихъ случаяхъ, могло нѣкогда ставиться и за e^2.

И такъ древне-греческія двоегласныя представляли собою сочетанія двухъ полныхъ гласныхъ, не раздѣленныхъ согласнымъ приступомъ и произносимыхъ однимъ духомъ. Отсюда и ихъ разнообразіе, которое мы впрочемъ оцѣнимъ, какъ слѣдуетъ, лишь тогда, когда припомнимъ, что случаи такъ называемой συνίζησις или συναλοιφή относятся сюда-же, да и эти случаи должны были встрѣчаться гораздо чаще, нежели возможно прослѣдить по памятникамъ, такъ какъ вѣдь каждому стяженію непремѣнно предшествуетъ συνίζησις, т. е., иными словами, подлежащія стяженію группы гласныхъ, потерявъ размежевывавшій ихъ нѣкогда согласный приступъ, выговаривались нѣкоторое время какъ двоегласныя: ὁράεις, ὁράουσα, φιλέομεν, τείχεα и т. д. превращались предварительно въ hòráèis, hòráō^{1}sa, phìléòmen, teíkhèa. Эти-же, такъ сказать, переходныя двоегласныя подчинялись тѣмъ-же законамъ, какъ и всякія другія тѣхъ-же физіологическихъ свойствъ, между прочимъ и закону посту-

нательнаго уподобленія. Отсюда слѣдуетъ, что позволительно еще усомниться въ неограниченной примѣнимости объясненія такъ называемой διέκτασις, изложеннаго Ваккернагелемъ въ IV томѣ Беценбергеровыхъ Beiträge. По всей вѣроятности, онъ правъ, считая такія формы, какъ ὁράᾳς, ὁρόωτε, ὁρόωσι, выдумкой аттическихъ грамотѣевъ, сначала стянувшихъ соприкасающіяся гласныя по-аттически, а потомъ вынужденныхъ размѣромъ съизнова „растянуть“ ихъ; но далеко не такъ безспорно, какъ ему кажется, то обстоятельство, что въ текстѣ, надъ которымъ мудрили эти справщики, были древнія формы ὁράεις, ὁράοιτε, ὁράουσι и т. д.: ихъ Аттики знали очень хорошо и оставляли въ покоѣ вездѣ кромѣ только эпоса. Почему это исключеніе? Не естественнѣе-ли допустить, что въ предлежавшемъ имъ изводѣ читались ὁράαις, ὁρόοιτε, ὁρόουσα или ὁράωσα (какъ почему-то сохранившееся одиноко ναιετάωσα)? Вѣдь послѣ того, какъ ὁράεις или ὁράεν (ὁράειν) [24]) стали произноситься не въ три, а въ два

[24]) Ὁράεν, а не ὁράειν, предполагается, кажется, только въ виду ὁρᾶν безъ подписной іоты и μισθοῦν, вмѣсто котораго при окончаніи -ειν будто-бы слѣдовало ожидать μισθοῖν, какъ μισθοῖς изъ μισθόεις. Но ει въ окончаніи 2 л. ед. ч. -εις было двоегласнымъ, а въ -ειν неопредѣленнаго наклоненія—простымъ звукомъ ē¹, какъ видно не столько изъ дорическаго -εν, сколько изъ стариннаго аттическаго и іоническаго написанія EN и изъ азіятско-эолическаго -ην, а простое ει въ стяженіи не отличалось отъ ε: ср. Κερασοῦς изъ Κερασόεις. У Гомера въ ὁράαν, ἐλάαν и т. п. окончаніе -αν, образовавшееся, какъ обыкновенно думаютъ, изъ -εν, всегда долго; да иначе и не явилась бы въ нихъ διέκτασις. Точно такъ-же стихъ свидѣтельствуетъ объ -ειν, а не -εν въ неопредѣленномъ наклоненіи сильнаго аориста, какъ λιπέειν, ἰδέειν, въ которыя теперь принято не вѣрить, потому что вѣрятъ въ происхожденіе -ειν изъ -ε (тематической гласной) + εν. Но свидѣтельство стиха за -ειν = -ē¹n такъ важно, что объясненіе φέρειν изъ φέρε-Ϝεν (ср. кипрское δοϜέναι = δοῦναι) кажется въ высшей степени сомнительнымъ, особенно при относительной стойкости звука Ϝ. Дорійское -εν, хотя и не противорѣчитъ само по себѣ теоріи стяженія ειν изъ -εεν, но

слога, вторая часть двоегласной подпала вліянію первой (horáè¹n — horáè²n — horáā̀n) и наконецъ уподобилась ей, откуда стяженіе (horáàn). Такъ и ναιετάοσα = naiètáò¹sa — naiètáò²sa (ср. ναιετάωσα), а затѣмъ, уже съ понятнымъ уподобленіемъ, naiètó²ò²sa. Таковъ-же и переходъ отъ трехсложнаго τείχεα къ τείχη: teíkhè¹a — teíkhè¹ā — teíkhè²ā — teíkhè²e² и четырехсложнаго μισθόητον къ μισθῶτον: mìsthó¹è²ton — mìsthó¹ò²ton — mìsthó²ò²ton — mìsthó²ò²ton. Нѣкоторое затрудненіе представляютъ случаи, въ которыхъ гласная *o* получила рѣшительный перевѣсъ надъ сосѣдней, не смотря на то, что она занимала въ двоегласной второе мѣсто. Вторая часть двоегласной подчиняетъ себѣ качественно первую, какъ мы видѣли, только при томъ условіи, если эта вторая часть состоитъ изъ неслогового звука (i̯, u̯). Припомнимъ всуе поставленную

съ другой стороны не доказываетъ и существованія обще-греческаго -εν. Зато и дорійское -εν и эолійское -ην и аттико-іоническое -ειν = ē¹n выводятся вполнѣ законно изъ формы съ nj, которой конечная гласная, напр. *a* (ср. р. мн. ч.) отпала вслѣдствіе постояннаго употребленія этой формы передъ какимъ-нибудь словомъ, начинающимся съ гласной, напр. 'berénj' esti въ смыслѣ позднѣйшаго οἰστέα ἐστι, т. е. ferendum est. Это окончаніе являлось и въ распространенномъ видѣ -venj(a) или -menj(a), откуда іон. (-ε)-ειν (въ сильномъ аор. послѣ тематической гласной ε) и дор. -μεν или -μειν = -mē¹n (Родосъ и его колоніи, Телосъ, Карпаѳъ), ѳессал. -μεν и -μην. Было-ли -μεν у Гомера, это еще вопросъ, потому что въ βῆ δ' ἴμεν ἐκ προθύροιο, οὐτάμεν ὀξέι χαλκῷ и т. п. это окончаніе можно считать усѣченнымъ передъ гласной изъ -μεναι, а иначе, какъ передъ гласной, оно едва-ли встрѣчается. Да и съ какой стати ἐλθέμεν, ἀξέμεν и пр. съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, если это не усѣченныя формы? Вѣрно-ли мы ставимъ удареніе въ дор. διακριθῆμεν, στᾶμεν и т. п. — тоже вопросъ; чуть-ли не лучше было бы διακριθήμεν, στάμεν. Аналогію къ происхожденію неопредѣленнаго на -ειν отъ participium necessitatis во множ. ч. ср. р. представляютъ афганскія неопредѣленныя на -ăl и -ă, вполнѣ тождественныя со множ. ч. причастія прошедшаго муж. р., какъ показалъ Вильгельмъ Гейгеръ въ журналѣ Куна (XXXIII 474 слѣд.). Средняго рода въ афганскомъ языкѣ нѣтъ.

дигамму въ локр. *Ϝότι*, лак. *γαιαϜόχφ*, коринѳ. Ποτειδᾱ-Ϝονι, керк. Τλασίαϝο и, вѣроятно, въ *ΛαϜοκόϜων* и нѣкоторыхъ другихъ сложныхъ съ *λαός* [25]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и въ аттико-іоническомъ нарѣчіи вообще передъ *o* послѣ гласной развивалось u̯ [26]). Та-

---

[25]) На основаніи этого единичнаго *Ϝότι* нѣкоторые языковѣды, между прочимъ Іоганнъ Шмидтъ въ Куновой Zeitschrift (XXXIII 455 слѣд.), рѣшились установить въ греческомъ языкѣ корень относительнаго мѣстоименія „σϜο-" наряду съ общеизвѣстнымъ i̯o-, не смотря на законъ, открытый Л. Мейеромъ (объ отпаденіи *Ϝ* передъ *ο*) и подтвержденный Сольмсеномъ у Куна (XXXII 273) и даже самимъ Іоганномъ Шмидтомъ въ той-же статьѣ. Алланъ въ III томѣ Studien Курціуса призналъ въ *Ϝ* этой формы чуждый призвукъ, сравнивъ *῾Ϝότι* съ испанскимъ huelo = лат. oleo. Сравненіе невѣрно, но въ основѣ онъ, кажется, правъ: въ надписи (I. G. A. 322, 6, у Коллица 1479, 6) это *Ϝότι* читается послѣ *ὀφλέτω*, т. е. послѣ гласной, какъ и въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что *ὀφλέτω*, которое, судя по аркадскому *τοῖς Ϝοφλεκόσι*, само начиналось съ *Ϝ*, слѣдуетъ здѣсь за словомъ *ἡμιόλιον*, т. е. за согласной. Законность дигаммы въ *γαιαϜόχφ* I. Шмидтъ тамъ-же доказываетъ памфильскимъ *Ϝεχέτω* и кипрскимъ *ἔϜεξε*; но ср. арк. *Ϝαστοόχω* съ дигаммой въ *ἄστυ* и безъ нея въ *ἐχ-* (изъ seg̑-). О Ποτειδᾱ*Ϝ*ονι, *ΛαϜοκόϜων* и т. п. см. мое изслѣдованіе въ Запискахъ Харьковскаго ист.-филологическаго общества 1895 г. примѣч. 2 и 3. Общее правило въ самомъ дѣлѣ, повидимому, таково, что дигамма передъ *ο* и *ω* (но не вездѣ и не передъ *ᾱ*) отпала чуть-ли еще не въ обще-греческую эпоху, какъ въ языкахъ скандинавскихъ (шведское ord = Wort и пр.), но независимо отъ этого явленія тамъ и сямъ передъ *o* развился губной призвукъ, — вѣроятно, u̯ —, особенно послѣ гласной, какъ у насъ (въ началѣ словъ подъ удареніемъ, напр. *во́тчимъ*, *во́семь*, *во́стрый*), у Малороссовъ (передъ ō = uo͜ = i, напр. *вiд* = отъ), у Верхнихъ Лужичанъ (vokno и т. п.).

[26]) Только не послѣ *i*, которое само легко выдѣляло изъ себя i̯, а у Іонянъ также не послѣ *e*, почему *φιλέω* у нихъ, повидимому, не стягивалось въ *φιλῶ*, хоть и могло произноситься въ два слога, *φιλέομεν* и *φιλέουσι* не шли дальше *φιλεῦμεν* = philé¹ò¹men, *φιλεῦσι* = philé¹ò¹si, изъ Πηλῆος выходило не Πηλέως, какъ у Аттиковъ, а Πηλέος съ простымъ сокращеніемъ ē,

кое предположеніе нужно, кажется, уже въ виду извѣстнаго аттико-іоническаго ὑπερβιβασμὸς τοῦ χρόνου: λαός = laàu̯ós — laòu̯ós — laòós и т. д. все съ бо́льшимъ протяженіемъ второй гласной на счетъ первой, пока α не сократилось до ирраціональности, откуда ε является безразлично и въ λεώς изъ λαός и въ νεώς изъ νηός [27]). При

какъ у большинства прочихъ Грековъ, и далѣе — Πηλεῦς = Pè²lé¹ò¹s (ср. гомер. Μηκιστέος υἱός и т. п.). У тѣхъ изъ Дорянъ, которые не съуживали ε передъ ο и ω въ ι, между ε и ο слышался кое-гдѣ губной призвукъ, кака видно изъ стяженій ἐπαινῶμες, εὐχαριστῶμες и др. Ὑπερβιβασμός въ аттическихъ βασιλέᾱ, βασιλέᾱς и въ прочихъ случаяхъ помимо ο основанъ, вѣроятно, на аналогіи (ср. ниже въ текстѣ). Въ кипрскомъ нарѣчіи было возможно и ΤιμοχάριϜος съ Ϝ послѣ ι — вставкой, безспорно, чисто-звуковой, такъ какъ по этимологіи здѣсь должно было бы находиться τ, пропущенное въ этомъ род. пад. точно такъ-же, какъ въ самосскомъ Πρωτοχάριος (см. Кречмеръ у Куна XXXIII 469, примѣч.). Призвукомъ u̯ всего естественнѣе объясняется передача иранскаго Fravartiš посредствомъ Φραόρτης: иначе ближе къ подлиннику было бы Φραάρτης (ср. Φραάτης). Вставкой u̯, вѣроятно, устранялось и зіяніе въ гомеровскомъ οὖλε ὄνειρε.

[27]) Сокращеніе первой гласной до ирраціональности могло произойти только при выговорѣ λεώς, νεώς и т. п. въ одинъ слогъ, т. е. когда aō (изъ āo) и eō (изъ ēo) превратились въ двоегласныя, а трехморныхъ слоговъ Греки избѣгали. У Гомера Πηνέλεως, Ἀκρόνεως, Ἀναβησίνεως, но λᾱός и νηός: ясно, что перестановка количества произошла сначала въ концѣ словъ, откуда и род. ед. на -εω и множ. на -εων (при -ᾱο и -ά̄ων) и лишь впослѣдствіи была перенесена на первые слоги. Дѣло въ томъ, что эта перестановка тѣсно связана съ ирраціональностью первой части двоегласной, а ирраціональность могла развиться только послѣ слога въ томъ-же словѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, словъ служебныхъ, какъ ἧος (ἕως) и τῆος (τέως). Первоначальная односложность сочетанія εω изъ ᾱο и ηο доказывается и удареніемъ: Μενέλεως, πόλεως, ἀνώγεων, а также тѣмъ, что у Гомера оно всегда односложно въ грамматическихъ окончаніяхъ, гдѣ оно не подлежало дѣйствію аналогіи со стороны самостоятельныхъ словъ. Въ самостоятельныхъ λεώς, χρέωμαι и т. п. (уже у Геродота) ε стало раціональнымъ, однако у Гомера χρεώ и χρεώμενος съ неслоговымъ ε; отсюда въ стихахъ, ко-

такомъ условіи всѣ трудности устраняются: ὁράομεν = hòráu̯ò^{1}men — hòró^{2}u̯ò^{1}men — hòró^{2}ò^{2}men = ὁρῶμεν, φιλέομεν = philé^{1}u̯ò^{1}men — philó^{1}u̯ò^{1}men—philó^{1}ò^{1}men = φιλοῦμεν (въ аттическомъ нарѣчіи). Причина того, что διέκτασις наблюдается почти только въ такихъ сочетаніяхъ гласныхъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ α, заключается, вѣроятно, въ первоначальномъ качественномъ отличіи именно звука α отъ послѣдующихъ: въ аттико-іоническомъ нарѣчіи ε и ο сходны тѣмъ, что оба закрыты, чѣмъ оба одинаково рѣзко отличались отъ α, которое, если склонялось въ какую-нибудь изъ двухъ сторонъ, то ужь никакъ не къ ε, какъ у Дорянъ (у которыхъ ὁρῆν = атт.-іонич. ὁρᾶν изъ ὁράειν), а скорѣе къ ο, чѣмъ и объясняется легкость его уподобленія этому звуку при непосредственномъ съ нимъ сосѣдствѣ, а затѣмъ и стяженіе обоихъ въ ω, особенно у Аттиковъ. Этимъ качествомъ іоническаго α въ связи съ послѣдующимъ u̯ можно объяснить гомеровскія образованія въ родѣ μνώοντο изъ μνάοντο = mnàáu̯ò^{1}nto^1. Φιλέειν = philé^{1}è^{1}n прямо давало φιλεῖν = philé^{1}è^{1}n, μισθόειν = misthó^{1}è^{1}n — misthó^{1}ò^{1}n — misthó^{1}ò^{1}n = μισθοῦν. φιλεόντες = philé^{1}u̯ò^{1}ntes (атт.) — philó^{1}ò^{1}ntes — philó^{1}ò^{1}ntes = φιλοῦντες. μισθόοντες = misthó^{1}ò^{1}ntes — прямо μισθοῦντες = misthó^{1}ò^{1}ntes, а ὁράειν = hòráè^{1}n — hòráè^{1}n — hòráè^{2}n — hòráàn — hòráàn, ὁράοντες = hòráu̯ò^{1}ntes — hòró^{2}ò^{1}ntes—hòró^{2}ò^{2}ntes = ὁρῶντες. Формы „растянутыя“ (разумѣется, безъ протяженія второй части гласной, будто бы подвергшейся этой операціи), какъ уже давнымъ-давно было замѣчено Георгомъ Курціусомъ, представляютъ собою какъ разъ тотъ видъ слова, который непосредственно предшествовалъ стяженію: передъ ὁρᾷς, ὁρῶν, ὁρῷτε должны были существовать ὁράαις (= hòráàis), ὁρόων (= hòró^{2}ò^{2}n), ὁρόοιτε (= hòró^{2}òite). Курціусъ, а за

гда понадобится, Πηνέλεως у Гомера въ 4 слога (по Ἀγέλεως χ 191 и 247 въ три) и т. п. Удареніе ἀνάπλεως, ἀπόχρεως, ἵλεως, λεπτόγεως было впослѣдствіи перенесено на ὑψίκερως, δύσερως, φιλόγελως съ тѣми-же ε и ω.

нимъ Мангольдъ и нѣкоторые другіе его послѣдователи ошибались въ томъ, что 1) они не могли вполнѣ отдѣлаться отъ вѣры въ растяженіе, причемъ оставалось неяснымъ, почему διέκτασις возможна только подъ условіемъ долготы второго изъ подлежащихъ ей слоговъ; 2) они считали въ формахъ съ διέκτασις столько слоговъ, сколько написано гласныхъ, а между тѣмъ такое взаимное уподобленіе гласныхъ могло произойти только въ предѣлахъ одного выдыханія, иначе говоря — одного слога. Отсюда слѣдуетъ, что Ваккернагель все-таки правъ: такъ какъ HOPAAIΣ, т. е. ὁράαις, а не ὁράᾳς, занимая въ стихѣ мѣсто трехсложнаго слова, на самомъ дѣлѣ двусложно, а читаемое въ четыре слога HOPOOΣI, т. е. ὁρόουσι или, можетъ быть, ὁρόωσι (уже съ открытымъ ō), содержитъ въ себѣ только три слога, совершенно ясно, что это формы — по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ онѣ читаются теперь — не гомеровскія, а какія-то позднѣйшія, попавшія въ текстъ Иліады и Одиссеи по странному недоразумѣнію. Вѣроятно, правъ Ваккернагель и въ томъ, что это аттическое издѣліе. Но откуда и зачѣмъ зашли онѣ на мѣсто древнихъ ὁράω, ὁράεις и т. д.? По этому поводу можно высказать только самое робкое предположеніе или, пожалуй, подозрѣніе. Рядомъ съ формами нестянутыми у Гомера попадаются и стянутыя, какъ ὁρᾶτο, δαμᾷ, ἠλώμην, νεῖται, γουνοῦμαι, χολοῦται и т. п. Само собою разумѣется, что въ древнѣйшихъ спискахъ значилось NETAI, ΓONOMAI, XOΛOTAI и т. д., потому что въ такихъ случаяхъ стяженія (εε, εει, οο, οε) получалась гласная простая, качественно однородная. Но не то было въ глаголахъ ea -άω: ὁράετο въ трехсложномъ выговорѣ звучало hòráè^{2}to, потомъ hòráäto, ἠλαόμην = ē^{2}làṷó^{1}mè^{2}n — ē^{2}lò^{2}ó^{1}mè^{2}n — то и другое съ колебаніемъ въ возникшей изъ стяженія гласной, вслѣдствіе чего эта гласная производила акустическое впечатлѣніе двухъ гласныхъ, — правда, объединенныхъ выдыханіемъ и очень похожихъ другъ на друга, но все-же не совершенно одинаковыхъ. Эта древнѣйшая ступень стяженія могла вызвать

посильную попытку къ выраженію ся на письмѣ въ видѣ НОРААТО, ЕАООМЕΝ или, позже, ОРААТО, НАООМНΝ [28]). Впослѣдствіи аттическіе діаскевасты или переписчики, а можетъ быть, даже іоническіе, успѣвшіе отвыкнуть отъ зіянія внутри словъ, читая такія начертанія по условіямъ стиха уже со своими стяженіями — ὁρᾶτο, ἠλώμην [29]), должны были подумать, что настоящее мѣсто этимъ αα и οο не въ стяженныхъ формахъ, а въ тѣхъ,

[28]) Едва-ли сюда относится гомеровскій вин. мн. νηπιάας (α 297) отъ νηπιέη, впрочемъ странный, какъ и самое слово, потому что ε между ι и другой гласной не только у Аттиковъ, но даже у Іонянъ обыкновенно пропадаетъ: Ἑρμείω (изъ Ἑρμείεω), ἐυμμελίω, κλισιῶν, παρειῶν (если не παρῃῶν) у Гомера, νομεῖ (при κερδανέει) у Геродота, Πειραιῶς (при γονέως) въ аттической прозѣ. Самое ε въ νηπιέη образовалось чуть-ли не путемъ диссимиляціи изъ ιι: *νηπιίη отъ νήπιος, какъ φιλίη отъ φίλος. Отсюда всего естественнѣе νηπίη и въ указанномъ выше стихѣ Одиссеи

Νηπίας ὀχέειν, ἐπεὶ οὐκέτι τηλίκος ἐσσί.

Къ тому-же протяженіе ι въ такихъ образованіяхъ очень обыкновенно у Гомера даже помимо причинъ этимологическихъ, напр. въ Иліадѣ I 205:

Ἧις ὑπεροπλίῃσι τάχ' ἄν ποτε θυμὸν ὀλέσσῃ.

Если словъ на -ιη было нѣкогда больше (а что они замѣнялись другими образованіями, видно хотя-бы изъ νηπιότης), то они могли содѣйствовать протяженію ι въ словахъ на -ίη вообще одновременно съ примѣрами на -είη (-εια), съ которымъ -ίη смѣшивалось и чередовалось, какъ въ гомер. ποδωκείη (отъ ποδώκης, только во множ.) — атт. ποδωκία, откуда и въ псевдо-анакреонтовскомъ стихѣ (24, 3):

Ποδωκίην λαγωοῖς.

На превращеніе ΝΗΠΙΑΣ въ νηπιάας древній справщикъ могъ быть наведенъ гомеровскимъ νηπίαχος и гиппократовымъ νηπιάζω.

[29]) И даже наперекоръ стиху въ ι 135:

Εἰς ὥρας ἄμφεν, ἐπεὶ μάλα πῖαρ ὑπ' οὖδας

вмѣсто ἀμάοιεν, что̀ вызвало нелѣпое ἀμμφεν, какъ можно думать по схоліи въ Harleianus XIII в. γρ. ἀμμόφεν, возникшее вѣроятно, изъ контаминаціи съ ἀμόφεν.

которыя на слогъ длиннѣе, и вотъ они стали передѣлывать (Н)ОРАЕІΣ въ ОРААІΣ, т. е. ὁράαις, что̀ позже было прочтено ὁράᾳς, и т. д. Аттическая, а не іоническая, рука сказывается въ передѣлкѣ подлиннаго ἀλάεο въ ἀλόω (ε 377), — очевидно, черезъ ἀλάου съ аттическимъ стяженіемъ εο въ ου, откуда у Аттиковъ ἀλῶ. Если древнѣйшіе переписчики признавали исконной у Гомера формой только φαείνω, какъ извѣстную имъ лишь изъ его нарѣчія, такъ какъ ихъ собственному было свойственно φαίνω, а φαίνω считали въ гомеровскихъ поэмахъ стяженіемъ болѣе длиннаго φαείνω, то возможно, что они писали, напр., ἐφάνθην съ двумя α, какъ (Н)ОРААТО = hò^{1}ráäto^1; въ такомъ случаѣ понятно φαάνθεν (А 200) вмѣсто подлиннаго φαένθεν отъ φαείνω. Къ примѣрамъ съ αα изъ αε присоединились σόος (т. е. sǻò^{2}s, потомъ σῶς = só^{2}ò^{2}s) вмѣсто гомеровскаго σάος, также θαάσσειν и θόωκος вмѣсто θαήσσειν и θάωκος, далѣе— φόωσδε вмѣсто φάοσδε, хотя послѣдній слогъ первой части былъ дологъ только при помощи согласной другого сло̀ва, и т. д. Таковы, вѣроятно, были данныя, на основаніи которыхъ позже возникла теорія растяженія. Понятно, что въ дактилическомъ стихѣ редакторы текста могли найти только такія не стяженныя формы, которыхъ тематическая гласная долга по природѣ или находится передъ двумя согласными. Потому-то въ нашемъ гомеровскомъ текстѣ и нѣтъ образованій въ родѣ ὁρόωμεν или ὁράατε вмѣсто ὁράομεν, ὁράετε, не смотря на аттическія ὁρῶμεν, ὁρᾶτε, изъ которыхъ по древней теоріи растяженія должны были-бы произойти именно такія чудища съ οω и αα помимо всякихъ соображеній о количествѣ второго слога этихъ группъ, и — что̀ также слѣдуетъ принять въ расчетъ — такія формы пригодны для гексаметра, тогда какъ ὁράομεν и другія съ тремя краткими слогами подъ рядъ въ немъ не находятъ себѣ мѣста. Отсутствіе этихъ сочетаній въ исходѣ словъ и передъ простой согласной служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что ὁράᾳς, ὁράᾳ и т. п. представляютъ собою лишь невѣр-

ную транскрипцію болѣе раннихъ ΟΡΑΑΙΣ, ΟΡΑΑΙ, утвердившуюся лишь тогда, когда окончательно сложилось ученіе о διέκτασις. Черезъ посредство упомянутыхъ выше формъ μνώοντο, μνωομένῳ и т. п. это ученіе отразилось и на такихъ, какова μενοινώω вмѣсто μενοινάω съ такой-же долготой, какъ въ μενοινάᾳ вмѣсто μενοινάει, т. е., можетъ быть, произведенной посредствомъ искусственнаго усиленія призвуковъ u̯ и i̯: me^{1}no^{1}ìnáu̯u̯ṑ^{2}, me^{1}no^{1}ìnái̯i̯è^{1}i, какъ въ θυγατέρα ἣν = thygàté^{1}rà u̯hu̯è^{2}é^{2}n и т. п. [30]). Далѣе оно коснулось и глагола ἀρόω, откуда у Гомера ἀρόωσι вмѣсто ἀρόουσι.

---

30) Иная и трудно объяснимая долгота въ διψάων и πεινάων, неопредѣленное наклоненіе которыхъ представляетъ у Іонянъ (за отдѣльными уклоненіями въ рукописяхъ Геродота) и у Аттиковъ η: διψῆν, πεινῆν, какъ и ζῆν (у Гомера ζώειν), κνῆν, σμῆν, ψῆν, χρῆν, χρῆσθαι. Общаго между этими глаголами лишь то, что первые два произведены отъ именъ на -ᾰ (δίψα, πεῖνα), а прочія отъ односложныхъ корней на -α. Правда, въ спряженіи двухъ послѣднихъ часто появляется σ (и въ прилагательномъ χρηστός), но они близко соприкасаются съ χρῆναι изъ χρὴ εἶναι, а изъ εἶναι звукъ σ (въ ἔσται, ἔστω и др.) легко могъ проникнуть и въ эти глаголы. Встрѣчается σ и въ формахъ отъ κνῆν и ψῆν, но при первомъ было κνήθω, а при второмъ — ψαφαρός, ψαθαρός, ψαθυρός, ψαθάλλω. Если α въ ψάω, κνάω (ср. κνά-φος, откуда κναφεύς и пр.) и σμάω было кратко, между ними и διψάω съ πεινάω оказывается общая черта, болѣе существенная, чѣмъ исходъ основы на гласную, тождественную лишь качественно, а формы κναίω и ψαίω могутъ навести на предположеніе, что въ этихъ пяти глаголахъ ι было удвоено для равновѣсія съ типами *timā́-i̯-ō и *gelás-i̯-ō, откуда въ нарѣчіяхъ полуторная долгота, допускавшая искусственное протяженіе въ полную (πεινάων), а въ сліяніи съ ε и ει дававшая у Іонянъ и Аттиковъ η, ῃ (πεινῇ). Въ ζάω гласная была долга искони (*gi̯āu̯ō, откуда и ζώω). Нельзя отрицать, что этого уравновѣшенія можно было достичь и посредствомъ -dj-, какъ въ ἀτιμάζω, и πεινάζω, кажется, въ самомъ дѣлѣ существовало, судя по позднѣйшему πεινάσω, πεινάσαι (едва-ли πεινᾶσαι, какъ обыкновенно пишутъ). Іоническія ἱδρῶν и (также аттическое) ῥιγῶν образованы отъ ἱδρώ(-τ)- и *ῥιγώ- (при ῥιγεσ-, какъ αἰδώ при αἰδεσ-).

Однако, если между обѣими частями греческихъ двоегласныхъ не было смычки или, говоря иначе, согласнаго приступа, это еще не значитъ, чтобы между ними вплоть до превращенія двоегласныхъ отчасти въ простыя гласныя, отчасти въ сочетанія гласной слоговой съ неслоговой не слышалось никакого посторонняго звука. Относительно *о* мы уже видѣли, что при соприкосновеніи съ другой гласной, преимущественно широкой, стоящей передъ нимъ, оно выдѣляло изъ себя призвукъ u̯. Что касается e^1 — все равно, писалось-ли оно ε или ι —, то, хотя въ памятникахъ нѣтъ, кажется, никакихъ графическихъ указаній на какой-либо переходъ къ этой гласной отъ предъидущей, тѣмъ не менѣе едва-ли можно отрицать въ этомъ положеніи существованіе призвука i̯ или сходнаго съ нимъ, — того самаго, который, замѣнивъ собою у насъ j между гласными, сузилъ въ московскомъ говорѣ *е* послѣ гласной, особенно въ закрытомъ слогѣ, до такой степени, что, напр., *умѣетъ* произносится $um^i é^1 i^2 t$ и даже $um^i é^1 it$. Конечно, то-же было и у Болгаръ прежде, чѣмъ, напр., *знаешъ* сократилось въ *знайш* (такъ, по крайней мѣрѣ, они пишутъ сами, а выговариваютъ, кажется, $zn\acute{a}e^1\check{s}$, хотя e^1 здѣсь очень кратко). Это вступленіе къ *е* послѣ гласной совсѣмъ не необходимо, какъ видно хоть-бы изъ сербскаго и словѣнскаго зна̑ш (znâš), которыя стянулись, очевидно, прямо изъ *зна́эш*. Но что греческимъ двоегласнымъ призвукъ i̯ не былъ чуждъ, можно предположить на основаніи перехода αι и οι (т. е. $a^i e^1$, $o^{11} e^1$) въ $\bar{e}^2$ и $\ddot{\bar{u}}$, такъ какъ посредство i̯ можетъ только облегчить предположенныя выше измѣненія по отдѣльнымъ ступенямъ. Впрочемъ этимъ свойствомъ обладало лишь то e^1, которое произошло изъ обще-греческаго i, а также изъ эпентезы, т. е. то, которое обыкновенно писалось ι, а чтобы такой призвукъ имѣло e^1 изъ первоначальнаго e^2, по доступнымъ намъ даннымъ утверждать нельзя: αε давало у Іонянъ и Аттиковъ $\bar{\alpha}$ (какъ въ славянскомъ зна̑ш), а не η (какъ впослѣдствіи αι), οε — ου = $\bar{o}^1$, а не $\ddot{\bar{u}}$ (какъ οι). Если Доряне стягивали αε въ η, то не подъ влія-

ніемъ ι̯ при ε, которое вдобавокъ долго звучало у нихъ открыто, а скорѣе вслѣдствіе особенности звука ихъ α, похожаго, вѣроятно, на французское *a* въ patte. Потому ᾱο, ᾱω и отчасти даже ᾰο стягивались у Дорянъ въ ᾱ (т. е., должно думать, въ чистое ā или наклонное къ *o*, но не къ *e*, какъ и во франц. paon, faon, taon, Laon = pa̯ и т. д.), не смотря на призвукъ u̯ передъ *o*, который въ нѣкоторыхъ дорійскихъ говорахъ и далъ себя почувствовать при стяженіи группы αο въ ω (см. Г. Мейера § 132). Что при ε послѣ гласной у Дорянъ не было небнаго призвука, можно заключить изъ ихъ стяженія οε въ ω = ō².

Какъ бы то ни было, присутствіе призвука отъ второй изъ двухъ гласныхъ, не раздѣленныхъ согласнымъ приступомъ, или, можетъ быть, наличность такого звука въ чертѣ ихъ соприкосновенія, который составляетъ естественный переходъ отъ первой гласной ко второй, не можетъ, кажется, подлежать никакому сомнѣнію, а потому да будетъ позволено предложить здѣсь физіологическую гипотезу въ связи съ исторіей описанныхъ выше двухъ родовъ двоегласныхъ. Мы видѣли, что въ двоегласныхъ со второю частью неслоговою толчекъ ко взаимному уподобленію исходитъ отъ второй части, напр. иранскія madu (вино), nava (новый) въ ново-персидскомъ языкѣ, превратившись предварительно въ mai̯, nau̯ (такъ по правописанію), дошли въ позднѣйшее время до степени me^{i}i̯, no^{u}u̯, а еврейскія bájit, máwet (вм. bai̯t, mau̯t), арабскія старинныя bái̯tun (домъ), máu̯tun (смерть) въ status constructus (передъ опредѣленіемъ) и въ арабскомъ разговорномъ языкѣ — даже до bē^{i}t, mō^{u}t. Сирскій языкъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ крайняго предѣла: еврейскія ʿájin (вм. ʿai̯n), yōm (вм. yau̯m — и такъ уже только съ ō), арабскія прежнія ʿái̯nun, yáu̯mun, въ status constructus и въ арабскомъ просторѣчіи ʿēn (глазъ), yōm (день), звучатъ по-сирски въ status emphaticus (опредѣленномъ видѣ) еще ʿái̯nō, yáu̯mō, но въ status constructus и даже absolutus уже ʿīn, yūm. То-же

въ еврейскомъ ʿīr (городъ), судя по множ. ʿārīm (ср. yōm множ. yāmīm изъ yaṷmīm) [31]) и, вѣроятно, въ mūt, status constructus неопредѣленнаго наклоненія или, вѣрнѣе, имени дѣйствія mōt, едва-ли отличнаго по происхожденію отъ mawĕt и арабскаго máṷtun. Вліяніе неслоговой гласной или полугласной видно между прочимъ очень ясно въ нѣмецкомъ Leu, которое прежде выговаривалось, да по мѣстамъ выговаривается и до сихъ поръ согласно съ написаніемъ = leṷ (ср. лат. leo, греч. λέων), а въ книжной рѣчи звучитъ lö¹ṻ, очевидно, черезъ löṷ, какъ показываетъ Löwe (ср. съ одной стороны нѣм. Möwe — англ. mew, а съ другой нѣм. neu — англ. new). Въ двоегласныхъ, состоящихъ изъ двухъ полныхъ гласныхъ — наоборотъ — первая часть, если только въ ней съ самаго начала нѣтъ извѣстной склонности ко второй, какъ въ дорійскомъ *a* относительно *e*, притягиваетъ къ себѣ вторую, а сама подчиняется ей лишь послѣ того, какъ уже оказала на нее свое вліяніе, почему изъ ae¹ выходитъ ae² и только потомъ äe²—e²e² = ē² (ср. дор. η = ē² изъ

---

[31]) Такъ, можетъ быть, и отъ bájit множ. bātīm, а не bottīm, какъ обыкновенно читаютъ это слово, принимая дагешъ послѣ гласной, по правилу, за forte, т. е. за знакъ удвоенія согласной, вслѣдствіе чего и гласный знакъ камецъ подъ b произносятъ за ŏ, а не за ā (ср. выше). Но вѣдь назначеніе дагеша есть собственно не то, при которомъ онъ называется forte, а то, которое присвоивается ему эпитетомъ lene, т. е. отнятіе придыханія или аффрикціи у взрывныхъ согласныхъ, претерпѣвающихъ эти измѣненія послѣ гласныхъ (ср. Βηθλέεμ вмѣсто bēⁱt lĕḥĕm=домъ хлѣба), а послѣ i̯ и ṷ эти согласныя, вѣроятно, долго сохраняли свой первоначальный звукъ, какъ не теряли его и позже послѣ согласныхъ. Для превращенія *a* въ ŏ не было никакого основанія, и нѣтъ этого измѣненія даже тамъ, гдѣ оно скорѣе было-бы понятно, — въ matti (я умеръ, по-арабски muttu — отъ корня m-ṷ-t) изъ *maṷat-ti или *maṷit-ti, — конечно, далеко не непосредственно. Здѣсь *a* изъ aṷ кратко, потому что за нимъ слѣдуетъ двойная согласная, а въ bātim оно долго, потому что находится въ открытомъ слогѣ передъ удареніемъ.

αε = äe^2); но такое ae^2 можетъ повести и къ aä—ā, особенно если первая часть продолжительнѣе или вообще ритмически сильнѣе второй, какъ въ греческомъ ᾳ или по-французски въ такихъ случаяхъ, какъ Mâcon изъ Màtiscón-. И такъ исчезновеніе второй части само по себѣ не рѣшаетъ вопроса, какого рода двоегласную мы должны предполагать въ такомъ-то словѣ, содержащемъ въ себѣ напр. *a* изъ ai. Трудно, конечно, различить послѣдніе результаты обоихъ родовъ по завершеніи долгаго процесса взаимнаго уподобленія, такъ какъ оно въ двоегласной изъ полныхъ гласныхъ, начавшись вліяніемъ первой части на вторую, напр. ai^1—ai^2—ae^1, происходитъ затѣмъ также съ другой стороны, т. е. ae^1—äe^1 и т. д., а затѣмъ образовавшееся такимъ путемъ ē^2 можетъ въ концѣ концевъ сузиться въ ē^1 и даже въ ī, и въ такомъ случаѣ, напр., ново-персидское mīš (овца) изъ mēš—maeša—maiša (ср. мѣхъ) совпадаетъ относительно гласной съ сирскимъ ʿīn изъ ʿai̯n. Но и помимо того, чѣмъ сходнѣе между собою обѣ части, тѣмъ легче онѣ даютъ въ обоихъ родахъ одно и то-же, съ тою лишь разницей, что въ двоегласныхъ съ i̯ и u̯ суженіе, такъ сказать, равнодѣйствующей гласной идетъ скорѣе: ei—ee^1—ē^1—ī, ei̯—ē^1—ī (разумѣется, съ различными промежутками, число и свойство которыхъ зависитъ отъ качества обоихъ звуковъ). Даже напр. изъ oi и oi̯ могутъ одинаково выдти ö и ü, а изъ нихъ — ē и ī, только при второмъ сочетаніи процессъ совершается быстрѣе. То-же и въ двоегласныхъ, состоящихъ изъ болѣе узкой и изъ болѣе широкой гласной, сравнительно съ сочетаніями i̯ или u̯+voc., въ которыхъ первая часть продолжаетъ вліять на вторую до окончательнаго суженія въ ī или ū, напр. ia—iä—e^{1}ä—ē^2, i̯a—i̯ä—i̯e—ī или ua—uå—o^{1}å—ō^2, u̯a—u̯å—u̯o—ū (если полугласная не утратится), а далѣе эти ē^2 и ō^2, какъ и всякія другія, могутъ, разумѣется, дойти и до ī, ū. Впрочемъ къ тому-же ведетъ, и сравнительно скоро, просодическое давленіе первой части на вторую, какъ въ нѣмецкихъ Niemand, Ruhm изъ níaman, rúam. Наоборотъ, иногда является

реакція со стороны второй части, какъ въ славянскомъ *часъ* изъ *kēso-s—*keaso-s. Тѣмъ не менѣе — exceptis excipiendis, какъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ—выше описанныя свойства двухъ родовъ двоегласныхъ едва-ли подлежатъ сомнѣнію, и тамъ, гдѣ мы находимъ, по крайней мѣрѣ, e^2 и o^2 изъ ai, au, ia, ua, мы, кажется, можемъ сказать съ увѣренностью, что это были двоегласныя изъ двухъ полныхъ гласныхъ, а не изъ гласной съ полугласной. Потому, напр., итальянскія lièto [32]), pòco, т. е. liḙ́^{2}to^1, pó^{2}ko^1, предполагаютъ до романо-латинскихъ lé^{2}tus, pó^{2}cus древнѣйшія ступени láètus, páòkus съ тѣми двоегласными, которыя слышатся у Петрарки Vita Son. I, 11:

E prendo allor del vostr' áere conforto

и Sopra varj argomenti Son. 12:

O Páolo od African fossin cotali,

а еще раньше — *láìtos, *páŭkos [33]). Другое дѣло, когда процессъ въ началѣ; тогда и вслѣдъ за несомнѣнными ai̯ и au̯ могутъ явиться $\bar{e}^2$ и $\bar{o}^2$, напр. въ англійскомъ law=l$\bar{o}^2$ непосредственно изъ *lau̯ (ср. датск. lov=lo^2'v), а далѣе изъ lag, lah (но low = l$\bar{o}^1$ изъ log, loh). Но можно ожидать, что это l$\bar{o}^2$ со временемъ превратится въ l$\bar{o}^1$ (а l$\bar{o}^1$—въ lū), какъ day изъ dag уже звучитъ d$\bar{e}^1$ (а key — kī).

Возвратимся къ опредѣленію двоегласной, какъ сочетанія двухъ гласныхъ, изъ которыхъ одна — слоговая,

---

[32]) Итальянское ie произошло вообще изъ открытаго *e*, будь то ĕ, какъ въ tiène = tenet, или ae, какъ въ cièco = caecus, cièlo = caelum, lièto = laetus, а è = e^2 изъ ae только въ книжныхъ словахъ, каковы mèsto = maestus, sècolo = saeculum, tèda = taeda, grèco = graecus.

[33]) Впрочемъ измѣненія въ ai и au шли по времени не параллельно, какъ можно заключить изъ правописанія. Какимъ колебаніямъ подвергалось au, показываютъ съ одной стороны ит. códa=c$\bar{o}^1$da, очевидно, не изъ cauda и даже не изъ c$\bar{o}^2$da, а уже изъ c$\bar{o}^1$da, и фр. chose несомнѣнно изъ causa, а не изъ cōsa, изъ котораго вышло-бы *cose (cause — книжное слово).

а другая — неслоговая. Это опредѣленіе вѣрно въ томъ смыслѣ, что при соединеніи двухъ гласныхъ путемъ устраненія смычки одна изъ нихъ, чуть-ли не всегда первая, является какъ-бы представительницей слога, нося на себѣ слоговое удареніе. Но такъ бываетъ только въ языкахъ тоническихъ, т. е. такихъ, которыя способны — разумѣется, помимо натяжекъ — только къ тоническому стихосложенію, хотя-бы обладали значительною долей количественности слоговъ и музыкальности ударенія. Такъ, напр., въ балтійскихъ языкахъ различіе между долгими и короткими гласными очень чувствительно, а удареніе не лишено опредѣленнаго (не условнаго и случайнаго) хроматическаго элемента, однако и по-литовски и по-латышски стихи слагаются не по количеству слоговъ, а по ударенію вслѣдствіе того, что ритмическое удареніе совпадаетъ въ нихъ не съ долготою, поставленной въ извѣстное отношеніе къ ближайшимъ краткостямъ, а съ прозаическимъ удареніемъ, такъ какъ разница балтійскихъ долготъ и краткостей не можетъ быть доведена — опять-таки помимо насилія надъ выговоромъ — до 2 : 1, а балтійское прозаическое удареніе, по малой мѣрѣ, столько-же выдыхательно, сколько музыкально. У Чеховъ и Мадяръ долгота, даже позиціонная, такъ слышна, а удареніе звучитъ сравнительно съ нею такъ слабо, что имъ удается воспроизводить болѣе или менѣе вразумительно древніе ямбы, трохеи, анапесты и дактили, но такой складъ стиховъ, послѣ самостоятельныхъ попытокъ Винаржицкаго, Коллара, Челаковскаго (покушавшагося даже на алкейскую строфу), остался въ употребленіи только при переводахъ съ греческаго и латинскаго. О немногихъ и теперь не повторяемыхъ опытахъ Сербовъ и Хорватовъ съ ихъ рѣзкимъ, чисто выдыхательнымъ нисходящимъ удареніемъ на краткой гласной ($\overset{\text{\\\\}}{-}$) и Словѣнцевъ съ ихъ долготой только подударной и съ тѣмъ-же видомъ ударенія (какъ въ snòp, svèt), нечего и говорить. Количественное стихосложеніе употребительно теперь только въ Азіи, у Арабовъ и Персовъ съ ихъ подражателями Индійцами, Афганцами и Тур-

ками средне-азіатскими, османскими и азербайджанскими. Но изъ этихъ народовъ Турки кропаютъ такіе стихи чисто условно, на глазъ, какъ у насъ нѣкогда Мелетій Смотрицкій, а нынѣшніе Арабы лишь немногимъ превосходятъ ихъ по этой части, такъ какъ почти утратили прежнюю количественность своего языка. Персы и, по видимому, Индійцы съ Афганцами слагаютъ количественные стихи еще по слуху, но все-таки нельзя не признать этотъ родъ стихосложенія у нихъ устарѣлымъ, потому что, напр., факультативная долгота краткихъ односложныхъ (въ томъ числѣ і изафета, т. е. опредѣленія) теперь употребляется лишь по преданію и почти только подъ ритмическимъ удареніемъ, да и чрезмѣрная долгота (долгая гласная передъ двумя согласными или краткая передъ тремя) въ стихахъ полу-образованныхъ поэтовъ измѣряется не въ три моры (за трохей), какъ у строгихъ подражателей стариннымъ образцамъ, а въ двѣ, какъ простая долгота. Кромѣ того народныя пѣсни у современныхъ Персовъ построены по большей части на тоническомъ основаніи. И такъ языковъ, безусловно количественныхъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ и въ Азіи теперь нѣтъ, а потому и ихъ двоегласныя, какого-бы состава онѣ ни были, носятъ характеръ болѣе или менѣе тоническій. Не то было въ древне-греческомъ языкѣ и въ санскритѣ съ пракритомъ, строго количественныя свойства которыхъ, т. е. возможность кратности отношенія между долготами и краткостями и рѣзкое отличіе прозаическаго (грамматическаго) ударенія отъ ритмическаго, явствуетъ изъ разнообразія и свободы размѣровъ, доступныхъ этимъ языкамъ. Латинскій языкъ уступалъ имъ въ ритмической гибкости, однако превосходилъ въ ней даже персидскій, такъ какъ допускалъ не только стяженіе двухъ краткостей въ долготу, чтò разрѣшается метрикой многихъ языковъ, но и разложеніе долготы на двѣ краткости. При такихъ ритмическихъ условіяхъ двоегласныя должны были имѣть то удареніе, какъ ритмическое,

такъ и грамматическое, какое вытекало изъ строя слова и его положенія въ рѣчи. Такъ въ Одиссеѣ I 29:

Μνήσατο γὰρ κατὰ θυμὸν ἀμύμονος Αἰγίσθοιο =

mnè²é²sàto¹ gàr kata thy̆mò¹namy̆ýmò¹no¹saigísthò¹io¹

двоегласная αι имѣетъ на себѣ ритмическое удареніе (или, можетъ быть, только первая ея часть, такъ какъ при разложеніи ритмически ударяемой долготы ея удареніе падаетъ лишь на первую изъ двухъ краткостей), а помимо ритма вторая ея часть звучитъ полу-высоко (съ тяжелымъ удареніемъ); тамъ-же 35:

Ὡς καὶ νῦν Αἴγισθος ὑπέρμορον Ἀτρεΐδαο =

hô²s kai ny̆ýnàigìstho¹shy̆pé¹rmò¹ro¹natrè¹ídāo¹ (такъ, ὑπέρμορον, по Аристофану Византійскому, Аристарху и Птолемею Аскалонскому, а по другимъ — ὑπὲρ μόρον = hypèr mórŏn) αι безъ ритмическаго ударенія, но съ полувысотой первой части и высотою второй (съ ἀνταναχλαζομένῃ, восходящимъ долгимъ удареніемъ). Объ удареніи двоегласныхъ въ санскритѣ едва-ли можно говорить опредѣленно, но, какъ бы то ни было, напр. въ стихѣ Бартрихари

nāivākṛtiḥ phalati, nāiva kulaṃ, na çīlaṃ [34])

двоегласная āi (первоначально трех-морная, но въ то время ужь едва-ли) должна звучать въ ритмическомъ отношеніи двояко, сообразно съ отсутствіемъ всякаго ритмическаго ударенія въ первомъ случаѣ и съ присутствіемъ главнаго ритмическаго ударенія во второмъ. И такъ мыслимы, да и были и, быть можетъ, есть гдѣ-нибудь до сихъ

---

[34]) Таково удареніе ведійскаго триштуба, отъ котораго размѣръ приведеннаго стиха (Uddharṣini, Vasantatilaka) отличается вставкой трибрахія послѣ 4-аго слога (или, что сводится къ тому-же, дактиля послѣ 7-ого). Это положеніе будетъ обосновано въ особомъ изслѣдованіи, часть котораго, о шлокѣ, уже напечатана въ «Древностяхъ Восточныхъ» Московскаго Археологическаго Общества.

поръ такія двоегласныя, которыя мудрено раздѣлить на части слоговую и неслоговую, а потому и обыкновенное опредѣленіе двоегласной содержитъ въ себѣ признакъ, имѣющій значеніе не всеобщее и, слѣдовательно, не существенно-необходимый. Что-же такое двоегласная вообще? Двоегласная, какъ было указано выше, есть сочетаніе двухъ гласныхъ (если не гласной съ полугласной), не раздѣленныхъ согласнымъ приступомъ. Что при такомъ условіи двѣ сосѣднія гласныя могутъ составлять не одинъ слогъ, а два, т. е. не соединяться въ двоегласную, вполнѣ справедливо; какъ не признать, напр., что наше сѣверное *знáэш* во многихъ говорахъ звучитъ двусложно? Но вотъ тутъ-то и выступаетъ та субъективная сторона дѣла, о которой было упомянуто въ началѣ этого изслѣдованія,—чувствительность къ разницѣ между долгими и короткими слогами и, въ особенности, къ согласному приступу. Въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ семитскихъ, согласный приступъ (ạlef, а у Арабовъ hámzatun) представляетъ собою прямо согласную, которая является не только въ началѣ слова и слога передъ гласной, какъ по-арабски ʾimraʾatun (женщина), но и послѣ согласной и передъ нею, какъ marʾun (мужчина), šiʾtu (я хотѣлъ), и даже удлинняетъ предшествующій закрытый слогъ, а для устраненія этой позиціонной долготы въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается и даже предписывается [35]) ἀφαίρεσις (wáṣlatun), какъ въ слѣдующемъ стихѣ:

wa qad ʾankarat baʿda (ʾi)ʿtirāfin ziyārati.

---

[35]) Особенно при членѣ ʾal, хотя понятно въ Delectus veterum carminum arabicorum Нёльдеке 3, 5

ʾa ʾal-χaịru (ʾa)l-laδī ʾana ʾabtaγī-hi

послѣ односложной вопросительной частицы, тождественной съ начальной гласной члена. Что до ритмическихъ удареній, то таково чтеніе этого размѣра (wāfirun) у современныхъ Арабовъ и кромѣ того будетъ доказано въ своемъ мѣстѣ.

У Персовъ всякая начальная гласная можетъ имѣть согласный приступъ, чѣмъ ихъ поэты и пользуются, когда имъ нужно удлиннить конечный закрытый слогъ или сохранить долготу конечныхъ i и u передъ начальной гласной слѣдующаго слова. Что Греки чувствовали согласный приступъ, ясно изъ наличности у нихъ знака для ψίλωσις гласной, но слышался онъ у нихъ, очевидно, лишь внѣ связи словъ, почему можно думать, что въ случаяхъ столкновенія двухъ самостоятельныхъ гласныхъ внутри слова, напр. въ ἀΐω = ἀ-ΐ-ὸ, они поступали такъ, какъ если-бы между двумя гласными рѣчь перерывалась. Уже изъ того, что, чѣмъ мы дальше заходимъ въ древность (не добираясь однако до обще-греческаго языка), тѣмъ чаще встрѣчаемся со внутренними зіяніями, несомнѣнно вытекаетъ фактъ постепеннаго ослабленія согласнаго приступа. Къ тому-же приводитъ насъ исторія греческаго стихосложенія, все болѣе ограничивавшаго зіяніе. О томъ-же можно догадываться и относительно санскрита, сравнивая ведійскую метрику съ позднѣйшей, классической.

Подводя итоги этому длинному изслѣдованію, съ невольнымъ страхомъ спрашиваешь себя: не въ слишкомъ-ли значительной мѣрѣ оно построено „на песцѣ", и не подобало-ли кое-что изъ сказаннаго не доводить до полной ясности и опредѣленности, предоставивъ подробное изложеніе предмета, по-гомеровски, Музамъ, которыя все знаютъ?

Ἡμεῖς δὲ κλέος οἶον ἀκούομεν οὐδέ τι ἴδμεν.

Ѳ. Коршъ.

Москва.

Хиландарскій сборникъ № 24.

Два листа Хиландарскаго сборника, попавшіе въ библіотеку профессора В. И. Григоровича, уже давно стали извѣстны въ ученой литературѣ. Первый обратилъ на нихъ вниманіе и оцѣнилъ ихъ значеніе въ статьѣ Nekoliko pričica iz bugarskog zbornika (Starine, knj. V) профессоръ И. В. Ягичъ. Коснувшись вопроса о распространенности въ славянскихъ литературахъ сказанія о злыхъ женахъ, онъ замѣтилъ: „Заслуживаетъ упоминанія, что уже извѣстный Святославовъ сборникъ знаетъ притчу о злой женѣ. Онъ намъ обширно излагаетъ «чьсо ради речє апостолъ оучити женѣ нє велю», а подъ заглавіемъ «о Иродиадѣ» прочитываетъ внушительную лекцію злымъ женамъ (и то, и другое переведено изъ Анастасія Синаита Quaestio LIX). Зная, что настоящая родина Святославова Изборника въ Болгаріи, рѣшаемся и первоначальное появленіе притчи о злыхъ женахъ въ славянской литературѣ перенести съ сѣвера на югъ. Но если бы и не было этого Изборника, есть одно доказательство, что притча о злой женѣ съ одинаковой охотой была переписываема на славянскомъ югѣ, какъ и на славянскомъ сѣверѣ. Это доказательство почерпаемъ изъ юго-славянскихъ рукописей. До сихъ поръ мнѣ удалось найти одну притчу о злобѣ женъ въ глагольской рукописи XV в. въ библіотекѣ Юго-славянской Академіи № 351, другую въ Кирилловскомъ сборникѣ, о которомъ я говорилъ въ Книжевникѣ III, 130. Третій гораздо болѣе старый текстъ находится въ берлинскомъ сборникѣ. Этотъ послѣдній можетъ быть

разсматриваемъ какъ прототипъ многихъ русскихъ изводовъ и списковъ этой притчи, почему его и слѣдуетъ напечатать. Наконецъ, между драгоцѣнными отрывками профессора Григоровича есть сербскій текстъ первой части этой притчи на пергаменномъ листѣ XIII—XIV в., откуда мы и помѣстимъ наиболѣе значительные варіанты" [1]).

Опредѣляя отношеніе текста берлинскаго сборника къ тексту Изборника Святославова, проферссоръ Ягичъ продолжаетъ: „если составитель берлинскаго сборника дѣйствительно черпалъ изъ Изборника, какъ я думаю, то безъ сомнѣнія не изъ Святославова, который обнаруживаетъ уже русское вліяніе, а изъ какого-либо болгарскаго сборника. Что такихъ сборниковъ въ старое время было много на славянскомъ югѣ, доказываютъ русскіе списки.—Профессоръ Григоровичъ былъ такъ любезенъ, что показалъ мнѣ свои отрывки притчи о злыхъ женахъ, откуда и взяты варіанты. Но его отрывки — къ сожалѣнію всего лишь два пергаменныхъ листа — замѣчательны по ясному указанію на то, что Симеоновъ сборникъ существовалъ и въ сербскомъ изводѣ. Слѣдовательно, и наша древняя литература имѣла свой текстъ Симеонова Изборника и при томъ еще въ XIV в.; но какъ многіе другіе драгоцѣнные памятники славянскаго юга погибли въ тяжелыя времена, такъ и нашъ изборникъ не избѣгъ той же участи. Только знаменитому путешественнику и цѣнителю славянскихъ древностей удалось спасти два листа. Нѣтъ сомнѣнія, что эти два листа являются остаткомъ цѣлаго сборника: это видно изъ содержанія, совпадающаго съ текстомъ Святославова Изборника, какъ его описали Горскій и Невоструевъ" [2]). „На одномъ изъ нихъ помѣщено то, что находится на листахъ 98—106 Святославова Изборника, на другомъ то, что въ Изборникѣ на листѣ 175. Кто бы зналъ, куда дѣлось то, что было

---

[1]) Starine, V, str. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 67.

въ срединѣ между ними" [1]). На основаніи этой статьи Ягича Викторовъ въ Описаніи рукописей Григоровича, поступившихъ въ Румянцовскій музей, далъ описаніе этихъ листковъ съ приведеніемъ точнаго заглавія статей. Относя рукопись къ XIV в., Викторовъ прибавилъ указаніе, что на оборотѣ второго листа находится подпись рукою Григоровича Иверъ. Это послѣднее обстоятельство вызываетъ недоумѣніе. Изъ Описанія путешествія извѣстно, что Григоровичъ въ Иверскомъ монастырѣ не нашелъ ни одной славянской рукописи. Правда, уже Петковичъ въ 1852 году былъ счастливѣе: въ библіотекѣ Иверскаго монастыря оказалось нѣсколько славянскихъ рукописей, но въ ихъ числѣ нѣтъ сборника, о которомъ идетъ рѣчь. Можно поэтому думать, что помѣта была сдѣлана по памяти, которая въ такомъ случаѣ обманула владѣльца. Съ другой стороны въ Описаніи своего путешествія Григоровичъ почемуто не называетъ въ числѣ найденныхъ имъ въ Хиландарѣ рукописей этого сборника. Равнымъ образомъ не видали его и позднѣйшіе ученые путешественники, посѣщавшіе Аѳонъ, преосвященный Порфирій и архимандриты Леонидъ и Дучичъ. И только въ послѣднее время, именно въ 1894 году, мы съ профессоромъ Истринымъ нашли этотъ сборникъ на полкахъ Хиландарской библіотеки. Значитъ, нѣкоторое время утратившійся изъ виду Сборникъ былъ разысканъ въ то время, когда Хиландарскую библіотеку приводилъ въ порядокъ и нынѣ состоящій монастырскимъ библіотекаремъ православный чехъ отецъ Савва.

Профессоръ Истринъ посвятилъ этому сборнику нѣсколько замѣчаній въ своемъ отчетѣ о заграничныхъ занятіяхъ, а имъ и нами были цѣликомъ списаны оказавшіеся въ первой части его апокрифы, видѣніе Даніила и Меѳодія Патарскаго. При самомъ бѣгломъ осмотрѣ состава этого сборника была замѣтна его близость къ Изборнику Святославову. Отмѣтивъ рядъ статей, общихъ

[1]) Ib., стр. 68.

съ Изборникомъ, Истринъ нашелъ между ними и вопросо-отвѣты Анастасія Синаита. „Возникаетъ вопросъ—пишетъ Истринъ по этому поводу—какъ воспользовался редакторъ Хиландарскаго Сборника вопросами Анастасія; имѣлъ ли онъ подъ рукой списокъ Изборника 1073 года, который былъ переведенъ, какъ извѣстно, еще для болгарскаго князя Симеона, или имѣлъ только вопросо-отвѣты Анастасія, уже раньше извлеченные изъ Сборника. Я связываю этотъ вопросъ съ вопросомъ о прототипѣ Хиландарскаго Сборника: составленъ ли онъ по образцу раньше уже существовавшаго какого-либо Сборника въ родѣ Изборника 1073 года, или возникъ самостоятельно. Къ сожалѣнію, я пока ничего не могу отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ отношеніе Хиландарскаго Сборника къ Изборнику 1073 года еще недостаточно мною опредѣлено: оставляю это на будущее время. Относительно русской литературы, кажется, позволительно думать, что вопросоотвѣты Анастасія Синаита отдѣльно въ полномъ видѣ не существовали, не говоря уже о другомъ переводѣ. Вопросы эти попадаются въ большомъ количествѣ и въ разнообразныхъ памятникахъ, но они всѣ даютъ тотъ же переводъ, что и въ Изборникѣ 1073 года, и до сихъ поръ не попадалось ни одного вопросоотвѣта, котораго не было бы въ Изборникѣ. Отсюда выводъ тотъ, что первоначальнымъ источникомъ распространенія вопросоотвѣтовъ Анастасія былъ Изборникъ 1073 года. То же могло быть и у южныхъ славянъ".

На поставленные Истринымъ вопросы можно было дать точный отвѣтъ только послѣ подробнаго описанія рукописи по ея составнымъ частямъ. Мы въ первую нашу поѣздку на Аѳонъ точно также не могли посвятить этому Сборнику на столько вниманія, чтобы исполнить эту работу, которая требовала много времени. Начавъ такое описаніе, мы остановились на первыхъ же листахъ и ограничились еще выпиской нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей. Но за то, имѣя фотографическій снимокъ съ листовъ Григоровича, мы могли установить тотъ фактъ, что

Хиландарская рукопись и была именно тою, изъ которой были вырѣзаны оказавшіеся въ библіотекѣ Григоровича листы. Такимъ образомъ 1) выяснилась ошибочность помѣты владѣльца съ указаніемъ на Иверъ и 2) можно было дать отвѣтъ, куда дѣлась вся остальная рукопись. Объ этомъ нами было сдѣлано сообщеніе въ Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, а нѣсколько статей цѣликомъ и заголовки нѣкоторыхъ другихъ были напечатаны въ изданныхъ нами Апокрифическихъ текстахъ.

Отправляясь въ 1900 г. на Балканскій полуостровъ, мы рѣшили заѣхать на Аѳонъ, чтобы окончить нѣкоторыя начатыя тамъ въ 1894 году работы. Въ Хиландарѣ нашей задачей было подробно разсмотрѣть рукопись Сборника № 24. Съ этою цѣлію мы захватили съ собой Описаніе синодальныхъ рукописей Горскаго и Невоструева, которое значительно облегчило наши занятія.

Пользуемся случаемъ сообщить результаты нашей работы.

Какъ и можно было ожидать, оказалось, что Хиландарскій сборникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, а именно изъ трехъ. Первая начинается переводомъ изъ Исидора Пилусиота: стго Исидора ѡ ѿмѣтании и безмльвии и чрьнь(чь)стѣмь житии, а оканчивается статьей: юко ѿ несоущих мирь л. 92, стлб. 2. На оборотѣ этого листа начинается Анастасіевыми вопросоотвѣтами наибольшая часть рукописи, заключающая сербскій списокъ Изборника Симеонова. Начиная съ 198 листа, идутъ поученія Іоанна Златоустаго съ особымъ счетомъ листовъ, которыя составляютъ третью часть Сборника.

Обращаясь ко второй части Сборника, интересно опредѣлить ея объемъ сравнительно со старшимъ спискомъ Изборника 1073 г. При этомъ прежде всего приходится отмѣтить, что начальныя статьи этого списка: св. Василія на Евномія о святомъ духѣ, св. Кирилла александрійскаго о св. Троицѣ, отрывки изъ Исидора Пилусіота, Іустина философа о правѣй вѣрѣ, Михаила Син-

кела Іерусалимскаго написаніе о правѣй вѣрѣ, о шести вселенскихъ соборахъ отсутствуютъ въ Хиландарскомъ сборникѣ. Есть ли это особенность этого послѣдняго, или этихъ статей не было уже и въ оригиналѣ, съ котораго онъ былъ списанъ, рѣшить этотъ вопросъ можно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если удастся подъискать другой соотвѣтствующій Хиландарскому сборникъ. Можно однако предполагать, что опущеніе начальныхъ статей зависѣло отъ состава сборника: уже предшествующія Анастасіевымъ отвѣтамъ статьи заключаютъ цѣлый рядъ различныхъ вопросовъ, отъ которыхъ вполнѣ естественно было перейти и въ Симеоновомъ Изборникѣ къ такого же рода отдѣлу, который въ немъ представленъ именно Анастасіевыми Отвѣтами. Эти послѣдніе вошли въ сербскій сборникъ цѣликомъ, начиная съ первой статьи на оборотѣ листа 92: **анастасиѥвы ѿвѣты противоу (на)несе́нынимь ѥмоу ѿвѣтомь** (вмѣсто вопросамъ, совершенно такъ, какъ и въ Изборникѣ 1073 г.) **ѡ нѣкыи҃** (**нѣ отъ** **какыихъ** въ Избор.) **правовѣрны҃ и ѡ различнихь главизнахъ·:· въпро҃ что ѥ҃ знаменїѥ съвръшеннааго хр҃тїанина·:· ѿвѣ҃·:· вѣра права и҃ дѣла бл҃гоуч҃нка** и оканчивая послѣднею на листѣ 180: **максимово ѡ различии соущии ѥстьствѣ** (вмѣсто: **соуштиѧ и ѥстьства** Изб.) **и҃ внѣшьнимь** [1]. Что составитель Хиландарскаго сборника пользовался въ данномъ случаѣ Изборникомъ, а не отдѣльнымъ переводомъ вопросоотвѣтовъ Анастасія, это, помимо тождества самаго перевода, ясно изъ того, что вслѣдъ за ними, какъ и въ рукописи 1703 г., идутъ статьи Θеодора презвитера Раиѳскаго: **ѳеѡ҃ра прозвитера раитьскаго** (sic) **ѡ тѣхь же҃** л. 180 об. столб. 1. Далѣе послѣ довольно значительнаго пропуска, на который приходится статья **Георьгиѧ хоуровьска о образѣхъ** и др., начиная съ статьи **Ѳеодорита отъ того ѥже о ст҃ѣи троици** слѣдуютъ полностію всѣ остальныя статьи Изборника. Лѣтописца вкратцѣ нѣтъ въ сербскомъ спискѣ, но это и понятно: въ Изборникѣ

[1]) Сравни Описаніе Горс. и Невостр. стр. 385.

1073 года эта статья написана послѣ послѣсловія, въ оглавленіе Изборника она не входила.

Итакъ въ составъ Хиландарскаго сборника Изборникъ входилъ почти цѣликомъ: отсутствующія въ немъ первыя статьи составляютъ всего лишь 26 листовъ рукописи 1073 г. Къ сожалѣнію, теперь въ сборникѣ многихъ листовъ недостаетъ. Кромѣ тѣхъ двухъ листовъ, которые сохранились въ библіотекѣ Григоровича, наибольшія утраты приходятся все на тѣ же вопросоотвѣты Анастасія. Насколько можно было въ короткій срокъ нашего пребыванія въ Хиландарѣ отмѣтить пробѣлы, при помощи описанія Горскаго и Невоструева (изданія Общества Любителей древней письменности съ нами не было), мы усмотрѣли ихъ въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Первый пропускъ въ листъ соотвѣтствуетъ тексту рукописи 1073 г., начиная съ шестой строки 2-го столбца листа 40 и оканчивая строкой 13-ой 1-го столбца л. 42. Второй, начиная съ стр. 17 столб. 2-го л. 51 и оканчиваясь на второй строкѣ ст. 1-го л. 55 об. Третій съ стр. 7 ст. 2-го л. 65 об. и по стр. 10 ст. 2-го л. 67 об. Четвертый съ стр. 12 ст. 2-го л. 71 и по стр. 23 (предположительно: текстъ не совпадаетъ буквально) ст. 1-го л. 73. Пятый съ стр. 11 ст. 2-го л. 74 об. и по стр. 21 ст. 1-го л. 90 об. Шестой, начиная съ стр. 2 съ конца ст. 2-го л. 141 об. и оканчивая стр. 7 ст. 2-го л. 143 об. Седьмой съ стр. 17 ст. 2-го л. 158 об. и по стр. 6 ст. 1 л. 162.

Что касается порядка текста, то сербскій списокъ представляетъ нѣкоторыя отличія отъ рукописи 1073 г. Прежде всего слѣдуетъ указать, что въ немъ нѣтъ того оглавленія, которое раздѣляетъ Святославовъ списокъ на двѣ половины. Послѣ вопроса **ѿ коѥ сынлы҃ соупротывныѥ вѣроующе и творещѥ и п(р)орнцоуть мнѡгащи и чоудеса творѥть** л. 128 об., помѣщеннаго въ рукописи 1073 года на л. 117, листы слѣдуютъ въ порядкѣ согласно греческому тексту. Поэтому на л. 130 об. идетъ статья **ѳеωдоритово ѡ неразоумнын҃:· Боу҃ попоущающоу** и т. д.;

далѣе: **кириловъ ѿ того іеже ѡ дховнѣ слоужбѣ·:· Оумною льготою на се попльзоушесе** и т. д. [1]); на л. 131: **златооустаго ѿ того іеже ѿ м и е псалма. Не оупваите на кнезе** и т. д. Слѣдующая статья на ст. 2-мъ л. 131: **впро:· что не пропоўѣдеть** (sic вмѣсто: **проповѣдать**) **члвци дне оумрьтиа своіего и чоую ли что оумирающе. что боудоущихъ приіети блага и зла:· ѿвѣт·:· Аще быше проповѣдали** и т. д. Въ рукописи 1073 г. здѣсь недостаетъ тетради ні, поэтому и самый вопросъ не оконченъ. Въ Хиландарскомъ спискѣ въ этомъ мѣстѣ пробѣла нѣтъ и за этимъ вопросомъ идутъ слѣдующіе. На л. 133 об. **впро чии грѣси прощаютсе по смрти слоужбами и мтвами и мтынинѣмии бывающеи за (оусъпъшаа) ѿвѣть·:· И ѡ семь пакы велики дшинси гліеть.** На л. 134 об. **впро. чоувьствьни ли раи. или разоумьнь тлѣнь ли или нетлѣнинь. ѿвѣть·:· Ѩко же и два иерлма повѣдаіеть писаниіе** и т. д. На л. 135 об. **како іе разоумѣти видѣвше сиове бжии дщере члвчы**; на л. 136: **аще іелико же створи бъ вьсе іе добро зѣло;** и т. д. Тѣ вопросы, которые въ рукописи 1073 г. стоятъ не на мѣстѣ на л. 118—120 об., въ Хиландарскомъ сборникѣ слѣдуютъ въ порядкѣ греческаго текста. За то въ свою очередь въ немъ послѣ вопроса **чьто іесть моудрость съзьдавшиа себѣ домъ** (л. 155 Изборника 1073 года), который начинается на л. 145, вопросъ: **како іе разоумѣти ѩко нѣсть блго къ человѣцѣ** и т. д. (л. 157 Изборника 1073 г.) читается на л. 154 об. и такъ идетъ до л. 159, и только со статьи **Богословьца отъ того іеже на арианы** (л. 176 Изборника 1073 г.) идутъ листы 147 об. — 153. Далѣе съ л. 163 Хиланд. рукоп. = л. 193 об. рукоп. 1073 г. порядокъ согласуется въ томъ и другомъ спискѣ.

---

[1]) Въ Изборникѣ эта статья только начата (Горскій, II, 2, стр. 375); но она полностію находится на листѣ 129 об., какъ и слѣдующая. Что же касается выписокъ изъ слова Григорія Богослова, о которыхъ упоминаетъ Горскій, то ихъ въ Хиландарской рукописи нѣтъ.

Что въ сербскомъ спискѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же переводомъ, что и въ рукописи 1073 г., можно было видѣть мѣстами изъ предшествующаго изложенія. Въ дополненіе укажемъ еще слѣдующіе примѣры. Горскій отмѣтилъ, что на л. 156 списка 1073 г. излагается объясненіе на Притчи 30, 15 пиıаницн (д. б. пиявици) три дъштері бѣша любъвыѧ любимы· грѣхоу. Съ той же опиской находимъ это мѣсто и въ Хиландарскомъ спискѣ: пиıаницн три дьщерн бывьше любовню лоукими грѣхь и т. д. Въ спискѣ 1073 г. мѣстами встрѣчается двойной переводъ греческаго текста [1]). То же находимъ и въ Хиландарской рукописи:

да како ре҇ бъ҇ ıако вь ть днь оумрета ѿвѣтомь а не искоусомь такожде же ми разоумѣи ѡ разбоиницѣ иміже не ıеще (врѣмѧ) дѣломь ѿданиıе. ре҇ бо апл҇ь ѿ праведни҇ си же вь послоухованн вѣрою не приıеше ѡбѣта бо҇у боле нѣчто прозрѣвшоу. да без на҇ скрьшени боу҇ть.

ıако вь ть днь оумрта. ѿсоудомь а не искоусомь. да тако ли разумѣи и ѡ разбоинѣцѣ (sic). иміже не бѣ врѣме ѿданиıе дѣломь ре҇ бо апл҇ь ѡ праведныи҇. ти вьси свѣтельствовате вѣрою не приıеше ѡбѣта. бо҇у о на҇ оуниıе нѣчто прозрѣкшоу· да без на҇ скрьшеныи боудть.

Другого случая повторенія [2]) въ Хиландарской рукописи нѣтъ: составитель списка слѣдовалъ въ этомъ мѣстѣ тому чтенію, которое имѣетъ заглавіе: ѳеологоко отъ того ıеже надъ кесариıемь. Переводъ тотъ же съ обычными незначительными варіантами.

Благодаря тому, что хиландарскій списокъ югославянскаго происхожденія и при томъ значительной древности, онъ получаетъ интересъ для возстановленія текста Изборника Симеонова. Крупныя отличія въ текстѣ,

---

[1]) Описаніе II, 2, стр. 383.
[2]) Ib., стр. 384.

правда, встрѣчаются рѣдко. Наиболѣе важный случай въ томъ матеріалѣ, которымъ мы сейчасъ располагаемъ, находится на л. 154 об. хиландарской рукописи въ соотвѣтствіи л. 190 рукописи 1073 г.

X.	Св
гоу пакын глющоу· иже съблазнынть юднного ѿ малн снхь вѣроующнхь к мнѣ· оунію моу вын (sic) да ωбѣшень боудеть жрьньвь мщн на вы юго.	Гоу пакы глюштѫ аште комоу оставнте грѣхы· осташатьса нмъ· да аште съгрѣшнть члкъ н потомь покаюкъ са къ юемоу прнметь проштенню отъ юего боуде лн пршотенъ н отъ ба.

Текстъ статьи вполнѣ совпадаетъ, а заглавіе, какъ видно изъ ея содержанія, болѣе соотвѣтствующее въ Святославовомъ Изборникѣ: юже рс лще ωставнте ωставетсе кь стынмь то ю по нстннѣ реѵено. а не кь простнмь члкомь. Отступленіе хиландарскаго списка такимъ образомъ нельзя признать удачнымъ.

Но есть не мало варіантовъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Для примѣра предлагаемъ небольшой выборъ:

Св.	Хиланд.
оудоробь	врьѵка 96 об.
ратьннкы	еретнгы 98
бездьнаю (ἀνύδρων)	безводнаю 99
поннѵенъ	поннѵьннкъ 100
дьржатн	помнѣтн 100
коущною поѵьтенню	коущною потеѵенню 101
кладазь	стоуденць 105
краюобрѣзаннн	акровьствн 106

Какъ видно, между этими варіантами есть такіе, которые даютъ лучшее и безъ сомнѣнія старшее чтеніе. Но съ другой стороны, какъ часто бываетъ, встрѣчаемъ и цѣлый рядъ подновленій. Подставляются новыя слова, старыя формы замѣняются новыми. Такъ, напр., вмѣсто напоаннѩ—попаленнѩ, вмѣсто порода—рал; макъкынхъ—мекы; льгъко—лько; прнтъѵеж—прнѵею; ѱалъмосъ, ѱалъ-

мосѣ — **жаломъ, жалмѣ** и проч. Очень часто встрѣчаемъ опущеніе мѣстоименія на мѣстѣ греческаго члена, напр.: **стго курила еже на оулиана** вмѣсто **стаго курила отъ того еже на іоулиана; тогожѐ еже ѡ ханинии** (sic) вмѣсто **тогоже отъ того еже о ханаанѣиии.**

Многіе варіанты зависятъ отъ различія списковъ южнославянскаго и русскаго: **крастакынмь** Х. вмѣсто **коростакъінмъ** Св.; **чрѣпиюн** Х. вмѣсто **черепни** Св. и т. д.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ хиландарской рукописи очень часты описки и порча чтеній, что можетъ давать основанія для предположенія оригинала юсоваго извода, т. е. болгарскаго, которымъ пользовался составитель. Извѣстно, какъ не рѣдки въ такихъ случаяхъ жалобы на трудность подобной работы, т. е. замѣны одного извода другимъ. Какъ обращикъ искаженія не понятыхъ словъ приведемъ замѣну существительнаго: **позоратаи** двумя словами: **таи позора.** Эта ошибка тѣмъ легче была для автора сохранившейся въ хиландарской рукописи редакціи, что у него часто встрѣчаемъ варіанты, заключающіеся лишь въ одной перестановкѣ словъ.

Какъ уже было упомянуто выше, въ хиландарскомъ сборникѣ сохранилось 92 листа отъ первой части. Начинаясь разрисованной виньеткой, за которой слѣдуетъ заголовокъ: **стго исидора о отмѣтании и беземлькии и чрьнь(чь)стѣмь житии,** этотъ отдѣлъ представляетъ выписки изъ различныхъ отцовъ церкви Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Григорія Богослова и многихъ другихъ. Киноварные заголовки снабжены цифрами, которыми ведется счетъ главамъ. Всего 154 главы. Съ л. 60 об. начинается другой рядъ выписокъ заглавіемъ **разоуми дши польzиих стыихь ѿць и внѣшнїихь философь.** Въ числѣ послѣднихъ приводятся имена Аристотеля, Сократа, Оріона, Ѳеодекта, Аполонія Родійскаго съ изреченіями ихъ. Отмѣтимъ на л. 64 **пооучение польzно по альфавитоу.** Слѣдуютъ изреченія подъ буквами: а҃, в҃, г҃, д҃, є҃, ѕ҃, з҃, и҃, ѳ҃, і҃... м҃, і҃, ѯ҃, о҃, п҃ ѳ҃ (?), с҃, т҃, ѵ҃, ф҃, х҃, ѱ҃, ѡ҃. Съ листа 68 по 77 об. идутъ апокрифы Видѣніе Даніила и от-

кровеніе Меѳодія Патарскаго. Далѣе разнаго рода вопросы вплоть до Анастасіевыхъ. Подыскать другой сборникъ съ подобнымъ подборомъ матеріала намъ пока не удалось.

На оборотѣ листа 197 оканчивается вторая часть рукописи, въ которую вошелъ изборникъ. Листъ не былъ записанъ сполна и поэтому въ концѣ текста писецъ нарисовалъ украшеніе, какимъ заканчиваютъ письмо извѣстнаго отдѣла.

Съ листа 198 по теперешнему счету виньеткой, какъ и въ началѣ сборника, начинаются слова Іоанна Златоустаго. Въ рукописи здѣсь новый счетъ листовъ буквами.

Первое слово съ такимъ заглавіемъ:

ιωа҃

ʒла тоуста҃ слово

ѡ адамѣ. и ѡ нвѣ (ѕ.) ѡт҃е бл҃:·

Цѣликомъ писаны только немногія слова, на другія же дѣлается ссылка: ищи кь дроугомь ʒлат҃оусти или ʒлатоустьщи. Интересна какъ эта терминологія, такъ и то, что, если исключить два первыхъ слова, всѣ остальныя по счету, заголовкамъ и переводу совпадаютъ съ словами полнаго извода Златоструя. Всѣхъ словъ только 33.

Изъ нашего описанія очевидно, какой крупный интересъ представляетъ Хиландарскій сборникъ. Въ немъ намъ сохранился сербскій изводъ значительной части Изборника Симеонова. Онъ даетъ особый подборъ статей въ первой части, свидѣтельствуя намъ, какъ богата была уже въ старину литература сборниковъ. Наконецъ, быть можетъ не случайно, въ третьей части сборника находимъ слова Златоустаго, извлеченныя изъ Златоструя. Въ предполагаемой энциклопедіи изъ эпохи Симеона вполнѣ естественно ожидать и перевода словъ Іоанна Златоустаго, имъ самимъ отчасти, или по крайней мѣрѣ при его участіи, исполненнаго.

Было бы весьма желательно получить этотъ Сборникъ для изслѣдованія, или же даже болѣе для снятія съ

него копіи, въ какую либо изъ русскихъ библіотекъ. При изданіи Изборника текстъ хиландарской рукописи во всякомъ случаѣ долженъ занять слѣдующее за спискомъ 1073 года мѣсто, какъ по его древности, такъ и по важности югославянскаго списка этого замѣчательнаго памятника древне-болгарской письменности.

П. Лавровъ.

С.-Петербургъ.

Подвижныя гласныя
въ сербскомъ языкѣ.

Въ современномъ сербскомъ языкѣ не мало словъ, могущихъ терять и сохранять при однихъ и тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ свои конечныя гласныя. Но это обстоятельство не говоритъ еще въ пользу исключительно морфологическаго происхожденія этого процесса, такъ какъ старыя, первоначальныя условія, при которыхъ возникло это явленіе, не узнаваемы нами теперь, быть можетъ, только потому, что фонетическіе законы, въ результатѣ дѣйствія которыхъ и возникли явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, прекратились уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ. И, въ дѣйствительности, мы убѣдимся ниже, что подвижныя гласныя въ сербскомъ языкѣ фонетическо-морфологическаго характера.

Это явленіе находимъ въ словахъ опредѣленныхъ грамматическихъ категорій, нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и частицъ. Всѣ эти группы словъ находятся, по различнымъ причинамъ, въ близкой связи: послѣднія три категоріи по своему положенію въ рѣчи какъ слова большею частью безъ ударенія, въ энклизѣ или проклизѣ, нарѣчія же находятся въ близкомъ отношеніи къ предлогамъ по *значенію,* такъ какъ иногда одна и та же форма слова можетъ употребляться и какъ нарѣчіе и какъ предлогъ, напр. не могаху ништа противу рећи (ср. Маретича Gramat. § 490) и ударише противу Турака и т. под. Впрочемъ извѣстно, что пред-

логи вообще, насколько ихъ этимологія ясна, по происхожденію своему — старыя нарѣчія (сравн. Paul, Princ.[3], § 204; Delbrück, V. Synt., 664—665).

Подвижными въ сербскомъ языкѣ могутъ быть всѣ гласныя: ср. j ȍ ш т е — j ȍ ш т, г ȍ д е (годѣ) — г ȍ д, ȉ л и — и л, к а̏ д а (объ удареніи въ этомъ словѣ ср. ниже) — к а̏ д, к у д у (въ стар. языкѣ) — к у̏ д и т. п. По происхожденію слѣдуетъ различать три группы случаевъ: во первыхъ, такіе случаи, гдѣ подвижная гласная фонетическаго происхожденія — напр., у предлоговъ, какъ п о д — п о д а, б е з — б е з а и т. п.; во вторыхъ, такіе, гдѣ гласная въ концѣ словъ не была подвижной и стала таковой въ историческомъ развитіи сербскаго языка, напр. к а̏ д а — к а̏ д, ср. ст.-слав. къгда, русс. когда́, чешс. tehda и под.; наконецъ, такіе, гдѣ въ древне-сербскомъ языкѣ въ окончаніи были согласныя, такъ что онѣ получили гласную конечную по аналогіи тѣхъ случаевъ, которые имѣли уже подвижную гласную, принадлежавшую первой или второй категоріи случаевъ. Сначала возьмемъ тѣ случаи, которые намъ кажутся болѣе важными, чѣмъ остальные и изслѣдуемъ ихъ судьбу въ серб. языкѣ. Сюда относятся нарѣчія: к а̏ д, т а̏ д и с а̏ д, которыя имѣютъ и полныя формы: к а̀ д а, т а̀ д а (Вукъ Кар. та̀да̂), с а̀ д а [1]); к а̀ д е, т а̀ д е и с а̀ д е. Этимъ формамъ соотвѣтствуютъ въ древнесербск. языкѣ: к ь д а, к ь д е, к ь д ь и т. д. Кромѣ этихъ, въ древне-сербскомъ языкѣ есть еще одна форма: кьди и под. Но всѣ эти формы не являются одновременно въ серб. языкѣ: ф. к ь д ь — к а д, т ь д ь — т а д и с ь д ь — с а̣ д являются по Даничичу (ср. Рјечник из књ. ст. срп.,

---

[1]) Даничичъ, кажется, слыхалъ эти нарѣчія съ ̏ на первомъ слогѣ (ср. Rad XX, 195). Они слышатся съ такимъ удареніемъ и въ Королевствѣ (ср. Шайковича Die Betonung in der Umgangssprache der Gebildeten im Königreich Serbien, 13). Но здѣсь, быть можетъ, имѣемъ діалектическія различія. Форма к а̏ д а могла получиться подъ вліяніемъ сокращенной ф. к а̏ д, благодаря, въ особенности, тѣмъ случаямъ, гдѣ к а д а́ теряло въ рѣчи свое удареніе (ср. ниже).

s. v.) не ранѣе XV вѣка: кьдь Пуц. II 69 (1419), Mon. Serb. 437 (1445), до садь ib. 474 (1456) — не особенно надежно, точно такъ-же, какъ и ib. 513 (1470), тадь ib. 512 (1470). Остальныя же три приведенныя формы указанныхъ нарѣчій находятся уже въ первыхъ грамотахъ сербскихъ XIII в.: кьда Mon. Serb. 54 (1240—1272), када ib. 184 (1375) и под.; кьде ib. 167 (1357) — ненадежно, ib. 322 (1423) и под.; кьди M. S. 52 (1240—1272), ib. 147 (1349) и под.; никьда Пуц. I 126 (1415), никадарь M. S. 338 (1427) и под.; тьда ib. 54 (1240—1272) и под.; тьде M. S. 56 (1289), Пуц. I 29 (1400), ib. 38 (1402); тьди ib. 22 (1399), 28 (1400); сьда (седа) M. S. 29 (1240), 33 (1249), 42 (1253) и под.; сьде M. S. 56 (1289), Пуц. I 8 (1397) и под.; сьди M. S. 208 (1387), 268 (1405) и под. Кромѣ указанныхъ формъ находимъ иногда и тьгда (напр. M. S. 122 (1336—1347)) и под., которыя появились въ сербскихъ грамотахъ подъ вліяніемъ церк. языка.

Если сравнимъ указанныя сербскія формы съ соотвѣтствующими формами остальныхъ славянск. языковъ — русск. когда́ и когды́, ст.-слав. къгда и когда, польск. kiedy и tedy (*kъgdy) ср. gdy = *kъdy, н.-луж. kegdy, gdy, tegdy, tedy ср. něgda, чешск. tehda, tehdy, gda, gdy (*kъda), слов. kъdá, kъdáj — kda, kdaj, то станетъ совершенно яснымъ, что формы съ *е* и безъ гласной въ концѣ возникли на сербской почвѣ. Кромѣ этого, между различными формами славянскихъ языковъ, за исключеніемъ словенскаго и, какъ увидимъ ниже, болгарскаго, нѣтъ соотвѣтствующей формы серб. сьда, сьде (=теперь), сьди, сьдь. Въ словен. яз. находимъ sáda, sadaj, sъdàj, zdàj (Словарь Pleteršnika s. v.), въ болг. сега́, сеги́ (Дювернуа), въ остальныхъ же славянскихъ языкахъ находимъ только сьде (=здѣсь). Но это не значитъ еще, что въ обще-славянскомъ языкѣ вовсе не было нарѣчія *сьгда, соотвѣтствующаго нарѣчіямъ тъгда и къгда, такъ какъ оно могло быть въ различныхъ славянскихъ языкахъ вытѣсне-

но другими нарѣчіями съ тѣмъ-же значеніемъ, какъ напр. въ серб. языкѣ исчезло нарѣчіе сьде resp. здe въ значеніи здѣсь. На такую древность *сьгда указываетъ сербскій языкъ, такъ какъ въ немъ такое нарѣчіе не могло появиться именно потому, что мѣстоименіе *съ* должно было быть въ народномъ древне-сербскомъ языкѣ не въ особенно большомъ употребленіи, ибо въ противномъ случаѣ оно встрѣчалось бы въ современныхъ діалектахъ сербскихъ чаще, чѣмъ его находимъ. Поэтому оно не могло быть въ древне-сербскомъ языкѣ продуктивнымъ, какъ показываетъ и исчезновеніе здe въ немъ, такъ что ф. въ родѣ *сьгда (ср. ниже) получены имъ, по всему вѣроятію, изъ обще-слав. языка. На это указываетъ и наличность подобныхъ формъ въ болгарскомъ и словенскомъ языкахъ.

Изъ приведенныхъ славянскихъ формъ указанныхъ нарѣчій видно, что обще-славянскія ихъ формы двоякія: kъda и kъgda, tъda и tъgda, sьda и sьgda[1]). Согласная g (г), какъ указываетъ въ своихъ лекціяхъ проф. Фортунатовъ, представляетъ частицу gu съ подвижнымъ й (ъ); Гебауэръ же въ своей Hist. Mluv. I 179 возводитъ чешское tehda къ tъkъda. Помимо того, что съ этимъ несогласно чешское kde (гдѣ), которое восходитъ къ обще-славянскому kъde, этому противорѣчатъ и формы этихъ нарѣчій въ остальныхъ славянскихъ языкахъ. Такъ въ болг. языкѣ находимъ: когъı — коги́ и кога́, сега́ и сеги́, тоги́ и тога́, въ древне-серб. кьга и кьгы (ср. у Даничича), сьга и сьгы, тьгы, ср. съ этимъ сь^{e}г (ь^e значитъ „глухой ряда *е*“), ть^{e}г и под. въ діалектахъ восточной и юговосточной Сербіи и въ македонскихъ діалектахъ. Кромѣ того въ сербо-лужицкихъ языкахъ есть формы, которыя можно было бы объяснять подобнымъ же образомъ, хотя Муке въ своей грамматикѣ

---

[1]) Въ начальномъ слогѣ могла быть и полная гласная *о—е*: kogda, togda, segda; эти формы содержатъ въ себѣ формы средняго рода или, что менѣе вѣроятно, основу.

нижнелужиц. яз. (стр. 462) иначе смотритъ на это. Рядомъ съ nĕgda встрѣчаются въ н.-луж. и формы nĕga, neha; на ha resp. ga Муке смотритъ какъ на упрощеніе -gda. Такое упрощеніе кажется намъ сомнительнымъ въ виду сохраненія и дальше нарѣчій съ -gda и невозможности упрощенія -gda въ указанномъ направленіи. Мы ждали бы, какъ обыкновенно встрѣчаемъ, упрощенія -gda въ -da, какъ это въ дѣйствительности находимъ и въ лужицкихъ языкахъ. Срав. еще gdyga (dyga), gaga. Послѣднее появилось по аналогіи нарѣчій какъ gdyga, ибо ga=късga равнялось по значенію съ gdy=kьdy, поэтому соотвѣтственно gdyga образовано и gaga.

Но все это мало касается происхожденія сербскихъ формъ кьде, тьде, сьде. Первая ихъ часть, несомнѣнно, восходитъ къ кьг-, тьг-, сьг, такъ какъ, если бы этого не было, мы ожидали бы выпаденія глухой, какъ это находимъ въ где (гдѣ), зде (въ единичныхъ случаяхъ) и под. Такимъ образомъ указанныя нарѣчія имѣли когда-то формы кьгде, тьгде, сьгде. Эпоха, когда сохранялось еще *г* передъ *д*, кажется намъ для развитія формы кьгде очень важной, ибо она и появилась, по нашему предположенію, именно въ эту эпоху. Тогда, раньше появленія формы кьгде, употреблялись въ серб. языкѣ слѣдующія формы: кьгда о времени, кьда тоже, кьде о мѣстѣ, ср. позднія нигда (никогда) и нигде (нигдѣ) и т. п. Но хотя форма кьде и употреблялась преимущественно для означенія мѣста, всетаки есть случаи, гдѣ она по значенію своему не только подходила, но и совпадала съ кьда. Это тѣ случаи, гдѣ кьде имѣло относительное значеніе. Примѣры для этого находимъ не только въ др.-сербскомъ и ново-сербскомъ яз., но и въ ст.-славянск., др.-русск. и другихъ славянскихъ языкахъ. Причина этого заключается въ томъ, что разъ „гдѣ“ — кьде указывало на извѣстное время, въ теченіе котораго что нибудь случилось, собственно, въ границахъ котораго что нибудь совершилось, то оно тутъ имѣетъ уже значеніе нарѣчія когда. Приведемъ нѣкоторые примѣры:

где комѹ даѥ дѹбровьчаннинь свои добитькь Mon. Serb. 147 (по Даничичу s. v.) — когда кому даетъ...; **гдию речени ѹзвишени господни кнеꙁ и капетан раꙁумнию книгѹ више писанѹ и чѹвте реченога Никандра калѹгера...** Mon. Serb. 464 (...когда... онъ прочелъ... и выслу-слушалъ...); **...и пакѣ гьде ви би хотѣнию ѹꙁесте все кѹпно добрѣ...** Пуц. I 99, ср. у Даничича s. v. Для болѣе поздняго языка ср. у Будмани, Akad. Rječ. s. v. gdje. Или въ ст.-слав.: **къде же свѣтъ быстъ, въставъ молѩше стрѣгѫштаꙗ воинꙑ глаголѩ имъ...** Cod. Sup. 12, 9 sq.; **къде же издрече Савинъ, стави сѧ корабь посрѣдоу рѣкꙑ...** ib. 115, 11 sq. (по Миклошичу, Lexicon s. v. kъde). Ср. и у Вондрака, Altkirchensl. Gram. 337, гдѣ, впрочемъ, не отмѣчена разница въ значеніяхъ приводимыхъ нарѣчій. Для русскаго нарѣчія см. примѣры у Срезневскаго, Матеріалы, s. v.

Стало быть и въ то время, когда сохранялись еще въ сербскомъ языкѣ формы кьгда, кьда и кьде, кьде могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляться въ значеніи нарѣчія кьда и поэтому оно могло быть инстинктивно понято какъ переиначенное кьда. Соотвѣтственно этому могло и къ формѣ кьгда образоваться кьгде, сначала только въ извѣстныхъ синтактическихъ оборотахъ, а потомъ изъ этого положенія быть перенесеннымъ и въ другія сочетанія, которымъ послужили образцомъ обороты съ кьде. Здѣсь умѣстно спросить, отчего это случилось только съ нарѣчіями къгда — къгде, между тѣмъ какъ такого смѣшенія не только нѣтъ у кьда — кьде, которыя и дали поводъ для образованія указанныхъ формъ, но разница между ними чувствуется очень сильно до настоящаго времени [1]). Причина этого

[1]) Это различіе встрѣчается только въ производныхъ словахъ отъ этихъ нарѣчій, такъ какъ кьда = гда въ значеніи „когда" исчезло въ серб. яз. (ср. то же самое въ русс. яз.), уступивши свое мѣсто нарѣчію када: нѐгде (о мѣстѣ) — нѐгда (о времени), нѝгде (м.) — нѝгда (вр.), ѝгде (м.) — ѝгда (вр.), о̑вде — ȍвда̑, о̑нде — ȍнда̑ и т. под.

заключается въ самихъ формахъ кьда и кьде. Дѣло въ томъ, что, хотя кьде и могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляться въ значеніи кьда, всетаки въ большинствѣ случаевъ разница между кьда и кьде чувствовалась очень хорошо, ибо она зависѣла только отъ конечной гласной. Если бы этого не было, то и указанное различіе между ними не могло бы сохраниться. Между тѣмъ у нарѣчій типа кьгда были совершенно иныя условія. Они были только нарѣчіями времени и не имѣли соотвѣтствующихъ формъ со значеніемъ мѣста, такъ что не было никакой формы, которая могла бы мѣшать распространенію новообразовавшейся формы кьгде. Такимъ образомъ она начала употребляться параллельно съ формами кьгда, кьда, разумѣется, совершенно независимо отъ кьде, которое въ свою очередь было въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно употреблялось въ значеніи когда, подавляемо массой случаевъ съ значеніемъ „гдѣ“.

Изъ этого видно, что образованіе формы кьгде зависѣло отъ относительнаго значенія его. Поэтому тьгде, сьгде образовались по аналогіи формы кьгда—кьгде.

Въ эпоху развитія сербскаго языка до появленія его письменныхъ памятниковъ эти формы, точно такъ-же какъ и кьда — кьде, подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. У первыхъ изъ нихъ исчезло *г*, у вторыхъ *ь*, такъ что въ результатѣ этого получились формы, встрѣчающіяся въ первыхъ сербскихъ памятникахъ: тьда, тьде, кьда, кьде, сьда, сьде, где, -гда (нигде, нигда, нѣгда и т. под.), зде (очень рѣдко), ср. приведенныя выше формы изъ остальныхъ славянскихъ языковъ. Этимъ закончилась первая эпоха въ развитіи этихъ нарѣчій. Вторая же началась съ перехода *ь* въ *а*: када, тада, сада и т. д. Когда этотъ переходъ имѣлъ мѣсто въ первомъ слогѣ указанныхъ нарѣчій, тогда же онъ совершился и въ конечныхъ слогахъ нѣкоторыхъ предлоговъ. Извѣстно, что предлоги, въ большинствѣ случаевъ, составляютъ одно цѣлое съ словами, которыя отъ нихъ зависятъ. Поэтому отъ начала этихъ словъ и зависитъ, сохра-

нится ли конечная глухая у предлоговъ, или исчезнетъ. Условія сохраненія и исчезновенія глухой настолько извѣстны, что я не буду останавливаться на нихъ. Замѣчу только, что въ результатѣ дѣйствія этихъ условій появились въ сербскомъ языкѣ слѣдующія формы предлоговъ: низ — низа, над — нада, од — ода, кроз — кроза, под — пода, пред — преда, проз — проза (въ Черногоріи), с — са, уз — уза, брез — бреза, без — беза, к — ка, из — иза, испред — испреда и т. под. Такіе примѣры начали появляться съ того времени, когда ъ перешло въ серб. языкѣ въ *а*, а это — конецъ XIII вѣка. Послѣ того времени, когда совершился переходъ, о которомъ идетъ рѣчь, и когда получились формы предлоговъ съ конечнымъ *а*, условія, которыя раньше были необходимы для возникновенія ихъ, не имѣли больше никакого значенія, такъ что формы безъ *а* и съ конечной гласной начали употребляться promiscue. Вслѣдствіе этого формы безъ гласной представлялись говорящимъ какъ формы сокращенныя по отношенію къ формамъ съ гласной въ концѣ. Такимъ образомъ гласная у упомянутыхъ предлоговъ стала подвижной.

Нарѣчіе када и остальныя въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ основанія особенно подчеркивать, выдвигать ихъ значеніе по отношенію къ остальнымъ словамъ въ предложеніи, становятся почти проклитическими; ср., напр., слѣдующіе примѣры: кад је то тако („если это такъ“) и ка̏д ћете доћи („когда придете“). Подъ вліяніемъ отношенія беза : без, испреда : испред могло къ формѣ када проклитическаго и под. образоваться кад, тад, сад, которыя и встрѣчаемъ съ XV вѣка. Эти формы могли, конечно, потомъ употребляться и съ удареніемъ ка̏д, та̏д, са̏д (ср. выше). Но рядомъ съ этими формами употреблялись также и када̀, тада̀, сада̀ точно такъ-же, какъ и рядомъ съ без употреблялось беза. Параллельно отношенію када̀ : ка̏д было теперь отношеніе кадѐ : ка̏д, и какъ въ первомъ случаѣ получилось подвижное *а*, такъ во второмъ подвижное *е*. Теперь

эти примѣры вмѣстѣ съ указанными предлогами могли дальше вліять на образованіе подвижныхъ гласныхъ въ серб. языкѣ, И, въ дѣйствительности, онѣ и получаются въ довольно большихъ размѣрахъ, быть можетъ, потому, что у нарѣчій кад, тад, сад немало производныхъ словъ; срав. въ современномъ сербск. яз.: пѐкад, нѝкад (нѝкада̑), којека̏д, ка̏днока̏д (каднокада), кадѝкад, сва̏кад, ѝкад, (ѝкада̑, ѝкаде̑ Akad. Rječ.), по̀сад и т. под.

Подобно этому развились нарѣчія типа коудѣ. Въ первыхъ сербскихъ грамотахъ находимъ только двѣ формы этихъ нарѣчій коудѣ и коудоу, что вполнѣ соотвѣтствуетъ старо-славянскимъ формамъ кѫдѣ и кѫдоу: **коудѣ** Mon. Serb. 24 (1234—1240), **тоудѣ** (ib.) и под.; **вьсоудѣ** M. S. 51 (1240—1272), **иноудѣ** ib. 75 (1302—1321) и под.; **ѡть коудоу** M. S. 123 (1336—1347), **ѡть тѹдѹ** M. S. 144 (1349). За исключеніемъ формы **вьсоуда**, которую находимъ въ M. S. 41 (1198—1199), формы на -**да** встрѣчаются (по Даничичу) съ конца XIV и начала XV вв.: **ѡвѹда** Пуц. I 15 (1398), **ѡдь тоуда** ib. 126 (1415), **тоуда** ib. 80 (1406), **коуда** M. S. 430 (1445), 487 (1461), **скуда** M. S. 451 (1452) и т. п. Рядомъ съ этими примѣрами являются и сокращенные въ родѣ **коудь** П. I 64 (1405), хотя вообще у Даничича приведено довольно мало надежныхъ примѣровъ такого типа. Въ современномъ языкѣ они встрѣчаются въ изобиліи: ку̏д, ку̏да̑, ку̏де, ку̏ђ (въ югоз. д.), ку̏ђе (въ Черногоріи), ку̏дије (въ Черногоріи). Форма ку̏ђ указываетъ на то, что отпаденіе гласной въ концѣ не совершилось раньше перехода *ѣ* въ *je*, что относится къ началу XV вѣка. Сва̏куд : сва̏куда̑; дру̏куд : дру̏куда; сву̏куд (въ Черног.); којеку̏д : којеку̏да̑; о̏днекуд : о̏днекуда; нѝкуд : нѝкуда̑; нѐкуд : нѐкуда̑ и т. д. Ходъ историческаго развитія этихъ нарѣчій былъ таковъ: подъ вліяніемъ формъ какъ кьде—кьда, долѣ—здола, горѣ—згора и т. п. и къ формѣ коудѣ, которое въ XIII в. не произносилось еще съ *je* (resp. ије) въ

концѣ, образовалось коуда или от-коуда соотвѣтств. здола и т. п. Здѣсь, конечно, представляется вопросъ, не получилъ ли сербскій языкъ изъ обще-славянскаго формы какъ коуда, такъ какъ въ русскомъ языкѣ извѣстны также подобныя формы, ср. русс. куда, куды, куду, кудѣ (у Срезневскаго, Матеріалы, s. v.). Хотя это для нашего вопроса безразлично, мнѣ всетаки кажется, что указанная форма русскаго языка новообразованіе. Въ остальныхъ, въ особенности западно-славянскихъ, языкахъ находимъ только форму соотвѣтствующую русс. формѣ куды: чешск. kudy, польск. kędy, н.-л. = в.-л. tudy, такъ что подъ вліяніемъ нарѣчій, которыя имѣли въ концѣ *ѣ* и *а*, *ы* и *а* или *у* и *а* (ср. рус. кудѣ, куду, куды), могла получиться въ русс. языкѣ форма куда. Впрочемъ эта форма станетъ ясной только тогда, когда нарѣчія въ славянскихъ языкахъ будутъ детально изслѣдованы.

Разъ сербскому языку были извѣстны формы куда, туда, то они испытали ту же судьбу, какую и форма када и под.

Интересные примѣры вліянія аналогіи представляютъ въ сербскихъ грамотахъ нарѣчія, составную часть которыхъ образуютъ -сєлѣ, -колѣ, -толѣ: при ѡдь сєлѣ Mon. S. 21 (1238), 54 (1281), оть толє M. S. 197 (1381) и под. находимъ: ѡдь сєла напрєдь M. S. 421 (1442), по тола ib. 46 (1254), до тола -н ib. 364 (1431), дотла ib. 373 (1433), докла ib. 370 (1432), 463 (1453) и под.; далѣе: ѡд сєлꙋ Пуц. I 4 (1335), 12 (1397), до толꙋ ib. 33 (1400), ѡдь колꙋ ib. 15 (1398), по колꙋ ib. 54 (1404). Эти послѣдніе примѣры относятся къ дубровницкимъ грамотамъ. Наконецъ: ѡдь сєль M. S. 66 (1304), ѡд сєль ꙋ напрѣда Пуц. I 3 (1396) и под. Не трудно угадать, что причиной этихъ разнообразныхъ формъ были нарѣчія: кудѣ : куда : куду : куд[1]).

---

[1]) Какъ къ указаннымъ формамъ съ -колѣ относится докь (= пока) довольно трудно сказать. Миклошичъ (Et. W.)

Подобно тому какъ *е*, *ѣ* стало подвижнымъ въ нарѣчіяхъ куде, каде, точно такъ-же и къ годѣ образовалось годь (ср. у Даничича примѣръ, относящійся къ 1402 г.). Въ современномъ языкѣ въ употребленіи почти исключительно сокращенная форма: догȍд што̏год (-гођ), кȁдгод (-гођ) и т. п.

Такимъ образомъ въ довольно большомъ количествѣ случаевъ появились подвижныя согласныя. Такъ какъ это явленіе имѣло мѣсто именно въ нарѣчіяхъ и предлогахъ, то и такія нарѣчія и предлоги, которыя оканчивались гласной *е* или *а*, начали терять ихъ. Что это въ дѣйствительности имѣло мѣсто подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ, видно по тому, что эти гласныя начали исчезать только съ конца XIV в. Такъ находимъ: ѡщє M. S. 29, 106, 112 и т. д., но ѡщь только M S. 219 (1391) и позже. Здѣсь могли повліять и союзы въ родѣ юр—юрє,

---

сопоставляетъ его съ русскимъ пока и словами подобнаго образованія изъ остальныхъ славянскихъ языковъ, видя въ конечной его части мѣстоименный корень ко-. Спеціально для сербскаго языка это сопоставленіе не вполнѣ убѣдительно потому, что докь является, по Даничичу и Будмани (Akad. Rječ.), только съ XV в. Между тѣмъ уже въ первыхъ сербскихъ грамотахъ находимъ докоу M. S. 17, 24, 25, 34 и др., доклоу M. S. 39, 55 (bis) и под. Поэтому намъ представляется не невозможнымъ привести эти формы въ органическую связь и именно такимъ образомъ, чтобы выводить первую изъ второй. Къ формѣ доклѣ, которая въ это время вѣроятно уже употреблялась, хотя первый надежный примѣръ у Даничича относится къ 1349 году, образовалось въ соотвѣтствіе кудѣ : куду доклу, которое переходило въ докъ. Въ грамотахъ оно встрѣчается рядомъ съ доку потому, что и послѣ этого времени могло къ доклѣ снова образоваться доклу. Что *-лу-* новаго образованія могло въ сербскомъ языкѣ переходить въ *у*, показываютъ формы влук, слунце и под., существовавшія когда-то въ дубровницкомъ діалектѣ и перешедшія въ вук, сунце (прим. ср. у Решетара, Die ragusan. Urkunden etc., оттискъ изъ Arch. f. sl. Phil., стр. 57). Форма доку въ то время, когда *у* въ куду и т. п. образованіяхъ стало подвижнымъ, могло отпадать, такъ что сокращенная форма могла быть обобщена, ср. ниже.

тер—тере и под., въ которыхъ *е* исчезало съ половины XIV в. (срав. у меня «Глас» LXII, стр. 209). Ср. современныя формы јо̏ш, јо̏ште, јо̏шт, јоштер, јоштере. Точно также теряетъ свое конечное *е* и веће (каштє) въ значеніи уже М. S. 170, 247, 276 и др., по већь М. S. 247 (XIV ст.). Ср. въ современномъ языкѣ: ве̏ћ — ве̏ће, о̀двећ — о̀двеће, превећ и под. Сюда относится и форма предлога цѣкы (Пуц. I 46, 51), къ которой образовалась сокращенная форма цѣкь (1406), срав. современное діалект. ци̏јећа, цје̏ћ, ци̏јећ; ср. ст.-слав. цѣшта. Въ этомъ отношеніи представляютъ особенный интересъ нарѣчія долѣ, горѣ. Когда они употребляются съ предлогами *съ*, *изъ*, конечное *ѣ* замѣняется гласной *а*. Можно было бы предположить, что и въ настоящемъ случаѣ имѣемъ чередованіе гласныхъ по аналогіи такихъ формъ, гдѣ такое чередованіе исконно, но въ виду того, что *а* находимъ только въ тѣхъ формахъ, которыя зависятъ отъ предлоговъ, это мало вѣроятно, и скорѣе всего, здѣсь — дола представляетъ родительный пад. отъ существ. доль, такъ какъ долѣ, въ особенности въ сочетаніяхъ на долѣ и под., могло быть понято какъ мѣстный пад. отъ указаннаго существительнаго. Но разъ здола употреблено какъ нарѣчіе, ср., напр., ꙁдола писали Пуц. II 39 (1393), иꙁ доѡла М. S. 368 (1432), ib. 382 (1435) и под., то благодаря тѣмъ случаямъ, гдѣ *а* въ концѣ было подвижнымъ, оно стало таковымъ и здѣсь, такъ что получилась форма, напр., одьꙁдол, которое даетъ ѡдьꙁдоѡ (напр. М. S. 510 — 1470 г.). Ср. въ современномъ языкѣ о̀здо̑. Параллельно этому шло измѣненіе нарѣчія горѣ: ѡꙁгора П. I 89, ѡдь ꙁгѡра П. II 130; ѡдь иꙁьгорь М. S. 92 (1330) наврядъ ли вѣрно напечатано или переписано, такъ какъ остальныя, Даничичемъ приведенныя, формы относятся къ гораздо болѣе позднему времени: ꙁгорь М. S. 340 (1427), ib. 365 (1431) и под. Современная форма о̀зго̑ утратила конечное *р* или подъ вліяніемъ противоположной ей по значенію ф. о̀зго̑ или такъ-же, какъ ју̀че̑ ср. ју̀че̑р и под.

Вліяніе подвижной гласной сказывается также въ распространеніи ея за предѣлы первоначальныхъ границъ, перенесеніи ея и на такіе случаи, гдѣ она не могла появиться. Такъ пакь, которое въ такой формѣ находимъ уже въ первыхъ сербскихъ памятникахъ (ср. M. S. 42, 61, 85 и др.), получаетъ въ концѣ *е*, *а*: **паке** M. S. 159 (ненадежно, 1367), 328, 427, 454, 502 и др. Ср. современныя: па̑к, па̑ка (дубровн.), па̑ке[1]). Къ турецкому téḱ = те̏к образовано те̏ке, точно также какъ къ турецк. bari — ба̏р образовано баре, ср. «Глас» LII, 88. Вліянію аналогіи въ обоихъ указанныхъ направленіяхъ подверглось вьчера = (ј)учера M. S. 103, 316 и др. Подъ вліяніемъ нарѣчій съ подвижнымъ *а* получилась форма јучер, ср. соврем. ју̏че̑ — ју̏че̑р, которое употребляется съ XVI в. Въ XVII в. благодаря аналогіи случаевъ съ подвижнымъ *е* (можетъ быть, въ особенности, тѣхъ, которые имѣли въ концѣ *р*, ср. тер-е, јер-е и под.) получилась форма јучере, ср. «Глас» LII, 88. Въ наши же дни отъ ју̏че̑р образовалось снова ју̏че̑ра. Точно такъ-же на̏поко̑н получило *ь* resp. ıе — на̏поко̑ње, откуда опять на̏поко̑њ. Ст.-слав. мѣстоименіе **юже** стало въ сербскомъ языкѣ союзомъ; *ж* въ положеніи между гласными перешло въ сербск. яз. въ *р*, такъ что эта форма обратилась въ јере. Јере теряло

---

[1]) И у мѣстоименій образовалось подъ вліяніемъ частицы *ре*—*р*, которая прибавлялась къ нимъ, подвижное *е* (ср. op. cit. 199 сл.). Но, кромѣ того, появилось оно и у глаголовъ. Въ дубровницкихъ памятникахъ находимъ его въ 1 л. ед. ч. у нѣкоторыхъ глаголовъ (ср. Даничича «Ист. обл.» 258, Решетара Prim. lekc. 147), чего у другихъ нѣтъ; кромѣ того оно находится еще и въ формѣ јест, которая съ этимъ *е* и въ другихъ діалектахъ сохранилась до сихъ поръ. Не легко сказать, что̀ послужило образцомъ для образованія формы је̏сте, но внѣ всякаго сомнѣнія, что это именно подвижное *е*, получившееся въ словахъ јо̏шт—јо̏ште или под., а никакимъ образомъ не *е* изъ 3-го л. наст. врем. глаголовъ какъ плéте̄, какъ думаетъ Маретичъ (ср. его Grammat. § 70 c.).

конечное *е* въ серб. яз. съ половины XIV в.; но форма ј ѐ р позже могла по аналогіи случаевъ съ подвижнымъ *а* получить его въ концѣ, ср. соврем. ј ѐ р а, ј ѐ р. То же самое относится и къ д е̏ р е — д е̏ р — д е̏ р а (въ народн. пѣсняхъ). Точно такъ-же къ д о̏ к образовано д о̏ к а, встрѣчаемое въ народныхъ пѣсняхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не имѣемъ еще настоящей подвижной гласной, а только гласную, образовавшуюся подъ вліяніемъ аналогіи: такъ, напр., соотвѣтственно п р о т и в ь — п р о т и в у образовалось къ н а п р ѣ д — н а п р ѣ д ѹ (Пуц. I 178), или къ какому нибудь другому нарѣчію съ *е* въ концѣ образовалось у̏ з н а т р а̑ ч е, ср. н а̏ т р а̑ г и у̏ н а т р а̑ ч е въ нар. пѣснѣ, п о р е д и п о р е д е также въ народн. пѣснѣ; но эти единичные случаи не имѣютъ для насъ значенія.

Здѣсь можно было бы еще говорить о приставкѣ частицъ *ка*, *к*, *но*, *на*, *н* къ нарѣчіямъ, союзамъ и мѣстоименіямъ, но такъ какъ и остальнымъ славянскимъ языкамъ извѣстны различныя формы этихъ частицъ (ср. хотя бы Et. W.), то мы здѣсь не будемъ на нихъ останавливаться.

Но этимъ не исчерпывается еще вопросъ о подвижныхъ гласныхъ въ сербскомъ языкѣ. Кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ историческому развитію серб. языка съ XIV—XV в., есть и такія, которыя относятся, большей частью, къ болѣе позднему времени. Къ такимъ принадлежитъ подвижное *и* въ слѣдующихъ случаяхъ: ј е̏ л и — ј е л (Akad. Rječ.), е̏ л и — е л, о̏ л и — о л, и̏ л и — и л, б у̏ д и — б у̏ д, хотя въ нѣкоторыхъ діалектахъ оно исчезало уже въ XV в. (ср. Prim. lekc. Решетара, стр. 154). Послѣднюю же форму, однако, отмѣтилъ Будмани уже у дубровницкаго писателя Шишка Менчетича. Всѣ эти формы появились вслѣдствіе быстраго темпа рѣчи, причемъ у первыхъ примѣровъ *-ли* все еще употребляется, между тѣмъ какъ у послѣдняго этого уже нѣтъ. Это можно объяснить тѣмъ, что, какъ только б у д стало употребляться въ значеніи союза или частицы, то изъ двухъ формъ б у д и б у д и обобщена для этихъ синтактиче-

скихъ функцій одна, болѣе короткая и не укладывавшаяся въ рамки повелительнаго наклоненія, ибо оно не теряетъ въ сербскомъ языкѣ конечной гласной. Сюда слѣдуетъ относить, что касается самаго принципа, и подвижное *е* у частицы *ре*, которое является въ сербскихъ грамотахъ около половины XIV в., стало быть, не многимъ раньше появленія подвижного *е* въ нарѣчіяхъ каде и под. Ср. объ этомъ у меня, «Глас» LXII, стр. 210.

Въ случаяхъ какъ ȍзȃд—оза́ди, сре́ди, сасрȅд, насрȅд имѣемъ, какъ извѣстно, различныя образованія. Подъ вліяніемъ ихъ параллельнаго употребленія, быть можетъ, и къ зȁрȃди, рȃди образовались извѣстныя мнѣ зȁрȃд, рȁд, если только не слѣдуетъ объяснять ихъ какъ ил и т. подобныя.

А. Бѣличъ.

Бѣлградъ.

Евангельскіе листки Миклошича,

среднеболгарское письмо XII в.

Очень маленькая коллекція славянскихъ рукописей владѣнія Миклошича († 7 марта 1891 г.) по смерти его перешла въ собственность Вѣнской Придворной библіотеки. Къ сожалѣнію, эта коллекція до сихъ поръ остается извѣстной только понаслышкѣ, и то очень немногимъ ученымъ. Двумъ-тремъ, какъ мнѣ извѣстно, приходилось даже и сидѣть за однимъ изъ ея важнѣйшихъ нумеровъ („cod. slav. 137“), именно, за болгарскимъ сборникомъ XIII в., попавшимъ къ Миклошичу изъ коллекціи Михановича. Кромѣ этого сборника, драгоцѣннаго и по содержанію, и по древности среднеболгарскаго письма, извѣстно мнѣ изъ коллекціи Миклошича еще девять нумеровъ, занесенныхъ на библіотечныя карты (codd. slav. 141—149). *Самый драгоцѣнный*, конечно, № 146 составляютъ два глаголич. пергаменныхъ листка изъ Маріинскаго Евангелія, вошедшіе въ изданіе Ягича на стр. 12—16 [1].

---

[1]) *Давно бы пора* Московскому Публичному и Румянцовскому Музею, въ отдѣлѣ котораго (рукописи Григоровича) находится Маріинское Евангеліе, *озаботиться* пополненіемъ этого кодекса вѣнскими листками. Давно пора войти въ соглашеніе съ Вѣнской Придворной библіотекой о промѣнѣ какихъ-нибудь рѣдкихъ дупликатовъ, желательныхъ Придворной библіотекѣ, на недостающіе въ кодексѣ листки. Такой промѣнъ не представлялъ бы затрудненія тѣмъ болѣе, что между Музеемъ и Придворной библіотекой могъ бы быть прекраснымъ посредникомъ нашъ русскій академикъ Игн. Викент. Ягичъ, который, въ виду научной полезности такого промѣна и для Вѣны, и для Москвы, конечно, не откажется отъ содѣйствія.

Въ февралѣ 1894 г., благодаря только счастливому случаю, довелось мнѣ узнать третью драгоцѣнность Миклошича, именно евангельскіе листки среднеболг. письма, на мой взглядъ, XII в. Самъ Миклошичъ относилъ фрагментъ этотъ къ XIII в. и въ „Compendia" своего Словаря, подъ аббревіатурой „ev.-frag.", именовалъ его „Evangelium, cod. membr. saec., uti videtur, XIII. foll. 4 in fol. bulg. Noster."; цитовалъ же свои листки для двухъ формъ, именно, для формы **аса** въ статьѣ „**ꙗти**" и ф. **драслъ** („ev.-saec. XIII") въ статьѣ „**драселъ**".

Конечно, я отнюдь не склоненъ смѣло судить по четырехлистному фрагменту о вѣкѣ памятника, который имъ представляется, но въ то же время я далекъ и отъ того, чтобы безъ фактическихъ основаній умалять то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня фрагментъ своимъ видомъ. Въ данное время я довольствуюсь своими замѣтками, вывѣреннымъ текстомъ и своими кальками съ миніатюры, заставки и всѣхъ инициаловъ; но буду озабоченъ при первой возможности дополнить эту свою статью фотографіями съ акварелью со всѣхъ 4-хъ листовъ фрагмента, представивъ это дополненіе въ распоряженіе Академіи Наукъ, куда переноситъ теперь свою дѣятельность дорогой намъ учитель.

Отдавшись сильному впечатлѣнію, произведенному на меня классически красивымъ унціаломъ фрагмента, я былъ прежде всего склоненъ вѣрить въ наибольшую древность представшаго моимъ глазамъ фрагмента: такое впечатлѣніе отъ красоты письма испытывалъ я при видѣ рукописей XI в. (кромѣ Арханг. Ев. и новоіерусалимскихъ Пандектъ Антіоха). Эта древняя красота письма на фрагментѣ отнюдь не обусловлена роскошью; напротивъ, удручена она скромностію исполненія, выразившейся и въ грубой выдѣлкѣ самаго пергамена, и въ отсутствіи золота, замѣненнаго охрой въ миніатюрѣ и орнаментѣ. За древность же говоритъ и своеобразность въ аббревіатурѣ словъ: **гг҃лше** (64), **гг҃ла** (81), **гг҃лаща** (56), **гг҃лаще** (69); **г҃лать** (44), **г҃ла** (79. 94), **г҃лаще** (43); **гг҃ла** (75. 100), **гг҃ла-**

шж (49), глѥт са (80), глаꙗ (77); гл (87); и все это при обычныхъ по аббревіатурѣ глаше (131. 131), гл (97); далѣе, нсь (78. 90. 94. 135), ісь (111. 114), їсь (127. 136), нса (75. 98), нсвн (89), нсъ (33. 77) и даже нсь (23); ѣсе (105) при обычномъ нбо (105) и нбсн (106); не обычно написаніе (не въ заглавіяхъ, а въ текстѣ) числительныхъ ·г·тнн (40) вм. третнн и ·з·десатъ (19) и ѵстырмн десатн н ·з·а (т. е. шестнж 129). Такая чисто индивидуальная, случайности подчиненная манера сокращать слова была бы неумѣстна позднѣе, когда письмо сковано было шаблономъ строгой школы, которая могла мириться съ виртуозностью ребусной аббревіатуры (въ родѣ ·ʒ· = ʒемлꙗ), но не съ случайностью произвола.

Весь фрагментъ состоитъ изъ двухъ пластовъ пергамена, сложенныхъ пополамъ въ четыре рукописныхъ листа, мѣрою 0,256×0,19 метра. То была тетрадка-кватерніонъ, 2-й, 3-й, 6-й и 7-й листы котораго утрачены, а листы 1-й, 4-й, 5-й и 8-й дошли до насъ. Первая страница (л. 1[a]) фрагмента занята миніатюрой „Ев. Іоаннъ за письмомъ“. Съ оборота этой страницы начинается подъ заставкой евангельскій текстъ. Пергаменъ разлинованъ въ 25 строкъ, а л. 1[b], по случаю заставки, въ 21 строку. Такъ какъ оборотныя страницы тоже разлинованы, и ихъ линейки приходятся между линейками лицевой стороны листа, то борозды страницы служили писцу для основаній буквъ, а слѣдъ линовки оборота служилъ уравненію высоты буквъ, именно въ 5 миллиметровъ. Ширина полей: внѣшнихъ отъ 14 до 23 mm., внутреннихъ отъ 22 до 38 mm., верхнихъ отъ 9 до 17 mm. и нижнихъ отъ 34 до 41 mm. Ни древней пагинаціи, ни счета тетрадокъ нѣтъ.

Миніатюра представляетъ евангелиста сидящимъ на скамьѣ за пультомъ, высящемся на высокомъ стержнѣ, придѣланномъ къ задней стѣнкѣ кубовиднаго стола, который одинакой высоты со скамьей, на которой сидитъ евангелистъ. На столѣ чернильница и пузырекъ съ краской. На пюпитрѣ раскрытая книга со словами искони бѣ

сло|ко || н (с)ло|ко кѣ к|гь. Въ правой рукѣ евангелиста трость, въ лѣвой хартія со словами ·:· искон|н кѣ с|локо н с|локо к(ѣ), очевидно, списанными съ книги. Фигура апостола на бѣломъ фонѣ; ликъ окруженъ желтымъ съ красной коймой ореоломъ, по сторонамъ котораго киноварная надпись столбцомъ—слѣва агн|ω|с и справа іω|ѳ|ё|лъ|го|с (буквы агн лигатура). Сѣнь образуютъ наружныя домовыя стѣны, съ черными амбразурами оконъ причудливой формы, перекладина на этихъ стѣнахъ, съ маленькими такими же амбразурами, и кровля, въ видѣ прямоугольнаго трехугольника. Фонъ надъ кровлей заполненъ фасадами двухъ домовъ и массой кровельной черепицы, что въ общемъ даетъ впечатлѣніе какъ бы города въ перспективѣ. Въ виду предстоящаго фотографированія съ красками, я не вдаюсь теперь въ подробное описаніе вида, красокъ и орнамента. Преобладающая краска зеленая, переходящая въ синь; въ раскраскѣ подробностей служили краски желтая, красная и коричневая съ переходомъ въ свѣтлокаштановый цвѣтъ. Заставка на л. 1[b] представляетъ плетенку изъ палевой тесьмы; въ промежутки плетенки всажены 4-хъ и 5-тилопастныя розетки палеваго же цвѣта на голубомъ или красномъ фонѣ мепрожутковъ. Ширина заставки 35 mm., длина 17 сантим. (со стрѣлками). Рисованныхъ инициаловъ три (л. 1[b], л. 4[a] и л. 3[a]); всѣ въ три краски — голубая, палевая и красная. Вышина перваго инициала 5 cm., ширина 3 cm.; размѣры второго 5×1 cm., третьяго 45×15 mm.

Листъ 4-й внизу оборванъ такъ, что послѣднія его строки не читаются, какъ видно то изъ прилагаемаго текста (строки 117—121 и 138—142). Въ остальномъ текстъ прекрасно сохранился.

На письмѣ надстрочныхъ знаковъ у писца нѣтъ, кромѣ одного постояннаго надъ омегой, въ видѣ крошечнаго акута. Рѣдкостное у писца придыханіе (`) попало, очевидно, изъ оригинала; напр.: ѝώлна (1) при ѝώлнь (12). Паерокъ имѣетъ тотъ же видъ (`), что довольно своеобразно. Титло имѣетъ древнѣйшій видъ (¨) или видъ

дужки надъ вынесенной подъ титло буквой (͡), видъ, свойственный рукописямъ XI в., но обыкновенно только въ надписаніяхъ. Головка у большого юса иногда такъ сплющевается, что требуется всматриваться, чтобы рѣшить, какой юсъ, большой (ѫ) или малый (ѧ). „Зѣло“ имѣетъ только числовое значеніе и обращено влѣво (ꙅ). Второго начертанія „зѣло“ (ꙁ, напр. Паремейникъ Григоровича, болгарск. сборн. XIII вѣка изъ коллекціи Миклошича) фрагментъ не имѣетъ. Знакомъ препинанія служитъ только точка въ серединѣ строки, но она сбивается у писца въ положеніи и упадаетъ на линейку. Киноварь употребительна въ надписаніяхъ и маленькихъ иниціалахъ (не рисованныхъ). *По отношенію къ глухимъ*, писецъ усвоилъ себѣ исключительное написаніе ь и въ зависимости отъ этого ы. Изрѣдка встрѣчается написаніе ъ и разъ ъı, въ чемъ надо видѣть вліяніе оригинала. Эти случаи перечисляю: самѣмъ (1—2), къ (5. 27), тѣмъ (7), томъ (8), въ (10. 114), съвтит сѧ (10), десѧтъ (19), емаоусъ (20), сѫтъ (26), всѣхъ (52), въӡрѣв (89), петръ (92), филипъ 96, естъ (123), жалостъ (124), въӡдвигнеши (131), бышѫ (7). Вовсе опускаются глухіе: въ концѣ словъ иѡаном(ь) 2. купрьстѣм(ь) 3. живот 9. ѵлкм(ъ) 9. съвтит(ь) сѧ 10. приклюүших(ъ) сѧ 21. ѿвѣщав(ъ) же 28. прѣд(ъ) 35. надѣꙗхом(ъ) сѧ 38. с(ъ) 56. 58. в(ъ) 64. 98. 110. 135. въӡрѣв(ъ) же 89. сказает(ь) сѧ 92. близ(ъ или ь) 113. ѡн(ъ) же 131; въ приставкахъ с(ъ)вѣдѣтельстко 12. с(ъ)вѣдѣтелствоуеть 13. с(ъ)вѣдѣтельствоуемь 101. с(ъ)вѣдѣтельства 101. в(ь)нити 51. в(ь)ниде 58. с(ъ)тѧӡаета сѧ 27. с(ъ)тѧӡаѧщема сѧ 23. с(ъ)каӡаемое 88. с(ъ)каӡает сѧ 92; въ корнѣ ничь(ь)тоже 8. пос(ъ)лань 11. в(ь)сѣми 40. в(ь)сѣхь 49. 53. в(ь)сѣхъ 52. в(ь)сѧ 118. в(ь)сѣкого 15. в(ь)сѣкь 108. к(ъ)нигахь 53. к(ъ)ниги 65. к(ъ)нигамь 134. д(ъ)ва 75. где изъ к(ъ)де 81. 83. оуӡ(ь)рѣ 75. въӡ(ь)рѣв 89. м(ь)нѣ 94. ник(ъ)тоже 102. 104. тьк(ъ)мо 105. м(ъ)ногы 113. м(ъ)н(гы) 139. сьӡ(ь)дана 129; въ суффиксахъ свѣдѣтел(ь)ствоуеть 13. ѡв(ь)цѧ 116. истин(ь)ныи 14. нераӡоум(ь)на 48. моуд(ь)на 48. вѣч(ь)наго 110. пѣ-

иаж(ь)ник[ы] 116. коуп(ь)наго 122. бык(ъ)шомоу 17. быв(ъ)-шихъ 31. бык(ъ)ше 42. ѡбрѣт(ъ)ше 43. видѣв(ъ)шѫ 44. съкоуп(ь)шѫ сѧ 67. слыш[а]в(ъ)шоу 85. шед(ъ)шоу 86. дьн(ь)ми 128. 130. четыр(ь)ми 129. Проясняется глухой ь: де|нь 18. день 58. сущ. весь 19. 54. пришелець 30. сиtlень 34. се 40 (если это не interj. ἴδε). дне 40. агн[е]ць 75. шедшоу 86. сьшедь 105. Число всѣхъ случаевъ съ ь на фрагментѣ 191; число случаевъ съ ы — 39. *По отношенію къ юсамъ*, отмѣчу прежде всего два начертанія для малаго юса, именно, ѧ и ѧ. Трехугольная форма встрѣчается только два раза, и оба случая въ концѣ строки. Обусловлено ли такое написаніе концомъ строки, и составляетъ ли оно, вообще, черту нашего писца, или оба случая попали изъ оригинала, нельзя рѣшать на коротенькомъ фрагментѣ. Что до болгарскаго смѣшенія юсовъ, то я перечислю всѣ случаи этого смѣшенія. Спряженіе. Въ *3 л. мн. ч. наст. вр.* гл҇ѧть (44) *при правильномъ* сѫтъ (26). Въ *3 л. мн. ч. аориста:* бышѫ 7. бышѫ 41. прѣдашѫ 36. распѧшѫ 38. оужасишѫ 42. рѣшѫ 46. 125. 128. видѣшѫ 47. гл҇ашѫ 49. приближишѫ сѧ 54. ѡвѣщашѫ 124. помышлѣшѫ 122. 133; *при правильномъ* ѩсѧ 134. Въ *причастн. суфф.* -ѫщ-: бесѣдоуѫщема 22. стѧзаѫщема сѧ 23. гл҇ѫще 43. гл҇ѫще 69. гл҇ѫща 56. гл҇ѫща 77. продаѫщѧ 115; *при правильныхъ:* грѧдѫщаго 16. грѧдѫща 28. идѫщема 18. идѫща 79. Склоненіе: *вин. ед. ж.* скоѫ 51. сиѫ 127. ѫ 128. 131. июдейскѫ 137. землѫ 137. месиѫ 88. галилеѫ 93. змиѫ 106; *при правильныхъ* славѫ 51. истинѫ 69. вѣрѫ 134; *тв. п.* ·ѕ·ѫ (=шестиѫ) 129; *им. мн. ж.* видѣвшѫ; *вин. мн. не ср. р.:* съкоупшѧ сѧ 67. продаѫщѧ 115. сѣдѫщѧ 117; *при правильныхъ* сиѧ 32. ѡвцѧ 116. вьсѧ 118. Перечисляю случаи, гдѣ вовсе не бываетъ смѣшенія юсовъ: 1) Въ *корнѣ словъ:* стѧзаѫщема сѧ 23. стѧзаета сѧ 27. грѧдѫща 28. грѧдѫщаго 15. грѧди 94. драсли 28. мѫжь 34. кн[ѧ]зи 36. ѡсѫжденне 37. распѧшѫ 38. жаждашѧ 56. ѡбрѧзи 56. ѡбѧть 11. ѩсѧ 134. десѧти 129. десѧте 68. десѧть 19. имѧ 12. имѧ 20. 29. помышлѣшѫ 122. 133. пѫти 65. 71. голѫби 116. пѧ-

нажинкⁿ 116. 2) Въ *глаг. суфф.* -**нж**-: **поманжшж** 122. 133. **въʒвигнж** 128. 3) Въ *причастн. суфф.* -**а** и -**ашт**-: **хота** 39. **гора** 64. **крта** 138. **днва са** 17. **вероуан** 108. **ѿстоаште** 19. **ʒраштн** 25. **ходашта** 75. **седаштж** 117. 4) Въ *1 л. наст. вр.* **рекж** 103. 5) Въ *3 л. мн. imperf.* **бехж** 53. 69. (**крьшта**)**ахж** 140. 6) Въ *3 л. мн. простого аориста* **принджж** 43. **наж** 45. **ѡбретж** 46. 7) Наконецъ не бываетъ смѣшенія въ *вин. п.* мѣстоименій личнаго **ма** 124 и возвратн. **са** 1. 3. 4. 10. 17. 22. 23. 24. 27. 54. 55. 57. 67. 70. 72. 78. 80. 91. 92. 108. и **са** 61. Этимъ перечнемъ, если не ошибаюсь, я перечислилъ всѣ до одного случая употребленія юсовъ на фрагментѣ. Фактъ колебанія въ явленіи смѣшенія юсовъ въ концѣ словъ и фактъ нераспространенія этого явленія далеко отъ конца слова, нпр., на юсы въ корнѣ, происходятъ, съ одной стороны, отъ вліянія оригинала, съ другой — отъ начитанности писца, воспитавшей въ немъ ту пассивность, съ какой онъ подчинялся вліянію оригинала. Короче, это явленіе вводитъ насъ въ обстановку большой древности; и нашъ фрагментъ, если только онъ вѣрный представитель всего утраченнаго памятника, долженъ быть очень древнимъ. Въ рукописи, нпр., 1345 г. (Манассіина лѣтопись, Синод. библіотеки № 38, въ отрывкѣ, изданномъ Лавровымъ) на трехъ листахъ (39^b—42^a) находимъ семь случаевъ смѣшенія юсовъ въ корнѣ (**обьахаждшта**, **блгоаханнн**, **адолїа**, **ʒажцн**, **сладкоахаанно**, **блгоаханыихъ**, **адолїа**); тогда какъ въ Парем. Григоровича, рукописи XII в., случай смѣшенія въ корнѣ встрѣчается впервые на л. 15^a, 16 **мажне** (при **мжжа** на 19 строкѣ), и повторяется это явленіе только въ словахъ **агли** 26^b, 16, и **аглъ** 28^a, 15 на всемъ протяженіи 29 листовъ, изданныхъ Брандтомъ.

Писецъ не выражаетъ іота графически при знакахъ **е**, **ж** и **а** (92 общихъ случая). При **а** іотъ выраженъ: **троюне** 4. **юже** 33. 49. 53. 71. **надеюхом са** 38. **юко** 38. 57. 59. 65. 69. 72. 84. 117. 123. 126. 133. **ювлениe** 44. **юкоже** 46. 106. **юви са** 70. **стоюше** 74. **ʒемьнаю** 102 (при случаѣ **нкнаа** 104). **ювлаеши** 126. Знакъ **ѣ** замѣняетъ **ю**

въ формахъ имперфекта и въ словахъ: **троꙗнѣ** 4. **цр҃ѣ** 4. **иꙁлѣ** 39. **наѳананлѣ** 97. **всѣкого** 15. **всѣкь** 108. **наꙁарѣнйѣ** 33. При оу пишетъ іотъ въ словахъ **нюденска** 114. **нюдене** 125. **нюден** 128. **нюденскѫѧ** 137.

Случаевъ l epenthetici четыре: **ꙗвление** 44. **приемлѥть** 102. **ꙗвлѣеши** 126. **ꙁемлѧ** 137. Безъ него: **прѣлом҄** 60. **съвькоупишѧ сѧ** 67. **прѣломени** 72. **коупилаго** 122.

Обращаюсь къ особенностямъ въ текстѣ нашего фрагмента, слѣдуя порядку его строкъ.

3—4 **къ д҃ни троꙗнѣ цр҃ѣ** ὑπὸ τραϊανοῦ τοῦ βασιλέως или, какъ ожидался бы ближайшій текстъ, ἐν ταῖς ἡμέραις τρ. τοῦ β. Смягченное **и** въ **троꙗнѣ** явилось подъ вліяніемъ мягкости въ **цр҃ѣ**. Вѣроятно, была склонность къ такому смягченію окончаній въ именахъ собственныхъ, заимствованныхъ съ греческаго. Сравните существительныя со смягченными окончаніями въ Супр. рукописи: ***і҆ѡаннь** (ἰωάννης) и ***ѥракль** (ἡρακλῆς), отъ которыхъ Супр. рукопись имѣетъ мѣст. п. сущ. **і҆ѡанни** (293, 9 моего изд.), род. мн. прилаг. **і҆ѡанѥвъ** (283, 19), род. п. сущ. **ѥраклꙗ** (115, 7). Также въ Манассіиной лѣтописи, срднеболгар. рукописи 1345 г. Синод. библіотеки № 38 (изд. отрывокъ у Лаврова): **ѿ и҆ѳакѣ**, т. е. ἀπὸ ἰθάκης τῆς νήσου, при им. **и҆ѳа́кь**; или им. **саламь** (σαλαμίς), но при род. **саламина** (σαλαμῖνος) все на л. 55[a]; или вин. **спа́рть** (σπάρτην) л. 54[b]. Примѣры мягкости въ оконч. объясняются здѣсь вліяніемъ мягкости греч. произношенія, но при незнаніи греч. яз. эта смягченность окончаній могла распространяться и на такія имена, гдѣ бы мягкость и не ожидалась. Ср. еще у Дювернуа, въ Словарѣ, род. пад. *Димитря* въ ст. „*Димитръ*“ при старо-слав. фф. **дьмитра** Савв. и

димитроу Ост. (26 октяб.), григора Савв. и григороу Остр. (17 нояб.), григора Савв. и Остр. (10 янв.).

6—7 и си бѣ испрьва ѿ бл̄ (Іо. 1, 2) οὗτος (т. е. ὁ λόγος) ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν θν̄. Въ старосл.: се (т. е. слово) бѣ искони оу (вар. отъ Згр.) бл̄ Остр. Згр. Асс. Среднеболг. листки Еванг. XIII в. (Срезневскій. Сборн. Ак. Наукъ III, 197) даютъ: и҆ се бѣ искони ѿ бг̄а. Супр. рукопись даетъ большую цитату изъ этого мѣста; для сужденія о степени ея литургической строгости привожу ее вполнѣ: въ начало бѣ слово· и҆ слово бѣ о҆тъ бг̄а· и҆ бъ̄ бѣ слово· „сиї“ бѣ въ начало о҆тъ бг̄а· вьса тѣмъ быша· и҆ бес того не бъıстъ ни ѥ҆дино ѥ҆же бъı҃· (10, 14—17 моего изд.). Это сиї согласовано или грамматически со словомъ бъ̄, или логически съ понятіемъ божеской ѵпостаси въ словѣ „слово“ [1]). Такое же согласованіе можно видѣть и въ нашемъ случаѣ си, гдѣ и получилось бы стяженіемъ изъ ии (Лавровъ „Обзоръ“, стр. 77—78). Сравните такой же случай въ Супр. рукописи: и҆ оумъ [·] и҆зведе си(и҆), т. е. умъ καὶ τὴν γνώμην ἐξήγαγε ταύτην (408, 30 моего изд.). Однако, на строкѣ 133 фрагмента встрѣчается ꙗко си гл҃ше ὅτι τοῦτο ἔλεγεν, гдѣ си соотвѣтствуетъ се въ Остр., Асс. и Мар. (въ Згр. опущено мѣстоименіе); и сопоставленіе обоихъ случаевъ говоритъ, что им.-вин. ед. ср. р. для сь звучалъ си.

10 свѣтит сѧ (φαίνει свьтить сѧ Остр. свьтитъ сѧ Згр. свѣтитъ сѧ Асс.; въ среднеболг. листкахъ XIII вѣка у Срезневскаго, стр. 197, сохранена

[1]) Сравните двоякое согласованіе въ Супр. рукописи, въ одной и той же литературной статьѣ: слово (т. е. ὁ θεὸς-λόγος) слова разорилъ (476, 20—21 моего изд.) и немного ниже нъ слово слова разорило (477, 3).

старослав. ф. свѣтит сѧ) болгаризмъ, встрѣчающійся уже въ памятникахъ XII вѣка. Такъ въ Паремейникѣ Григоровича просвѣтѣвъшаго сѧ 15a, 20; процвѣтетъ 15a, 25; ѡцвѣтетъ 15a, 25—26; свѣтатъ сѧ 28b, 4; процвѣтетъ 45a, 1; цвѣтетъ 52b, 8 (въ объемѣ 3 выпусковъ изд. Брандта); прочіе примѣры у Лаврова, въ „Обзорѣ", стр. 42; для Боян. Ев. у Кульбакина, въ Извѣст. Ак. Н. 1899 г., IV, 838, § 4.

12 си (т. е. иѡ҆́ань; ср. въ строкѣ 87 сь οὗτος) приде вь свѣдѣтельство οὗτος ἦλθεν εἰς μαρτυρίαν; въ старослав. текстахъ сь Згр. Асс. (тъ Остр.); среднеболгар. листки Еванг. XIII в. у Срезневскаго даютъ тоже си (си приде вь свѣдѣтельство Сборн. Ак. Н. III, 197). Это си представляетъ стяженіе изъ сии, о которомъ у Лаврова въ Обзорѣ, стр. 77—78 (для Боян. Ев. случаи отмѣчены Кульбакинымъ въ Извѣст. Ак. Наукъ 1899 г. IV, 852, § 4; для Охрид. Ап. за 1901 г. VI, 223, § 7; въ Парем. Григор., напр., въ видѣнї голѫбинѣ 15a, 10; пѫти моихъ 16a, 14; вѫи 18a, 24; ѿ кости моихъ, ѿ плъти моихъ 25b, 1; въ ꙁѣми 25b, 10; въ весели 35a, 10; съ веꙁакони 28b, 15). Повторяется такое стяженіе на нашемъ фрагментѣ въ словѣ стади (стади ·ѕ҃· десѧтъ 19 σταδίους ἑξήκοντα).

17 вьишомоу болгаризмъ (у Лаврова въ Обзорѣ стр. 54); см. Кульбакина „Матеріалы для характеристики среднеболгар. яз.", въ Извѣст. Ак. Наукъ 1900 г. V, 915, § 3, гдѣ мнѣніе Ф. Ѳ. Фортунатова о происхожденіи этой формы. Парем. Григор.: ї҆скрⷺномоу 17a, 10; трѣкоулюмꙋ 26b, 9; ꙋулюмꙋ 30a, 17.

18 бѣсте идѫща[ма] ἦσαν πορευόμενοι (бѣсте Згр. Асс. Мар. и бѣста Остр. идѫшта Остр. Згр. Асс. Мар.) ошибка писца. Не хотѣлъ ли писецъ формы идѫщема (тв. дв. муж.) и добавилъ ма къ спи-

санной съ оригинала фор. нджѫа [1])? Краткость фрагмента не даетъ судить, былъ ли у писца глаголъ бытн съ твор. предиката.

19 вь весь ѿстоѧщє (отъстоѩщѫѩ Остр. Згр. Асс., ..штѫ Мар.) стадн ·ѯ· десатъ ѿ єрⷭ҇лма εἰς κώμην ἀπέχουσαν σταδίους ἑξήκοντα ἀπὸ ἱερουσαλήμ, гдѣ ..щє = ..щѧ = ..щѫ (Лаврова Обзоръ стр. 29). Къ рукописямъ среднеболгар., замѣняющимъ ѧ черезъ є, принадлежитъ и недѣльное Евангеліе XIII вѣка Загреб. Югослав. Академіи (изъ Михановичевыхъ № „III b 24" на 182-хъ лл. 0,253 × 0,185^{m}): въ ней, нпр., нє дівнтє сє сємоу 1^{c}, 3—4; крѣмє 7^{d}, 12; крѣмє 7^{d}, 13 [2]).

20—21 бєсѣдоувaста (..до.. Остр. бєсѣдоваашєтє Згр. Мар. ..доваaста Асс.), объ этомъ болгаризмѣ у Лаврова въ Обзорѣ стр. 50, у Кульбакина въ Извѣстіяхъ Ак. Н. 1900 г. V, 912. § 5 и 914. § 8.

24—26 ѡ҆чн жє єю ꙁрѧщн бѣстє· н нє поꙁнастє єго особенность въ переводѣ οἱ δὲ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκρατοῦντο, τοῦ μὴ ἐπιγνῶναι αὐτόν. Въ старослав. текстахъ другой переводъ: очн жє ѥю дьржaстє (дръжaашєтє Згр. Мар.) сѧ· да ѥго нє поꙁнaѥта (..aашєтє Згр. ..aатє Мар.) Остр. Згр. Мар. Асс. Среднеболг. памятникъ XII в., Добром. Ев., имѣетъ чтеніе одинаковое со старослав. текстами; сужу объ этомъ по тому, что Ягичъ не отмѣтилъ этой разности (Sitzungsberichte Bd. 140. Wien 1898). Никольское Ев. тоже примыкаетъ къ общему переводу. Архангель-

[1]) На описку ѧ вм. є подъ вліяніемъ другого ѧ (ѧщѧ) указываетъ Кульбакинъ въ Боян. Ев. (Извѣстія 1899 г. IV, 853. § 8.), но сравните указаніе Лаврова въ Обзорѣ, стр. 62, „Вмѣсто є—ѧ".

[2]) Пользовался самой рукописью, выписанной академикомъ Ягичемъ въ Вѣну.

ское не имѣетъ этого еванг. чтенія. Супр. рукопись въ своей выдержкѣ сходится съ прочими старослав. текстами: оун же ѥю дрьжимѣ бѣста не познати ѥго (но на 22-й строкѣ даетъ уже литургическое да не познаѥта ѥго) 474, 21 (моего изд.). Такимъ образомъ нашъ фрагментъ стоитъ особнякомъ. Сравните переводъ другого мѣста въ Евангеліи (Лук. IV, 20): оуи бѣаста (бѣста съ припискою а Савв.; бѣашете Асс. Мар.) зьрѧщи на нь Остр. Савв. Асс. Мар. (Згр. не имѣетъ); въ Арханг. Ев. тоже ѡуи баста зрѧщи на нь (л. 123b, 12—13); оуи быста зрешти на нь Никол.; Ягичъ приводитъ изъ Добром. оуи бѣста зрѧща 43a, 8 (Sitzungsberichte Bd. 138. S. 68. Wien 1898). Въ греч. читается οἱ ὀφθαλμοὶ ἦσαν ἀτενίζοντες αὐτῷ.

28 градѫща срав. въ переводѣ съ идѫща Остр. Згр. Асс. Мар. Сравните форму драсла на фрагментѣ и драхла Остр. Мар. и драсела Згр. Асс.

37 на ѡсѫждение сьмр̑тни εἰς κρίμα θανάτου. Удвоеніе гласныхъ не чуждо было и старослав. писцамъ: сравните въ Супр. рукописи вѣштаанаа|го 488, 6—7 (моего изд.) и бьста̑ (=..аа) 488, 15. Въ среднеболг. на удвоеніе гласныхъ указалъ Кульбакинъ нѣкоторые случаи (см. Извѣстія Ак. Н. 1899. IV, 852. § 6 и 1901. VI, 223. § 8). Сравните въ Парем. Григор. въскѫаа 16a, 10; ѥего 27b, 28; ѿ своїихъ 30a, 21; въ Еванг. Михановича Загреб. Акад. („III b 24“ XIII в.) удвоеніе въ союзѣ ии 2a, 22.

39 нѫ ἀλλά повторяется на строкѣ 109 и господствуетъ вообще въ среднеболг. рукописяхъ, начиная съ самыхъ древнихъ. Даже не чуждо такое нѫ и сербскому: сравните случай ноу, которое, конечно, изъ нѫ, въ серб. грам. конца XII в. Кульбакинъ упоминаетъ о случаяхъ нѫ въ Изв. 1900. V, 906. Въ Парем. Григор. см.

2^b, 16. 3^a, 6. 15^a, 5. 21^a, 3 и 22. 28^b, 14. 30^b, 19. 33^a, 18. 36^b, 25. 37^a, 3, 15 и 28 и т. д. Въ Добром. Еванг., въ извлеченіяхъ Ягича, я могъ найти только два случая нь, именно въ стихѣ Io. 7, 49 (у Ягича Sitzungsb. Bd. 138. S. 77, 14) на пергаменѣ 146^a, 16 и еще на л. 75^b, 13 (см. снимокъ). Загребское Еванг. XIII в. имѣетъ нь 1^a, 14. 1^b, 1. 2^b, 3. 3^a, 4 и 25. 3^b, 3 и нж 1^c, 16 и 20. 1^d, 4 и 19. Въ Охридск. Апостолѣ въ изд. Срезневскаго (Сборн. Ак. Н. III. 269—300) нашлись только случаи нъ (стр. 269, 2 сн.; 275, 22; 277, 2 сн.; 281, 15; 282, 25; 283, 27; 289, 18 и 20; 290, 1; 291, 1 сн.; 294, 4 сн.; 296, 3; 297, 7). Слѣпч. Апостолъ (у Срезн. же, стр. 301—330) имѣетъ преимущественно нж (стран. 302, 16; 304, 8; 311, 1 и 3; 312, 17; 313, 20; 319, 17; 320, 18 и 23; 321, 12; 322, 2 и 5 и 13; 329, 10; 330, 8), разъ нъ (327, 2) и разъ но (311, 6).

40 ·г҃· тни се дн҃ь имать дн҃е (такъ и старослав. тексты) τρίτην ταύτην (вар. Io. Millii. Oxonii. 1707. добавл. ἤδη) ἡμέραν ἄγει σήμερον. Что варіантъ Милля ἤδε былъ извѣстенъ и славян. переводу, свидѣтельствуетъ Добром. Ев., имѣющее оуже имать (Ягичъ Sitzungsber. Bd. 140. S. 59); если такъ, то нарѣчіе ἤδε при итакизмѣ могло быть прочтено междометіемъ ἴδε, откуда наше се. Съ другой стороны, греч. τρίτην ταύτην ἡμέραν требуетъ чтенія се = сь въ вин. п. Сравните совершенно такой случай въ Супр. рукописи: четврьтъи се (=сь) дьн҃ имамъ бесѣдоуѧ съ ᵇᵃми 406, 28 моего изд.) τετάρτην ἡμέραν ταύτην κ. τ. λ. Что до манеры сокращенія „·г҃·тни“, рѣдкой для текста (не для надписанія), то сравните въ Григор. Парем.: и рече оудвоите и оудвоишѧ ·:· и рече оу·:·г҃·:·ите и оу·:·г҃·:·ишѧ 13^b, 9—10 (καὶ εἶπε· δευτερώσατε. καὶ ἐδευτέ-

ρωσαν. καὶ εἶπε· τρισσώσατε. καὶ ἐτρίσσευσαν 3 Цар. 18, 34).

41—44 и жены етеры ѿ на҃ оужасниш҄ ны· бывше рано оу гроба· не ѡбрѣтше тѣлесе его· приидѫ г҃лащїе. Здѣсь бывше (..ша Остр. Асс. Мар. и ..шаѩ Згр.; γενόμεναι, т. е. γυναῖκες), ѡбрѣтше (..ша Згр. Асс. Мар.; εὑροῦσαι, т. е. γυναῖκες) и г҃лащїе (..щѧ Остр. Згр. Асс. Мар.; λέγουσαι, т. е. γυναῖκες) не болгарское смѣшенiе юсовъ, а причастiя въ значенiи gerundium, явленiе очень распространенное въ старослав. яз. Супр. рукописи (Лескинъ. Грамм. § 70. 8) и не чуждое Остр. Ев., имѣющему какъ разъ здѣсь то же самое обрѣтъше. Кульбакинъ (Изв. 1899. IV, 859) отмѣчаетъ для Боян. Ев. такой же случай („жены бышедѭ.... ѕращїе вм. ѕращѧ?“), напрасно считая это „опиской или недоразумѣнiемъ писца“.

44 Передъ словомъ ѩвленне въ прочихъ текстахъ союзъ н, соотвѣтствующiй въ греч. καὶ (греч., Остр. Згр. Асс. Мар.), но я не исправляю въ примѣчанiяхъ, такъ какъ въ изд. Милля (Jo. Millii. Oxonii 1707) показанъ варiантъ безъ καί.

62 ништеѕе (нщеѕе Остр. Добром.; ништеѕе Асс. Мар.); шт я не нашелъ въ памятникахъ.

67 ѡбрѣтете (εὗρον) въ старосл. текстахъ: обрѣтоста Остр. обрѣтосте Ассем. и обрѣтеста (sic) Мар. („очевидно, первоначальная форма была обрѣтсте“, замѣтилъ Ягичъ въ изданiи стр. 311).

69 г҃лащїе въ значенiи gerundium: λέγοντας ..шта Асс. Мар.; въ Остр. же руссизмъ ..щѧ (Востоковъ ошибочно опредѣлялъ, какъ им. дв. муж. рода; такой же руссизмъ и въ съкъкоупльша сѧ = ..ша сѧ вин. мн. м.).

75 є (αὐτοῦ). Въ такой формѣ мѣстоименiе встрѣчается въ Парем. Григор.: 19ª, 9 и два раза на 35ª, 27 (при его на той же строкѣ).

оуѕрѣ ἐμβλέψας. Такъ и всѣ старосл. тексты, но

судя по тому, что нашъ фрагментъ и Мар. Ев. не имѣютъ союза н при второмъ сказ. гл҃а (н гл҃а Остр. Згр. Асс.), въ обоихъ надо видѣть ошибочное чтеніе вм. оуꙁьрѣвъ, тогда какъ прочіе тексты предполагаютъ греческ. чтеніе *ἐνέβλεψε καί.

78 ѧ соотвѣтствующее ѣ (Згр. Асс. Мар.) и ꙗ (Остр.), т. е. ѡ҆бѧ оученика. О безразличномъ употребленіи є, ѣ и ѧ у Лаврова, въ Обзорѣ, стр. 30. Въ Добром. Ев. XII в. замѣчается замѣна ѧ черезъ ѣ (Ягичъ Sitzungber. Bd. 138. Wien 1898, стр. 24 sq.

83—84 дьнѧ ть (дьнь тъ Остр. Згр.; день тъ Мар.; дене т Асс.) τὴν ἡμέραν ἐκείνην. Ассеманова Ев. дене т ср. съ ве съ дн҃ь ἐν τῇ ἡμέρᾳ ταύτῃ Парем. Григор. 7ᵇ, 4 и 39ᵇ, 5. См. Лаврова Обзоръ стр. 30.

84 .ѳ҃., какъ и Згр. Асс., Мар. и Добром. (Ягичъ Sitzungsber. Bd. 140. S. 100), но въ Остр. десатаꙗ; въ греч. δεκάτη съ вар. у Милля (Oxonii 1707) ἕκτη.

95 ..са.. между буквами незаполненная разура (мѣсто для одной буквы);

99 єже несклон. (нже Остр. Згр. Асс. Мар. передаетъ греч. членъ τόν. Такое несклон. єже, соотвѣтствующее русск. относит. мѣст. „что“, встрѣчается въ Супрасльск. рукописи. Сравните Паремейникъ Григоровича: се ѧꙁыцн єже не вѣдатъ тебе·:· прнꙁовѫтъ тебе людне єже не поꙗтъ тѧ·:· к тебѣ прнбѣжѫтъ 16ᵃ, 19—21 ἔθνη ἃ οὐκ οἴδασίν σε, ἐπικαλέσονταί σε, καὶ λαοὶ οἳ οὐκ ἐπίστανταί σε, ἐπὶ σὲ καταφεύξονται (Иса. 55, 5). У Ягича (Sitzungsber. Bd. 138. S. 77) приведены примѣры для Добром. Ев., между которыми и примѣры для нескл. нже, которое тоже встрѣчается въ Супр. рукописи („nur zweimal steht нже statt des erwarteten єже... häu-

figer begegnet єже statt des erwarteten иже“ Ягичъ). У Кульбакина то же отмѣчено для Григоровичева тетра XIII—XIV в. (Извѣстія Ак. Н. 1900. V, 915. § 2) въ случаяхъ иже вм. єже и для Боян. Ев. XII—XIII в. (Изв. 1899. IV, 858. § 7) въ случаяхъ єже вм. иже и обратно.
99 ѿ назарета и
100 ѿ назареѳ.
102 никтоже не приємлєть нашъ текстъ съ Асс. принадлежитъ къ спискамъ съ чертой златоустовской редакціи, съ „οὐδεὶς λαμβάνει“, тогда какъ Остр. и Мар. имѣютъ οὐ λαμβάνετε, черту не характерную.
106 сьи (ὁ ὤν). Такое ьи = ъи = ыи встрѣчается въ томъ же словѣ въ Добромир. Ев.; именно, сєи 143a, 16 и 146a, 20 вм. сы ὤν (у Ягича, въ Sitzungsber. Bd. 138. Seite 32). Явленіе довольно рѣдкое, но сравните и въ старослав. текстѣ Супр. рукописи случай: тоу їакѡвъ· въ адѣ низъ посъланъ· „съй“ (ъ выступаетъ поверхъ строки; вар. сьи въ спискахъ среднеболг. и серб., изд. Ягичемъ въ Sitzungsber. Bd. 139. Wien. 1898. Seite 36) древьѥ прискрьбьнъ за їѡсифа въспрѣ ἐκεῖ ἰακὼβ ἐν ᾅδῃ κατώδυνος κάτω, ὁ (соотвѣт. нашему съй) πρὶν διὰ ἰωσὴφ κατώδυνος ἄνω. Здѣсь съй (въ среднеболг. и серб. сьи) несомнѣнно=съй (ὁ ὤν). Греч. членъ ὁ въ старослав. переводахъ передавался или относ. мѣстоименіемъ иже, или полнымъ окончаніемъ прилагат., или оснащеніемъ окончанія существительныхъ -й (напр., κριτὴς сѫдии, ὁ κριτὴς сѫдий, что замѣтилъ впервые Востоковъ); но никогда членъ ὁ не передавался мѣстоименіемъ сь (οὗτος). Данный случай Супр. рукописи „съй древьѥ ὁ πρὶν“ сравните по переводу (какъ бы „ὁ ὢν πρὶν сый древьѥ“) съ переводомъ въ той же Супр. рукописи: ѩкы когатъ сы милостьми

394, 4 ὡς πλούσιος ἐν ἐλέει; **не того родоу сѫштѫ** 392, 21 τὴν ἀλλογενήν (вар. τὴν ἀγενῆ); **плътѣ** (ошибочно вм. **плѣнъ**) **сы** 420, 30 γέμων; **живъ сы** 438, 28. 439, 19. 440, 1. 443, 9 ζῶν; **тебе ради господь сы· приѧхъ ѡбразъ твои раба** 468, 30—469, 1 διὰ σὲ ὁ δεσπότης (подраз. ὢν) ἔλαβον τὴν σὴν μορφὴν τοῦ δούλου; **бес плъти сѫшта** 462, 8 σωμάτων ἀπηλλαγμέναις; **сѫштиимъ въ адѣ** 449, 18 τοῖς ἐν ᾅδου; **сый вѣкоупѣ** 471, 2 ὁ ἡνωμένος; **сѫштиимъ въ тьмѣ** 468, 21 τοῖς ἐν τῷ σκότει; **сѫштиими въ тьмѣ** 449, 12 τῶν ἐν σκότει; **сѫште[мъ] кнѧзи** 465, 17 ἄρχοντες; **сѫштиимъ на земи** 448, 28 τοῖς ἐπὶ γῆς; **сы прѣвышьи небесъ** 469, 1 ὁ ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν и т. д.

113 **прѣбы** (ἔμεινεν) сходится съ Остр. и Згр. въ этой чертѣ александрійской редакціи, тогда какъ Асс. и Мар. имѣютъ **прѣбышѧ** (ἔμειναν), и первое добавляетъ **оу него**.

114 **паска**. Съ к это слово и въ Охридск. Апостолѣ (Срезневскій. Сборн. Ак. Н. III. 297, 4). Прочіе примѣры у Лаврова Обзоръ стр. 94.

116 **голѫбы** вм. **..би** (Остр. Згр. Асс. Мар.). Ср. въ примѣрахъ Кульбакина ы вм. и въ Изв. Ак. Н. 1899. IV, 868; 1900. V, 911. § 2; 1901. VI, 222. § 4. Ягичъ отмѣтилъ замѣну ы и и для Добром. Ев. въ Sitzungsberichte Bd. 138. S. 52. Въ Загребскомъ Еванг. XIII в. (изъ Михановичевыхъ): **живыть** 1ᵃ, 10; **николыже** 2ᵃ, 11; **градиі** 2ᶜ, 17.

117 **сътворь** (ποιήσας) сходно съ Згр., тогда какъ **..ри** въ Остр. Мар. Асс.

125 **нюдене**. Сравните у Кульбакина, въ Изв. 1899. IV, 857 и 1901. VI, 227. Въ Загребск. Еванг. (изъ Михановичевыхъ) XIII в. **нюденьѥ** 7ᶜ, 20.

130 **црькві** въ имен. ед.

133 сн (сє Остр. Асс. Мар.) τοῦτο, но τοῦτο никогда не переводилось множ. числомъ (сн), тогда какъ ταῦτα переводилось чаще ед. числомъ (сє), чѣмъ множественнымъ (сн).

л. 1[b]

єѵ҃ліє єже ѿ ıѡ҅ана· написа сѧ самѣ-
* мъ иѡаном· вь ѡ҆бразѣ ѡ҆рель· напи-
* са сѧ вь патмѣ купрьстѣм· вь дни
троıанѣ цр҃ѣ· написа сѧ· ҃т словесь· ·:· ѿ иѡ҃
Искони бѣ слово· и слово бѣ кь б҃у· Іо. 1, 1
и б҃ъ бѣ слово· и си бѣ испрьва ѿ 2
б҃а· и все тѣмъ бышѧ· и безѣ не- 3
го ничтоже не бы҃· вь томъ жі- 4
вот҃ бѣ· и живот҃ бѣ свѣть чл҃км·
и свѣть въ тьмѣ съвтит сѧ· и тьма є- 5
го не ѡ҆бьѧть· Бы҃ чл҃кь послань ѿ б҃а· и 6
іма ємоу иѡ҃ань. си прииде вь свѣдѣ- 7
тельство· да свѣдѣтелствоуеть ѿ

1—4 надписаніе киноварью подъ заставкой, рисованной красками; **4** ..нѣ sic; ни лигатура (правая черта у н слита съ лѣвой чертой у н); ҃т сл.. искаженіе калькуляціи содержанія: въ греч. „ἔχει δὲ ῥήματα πλή“, что путалось уже и въ греч., именно счетъ стиховъ со счетомъ словъ въ Ев. отъ Іо.; **5** слѣдуетъ чтеніе въ 1-й день Пасхи, на литургіи (Іо. 1, 1—17), обрывающееся у насъ на 10-мъ стихѣ; инициалъ рисованъ красками; къ б҃у (πρὸς τὸν θ҃ν) ср. отъ б҃а Остр. Згр. и оу бога Асс.; **6** б҃ъ предикатъ (καὶ θ҃ς ἦν ὁ λόγος); 2-го и нѣтъ въ греч. Остр. Згр. Асс.; си οὗτος, т. е. ὁ λόγος (сє Остр. Згр. Асс.) ср. съ вин. ед. ср. си 133; **7** 1-го и нѣтъ въ греч., Асс. и Згр. (въ цитатѣ Супр. рукописи также нѣтъ 10, 16 моего изд.); въ Остр. хотя и есть и, но порядокъ словъ въ немъ отличенъ отъ всѣхъ; **8** бы҃ опущенъ конецъ стиха ѥже бысть Остр. Згр. Асс. Супр. рукопись (гаплографія) ὃ γέγονεν; **9** чл҃км dat. poss. (τῶν ἀν҃ων); **10** съвт.. болгаризмъ, не чуждый и памятникамъ XII в.; **11** инициалъ киноварью; **12** си οὗτος, т. е. ὁ ἰωάννης (сь Згр. Асс.; тъ Остр.); си стяженіе изъ сии;

свѣтѣ· бѣ свѣть истиныи· иже про- 9
свѣщаеть всѣкого ч҃лка· граджщаго
вь мирь· вь мирѣ бѣ и мирь тѣмь бы҃· 10

л. 2а

иде вь себѣ днва са бывшомоу· и се ·к҃· Лук. 24, 13
ѿ нихь· бѣсте иджщама вь ть жде де-
нь· вь весь ѿстоаще стади ·ѯ҃·десатъ
ѿ ерл҃ма· еиже има емаоусъ· и та бе- 14
сѣдоуваста кь себѣ· ѡ всѣхь приклю-
чших са· и бы҃ бесѣдоуащема има· 15
и стаꙁаащема са има· и самь ис҃сь
приближи са· и идѣше сь нима· ѡ- 16
чи же ею ꙁраци бѣсте· и не поꙁна-
сте его· рече же кь нима· что сжть 17
словеса си· ѡ нихже стаꙁаета са къ
себѣ граджща· и еста драсла· ѿвѣ- 18
щав же единь· емоуже има клеѡпа·
и р҃е емоу ты ли единь пришелець
еси вь ерл҃мѣ· и не чю бывших вь дн҃и

см. предисл.; **14** свѣтѣ здѣсь гаплографія: свѣтѣ· да вьси вѣрж имжть имь· (ст. 8) не бѣ тъ свѣтъ нъ да съвѣдѣтельствоуѥть о свѣтѣ· бѣ и т. д. Остр.; **17** слѣдуетъ безъ начала чтеніе на вторникъ Свѣтлой недѣли; **18** иджща[ма]; **19** ..ще = ..ща = ..щж (отъстоıащжѩ Остр. Згр. Асс., ..штж Мар.); ..ди стяженіе изъ ..дии; **20—21** ..доу.. болгаризмъ; **22** послѣ са Остр., Згр. и Асс. добавляютъ сихъ (τούτων), но и въ Мар. нѣтъ сихъ; има, какъ въ Асс., но въ греч., Остр., Згр. и Мар. нѣтъ има; **24** ..жи са, какъ и въ Згр. и Асс. (кириллицей), но въ греч. ἐγγίσας ..жь са Остр. и Мар. и союзъ и читается въ Згр., а нѣтъ въ греч., Остр., Асс., Мар.; **24—26** ѡчи—его особенность перевода οἱ δὲ ὀφθαλμοὶ αὐτῶν ἐκρατοῦντο, τοῦ μὴ ἐπιγνῶναι αὐτόν; **30** и нѣтъ въ греч., Остр. Згр. Асс. Мар.; емоу πρὸς αὐτόν (къ нѥмоу Остр. Згр. Асс. Мар.); **30—31** и..—..мѣ παροικεῖς ἐν Ἱερουσαλήμ; переводъ таковъ и въ Остр. и Згр., но въ Асс. и Мар. къ съ вин. подъ вліяніемъ глагольнаго управленія въ слав. пришьлъ къ съ вин. или управленія глагола греч. παροικεῖς Ἱερουσαλήμ (есть вар. такой) или даже подъ вліяніемъ привычки къ средне-греч. ἐν, выражающему и мѣсто, и направленіе (Wiener. Gramm. des neutest. Sprachidioms); **31** послѣ в.. опущено, какъ и въ Мар., ἐν αὐτῇ (къ ѩемь Згр. Остр.

снѧ· и рє҃ имъ ѡ҆ кыихъ· ѡ҆на же рєко- 19
ста ємоу· ꙗже ѡ҆ исѣ назарѣнинѣ·
иже бы҃ мѫжь прр҃къ силєнь· дѣломь
и словомь прѣд бм҃ь· и всѣми людь-
ми· како прѣдашѧ и архиерєи и кнѧ- 20
зи наши· на ѡ҆сѫждениє сьмр҃тни·

л. 2ᵇ

и распашѧ и· мы же надѣꙗхом сѧ ꙗко сь 21
єсть· хотѧ избавити изл҃ѣ· нѫ и надь
всѣми сими ·г҃·тии се дн҃ь имать дн҃є·
ѿнелиже си бышѧ· и жены єтеры ѿ на҃ 22
оужасишѧ ны· бывше рано оу гроба·
не ѡ҆брѣтше тѣлесе єго· приидѫ гл҃а- 23
щє· ꙗвлєниє агг҃ль видѣвшѧ· иже гл҃а-
ть и жива· и идѫ єтери ѿ на҃ кь гробоу· 24
и ѡ҆брѣтѫ тако· ꙗкоже и жены рѣшѧ·
самого же не видѣшѧ· и ть рє҃ кь нимь· 25
ѡ҆ неразоумна и моудна срц҃емь вѣр-
вати· ѡ҆ всѣхь ꙗже гл҃ашѧ прр҃ци· нє 26
тако ли подобаше пострадати хоу҃·
и внити вь славѫ своѧ· и начєнь ѿ м- 27

Асс.); ни лигатура (правая черта и слита съ лѣвой чертой н; **32** ѡ҆ к.. ποῖα (кыихъ Остр. Асс.; коихъ Згр.; кыхъ Мар.); **33** ..ннѣ = ..ниинѣ Остр. Згр. Мар. τοῦ ναζαρηνοῦ (въ Асс. назарєи τοῦ ναζωραίου); **36** како ὅπως τε.. καί (и како Остр. Згр. Асс. Мар.); **37** ..тии (θανάτου) оконч. ии обычное удвоеніе въ ср.-болгар.; **40** ·г҃·тии — дн҃є (такъ всюду) τρίτην ταύτην (ἤδη добав. вар. Millius) ἡμέραν ἄγει σήμερον; **41** и ἀλλὰ καί (только Мар. нъ і); **42** ..ше (..шѧ Остр. Асс. Мар.; ..шѧѩ Згр.) прич. въ знач. герундіума (Лескинъ. Грамм. § 70. 8); **43** (и) не καὶ μή (союзъ опущ. въ концѣ строки: читается всюду); ..ше въ знач. герундіума (см. 42); въ Остр. обрѣтъше, а прочіе ..шѧ (Згр. Асс. Мар.); **43—44** гл҃щє въ знач. герундіума (см. 42); **44—45** гл҃ать и жива въ слав. глаголъ съ двойн. вин. (при замѣнѣ accus. praedic. род.), а въ греч. оборотъ infin. cum accus. при λέγουσιν; въ Остр. accus. object. опущенъ; **45** ѿ на҃ τῶν σὺν ἡμῖν; **48** нер.. (ἀνόητος) въ Остр. Згр. и Мар. несъмысльна (Згр. и Мар. съ опредѣл. оконч. ..наа, какъ и Асс. ..нѣ); м.. (βραδεῖς) въ Згр. и Мар. съ юсомъ,

ѥса· и ѿ всѣхъ прркь· исказааше имᵃ·
ѡ всѣхь книгахь· иже бѣхѫ ѡ немь·
и приближишѫ сѧ вь весь· вь иже идѣ- 28
шете· и ть творѣше сѧ далеѵе ити·
и нѫждашеѥ и гглаща· ѡблази с на- 29
ма ꙗко при веѵерѣ есть· и прѣклони-
ль сѧ есть оуже день· и вниде с нима

л. 3ᵃ

ѡблещи· и бы ꙗко ѡблеже сь нима· 30
прием хлѣбь блгослови· и прѣломь
дааше има· ѡнѣма же ѿврьзостѣ сѧ 31
ѡѵи· и познасте и· и ть ишѵезе ѿ
нею· и рѣсте кь себѣ· не срце ли наю 32
гора бѣ в наю· егда гглаше кь нама
на пѫти· и ꙗко сказааше нама кни-
гы· и вьстаста вь ть ѵась· и вьзвратиш- 33
сте сѧ вь ерлмь· и ѡбрѣтете сьвькоу-
пишѧ сѧ единого на десяте· и иже
бѣхѫ сь ними гглаще· ꙗко вь исти- 34
иѫ вьста хь· и ꙗви сѧ симоноу· и та 35
повѣдаста иже има бы на пѫти·
ꙗко позна сѧ има вь прѣломени
хлѣба ·:·ᔕ вь срѣ а не еуле· ѿ иоан ·:·ᔕ
Вь ѡно в· стоꙗше иѡань· и ѿ оуѵнкь Io. 1, 35
е два· и оузрѣ исса ходаща· ггла се агнѥ- 36
ць бжии· и оуслышасте и ѡба оуѵе- 37
ника гглаща· и по иссѣ идете· ѡ- 38

а Остр. мьдьльна; **54** вь иже (въ нижє Остр. Згр. Асс. Мар.); **62** ишѵ.. sic; **66** ы близко подходитъ къ еровому начертанію большимъ срѣзомъ влѣво; вьстаста ἀναστάντες (въставъша Остр. Асс. Мар.); **68—69** иже — ними τοὺς σὺν αὐτοῖς; **69** гглаще въ знач. gerundium: λέγοντας ..шта Асс. Мар.; ти лигатура (т выступаетъ поверхъ строки, и станъ его слитъ съ лѣвой чертой и); **71** иже—пѫти τὰ ἐν τῇ ὁδῷ (ѩже бъша на пѫти Остр. Асс. Мар.). **72** (и) ꙗко καὶ ὡς союзъ забытъ на переносѣ со строки (и ꙗко Остр. Асс. Мар.); **75** е αὐτοῦ (ѥго Остр. Згр. Асс. Мар.); оузрѣ ἐμβλέψας, какъ и въ Мар., судя по от-

брацїь же са нс҃ь· н вндѣвь а по себѣ
нджща· н гл҃а нма· уьсо нщета· ѡна 39

л. 3[b]

же рѣсте емоу· равкн· еже гл҃ет са сказае-
мое оучтлю· где жнвешн· гл҃а нма прн- 40
дѣта н вндита· прнндосте же н вндѣсте·
где жнвѣше· н прѣбысте оу него дьна
ть· годнна бѣ ꙗко ·ѳ҃· бѣ же аньдреа бр[а]- 41
ть снмона петра· едннь ѿ ѡбою· слыш[а]-
вшоу ѿ нѡана· н по немь шедшоу· ѡбрѣ- 42
те сь прѣжде· брата своего снмона· н гл҃а
емоу· ѡбрѣтомь месна· еже есть ска-
заемое хь҃· н прнведе н кь нс҃вн· възрѣ- 43
в же на нь нс҃ь· н ре҃ ты есн снмонь· сн҃ь н-
ѡнннь· ты нарешн са кнфа· еже сказ[а]-
ет са петрь· кь оутрѣн же дн҃ь· Вьсхо- 44
тѣ нзытн вь галнлеа· н ѡбрѣте фнлі-
па· н гл҃а емоу нс҃ь· градн по мнѣ· бѣ 45
же фнлнпь ѿ вндьсандьска града·
аньдреѡва н петрова· ѡбрѣте фнлнпь 46
наѳананлѣ· н гл҃а емоу· егоже пнса
мосн в законѣ н пррцн· ѡбрѣтомь н-
с҃са сн҃а нѡснфова· еже ѿ назарета·
н гл҃а емоу наѳананль· ѿ назареѳ[а] 47

л. 4[a]

свѣдѣтельствоуемь· н свѣдѣтельства н[а]- Іо. 3, 11
шего ннктоже не пріемлеть· аще земь- 12

сутствію союза и при гл҃л, вм. оузрѣвъ; **78** а = ѣ (Згр. Асс. Мар. и Остр.) ср. Лаврова „Обзоръ“ стр. 30; **79** и нѣтъ въ греч., Остр. Згр. Асс. Мар.; **83—84** дьна ть (дьнь тъ Остр. Згр.; день тъ Мар.; денс т Асс.) τὴν ἡμέραν ἐκείνην (Лаврова Обзоръ стр. 30); **84** ·ѳ҃· (такъ и Згр. Асс. Мар. и Добром.; десатаа Остр.) δεκάτη съ вар. ἕκτη; **86** рѣ лигатура; **92** иниціалъ черный; станъ его въ двѣ линіи, а нижній кружокъ съ точкой въ серединѣ; **99** еже ненскл. (иже Остр. Згр. Асс. Мар.; въ греч. членъ τόν); **100** чтеніе обрывается за недостаткомъ листа; **101** слѣдуетъ конецъ чтенія въ четвергъ Свѣт-

наꙗ рѣхь вамь· и не вѣроуете· аще рекꙑ
камь нбⷭ҇наа вѣроуете· и никтоже вьзы- 13
де на нбⷭ҇о· тькмо сьшедь сь нбⷭ҇е· снⷭ҇ь чл҇ⷱ҇ь
сьи на нбⷭ҇си· ꙗко же мосн вьзнесе змиѧ вь 14
поустыни· тако подобаеть вьзнести
сѧ снⷭ҇оу чл҇ⷱ҇ьскомоу· да всѣкь вѣроуꙗи 15
вь нь не погыбнеть· нѫ имать живота
вѣчнааго ·:· в пѧⷦ҇ ⷡ҇ нєⷣ҇ еуⷢ҇ ѿ иоан ·:·
Вь ѡноⷡ҇· вьниде іс҇ь вь каперьнаоумь· са- Іо. 2, 12
мь и мт҇и его· и братиꙗ его· и оуч҇ци е-
го· и тоу не многы дн҇и прѣбыⷭ҇· и бли- 13
з бѣ паска июденска· и вьзыде іс҇ь вь
ерⷭ҇лмь· и ѡбрѣте вь црк҇ви· продаѭщѫ- 14
ѧ волы и ѡвцѧ и голѫбы· и пѣнѧжникꙑ
сѣдащѫ· и сьтворь ꙗ 15
вса изг
и
с
і

л. 4b

домоу ѡ҇ца моего· домоу коупнааго· по- 17
маншѫ же оуч҇ци его· ꙗко писано естъ
жалостъ домоу твоего сьнѣсть мѧ ѿвѣ- 18
щашѫ же июдене· и рѣшѫ емоу· кое зна-
менне ꙗвлѣеши намь· ꙗко си твориши·
ѿвѣща іс҇ь и реⷱ҇ емоу· разорите црк҇вь сиѧ· 19
и трьми дьнми вьздвигнѫ ѧ· рѣшѫ же ию- 20
деи· четырми десати и ·ѕ҃·ѧ лѣть· сьзда-

лой недѣли (Іо. III, 1—15); **103** (какo) аще πῶς ἐάν (Остр. Асс. Мар. съ „како"); **105** сьшедь(н) ὁ καταβάς (..ꙑи Остр.; ..ꙑ Асс. Мар. Савв.); **106** (и) ꙗко καὶ καθώς (съ союзомъ Остр. Асс. Мар. Савв.); **110** надписаніе киноварью; **111** инициалъ рисованъ синей, желтой и красной красками; **116** ..бы sic (..би Остр. Згр. Асс. Мар.); **117** ꙗ(ко) ὡς (φραγέλλιον ἐκ σχοινίων; **118** вса изг(ъна ἐξέβαλεν ἐκ τοῦ ἱεροῦ...); **125** июдене sic; **127** емоу вм. имъ (Остр. Згр. Асс. Мар.) αὐτοῖς;

на бы҇ цр҇квь си· и ты ли трьми дьньми
въздвигнеши ѧ· ѡн же гл҇аше· ѡ цр҇кви 21
тѣла своего· егда же въста ѿ мр҇твыхъ· 22
помѧнѫшѧ оучн҇ци его· ꙗко си гл҇аше·
и вѣрѫ ꙗсѧ книгамь· и словеси его· еже
ре҇ и҇сь·:· в сѫ҇ д҇ нѐ еу҇а ѿ иѡана·:·∽
Къ ѡно҇· вьниде і҇сь и оучн҇ци его· въ и- Io. 3, 22
юдеискѫѩ ꙁемлѩ· и тоу живѣше сь ни-
бѣ же иѡань кр҇тѧ 23
оды мн҇-
ахѫ
и
ѧ

Сергѣй Северъяновъ.

Вѣна. 1902 г.

---

130 цр҇квь въ старосл.: цр҇кы Згр Асс. Мар. и цьркы Остр.; ми (въ концѣ стр.) лигатура (правая черта м слита съ лѣвой чертой и); **133** си (се Остр. Асс. Мар.) τοῦτο; **134** его нѣтъ въ греч. и старосл.; **136** иниціалъ рисованъ красной, желтой и синей красками; **137** ни лигатура съ общимъ станомъ обѣихъ буквъ; **137—138** ни(мн) μετ' αὐτῶν καὶ ἐβάπτιζεν; **139** ἐν Αἰνὼν ἐγγὺς τοῦ Σαλείμ, ὅτι (в)оды мн҇(гы); **140** (крьщѧ)ахѫ (сѧ).

Литовскія этимологіи.

Предметомъ трехъ нижеслѣдующихъ небольшихъ замѣтокъ служатъ нѣкоторые діалектическіе факты: онѣ касаются только литовскаго, или балтійскаго; славянскій въ нихъ затрогивается только косвенно. Наше намѣреніе — иллюстрировать ими часто повторяемое мнѣніе проф. Фортунатова о важности діалектическихъ изслѣдованій для литовской этимологіи.

Съ этой единственной цѣлью являются здѣсь эти замѣтки. Три слова: kłaĩmas, steklyčã и šir̃dis, которыя здѣсь изслѣдуются, взяты изъ восточно-литовскаго нарѣчія и изучаются при свѣтѣ фонетическихъ законовъ, дѣйствующихъ не только въ этой области литовскаго языка, но еще болѣе спеціально — въ мѣстныхъ говорахъ, употребляющихъ эти слова.

I.

Восточно-литовское kłaĩmas.

Въ литовскихъ діалектахъ, заключенныхъ въ треугольникѣ, вершины котораго образуютъ Ракишки, Купишки и Свядосце, словомъ kłaĩmas называютъ спеціальную ригу, въ которой сохраняютъ отъ сырости и молотятъ хлѣбъ, который, по особымъ климатическимъ условіямъ, при которыхъ производится уборка, очень часто предварительно долженъ быть искусственно высушенъ

въ jáuјes (или jáuje) (ср. Kurschat, Littauisch-Deutsches Wörterbuch s. v. jáuja). Само собой напрашивается сближеніе этого слова съ klaimas, которое приводитъ L. Geitler (Litauische Studien s. v.): тождество по значенію полное и форма можетъ быть таже самая. Въ самомъ дѣлѣ, въ восточныхъ нарѣчіяхъ, которыя мы имѣли случай изучать и которымъ принадлежитъ слово kłä̃imas, дѣйствовали двѣ общія фонетическія тенденціи въ противоположномъ направленіи и привели къ смѣшенію первоначальныхъ дифтонговъ eĩ (съ *e* закрытымъ) и aĩ. Съ одной стороны, *a* въ aĩ ассимилировалось съ *i*, какъ, напр., въ tä̃ip изъ taĩp, smä̃igas изъ smaĩgas (гдѣ *ä*, конечно, обозначаетъ *e* очень открытое), исключая начальнаго положенія (ср. Барановскій, Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ, стр. 66); съ другой стороны, *e* въ дифтонгѣ eĩ сдѣлалось настолько открытымъ, что замѣтно приблизилось къ тому звуку, о которомъ только-что была рѣчь, напр., въ swä̃ikas, gräitas, и это — вслѣдствіе процесса дифференціаціи (ср. Meillet, M. S. L. XII, 31). Что касается *l*, то извѣстно, что въ этихъ діалектахъ оно является безразлично передъ *e*, *ä* или *a*.

Какъ бы то ни было, эта форма kłä̃imas не можетъ допускать того объясненія, которое Лескинъ предложилъ для слова klaimas (Bildung der Nomina, стр. 422). Именно, если принять даже, что ä̃i явилось изъ aĩ, какъ кажется вѣроятнымъ въ виду klaimas, то фонетически невозможно, чтобы оно представляло aĩ, происшедшее въ современную эпоху изъ aji, или даже скорѣе изъ oji: если klaimas въ крайности можетъ сойти за эквивалентъ klojìmas, то kłä̃imas не можетъ быть имъ ни въ коемъ случаѣ. Оно должно объясняться иначе: это слово, въ дѣйствительности, находится въ томъ же самомъ отношеніи къ глаголу klīt, существительному klaija, засвидѣтельствованнымъ въ латышскомъ, и къ литовскому прилагательному klajùs (Leskien, Ablaut der Wurzelsilben, 275), какъ at-szlaimas и at-szleímas (Leskien, Bildung der Nomina, 422) къ pa-szlý-

ti и szlajùs въ литовскомъ и къ sleija въ латышскомъ (Leskien, Ablaut, 286). Что касается значенія, то оно не можетъ затруднять этого сопоставленія: очень общее значеніе „раскладывать“ („растягивать, разбрасывать“), которое лежитъ въ основаніи глаголовъ латышск. klīt «sich zerstreuen», литовск. kliemi «plotę», латышск. kleijůt «herumtreiben», прилагательнаго латышск. klajsch «geräumig» и существительнаго латышск. klaija «Ebene» (Leskien, Ablaut, 275), безъ труда мы найдемъ и въ литовск. существительномъ klä̃ĩmas «Scheunentenne», развитіе значенія котораго напоминаетъ развитіе значенія французск. aire de grange.

II.

Восточно-литовское steklyčā̃.

Лучшая комната, въ которой принимаютъ гостей, «die gute Stube», «das Gastzimmer», въ нарѣчіи Komaj называется steklyčā̃, т. е., какъ объясняютъ мѣстные жители, комната, гдѣ есть стекло, stĩklas, или иначе— окна со стеклами. Это очень остроумная народная этимологія; въ самомъ дѣлѣ, краткое *i* въ stĩklas въ такомъ производномъ, какъ steklyčā̃, такъ какъ оно не находится подъ удареніемъ, должно сократиться, что̀ правильно въ данномъ нарѣчіи, и получить качество *e* закрытаго, согласно общему закону, по которому въ литовскомъ всѣ долгія гласныя становятся закрытыми, а всѣ краткія открытыми.

Къ сожалѣнію, всѣ слова, образованныя отъ stĩklas—заимствованія, для которыхъ извѣстны оригинальныя формы, и steklyčā̃, которое само, по всей видимости, славянскаго происхожденія, было бы единственнымъ литовскимъ производнымъ: ни бѣлорусскій, ни польскій не представляютъ, дѣйствительно, соотвѣтственнаго слова по формѣ и по значенію; въ томъ и другомъ языкѣ комната для гостей обозначается словами świetlica и

свѣтлица и тоже самое значеніе въ нарѣчіи Куршата имѣетъ заимствованное swetlyczià (Litt.-deutsches Wtb. s. v.). Это слово настолько соотвѣтствуетъ по формѣ слову steklyčà̃, что естественно возникаетъ вопросъ о томъ, въ какой связи находятся оба эти слова, и даже — не передаетъ ли steklyčà̃, въ измѣненной народной этимологіей формѣ, тоже самое славянское слово. Въ самомъ дѣлѣ, само swetlyczià уже испытало этотъ процессъ измѣненія, получивъ *e* въ корнѣ отъ swẽczias, съ которымъ его сблизило народное сознаніе (Brückner, Die slav. Fremdwörter im Lit., 139, 140), и, надо замѣтить, не употребляется какъ разъ тамъ, гдѣ встрѣчается steklyczà̃.

Нарѣчіе Komaj принадлежитъ именно къ тѣмъ, въ которыхъ группа *-tl-* является въ видѣ *-kl-*, — измѣненіе частое и хорошо извѣстное въ литовскомъ (ср. Brugmann-Leskien, Litauische Volkslieder und Märchen, 291; H. Weber, Arch. f. sl. Phil. III, 195); такимъ образомъ svetlyčà̃ должно было здѣсь принять форму *sveklyčà̃, фонетически правильную, но непонятную; эта форма группой *-kl-*, гласной *e* и начальнымъ *s* сближалась съ такими формами, какъ steklĩnis, steklõrius (stiklìnis, stiklõrius въ нарѣчіи Куршата), въ которыхъ *e* произошло изъ *i*, какъ объяснено было выше. И такъ, слово steklyčà̃, какъ представляющее удовлетворительный смыслъ, безъ труда вытѣснило древнюю форму *sveklyčà̃.

III.

Восточно-литовское širdis.

Отъ одного плотника, уроженца Komaj, работавшаго въ Ракишкахъ, намъ пришлось однажды узнать, что рядомъ съ словомъ širdìs, которое обозначаетъ сердце въ смыслѣ óргана, существуетъ слово šir̃dis, обозначающее сердцевину дерева. Впослѣдствіи мы опять нашли оба эти слова рядомъ на юго-западъ отъ Komaj до Svja-

dosce и на сѣверо-западъ до ближайшихъ окрестностей Biržі. Въ самомъ Biržі širdìs и šir̃dis также употребляются, то и другое въ ихъ спеціальныхъ значеніяхъ, не будучи однако очень обычными, какъ это удостовѣрилъ намъ кс. П. Янушевичъ изъ Ковенской семинаріи.

Слово šir̃dis — мужескаго рода и въ этомъ оно опять отличается отъ širdìs женскаго рода. Принадлежитъ къ парадигмѣ „неподвижныхъ", по опредѣленію F. de Saussure'a (I. F. Anzeiger, VI, 158 слѣд.), и слѣдуетъ вообще склоненію žõdis. Однако, такъ какъ оно имѣетъ склонность тѣсно связываться съ širdìs и даже смѣшиваться съ этимъ послѣднимъ, то оно принимаетъ часто также окончанія основъ на *-i-*; при этомъ его грамматическій родъ, качество ударенія и акцентуація связываютъ его съ smer̃tis, которое само имѣетъ всѣ признаки слова исключительнаго среди существительныхъ, являющихся „неподвижными", какъ smer̃tis, но съ нисходящимъ (gestossen) качествомъ ударенія и съ грамматическимъ женскимъ родомъ, и которое колеблется между склоненіемъ основъ на *-i-* и склоненіемъ основъ на *-ja-* со стяженіемъ (ср. Kurschat, Gramm. 191 и слѣд.).

Всѣ эти признаки достаточно доказываютъ, что šir̃dis есть производное съ суф. *-ja-* отъ корня, который является также въ словѣ širdìs, acc. šírdį. Но его восходящее удареніе остается неяснымъ по происхожденію: оно можетъ быть, дѣйствительно, древнимъ и šir̃(d)- въ šir̃dis можетъ точно соотвѣтствовать греческому *καρδ-* въ *καρδία*, латинск. cor, русск. серед-, въ винит. падежѣ сéреду. Нисходящее удареніе въ širdìs (acc. šírdį), напротивъ, вторичнаго происхожденія, какъ это показалъ F. de Saussure (M. S. L. VIII, 439). Оно обязано своимъ появленіемъ, несомнѣнно, вліянію формы $*k_1\bar{e}r(d)$, литовск. *šér(d), отъ котораго нисходящее удареніе распространилось во всѣ падежи парадигмы širdìs, šírdį, согласно общей тенденціи литовскаго языка. Древнее чередованіе $*k_1\bar{e}r(d)$- : $*k_1\mathring{r}d$- оставило такимъ

образомъ слѣдъ въ литовскомъ въ противоположности šírdį : širdį. Въ латышскомъ это чередованіе открывается въ другой формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ sirds «сердце» (см. Bilenstein, Die lettische Sprache I, 65; II, 47) мы находимъ здѣсь форму на *-ja-*, serde «сердцевина (дерева)» (см. Bilenstein op. cit. I, 60), которыя различаются по корневой гласной: дифтонгъ *-ir-* въ sirds, соотвѣтствующій *-ir-* въ *šird- (т. е. *k_1r̥d-) и дифтонгъ *-er-* въ serde, соотвѣтствующій *-ēr-* въ литовск. *šėr- (т. е. *k_1ēr(d)-, которое теперь исчезло (ср. F. de Saussure, M. S. L. VIII, 439). Во всякомъ случаѣ, невозможно, вмѣстѣ съ Миклошичемъ (Etymol. Wtb., s. v. serdo), допускать, что serde заимствовано изъ славянскаго, за отсутствіемъ здѣсь соотвѣтствующаго и по формѣ, и по значенію оригинала.

Но восходящее удареніе въ širdis можетъ также быть вторичнымъ. Чередованіе *нисходящее удареніе : восходящее*, которое отличаетъ širdis отъ širdis, характеризуетъ, дѣйствительно, противоположность между первообразными словами и ихъ производными на *-ja-*, такъ что въ этомъ слѣдуетъ признать одну изъ самыхъ точныхъ и вѣрныхъ причинъ перемѣны качества ударенія (ср. F. de Saussure, M. S. L. VIII, 430). Въ такомъ случаѣ širdis находилось бы къ širdis въ такомъ же отношеніи, какъ сербскія слова срш, срж и срч, которыя всѣ три обозначаютъ „сердцевину“, къ слову срце «сердце», и даже въ отношеніи гораздо болѣе ясномъ. Въ самомъ дѣлѣ, связь, которая соединяетъ приведенныя сербскія слова, не достаточно ясна; все, что можно о ней сказать, это то, что *ч* въ словѣ срч указываетъ на присутствіе древняго *k*, которое какъ-разъ находится въ суффиксѣ -ĭk- въ словѣ срце.

Р. Готіо.

Парижъ.

(Южно)великорусскія дѣепричастія на *мчи* и *мши*. [1])

I.

1. Дѣепричастья на *мчи*, сколько мнѣ извѣстно, пока отмѣчены только въ нѣкоторыхъ изъ южновеликорусскихъ говоровъ (и притомъ той группы, которая знаетъ мѣну *у* и *в*), а именно:

Мещов. стрѣляли лежамчи солдаты, стòюмчи ѣли, не смигàюмчи, дѣ̀лаимчи, сѣ̀димчи (Чернышовъ. Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска. Спб. 1900, стр. 22).

---

[1]) Примѣры взяты: 1. изъ матерьяловъ, собранныхъ мною въ дер. Парфёнкахъ Рузск. у. Моск. губ. (ср. мое „Описаніе говора дер. Парфёнокъ“ и пр. въ Р. Ф. В., т. 44, 45 и 46), въ Калужской губ. во время моей поѣздки туда лѣтомъ 1901 г., а также отъ крестьянъ Мцен. у. Орлов. г. и Вязем. у. Смоленск. губ.; 2. изъ печатныхъ описаній говоровъ, указанныхъ мною въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Послѣдніе передаю съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника, а примѣры изъ моихъ собственныхъ записей—въ обычной орѳографіи, чтобы незатруднять чтенія, потому что въ фонетической транскрипціи они будутъ напечатаны въ своемъ мѣстѣ. Матерьялъ изъ печатныхъ описаній, къ сожалѣнію, у меня крайне неполонъ: я успѣлъ воспользоваться только тѣмъ, что напечатано въ изданіяхъ II отд. Импер. Акад. Наукъ, и наиболѣе выдающимися описаніями говоровъ за послѣдніе годы.

Ворон.: съяжжаемчи, прашшаемчись, стряляемчи, мяняемчи, играемчи, глядѣмчи и др. (Филатовъ. Очеркъ народныхъ говоровъ Воронежской губ.; Р. Ф. В., т. 39, стр. 198).

Орл. вида́имчи и т. п.

Это дѣепричастіе по значенію — настоящ. врем.; оно можетъ употребляться при глаголѣ какъ въ настоящемъ, такъ и въ прош. врем. для обозначенія одновременности дѣйствію управляющаго глагола.

Окончаніе *чи* указываетъ на связь этихъ новыхъ дѣепричастій со старыми (сравнительно) дѣепричастіями на *учи*, *ачи* и пр., съ которыми они совпадаютъ по значенію.

Изъ 12 приведённыхъ примѣровъ.—

А.—въ 8 дѣепричастія на *мчи* образованы отъ глаголовъ на *-аю*, infin. *-ать* (въ томъ числѣ 5 примѣровъ изъ 6 Ворон.). Основа этихъ дѣепричастій, если откинуть окончаніе *чи*, совпадаетъ съ формой 1-го л. множ. настоящ. и съ основой формъ склоненія причастій страдат. наст. на *м*. Въ Мещов. не смига̀юмчи, какъ и въ Мещов. сто̀юмчи звукъ *ю* (т. е. jў) вм. *и* (е) взятъ изъ дѣепричастій настоящ. на *-учи:* мига̀ючи, сто̀ючи. Отъ этихъ глаголовъ дѣепричастія прошедш. на *мши*, какъ увидимъ ниже, могутъ имѣть только форму на *амши*: мигамши, ѣзжямши, прощамши, стрѣлямши, играмши.

Б. Мещов. лежамчи и Ворон. глядѣмчи (ударенья непоставлены; повидимому, — на 2-мъ слогѣ) образованы отъ той же основы, отъ которой образуются и дѣепричастія прош. тѣхъ же глаголовъ на *мши*, т. е. отъ основы infin., совпадающей съ основой причастій прош. врем. дѣйств. и страд. залоговъ [1]).

В. Въ Мещов. сто̀юмчи и сѣ̀димчи можно предпо-

---

[1]) Такъ какъ дѣйствительную основу дѣеприч. на *мчи* и *мши* еще надо опредѣлить, то приходится, говоря объ ней, допускать нѣкоторую непослѣдовательность, то включая въ нее звукъ *м*, то невключая.

лагать и то и другое образованье, но ударенье въ нихъ указываетъ кромѣ того на аналогію со стороны другихъ дѣепричастій наст. врем. отъ тѣхъ же глаголовъ: сто́я, сто́ючи́ (вмѣсто стоя́чи), сѣ́дя или си́дя, си́дючи́ (вмѣсто сѣдя́чи?).

Въ *Обоян.* отмѣчены дѣепричастія на *вчи*, отличающіяся отъ дѣеприч. на *мчи* только появленіемъ *в* вмѣсто *м:* дажидаивчи, праклина́ивчи; си́дивчи, гле́дивчи, ле́живчи, хо́дивчи и т. п. (Рѣзановъ. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Особенности живого народнаго говора Обоянскаго уѣзда Курской губ. Р. Ф. В. т. 38, стр. 120).

Прежде, чѣмъ сдѣлать какіе нибудь выводы, разсмотрю дѣепричастія на *мши.*

2. Дѣепричастія на *мши* распространены, повидимому, во всѣхъ акающихъ говорахъ, какъ южновлкр., такъ и средневлкр. (т. е. говорахъ московскаго типа). Въ сѣв.-влкр. они тоже встрѣчаются, но кажется, значительно рѣже и могутъ быть объяснены, какъ заимствованія изъ ю.-влкр. (см. ниже). Эти дѣепричастія по формѣ частью отличаются отъ дѣепричастій на *вши* только замѣной *в* черезъ *м*, частью же образованы совсѣмъ отъ другой основы.

А. *Орл.* завладомши (Колосов, Обзор, стр. 169, изъ пѣс. Кирѣевск.).

Руз. осѣдло́мши ко́ня, ко́ня вороно́го.

Основа, получающаяся, если отбросить конечное *ши*, въ этихъ дѣепричастіяхъ совпадаетъ съ основой формъ склоненія причастій страд. на *-омый*, извѣстныхъ намъ изъ старослав. и русскихъ памятниковъ, наприм. питомыи при питати, обладомыи (ср. обладомомоу въ Нестор. Житіи Θеодосія Печерск.) при обладати, ведомыи, зовомыи, неокрадомоѥ и пр.

Б. Основа большей части дѣепричастій на *мши*, получающаяся, если откинуть это *мши*, совпадаетъ съ основой причастій страд. прош. врем., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—только съ основой причастій дѣйств. прош. врем.

А. Отъ глаголовъ, относимыхъ Миклошичемъ къ III, V и VI классамъ, т. е. отъ глаголовъ съ инфинитивной основой на гласныя *ѣ* и *а*, основа дѣепричастій на *мши* совпадаетъ съ основой дѣеприч. на *вши*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ основой причастій прош. страд., потому что и тѣ и другія образуются отъ инфинитивной основы. Примѣры:

Москов. (Чернышовъ. Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московск. уѣзда. Спб. 1900, стр. 28, 62, 94, 95, 107) ни панимамши, истрёпамши бѐлимъ, ни зна̀мши, абвинчя̀мши, ни сѐямши, глидѐмши.

Руз.: не поймáмши — не воръ, не подня́мши — не блядь; соврáмши, катáмши (=катавшись); не догнáмши (коровъ) къ ручеёчку,... слышу (пѣ.); орёлъ молодой... летáмши, гуля́мши, добычу искалъ (пѣ); бросилъ незарывáмши; легли неу́жинамши; растáмши съ миленькимъ дружечкомъ, въ большой досадѣ нахожусь; недопѣ́мши свою пѣсню, встрепехнулся, полетѣлъ, и т. п.

Тул. (Е. Будде. О нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ Тульской и Калужской губ.—Изв. Отд. русск. яз. и слов., т. III, кн. 4): зъвяза̀мшы (стр. 1320).

Медын. мѣщан. хóдить завязáмши голову; розговѣ́мши; погуля́мши пріѣзжають домой; несмѣя́мши; племьё остáмши ихнее.

Медын. карамы́шевск. [1]) Летавши, летавши, добычу искалъ, искáмши добычу, самъ въ клѣтку попалъ (пѣ.).

Медын. и Перемышл. [2]) Летáмши, гуля́мши, по волѣ гулялъ (пѣ.); возьми огулóмъ рыбу, невѣшамши и неторговáмши; а то небось запотѣ́мши.

Калуж. [3]) Недогнáмши стада лугъ, становилися вокругъ (пѣ.).

---

[1]) Говоръ, близкій къ типу Мосальскихъ говоровъ.

[2]) Говоръ, тожественный съ Мещовск., описаннымъ Чернышовымъ.

[3]) Говоръ, сходный съ Карамышевск. Медын. у.

Мещов. (Чернышовъ. Свѣдѣнія о Мещовскомъ говорѣ— Изв. Отд. русск. яз. и слов. т. III, кн. 2, и Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ гор. Мещовска. Спб. 1900). Вы не были у нашей церкви хоть разъ отдѣламши (т. е. послѣ того, какъ ее отдѣлали. Доп. 34); наши часы отстамши; стоя̀мши (Доп. 22); поздравляю васъ разговѣмши; нашъ домъ сгорѣмши; жаловамши (т. е. жалуясь) правъ не будешь.

Мосал. (Шахматовъ. Звуковыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ. Р. Ф. В., т. 38, стр. 174): пабѣ́дамши.

Вязем.: неспра́шивамши.

Ворон. (Филатовъ. Очеркъ... Р. Ф. В., т. 38, стр. 291): расчасамшы, сасламшы, призадумамшы, набрамшы, напримамшы, убрамшы, пакушамшы, пирлятѣмшы.

Щацк. (См. мою Замѣтку о говорѣ Щацкаго уѣзда Тамбовской губ. въ Извѣст. Отд. русск. яз. и словесн. т. V, кн. 3.): сазре́мши, вы́бръмши.

Донск. (Калмыковъ, Матер. для изученія влкр. говоровъ № 42². Изв. Отд. русск. яз. и слов. т. III, кн. 2, прилож.): пообѣдамши (стр. 127); разговѣмши (стр. 129); уѣ́хамши.

Моздок. (Караулов. Говор станиц Моздокскаго полка Терск. казач. войска. Р. Ф. В. т. 44, стр. 81, 84): он памяша́мши (=онъ помѣшался).

б. Глаголы II класса и, по большей части, глаголы I кл. съ основой infin. на гласную образуютъ дѣепричастія на *мши* также отъ инфинитивной основы; такимъ образомъ, основа этихъ дѣеприч. совпадаетъ съ основой причастій прош. дѣйств. залога, но часто несовпадаетъ съ основой причастій прош. страд. на *-н*. Какъ разъ отъ этихъ глаголовъ причастія на *н* въ русскомъ яз. неупотребительны. Примѣры:

Москов.: растягнумши; разумши хажу, ана абумши, разумши пахадилъ; выпимши я пива, нѣскалька выпимши были.

Руз.: восплакну́мши; пришо́лъ разу́мши, раздѣмши;

недопѣ́мши свою пѣсню, встрепехнулся, полетѣлъ; непи́мши, пеѣ́мши; вы́пимши себѣ рубашку; сли́мши себѣ лёгки крылья, полетѣла бы я къ дружку вдаль; недожи́мши Катя вѣку, во сыру землю пошла; онъ былъ вы́пимши; *дожи́мши* свою полосу; *не подня́мши* — пе блядь, и др.

Тул.: нивѣста... сиди́ть пакры́мшы (1299), напи́мшысь (? 1315).

Медын. мѣщ.: сидить нагпу́мшы спить; сли́мша, сли́мша себѣ крылья, полетѣла бы къ дружку я вдаль (пѣ.); пришолъ вы́пимши.

Медын. и Перемыш.: разу́мши опять поги твои перетрескаются.

Мещов.: ишла раздѣ́мши; разумши, раздѣ́мши сижу; почитай вдвое согну́мши идёть; папимши чаю; *не заня́мши* (= не научившись) дѣлу.

Ворон.: пиряплымшы; *абнямшысь.*

Мозд.: не бимши (=не будучи битой) спать пе ля́гиш.

в. Отъ глаголовъ, относимыхъ Миклошичемъ къ IV классу, т. е. отъ глаголовъ 2-го спряженья съ основой infin. на *и* (не на *ѣ*!), а 1-го л. един. настоящ. на старую смягченную согласную основа дѣепричастій на *мши* оканчивается на *о* послѣ мягкой или бывшей ранѣе мягкой согласной и несовпадаетъ съ инфинитивной основой, а слѣдовательно, и съ основой причастій прош. дѣйств. залога, но совпадаетъ съ основой причастій прош. страд. на *-н.* Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что это совпаденіе не всегда бываетъ полнымъ, такъ какъ вмѣсто шипящихъ согласныхъ и группы „губная + л" передъ *о* часто бываетъ та мягкая согласная, какая является въ бо́льшей части остальныхъ формъ. Примѣры:

Москов.: Праздравляю я васъ женёмши, измучилисъ малатёмши, абмалатёмши.

Руз.: женёмши, помолёмши Богу, покурёмши табачку; подоёмши (дѣвушка) коровушку, молочка нацѣдила, нацѣжо́мши, душу Ваню поила, напоёмши уговаривала; ходёмши, непросёмши, приманёмши, возёмши (= возясь), загоро́жемши.

Егорьевск. (Чернышевъ. Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богородскаго и Егорьевскаго уѣздовъ. Изв. Отд. русск. яз. и слов. т. V, кн. 2-я, Прилож., стр. 18): дитей наражо̀мши нада растить.

Касим. (Будде, Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань 1896, стр. 338): пӑлуцо́мшы.

Тул.: зъчинёмшы, паслажо́мшы (стр. 834).

Медын. мѣщ.: Дѣвушка... процѣжо́мшы (т. е. молочка) или процѣдёмши душу Ваню поила, напоёмши, уговаривала (пѣ.); Одинъ молодецъ дѣвчопку обольстилъ, обольстёмши, съ руки перстень получилъ, получо́мши, хотѣлъ взять ее женой (пѣ.); замучіить ходёмши.

Медын. и Перемышл.: къ обѣднѣ сходёмши.

Калуж.: постелёмши что-нибудь.

Мещов.; женитца ни напась, да женёмши ни пропась; прибщёмши; не спросёмши, проводёмши, уморилась ходёмши, не простёмши (= не простившись), совсѣмъ былъ запустёмши монастырь, причастёмши (=причастившись).

Жиздр. (Караулов. Говор палѣх Жиздр. у. Р. Ф. В., т. 43, стр. 221 и 228). По словамъ Караулова, окончаніе *ёмши* у дѣепричастій въ записяхъ г. Добровольскаго „встрѣчается исключительно в глаголах с плавной (сонорной?) согласной в основѣ“ (228). Дѣепричастій на *мши* не съ *ё* (ʼо) передъ *м*, судя по примѣрамъ, приводимымъ г. Карауловымъ, въ записяхъ г. Добровольскаго совсѣмъ нѣтъ. Примѣры:

атдялёмши (221), падарёмши, изба абвалёмши была; раздилёмши, малёмши, схаранёмши (по: пражи́ўши, придаўши, стрѣ́ўши, скака́ўши, сига́ўши, шлёпаўши, разцвёўши; атказатши, пріѣхатши).

Вязем.: свалёмши ляжи́ть.

Ворон.: аблажо́мшы (т. 38, стр. 257); иблажомшы, падаёмшы, працыжомшы (291).

Донск.: помолёмши Богу; повострёмши Шамель шашки (пѣ.); подоёмши (пѣ.); не спросёмши.

Моздок.: помолёмши, пріучо́мши, схаранёмши, накла-

нёмши, раздялёмши; пасажо́мши, распрашшо́мши, спрасёмши, пустёмши.

Такія формы, какъ молотёмши, ходёмши, просёмши, если онѣ явились вмѣсто молочомши, хожомши, прошомши, вызваны естественнымъ стремленіемъ къ уравненію основъ [1]). Правда, въ причастіяхъ прош. страд., съ которыми такія дѣепричастія совпадаютъ по основѣ, шипящія сохраняются въ большой части говоровъ (мнѣ извѣстно не съ шипящей только: „утвердёнъ" въ Москов. у. См. у Чернышева, Свѣдѣнія и пр., стр. 81; конечно, этотъ примѣръ не можетъ быть единичнымъ, но все же причастія съ сохраненіемъ шипящей согласной основы гораздо употребительнѣе), но возникшая было связь между этими причастіями и дѣепричастіями на *мши* потомъ, вѣроятно, перестала сознаваться, а связь съ другими формами стала чувствоваться сильнѣе. Такимъ образомъ появленіе здѣсь новыхъ мягкихъ вмѣсто старыхъ вполнѣ аналогично съ произношеніемъ: просю, молотю, ходю, спю и пр., нерѣдкимъ въ ю.-вкр. говорахъ.

г. Отъ глаголовъ I класса, по Миклошичу (относя сюда и такіе глаголы, какъ иду, живу и пр.), дѣепричастіе на *мши* образуется различно. Выше (см. п. *б*) были приведены примѣры такихъ дѣепричастій на *мши*, какъ жи́мши, пи́мши, жа́мши и т. п., основа которыхъ (если откинуть *мши*) не совпадаетъ съ основою причастій прош. страд. на *н* отъ глаголовъ этого класса, ср. старо-слав. оуѵнѥнъ, надъменъ и проч. Отсутствіе этого совпаденія было объяснено тѣмъ, что большая часть глаголовъ I кл. съ основой на гласную въ русскомъ языкѣ не имѣетъ причастій прош. страд. на *н*, а только на *т* (послѣднія же образуются только отъ инфинитивной основы). Но глаголы I кл. съ основой на согласную, имѣвшіе всегда въ русскомъ яз. причастія прош. страд. только на *н*, обра-

---

[1]) А также, можетъ быть, и аналогіей со стороны дѣеприч. отъ глаголовъ I кл., наприм. несёмши, везёмши, ведёмши, идёмши.

зуютъ дѣеприч. на *мши* обыкновенно отъ основы этихъ причастій, а иногда тому же правилу слѣдуютъ и глаголы съ основой на гласную. Примѣры:

Москов.: Праздравляю я васъ... маладу же"ну приведёмши; идёмши.

Руз.: идёмши; Орёлъ молодой... пайдёмши добычу, самъ въ клѣтку попалъ, и т. п.; живёмши, ср. выше дожи́мши.

Касим.: нидайдёмшы (350), вапьёмшы (345).

Вязем.: може скрадёмши.

Курск.: раствитёмши (Колосов, Обзор, 119).

Въ приведенныхъ дѣепричастіяхъ на *мши* отъ глаголовъ I кл. основа дѣеприч. совпадаетъ съ основой личныхъ формъ (кромѣ 1-го един. и 3 множ.), наст. врем., т. е. основа безъ *-ши* совпадаетъ съ формой 1-го л. мн. ч. Кромѣ того, Касимовское вапьёмшы можно сопоставить со старослав. прич. пиѥмъıи и въ такомъ случаѣ отнести къ группѣ А.

д. Моздокское *разёмши* (=розъёмши) стоитъ особнякомъ, потому что въ другихъ говорахъ отъ глаголовъ сложныхъ съ ıати имѣются только формы дѣепричастій на *явши* или *ямши*. Быть можетъ, это архаизмъ, ср. ст.-сла. сънємъши, възѭмъши и пр., но можетъ быть и новообразованіе подъ вліяніемъ дѣепричастій на *омши* и *ёмши*, ср. моздокское же расчашо́мши.

е. Не подходятъ къ перечисленнымъ категоріямъ слѣдующія дѣепричастія:

Москов.: не ѣмши и, быть можетъ, ѣ̀здимши, хотя послѣднее можно разсматривать, какъ ѣ̀здёмши вмѣсто ѣ̀зжомши, ср. молотёмши и пр., или же, сопоставляя съ ѣ̀здію, думать объ аналогіи съ глаголами на *-ьть*, *-ью*.

Руз.: ты дѣтё, можетъ, неѣ̀мши будешь; непи́мши, неѣ̀мши; спѣши́мши; вытвѣмши (= выцвѣтши).

Тул.: паѣ̀мшы.

Ворон.: падашомши (= подойдя).

Моздок.: сплёмши (= сплетя).

Всѣ эти дѣепричастія возникли изъ дѣепричастій на *вши* съ замѣной *в* черезъ *м*, т. е. по образцу Б, а и б, но при этомъ самыя дѣепричастія на *вши* отъ глаголовъ ѣсть, идти и плесть — вторичныя, гдѣ звукомъ *в* (ф) замѣненъ болѣе ранній согласный звукъ *т* (д). Отъ тѣхъ же глаголовъ, кромѣ ѣсть, чаще другія образованія дѣеприч. на *мши*, ср. выше: идёмши, ведёмши и т. п.

Дѣепричастія на *мши* имѣютъ временное значеніе то-же, что и дѣепричастія на *ши* и *вши*, т. е. обозначаютъ прошедшее время безъ отношенія его ко времени управляющаго глагола (такое отношеніе обозначается уже самой глагольной основой). Но залoжное значеніе этихъ дѣепричастій отлично отъ значенія дѣепричастій не на *мши*. Они употребляются какъ въ значеніи дѣйств. и средн., такъ и въ значеніи страд. и возвр. Отъ глаголовъ возвратныхъ по формѣ (независимо отъ ихъ возвратнаго или невозвратнаго значенія) дѣепричастія на *мши* употребляются обыкновенно безъ возвратнаго окончанія *-сь*, ср. приведенные примѣры. Карауловъ, наприм., по поводу этихъ дѣепричастій въ Моздок. замѣчаетъ: „ёмши (никогда — ёмшись)“. Поэтому Туль. нани́мшысь у Будде и Ворон. абнямшысь у Филатова, скорѣе всего, — ошибки изслѣдователей. Примѣрами употребленія дѣеприч. на *мши* въ страд. значеніи могутъ служить такія Мещовскія выраженія, какъ: совсѣмъ былъ запустёмши монастырь; вы не были у нашей церкви хоть разъ отдѣламши? и др.

Рядомъ съ дѣепричастіями на *мши* въ ср.-влкр. и ю.-влкр. употребляются и болѣе старыя дѣеприч. на *вши* и *ши* послѣ согласной. Въ московскомъ литературномъ языкѣ дѣепричастія на *мши* не употребляются, въ другихъ ср.-влкр. (наприм. въ Руз. и у Чернышева въ Моск.) распространены наровнѣ съ дѣепричастіями на *ши* и *вши*, а въ южныхъ, какъ можно думать, повліяли на образованіе этихъ послѣднихъ. Въ литер. яз. и ср.-влкр. говорахъ дѣепричастія на *вши* отъ основъ на гласную и *ши* отъ основъ на согласную образуются правильно отъ инфинитивныхъ основъ и, слѣдовательно, не вполнѣ совпа-

даютъ по образованію съ дѣеприч. на *мши*. Ср. *Руз.* шо́ччи, прошо́ччи (т. е. прошёдши) ужъ три года, недошо́ччи вёрсту, влѣзши, давши, купивши, ѣвши (вмѣсто ѣдши), сѣвши (вмѣсто сѣдши), напо́ивши, помолившись и т. д. Но въ ю.-влкр. въ однихъ говорахъ дѣеприч. не на *мши* вовсе неупотребительны, ср. у г. Филатова въ Очеркѣ: „Дѣепричастіе прошедшаго времени... всегда оканчивается на «мшы»" (Р. Ф. В. т. 39, стр. 198), а въ другихъ нерѣдко образуются такъ-же, какъ и дѣеприч. на *мши*, отличаясь отъ послѣднихъ только замѣной *м* черезъ *в*. Примѣры:

Тул.: ни набра́ўшы, *заблудо́ўшы* (833), ни дашёўшы.

Медын. мѣщ.: розговѣ́вши, она рухну́вши (= рехнулась), никуды не уѣ́хавши, сверну́вши (= свернувшись) ля́жу на поло́къ.

Медын. карамыш.: Лета́вши, летавши, добычу искалъ; на его земли́ бала́стъ откры́вши (= открылся).

Калуж.: замѣтно *уморёўши* (= уморившись) нѣсколько.

Мещов.: заговѣвши, дверь была *отпёрши*, одинъ братъ уѣхатши.

Жиздр. У Караулова приведены только правильно образованныя дѣепричастія на *ши* и *вши* (см. выше).

Обоян. У Рѣзанова приведены исключительно дѣепричастія отъ глаголовъ IV класса на *ёвши*: притарёвши, успрасёвши, нихадёвши, наридёвши. Ср. тамъ же дѣепр. настоящ. на *вчи*.

Въ бѣлорусскомъ дѣепричастія на *мши*, кажется, рѣдки. Проф. Карскій въ Обзорѣ приводитъ только одинъ примѣръ „уѣхамши" изъ Сборника Бѣлор. нар. пѣ. Шейна 714 Витеб. (изъ солдатской пѣсни), хотя говоритъ о нѣсколькихъ случаяхъ, „представляющихъ *мши*", и думаетъ, что „всѣ такіе случаи слѣдуетъ объяснять, какъ заимствованіе изъ великорусскаго: бѣлорусскому они чужды" (стр. 145). Въ другой книгѣ, посвященной бѣлорусскому нарѣчію („Къ исторіи..."), проф. Карскій обходитъ вопросъ о туземности дѣепричастій на *мши* въ бѣ-

лорусскомъ и приводитъ еще нѣсколько дѣепричастій на *ёмши:* запалёмши — Ром. IV. 46. Чаусс., проглыцёмши ib. III. 129. Клим., помолёмшись (вѣрно ли здѣсь передано слово съ *съ* на концѣ?) ib. IV. 200. Черик., спородзёмши. Шейнъ. М. I. 548 Горец. Добавлю къ этому перечню пропущенное имъ узросцёмши. Шейнъ. Матер. I, 548 (стр. 450). Всѣ эти дѣепричастія отъ глаголовъ IV класса. Признавая, что они заслуживаютъ „особаго объясненія", онъ повторяетъ мнѣніе акад. Соболевскаго, объяснявшаго ихъ вліяніемъ причастій отъ глагола ѩти со сложными (стр. 305). Еще 3 примѣра, но не отъ глаголовъ IV кл. я нашелъ въ Матер., изданныхъ II-мъ Отд. Импер. Акад. Наукъ: ўзямшы. № 4. Могилев.; ўзя́мши, уѣхамши. № 18. Витеб. При сравнительной рѣдкости такихъ дѣепричастій, дѣепричастія прош. вр. на ўши, правильно образованныя отъ инфинитивной основы или замѣнившія собою дѣепричастія на *ши* послѣ согласной, въ бѣлорусскомъ очень часты; нерѣдки и другія правильныя старыя образованія дѣепричастій. Дѣепричастія наст. на *мчи* въ бѣлор. пока не отмѣчены. Тѣмъ не менѣе, можно, пожалуй, допустить возникновеніе дѣепричастій на *мши* еще въ эпоху бѣлорусско-южновеликор. единства; позднѣе они получили особое развитіе въ ю.-влкр., а въ бѣлор. сохранились только въ немногихъ остаткахъ. Но могло быть также, что въ тѣхъ примѣрахъ, гдѣ мы находимъ эти дѣепричастія, они заимствованы изъ ю.-влкр. Въ старинной русской письменности дѣепричастія на *мши*, кромѣ старыхъ вземши, жемши и т. п., никѣмъ еще не указаны.

Въ сѣв.-влкр. примѣровъ мнѣ извѣстно больше, чѣмъ въ бѣлор., но изученіе этихъ примѣровъ позволяетъ думать, что и въ сѣв.-влкр. дѣепричастія на *мши*, по крайней мѣрѣ, какъ образованія, отличныя отъ дѣепричастій на *вши* не только замѣной *в* черезъ *м*, взяты изъ ю.-влкр.

У Колосова въ Обзорѣ приведены слѣдующіе примѣры изъ сѣв.-влкр. (судя по названіямъ уѣздовъ) говоровъ: сварёмши. Симб. (стр. 77); накоплёмши. Сызр. изъ

пѣс. Кирѣевск.; скоплёмши, сожжёмши, напоёмши. Сарат. изъ пѣс. Кирѣевск.; попла́камши. Нижегор. (стр. 169).

У Мотовилова (Симбирская молвь, стр. 12) въ *Симбир.*: онъ заговѣ̀мши.

Въ матеріалахъ, изданныхъ Вторымъ Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ: взямши, напимшись, увидамши. Буйск. у. Костром. (№ 18); взямши, свал*и*мшись. Ишим. и др. Тобол. (№ 21); напимшись. Кадник. и Грязовец. у. Вологод. (№№ 25 и 36), вз̀а́мшь, не јемшь, не пи́мшь. Самары Самарск. губ. (№ 40). жимши̍. Богородск. Москов. (№ 43. Чернышевъ. Краткія свѣдѣнія и пр.) интересно по ударенію. Въ нѣкоторыхъ изъ матеріаловъ есть указаніе на малоупотребительность дѣепричастій на *мши* въ нѣкоторыхъ сѣв.-вlкр. говорахъ. Въ с. Чекуевѣ Онежск. у. Архангельской губ.: взямши, напимшись (№ 41), съ такимъ примѣчаніемъ наблюдателя: „послѣднія два слова говорятся рѣдко, и только мужчинами“ (стр. 54). Въ Петрозав. у. Олон.: „выпимши, но шутя, болѣе это слово говорятъ «выпіўши»“ (№ 30). Въ Алатырскомъ у. Симбирской губ. дѣепричастія на *мши:* взямши, напимшись, обнямшись — только въ акающихъ деревняхъ и, слѣдовательно, занесены оттуда же, откуда и аканье. Кромѣ того, въ Петрозав. у. Олонец. губ. (№ 13) отмѣчено дѣепричастіе „отойдиўши“, которое по основѣ напоминаетъ ю.-вlкр. дѣепричастія на *мши*, ср. ю.-вlкр. пайдёмши и т. п.

2.

Происхожденіе южновеликорусскихъ дѣепричастій на *мши* объясняется учеными двояко [1]: 1. фонетически —

---

[1] Дѣепричастія на *мчи* открыты сравнительно недавно; они объясняются г. Чернышовымъ вліяніемъ дѣепричастій на *мши*, а г. Филатовымъ — аналогіей со стороны 1-го л. множ. Эта аналогія была бы допустима только въ томъ случаѣ, если бы говорящіе усмотрѣли связь между дѣеприч. на *учи* и 1-мъ л. един., а затѣмъ стали образовывать множ. отъ дѣеприч. такъ

изъ дѣепричастій на *ши* и *вши;* 2. нефонетически, —аналогіей съ дѣепричастіями отъ глагола ıатн (нмѫ) со сложными (ср. также жьмъшн отъ жьмѫ, жатн).

1. Замѣна губныхъ неносовыхъ носовыми и обратно въ положеніи передъ зубной неносовой въ великорусскихъ говорахъ извѣстна, но преимущественно въ сѣв.-влкр. или ср.-влкр. и притомъ крайне рѣдко; у Колосова въ Обзорѣ—два примѣра: пимцо. Черепов. Новгор. (вмѣсто пивцо), литомскому. Олон.; у Чернышева: мта̑шачки. Моск. у. (Свѣд. 103); обратная замѣна—въ словѣ афша́никъ вмѣсто омшаникъ въ Руз. и друг. [1]). Единичность всѣхъ этихъ примѣровъ не позволяетъ вывести никакого правила относительно этого перехода. Притомъ сочетаніе *в*+*ш* одного слога послѣ ударенія извѣстно мнѣ только въ сѣв.-влкр. словѣ „ковшъ“, а для сочетанія *в*+*ш* двухъ слоговъ, какъ въ дѣеприч. на *вши*, я вовсе не могъ подыскать параллелей. Въ виду этого отрицать возможность фонетическаго перехода въ какую-то эпоху *в* передъ *ш* послѣ ударенія (а можетъ быть и передъ удареніемъ, ср. богородское жимшѝ) въ *м* нельзя. Но чисто фонетическое объясненіе не подходитъ къ дѣепричастіямъ на *ѐмши*, особенно отъ глаголовъ I класса, представляющихъ совсѣмъ не ту основу, какую имѣютъ дѣепричастія на *вши*.

2. Сложныя съ ıатн въ русскомъ очень употребительны (глаголы: взять, вынять, занять, нанять, обнять, отнять, перенять, поднять, понять, принять, пронять, снять, унять—одни изъ наиболѣе часто встрѣчающихся); поэтому новообразованія отъ другихъ глаголовъ по аналогіи съ ними была бы возможна. Но прежде всего такой аналогіи должны бы подвергнуться глаголы на *ать* и *ять*,

---

же, какъ и множ. отъ формы 1-го л. един. изъявит. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и надобности въ такой искусственной этимологіи.

[1]) Отъ одной московской однодворки я слышалъ фамилію Афи́мскай вмѣсто Аѳинскій, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что она производила эту фамилію отъ Афима или Афимьи.

т. е. отъ такихъ глаголовъ, какъ мѣнять, линять, щупять, терять по аналогіи со взять—взёмши, занять—занёмши должны были возникнуть дѣепричастія: *мѣнёмши, *линёмши, *щунёмши, *терёмши и т. п., отъ владать—владо́мши, сѣдла́ть—сѣдло́мши и пр. Дѣйствительно, формы завладо́мши и осѣдло́мши при этомъ легко объясняются. Нѣсколько менѣе вѣроятно, но допустимо распространеніе этой аналогіи на глаголы на *ѣть:* горѣть—*горёмши и т. п., и на глаголы IV кл.: молотить—молотёмши. Въ такомъ случаѣ становится также понятнымъ, почему въ дѣепричастіяхъ на *мши* отъ глаголовъ IV кл. могутъ сохраняться зубныя безъ перехода въ шипящую: въ эпоху образованія дѣепричастій на *мши* перехода зубныхъ въ шипящія уже давно не было. Тѣ же дѣепричастія, въ которыхъ передъ *ё* (т. е. *о*)—губная + л̓ или шипящая вмѣсто губной или зубной нешипящей, въ такомъ случаѣ были сначала дѣепричастіями отъ глаголовъ несоверш. вида на *jати* и уже потомъ получили значеніе соверш. вида (т. е., наприм., ражо́мши, сажо́мши, пращомши — не отъ родить, садить, простить, а отъ ражать, сажать, пращать). Но остается необъясненнымъ, почему тогда дѣепричастія на *ёмши* отъ глаголовъ на *jать* или несохранились или стали сознаваться, какъ дѣеприч. отъ глаголовъ на *ить,* а отъ остальныхъ глаголовъ II и III класса вовсе не сохранились. Дѣеприч. на *ёмши* отъ глаголовъ I кл. также не могутъ быть удовлетворительно объяснены аналогіей съ дѣеприч. отъ иму и жму. Характерно, что въ самомъ дѣеприч. прош. отъ глагола ѩти звукъ *о* въ бо́льшей части говоровъ замѣненъ звукомъ *а.* Наконецъ, не вполнѣ понятно ясно выраженное пассивное или возвратное значеніе многихъ дѣепричастій на *мши*, замѣтное при сравненіи ихъ съ соотвѣтствующими дѣепричастіями на *вши.* Въ сѣв.-влкр. и бѣлор. дѣепричастіяхъ на *ши* и *вши* отъ глаголовъ на *ся* это *ся* обыкновенно не отпадаетъ; тоже и въ ср.влкр. Въ ю.-влкр., гдѣ дѣепричастія на *мши* преобладаютъ, они оказали вліянье на остальныя дѣеприча-

стія, чѣмъ и вызваны такія формы, какъ: дверь была отнёрши, баластъ былъ открывши и т. п.

3. Все это заставляетъ искать отвѣта на вопросъ о происхожденіи дѣепричастій на *мши* въ ихъ теперешнемъ образованіи.

Какъ можно видѣть изъ приведеннаго обзора, дѣепричастія на *мчи* и *мши* образованы частью отъ причастій страд. наст. врем., частью — отъ причастій страд. прош. врем., причемъ въ 1-мъ случаѣ къ основѣ формъ склоненія причастія прибавлено окончаніе *ши*, а во второмъ — къ основѣ самого причастія — окончаніе *мши*. Дѣепричастія на *вши* образованы тоже отъ причастій, но дѣйств. залога. Послѣднія имѣли въ историческую эпоху 2 основы формъ склоненія: одну — на *в*, напр. ходивъ, ходивъы, другую — на *въш*, наприм. ходивъши, ходивъшего (въ русск. яз.). Когда изъ этихъ причастій выдѣлились дѣепричастія, какъ отглагольныя нарѣчія, они получили 2 формы: одну на *въ*, другую — на *въши*. Точно также и въ причастіяхъ дѣйств. наст. врем. были 2 основы формъ склоненія, давшія начало 2-мъ дѣепричастіямъ: на *я (а)* и *учи*, *ячи*. Когда причастія, какъ глагольныя формы, стали рѣдки, уступивъ свое мѣсто дѣепричастіямъ, то среди этихъ послѣднихъ болѣе длинныя формы на *чи*, *ши* стали разсматриваться, какъ формы болѣе интенсивныя по значенію, а самое окончаніе *чи*, *ши* стало пониматься, какъ интенсивный суффиксъ отглагольныхъ нарѣчій. Это новое суффиксальное значеніе окончаній *чи* и *ши* сдѣлало возможнымъ новообразованія дѣепричастій отъ тѣхъ причастныхъ формъ, которыя безъ этихъ окончаній не имѣли значенія отглагольныхъ нарѣчій. Отъ причастій страдат. наст. врем. могли образоваться дѣепричастія не только наст., но и прош. врем., вѣроятно, потому, что самыя эти причастія уже издавна сознавались только, какъ отглагольныя прилагательныя со страд. значеніемъ, а понятіе времени у нихъ утратилось. Что касается дѣепричастій наст. отъ причастій прош., то эти формы могли образоваться позднѣе другихъ вслѣдствіе

утраты связи между причастіемъ и дѣепричастіемъ. Дѣепричастія отъ причастій страд. прош. врем. подчинились аналогіи дѣепричастій отъ причастій наст. врем. и потому имѣютъ передъ *ш* не *н*, а *м* [1]).

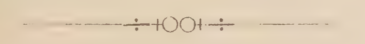
Отсюда понятно и пассивное значеніе многихъ дѣепричастій на *мши*. Активное значеніе явилось потомъ благодаря вліянію дѣепричастій на *вши*, совпадавшихъ по значенію сперва только съ дѣепричастіями на *мши* отъ глаголовъ непереходныхъ [2]). Это совпаденіе перешло и на дѣепричастія отъ переходныхъ глаголовъ.

Дѣепричастія дѣйств. залога и дѣепричастія страд. не могли не оказывать взаимнаго вліянія другъ на друга. Такимъ образомъ, съ одной стороны явились дѣепричастія на *аевчи*, *ёвши* вмѣсто *-аемчи*, *-ёмши* или *-аючи*, *-ивши* (частью, можетъ быть, благодаря фонетич. замѣнѣ *м* черезъ *в*?), съ другой стороны — дѣепричастія на *мши* отъ глаголовъ I и IV кл., образованныя отъ инфинитивной основы.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ исторія дѣепричастій на *мчи* и *мши*. Фонетическія причины, а равно и аналогія съ глаголами ıати—ımѫ и жати—жьмѫ со сложными могли только дать толчокъ къ образованію ихъ и не этимъ причинамъ обязаны они своимъ настоящимъ видомъ и употребленіемъ.

Н. Дурново.

Москва. 30 окт. 1901.

---

[1]) Эта аналогія могла дѣйствовать потому, что въ языкѣ и раньше существовали дѣеприч. на *мши*, а старыя дѣепр. на *нши*, какъ женши, пенши, были рѣдки.

[1]) Ср. причастія страд. со значеніемъ deponentia отъ непереходныхъ глаголовъ: съ кòрнямъ были пàдены (Черныш. Моск. 62); онъ (возъ) у васъ ужъ упàденъ былъ (Руз.), околѣтый (Ряз., Тул. и др.), нóтый (тотъ, кто ноетъ. Руз. и др.).

Какъ возникло сербское кô (кто)?

На этотъ вопросъ въ наукѣ установился весьма опредѣленный отвѣтъ: *сербское кô произошло изъ* **къто** *и* **кто** *путемъ перестановки (метатезы) согласныхъ въ послѣднемъ словѣ.*

Хотя это объясненіе уже давно получило исключительное право гражданства въ славянской лингвистической литературѣ, съ нимъ, однако, по многимъ соображеніямъ трудно согласиться. Прежде всего, оно оставляетъ совершенно неясной *причину* такой перестановки. Метатеза вызывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ физіологическимъ неудобствомъ произношенія извѣстной группы согласныхъ; но артикуляція группы kt въ смыслѣ этого „удобства" не только не уступаетъ группѣ tk, но, пожалуй, даже превосходитъ: ср. чешск. kadlec „ткачъ" при kdo и kto. Во-вторыхъ, встрѣчающаяся въ памятникахъ сербскаго языка форма **тъко** [1]) указываетъ на то, что если сербское кô и возникло изъ **къто** путемъ перестановки, то послѣдняя могла произойти только *черезъ гласную;* но въ такомъ случаѣ эта перестановка получила бы еще болѣе неожиданный, такъ-сказать, экстравагантный характеръ, чѣмъ только что разсмотрѣнная. Правда, въ сербскомъ языкѣ, повидимому, встрѣчается аналогичная перестановка согласныхъ въ са̏в изъ ва̏с. Но это только — повидимому, такъ какъ послѣдняя форма, можетъ быть, обязана своимъ происхожде-

[1]) Даничић, Историја облика. Беогр. 1874, стр. 147.

ніемъ вліянію аналогіи мѣстоименія caj изъ сьн или, что̀ еще вѣроятнѣе, вліянію мѣстоименія скон [1]).

Приведенныя соображенія, по существу, можетъ быть, и не вполнѣ убѣдительны, но и ихъ, смѣемъ думать, вполнѣ достаточно, чтобы показать, сколько произвольнаго и случайнаго вноситъ популярное объясненіе въ процессъ образованія мѣстоименія ко̑.

Чтобы представить этотъ процессъ болѣе закономѣрнымъ, обратимъ вниманіе на *характеръ* или даже *принципъ* образованія мѣстоименія **къто**. Какъ извѣстно, оно представляетъ срощеніе двухъ элементовъ — именит. п. ед. м. р. мѣст. **къ** и энклитическаго привѣска — мѣстоименія **то**. Такъ какъ каждая изъ этихъ формъ представляетъ вполнѣ самостоятельное образованіе, то очевидно, что въ извѣстныхъ случаяхъ обѣ части мѣстоименія **къто** могли вступить и въ обратную комбинацію. Какъ при **-лнкъ** (въ **колнкъ**, **толнкъ** и пр.) въ славянскихъ языкахъ встрѣчается **-кълн** (въ **лєклн**), какъ при **какън** (въ **какын**) въ сербскомъ языкѣ встрѣчается **нкакъ**, какъ при общеславянскомъ ***къда** (сербск. к д а, чешск. k d a) въ томъ же языкѣ былъ извѣстенъ *д а к ъ (болг. д а к ъ, сербск. д а к л е, русск. э д а к ъ и др.), — такъ при мѣстоименіи **къто** могло существовать ***тъко**, *равноправное съ первымъ если не въ хронологическомъ отношеніи, то, во всякомъ случаѣ, въ морфологическомъ*.

Итакъ, a priori мы имѣемъ полное право предположить въ праславянскомъ языкѣ существованіе мѣстоименія *t ъ k o. A posteriori то же самое доказываютъ слѣдующіе факты:

1) Цитированная уже сербская форма **тъко**.

---

[1]) Послѣднее предположеніе прекрасно подтверждаетъ подобное же явленіе въ древнечешскомъ языкѣ, гдѣ **скон** и **кьсь** смѣшиваются въ своемъ значеніи (ср. Gebauer, Historická mluvnice, I, 548). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что та же причина лежитъ въ основѣ и польской перестановки. Ср. A. Brückner, Zur stellung des Polnischen (Archiv S. Ph. XXIII, S. 231).

2) Старославянское мѣстоименное прилагательное **тъкъ-мъ** и нарѣчія **тъкъма, тъкъмо.** Какъ мы доказали въ другомъ мѣстѣ [1]), суффиксы этихъ словъ представляютъ не что иное какъ разновидности суффикса превосходной степени -mos. Если это такъ, то послѣдній долженъ усиливать мѣстоименіе **тъкъ**, средній родъ котораго и представляло бы **тъко.** Какъ ***тъкъ** относится къ **къто**, такъ *tъčь (русское точный, точь въ точь, старосл. **тъчнѫ**, чешск. toči [2]) относится къ **чьто.**

3) Сербское нарѣчіе комаj „почти", которое, какъ остроумно показалъ г. Кэлеръ, возникло изъ *tkomaj [3]). Первая часть этого слова представляетъ средній родъ мѣстоименія **тъкъ**, а вторая—творительный пад. отъ суффикса -mos (ср. старосл. **тъкъма, кьсьма, тольма** и пр.), расширенный мѣстоименіемъ **и** (ср. сербск. оваj, онаj, кадаj и пр.).

4) Болгарское нарѣчіе токо „только", „только что", которое такъ относится къ **тъко**, какъ *koto (въ русск. который) — къ **къто**, или старосл. **чесо—къ чьсо**, или **кое — къ кън** (въ **кын**). Слѣдовательно, токо не возникло ни изъ **только**, какъ предполагалъ проф. П. А. Лавровъ [4]), ни изъ ъ, какъ думалъ (впрочемъ, съ оговорками) Б. М. Ляпуновъ, но представляетъ совершенно самостоятельное *новообразованіе* ср. р. мѣстоименія **тъко.**

5) Словенское tъkoj „sogleich" (словарь Плетершника), единство происхожденія котораго со старослав. **тъкъ** (въ **тъкъмо**) очевидно.

6) Древнечешское tkerу при kterу. Проф. Гебауэръ [5]) объясняетъ это явленіе т. н. „ложной анало-

---

[1]) О нѣкоторыхъ архаизмахъ и новообразованіяхъ праславянскаго языка. Прага 1891 г., этюдъ VI.

[2]) Kott, Druhy příspěvek k česko-něm. slovniku. V Praze 1901, str. 342.

[3]) Archiv für Slav. Ph. IX, S. 150—151. Cp. ib. VIII, S. 170.

[4]) Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, стр. 112.

[5]) Historická mluvnice, I, str. 324.

гіей“; по, въ виду существованія подобнаго мѣстоименнаго корня и въ другихъ славянскихъ языкахъ, *возможно* и наше объясненіе.

7) Польское діалектическое tko (при kto), которое, по наблюденію проф. Брюкнера[1]), встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ польскихъ говоровъ (т. е. XVI ст.).

8) Наконецъ, сюда же можно присоединить и русское тко въ такихъ выраженіяхъ, какъ бери-тко, ужотка, туто-тка, ну-тка и т. п.[2]). Профессоръ Соболевскій въ указанной внизу статьѣ объясняетъ *т* въ тко какъ сокращеніе мѣст. 2 лица ты, поставленнаго между глаголомъ и частицей ко. Но приведенные имъ примѣры изъ памятниковъ указываютъ на то, что ты ставилось или передъ глаголомъ, или *послѣ* частицы ко. Мы не говоримъ уже о фонетической невозможности подобнаго объясненія. Напротивъ, если тко есть то же ограничительное мѣстоименіе, которое сохранилось въ старосл. тъкъмо, то это обстоятельство прекрасно объясняетъ значеніе Аввакумовскихъ посмотри-тко, прочти-тко или грибоѣдовскаго нутка[3]) и пр. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ, какъ и въ русскихъ простонародныхъ ужотка, туто-тка, тко имѣетъ (или имѣло нѣкогда) значеніе нашего только.

Итакъ, во всѣхъ славянскихъ языкахъ донынѣ сохранился мѣстоименный корень тък-. Мы не сомнѣваемся, что онъ сохранился и въ сербскомъ ко̑.

Противъ такого положенія могутъ возразить, что сербское tko имѣетъ вопросительное значеніе, а старославянское тъкъ (въ тъкъмо), болг. токо, словенск. tъkoj и пр.—ограничительное. Но при извѣстныхъ синтаксическихъ условіяхъ послѣднее могло легко превра-

---

[1]) Тамъ же, S. 232.

[2]) А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русскаго языка. Ж. М. Н. П. 1901, окт. стр. 408—409.

[3]) Соболевскій, тамъ же, стр. 409.

титься и въ вопросительное (ср. соврем. русск. только-то?) и съ теченіемъ времени *вытѣснить* и получить значеніе кто. Это обстоятельство и объясняетъ, почему древнесербскіе памятники чаще употребляютъ кто, чѣмъ тко: переходъ мѣстоименія тко отъ одного значенія къ другому не могъ совершиться сразу.

Отсюда слѣдуетъ, что если сербское кô и можетъ быть названо новообразованіемъ, то лишь въ семасіологическомъ (или синтаксическомъ) значеніи, но отнюдь не въ морфологическомъ.

Г. А. Ильинскій.

Прага.
26 ноября 1901 г.

Замѣтки по латинскому словообразованію.

1. Fagutal. Fagutalis.

Varro *l. l.* V 152: Aesculetum ab aesculo dictum et *Fagutal* a fago, unde etiam Iovis *Fagutalis* quod ibi sacellum. Ср. Plin. XVI 37, Paul. Fest. 62. Въ основаніи этого образованія лежитъ, несомнѣнно, **fāgū-tum* „мѣсто, заросшее букомъ“ — ср. *olivetum*, *quercetum*, *arbustum* и мн. др. Слѣдуетъ прибавить, что *fagus* имѣло формы не только по 2-ому, но и по 4-ому склоненію (см. Georges Lex. d. lat. Wortf.), напр. *Culex* 141: umbrosaeque monent *fagus*. Уже древніе, при объясненіи *fagutal*, основательно ссылались на такія образованія, какъ *Querquetulanus* (изъ *quequētulum*, уменьшительнаго къ *querquetum)*, напр. porta *Querquetulana* (или *Querquetularia* у Феста 348).

2. Viduertas.

Это образованіе засвидѣтельствовано въ одной старой молитвѣ у Катона *res rust.* 141 § 2: uti tu morbos visos invisosque *viduertatem* vastitudinemque calamitates intemperiasque prohibessis. Ср. Paul. Fest. 561: *viduertas* calamitas dicta quod viduet bonis. Трудно было бы прибѣгать къ помощи аналогіи при объясненіи этого очень стараго слова; вѣроятно, оно происходитъ отъ распространеннаго прилагательнаго **viduero-*, съ которымъ я сопоставилъ бы образованіе *privero-* у Павла Діакона 335: *priveras* mulieres privatas (видѣть въ немъ iuxtapositum

priva era, какъ это принималъ одинъ ученый, я не рѣшился бы). Подобное употребленіе суффикса *-ro-* мы, повидимому, находимъ напр. въ νεαρός (съ которымъ очень хорошо, въ морфологическомъ отношеніи, ладитъ *nov-er-ca*, какъ указалъ мнѣ проф. Сольмсенъ); но, можетъ быть, еще ближе къ **-viduero-* стоитъ готское образованіе (также указанное мнѣ Ф. А. Сольмсеномъ) *viduvairna* Ioh. XIV 18: ni leta izvis *viduvairnans* οὐκ ἀφήσω ὑμᾶς ὀρφανούς.

3. Murmuriosus. Susurriosus.

При объясненіи *murmuriosus* я исходилъ („Матеріалы для исторической грамматики латинскаго языка", стр. 120) изъ предположенія о существованіи имени *murmurium* (ср. ит. *mormorio*). Такое имя дѣйствительно засвидѣтельствовано въ поздней латыни — см. Arch. f. lat. Lex. III 261, а также Monum. Germ. II 484 A,15 (et hoc absque *murmurio* bono et pio animo exercebat eis ministerium). Въ глоссаріяхъ дано, повидимому, и синонимическое *susurrium*, лежащее въ основаніи *susurriosus* — см. Corp. III 164, 44: ψιθυρισμός *sufarium* (a: *susurrium*).

4. Glorius. Somniosus. Fortunium.

Въ тѣхъ же „Матеріалахъ" (стр. 121 и 263) я объяснялъ *somniosus* „сонливый" аналогіей со стороны отрицательнаго *insomniosus* и приводилъ въ параллель *glorius*, возникшее при *inglorius* (Bücheler Carm. Epigr. 506, ср. еще Arch. f. lat. Lex. III 137). Могу указать еще *fortunium* (Arch. f. lat. Lex. III 135), несомнѣнно образовавшееся по аналогіи *infortunium*.

5. Hircuosus.

Тамъ же (стр. 115) я смотрѣлъ на Апулеево *hircuosus* не какъ на форму, образованную для семасіологиче-

скаго противоположенія къ *hircosus*, но какъ на ороографическій варіантъ къ *hirquosus*. Къ аргументамъ, приведеннымъ въ „Матеріалахъ", я могу присоединить еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ Нонія, — именно подъ буквой *c* у него встрѣчаются (отчасти съ ороографіей *cu*) *querellae* (p. 196); *quassare*, *quassatum* (254), *quatere* (272).

6. Limentinus. Flumentana. Vimentum. Legumentum. Carmentare.

Limentinus „богъ порога" (Arnob. IV 9: quis *Limentinum*, quis Limam custodiam liminum gerere et ianitorum officia sustinere..., c. 11: *Limentinum* praesidem liminum — ср. Tertull. *Idol.* 15: *Limentinum* a limine и пр.). Имя это, напоминая собою (впрочемъ, можно думать, болѣе позднее) *Argentinus* (Augustin. *c. d.* IV 21: (quid necesse erat commendare nascentes) deo Aescolano et filio eius *Argentino*, ut haberent aeream argenteamque pecuniam? Nam ideo patrem Argentini Aescolanum posuerunt, quod prius aerea pecunia in usu coepit esse, post argentea), предполагаетъ существованіе стараго **limen-tum*, параллельнаго образованія къ извѣстному *limen*. Такъ полагалъ еще Грасманъ въ своей статьѣ объ именахъ италійскихъ боговъ (въ 16 т. Kuhn's Zeitschrift), такъ приходится думать и теперь, въ виду того, что параллельныя образованія на *-mentum* къ именамъ на *-men* существовали (пожалуй, даже возникали) въ различныя эпохи исторіи латинскаго языка. Оставляя въ сторонѣ факты общеизвѣстные, укажемъ слѣдующіе: 1) *Flumentāna* porta Romae appellata, quod Tiberis partem ea fluxisse adfirmant (Paul. Fest. Th. d. P. 63 и мн. др.) — отъ **flumen-tum* при *flumen*; 2) на ряду съ обычнымъ *vimen* Тацитъ *Ann.* XII 16 употребляетъ образованіе *vimentum*; 3) при *legūmen* изъ Геллія извѣстно *legumentum* IV 11 § 4 и § 10); 4) при *carmen* (отъ *carpere*) и про-

изводномъ отъ него *carminare* въ позднемъ языкѣ существовало также *carmentare* (отъ **carmentum*) — см. Arch. f. lat. Lex. I 282.

7. Fontīnālia: Fontānālia.

Paul. Fest. Th. d. Pon. 60: *Fontinalia* fontium sacra, unde et Romae *Fontinalis* porta. Такое же образованіе засвидѣтельствовано и другими источниками, но у Варрона *l. l.* VI 22 дано *Fontanalia* (и только въ одной рукописи *Fontinalia*). Второй варіантъ вполнѣ ясенъ: въ основѣ его лежитъ *Fontānus* или *Fontāna*, зазвидѣтельствованное въ смыслѣ *Fons* въ надписяхъ (см. Preller Röm. Mythol. II³ 126); но первой формой какъ-то мало занимались и даже предполагали въ ней, что̀ безусловно ошибочно, краткое *i*. Я думаю, что она древнѣе второй (т. е. Варроновскаго варіанта), и вывожу ее изъ **fontīnus* (отъ *fons*); такое образованіе при обычномъ *fontānus* напоминало бы отношеніе между обычнымъ *montanus* и старымъ названіемъ горнаго бога *Montinus* (Arnob. IV 9: quis [est qui credat] *Montinum* [praesidem esse] montium).

8. Frutis. Frutīnal.

Paul. Fest. 64: *Frutinal* templum Veneris Fruti (въ другихъ источникахъ эта Венера называется Frutis). Въ *Frutinal* я также вижу долгое *i* и произвожу это образованіе непосредственно отъ **Frutīnus* или, лучше сказать, **Frutīna* (ср. *Libentina*): такое субстантивированное прилагательное въ смыслѣ *Frutis* напоминало бы только что упомянутыя *Fontanus* и *Fontana* при *Fons* [1]).

---

[1]) Не бросаетъ ли это свѣта на одно изъ прозвищъ Аполлона — *Belinus* (или *Belenus*) при *Belis*? (см. Preller o. c. I. 312).

Съ образованіемъ *Frutīnal*, какъ названіемъ святилища, можно было бы сопоставить: 1) *Pomonal* est in agro Sabino, vie Ostiensi ad duodecimum lapidem deverticulo a miliario octavo (Fest. 330); 2) *Bacchanal*[1]) у Liv. XXXIX 18 § 7: ut omnia *Bacchanalia*.... diruerent, extra quam si qua ibi vetusta ara aut signum consecratum esset; 3) *Fagutal* sacellum Iovis... (Paul. Fest. 62); 4) *Bidental* dicebant quoddam templum (id. 24).

9. **Ignosco.**

Глаголъ *ignosco* еще нѣкоторые изъ древнихъ грамматиковъ понимали въ смыслѣ *non nosco* (напр. Fronto *de differ.*: *ignoscit* qui dissimulat se nosse quod comperit et ita silentio peccata impunita dimittit; concedit qui omnia peccata condonat). Этотъ взглядъ раздѣляли и нѣкоторые изъ современныхъ филологовъ и лексикографовъ, напр. Bergk въ Neue Iahrb. f. Phil. CVII p. 43, или Klotz, который въ своемъ словарѣ договорился до утвержденія, что *ignoscere*, судя по его сопоставленію съ *cognoscere* у Теренція *Heaut.* 2, 1, 6 и *Eun.* prol. 42, является рѣшительной противоположностью къ *cognoscere* („*ignosco* etwas nicht kennen lernen wollen, über = und nachsehen"). Но уже a priori правильнѣе распространенная этимологія, въ силу которой *ignosco* представляетъ собою сложеніе предлога (точнѣе, praeverbium) *in*+*gnosco* (какъ бы *einsehen*), т. е. вдуматься въ проступокъ, принять во вниманіе смягчающія обстоятельства и затѣмъ

---

[2]) Кстати по поводу *Bacchānal* въ смыслѣ священнодѣйствія можно замѣтить, что оно предполагаетъ **Bacchānus* „принадлежащей Вакху, служитель Вакха" и, слѣдовательно, значитъ „*Bacchanorum sacrum sive festum", ср. *Lupercalia* (Lupercorum festum), *Paganalia*, sacra *municipalia*, *popularia*, ср. далѣе *paganicae* feriae (Varro *ling. lat.* VI 26), *curionia* sacra „quae in curiis fiebant" Paul. Fest. 44 (точнѣе quae per curionem fiebant).

простить его (ср. извѣстную французскую пословицу: tout comprendre c'est tout pardonner). Это значеніе *ignoscere* съ нѣкоторыми любопытными дополнительными нюансами какъ разъ и засвидѣтельствовано въ текстахъ, не исключая и цитатъ изъ Теренція: подсудимый самъ признаетъ за собой вину (delictum, peccatum, пожалуй даже culpa), ссылается на то, что совершилъ ее невольно, безъ злого умысла; умудренный житейскимъ опытомъ и знаніемъ человѣческой души, справедливый (aequus), снисходительный (lenis, facilis) судья, производитъ слѣдствіе, изучаетъ дѣло (*cognoscit*) и, *отнюдь не игнорируя вины, но лишь принимая во вниманіе указанныя смягчающія обстоятельства*, прощаетъ *(ignoscit, concedit, remittit)* [1]).

Обратимся теперь къ отрывку изъ Hautontimorumenos (v. 213 sq.): Клитифонъ жалуется на то, что отцы — iniqui iudices по отношенію къ молодымъ сыновьямъ: они не принимаютъ во вниманіе потребностей молодости они считаютъ справедливымъ, чтобы молодые люди съ колыбели дѣлались стариками, они руководятся, при оцѣнкѣ поступковъ молодежи, своимъ теперешнимъ настроеніемъ, а не тѣмъ, которое у нихъ самихъ было въ молодости; но если бы у Клитифона былъ сынъ, то послѣдній нашелъ бы въ немъ facilem patrem: nam *et cognoscendi et ignoscendi* dabitur peccati locus. Здѣсь *cognoscere* и *ignoscere*, очевидно, не только не исключаютъ, но какъ разъ дополняютъ другъ друга.

Еще яснѣе мѣсто изъ „Евнуха“. Теренція упрекаютъ въ плагіатѣ (furtum) у Невія и Плавта. Это не преступленіе, заявляетъ поэтъ, это можетъ быть только peccatum: (v. 27) si id est peccatum, peccatum *imprudentiast* (смягчающій моментъ!) poetae, non quo furtum fa-

[1]) *ignoscere* и *concedere* напр. Cic. *Verr.* II 162, *pro Rosc.* 3, *Verr.* IV 126; *ignoscere* и *remittere* напр. Vell. Paterc. II 30 § 3: familiare est hominibus omnia sibi *ignoscere*, nihil aliis *remittere* и мн. др.

cere studuerit: id ita esse vos iam iudicare poteritis. Далѣе приводятся другія смягчающія обстоятельства (vv. 30—41): персонажи „Евнуха“ заимствованы не у Плавта и Невія, но изъ первоисточника — изъ греческой комедіи. Въ виду этого Теренцій проситъ своихъ судей-зрителей ознакомиться съ дѣломъ (cognoscere) и простить (ignoscere) ему, что онъ поступилъ такъ же, какъ неоднократно поступали его предшественники (v. 42):

quare aequom est vos *cognoscere atque ignoscere*
quae veteres factitarunt si faciunt novi

Сюда очень хорошо идетъ замѣчаніе Светонія объ Августѣ (c. 33): dixit ius non diligentia modo summa, sed et l e n i t a t e. Cum de falso testamento ageretur, non tantum duas tabellas damnatoriam et absolutoriam *cognoscentibus* dedit, sed tertiam quoque, qua *ignosceretur* iis, quos f r a u d e ad signandum vel e r r o r e inductos constitisset.

Равнымъ образомъ очень интересно сопоставленіе обоихъ глаголовъ и — у Цицерона *pro Rosc.* § 3: ego si quid liberius dixero,... ignosci adulescentiae poterit, tametsi non modo *ignoscendi* ratio, verum etiam *cognoscendi* consuetudo iam de civitate sublata est; т. е., трудно ждать помилованія тамъ, гдѣ, при суммарномъ разборѣ дѣлъ (какъ это было во время проскрипцій), не производится основательнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, cognitio разсматривается здѣсь какъ бы постулатъ ignoscendi rationis, и я находилъ бы нѣсколько искусственнымъ примѣчаніе къ этому мѣсту у Scholiasta Gronovianus: „inter *ignoscere* et *cognoscere* hoc interest. *Ignoscere* est: erravi, da veniam. *Cognoscere*: non erravi, audi me“.

Объ *игнорированіи* проступка или промаха во всѣхъ этихъ примѣрахъ, особенно въ первыхъ трехъ, и рѣчи нѣтъ; ср. Terent *Phorm.* 1014: ego esse in hac re c u l p a m meritum non nego, sed ea quin sit *ignoscenda*; въ качествѣ смягчающихъ обстоятельствъ, которыя впрочемъ Паусистрата находитъ недостаточными, приводятся: nam neque neglegentia tua neque odio id fecit tuo: vinolen-

tus.... (v. 1035): *ignosce:* orat confitetur purgat; см. примѣчаніе Доната, который не безъ остроумія усматриваетъ въ этомъ отрывкѣ подробно развитую схему „locus principalis ἀπὸ τῆς συγγνώμης καὶ εὐνοίας“.

Съ этимъ мѣстомъ можно сопоставить отрывокъ изъ Плавта *Aul.* 736: Deus impulsor mihi fuit. Fateor peccavisse et me culpam commeritum scio: id adeo te oratum advenio, ut animo aequo *ignoscas* mihi; v. 745: vini vitio atque amoris feci; v. 752: tibi ultro supplicatum venio ob stultitiam meam; v. 792: ut siquid ego erga te inprudens peccavi aut gnatam tuam, ut mi *ignoscas*. Ср. также *Miles* 542: inscitiae mea et stultitiae *ignoscas*, v. 547: meruisse equidem me maxumum fateor malum et tuae fecisse me hospite aio iniuriam; v. 561: nunc demum a me insipienter factum esse arbiitror, quom rem cognosco. at non malitiose tamen feci. v. 568: vincam animum meum, ne malitiose factum id esse abs te arbitrer. *ignoscam* tibi istuc.

Обратимъ теперь вниманіе на слѣдующее интересное мѣсто въ *Rhet. ad Herenn.* II 23: *concessio* est, per quam nobis *ignosci* postulamus. Ea dividitur in purgationem et deprecationem. Purgatio est, quum consulto a nobis factum negamus. Ea dividitur in necessitudinem, fortunam, imprudentiam;.... § 24: loci communes in his causis: accusatoris contra eum, qui quum se peccasse confiteatur, tamen oratione iudicium demoretur: defensoris, de humanitate, misericordia; voluntatem in omnibus rebus *spectari* convenire (т. е. защитникъ долженъ указать гуманному судьѣ, что ему слѣдуетъ войти въ положеніе подсудимаго); quae consulto facta non sint, ea fraudi esse non oportere. § 25: deprecatione utemur, quum fatebimur nos peccase neque id imprudentes aut fortuito aut necessario fecisse dicemus et tamen *ignosci* nobis postulamus. Hic *ignoscendi ratio* quaeritur ex his locis, si plura aut maiora officia quam maleficia videbuntur constare (наличность проступка, признаваемая подсудимымъ и его защитникомъ, слѣдовательно, *не игнорируется*

и судьею; судью только просятъ отнестись къ проступку мягче, не преувеличивать его значенія); si qua virtus aut nobilitas erit in eo, qui supplicabit; si qua spes erit usui futurum, si sine supplicio discesserit; si ipse ille supplex mansuetus et misericors in potestatibus ostendetur fuisse; si ea, quae peccavit, non odio neque crudelitate, sed officio et recto studio commotus fecit; si tali de causa aliis quoque ignotum est; si nihil ab eo periculi nobis futurum videbitur, si eum missum fecerimus; si nulla a nostris civibus aut ab aliqua civitate vituperatio ex ea re suscipietur. § 26: loci communes: de humanitate, fortuna, misericordia, rerum commutatione (cp. Cic. *de invent.* II §§ 94—109 [1]), а также *Part. orat.* 131).

---

[1]) § 105 этого послѣдняго отрывка заключаетъ въ себѣ, съ перваго взгляда, дѣйствительное противоположеніе между *ignoscere* и *cognoscere;* но въ сущности дѣло идетъ объ исключительномъ случаѣ: подсудимый не можетъ привести вполнѣ смягчающихъ обстоятельствъ, такимъ образомъ нѣтъ большой надобности основательно *cognoscere* его прежнее поведеніе; а потому онъ молитъ о помилованіи (*ignoscere* — очевидно въ усиленномъ значеніи): de Q. Numitorio Pullo apud L. Opimium et eius consilium diu dictum est, et magis in hoc quidem *ignoscendi* quam *cognoscendi* postulatio valuit. Nam semper animo bono se in populum Romanum fuisse non tam facile probabat, cum coniecturali constitutione uteretur, quam ut propter posterius beneficium sibi ignosceretur, cum deprecationis partes adiungeret. Значитъ, въ этомъ случаѣ cognitio является лишь менѣе существеннымъ, чѣмъ обыкновенно, моментомъ въ ignoscendi ratio. Ср. впрочемъ *pro Ligar.* § 13: quid amplius postulatis? an, ne *ignoscatur?* hoc vero multo acerbius multoque est durius. quod nos petimus precibus, lacrimis, strati ad pedes, non tam nostrae causae fidentes quam huius humanitati....

Но, можетъ быть, еще важнѣе въ данномъ случаѣ соображенія культурно-историческаго характера. Старинный римскій судъ былъ несравненно строже и прямолинейнѣе суда Цицероновскихъ временъ: въ старину прощали такой проступокъ, который совершенъ былъ при особыхъ, вполнѣ объяснимыхъ условіяхъ; но при очень развитой политической жизни за послѣдніе 150—100 лѣтъ существованія республики, поми-

Отдѣльные пункты этого общаго положенія не трудно подтвердить параллелями изъ рѣчей Цицерона.

Очень характерны тѣ отрывки изъ рѣчи за Мурену, въ которыхъ Цицеронъ шутитъ надъ прямолинейнымъ стоицизмомъ Катона, напр. § 62: fatetur aliquis se peccasse et sui delicti veniam petit: nefarium est facinus *ignoscere*. На это Цицеронъ замѣчаетъ, что, между прочимъ, надо принимать во вниманіе разницу между видами проступковъ (§ 63): nostri illi moderati homines et temperati aiunt apud sapientem valere aliquando gratiam, viri boni esse misereri, d i s t i n c t a g e n e r a e s s e delictorum et i m p a r e s p o e n a s, esse apud hominem constantem *ignoscendi* locum (ср. Horat. *sat.* I 4, 130: m e d i o c r i b u s et quis *ignoscas* vitiis).

Годятся для дѣла и отрывки изъ рѣчи за Лигарія (per deprecationem), напр. § 30: *ignoscite:* erravit, lapsus est, non putavit; si umquam posthac!... sed ego apud parentem loquor: erravit, temere fecit, paenitet; ad clementiam tuam confugio, delicti veniam peto, ut *ignoscatur* oro.

лованіе зависѣло часто отъ случайныхъ политическихъ комбинацій (завѣдомо виновный и не отрицающій своей вины человѣкъ могъ разсчитывать на оправданіе, если партія, къ которой онъ принадлежалъ, въ данный моментъ чувствовала себя сильной); не малую роль играли также чувствительность судей и драматическіе таланты и наклонности адвокатовъ, злоупотреблявшихъ deprecatio. Такимъ образомъ, становились возможными помилованія безъ точнаго анализа проступка; но, какъ бы то ни было, даже и при такомъ положеніи дѣла, проступокъ *не игнорировался* судьей, измѣнился только взглядъ на смягчающія обстоятельства: прощали иногда за болѣе или менѣе чистосердечное раскаяніе, прощали въ счетъ будущихъ заслугъ, по крайней мѣрѣ, за обѣщаніе исправиться и т. д. Если, при такихъ особенно характерныхъ культурныхъ условіяхъ, мы и нашли бы въ сравнительно позднихъ текстахъ подобіе противоположенія между *cognoscere* и *ignoscere*, то это нисколько не говорило бы противъ первоначальнаго значенія *ignoscere* понимать положеніе подсудимаго и потому прощать его“.

Въ очень любопытномъ отрывкѣ изъ *Adelphoe* Теренція *ignoscitur*, въ виду раскаянія молодого человѣка, проступокъ, совершенный имъ при вполнѣ объяснимыхъ обстоятельствахъ, — v. 463:

maior filius tuos Aeschinus neque boni
Neque liberalis functus officiumst viri.
... Filiam eius (Simuli) vitiavit.
DE. Hem? HE. Mane. nondum audisti, Demea,
Quod est gravissimum. DE. An quid est etiam amplius?
HE. Vero amplius. nam hoc quidem ferundum aliquo modost.
Persuasit nox, amor, vinum, adulescentia.
Humanumst. ubi scit factum, ad matrem virginis
Venit ipsus ultro lacrumans, orans, obsecrans,
Fidem dans, iurans se illam ducturum domum,
Ignotumst, tacitumst, creditumst.

Интересно замѣчаніе Доната по поводу humanumst: hoc dicere solemus, ubi peccatum quidem non negamus, sed tolerabile esse dicimus; о другихъ подробностяхъ проступка и раскаянія тотъ же Донатъ основательно говоритъ:

haec omnia ab impulsionis parte dicuntur, non a ratiocinationis,.... quia qui impulsione peccat, non peccat ratiocinatione.

Можно еще указать примѣры, гдѣ въ *ignoscere* подчеркивается идея милосердія и снисходительности, напр. Ovid. *Met.* VIII 598: si mitis et aequus, si pater Hippodamas, aut si minus impius esset, debuit illius misereri, *ignoscere* nobis; но характернѣе случаи употребленія *ignoscere* съ преобладающимъ оттѣнкомъ пониманія того положенія, въ которомъ находится ближній. Въ этомъ смыслѣ можно было бы толковать извѣстное мѣсто изъ *Метаморфозъ* Овидія (VII 83) о Медеѣ:

ut vidit iuvenem, specie praesenti inarsit.
Et casu, solito formosior Aesone natus
Illa luce fuit. Posses *ignoscere* amanti.

Cic. *pro Caelio* § 25: *ignoscebam* vobis (i. d. iudicibus) attente audientibus, propterea quod egomet tam triste illud et asperum genus orationis horrebam; дѣло идетъ здѣсь не столько о прощеніи или извиненіи (со стороны адвоката, заискивающаго у присяжныхъ, это было бы не деликатно), сколько именно о пониманіи психологіи судей.

Cic. *ad Fam.* V 2 § 10: ego dolori tuo non solum *ignosco*, sed summam etiam laudem tribuo, — meus enim me sensus, quanta vis fraterni amoris sit, admonet; a te peto, ut tu quoque aequum te iudicem dolori meo praebeas. Это вѣжливое и въ то же время колкое письмо написано было въ отвѣтъ на рѣзкое и заносчивое письмо проконсула Метелла Целера, обиженнаго за своего брата трибуна Метелла, съ которымъ Цицеронъ былъ въ ссорѣ. *Ignoscere* врядъ ли можетъ имѣть здѣсь ясно выраженное значеніе „извинять“, тѣмъ болѣе что amor fraternus никогда не считался проступкомъ или заблужденіемъ.

Думается, что этихъ примѣровъ совершенно достаточно для подтвержденія основной мысли даннаго очерка. Можно прибавить еще, что сходный по образованію греч. глаголъ συγγιγνώσκειν, равно какъ и соотвѣтствующія имена, употребляется съ тѣми же нюансами, какъ *ignoscere*; такъ напр. συγγνώμη предполагаетъ πρᾳότης. Soph. *Trach* 274 Зевсъ разгнѣвался на Геркулеса за коварство, но εἰ ἐμφανῶς ἠμύνατο, Ζεύς τἂν συγγνοίη ξὺν δίκῃ χειρουμένῳ. *Electr.* 256 героиня, признавая себя неправой (впрочемъ, лишь въ чрезмѣрной печали), проситъ извиненія въ виду особыхъ обстоятельствъ: αἰσχύνομαί μέν..., ἀλλ' ἡ βία γὰρ ταῦτ' ἀναγκάζει με δρᾶν, σύγγνωτε.

Еще лучше рѣчь Исмены *Antig.* 61, гдѣ σύγγνοια основывается на ἐννοεῖν:

ἀλλ' ἐννοεῖν χρὴ τοῦτο μὲν γυναῖχ' ὅτι
ἔφυμεν, ὡς πρὸς ἄνδρας οὐ μαχουμένα·
ἔπειτα δ' οὕνεκ' ἀρχόμεσθ' ἐκ κρεισσόνων....
ἐγὼ μὲν οὖν αἰτοῦσα τοὺς ὑπὸ χθονός

ξύγγνοιαν ἴσχειν, ὡς βιάζομαι τάδε,
τοῖς ἐν τέλει βεβῶσι πείσομαι.

Весьма интересно также одно мѣсто изъ *Киропедіи* Ксенофонта (VI 1 § 36), гдѣ Киръ не только вполнѣ понимаетъ безтактность чрезмѣрно влюбленнаго Араспы, но даже готовъ взять на себя отвѣтственность за его проступокъ: ἐγὼ γὰρ θεούς τε ἀκούω ἔρωτος ἡττῆσθαι, ἀνθρώπους τε οἶδα καὶ μάλα δοκοῦντας φρονίμους εἶναι οἷα πεπόνθασιν ὑπ᾽ ἔρωτος· καὶ αὐτὸς δ᾽ ἐμαυτοῦ κατέγνων μὴ ἂν καρτερῆσαι ὥστε συνὼν καλοῖς ἀμελεῖν αὐτῶν. καὶ σοὶ δὲ τούτου τοῦ πράγματος ἐγὼ αἴτιός εἰμι. Араспа восторженно отвѣчаетъ: σὺ μέν, ὦ Κῦρε, καὶ ταῦτα ὅμοιος εἶ οἷόσπερ καὶ τἆλλα, πρᾷός τε καὶ συγγνώμων τῶν ἀνθρωπίνων ἁμαρτημάτων.

Михаилъ Покровскій.

Москва.

***

Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности

Н. В. ГОГОЛЯ.

(Поминальная рѣчь на 21 февраля 1902 г. по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня кончины Гоголя).

Сегодня, въ печальный день поминокъ по великомъ русскомъ писателѣ Николаѣ Васильевичѣ Гоголѣ прежде всего приходятъ на память его же слова, написанныя въ 1839 году по случаю смерти друга его Іосифа Віельгорскаго, молодого человѣка съ блестящими дарованіями: „Непостижимо странная судьба всего хорошаго у насъ въ Россіи. Едва только успѣетъ показаться — и тотъ же часъ смерть, неумолимая смерть“! Далѣе Гоголь говоритъ: „Прекрасное дается для того, чтобы существовала по немъ вѣчная тоска сожалѣнія, чтобы глубоко и болѣзненно крушилась по немъ душа“.

Дѣйствительно, глубоко и болѣзненно крушится душа, когда вспоминаешь о безвременной кончинѣ многихъ русскихъ великихъ людей — Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова и самого Гоголя. Правда, Гоголь нѣсколькими годами пережилъ ихъ; но при воспоминаніи о послѣднемъ десятилѣтіи его жизни особенно гнететъ душу тоска сожалѣнія: его страдальческая жизнь, разныя невзгоды и трагическая судьба, постигшая плодъ его тяжелыхъ трудовъ надъ продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ» — все это вызываетъ лишь одно горькое чувство. То, чѣмъ Гоголь сначала пріобрѣлъ литературную извѣстность, чѣмъ онъ

потомъ занялъ видное мѣсто между современными ему писателями и чѣмъ наконецъ обезсмертилъ себя — все это сдѣлано имъ въ молодые годы, въ періодъ времени съ 20 по 32-й годъ его жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе онъ работалъ неменѣе прежняго, работалъ упорно, но главный результатъ его трудовъ погибъ, а что осталось изъ написаннаго за это время, то имѣетъ значеніе не столько литературное, сколько біографическое.

Гоголь съ дѣтства былъ очень слабъ здоровьемъ. На свои болѣзни онъ началъ жаловаться рано. Въ 1834 г. онъ писалъ изъ Петербурга Максимовичу: „здоровье мое здѣсь еле держится“. Его тогда манили къ себѣ теплыя страны — Кавказъ или Грузія. Но и въ теплыхъ странахъ, въ Италіи, гдѣ въ послѣдствіи часто и подолгу жилъ, онъ не чувствовалъ себя всегда хорошо. Въ 1838 г. онъ писалъ Погодину изъ Неаполя: „Увы, здоровье мое плохо. Недугъ, для котораго я уѣхалъ, и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь. Моя болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Это несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она говоритъ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься“. Такія жалобы на свои недуги, на ознобы, на постоянную зябкость хилаго организма Гоголь часто высказывалъ и послѣ, особенно въ 1840 г., когда онъ перенесъ тяжелыя болѣзни сначала въ Вѣнѣ, а потомъ въ Римѣ.

Постоянныя болѣзни оказывали пагубное вліяніе на душевное состояніе Гоголя, которое часто было угнетенное. Въ такомъ угнетенномъ душевномъ состояніи, происшедшемъ между прочимъ отъ острыхъ припадковъ тяжкой болѣзни, онъ сжегъ плоды многолѣтнихъ трудовъ надъ «Мертвыми Душами» сначала въ 1845 г., а потомъ передъ самою смертію въ 1852 г.

Душевное состояніе Гоголя, кромѣ физическихъ страданій, омрачалось и другими обстоятельствами. Происходя изъ небогатаго дворянскаго семейства, Гоголь съ самаго выступленія своего на общественное поприще испытывалъ большую нужду и тяготился своимъ необезпечен-

нымъ положенiемъ. На первыхъ порахъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, нужда его доходила до того, что онъ всю зиму въ Петербургѣ отхваталъ въ лѣтней шинели. Чувство печали при нуждѣ иногда смѣнялось у него надеждой на лучшее, когда нѣсколько поправлялись его денежныя дѣла. Въ 1832 г. онъ писалъ своей матери: „Одного молодца вы пристроили. Онъ вамъ больше уже ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года, можетъ быть, будете получать съ него проценты“. Въ 1834 г. онъ писалъ ей же: „можетъ быть, буду такъ счастливъ, что хоть сколько нибудь облегчу вашу возможность уплатить хотя самые нужные долги“. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Не смотря на то, что скоро получилъ онъ большую литературную извѣстность, что сочиненія его печатались и довольно бойко по тогдашнему расходились, доходы его были незначительны, и изъ нихъ онъ почти ничего не могъ удѣлить своимъ нуждающимся роднымъ. Онъ лишь кое какъ могъ удовлетворять свои небольшiя потребности. Мало обезпеченный, Гоголь принужденъ былъ дѣлать займы у друзей. Хотя они охотно снабжали его нужными деньгами, но онъ все таки тяготился своимъ положенiемъ должника и жаловался, напр., въ 1840 году: „О если бы вы знали, какъ мучается бѣдная моя совѣсть, что существованiе мое повисло на плечи великодушныхъ друзей моихъ“. Въ 1841 г., когда рукопись I-го тома «Мертвыхъ Душъ» находилась въ цензурѣ, Гоголь писалъ графу Уварову: „Я нахожусь въ послѣдней крайности; проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и такимъ образомъ я лишаюсь средствъ продлить свое существованiе, необходимое для окончанiя труда моего, для котораго одного я только и живу на свѣтѣ. У меня отнимаютъ мой единственный, мой послѣднiй кусокъ хлѣба... Мнѣ нужно было чѣмъ нибудь поддержать бѣдное свое существованiе, имѣть доходъ“. Въ 1843 г. Гоголь писалъ: „Я отдалъ своимъ сестрамъ свою половину имѣнiя (100 душъ), отдалъ самъ будучи нищимъ и не получая достаточнаго для своего собственнаго пропитанiя.

Я одѣвалъ ихъ и платилъ за ихъ ученье, и, это дѣлая, занималъ и надѣлалъ долговъ. У меня уже давно все мое состояніе самый крохотный чемоданъ и четыре пары бѣлья". Въ это время Гоголь, крайне нуждаясь, просилъ въ займы у С. Аксакова, Шевырева и Жуковскаго 6000 руб. ассигн. на три года. Зная затруднительное положеніе Гоголя, Жуковскій говорилъ А. О. Смирновой: „Вамъ бы надо позаботиться о немъ у Царя и Царицы. Ему необходимо надо имѣть что нибудь вѣрное въ годъ. Сочиненія ему мало даютъ, и онъ въ безпрестанной зависимости отъ завтрашняго дня". Благодаря ходатайству друзей, по представленію графа Уварова, Гоголю дано было Государемъ по 1000 руб. сер. на три года въ видѣ пенсіи; т. е. ему дано было столько же въ годъ, сколько давалось начинающимъ художникамъ, командированнымъ въ Римъ, каковыхъ въ то время было тамъ 15 человѣкъ. Но денежныя дѣла Гоголя и послѣ этого мало поправились. На упрекъ Бѣлинскаго въ 1847 г., что гимнами властямъ предержащимъ набожный авторъ хорошо устраиваетъ свое земное положеніе, Гоголь искренно отвѣчалъ: „Своекорыстныхъ цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе теперь, когда мнѣ пора подумать о смерти. Ничего не хотѣлъ ей (т. е. книгой — «Выбранныя мѣста изъ переписки») выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными. Вспомнили бы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобы легче было разставаться съ міромъ".

Послѣдніе четыре съ половиной года Гоголь прожилъ въ такой же, если не большей нуждѣ, какъ и прежде, и крайне тяготился положеніемъ неоплатнаго должника. Послѣ поѣздки въ 1848 г. въ Іерусалимъ, онъ уже не имѣлъ средствъ жить въ теплыхъ странахъ, гдѣ, по его словамъ, ненатопленное тепло, и окончилъ свое суще-

ствованіе не въ своемъ углу, котораго не могъ устроить, а у своихъ радушныхъ московскихъ друзей.

Не мало душевныхъ тревогъ причиняло Гоголю и сознаніе, что задача, взятая имъ на себя, туго и медленно разрѣшается. На приглашеніе Смирновой въ 1845 году пріѣхать въ Петербургъ, Гоголь писалъ: „Пріѣздъ мой мнѣ былъ бы не въ радость: одинъ упрекъ только себѣ видѣлъ бы я во всемъ, какъ человѣкъ, посланный за дѣломъ и возвратившійся съ пустыми руками, которому стыдно даже и заговорить, стыдно и лице показать". Напоминанія друзей о необходимости продолженія и окончанія «Мертвыхъ Душъ» еще болѣе усиливало его тревоги, и онъ такія напоминанія называлъ тяжелымъ для него понужденіемъ.

Не смотря на усиливавшіяся болѣзни, на разныя жизненныя невзгоды и на отсутствіе вдохновенія, о чемъ онъ часто писалъ своимъ роднымъ и друзьямъ и просилъ ихъ молиться за него, онъ постоянно работалъ надъ продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». По словамъ самого Гоголя и по другимъ извѣстіямъ, первоначальный сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» данъ былъ ему въ 1834 г. Пушкинымъ, который самъ хотѣлъ сдѣлать его предметомъ поэмы. Въ ней должна была выступить въ существенныхъ чертахъ окружавшая его дѣйствительность, которую онъ частію затронулъ уже въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Пушкинъ разсказалъ Гоголю о недавнемъ происшествіи, случившемся неподалеку отъ села Михайловскаго, объ аферистѣ, скупившемъ сотни умершихъ крестьянъ для залога ихъ въ Опекунскій Совѣтъ; разсказывая это, Пушкинъ указалъ на Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся, говорилъ Пушкинъ, за «Донъ Кихота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями.

Гоголь послѣ разговора скоро началъ набрасывать очерки для поэмы, которые читалъ Пушкину, и находилъ въ немъ сочувствіе и одобреніе. По плану Пушкина, герой поэмы долженъ объѣхать всю Россію, входить въ сно-

шенія съ разнообразными людьми и такимъ образомъ характеризовать русскую жизнь. По мысли Пушкина и по свойству таланта Гоголя, произведеніе должно было быть юмористическимъ и представить вѣрную и живую картину тогдашней жизни: здѣсь припомнимъ слова Пушкина, сказанныя послѣ выслушанныхъ имъ первыхъ набросковъ Гоголя: „Я не написалъ бы лучше; въ Гоголѣ бездна *юмору* и наблюдательности, которыхъ въ иныхъ нѣтъ". И самъ Гоголь писалъ Пушкину въ 1835 г.: „Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и кажется будетъ *сильно смѣшонъ*. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь". Черезъ годъ онъ писалъ и Жуковскому изъ Веве: „Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно совершить, то какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча. Вся Русь я́вится въ немъ. Это будетъ первая моя порядочная вещь, которая вынесетъ мое имя".

Мѣсяца черезъ два послѣ этого Гоголь получаетъ роковую для него вѣсть о кончинѣ Пушкина. Эта вѣсть какъ громомъ поразила его. Въ письмахъ по этому поводу къ Плетневу, Погодину и Жуковскому Гоголь выражаетъ свою глубокую скорбь и высказываетъ опасеніе, что не въ силахъ будетъ продолжать трудъ, внушенный ему Пушкинымъ, который взялъ съ него клятву продолжать, и этотъ трудъ обратился для него въ священное завѣщаніе.

Во время работъ Гоголя надъ первою частію «Мертвыхъ Душъ» у него возникаетъ мысль о другихъ частяхъ. Въ концѣ декабря 1840 г. онъ писалъ С. Аксакову: „Дальнѣйшее продолженіе выясняется въ головѣ чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ выйдетъ кое что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначющій сюжетъ, котораго первыя невинныя и скромныя главы вы уже знаете". Въ письмѣ же къ Погодину онъ еще прибавляетъ: „Вижу, что пред-

метъ становится глубже и глубже". Въ началѣ слѣдующаго 1841 г., говоря о своей работѣ надъ продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь высказываетъ даже надежду окончить ихъ въ три года, если только будутъ свѣжія минуты. Посылая въ 1842 году Жуковскому первую часть «Мертвыхъ Душъ», Гоголь писалъ: „Я передѣлалъ ее много съ того времени, какъ читалъ вамъ первыя главы; но все однако не могу не видѣть ея малозначительности въ сравненіи съ другими, имѣющими послѣдовать ей частями. Она по отношенію къ нимъ все мнѣ кажется похожею на придѣланное губернскимъ архитекторомъ крыльцо ко дворцу, который задуманъ строиться въ колоссальныхъ размѣрахъ". Въ это же время, по поводу замѣчанія С. Аксакова, что восторженность во многихъ мѣстахъ первой части «М. Д.» казалась ему доходящею до смѣшного излишества, Гоголь писалъ ему: „Это правда, потому что полное значеніе лирическихъ намековъ можетъ изъясниться только тогда, когда выйдетъ послѣдняя часть".

Въ нашей журнальной литературѣ («Вѣстн. Евр.» А-й Веселовской) уже высказывалось мнѣніе, что первоначальной планъ у Гоголя измѣнился и переработался въ новый подъ вліяніемъ идеи о возрожденіи, возможномъ для нравственно павшихъ людей. По аналогіи съ «Божественной комедіей» Данта «Мертвыя Души» должны были состоять изъ трехъ частей: первая часть должна была соотвѣтствовать Аду, вторая — Чистилищу и третья — Раю. Первая часть была приготовлена и напечатана. Изъ оставшихся отрывковъ второй части видно, что Чичиковъ начинаетъ просвѣтляться, у него является стремленіе покончить съ прежнею жизнію и сдѣлаться лучшимъ. То же стремленіе къ лучшему видно и у другихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ третьей части Чичиковъ долженъ былъ явиться совершенно преобразившимся, какъ и остальныя лица; кромѣ того, здѣсь же, по замыслу Гоголя, должны были явиться личности идеальныя — мужъ, одаренный божескими доблестями, и чудная русская дѣвица, полная самоотверженія. Для послѣдней части, кажется, при-

готовлено было очень мало; кажется, Гоголь подъ конецъ жизни оставилъ и прежнюю свою мысль—съ священнымъ ужасомъ и грознымъ величіемъ поразить ослѣпленныхъ людей. Онъ говорилъ тогда, что молитъ Бога только о томъ, чтобы Онъ превратилъ его всего въ одинъ благодарный гимнъ Ему, чтобы сподобилъ недостойнаго и грѣшнаго превратиться въ одну благодарную пѣснь Ему. Такъ писалъ Гоголь въ концѣ 1850 г. къ о. Матвѣю, а за 19 дней предъ смертію онъ проситъ Жуковскаго помолиться, чтобы работа его была истинно добросовѣстна и чтобы онъ хоть сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной. Въ этихъ предсмертныхъ желаніяхъ и заявленіяхъ слышатся какъ бы отголоски славословій Дантовскаго Рая, славословій, которыя должны были войти въ третью часть «Мертвыхъ Душъ».

Надъ продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголь работалъ усиленно; по словамъ его, этотъ трудъ занялъ его совершенно всего; и оторваться отъ него на минуту есть уже мое несчастіе, писалъ Гоголь въ 1842 г. Но чѣмъ далѣе онъ трудился надъ ними, тѣмъ болѣе видѣлъ трудностей привести ихъ къ концу. Въ 1843 г. онъ находилъ, что болѣе потребуется времени, чѣмъ три года. Онъ писалъ Прокоповичу: „Загляни въ жизнеописаніе сколько нибудь знаменитаго автора. Что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя? Всю жизнь — ни больше, ни меньше. Гдѣ ты видѣлъ, чтобы произведшій эпопею произвелъ сверхъ того пять, шесть другихъ“. Въ это же время Гоголь писалъ, что продолжаетъ набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе «Мертвыхъ Душъ». „Трудъ и терпѣніе и даже приневоливаніе себя награждаютъ меня много“. А въ 1844 г. онъ пишетъ: «Мертвыя Души» пишутся слишкомъ медленно и совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлось, и препятствія этому частію происходятъ и отъ болѣзни и еще чаще отъ меня самаго. Онъ говоритъ далѣе, что хочется ему поумнѣть и воспитать себя чтеніемъ книгъ.

Лѣтомъ 1845 г. Гоголя постигла тяжкая болѣзнь, которая продолжалась до конца года. Объ ней онъ писалъ послѣ Погодину: „Болѣзненныя состоянія до такой степени были невыносимы, что повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое то лѣкарство или облегченіе“.

Въ это время, видя передъ собою смерть, Гоголь сжегъ то, что у него написано было для продолженія «Мертвыхъ Душъ». „Нелегко было, писалъ Гоголь въ послѣдствіи, сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскреснуло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что я уже считалъ порядочнымъ и стройнымъ“.

Изъ четвертаго письма Гоголя о «Мертвыхъ Душахъ» можно вывести заключеніе, что въ сожженной редакціи у него выведено было нѣсколько прекрасныхъ характеровъ. Это онъ нашелъ вреднымъ, соблазнительнымъ, могущимъ возбудить только пустую гордость и хвастовство. „Бываетъ время“, писалъ онъ, „когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало развито во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», а оно должно было быть едва ли не главное“.

Съ самаго начала 1846 г. Гоголь начинаетъ говорить о необходимости приготовленія второго тома «Мертвыхъ Душъ» Въ письмѣ къ графу Александру Петровичу Толстому онъ говоритъ, что „этотъ трудъ нужнѣй и нужнѣй, чѣмъ далѣ становится въ нынѣшнее время

и который хотѣлъ бы совершить быстрѣй и умнѣй во имя Божіе“. Въ мартѣ онъ пишетъ Жуковскому, что ему удалось кое что написать изъ «Мертвыхъ Душъ». Въ это время онъ проситъ друзей о присылкѣ ему разныхъ свѣдѣній, проситъ, какъ напр. Смирнову, опредѣлить характеръ всѣхъ живущихъ въ Калугѣ, не пропускать мелочей и подробностей: „я, говоритъ онъ, до нихъ охотникъ“. Онъ проситъ друзей о присылкѣ ему русскихъ словъ, описаній крестьянскихъ издѣлій и ремеслъ. По поводу этого онъ писалъ: „не будутъ живы мои образы, если я не состроюю ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякій почувствуетъ, что это изъ его же тѣла“.

Въ предисловіи ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ Душъ» Гоголь обращается и ко всему русскому обществу съ просьбою сообщать ему свѣдѣнія о русской жизни, чтобы узнать ее со всѣхъ сторонъ, это необходимо ему для слѣдующихъ томовъ. Съ цѣлію, чтобы „узнать многія незнакомыя ему стороны русскаго человѣка и чтобы новая его книга была вся природа и правда, проста, понятна и всѣмъ доступна“, Гоголь издалъ выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. По выходѣ книги, онъ желалъ знать всѣ толки даже пустые о немъ и его книгѣ и по поводу этого писалъ Плетневу: „Въ толкахъ этихъ я ищу не столько поученія себѣ, сколько короткаго знанія тѣхъ людей, которыхъ мнѣ нужно знать. Въ сужденіяхъ о моихъ сочиненіяхъ обнаруживается самъ человѣкъ. Предметъ моего художества современный человѣкъ, и мнѣ нужно знать его не по одной внѣшней наружности. Мнѣ нужно знать душу его, ея нынѣшнее состояніе. Ни Карамзинъ, ни Жуковскій, ни Пушкинъ не избрали этого въ предметъ своего искусства, потому и не имѣли надобности въ этихъ толкахъ“.

Въ самомъ концѣ 1847 г. предъ поѣздкой въ Іерусалимъ Гоголъ писалъ Жуковскому: „Послѣ выхода перваго тома «Мертвыхъ Душъ» нашло на меня вновь безблагодатное состояніе. Изгрызалось перо, раздражались

нервы и силы и ничего не выходило. Я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня. И вдругъ болѣзнь и тяжкія душевныя состоянія, оторвавши меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту: къ наблюденію внутреннему надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой... Съ этихъ поръ способность творить стала пробуждаться; живые образы начинаютъ выходить ясно изъ мглы; чувствую, что работа пойдетъ и языкъ будетъ правиленъ и звученъ, а слогъ окрѣпнетъ. И, можетъ быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно въ слѣдъ за твоей, промолвивши: оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга. Хочу заняться крѣпко «Мертвыми Душами»“.

По возвращеніи изъ Іерусалима Гоголь работалъ надъ «Мертвыми Душами» въ Москвѣ, у него было кое что такъ отдѣлано, что онъ могъ читать другимъ. Въ окт. 1848 г. онъ писалъ графинѣ Віельгорской: „Мнѣ хотѣлось бы сильно, чтобы наши лекціи съ вами начались вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ». Послѣ нихъ легче и свободнѣе было бы душѣ моей говорить о многомъ. Много сторонъ русской жизни еще доселѣ не обнаружено ни однимъ писателемъ. Хотѣлъ бы я, чтобы по прочтеніи моей книги люди всѣхъ партій и мнѣній сказали: онъ знаетъ точно русскаго человѣка, не скрывши ни одного нашего недостатка, онъ глубже всѣхъ почувствовалъ наше достоинство. Хотѣлось бы также заговорить о томъ, о чемъ еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чемъ неясные звуки и намеки уже разсѣяны въ самыхъ первоначальныхъ моихъ сочиненіяхъ“. Черезъ мѣсяцъ онъ писалъ Плетневу: „Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ «Мертвыхъ Душъ». Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе русскаго духа. Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью.

Боюсь нагрѣшить противъ русскаго языка". Въ февралѣ 1849 г. Гоголь пишетъ Данилевскому, что второму тому «Мертвыхъ Душъ» не скоро до печати: недуги мало даютъ мнѣ возможности заниматься. Онъ жалуется также и Жуковскому на свои недуги и разныя невзгоды. „Я много изстрадался за это время, пишетъ онъ. Много было слезъ. Безплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы оно въ силахъ было произвести что либо. Жду нетерпѣливо прочесть тебѣ все, что среди колебаній и тревогъ удалось создать".

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого онъ прочиталъ нѣсколько главъ изъ второго тома въ Калугѣ Смирновой. Вѣроятно, около этого времени первыя двѣ главы читаны были Шевыреву и графу Толстому. Въ августѣ Гоголь читалъ первую главу у Аксаковыхъ. Въ началѣ января 1850 г. онъ прочиталъ у нихъ же первую главу второй разъ; въ томъ же январѣ онъ прочиталъ у Аксаковыхъ вторую главу. Лѣтомъ, до отъѣзда въ Малороссію, Гоголь читалъ у Аксаковыхъ третью и четвертую главы, а на родинѣ, въ Васильевкѣ, читалъ изъ второго тома своимъ роднымъ. Въ іюлѣ 1851 г. послѣднія двѣ главы второго тома «Мертвыхъ Душъ» прочитаны были Гоголемъ Шевыреву въ Москвѣ.

По свидѣтельству родственника Смирновой Арнольди, Гоголь прочиталъ ей, кажется, девять главъ; по мнѣнію Арнольди, второй томъ вчернѣ весь былъ написанъ. Самъ же Арнольди слышалъ только двѣ первыя главы. Передавая содержаніе слышаннаго, Арнольди говоритъ, что „содержаніе первой главы было то же, что и въ дошедшихъ отрывкахъ первой редакціи; но эта глава начиналась иначе и вообще была лучше обработана. Когда Тентетниковъ получилъ отъ генерала Бетрищева согласіе на бракъ съ Уленькой, онъ, внѣ себя отъ счастія, оставилъ на минуту Уленьку и выбѣжалъ въ садъ. Счастіе его душило. Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы.— Мастерскою кистью былъ описанъ этотъ садъ... Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ бы-

ло столько силы, колорита поэзіи, что у меня захватывало дыханіе". Кое что изъ содержанія слѣдующихъ главъ извѣстно изъ сообщеній Смирновой. Она разсказала Арнольди, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо — это эманципированная женщина красавица, а въ письмѣ къ И. С. Аксакову Смирнова, перечисливъ имена дѣйствующихъ лицъ — Муратова, Элабуева, Улиньки, Чаграповой, генерала Быстрищева и др., говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что написано и что только набросано, совершенно поблѣднѣлъ.

Сергѣй Аксаковъ о прочитанной ему Гоголемъ первой главѣ писалъ своему сыну Ивану: „Гоголь читалъ намъ первую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ», Слава Богу! талантъ его сталъ выше и глубже". Послѣ, разсказывая объ обстоятельствахъ чтенія, онъ записалъ: „Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью". Изъ этого заявленія Аксакова видно, что первая глава была длиннѣе, чѣмъ дошедшая отъ первоначальной необработанной редакціи. О второмъ чтеніи первой главы С. Аксаковъ разсказываетъ такъ: „Мы были поражены удивленіемъ: глава показалась намъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ: вотъ что значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено—и все выходитъ другое. Тогда надо печатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы. Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями". Иванъ Аксаковъ о своемъ впечатлѣніи объ этомъ чтеніи писалъ: „Спасибо Гоголю! все читанное имъ выступило предо мною отдѣльными частями во всей своей могучей красотѣ. Если бы я имѣлъ больше претензій, я бы бросилъ писать. До такой степени превосходства дошелъ онъ, что всѣ другіе предъ нимъ пигмеи. Я теперь точно сталъ въ отдаленіи и смотрю на картину,

развернувшуюся въ «Мертвыхъ Душахъ», и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишкомъ близко къ ней. Такъ все глубоко, могуче и огромно, что духъ захватываетъ".

О прочитанной второй главѣ С. Аксаковъ писалъ сыну Ивану: „До сихъ поръ не могу придти въ себя... Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не могъ удержаться отъ слезъ... Такого высокаго искусства показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только я убѣдился вполнѣ, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говорится въ первомъ томѣ... Что за образы, что за картины природы безъ малѣйшей картинности... Гоголю хотѣлось прочесть третью главу, ибо, по его словамъ, нужно было прочесть ее немедленно, но у него не достало силъ".

О содержанiи третьей главы, а также и четвертой, Аксаковы не оставили извѣстiй. Послѣднiя двѣ главы второго тома [1]) прочитаны были Шевыреву за полгода до смерти. Изъ письма Шевырева видно только, что одно изъ выведенныхъ здѣсь лицъ было — штабсъ-капитанъ Ильинъ.

Еще въ началѣ 1850 г. Гоголь писалъ Плетневу: „Всѣ почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, какъ набросаны; собственно написанныхъ — двѣ, три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведенiе. Это можетъ только одинъ Богъ, у котораго все подъ рукой: и Разумъ и Слово съ Нимъ. А человѣку за словомъ нужно ходить въ карманъ, а разума—доискиваться". Лѣ-

---

[1]) Можетъ быть 10 и 11, соотвѣтственно первому тому.

томъ того же года онъ полагалъ, что еще нужно три года до окончанія, что для оживленія труда и окончанія нужно бóльшее сближеніе съ Россіей и временное отдаленіе отъ нея. Онъ хотѣлъ, чтобы ему доставлена была возможность въ продолженіи трехъ годовъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи и три зимнія пребыванія внѣ ея подъ благораствореннымъ климатомъ юга, всегда дѣйствовавшимъ освѣжительно на его силы и творческую способность. Но такимъ желаніямъ его не суждено было сбыться. Зиму съ 1850 на 1851 годъ Гоголь прожилъ въ Одессѣ, гдѣ работалъ надъ отдѣлкой написаннаго. Оттуда онъ писалъ Смирновой: „Богъ даетъ силу работать и трудиться. Утро постоянно проходитъ въ занятіяхъ, не тороплюсь и осматриваюсь. Художественное созданіе и въ словѣ то же, что и въ живописи, то же, что картина. Нужно то отходить, то вновь подходить къ ней, смотрѣть ежеминутно, не нарушается ли нестройнымъ крикомъ всеобщаго согласія“. Такой же отдѣлкой занимался онъ лѣтомъ и осенью 1851 г.; въ октябрѣ онъ подавалъ надежду С. Аксакову, что разобравшись съ бумагами, будетъ ему читать написанное.

Въ концѣ 1851 г. и въ началѣ 1852 г. Гоголь жалуется на то, что окончаніе труда его встрѣчаетъ безпрестанныя помѣхи; онъ проситъ родныхъ и друзей молиться: „чтобы Богъ ускорилъ мое медленно движущееся вдохновеніе, чтобы Онъ вразумилъ совершить мое дѣло честно и свято и далъ бы мнѣ на то силы и здоровье, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и чтобы я хоть сколько нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной“. Послѣднія слова написаны были Гоголемъ 2 февраля 1852 года. 5-го февраля послѣ смерти Хомяковой, пораженный ея кончиной, Гоголь почувствовалъ себя худо и началъ говѣть; 7-го февраля въ четвергъ на масляной причащался. Во все это время онъ проводилъ большую часть ночей безъ сна въ молитвѣ. Послѣ этого онъ слегъ въ постель. 11-го февраля въ понедѣльникъ первой недѣли великаго пости, чувствуя не-

избѣжность скорой смерти, Гоголь выразилъ желаніе раздать написанное для второго тома по главѣ лучшимъ своимъ друзьямъ, просилъ гр. А. П. Толстого, у котораго тогда жилъ въ Москвѣ, принять на сохраненіе его бумаги и по смерти его передать митрополиту Филарету — пусть онъ наложитъ на нихъ свою руку, что ему покажется не нужнымъ пусть зачеркиваетъ немилосердно.

Въ ночь на вторникъ первой недѣли великаго поста съ 11 на 12 февраля Гоголь велѣлъ своему мальчику затопить печку, положилъ въ нее большую кипу своихъ сочиненій и сжегъ ихъ. Когда все почти сгорѣло, онъ долго сидѣлъ задумавшись, потомъ заплакалъ, велѣлъ позвать графа, показалъ ему догорающіе углы и съ горечью сказалъ: „вотъ что я сдѣлалъ, хотѣлъ было сжечь нѣкоторыя вещи, давно на то приготовленныя, а сжегъ все. Какъ лукавый силенъ, вотъ до чего онъ меня довелъ. Я было думалъ разослать на память друзьямъ по тетрадкѣ: пусть бы дѣлали, что хотѣли“.

Профессоръ Тихонравовъ, изложивши ходъ работъ Гоголя надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ», пришелъ къ заключенію, что второй томъ уничтоженъ былъ Гоголемъ сознательно. „Такъ кончилась, говоритъ онъ, мучительная попытка облечь въ художественныя формы ту проповѣдь, которую Гоголь считалъ нужною и полезною для русскаго общества; художникъ созналъ передъ смертью, что не успѣлъ найти вокругъ себя живого тѣла, чтобы прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна быть и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она есть покуда въ немногихъ избранныхъ и лучшихъ“. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ. Что Гоголь не былъ доволенъ своимъ трудомъ и хотѣлъ передѣлать — это несомнѣнно. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ писалъ матери, что отдалилъ печатаніе года, можетъ быть, на два. Но чтобы Гоголь въ написанномъ вовсе не достигъ своей цѣли — найти вокругъ себя живое тѣло, чтобы прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоин-

ствѣ, этого утверждать мы не рѣшаемся. Иначе, придется заподозрить искренность такого строгаго критика, какъ С. Аксаковъ, который, восторгаясь второй главой, говорилъ, что Гоголь можетъ выполнить свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко по видимому говорится въ первомъ томѣ. Нельзя также будетъ довѣрять и словамъ самого Гоголя, который въ августѣ 1850 г. писалъ гр. Толстому: Когда я передъ отъѣздомъ изъ Москвы прочелъ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которымъ знакомы были, какъ и вамъ, двѣ первыя главы, оказалось, что послѣдующія сильнѣе первыхъ, и жизнь раскрывается, чѣмъ далѣ, глубже. А въ маѣ 1851 г. онъ писалъ Плетневу: Что второй томъ «Мертвыхъ Душъ» умнѣе перваго — это могу сказать, какъ человѣкъ, имѣющій вкусъ и притомъ умѣющій смотрѣть на себя, какъ на чужого человѣка, такъ что, можетъ быть, Смирнова отчасти и права.

Гоголь чѣмъ болѣе работалъ надъ какимъ либо произведеніемъ, тѣмъ болѣе дѣлался взыскательнымъ къ себѣ, тѣмъ болѣе желалъ совершенства своему произведенію. Извѣстно, что онъ переработывалъ и напечатанныя уже сочиненія. Будь онъ прежде въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ въ 1845 г. и особенно передъ смертію, очень возможно, что и первый томъ «Мертвыхъ Душъ» постигла бы та же участь, что и второй. Во время приступа тяжкой болѣзни и тревожнаго душевнаго состоянія въ февралѣ 1842 г. Гоголь въ письмѣ къ Плетневу требуетъ прекратить дѣло о разрѣшеніи къ печати перваго тома «Мертвыхъ Душъ». „И теперь уже, писалъ Гоголь, я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣютъ быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить“. Послѣ, во 2-мъ письмѣ о «Мертвыхъ Душахъ», онъ писалъ: „Послѣдняя половина книги обработана меньше первой, въ ней великіе пропуски, главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько ме-

чется въ глаза пестрота частей и лоскутность его". При такомъ взглядѣ Гоголя на недостатки своего труда, возможно, что первый томъ не появился бы тогда въ печати, если бы находился у Гоголя и еще не отосланъ былъ въ цензуру. Въ началѣ 1850 года Гоголь дѣйствительно писалъ Жуковскому, что воображеніе немного подвигнетъ писателя, когда требуется прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, что для этого нужно добывать съ бою всякую строку. Но за два послѣдніе года Гоголь и для такого отраженія жизни могъ многое сдѣлать. Не даромъ же онъ писалъ С. Аксакову въ концѣ 1851 г.: „Если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то можетъ быть и я какъ нибудь управлюсь". А 16 декабря 1851 г. писалъ Данилевскому: „Если не будетъ помѣшательствъ и Богъ подаритъ больше свѣжихъ расположеній, то можетъ быть я тебѣ его (2-й томъ) привезу лѣтомъ самъ, а можетъ быть и въ началѣ весны". Въ это время у Гоголя второй томъ былъ уже написанъ, оконченъ и лишь получалъ послѣдніе удары кисти строгаго къ себѣ и взыскательнаго художника.

Съ заключеніемъ Тихонравова нельзя также согласить и содержанія второго тома. Главнымъ содержаніемъ второго тома были не положительные художественные образы, какъ видно изъ письма Гоголя къ Маркову. Еще въ 1850 году Гоголь писалъ ему: „Я (во 2-мъ томѣ) не имѣлъ въ виду собственно героя добродѣтелей. Напротивъ, почти всѣ дѣйствующія лица могутъ назваться героями недостатковъ. Дѣло только въ томъ, что характеры значительнѣе прежнихъ и что намѣренье автора было войти здѣсь глубже въ высшее значеніе жизни, нами опошленной, обнаруживъ виднѣй русскаго человѣка не съ одной какой либо стороны".

Мы склоняемся къ тому уже не разъ высказывавшемуся біографами-изслѣдователями и медиками мнѣнію, что Гоголь сжегъ свои рукописи въ припадкѣ тяжкой болѣзни, въ мистическо-религіозномъ настроеніи, подъ влія-

ніемъ возобладавшей въ немъ въ этотъ моментъ мысли, что созданіе «Мертвыхъ Душъ» не есть исполненіе воли Божіей и назначеніе свыше, а искушеніе сатаны. Гоголь страшась отвѣтственности за твореніе, не ведущее къ спасенію души, не пожелалъ оставить на свѣтѣ тѣ произведенія, которыя задуманы были для своей *славы* и создавались для цѣлей мірскихъ, для людского *увеселенія*, о чемъ онъ писалъ еще въ 1845 г. У Гоголя всегда къ религіозному настроенію примѣшивалось чувство страха. Этотъ страхъ явился у него еще въ дѣтствѣ, когда мать разсказала ему о Страшномъ судѣ; съ годами онъ усиливался. Страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи достигъ у него чрезвычайнаго напряженія особенно въ послѣдніе два мѣсяца жизни, подъ вліяніемъ бесѣдъ о. Матвѣя о Страшномъ судѣ. Незадолго до смерти Гоголь говорилъ, что видѣлъ себя мертвымъ, слышалъ какіе то голоса и теперь почитаетъ себя уже умирающимъ. Это было за два дня до сожженія рукописей. И вотъ, въ виду близости смерти, онъ, какъ и въ 1845 г., пришелъ къ мысли, что главнаго во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» онъ не сдѣлалъ, не показалъ ясно, какъ день, дорогъ къ прекрасному для всякаго, не устремилъ общество или все поколѣніе къ прекрасному, и его писанія представились ему лишь *блестящими побрякушками*. Считая прочнымъ дѣломъ жизни лишь спасеніе души, Гоголь говорилъ въ 1845 г.: „жгу, когда нужно жечь, и вѣрно поступаю, какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему“. Рѣшившись передъ смертью сжечь рукописи, Гоголь, и идя въ кабинетъ, въ каждой комнатѣ останавливался и крестился, также онъ крестился и возвращаясь въ спальню послѣ сожженія. Къ этому времени можно отнести и двѣ оставшіяся записочки Гоголя; характеризующія тогдашнее его состояніе: Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи, свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста. Если не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Божіе.

Очень возможно, что не будь въ послѣдніе годы ду-

ховнымъ наставникомъ и руководителемъ Гоголя о. Матвѣй Константиновскій, суровый и строгій обличитель, этотъ аскетъ Ферапонтъ Достоевскаго въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», а будь при немъ оптинскій о. Амвросій, почитатель Пушкина, этотъ смиренный старецъ Зосима Достоевскаго, снисходительный къ людскимъ слабостямъ и съ большимъ благоволеніемъ къ людямъ и чистымъ мірскимъ, житейскимъ радостямъ, — второй томъ «Мертвыхъ Душъ» не погибъ бы. Не погибъ бы онъ и въ томъ случаѣ, если бы живъ былъ геніальный Пушкинъ, который несомнѣнно изрекъ бы нерѣшительному, колеблющемуся и робкому Гоголю свое неразрушимое и вѣчное одобреніе, и который уже разъ настоялъ на печатаніи повѣсти «Носъ», когда Гоголь не хотѣлъ отдать ее въ печать. Къ несчастію, не было при Гоголѣ и Жуковскаго, авторитетъ котораго Гоголь ставилъ выше лицъ, окружавшихъ его предъ смертію, и Гоголевская чудная проза второго тома, отъ которой у Арнольди и Ив. Аксакова захватывало духъ, и которая у С. Аксакова то вызывала восторгъ, то исторгала слезы—навсегда потеряна для русской школы.

Въ предсмертномъ завѣщаніи друзьямъ Гоголь писалъ: „Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, моляся въ тишинѣ. Общество тогда только *поправится*, когда всякій частный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему. И человѣчество двинется впередъ...“. Такими скромными пожеланіями завершились передъ смертію тѣ широкіе замыслы, которые лелѣялъ Гоголь съ юности. Тогда онъ боялся, что неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ его съ толпой самодовольной черни въ самую глубь ничтожности, отведетъ ему черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ, онъ искалъ высокой цѣли жизни и достойнаго

призванія. „Быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это ужасно“, говорилъ онъ. Тогда онъ давалъ себѣ слово, что всѣ его силы будутъ порываться на то, чтобы означить жизнь однимъ благодѣяніемъ, одной пользой отечества; желалъ пламенѣть неугасаемой ревностью, чтобы сдѣлать жизнь свою полезной для блага государства. Тогда онъ мечталъ и о томъ, чтобы принести пользу и всему міру. Онъ говорилъ: „Богъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднимался на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“.

Въ зрѣломъ возрастѣ Гоголь жаждалъ современной славы, а когда работалъ надъ «Мертвыми Душами», онъ желалъ дать обществу новый идеалъ. „Образы, говорилъ онъ, должны быть состроены изъ нашего матеріала, которые на вѣки пошли бы въ урокъ людямъ“. Онъ уже не довольствовался только воспроизведеніемъ жизни Россіи, но домогался разгадать задачу, чтобы все измѣнилось къ лучшему. Онъ писалъ, что твореніе его долженствуетъ обновить общественный организмъ, внести въ него новую жизнь; писалъ, что онъ въ Россіи начнетъ службу истинную отечеству, къ которой такъ долго приготовлялся, или лучше — къ которой готовитъ меня самъ Богъ. Онъ хотѣлъ своей будущей поэмой произвести благодѣтельный нравственный переворотъ въ русскомъ обществѣ. И вотъ передъ смертію у Гоголя широкіе и смѣлые планы рушатся; вмѣсто широкой дѣятельности, вліяющей на русское общество и даже на весь міръ для улучшенія того и другого, онъ признаетъ лишь узкую дѣятельность, хорошее благотворное вліяніе каждаго человѣка на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Вмѣсто труда на чредѣ знаменитой, который даетъ и славу и почести, онъ завѣщаетъ друзьямъ скромную кропотливую работу безвѣстной трудолюбивой пчелы.

Выступивши на литературное поприще во время господства въ нашей литературѣ романтическаго направленія, Гоголь жаждалъ великаго, широкаго, выдающагося.

Для своихъ произведеній онъ искалъ крупныхъ личностей, сильныхъ характеровъ, исключительныхъ страстей и незауряднаго дѣла. Въ «Мертвыхъ Душахъ» онъ хотѣлъ нарисовать грандіозную картину жизни всей Россіи съ ея темными и свѣтлыми сторонами. Но эти идеальныя стремленія, навѣянныя литературной школой, Гоголю не удалось осуществить во всей полнотѣ. Присущее ему стремленіе къ реальности, къ болѣе правдивому изображенію дѣйствительной жизни начинало у него съ теченіемъ времени брать перевѣсъ надъ идеализаціей. Подъ конецъ онъ призналъ не нужнымъ для народнаго блага и самое геройство, пришелъ передъ смертію къ сознанію того, что его великіе по реальному изображенію русской жизни продолжатели — Достоевскій и гр. Л. Толстой выразили въ своихъ созданіяхъ. У нихъ нѣтъ героевъ, стоящихъ выше толпы и призванныхъ учить ее, а настоящимъ героемъ сдѣлалась самая толпа съ ея заурядною жизнію, къ какой бы средѣ эта толпа ни принадлежала — къ дворянству ли, купечеству, чиновничеству, или же къ простому народу. У нихъ тотъ находитъ счастіе въ жизни и нравственное удовлетвореніе, кто соглашается признать себя заурядным человѣкомъ и забываетъ о гордынѣ.

Гоголь часто выражалъ недовольство тѣмъ, что сдѣлано было имъ для продолженія «Мертвыхъ Душъ», говорилъ иногда о недостаткахъ и даже ненужности прежнихъ своихъ трудовъ, а въ 4-мъ письмѣ о «Мертвыхъ Душахъ» писалъ, что онъ рожденъ вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Не смотря на это, онъ все таки пріобрѣлъ своими произведеніями громадное значеніе въ русской литературѣ, какъ и предсказывали его великіе предшественники и руководители. Пушкинъ, первый привѣтствовавшій въ Гоголѣ нарождающуюся силу, вдохнувшій увѣренность въ его призваніе, предсказывалъ, что Гоголь сдѣлается русскимъ Стерномъ; онъ сразу почувствовалъ въ Гоголѣ своего продолжателя. Жуковскій, послѣ смерти Пушкина, пи-

салъ Смирновой, что молодой дебютантъ, который такъ робѣлъ предъ нашимъ дорогимъ Пушкинымъ, также произведетъ и свою революцію въ русской литературѣ и будетъ творцемъ русскаго современнаго романа и русской современной комедіи въ прозѣ.

Стоя на одинаковой ступени съ своими великими предшественниками — Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ въ правдивомъ воспроизведеніи человѣческаго сердца и бытовой стороны русской жизни, Гоголь возвысился надъ ними необыкновеннымъ умѣньемъ схватывать свойства человѣческой природы и выливать ихъ въ живые цѣлостные образы. У него не только главныя лица крупныхъ его произведеній — Хлестаковъ, Чичиковъ и др. сдѣлались нарицательными, но таковыми же сдѣлались и многія второстепенныя. Онъ первый ввелъ у насъ въ область художественнаго творчества изображеніе жизни мелкихъ людей безъ всякихъ условныхъ прикрасъ; мелкимъ людямъ и жизни этого люда онъ далъ въ нашей литературѣ право гражданства. Въ послѣдствіи цѣлая школа писателей признавала его своимъ родоначальникомъ. Знаменитый Достоевскій началъ свою литературную дѣятельность подъ вліяніемъ Гоголя, и его «Бѣдные люди» навѣяны были повѣстями Гоголя. Тѣ же повѣсти оказали вліяніе и на Гончарова въ его «Обыкновенной исторіи». Вліяніе другихъ произведеній Гоголя, въ которыхъ воспроизведено было провинціальное чиновничество, помѣщики и купцы сказалось въ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеніяхъ Островскаго и «Губернскихъ очеркахъ» Щедрина (Салтыкова). Подъ вліяніемъ стремленій Гоголя знать всѣ стороны русской жизни и вѣрно воспроизводить ихъ, о чемъ онъ, работая надъ «Мертвыми Душами», постоянно твердилъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, у С. Аксакова возникла мысль написать свою «Семейную хронику».

«Ревизоръ» и «Мертвыя Души» — это великія произведенія русской литературы, великія творенія, въ которыхъ изображена вся Русь, хоть и съ одного боку, какъ выразился однажды Гоголь. Съ самаго появленія они

сдѣлались у насъ классическими, на которыхъ воспитывается наше общество, наши новыя поколѣнія. Въ нихъ юморъ первыхъ повѣстей Гоголя изъ беззаботнаго смѣха превратился въ геніальный смѣхъ сквозь слезы, бичующій ту тину мелочей, которыми опутана русская жизнь. Въ «Ревизорѣ», въ которомъ Гоголь, съ цѣлію исправленія общественныхъ недостатковъ, собралъ въ одну кучу все дурное въ современномъ ему провинціальномъ чиновничествѣ и сразу зло надъ нимъ посмѣялся, осуществились давнія надежды русскихъ людей видѣть въ своей литературѣ жизненную правду, исполнилось желаніе великаго преобразователя Россіи Петра, который хотѣлъ, чтобы сочинена была піеса безъ любви, такъ надоѣвшей ему въ нѣмецкихъ піесахъ, и веселый фарсъ безъ шутовства.

Высокое художественное достоинство «Мертвыхъ Душъ» состоитъ въ томъ, что мы находимъ въ нихъ необыкновенное разнообразіе и законченность въ обрисовкѣ не только основныхъ типовъ и ихъ обстановки, но и лицъ и предметовъ второстепенныхъ, различныхъ частностей и мелочей. «Мертвыя Души» — это самое оригинальное у насъ произведеніе. Оно дѣйствительно вынесло и всегда будетъ выносить имя Гоголя, о чемъ онъ мечталъ въ началѣ работъ надъ нимъ. Сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» чисто русскій, основа котораго восходитъ къ эпохѣ Петра Великаго, къ первой у насъ ревизіи, когда установлена была подушная подать. Народъ недоволенъ былъ этою податью, и его недовольство отразилось въ раскольничьей литературѣ, гдѣ читаемъ: „Учини описаніе народное, исчисляя вся мужеска пола, и женска, старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ и облагая ихъ даньми веліими не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ, таково тиранство учини—съ мертвыхъ дани востребова; въ книги его законопреступныя писатися не будемъ“. Этотъ то столѣтній ропотъ народа вызвалъ въ послѣдствіи недовольство и въ помѣщикахъ, тяготившихся платою за умершихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такое недовольство и было причиною появленія въ жизни аферистовъ въ родѣ

П. И. Чичикова, желавшихъ воспользоваться имъ для личныхъ выгодъ. «Мертвыя Души» захватили собою крѣпостное право, на которомъ болѣе ста лѣтъ двигалась наша исторія. Въ этомъ состоитъ ихъ важное историческое и общественное значеніе. Они рисуютъ намъ цѣлую картинную галлерею лицъ, владѣвшихъ душами. Эти лица — *настоящія мертвыя души русской жизни*, по выраженію Бѣлинскаго: они являются фамильными портретами за время болѣе столѣтія, они характеризуютъ собою цѣлыя направленія въ нашей жизни.

По словамъ академика Пыпина, Гоголь не далъ многосторонняго изображенія русской жизни, не развилъ русскаго народнаго идеала, который ставилъ такъ высоко, преданъ былъ ему такъ страстно; но его творенія, отмѣченныя глубокимъ реализмомъ и вмѣстѣ психологической проницательностью, горячей любовью къ человѣку и полусознаннымъ, но сильнымъ общественнымъ чувствомъ, стали завѣтомъ для дальнѣйшаго развитія русской литературы, гдѣ его преемниками явились — Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ, Достоевскій и гр. Л. Толстой.

Булгаринъ, Гречь и Сенковскій забили тревогу противъ Гоголя, когда онъ собирался ставить на сцену «Ревизора». Они въ прежнихъ произведеніяхъ Гоголя видѣли только рубища, грязныя лохмотья, которыя не слѣдуетъ дѣлать предметомъ искусства. По словамъ Жуковскаго, они ставили Гоголю въ вину и то, что онъ малороссъ. Они замѣчали, что въ «Ревизорѣ» Гоголь изобразилъ малороссійскій или бѣлорусскій городокъ, и купцы его не русскіе люди, а просто жиды. Выходило такимъ образомъ, что Гоголь какъ бы взвелъ напраслину на Великороссію изъ нелюбви къ ней. Но это неправда. Въ 1844 г. Гоголь писалъ Смирновой: „Я самъ не знаю, какая у меня душа — хохлацкая или русская. Знаю только то, что никогда бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ, и какъ нарочно каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ

то, чего нѣтъ въ другой: явный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую". Въ другой разъ онъ говорилъ своему близкому другу и земляку Данилевскому: „русскій и малороссъ — это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя. Отдавать предпочтеніе одной въ ущербъ другой — это не возможно".

Поэтому Гоголь, сильно любя свою родину Малороссію, любилъ и всю Россію, а Москву называлъ даже своей родиной. Работая надъ «Мертвыми Душами» и имѣя въ виду широкую общественную цѣль, онъ говорилъ, что „исполняетъ тотъ долгъ, для котораго призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы; исполняя его, онъ въ то же время служитъ государству своему, какъ бы дѣйствительно находился въ государственной службѣ. А тому, кто пожелаетъ истинно и честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая поглотила бы уже всѣ другія чувства". Въ своемъ стремленіи честно и плодотворно служить Россіи, Гоголь какъ бы желалъ сравняться съ своими предшественниками изъ малороссіянъ великими нашими свѣтильниками святыми митрополитами московскими Петромъ и Алексѣемъ и ростовскимъ Димитріемъ. Какъ въ древности, въ началѣ XII в. великій молитвенникъ за русскую землю, черниговецъ паломникъ игуменъ Даніилъ молился предъ Гробомъ Господнимъ за всю Русь, такъ и великій печальникъ за всю Россію, полтавецъ Гоголь въ 1848 г. передъ отправленіемъ своимъ въ Іерусалимъ писалъ: „Хочу молиться о всѣхъ и о всемъ, что ни есть въ русской землѣ и отечествѣ нашемъ; хочется мнѣ молиться о спасеніи русской земли, о водвореніи въ ней мира на мѣсто смятенія и любви на мѣсто ненависти къ брату". Въ письмѣ же изъ самаго Іерусалима къ Жуковскому онъ писалъ: „О, да поможетъ намъ Богъ — тебѣ и мнѣ собрать всѣ силы наши на произведенье твореній, нами несенныхъ въ глубинѣ душъ нашихъ *въ добро земли нашей* и да просвѣтитъ насъ свѣтомъ разума святаго Евангелія Своего". И чѣмъ далѣе, тѣмъ у Гоголя лю-

бовь къ Россіи дѣлалась пламеннѣе, возвышеннѣе, и незадолго передъ смертію онъ писалъ: „Россія все мнѣ становится ближе и ближе; кромѣ свойства родины есть въ ней что то еще выше родины; точно какъ бы это та земля, откуда ближе къ родинѣ небесной“.

Этою то любовію ко всей Россіи Гоголь и былъ всецѣло поглощенъ. Она заставила его отдать всѣ силы на беззавѣтное служеніе русской литературѣ и русскому слову, въ которыхъ онъ явилъ себя истиннымъ художникомъ. Она подвигнула его на созданіе живыхъ образовъ русской жизни, которые останутся безсмертными, постоянно напоминающими намъ его предсмертное завѣщаніе: „будьте не мертвыя, а живыя души“. Благодаря этой любви, русская природа получила художественныя описанія, вносящія усладу въ наши сердца, а задушевный лиризмъ въ повѣствовательныхъ его произведеніяхъ возбуждаетъ въ насъ возвышенныя мысли и своею словесною гармоніею доставляетъ высокое эстетическое наслажденіе.

А. Смирновъ.

Варшава.

Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе.

Сѣверозападными сосѣдями бѣлоруссовъ въ губерніяхъ Витебской, Курляндской, Ковенской и Виленской являются латыши и литовцы. Поселенія литовцевъ отдѣльными небольшими группами попадаются и въ губ. Гродненской. Болѣе точно граница между этими племенами можетъ быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ: если начать примѣрно отъ ст. Корсовки [1]) С.-Петербургско-Варш. ж. д. (56,8^0 сѣв. широты), то граница, отдѣляющая бѣлорусскія поселенія отъ латышскихъ, направляется по Люцинскому уѣзду Витебской губ. сначала къ юго-востоку и идетъ, верстахъ въ 10—5 не достигая Себежскаго уѣзда. Дойдя до р. Сипюхи, она рѣзко поворачиваетъ на западъ, а отъ озера Черза—даже на сѣверозападъ; затѣмъ дугообразно направляется почти до границы Рѣжицкаго уѣзда, а отсюда ломанной линіей она снова поворачиваетъ къ юговостоку до границы Люцинскаго уѣзда съ Себежскимъ и Дриссенскимъ. Насколько можно судить по картѣ № 1^a въ атласѣ Биленштейна (Atlas der Ethnologischen Geographie des heutigen und des praehistorischen Lettenlandes. St.-Petersb. 1892), въ указанныхъ мѣстахъ Люцинскаго уѣзда бѣлоруссы жи-

---

[1]) Ср. Этнографич. карту Европейской Россіи Риттиха и его же карту западныхъ и южныхъ славянъ.

вутъ въ перемежку съ латышами, но преобладаютъ первые. Затѣмъ граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ къ югозападу, примѣрно по линіи, раздѣляющей уѣзды Люцинскій, Рѣжицкій и Двинскій отъ Дриссенскаго, по направленію къ Зап. Двинѣ, въ 6 верстахъ къ западу отъ Придруйска; далѣе по правому берегу Двины почти до самаго Двинска [1]). Здѣсь къ югу отъ Двины у Биленштейна указано лишь незначительное пространство, заселенное латышами; весь же остальной юговосточный отрѣзокъ Иллукстскаго округа (б. Якобштадтскаго уѣзда) Курляндской губерніи заселенъ бѣлоруссами [2]).—На всемъ указанномъ протяженіи сосѣдями бѣлоруссовъ сначала съ запада, а затѣмъ и съ сѣвера являются латыши, въ Курляндской губерніи переходящіе даже, какъ мы видѣли, Зап. Двину.—Отъ Двинска граница бѣлорусскаго племени сначала по Курляндской, а затѣмъ по Ковенской губ. направляется къ югу, къ оз. Дрисвяты, захватывая часть Новоалександровскаго уѣзда [3]). Отъ Дрисвятъ граница

---

[1]) Ср. также Е. Романовъ: Матеріалы по исторической топографіи Витебск. губерніи. Могилевъ. 1898, стр. 63—66.

[2]) По свѣдѣніямъ 1827 года, собраннымъ П. И. Кеппеномъ отъ мѣстнаго духовенства (ср. 3 тома его рукописныхъ матеріаловъ въ библіотекѣ Академіи Наукъ), русскими приходами въ разсматриваемой мѣстности Курлянд. г. оказываются Копуловскій (37 насел. мѣстъ, 324 жителя), Солонайскій (39 н. м., 793 ж.), Скуделинскій (26 н. м., 243 ж.), Фабіановскій (26 н. м., 194 ж.), Хржевскій (29 н. м., 202 ж.)—всего 157 нас. м., 1756 ж. По „Географическо-статистическому словарю Россійской Имперіи“ П. Семенова, т. II (С.-Пб. 1865), 860 стр., въ Курляндіи бѣлоруссовъ показано только 700 чел., какъ будто число ихъ уменьшилось.

[3]) „Къ Новоалександровску (со стороны Поневѣжа) и на нѣкоторомъ разстояніи за нимъ преобладаетъ польскій языкъ, какъ обыденный языкъ у народа; потомъ къ границамъ Дисненскаго уѣзда, господствуетъ смѣсь нарѣчія литовско-русско-польскаго“ (Сѣверн. Почта 1863 г., № 14, с. 54, 5 столбецъ). „Въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, въ волостяхъ, граничащихъ съ Виленской губ., населеніе смѣшанное: бѣлоруссы и литовцы,

бѣлоруссовъ идетъ къ Виленской губ.; здѣсь сначала пограничная черта Виленской и Ковенской губерній будетъ и границей бѣлоруссовъ; затѣмъ отъ р. Дисны граница бѣлорусскаго нарѣчія идетъ по Свенцянскому уѣзду нѣсколько ломанной линіей на югъ и западъ около литовскихъ волостей Тверечь, Годуцишекъ (на востокъ отъ нихъ), Свенцянъ (къ югу отъ нихъ), оставляя къ югу бѣлорусскія волости Комай, Лынтуны, Кемелишки; затѣмъ, перейдя р. Жемайтянку, граница идетъ по Виленскому уѣзду на западъ почти до Кернова, оставляя къ сѣверу литовскія волости—Янишки, Гедройцы, Ширвинты, Мусники, а къ югу бѣлорусскія волости — Нѣменчинъ, Подберезье, Корву, Мейшаголу. У Кернова бѣлорусская граница переходитъ на лѣвый берегъ р. Виліи и идетъ ломанной линіей въ южномъ направленіи, захватывая въ бѣлорусскую область волость Евье, Троки, съ запада д. Тальково, затѣмъ Межирѣчье, оставляя къ югу ст. Рудишки Пет.-Варш. ж. д., а далѣе на востокъ и юговостокъ, къ границѣ Лидск. уѣзда и даже переходя ее у Подборья, отсюда на востокъ по пограничной чертѣ Лидскаго уѣзда, оставляя къ сѣверу бѣлорусскую волость Солечники; затѣмъ она переходитъ въ Ошмянскій уѣздъ, причемъ литовская область съ запада захватываетъ Бинякони, Конвалишки, Девенишки, Германишки (волость Седлиско), имѣя на сѣверѣ, какъ уже отмѣчено, бѣлорусскую волость Б. Солечники, съ востока Граўжишки, Ольшаны, а съ юга—Гераноны. Далѣе граница идетъ по сѣверной части Лидскаго уѣзда: въ югозападномъ направленіи отъ Геранонъ почти до ст. Бастуны Полѣсск. ж. д. и далѣе

даже литовцевъ въ иныхъ волостяхъ болѣе. Тѣмъ не менѣе, литовцы здѣсь, повидимому, ассимилируются съ бѣлоруссами. Исключительное бѣлорусское населеніе представляетъ одна Слободская волость. Здѣсь ничто не напоминаетъ Литвы: фамиліи крестьянъ, названія деревень, названія урочищъ и проч. чисто бѣлорусскія“ (Ков. Губ. Вѣд. 1890 г., № 31, прибавленіе). Мнѣ извѣстны бѣлор. записи изъ с. Дукштъ, м. Слободки, с. Плюсъ, д. Павловщины.

до Заболотья, оставляя къ сѣверу литовскую волость Радунь и д. Пелссу, затѣмъ граница рѣзко поворачиваетъ на сѣверовостокъ, захватывая Начу и Ейшишки въ бѣлорусскую область. Отъ Ейшишекъ граница идетъ на юго-западъ къ оз. Дубъ, далѣе къ пограничной чертѣ Гродненской губерніи до впаденія рѣчки Ротничанки у Друскеникъ въ р. Нѣманъ [1]).—Западными сосѣдями бѣлоруссовъ въ Ковенской и Виленской губ. являются уже ли-

[1]) Настоящая граница бѣлоруссовъ въ Виленской губерніи, установлена по статьѣ Анонима: «Obszar języka litewskiego w gub. Wileńskiej» (Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisyi antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. T. III, 1898), составленной по матеріаламъ, собраннымъ въ Виленской губерніи сельскими старшинами по распоряженію предводителя дворянства Виленской губерніи гр. Адама Плятера. Въ этихъ матеріалахъ указано, какія волости совершенно не имѣютъ литовскаго населенія и въ какихъ оно смѣшано съ бѣлорусскимъ. Критеріемъ для такого дѣленія служитъ языкъ. Изъ смѣшанныхъ волостей бѣлорусскими я посчиталъ тѣ, гдѣ значительное большинство бѣлоруссовъ; такъ что кое-гдѣ бѣлорусскія поселенія попадаются и въ литовской области и наоборотъ—литовскія въ бѣлорусской. По этой статьѣ составлена Яномъ Розвадовскимъ и прекрасная карта литовскаго языка въ губ. Виленской (ср. Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie. T. I, 1901 г., 89—94). Въ прежнихъ работахъ, напр., у А. Коревы («Виленская губернія. Матеріалы для географіи и статистики Россіи». С.-Пб. 1861 г.), Киркора («Живописная Россія», III, 13), И. Недешева («Русскій Фил. Вѣстникъ», XII), П. Чубинскаго («Труды этнографическо-статистич. экспедиціи въ Западно-русскій край», т. VII, карта)—со словъ Нарбута граница виленскихъ бѣлоруссовъ опредѣлялась очень неточно: возлѣ Вильны ихъ совсѣмъ не оказывалось, тогда какъ здѣсь они сидятъ сплошною массой. Уже больше мѣста удѣлено бѣлоруссамъ въ этнографическихъ картахъ Риттиха. Въ картѣ, приложенной къ литовской грамматикѣ Ф. Куршата («Grammatik der litauischen Sprache». Halle, 1876), бѣлорусская граница отнесена значительно дальше на западъ (къ западу отъ Рудниковъ, возлѣ Ейшишекъ съ востока). Но у Э. Вольтера («Zur Kunde der

товцы. — Кое-гдѣ бѣлорусскія поселенія сталкиваются съ литовскими и за Нѣманомъ въ Сувалкской губ. [1]).

Указанныя мѣста поселенія латышей и литовцевъ только отчасти соотвѣтствуютъ тѣмъ, какія заняты были этими племенами въ старину. Если въ эпоху составленія нашей начальной лѣтописи русскія племена уже занимали всю область отъ Припяти до Зап. Двины, а затѣмъ по этой послѣдней, по верхнему Днѣпру и Окѣ, то во времена, предшествовавшія образованію первыхъ русскихъ княжествъ, поселенія ихъ здѣсь были гораздо меньше. Значительная часть территоріи, занятая въ настоящее время бѣлоруссами, тогда принадлежала литовско-латышскимъ племенамъ. Нѣкоторыя свидѣтельства въ этомъ родѣ мы имѣемъ и въ нашихъ лѣтописяхъ: припомнимъ литовскія племена Ятвяговъ и Голяди, жившихъ въ теперешней Гродненской губерніи; одна часть Голяди оказывается даже на р. Протвѣ, лѣвомъ притокѣ Оки. Но всѣ эти свѣдѣнія въ общемъ говорятъ очень мало о поселеніяхъ литвы и латышей въ доисторическое время. Далеко раздвинутся наши горизонты, если отъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы обратимся къ живымъ даннымъ языка, особенно къ географической номенклатурѣ. Для насъ интересны въ этомъ отношеніи попытки И. П. Филевича («Исторія древней Руси», т. I. Варшава. 1896), А. А. Кочубинскаго («Территорія доисторической Литвы». Журналъ М. Н. Пр. 1897, I) и А. Л. Погодина («Изъ исторіи славянскихъ передвиженій». С.-Пб. 1901). На

---

wilnaer litauischen Dialekte». II. Die Litauer von Ošmena. Mitteilungen der lit. liter. Geselschaft, Heft 20), наоборотъ, еще указано много мѣстъ, заселенныхъ литовцами даже къ юговостоку отъ указанной границы, напр., въ волостяхъ Седлиской, Девенишской, Лугомовичской, Юратишской и Бакштанской. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ литовцы живутъ въ перемежку съ бѣлоруссами. Отмѣтимъ островки литовцевъ къ востоку отъ Вильны по р. Лошѣ (притокъ Виліи).

[1]) Ср. книгу Э. А. Вольтера: «Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи». С.-Пб. 1901.

основанiи матерiала, собраннаго въ работахъ названныхъ ученыхъ, а также имѣя въ виду наши собственныя занятiя по этому вопросу [1]), мы приходимъ къ заключенiю, что отдѣльныя поселенiя литовцевъ и латышей были разбросаны значительно дальше на востокъ — по бассейну р. Зап. Двины, Нѣмана, верхняго Днѣпра и притока его Березины и, быть можетъ, даже достигали верховьевъ Оки [2]). Но слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду, что ли-

---

[1]) Нами готовится введенiе въ изученiе бѣлорусскихъ говоровъ, въ которомъ будетъ подробно разсмотрѣно заселенiе Бѣлорусской области въ доисторическое время.

[2]) Относительно данныхъ, добытыхъ на основанiи изученiя географической номенклатуры, главнымъ образомъ названiй водныхъ пространствъ—рѣкъ, озеръ—считаю нужнымъ сейчасъ же оговориться въ томъ смыслѣ, что пользованiе ими допускаю съ соблюденiемъ крайней осторожности. Такого же мнѣнiя держится и Нидерле: Slovanské starožitnosti. Dílu I část 1, 26. Дѣло въ томъ, что, напр., литовскiя названiя рѣкъ могли возникнуть въ мѣстностяхъ, лежащихъ на востокъ отъ литовцевъ, и помимо ихъ языка: дать эти названiя могли тѣ русскiя племена, которыя первоначально жили въ литовской области, а затѣмъ двинулись къ востоку въ незанятыя мѣста, и здѣсь встрѣтившимся имъ рѣкамъ и другимъ урочищамъ дали названiя уже знакомыхъ имъ мѣстъ на ихъ первоначальной родинѣ. Такъ, думаю, слѣдуетъ объяснять появленiе рѣки Упы (правый притокъ Оки) и даже, быть можетъ, Жиздры (лѣвый притокъ Оки). Оба эти названiя, несомнѣнно, литовскiя: первое = ùpė рѣка; это слово неоднократно входитъ въ составъ разныхъ названiй мѣстъ въ собственной Литвѣ (ср. И. Я. Спрогисъ: Географич. словарь древней Жомойтской земли XVI ст. Вильна. 1888, 310—321, Упе, Упеле, Упелисъ и т. д.); Жиздра тоже какъ бы перенесена изъ Литвы въ Калужскую губернiю: въ Россiенскомъ уѣздѣ имѣется р. Жиздра, есть нивы и село съ этимъ именемъ (Спрогисъ, 115); объясняется оно изъ лит. žiẽzdros, въ дiалектахъ zizdros крупный песокъ (ср. А. Л. Погодинъ: «Изъ ист. сл. пер.», 93). Не думаю, чтобы эти названiя можно было поставить въ связь съ Голядью, которая неподалеку отъ этихъ мѣстъ, „верхъ Поротве", упоминается уже въ 1147 г. (Ипат. лѣт.). Я вполнѣ раздѣляю тотъ взглядъ на Голядь, который былъ пущенъ въ оборотъ

товцевъ и латышей вообще было немного, такъ что они не могли составлять сплошного населенія отъ устьевъ Зап. Двины и Нѣмана до верховьевъ Оки и до р. Припяти. Всюду имъ приходилось быть сосѣдями западной вѣтви русскихъ племенъ, иногда жить въ перемежку съ ними.

Съ половины XIII вѣка разныя западнорусскія области одна за другой начинаютъ попадать подъ власть Литвы, такъ что къ концу XIV вѣка всѣ владѣнія въ предѣлахъ старыхъ дреговичскихъ, радимичскихъ и отчасти кривичскихъ поселеній уже принадлежали Литвѣ. Мало того, съ нею тѣсно срослись области псковскихъ и отчасти смоленскихъ кривичей, а съ юга и востока, у Десны — черниговскихъ сѣверянъ. Всѣ эти племена и составили одно общее государство Литовское.

Имѣя въ виду такое постоянное общеніе литовскихъ и латышскихъ племенъ съ западнорусскими, изъ которыхъ современемъ выработалась бѣлорусская народность, уже a priori можно предположить, что языкъ сосѣднихъ племенъ не могъ обойтись безъ взаимнаго вліянія, выразившагося въ разныхъ заимствованіяхъ съ той и другой стороны. Эти заимствованія происходили все время сосѣдской жизни указанныхъ племенъ и простирались не только на слова, принадлежащія исключительно ихъ языкамъ, но также и на заимствованныя въ свою очередь у другихъ племенъ. Не всѣ заимствованныя слова имѣютъ одинаковое распространеніе. Такъ слова, взятыя бѣлоруссами у литовцевъ и латышей, одни знакомы всему бѣлорусскому племени, другія только сѣверозападнымъ племенамъ, нѣкоторыя были извѣстны въ старину, а теперь совершенно вышли изъ употребленія. Бѣлорусскія заимствованія простираются почти исключительно на сло-

---

въ свое время С. М. Соловьевымъ и поддержанъ Н. П. Барсовымъ («Очерки русс. истор. географіи²», 43), что это племя оторвано было отъ литовцевъ радимичами и вмѣстѣ съ ними переселилось на востокъ.

варь, отчасти на словообразованіе (нѣсколько суффиксовъ) и, вѣроятно, нисколько не коснулись фонетики языка и флексіи.

По разсматриваемому вопросу уже имѣется и довольно порядочная литература, отчасти непосредственно къ нему относящаяся, отчасти касающаяся его лишь вскользь. Таковы изслѣдованія и статьи:

Яна Карловича: «O języku litewskim». Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności. T. II. W Krakowie, 1875, стр. 135—376. Въ этой работѣ, кромѣ историческаго очерка изученія литовскаго языка со стороны польскихъ и другихъ ученыхъ, дается краткая характеристика языка во всѣхъ отношеніяхъ, при чемъ обращается вниманіе и на слова, заимствованныя литовцами у поляковъ и бѣлоруссовъ (krewickie), а также на очень немногія заимствованія славянами у литовцевъ (стр. 324).

Александра Брюкнера: «Die slavische Fremdwörter im litauischen». Weimar. 1877. Эта книга тоже посвящена заимствованіямъ литовцевъ и латышей изъ славянскихъ языковъ, но есть въ ней мѣста, гдѣ говорится и о заимствованіяхъ отъ литовцевъ (стр. 23, вын. 18 и 19, и стр. 201). Кое-что по интересующему насъ вопросу можно найти и въ его же книгѣ: «Cywilizacja i język». Warszawa. 1901.

Э. А. Вольтера: «Einfluss Westrusslands auf Litauen vor dem 12. Jahrhundert». Mitteilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft. II, 5. Heidelberg. 1886. Его же: «Lituanismen der russisch-litauischen Rechtsprache». Mitteilungen, IV, 1, 1894, стр. 49—61. Въ первой статьѣ для насъ интересны лишь тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены на стр. 308—309 въ выноскѣ. Вопросъ о вліяніи литовцевъ на бѣлоруссовъ интересовалъ г. Вольтера и въ 1887 г., когда онъ помѣстилъ въ «Памятной книжкѣ Виленской губерніи» замѣтку объ изученіи литовскаго языка и племени. Здѣсь интересенъ 15-й вопросъ: Употребляются ли въ бѣлорусскомъ нарѣчіи

слова: наўда, маргель, кумстъ, митусъ, паршукъ, дайлида, резгине, гульне?

I. Микколы: «Litauische Lehnwörter im slavischen». Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. Ad. Bezzenberger und Dr. W. Prellwitz, XXI. Göttingen, 1895, стр. 118—121.

А. Л. Погодина: «Lituanica». Archiv für slav. Philologie, XVII, стр. 633—635. Здѣсь идетъ рѣчь о литовскихъ словахъ, объясненныхъ въ одномъ изъ старинныхъ азбуковниковъ.

I. Эндзелина: «Латышскія заимствованія изъ славянскихъ языковъ». Живая Старина 1899 г., III, стр. 285—312. Непосредственное отношеніе къ нашему вопросу впрочемъ здѣсь имѣетъ лишь выноска на стр. 287, да нѣкоторыя отдѣльныя разсужденія въ разныхъ мѣстахъ.

Сюда слѣдуетъ присоединить еще нѣкоторыя данныя, находящіяся въ Отчетахъ 2 Отдѣленію Академіи Наукъ покойнаго Ст. Микуцкаго.

Словарями пришлось пользоваться:

Ф. Миклошича: «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen». Wien. 1886.

Епископа Карла Ульманна: «Lettisches Wörterbuch». Riga. 1872.

Фридриха Куршата: «Wörterbuch der litauischen Sprache». Halle. 1883.

А. Юшкевича: «Литовскій словарь съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ». Вып. I. С.-Пб. 1897.

На основаніи данныхъ языка, собранныхъ въ перечисленныхъ сочиненіяхъ, не трудно придти къ заключенію, что литовскій и латышскій языки очень много заимствовали изъ русскаго языка (литовцы больше изъ бѣлорусскаго нарѣчія) и польскаго. Обширные списки такихъ словъ приведены въ работахъ Карловича, Брюкнера и Эндзелина. Заимствованія простирались и на словообразованіе (ср. суффиксы -ba, -da, -kis, -tva, -nyčia и нѣк. др.

Брюкнеръ, 160—161) и даже, что очень рѣдко бываетъ въ языкахъ, на фонетику. Не останавливаясь на другихъ заимствованіяхъ фонетики, отмѣтимъ нерѣдкое у литовцевъ (преимущественно у юговосточныхъ) дзеканье: во многихъ мѣстахъ смягченные *d* и *t*, особенно стоящіе передъ *e* и *i*, произносятся, какъ *dź* и *ć*, напр., Dzievas (богъ) вм. Dēvas, žalcis (змѣя) вм. žaltis, kašć (рыть) вм. kasti (ср. Карловичъ, 315, Брюкнеръ, 64, Куршатъ: Grammatik, § 118, Вольтеръ: Mitteilungen, IV, Радзюкинасъ: Dzuki. Wisła, XIV, 1900 г., 42—54).

Разсматривать вліяніе бѣлорусскаго нарѣчія или вообще русскаго языка на литовскій и латышскій мы не станемъ, такъ какъ это не составляетъ нашей задачи. Мы займемся разборомъ обратныхъ заимствованій у литовцевъ и латышей со стороны бѣлоруссовъ. Эти заимствованія очень незначительны, хотя и происходили все время добрососѣдской жизни этихъ племенъ. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ въ настоящее время уже неизвѣстны бѣлоруссамъ. Таковы а) нѣкоторыя слова, употреблявшіяся въ западнорусскихъ юридическихъ памятникахъ (ср. Вольтеръ, Mitteilungen, IV, 49—61):

Брогъ стогъ лит. brágas и barãgas. Слово это до сихъ поръ живетъ лишь въ польскомъ bróg для означенія крыши на четырехъ жердкахъ надъ стогами.

Велдомый: люди велдомые—крѣпостные люди—въ связи съ лит. глаголомъ veldéti, paveldéti наслѣдовать.

Дякло подать, пошлина (ср., напр., Акты, издаваемые Вилен. комисс., XVII, 522), лит. dûklė (Брюкн., 23, Вольт., Mitteil., IV, 58); *дя-* вмѣсто ожидаемаго *до-*, вѣроятно, подъ вліяніемъ „дяковать". Утвержденіе Посовича (Словарь, 134), что дзя́кло въ смыслѣ хлѣбной подати употребляется изрѣдка до сихъ поръ, подлежитъ провѣркѣ.

Жибинтяи лица, поставлявшія отопленіе и освѣщеніе для Полоцкаго Двора, лит. žibintėjas, žibintojis, находящіяся въ связи съ словами: žibintis, žiburỹs все, чѣмъ свѣтятъ.

Кетвиртайни мѣра поля, четверть, лит. ketvirtáinis.

Койминцы: „то суть люди наши отчизные, непохожіе койминцы, купленные“ (Акты, изд. Вил. ком., XVII, 100—101) — крестьяне, живущіе не въ дворѣ вотчинника, а отдѣльнымъ домомъ (ib., 527), въ околицахъ. Этому слову, по мнѣнію Вольтера (51), должно соотвѣтствовать kaiminetis, kaiminečei: ср. kiẽmas деревня, kieminéti ѣхать, итти черезъ деревню.

Меделанскіе псы въ Лит. Статутѣ (Брюкнеръ: «Cywilizacja i język», 110), передѣлано изъ польскаго medjolańskie, взятаго въ свою очередь изъ итальянскаго, подъ вліяніемъ лит. корня *med-*: medẽjas охотникъ, medinis дичь, medžiů̃ju охочусь (ср. еще Pamiętnik liter., I, 1902, 152).

Мезлево, мезлева, мезлевщина подать отъ коровъ лит. mezliavà. Подробный разборъ этого образованія у Вольтера, Mitteil., II, 308, и IV, 56—57.

Отметь паро́вое поле, паръ, лит. atmetis, atmata, латыш. atmats. Ссылка дѣлается на Вольтера, такъ какъ у Куршата и Юшкевича приведенныя слова употребляются въ другомъ значеніи.

Пентиницкіе пенези, пошлина съ дровосѣковъ, „посокерщина“. По мнѣнію Вольтера, „пентиницкій“ стоитъ въ связи съ лит. pente обухъ (Axtkopf), тупой топоръ, лат. piets.

Ройтиники „конокормцы“, лошадиные настухи и воспитатели, лит. raitinįkai.

б) Слова, помѣщенныя въ числѣ иностранныхъ въ старинныхъ азбуковникахъ [1]). Нѣсколько изъ нихъ съ успѣхомъ объяснено литовскимъ и латышскимъ языками въ замѣткѣ А. Л. Погодина (Archiv f. slav. Phil., XVII). Таковы, напр.:

---

[1]) Нѣкоторыя изъ нижеприведенныхъ словъ имѣются и въ азбуковникѣ, напечатанномъ у Сахарова: Сказанія русскаго народа, т. II, С.-Пб. 1849.

Доносъ хлѣбъ лит. dūna, -nos печеный хлѣбъ.

Кэмсъ князь. Погодинъ сравниваетъ это слово съ лит. kungs князь. Измѣненіе *н* въ *м* произошло, быть можетъ, подъ вліяніемъ заимствованнаго бѣлоруссами у литовцевъ слова кумстъ ладонь, лит. kũmstė кулакъ; тогда „кэмсъ“ вышелъ бы „державцей“.

Мейсе хлѣбъ латыш. majze хлѣбъ.

Рода собраніе, рада, представляетъ заимствованіе съ литовской огласовкой (roda) своего же слова.

Сωды — лѣхи рекъше гряды, сады, лит. sodas изъ славянскаго „садъ“; значитъ, то же явленіе, что и въ предыдущемъ случаѣ.

Другія заимствованныя бѣлоруссами слова, хотя и не вышли изъ употребленія, но встрѣчаются очень рѣдко, лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, діалектически. Таковы:

Але́съ топь, зыбкое мѣсто, болото (ср. Романовъ: Матеріалы по историч. топографіи Витебск. губ., 115, Велиж. у.; Словарь Носовича — ссылки на Бобруйск. и Новогр. уѣзды), латышск. alohts = awohts источникъ, ключъ.

Ару́дъ закромъ, напр., въ пѣснѣ (Словарь Носовича, 8):

Да великія скирты на гумнѣ,
Повные аруды у клѣци.

Брюкнеръ и Эндзелинъ считаютъ лит. arũdas, лат. arũds заимствованными изъ бѣлорусскаго, но я не представляю, какой славянскій корень могъ бы быть въ этомъ словѣ: не думаютъ ли объ орѫдьѥ дѣло, тогда по-бѣлорусски въ началѣ было бы приставочное *в* или *г*, да и значеніе не подходило бы; кромѣ того, „арудъ“ у бѣлоруссовъ встрѣчается очень рѣдко, обыкновенно „засѣкъ“. Очень можетъ быть, что литовцы или латыши заимствовали это слово у кого-либо другого, а у нихъ уже взяли бѣлоруссы.

Ата́рица частица земли, засѣянная работникомъ въ свою пользу, несомнѣнно, въ связи съ лит. átaras борозда съ края нивы. Отъ глагола „ора́ць“ пахать произой-

ти не могло, такъ какъ *о* здѣсь было бы подъ удареніемъ.

Бари́ць, напр., въ пѣсенномъ выраженіи (Словарь Носовича, 15):

> Дарице, не барице;
> Коротки свитки, померзли лытки.

Это слово очень напоминаетъ лит. bárti журить, бранить. Носовичъ впрочемъ объясняетъ „барицъ" какъ „медлить".

Ва́нчосъ, ва́нчесъ дубовый брусъ, употребляемый для корабельнаго строенія. Спрогисъ ставитъ это слово въ связь съ латыш. vanzis (vantscha) балка для привязыванія якоря, лит. vančos (ср. Вольтеръ, Mitteil., IV, 55).

Вы́пса: „не слухай ты гэтого выпсу". Носовичъ (92) производитъ это слово отъ „песъ" и объясняетъ, какъ „хрычъ". Но очень напрашивается сопоставленіе съ литовскимъ глаголомъ vypsaũ, vypsóti стоять или сидѣть съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица.

Га́лицъ возбуждать желаніе, га́ленне сильное желаніе; оба слова въ связи съ лит. galiù, -iéti мочь, быть въ состояніи.

Галу́за шалунъ—не въ связи ли съ лит. galvožys карликъ; интересно сопоставить съ нимъ еще лит. galatà обманщикъ. Носовичъ (108) сравниваетъ это слово съ „галы" ягодицы, testiculi, но и это слово небѣлорусское; не знаю, можно ли его сопоставить съ нѣм. Galle, какъ это сдѣлано въ Słownik'ѣ języka polsk. Карловича etc. I, 797. Нѣтъ ли въ лит. подходящаго слова? (ср. выше галицъ).

Ге́рбовацъ брезгать въ Витеб. губ. (ср. Шейнъ: «Матеріалы для изученія быта и яз.», III т., 35) нельзя не поставить въ связь съ лит. gerbiu, -pti почитать, хвалить. Заимствованіе словъ съ противоположнымъ значеніемъ дѣло возможное въ языкѣ (ср. бѣлорус. „благи́" дурной, плохой, при ц.-слав. благъ). Вѣроятно, сюда не относится польское gierebować отча-

ливать, которое Słownik... (826) не прочь произвести отъ нѣмецкаго выраженія kehr'ab. У Романова («Бѣлор. сборн.», VI, 413 Чаусск. у.): «ты уже нами не гребуешъ“ — со звукомъ *e* послѣ плавнаго.

Гни́бицъ, погни́бицъ довести до нищеты — лит. gnýbiu, gnýpti общипывать пальцами, клещами и т. п.

Гру́ца толченый ячмень для крупы — лит. grū̃ča крупа, каша; при чемъ послѣднее, вѣроятно, въ связи съ нѣм. Grütze.

Гу́дзицъ, згу́дзицъ поносить, пригу́живацъ находить недостатки, повидимому, въ связи съ лит. gù-dinu, gùdʒti кого-либо духовно наставливать, возбуждать, образовывать. Не знаю, какъ смотрѣть на старое, восходящее къ XIII в. гоудити, въ которомъ Миклошичъ (Lex. pal.-sl. gr. lat., 149, 321), кажется видитъ замѣну коудити и сравниваетъ съ лит. и лат. корнемъ skaud dolere. Корень *куд-* въ словѣ „прокýда“, „прокýдникъ“ тоже извѣстенъ бѣлоруссамъ и притомъ всѣмъ, тогда какъ *гуд-* (не = гжд-) извѣстенъ лишь кое-гдѣ.

Гу́льня: мастеръ въ гу́лни своеи Ф. Скорина XVI в. (ср. Владимировъ: «Докторъ Ф. Скорина», 300) изъ лит. gulimà kamarà спальня, при глаголѣ gulinéju, -éti.

Даба́ да вотъ лит. dabà больше еще.

Далиго́йда пѣсенный припѣвъ, состоящій изъ лит. dalìs доля, судьба, и gaĩdau мой любезный.

Дзога́цъ стучать, здзо́гацъ разбицъ, дзо́га кто ходитъ шумно, изъ лит. dzàkoti итти бѣжкомъ.

Дойли́дъ зодчій, строитель: кузнецъ и доилида, мастеръ доилидъ, доилидска дѐла Скорина (Владимировъ, 300); встрѣчается „доилидъ“ и въ актахъ XVI в. (ср. Акты, изд. Вил. ком. XVIII, указатель); изрѣдка это слово можно слышать и теперь, напр., въ пѣснѣ, записанной въ Сѣнн. у. Мог. г. (Шейнъ: Матер. I, I, 164):

Тамъ и три далиды церкву рубили.

Какъ это уже отмѣчено многими (Брюкнеръ, 23,

Вольтеръ, Mitteil., IV, 53, Владимировъ), это слово = лит. dajlýdė.

Д о р о б ъ, д о р о б к а коробъ, коробка. По Микуцкому (ср. также Брюкнеръ, 24), слова эти въ связи съ литов. darbis, durbis дупло; здѣсь конечно будетъ только перетолкованіе обычныхъ „коробъ, -ка". Къ сожалѣнію, этихъ словъ нѣтъ ни у Куршата, ни у Юшкевича.

Ж у д а́ нужда, печаль, скорбь (слово довольно распространенное на западѣ Руси: ср. Словарь русс. яз., сост. II Отд. А. Н., II, 600), повидимому, сродни лит. žudaũ, žudýti умерщвлять.

К а́ н ь к а л а попрошайка литовск. kañkalas колокольчикъ (Брюкн., 24). Великорусское „канючить", отъ „каня" milvus, сюда не относится.

К л и п ъ : в о́ к л и п ъ (в-о-клипъ) верхомъ, безъ сѣдла, несомнѣнно, въ связи съ лит. klypstù, klýpti во время ходьбы изгибать ноги криво.

К н и́ б и ц ь надоѣдливо просить, лит. knybau, -byti обременять, тѣснить. Приводя изъ Ширвида это слово, Брюкнеръ (95) видитъ заимствованіе литовцами у бѣлоруссовъ; но для меня совершенно неясно бѣлорусское слово: быть можетъ, литовцы заняли это слово у кого-нибудь другого, а у нихъ взяли бѣлоруссы.

К у м с т ъ см. при кэмсъ (стр. 480; ср. Вольтеръ, Mitteil., II, 309).

К у́ р п ы особаго рода башмаки лит. kùrpė, лат. kurpe (ср. Миккола въ Beiträge, 120—121, гдѣ и литература предмета, а также у Эндзелина: Жив. Ст., 309); не знаю только, гдѣ въ Бѣлоруссіи это слово извѣстно.

Л а́ л ы н щ и к ъ волочебникъ. По объясненію Потебни (Веснянки, 20), изъ лит. łałauninks.

М а́ р г и, м а́ р г е л ь имя быка (Лидск. и Ошм. у.) изъ лит. márgis черный быкъ (Вольтеръ, Mitteil., II, 309). М а́ р г е л ь известковый камень (Словарь Носовича, 280), равное нѣмецкому Mergel, сюда, конечно, не относится.

Мúлта особое овсяное кушанье (Ошмян. и Вилен. у.) литовск. mı̃ltai овсяный кисель (Вольтеръ, Mitteil., II, 309).

Мирсъ: сымагó якъ бы́ццымъ по мирсъ (чит. пóмирсъ) бирéць (Шейнъ: Матер., III, 233, Витеб.), страхъ, доводящій до обморока. Ср. лит. mirksaũ, mirksóti сидѣть съ полуоткрытыми глазами, или быть можетъ— mı̀rštu, mir̃ti умирать.

Митусúць мутить, мѣшать, тревожить, лит. mita, mitas крыло въ сѣти (ср. Куршатъ, Wörterb., 259); вѣроятно, есть болѣе подходящее лит. слово этого корня, по крайней мѣрѣ Вольтеръ, какъ это отмѣчено выше (стр. 477), спрашиваетъ: употребляется ли въ бѣлор. *митусъ?*

Наўдá, нóўда польза Лид. у. (Вольт., Mitteil., II, 309), Гродн. у.: зъ ихъ нема ніякой ноўды (Шейнъ, Матер., III, 81); печаль: што табѣ за нáўду прывязли (ib., 478, Новогр. у.) — всѣ изъ лит. naudà польза, имущество.

Пóтка Грод. г. и Мин. penis. Хотя оно и напоминаетъ стар. потъкл битва, а также сѣв.-великорус. *пóтка* (пътъкл) птичка, равнымъ образомъ глаголъ *потќнуть* (см. Слов. Даля), однако въ данномъ значеніи врядъ ли оно можетъ считаться славянскимъ. Мнѣ бы хотѣлось сравнить его съ латыш. patika сильное желаніе. Должно быть есть подобное слово и у литовцевъ, только не внесено въ словарь.

Примнъ, прúмень хозяйственная постройка: никотораго примна не далъ, 1541 г. (Акты, изд. Вил. ком. XVII); сѣни: бóрздзенько пошлá ў прúмень (Шейнъ, Матер., III, 265); лит. priénumis, priémena, priénamė (Вольт., Mitteil., IV, 50).

Пýтра кислая каша, малорусское путря, лит. и латыш. putra, взятое должно быть у финновъ (Вольтеръ, Mitteil., II, 308), гдѣ приводится мнѣніе Потебни).

Раўгéня родъ некислаго тѣста, особое кушанье кулага,

лит. ráugas закваска, raugìnė горохъ съ кислымъ тѣстомъ.

Ре́я овинъ въ Гродн. губ. и отчасти Минск. Микуцкій сравниваетъ съ лит. reje, но Брюкнеръ (125) въ лит. словѣ видитъ заимствованіе.

Ры́чка, рыку́нья скотница уже въ актѣ 1565 г. (Акты, изд. Вил. к. XVII в., 546) лит. rikunia фермерша, rykauti управлять, прусск. rikys (Вольтеръ, Mitteil., II, 308).

Рымсциць, ры́мщу, выжидать, терпѣть, уры́мсциць выдерживать боль, лит. rìmstu, rìmsti спокойно переносить (ср. еще Брюкнеръ, 24).

Талыза́ць таскать, бить, лит. talziti, по Микуцкому, въ чемъ Брюкнеръ (144) однако видитъ заимствованіе изъ бѣлорусскаго, но быть можетъ напрасно: ср. латыш. talſiht, лит. talãžyti, tàlažũti.

Текуне́цъ бѣглецъ, встрѣчающееся въ старыхъ памятникахъ (Вольтеръ, Mitteil., IV, 52), при лит. tekunas, мнѣ кажется, лишь случайное совпаденіе, такъ какъ бѣлоруссы имѣютъ свое уцека́ць убѣгать отъ корня *тек-*.

Шве́ля бревно при лит. švẽlis, взятомъ въ свою очередь изъ нѣм. Schwelle.

Наконецъ перечислимъ слова, взятыя бѣлоруссами изъ латышскаго и литовскаго языковъ и извѣстныя въ той или другой степени во всей бѣлорусской области. Сюда относятся:

Бо́нда хлѣбъ печеный (бу͡ондачка. Федеровскій: Lud białor., II, 21), выслуженная доля земли (въ старыхъ памятникахъ). Вольтеръ (Mitteil., IV, 56) ставитъ его въ связь съ лат. bandos (мн. ч.) или bandi, лит. bą́da стадо скота, присѣвокъ (ср. еще Эндзелинъ: Жив. Ст., 299).

Бры́нда и бры́нды, платье, выпачканное снизу и пооборванное, какъ бы обшитое бахрамой; бродяга (Носовичъ); бры́ндаць таскаться. Очень напомина-

ютъ лит. brindos (мн. ч.) оборки на чепцѣ, платьѣ, bridūti обшивать оборками.

Буженйна свинина, больше копченая (слово встрѣчается чаще въ великорусскихъ говорахъ) при лит. budyti коптить (ср. Вольтеръ, Mitteil., II, 308), гдѣ приводится мнѣніе по этому предмету Потебни).

Бурча́ць ворчать лит. burkūti ворковать.

Вала́ндацца возиться, суетиться (слово больше великорусское) при лит. valandà короткое время (Вольт., Mitteil., II, 308, гдѣ ссылка на Потебню).

Ве́ндеръ особаго рода сѣть для ловли рыбы, прусск. wentere, лит. ventaris, ventaras, venteris. Брюкнеръ (152) думаетъ, что это слово взято литовцами у поляковъ; но какъ полагаетъ Миклошичъ (Etymolog. Wörterb., 381) и Эндзелинъ (Жив. Ст., 300), естественнѣе допустить заимствованіе у литовцевъ: у послѣднихъ это названіе распространено повсемѣстно.

Вилйць обманывать, кривить, лит. vylius обманъ, viliòti обманывать. Великорусское „вилять“?

Воропа́й, эпитетъ коровая, обозначаетъ жениха, напр.:

Ахъ ты, коровау-воропаю,
Часто ў клѣци бываешъ,
Сцежки-дорожки пытаешъ.

По объясненію Потебни (Русск. Ф. В., IV, 165—167), отъ лат. wērpajs и wērpejs прядильщикъ. Не ясно только, видитъ ли здѣсь Потебня заимствованіе, или только родство.

Гйрса трава въ пшеницѣ лит. dirsė̃ (Брюкнеръ, 24).

Дзё́гоць деготь — Миккола (Beitr., 119) вполнѣ основательно производитъ изъ лит. degùtas, отъ корня *deg*- горѣть, который въ славянскихъ языкахъ измѣнился въ *geg-, жег-.

Дул-: одуловатый одуловатый, дряхлый, по Микуцкому, изъ лит. dúlis древесная гниль; сюда же относятся глаголы: dùlinti, dulinéti (ср. Брюкн., 24).

Дыли-дыли звукоподражательное междометіе для обозначенія игры на скрипкѣ, напр., въ пѣснѣ:

Ды́ли-ды́ли, скрыпачка,
А ў ну͡орцы лисачка,
А ў лисицы ну͡овы дву͡оръ,
Тры паненки на выбу͡оръ.
Федеровскій: Lud białoruski, II, 7.

То же въ старыхъ интермедіяхъ (ср. Морозова: Очерки изъ исторіи русс. драмы, 72, по рук. И. Публ. б. разноязычн. Q. XIV. 30). Трудно не поставить этого звукоподражанія въ связь съ лит. dilį̃nti тереть, шаркать, dìlti убывать отъ тренія. „Дыли" впервые могло явиться у литовцевъ, а отъ нихъ зайти къ бѣлоруссамъ и полякамъ.

Ёўня овинъ: але еще въ евню того жита не кладено было, 1541 г.; е́ўя: а клуня и зъ евьею, 1556 г. (Акты, изд. В. к. XVII). Слово это, существующее до сихъ поръ, вполнѣ основательно выводится изъ лит. jaũja (ср. Вольтеръ, Mitteil., IV, 49). Отсюда и названіе м. Евье.

Жвиръ дресва, лит. žvìrždas, žvìrgždas, žvìras, латыш. zvir̃gzde; Брюкнеръ (158, 190) литовскія и латыш. слова считаетъ заимствованіемъ, но Эндзелинъ (304) думаетъ, что „нѣтъ никакого основанія считать эти литовско-латышскія слова заимствованными".

Клеба́ня, клеба́нія домъ священника (рѣже взятое изъ польскаго яз. плеба́нія) — лит. klebonė, klebonìja домъ священника, klebõnas священникъ. Согласно съ Аппелемъ (Рус. Ф. В., III, 221), вопреки мнѣнію Брюкнера (94), допускаю заимствованіе изъ литовскаго, а не наоборотъ, такъ какъ въ бѣлор. нарѣчіи нѣтъ подходящихъ корней, тогда какъ у литовцевъ есть глаголъ klebù, -bė́ti. Подъ вліяніемъ этого глагола литовцы и осмыслили соотвѣтствующія польскія слова.

Клу́ня сарай въ родѣ гумна изъ лит. klůnas, klonas, лат. kluns (ср. Вольтеръ, Mitteil., IV, 49; Эндзелинъ, 306).

Клы́пацъ хромать лит. klypstù, klỹpti во время ходьбы обычно изгибать ноги.

Коўшъ ковшъ изъ лит. káušas, каковое слово, по свидѣтельству Миккол͡ы (120), отъ литовцевъ проникло къ финнамъ и германцамъ.

Кре́сло сѣдалищная часть крестьянскихъ портковъ; для обозначенія мебели у бѣлоруссовъ это слово встрѣчается довольно рѣдко, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ одного заговора (Романовъ: «Бѣлор. сб.», V, 55): „Золотникъ золотый, стапь на своемъ мѣсти, на золотомъ кресли, на батьковымъ соснованіи, на маткинымъ порождэніи“ [1]). Ему соотвѣтствуетъ лит. kre̍slas, лат. krêsls. Карловичъ (316) видитъ въ этихъ словахъ только родственное соотвѣтствіе; Брюкнеръ (97) предполагалъ заимствованіе литовцами у поляковъ; но какъ убѣдительно доказываетъ Миккола (120), слѣдуетъ видѣть заимствованіе со стороны славянъ у литовцевъ (ср. еще Эндзелинъ, 301).

Куль снопъ соломы, прилаг. кулёвый, по Карловичу (324) взято у литовцевъ: ср. kulis Brandkorn.

Кумпя́къ или кунпя́къ окорокъ лит. kum̃pis (Вольтеръ, Mitteil., IV).

Лайда́къ плутъ, бездѣльникъ, согласно съ мнѣніемъ Потебни, Вольтера (Mitteil., II, 308) и Эндзелина (292), въ виду *-ай-* будемъ выводить изъ лит. lajdõkas, лат. laidaks или laiduks.

Па́кля, па́кулле изъ лит. pàkulos (мн. ч.), лат. pakulas (ср. Миккола, 121, Эндзелинъ, 292).

Паршу́къ (напр., у Федеровскаго: «Lud białoruski», II, 14, 336) и парсю́къ (напр., у Романова: «Бѣлор. сборн.» III, 8, 39, 243) кабанъ лит. par̃šas. Этого же взгляда держится и Вольтеръ (стр. выше стр. 477).

Ре́дзгины и ре́згины (оба слова со звукомъ g),

---

[1]) Впрочемъ и здѣсь „кресло“ часть тѣла, которая прикрывается кресломъ портковъ: золотникъ, матица, старинное дъна, извѣстная женская болѣзнь. Ср. М. И. Соколовъ: „Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками“. Москва. 1894, стр. 2 sq.

Могил. рѣ́звины (Словарь Носовича, 570), снарядъ для ношенія сѣна (ср. мой рисунокъ во II т. «Матеріаловъ» Шейна, 247, вын.), изъ лит. rẽzgis, rezginės (Вольтеръ, Mitteil., II, 309).

Ру́пиць заботить, рупли́восць, лит. rupùs озабоченный, rúpinti (ср. Брюкнеръ, 23, Вольтеръ, Mitteil., II, 309).

Сви́ронъ амбаръ, встрѣчающееся и въ старыхъ актахъ, напр., 1556 г. (ср. Акты, изд. В. к., XVII), лит. svirnus и svirna спальня, клѣть. Брюкнеръ (24) не рѣшается сказать, кто у кого заимствовалъ; но у бѣлоруссовъ это слово единично, тогда какъ у литовцевъ есть еще подобныя образованія (ср. Куршатъ: Wörterbuch, 418).

Сли́вень слѣпая змѣя лит. slibinas, slykunas (Брюкнеръ, 24); ср. глаг. slykstu, slykti дремать. У бѣлоруссовъ, очевидно, нѣкоторая передѣлка вслѣдствіе осмысленія слова.

Стадо́ла конюшня при постояломъ дворѣ. По довольно убѣдительнымъ доводамъ Эндзелина (Жив. Стар. 298—299), „русскіе (и нѣмцы) заимствовали это слово у латышей (или литовцевъ), а не наоборотъ“: лит. stádolė латыш. stadala, образов. отъ глагола *stadît (ср. stadini и statit) останавливать.

Торпъ извѣстнымъ образомъ сложенные на гумнѣ снопы, лит. tárpas (ср. Брюкнеръ, 201, Вольтеръ, Mitteil., II, 309).

Учку́ръ веревочный шнурокъ, служащій для стягиванія портковъ. По Карловичу (324), это названіе взято у литовцевъ, не знаю только, какому слову оно соотвѣтствуетъ: ūškurỹs по значенію не совпадаетъ.

Шашо́къ хорёкъ лит. šeškas, лат. seskis (Вольтеръ, Mitteil., IV, 59).

Шу́ло столбъ, вѣроятно, взято у литовцевъ, у которыхъ имѣется šùlas, заимствованное у нѣмцевъ: Säule; у послѣднихъ взяли и поляки: szuło (ср. Вольтеръ, Mitteil., II, 309 вын.). Интересно впрочемъ срав-

нить съ санскр. „шу̂ла“ колъ (Петровъ: Матеріалы для объяснительнаго словаря и грамматики р. яз. VI, 92).

Яндо́ва особаго рода кружка (у бѣлоруссовъ малоизвѣстна) лит. indaujė, iñdas (Миккола, 120).

Янтарь (теперь вытѣсненное изъ языка простонародья польскимъ bursztyn) лит. gentãras также jentãras и gintãras (Брюкнеръ, 23). Соображенія Карловича (364—365) о заимствованіи его изъ греч. ἤλεκτρον не возможно допустить, такъ какъ янтарь шелъ отъ литовцевъ къ грекамъ, а не наоборотъ, да и соотвѣтствіе въ звукахъ было бы очень отдаленное.

Еще въ двухъ словахъ видятъ заимствованіе изъ литовскаго: 1) ты́чка, тычко́мъ, тычма́ при лит. tyčiá, tyčiomis (Брюкнеръ, 23), но здѣсь, по моему мнѣнію, лишь случайное совпаденіе, такъ какъ бѣлорусскія выраженія, несомнѣнно, отъ корня *тык-*; 2) узво́ръ, край поля (въ старыхъ грамотахъ) при литовскомъ užvaras (Вольтеръ, Mitteil., IV, 50), но это слово легко распадается на уз-в-ор-ъ, т.-е. *въз-ор-ъ -- вспаханная часть поля.

Число бѣлорусскихъ заимствованій у литовцевъ и латышей можно бы значительно увеличить, если бы прибавить сюда еще прозвища, фамиліи и названія живыхъ урочищъ на теперешней бѣлорусской территоріи, но я не имѣю матеріала для сужденія этого рода.

Не знаю, можно ли указать какія-либо морфологическія заимствованія со стороны бѣлоруссовъ у литовцевъ и латышей: быть можетъ ихъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять такія образованія, какъ нудо*сно* (въ лит. *-sn-* въ суффиксѣ очень обычно), дзиво́*сы*, выкрута́*сы*. Не думаю, чтобы можно было говорить о заимствованіяхъ фонетическихъ. Возможно лишь, что близость литовскаго языка поддерживала такія сочетанія, какъ *-ир-*, *-ил-* вм. общерусскихъ *-ер-*, *-ел-* изъ основныхъ славянскихъ -ьр̥-, -ьл̥- въ образованіяхъ, въ родѣ: чирво́ны, дзиржа́ць, килбаса́ и т. д.

Дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго, мы видимъ, что бѣлоруссы заняли у литовцевъ и латышей около 35 словъ

общераспространенныхъ и около 56 словъ, извѣстныхъ только отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отчасти лишь въ старинныхъ памятникахъ. Слова эти больше обозначаютъ предметы, относящіеся къ земледѣлію, рыбной ловлѣ, къ обыденной жизни, и очень немногія касаются умственныхъ интересовъ человѣка. Тогда какъ, если мы разсмотримъ слова, взятыя литовцами и латышами у бѣлоруссовъ, то ихъ окажется огромное количество, и касаться они будутъ всѣхъ сторонъ жизни человѣка. Это и естественно: Литва всегда находилась въ умственной и вообще духовной зависимости отъ Руси, а затѣмъ отъ Польши, откуда и шли къ нимъ разныя названія культурныхъ предметовъ вмѣстѣ съ самими произведеніями.

Е. Карскій.

Варшава. Апрѣль 1902 г.

Къ вопросу о Македонскомъ глаголическомъ листкѣ.

Въ статьѣ «Нѣколко бѣлѣжки върху старословенскитѣ паметници», напечатанной въ IX книгѣ болгарскаго «Сборника за народни умотворения, наука и книжнина (1893)», покойный славистъ, д-ръ Облакъ отмѣтилъ, что Супрасльская рукопись представляетъ такія лексическія и морфологическія особенности, которыя выдѣляютъ её изъ ряда остальныхъ, такъ называемыхъ *паннонскихъ* памятниковъ. Съ своей стороны въ статьѣ «О редакціяхъ славянскаго перевода Псалтыри» [1]) я старался указать на то, что эти особенности находятъ себѣ соотвѣтствіе въ языкѣ произведеній, появившихся въ Болгаріи въ эпоху царя Симеона; именно, въ трудахъ Іоанна Экзарха и Константина пресвитера Болгарскаго, а также въ Изборникѣ 1073 г., оригиналъ котораго былъ составленъ именно для ц. Симеона; поэтому языкъ этихъ памятниковъ, (а слѣдовательно и Супрасльской рукописи) долженъ считаться языкомъ Болгарскихъ Славянъ IX—X в.

Изъ числа другихъ старославянскихъ памятниковъ къ одной группѣ съ Супрасльской рукописью надо отнести также кирилловскіе Хиландарскіе листки [2]), отрывокъ

---

[1]) Въ приложеніи къ Описанію рукописныхъ Псалтырей Московской Типографской Библіотеки (Москва, 1901 г.).

[2]) Изданные Кульбакинымъ въ 1900 г. С.-Пб.

изъ поученій Кирилла Іерусалимскаго, такъ какъ полные списки этого произведенія, сохранившіеся въ русскихъ изводахъ, представляютъ несомнѣнные слѣды принадлежности его этой эпохѣ (см. вышеуказанную мою статью, стр. xxi—xxiv, и Описаніе рукописей Синод. б-ки Горскаго и Невоструева, № 114). Сюда же, мнѣ думается, надо отнести и глаголическій Македонскій листокъ[1]). Принадлежность его этой группѣ доказывается слѣдующими данными: этотъ листокъ, по моему мнѣнію, является, несомнѣнно, частью большого собранія Словъ Ефрема Сирина, сохранившагося въ кирилловскихъ спискахъ (большею частью русскаго извода) подъ названіемъ Паренесисъ, такъ какъ оба слова, части которыхъ (конецъ одного и начало другого) находятся на листкѣ, въ кирилловскихъ спискахъ стоятъ также рядомъ и при томъ текстъ этихъ словъ, какъ онъ сохранился въ глаголическомъ отрывкѣ, не представляетъ никакихъ, сколько нибудь существенныхъ отличій отъ текста кирилловскихъ списковъ, какъ это можно видѣть изъ сравненія глаголическаго текста (по изданію И. В. Ягича) съ текстами: 1) напечатаннымъ И. И. Срезневскимъ по пергаменной рукописи XIII вѣка въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ № V, и 2) Типографскимъ, изъ пергаменной рукописи XIII—XIV в. № 38:

Стрк. 3 св. **потрѣбнін** — *Тип.* опускаетъ конечн. **н**; **красьнні** — *Тип.* опускаетъ; стрк. 4 **братре** — *Тип.* и *Ср.* **брате**; стрк. 7 **оунылъ** — *Тип.* **оунылы**; стрк. 8 **покаанье** — *Тип.* **-ніа**; **нн** — *Ср.* **н**; стрк. 9 **съвѣды** — *Тип.* **-дын**; **же** — *Ср.* опуск.; **всегда** — *Ср.* опуск., далѣе *Ср. Тип.* добавл. **грѣшьна**; стрк. 10 **сѫда** — *Ср.* опуск.; **не** — *Тип.* оп.; **о грѣсѣхъ** — *Тип.* + **своихъ**; **моеіа** — *Тип.* + **радьма**; **слабостн** — *Тип.* **сладостн**; стрк. 11 **вы** — *Ср.* + **оубо**; **нынѣ ѵю** — *Ср. Тип.* опуск. **ѵю**, (но въ Тип. тутъ разура, видно, что **ѵю** было написано и подчищено); стрк. 13 **прн-**

---

[1]) Изданный ак. И. И. Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ № V, и затѣмъ ак. И. В. Ягичемъ въ книгѣ: Образцы языка церковно-славянскаго. С.-Пб. 1882 г., стр. 27—19.

детъ — *Ср.* прнде; стрк. 14 н — *Тип.* оп.; стрк. 15 єгда же — *Ср.* оп. же; прндетъ — *Ср.* прнн-; господъ — *Тип.* х҃ъ; стрк. 16 хота — *Ср.* оп.; єго — *Тип.* оп.; стрк. 17 бесмрътьноу — *Тип.* + -оумоу; стрк. 18 подвнгъшюмоу вм. -ю- *Тип.* -юоу-, *Ср.* -є-; стрк. 19 и 20 н — *Ср.* оп.; стрк. 21 нзведется — *Ср.* н възведеться; стрк. 22 нн҃ѣ — *Ср.* оп., а *Тип.* + н прнсно н въ вѣкы вѣкомъ амннь.

Изъ этого сличенія отрывка перваго слова видно, что всѣ различія сводятся къ опискамъ, пропускамъ и т. п. погрѣшностямъ писцовъ, но отнюдь не указываютъ на разные переводы или на послѣдовательное исправленіе текста.

Что же касается того, что въ глаголическомъ отрывкѣ второе Слово помѣчено цыфрой 79 (слѣдовательно, первое—78), тогда какъ въ кирилловскихъ спискахъ (напр. Типографскомъ и въ спискѣ, указанномъ проф. Архангельскимъ) [1]), они носятъ номера 83 и 84, то тутъ надо принять во вниманіе то, что сами кирилловскіе списки представляютъ нѣкоторое колебаніе въ количествѣ входящихъ въ нихъ Словъ, такъ что и глаголическая рукопись могла заключать нѣсколько меньшее число Словъ, тѣмъ болѣе, что и разница въ цыфрахъ очень невелика (на 5 Словъ).

Если мы примемъ такимъ образомъ, что глаголическая рукопись, часть которой составлялъ Македонскій глаголическій листокъ, представляла тотъ же текстъ, что и кирилловскіе списки Паренесиса, то это дастъ намъ возможность привлечь къ дѣлу несравненно болѣе обширный матеріалъ, чтобы имѣть возможность судить о языкѣ памятника, притомъ конечно не съ фонетической стороны, такъ какъ русскіе списки не могутъ дать о ней понятія, но со стороны морфологической и лексической, потому что въ этомъ отношеніи рукописи очень консервативны, какъ могло намъ указать выше произведенное сравненіе.

При изслѣдованіи особенностей языка Паренесиса

---

[1]) Творенія Отцовъ Церкви въ древне-русской письменности, III. Казань 1890 г., стр. 18—24.

Ефрема Сирина я пользовался рукописью Типографской Библіотеки № 38, писанной двумя руками на пергаменѣ въ листъ (24×29 сантим.) на 143 лл. уставомъ XIII—XIV в. въ два столбца. Рукопись безъ начала и конца: начинается окончаніемъ Слова 34-го и кончается началомъ Слова 94-го; повидимому, она была списана со средне-болгарскаго оригинала, такъ какъ въ ней сохраняется мѣстами написаніе ж (частью въ особомъ начертаніи ж: л. 11в ѧже (= ѩже), л. 24б тысѧщь, л. 81 — тысѧщьныи (вообще это слово встрѣчается въ видѣ тысоущь л. 24б, 74г); вмѣсто ю встрѣчается употребленіе ѣ (или вмѣсто него є): л. 20г сладъчѣиша, л. 21в льгъчѣиши, л. 58г множѣи, л. 78г множеишю, л. 82в мъ|ноженша, л. 95г множеишемъ; лл. 64г, 65а, 94б — прѣмь, постоянно въ корнѣ ѣд-: лл. 23г, 83б ѣдоу, л. 94г ѣ|дъ, л. 95б ѣдомь, лл. 73г, 96б ѣсти, л. 85б ѡбѣдаютса, лл. 72а 98а чрѣвоѡбѣдє|ниє, л. 97а многоѣдении; два раза употреблено начертаніе ы, исправленное затѣмъ на ы: л. 73б неискоусьныи, л. 75г стымь; есть слѣды проясненія ъ въ о въ концѣ слова: л. 20а вѣкъѡсь (=вѣкось—вѣкъ сь), можетъ быть на существовавшую въ подлинникѣ смѣну юсовъ указываетъ такой случай, какъ л. 16г ѧже вм. ѩже (не|помнить бѣды ѩже прєтє|рпѣ), любопытно ещё употребленіе въ нѣкоторыхъ словахъ начертанія є вмѣсто ѥ въ положеніи въ началѣ слова или послѣ гласной: лл. 70в 83г єи, 74б єда, 74а аєрьскоу|ю, 76г аєръ; можетъ быть, болгарскому же оригиналу надо приписать пропускъ к въ словѣ поднгнѣтьса (л. 89б).

Что касается особенностей, внесённыхъ русскими переписчиками, то кромѣ обычной замѣны ж, ѧ посредствомъ оу, ѩ; ѣ посредствомъ є; ъ, ь посредствомъ о, є и наоборотъ; жд посредствомъ ж, встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ полногласія: л. 6б смородомь, лл. 53г, 72в чєловѣка, замѣны щ посредствомъ ч: л. 5г молачи, л. 8г дома|чиаю, л. 51г не хотачє, л. 77б тво|рачє; а также нѣкоторыя явленія, указывающія на говоръ писца, именно аканье (а вмѣсто о) — л. 63в полащраюши, л. 94б ѧкаанъ,

л. 110б ка|ʒанцін, (а вм. є и наоборотъ) — л. 74а оустрамися, л. 92в аціа, л. 93а колѣціє, (и вм. є) — л. 65в биціисльно, л. 81в ѡ грѣшиици, л. 84б поутишьствии, л. 95б оубижалъ; мѣна ц и ч: л. 13б вьньцаии, л. 14а ıѫзыцѣнъ, л. 69г ѿлоуценъ, вели|цахоуса, л. 79в цьрнь|ць, л. 90г сичевъıимъ, л. 95в срдчє; ж вмѣсто ʒ въ словѣ вѣдроужилъ (л. 68г); в вм. оу — л. 59г повъчаıетса; г вм. х — л. 87в дра|глоуıеть; отвердѣніе согласныхъ—л. 25в сыръ (=сиръ), л. 25г сырънмъ, л. 26а сыръıмн, л. 31г непостыжь|наго, л. 32в вънышнї|нмь (=внѣшнинмь), л. 93а сырыціе.

Разсматривая этотъ списокъ Паренесиса съ лексической стороны, мы встрѣчаемъ всѣ тѣ особенности, которыя могутъ считаться характерными для Симеоновой эпохи; конечно, приводить ихъ здѣсь изъ всего памятника было бы утомительно и я остановлюсь на наиболѣе характерной сторонѣ, именно на употребленіи частицъ. Мы здѣсь находимъ:

бѣхъма (по ошибкѣ писца вм. бѣхъма—Сл. 36, 39),
бъшню (Сл. 62)
дѣи ли (Сл. 46)
дѣльма (Сл. 39), дѣла (Сл. 46), радьма (Сл. 36, 46)
небонъ (Сл. 36, 39)
ти аціе (Сл. 36, 53)
то како (Сл. 39)
оуто (Сл. 50),

т. е. почти всѣ частицы, которыя были мною отмѣчены по другимъ памятникамъ въ вышеуказанной статьѣ (стр. XXIII—XXIV). Также какъ и въ другихъ памятникахъ той же эпохи мы видимъ употребленіе суффикса -ціь для образованія patronymici — блоудиичиціи (νόθοι — Сл. 39) и суффикса -чи для образованія nominis agentis — каниччи (род. ед. ч. отъ каничи, греч. νεροφόρος — Сл. 36), (ср. вышеуказ. статью, стр. XXIV—XXVIII).

Переходя къ разсмотрѣнію морфологической стороны памятника, мы встрѣчаемъ такіе факты, какъ значительное распространеніе формъ отъ основъ на ŭ на основы на ă°/ă°, напр.:

дат. п. ед. ч. **клоудовн, грѣховн, нюдѣювн, юлиновн** (Сл. 36), **оумовн, дхвн** (Сл. 45), **львовн** (Сл. 53), **врачевн** (Сл. 49), **нюювн** (Сл. 50), **моревн** (Сл. 53);

имен. п. мн. ч. **даровн** (Сл. 36), **лнсове** (Сл. 46), **плодове** (Сл. 73);

родит. п. мн. ч. **троудовъ** (Сл. 39), **скаровъ** (Сл. 46), **строуповъ** (Сл. 49), **членовъ** (Сл. 51) **плодовъ** (Сл. 53, 57), **садовъ** (Сл. 55) **шаровъ** (Сл. 55);

творит. п. мн. ч. **плѣдъмн** (Сл. 46).

Форма имен.-вин. п. ед. ч. отъ основы на n сохраняется въ видѣ: **пламы** (Сл. 36 и 53).

Формы склоненія основъ на s распространяются и на другія основы: вин. п. мн. ч. **оушеса** (Сл. 50), род. мн. ч. **дѣлесъ** (Сл. 39 — въ рукописи ошибочно написано **дѣлѣсы**), тв. мн. ч. **дѣлесы** (Сл. 36, 39, 45, 50 и 58); **ѡ дѣлесьхъ** (Сл. 58).

Въ формахъ спряженія находимъ отпаденіе окончанія -ть (въ 3 л. ед. и мн. ч.) и -сть (въ 3 л. ед. ч.): **сконьча|е** (сл. 42), **боуде** (Сл. 45 и 50), **таю** (Сл. 68), **нѣ лн** (Сл. 69); **не соу лн напнсана** (Сл. 51), **бью** (Сл. 51); **н не вндѣнъ лн бы** (Сл. 50), **не бы лн ʒа ланнтоу оударенъ** (Сл. 50).

Въ 3 л. дв. ч. обыкновенно встрѣчается окончаніе -та: **мнѣста, оумрѣста, оставнста** (Сл. 36), **вндита, показоуюта** (Сл. 50), **постнгнета, раʒлоучнста сѧ** (Сл. 51), **плакаста сѧ** (Сл. 51), **ѿвьрʒетасѧ** (Сл. 54).

Въ 1 л. мн. ч. находимъ окончаніе -мы: **подвнʒанмы сѧ** (Сл. 36), **нѣсмы слышалн** (Сл. 46), **нʒлѣнмы** (Сл. 49).

Одинъ разъ встрѣчаемъ форму неопредѣлённаго накл. безъ окончанія -тн: **творн** (Сл. 41), но можетъ быть отсутствіе окончанія объясняется просто небрежностью писца, такъ какъ тутъ слово стоитъ въ концѣ строки.

Всѣ эти факты, повторяющіеся во всѣхъ памятникахъ Симеоновской эпохи (см. вышеуказ. статью, стр. XXV—XXVII), подтверждаютъ то, что переводъ Паренесиса относится также къ этой группѣ и слѣдовательно, уже по этому должно выдѣлить Македонскій листокъ,

какъ часть Паренесиса, изъ числа такъ наз. Паннонскихъ памятниковъ, но кромѣ того разсмотрѣніе самого листка подтвердитъ этотъ выводъ.

Именно въ нёмъ греч. *διηγέομαι* переводится **съповѣдати** (Сл. 79) **съповѣдѣ**, *τῶν ἔθνων* — **странъ** (Сл. 79), *ζωήν* — **жизнь** (Сл. 78), *καλεῖ* — **зоветъ** (Сл. 79), *κατάνοξιν* — **покаанье** (См. 78), *ὑπέρ* — **за** (Сл. 78), *ὡς* — **ѣко** (Сл. 78), т. е. такъ, какъ это мы видимъ въ Өеодорит. Толк. Псалтири, въ Толковыхъ Пророчествахъ и другихъ произведеніяхъ этого періода, тогда какъ въ языкѣ первоначальнаго періода славянской письменности переводъ этихъ словъ былъ бы такой: **исповѣдѣти** (Евсѣевъ, книга пр. Исаіи стр. 141), **ѩзыкъ** (у насъ стр. L), **живот** (тамъ же LIII), **нарѣшѧ** (Өеод. Пс. **прозвашѧ**, см. *ἐπικαλέω* — тамъ же, стр. LII) **оумолитъ сѧ** (Өеод. Пс. **покаитєсѧ** см. *κατανύσσω* тамъ же стр. LIV); **о** (тамъ же стр. LXIII); **коль** (тамъ же стр. LXIV).

Отъ существительнаго **садъ** встрѣчаемъ имен. мн. ч. — **садове** Сл. 78 (отъ осн. на *u*), встрѣчаемъ и глагольную форму 3 л. ед. ч. безъ окончанія -сть: **нѣ**, въ выраженіи **нѣ кто иды, нѣ кто сѧ подвижѧ** (греч. *οὐδεὶς ὁ ὑπακούων, οὐδεὶς ὁ σπουδάζων*).

Ещё больше характерныхъ особенностей такого рода находимъ въ тѣхъ частяхъ этихъ словъ, которыя сохранились лишь въ кирилловскихъ спискахъ: употребленіе мѣстоименія **тъ** въ качествѣ члена: **на зълыи тъ поуть** (Сл. 79-84 — греч. *τὸν κακὸν δρόμον*), **на зълѣи той брани** (тамъ же, греч. *τὸν κακὸν ἀγῶνα*); форму имен. мн. ч. отъ основъ на u — **пирове** (Сл. 79), форму 3 л. ед. ч. настоящаго времени безъ окончанія -сть — **така ти ѥ вещь грѣховнаѧ**, не говоря уже о лексической сторонѣ, гдѣ встрѣчаются такія выраженія: *ἐθνικοί* — **поганомъ**, *τῶν ἀπίστων ἐθνῶν* — **поганьскыихъ странъ людь**; *τὰ ἔθνη τοῦ κόσμου* — **поганьсци ѧзыци**, *διὰ ἐθνικῶν πραγμάτων* — **поганьскыими дѣлы**; *εἰδωλολατρία* **бѣсовьска слоужьба**, *εἰδωλολάτραι* — **бѣсомъ слоужителе**, *μετὰ τῶν εἰδωλολατρῶν* — **съ бѣсовьскыими слоугами**; *εἰκῶν* — **об-**

раꙁъ; ἐλπίς — надежда; εἰσελθών — ꙗко вълѣꙁеть, τῆς ζωῆς — житиꙗ; καί τι — то что; μὴ ἐγώ — дѣѥши лѣ (= ли) аꙁъ.

Всѣ вышеуказанныя данныя заставляютъ, мнѣ кажется, признать, что переводъ Словъ Ефрема Сирина, сохранившійся въ спискахъ Паренесиса и въ Македонскомъ глаголическомъ листкѣ, могъ быть сдѣланъ лишь въ Болгаріи, во время расцвѣта литературной дѣятельности, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи Македонскій листокъ долженъ быть отнесёнъ къ одной группѣ съ Супрасльской рукописью и Хиландарскими листками.

Валерій Погорѣловъ.

Москва.

Нѣсколько діалектическихъ данныхъ изъ Коломенскаго у. Московской губерніи.

Моя замѣтка имѣетъ цѣлью дать нѣсколько свѣдѣній о говорѣ с. Черкизова Мячковской волости, Коломенскаго уѣзда, Московской губ. и нисколько не претендуетъ на полноту. Въ Черкизовѣ я былъ не со специальной цѣлью изученія мѣстнаго говора; въ моихъ записяхъ много случайнаго и мало системы. Но, живя тамъ (лѣтомъ 1900 года) около полутора мѣсяца, я при постоянномъ интересѣ къ діалектологіи не упускалъ случая отмѣчать особенности народнаго говора. Другія, срочныя занятія не позволили мнѣ обратить тогда на этотъ предметъ болѣе вниманія и внести болѣе системы въ свои наблюденія. Однако, зная, какъ мало намъ извѣстно о говорахъ Московской губерніи, и какое важное значеніе для русской діалектологіи имѣетъ ихъ изученіе, какъ говоровъ переходныхъ, я рѣшился опубликовать свои, хотя и недостаточныя наблюденія.

Подмосковный говоръ (или говоры) болѣе или менѣе знакомъ намъ потому, что близокъ къ литературному языку. Но извѣстно еще со временъ Даля, что границы этого говора во всѣ четыре стороны можно увидѣть съ высоты московскихъ колоколенъ; далѣе уже говорятъ иначе, приближаясь къ говорамъ сосѣднихъ съ Московской губерній. Свѣдѣній же о говорахъ Московскихъ уѣздовъ мы имѣемъ пока такъ мало, что степень вышеуказанной близости опредѣлить не можемъ. Въ „Опытѣ

русской діалектологіи" А. И. Соболевскаго оказалось возможнымъ назвать двѣ — три черты лишь изъ двухъ уѣздовъ Московской губ.: Серпуховскаго и Верейскаго (вып. I, стр. 13).

Въ 3—4 кн. 1900 г. Р. Ф. Вѣстн. начато печатаніемъ весьма обстоятельное ,,Описаніе говора д. Парфёнокъ Рузск. у. Моск. г." Н. Н. Дурново. Остальное, что появилось въ печати о говорахъ Московск. губ., представляетъ короткія замѣтки. Таковы „Кратк. свѣдѣнія о нѣкотор. говорахъ Дмитровск., Богородск. и Егорьевск. уѣздовъ" г. Чернышева (Изв. Отд. рус. яз. слов. И. Ак. Н. 1900 г. кн. II); его же „Свѣдѣнія о народн. гов. нѣкотор. селеній Московск. у.", именно сѣверной его части (Сборн. того же Отд. т. 68, 1901 г.); по поводу этой послѣдней статьи г. Карпинскій въ Ж. М. Н. Пр. 1902 г. кн. 4 приводитъ нѣкоторыя изъ своихъ предположенныхъ имъ къ печати наблюденій надъ говоромъ с. Раменскаго Бронницкаго у.; наконецъ, въ Жив. Стар. 1901 г. кн. II есть нѣсколько строкъ г. Д. о говорѣ с. Воскресенскаго Коломенскаго у. („Народный говоръ на моей родинѣ"). Вотъ, кажется, и все, чѣмъ располагаетъ діалектологія для знакомства съ говорами Московской губ.

С. Черкизово лежитъ близъ линіи Московско-Казанской ж. д., верстахъ въ 13 отъ г. Коломны; населеніе его находится въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Москвой и еще болѣе съ Коломной, съ этимъ „уголкомъ Москвы" (по мѣстной поговоркѣ: „Коломна — городокъ — Москвы уголокъ"). Отсюда до границъ Егорьевскаго уѣзда Рязанской губ. не болѣе 10 верстъ, до границъ Зарайскаго верстъ 15. Интересъ къ мѣстному говору усиливается его положеніемъ на окраинѣ губерніи и топографической близостью къ говорамъ егорьевскимъ Рязанской губ., которые интересно сравнить съ сосѣдними, уже хорошо изученными (Е. Ѳ. Будде) Касимовскими говорами (ср. назв. выше ст. г. Чернышева въ Изв., стр. 21). Г. Чернышевъ посѣтилъ восточныя окраины Московск. губ. въ уѣздахъ Дмитровскомъ и Богородскомъ;

изъ последняго онъ проѣхалъ въ сосѣдній Егорьевскій уѣздъ Рязанской губ.; мои записи идутъ изъ юговосточной окраины губерніи, изъ Коломенскаго уѣзда (близъ границъ съ тѣмъ же Егорьевскимъ уѣздомъ).

Московскій „умѣренно акающій говоръ не обладаетъ значительною территоріею. На сѣверѣ отъ Москвы, гдѣ не слышится оканья, на югѣ, на юго-востокѣ и на западѣ Московской губ. уже появляются особенности говоровъ сильно акающихъ“. „Говоръ сѣверныхъ частей Рязанской, Тульской и Калужской губерній, вѣроятно, ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличается отъ говора юга Московской губерніи. Но далѣе начинаются сильно акающіе говоры“ (А. И. Соболевскій, Очеркъ, стр. 13). Такой сильно акающій говоръ отмѣченъ уже въ сосѣднемъ съ Московской губерніей Тарусскомъ уѣздѣ Калужской губ. Что касается мѣстностей, прилегающихъ къ Московской губ. съ юго-востока, то повидимому тамъ акаютъ умѣренно, во всякомъ случаѣ черты сильнаго аканья тамъ перемѣшиваются съ умѣренными: такъ въ Каширскомъ уѣздѣ Тульской губ.; „говоръ Зарайскаго уѣзда Рязанской губерніи повидимому близокъ къ подмосковнымъ“ (А. И. Соболевскій, Очеркъ, стр. 19). Въ говорахъ Московской губ. Богородскаго уѣзда (у границъ Егорьевскаго Рязанской) на ряду съ умѣреннымъ аканьемъ попадается аканье сильное; то же самое и въ предѣлахъ Егорьевскаго уѣзда, по крайней мѣрѣ въ самой западной (ближайшей къ Московской губ.) его части (Ср. назв. ст. г. Чернышева).

Если мы опредѣлимъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ сильнаго аканья произношеніе древнихъ неударяемыхъ *а* и *о* во всякомъ положеніи относительно ударяемаго слога — какъ *а*, и произношеніе всякаго неударяемаго *е* въ слогахъ первомъ передъ и первомъ послѣ ударяемаго — какъ *ˋа* (съ предшествующей мягкостью) или *а* послѣ шипящихъ, — если говоръ съ такимъ аканьемъ мы назовемъ сильно акающимъ, то въ селѣ Черкизовѣ мы еще въ предѣлахъ скорѣе умѣреннаго

аканья. Такъ, мы слышимъ здѣсь атэрвалси́, ни дэи̂жжа́ (дѣепричастіе), н*и* пье́, прив*и*дѐ (а не: атарвалси́, ни дъяжжа́, ня пье̃); еще примѣры аканья: вазьмѐ, прэпадѐ, паймáе, атгани́, ни кашóна (сѣно), пасóть (посади), б*и*-ч*и*вóй при именит. бéчива. Начальный слогъ въ *а*тървалси́ или въ *а*тгани́ не указываетъ на сильное аканье, такъ какъ старое *о* въ началѣ слова и въ умѣренно акающихъ говорахъ произносится какъ *а;* но въ принясу́ мы имѣемъ черту сильнаго аканья, которому, кстати, не противорѣчитъ и случай прив*и*дѐ, такъ какъ и въ говорахъ, называемыхъ сильно акающими, *и*, а не ʾ*а*, въ предударномъ слогѣ въ такомъ положеніи, т. е. передъ мягкимъ слогомъ, не рѣдкость. Черту сильнаго аканья мы встрѣчаемъ въ неударяемомъ *а* на мѣстѣ стараго *е* въ слогѣ первомъ послѣ ударяемаго; но всѣ относящіеся сюда случаи стоятъ особнякомъ, принадлежа къ одной грамматической категоріи; это окончанія 3 л. ед. ч. глаголовъ: трóн*я*, кли́ч*а*, при́д*я*, вару́*я*, но: паймá*е* (не *э*); по образцу такихъ глаголовъ ʾ*а* находимъ и на мѣстѣ стараго *и* въ глаголахъ: гóн*я*, задáв*я*, ку́р*я*, ѣ́зд*я*, вѣ́р*я*. Въ другихъ случаяхъ въ такомъ положеніи встрѣчается лишь *и* (*ы*): на рóжы.

Изъ области гласныхъ звуковъ отмѣчу еще 1) обращеніе *о* въ *у* въ тв. п. ед. ч. именъ ж. р.: „пъд застрѣх*у*й", а подъ вліяніемъ такихъ случаевъ и „за мéльниц*у*й"; 2) произношеніе ещ*é* (не ещó).

Изъ области согласныхъ: 1) *г* взрывное (не γ), 2) *щ* = ш̑ш̑, 3) *ч* передъ *н* = *ш:* дáшники, абрó*ш*ная (книжка), 4) смягченіе *k* подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука: Мить*кя*, дай-*кя*, толь*ки*, Мя́чь*к*ива (Мячково, названіе села), — рѣже смягченіе *г:* Ольгя. Въ Мячьк*и*ва и тольк*и* мы имѣемъ *и* изъ *е*, а это *е* изъ *о* подъ вліяніемъ смягчившагося *k;* такимъ образомъ эти два слова могутъ служить еще примѣрами для *и* вмѣсто *е* въ слогѣ первомъ послѣ ударяемаго.

Морфологическіе случаи. *Ей* въ значеніи родит. п., напр., въ пѣснѣ: „Как канцы *éй* (шали), съ табою Мы

схадилис (не -сь) в эти дни“, гдѣ *ей* замѣнило *ея* даже съ нарушеніемъ размѣра: пропускъ слога восполняется паузой. — Форма члена: „атгани корову-ту“. — Средній родъ существительныхъ исчезъ. — Уменьшительныя: Ваня́тка.

Въ спряженіи обращаютъ на себя вниманіе формы 3 л. ед. и мн. ч. На ряду съ формами на *-т* одинаково часто попадаются формы на *-тъ* и формы безъ *т* или *тъ:* нейдё́, живё́, пръпадё́, пьё́ и см. еще случаи, указанные выше въ качествѣ примѣровъ аканья; изъ нихъ видно новообразованія въ глаголахъ съ тематическимъ *-и* подъ вліяніемъ глаголовъ съ темат. *е:* ку́ря и проч. „Мальчишка варуя, и пьё́, и куря, а мать ни вѣря: сасѣтка паймае ево, привиде, а мать ни вѣря“. Въ 3 л. мн. ч.: хо́дя, хатя́ („наши дашники хатя варить сибѣ“). — *Ся* въ окончаніи глаголовъ часто = *си:* атървалси́. — Дѣепричастіе: ни дъиӂӂа́. — Отмѣчу удареніе: при́дя (придетъ); удареніе на корнѣ въ глаголахъ сложныхъ: вымо́еш, вычи́стить (неопр. н.), въ причастіи прош. вр. страд. з. на суффиксѣ: кашо́на (косить).

Многими наблюдателями народной рѣчи установленъ тотъ фактъ, что часто въ одномъ и томъ же селеніи разныя лица говорятъ различно: женщины и мужчины, старики и молодежь и т. д. Говоръ женщинъ вообще болѣе консервативенъ, тогда какъ мужское населеніе, имѣя больше случаевъ сталкиваться съ чужими говорами, скорѣе измѣняетъ подъ вліяніемъ ихъ свой родной говоръ; въ говорѣ старыхъ людей часто можно открыть архаизмы, уже выходящіе или вышедшіе изъ употребленія въ устахъ молодежи. Съ этой точки зрѣнія говоръ старой женщины можетъ заслуживать вниманія. Въ с. Черкизовѣ чаще, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ мѣстныхъ жителей, мнѣ приходилось бесѣдовать съ одной крестьянкой 78 лѣтъ (по ея приблизительному счету); особенности ея говора я считаю интереснымъ отмѣтить.

Она „взята“ была въ Черкизово очень молоденькой, родина же ея неподалеку, въ томъ же Коломенскомъ уѣздѣ.

Прежде всего обращаетъ вниманіе ея цоканье: церьфь (червь), уцит́ь, сицяс, мец́ик (мячикъ), выцистя (вычиститъ), дявцонка, пълавцяй (половчѣе), зъплацоны („у дѣвъкъ аброки зъплацоны“, т. е. онѣ беззаботны); очень рѣдко слышится и чистое *ч:* скучяя 3 л. ед. ч.; *ч* вмѣсто *ц* нѣтъ. Можетъ быть мы имѣемъ здѣсь дѣло съ послѣдними остатками исчезнувшаго въ данной мѣстности цоканья. Случаи цоканья попадаются, кажется, въ Богородскомъ уѣздѣ (ср. вышеупом. ст. В. Чернышева); оно есть, по словамъ г. Каринскаго, въ Бронницкомъ у.; въ сосѣднемъ уѣздѣ Рязанской губерніи, Егорьевскомъ, вблизи Московской, уже цокаютъ, какъ цокаютъ преимущественно въ сѣверо-западной половинѣ Рязанской губ. (Е. Ѳ. Будде „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“ стр. 83); такъ и въ Касимовскомъ уѣздѣ, при чемъ „говоровъ цокающихъ и чекающихъ одновременно очень мало“ (Его же „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“, стр. 117). Примѣры исчезновенія старыхъ особенностей говора въ сравнительно непродолжительный срокъ мы находимъ въ трудахъ Е. Ѳ. Будде: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Касимовскаго уѣзда теперь слышатся долгія гласныя, гдѣ лѣтъ 30 тому назадъ можно было легко различать дифтонги, сохранившіеся еще и теперь въ другихъ мѣстахъ того же уѣзда („Къ исторіи.... стр. 24); въ говорѣ подгороднаго села близъ г. Касимова замѣтенъ „городской“, „образованный“ выговоръ, надъ цоканьемъ здѣсь смѣются, а въ пѣсняхъ еще сами, забывшись, цокаютъ (ib. стр. 123); на сѣверѣ Рязанской губ. оканье исчезло, но сохранило о себѣ память: оно представляется молодежи особенностью говора очень старыхъ старухъ („Къ діалектологіи... стр. 85).

Что касается аканья, то въ говорѣ старушки оно ничѣмъ не отличается отъ аканья ея односельчанъ: същ*а*им, същ*а*их, св*а*му, въ горъд*и* Тагань — Рог*и*, приб*и*гёт, п*и*рьб*и*рае, с*и*цяс, н*и* дѣла (не дѣлаетъ), но: дявцонка, вядро; въ окончаніи глаголовъ, какъ съ темат. *е*, такъ

и *и*, является также *а* съ предшествующей мягкостью: вы́съхн*я*, пу́ст*я*, выци́ст*я*, скучя́*я*, но: пирьбира́*е* (не *э*), игра́*е* (не *э*).

Если видѣть въ цоканьѣ старушки архаизмъ, если предположить, что и на югѣ Коломенскаго уѣзда нѣкогда цокали, то такому предположенію не должно мѣшать сходство аканья и другихъ чертъ ея говора съ говоромъ ея односельчанъ: другія черты могли измѣниться, а цоканье остаться. Извѣстно, что при встрѣчѣ разныхъ говоровъ однѣ черты оказываются слабѣе во взаимной борьбѣ, другія сильнѣе; такъ, напр., оканье при встрѣчѣ вытѣсняется аканьемъ, сѣверновеликорусскій консонантизмъ оказался въ предѣлахъ Московской губ. устойчивѣе сѣверновеликорусскаго же вокализма въ ихъ борьбѣ съ южновеликорусскими (А. А. Шахматовъ. „Къ вопр. объ образованіи русск. нарѣчій и народностей“ Ж. М. Н. Пр. 1899 г., апр. стр. 381).

Въ области согласныхъ другихъ отличій въ ея говорѣ, кромѣ цоканья, нѣтъ: то же *шн* изъ *чн;* то же *г* взрывное, исключая слова *γа́ркни* (позови), можетъ быть заимствованнаго (Даль отмѣчаетъ его для Воронежской губ., Е. Ѳ. Будде, „Къ діалектологіи.... стр. 132, для Егорьевскаго уѣзда Ряз. губ.); то же *k* мягкое подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука, напр., Кнись-ке́ф (фамилія Князьковъ). Отмѣчу еще: гу*в*но́ (гумно) и с*т*руп (срубъ).

Изъ формъ весьма интересны формы сравн. степени на *-яе*, которыхъ я не слышалъ отъ другихъ крестьянъ: пъдлиння́*й*, пълавця́*й*, умня́*е* (не *э*). Въ XVIII в. такія формы сравн. степени были еще свойственны Московскому нарѣчію: оно замѣнило эту сѣверновеликорусскую особенность южновеликорусскою (формами на *-ѣе*, *-ѣй*) почти на глазахъ современниковъ (А. А. Шахматовъ, назв. ст. 381 стр.).

Новообразованія въ склоненіи существительныхъ: за вѣ́ник*ими*, фа́льш*ыф* (род. п. мн. ч. отъ фальшь).

Въ формахъ мѣстоименій отмѣчу: 1) *е́е* (не *её*), *ей*,

ней въ значеніи род. п.: „церьфь ни пѣдјидáить ли *éй*“ (капусты); 2) *ней* въ значеніи вин. п.: шъёт на *нéй* (на свою сестренку); можетъ быть и въ вышеприведенной фразѣ *ей* — вин. падежъ? 3) *съмайм*, *съмайх* (самимъ, самихъ), *свамý* (своему).

Въ спряженіи та же тройственность въ окончаніи 3-го лица ед. и мн. ч.: на *-т:* прибигёт, купля́ют; на *-ть:* идёть, идýть; безъ -т: идё, пикё (печетъ), играе (не *э*) и см. еще приведенные выше примѣры аканья: скучя́я и проч.; во мн. ч.: дѣля́ (дѣлятъ). „Илья прарок *слýжить*, грамáми *управляе* ды Ильинý дня, а посли Анох прарок; *може* ано и правда, а *може* так бабы *балтáя*, друк ат дрýшки—бълтывниџóк (болтовничокъ)“. Но въ числѣ глагольныхъ формъ мы встрѣчаемся еще разъ съ исключительною особенностью говора старушки. Это — формы стяженныя: 3 л. ед. ч.: падýма (подумаетъ), Боγ вéда, бéга, дéла, скýша; среди формъ съ окончаніемъ на *-т* такихъ нѣтъ; 1 л. мн. ч.: здѣлам. Подобныя стяженныя формы, свойственныя сѣверновеликорусскому нарѣчію, отмѣчены для южновеликорусскихъ говоровъ Е. Ѳ. Будде въ Касимовскомъ уѣздѣ („Къ исторіи... стр. 45), но тамъ стяженное окончаніе не сопровождается отпаденіемъ *-т* и всегда находится подъ удареніемъ, наши же примѣры представляютъ безударныя окончанія. Въ с. Раменскомъ Бронницк. у. г. Карпнскій слышалъ: думашь.

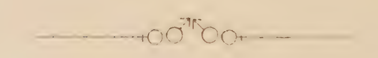
Укажу еще сохраненіе коренной гласной въ глаголѣ подъ вліяніемъ формъ другихъ лицъ: прибигё, пикё (печетъ); форму неопр. накл. *рóсь* (расти).

Лексическія и синтаксическія особенности ея говора, вѣроятно, болѣе или менѣе раздѣляемыя и другими ея односельчанами (правописаніе нормальное): *алáборщина* — дурачье; *боя́рщина* — барщина; „огородники *знаютъ* за капустой ходить“ — умѣютъ; „завѣдуе *кругъ* мостовъ“ (инженеръ-мостами); *нуждá* нѣтъ; *обýвка* — обувь; „Божія Мать *плащанúца*, *плакýщая*“ (слезоточивый образъ Б. М.); *опустýешь* отъ болѣзни — исчахнешь; *плёха* —

бранное слово; *погу́дка* — поговорка; *поцѣ́брить* — помести (полъ; цоканья здѣсь нѣтъ); *просмы́галась* — проносилась; *расквóхталась* — раскудахталась; *свекры́* — свекровь, по-рязански; *сверхъ* трехъ годовъ — черезъ 3 года; *сокра́та:* „говорятъ, Китай большой, а и ему Богъ сокра́ту дась“; *хороство́:* „а хараства́ — то нѣтъ“ — ничего хорошаго; ср. у Чернышева въ 68 т. Сборн. стр. 160: „сонъ къ харашству́“; *худо́ба* — пожитки, рухлядь, лоскутья (ср. малорусск. въ значеніи „скотъ“); *хвороба́:* „туманъ съ хворобою“ — вредный.

Д. Ушаковъ.

Москва.

Явленія диссимиляціи и ассимиляціи

въ древне-греческихъ задне-небныхъ звукахъ.

Какъ показалъ впервые de Saussure (Mém. soc. lingu. VI, 161), задне-небные лабіализованные звуки въ греческомъ въ положеніи послѣ u утратили свой губной призвукъ: βου-κόλος — при αἰ-πόλος, ταυρο-πόλος; ὑ-γιής, собственно „живущій въ благополучіи", — при βίος; οἰνό-φλυξ, -υγος, φλυκτίς — при φλέψ, φλεβός (другіе примѣры см. у Brugmann'a Gr. gr.[3], стр. 116). Эти случаи представляютъ собой явленія диссимиляціи: говорящій опускаетъ послѣ u близкій къ этому послѣднему по артикуляціи звукъ u̯. Я думаю, что и въ другихъ случаяхъ, гдѣ мы находимъ въ греческомъ чистый задне-небный вмѣсто губного или зубного, которыхъ мы ожидали бы изъ первоначальнаго средне-небнаго + u̯ или изъ задне-небнаго лабіализованнаго, на которые указываютъ или самъ греческій, или другіе родственные языки, мы должны искать причину неправильности въ диссимиляціи. Но въ этихъ случаяхъ диссимиляція вызывается не непосредственно сосѣднимъ звукомъ, а согласнымъ, который отъ средне-небнаго + u̯ или задне-небнаго лабіализованнаго отдѣляется или гласнымъ, или гласнымъ + согласный, или согласнымъ + гласный; т. е. въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ такъ называемой диссимиляціей на разстояніи.

Bezzenberger, въ Beitr. VI, 237, сопоставляетъ κομψός „нарядный, изысканный, приличный, изящный, изощренный" съ литовск. szvánkus „изысканный, прилич-

ный, соотвѣтствующій“. Brugmann (Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss. Phil.-hist. Cl. 1899, 216) считаетъ это сопоставленіе неправильнымъ, такъ какъ литовскому szv- въ греческомъ должно соотвѣтствовать π-. Однако эта этимологія сама по себѣ настолько вѣроятна, что представляется основательнымъ предположеніе, что въ *kuonqu-sós первое u исчезло подъ вліяніемъ слѣдующаго u, — совершенно такъ же, какъ лат. quinque въ народномъ языкѣ обратилось въ cinque (испанск. португ. cinco, итальян. cinque, прованс. cinc, франц. cinq), и точно такъ же, какъ въ самомъ греческомъ, какъ я показалъ въ Unters. z. gr. Laut- und Versl. 188 слѣд., въ *ἔρϝιον (крит. ἦριον, іон. εἶριον, атт. эол. ἔριον), изъ *ϝέρϝιον, и въ *αἰϝίκιω (гомер. ἀΐσσω, атт. ᾄττω), изъ *ϝαιϝίκιω, первое ϝ (=u) исчезло подъ вліяніемъ слѣдующаго ϝ.

Соотвѣтствующее явленіе мы находимъ, повидимому, въ названіи саранчи, или извѣстнаго вида саранчи. У аттиковъ это названіе являлось въ формѣ πάρνοψ, у беотійцевъ и азіатскихъ эолянъ — πόρνοψ, по свидѣтельству Страбона (XIII 613), которое затѣмъ нашло подтвержденіе въ надписяхъ (Πορνοπία—мѣстность на островѣ Пордоселене, Collitz 304 A 48), а у этейцевъ — κόρνοψ, по свидѣтельству того же автора, или правильнѣе — его источника Димитрія изъ Скепсиса (около 150 г. до Р. Х.), который, въ свою очередь, черпалъ изъ трудовъ Александрійской ученой Гестіэи. Съ этимъ же начальнымъ звукомъ данное слово произносилось, повидимому, и въ другихъ мѣстахъ: Κάρνωψ — на монетѣ изъ Эфеса (Cat. greek coins in the Brit. Mus. Ionia 53 n. 48), чеканенной между 387 и 295 гг. до Р. Х. (Bechtel-Fick, Personenn.[2] 315), и κορνώπιδες· κώνωπες, т. е. съ измѣненнымъ уже или неправильно опредѣленнымъ значеніемъ, — у Гесихія, но неизвѣстно, изъ какой области. Различіе приведенныхъ формъ обусловлено различіемъ въ развитіи первоначальнаго *qur̥no-qu-, которое частью сохраняло губной призвукъ въ первомъ согласномъ, частью утрачивало его подъ вліяніемъ второго qu. Изъ Гесихія намъ извѣстна

также болѣе короткая форма этого названія насѣкомаго: πρανώ· ἀκρίδος εἶδος (съ правильной перестановкой звука *r* при первоначальной „liquida sonans“), при чемъ, однако, нельзя рѣшить, возникла ли эта форма изъ сокращенія болѣе длинной, сложной формы, или же она образована прямо отъ простого имени, составляющаго первую часть сложнаго. На этой формѣ, по всей вѣроятности, основано личное имя Πράνιχος, которое, по свидѣтельству Плутарха, Vita Alex. 50, носилъ какой-то — но, конечно, македонскій — стихотворецъ на разные случаи, авторъ сатирическихъ пѣсенъ на побѣжденныхъ персами полководцевъ, которыя пѣлись при попойкахъ за „круглымъ столомъ“ Александра; для этого образованія имени, кромѣ упомянутаго выше Κάρνωψ изъ Эфеса, ср. еще Βρουκίων изъ Мелоса (Inscr. gr. ant. 414) къ βροῦκος и Ἀκριδίων изъ Делоса (Bull. corr. hell. VI, 38, 87) къ ἀκρίς (Bechtel, Personennamen aus Spitznamen, [Abhandl. d. Göttinger ges. d. wiss. 1898] 51, anm. 3)[1].— Съ чисто звуковой стороны *q^{u}r̥no- можно сопоставить съ др.-инд. kīrṇa- «поврежденный», старо-слав. кръвъ «обрѣзанный» (объ ушахъ, носѣ, хвостѣ), объ отношеніи которыхъ говоритъ Фортунатовъ, Χαριστήρια 471 (=K. Z. XXXVI 15); но и со стороны значенія это предположеніе, во всякомъ случаѣ, не невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе, что у извѣстныхъ видовъ

[1]) Что рукописи Плутарха, какъ свидѣтельствуетъ критическій аппаратъ Sintenis'а, не единогласно даютъ Πράνιχος, это нисколько не удивительно въ виду необычности и непонятности имени. Παρανίχου въ Monacensis явилось подъ вліяніемъ παρά; при написаніи же Παννίχου въ Palatinus писецъ былъ введенъ въ заблужденіе сходствомъ ν и ρ въ минускульномъ курсивѣ. Поправка Imman. Bekker'а на Πανίχου является ненужной, послѣ того какъ найденъ смыслъ этого имени.— Pape-Benseler, Wörterb. d. gr. Eigenn. II³ 1247, сближаютъ Πράνιχος съ πρᾱνής, πρηνής и сравниваютъ это имя съ нѣм. Aufrecht. Но πρανής не значитъ «aufrecht», а „обратившій лицо впередъ, внизъ“, что не подходитъ для объясненія имени.

саранчи лобная часть сильно выдается, а нижняя часть головы въ сравненіи съ ней очень теряется, такъ что вся голова дѣйствительно можетъ вызывать такое впечатлѣніе, какъ будто бы она была накось обрѣзана, то въ такомъ случаѣ названіе «куцеголовый» станетъ вполнѣ понятно. Правда, въ подтвержденіе этой догадки я не могу привести никакого другого аналогичнаго названія насѣкомаго; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ на народное воображеніе производитъ бо́льшее впечатлѣніе способъ передвиженія этого насѣкомаго, оно получаетъ или названіе „скакунъ, прыгунъ“ (др.-в.-нѣм. hewi-skrekko, англосакс. gaers-hoppa «травяной прыгунъ», нидерл. sprink-haan, ст.-слав. **прѫгъ**, **скачькъ**, болгар. скакалец, м. б. также гот. þramstei и лат. locusta; см. Schrader, Reallexikon d. idg. altertumsk. 369), или названіе «топтунъ, тяжело ходящій» (др.-в.-нѣм. hewi-stafo, англосакс. stapa, gaers-stapa). Но какъ-разъ греческій въ своихъ названіяхъ, болѣе или менѣе ясныхъ этимологически, обнаруживаетъ не столько эту точку зрѣнія, сколько другіе признаки: μάσταξ къ μασῶμαι и βρεῦκος, βροῦκος и βροῦχος къ βρύκω и βρύχω указываютъ на прожорливость насѣкомаго, послѣднія — въ особенности на скрипучій звукъ, съ которымъ кучи этихъ насѣкомыхъ пожираютъ траву; κέρκα· ἀκρίς Hes. при κέρκος «пѣтухъ», κέρκαξ· ἱέραξ, κερκιθαλίς· ἐρῳδιός Hes. и другихъ названіяхъ, произведенныхъ отъ звукоподражательнаго корня kerk, указываетъ на трещаніе, производимое насѣкомымъ посредствомъ тренія бедра о надкрыльникъ; тоже самое представляютъ, можетъ быть, βερκνίς· ἀκρίς и βρόκοι· ἀττέλεβοι. ἀκρίδες Hes., если принимать ихъ за ономатопоэтическія названія и сопоставлять или съ βρεκ-εκεκέξ, которое передаетъ звуки концерта лягушекъ у Аристофана (относительно положенія ρ ср. κρέξ, κρεκός при только что упомянутыхъ словахъ съ κερκ-), или же, что̀ менѣе вѣроятно, съ βραχεῖν «трещать, дребезжать, кричать». Затѣмъ, вмѣстѣ съ Osthoff'омъ, которому я сообщилъ свою

догадку касательно πάρνοψ, можно поставить вопросъ, не обозначало ли и ἀκρίς собственно «остроконечная=остроголовая»; Prellwitz, Et. wtb. d. Griech. 12, ссылаясь на ἀκρίζειν = τὸ ἄκροις ποσὶ πορεύεσθαι, переданное Гесихіемъ и Фотіемъ изъ Еврипида, объясняетъ это слово какъ сокращенную форму вмѣсто ἀκροβατοῦσα «ходящая на цыпкахъ»; но я не знаю, характеренъ ли именно этотъ родъ ходьбы для саранчи; приведенныя выше германскія названія со значеніемъ «топтунъ, тяжело ходящій», во всякомъ случаѣ, не выдѣляютъ этого именно признака [1]).

Другія слова, которыя я имѣлъ въ виду, дѣлая предварительныя замѣчанія къ этой статьѣ, отличаются отъ обоихъ разсмотрѣнныхъ выше тѣмъ, что въ нихъ диссимилирующее вліяніе исходитъ не отъ u̯ или ᵘ, а отъ согласнаго изъ ряда губныхъ, π или φ.

1. Чередованіе δ и β въ критск. δέφυρα, откуда народной этимологіей образовано лаконск. δίφουρα (KZ. XXXIV 545 anm. 1), и беот. βέφυρα рядомъ съ отмѣченнымъ у Гесихія, безъ указанія діалекта, βουφόρας, которое, вѣроятно, точно также представляетъ собой образованіе народной этимологіи изъ *βοφούρας, указываетъ на первоначальное $\hat{g}$u̯ или g_2ᵘ въ началѣ слова, обозначаю-

---

[1]) Lobeck, Pathol. elem. 84, связываетъ съ κόρνοψ извѣстныя намъ изъ глоссографовъ ἀκορνοί· ἀττέλεβοι Hes. и ὀκορνούς· τοὺς πάρνοπας, Αἰσχύλος Φιλοκτήτῃ. οἱ δὲ Ἴωνες ἀττελέβους Phot. ὀκορνούς· τοὺς ἀττελέβους. καὶ τὰ ἀκριώδη (ἀκριδώδη Guyet, ἀκρίδια Pierson) οὕτω λέγουσιν Hes. Но созвучіе здѣсь едва ли не обманчиво, ибо протеза передъ начальнымъ простымъ мгновеннымъ, какъ извѣстно, вещь очень сомнительная. Такъ какъ ὀκορνοί могло произойти изъ ἀκορνοί путемъ ассимиляціи гласныхъ, какъ показываютъ ὀμόργνυμι при ἀμέργω, аттич. ὀρρωδεῖν при іон. ἀρρωδεῖν, οἰωνός при αἰετός, κοχώνη вм. *καχώνη и другіе примѣры, разобранные J. Schmidt'омъ въ K. Z. XXXII 370 ff., то является вопросъ, не стоитъ ли это имя въ связи скорѣе съ ἀκρίς. Въ отношеніи образованія основы тогда можно было бы сравнить ἄκορνα· ἀκανθῶδες φυτόν Hes. при ἄκορος, ἄκορον и далѣе ἄκανος, ἄκανθος, ἄκανθα, которыя всѣ несомнѣнно заключаютъ въ себѣ также корень ἀκ-.

щаго „мостъ“. Напротивъ того іон.-атт. γέφυρα показываетъ простое γ.

2. Иначе распредѣляются по нарѣчіямъ іон.-аттич. βλέπω, βλέφαρον и дор. γλέπω (Алкманъ), γλέφαρον (Алкманъ, Пиндаръ, дельфійскіе гимны), но, во всякомъ случаѣ, и здѣсь различіе звуковъ указываетъ на основное g_2^ulep(h)-. Съ этими словами правильно сравниваютъ др.-русск. глипать, которое Срезневскій, Матер. для слов. др.-р. яз. I 520, приводитъ со ссылкой на словарь Берынды 1653 г. Что нѣмецкое pflegen надо отдѣлять отъ этихъ словъ, вполнѣ доказалъ Franck въ KZ. XXXVII 132 ff.

3. При πέψω, ἔπεψα, πεπτός, πέμμα изъ *πεπμα, πέπων и πόπανον изъ peq^u-, poq^u- (др.-инд. pácāmi, ст.-слав. пекѫ, лат. cŏquō изъ *pĕquō черезъ посредство *quĕquō) мы находимъ ἀρτοκόπος, которое явилось вмѣсто *ἀρτο-πόκος съ такой же самой метатезой согласныхъ, какая произошла въ лит. kepù «пеку» и въ самомъ греческомъ, въ очень древнее время, въ σκέπτομαι вмѣсто *σπεκ-ιομαι = лат. specio, др.-инд. páçyāmi. W. Schulze, Gött. gel. anz. 1897, 908 anm. 5, уничтоженіе губного призвука приписываетъ двумъ ο, между которыми находился задне-небный лабіализованный. Но противъ этого объясненія говорятъ многочисленные композиты съ -πόλος, изъ *-q^uolos, въ которыхъ первая часть оканчивается на ο: ἱπποπόλος, οἰοπόλος, ταυροπόλος, ἱεροπόλος, μουσοπόλος, οἰνοπόλος, ὀνειροπόλος, ὀρνιθοπόλος и въ которыхъ π едва ли можно объяснять предположеніемъ, что это π возстановлено по аналогіи съ αἰπόλος, ибо въ такомъ случаѣ почему бы эта аналогія не оказала вліянія на βουκόλος, которое между тѣмъ по односложности своей первой части ближе всего стоитъ къ αἰπόλος [1])? Далѣе ср. οἰοπόλος «живущій одиноко» и особенно стоящія изолированно ὀπός = ст.-слав. сокъ, литовск.

---

[1]) Для πρόπολος можно скорѣе принять, что оно образовано вновь по аналогіи πρόσπολος, ἀμφίπολος, вм. *πρόκολος.

sakaĭ «смола» (объ этомъ сравненіи см. сказанное мной въ Unters. z. gr. laut- und versl. 207 f.), τόπος «мѣсто, мѣстность», если, какъ это вѣроятно, правильно сопоставленіе этого слова съ литовск. tenkù, tèkti «простираться, быть достаточнымъ» (Prellwitz, Et. wtb. d. Griech. 325; Osthoff, I. F. VIII, 23), и ὄροβος вм. *ἔροβος = лат. ervum изъ *erog$_2^u$om (Havet, Mém. soc. lingu. VI 21 f; J. Schmidt, K. Z. XXXII 325) [1]. Schulze для доказательства своей теоріи приводитъ еще θεοκόλος; между тѣмъ употребленіе этой формы слова, какъ я показалъ въ Unters. z. gr. laut- und versl. 24, anm. 1, по всей вѣроятности, ограничивалось сѣверо-западными греческими нарѣчіями и здѣсь она возникла, надо думать, вслѣдствіе распространенія βουκόλος, точно также какъ мѣстами говорилось и αἰκόλος; собственно іонійско-аттическая форма была и для этого слова θεοπόλος или θεηπόλος. Такимъ образомъ причину, по которой ἀρτο ροq^{u}os или -q^{u}opos утратило ^{u}, мы должны искать въ чемъ либо другомъ. Ἀρτοκόπος для эллинистическаго языка надежно засвидѣтельствовано надписями (CIA. III 1452. 1453. CIGr. II 3495, 2, Thyatira въ Лидіи CIG. Sept. I 3064 II 17, Lebadeia, Edictum Diocletiani Inschr. v. Olympia 78, 6) и папирусами (Oxyrhynchospap. I n. 85 col. III), а для классической эпохи—хорошими рукописями Геродота (I 51. IX 82), Платона (Gorg. 518 B), Ксенофонта (Hell. VII, 1, 38. Anab. IV 4, 21). Если грамматики и лексикографы (Phrynichos Ecl. CXCVIIIRuth. Bekk. Anecd. 22, 23. 447, 25. Pollux VII 21. Thomas mag. 113) [2]) рядомъ съ этимъ обозначаютъ ἀρτοπόπος, ἀρτοποπεῖν какъ іоническое и аттическое, то единственное свидѣтельство, которое при-

---

[1]) Ἐρέβινθος получило свое β передъ мягкой гласной изъ ὄροβος, *ἔροβος.

[2]) M. Schmidt даетъ у Гесихія ἀρτοπόπος· ὁ πέσσων ἐν ἐργαστηρίῳ вм. переданнаго ἀρτοπώλης. Такъ какъ эта глосса стоитъ между ἄρτοι πίονες и ἄρτος, то, если вообще нужна поправка, можно писать точно также и ἀρτοκόπος.

водится для этого изъ литературы, именно изъ Μονότροπος комика Фриниха, оказывается въ особенныхъ условіяхъ: у Bekk. Anecd. 447, 25 это слово, правда, приводится въ формѣ ἀρτοποπεῖν (въ кодексѣ -ποτεῖν), но у Поллукса VII, 21—ἀρτοκοπεῖν. Такимъ образомъ остается еще нерѣшеннымъ, дѣйствительно ли форма съ π-π принадлежала живому языку, или она просто построена на основаніи этимологическихъ соображеній. Если ἀρτόπόπος дѣйствительно существовало въ болѣе древнемъ аттическомъ, то оно можетъ представлять собой новообразованіе, которое временно появилось въ употребленіи въ связи съ πέττω, πόπανον; но точно также возможно, что начиная уже съ прагреческаго языка въ теченіе вѣковъ употреблялись тамъ и сямъ рядомъ какъ не диссимилированная, такъ и диссимилированная формы этого слова, подобно тому какъ различные славянскіе языки, начиная съ праславянской эпохи, продолжаютъ употреблять и болѣе древнее свобода и болѣе новое слобода (ср. ниже).

4. Καρπός «запястье» и καρπάλιμος «проворный, расторопный», какъ общепризнано, родственны съ готск. hvaírban, др.-исланд. huerfa, др.-в.-н. (h)werban, (h)werfan «поворачиваться въ разныя стороны, блуждать», др.-исланд. huirfell, др.-в.-нѣм. (h)wirbil «круженіе, водоворотъ».

5. Κόλπος «грудь» основательно сопоставляется съ др.-исл. hualf «сводъ», huelfa «дѣлать сводъ», др.-англ. hwealf «сводчатый, выпуклый», др.-в.-н. (h)uelben «дѣлать сводъ», гот. hvilftri «гробъ» (см. Zupitza, German. gutturale 54; здѣсь приводится и старая литература). Въ родствѣ съ этими словами могутъ находиться также др.-инд. kūrcás «пучекъ, клокъ», лат. culcita «подушка, тюфякъ». Напротивъ, неправильно Zupitza приводитъ сюда же прусск. po-quelbton «стоя на колѣнахъ»; стоящія въ связи съ этимъ послѣднимъ литовск. klùpti «спотыкаться, падать на колѣна», klúpoti «стоять на колѣнахъ» (Brugmann, Grdr. I² 260.

572) показываютъ, что основное понятіе, выражаемое этой группой словъ, совсѣмъ иное.

6. Κάπτω «схватываю, глотаю» Zupitza, l. c. 55, остроумно сравниваетъ съ др.-исландск. huepsa «схватываю», huáptr «ротъ, пасть». Ходячая этимологія (Curtius, Grdz.[5] 141; Prellwitz, Etym. Wtb. 138) связываетъ κάπτω съ латинск. capio и проч. Этимологія Zupitz'ы заслуживаетъ предпочтенія на томъ основаніи, что значенія скандинавскаго и греческаго слова совпадаютъ между собой болѣе точно, между тѣмъ какъ несомнѣнно родственное съ латинскимъ глаголомъ греческое κώπη «рукоятка, ручка, весло» сохраняетъ собственное и первоначальное значеніе даннаго корня—«трогать, браться». Стоитъ ли κάπη «ясли» ближе къ κάπτω, или къ κώπη, это въ данномъ случаѣ безразлично.

7. Σκώπτω «издѣваюсь, насмѣхаюсь, дразню, шучу» я сопоставилъ бы съ готск. hvōpan «хвастаться, кичиться», откуда hvōftuli «хвастовство, слава», и съ др.-англ. hwópan «угрожать»; др.-англ. слово представляетъ дальнѣйшее развитіе значенія, заключающагося въ готскомъ словѣ, въ одномъ направленіи, а греческое — въ нѣсколько иномъ [1]). Др.-в.-нѣм. huoh «насмѣшка» и huohōn «насмѣхаться», о которыхъ также можно было бы думать, находятъ себѣ соотвѣтствіе въ греч. κηκάζω «ругаю, браню» и, слѣдовательно, не имѣли въ окончаніи корня задне-небнаго лабіализованнаго звука. Къ тому же, если бы въ окончаніи корня былъ задне-небный лабіализованный, то въ греческомъ, по крайней мѣрѣ для болѣе древней эпохи, надо бы было ожидать не σκώπτω, которое засвидѣтельствовано гимномъ къ Деметрѣ 203, а *σκώσσω.

Въ словахъ, приведенныхъ подъ пунктами 4—7, греческое κ, которому соотвѣтствуетъ германское hw, можно

---

[1]) Родство hvōpan съ греч. κόβαλος, какъ предполагаетъ Thumb, KZ. XXXVI, 193, мало вѣроятно; ср. KZ. XXXVII, 7 и v. Wilamowitz, Gött. gel. anz. 1898, 689.

было бы возводить къ первоначальному q$\underset{\smile}{u}$, а не къ q^{u} или k$\underset{\smile}{u}$, точно также какъ и въ виду соотвѣтствія греч. καπνός съ готск. af-hwapjan «душить, гасить», литовск. kvãpas «дыханіе, запахъ», латинск. vapor и греч. κοῖται· γυναικῶν ἐπιθυμίαι Hes., κίσσα «болѣзненная прихоть» съ прусск. quāits «воля», литовск. kvëczù «приглашаю», латинск. in-vīto (K. Z. XXXIII 294 ff.). И дѣйствительно, Brugmann, Grdr. I² 608, для καρπός и родственныхъ съ нимъ словъ предполагаетъ корень q$\underset{\smile}{u}$erp-, а Zupitza, l. c. 54 слѣд., для κόλπος и родственныхъ съ нимъ — корень q$\underset{\smile}{u}$elp-. Возможность такого объясненія для каждаго отдѣльнаго изъ 4 приведенныхъ словъ несомнѣнна. Но въ такомъ случаѣ замѣчательно было бы то, что рѣдкое вообще звуковое сочетаніе q$\underset{\smile}{u}$ являлось бы такимъ образомъ сравнительно часто какъ-разъ въ началѣ корней, которые оканчиваются губными; а съ другой стороны, приведенные подъ пунктами 1—3 примѣры, въ которыхъ звуковыя отношенія не могутъ быть объяснены согласно съ точкой зрѣнія Brugmann'a и Zupitz'ы, показываютъ, что есть и другой способъ объясненія задненебнаго, который появляется на мѣстѣ ожидаемаго губного. Во всякомъ случаѣ, нельзя не имѣть въ виду и этого способа до тѣхъ поръ, пока не удастся отыскать или въ латинскомъ, или же въ литовско-славянскихъ или арійскихъ языкахъ родственныя съ приведенными слова, на основаніи которыхъ, смотря по тому, какъ они передаютъ задне-небный звукъ, можно будетъ рѣшить вопросъ опредѣленно въ томъ или другомъ направленіи.

Противъ предложеннаго мной объясненія могутъ, конечно, выставить то возраженіе, что мало вѣроятно, чтобы губной полугласный, образуется ли онъ какъ полный ($\underset{\smile}{u}$), или какъ неполный (^{u}), могъ исчезать изъ-за сосѣдняго p, такъ какъ сходство между этими обоими звуками слишкомъ незначительно. Въ дѣйствительности диссимиляція большею частью происходитъ между совершенно одинаковыми звуками. Но съ тѣхъ поръ, какъ работы Me-

ringer-Mayer'a и Grammont'a заставили обратить вообще бо́льшее вниманіе на эти, прежде мало наблюдаемыя, явленія, нашлось уже достаточное количество примѣровъ, въ которыхъ звукъ исчезаетъ или измѣняется подъ вліяніемъ только подобнаго ему сосѣдняго звука, т. е. такого, который образуется въ томъ же мѣстѣ артикуляціи, но не тѣмъ же способомъ. И въ этомъ случаѣ латинскій яз. представляетъ намъ наилучшую параллель: появляющіяся въ позднее время, отчасти продолжающія жить въ романскихъ языкахъ paor, pao, paimentum, вмѣсто pavor, pavo, pavimentum, на которыя указано мной въ Stud. z. lat. lautgesch. 174 слѣд., совершенно справедливо приводятся Thurneysen'омъ, I. F. Anz. IX 36, вмѣстѣ съ failla, Faentia, faor, Faonius, какъ примѣры диссимиляціи. Далѣе, я могу сослаться на собранные Niedermann'омъ, Bezz. beitr. XXV 87, и мной, Rhein. mus. LVI 498 слѣд., случаи, въ которыхъ, при слѣдованіи другъ за другомъ губного носового и губного мгновеннаго или фрикативнаго и обратно, или тотъ, или другой изъ этихъ звуковъ испытываетъ измѣненіе (народно-латинск. nespula, *nappa вмѣсто mespilus, mappa; латинск. tenebrae вм. *temebrae; чешск. nedvěd, польск. niedźwiedź вм. medvěd, miedźwiedź; греч. γράσμα вм. *γράφσμα). Наконецъ, назову широко распространенное въ славянскихъ языкахъ слобода при свобода, съ *l*—*b* вм. *v*—*b* (Unters. z. gr. laut- und versl. 201) [1]). Во всѣхъ такихъ случаяхъ —

---

[1]) Относительно этого процесса диссимиляціи я дополню здѣсь замѣчаніемъ, которое слѣдовало бы сдѣлать уже въ цитированномъ мѣстѣ. Такъ какъ форма даннаго слова съ *l* встрѣчается во всѣхъ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, за исключеніемъ, повидимому, лужицкаго, и такъ какъ замѣна *v* черезъ *l* сама по себѣ не есть что-нибудь настолько обыкновенное, чтобы можно было принимать, что она произошла въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, то мы должны разсматривать форму *слобода* какъ уже праславянскую параллельную форму къ *свобода*. Противъ этого предположенія не можетъ говорить то обстоя-

а я не сомнѣваюсь, что число ихъ еще значительно возрастетъ по мѣрѣ успѣховъ изслѣдованія — для говорящаго являлось неудобнымъ приводить въ движеніе быстро одинъ за другимъ одинаковые органы, и потому одинъ изъ двухъ сходныхъ звуковъ или совершенно устранялся,

---

тельство, что старославянскіе памятники, насколько мнѣ извѣстно, употребляютъ только форму скобода и т. д.; вѣдь точно также, напр., и великорусскій литературный языкъ принялъ изъ народнаго языка только форму *слобода́*, въ спеціальномъ значеніи «большая деревня, пригородъ», но совершенно исключаетъ другія народныя формы съ *л* (*слобо́да, слобо́дный*), предпочитая формы съ *в*. Затѣмъ, было бы непонятно, какимъ именно образомъ *l* появилось на мѣсто *v* въ то время, какъ это послѣднее произносилось такъ, какъ оно произносится во всѣхъ теперешнихъ славянскихъ языкахъ, именно какъ спиранта. Но эта замѣна становится сама собой понятной для той эпохи, когда *v* еще сохраняло тотъ звуковой видъ, въ которомъ оно, по показанію древнѣйшихъ фазъ индійскаго, греческаго, латинскаго и германскаго языковъ, перешло изъ индо-европейскаго праязыка въ отдѣльные языки, т. е. было полугласнымъ u̯. u̯ и «твердое» *l*, которое мы несомнѣнно должны предполагать для праславянскаго въ положеніи передъ твердыми гласными, очень близки другъ къ другу въ акустическомъ отношеніи и вслѣдствіе этого могутъ замѣнять другъ друга; напр., въ сѣверновеликорусскихъ нарѣчіяхъ твердое *л* передъ и послѣ гласныхъ въ очень многихъ случаяхъ перешло въ u̯. Такимъ образомъ въ формѣ *слобода* мы находимъ прочную точку опоры для опредѣленія времени измѣненія полугласнаго u̯ въ спиранту *v* въ обѣихъ восточно-европейскихъ вѣтвяхъ языковъ. Именно, такъ какъ и балтійскіе языки, насколько они извѣстны исторически, знаютъ лишь спиранту *v* и, сколько мнѣ извѣстно, не представляютъ уже никакихъ указаній на нѣкогда бывшее полугласное произношеніе, то отсюда можно было бы заключать, что разсматриваемое измѣненіе закончилось уже въ эпоху литовско-славянскаго единства. Но *слобода* дѣлаетъ вѣроятнымъ допущеніе, что u̯ продолжало сохраняться еще въ отдѣльной жизни праславянскаго и что, слѣдовательно, означенный переходъ совершился независимо въ каждой изъ этихъ двухъ вѣтвей языковъ, подобно тому какъ это произошло въ германскихъ языкахъ, насколько эти послѣдніе вообще отступили отъ унаслѣдованнаго произношенія.

или замѣнялся другимъ, близкимъ по мѣсту образованія Впрочемъ, по отношенію къ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, изъ приведенныхъ выше словъ, которыя представляютъ рядомъ формы съ κ и съ π, въ особенности, слѣдовательно, по отношенію къ κόρνοψ и ἀρτοκόπος, если ἀρτοπόπος слѣдуетъ признать за древне-аттическую форму, приходится считаться также и съ другою возможностью, т. е. что κ—π возникло здѣсь путемъ диссимиляціи изъ первоначальнаго π—π; съ подобнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся въ палийск. kipilla- вм. др.-инд. pipīlá- «муравей», въ литовск. klebõnas при plebõnas, бѣлорусск. клибанъ при плибанъ «приходскій священникъ» (латинск. plēbānus), см. Brugmann Grdr. I^2 853.

Характерную особенность диссимиляцій на разстояніи составляетъ произвольность ихъ возникновенія: при одинаковыхъ повидимому условіяхъ онѣ то являются, то нѣтъ. Поэтому противъ выставленнаго выше объясненія не можетъ быть приводимъ тотъ аргументъ, что во многихъ другихъ словахъ въ звуковомъ рядѣ: задне-небный лабіализованный — губной мгновенный или Ϝ и обратно задне-небный лабіализованный совершенно правильно развился въ губной или зубной: βάπτω при др.-исландск. kuefia «погружаться, нырять»; δελφύς, δέλφαξ при др.-инд. gárbhas «чрево, утробный зародышъ», латинск. volba; δελφίς, βελφίς; βρέφος при др.-исланд. kroppr «утробный зародышъ, дѣтенышъ», др.-в.-н. kropf; ποιϜέω при др.-инд. cinṓmi «соединяю, складываю»; βίος, изъ *βίϜος, при др.-инд. jīvás «живой» и т. д.; τέσσαρες, πέτταρες, изъ *qᵘetu̯-, при др.-инд. catvā́ras и т. д.; βοή, изъ *βοϜά, при др.-инд. jó-guvē «громко возвѣщаю», старо-слав. гок-оръ, литовск. gaujù «вою» [1] и съ другой стороны—πέψω, πέπων, πόπανον и т. д.; πέν-

---

[1]) Однако на родство съ указанными негреческими словами можетъ претендовать рядомъ съ этимъ словомъ также γόος, γοᾶν. Съ нашей точки зрѣнія обѣ этимологіи могутъ быть соединены.

τε, изъ *pé̯ɪəqᵘe, = др.-инд. рáп̃са и т. д.; ϝέπος, ϝόψ и т. д. при др.-инд. vácas «слово, рѣчь» и т. д. Противоположность здѣсь не болѣе удивительна, чѣмъ противоположность между ἐγείρω, изъ *γεγέρι̯ω, при др.-инд. jāgármi «жду» и γάργαλος, γάργανον, γαργαίρω, γέγωνα, γεργέριμος, γίγαρτον, γογγύζω, γογγύλος и т. д., или между *ἔρϝιον, *αἰϝίσσω, изъ *ϝέρϝιον, *ϝαιϝίκι̯ω, и ϝιϝάχω, ϝιϝαχή (Unters. z. gr. laut- und versl. 189).

Если принять предъидущія положенія, то на основаніи ихъ можно объяснить и нѣкоторыя другія слова.

1. Принимая во вниманіе ἐπίκουρος, объясняемое мной (K. Z. XXX 600 f.) изъ *ἐπίκορσος и соединяемое съ латинск. currō, я возводилъ послѣднее (Stud. z. lat. lautgesch. 30) къ *kr̥sō, а не къ *qᵘr̥sō, какъ дѣлали раньше (Bersu, Gutturalen 151), и соотвѣтственно съ этимъ equirria «извѣстная скачка лошадей» — не къ *equi-quirria (Leo Meyer, Vgl. gramm. I 281), а къ *equi-cirria; Brugmann (Grdr. I² 858 anm. 1) дополнилъ затѣмъ это предположеніе, допуская, что *equi--cirria вслѣдствіе ассимиляціи обратилось въ *equi--quirria, которое затѣмъ подверглось сокращенію. Но теперь мы можемъ съ такимъ же правомъ предполагать, что *ἐπίκορσος восходитъ скорѣе къ *ἐπίqᵘορσος и что въ этомъ корнѣ дѣйствительно первоначальнымъ былъ задне-небный лабіализованный звукъ.

2. Такое же отношеніе, какъ между κόρνοψ и πάρνοψ, является на первый взглядъ также между названіями крота: σκάλοψ, какъ говорили древніе аттики (Кратинъ ἐν Κλεοβουλίναις по Фотію s. v.), а также, вѣроятно, и беотійцы (Arist. Ach. 879), и σπάλαξ, ἀσπάλαξ, какъ мы находимъ въ κοινή со времени Аристотеля и какъ, вѣроятно, первоначально говорили іонійцы. Казалось бы естественнымъ производить σκάλοψ изъ *sqᵘəlo-qᵘ-, какъ κόρνοψ изъ *qᵘr̥no-qᵘ-; однако, эта аналогія можетъ быть обманчивой. Именно, σκάλοψ трудно отдѣлять отъ σκάλλω «копаю, разгребаю, скребу», съ которымъ его связывалъ уже Lobeck, Rhem. 115. Path. el. I 15;

а это своимъ постояннымъ ϰ исключаетъ мысль о первоначальномъ задне-небномъ лабіализованномъ. Правда, Curtius Grdz.[5] 697, Fick Bezz. beitr. XVIII 140 и Prellwitz Et. wtb. 295 (s. v. σπάλαξ) сопоставляютъ σπάλαυθρον или σπάλαθρον, которое приводится Поллуксомъ (VII 22. X 133), Гесихіемъ и Фотіемъ какъ синонимъ, а первымъ какъ болѣе древняя форма къ σκάλευθρον (σκάλαυθρον, σκάλαθρον) «прутъ для мѣшанья углей, кочерга», прямо съ этимъ послѣднимъ словомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ σκαλεύω «скребу, мѣшаю уголья, царапаю» и σκάλλω. Но ничто не мѣшаетъ относить σπάλα(υ)θρον скорѣе къ корню σπελ- «рвать, щипать, дергать», который является въ σπαλύσσεται· σπαράσσεται. ταράσσεται Hes. и σπόλια (Is. Vossius—σπόλεια, такъ какъ предшествуетъ σπολάς, а слѣдуетъ σπολεῖσα)· τὰ παρατιλλόμενα ἐρίδια ἀπὸ τῶν σκελῶν τῶν προβάτων Hes. и, можетъ быть, также въ ἀ-σπάλ-αθος «колючій кустарникъ», собственно — «щипунъ, рвачъ»; ибо для дѣйствія вздуванія огня разбиваніе и разметываніе углей такъ же характерно, какъ и сгребаніе ихъ. Но губная этого корня σπελ- восходитъ къ догреческой эпохѣ, какъ свидѣтельствуетъ очевидно сюда же относящееся латинск. spŏlium «снятая кожа животнаго, снятое оружіе», первоначально — «то, что сорвано, сдернуто», или — «то, что надо сорвать, сдернуть», которое обычно связываютъ съ греч. σκῦλον, σκύλος, что однако находится въ противорѣчіи съ фонетическими законами латинскаго языка какъ въ отношеніи согласнаго, такъ и гласнаго звуковъ. Относить къ корню σπελ- также σπάλαξ, ἀσπάλαξ рѣшительно препятствуютъ значенія. Такимъ образомъ должно остаться въ силѣ предположеніе Curtius'а, Grdz.[5] 696, о томъ, что (ἀ)σπάλαξ возникло изъ σκάλοψ вслѣдствіе перемѣщенія согласныхъ; α во второмъ слогѣ должно было явиться вслѣдствіе того, что *σπάλοξ, будучи единичнымъ со своимъ -οξ [1]), вошло въ обширную категорію именъ на -αξ,

---

[1]) ἄλοξ было только у аттиковъ, у іонійцевъ — αὖλαξ (Unters. z. gr. laut- und versl. 258 f.).

или же, просто, вслѣдствіе того, что гласный неударяемаго слога ассимилировался съ гласнымъ предыдущаго ударяемаго слога (примѣры для этого — число ихъ можетъ быть очень увеличено — см. у J. Schmidt'а въ KZ. XXXII 393).

3. Слѣдуетъ ли видѣть простую случайность въ томъ, что въ іон. аттич. *κύαμος* и въ сохранившемся у Гесихія *κύμβχα* (*κύμχα*?)· *κύαμον* начальный гортанный звукъ сопровождается губнымъ согласнымъ въ суффиксѣ, а, напротивъ, начальный губной звукъ сопровождается зубнымъ въ суффиксѣ въ формахъ: *πύανα* «бобовая каша» (Гесихій, Фотій s. v. *πυανόψια*), *πύανον* (Геліодоръ Періэгетъ у Ath. IX 406 D) *πυανοί, πύανοι*, которое лексикографы приводятъ для объясненія аттическаго названія мѣсяца *Πυανεψιών*, лаконск. (?) *πούανοι* Hes., затѣмъ *πόννους· κυάμους ἑφθούς, πονικούς· τοὺς ἑφθοὺς ἐρεβίνθους καὶ φακούς, πυανία· πανσπερμία ἑφθή* (всѣ у Гесихія)? Другими словами, не явилось ли κ вмѣсто π въ *κύαμος* вслѣдствіе диссимиляціи съ μ? Но и здѣсь нужна осторожность. Правда, соотвѣтствующее аттическому названію мѣсяца *Πυανεψιών* названіе *Κυανεψιών* въ Кизикѣ (CIG. II 3662, 2), *Κυανοψιών* въ Самосѣ (Kirchhoff, Monatsber. d. Berl. akad. 1859, 739 ff.) не представляло бы собой вѣскаго возраженія, ибо безспорно можно было бы утверждать, что *Κυανε(ο)ψιών* возникло непосредственно изъ **Κυαμε(ο)ψιών* такимъ образомъ, что подъ вліяніемъ слѣдующаго губного губной носовой замѣненъ былъ зубнымъ носовымъ. Однако является вопросъ, въ правѣ ли мы разсматривать π передъ υ какъ развитіе первоначальнаго задне-небнаго лабіализованнаго; примѣры для этого указываются (Bechtel, Hauptprobleme 353), но они не безспорны, и во всякомъ случаѣ обыкновенно задне-небные лабіализованные звуки въ этомъ положеніи утрачиваютъ свой губной призвукъ (Brugmann, Gr. gr.³ s. 116). Brugmann (Gr. gr.² s. 32 примѣч. 1 =³ 43) поэтому объясняетъ *πύανος* какъ позднѣйшее смѣшанное образованіе изъ *κύανο-* = *k̑ u u̯ a n o- и изъ *πα-

νο- = *k̑u̯ano-, которое заключается въ имени Πανόψια; а этимъ именемъ, по свидѣтельству оратора Ликурга (у Гарпократіона s. v. Πυανόψια), назывался означенный праздникъ у «ἄλλοι Ἕλληνες», кромѣ аттиковъ. Но мнѣ это кажется не очень вѣроятнымъ, въ особенности въ виду другихъ вышеприведенныхъ формъ этого слова съ πυ-; кромѣ того нельзя отрицать возможности того, что Πανόψια не одинаково древне съ Κυανόψια и Πυανόψια и не древнѣе ихъ, а моложе, т. е. что эта форма возникла вслѣдствіе утраты звука u послѣ губного въ слогѣ, удаленномъ отъ слога съ удареніемъ, черезъ посредство полугласнаго u̯ (ср., напр., ἀλεκτρόνας вм. ἀλεκτρυόνας въ Лейденскомъ Papyrus magica VII[2], Fleckeis. jahrbücher Suppl. XVI 821). Не правъ ли, въ концѣ концовъ, напр., Ahrens, который въ Rhein. mus. XVII 344 сопоставлялъ πύανος съ др.-инд. pú̥ṣyati, puṣṇā́ti, póṣati «успѣваетъ, заставляетъ успѣвать», poṣáyati «заставляетъ успѣвать, питаетъ»? Т. е. не есть ли губной въ началѣ этого слова болѣе древній звукъ и не возникъ ли непосредственно изъ него задне-небный вслѣдствіе диссимиляціи, какъ это мы видимъ въ палійскомъ kipilla-, литовск. klebõnas, бѣлорусск. клибанъ и, возможно также, въ греч. ἀρτοκόπος, κόρνοψ (см. выше, стр. 521)? Въ пользу такого рѣшенія этой загадки очень вѣскимъ доводомъ могло бы служить πτύανοι, которое приводитъ Θеогностъ, Can. Anecd. Oxon. II 23, 4, съ объясненіемъ — μῖγμα παντοδαπῶν ὀσπρέων (передано ὀστρέων, поправлено L. Dindorf'омъ Thes. V 2297[D]), если бы можно было положиться на эту лишь единично засвидѣтельствованную форму; ибо во всѣхъ другихъ словахъ, въ которыхъ происходитъ колебаніе между начальными πτ- и π-, насколько этимологія этихъ словъ ясна, звукъ π является отраженіемъ догреческаго губного звука (см. обзоръ этихъ словъ у Kretschmer'a, KZ. XXXI 423 ff.). Далѣе при такой этимологіи получило бы простое объясненіе σ въ πυσανία: πυσανία можно было выводить изъ *πυσ-σαν-ία, подобно тому, какъ, напр., πτισάνη (при

πτίσσω, др.-инд. pináṣmi, лат. pinso) — изъ *πτισσάν-η. При многихъ трудностяхъ, которыя связываются съ этой группой словъ, я не берусь ничего рѣшать и ограничиваюсь только указаніемъ возможностей. Въ заключеніе укажу только еще на то обстоятельство, что уже J. Schmidt, Kritik der sonantentheorie 129, въ этомъ случаѣ предполагалъ диссимиляцію, считая возможнымъ выводить ποανο- изъ *ποαμο-. Съ этимъ можно отлично комбинировать выше изложенное предположеніе: въ первоначальномъ *ποαμο- или *ποϝαμο-, съ рядомъ изъ четырехъ губныхъ звуковъ, потребность диссимиляціи могла обнаружиться въ разныхъ направленіяхъ и преобразовать эту форму двоякимъ образомъ.

Иногда мы находимъ, что звуковые ряды, которые въ извѣстныхъ словахъ или въ извѣстныя эпохи устраняются путемъ диссимиляціи, въ томъ же самомъ языкѣ въ другихъ словахъ или въ другія эпохи снова возстановляются путемъ противоположнаго процесса, ассимиляціи. Упомяну здѣсь о греческой диссимиляціи придыхательныхъ и въ противоположность къ этому о случаяхъ, какъ Θέθις, Θεμισθοκλῆς, Ἀνθίλοχος, о родосск. βόλιβος вм. μόλιβος, между тѣмъ какъ въ βόλιτον при βόλβιτον β исчезло, объ измѣненіи первоначальныхъ *penque, *pĕquō въ quinque, *quĕquō, откуда cŏquō, въ древнѣйшую эпоху латинскаго языка, между тѣмъ какъ въ болѣе позднее время quinque обратилось въ cinque. Точно также въ примѣненіи къ греческимъ задне-небнымъ звукамъ, съ которыми мы здѣсь имѣемъ дѣло, не отсутствуетъ и обратная сторона медали — и здѣсь дѣйствуетъ ассимиляція рядомъ съ диссимиляціей. Такимъ образомъ Fick, Spracheinheit 135. Vgl. wtb. I⁴ 85. 108. 515. и Bechtel, Nachr. d. Gött. ges. d. wiss. 1888, 401. Hauptprobleme 378, съ вѣроятностью объяснили отношеніе, въ которомъ находятся греч. μάρπτω, μάρψαι, βράψαι· συλλαβεῖν Hes. къ др.-инд. mr̥çáti «трогаетъ, касается» и къ греч. βράξαι· συλλαβεῖν; βρα-

κεῖν· συνιέναι; δυσβράκανον· δυσχερές. δύσληπτον. δυσκατανόητον Hes.; греч. θεο-πρόπος къ др.-инд. praçnás «спрашиваніе», старо-слав. проснти, литовск. praszýti «просить, требовать»; греч. πραπίδες къ др.-инд. párçuṣ, авест. pərᵊsuš «ребро», старо-слав. пръсь, литовск. pirszis «грудь»: въ этихъ корняхъ подъ вліяніемъ начальныхъ губныхъ конечное κ замѣнилось звукомъ π, или непосредственно, или черезъ посредство q^{u}. Затѣмъ, даже для γέφυρα и γλέπω, γλέφαρον мы можемъ имѣть въ виду возможность, что въ этихъ формахъ задне-небные звуки сохранились съ ихъ древнѣйшимъ качествомъ и что, обратно съ тѣмъ, какъ мы принимали выше, звукъ g_2^{u}, который предполагаютъ формы δέφυρα, βέφυρα и βλέπω, βλέφαρον, возникъ здѣсь вслѣдствіе переноса губной артикуляціи съ конца корня и на его начало. Повидимому, мы имѣемъ также примѣръ, въ которомъ, обратно, задне-небный безъ губного призвука ассимилировалъ себѣ другой задне-небный съ первоначальнымъ губнымъ призвукомъ: такъ какъ вмѣсто аттическаго βλήχων въ іонійскомъ мы находимъ γλήχων, въ дорійскомъ и беотійскомъ γλάχων, то естественно предполагать, что первоначальная форма $^*g_2^{u}$lāgh- во многихъ областяхъ греческаго языка обратилась въ glāgh-; это предположеніе, какъ оказывается, было высказано уже Hoffmann'омъ, Dial. III 594.

Феликсъ Сольмсенъ.

Боннъ. Ноябрь 1901.

Матеріалы для словаря литовскихъ цыганъ.

Лѣтомъ 1901 года, живя неподалеку отъ городка Шавель (Ковенской губ.), я имѣлъ случай наблюдать языкъ двухъ цыганскихъ таборовъ, кочующихъ въ предѣлахъ этой губерніи между Шавлями и Таурогеномъ. Изъ сличенія словъ этихъ таборовъ я вывелъ заключеніе, что оба они принадлежатъ въ словарномъ отношеніи къ одному діалекту цыганскаго языка, вслѣдствіе чего я счелъ возможнымъ соединить обѣ записи свои въ одно цѣлое. При расположеніи матеріала, который, можетъ быть, представитъ нѣкоторый интересъ для спеціалистовъ, я выдѣлилъ слова, заимствованныя изъ русскаго и польскаго, въ отдѣльную группу, чтобы тѣмъ яснѣе представить фактъ быстраго вымиранія цыганщины въ Литвѣ; не мало словъ, сохранившихся въ другихъ цыганскихъ діалектахъ, особенно въ Румыніи и Трансильваніи, здѣсь вытѣснено заимствованными элементами. Сличивъ свою запись съ тѣми данными, которыя нѣкогда были собраны Нарбуттомъ, я увидѣлъ, что тѣ цыгане, которыхъ изучалъ я, являются въ сравненіи съ нарбуттовскими элементомъ новымъ и пришлымъ изъ Россіи: по крайней мѣрѣ, въ числѣ записанныхъ мною словъ гораздо болѣе совпаденій съ фактами, отмѣченными въ языкѣ цыганъ Средней и Южной Россіи, чѣмъ съ записями Нарбутта [1]).

---

[1]) Вотъ нѣсколько примѣровъ: бес — сидѣть (у Нарбутта—bež), бѐрш — годъ (такъ и у русскихъ цыганъ, а въ дру-

На русское происхожденіе этихъ таборовъ указываетъ и ихъ одежда (русская рубашка) и упряжь съ дугой и, пожалуй, такія слова, взятыя изъ малорусскаго языка, какъ м о h ы́ л к а, д у́ h а, б и́ д а.

По недостатку времени я лишенъ возможности представить собранный мной матеріалъ въ такой обработкѣ, какъ этого требуетъ мое уваженіе къ юбиляру; я утѣшаю себя тѣмъ, что, кажется, могу ручаться за точность своей записи. Всѣ три раза, когда я производилъ ее, меня сопровождали люди, обладающіе весьма тонкимъ музыкальнымъ слухомъ. При транскрипціи я остановился на русской азбукѣ, которая со своимъ *ъ*, твердымъ *л* и *х* очень удобна для передачи цыганскихъ звуковъ; *h*, *у̯* (среднее между *в* и *у*) понятны, конечно, каждому лингвисту, долгота и удареніе изображены обычнымъ способомъ.

Б а к р и́ (овца)
б а л а́ (волосъ)
б а л а в а́ с (сало)
б а л ы ч н ы́ (свинья)
5 б а л в а́ л (вѣтеръ)
б а̄ р о́ (высокій)
б а р в а л о́ (богатый)
б а ш а у́ (играть)
б а ш н о́ (пѣтухъ)
10 б е л ь в е л ь (вечеръ)
б е́ р г а (гора)
б е̄ р ш (годъ)
б е ш (сидѣть)
б е ш и́ л (тѣсный)
15 б и́ к ӣ н (продавать)
б ы н к (чертъ)
б о (печка)
б о к (голодъ)
б о л ы б э́ (небо)
20 б р и ш ы́ п (дождь)
б р о и н а́ с (гулять)
б у т (много)

гихъ діалектахъ — б ы р ш, б ъ р ш), б е л ь в е л ь — вечеръ (такъ у сумскихъ цыганъ, а въ другихъ нарѣчіяхъ вмѣсто этого р а т и, р я т ь — ночь), б а р в а л о́ — богатый (такъ у сумскихъ цыганъ, у Нарбутта же — b a r v e ł ł o), б о л ы б э́ — небо (такъ и у московскихъ цыганъ, а у Нарбутта — b o ł y b é n) и др. Для сличенія я пользовался записями Влислоцкаго, Калины, но, главнымъ образомъ, капитальными работами Миклошича: „Beiträge zur Kenntniss der Zigeunermundarten“ I—IV 1874—1878 и его же „Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas“ I—XII 1872—1880.

вангáр (уголь)
васт (рука)
25 вёндерjá (кишки)
веш (лѣсъ)
врдó (телѣга), *р* гласный.
вудáр (дверь)
вуштá (губа)
30 гау (деревня)
гив (рожь); *в* соотвѣтсвуетъ здѣсь: u̯
гонó (мѣшокъ)
грашни (кобыла)
грэ̄й (лошадь)
35 грýмо (громъ)
гурý (быкъ; скотъ)
гурувны́ (корова)
гя́ба (пѣть)
һачоý (горѣть); *h*, какъ въ Богъ.
40 һерýй (нога)
һири́л (горохъ)
һобрáто (горбъ)
һыл (снѣгъ)
да̄й (мать)
45 дакримúнш (усы)
дандирéл (кусать)
дант (зубъ), *н* зубное
дараý (бодаться)
дат (отец)
50 девéл (Богъ)
дэмáнге (давать), *н* гортанное
дещурьé (колоть)
дош (доить)
дӯр (далеко)
55 дывéс (день)
эбýл (вдова)
джа (ѣхать, идти)
джинскирды́ (тѣло)
джы (сердце, душа)
60 джы́до (живой)
джукéл или жукéл (собака, кобель)
джуклори́ (сука)
захáчкир (жечь)
зéрво (лѣвый)
65 зоралó (сила)
йи́дзя (одежда)
кай (куда), кайджáс (куда идешь?).
какави́ (котелъ)
калó (черный)
70 камáм (любить, желать)
ка̄н (ухо)
канéнгро (глухой), *н* — гортанное
кашт (дерево)
ка̄хни́ (курица)
75 кер (дѣлать)
кӣн (покупать)
киравáс (варить) [1])
ки́рко (горькій)
кирлó (горло)
80 кирнó (гнилой)
кирья́ (муравей)
кокáло (кость)
колы́м (грудь)
кунупи́ (конопля)
85 кур (ковать)
курáс (ткать) [2])
кшыл (масло)

---

[1]) Вѣроятно, это спеціальное значеніе общаго глагола *дѣлать*; см. у Влислоцкаго: „Die Sprache der transsilvanischen Zigeuner“ kerav (ich mache).

[2]) Повидимому, это одно и то же слово (кур и курáс); см. Miklosich. Ueber die Mundarten... VII, 88.

кхам (солнце)
кхер (домъ)
90 кхурми́ (каша)
кхуроро́ (жеребенокъ)
ладжаво́ (стыдно)
лау (слово, имя)
лачхо́ (добрый)
95 лову́ (деньги)
локо́ (легкій)
лоло́ (красный)
лон (соль)
лы́джа (нести)
100 лын (клювъ)
лына́й (лѣто)
лыожа́с (вести) [1]
ману́ш (человѣкъ)
мар (бить)
105 мара́самен (драться)
ма́рко (базаръ)
ма́ро (хлѣбъ)
матци́н (муха)
мачи́н (рыболовная сѣть)
110 мачхо́ (рыба)
мекхе́ль пете́ле (закатъ солнца, западъ)
мēн (шея)
мен̑тха (мята)
микша́но дант (бодаться)
115 ми́ро (мой)
ми́ца (кошка)
мор (мыть)
на (не; накама́м,налачхо́, на́шукар)
нанго́ (голый), *н*—гортанное
120 накх (носъ)
нāш (летѣть)
наша́с (бѣжать), наши́л (течь)
нашвало́ (больной)
отке́р (тупой)
125 пани́ (вода)
пāпи́н (гусь)
парно́ (бѣлый) } [2]
пāрно́ (бѣлка) }
парца́с (мѣнять)
130 пасво́ (спать, лежать)
патри́н (листъ)
пашдиве́с (полдень)
паше́ (близко)
пēр (животъ)
135 пи (пить, курить)
пи́ранго (босой), *н*—гортанное
пири́, пи́ри (горшокъ, бочка) [3]
поори́ (хвостъ)
пора́ (перо)
140 пуру́м (лукъ, растеніе)
пшалъ (братъ)
пшико́ (плечо)
пхаба́и (яблоко)
пха́гир (ломать)
145 пхака́ (крыло)
пха́нде (вѣшать), у Влислоцкаго pçánđáv (ich sperreein)

---

[1]) У Влислоцкаго словамъ лы́джа и лыожа́с соотвѣтствуетъ одно lyijiáv, у Миклошича тоже (подъ корнемъ ledž), VIII, 6.

[2]) Одно и то же слово, но записанное въ разныхъ таборахъ.

[3]) Разница удареній объясняется тѣмъ, что одно и то же слово записано въ двухъ таборахъ.

пхас (сѣно)
пху (земля)
пхўро (старый)
150 рай (господинъ)
ра́ки (говорить)
рап (вѣтка)
ра̄н (жаба)
ра̄́т (кровь)
155 рѣ́чка (рѣпа)
рѣ́ца (рѣдька)
ри́кир (трогать, держать)
рой (ложка)
ромны́ (жена, женщина)
160 ру (волкъ)
руп (серебро)
рыч (медвѣдь)
са̄ (смѣяться)
састе́р (желѣзо)
165 сашты (могу)
сēкля́кир (учить)
се́н̃ки (дроздъ)
сками́н (столъ)
соунака́j (золото)
170 стры (какъ)
сӯ (шить)
тато́ (теплый)
таша́рла (утро)
телаяре́сте (молиться)
175 тердзо́ (стоять)
терно́ (молодой)
теха́л (кушанье)
ти́ро (твой)
тра́де (гнать)
180 трада́с (везу)
тренске (трясти)
трушу́ (крестъ)
тыкно́ (низко)
тхан (полотно)
185 тховаў (кладу)
тху (дымъ)
тхут (молоко)
ухты́л (ловить)
фе́льда (поле)
190 филачы́ (дворъ)
фо́ро (городъ)
хара́ (давно)
холы́ (гнѣвъ)
хха (ѣсть)
195 ци̅ра (кожа)
ча́кхра (колесо) [1]
ча̄р (трава)
чаро́ (чашка)
чачо́ (правый)
200 чека́т (лобъ)
черhе́н (звѣзда)
чике́н (сало)
чирикль́ (2 таборъ), чиркль́ (1-й таб.)—птица, жаворонокъ, воробей
чороро (бѣдный)
205 чури́ (ножъ)
чучи́ (вымя)
чхабо́ (мальчикъ)
чхавэ́ (дѣти)
чхон (мѣсяцъ, луна)
210 чху́рдэ (сѣмя)
шеро́ (голова)
шил (холодный)
шма́гло муршаро́ (или наоборотъ — быстрый)
шука́р (хорошій)
215 шуко́ (худой)

---

[1]) Долженъ признаться, что я не вполнѣ увѣренъ въ вѣрности своей записи этого слова: я самъ подсказалъ его цыганамъ, и тѣ потомъ упорно повторяли: „такъ!“.

як (огонь)
якха́ (глаза)
яржо́ (мука́)
я́сва (слеза)
220 яугин (медъ)

я — ме, ты — ту, онъ — йо, она — йой;
мы — аме́, вы — туме́, они — йонэ́;
кто — кон, гдѣ — кай, куда — одо́й, туда — адо́й.
Одинъ — йек;
Два — дуй;
Три — трын;
Четыре — штар;
Пять — па̃нч;
Шесть — шоу;
Семь — йефта́;
Восемь — охто́;
Девять — эйна́ или эння́;
Десять — деш;
Одиннадцать — дешујек;
Двѣнадцать — дешуду́й;
Тринадцать — дешутры́н;
Двадцать — биш;
Тридцать — тріа́нда;
Сорокъ — шта́рдаша;
Пятьдесятъ — па́̃нчдаша;
Сто — шел;
Двѣсти — ду́йшела;
Тысяча — тысёнца (польск. tysiąca).

Заимствованныя слова.

Времена года:

ча́со (время), пол. czas;
зи́ма (зима), пол. zima, рус. зима;
вёсна (весна), пол. wiosna;

Деревья:

ли́па (липа), пол. lipa, рус. липа;
оси́на (осина), рус. осина, а пол. osika;
де́мбо (дубъ), пол. dąb, род. dębu;
брэ́за (береза), серб. бреза?
ча́тки (рябина), пол.

о́льха (ольха), пол. olcha, olsza, рус. ольха;
со́сна (сосна), пол. sosna, рус. сосна;
гру́шка (груша), пол. grusza.
сли́ва (слива), пол. śliwa, рус. слива;
ви́шня (вишня), пол. wiśnia, рус. вишня.

Другія растенія:

гри́бо (грибъ), рус. грибъ, пол. grzyb;
пшени́ца), пол. или рус.;
ма́ко (макъ), пол. или рус.;
мали́на (малина) пол. или рус.

Изъ животнаго міра:

жвѣ́ро (звѣрь), пол. zwierz, вѣроятно, изъ лит. žwieris.
ка́чкица (утка), пол. kaczka.

жу́кицо (жукъ), пол. żuk;
комáрьо (оводъ) пол. или рус.;
леу̑ (левъ), пол. или рус.;
щу́ро (крыса), пол. szczur;
ли́са (лисица), рус. лиса;
теля́нто (телята), пол. cielę? ср. сшяна;
ро́го (рогъ), пол. или рус.;
що́ка (щека), пол. szczęka;

Культурныя слова:

ме́дзё (мѣдь), пол. miedź;
со́ха (плугъ), пол. socha, рус. соха;
сно́по (снопъ), пол. или рус.;
бро́на (борона) пол. brona;
стя́на (стѣна), пол. ściana;
во́кна (окно), бѣлор. вокно;
ду́ha (дуга), малорус. дугá;
товáри (товаръ), рус. или пол.;
пекáл (пеку), рус. или пол.;
ко́синэ (косить), рус. или пол.;
стре́ха (крыша), рус. стрѣха;
ковáли (кузнецъ), пол. kowal;
моhы́лкы (могила), малорус.
крэ́йда (мѣлъ), пол. kréda;
ме́ринэ (мѣрять), рус. или пол.;
пи́пка (трубка), бѣлорус. пипка;
тобáко (табакъ), рус. или пол.

Разныя слова:

блискави́ца (молнія), пол. błyskawica;
рэ́ка (рѣка), рус.;
мо́ро (море);
ручайо (ручей), пол. ruczaj;
пя́ска (песокъ), пол. piasek;
лё́до (ледъ), рус. ледъ;
яма (яма), рус. или пол.;
джи́ра (дыра), пол. dziura?
ми́слины (думать), откуда *и*?
гры́зинэ (грызть), рус. или пол.;
ло́нка (лугъ), пол. łąka;
би́да (горе, бѣда), малорус. бида?
швя́тло (свѣтлый), пол. światły;
твáрдо (твердый), пол. twardy;
глос (голосъ), пол. głos;
гру́бо (толстый), пол. gruby;
жи́лто (желтый), откуда *ил*? изъ l̥ въ чеш. žlty? врядъ-ли изъ żółty?
товáришшо (товарищъ, другъ), рус. товарищъ;
жáлинэс (жалѣть), рус. или пол.;
ко́ри (кора), рус. или пол.;
корэ́ньо (корень), рус. или пол.

Кромѣ того, таборы, съ которыми я имѣлъ дѣло, утратили самостоятельныя слова для обозначенія слѣдующихъ понятій: *вино*, *веселый*, *ворона*, *дерзкій*, *орелъ*, *сорока*.

А. Погодинъ.

С.-Петербургъ—Варшава.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ВЪ ОБЛАСТИ КАШУБСКАГО ЯЗЫКА.

Сокращенія:

Р. = Ramułt, Słownik język̨a pomorskiego czyli kaszubskiego, w Krakowie 1893.

М. = Миккола, Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи (Изв. отд. русск. яз. и словесн. Импер. Ак. Наукъ II 400—428).

Г. = Гильфердингъ, Остатки Славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.

Бр. = Bronisch, Kaschubische Dialectstudien (Arch. f. slav. Phil. XVIII 321—408).

Бр. II = Bronisch, Kaschubische Dialectstudien, zweites Heft Leipzig 1898.

Цейн. = Цейнова, Сборникъ основныхъ словъ кашубскаго нарѣчія (Матеріалы для сравн. и объясн. словаря и грамм. V 258—272).

Cen. = Cenôva, Zarés do Grammatikj Kašébsko-Słovjnskjè Mòvé, 1879. п. = польскій; црк. = древне-церковнославянскій; н. = нѣмецкій; лт. = латинскій; лат. = латышскій.

Предварительныя замѣтки о кашубской графикѣ.

Большому разнообразію звуковъ кашубскихъ говоровъ соотвѣтствуетъ еще большее разнообразіе въ письменномъ ихъ обозначеніи у разныхъ изслѣдователей. Послѣ болѣе или менѣе удовлетворительнаго припоравливанія

польской графики къ разнороднымъ звукамъ кашубской рѣчи въ трудахъ Прейса, Гильфердинга, Поблоцкаго и другихъ и послѣ неудачной попытки Цейновы (въ Zarés do Grammatikj), ввести въ употребленіе своеобразные и крайне неудобные знаки для нѣкоторыхъ звуковъ (напр. для č, š, ž), Рамултъ первый выработалъ довольно точную систему правописанія на основаніи чешской графики, замѣняя однако сложныя буквы *ch* и *dz* единичными знаками χ [1]) и ζ греческой азбуки (итакъ: wœdzévac są̧ = п. odzywać się; wœζevac są̧ = п. odziewać się̧) и обозначая долготу гласныхъ посредствомъ грависа. Но въ словарѣ Рамулта воспроизводятся главнымъ образомъ фонетическія особенности среднекашубскихъ говоровъ, удареніе почти никогда не обозначается и долгота гласныхъ не всегда. Поэтому не удивительно, что Бронишъ и Миккола, описавшіе сѣверные говоры (первый — быляцкіе говоры Западной Пруссіи, послѣдній — Помераніи) и притомъ съ большею точностью, опять выработали каждый свою особую систему знаковъ. Флоринскій, наконецъ, составилъ (въ «Лекціяхъ по слав. языкознанію») себѣ также свою особую абецеду, заимствуя знаки то у Рамулта, то у Брониша. Изслѣдователи кашубскаго языка однако будутъ обращаться не столько къ «Лекціямъ» Флоринскаго, сколько къ самимъ источникамъ, а среди послѣднихъ первое мѣсто по своему объему и по доступности матеріала занимаетъ, безспорно, словарь Рамулта. Въ виду этого я въ настоящемъ сочиненіи придерживаюсь Рамултовскаго правописанія и оставляю безъ транскрипціи только формы, взятыя у Брониша и Микколы, пишущихъ точнѣе Рамулта и о другихъ говорахъ. Слова же, почерпнутыя изъ болѣе старыхъ источниковъ [2]), привожу, насколько это возможно (оговорка эта касается особенно гласныхъ),

---

[1]) Букву χ употребляютъ также Бронишъ и Миккола въ такомъ же смыслѣ.

[2]) Слова безъ обозначенія источника — взяты изъ словаря Рамулта.

въ ороографіи Рамулта. Только ĕ Гильфердинга и ê Прейса замѣняю всегда Рамултовскимъ *é*, значитъ, и тогда, когда это ĕ или ê является замѣстителемъ прежняго u (итакъ вмѣсто bĕc и dĕsza Гильфердинга или bêć и dêsza Прейса пишу равнымъ образомъ béc и déša), между тѣмъ какъ Рамултъ различаетъ *é*, образовавшееся изъ *i* или *y* (béc), отъ *e*, образовавшагося изъ *u* (deša). Согласно съ Гильфердингомъ и Прейсомъ пишутъ — Бронишъ въ обоихъ случаяхъ ë (gen. s. rëbë «рыбы» и dëšë «души»), Цейнова — *é* (křévi «кривой» и głéχi «глухой»), Миккола ä (dzävī́ «дикій» и gläχī́ «глухой»). Графическое разногласіе въ этомъ случаѣ врядъ ли основывается на діалектическомъ разногласіи, такъ какъ Рамултъ пишетъ *e* (изъ *u*) также въ формахъ, принадлежащихъ, по его-же словамъ, сѣв.-кашубск. говорамъ, напр. ced «чудо» (P. XXXI); къ тому-же у самого Рамулта изрѣдка встрѣчаемъ é, образовавшееся изъ *u*, напр. né «ну», п. nu (P. 289 и 297; въ другихъ мѣстахъ: ne), dat. s. psé «псу», п. psu (P. 144), halšték «галстукъ», п. halsztuk (P. 50), inf. zažéc (P. 292; въ словарѣ и у Брониша приводится только форма žvac «жевать», но ср. п. *żuć*), gen. s. kléčkœvè «ключевой» (P. 288; въ этомъ случаѣ и объ опечаткѣ думать трудно, такъ какъ въ примѣчаніи къ этому слову опять читаемъ kléčkœvy = kluczowy), défla (съ производными: défelka, défelkœvy, déflovy) «туфель» (P. 24). Затѣмъ полагаю, что всякое *u*, перешедшее въ *é* (*e*), а не только i̯u (т. е. u послѣ мягкихъ согласныхъ), какъ, кажется, думаетъ Миккола (стр. 418), прошло на томъ пути черезъ *i* (изъ ü), что подтверждается, — по крайней мѣрѣ относительно i̯u, — формами vjìtrŏ [1]) «утро» (на этотъ примѣръ указываетъ

---

[1]) Подобное *v* передъ начальнымъ *j* образовалось еще въ слѣдующихъ словахъ: vjı̀̄va «ива» M. 418, vjìgᵘȯ «иго» M. 417, vi̯eseń «осень» M. 419, viskac «искать» P. 252, vješčeřéca или vješčòrka «ящерица» P. 254. Примѣры viskac, vjı̀̄va, vjìgᵘȯ съ одной стороны, а Jidôš съ другой, — опровергаютъ мнѣніе Бодуэна-де-Куртенэ (Журн. Мин. Нар. Просв. CCCX 350), будто-

уже Миккола тамъ же) и Jidôš [1]) «Іуда» (Р. 296; въ словарѣ: Judôš). Если же такъ, то Бронишъ вѣроятно правъ, говоря (стр. 331), что Рамултъ невѣрно пишетъ *e* (изъ *u*) вмѣсто *é*. Не познакомившись однако на мѣстѣ съ звуками кашубской рѣчи, я не рѣшился замѣнять въ словахъ, взятыхъ у Рамулта, *e* (изъ *u*) знакомъ *é*. По той же причинѣ оставлю неизмѣненнымъ правописаніе Рамулта и по отношенію къ начертанію смягченныхъ согласныхъ и гласнаго *i*, хотя Рамултъ въ этомъ отношеніи очевидно поступаетъ весьма непослѣдовательно. Дѣло въ томъ, что послѣ согласныхъ, являющихся теперь всегда твердыми, а именно послѣ *c*, *ζ*, *s*, *z*, *t*, *d*, *r* [2]) и также послѣ *χ* Рамултъ пишетъ всегда *i* вмѣсто *y* (cvjardi «твердый», głeχi «глухой», bœsi «босой», séti «жирный», χitri «хитрый»), гдѣ *y* не перешло въ *é*, а послѣ согласныхъ *b*, *p*, *m*, *v*, *l* (*ł*), *n* знакъ *y* обозначаетъ, судя по словамъ Рамулта о гласномъ *y* (стр. xxv), не гласный, похожій на польское *y*, но твердое *i* послѣ твердаго согласнаго, *i* же очевидно обозначаетъ послѣ этихъ согласныхъ ихъ мягкость [3]) (grebẏ «грубый», głupy «глупый», sélny «сильный», mêły «малый», mjodny «сладкій» и др.; но: babi «бабій», wœrli «орлій», mitkœ «мягко», pisc «кулакъ», п. pięść, vici «больше», п. więcej и др.), между тѣмъ какъ Цейнова, Бронишъ, Миккола послѣ всѣхъ твердыхъ согласныхъ пишутъ *i*. Вслѣдствіе такого ороографическаго пріема, читаемъ у Рамулта *y* также на мѣстѣ этимологи-

---

бы vitro образовалось изъ *jutro перестановкою составныхъ элементовъ перваго слога. У Прейса (Ж. М. Н. Пр. 1840 г., окт., стр. 3 и 11) находимъ даже еще формы безъ *v*: zaitřk или zaitře «востокъ».

[1]) Ср. также діалектическія формы tī < tū, dzira < dzura, cit < cut, gen. s. rāzī < rāzū Бр. 408.

[2]) Мягкія *t* и *d* встрѣчаются только на мѣстѣ прежнихъ *ḱ* и *ǵ* (перешедшихъ въ средне-кашубскихъ говорахъ въ *ć* и *ζ'*) и въ заимствованныхъ словахъ, напр. djôbeł «дьяволъ».

[3]) Мягкость согласнаго *n* обозначается сверхъ того надстрочнымъ знакомъ, напр. ńic «ничто».

ческаго *i*, если предшествующій согласный отвердѣлъ, напр. pyla «гусь», pylą «гусенокъ» (рядомъ съ pilą «гусенокъ»; ср. лат. pīle «утка»); pyχ «пыль» (рядомъ съ piχ; ср. лат. pīšľi «пыль», црк. пьхати. Ср. примѣры подобнаго отвердѣнія у Брониша 338). Хотя, такимъ образомъ, согласные *b*, *v*, *m*, *p* передъ *i* должны считаться мягкими, тѣмъ не менѣе читаемъ у Рамулта формы mjic «мять», п. miąć, и pjic są «вздыматься», п. piąć się, рядомъ съ формами въ родѣ miχ «мнихъ», pic «пить» и др.; между тѣмъ какъ у Брониша (388 и 389) польскимъ piąć и pić одинаково соотвѣтствуетъ кашубское pšic (изъ ṕic).

I.

Кашубская форма праславянскаго сочетанія tărt.

Между тѣмъ какъ праславянскимъ сочетаніямъ типовъ tĕrt, tĕlt, tălt (почему пишу tărt, tălt вмѣсто общепринятыхъ tort, tolt, скажу послѣ) соотвѣтствуютъ въ каш. языкѣ, какъ и въ польскомъ, формы съ перестановкою *r* и *l* и съ исконно краткимъ гласнымъ (напр. dřewœ «дерево», mlekœ «молоко», młodi «молодой») [1]), праславянскому сочетанію типа tărt соотвѣтствуютъ то формы съ сочетаніемъ *-ro-*, какъ въ польскомъ языкѣ, то формы съ сочетаніемъ *-ar-* и въ рѣдкихъ случаяхъ также съ сочетаніемъ *-or-*. Притомъ нѣкоторымъ словамъ свойственъ исключительно порядокъ звуковъ *-ar-* (напр. χarvanc «снопъ плохого хлѣба»), другимъ — исключительно польскій порядокъ звуковъ *-ro-* (напр. droga «дорога»), другія же встрѣчаются и въ той и въ другой формѣ (напр.

---

[1]) Ссылаясь на нѣкоторыя имена собственныя, Миккола полагаетъ (Betonung und Quantität in den westslavischen Sprachen I 22), что древне-кашубскій языкъ зналъ, рядомъ съ сочетаніемъ -tlot-, также сочетаніе -talt-; для меня это ни доказано ни даже вѣроятно.

parsą и prosą «поросенокъ»). Разнообразіе это вызвало уже не мало толкованій. Для польскихъ патріотовъ, убѣждающихъ себя и другихъ въ томъ, что кашубскій языкъ (или «говоръ» — по ихъ же словамъ) только говоръ польскаго языка, и нерѣшительныхъ покамѣстъ только относительно вопроса, къ какой группѣ польскихъ говоровъ принадлежитъ кашубскій «говоръ», для тѣхъ кашубскія формы съ сочетаніемъ *-ar-* являются камнемъ преткновенія, который они такъ или иначе стараются устранить. Карловичъ полагаетъ [1]) (Prace filol. II 315), что существованіе въ каш. языкѣ формъ съ *-ar-* (parsą) рядомъ съ формами съ *-ro-* (prosą) въ сущности ничѣмъ не отличается отъ подобнаго чередованія корней въ польскомъ (напр. marznę : mróz, wartko : wrota). Это толкованіе однако уже Бодуэнъ-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр. CCCXI 119) опровергъ надлежащимъ образомъ. По мнѣнію Бискупскаго (Prace filol. III 695) теперь уже только «нелингвисты» считаютъ кашубскія формы въ родѣ parsą остатками стародавнихъ временъ; онъ же самъ объясняетъ возникновеніе

---

[1]) Этого же мнѣнія держится Карловичъ и еще въ своей статьѣ «Gwara kaszubska» (стр. 17 и 19) и приводитъ новые примѣры чередованія сочетаній *-ar-* и *-ro-* въ однихъ и тѣхъ же корняхъ польскаго языка. Но всѣ эти примѣры (почти только имена собственныя) нисколько не поддерживаютъ мнѣнія Карловича; Бодуэнъ-де-Куртенэ вѣдь не отрицаетъ существованіе подобнаго чередованія въ польскомъ языкѣ, но только возможность сравнивать чередованіе сочетаній *-ar-* и *-ro-* въ польскихъ wartko (изъ vъrt-) и wrota и въ кашубскихъ varta (изъ *vărt-) и vrota. Желая набрать какъ можно больше польскихъ примѣровъ, Карловичъ сверхъ того приводитъ въ числѣ польскихъ формъ также употребляемое въ Литвѣ и заимствованное изъ лит. языка parszuk или parsiuk (даже суффиксъ — литовскій! ср. лит. paršiùkas и Kursch. Gramm. стр. 85. Изъ лит. языка заимствовано и блрусское *порсюкъ*, ср. Mikl. Vergl. Gramm. II 253) и кашубское smardlina (послѣднюю форму Карловичъ считаетъ польскою, а не кашубскою, только изъ-за сочетанія *-dl-*, а въ польскомъ словарѣ Мронговіуса, на стр. 485, какъ разъ читаемъ «smardlina Kasch.»).

подобныхъ формъ (parsą изъ prosą) нѣмецкимъ вліяніемъ, указывая на нѣкоторые примѣры подобной перестановки въ нѣмецкомъ и полабскомъ языкахъ и въ тѣшинскомъ говорѣ польскаго языка и на то, что теперешній Starogard въ 1198 г. упоминается въ формѣ Starigrod. Надморскій же говоритъ (Wisła VI 212), что всѣ индоевропейскіе языки склонны къ перестановкѣ плавныхъ согласныхъ, и видитъ и въ кашубскихъ формахъ съ сочетаніемъ *-ar-* начатки такой перестановки, не развивавшейся однако, но прекратившейся; усматриваетъ такую же перестановку въ польскомъ karw «волъ» (karw однако восходитъ къ *kъrvъ) и приходитъ къ заключенію, что полабскій «говоръ» (формы котораго въ родѣ chorna, gorch и др. Надморскій также объясняетъ перестановкою) различается отъ кашубскаго и польскаго только бо́льшимъ количествомъ примѣровъ перестановки (!). Убѣжденъ и Калина (Prace filol. IV 928) въ томъ, что кашубское сочетаніе *-ar-* восходитъ къ первоначальному *-ro-*, и сомнѣвается только относительно вопроса, возникли ли формы съ *-ar-* благодаря нѣмецкому вліянію, или по аналогіи формъ съ сочетаніемъ *-ar-* < *-ъr-* (напр. gardło «горло»).— Общимъ мотивомъ всѣхъ этихъ толкованій является принципъ перестановки. Примѣровъ перестановки въ кашубскомъ, правда, можно найти: zèrvina «ржавина», п. rdza M. 426; rže̋c «жрать», п. żreć Бр. 340; burk «каменная мостовая», п. bruk P. 14; žarny «ржаной» Г. 191; reχčonè (= χŕčonè; part. pass. praet. отъ χŕcéc «крестить») P. 284; gèłʒéc рядомъ съ gédléc или gidléc «щекотать» P. 40 (Миклошичъ приводитъ въ Etymol. Wörterbuch 82 болгарское слово gъdel «щекотка»; ср. также н. kitzeln и лат. kutinât «щекотать». Формы gédléc и gidléc образовались вѣроятно отъ g[ъ]dléc, ср. каш. dréva : п. drwə, drégac : п. drgać, dréʒa : п. rdza (діалектически drdza), dréžòn рядомъ съ dŕòn, pestri [1]) : п. pstry; gèłʒéc же вос-

---

[1]) Рядомъ съ pestri читаемъ (P. XXXVI) péstri; ср. такое же колебаніе между plévac и ščévac (P. XXXVI) и plevac

ходитъ къ *gъldiťь). Но все это разнородные примѣры перестановки, ничего не доказывающіе въ данномъ случаѣ; вѣдь, если полагать, что parsą произошло путемъ перестановки отъ prosą, то нѣтъ никакой возможности объяснить, почему формы съ исконнымъ сочетаніемъ *-ro-* (напр. prosëc «просить», grom «громъ», drobny «дробный» и др.) никогда не подверглись такой перестановкѣ. Было бы еще понятно, если бы по аналогіи такихъ формъ, въ которыхъ сочетаніе *-ar-* восходитъ къ первоначальному *-ъr-*, и въ сродныхъ имъ формахъ сочетаніе *-ro-* замѣнилось сочетаніемъ *-ar-*; можно было бы, напримѣръ, полагать, что krova «корова» перешло въ karva благодаря вліянію сродной формы karv «волъ» (послѣдняя форма, кажется, въ настоящее время неизвѣстна кашубамъ, ср. Prace filol. II 315; но прежде могла быть извѣстна), гдѣ *-ar-* восходитъ къ *-ъr-*, какъ показываетъ прусское kurwis «волъ» (ср. Brugmann Grdr. d. vrgl. Gramm. I² 454). Но вѣдь только отъ немногихъ корней встрѣчаются производныя слова типовъ tărt и tъrt; для объясненія же большинства формъ съ сочетаніемъ *-ar-* (= п. *-ro-*), напр. skarńô «щека», varna «ворона» и др., не имѣющихъ рядомъ съ собою сродныхъ формъ съ сочетаніемъ *-ar-* (изъ *-ъr-*), указаніемъ на существованіе въ кашубскомъ словъ въ родѣ gardło ничего не достигается. Не ведетъ ни къ чему и гипотеза о нѣмецкомъ вліяніи. Можно еще себѣ представить, что благодаря вліянію нѣмецкихъ формъ Bart, Garten, напоминающихъ своею формою и отчасти значеніемъ кашубскія слова broda, *gròd (ср. wœgròd), послѣднія перешли въ barda (P. XXXVI), gard; но какъ

(такъ очевидно слѣдуетъ читать вмѣсто напечатаннаго plevc) и ščevac (въ словарѣ P.; у Брониша 331: plëvac, ščëvac); этимъ кашубскимъ глаголамъ могутъ соотвѣтствовать не только польскіе pluwać, szczuwać (какъ полагаетъ Бодуэнъ-де-Куртенэ Ж. М. Н. Пр. CCCXI 86), но и plwać < *plьvatь «плевать», *szczwać «травить» (ср. еще и trevac п. trwać), какъ видно по I s. praes. plvją (рядомъ съ plcją и plevają; у Брониша 394: plëvŏ). Ср. также Mikkola, Betonung und Quantität 47.

объяснить нѣмецкимъ вліяніемъ возникновеніе большинства формъ съ сочетаніемъ *-ar-*, не имѣющаго ничего себѣ подобнаго въ нѣмецкомъ языкѣ? Вѣдь нельзя также утверждать, что нѣмецкій языкъ вообще чуждается порядка звуковъ *-ro-*, такъ какъ въ немъ не мало словъ съ сочетаніемъ *-ro-*, напр. Tropfen, Brocken, trocken, grob и др.— Но такъ или иначе мы должны были бы возвести теперешнее сочетаніе *-ar-* къ прежнему *-ro-*, если бы можно было доказать, что древне-кашубскій языкъ зналъ только сочетаніе *-ro-*; и подобную мысль, кажется, внушаетъ Бискупскій своимъ читателямъ, говоря (Prace filol. III 435 и 695), что теперешній Starogard въ 1198 году упоминается въ формѣ Starigrod. Этотъ Starigrod, однако, грамоты 1198 г. (ср. Pommerellisches Urkundenbuch Перлбаха) — Старгардъ Западной Пруссіи, лежащій уже въ польской территоріи (ср. Г. 4), такъ что польской формѣ имени нечего удивляться. Умалчиваетъ затѣмъ Бискупскій совершенно о томъ, что въ померанскихъ грамотахъ тѣхъ же временъ встрѣчаются уже имена съ сочетаніемъ *-ar-*, напр. Belegart, Stargart, Charbrowo, Barnim и др. (въ упомянутомъ изданіи Перлбаха; ср. также Р. XXXVI и 39). Итакъ, кашубскій языкъ уже въ то время, изъ котораго имѣемъ первыя свѣдѣнія о немъ, показываетъ намъ формы типа tärt; слѣдовательно мы должны считать ихъ исконно кашубскими. Затѣмъ формы этого типа вовсе не такъ рѣдко встрѣчаются, какъ полагаетъ Калина (Prace filol. IV 927), чтобы можно было не принимать ихъ даже въ разсчетъ при обсужденіи вопроса о различіи польскаго и кашубскаго языковъ. Для большей наглядности приведу здѣсь всѣ формы типа tart [1]), при чемъ, формы, не указанныя Бодуэномъ-де-Куртенэ, поставлены въ скобкахъ.

χarna «кормъ для скота» съ производными Charno-

---

[1]) Слова, темныя въ этимологическомъ отношеніи, оставляю неупомянутыми.

ẘo (названіе села, Prace filol. III, 369), χarvanc «снопъ плохого хлѣба» < *χarnvanc.

χarst или χar̆t [1]) (извѣстное растеніе, P. XXXVI, Prace filol. II 315) рядомъ съ χrȯst „хворостъ», п. chróst.

skarńô «щека», рядомъ съ skrońa (Г. 180) «високъ», п. skroń.

smardlina (Mrongovius, Ausf. Poln.-Deutsch. Wrtb. 485; Prace filol. II 315) или smargléna (Prace filol. II 315; ср. mgły или medły, п. mdły; mgleć, п. mdleć; żągło Г. 191 «жало» : żǫdło P.) «смородина» рядомъ съ smrȯd «вонь», п. smród.

gard или garda «крѣпость» съ производными garc (уменьшительное отъ gard), gardny или garny (въ нарѣчіи словинцевъ, ср. М. 403 и 425, переходъ сочетанія *dn* въ *n* является правиломъ; но и въ другихъ кашубскихъ говорахъ изрѣдка встрѣчаемъ тотъ же переходъ: pȫłńö Бр. 383 или pêłńe P. «полдень»; съ другой стороны замѣчаемъ *d* и *t* передъ *n*, гдѣ въ польскомъ является уже только *n:* pœzdny : п. późny, redostny : п. radosny, s̆vistnǫc : п. świsnąć и др.) «крѣпостной», wœgard

---

[1]) Какъ въ формѣ χar̆t, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ r̆ образовалось изъ rs, rš, rz, rž: bur̆tin «янтарь», п. bursztyn; ʒ́er̆tla «хлѣбная лопатка», н. Gerstel; gôr̆c (съ производными gôr̆tka, gôr̆tečka) «горсть», лат. guirste «связочка льна»; mjar̆nǫc «мерзнуть»; her̆t «зачинщикъ», п. herszt; bar̆o (P. 284, 297) рядомъ съ barzo «очень»; skar̆ilo (и nom pl. skar̆ili) «жаловалось» Г. 119 (у Рамулта: skaržéc, skaržélé); pir̆ceń «перстень». На основаніи этихъ формъ полагаю, что и окончанія -r̆ći, (напр. mœr̆ći, -r̆kô, -r̆ćė «морской, -ая, -ое») и -r̆twœ (напр. bednar̆twœ «бочарство») образовались изъ -rski и -rstvo, а не изъ -řski и -řstvo, какъ утверждаютъ Бронишъ (стр. 352) и Калина (Prace filol. IV 925). Если, напримѣръ, pjekar̆ći «пекарскій» восходитъ къ *pjekar̆sći < *pekarьsky, почему тогда r̆ не является и въ формѣ pjekarńô < *pekarьnja «пекарня»? Подобно кашубскому r̆ слѣдуетъ толковать и польское rz въ формахъ, приведенныхъ Калиною (тамъ же), напр. garztkę = garstkę, żniwiarzskie = żniwiarskie и др. Ср. также мнѣніе Бодуэна-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр. CCCX 351).

или wœgôrd «огородъ», vǫgarda «межа», zôgarda «загородка въ амбарѣ», [garζéc] «огораживать» Цейн. 259, wœgarζéc «огородить» рядомъ съ groζéc, přegroda, nadgroda, zôgroda, wǫgroda, wœgròd и др.

barna «борона» рядомъ съ brona, bronovac, brońic.

barda [1]) (P. XXXVI) «борода» съ производнымъ bardôvka «бородавка»; рядомъ съ broda, brodôvka, brodati, brodôč.

karva «корова» съ производными karvi или karwœvy «коровій» [kôrv́ínc] «коровій пометъ» Бр. 332 и 342 (Мронговіусъ, приводя въ своемъ словарѣ 156 послѣднее слово въ формѣ karwiniec, упоминаетъ и слово karwat «würde einen Hirten bedeuten»; рядомъ съ krova, kròvskœ, krovišče, krovi.

paparc или (Г. 85) parparc «папороть» рядомъ съ paproc, paprocéna.

parg «порогъ» рядомъ съ pròg, pròžk, prožéšče, progœvy.

parsą «поросенокъ» съ производнымъ wœparséc są «опороситься»; рядомъ съ prosą, wœprosée są.

sarka «сорока» рядомъ съ sroka, sroča̧.

varna «ворона» съ производными varnka (уменьшительное отъ varna) и [skœvarnk] «жаворонокъ» (Prace filol. III 620; писано: skowarnek); рядомъ съ vrona, vrońi, skœvrònk.

varbel (P. XXXVI) «воробей» рядомъ съ vròbel.

varta «ворота»; отъ того же корня: [vârcec] «вертѣть» Г. 186; převarcéc «опрокинуть» (P. XXXVI); zvarcéc «возвратить», [zavarcec] «опрокинуть» (Стремлеръ, Фонетика кашебскаго языка 71), [vòbărcec] «оборотить» М. 422; рядомъ съ vrota, vrocéc и др.

[bărdza] «борозда» М. 414 и 423; у P. bròzda.

[povarz] «веревка» (у Прейса 9); у Рамулта только pœvròz.

---

[1]) Неправильно, значитъ, Миккола утверждаетъ (Betonung und Quantität 23), что въ кашубскомъ встрѣчается только форма broda.

parχ «пыль» Г. 85; у Рамулта: proχ; сюда же, вѣроятно, относится [sparχ] или [sparχa] «покой», ср. Prace filol. III 626 и Г. 105, 106, 181.

[svôrb, gen. s. svarbu] «свороб»; Бодуэнъ-де-Куртенэ невѣрно сопоставляетъ (стр. 106) кашубскую форму съ польскимъ świerzb < *svьrbъ: обстоятельства, противорѣчащія такому сближенію, онъ самъ тутъ же указываетъ.

[knôrz, gen. s. knarza] «кабанъ» съ производными [knarzovy] «кабаній», [knarzovac] «бѣгать», п. kiernozić; что это слово относится сюда, показываетъ малорусское knoroz (у Миклошича, Etymol. Wrtrb. 157); да и п. kiernoz (рядомъ съ kiędroz < *kienroz Микл. Etymol. Wrtb. 427), верхнелужицкое kundroz, нижнелуж. kjandros [1]), словацкое kurnaz (Микл. Etym. Wrtb. 157), очевидно, восходятъ къ той же праславянской формѣ *knărzъ [2]) (рядомъ съ *knărsъ, которое имѣемъ въ п. kiernos и нижнелуж. kjandros; ср. праслав. părsъ рядомъ съ părzъ). Изъ праслав. *knărzъ (knărsъ) въ польскомъ, лужицкомъ и словацкомъ послѣ обычной перестановки получились формы *knrozъ (п. и луж.) *knrazъ (слов.), которыя трудно было произносить. Въ однихъ говорахъ поэтому согласный *n* между *k* и *r* перешелъ въ сонантъ n̥, такъ что получилась форма *kn̥rozъ (kn̥rosъ), а изъ этой формы потомъ образовались п. kiędroz < *kienroz, верхнелуж. kundroz, нижнелуж. kjandros. Въ другихъ говорахъ *knrozъ сперва путемъ перестановки перешло въ *krnoz, гдѣ *r* перешло въ сонантъ r̥, такъ что получилась форма *kr̥nozъ, къ которой восходитъ п. kiernoz (кашубское же ćernoz заимствовано изъ поль-

---

[1]) У Муки (Histor. u. vergl. Laut- und Formenlehre d. niedersorb. Spr.) 276 kjandroz.

[2]) Слово это, можетъ-быть, родственно съ нѣм. глаголомъ nergeln < *hnergeln, имѣющимъ по словарю Frischbier'a (II 90) значеніе «mäkeln», «ärgern», «verfolgen mit Tadel, Schelte»; ср. лат. sunît «бранить» отъ suns «собака».

скаго языка). Такъ или иначе и словацкое kurnaz восходитъ къ *knrazъ. Миклошичъ сближаетъ (Etymol. Wrtb. 157), впрочемъ и самъ сомнѣваясь, всѣ эти формы съ црк. крънъ «ἀπότμητος», но въ такомъ случаѣ мы имѣли бы въ польскомъ форму *karnoz (ср. kark, targ, gardło и др.) вм. kiernoz (kiernoz же могло образоваться только отъ *krnozъ), и каш. knôrz, п. kiędroz, верхнел. kundros, нижнел. kjandros оставались бы необъясняемыми.

[stôrńa или stôrńev] «камбала» съ уменьшительнымъ [stôrńevka] М. 423, 425, Бр. 339, 371, 381; рядомъ съ strona «сторона»; въ семазіологическомъ отношеніи ср. storněčka «лента» (Г. 182 и Prace fil. III 630) и bątka «маленькая камбала»; послѣднее слово очевидно произведено отъ *bąt < *bant (п. bant) «лента», заимствованнаго изъ нѣм. языка (Band), а не отъ bańa, какъ утверждаетъ Бискупскій Prace filol. III 360) ср. и словарь Рамулта подъ flǫdra).

[bartće gen. bartkȯv] «борьба» съ производнымъ [bartkœvac są] «бороться»; bartće произведено отъ глагола *barc «бороть» подобнымъ образомъ, какъ напр. védatk (plur. védatće) [1]) отъ védac, dobétk отъ dobéc, dostatk отъ dostac и др. Бискупскій сближаетъ (Prace filol. III 360) bartće съ польскимъ bark, но противъ этого говоритъ согласный *t* слова bartće, котораго нельзя считать вставочнымъ, такъ какъ подобной вставки не знаемъ (согласный *t* словъ letći «легкій», п. lekki, и mitći «мягкій», п. miękki, возникъ путемъ расподобленія отъ *k*, какъ и въ формахъ польскихъ говоровъ ḿętki и letki). Съ другой стороны Бискупскій сближаетъ (Prace

[1]) У Рамулта masculina на -*k* и feminina на -ka въ nom. pl. одинаково оканчиваются на -će: detk : detće, kvjôtešk : kvjôtešće, pœdatk : pœdatće, bjałka : bjałće и др. А въ gen. pl. окончаніе -ȯv принимаютъ и feminina (также neutra: do wœknȯv Р. 286) : wœvcȯv Р. 296, bjôłkȯv рядомъ съ bjôtk Р. 297 (ср. примѣчаніе Рамулта къ этому слову и М. 427). Такъ какъ bartće встрѣчается только во множественномъ числѣ, то родъ этого слова съ точностью опредѣлить нельзя.

fil. III 364) каш. brac są «бороться» съ польскимъ bróć (или bruć) się, что тоже, конечно, невозможно: каш. brac są и въ значеніи «бороться» восходитъ къ *bьratь sę (= црк. бьрати сѧ); ср. подобное отношеніе между латышскимъ ńem̂t «брать» и ńem̂tês «возиться», «ссориться» (въ Вольмарскомъ говорѣ). Въ виду такого значенія кашубскаго brac są и латышскаго ńem̂tês считаю впрочемъ возможнымъ, что «бороть» и «брать» (и всѣ имъ сродныя формы) произведены отъ общаго корня bher-: bhor- (ср. напр. лт. fero : ferio).

[karno] «стадо птицъ»: гот. harjis «войско», лит. kar̃ias, лат. kaŕš «война» (ср. сербское на̏ во̑јску «in bellum»), древне-верхне-н. scara «отдѣленіе войска», «толпа», отъ общаго корня qer- или sqer- (Brugmann, Grdr. I² § 631).

[varpac] «драть», «дергать» (по Рамулту), «чинить», «плохо шить» (по Бискупскому, Prace fil. III 660), съ производными [zvarpac] «кое-какъ сшить», [vôrp, gen. varpu] «грубое, пакляное полотно», [varpœvy] «пакляный»: лит. varpstė̃, лат. vàrpsta «веретено», лит. ver̃pti, лат. vèrpt «прясть», лат. vērputs «вырь», лат. vērpata «вихрь», «вихоръ», древнерусское *воронъ*, словенское vrapa (ср. Микл. Etym. Wrtb. подъ vorpa и vorpŭ). Слова karno и zvarpac упоминаетъ и Бодуэнъ-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр. CCCXI 110), но считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что *-ar-* въ нихъ восходитъ къ *-ъr-*; на основаніи приведенныхъ формъ родственныхъ языковъ я и въ нихъ усматриваю формы типа -tărt-.

[dârgac] «долженствовать» (Г. 162): црк. дръ́жати < *dьrgēti (ср. лат. turêt «держать» : лит. turė́ti «долженствовать»); въ вѣрности такого объясненія впрочемъ и я самъ не твердо убѣжденъ. Сюда же относятся и выше уже упомянутыя собственныя имена типа -tart-. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что въ письменныхъ источникахъ каш. языка, по всей вѣроятности, не помѣщены всѣ формы типа -tart-, когда-то существовавшія и теперь еще существующія въ живомъ языкѣ народа.

Затѣмъ находимъ въ нѣкоторыхъ словахъ сочетаніе *-or-*:

morz «морозъ» рядомъ съ mròz и производными mrozny «морозный», mrozéc «морозить», mrozâti «сѣрый» (ср. лат. salna «иней», «стужа» : salns или salnaîns «сѣрый»; sârma «иней» : sir̃ms «сѣдой»).

[puërc] съ *uë* < *o*, Бр. 388] «пороть», п. próć; part. praet. act. põr, puërla; part. pass. puërtī (I s. praes. puëřŏ).

У Прейса, Гильфердинга, Цейновы находимъ еще слѣдующія формы съ сочетаніемъ *-or-*: borna (Прейсъ, Г.; у Рамулта barna), porg (Цейн., Г.; у Рамулта parg, да и по Гильфердингу, стр. 85, nom. pl. pârgi!), skovor(n)k (Цейн., Г.; у Бискупскаго skovarnek), χorna (Г.; у него же и χarna), povorz (Г.; у Прейса povarz), [storn], [stór-nečka], pœstornk (Г.; рядомъ съ störn у Г. и stôrńa у Р.), korva (Цейн.; у него же и karva). Но трудно сказать, соотвѣтствуетъ ли *-or-* этихъ словъ Рамултовскому *-or-* или *-ôr-* (изъ *-ar-*), такъ какъ *o* у Прейса, Гильфердинга, Цейновы соотвѣтствуетъ Рамултовскимъ *o* и *ô* (напр. ptoch Прейсъ, Цейн. = ptôχ Р.; pjosk Прейсъ, Цейн. = pjôsk Р.; čorny Прейсъ, Цейн. = čôrny Р.; *jo* Г. = *jô* Р.; gâdoj Г. = gadôj Р. и др.); въ одномъ случаѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ *-ôr-*: nom. pl. pârgi къ nom. s. porg (Г. 85) доказываетъ, что *-or-* Гильфердинга въ nom. s. этого слова соотвѣтствуетъ Рамултовскому *-ôr-* (ср. nom. s. vôrp, gen. s. varpu и др.). Объ отношеніи формъ съ сочетаніемъ *-or-* къ формамъ съ сочетаніемъ *-ar-* буду говорить послѣ.

Я здѣсь привелъ всего 27 корней съ сочетаніемъ *-ar-* или *-or-*; нѣкоторые изъ нихъ (svôrb, bartće, puërc, karno, varpac) намъ извѣстны только съ сочетаніемъ *-ar-* или *-or-*. Корней же извѣстныхъ намъ только съ сочетаніемъ *-ro-* (можно ихъ найти у Бодуэна-де-Куртенэ [1]),

---

[1]) Слѣдуетъ прибавить: dvakrotny «двукратный» (Р.) и strõš (ža) Бр. 370 «сторожъ».

Ж. М. Н. Пр. CCCXI 112 и 113), насчитываемъ всего около 16; послѣдніе всѣ встрѣчаются и въ польскомъ языкѣ. Остается вопросъ, чѣмъ объясняется существованіе формъ съ сочетаніемъ *-ro-* рядомъ съ формами съ сочетаніемъ *-ar-* (или *-or-*)? Я вполнѣ согласенъ съ Бодуэномъ-де-Куртенэ, который (Ж. М. Н. Пр. CCCXI 109—120) впервые, кажется, высказалъ и отлично обосновалъ мнѣніе, что формы съ сочетаніемъ *-ro-* всѣ заимствованы изъ польскаго языка. Свое мнѣніе Бодуэнъ-де-Куртенэ основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) *сочетаніе -ar-, безъ польскаго соперничества, сохранилось только въ словахъ, этимологически изолированныхъ или обособленныхъ* (такъ читаемъ у Рамулта исключительно съ сочетаніемъ *-ar-* слова: skarńô «щека», — польское skroń значитъ «високъ», — χarna «кормъ для скота», χarvanc «снопъ плохого хлѣба», χařt «извѣстное растеніе», не имѣющія въ польскомъ языкѣ соотвѣтствій сходнаго фонетическаго вида и сходнаго значенія; ср. также слова svôrb, knôrz, bartće); 2) *по аналогіи цѣлаго ряда возникшихъ уже двойниковъ въ родѣ* parsą: prosą и др. *изрѣдка и формы съ сочетаніемъ -ar- < -ъr- получаютъ сочетаніе -ro-* (gronk < gar[n]k «горшокъ», п. garnek, возникло слишкомъ далеко заходящимъ усердіемъ полонизовать кашубскія слова; подобно образовалось grõsc Бр. 340: п. garść, у Р. gõrc [1]) 3) *чѣмъ древнѣе языковое состояніе, тѣмъ больше словъ съ сочетаніемъ -ar- и тѣмъ рѣже попадаются слова съ сочетаніемъ -ro-* (въ древнихъ мѣстныхъ названіяхъ и въ личныхъ именахъ видимъ всегда только сочетаніе *-ar-*; укажу еще на слѣдующее: что еще около половины XIX вѣка слышалось больше формъ съ сочетаніемъ *-ar-* чѣмъ теперь, можно полагать на основаніи словъ Прейса и Гильфердинга.

---

[1]) Весьма страннымъ и непонятнымъ послѣ этого является утвержденіе Микколы (Betonung und Quantität 27): «Gerade grõnk und grõsc, die nicht im Poln. existiren, beweisen (!), dass *-ro-* ebenso gut im Kaschubischen wie im Polnischen das urslav. *-or-* vertreten kann».

Прейсъ, стр. 5, говоритъ безъ всякой оговорки: «вмѣсто польск. *-ro-* у кашубовъ *-ar-*; и Гильфердингъ, стр. 85, выражается: «въ корняхъ типа -tărt- словинцы обыкновенно ставятъ гласную *a* или *o* впереди;.... но это древнее свойство языка исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ границамъ польской рѣчи». Что у померанскихъ евангелическихъ кашубовъ и словинцевъ, менѣе подвергающихся польскому вліянію, чѣмъ католическіе кашубы Западной Пруссіи, сохранилось больше словъ съ сочетаніемъ *-ar-*, на то неоднократно указываетъ и Рамултъ въ своемъ словарѣ, напр. подъ gard, karwœvy, krova). Противъ Бодуэна-де-Куртенэ высказывается Ягичъ (Arch. f. slav. Phil. XX 42), говоря, что формъ съ сочетаніемъ *-ro-* слишкомъ много, чтобы можно было думать о столь сильномъ вліяніи польскаго языка даже въ отдаленныхъ селеніяхъ Гельскаго полуострова. Онъ самъ полагаетъ, что въ языковой области, остатки которой имѣемъ въ кашубскомъ, формула trot уже граничила съ формулою tort, и поэтому нечего удивляться рѣдкимъ примѣрамъ формулы tort въ кашубскомъ языкѣ, обыкновенно придерживающемся формулы trot [1]). Но мы уже выше видѣли,

---

[1]) Брюкнеръ утверждаетъ (Arch. f. slav. Phil. XXI 65 и XXII 571), что даже въ польскомъ языкѣ первоначальному tort соотвѣтствуетъ, рядомъ съ обычнымъ trot, изрѣдка также -tart. Но почти всѣ имъ приведенные примѣры — имена собственныя, на которыя можно ссылаться только тогда, когда правило уже доказано при помощи именъ нарицательныхъ. А въ двухъ или трехъ приведенныхъ имъ именахъ нарицательныхъ (karw, warch) сочетаніе tart восходитъ къ tъrt. Брюкнеръ полагаетъ, правда, что прусское kurwis заимствовано изъ польскаго языка, но въ такомъ случаѣ мы имѣли бы *karwis (а не kurwis). Гласный же *u* слова kurwis показываетъ съ одной стороны, что kurwis исконное прусское слово, съ другой,— что польское karw восходитъ къ *kъrwъ. Ср. также Mikkola, Betonung und Quantität 25. Слово же warch «Groll» вѣроятно вовсе не родственно съ wroch «Verwirrung» и во всякомъ случаѣ восходитъ также къ *vъrchъ. А междометіе starża, употребленное въ нѣкоторыхъ польскихъ деревняхъ, такой при-

что словъ съ сочетаніемъ *-ar-* вовсе не такъ мало. Затѣмъ, если держаться мнѣнія Ягича, крайне страннымъ является то обстоятельство, что въ словахъ въ родѣ skarńô, χarna, χarvanc, svôrb, не имѣющихъ въ польскомъ языкѣ соотвѣтствій сходнаго фонетическаго вида или сходнаго значенія, имѣемъ только сочетаніе *-ar-*, не менѣе страннымъ является и то обстоятельство, что въ древнихъ мѣстныхъ названіяхъ и въ личныхъ именахъ опять-таки видимъ только сочетаніе *-ar-*. Отвергая мнѣніе Бодуэна-де-Куртенэ, Ягичъ долженъ былъ опровергнуть доводы его, между тѣмъ какъ онъ и не упоминаетъ о нихъ. И каково же объясненіе самаго Ягича. Что кашубскій языкъ занимаетъ серединное положеніе между полабскимъ и польскимъ, не подлежитъ сомнѣнію. Вслѣдствіе такого серединнаго положенія одни признаки кашубской рѣчи повторяются въ польскомъ (напр. *e* < *ъ*), другіе же въ полабскомъ (напр. вторичное смягченіе согласныхъ *k* и *g*); было бы также еще понятно, если бы западные кашубы придерживались исключительно формулы tart, юго-восточные же—формулы trot. Но если въ говорѣ одной и той-же деревни имѣется сочетаніе *-ar-* рядомъ съ сочетаніемъ *-ro-* (какъ это видимъ, напримѣръ, въ статьѣ Микколы 422), то разногласіе это нисколько не объясняется серединнымъ положеніемъ кашубскаго языка (и вообще объясняю себѣ такой взглядъ Ягича наклонностью, не признавать правилъ въ явленіяхъ языка): одну изъ обѣихъ формулъ мы должны считать заимствованною, а таковою можетъ быть только формула trot. Не имѣлъ, наконецъ, Ягичъ и достаточной причины сомнѣваться въ силѣ польскаго вліянія. Западная Пруссія до 1772 года была составною ча-

---

мѣръ, о которомъ лучше не упоминали бы. Не убѣждаютъ меня также доводы Микколы (Betonung und Quantität 22—28), подобно Брюкнеру утверждающаго, что въ древне-ляшскомъ (=кашубо-польскомъ) языкѣ чередовалось сочетаніе -tart- съ сочетаніемъ -trot- въ зависимости отъ качества и мѣста ударенія.

стью польскаго королевства, и господствовавшій до того времени и въ администраціи польскій языкъ не могъ не вліять на кашубскій. Померанія же вошла въ составъ бранденбургскаго государства уже со времени Вестфальскаго мира, и померанскіе кашубы, обращенные въ протестантизмъ, отдѣлились отъ Польши и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи. Такому положенію дѣлъ соотвѣтствуетъ уже выше упомянутое обстоятельство, что у померанскихъ кашубовъ сохранилось больше словъ съ сочетаніемъ *-ar-*, чѣмъ у католическихъ кашубовъ Западной Пруссіи. Но какъ у католиковъ, такъ и у протестантовъ (въ Помераніи) всѣ религіозныя книги (а свѣтской литературы и нѣтъ никакой у кашубовъ, за исключеніемъ немногочисленныхъ и мало распространенныхъ среди народа сочиненій Цейновы и Дердовскаго, ср. статью Тецнера, Globus LXX 269) писаны на польскомъ языкѣ (рѣдкія примѣси кашубскаго языка встрѣчаемъ только въ «Духовныхъ пѣсняхъ» Крофа 1586 и въ лютеранскомъ катихизисѣ Понтана 1643 г. и въ нѣкоторыхъ рукописныхъ памятникахъ, ср. статью Лоренца, Arch. f. slav. Phil. XX 556 и сл.). Кашубы, читая польскія книги, переводятъ текстъ, какъ указываетъ Тецнеръ (Globus LXX 270), на свой родной кашубскій языкъ, то есть, измѣняютъ вокализмъ, консонантизмъ и окончанія по своему; но, какъ указалъ уже Бодуэнъ-де-Куртенэ (Ж. М. Н. Пр. CCCXI 118), кашубское сочетаніе *-ar-* не живая фонетическая особенность, но просто передается по преданію, а поэтому польское сочетаніе *-ro-* не противорѣчитъ фонетическимъ стремленіямъ кашубскаго языка въ настоящее время и могло быть заимствовано, тѣмъ болѣе, что уже искони существовали въ кашубскомъ слова въ родѣ grom, gromada, prosėc и др. Къ тому же въ школахъ и при богослуженіи употребляютъ и употребляли тотъ же польскій языкъ, насколько онъ не вытѣсненъ нѣмецкимъ языкомъ (ср. Г. 28), Бодуэнъ-де-Куртенэ указалъ (тамъ же, стр. 116) на подобное явленіе въ русскомъ языкѣ, гдѣ большинство корней съ -оро-, -оло-,

-ере- имѣетъ двойники съ -ра-, -ла-, -ре-, заимствованные изъ церковнославянскаго языка, причемъ нѣкоторыя слова сохранились только въ иноплеменномъ видѣ. Въ русскомъ языкѣ совершилось такое заимствованіе единственно черезъ церковь и письменность; у кашубовъ же сверхъ церковно-литературнаго вліянія дѣйствовало еще непосредственное народное вліяніе поляковъ, столь близко родственныхъ сосѣдей. Въ виду всего сказаннаго (ср. также слова Бодуэна-де-Куртенэ, Ж. М. Н. Пр. CCCXI 124 и сл.) не удивительно, если встрѣчаемъ въ кашубскомъ языкѣ цѣлый рядъ заимствованій изъ польскаго языка; однимъ изъ нихъ является сочетаніе *-ro-* на мѣстѣ кашубскаго *-ar-*, на другія заимствованія (на ζ вм. *z* и *-ar-* вм. *-jar-* указываетъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ж. М. Н. Пр. CCCXI 89 и сл., 104 и сл.) укажу впослѣдствіи.

Остается вопросъ, какъ относится сочетаніе *-ar-* къ изрѣдка встрѣчающемуся сочетанію *-or-*? Бодуэнъ-де-Куртенэ считаетъ (Ж. М. Н. Пр. CCCXI 120) сочетаніе *-ar-* чѣмъ-то вторичнымъ и приписываетъ кашубскому языку сочетаніе *-or-*. Перерожденіе прежняго сочетанія *-or-* въ *-ar-* Бодуэнъ-де-Куртенэ объясняетъ слѣдующими соображеніями: 1) краткое *o* въ кашубскомъ — звукъ неустойчивый, подверженный вліянію сосѣднихъ согласныхъ; 2) согласный *r* производитъ видоизмѣняющее вліяніе на сосѣдніе гласные; 3) присутствіе въ языкѣ цѣлаго ряда словъ съ сочетаніемъ *-ar-*, возникшимъ инымъ путемъ (напр. barzo, darmœ, farva и др.), могло вызвать перерожденіе прежняго сочетанія *-or-* въ *-ar-*; 4) возможно думать о вліяніи германскихъ языковъ. — Допускаю возможность, что одно и то же явленіе можетъ быть вызвано одновременнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ причинъ; допускаю и возможность, что отдѣльные случаи одного и того же явленія не обусловлены одною и тою же причиною. Въ данномъ случаѣ, однако, Бодуэнъ-де-Куртенэ, объясняя перерожденіе сочетанія *-or-* въ *-ar-* при помощи цѣлыхъ четырехъ причинъ, тѣмъ самимъ какъ будто признаетъ неосновательность своего объясненія. И не трудно убѣ-

диться въ шаткости всѣхъ этихъ аргументовъ. Гласный *o* ьъ кашубскомъ, правда, подверженъ вліянію сосѣднихъ, а именно предшествующихъ согласныхъ: послѣ губныхъ и гортанныхъ *o* переходитъ въ œ (у Брониша въ uё; ср. также М. 418); но въ *a* каш. *o* никогда не переходитъ, и изъ *korva могло и должно было образоваться *kœrva (ср. kœrƀa, kœrka и др.) или *kòrva (ср. nòrt и др.), только не karva. И что *o* передъ *r* не перешло въ *a*, показываютъ примѣры въ родѣ sorƀac, sorƀnǫc, čorχac и др. Согласный *r* въ кашубскомъ производитъ видоизмѣняющее вліяніе только на слѣдующее *a* [1]), переходящее послѣ *r* иногда въ *e* (redosc, rek, remją, rena, reny; tērēs, zārēs Бр. 330; treva Prace filol. III 652; kresńą Г. 136; grěpaχ Г. 144; kréųc М. 415 и др.). — Въ кашубскомъ существовалъ, правда, издавна цѣлый рядъ словъ съ сочетаніемъ *-ar-*, или возникшимъ изъ *-ъr-* или *-arъ-* или *-arь-*, или перенятымъ изъ другихъ языковъ въ заимствованныхъ словахъ; но если допустить съ самимъ же Бодуэномъ-де-Куртенэ, что всѣ слова, извѣстныя намъ теперь только съ польскимъ сочетаніемъ *-ro-*, прежде имѣли сочетаніе *-or-* (> *-ar-*), то словъ съ сочетаніемъ *-ar-* врядъ ли было гораздо больше, чѣмъ словъ типа tort, а поэтому вполнѣ невѣроятно, чтобы „привычка къ сочетанію *-ar-* могла, путемъ чисто механически-фонетическаго принаровленія, вызвать [2]) перерожденіе прежняго сочетанія *-or-* въ *-ar-*“. Выше я уже указалъ, что нельзя также думать, чтобы по психически-морфологической аналогіи формъ съ сочетаніемъ *-ar-* < *ъ r* и въ сродныхъ имъ формахъ праславянскаго типа tărt (tort) водворилось сочетаніе *-ar-*. Нельзя, наконецъ, думать и о вліяніи германскихъ языковъ. Можно еще себѣ представить, что благодаря вліянію нѣмецкихъ формъ Bart и Garten кашубскія *borda и *gord перешли въ barda и gard; но боль-

---

[1]) Гласный *o*, кажется, перешелъ въ *e* послѣ *r* въ словѣ rek (Г. 148) «годъ», п. rok (у Рамулта только—rok).

[2]) Вѣдь имѣемъ еще слова съ сочетаніемъ *-or-*: sorƀac, čorχac, kœrka, gœrčéca, gœrši, gœrlévy, gòrny и др.

шинство случаевъ съ сочетаніемъ *-ar-*, не имѣющее ничего себѣ подобнаго въ нѣмецкомъ языкѣ, никакъ не объясняется нѣмецкимъ вліяніемъ. Вѣдь нѣмецкій языкъ вовсе не чуждается сочетанія *-or-* (ср. fort, dort, Dorf, Mord, Horn, Hort, Horst и др.). Нельзя также ссылаться на рѣдкія формы въ родѣ morz. Если бы эти формы восходили къ глубокой древности, то мы въ нихъ непремѣнно имѣли бы œ или *ò* вмѣсто *o* (mœrz или mòrz вмѣсто morz): появленіе чистаго *o* въ такихъ формахъ показываетъ, что онѣ — новообразованія недавняго времени: morz является продуктомъ контаминаціи каш. *marz (или *môrz) и польскаго mróz (ср. побочную форму mròz gen. mroze у Рамулта). Такъ же слѣдуетъ объяснять и прочія выше приведенныя формы съ сочетаніемъ *-or-*, если только *-or-* этихъ словъ не соотвѣтствуетъ Рамултовскому *-ôr-*. Въ глагольныхъ же формахъ inf. puërc «пороть», part. praet. act. põr, fem. puërla, part. pass. puërtī (Бр. 388) сочетаніе *-uër-* (-õr-) < *-or-* водворилось на мѣстѣ прежняго *-ar-*, очевидно, благодаря вліянію формъ настоящаго времени (I s. puëřõ, II s. puëřēš, III pl. puëřõ; imper. puëřë и др.), гдѣ за согласнымъ *p* издавна слѣдовалъ гласный *o* < *uë*. Итакъ, мы видѣли, что всѣ обстоятельства указываютъ на исконное существованіе въ кашубскомъ языкѣ словъ типа tart; а tart восходитъ, конечно, къ пракашубскому tārt, замѣнившему собою праславянское tärt. Къ такому же заключенію пришелъ бы и Бодуэнъ-де-Куртенэ, если бы онъ не держался предвзятаго мнѣнія, что польскому trot должно соотвѣтствовать кашубское *tort.

Чтобы показать неосновательность такого мнѣнія, я долженъ уже говорить о судьбахъ праславянскаго сочетанія tärt во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. При этомъ не считаю нужнымъ еще распространяться о натянутой теоріи Торбіэрнссона (Liquida-metathese in den slavischen sprachen, Bezzenb. Beitr. XX 124—148), одобряемой и другими учеными (ср. напр. Brugmann, Grdr. I² 450, и Zubatý, Indog. Forsch., Anz. IV 59), такъ какъ Ягичъ

уже доказалъ (Arch. f. sl. Phil. XX 48—53) невѣроятность и, главное, ненужность ея.

Праславянскому языку теперь обыкновенно приписываютъ сочетанія tort и tolt, полагая, что уже въ праславянскомъ языкѣ гласнымъ ă и ŏ индоевропейскаго праязыка соотвѣтствовало одно ŏ. Спрашивается однако въ такомъ случаѣ, какимъ путемъ получилось изъ праславянскаго tŏrt южнославянское trāt, то есть, какъ получилось ā изъ ŏ? Вѣдь, кажется, при удлиненіи короткаго ŏ получается долгое ō, не ā? Можно, пожалуй, представить себѣ, что tŏrt сперва перешло въ tōrt, а изъ tōrt затѣмъ получилось tārt; считаю однако болѣе вѣроятнымъ, что tārt непосредственно восходитъ къ tărt, то есть, полагаю, что въ тотъ періодъ праславянскаго языка, когда въ нѣкоторыхъ его говорахъ произошло удлиненіе гласныхъ ă и ĕ передъ *r* и *l*, гласнымъ ă и ŏ индоевропейскаго праязыка соотвѣтствовало одно ă, какъ издавна и теперь еще въ германскихъ и летскихъ (балтійскихъ) языкахъ, и что только послѣ діалектическаго перехода сочетаній -ăr- и -ăl- въ -ār- и -āl- ă вездѣ перешло въ ŏ [1]). Въ пользу такого мнѣнія говоритъ, можетъ быть, и то обстоятельство, что русскимъ словамъ съ сочетаніями -оро- и -оло- соотвѣтствуютъ въ финскомъ заимствованныя формы съ сочетаніями *-ar-* и *-al-* (ср. Bezz. Beitr. XX 147). Но какъ бы то ни было, образовалось ли tārt непосредственно изъ tărt или черезъ tōrt изъ tŏrt, во всякомъ случаѣ считаю несомнѣннымъ то, что удлиненіе гласныхъ предшествовало перестановкѣ: trāt < tārt (такого мнѣнія держится и Ягичъ, Arch. f. slav. Phil. XX

---

[1]) Что переходъ ă въ ŏ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ приписывать весьма раннему періоду праславянскаго языка, на то указываютъ между прочимъ общеславянское ȳ изъ ons и ū изъ ou; двугласный ou могъ впрочемъ существовать уже рядомъ съ гласнымъ ă, какъ это видимъ въ латышскихъ говорахъ; подобно тому и латышское ů < an (напр. r̂ůka «рука», лит. rankà) предполагаетъ переходъ an въ on > ǭ > ů.

53, и кажется, тоже Фортунатовъ, ср. Bezzenb. Beitr. XX 128). На это указываютъ съ одной стороны црк. алъдиꙗ (или а̀лдии), п. łódź, съ другой стороны подобныя явленія въ летскихъ языкахъ. Въ литовскомъ языкѣ, какъ извѣстно, сочетанія *ar*, *al*, *er*, *el* при нисходящемъ слогоудареніи переходятъ въ ār, āl, ēr, ēl (напр. várna «ворона», málka «дрова»); въ нижнелатышскихъ говорахъ Лифляндіи и отчасти Курляндіи сочетанія *ar* и *er* при нисходящемъ и длительномъ слогоудареніяхъ переходятъ въ ār и ēr [напр. bàrda [1]) «борода», vãrna «ворона», mèrkt «мочить» и др.], при прерывистомъ же слогоудареніи сохраняютъ краткость гласнаго (напр. dar̂bs «работа»). Но встрѣчаемъ въ Курляндіи и такіе говоры, гдѣ сочетанія *ar* и *er* при всѣхъ слогоудареніяхъ или переходятъ въ ār и ēr (напр. въ Кандаускомъ приходѣ) или сохраняютъ краткость гласнаго (напр. въ Жукстскомъ приходѣ). Такое же чередованіе сочетаній ar̄, al̄, er̄, el̄ съ сочетаніями ār, āl, ēr, ēl мы можемъ и, очевидно, должны предполагать для говоровъ славянскаго праязыка. Въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ, въ чешскомъ и словацкомъ имѣлись сочетанія tārt, tālt, tērt, tēlt, перешедшія потомъ путемъ перестановки въ trāt, tlāt, trēt, tlēt; въ русскомъ, польскомъ, сербо-лужицкомъ [2]) (о полабскомъ не говорю, такъ какъ при запутанномъ правописаніи полабскихъ памятниковъ трудно возстановить полабскій вокализмъ, особенно его историческое развитіе) первоначально имѣлись сочетанія tar̄t, tal̄t, ter̄t, tel̄t, сохраняющія краткость гласныхъ. Сочетанія tal̄t, ter̄t, tel̄t также

[1]) О значеніи отдѣльныхъ знаковъ ударенія ср. мою статью «Über den lettischen silbenaccent» (Bezz. Beitr. XXV 259 и сл.).

[2]) Въ верхне-лужицкомъ, впрочемъ, по мнѣнію Фортунатова (Arch. f. slav. Phil. IV 575) при восходящемъ слогоудареніи является -ró-, -łó- (напр. wróna, błóto) и -rě- (brěza); при нисходящемъ -ro-, -ło- (złoto) и -rje- (drjewo); по мнѣнію же Муки (Histor. u. vergleich. Laut- und Formenlehre. d. niedersorb. Sprache, стр. 81) обоимъ лужицкимъ нарѣчіямъ свойственны, какъ и польскому, сочетанія trot, tlot, tret, tlet.

въ кашубскомъ сохранили краткость гласныхъ, только сочетаніе taȓt тамъ перешло въ tārt (По мнѣнію Бодуэна-де-Куртенэ, Ж. М. Н. Пр. CCCXI 114, въ южнослав. нарѣчіяхъ произошло удлиненіе, потому что тамъ еще существовали древніе долгіе гласные; на сѣверо-западѣ же уже не было древнихъ долгихъ гласныхъ, и потому не могло произойти удлиненія! Сравнивая соотвѣтствующія, выше упомянутыя явленія летскихъ языковъ, легко убѣдиться въ неосновательности мнѣнія Бодуэна-де-Куртенэ). Послѣ этого удлиненія гласныхъ передъ *r* и *l* въ нѣкоторыхъ говорахъ, уже во всѣхъ говорахъ славянскаго праязыка гласный ă перешелъ въ ŏ; трудно однако сказать, произошло ли это послѣ или еще до перестановки. Въ русскомъ затѣмъ образовался послѣ *r* и *l* вторичный гласный (такого мнѣнія держатся также Фортунатовъ, см. Bezz. Beitr. XX 128, и Ягичъ, ср. Arch. f. slav. Phil. XX 53); подобное явленіе встрѣчаемъ опять въ говорахъ латышскаго языка-напр. valad̂it < vald̂it (Bezzenberger. preuss. Lett. стр. 115) «владѣть» (ср. также Bielenstein, Lett. Spr. I 102). Въ польскомъ же и сербо-лужицкомъ путемъ перестановки получились сочетанія trot, tlot, tret, tlet; между тѣмъ какъ въ кашубскомъ (и тоже въ полабскомъ; только качество гласныхъ полабскихъ не ясно) перестановкѣ подверглись только сочетанія, давшія въ результатѣ tlot, tret, tlet, а сочетаніе tārt сохранилось (ср. объ этомъ мнѣніе Ягича, Arch. f. slav. Phil. XXII 34) понынѣ въ видѣ tart (съ сокращеннымъ гласнымъ; вслѣдствіе вторичнаго удлиненія гласныхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ опять является tārt, напр. skārńṓ Бр. 329). Бодуэнъ-де-Куртенэ, считая кашубское tart новообразованіемъ, замѣнившимъ собою пракашубское tort, все-таки утверждаетъ (Ж. М. Н. Пр. CCCX 343), что „всѣ кашубскіе говоры, вмѣстѣ взятые, составляютъ особое цѣлое, въ противоположность всѣмъ польскимъ говорамъ, вмѣстѣ взятымъ“; исконное же существованіе tart, доказанное (надѣюсь) мною, показываетъ, что кашубскіе говоры отдѣлились отъ польскихъ въ весьма раннюю эпоху.

Въ началѣ словъ въ кашубскомъ, какъ и въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, всѣ сочетанія гласныхъ *а* и *е* съ слѣдующимъ *r* или *l* подверглись перестановкѣ, при чемъ въ кашубскомъ замѣтно тоже различіе количества, которое встрѣчаемъ въ восточно-славянскихъ и западно-славянскихъ нарѣчіяхъ: łokc «локоть», п. łokieć; łońi «лони», п. łoni, robic «робить», п. robić; robœta п. «robota»; rola [1]) «роля», п. rola; rosc [2]) «рости», п. róść; roz- «роз-», п. roz-; łaknǫc «алкать», п. łaknąć; łakœmy «лакомый», п. łakomy; remją < *ramją «рамо», п. ramię. На чемъ основывается различіе между каш. rola и parsą, п. ramię и krowa, чеш. lodí и hlava, русск. «локоть» и «голова»? Если бы русск. **олкъть* и **голва* одновременно подверглись измѣненію, то появились бы рядомъ или «локоть» и *«глова» или *«олокоть» и «голова»; чтобы согласовать «локоть» и «голова», Торбіэрнссонъ (Bezz. Beitr. XX 132) производитъ «голова» отъ общеславянскаго *g̥lova. Но даже если согласиться съ этою вполнѣ невѣроятною теоріею, то все-таки остается необъясненнымъ различіе количества (при предполагаемой одновременности перестановки) между р. «лакомый» и «локоть», каш. rola и *ramją, п. ramię и krowa, чеш. lodí и hlava. Различное слогоудареніе, на которое ссылается Торбіэрнссонъ (тутъ же, стр. 129), тутъ ничего не выясняетъ: нельзя же утверждать, что при одновременномъ измѣненіи сочетаній ăr, ăl въ началѣ и серединѣ словъ различіе слогоударенія отразилось только въ началѣ словъ. И такъ, я согласенъ съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (ср. Bezz. Beitr. XX 128) въ томъ, что общеславянская перестановка въ началѣ словъ предшествовала діалектической перестановкѣ въ серединѣ словъ. Въ начальныхъ слогахъ такая перестановка очевидно легче мо-

---

[1]) Бискупскій приводитъ (Prace fil. III 696) и форму rela съ тѣмъ же значеніемъ.

[2]) У Гильфердинга (стр. 83) встрѣчаемъ и форму resnųc «рости».

гла произойти (ср. Arch. f. slav. Phil. XX 50). Различіе количества начальныхъ сочетаній *ra-*, *la-* и *ro-*, *lo-* и Фортунатовъ (ср. Bezz. Beitr. XX 128) объясняетъ различіемъ слогоударенія, указывая на то, что русскому и западнославянскому *ra-* и *la-* соотвѣтствуетъ въ сербскомъ pȁ- и лȁ-, а русскому и западнославянскому *ro-* и *lo-* сербское pȃ- и лȃ-. Но мнѣ кажется невѣроятно, чтобы, благодаря вліянію восходящаго слогоударенія, сочетаніе ar̃ перешло въ ār только въ началѣ словъ (напр. п. ramię : krowa); различіе слогоударенія тутъ не prius, но posterius. Полагаю именно, что въ славянскомъ праязыкѣ имѣлись въ начальныхъ слогахъ сочетанія ār-, āl- (съ долготою гласныхъ отъ индоевропейскаго праязыка) рядомъ съ ăr-, ăl-[1]); послѣ того какъ въ южнославянскихъ говорахъ ăr̃, ăl̃ перешли въ ār, āl, во всѣхъ говорахъ славянскаго праязыка произошла перестановка въ началѣ словъ. Послѣ этой перестановки также въ чешскомъ и словацкомъ tar̃t, tal̃t, ter̃t, tel̃t, перешли въ tārt, tālt, tērt, tēlt, а въ кашубскомъ tar̃t въ tārt; затѣмъ только произошла перестановка и въ серединѣ словъ.

II.

Мелкія замѣтки по кашубской фонетикѣ.

Польскимъ *ś*, *ć*, *dź* обыкновенно соотвѣтствуютъ въ кашубскомъ твердыя *s*, *c*, *ζ*, но изрѣдка, не только передъ согласными, но и передъ гласными и въ концѣ словъ, также š, č, ζ̌ : švist «свистъ», п. świst, švistnǫc «свиснуть», п. świsnąć; švirgœléc «плохо играть», п. świergotać; čvikła «свекла», п. ćwikła; ješlé или šlé

[1]) Гласный *a* въ п. и луж. radło (рядомъ съ rola), чеш. rádlo (рядомъ съ role), р. *ратай*, *ральникъ* (рядомъ съ *рольня*, *рольникъ*) появился вѣроятно на мѣстѣ прежняго *o*, благодаря вліянію сродныхъ формъ, произведенныхъ отъ глагола orati: чеш. oradlo, р. *оратай*, *орало*, п. oracz и др.

«если», п. jeśli; ńegdéš P. 83 «нѣкогда», п. niegdyś; coš P. 110 (рядомъ съ cos P. 18) п. coś; ćedéš п. kiedyś; zôš P. 155 (рядомъ съ zôs [1]) P. 273) п. zaś; zkǫdeš P. 270 или zkǫdéš P. 116 (ср. п. kędy) п. skądś; jaćiš P. 220 п. jakiś; jakœš P. 151 п. jakoś; ǯôd (рядомъ съ ʒôd) п. dziad. Эти š, č, ǯ слѣдуетъ вѣроятно приписывать вліянію польскаго языка: звуковъ вполнѣ сходныхъ съ польск. *ś*, *ć*, *dź* кашубы не имѣютъ, и поэтому кашубъ, подражая польскому произношенію, замѣняетъ эти польскіе звуки своими š, č, ǯ, которые ближе, нежели *s*, *c*, ʒ, польскимъ *ś*, *ć*, *dź* (ср. Ж. М. Н. Пр. CCXI 84). Другаго рода чередованіе *s* съ š и *c* съ č имѣемъ въ слѣдующихъ словахъ: člo п. cło; škrobac п. skrobać (ср. чеш. škrábati и др. Miklosich, Etym. Wrtb. подъ skreb-); šmagac [2]) (рядомъ съ smagac) п. smagać; на подобное чередованіе въ польскомъ языкѣ указываетъ Калина (Prace filol. IV 926); ср. подобное явленіе въ латышскомъ языкѣ: svītra > švītra, spars > špars, zvadzinât > žvadzinât, cēkurs > čēkurs, dzirkste > džirkste и др. —

Согласные *p*, *k*, *g*, *c*, *č* весьма часто для облегченія произношенія переходятъ передъ другими, особенно взрывными согласными въ соотвѣтствующіе спиранты *f*, χ, *h* (звонкое χ) *s*, š: ftaχ или ftoχ Г. 164 (у P. ptôχ), «птица», п. ptak; χto п. kto, χtež п. któż, χteri или χteren п. który, ńiχt п. nikt; daχtél п. daktyl; viχt п. wikt; speχtor (Prace filol. III 644; у P. špektor) п. inspektor; pœviχlac п. powikłać (н. verwickeln); tχvic п. tkwić (ср. также tχac рядомъ съ tkac п. tkać); hdzē Бр. 324 (у P. gʒe или ʒe, по стр. 231 также ńihʒe съ *h*

---

[1]) Встрѣчаемъ также формы zaso P. 286 и zase Г. 103; ту же мѣстоименную форму *-s* встрѣчаемъ еще въ as (съ сложнымъ aste Г. 96) или os «и» (Г. 106, 107) и въ začim-s (Г. 102), ʒes, dokǫdes.

[2]) Иногда *s*, *z*, *c* переходятъ въ š, ž, č и путемъ ассимиляціи, напр. čeŕńe < ceŕńe п. ciernie; другіе примѣры у Брониша 339.

какъ и въ формѣ ńihdé стр. 288) п. gdzie; hbūr Бр. 396 = gbur у Рамулта; hdūnsk Бр. 405 = Gdônsk у Рамулта; smulée рядомъ съ cmulée п. «tulić»; vaspôn п. waćpan; smątôř п. cmentarz; svjardnǫc «твердѣть» и svirʒac «утверждать» Г. 182 (ср. cvjardi и cvirʒéc у Р.); byšk п. byczek; šteřé п. cztery. — Польскому *ch* изрѣдка соотвѣтствуетъ каш. *k* [1]): pšōrškac Бр. 340 п. pierzchać; koc Г. 98 п. choć; kôta п. chata; mȁcekă M. 413 (у Р. maceχa) п. macocha; křest рядомъ съ χřest п. chrzest; křept п. grzbiet (ср. р. хребетъ). Въ *w* перешло χ въ словѣ twȍř п. tchórz < *dъchorь (ср. заимствованное лат. dukurs; *v* имѣемъ вм. *ch* также въ срб. *твор* и нижнелуж. tvoř).

Польскому «стѣсненному» *ó* (= *u*) обыкновенно соотвѣтствуетъ въ кашубскомъ долгое *o* (у Р. *ȍ*, у Бр. *ō*), но изрѣдка, въ заимствованныхъ, очевидно, изъ польскаго языка формахъ, также *u:* mūsk, gen. s. mūska Бр. 340 (у Р. muzg, -*u*) п. mózg (чит. musk); mul п. mól; muj (рядомъ съ mȍj) п. mój; pujdą Г. 103 или puʒą у Р. (II s. puʒeš, но praet. pœšed) п. pójdę (истинно кашубская форма была бы *pȍndą, ср. dȍndą съ *n* по аналогіи vendą < *vъn-ьdą) и др. Это заимствованное *u* затѣмъ на кашубской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ правильно перешло въ *e* (*é*): χtež (Cen. χtéš) п. któż; cež (Cen. céš) п. cóż; χteri или χteren (Cen. χtéri, χtéren; Бр. χtĕren 353 и 362) п. który (рядомъ съ χtež, cež имѣемъ χto, co; рядомъ съ χteri, χteren также χtȍri P. 292, χtoren P. 293).

Польскому вліянію, кажется, можно приписывать также появленіе предлоговъ *z* или *ze* (въ значеніи латинскаго cum, напр. z ńǫ P. 293, ze mnǫ P. 293, zetřec, п. zetrzeć и др. и wœd или wœde (напр. wœd mje P. 285, wœdervac и др.) рядомъ съ исконно кашубскими фор-

---

[1]) χ вмѣсто *k* имѣемъ въ словахъ: kłobuχ рядомъ съ kłobuk п. «kapelusz» (ср. клобукъ); χœmor п. komar (Prace filol. III 372).

мами *s* или *se* (ср. словарь Р. подъ *s* и *z*, и Cen. 66; у Гильфердинга встрѣчаемъ предлогъ *s* также съ родит. надежемъ, напр. sé svjata jic 109, также Бр. II 26; у Гильфердинга встрѣчаемъ также сложные глаголы sešed 130, servac 116, seslac 106 и др., которымъ въ словарѣ Р. соотвѣтствуютъ zešed, zervac, zesłac) и wœt или wœte. Русскому же предлогу «изъ», какъ въ польскомъ, такъ и въ кашубскомъ соотвѣтствуетъ предлогъ *z*: z aksamite P. 2, z lasa 258 и др.

Предлоги za и na являются, въ случаѣ удлиненія гласнаго *a*, то въ видѣ zô и nô (zôč P. 125, zônc, zôpis; nô to P. 269, nô są P. 1, nô ńen 121, nô mją 243, 265), то въ видѣ zò и nò (zò to P. 269, 288, Cen. 78, zò tą trôvą P. 297, zòč P. 273, zò mją Cen. 67; nò to P. 223, 237, 288, nò mją P. 211, 218, 258, 261, Cen. 67, nò ten P. 274). Полагаю, что формы zò и nò первоначально возникли передъ слѣдующимъ *n* или *m*, такъ какъ по Бронишу (стр. 332) *a* передъ *n* и *m* удлиняется не въ *ô*, но въ *ò* (Бр. ō) [1]. Первоначально, значитъ, говорили: zò mją, nò mją и: zô to, nô to; затѣмъ стали употреблять zò, nò вмѣсто zô, nô и наоборотъ. Это чередованіе формъ zò и zô, nò и nô вызвало, вѣроятно, новообразованія dȍ-dŭm (Бр. 396; на стр. 363 dō̆-dōm) и nȍd-ḿȍ (Бр. 396) nòd to celą (Cen. 67; у P. nôd to).

Согласный *w* (также *ł*, перешедшее въ *w*) иногда (въ нѣкоторыхъ говорахъ обыкновенно, ср. Бр. 326 и 407) исчезаетъ передъ *o* и *u*: gòzζ п. gwóźdź (ср. Бр. 327), χuëšč п. chwoszcz (Бр. 349), skōrc «скворецъ» (Г. 180), đōrńica < dvōrńica «изба» (Г. 163), dat. s. munâřovi «мельнику» (Г. 121; у P. młénôř), gučva п. głowa (Бр. 407), gōfka п. główka (Бр. 408), gūpī «глупый» (Бр. II

---

[1]) Если это *ò* изъ *a* не встрѣчается въ словарѣ Рамулта и въ другихъ случаяхъ, такъ это не удивительно: языкъ этого словаря, какъ самъ Рамултъ заявляетъ (стр. XXXI), представляетъ *обобщеніе* особенностей срединныхъ говоровъ (ср. также Ж. М. Н. Пр. CCCX 324).

68) и др. Имѣются также случаи исчезновенія *v*, особенно мягкаго *v́*: gen. s. stôrńī къ nom. s. stôrńöf (рядомъ съ gen. s. pō̃nvī къ nom. s. pō̃nef Бр. 371), jałojca < jałovica, nogajca < nogavica, rąkajca < rąkavica, Janojc < Janovic, sjińa < svińa (Wisła VI 217), sjęty (Wisła VI 217; у P. svjąti), ср. также M. 419, 425, 426. Это исчезновеніе мягкаго *v́* слѣдуетъ имѣть въ виду при объясненіи словъ въ родѣ vjı̄̀va, viskac и др. Подобнымъ образомъ чередуются mń и ḿ: mńasto < mjasto P. XXXI, mńešac < mješac P. XXXI, mńec < mjec Prace filol. III 421; miχ п. mnich, miška п. mniszka, mješi < mńeši п. mniejszy.

Въ *g* перешло *v* въ словахъ: gdōva Бр. 340 (у P. vdova), bałgœχvôlca п. bałwochwalca; въ *b* въ словахъ: skobronk Г. 180 (у P. skœvrònk), bezla «возлѣ» Г. 117. Изъ *g* получилось *w* въ словѣ wœspodař Г. 188 (у P. gœspœdôř.

Передъ слѣдующими мягкими согласными, особенно передъ *n*, діалектически образовалось вставочное *i*: rõžái̯nc, vëχuëvái̯nc, puësłái̯nc, kõi̯nc Бр. 338, tái̯nšī, kai̯ncḗstī «угловатый» Бр. 361 (отъ нѣм. слова kante «край»), tidzéi̯n M. 408, acc. s. štei̯no Г. 103 (тамъ же nom. s. šténa «часъ», нѣм. Stunde, нижнен. Stunn'); это явленіе встрѣчаемъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ кашубскаго языка: w Gdainsku или Gdaińsku (Arch. f. slav. Phil. XX 557 и 558), dzein (тамъ же 575) и также weilkye (тамъ же 577). Послѣднюю форму Лоренцъ замѣняетъ формою wielkye, считая weilkye ошибкою, но мы встрѣчаемъ форму vjéi̯ld́jī также у Микколы 424.

Согласный *d* передъ *l* иногда исчезаетъ: garło < gardło, garlany, garłôč, wugarléc < wugardléc; vzłuž п. wzdłuż; vele рядомъ съ vedle; pœl или pœle рядомъ съ pœdle. Передъ *n* перешло *d* въ *g* въ словѣ přesmargnǫc (Prace filol. III, 603; у P. přesmjardnǫc).

Примѣры чередованія звонкихъ и глухихъ согласныхъ въ одномъ и томъ же корнѣ (ср. Brugmann Grdr. I² стр. 629 и сл.) имѣются и въ кашубскомъ: strovy рядомъ

съ zdrovy «здоровый» Г. 182; dzi̯egnŏ рядомъ съ cēgno M. 426 «рыбьи молоки«; žuba рядомъ съ šeba п. szuba; wy̆tārgnǫc Бр. 341 рядомъ съ wutarknǫc P.; véži рядомъ съ véši п. wyżej (сравн. степень отъ vésok «высоко»); buχa п. pycha и bušny (рядомъ съ péšny) п. pyszny (ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ buch- и pŭch-); lik п. «tylko», «jedynie», «nieustannie» и liki п. «aż do» (Prace filol. III 414; оба слова отъ корня līk-, ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ lik- 2); гот. galeiks, лат. līdzîgs «похожій», līdzens «ровный», līdz «до»; kêłp, gen. s. kêłpja < *kълрь «лебедь» (у Прейса 8 kiełb; ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ kŭlp-) : лат. gu`lbis «лебедь»; błozno п. «nasad u sań» (у Г. 160 bluozna «полозья у саней»; ср. лат. balzēns «козачка» и Mikl. Etym. Wrtb. подъ bolz-) : п. płozy (ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ pelz-); łǫʒ'i п. «gibki», «giętki», łągœvac п. «giąć», pałǫg п. «pałąk» (ср. п. łąg, р. лугъ и лит. мѣстное названіе Palanga) : łąk п. «smyk», łǫka п. «łąka» (ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ lenk- и lonka; ср. также лат. lëkna «низменность», «лугъ» и lìcis «надрѣчье», «лугъ по берегу рѣки», отъ lìks «кривой»). — Двойники же béstri и péstri п. pstry, по всей вѣроятности, восходятъ къ одному и тому же *pьstry; подобно тому и steblo рядомъ съ zʒebło п. źdźbło отъ *stьblo. — Какъ въ steblo, такъ и въ stegna п. ścieżka имѣемъ *t* вмѣсто ожидаемаго *c*. Изрѣдка является также *r* вмѣсто ř: tovariš рядомъ съ tovařéš (вслѣдствіе диссимиляціи?), acc. pl. prijacelov Г. 133)у P. přéjacel); ř вмѣсто *r*, кажется, имѣемъ въ словѣ gřebjô п. grubość.

Въ словарѣ Рамулта не встрѣчаются всѣ исконно кашубскія формы съ сочетаніемъ *-ir-* (=п. -jer-); укажу на слѣдующія: acc. s. viřχnǫ P. 292 (въ словарѣ vjeřχny); sěrota Бр. 331 «сирота» (у P. serota), šěrōcī Бр. 331 «широкій» (у P. šeroći).

Гласный *a* иногда переходитъ въ *e* передъ мягкими согласными, особенно передъ *j* въ повелительномъ наклоненіи: II s. imper. dej P. 23, II pl. volejce Г. 110; eńi

Г. 116 (у Р. ańė п. ani). Вмѣсто *a* имѣемъ *i* въ словѣ jiřmœ п. jarzmo.

Укажу еще на нѣкоторые случаи исчезновенія гласныхъ въ серединѣ словъ: pœmc < pœmœc; tébjes < *tébéjes п. tybyś Р. 174, jôbjem п. jabym Р. 203, žebjes Р. 175, šlébjem Р. 243; ćejm < ćejjem Р. 224; ср. также Г. 89.

III.

Замѣтки по кашубской морфологіи.

Въ дат. п. единств. ч. основъ на *-o* вслѣдствіе психическаго смѣшенія окончаній *-u* и *-ovi (-jevi)* возникло новое, изрѣдка встрѣчающееся окончаніе *-ovu (-jevu):* duχovu Г. 97, 99; šeprovu Г. 97, końevu Г. 101.

Въ твор. п. множ. ч. въ нѣкоторыхъ говорахъ (Бр. 338) передъ *-i* всегда слышится твердое *m:* knôpāmī, slōvāmī, b'ālkāmī и др. (ср. также s pôrǫ kôńemy Р. 289); въ другихъ говорахъ (Бр. 403) соотвѣтствующія формы оканчиваются на *-mё:* s tёmё psāmё; rájbrāmё (Бр. II 59). Бронишъ указываетъ (338), правда, на нѣкоторые случаи отвердѣнія согласныхъ, но въ данномъ случаѣ врядъ ли имѣемъ дѣло съ чисто фонетическимъ отвердѣніемъ. Окончаніе *-mi (-mё)*, вѣроятно, восходитъ не къ -ḿi непосредственно, но къ *-my* (это *-my* еще имѣемъ въ zá-ńīmȳ Бр. II 62) съ гласнымъ *-y* по аналогіи основъ на *-o* и на согласные (ср. подобныя новообразованія великорусскихъ и блрусскихъ говоровъ: слезамы, городамы). Это окончаніе *-i* (изъ прежняго *-y*) весьма употребительно въ основахъ на *-t:* s dvuma arcéksǫžąti Р. 3, s kačąti Р. 66, s celąti, s ščeńąti Cen. 29; но встрѣчается оно изрѣдка еще и въ словахъ другихъ основъ: lātī Бр. 380, s χlůǫpī М. 427, pœd témi čarovńiki Г. 97; даже отъ основъ на *-a:* s rébi Г. 97, se svemi corki Г. 105.

Въ вин. п. ед. ч. отъ основъ на *-y* встрѣчаемъ у Гильфердинга (107) разъ окончаніе *-i* (изъ *-y*): v cerki;

ср. црк. acc. s. цръкы, любы, любы, прѣлюбы у Миклошича, Vergl. Gramm. d. slav. Spr. III 40.

Нѣкоторыя существительныя, имѣющія въ им. п. ед. ч. такое же окончаніе, какъ и прилагательныя, принимаютъ въ косвенныхъ падежахъ иногда окончанія прилагательныхъ: gen. s. krōlēvnēj Бр. II 3. (nom. s. krōlévnô; ср. тамъ же gen. s. cēplēj), dat. s. krōlēvnēj Бр. II 11 (ср. dat. s. mlŏdčj Бр. II 2), gen. s. Jeřègœ P. 121, loc. s. v čěřvōnīm wuědzēńīm Бр. II 7, v drěkuěvīm wuěblēčēńīm Бр. II 7, na pœdwœřim P. 145, ve spańim P. 285, přé tim gřōńim P. 289, v tim jeζeńim P. 290. Не имѣли также Карловичъ и Брюкнеръ никакого права оспаривать [1]) существованіе формъ въ родѣ gen. s. zelègœ (не только P. XXVI, но и 268, 284), ščescègœ (P. XXVI), žécègœ (P. XXIX), kôzańègœ, zbœžègœ (P. XXIX); dat. s. žécèmu, kôzańèmu, zbœžèmu (P. XXIX), ńeščescèmu (P. 284).

Въ косвенныхъ падежахъ прилагательныхъ весьма часто вмѣсто *e* является *ĭ* (*ĕ*), даже подъ удареніемъ: gen., acc. s. dóbrīwuě Бр. 385, drědžíwē Бр. II 19, takjiwœ P. 284, druζígœ P. 290, cezíwo Г. 135, dregíwo Г. 135; dat. s. mlŏdémuў, cvärdémuў Бр. 399, dóbrīmuў Бр. 385, zlîmu Г. 99 и др. Это *ĭ* (*ĕ*) появилось вмѣсто *e* вѣроятно подъ вліяніемъ гласнаго *ĭ* въ им. п. ед. ч. и въ косвенныхъ падежахъ множ. числа [2]).

Въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и ср. рода въ концѣ вм. *-o* является также (должно-быть, подъ вліяніемъ

---

[1]) Увлекаясь своимъ усердіемъ, устранить по возможности всякое различіе между кашубскимъ и польскимъ языками, Карловичъ и Брюкнеръ, говоря объ этихъ формахъ, позволяютъ себѣ даже такія выходки противъ Рамулта: «balamuctwo to puścil w obieg Ramult» (Карловичъ, Gwara kaszubska 14); и: «man dichtete einige Formen hinzu, die nicht recht vorzukommen scheinen, z. B. szczęściego» (Брюкнеръ, Arch. f. slav. Phil. XXI 75; прискорбно читать въ этомъ журналѣ подобныя вещи).

[2]) Подобное новообразованіе имѣемъ въ дат. п. jimu Г. 103, 104, 110 (рядомъ съ обычнымъ jemu).

именнаго склоненія) *-a:* mojewá, przyrodzonewá (Arch. f. slav. Phil. XX 565), jednewá (тамъ же, 566); ср. также М. 428.

Отъ мѣстоименія **jь* встрѣчаются формы съ начальнымъ *n* также безъ предлога: gen. acc. s. ńewo Г. 91, 101, 104; dat. s. ńemu Г. 91; acc. s. средн. р. ńe Г. 90; acc. s. муж. р. ńen Г. 99. — Вмѣсто *-o* встрѣчаемъ въ nom., acc. s. средняго рода мѣстоименій ten, nen, jeden также окончаніе *-e:* jene ʒêvčo, te ʒêvčo, ne ʒêvčą Г. 119. Отъ мѣстоименія ten встрѣчаемъ у Гильфердинга (стр. 144) еще древнюю форму мѣстн. п.: v tom pjekle. У Гильфердинга встрѣчаемъ также иногда въ род. п. ед. ч. мѣстоименной флексіи окончаніе -owo : towo Г. 97, 115, jinowo 104, jednowo 150, noo 135. —

Мѣстоименіе nen «оный» Гильфердингъ пишетъ ʾnen полагая (стр. 87), что nen произошло отъ onen, послѣдняя форма однако нигдѣ, кажется, не встрѣчается въ нашихъ источникахъ. Нѣтъ и никакой надобности держаться мнѣнія Гильфердинга: мѣстоименіе nen образовалось отъ основы *no-* (ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ nŭ), какъ ten отъ основы *to-* (ср. производныя формы: tąnen, znǫd; donǫd; wœtnǫd; ʒeno).

Древнее мѣстоименіе *čь сохранилось не только послѣ предлоговъ, напр. doč, proč P. 15, zôč P. 125; co wœn zoč «что онъ такое» Г. 91, 103, но также въ связи съ союзомъ *a*: ač to? п. a co to? P. 1, 185. Средній родъ ед. ч. мѣстоименія *ko-* имѣемъ вѣроятно въ частицѣ kœ п. toć, no, oto P. 73, Cen. 73, 82.

Польскимъ глаголамъ съ окончаніемъ -ieć (изъ ětь) у Рамулта правильно соотвѣтствуютъ глаголы съ окончаніемъ -jec (напр. sévjec п. siwieć), а у Брониша (стр. 354 и 391) встрѣчаемъ тѣ же глаголы съ окончаніемъ -jôc (sëvốc, bledńôc, zëmńôc и др.); окончаніе -jôc, возникло на мѣстѣ прежняго -jec, должно-быть, подъ вліяніемъ причастій на -jôl [1]) (напр. sëvôl, женск. р. sëvāla,

[1]) Укажу здѣсь еще на новообразованіе другого рода:

множ. ч. sĕv́ŏlĕ), гдѣ *jô* правильно образовалось изъ jā < ĕ (ср. п. siwiał). — Утвержденіэ Флоринскаго (Лекціи II 578), что прич. прош. вр. дѣйств. зал. на -ši не сохранилось даже въ видѣ дѣепричастія, не совсѣмъ правильно; самъ Флоринскій приводитъ потомъ (на стр. 580 и 581) формы bévšé и davšé; а у Рамулта и Гильфердинга встрѣчаемъ и другіе примѣры: kupivšé Р. 84, vząvše Г. 139, řêkše Г. 142.

IV.

Этимологическія мелочи.

Слово čečą «щенокъ» Бискупскій невѣрно сближаетъ (Prace fil. III 374) съ п. cyc (< н. Zitze), такъ какъ уже въ формальномъ отношеніи это невозможно; čečą восходитъ къ *čučą (ср. čec п. czuć, čepréna п. czuprуna; гласный *u* сохранился еще въ формѣ čučka Cen. 77), а *čučą восходитъ къ праслав. *keukę (ср. статью Бернекера Idg. Forsch. X 145—167), которое родственно съ лат. kucens [1]) «щенокъ», kaŭkt, лит. kaŭkti «выть» (ср. также Mikl. Etym. Wrtb. подъ kyka-).

Слово čérny «чистый» родственно, конечно, не съ нѣм. Kern (какъ говоритъ Бискупскій. Prace fil. III 374), но съ п. szczyry, р. щирый, чеш. čirý, гот. skeirs (√kīr, skīr).

Слово râja (Г. 178) «болото», «тонь» сближаю съ лат. ràja «грязная железистая вода» (или: мѣсто съ та-

---

ζ'ic (съ part. pract. ζ'ǫł и ζ'ąti) «гнуть», п. giąć < *gnąć, чеш. hnouti; къ наст. врем. gną возникло ζ'ic вм. gnǫc (послѣднюю форму встрѣчаемъ Бр. 388) по аналогіи отношенія praes. tną къ inf. cic и др. Подобно тому образовалось и dic < *dǫc къ наст. врем. dmą по аналогіи отношенія praes. *žmą (Бр. 388: vĕžḿŏ < *vĕžmŏ) къ inf. *žic (Бр. 388: vĕžīc).

[1]) Подъ вліяніемъ слова kucens, можетъ-быть, и лат. *suńa «сука» перешло въ kuńa (рядомъ съ kuca «сука»).

кою водою; въ такомъ же значеніи употребляется и форма ràva.

Слово mřeža «мерёжа» (ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ merža) сближаю съ лат. mer̂ga или mar̂ga «перила» (ср. млрусское *мережа* «сѣть» или «рѣшетка», и въ формальномъ отношеніи р. *мерёга*).

Съ каш. jesora < *josora «рыбья кость» (ср. Mikl. Etym. Wrtb. подъ *os-*) одинаково образовано лат. asaris «окунь» (костистая рыба).

Слово bagńic są «ягниться» Бискупскій (Prace fil. III. 359) вѣрно производитъ отъ *agnę, не объясняя однако начальнаго *b*. Дѣло въ томъ, что сложный глаголъ wœb-agńic są кашубъ мысленно раздѣлилъ на wœ-bagńic są (тѣмъ болѣе, что существительное является теперь всегда съ начальнымъ *j*: jagńą) и такимъ образомъ получилъ простой глаголъ bagńic są. Подобное новообразованіе встрѣчаемъ въ формѣ zeblec P. 288, возникшей подъ вліяніемъ формы wœblec P. 296 < *ob-vlec.

Слово bòkadosc «совершенно довольно» (по Г. 160; по Р. какъ существительноэ: «изобиліе») представляетъ собою собственно цѣлое предложеніе: *bo* (= bǫʒe, III s. fut отъ béc, ср. Г. 89) *-ka* (приставочная частица; ср. Г. 167) dosc («довольно»).

Укажу еще на нѣкоторые германизмы:

vodę draχt Г. 129 : нижнен. Dracht Water (ср. словарь Dähnert'a 85); Гильфердингъ невѣрно производитъ draχt отъ нѣм. zu Recht. gròtka «старая женщина», «повивальная бабка», и gròsk или (Г. 165) gròtk »дѣдъ»: нижнен. Grootmoder (Dähnert 163) или Groszke (*Grotke; ср. словарь Frischbier'a I 255 и 256) «бабка», «повивальная б.»; Grootvader «дѣдъ».

Слова vzic są v naχt P. 284 «остерегаться» Рамултъ вѣрно производитъ отъ нѣм. «sich in Acht nehmen»; только начальное *n* слова naχt никакъ не принадлежитъ здѣсь каш. предлогу *v* (изъ *vъn-), къ чему склоняется Рамултъ, но нѣм. предлогу *in:* кашубъ принялъ слова «in Acht» за «in Nacht».

madac «играть» : нижнен. madden (Dähnert 291).

hǫk или ǫk «кранъ» : н. Hahn(chen); ср. лат. aňk'ins (того-же значенія и происхожденія).

drąk п. łajno : нижнен. Drank (Dähnert 86, Frischbier I 146; оттуда же лат. drańk'is «пойло», «помой», «грязь»).

bez «около» (напр. bez dvasta talaròv) : нѣм. bis (bez pœłovą P. 283 и 284 «до половины»); относительно гласнаго *e* ср. gvés < н. gewiss (bez вмѣсто *bés подъ вліяніемъ предлога bez «безъ»).

I. Эндзелинъ.

Юрьевъ. 24/V 1901.

О склоненіи прилагательныхъ славянскихъ и индо-европейскихъ вообще.

Прилагательныя въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ (лат., зенд., скр.) имѣютъ только одну форму, съ краткимъ окончаніемъ, а въ другихъ яз. (греч., алб., всѣхъ роман. и герман., лит., лот. и всѣхъ славянск.) имѣютъ двѣ формы, съ краткимъ и долгимъ окончаніемъ, и слѣдовательно тоже два склоненія, старое, простое, т. наз. „номинальное“, и новое, сложное, прономинальное. Обѣ формы славянскихъ прилагательныхъ и оба ихъ склоненія всего лучше сохранились и во всѣхъ падежахъ встрѣчаются въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскаго яз.; въ нынѣшнихъ живыхъ славянскихъ яз. у прилагательныхъ, съ малыми изъятіями у притяжательныхъ и качественныхъ въ чеш., рус. и серб. яз., почти исключительно господствуетъ одно сложное склоненіе. Такъ съ теченіемъ времени первоначальныя простыя формы славянскихъ прилагательныхъ сдѣлались сложными.

Сложное склоненіе т. наз. опредѣленныхъ прилагательныхъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ объясняется обыкновенно по примѣрамъ др.-слав. яз. сложеніемъ двухъ разныхъ склоненій, „номинальнаго“ и прономинальнаго, или стяженіемъ „неопредѣленнаго“ прилагательнаго съ присоединеннымъ мѣстоименіемъ и, ꙗ, ѥ. Такъ напр. по-чешски: „slabajeho — slabého, slabujemu — slabému...“ „božajeho — božého — božího, božujemu — božému — božímu...“ и т. д. во всѣхъ падежахъ. „Naučný slovník“

1870. VIII, str. 959. Stahování; Hattala, Srov. mluv. § 119, 247, 261; Gebauer, Hláskosl. § 117, 130, 135; Małecki, Gram. więk. § 266, 267; Буслаевъ, Истор. Грам. § 99 — 103; Даничић, Обл. стр. 37; Pful Laut — u. Formenl. § 70; Miklosich Vergl. Gram. I. стр. 428, III. стр. 406, Altslov. Formenl. стр. 23, 29 и др.

Но не смотря на то, что формы „slabajeho, slabujemu" и т. д. въ чешскомъ, а конечно и въ другихъ слав. яз. не доказаны (allerdings nicht nachweisbare Formen, Miklosich gr. III, 406), однако и при этихъ примѣрахъ странно и не вѣроятно, во-первыхъ, что *различные* гласные могли бы стягиваться *въ одинъ и тотъ же* долгій гласный, напр. чеш.: *é* (= aje, uje, ěje, oje, yję, ěji), *ou* (= ąją, oją, uju), и во-вторыхъ, чтобы *изъ однихъ и тѣхъ же* гласныхъ стяженіемъ происходили *различные* долгіе гласные: *oji* 1) = *í*, 2) = *ý* (mí = moji, mých = mojich и т. д.), *aje* 1) = *é*, 2) = *á* (slabajeho — slabého, dělaješ — děláš и т. д.). Ср. Ивановичъ — Иваноичъ — Иванычъ, Николаевна — Николавна и т. п.

Первое возраженіе объясняютъ кое какъ тѣмъ, что, де, „прежде всего *j* между двумя гласными безъ слѣда исчезло, потомъ предыдущій гласный до того ослабленъ, что онъ тоже наконецъ исчезъ, будучи т. ск. поглощенъ слѣдующимъ гласнымъ, который тѣмъ сталъ долгимъ а иногда (!) до того подчинялся его вліянію, что сталъ и мягкимъ или твердымъ" (!). „Nauč. slovník". 1870. VIII. str. 959. Stahování. По этому объясненію выходитъ: „slabajeho — slabaeho — slabého" и т. п.

Но по этому правилу получается 1) изъ предполагаемаго др.-чеш. *rannia + jeho — rannia + eho — rann + ého (!) вмѣсто настоящаго ranniého и т. п.; 2) въ Д. М. ед. ж. и въ И. В. дв. ж. с. даетъ *slabě + ji — slabě + i — slab — í (!) вмѣсто настоящаго slabé и т. п.; 3) тотъ же падежъ Д. М. ед. ж. въ др.-чешскомъ, словацкомъ и польскомъ яз. звучитъ slabéj, съ не исчезнувшимъ *j*, передъ которымъ всетаки стоитъ чистое, твердое *e*, а не ě (= ѣ); 4) такъ и въ Р. ед. ж. др.-чеш. słabé, słabéj, словац.

поль. słabéj, луж. słabeje, противъ др.-слав. слабыѩ, и въ Т. ед. ж. и въ Р. дв. луж. slabeju, противъ др.-сл. слабоѭ, слабоую, не исчезло *j*, хотя предыдущій гласный (ы, о, оу) ослабленъ въ чистое, твердое *e*; 5) какъ по той теоріи можно объяснить др.-чеш. формы: takoj bude mieti královstvie nebeské (Štít. Nauč. křesť. Vrt. 289. 10), druhoho pústenníka (Ż. O. S.), odvrácenoho od sebe (Štít.), v smutnom čině (Leg. Kat.), словац. М. ед. м. с. pravom, božom (Hattala Sr. mluv. § 248, 250), луж. М. ед. м. с. dobrom, tunjom и т. наз. посторонніе формы Р. ед. м. с. dobroho, tunjoho (Pful Laut — u. Formenl. § 71, 59) и подобныя формы рус. и серб. яз., не только рѣдкія, древнія: мого, мому, серб. мога, мому, моме, но и общеупотребляемыя: святого, чужёго, светога, туђега и т. п.?

Второе возраженіе, какъ стяженіемъ *однихъ и тѣхъ же* гласныхъ могутъ образоваться *разные* долгіе гласные объясняютъ опять другимъ методомъ, выбрасывая разные гласные и двугласные и цѣлые слоги, какъ и гдѣ это имъ нужно, чтобъ получить настоящую форму. Такимъ образомъ въ формѣ И. В. ед. с. „dobré выброшено *oj*, въ Р. ед. м. с. dobrého выброшено *aj*, въ Д. ед. м. с. dobrému выброшено *uj*" и т. д. (Gebauer, Hláskosl. § 117), а въ Р. ед. ж., И. В. мн. ж. и В. мн. м. „dobré выброшено опять *yj*" (тамъ же § 130). Миклошичъ (Gr. III. 487) учитъ, что въ чеш. и поль. яз., въ отличіе отъ сербскаго и русскаго, удерживается второй гласный изъ соединенія *oje*. Но по этому правилу получимъ mjeho (= mojeho), slabjeho, slabjemu и т. д. вм. настоящихъ формъ mého, slabého, slabému и т. д.

Такимъ образомъ общепринятая теорія образованія этихъ формъ никакъ не можетъ быть признана удовлетворительною, и нужно искать другого, болѣе надежнаго объясненія этихъ интересныхъ формъ, тѣмъ болѣе, что „ясное понятіе начала склоненія опредѣленныхъ прилагательныхъ для языкоиспытателя очень важно, ибо сила и дѣйствіе закона синтезиса, который владѣетъ всѣмъ

языкомъ и собственно служитъ главнымъ органомъ при образованіи языка, нигдѣ и ни въ какихъ древнѣйшихъ формахъ нашего языка не является такъ ясно глазамъ остроумнаго языкоиспытателя, какъ здѣсь, хотя простая эмпирія даже не чувствуетъ этого". (Šafařík Sebr. spisy III. 588). Ср. то же, что написалъ Боппъ (Vergl. Gr. II. p. 3).

Разбирая склоненіе прилагательныхъ въ разныхъ славянскихъ яз., и особенно въ русскомъ, я пришелъ къ другому взгляду на этотъ предметъ и къ настоящему, какъ надѣюсь, естественному объясненію этихъ формъ, которое, основываясь на дѣйствительности, годится для объясненія всѣхъ подобныхъ формъ прилагательныхъ славянскихъ и индоевропейскихъ вообще безъ изъятія.

Для болѣе яснаго истолкованія моего взгляда я пойду не по обыкновенному пути, а прямо противоположнымъ, т. е. аналитическимъ и индуктивнымъ методомъ буду разбирать прежде всего склоненіе др.-слав. прилагательныхъ съ т. наз. мягкимъ окончаніемъ, сравнивая съ нимъ склоненіе подобныхъ прилагательныхъ въ другихъ славянскихъ и индоевропейскихъ яз., послѣ чего только перейду къ прилагательнымъ съ т. наз. твердымъ окончаніемъ, которыя разберу и сравню тѣмъ же образомъ.

I.

1. „Опредѣленныя" прилагательныя съ „мягкимъ" окончаніемъ въ др.-слав. яз., какъ извѣстно, сложены изъ „неопредѣленныхъ" прилагательныхъ съ „мягкимъ" окончаніемъ и присоединеннаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ, которое само по себѣ является родовымъ мѣстоименіемъ III-го лица (съ новымъ, заимствованнымъ Именительнымъ, *онъ*, *она*, *оно;* старый, собственный Им. пад. этого мѣстоименія сохранился въ относительномъ мѣстоименіи иже, ꙗже, ѥже, съ прибавленной частицей же). Обѣ части, „неопредѣленное" прилагательное и присоединенное мѣ-

стоименіе, склоняются, каждая своимъ образомъ, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія прилагательныхъ „опредѣленныхъ“ и „неопредѣленныхъ“ и личнаго мѣстоименія (онъ, она, оно съ И. **иже, ꙗже, ѥже**).

Единств. ч.

	Муж. р.			*Жен. р.*		
И.	**син-и-и,**	**син-ь,**	**(иже)**	**син-ꙗ-ꙗ,**	**син-ꙗ**	**(ꙗже)**
В.	**—и-и,**	**—ь,**	**и**	**—ѭ-ѭ,**	**—ѭ,**	**ѭ**
Р.	**—ꙗ-го,**	**—ꙗ,**	**ѥго**	**—ѩ-ѩ,**	**—ѩ,**	**ѥ-ѩ**
Д.	**—ю-моу,**	**—ю,**	**ѥмоу**	**—и-и,**	**—и,**	**ѥ-и**
М.	**—и-мь,**	**—и,**	**ѥмь**	**—и-и,**	**—и,**	**ѥ-и**
Т.	**—имь,**	**—ьмь,**	**имь**	**—ѥ-ѭ,**	**—ѥ-ѭ,**	**ѥ-ѭ**

Двойств. ч.

И. В.	**син-ꙗ-ꙗ,**	**син-ꙗ,**	**(ꙗже)**	**син-и-и,**	**син-и,**	**(иже)**
Р. М.	**—ю-ю,**	**—ю,**	**ѥ-ю**	**—ю-ю,**	**—ю,**	**ѥ-ю**
Д. Т.	**—има,**	**—ѥыа**	**има**	**—има,**	**—ꙗма,**	**има**

Множеств. ч.

И.	**син-и-и,**	**син-и,**	**(иже)**	**син-ѩ-ѩ,**	**син-ѩ,**	**(ѩже)**
В.	**—ѩ-ѩ,**	**—ѩ,**	**ѩ**	**—ѩ-ѩ,**	**—ѩ,**	**ѩ**
Р.	**—ихъ,**	**—ь,**	**ихъ**	**—ихъ,**	**—ь,**	**ихъ**
Д.	**—имъ,**	**—ѥмъ,**	**имъ**	**—имъ,**	**—ꙗмъ,**	**имъ**
М.	**—ихъ,**	**—ѥхъ,**	**ихъ**	**—ихъ,**	**—ꙗхъ,**	**ихъ**
Т.	**—ими**	**—ими,**	**ими**	**—ими,**	**—ꙗми,**	**ими**

Средній р.

И. В.	ед.	**син-ѥ-ѥ,**	**син-ѥ,**	**(ѥже)**	прочія, какъ въ муж. родѣ.
„ „	дв.	**—и-и,**	**—и,**	**(иже)**	
„ „	мн.	**—ꙗ-ꙗ,**	**—ꙗ,**	**(ꙗже)**	

Присоединенное къ „неопредѣленному“ прилагательному мѣстоименіе **-и, ꙗ, ѥ** разнится, какъ видно, отъ личнаго мѣстоименія, развѣ только въ четырехъ падежахъ, болѣе краткими, односложными формами: въ Р. ед. м. с. **-го: ѥ-го,** въ Д. ед. м. с. **-моу: ѥ-моу,** въ М. ед. м. с. **-мь: ѥ-мь,** какъ и Р. ед. ж. **-ѩ: ѥ-ѩ,** Д. М. ед. ж. **-и: ѥ-и,** Т. ед. ж. **-ѭ: ѥ-ѭ** и Р. М. дв. **-ю: ѥ-ю.** Въ этихъ падежахъ присоединенное мѣстоименіе, органически сливаясь съ прилагательнымъ въ одно слово, послѣ его гласнаго лишается своей (несклоняемой и потому тоже ненужной) темы **ѥ,** первоначальной (въ Р. Д. М. ед. м. с.) или удвоенной (въ Р. Д. М. ед. ж. и въ Р. М. дв.).

Эти краткія формы личнаго мѣстоименія „которыя въ сложномъ склоненіи присоединяются къ прилагательному“ (Mikl. Asl. Formenl. 23), встрѣчаются и особо (за изъятіемъ конечно М. ед. м. с.), хотя въ памятникахъ рѣже: Р. ед. ж. ѩ вм. ѥѩ (Зогр. Ев. Мат. XIV. 4. не достоїть ти їмѣти ѩ — їродъадꙑ), Д. ед. ж. и вм. ѥи (слава и есть, Слѣпч. Ап.), Р. ед. м. с. го вм. ѥго (bell. troj. 10, 16, 29), ga (Фрейз. Отр.), Д. ед. м. с. моу вм. ѥмоу, особенно въ Dat. abs.: прѣбꙑвшоу моу (Зогр. Ев. Мар. V. 21), въшьдъшоу моу (ib. IX. 28), їсходѧштю моу (ib. X. 17, Mikl. Asl. Form. 90), Р. М. дв. ю вм. ѥю (hom. mihan. Mikl. lex. 235) и др., какъ: егда бꙋдеть вѣ е (= ѥѩ — смоковница) млада и листне е (= ѥѩ) прозебенеть (Отр. Бос. Ев. Jagić, Star., IX. 136).

Въ живыхъ славянскихъ яз., за изъятіемъ русскаго, краткія формы этого мѣстоименія употребляются очень часто: В. ед. м. *i* (словин.), послѣ предлоговъ -*ь* (ʾ): na-n' (словин., чеш., поль., луж.), пањ (серб.), такъ и *ho* (чеш., луж.), *go* (поль.), *га* (серб.); Д. ед. м. с. *ти* (чеш., поль., луж., слов., серб.); Р. ед. ж. ње (серб.), Д. ед. ж. *ji* (луж., слов.), *и* (болг. въ притяжательномъ смыслѣ); Т. ед. ж. *jí* (чеш.), *ją* (поль.), *njo* (слов.), *њом* (серб.) и Р. М. дв. *nju* (слов.). Ср. лит. *ju*.

Зато рядомъ съ этими сокращенными, односложными формами этого мѣстоименія въ болѣе позднихъ памятникахъ и въ живыхъ слав. яз. встрѣчаются усиленныя, двусложныя формы съ удвоенною темой: В. ед. ж. ею = ѥѭ (Mikl. Asl. Form. 23) вм. ѭ, ѥѭже = ѥѭже (Румянц. Прол. XIV в.), ср. рус. ее, м.-рус. ею, др.-рус. ю; чеш. Р. мн. jejich (притяжательно) и jich; др.-чеш. Р. ед. ж. jejie (притяжательно) и jie: „k prvni strance jie (viery) úplně sú svolili“ (r. 1443) „jie (svátosti) tam nebude“; поль. jei = jejéj (Р. ед. ж.), jeich (Р. М. мн.), jeim (Д. мн.).

Кромѣ органическихъ, нормальныхъ окончаній въ Р. Д. М. ед. м. с. (-и-го, -ю-моу, -и-мь), приведенныхъ въ образцѣ склоненія по древнѣйшимъ памятникамъ, осо-

бенно глагольскимъ, употреблялись и несокращенныя и нестяженныя формы: **сниꙗ-юго**, **сниѭ-ємоу**, **снин-ємь**, или „стяженныя“ и двойнымъ гласнымъ (вм. одного долгаго) писанныя формы: **сниꙗаго** (вм. **сниꙗ̄го**), **сниѭоумоу** (вм. **сниѭ̄моу**), М. **снинимь** (вм. **снӣмь** изъ **снин-ємь**, ср. **горнн-ємь** Mikl. Form. 29), Т. **снинимь** (вм. **снӣмь** изъ **сниь-имь**, ср. **прѣдамнї** вм. **прѣдамь** и Cloz. 172 и т. п.). По древнему правописанію долгіе гласные обыкновенно означались удвоеннымъ гласнымъ, что теперь объясняютъ уподобленіемъ слѣдующаго гласнаго предыдущему, тогда какъ обыкновенно и естественно уподобляется предыдущій гласный слѣдующему. Впрочемъ формы: **сниꙗго** или **сниꙗаго** и т. п. собственно не стяжены, а сокращены, гласные же въ предпослѣднемъ слогѣ (**ꙗа** вм. **ꙗ̄** и т. д.) долги не стяженіемъ двухъ гласныхъ, а въ вознагражденіе за выпущенный слогъ **ѥ**,—тему присоединеннаго мѣстоименія.

Въ нѣкоторыхъ, особенно въ болѣе позднихъ памятникахъ цр.-слав. яз. встрѣчаются тоже формы, подобныя русскимъ: Р.... **штюждєго гласа** Зогр. Ев. Іо. X. 5 (Mikl. lex.), М.... **въ тоуждємь** Зогр., Асс., Остр. Ев. Лука XVI. 12, **и по тоуждємь** Зогр., Асс. Остр. Ев. Іо. XV. 7; Д. ед. м. с. **сниѥмоу**, Р. ед. ж. **сниѥꙗ**, Д. М. ед. ж. **сниѥй** ср. **тоуждєй** Cloz. (Mikl. Gr. I. 21); Р. М. дв. **сниѥю** и т. п. (ср. Mikl. Gr. III. 79), что будетъ объяснено ниже подъ 2 и 3.

Родовое мѣстоименіе **и**, **ꙗ**, **ѥ** въ др.-слав. яз. очевидно только механически присоединено, а часто даже отдѣльно приставлено къ „неопредѣленному“ прилагательному, которое тоже склоняется, исключая немногіе падежи (Т. ед., Д. Т. дв., Д. М. Т. мн.), гдѣ при двойномъ склоненіи, „неопредѣленнаго“ прилагательнаго и присоединеннаго мѣстоименія, окончаніе, вслѣдствіе стеченія согласныхъ, вышло бы слишкомъ твердымъ и тяжелымъ, напр.: Т. ед. м. с. **снимь** вм. **сниьмьимь** или **сниѥмьимь** и т. п. Въ этихъ падежахъ не склоняется

„тема“ прилагательнаго, говоритъ Миклошичъ (Gr. IV. 128. § 5 и 136. § 10). Объясненіе этому слѣдуетъ ниже.

2. Однако не только между присоединеннымъ мѣстоименіемъ (-н, -ꙗ, -ѥ) и личнымъ мѣстоименіемъ (н, ꙗ, ѥ), но и между ними обоими и такъ наз. „мягкимъ окончаніемъ темы“ (Stammauslaut) „неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ (-ь, -ꙗ, -ѥ или -й, -ꙗ, -ѥ) нѣтъ существенной разницы, какъ видно уже изъ предыдущаго образца склоненія, гдѣ они разнятся очень мало, и то только въ четырехъ падежахъ (Р. Д. М. ед. м. с. и Р. мн.).

Такъ наз. „мягкое окончаніе темы неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ конечно сохранило въ тѣхъ падежахъ еще формы болѣе старыя и простыя, нежели присоединенное мѣстоименіе „опредѣленныхъ“ прилагательныхъ: И. В. ед. м. -ь (послѣ согласныхъ, синь) и -й (послѣ гласныхъ, куй) есть ослабленное н, которое передъ гласнымъ оживаетъ опять въ н: синии (= синьи), а личное мѣстоименіе н наоборотъ въ В. ед. м. послѣ предлоговъ и приставленнаго н ослабѣваетъ въ ь: на нь Супр. 88. 24, въ нь ib. 84. 18 и т. д.

Р. ед. м. с. -ꙗ (синꙗ) конечно проще, старше (ср. лит. *jo* и словин. *nja*, вм. *njega* Mikl. Gr. III. § 312, p. 193, и рус. *неча* вм. *нечего*, за тихія Дунаюшку (Рыбн. 187—189, 192), чѣмъ механически приставленною частицей *-го* будто усиленное, но при томъ падежнаго указателя лишенное ѥго (вм. ꙗго или ѥга). Форма ѥго состоитъ изъ простой темы ѥ (= И. В. ед. с.) мѣстоименія и усиливающей частицы -го (= -со, -то, -во, -же, -зи и т. п.); ср. серб. Р. ед. ж. њези, Д. М. ед. ж. њојзи, гдѣ частица приставлена къ склоняемому мѣстоименію, тогда какъ ѥго составлено какъ чего = чесо = чьсо = чьто = чево и т. п. Что *-го* только т. наз. усиливающая частица (собственно тема или сред. р. указ. мѣстоименія), какъ -со, -то, -во, -же и т. п., видно изъ серб. него, нег, негли, чеш. než, nežli, нежели; ср. др.-слав. прѣжде даже не къість миръ (Остр. Ев. 50. b), прѣжде даже коуръ не възгласить (Mat. XXVI. 34).

Въ усиленныхъ формахъ Д. и М. ед. м. с. признакъ падежа перешелъ съ темы на усиленіе, т. е. на присоединенное мѣстоименіе: **юмоу** вм. **юмо**, **юмь** (= **юмн**, ср. зенд. jahmi) вм. **нмо** (ср. *каждый*, *каждаго* и т. д. вм. **къждо** или **кыждо**, **когождо** и т. д.).—Въ Р. ед. м. с. частица **-го** не приняла падежнаго окончанія (*-а*), хотя усиленная тема мѣстоименія лишилась его (**юго** вм. **иго**); только въ сербско-хорватскомъ и словинскомъ яз. образовалось по аналогіи њега, га, чега, чеса, шта (= чего), ништа (= ничего) и т. п. (Mikl. Gr. III. 253 и 193, Даничић Ист. обл. 154, 159). Ср. тоже **юга**, **кога**, **коюга**, **нѣкога** (Cod. Supr. XI). Въ серб. яз. окончаніе *-га* съ древнѣйшихъ временъ, „от првиjex времена“ (Данич. Ист. обл. 157); въ словинскомъ встрѣчается уже въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ (Mikl. Gr. III. § 309, Form. IX). Приведенное уклоненіе въ Р. ед. м. с. объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что частица *-го* сравнительно позже присоединена (ср. лит. Р. ед. м. *jo*, противъ Д. и М. ед. м. jamui, jame и т. д.). Поэтому и др.-серб. и рус. прилагательныя въ Р. ед. м. с. удерживаютъ я: -яго, при Д. и М. ед. м. с. -ему, -емъ.

Т. ед. м. с. **-юмь** = **-ь-мь**, а **-нмь** = **-ь** + **нмь**, сложено и стяжено, ср. чеш. jím, др.-чеш. jiem, лит. jůmi, скр. jêna (= ja + ina); Т. ед. ж. **-юѭ** тоже сложенъ, но не стянутъ, какъ поль. ją, чеш. jí, др.-чеш. jú. Подобнымъ образомъ различается родъ старшими формами „неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ и въ Д. Т. дв. м. с. **-юма** (ср. лит. jëm, зенд. jaibja) а ж. **-ıама** (ср. лит. jom, зенд. jabja), въ Д. мн. м. с. **-юмъ** (лит. jëms) а ж. **-ıамъ** (лит. joms), въ М. мн. м. с. **-юхъ** (лит. jůse) а ж. **-ıахъ** (лит. jose), наконецъ въ Т. мн. м. с. **-н** (= **ю-н** = **ь-н**, ср. лит. jeis, зенд. и скр. jais), а ж. **-ıамн** (лит. jomis, зенд. jābis, скр. jābhis), противъ безродныхъ формъ „опредѣленныхъ“ прилагательныхъ и личнаго мѣстоименія: има, имъ, ихъ, ими.

Изъ этого сравненія явствуетъ, — на что указываетъ ужь и сама аналогія, — что т. наз. „мягкое окончаніе

темы неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ опять-таки есть не что иное, какъ то же родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, но конечно въ самыхъ простыхъ и старыхъ формахъ и въ тѣснѣйшемъ, органическомъ соединеніи съ собственной темой „неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ. Первоначальное указательное мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ въ качествѣ личнаго родового мѣстоименія, стоящаго особо, самостоятельно, необходимо должно было принять усиленіе своей слабой темы (ѥ) и для лучшаго различенія падежей тройного рода.

Итакъ, родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ имѣетъ формы трехъ степеней развитія: *a*) кратчайшія, съ темами „неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ органически слитыя формы, до сихъ поръ вообще ошибочно называемыя „мягкимъ окончаніемъ темы“ или т. наз. „ja-Stämme“; *b*) среднія, по большей части только механически присоединенныя къ „неопредѣленнымъ“ прилагательнымъ, вслѣдствіе чего они становятся „опредѣленными“; и *c*) самостоятельно употребляемыя формы, какъ относительное мѣстоименіе (съ частицей — же), или какъ личное мѣстоименіе III-го лица (съ новымъ И. онъ, она, оно и т. д.).

Но такъ какъ это родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, присоединенное къ прилагательнымъ и слитое съ ихъ темами, служитъ для обозначенія рода прилагательныхъ и при томъ единственною основой ихъ склоненія, какъ и членъ другихъ родственныхъ языковъ (греч., нѣм. и др.), — еще Добровскій (Institutiones 493) написалъ: „istud (i, ja, je) in fine illorum (adjectivorum) appositum articulum definitum aliarum linguarum supplet“, — то будемъ его тоже называть членомъ, а именно: *a*) первымъ или слитнымъ, и *b*) вторымъ или присоединеннымъ (который равняется греч., герм. и роман. члену приставленному).

Итакъ, „неопредѣленныя“ или „нечленныя“ (Брандтъ) прилагательныя тоже имѣютъ членъ, а слѣдовательно „опредѣленныя“ прилагательныя имѣютъ два члена, и поэтому будемъ первыя лучше и точнѣе называть одночленными, а вторыя двучленными прилагательными, потому

что первыя (членомъ) тоже опредѣлены, и по родамъ, и числамъ и падежамъ, что когда-то вполнѣ было достаточно, а въ серб. яз. отчасти до сихъ поръ является достаточнымъ и въ аттрибутѣ; но ихъ простыя окончанія съ теченіемъ времени (м. б. въ сравненіи съ греч., герм. и ром. прилагательными съ приставленнымъ членомъ) казались слабыми, и поэтому усилены тѣмъ же родовымъ мѣстоименіемъ (съ усиленными уже окончаніями), сначала только механически приставленнымъ къ первому члену, тоже склоняемому (ср. и лит.), и только въ нѣкоторыхъ падежахъ (Т. ед., Д. Т. дв., Д. М. Т. мн.) органически соединеннымъ съ первымъ членомъ несклоняемымъ, что впослѣдствіи взяло верхъ во всѣхъ падежахъ.

3. Такъ въ нынѣшнихъ, живыхъ славянскихъ языкахъ второй членъ прилагательныхъ почти вездѣ, т. е. во всѣхъ падежахъ, органически соединенъ, даже стянутъ съ первымъ членомъ, уже несклоняемымъ (ср. др.-слав. Т. ед., Д. Т. дв., Д. М. Т. мн.)., какъ показываетъ слѣдующее сравненіе двучленныхъ (опредѣленныхъ) прилагательныхъ русскихъ, сербскихъ, польскихъ, в. лужицкихъ, древне- и новочешскихъ (въ скобкахъ) съ древнеславянскими.

Единств. ч. муж. р.

	Рус.	Серб.	Поль.	Луж.	Др.-чеш. Н.-чеш.
И. (В.)	сни-е-й	туђ-и	tan-i	tun-i	rann-í
Р. (В.)	—е-го	—е-га	—ie-go	—je-ho	—íé-ho (-í-ho)
Д.	—е-му	—е-му	—ie-mu	—je-mu	—ié-mu (-í-mu)
М.	—е-мъ	—е-м	—ié-m	—jo-m	—ié-m (-í-m)
Т.	—имъ	—им	—im	—im	—ím

Единств. ч. жен. р.

И.	син-я-я	туђ-а	tan-ia	tun-ja	rann-iá (-ié, -í)
В.	—ю-ю	—у	—ią	—ju	—iú (-í)
Р.	—е-й	—е	—ié-j	—je-je	—ié-(j) (-í)
Д. М.	—е-й	—о-j	—ié-j	—je-j	—ié-j (-í)
Т.	—е-ю	—ом	—ią	—je-ju	—iú (-í)

Множеств. ч. муж. и (жен.) р.

И.	син-і-е(-і-я)	туђ-и(-е)	tan-i(-ie)	tun-i(-je)	rann-í (-ié, -í)
В.	—і-е(-і-я)	—е	—ie	—je	—ié (-í)
Р. (В.) М.	—ихъ	—их	—ich	—ich	—ích
Д.	—имъ	—им(а)	—im	—im	ím
Т.	—ими	—има	—imi	—imi	ími

Средній р.

И. В. ед.	син-е-е	туђ-е	tan-ie	tun-je	rann-ié (-í)
И. В. мн.	—і-я	—а	—ie	—je	—iá (-ié, -í)

Все прочее какъ въ мужскомъ родѣ.

Эти двучленныя прилагательныя (въ живыхъ слав. яз.) на взглядъ кажутся одночленными, т. е. какъ будто склоняется только родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, присоединенное цѣликомъ (и съ своей темой ѥ) къ темѣ прилагательнаго (за изъятіемъ И. В. ед. и мн. въ рус. яз.), или какъ будто къ темѣ прилагательнаго присоединенъ непосредственно только второй членъ (безъ перваго, ср. мо-его и т. д.); но болѣе подробный разборъ и надлежащее сравненіе съ параллельнымъ склоненіемъ „опредѣленныхъ" прилагательныхъ съ твердымъ окончаніемъ (см. ниже II.) указываетъ и здѣсь сложныя и отчасти стяженныя окончанія изъ обоихъ членовъ, перваго (кромѣ И. В. ед. и мн.) несклоняемаго, остающагося только въ темѣ (in neutro ѥ), и второго, по большей части сокращеннаго (лишеннаго своей темы ѥ).

Въ русскихъ, особенно великорусскихъ прилагательныхъ оба члена меньше всего стяжены (только въ Т. ед. м. с., Р. М. Д. Т. мн., гдѣ и въ др.-слав. яз. первый членъ не склоняется и оба члена обыкновенно стяжены), да въ И. и В. ед. и мн. м. ж. с. здѣсь оба члена еще склоняются подобно какъ и въ др.-слав. яз.

И. (В.) ед. м. пишется обыкновенно съ *-ій*, но встрѣчается, особенно въ др.-рус. памятникахъ, тоже *-ей* (= е-и = ь-и, съ первымъ членомъ несклоняемымъ, такъ что формально равняется сокращенному Р. Д. М. Т. ед. ж.): вѣщей Боянъ (Слово о п. Игор.), лисей мѣхъ, самъ третей и т. п. Подъ удареніемъ окончаніе И. ед. м. всегда звучитъ *-ей:* сей, чей, чуже́й, больше́й и т. п., что по произношенію пишутъ: чужой, большой и т. п., но не послѣдовательно въ сравненіи съ Р. Д. М ед. ж. свѣ́жей, бо́льшей и т. п., ср. тоже: же́лтый, шелкъ и т. п.

Р. (В.) ед. м. с. вліяніемъ церк.-слав. яз. тоже обыкновенно, по привычкѣ, пишется съ *-яго*, но встрѣ-

чается и послѣдовательное *-его* (= е + го = е + (е)-го, съ первымъ членомъ несклоняемымъ а вторымъ членомъ сокращеннымъ, (безъ темы), какъ въ Д. и М. ед. м. с. -ему (= е + му), -емъ (= е + мъ): синего Дону, буего Святъславлича (Слово о п. Игор.) и т. п.

Подъ удареніемъ -яго звучитъ *-ёго*: третьяго (вм. третьёго дни), чужого (вм. чужёго) и т. п. Въ м.-рус. здѣсь пишется и произносится -ёго (joho): синёго и т. п., а такъ и во всѣхъ другихъ слав. яз. въ Р. ед. м. с. тотъ же гласный *е* (je), который и въ Д. и М. ед. м. с. Такъ какъ неударяемое *я* произносится почти = *е*, то иногда и пишется *я* вм. *е* и наоборотъ, напр. кляпу́ вм. клену́, др.-слав. **кльнѫ**, имянины вм. именины и т. д.

Т. ед. м. с. *-имъ* тоже сложенъ и стяженъ изъ -ь + имъ, какъ напр. приму (изъ пріиму), приду (изъ пріиду) и т. п.; такъ это и въ другихъ стяженныхъ падежахъ (Р. М. Д. Т. мн.), какъ и въ др.-слав. яз. Въ др.-рус. памятникахъ читается Т. ед. и Д. мн. съ нестяженнымъ окончаніемъ -іимъ, Р. М. мн. съ іихъ и Т. мн. съ -іими.

Р. ед. ж. теперь обыкновенно сокращенъ и стяженъ -ей (вм. болѣе стараго -ея = -е + (е)-я, съ первымъ членомъ несклоняемымъ а вторымъ сокращеннымъ), какъ и Т. ед. ж. -ею часто сокращается въ -ей, подобно Д. М. ед. ж. -ей, такъ что изъ второго, склоняемаго члена -я = **ꙗ**, -ю = **ѭ**, -и = **и** остается всегда одно небное придыханіе *й*. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ собственно то же самое, что мы видимъ и въ др.-слав. Т. ед. ж. -**ѥ** + **ѭ** (т. е. двучленное сложеніе, а только второчленное склоненіе), противъ рѣдкаго -**ѭ** + **ѭ**, со склоненіемъ обоихъ членовъ). М.-рус. Р. ед. ж. не стяженъ -ёі (= joji, ср. луж. -jeje): синёі, и Т. ед. ж. -ёю (= joju): синёю, по Д. М. ед. ж. тамъ тоже стяженъ -ій: синій (какъ И. ед. м.), съ первымъ членомъ мнимо склоняемымъ (ср. др.-слав. **сии-и-и** и словин. tuji), а на дѣлѣ здѣсь окончаніе -ей вліяніемъ польскаго яз. удлинено въ -іи (поль. iéj). И въ М. ед. м. с. -ім (рядомъ съ -ёму = Д., какъ серб.): синім, первый членъ, мнимо склоняемый (ср. др.-

слав. син-и-имь), на дѣлѣ только удлиненъ въ вознагражденіе за конечный гласный *и*, ослабленный въ *ъ*, какъ польское *-iém* и луж. *-jom*.

И. (В.) мн. м. *-іе*, ж. с. *-ія* сложенъ изъ новаго И. мн. всѣхъ родовъ (-и) перваго члена (ср. сіи, эти, мои, божьи, цари, тучи, яйцы, *-ы* послѣ *ц* вм. *и*) и И. мн. второго члена (-и, которое всегда безъ ударенія, послѣ *и* перваго члена ослаблено (диссимилировано) въ *е* (ср. четыре вм. четыри, какъ три); въ И. (В.) мн. ж. второй членъ *-я* = ѩ а въ сред. р. *-я* = ꙗ). Буслаевъ (Истор. гр. 2 изд. стр. 248) говоритъ, что въ др.-рус. яз. всѣ три рода этихъ прилагательныхъ оканчивались безразлично то на *-и*, то на *-е*, то на *-я* (ср. синіи молніи Слово о п. Иг.). Ломоносовъ въ своей грам. (1755 г.) еще не различалъ муж. р. отъ жен. и сред. двучленныхъ прилагательныхъ (ср. болгар. прилаг.). Но второй членъ *-е* въ И. (В.) мн. м. вѣроятно ослабленное *-и*, чтобы оно не слилось съ первымъ членомъ въ *-ій*, какъ въ И. ед. м. (ср. И. ед. Василіе = Василій и т. п., могучіи богатыри, противъ В. м. вѣщія пръсты Слово о п. Игор.) и т. п.

Въ другихъ славянскихъ яз. оба члена уже больше стяжены, и въ И. В. ед. и мн. м. ж. с., въ долгій гласный, но эта долгота, — не вслѣдствіе стяженія, а въ вознагражденіе за выпущенный гласный (тему ѥ) второго члена, — означается только въ чешскомъ яз. Такъ напр. др.-чеш. и поль. В. ед. ж. *-iú*, *-ią* двучленный и стяженный, противъ одночленнаго В. ед. ж. *-iu*, *-ię*, ср. rannií и zemiu, tanią и ziemię и т. п. Только въ луж. яз. Т. ед. ж. нестяженный *-jeju* (= jeją), какъ по русски и др.-слав.; тамъ же и Р. ед. ж. не стяженный *-jeje* (= jeję), какъ др.-русс.: отъ дружины княжее и т. п. Въ серб.-хорватскомъ и словинскомъ яз. небное придыханіе (j) перваго члена всегда сливается съ предыдущимъ согласнымъ въ њ, љ, ђ, ћ и т. п.).

Стягиваніе обоихъ членовъ прилагательныхъ происходитъ, какъ видно, такимъ образомъ, что первый членъ, кромѣ И. В. ед. и мн. м. ж. с., никакъ не склоняется, ни

по роду, оставаясь какъ тема *in neutro*, и то, передъ сокращенными формами второго члена, начинающимися съ согласнаго (рус. -го, -му, -мъ, -й, -ю и под.), въ видѣ -ѥ (рус. -е, серб.-хорв., словин. и луж. -je, поль. и др.-чеш. -je), а передъ несокращенными формами второго члена, начинающимися гласнымъ *и* (рус. -имъ, -ихъ, ими и п.), въ ослабленномъ видѣ -*ь*), который, уподобляясь слѣдующему *и*, сливается съ нимъ въ долгое *и* (чеш. -í).

И въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ въ Зогр. Ев., встрѣчаются двучленныя формы прилагательныхъ, особенно отпричастныхъ, съ первымъ членомъ несклоняемымъ, *in neutro*, а со вторымъ членомъ или полнымъ, или сокращеннымъ (безъ темы ѥ): **нє ꙁнаѭтъ штюждєго гласа** (Зогр. Ев. I. X. 5), **по тоуждємь жє нє ідѫтъ** (ib., такъ и Ассем. и Остр. Ев.), о **єдиномь грѣшьницѣ каѭштєімь сѧ** (Л. X. 10), **въ огнь нєгасѫштєі** (Мар. IX, 43, 45), **слышаштєі** (И. мн. Л. VIII. 12, 15, 21, XI. 28), **слышавъшєі** (И. мн. Л. VIII. 17), **чаѭштєіхъ** (I. V. 3), **чаѭштєімъ** (Л. II. 38) и т. д.), ср. поль. jeich, jeim (Mał. Gr. w. 96) и чеш. jejich.

Въ И. В. ед. мн. м. ж. с., кромѣ русскаго, всѣ славянскіе языки оба члена, одинаково склоняемые, стягиваютъ въ одинъ долгій гласный. Качественныя прилагательныя одночленныя и разныя причастія въ сказуемомъ склоняются не только въ русскомъ, но отчасти и въ чешскомъ, меньше въ польскомъ и др. яз., только въ И. ед. и мн. м. ж. с. Въ мрус. И. В. ед. мн. м. ж. с. (кромѣ И. В. ед. м.) или стяженный какъ въ поль., или нестяженный, какъ вел.-рус.: И. ед. ж. синя или синяя, В. ед. ж. синю или синюю, И. В. ед. с. сине или синее, и И. В. мн. синi или синii. А можетъ быть, что эти малорусскія формы: синя, синю, сине и сини и т. п. одночленныя, какъ сербско-хорватскія.

Въ стяженныхъ и сокращенныхъ окончаніяхъ польскій языкъ удлиняетъ гласный перваго члена въ вознагражденіе за ослабленный (онѣмѣвшій) гласный въ концѣ второго члена: М. ед. м. с. -*iém* (= ѥ+мь = ѥ+мн), Р.

Д. М. ед. ж. *iéj* (= ie+ję, ie+ji), что видно и въ кашубскомъ М. ед. м. с. *-jm* (= jim, противъ Д. jemu), въ м.-рус. *-ім* (= поль. -iém, противъ Д. -ёму), въ словацкомъ М. ед. м. с. *-iom* (Д. iemu), г.-лужицкомъ М. *-jom* (Д. jemu), въ мрус. Д. М. ед. ж. *-ій* (=поль. -iéj, противъ Р. ёі), кашуб. *-j* (= ji = поль. iéj), серб. -joj (Р. je) и Т. ед. ж. -jом. Чешскій яз., особенно нынѣшній, стяженные гласные не только удлиняетъ, но удлиненные *ié*, *iá*, *iú* еще и суживаетъ во всѣхъ падежахъ въ однообразное *-í*.

Итакъ, сложное склоненіе двучленныхъ прилагательныхъ съ мягкимъ окончаніемъ въ нынѣшнихъ славянскихъ языкахъ возникло и образовалось (какъ видно въ русскомъ и въ нѣкоторыхъ падежахъ др.-слав. яз.) соединеніемъ перваго члена, несклоняемаго (одной темы ѥ > ь), съ одними окончаніями второго члена (безъ его темы ѥ), такъ что *одни падежныя окончанія второго члена соединены и стяжены съ темой перваго члена.*

Все это будетъ еще лучше видно изъ параллельнаго склоненія двучленныхъ прилагательныхъ съ твердымъ окончаніемъ (см. ниже II.). Такъ какъ здѣсь несклоняемая тема перваго члена (ѥ) тожественна съ опускаемою темой второго члена (ѥ), то двучленныя прилагательныя съ мягкимъ окончаніемъ въ нынѣшнихъ слав. яз. на взглядъ кажутся одночленными (ср. Mikl. Gr. § 309, 639), съ новымъ или мѣстоименнымъ склоненіемъ; но чешскіе долгіе гласные и здѣсь обнаруживаютъ стяженіе двухъ членовъ.

Изъ слѣдующаго сопоставленія двучленныхъ окончаній слав. прилагательныхъ мягкихъ, 1) древнѣйшихъ (несокращенныхъ), 2) среднихъ (сокращенныхъ) и 3) новѣйшихъ (сокращенныхъ, ослабленныхъ и стяженныхъ), видно, какъ съ теченіемъ времени сложное склоненіе прилагательныхъ постепенно опять упрощивалось тѣмъ, что первый членъ лишился склоненія, а потомъ и второй членъ лишился своей темы, такъ что наконецъ остались одни его падежныя окончанія, которыя тоже ослабѣвали (4) и отчасти исчезли (5).

		Р. ед. м. с.	*Д. ед. м. с.*	*М. ед. м. с.*
др.-слав.	1. [1]	сии-ꙗ+ѥго	сии-ю+ѥмоу	сии-и+ѥмь
	2.	— ꙗ+го	— ю+моу	—и+мь
	3.	— ѥ+го	—ѥ+моу	—ѥ+мь
слав.-рус.	2.	—я+го	—(ю+му)	(—и+мъ)
в.-рус.	3.	—е+го	—е+му	—е+мъ
серб.-хорв.	3.	—je+га	—je+му	—je+ме
	4.	—je+г	—je+м	—je+м
г.-луж.	3.	—je+ho	—je+mu	—jo+m
поль.	3.	—ie+go	—ie+mu	—ié+m
др.-чеш.	3.	— ié+ho	—ié+mu	—ié+m
н.-чеш.	5.	—í+ho	—í+mu	— í+m
		Р. ед. ж.	*Д. М. ед. ж.*	*Т. ед. ж.*
др.-слав.	1.	(сии-ꙗ+ѥꙗ)	(сии-и+ѥи)	(сии-ѭ+ѥѭ)
	2.	—ꙗ+ꙗ	—и+и	—ѭ+ѭ
	3.	—ѥ+ꙗ	—ѥ+и	—ѥ+ѭ
др.-рус.	2.	—я+я	(—и+и)	(—ю+ю)
	3.	—е+я (-е+е)	—е+и	—е+ю
н.-рус.	4.	—е+й	—е+й	—е+й
серб.-хорв.	3.	(—je+je)	(—je+ju)	—jo+ме
	4.	—je	—jo+j	—jo+м
г.-луж.	3.	—je+je	4) —je+j	3) —je+ju
поль.	4.	—ié+j	—ié+j	5) —ią
др.-чеш.	4.	—ié+j	— ié+j	5) —iů
н.-чеш.	6.	—í	—í	—í

Такимъ же образомъ падежныя окончанія указательнаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ присоединяются и къ существительнымъ, особенно чужимъ, на *i*, *e*, которыя иначе трудно склонять, напр. чеш. Rosini, Р. В. Rosiniho, Д. Rosinimu, М. o Rosinim и т. п., Jiří (Юрій изъ Георгій),

---

[1]) Въ формахъ подъ 1) склоняются оба члена, первый просто, старымъ образомъ, а второй съ усиленною темой, новымъ образомъ. Формы заключенныя въ скобкахъ, образованныя по аналогіи, не доказаны. Подъ 2) первый членъ, какъ подъ 1), а второй сокращенъ, безъ темы, одни окончанія, въ м. и с. р., въ ж. же одинаковъ съ первымъ членомъ Подъ 3) первый членъ лишенный склоненія, одна тема, а второй членъ, какъ подъ 2). Подъ 4) первый членъ какъ подъ 3), а второй только ослабленное окончаніе, такъ что оба члена стяжены въ одинъ слогъ. Подъ 5) первый членъ суженъ а въ ж. р. стяженъ съ ослабленнымъ окончаніемъ второго члена въ одинъ гласный. Серб.-хорв. Р. ед. ж. подъ 4) *-je* стяженъ изъ -je+je (=je+ję), ср. луж.

Р. В. Jiřího, Д. Jiřímu, М. o Jiřím и т. п.; простолюдины говорятъ даже uhlí (уголье), dříví (дрова), Р. uhlího, dřívího и т. п.; поль. Linde, Noe, Р. В. Lindego, Noego, Д. Lindemu, Noemu и т. д., ср. словац. môjho (моего), môjmu (моему), nášho, nášmu, и doňho (до него), серб. ньга (на него) и т. д. Въ сложеніи и стяженіи допускаются и другія темы: серб. јесам био, а био сам и т. д. хоћу дати, а даћу (= дати-ћу), нећу (= не-хоћу).

Нѣкоторыя двучленныя прилагательныя склоняютъ только второй членъ, и то просто, болѣе старымъ образомъ („номинально"), какъ др.-слав. **вел-н-н**, **вел-н-ꙗ**, **вел-н-ѥ** (противъ одночленнаго: **вел-ь**, **вел-ꙗ**, **вел-ѥ**: **ѡ веле христосово чловѣколюбнѥ**, **ѡ веле нюдино безаконнѥ** (Супр. 313. 26, 27), ср. и нарѣчіе **веле** (= В. ед. с.), какъ **син**, **сиꙗ**, **сиѥ** (противъ **се**): **самого третиꙗ** (В. ед. м. Супр. 120. 16), **етера себе велнѣ** (В. ед. м. Ап. Слѣпч.), **соуштню** (enti, Šaf. Sebr. sp. 586), **божин** (М. ед. с. Остр. Ев. 238), **божиѭ** (Т. ед. ж. Супр. 9. 167. 193), **гласомь велнѥмь** (Šiš. 33. и Остр. Ев. 89), **большиꙗ** (Р. ед. ж. Кърмч.), **божиѥмъ** (Д. мн. с. Остр. 2), **рекъшию** (Р. дв. Mikl. Gr. III. 80). Первый членъ такихъ прилагательныхъ передъ *и* второго члена иногда ослабѣваетъ въ *е* и *ъ*: **огнь негасѫштеї** (Зогр. Ев. Мр. IX. 43, 45), **о каѭштеїмь сѧ** (ib. Л. XV. 10), **чаѭштеїхъ** (ib. I. V. 3), **чаѭштеїмъ** (ib. Л. II. 38); рус. третій, третья, третье и т. д.

Рядомъ съ болѣе старымъ, одночленнымъ склоненіемъ этихъ прилагательныхъ въ др.-слав. яз. со временемъ образовалось тоже менѣе правильное двучленное склоненіе, прибавленіемъ еще одного (третьяго) родового мѣстоименія, чѣмъ возникли тяжелыя формы, троечленныя (рѣдкія однако, б. м. только ошибки писцевъ): **трет-н-ꙗ-ꙗ** (И. ед. ж. Остр. Ев. 188), **трет-н-ѥ-ѥ** (В. ед. с. ib. 53, 160, 210), **трет-н-ѭ-ѭ** (В. ед. ж. ib. 106), **днв-н-ꙗ-ꙗ** (В. мн. м. Супр. 163. 14, 164. 11) **трет-н-ꙗго** (Р. ед. м. ib. 195). Въ нынѣшнихъ слав. яз. эти прилагательныя имѣютъ, конечно, новыя окончанія: рус. божьяго, божьему и т. д., но тоже еще: закона божія, закону божію и т. п.

4. Еще меньше разница между первымъ и вторымъ членомъ и личнымъ мѣстоименіемъ въ родственномъ литовскомъ языкѣ, который имѣетъ тоже одно- и двучленныя прилагательныя, подобныя славянскимъ, но только муж. и жен. рода, и склоняетъ оба члена вполнѣ одинаково, совсѣмъ такъ, какъ личное мѣстоименіе. Для болѣе нагляднаго сравненія сопоставлю опять всѣ три формы рядомъ: двучленное *naujasis* (новъи), одночленное *naujas* (новъ) и личное мѣстоименіе *jis, ji* (онъ, она):

	Муж. р.			*Жен. р.*		
			Единств. ч.			
И.	nau-jas-is	nau-jas	jis	nau-jo-ji	nau-ja	ji
В.	—jį-jį	—jį	jį	—ję-ję	—ję	ję
Р.	—jo-jo	—jo	jo	—jos-es	—jos	jos
Д.	—ja-jam	—jam	jam(ui)	—jei-jei	—jei	jei
М.	—ja-jam(e)	—jam(e)	jam(e)	—jo-je	—joje	joje
Т.	—jů-ju	—jů	jů(m(i)	—je-je	—je	je
			Двойств. ч.			
В.	nau-jů-jů	nau-jů	jů-du	nau-jë-ji	nau-jë	jë-dvi
М.	(—ju-ju)	(—ju)	ju-dvëju	(—ju-ju)	(—ju)	ju-dvëju
Т.	—jëms-ëm	—jëm	jëm-dvëm	—joms-iom	—jom	jom-dvëm
			Множеств. ч.			
И.	nau-jë-ji	nau-ji	jë	nau-jos-es	nau-jos	jos
В.	—jůs-ius	—jůs	jus	—jas-es	—jos	jes
Р.	—ju-ju	—ju	ju	—ju-ju	—ju	ju
Д.	—jëms-ëms	—jëms	jëms	—joms-ioms	—joms	joms
М.	—jůs-iůs(e)	—jůs(e)	jůs(e)	—jos-ios(e)	—jos(e)	jos(e)
Т.	—jeis-eis	—jeis	jeis	—joms-iom(i)s	—jom(i)s	jom(i)s

Разница между первымъ и вторымъ членомъ здѣсь вовсе незначительна: И. ед. м. второго члена *-is* = личному *jis*, который опять = первому члену *-jas* (ср. Schleicher, Lith. Gr. 196). Итакъ, и здѣсь первый членъ показываетъ болѣе старыя, несуженныя и нестяженныя формы. И. мн. м. *jë* (=je-i) сложенъ и стяженъ, какъ скр. *jê* (=ja-i), а *-ji* просто. Въ И. ед. ж. первый членъ *-jo* (=jā), а второй членъ и личное мѣстоименіе *ji* = первоначальному *ja* (Schleicher l. c.). Въ этихъ падежахъ (И. мн. м. и И. ед. ж.) первый членъ усиленъ, удлиненъ, вслѣдствіе сложенія.

Подобно объясняется въ Р. ед. и въ И. мн. ж. первый членъ и личное мѣстоименіе *jos* (= jās), а второй членъ *-es* (= jes = jas, ср. В. мн. ж. jas-es), или тоже *-ios*. Такъ и въ Т. мн. ж. первый членъ *-joms* (=jāmis), а второй членъ или *-ëms* (=jems=jamis), или тоже *-jom(i)s*. Въ этихъ падежахъ (Р. ед., И. и Т. мн. ж.) второй членъ бываетъ ослабленъ.

Двучленный М. ед. ж. *-jo-je* (= jā-je) похожъ, т. е. тожественъ съ одночленнымъ, какъ др.-слав. Т. ед. ж. -ѥѭ. Въ Д. Т. дв. первый членъ ж. *-joms* а м. *-jëms* собственно Д. мн. (или Д. Т. дв. съ прибавленнымъ *-s*), а второй членъ ж. *-jom*, м. *-ëm* (=jem) чистый Д. Т. дв. Впрочемъ этотъ падежъ сомнителенъ (Schleicher o. c. 208, 209), какъ и подобно сложенные падежи (Д. М. ед. м., Д. мн. м. ж. и Т. мн. ж.); по примѣру *margos-ëms* [1]) (Т. мн. ж., Schl. ib. 209) вѣроятно и въ лит. яз., какъ въ др.-слав. и другихъ слав. яз., въ тяжелыхъ окончаніяхъ падежей первый членъ остается несклоняемымъ (въ одной темѣ), а только второй членъ склоняется въ органическомъ соединеніи съ первымъ.

Литовскій яз. всего убѣдительнѣе доказываетъ, что т. наз. „мягкое окончаніе темы“ (Stammauslaut) прилагательныхъ не что иное, какъ то же родовое указательное мѣстоименіе, которое служитъ присоединеннымъ членомъ прилагательныхъ „опредѣленныхъ“ и личнымъ мѣстоименіемъ, что, слѣдовательно, есть прилагательныя одно- и двучленныя.

5. Лотышскія прилагательныя тоже одно- и двучленныя только муж. и жен. р., единств. и множеств. ч., но двучленныя тамъ склоняютъ только второй членъ, а первый остается вовсе несклоняемымъ, одна тема. Поэтому двучленныя прилагательныя лотышскія въ подобномъ отношеніи къ литовскимъ, какъ русскія къ др.-славянскимъ. Для лучшаго сравненія сопоставлю и здѣсь двучленное

---

[1]) Margos (И. мн. ж.) + ëms (Т. мн. ж. мѣстоименія), ср. серб. Д. М. Т. мн. м. Турцима и т. п.

прилагательное slapjájis (мокръи), одночленное slapjš (мокръ) и личное мѣстоименіе jis, jā (онъ, она) [1]):

Единств. ч.

	Муж. р.			*Жен. р.*		
И.	slap-já-jis	slap-jš	jis	slap-já-ja	slap-ja	jã
В.	—já ju	—ju	jõ(ju)	—já-ju	—ju	jõ(jũ)
Р.	—já ja	—ja	jã(jõ)	—já-jas	—jas	jas
Д. Т.	—já-jam	—jam	jam	—já-jai	—jai	jai
М.	—já-ja	—ja	já	—já-ja	—já	já

Множеств. ч.

И.	slap-já-ji	slap-ji	jẽ(ji)	slap-jà-jas	slap-jas	jãs
В.	—já-jus	—jus	jõs(jus)	—já-jas	—jas	jãs
Р.	—já-ju	—ju	jõ(ju)	—já-ju	—ju	jõ(ju)
Д. Т.	—já-jîm	—jîm	jẽm(jim)	—já-jam	—jam	jam
М.	—ja-jůs	—jůs	jůs	—já-jas	—jas	jás

Здѣсь нѣтъ никакой разницы между слитнымъ членомъ одночленныхъ, присоединеннымъ вторымъ членомъ двучленныхъ прилагательныхъ и личнымъ мѣстоименіемъ, развѣ только въ томъ, что личное мѣстоименіе, будучи односложно, въ нѣкоторыхъ падежахъ (В. Р. ед. и И. В. Р. Д. мн. м.) рядомъ съ краткимъ имѣетъ и долгій гласный.

Двучленныя прилагательныя тоже стягиваютъ окончанія нѣкоторыхъ падежей: И. ед. м. slapjaiš (= slap-já-(j)is), В. ед. и Р. мн. м. ж. slapjů (=slap-já-(j)u, Р. ед. м. и И. ед. ж. slapjá (=slap-já-(j)a), Р. ед. и И. В. мн. ж. slapjás (= slap-já-(j)as), И. мн. м. slapjî (= slap-já-(j)i) и В. мн. м. slapjůs (= slap-já-(j)us). Ср. Leskien Decl. 135, 136.

Окончаніе одночленныхъ прилагательныхъ въ И. ед. м. -jš (=jьs=jis) сокращено и стяжено, какъ тотъ же членъ въ двучленныхъ прилагательныхъ: slapjaiš и т. п.

6. И готскія прилагательныя употреблялись въ двухъ формахъ, т. наз. сильной (старой) и слабой (новой). Прилагательныя обѣихъ этихъ формъ имѣютъ въ концѣ темы

---

[1]) Вмѣсто этого „стараго" мѣстоименія употребляется теперь болѣе сложное vinš (=vin-jas, онъ, оный), viña (=vin-ja, она, оная), см. Bielenstein Gr. 12, 92, 93.

присоединенный членъ, который однако только у сильныхъ склоняется вполнѣ, по роду, потому что слабыя прилагательныя, подобно греческимъ и романскимъ прилагательнымъ, представляютъ еще т. наз. опредѣленный членъ sa, sô, thata, который склоняется вполнѣ.

Слитный членъ т. наз. „сильныхъ" прилагательныхъ -jis, -ja, -jata въ этой формѣ не встрѣчается самостоятельно (какъ въ слав., лит., лот. и др. яз.), но есть тоже ничто иное, какъ употребляемое личное мѣстоименіе is, si, ita, конечно въ болѣе старой, болѣе полной и нестяженной формѣ, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго сравненія прилагательнаго „слабаго" sa sakja (der zänkische) и „сильнаго" sakjis (zänkischer) съ личнымъ мѣстоименіемъ is, si, ita (er, sie, es):

Единств. ч.

	Муж. р.				*Жен. р.*			
И.	sa	sak-ja	sak-jis	is	sô	sak-jô	sak-ja	si
В.	thana	—jan	—jana	ina	thô	—jôn	—ja	ija
Р.	this	—jins	—jis	is	thisôs	—jôns	—jaisôs	isôs
Д.	thamma	—jin	—jamma	imma	thisai	—jôn	—jai	isai

Множеств. ч.

И.	thai	sak-jans	sak-jai	eis	thôs	sak-jôns	sak-jôs	(ijôs)
В.	thans	—jans	—jans	ins	thôs	—jôns	—jôs	ijôs
Р.	thisê	—janê	—jaisê	isê	thisô	—jônô	—jaisô	isô
Д.	thaim	—jam	—jaim	im	thaim	—jôm	—jaim	im

Средній р.

И. В. ед.	thata	sak-ja	sak-jata (saki)	ita
И. В. мн.	thô	—jôna	—ja	ija

Остальное какъ въ муж. р.

a) Присоединенный членъ „слабыхъ" прилагательныхъ различаетъ только родъ (м. -ja, ж. -jô = jā, с. -ja и -jô), иначе не измѣняется (развѣ только въ Р. и Д. ед. м. с.), но усиливается (за изъятіемъ И. ед.) т. наз. евфемистической частицей *-n* (Bopp, Gr. II. 12), и такъ образованная тема принимаетъ только слабыя безродыя (за изъятіемъ Р. мн.) окончанія т. наз. консонантнаго склоненія.

И. ед. м. -ja = представленному члену sa а И. ед. ж.

-jô=sô, только придыханіе другое; а это -ja проще (старше) личнаго is и усиленнаго -jis (= ja-s, ср. лит., лот., скр.). Подобнымъ образомъ -jô (слабыхъ) : -ja (сильныхъ), какъ представленный членъ sô къ личному si (ср. лит. nau-jo-ji : nau-ja). Членъ сред. р. слабыхъ въ Р. Д. = муж., а въ И. В. = жен. р. (ср. neutrum въ рюмин. и албан. яз.).

Р. ед. м. с. -jins (= *ja-n+is, ср. nasjand-is и т. п.) и Д. ед. м. с. -jin (= *ja-n+i), т. е. тема jan, *a* которой уступило гласному *i* указателей Р. и Д. ед. м. с., или такъ, что *i* въ этихъ двухъ падежахъ произошло изъ первоначальнаго, сильнаго склоненія (ср. Grimm, Gesch. d. d. Spr. 3. 656 = 945).

Въ Д. мн. jam (=ja-n+m) и jôm (=jô-n+m) усиливающее *n* передъ падежнымъ окончаніемъ *m* исчезло, какъ въ предлогахъ: am (= anm) = an dem, vom = von dem и т. п.

Присоединенный членъ слабыхъ прилагательныхъ первоначально,—„когда представленный, опредѣленный членъ... только что началъ понемногу развиваться изъ живого указательнаго мѣстоименія такъ сказать въ абстракцію указыванія (Grimm, Gesch. d. d. Spr. 666=959),— навѣрное тоже склонялся вполнѣ, точно такъ же, какъ и слитный членъ сильныхъ прилагательныхъ (ср. двучленныя прилагательныя въ греч., лит. и др.-слав. яз.). Гриммъ (о. с. 652 = 940) пишетъ, „что позади слабой флексіи лежитъ всегда сильная, и... что ко всунутому *n* первоначально присоединились окончанія сильной флексіи“. Впослѣдствіи подъ вліяніемъ второго, представленнаго члена, въ которомъ мало по малу сосредоточилась вся сила флексіи, склоненіе перваго, или слитнаго члена ослабѣло и стерлось такъ, какъ это видно въ гот. и др.-гор.-нѣм. яз. (ср. двучленныя прилагательныя рус., лот. и роман.). „Слабая форма обусловлена опредѣленнымъ членомъ“ (Grimm o. c. 666 = 959). Въ нынѣшнемъ нѣмецкомъ яз. наконецъ присоединенный членъ слабыхъ до того ослабленъ, что онъ, за изъятіемъ И. ед., не различаетъ даже

рода, тѣмъ менѣе числа и падежа. Такъ и первый членъ двучленныхъ прилагательныхъ въ нынѣшнихъ слав. яз., особенно въ чешскомъ.

b) Слитный членъ „сильныхъ“ прилагательныхъ -jis, -ja, -jata склоняется такимъ же образомъ, какъ и представленный, опредѣленный членъ „слабыхъ“, sa, sô, thata, и личное мѣстоименіе, is, si, ita, и то въ нѣсколькихъ падежахъ даже двучленно (какъ лотышскія двучленныя прилагательныя съ первымъ членомъ несклоняемымъ).

Въ И. ед. м. этотъ членъ имѣетъ четыре вида: два которыхъ отличаются отъ личнаго мѣстоименія большею полностью, одинъ же большею слабостью, ибо послѣ гласнаго или одного согласнаго съ предыдущимъ краткимъ гласнымъ бываетъ въ полномъ видѣ -jis (=ja-s, ср. лит., скр.), а послѣ долгаго слога, кончащагося согласнымъ, бываетъ въ усиленномъ видѣ -eis (= e-is = i-jis), какъ И. мн. м. личнаго мѣстоименія, или въ стяженномъ видѣ -is (= jis), какъ И. ед. м. личнаго мѣстоименія, или же въ ослабленномъ и сокращенномъ видѣ -s (= ьs = is [1]), ср. лот., др.-слав.): niu-jis (лит. nauj-as), mid-jis (лат. med-ius), vilth-eis (нѣм. wild-er), alth-eis (alt-er), airkn-is (лат. pius), sût-is (süss-er, sanft-er), hrein-s (rein-er), andanêm-s (angenem-er) и т. д. (M. Heyne, Laut- u. Flexionsl. d. altgerm. Sprachst. 233).

И. ед. ж. -ja : si, какъ др.-слав. -ꙗ : сн, т. е. личное si, сн другой темы, моложе, сильнѣе, стяжено изъ sja (ср. др.-гор.-нѣм. siu, лит. ši, скр. sjā). Но И. В. мн. с., который всегда = И. ед. ж., у личнаго мѣстоименія ija = В. ед. ж., гдѣ -ja : ija, какъ др.-слав. В. ед. ж. -ѭ : ѥѭ, рус. -ю : её. Точно такъ относится И. В. мн. ж. -jôs : ijôs, какъ др.-слав. Р. ед. ж. -ѩ : ѥѩ. Въ этихъ падежахъ личное мѣстоименіе имѣетъ удвоенную тему, а первая изъ

[1]) Для теоретическаго означенія ослабленныхъ, нѣмыхъ гласныхъ мягкихъ *i*, *e* и твердыхъ *a*, *o* употребляю славянскихъ буквъ ь и ъ и въ родственныхъ яз. индо-европ.

нихъ стяжена въ *i*, тогда какъ слитный членъ имѣетъ одну простую тему.

c) Членъ сильныхъ склоняется сложно: въ Р. ед. ж. -jaisôs (= ja+isôs, ср. др.-слав. **юѩ**, скр. jasjās), въ Р. мн. м. -jaisê (= ja+isê, ср. скр. jēšām = ja+išām), въ Р. мн. ж. -jaisô (= ja+isô, ср. скр. jāsām), въ Д. мн. м. ж. -jaim (= ja+im, ср. скр. jēbhjas = ja-ibhjas, jābhjas). Въ этихъ пяти падежахъ къ темѣ члена въ первоначальномъ нестяженномъ видѣ ja присоединено личное мѣстоименіе. Представленный членъ sa, sô, thata только въ Д. мн. къ темѣ tha присоединяетъ личное мѣстоименіе: thaim (=tha-im, ср. др.-слав. **тѣмъ** = **то**+**нмъ**, скр. tēbhjas), но въ Р. ед. мн. м. ж. и въ Д. ед. ж. тема tha уступаетъ свое *a* начальному *i* личнаго мѣстоименія.

Д. ед. ж. -jai (= др.-слав. **юи**) тоже старше болѣе сложнаго личнаго мѣстоименія isai (= i-sa-i = ja-sa-i), какъ и И. В. мн. ж. -jôs противъ ijôs, isôs, ибо И. В. мн. ж. обыкновенно во всѣхъ яз. тожественъ съ Р. ед. ж. И. мн. м. -jai (подобенъ Д. ед. ж.) сложенъ изъ темы ja и окончанія И. мн. м. *i* (ср. лит. jĕ, скр. jē), а И. мн. м. eis вѣроятно = je-i-s = ja-i-s, или = i-ji-s (ср. И. В. мн. ж. ijôs) = iis (ср. лат. И. мн. м. ii) съ первымъ *i* диссимилированнымъ въ *e* (ср. M. Heyne o. c. p. 23), какъ лат. Д. А. мн. iis = eis.

Въ И. В. ед. с., В. Д. ед. и В. мн. м. членъ сильныхъ прилагательныхъ не отличается отъ личнаго мѣстоименія, развѣ только нестяженной темой ja противъ той же стяженной въ *i*: -jana : ina, -jamma : imma, -jans : ins (ср. др.-слав. Д. дв. ж. -**юма**, м. -**юма**: **нма** и п. Д. М. мн.). Вмѣсто -jata (И. В. ед. с.), усиленнаго присоединеннымъ ta, или темой указательнаго мѣстоименія (ср. др.-слав. **къто**, **чьто** и т. п.), встрѣчается тоже -*i* (=ja), какъ въ личномъ ita (=i-ta).

7. Подобнымъ образомъ склоняются прилагательныя всѣхъ германскихъ нарѣчій, и въ доказательство, что слабое и сильное склоненіе прилагательныхъ основывается единственно на склоненіи присоединеннаго родового мѣ-

стоименія или члена, разберемъ еще др.-гор.-нѣмецкія прилагательныя, гдѣ членъ сильныхъ прилагательныхъ -jer, -ju, -jaz равняется опять личному мѣстоименію ër, siu, ëz. Но этотъ членъ свое придыханіе или уподобляетъ предыдущему согласному темы (mittêr = mit-jêr, гот. mid-jis), или опускаетъ его, особенно послѣ гласнаго темы (frîêr, friu, friaz рядомъ съ frigêr = fri-jêr, fri-ju, fri-jaz), или же стягиваетъ свою тему въ несклоняемыхъ формахъ (И. ед.) въ *i* (miti = mit-ja, kleini, breini, wildi), ср. гот. И. В. ед. с. saki = sak-ja-ta.

Это уподобленіе и опусканіе придыханія показываетъ этотъ членъ и у слабыхъ прилагательныхъ (dêr mitto = mit-jo, diu mitta = mit-ja, daz mitta = mit-ja):

Единств. ч.

	Муж. р.				*Жен. р.*			
И.	dër mitto	fri-gër	ir, ër		diu mitta	fri-ju	siu, sie, sî
В.	dën —un	—jan	inan, in		dia —ûn	—ja	sia, sie, sî
Р.	dës —in	—jes	is, ës		dërâ —ûn	—jêrâ	irâ, irô
Д.	dëmu —in	—jemu	imu		dëru —ûn	—jêru	iru, irô

Множеств. ч.

И.	diê mittun	fri-jê	siê	diô mittûn	fri-jô	siô, sie
В.	diê —un	—jê	siê	diô —ûn	—jô	siô, sie
Р.	dërô —ônô	—jërô	irô	dërô —ônô	—jêrô	irô
Д.	dêm —ôm	—jëm	im	dêm —om	—jêm	im

Средн. р.

И. В. ед.	daz mitta	fri-jaz	iz, ëz
И. В. мн.	diu —ân	—ju	siu

Остальное какъ въ муж. р.

И. ед. м. -gër = jër (= je+ir = ja+is, ср. гот. vilth-eis, лот. slap-ja-iš), сложный изъ темы ja и личнаго мѣстоименія, какъ и Р. ед. ж. -jêrâ (= ja+irâ, готск. ja+isôs), Д. ед. ж. -jêru (= ja+iru, гот. просто), Р. мн. -jêrô (=ja+irô, безъ разницы рода, противъ гот.) и Д. м. -jêm (= ja+im, ср. гот.). Представленный членъ опять только въ Д. мн. сложный: dêm (= da+im, ср. гот. и др.-слав. **тѣмъ**).

И. ед. ж. -ju : siu, какъ гот. -ja : si. Личное мѣстоименіе sî (= sja) въ гот. только въ И. ед. ж., а въ др.-

гор.-нѣм. и въ В. ед. ж. (-ja : sia), и въ И. В. мн. (м. -jê : siê, ж. -jô : siô, с. -ju : siu). Въ др.-гор.-нѣм. В. мн. = И. мн. -jê (= гот. -jai), siê (= sjai), diê (= djai, гот. thai).

Опредѣленный членъ, за изъятіемъ И. В. ед. с., вполнѣ равняется личному мѣстоименію темы si (= sja), какъ будто бы тема его была di (= dja, ср. гот. tha), *i* которой съ начальнымъ *i* личнаго мѣстоименія сливается въ *ë*, какъ въ личномъ мѣстоименіи И. ед. м. ër (= i + ir = ja + is), Р. ед. м. с. ës (= i + s = ja + is), И. В. ед. с. ëz (ср. гот. В. ед. ж. ija, Р. ед. ж. jaisôs и т. д.): И. ед. м. dër (= di + ir), В. ед. м. dën, Р. ед. м. с. dës, Д. ед. м. с. dëmu, Р. ед. ж. dërâ, Д. ед. ж. dëru, Р. мн. dërô.

В. ед. м. -jan : in, Р. ед. м. с. -jes : is, Д. ед. м. с. -jemu : imu доказываютъ, что и здѣсь слитный членъ сохранилъ первоначальную, нестяженную тему.

8. Латинскія прилагательныя имѣютъ только одночленную форму, членъ которой -ius, -ia, -ium, за изъятіемъ только двухъ падежей, вполнѣ соотвѣтствуетъ личному мѣстоименію, какъ это видно изъ слѣдующаго сравненія прилагательнаго med-ius, -ia, -ium съ личнымъ мѣстоименіемъ is, ea, id.

Единств. ч.

	Муж. р.		*Жен. р.*	
И.	med-ius	is	med-ia	ea
В.	—ium	eum	—iam	eam
Р.	—ii	ējus	—iae	ējus
Д.	—io	ei	—iae	ei (eae)
А.	—iō	eō	—iā	eā

Множеств. ч.

И.	med-ii	ii	med-iae	eae
В.	—ios	eos	—iās	eās
Р.	—iōrum	eōrum	—iārum	eārum
Д. А.	—iis	iis (eis)	—iis	iis (eis).

Средній р.

И. В. ед.	med-ium	id	остальное какъ въ муж. родѣ.
И. В. мн.	—ia	ea	

И. ед. м. члена -ius (= ios = ja-s, а личное is имѣетъ ту же тему ja стяженную въ *i* съ тѣмъ же усили-

вающимъ указательнымъ -s. Такъ и И. В. ед. с. члена -ium (=io-m=ja-m), а личное id имѣетъ стяженную тему, усиленную только другимъ указательнымъ -d (оск. io-te, ср. гот. i-ta), чтобъ разнилось отъ В. ед. м. eum. И. мн. м. ii = лит. jë = скр. jē = гот. jai. О 12 падежахъ члена и личнаго мѣстоименія, которые разнятся только начальнымъ гласнымъ *i*, *e*, нечего и говорить, ср. Д. А. мн. м. ж. с. личнаго мѣстоименія iis = eis. Древній Д. А. мн. ж. eābus = скр. jābhjas, тогда какъ обыкновенное eis=iis собственно Д. А. мн. м. с. (ср. Т. мн. м. лит. jeis = скр. зенд. jāis), но служитъ и въ жен. родѣ.

Единственная разница между членомъ и личнымъ мѣстоименіемъ замѣтна здѣсь только въ Р. и Д. ед., и то въ томъ, что личное мѣстоименіе здѣсь имѣетъ старшія формы: Р. ед. ejus (=i-jas, ср. гот. Р. ед. ж. isôs, И. В. мн. ж. ijôs, др.-слав. Р. ед. ж. ѥѩ, зенд. -ją, скр. -jājās); итакъ, ejus собственно Р. ед. ж., хотя служитъ и въ муж. и сред. р. Древній Р. ед. ж. члена -ias = обычному iae (=ia-i): pater familias = familiae; обѣ эти формы въ такомъ соотношеніи, какъ В. мн. ж. -iās (eās) къ И. мн. ж. -iae (eae), которые два падежа въ др.- и обще-слав., лит., лот., гот., др.-гор.-нѣм., зенд. и скр. яз. одинаковы. Р. ед. ж. ējus (=i-jas) : В. мн. ж. eas (=jas), какъ др.-слав. ѥѩ : ѩ, скр. jasjās : jās. — Р. ед. и И. мн. м. -ii (= jai) образованы, какъ и обычный Р. ед. и И. мн. ж. -iae (= jā-i) съ нестяженной темой, ср. греч. И. мн. м. -ιοι, οἱ : И. мн. ж. -ιαι, αἱ, гот. -jai : -jôs, thai : thôs.

Д. ед. ei (=jai, ср. др.-слав. ѥи, гот. jai) = Д. ед. ж. -iae (= jāi), тогда какъ Д. ед. м. -io = А. ед. м. iō = eō, подобно какъ Д. мн. = А. мн. iis = eis.

„Отъ существительныхъ образуются прилагательныя присоединеніемъ относительнаго (собственно и первоначально указательнаго) мѣстоименія ja=греч. ιο (лат. iu): *πάτρ-ιο-ς, ἄλ-ιο-ς, θαυμάσ-ιο-ς, οὐράν-ιο-ς, δίκα-ιο-ς...* egreg-ius, patr-ius, nox-ius, reg-ius, med-ius“ и т. д. (Steinthal, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin, 1860. p. 305).

9. Романскіе яз. имѣютъ прилагательныя одночленныя (въ сказуемомъ) и двучленныя (въ атрибутѣ), какъ рус. яз., но западные (итал., испан., португ. и француз.) яз. второй членъ (первоначально указательное мѣстоименіе ille, illa) германскимъ образомъ представляютъ, а восточный (румынскій) яз. его славянскимъ образомъ (по древнему началу) присоединяетъ въ концѣ одночленныхъ прилагательныхъ. Но всѣ романскіе яз. различаютъ только муж. и жен. родъ (какъ и лит., лот.), такъ какъ сред. р. во всемъ, и въ И. В., сравнился и совпалъ съ муж. р. (Diez. II. 4. и 45), и то, какъ думаю, тѣмъ, что латинскій членъ муж. р. -ius (= io-s = ja-s) и сред. р. -ium (= io-m = ja-m), потерявъ свое отличительное усиленіе -s, -m, упрощенъ въ одно -iu или -io (= ja), т. е. въ муж. и сред. р. въ одну одинаковую тему. (Иначе это объясняетъ Diez l. c.).

a) Румынскія прилагательныя склоняютъ первый (слитный) членъ только по роду и числу, а второй (присоединенный) членъ склоняютъ тоже по падежамъ, и то опять вполнѣ соотвѣтственно и согласно съ личнымъ мѣстоименіемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго сравненія двучленнаго прилагательнаго vech-iu-l (**вєтъх-ъ-н**) и одночленнаго vech-iu (**вєтъх-ъ**) съ личнымъ мѣстоименіемъ el, ea:

Единств. ч.

	Муж. р.					*Жен. р.*				
И.		vech-iu-l		vech-iŭ	el		vech-ia		vech-iă	ea
В.	pe	—iu-l	pe	—iŭ	pe el	pe	—ia	pe	—iă	pe ea
Р.	a	—iu-luĭ	de	—iŭ	a luĭ	a	—ie-ĭ	a	—iă	a eĭ
Д.		—iu-luĭ	la	—iŭ	luĭ		—ie-ĭ	la	—iă	eĭ

Множеств. ч.

И.		vech-i-ĭ		vech-ĭ	eĭ(i)		vech-ie-le		vech-ie	ele
В.	pe	—i-ĭ	pe	—ĭ	pe eĭ(i)	pe	—ie-le	pe	—ie	pe ele
Р.	a	—i-lor	de	—ĭ	a lor	a	—ie-lor	de	—ie	a lor
Д.		—i-lor	la	—ĭ	lor		—ie-lor	la	—ie	lor

Въ румынскомъ яз., какъ въ болг. и албан., второй членъ и личное мѣстоименіе въ В. = въ И., а въ Д. = въ Р.; для различенія ихъ служатъ предлоги: въ В. pe (= лат. per) а въ Р. *a* (= лат. a, ab); у одночленныхъ

означаютъ предлоги: В. тоже pe, Р. de (= лат. de) а Д. la. Двучленный И. ед. ж. vech-ia = vech-iă-a. Незначительная разница между вторымъ членомъ и личнымъ мѣстоименіемъ состоитъ въ томъ, что личное мѣстоименіе полнѣе, сохраняя свое начальное *e* (ȩl, eĭ, ea, ele), которое присоединенному члену конечно не нужно.

b) Въ западно-романскихъ яз. склоняются оба члена, присоединенный и представленный, одинаково, только по роду, а падежи означаются предлогами передъ представленнымъ членомъ: de для Р. и *a* (= лат. ad) для Д., тогда какъ В. отличается отъ И. обыкновенно только синтактически, своимъ помѣщеніемъ въ предложеніи, или тоже различными предлогами. Сравнимъ напр. итальянское прилагательное съ личнымъ мѣстоименіемъ.

Единств. ч.

	Муж. р.			*Жен. р.*		
И.	egli,	vecch-io,	il vecch-io	ella,	vecch-ia,	la vecch-ia
В.	lui		il —io	lei		la —ia
Р.	di lui		de l —io	di lei		della —ia
Д.	a lui		a l —io	a lei		alla —ia

Множеств. ч.

И.	églino,	vecch-ii,	i vecch-ii	élleno,	vecch-ie,	le vecch-ie
В.	loro		i —ii	loro		le —ie
Р.	di loro		dei —ii	di loro		delle —ie
Д.	a loro		ai —ii	a loro		alle —ie

Вмѣсто egli (= ille) еще у Данте встрѣчается el, какъ испан.; и ello было въ употребленіи, ср. членъ lo рядомъ съ il. Lui и lei образовалось изъ лат. illius, какъ loro изъ illorum. Усиливающая частица (тема указательнаго мѣстоименія) -no при И. мн. (églino, élleno) служитъ и въ III лицѣ мн. глаголовъ: cantano, cantavano и т. д. Въ И. мн. встрѣчается и простое egli (ei, e, elli) и elle (Diez II. 71 и 24).

Подобнымъ образомъ склоняются прилагательныя въ остальныхъ западно-романскихъ яз., испан., португ., провенс., французскомъ.

10. Древне-греческія прилагательныя тоже одно— и двучленныя, но второй членъ тамъ представляется,

какъ въ гот. яз. Оба члена, присоединенный и представленный, склоняются одинаково по роду, числу и падежамъ согласно съ личнымъ или указательнымъ мѣстоименіемъ ὁ, ἡ, το (ср. гот. sa, sō, thata, зенд. hô, hâ, tad, скр. sa, sā, tat) и съ относительнымъ мѣстоименіемъ ὅς, ἥ, ὅ (ср. зенд. jō, jā, jad, скр. jas, jā, jat), напр. ὁ ἅγ-ιος (švęt-as-is, **свят-ъ-и**), ἅγ-ιος (švęt-as, **свят-ъ**):

Единств. ч.

	Муж. р.			*Жен. р.*		
И.	ὁ ἅγ-ιος	ἅγ-ιος	ὅς	ἡ ἁγ-ία	ἁγ-ία	ἥ
В.	τόν —ιον	—ιον	ὅν	τήν —ιαν	—ιαν	ἥν
Р.	τοῦ —ιου	—ιου	οὗ	τῆς —ιας	—ιας	ἧς
Д.	τῷ —ιῳ	—ιῳ	ᾧ	τῇ —ιᾳ	—ιᾳ	ᾗ
	Двойств. ч.					
И. В.	τώ ἅγ-ιω	ἅγ-ιω	ὥ	τά ἁγ-ία	ἁγ-ία	ἅ
Р. Д.	τοῖν —ιοιν	—ιοιν	οἷν	ταῖν —ιαιν	—ιαιν	αἷν
	Множеств. ч.					
И.	οἱ ἅγ-ιοι	ἅγ-ιοι	οἵ	αἱ ἁγ-ίαι	ἁγ-ίαι	αἵ
В.	τούς —ιους	—ιους	οὕς	τάς —ιας	—ιας	ἅς
Р.	τῶν —ιων	—ιων	ὧν	τῶν —ιων	—ιων	ὧν
Д	τοῖς —ιοις	—ιοις	οἷς	ταῖς —ιαις	—ιαις	αἷς

Средній р.

И. В. ед.	τό ἅγ-ιον	ἅγ-ιον	ὅ	остальное какъ въ муж. р.
И. В. мн.	τά —ια	—ια	ἅ	

Незначительная разница здѣсь только въ И. ед. м. с., гдѣ представленный членъ и личное мѣстоименіе въ муж. р. просты, одна тема, безъ усиливающаго -ς, которымъ отличается относительное мѣстоименіе отъ сред. р.; за то опять предложный членъ и личное мѣстоименіе для разницы отъ муж. р. имѣютъ въ сред. р. το, тему другого указательнаго мѣстоименія, которое служитъ основою всѣмъ другимъ падежамъ предложнаго члена и личнаго мѣстоименія (ср. гот., зенд. и скр.). Слитный членъ имѣетъ въ И. ед. м. отличительное -ς а въ И. В. ед. с. такое же -ν. Впрочемъ здѣсь полное согласіе, ибо -η въ И. ед. ж. тожественно съ первоначальнымъ (дорическимъ) ā, которое сохранилось послѣ гласныхъ и послѣ ρ.

Слитный членъ -ιος, -ια, -ιον = -jos, -ja, -jon, какъ произносится въ новогреческомъ яз. (Hahn Alban. Stu-

dien II. 2) и въ др.-греч. послѣ гласныхъ, напр. δίκαιος, δικαία, δίκαιον и т. п., отличается отъ относительнаго мѣстоименія ὅς, ἥ (дор. ἅ), ὅ только придыханіемъ j = h.

11. Старо-бактрическій или короче зендскій яз. имѣетъ только одночленныя прилагательныя, слитный членъ которыхъ -jō, -ja, -jem (напр. maid'-jō, лат medius, гот. midjis) опять тожественъ съ родовымъ мѣстоименіемъ jō, jā, jad, которое служитъ и указательнымъ и относительнымъ. Незначительная и несущественная разница между ними только въ слѣдующихъ падежахъ:

a) И. В. ед. с. -jem : jad, какъ лат. -ium : id; таже тема ja въ личномъ мѣстоименіи усилена зубнымъ *d* (указательной темы da (ср. лат. гот. ita), а въ членѣ усилена носовымъ *m* (другой указательной темы ma (ср. лат. imo и пр.), передъ которымъ краткое *a* въ зенд. яз. ослабѣваетъ въ *e* (въ лат. въ *o*, *u*).

b) Д. ед. м. с. -jāi : jahmāi, какъ др.-слав. -ю : ѥмоу: лит. -jui : jámui; личное мѣстоименіе, употребляемое особо, сложено изъ темы ja и усиливающаго мѣстоименія hma, которое склоняется, какъ и членъ: Такъ и А. ед. м. с. -jad : jahmad и М. ед. м. с. -jōi : jahmi, др.-слав. -и : ѥмь (= ѥми), лит. -je : jame, скр. -jê (= jai): jasmi-n.

c) Въ Р. и М. ед. ж. -jajạn : jenhạn (др.-слав. -ѩ : ѥѩ) членъ и мѣстоименіе усилены, первый удвоеніемъ темы ja, второе сложеніемъ изъ той же темы, *a* которой передъ прибавленнымъ *n* съужено въ *e*, и другого мѣстоименія *ha*, которое склоняется, какъ и вторая часть члена. Такъ и Д. ед. ж. -jajāi : jenhāi и А. ед. ж. -jajād' : jenhād'a.

d) Въ И. мн. м. -jạnhō : jōi членъ сложнѣе относительнаго мѣстоименія, но бываетъ и -jā (вм. -jōi или -jē) передъ союзомъ -ča (= -que, -ve, -жє), и просто -ja, особенно у прилагательныхъ (Spiegel Gr. p. 123); вторая, склоняемая часть члена -hō (вм. -hōi) тогоже мѣстоименія, какъ вторая, склоняемая часть относительнаго мѣстоименія въ Р. А. Д. М. ед. и Р. мн. ж.

12. Санскритскія прилагательныя тоже только одночленны, и ихъ слитный членъ -jas, -jā, -jam опять тожественъ съ т. наз. относительнымъ мѣстоименіемъ jas, jā, jat, какъ это видно изъ его склоненія и прилагательнаго напр. púnjas (чистъ). Разница между членомъ и относительнымъ мѣстоименіемъ тоже незначительна, какъ въ зенд. яз., но здѣсь А. = Р. ед. ж.

a) Д. ед. м. -jāja (= jāi, ср. зд.): ja-smāi; такъ и А. ед. м. -jāt : ja-smāt, и М. ед. м. -jē (= ja-i): ja-smi-n (ср. зд., лит., слав.).

b) Р. А. ед. ж. -jājās : jasjās разнится только тѣмъ, что удвоенный членъ въ первой, несклоняемой части имѣетъ удлиненную тему jā (= И. ед. ж.), гдѣ мѣстоименіе имѣетъ усиленную тему jas (ср. зенд. Р. А. ед. ж. -ja-ją̄n : jen-ħąn, ja-jād : jen-ħāđa, др.-слав. Р. ед. ж. юѩ, гот. i-sōs = i-jos, лат. e-jus). Подобно Д. ед. ж. -jājāi : jasjāi, (ср. зд. -ja-jāi: jen-ħāi) и М. ед. ж. -jā-jām : jasjām (ср. зд. jen-ħąn).

c) И. мн. м. -jās (= ja-jas): jē (= ja-i), то и другое = И. ед. + И. ед., но jas = i(= ja), ср. М. ед. м. с. члена -jē(= jai).

d) Въ Р. мн. -jā-nām : jē-šām : jā-sām множественная тема (jā и jē = И. мн. м. ж.) + Р. мн. мѣстоименій na и sa, послѣ ē(= ai) смягченнаго въ ša. Подобно и Д. М. Т. мн.

Итакъ и здѣсь, какъ въ другихъ родственныхъ яз. соединенный членъ разнится отъ т. наз. относительнаго мѣстоименія только болѣе краткими и простыми формами, тогда какъ относ. мѣстоименіе, имѣя слабую, односложную тему, бываетъ усилено, сложено съ другимъ мѣстоименіемъ (А. Д. М. ед. м.) или представленной собственною темой (Р. А. Д. М. ед. ж.). Формы Р. А. Д. М. Т. ед. ж., Р. М. Д. Т. дв. и Р. Д. М. Т. мн. ж. зенд. и скр. прилагательныхъ подобны двучленнымъ формамъ лотышскихъ прилагательныхъ (См. выше подъ 5).

Такое усиленіе нужно особенно въ тѣхъ яз., которые различаютъ три рода, чтобъ точнѣе означать многіе

однозвучные падежи разныхъ родовъ и чиселъ. Напр. др.-слав.: 1) И. В. ед. м. и Р. мн. м. с. ж. синь; 2) И. В. ед. и мн. м., Д. М. ед. ж. и И. В. дв. ж. с. синии; 3) Р. ед. м. с., И. ед. ж., И. В. дв. м. и И. В. мн. с. синꙗ; 4) И. ед. ж., И. В. дв. м. и И. В. мн. с. синꙗꙗ; 5) Д. ед. м. с. и Р. М. дв. синю; 6) М. ед. м. с., Д. М. ед. ж., И. В. дв. ж. с. и И. Т. мн. м. синн. Членъ существительныхъ, употребляемыхъ только въ одномъ родѣ, не нуждается въ такомъ усиленіи поединныхъ падежей, какъ и членъ прилагательныхъ одночленныхъ той же древней формаціи, а слѣдовательно и слитный или первый членъ прилагательныхъ двучленныхъ.

13. Изъ предыдущаго сравненія и разбора прилагательныхъ славянскихъ и другихъ индоевроп. языковъ явствуетъ:

a) что членъ „опредѣленныхъ“ прилагательныхъ славянскихъ, т. е. родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, будучи слишкомъ слабой темы (ѥ = первоначально ja), со временемъ приняло усиленіе нѣкоторыхъ падежей и въ соединеніи съ „неопредѣленнымъ“ прилагательнымъ лишилось своей темы.

b) Если членъ „опредѣленныхъ“ прилагательныхъ родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ, что высказалъ уже Добровскій (Institut. 493), то и т. наз. „мягкое окончаніе“ -й, -ꙗ, -ѥ или -ь, -ꙗ, -ѥ „неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ не можетъ быть ничто другое, какъ то же родовое мѣстоименіе (только въ древней, простой формѣ), которое и здѣсь служитъ членомъ.

c) По этому нѣтъ никакихъ темъ на ꙗ („ja-stämme“), такъ какъ это ꙗ членъ и не принадлежитъ къ темѣ; слѣдовательно нѣтъ и „неопредѣленныхъ“ прилагательныхъ, потому, что они тоже вполнѣ опредѣлены своимъ членомъ по родамъ, числамъ и падежамъ. По этому лучше, научнымъ образомъ, точнѣе различать прилагательныя одночленныя и двучленныя.

d) Двучленныя прилагательныя очевидно младшей формаціи, чѣмъ одночленныя, — самые древніе, давно мерт-

вые языки (скр., зенд. и лат.) имѣли только одночленныя прилагательныя. По этому такихъ не слѣдуетъ называть „сокращенными" или „усѣченными" и т. п., такъ какъ они образовались не сокращеніемъ двучленныхъ, а наоборотъ, двучленныя образованы изъ одночленныхъ, присоединеніемъ второго члена, по примѣру старшихъ одночленныхъ, въ концѣ слова, тогда какъ греч., герм. и запад.-роман. яз. новымъ, аналитическимъ способомъ второй членъ представляютъ.

е) Такъ какъ членъ (родовое мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ) служитъ для означенія рода, числа и падежей, т. е. единственнымъ основаніемъ склоненія, то не только двучленныя, но и одночленныя прилагательныя съ мягкимъ окончаніемъ имѣютъ склоненіе прономинальное, а не номинальное.

Коларъ.

Прага Чешская.

Явленія конца слова въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ.

Въ своемъ изслѣдованіи по исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ, первая часть котораго вышла въ прошломъ году въ видѣ отдѣльной монографіи, я долженъ былъ подвергнуть пересмотру рядъ вопросовъ, входящихъ въ область фонетики. Среди нихъ особое значеніе имѣлъ для меня между прочимъ вопросъ о явленіяхъ конца слова въ латышскомъ и прусскомъ языкахъ, такъ какъ относящіеся сюда факты литовскаго языка вообще уже получили надлежащее освѣщеніе. Особенно обстоятельно разработанъ этотъ отдѣлъ исторіи звуковъ въ лекціяхъ по литовскому языку Ф. Ѳ. Фортунатова, которыя я постоянно имѣю въ виду и въ настоящей статьѣ. Такъ какъ въ своей книгѣ я не имѣлъ возможности представить сколько-нибудь полнаго и систематическаго очерка явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, и принужденъ былъ говорить о нихъ лишь по тому или другому специальному поводу, то я считаю своимъ долгомъ дать читателямъ подробный отчетъ въ томъ, какъ я смотрю на эти явленія, и почему именно у меня сложился тотъ или другой взглядъ.

Что касается фактическаго матеріала, то я основываюсь для прусскаго языка на книгѣ Бернекера „Die Preussische Sprache“, Strassburg 1896, а для латышскаго языка мнѣ служили источниками трудъ Биленштейна „Die Lettische Sprache“, Berlin, 1863—1864, двѣ моно-

графіи Бецценбергера: 1) Lettische Dialekt-Studien, Göttingen, 1885; 2) Ueber die Sprache der preussischen Letten, Göttingen, 1888, сборникъ Спрогиса: „Памятники латышскаго народнаго творчества“, Вильна, 1868, два сборника Трейланда (Бривземніакса): „Латышскія народныя пѣсни“, Москва, 1873 и „Матеріалы для этнографіи латышскаго племени, Москва, 1881, наконецъ, матеріалы, собранные въ изданіи „Rakstu krajums“.

Для удобства изложенія я приведу факты латышскаго и прусскаго языковъ отдѣльно и начну именно съ фактовъ латышскаго языка.

Въ латышскомъ языкѣ въ области интересующихъ насъ явленій мы находимъ прежде всего фактъ, хорошо намъ извѣстный и изъ литовскаго языка, а именно полную или частью неполную утрату краткой гласной конечнаго слога. Сюда относятся нижеслѣдующія категоріи случаевъ (ср. Bielenstein, L. Spr. § 140).

1) Гласная *a* въ современномъ литературномъ нарѣчіи вполнѣ исчезла въ окончаніи звательной формы ед. ч. именъ мужескаго рода съ твердыми и мягкими основами на *a* [1]). Примѣры: Kristup, Jēkab, Martin̂ и т. п. По свидѣтельству Биленштейна (§ 140, 4 и § 326) Адольфи въ своей грамматикѣ 1685 г. приводитъ еще формы вродѣ Jehkuba, Tohmina, о которыхъ см. ниже. Что касается относящихся сюда именъ нарицательныхъ, то литературное нарѣчіе представляетъ здѣсь въ значеніи звательной формы форму именительнаго падежа: kun̂gs, tēvs, Dêvs и т. п. Такое же образованіе мы находимъ и въ старыхъ текстахъ: ср. въ Катихизисѣ 1586 г., изданномъ Бецценбергеромъ во 2-мъ выпускѣ серіи Litauische und Lettische Drucke des 16. Jahrhun-

---

[1]) Мягкими основами на *a* мы можемъ условно называть тѣ основы, гдѣ этому *a* предшествовало нѣкогда *i*, *i̯* или *j*, всѣ прочія основы на *a* являются, слѣдовательно, „твердыми“. Сами по себѣ эти термины представляютъ значительное практическое удобство, вполнѣ соотвѣтствуя нѣмецкимъ „ja—stämme“, и „a—stämme“.

derts, thews (3, 9), Kunx dews, debesse thews (21, 34); въ псалмахъ и гимнахъ 1587 г., изданныхъ Бецценбергеромъ и Биленштейномъ въ 1886 г. (Vndeudsche Psalmen): sweteis Gars Kunx Dews (1, 4), Sweetcz Gayszums (1, 9), Sweetcz Gars (1, 14) и т. д. Ва діалектахъ сохраняются и до сихъ поръ старыя образованія звательной формы отъ нѣкоторыхъ нарицательныхъ именъ: tēv, vīr, saìminĕk (Bielenstein, § 326); saìminĕk, ak dȇs (Bezzenberger, Spr. Pr. L., p. 55); вірсдегун (Спрогисъ, стр. 60, 19), брӯтганинь (стр. 166, № 39), бȃлінь (стр. 166, № 42) и т. п; Діавінь, Лȁймінь (Трейландъ, Пѣсни, № 120) при Діавини въ слѣдующемъ же №. Параллельно съ этими образованіями мы находимъ образованія съ гласною въ концѣ. Биленштейнъ даетъ слѣдующіе примѣры въ § 140, 4: krȇvi, dȅli, vēji, mēnesninji, tēvu, kumelinju, bālelinju, dȅlinju, dȇvinji. Число такихъ примѣровъ можетъ быть увеличено изъ имѣющихся у меня сборниковъ произведеній народной словесности: вȇйіньі (Спрогисъ, 19, № 1), кумеліньі (119, № 26), Дѣвіньі (175, № 18) при Дѣвінь въ слѣдующемъ номерѣ; бȁлэліни (Трейландъ, Пѣсни, № 449), бȁлэліню (№ 447), кумеліню (№ 766), Діавіни (№ 888) при Діавінь (№ 886) и т. п. Объясненіе, которое даетъ образованіямъ этого типа Биленштейнъ, очевидно, не можетъ быть принято. Мнѣ представляется, во-первыхъ, несомнѣннымъ, что образованія на *u* появились подъ вліяніемъ аналогіи со стороны старыхъ основъ на *u* (ср. зват. форму alu). Во-вторыхъ, и въ образованіяхъ на *-i* я не могу видѣть старыхъ образованій на *e* (Биленштейнъ исходитъ изъ первоначальнаго *a*, ослабленіемъ котораго у него является *e*, *i*); противъ этого говорятъ данныя исторіи звуковъ. Ясно, что мы имѣемъ и здѣсь дѣло съ новообразованіемъ по аналогіи основъ на *i* „стянутое“ и на старое *i*. Представляется, однако, вопросъ, почему именно возникли разсматриваемыя явленія. Если мы обратимся къ исторіи старой звательной формы въ латыш-

скомъ языкѣ, то найдемъ легко отвѣтъ на этотъ вопросъ. Изъ приведенныхъ мною выше данныхъ слѣдуетъ, что старыя образованія звательнаго отъ основъ на *a* (твердыхъ и мягкихъ), оканчивавшіяся нѣкогда на гласную *e* (ср. лит. -*e*, слав. -*e*, греч. -ε въ соотвѣтственныхъ образованіяхъ), перешли и въ латышскій языкъ. По закону о подвижности краткихъ неударяемыхъ гласныхъ конечнаго слога, о которыхъ я буду говорить подробно ниже, гласная въ окончаніи звательнаго была нѣкогда подвижной, затѣмъ она была вполнѣ утрачена; такого происхожденія образованія звательной формы безъ гласной въ концѣ, о которыхъ я упоминалъ выше. Если мы обратимъ вниманіе еще на то обстоятельство, что въ цѣломъ рядѣ именъ съ разсматриваемыми основами старая форма звательнаго была замѣнена формой именительнаго (образованія этого типа извѣстны и въ народныхъ говорахъ) подъ вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ именъ, гдѣ обѣ эти формы совпадали, то придемъ къ слѣдующимъ выводамъ: у части именъ сохранились старыя образованія звательной формы, утратившія гласную въ окончаніи лишь въ отдѣльномъ существованіи латышскаго языка, у другой части именъ форма звательнаго была вытѣснена формой именительнаго, при чемъ въ литературномъ нарѣчіи образованія этого типа сильно распространились на счетъ образованій перваго типа, которыя здѣсь сохранились лишь у именъ собственныхъ, наконецъ, въ діалектахъ появились новообразованія, представляющія старыя звательныя формы безъ гласной въ окончаніи + гласная по аналогіи основъ на *i* „стянутое", на *i* и основъ на *u*, при чемъ, слѣдовательно, сказалось стремленіе сблизить разсматриваемыя образованія и съ внѣшней стороны съ соотвѣтственными образованіями отъ другихъ основъ, оканчивающимися на гласную. Что касается показанія Адольфи, приводящаго формы J e h k u b a, T o h m i n a, то такому показанію нельзя было бы довѣрять безусловно. Ясно во всякомъ случаѣ одно: образованія звательной формы на -*a* не могутъ быть старыми образованіями этой формы.

2) Гласная *a* вполнѣ исчезла въ современномъ литературномъ нарѣчіи въ окончаніи формы 3-го л. настоящаго времени глаголовъ съ основами, оканчивающимися на *a:* aŭg, vèlk, prût и т. п. Въ народныхъ говорахъ сохраняются частію образованія съ гласной *a* въ окончаніи; примѣры см. у Биленштейна § 420, гдѣ, впрочемъ, съ такими образованіями ошибочно отождествляются образованія на *e*, представляющія собою остатки старыхъ основъ на ē, полученныхъ первоначально въ формѣ прошедшаго времени и перенесенныхъ въ форму настоящаго подъ вліяніемъ аналогіи: въ формѣ прошедшаго времени существовало чередованіе *a* : *e* и такое же чередованіе появилось и въ формѣ настоящаго (ср. Ульяновъ, Значенія I, стр. 87).

3) Въ окончаніи формы именит. ед. ч. именъ и мѣстоименій съ неодносложными основами муж. р. на *a* и *ja* гласная *a* въ современномъ литературномъ (письменномъ) нарѣчіи исчезла вполнѣ (ср. dĕ̀vs, cèlsz, aŭgam̃s, katrs, kur̃sz и т. п.). Въ живой народной рѣчи, а частію въ языкѣ образованныхъ людей, однако, существуютъ образованія разсматриваемой формы на *-is*, гдѣ гласная появилась, очевидно, подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ образованій на *-is* отъ основъ на *i* „стянутое“ (ср. *i* въ окончаніи звательной формы, о которомъ я говорилъ выше). Въ народныхъ говорахъ окончаніе *-is* встрѣчается при окончаніи *-s* (*-sz*), повидимому, безъ того ограниченія, которое можно установить для языка образованныхъ людей, гдѣ *-is* является въ извѣстныхъ только случаяхъ, именно тамъ, гдѣ иначе существовало бы неудобное стеченіе согласныхъ: ср. слова Биленштейна на стр. 203 1-го тома и приведенные имъ же на слѣдующей стр. примѣры изъ произведеній народной словесности (dĕ̀vis, tadis krūmis, nabagis, dèlis и т. п.). Бецценбергеръ въ Spr. d. pr. L. (стр. 54 сл.) упоминаетъ о нѣкоторыхъ образованіяхъ им. ед. отъ разсматриваемыхъ основъ, гдѣ согласной *s* предшествуетъ гласная *a*, частію гласная *e* (áuksas, bärᵉfas, darefes, kerschas, ker-

sch^{a}s, kakl^{e}s и т. п.). Въ латышскихъ словахъ, находящихся въ „Сравнительныхъ словаряхъ“, изданныхъ по почину Императрицы Екатерины II, мы находимъ также образованія им. ед. на *-as* (гаисасъ и др.) при образованіяхъ на *-us* (паклусъ, т. е. каклусъ и др.), что и отмѣчено Бецценбергеромъ; къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Бецценбергеромъ, можно прибавить, что обычное окончаніе разсматриваемой формы здѣсь также *-съ* (Дэсъ, Тэсъ, Дэлсъ и т. п.); виросъ (подъ № 9), можетъ быть, опечатка вм. вирасъ. Бецценбергеръ думаетъ, что гласныя въ указанныхъ случаяхъ обязаны своимъ существованіемъ вліянію литовскаго языка, и я принимаю это объясненіе, такъ какъ иначе нельзя объяснить здѣсь гласной *a* (*e* въ конечномъ слогѣ), утраченной еще въ общелатышскую эпоху. Вліяніе литовскаго языка сказывается въ говорахъ прусскихъ латышей и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ и представляется вполнѣ понятнымъ въ виду географическаго положенія этой отрасли латышскаго племени, оторванной отъ своихъ соплеменниковъ.

4) Гласная *a* иногда можетъ отсутствовать также въ окончаніи звательной формы ед. ч. именъ женскаго рода съ твердыми и мягкими основами на ā; см. Bielenstein, II, p. 10. Примѣры можно найти у Биленштейна и въ имѣющихся у меня сборникахъ, напр.: мâмульiнь (Спрогисъ, стр. 38, № 26), лаймiнь (ib. № 28); галвiнь (Трейландъ, Пѣсни, № 980). Образованія звательной формы отъ разсматриваемыхъ основъ на *ī* (см. у Биленштейна: aiti, māmi, māsi) я объясняю аналогично уже разсмотрѣннымъ образованіямъ той же формы отъ основъ м. р. на *a*. Въ виду того, что форма именит. ед. ч. именъ съ основами ж. р. на ā и jā совпадаетъ въ латышскомъ языкѣ по звукамъ съ звательною формою, мы находимъ въ народныхъ говорахъ и образованія имен. ед. ч. безъ гласной въ окончаніи; ср. „Пуке пуке, рỳазе рỳазе, Бра̀лíт тава *ла̀удувiнъ*“ въ Сборникѣ пѣсенъ Трейланда (№ 424), гдѣ неточно при ла̀удувiнь стоитъ !; Та ту дарi, мŷс мâсiнь, ка

тев ма̂ца *ма̂мальı̈нъ* (Спрогисъ, стр. 230, № 5); Гайда, гайда *ма̂мальı̈нъ* У̂деньтіня несейініяс (Спрогисъ, стр. 233, № 30).

5) Гласная *е* утрачена современнымъ литературнымъ языкомъ въ окончаніи формъ 1-го и 2-го л. мн. ч. глаголовъ всѣхъ временъ и наклоненій въ невозвратной формѣ. Въ народныхъ говорахъ эта гласная здѣсь еще сохраняется сравнительно очень нерѣдко, см. Биленштейнъ, II, р. 119, 126, при чемъ частію извѣстны и образованія съ гласною *i* въ окончаніи формы: напр. sam ettami, gaidati. Само собою разумѣется, что это *i* не изъ *е* и появилось здѣсь подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ окончаній возвратной формы: *-mēs*, *-tēs*, такъ какъ въ другихъ случаяхъ сложной гласной *ē* въ формѣ возвратнаго залога соотвѣтствуетъ въ невозвратной формѣ *i* (см. Къ исторіи формъ спряженія, стр. 53, 55).

6) Гласная *е* утрачена въ окончаніи родит. *-es* отъ именныхъ основъ на согласныя; напр. akmen̂s, mēnes, debbes и т. п. (Bielenstein, §§ 349, 350).

7) Гласная *е* утрачена латышскимъ языкомъ въ окончаніи формы мѣстнаго ед. и мн. ч. именъ и мѣстоименій, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что и въ литературномъ нарѣчіи, и въ части народныхъ говоровъ здѣсь произошло сокращеніе дифтонга въ окончаніи тѣхъ образованій мѣстн. ед., гдѣ въ полномъ видѣ сама форма оканчивалась нѣкогда на *jì* въ положеніи послѣ гласной ср. rů̃kā̂ : rů̃kaî). Что касается именъ, то не всѣ основы имѣли искони то образованіе разсматриваемой формы на *-jì*, литовсколатышское *-ję̇*, которое мы находимъ въ настоящее время, а именно изъ сопоставленія съ литовскимъ языкомъ становится очевиднымъ сравнительно позднее распространеніе этого типа мѣстн. ед. на твердыя и мягкія основы м. р. на *-a*; произошло оно, повидимому, въ общелатышскую эпоху. Въ говорахъ мы находимъ при образованіяхъ на старое *-jì* съ утратою конечной гласной и безъ таковой также образованія на *-ja* и *-ju* (ср. uppeji, wakkaraja, berzeju и т. п., Bielenstein, II, p. 18;

-ju, по словамъ Биленштейна, встрѣчается чаще всего) и даже на *-jai* (Rīgajai); въ случаяхъ послѣдняго рода мы находимъ новообразованіе, получившееся вслѣдствіе вліянія типа Rīgaì на типъ Rīgaja. Гласныя *a* и *u* въ окончаніяхъ *-ja*, *-ju* представляютъ собою новообразованія по аналогіи формы мѣстн. п. мн. ч., оканчивающагося на *-si*, *-sa*, *-su*, откуда обычное окончаніе *s-* при *-si*, *-su* въ народныхъ говорахъ (taũtàsi, taũtinjèsu, Bielenstein, II, p. 29); примѣровъ для *-sa* я не знаю изъ латышскаго языка, но въ литовскомъ языкѣ это окончаніе намъ извѣстно, да и въ латышскомъ языкѣ оно должно было существовать (см. выше), а, можетъ быть, существуетъ еще и теперь (для литовскаго яз. см. хотя бы Schleicher, Handbuch I, p. 172—3, nota). У мѣстоименій мы находимъ въ мѣстномъ ед. ч. слѣдующія типическія образованія: taì, tà, teì, tanì, tamì (засвидѣтельствовано Адольфи), tamà (діалектическое образованіе); szaì, szà, szinì, szimì (Адольфи) — для м. р. и taì, tà, tanì; szaì, szà, szanì (Адольфи) — для ж. р. Очевидно, что образованія на -aì (-eì), -à представляютъ то же старое *-ji*, которое мы уже видѣли у именъ, а на основаніи показанія литовскаго языка мы должны признать ихъ латышскими новообразованіями. Далѣе, образованія на -mì тождественны по происхожденію съ литовскими образованіями на среднелит. -me, жемайтское -mi (долгота въ латышскомъ языкѣ нефонетическаго происхожденія), восточнолитовское -meᵃ, -meⁱ, -mi съ различіями по говорамъ; наконецъ суффиксъ -nì представляетъ собою нефонетическое измѣненіе суффикса -mì. Въ мѣстномъ мн. ч. мы найдемъ слѣдующія типическія образованія: tũ̀s, taìs, tanaìs (Адольфи), tanìs; szũ̀s, szaìs, schinìs для м. р. и tās, tanìs; szās, szanìs (Адольфи) для ж. р. Прежде всего легко объясняется *-s* изъ *-si*; далѣе, образованія типа taìs, tamìs, tanìs, являются, несомнѣнно, видоизмѣненіями старыхъ образованій мѣстн. множ. ч. подъ вліяніемъ соотвѣтственной формы един. ч. Итакъ, мы видимъ, что и латышскій языкъ, и діалекты

литовскаго языка указываютъ на слѣдующія окончанія формы мѣстн. пад.: $-je^i$ (въ ед. ч. не у мѣстоим. м. р.) [1]), $-me^i$ (въ ед. ч. у мѣстоим. м. р.) и $-se^i$ (во мн. ч.), именно съ гласною e^i, не *e*. Какого же происхожденія здѣсь гласная e^i? По указанію Ф. Ѳ. Фортунатова, гласныя *e* и *a* въ пралитовскомъ языкѣ перешли въ гласныя e^i и *o* въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ на носовую и въ такъ называемыхъ носовыхъ гласныхъ, бывшихъ въ эту эпоху также сочетаніями „гласная носовая + болѣе или менѣе слабая носовая согласная“. На основаніи показаній латышскаго языка я принимаю, что это измѣненіе старыхъ *e* и *a* при указанныхъ условіяхъ произошло въ эпоху единства литовскаго и латышскаго языковъ. Такимъ образомъ сочетанія on; e^in; ǫ^n; ę$_i^n$ обратились въ результатѣ въ литовскомъ языкѣ [2]) въ an, on, un; en, e^in, in; ą, ǫ, ų; ę, ę^i, į (съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями по говорамъ) и въ латышскомъ яз. въ ů, u (послѣднее при положеніи въ концѣ слова неодносложныхъ словъ); ë, i (i вполнѣ аналогично u). Примѣры: лит.-лат. ronkǫ^n, общелит. ronkǫ^n, откуда съ различіями по говорамъ rankă, rankā, ronko, runku (частію съ u некраткимъ), и общелатышское rů̂ků, откуда далѣе rů̂ku (по напр. tů); литовсколат. žā^{o}lę$_i^n$, окуда общелит. żolę$_i^n$ и далѣе żolĕ, żole^i, żoli (частію съ *i* некраткимъ), и общелат. zàlë, откуда, zàli. Далѣе, Ф. Ѳ. Фортунатовъ указалъ на то, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ литовскій и латышскій языки не сохранили носоваго звука, но тѣмъ не менѣе представляютъ такія гласныя, которыя не могутъ восходить къ *e* и *a* и объясняются лишь изъ e_i

---

[1]) Въ литовскомъ языкѣ старое образованіе мѣстнаго ед. у именъ съ основами на *a* и *ja* сохранилось лишь въ немногихъ случаяхъ и замѣнено вообще новообразованіемъ; въ латышскомъ языкѣ суфф. je^i распространенъ и на эти основы.

[2]) Исторію этихъ сочетаній въ восточнолитовскихъ говорахъ, непосредственно мнѣ извѣстныхъ, я описалъ въ 1-ой части „Замѣтокъ по діалектологіи литовскаго языка“ (Изв. отд. р. яз. и слов. И. А. Н., т. I).

и *о*, мы должны принимать существованіе носоваго элемента, исчезнувшаго въ силу особыхъ условій уже послѣ того, какъ дѣйствовалъ законъ объ измѣненіи качества гласныхъ *е* и *а* въ сочетаніи съ примыкавшими къ нимъ въ слоговомъ отношеніи носовыми. Не останавливаясь на подробностяхъ, я скажу еще только слѣдующее: такъ какъ сокращенія старыхъ долгихъ и носовыхъ гласныхъ произошли въ литовскомъ и латышскомъ языкѣ въ отдѣльномъ ихъ существованіи (см. ниже), то для общеславянскаго и общелатышскаго языковъ въ извѣстную эпоху ихъ существованія я принимаю въ окончаніи разсматриваемыхъ образованій гласную ę$_{i}^{n}$, откуда далѣе *е*^{i} съ позднѣйшими его измѣненіями. Если мы обратимся къ показаніямъ родственныхъ языковъ, то найдемъ, что такому литовсколатышскому -ję$_{i}^{n}$ соотвѣтствуетъ древнеинд. -yām, напр. sēnāyām (ср. Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ университетскихъ лекціяхъ); гласная e$_{i}^{n}$ въ окончаніи формы мѣстнаго ед. ч. мѣстоименій (лит. tamè, tamè^{i}, tamì съ различіями по говорамъ, лат. tamì) появилась вмѣсто ожидаемаго į^{n} (ср. древнеинд. tasmin) подъ вліяніемъ ę$_{i}^{n}$ въ -ję$_{i}^{n}$ (Ф. Ѳ. Фортунатовъ, тамъ же). Что касается окончанія формы мѣстнаго мн. ч., то здѣсь были извѣстны въ литовсколатышскомъ яз. въ окончаніи какъ гласная ę$_{i}^{n}$, такъ и гласныя *е*, *а*, *и*, при чемъ ę$_{i}^{n}$ появилось вм. *е* подъ вліяніемъ -ę^{in} въ формѣ мѣстн. ед. ч. еще въ литовсколатышскую эпоху, а гласная *а* и *и*, повидимому, въ діалектахъ общелитовскаго яз. получали также носовое свойство (ср. ą, ų въ окончаніи разсматриваемой формы у Бреткуна, Fortunatov, Beiträge zur vergl. Sprachforsch., VIII, 1), понятно, въ ту эпоху, когда ę$_{i}^{n}$ еще не подверглось сокращенію; то обстоятельство, что ą и ų не подверглись здѣсь сокращенію, объясняется различіемъ въ качествѣ долготы. Можетъ быть, въ литовсколатышскомъ яз. было извѣстно и окончаніе -*si* съ гласною *i* изъ стараго *i*.

8) Гласная *i* частію утрачена латышскимъ языкомъ въ окончаніи звательной формы именъ м. р. на *i* „стя-

нутое»; примѣры: brāli, brāliti при brāl, brālît (см. Биленштейнъ, I, p. 205, II, p. 10). Что касается приводимыхъ Биленштейномъ образованій разсматриваемой формы на *-e* у именъ собственныхъ (Janne, Jêce и т. п.), то нельзя не видѣть въ этой гласной *e* новообразованія по аналогіи именъ на *-e*, получившихъ въ свою очередь въ звательной формѣ *-ĭ* при *-e*. Вообще, какъ мы уже видѣли и выше, основы на *ĭ* „стянутое“ оказали въ латышскомъ языкѣ извѣстное вліяніе на другія основы именъ, въ тѣхъ именно падежахъ, гдѣ послѣднія представляли утрату гласной болѣе или менѣе полную. Затѣмъ разъ установилось окончаніе *-ĭ* въ звательной формѣ у цѣлаго ряда именъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что оно было перенесено и на основы на *-e*.

9) Гласная *ĭ* исчезла въ современномъ литературномъ нарѣчіи вполнѣ въ окончаніи формы стараго творительнаго ед. ч. именъ не женскаго рода, оканчивавшейся нѣкогда на *-mĭ*; то же образованіе этой формы было получено и въ склоненіи мѣстоименій. Съ точки зрѣнія практической грамматики въ латышскомъ языкѣ существуетъ лишь дат. пад., сохранившій въ извѣстныхъ случаяхъ и старое значеніе творительнаго падежа. Съ исторической точки зрѣнія дѣло, однако, обстоитъ не такъ. Биленштейнъ, сдѣлавшій попытку стать на эту послѣднюю, не далъ удовлетворительнаго рѣшенія, а именно онъ думалъ, что образованіе дат. на *-m* представляетъ собою цѣликомъ форму творительнаго на старое *-mĭ*, сохраняющееся еще въ діалектахъ (§ 333). Если бы дѣйствительно дательный пад. былъ замѣненъ творительнымъ, если бы мы имѣли здѣсь дѣло съ синтактическимъ явленіемъ, то мы ожидали бы найти то же явленіе и въ именахъ женскаго рода. Уже это соображеніе показываетъ, что рѣшеніе вопроса, почему форма на *-m* (kuņ̓gam) имѣетъ вообще значеніе дательнаго пад., сохраняя частію значеніе творительнаго, нужно искать въ другой области явленій. Примѣры употребленія „дательнаго“ въ инструментальномъ значеніи приведены у Биленштейна въ § 333

Lett. Spr. и главнымъ образомъ въ § 585 сокращенной грамматики (Lettische Grammatik, Mitau, 1863, какъ первая и единственная часть задуманнаго труда подъ заглавіемъ: „Handbuch der lettischen Sprache"), гдѣ почти исключительно отмѣчены случаи, въ которыхъ „дательный" множ. ч. является съ значеніемъ творительнаго падежа. Въ окончаніи этой послѣдней формы мы находимъ *-m* при *-mis*, *-ms*, сохраняющемся въ діалектахъ (Bielenstein, § 140). Итакъ, мы видимъ, что въ латышскомъ языкѣ въ формѣ „дательнаго-творительнаго" являются: 1) старыя образованія дат. ед. у именъ и мѣстоименій ж. р. при діалектическихъ образованіяхъ на *-u* съ инструментальнымъ значеніемъ, представляющихъ собою старую форму творительнаго ед. ч., гдѣ *-u* изъ литовсколатышскаго *-o*, а это послѣднее изъ ǫⁿ (ср. лит. g a ł v a, g a ł v o, g a ł v u съ различіями по діалектамъ); 2) образованія на *-m* при діалектическомъ инструментальномъ *-mi* у именъ и мѣстоименій муж. р. въ формѣ ед. ч.; 3) образованія на *-m*, *-mis*, *-ms* въ формѣ множ. ч. Образованія перваго типа объясняются очень легко и не представляютъ никакихъ затрудненій съ формальной точки зрѣнія, а на вопросѣ, почему здѣсь вообще исчезла старая форма творительнаго падежа, сохраняясь лишь при особыхъ условіяхъ, я остановлюсь ниже, когда мы разсмотримъ исторію образованій двухъ другихъ типовъ. Что касается именно второго и третьяго типа, то, мнѣ кажется, мы найдемъ правильную точку зрѣнія, если спросимъ себя, какова должна была бы быть исторія старыхъ образованій дательнаго и творительнаго падежей указанныхъ выше категорій склоняемыхъ словъ при нормальныхъ условіяхъ.

Какъ извѣстно, въ окончаніи дат. ед. ч. именъ существительныхъ муж. р. въ литовскомъ языкѣ является дифтонгъ *-ui* при одномъ *-u*, oᵘ и ũ съ различіями по діалектамъ, въ склоненіи же мѣстоименій и прилагательныхъ мы находимъ здѣсь окончанія *-mui*, *-mu*, *-mo*ᵘ*u*, -mũ, отношеніе между которыми то же, что и между выше-

указанными *-ŭi*, *-u*, *-o*ᵘ*u*, -ū. Въ окончаніи формы твор. ед. мы находимъ въ литовскомъ языкѣ 1) образованія съ суффиксомъ *-mi*, полученнымъ первоначально лишь въ склоненіи основъ на *-i* и *-u* и распространившимся на основы, оканчивавшіяся на согласныя, на мѣстоименныя основы м. р., на личныя слова, наконецъ, въ діалектахъ и на именныя основы на *-a*; 2) образованія на -ū̂, откуда при извѣстныхъ условіяхъ *-u*, у основъ на *-a* (ср. tū̃, но vilkū̂) и образованія на общелитовское *-o* изъ ǫⁿ у основъ ж. р. на -ā (ср. ranka, ronko, runku съ различіями по діалектамъ). Въ формѣ множ. ч. въ дат. пад. мы находимъ въ литовскомъ языкѣ старое *-mus* при *-ms*; въ творит. падежѣ (всѣхъ основъ, за исключеніемъ основъ на *-a*) *-mis*, *-ms*, при чемъ въ діалектахъ извѣстны и образованія на одно *-m*, какъ въ дат., такъ и въ творит.; утрата *-s* произошла здѣсь вслѣдствіе вліянія со стороны соотвѣтственныхъ образованій двойственнаго числа; въ именахъ и мѣстоименіяхъ муж. р. съ основами на *-a* въ окончаніи формы творит. мн. ч. является *-ais*. Въ прусскомъ яз. въ окончаніи дат. мн. мы находимъ *-mans* при *-mas* у личныхъ словъ; отъ основъ на *-a* въ твор. мн. является, насколько можно судить, окончаніе тождественное съ литовскимъ *-ais* (swaieis, см. Berneker, Pr. Spr., p. 197); въ формѣ ед. ч. мы находимъ здѣсь у именъ окончаніе *-ai*, при которомъ у именъ съ основами на *-a* является и окончаніе *-u*, перенесенное изъ мѣстоименнаго склоненія, гдѣ мы находимъ въ разсматриваемой формѣ *-smu*.

Итакъ, въ общебалтійскомъ языкѣ существовали слѣдующіе типы разсматриваемыхъ образованій отъ указанныхъ выше категорій склоняемыхъ словъ: 1) Въ дат. ед. ч. мы находимъ у именъ на *-a*ᵒ въ окончаніи самой формы -ōi, гдѣ ō имѣло прерывистое качество долготы, откуда пр. *-ai* непосредственно изъ -ōi [1]), лит. *ui*. Что ка-

---

[1]) Объ исторіи общебалтійскаго ō въ прусск. яз. см. въ статьѣ Ф. Ѳ. Фортунатова (Русск. Филол. Вѣстн., т. XXXIII,

сается литовскаго *-u* въ говорахъ не жемайтскихъ и являющихся въ этихъ послѣднихъ -o^u и -ū̃ (первое окончаніе въ сѣверозападныхъ, а второе — въ юговосточныхъ говорахъ) [1]) при -ů, извѣстномъ намъ въ формѣ сложнаго склоненія въ старыхъ мемельскихъ текстахъ (Bezzenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, pp. 65, 128), то ихъ исторія, равно какъ и исторія прусскаго *-u* представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Въ индоевроп. праязыкѣ при окончаніи дат. ед. -ā^oi существовало просто -ā^o; оба эти окончанія перешли въ литовскославянскій и далѣе въ общебалтійскій языкъ, гдѣ они должны были обратиться въ -ōi и -ō; качество долготы *o* было получено изъ литовскославянскаго яз. и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, какъ прерывистое. Такимъ образомъ ō съ прерывистой долготой перешло далѣе въ литовсколатышскій и общелитовскій языкъ, подвергшись измѣненію въ ů; изъ этого-то -ů и объясняются, какъ жемайтскія -o^uu, -ū (а жемайтское нарѣчіе имѣетъ изъ стараго ů именно -o^uu и -ū съ упомянутыми выше различіями по діалектамъ), такъ и мемельское -ů. Что же касается прусскаго *-u*, то и оно, по моему мнѣнію, получилось изъ общебалтійскаго ō съ прерывистой долготой, которое само по себѣ дало ā, откуда въ положеніи послѣ задненебныхъ и губныхъ согласныхъ ū. Если мы просмотримъ всѣ тѣ образованія дат. ед. на *-u*, которыя дошли до насъ въ нашихъ источникахъ, то найдемъ, что только въ двухъ случаяхъ *-u* стоитъ послѣ *r* (Berneker, Pr. Spr., p. 189): p r e i s ī r u (Ench. 82), S t e i s m u P i r u (Ench. 65). Правда, ā въ положеніи послѣ *r* не

стр. 266 сл.) и въ моей книгѣ „Къ исторіи формъ спряженія“, стр. 6 сл.

[1]) См. описаніе жемайтскихъ говоровъ, составленное Кс. Явнисомъ и напечатанное въ Памятной Книжкѣ Ковенской губ. на 1893 г. въ составѣ статьи К. Гуковскаго, посвященной общему описанію Россіенскаго уѣзда; эта статья имѣется и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

измѣнялось въ ū (ср. perōni), но въ данномъ случаѣ, я думаю, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ не фонетическимъ, а съ новообразованіемъ по аналогіи прочихъ случаевъ, гдѣ *u* было фонетическаго происхожденія, а напр. въ склоненіи мѣстоименій было только *u* въ положеніи послѣ *m* (steismu). Наконецъ требуетъ объясненія діалектическое литовское -*u*, являющееся въ говорахъ не жемайтскихъ. Мнѣ кажется, это -*u* не можетъ быть фонетически объяснено изъ -*ui*, такъ какъ подобное явленіе не имѣло бы никакой аналогіи въ исторіи звуковъ литовскаго языка, и можетъ быть понято только, какъ фонетическій варіантъ при -*ui*, возникшій въ общелитовскомъ языкѣ въ ту эпоху, когда разсматриваемое окончаніе существовало въ видѣ -ūi̯. Къ такому же заключенію приходитъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ по фонетикѣ литовскаго языка. Что касается дат. ед. у мѣстоименій съ основами на -*a*, то и здѣсь мы находимъ въ окончаніи формы тѣ же звуки, что и у именъ, съ однимъ отличіемъ: окончаніе разсматриваемой формы въ полномъ видѣ было въ общебалтійскомъ языкѣ -smōi, -smō, откуда -smu въ прусскомъ яз. и -mui, -mu, -mo^{u}u, -mū въ діалектахъ литовскаго языка, утратившаго *s* подъ вліяніемъ извѣстной аналогіи. Замѣчу кстати, что на основаніи показаній славянскихъ языковъ утрату *s* въ извѣстныхъ падежныхъ образованіяхъ мѣстоименныхъ основъ (дат. и мѣстн. ед. ч. не женскаго рода) можно возводить и до литовскославянскаго языка, гдѣ это явленіе произошло, слѣдовательно, лишь въ части діалектовъ. 2) Форма творит. ед. ч. оканчивалась частью на -*mi*, частью -ō (у основъ на *a*) и на -a^{o}n (у основъ на ā^{o}). 3) Въ окончаніи формы дат. мн. ч. мы находимъ при окончаніи -ma^{o}ns, сохранившемся въ прусскомъ языкѣ и являющемся въ литовскомъ языкѣ въ видѣ -mus (ср. литовское -us въ винит. мн. ч.), окончаніе -ma^{o}s, сохранившееся въ литовскомъ -ms, при чемъ въ литовскомъ языкѣ это окончаніе повліяло и на -mus, которое не должно было имѣть подвижной гласной по фонетическимъ

условіямъ. 4) Въ окончаніи формы творит. мн. ч. существовало окончаніе -mis у всѣхъ категорій склоняемыхъ словъ, за исключеніемъ основъ на -a°, имѣвшихъ здѣсь -a°is.

Такимъ образомъ въ латышскій языкъ должны были перейти изъ литовсколатышскаго языка характерныя образованія для обѣихъ паръ падежей: дат. и твор. ед., дат. и твор. множ., и уже на почвѣ самого латышскаго языка произошли процессы, поведшіе къ тому результату, который мы находимъ въ его современномъ состояніи. Исторія разсматриваемаго явленія представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Во-первыхъ, въ латышскомъ языкѣ получило дальнѣйшее развитіе явленіе, начала котораго восходятъ еще къ литовскославянскому языку, а именно суффиксъ тiворит. *-mī* былъ распространенъ на основы муж. р., оканчивавшіяся на *-a*. Съ другой стороны, эти основы получили новообразованіе и въ формѣ дат. ед. ч., такъ какъ на нихъ былъ распространенъ характерный звукъ *m*, полученный въ составѣ суффикса дат. ед. соотвѣтственными мѣстоименными основами. Слѣдовательно, въ извѣстный періодъ жизни латышскаго языка въ формѣ дат. ед. ч. разсматриваемыя основы имѣли въ окончаніи суффиксъ *-mui*, *-mu*, въ творит. ед. *-mī*. По закону о подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога, эти окончанія должны были получить видъ: *-mui*, *-m* въ дат. и *-m* въ твор. Понятно, что́ должно было произойти дальше: образованія дат. и твор., совпавшія въ цѣломъ рядѣ случаевъ, повлекли за собой полную утрату характернаго для дат. окончанія *-mui*. Это послѣднее обстоятельство оказало вліяніе и на склоняемыя слова прочихъ категорій: сперва совпали въ одномъ образованіи дат. и твор. у тѣхъ основъ, которыя имѣли въ твор. пад. *-mī* и, наконецъ, то же произошло въ склоненіи основъ ж. р. на *-a* и *-ī*, гдѣ вообще утрачена была старая форма твор. Отдѣльные случаи, гдѣ сохранились старыя образованія твор. на *-mī* и на *-u* у основъ въ ж. р. на -ā, приведены Биленштейномъ въ указанныхъ выше мѣстахъ его тру-

довъ; о твор. kû, szû, tû см. Bezzenberger, 248 стр. 9-го тома журнала. Принимаемое мною влiянiе мѣстоименнаго склоненiя на образованiе формы дат. ед. ч. у основъ на -*a* не можетъ, кажется, вызывать сомнѣнiй въ виду того обстоятельства, что такое влiянiе мѣстоименiй мы вообще находимъ въ латышскомъ языкѣ, встрѣтимся мы съ нимъ и дальше при изслѣдованiи формъ дат. и твор. падежей множ. числа.

Что касается окончанiя дат. пад. мн. ч., то, какъ мы можемъ думать, здѣсь было получено латышскимъ языкомъ не только -*mus*, тождественное съ литовскимъ -*mus*, но также и -*mas*. Далѣе, подобно литовскому языку и здѣсь окончанiе -*mas*, откуда по фонетическимъ условiямъ -*ms*, повлiяло на -*mus*, гдѣ *u* не могло быть подвижнымъ по самому своему происхожденiю. Въ результатѣ въ латышскомъ яз. было проведено всюду однообразное окончанiе -*ms*. Въ формѣ творит. мн. ч. было получено окончанiе -*mis*, откуда далѣе -*ms*, сохраняющееся и донынѣ въ говорахъ (Bezzenberger, LDSt, p. 160, SprPrL, p. 55 sq.). Примѣры для стараго -*mis*, сохранившагося при извѣстныхъ условiяхъ, см. у Биленштейна, § 340. Не опредѣляя точно эпохи, когда произошла въ латышскомъ яз. утрата звука -*s* въ окончанiи разсмотрѣнныхъ суффиксовъ, замѣчу, что начало этого явленiя можно относить къ литовсколатышскому языку; объясняется оно, какъ уже было замѣчено выше, влiянiемъ соотвѣтственныхъ образованiй двойственнаго числа, издавна не имѣвшихъ -*s*. Въ результатѣ латышскiй языкъ получилъ и въ окончанiи дательнаго и въ окончанiи творит. мн. -*m*, при чемъ аналогiи всѣхъ прочихъ основъ послѣдовали основы м. р. на на -*a*, гдѣ нѣкогда было получено окончанiе, тождественное съ литовскимъ -*ais*. Влiянiе мѣстоименiй на именныя основы сказалось въ образованiи формы „дат.-твор.“ мн. ч. въ томъ, что основы на -*a* получили здѣсь передъ окончанiемъ -*m* сложную гласную *ë*, издавна существовавшую въ соотвѣтственной формѣ мѣстоименныхъ основъ на -*a*. Чтобы покончить съ изслѣдованiемъ исторiи разсматриваемыхъ падежныхъ образованiй,

я долженъ еще остановиться на тѣхъ случаяхъ, которые между прочимъ приводитъ Биленштейнъ въ § 340. Прежде всего, мнѣ кажется, легко понять образованія съ суффиксомъ *-mi*, извѣстныя въ діалектахъ отъ основъ ж. р. на ā (напр. k ā j ā m i) и употребляющіяся съ значеніемъ творит. пад., какъ новообразованія вмѣсто болѣе старыхъ формъ съ суффиксомъ *-ma*, тоже извѣстныхъ въ діалектахъ v a l ū d a m a). Въ этомъ послѣднемъ суффиксѣ нельзя не видѣть остатка стараго суффикса двойств. числа; при чемъ суффиксъ *-mi* я считалъ бы болѣе новымъ по отношенію къ гласной *i*, появившейся здѣсь подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго образованія въ формѣ ед. ч., имѣвшей суффиксъ *-mi*. Правда, мы находимъ новое *-mi* при старомъ *-ma* лишь у основъ ж. р. на ā, т. е. какъ разъ у тѣхъ основъ, которыми въ формѣ ед. ч. не было получено окончаніе творит. *-mi*, но надо принять во вниманіе то обстоятельство, что *-mi* осталось вообще характернымъ окончаніемъ творит., въ латышскомъ же яз. и по отношенію къ старому окончанію твор. имен ж. р. съ указанными основами на *u* мы можемъ наблюдать аналогичное явленіе: Биленштейнъ на стр. 23 втораго тома Lett. Spr. приводитъ изъ одной народной пѣсни съ одной стороны V ē n u r ū k u, а съ другой — A b b u r ū k u; другіе примѣры на стр. 36. Что касается образованій со значеніемъ творит. пад., приведенныхъ Биленштейномъ на слѣдующей страницѣ, гдѣ мы находимъ въ окончаніи *-i* (основы на *-i*, на *-e* и на согласныя), то нельзя не видѣть въ нихъ новообразованія по аналогіи формъ на *-u*, уже нами разсмотрѣнныхъ; дѣло въ томъ, что эти послѣднія образованія совпадаютъ по звукамъ съ формами винит. пад. отъ соотвѣтственныхъ основъ, а вслѣдствіе этого могло легко создаться представленіе, будто что настоящіе винит. пад. только въ особомъ значеніи; послѣднее обстоятельство и привело къ употребленію напр. ū d e n i v i l l a ĩ n ĩ t i, съ значеніемъ творит. ед. ч. Наконецъ; я долженъ разсмотрѣть образованія на *is* отъ основъ м. р. на *a*, упоминаемыя Биленштейномъ на стр. 35,

(см. также Bezzenberger, Spr. Pr. L. p. 56) который видитъ въ нихъ старые творительные, тождественные по происхожденію съ литовскими творительными на *-ais*. Само собою разумѣется, что я не могу принять мнѣнія Биленштейна о томъ, какимъ именно путемъ получилось здѣсь *-is* изъ стараго *-ais*, такъ какъ въ латышскомъ языкѣ старое *ai* ни при какихъ фонетическихъ условіяхъ не измѣнялось въ *i*, о чемъ я буду говорить ниже. Я думаю, что *i* изъ *ai* получимъ здѣсь подъ вліяніемъ *i*, замѣнившаго старое *ai* въ именит. мн. ч.

Итакъ, въ результатѣ нашего изслѣдованія выяснилось, что латышскій языкъ нѣкогда имѣлъ въ окончаніи дат. ед. ч. извѣстныхъ основъ *-m* изъ болѣе древняго *-mu*, и что въ окончаніи формы дат. мн. ч. существовали здѣсь нѣкогда *-mus* и *mas*, при чемъ *-mus* получило нефонетическую подвижность *u* подъ вліяніемъ фонетической подвижности гласной *a* въ *-mas*; наконецъ, мы видѣли, что въ творительномъ мн. ч. было получено *-mis*, откуда далѣе *-ms*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы нашли подвижность гласной конечнаго слога, а потому я и заношу ихъ въ общій списокъ разсматриваемыхъ фактовъ подъ №№ 10, 11, 12 и 13.

14) Гласная *i* частью утрачена въ окончаніи дат. ед. личныхъ словъ: *man*, *tev*, *sev* (при діалект. *tar*, *sar*): болѣе полныя *mani*, *tevi*, *sevi* сохраняются и понынѣ, но не такъ употребительны сравнительно съ упомянутыми болѣе краткими образованіями. Обычныя m a n i m, t e v i m, s e v i m представляютъ собою старыя формы твор. ед., смѣшавшіяся въ употребленіи съ формами дательнаго по изложеннымъ выше причинамъ.

15) Гласная *i* въ большинствѣ діалектовъ утрачена въ окончаніи формы 3-го л. будущаго времени; образованія съ этого послѣдняго гласнаго сохраняются въ діалектахъ (Bielenstein, § 444). Въ латышскомъ катихизисѣ 1586 г. мы находимъ также такія образованія: b u u s e, встрѣчающееся нѣсколько разъ, и t a p s e (см. Къ исторіи, стр. 88).

16) Гласная *i* утрачена въ окончаніи формы 3-го л.

настоящаго времени глаголовъ нетематическаго спряженія, сохранившихся въ латышскомъ языкѣ лишь въ крайне скудныхъ остаткахъ. Мнѣ извѣстны только ē t и pallecki; послѣднее образованіе засвидѣтельствовано въ Катихизисѣ 1586 г. (см. Къ исторіи, стр. 45).

17) Гласная *i* исчезла въ литературномъ нарѣчіи и въ части говоровъ въ окончаніи формы возвратнаго залога глаголовъ при томъ ея образованіи, когда возвратное *-si* является въ качествѣ постпозиціи. Въ діалектахъ мы находимъ здѣсь часто *-si* (Биленштейнъ § 427). Слѣдуетъ замѣтить, что при *-si* мы находимъ и діалектическое *-sa*, *-se* (Bielenstein, § 427, Bezzenberger, Spr. Pr.L., p. 87), Относительно происхожденія *-si*, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія: очевидно, мы имѣемъ въ этомъ *-si* старую форму дат. *si*, употреблявшуюся энклитически (*si* изъ стараго *sē*, sa°i̯). *Se* представляетъ собою, надо думать, форму винительнаго (ср. въ греч. яз., ἐμέ, μέ, ἕ), а діалектическое *-sa* могло быть получено, какъ варіантъ *se*; правда, въ другихъ родственныхъ языкахъ мы не находимъ въ образованіи винит. личныхъ словъ, представляющемъ чистую основу, гласной, которая указывала бы на индо-европ. a°, не aᵉ, но такое чередованіе этихъ гласныхъ намъ вообще извѣстно въ указанныхъ основахъ.

18) Въ окончаніи 2-го л. ед. ч. повелительной формы глаголовъ съ основами тематическаго спряженія глаголовъ непроизводныхъ существовала нѣкогда гласная. Въ современномъ латышскомъ яз. мы находимъ здѣсь образованія или безъ всякой гласной въ концѣ, или съ гласною *i* въ окончаніи формы (Bielenstein, § 450).

У глаголовъ производныхъ съ основами настоящаго времени на *ja*, которому предшествуетъ долгая гласная, мы находимъ въ окончаніи 2-го л. повелительнаго наклоненія точно также образованія на *-i*; ср. напр. mazg̓aji, вмѣсто котораго обыкновенно является mazg̓ai, діалектическое mazg̓a. Въ формѣ возвратнаго залога, въ положеніи передъ постпозиціей *-s(i)*, является здѣсь

сложная гласная *ē*. Такимъ образомъ въ современномъ латышскомъ языкѣ извѣстно въ окончаніи разсматриваемой формы чередованіе, въ зависимости отъ различія въ фонетическомъ положеніи, гласныхъ *i* : *ē*, и можно бы думать, что образованія безъ гласной въ концѣ (типа напр. *met)* утратили именно гласную *i*. Однако, ближайшее изученіе исторіи данной формы раскрываетъ намъ нѣсколько иную картину. Такъ какъ относящіеся сюда вопросы подробно разобраны Ф. Θ. Фортунатовымъ въ „Критич. разборѣ сочиненія проф. Ульянова“ (стр. 143 сл.) и мною въ книгѣ „Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ“ (стр. 30 сл.), то, не останавливаясь на подробностяхъ, я изложу вкратцѣ общіе результаты и выводы, поскольку они касаются предмета настоящей статьи. Именно, мы должны признать, что латышскія образованія повелительной формы 2-го л. ед. ч. безъ гласной въ окончаніи, представляютъ собою частію старыя индоевропейскія образованія данной формы по тематическому спряженію съ гласной а^{e} въ окончаніи, вытѣсненной въ балтійскихъ языкахъ гласною а^{o}, полученной въ окончаніи основы лишь въ извѣстныхъ формахъ лица; частію здѣсь мы находимъ старыя образованія желательнаго наклоненія, гдѣ *i* изъ *ē*, сохраняющагося въ возвратномъ залогѣ; образованія перваго типа съ старой краткой гласной повліяли на образованія втораго типа въ силу того обстоятельства, что у глаголовъ съ основами настоящаго времени на балтійское *i* въ окончаніи формы 2-го л. ед. ч. стараго повелительнаго наклоненія была подвижной гласная *i*, какъ старая краткая гласная. Подъ вліяніемъ подвижности [1]) этого *i* появилась подвижность *i* въ старыхъ образованіяхъ желательно *(meti)* и наконецъ старыя образованія типа *met* изъ *meta* стали сознаваться, какъ сокращенія образованій типа *meti*, при которыхъ было также *met*. Въ концѣ концовъ образованія типа *meta* были

[1]) Подробности объ условіяхъ, при которыхъ явилась фонетическая подвижность гласныхъ конечнаго слога, см. ниже.

вполнѣ утрачены, и въ формѣ возвратнаго залога были проведены исключительно образованія типа *metēs*.

18) Гласная *i* частію исчезла въ окончаніи им. ед. ч. отъ основъ муж. р. на *i* стянутое по происхожденію. Сохраняется здѣсь *i* въ живой рѣчи преимущественно тамъ, гдѣ иначе получились бы неудобопроизносимыя сочетанія согласныхъ, въ литературномъ же языкѣ по традиціи окончаніе *-is* сохраняетъ и при другихъ условіяхъ; Биленштейнъ высказываетъ даже пожеланіе, чтобы на письмѣ такое *-is* сохранялось всюду (см. стр. 204 перваго тома и стр. 45 втораго тома).

19) Въ окончаніи *is* въ им. ед. ч. старыхъ основъ на *i* женскаго и мужескаго рода (*patis* (діалект.) при обычномъ *pats*) гласная *i* исчезла вполнѣ въ литературномъ нарѣчіи; діалектически *i* здѣсь сохраняется (Bezzenberger, Spr. PrL., p. 64, LDSt., p. 160).

20) Гласная *i* исчезла вполнѣ въ литературномъ нарѣчіи и въ окончаніи родит. ед. именъ муж. и женск. р. съ основами на *i*, сохраняясь частію въ тѣхъ же діалектахъ, въ которыхъ сохраняется *i* и въ разсмотрѣнной выше формѣ им. ед. ч. Обращаясь къ исторіи данной формы, я долженъ замѣтить, что *i* здѣсь не старое краткое *i*, но *i*, получившееся путемъ сокращенія старой сложной гласной *ē* (ср. въ литовскомъ яз. *-ēs* въ окончаніи соотвѣтственной формы).

21) Въ окончаніи формы неопредѣленнаго (инфинитива) мы находимъ въ современномъ литературномъ языкѣ *-t*, въ возвратной формѣ -tē's. Діалектически *-ti* сохраняется въ народныхъ пѣсняхъ, частію и въ обыкновенной рѣчи (Bielenstein, LSpr. II, p. 170, Bezzenberger, Spr. PrL., p. 98). Возвратная форма указываетъ сама по себѣ на то, что *-ti* въ формѣ невозвратной имѣетъ *i* изъ стараго *ē*, но историческое изслѣдованіе покажетъ намъ неосновательность подобнаго заключенія. Въ литовскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи съ латышскимъ *-t* *-ti* мы находимъ при *-t*, *-ti* въ невозвратной формѣ, въ извѣстныхъ говорахъ *-tē*, въ формѣ возвратнаго залога мы здѣсь имѣ-

емъ *-tis* при *-tēs* частію съ различіями по говорамъ. Оставляя пока въ сторонѣ показанія прусскаго языка, посмотримъ, съ какими образованіями родственныхъ языковъ мы можемъ сопоставить приведенныя литовско-латышскія окончанія неопредѣленнаго. Прежде всего возникаетъ вопросъ объ отношеніи литовско-латышскаго *-ti* къ славянскому -tī. Славянское -tī могло бы быть само по себѣ окончаніемъ дат. ед. ч. старой основы съ суффиксомъ *-ti*, и окончаніемъ такой же формы могло бы быть литовсколатышское *-ti*, гдѣ, слѣдовательно *-ti* изъ болѣе стараго *-tij*. Однако, мнѣ кажется, мы не можемъ ограничиться признаніемъ этого факта, такъ какъ, вѣдь, мы ждали бы, что въ инфинитивѣ, какъ и вообще въ образованіяхъ дательнаго падежа, удареніе будетъ падать всюду на основу, а между тѣмъ и славянскіе языки представляютъ рядъ инфинитивовъ отъ основъ непроизводныхъ глаголовъ съ удареніемъ на окончаніи (ср. русское нести́, сербское нѐсти и т. п.), и въ балтійскихъ языкахъ мы находимъ указаніе на то, что нѣкогда удареніе лежало на окончаніи въ формѣ неопредѣленнаго отъ извѣстныхъ основъ непроизводныхъ глаголовъ, именно литовскій языкъ представляетъ въ такихъ случаяхъ краткія гласныя *a* и *e* въ корнѣ глагола, несмотря на то, что на нихъ лежитъ удареніе, а мы знаемъ, что еще въ общелитовскомъ языкѣ гласныя *a* и *e* получали въ положеніи подъ удареніемъ и не въ конечномъ слогѣ словъ полудолготу, откуда въ среднелитовскомъ нарѣчіи *a* и *e* долгія, въ восточно-литовскомъ *a* и *e* полудолгія; въ такихъ образованіяхъ неопредѣленнаго, какъ nèszti, kàsti большинство говоровъ имѣетъ *e* и *a* краткія; нѣкоторые говоры восточно-литовскаго нарѣчія и здѣсь имѣютъ *e* и *a* полудолгія, но это же явленіе сравнительно позднее (см. мои „Замѣтки по діалектологіи литовскаго языка", Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. I, стр. 493). Вотъ это обстоятельство и служитъ указаніемъ на то, что нѣкогда общелитовскій языкъ имѣлъ *neszti̇̀, kastì и т. д. Слѣдовательно, въ инфинитивахъ на *-ti* и въ сла-

вянскихъ, и въ балтійскихъ языкахъ совпали двѣ категоріи образованій. Одну изъ этихъ категорій мы знаемъ; замѣчу еще кстати, что несомнѣннымъ указаніемъ на старый дательный падежъ, скрывающійся въ части инфинитивовъ на *-ti*, служатъ извѣстныя синтактическія явленія славянскихъ и балтійскихъ языковъ (см. статью Вс. Θ. Миллера „Синтаксическія замѣчанія", напечатанную въ приложеніи къ Сборнику литовскихъ пѣсенъ Ф. Θ. Фортунатова и Вс. Θ. Миллера). Другая категорія образованій неопредѣленнаго прэдставляетъ собою, по моему мнѣнію, форму мѣстнаго ед. ч. основъ на *-ti*. Въ славянскихъ языкахъ -tī однородно, слѣдовательно, по происхожденію, по отношенію къ гласной -ī съ -ī въ такихъ образованіяхъ, какъ pǫtī, kostī и т. п. Что касается балтійскаго, именно литовскаго *-ti*, то оно имѣетъ *i* изъ *ë* съ длительной долготой (латышское *-ti* изъ *-të*), а это послѣднее получилось изъ *ei*, являющагося сокращеніемъ по фонетическимъ условіямъ стараго ēi. Указаніе на то, что отъ основъ на *i* балтійскіе языки получили старое индоевропейское образованіе мѣстнаго ед. ч. на ēi съ i̯, бывшимъ подвижнымъ еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ, даетъ жемайтское нарѣчіе литовскаго языка, гдѣ мы находимъ въ окончаніи разсматриваемой формы *-ë* изъ стараго сочетанія *-ëji*; такъ какъ жемайтское *ë* соотвѣтствуетъ среднелит. ė, то это жемайтское *-ë* черезъ посредство *-ëji* восходитъ къ общелитовскому -ējeⁱ, а въ составъ этого -ējeⁱ вошло старое индоевропейское окончаніе мѣстнаго ē(i̯) въ сложеніи съ постпозиціей -jeⁱ. Далѣе, удареніе въ разсматриваемой формѣ лежало въ литовскославянскомъ языкѣ при извѣстныхъ условіяхъ на самомъ окончаніи, имѣвшемъ длительное качество долготы. Итакъ, наше изслѣдованіе выяснило, что въ литовско-славянскихъ образованіяхъ инфинитива, являющаяся въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ съ окончаніемъ *-ti*, а въ славянскихъ языкахъ съ окончаніемъ -tī, совпали двѣ различныя категоріи образованій: 1) старые дательные падежи отъ основъ на *-ti* и 2) старые мѣстные

падежи отъ тѣхъ же основъ. Далѣе, мы видимъ, что литовсколатышское *-tė*, откуда позже *-ti*, составляло принадлежность лишь второй категоріи образованій; въ формѣ возвратнаго залога въ положеніи передъ постпозиціей *-si* сл. гл. *ė* должна была фонетически сохраниться и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ. Такъ какъ въ формѣ невозвратной оба образованія совпали въ результатѣ въ одномъ образованіи на *-ti*, то и въ формѣ возвратнаго залога *-tė* было проведено въ латышскомъ языкѣ всюду подъ вліяніемъ однороднаго отношенія между *i* и *ė* и въ другихъ формахъ, въ литовскомъ же языкѣ произошло нѣсколько иное явленіе, а именно здѣсь образованія на *-ti* и *-tė* употреблялись promiscue, при чемъ *-tė* было отвлечено отъ формы возвратнаго залога, куда въ свою очередь было внесено образованіе на *-ti*. Часть діалектовъ литовскаго языка и донынѣ сохранила при формѣ на *-t(i)* форму на *-tė* въ формѣ невозвратной и *-tis* при *-tės* въ формѣ возвратной. Само собою разумѣется, что и по отношенію къ мѣсту ударенія оба образованія должны были смѣшаться, и въ результатѣ въ современномъ состояніи языка они въ этомъ отношеніи вполнѣ однородны.

Такимъ образомъ мы убѣдились въ томъ, что и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ гласная *-i* въ окончаніи инфинитива не старое краткое *-i*, но что она получилась частію изъ ij, частію изъ сложной гласной *ė*, а такія гласныя, какъ мы вскорѣ увидимъ, не подлежали фонетическому закону о подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога, не имѣвшаго на себѣ ударенія, и получили ее лишь вслѣдствіе дѣйствія извѣстныхъ психическихъ условій.

22) Въ числѣ нарѣчій, образованныхъ отъ прилагательныхъ, мы находимъ въ латышскомъ языкѣ слѣдующіе типическіе случаи: jaŭkai, jaŭki, maz, mazi (Bielenstein, II, § 526). Если обратиться къ литовскому языку, то не трудно убѣдиться въ томъ, что образованія типа maz вполнѣ тождественны по происхожденію съ литовскими образованіями типа szâlt при szałtà (Kur-

schat, Gramm. § 780), при чемъ, надо замѣтить, въ szaltà удареніе не старое, но перенесенное подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ образованій женскаго рода, ср. старое мѣсто ударенія въ примѣрахъ, приведенныхъ Шлейхеромъ въ Handbuch, I, p. 257. Слѣдовательно, разсматриваемыя латышскія нарѣчія представляютъ по происхожденію не что иное, какъ старый средній родъ прилагательныхъ отъ основъ на *-a*, оканчивавшійся въ им. еще въ литовскославянскомъ языкѣ на -a° изъ -a°d. Отъ основъ на *-ĭ* „стянутое" мы должны ждать въ окончаніи разсматриваемой формы *-ĭ* подвижное; такимъ образомъ въ образованіяхъ безъ гласной въ окончаніи должны были совпасть случаи перваго и втораго рода. Дальнѣйшій результатъ былъ въ латышскомъ языкѣ тотъ, что образованія на *-a* исчезли совсѣмъ, а образованія на *-ĭ* частію уцѣлѣли, при чемъ въ сознаніи говорящихъ съ ними ассоціировались образованія безъ гласной въ окончаніи, а это обстоятельство обусловило распространеніе окончанія *ĭ* и на старыя основы на *-a*, частію и на основы на *-u* (ср. pērni при pērns, jaûki при jaûks, līdzi отъ старой основы на *-u* при lidzei). Что касается образованій на *-aĭ*, *-ᶦaĭ*, то они тождественны по происхожденію съ соотвѣтственными литовскими образованіями.

23) Въ числѣ нарѣчій, представляющихъ собою по происхожденію извѣстную падежную форму именъ существительныхъ, Биленштейнъ приводитъ образованія на *-am*, *-an* (напр. aûgszam, ãran и т. п., § 531), разсматривая ихъ какъ старые винительные падежи. Такое объясненіе, не оправдываемое исторіей языка, не можетъ быть принято и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нарѣчія на *-an* тождественны по происхожденію съ діалектическими литовскими образованіями на *-an* (darżan и т. п.) изъ стараго *-ana*, гдѣ *-na* извѣстная постпозиція. Что же касается нарѣчій на *-am*, то тѣ изъ нихъ, которыя Биленштейнъ приводитъ въ § 531, представляютъ собою новообразованія по аналогіи нарѣчій на *-am*, производныхъ отъ прилагательныхъ (§ 527), а эти послѣд-

нія, по моему мнѣнію, старые дательные падежя; *-im* при *-am* я могъ бы понять какъ новообразованіе подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій на *-a, -i* (см. выше). Замѣчу еще, что нарѣчія на *-u*, въ которыхъ Биленштейнъ видитъ тѣ же образованія, что и на *-am*, только съ фонетическимъ измѣненіемъ *-am* въ *-u*, какъ и въ винит. ед. ч., представляютъ собою не что иное, какъ форму им. вин. ед. ч. средняго рода основъ на *-u*, гдѣ гласная *-u* сохраняется.

24) Въ постпозиціи *-gi* мы находимъ неполную утрату конечнаго *-i*, при чемъ при фонетическомъ *-dzi* является *-gi* подъ вліяніемъ однороднаго по значенію и родственнаго по происхожденію *-gu*. Примѣры см. у Биленштейна, § 625.

25) Въ латышскихъ k a d, t a d, тождественныхъ съ общелитовскими k a d o, t a d o (ср. среднелит. k a d a, t a d a, восточнолит. извѣстныхъ говоровъ k a d u, t a d u) мы находимъ утрату конечной гласной, которая, какъ можно думать на основаніи указаній литовскаго языка, явилась бы сама по себѣ въ латышскомъ яз. какъ *-u*. Въ литовсколатышскомъ языкѣ въ окончаніи разсматриваемыхъ словъ было дифтонгическое сочетаніе *-an* съ длительной долготой.

Разсмотрѣвъ цѣлыя категоріи случаевъ, гдѣ въ современномъ латышскомъ языкѣ является или частичная, или полная утрата краткой гласной конечнаго слога, мы должны обратиться къ выясненію вопроса объ общихъ условіяхъ разсматриваемаго явленія.

Какъ извѣстно, близкую аналогію представляетъ въ данномъ случаѣ литовскій языкъ. При ближайшемъ изслѣдованіи нельзя не придти къ тому выводу, что однородныя явленія и литовскаго и латышскаго языка, которыми мы занимаемся, возникли не независимо другъ отъ друга, Именно, какъ мы должны думать, еще въ эпоху литовсколатышскаго единства существовали извѣстныя условія. вліявшія на судьбу краткихъ гласныхъ конечнаго слога. Эти послѣднія становились, при отсутствіи на нихъ уда-

ренія, подвижными, т. е. исчезали въ однихъ случаяхъ, сохраняясь въ другихъ. Въ своихъ началахъ это явленіе должно было зависѣть отъ чисто фонетическихъ условій, но въ скоромъ времени присоединился къ нимъ рядъ психологическихъ моментовъ. Совокупность факторовъ того и другого порядка и создала подвижность краткихъ гласныхъ въ томъ ея видѣ, который открывается намъ изъ литовскаго и латышскаго языка.

Первоначально, какъ я замѣтилъ, краткія гласныя конечнаго слога при отсутствіи на нихъ ударенія по фонетическимъ условіямъ исчезали въ цѣломъ рядѣ случаевъ, сохраняясь въ другихъ случаяхъ при наличности извѣстныхъ факторовъ, которые мѣшали дѣйствію фонетическаго закона; сюда относится, напр., вліяніе извѣстныхъ сочетаній согласныхъ (ср. случаи, указанные выше, и аналогичныя имъ явленія литовскаго языка), вліяніе положенія слова въ сочетаніи словъ въ рѣчи и т. п. Психическіе элементы, которые оказали свое дѣйствіе на разсматриваемое явленіе, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ рубрикамъ. Во-первыхъ, мы должны считаться съ дѣйствіемъ аналогіи со стороны тѣхъ случаевъ, гдѣ гласная подлежала фонетически утратѣ, на тѣ случаи, гдѣ она должна была сохраниться, и обратно. Во-вторыхъ, должно было оказать дѣйствіе то обстоятельство, что въ извѣстныхъ выраженіяхъ въ силу традиціи должны были, по крайней мѣрѣ, частію сохраниться гласныя, подлежавшія утратѣ, равно какъ они должны были сохраняться и въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ размѣренной рѣчи (ср. преимущественное сохраненіе подвижныхъ гласныхъ въ разнаго рода формулахъ, пословицахъ, народныхъ пѣсняхъ и въ литовскомъ, и въ латышскомъ языкѣ). Въ-третьихъ, явилось стремленіе отличить извѣстныя грамматическія образованія, совпадавшія по звукамъ; такъ, по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова, объясняется тотъ фактъ, что форма 3-го л. буд. вр. издавна совершенно утратила въ лит. яз. гласную окончанія; именно, въ формѣ буд. времени совпадали во всѣхъ случаяхъ по звукамъ 2-ое л. ед. ч. и 3-ье л.,

между тѣмъ какъ въ однородныхъ по происхожденію по отношенію къ суффиксу *i* основахъ настоящаго времени, гдѣ эти формы различались въ части глаголовъ по ударенію, не происходило полной утраты конечной гласной въ окончаніи формы 3-го л. Наконецъ, въ четвертыхъ, по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова, возникло стремленіе уравнять по числу слоговъ формы словоизмѣненія одного и того же слова, отличавшіяся въ этомъ отношеніи другъ отъ друга; въ случаяхъ этого послѣдняго рода мы находимъ полное или почти полное исчезновеніе конечныхъ краткихъ гласныхъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что указанное стремленіе дѣйствовало и на краткія гласныя, не подлежавшія дѣйствію фонетическаго закона о подвижности и продолжало дѣйствовать и впослѣдствіи, когда появились новыя краткія гласныя изъ старыхъ долгихъ гласныхъ, а сокращеніе этихъ гласныхъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, относится уже къ эпохѣ отдѣльнаго существованія литовскаго и латышскаго языковъ. Примѣромъ первой категоріи случаевъ является окончаніе формы 2-го л. мн. ч. глаголовъ. Примѣромъ второй категоріи случаевъ служитъ окончаніе твор. ед. на *-mi*, имѣвшее на себѣ частью удареніе. Наконецъ, въ качествѣ примѣра для третьей категоріи случаевъ я приведу окончаніе 1-го л. мн. ч. глаголовъ, гдѣ была получена старая долгая гласная (см. объ окончаніи этихъ двухъ послѣднихъ формъ во 2-ой главѣ моего изслѣдованія „Къ исторіи формъ спряженія“).

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія разсматриваемаго явленія. Перехожу къ подробностямъ. Выше было отмѣчено, что подвижность краткихъ гласныхъ конечнаго слога должна была существовать уже въ литовсколатышскую эпоху, но если мы обратимся къ показаніямъ прусскаго языка, то придемъ къ тому убѣжденію, что наше опредѣленіе не совсѣмъ точно и что означенное явленіе старше по своему происхожденію. Въ самомъ дѣлѣ, изъ фактовъ прусскаго языка (см. Berneker, Pr. Spr., p. 168 sq.) нельзя не вывести заключенія въ этомъ именно смыслѣ.

По самому свойству нашихъ памятниковъ прусскаго языка мы должны относиться къ ихъ показаніямъ съ нѣкоторою осторожностью, но въ данномъ случаѣ рядъ примѣровъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что и въ прусскомъ языкѣ существовала подвижность старыхъ гласныхъ конечнаго слога. Правда, мы не находимъ примѣра, гдѣ бы гласная *a* отсутствовала въ концѣ слова, однако это обстоятельство не имѣетъ особаго значенія. Итакъ, изъ всѣхъ трехъ балтійскихъ языковъ мы извлекаемъ указаніе на то, что еще въ общебалтійскую эпоху краткія гласныя конечнаго слога при отсутствіи на немъ ударенія становились подвижными.

Сдѣланный нами выводъ требуетъ ограниченія въ одномъ отношеніи, именно ни прусскій, ни литовскій, ни латышскій языкъ не имѣютъ ни одного достовѣрнаго примѣра, гдѣ бы становилась подвижной старая гласная *u* [1]). Это обстоятельство напоминаетъ намъ аналогичное явленіе германскихъ языковъ. Можно думать, что гласная *u* по условіямъ своего образованія въ общебалтійскомъ языкѣ не представляла данныхъ для дѣйствія фонетическаго закона о подвижности краткихъ гласныхъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ мы получаемъ слѣдующую хронологію для различныхъ явленій, объединяемыхъ нами въ одномъ понятіи о подвижности краткихъ гласныхъ конечнаго слога.

1. Къ общебалтійской эпохѣ относится возникновеніе дѣйствія закона о подвижности краткой гласной конечнаго слога при отсутствіи на немъ ударенія, за исключеніемъ только гласной *u*.

2. Дѣйствіе психическаго фактора, о которомъ я упомянулъ выше подъ № 1, вѣроятно, сказалось уже въ общебалтійскую эпоху.

---

[1]) Гласная u, какъ мы видѣли, исчезла въ нарѣчіяхъ kad, tad, гдѣ это u образовалось въ общелатышскую эпоху изъ носовой гласной, именно изъ ǫ. Утрата u въ извѣстныхъ образованіяхъ дат. ед. въ латышскомъ яз. (см. выше) произошла въ отдѣльномъ существованіи латышскаго языка.

3. Остальныя явленія, обязанныя своимъ возникновеніемъ дѣйствію психическихъ началъ, появились не ранѣе эпохи единства литовскаго и латышскаго языковъ, при чемъ стремленіе уравнять число слоговъ въ формахъ словоизмѣненія одного и того же слога дѣйствовало и позднѣе, въ эпоху самостоятельнаго существованія упомянутыхъ языковъ.

По поводу втораго пункта я долженъ замѣтить, что, относя упоминаемое тамъ явленіе къ общебалтійской эпохѣ, я руководился главнымъ образомъ соображеніями общаго характера, такъ какъ непосредственныхъ указаній я не нахожу. Явленія, о которыхъ сказано въ пунктѣ третьемъ, несомнѣнно не общебалтійскаго происхожденія: въ прусскомъ языкѣ мы не находимъ никакихъ данныхъ въ пользу того, что уже въ общебалтійскую эпоху существовала нефонетическая подвижность краткихъ гласныхъ, а съ другой стороны противъ общебалтійскаго происхожденія стремленія различить извѣстныя грамматическія образованія путемъ закрѣпленія за одною группою формъ образованій безъ гласной въ окончаніи свидѣтельствуютъ прусская форма 3-го л. буд. вр. boūse и лат. buuse; далѣе, стремленіе сравнять по числу слоговъ формы словоизмѣненія одного и того же слога несомнѣнно также не старше литовсколатышскаго языка, при чемъ дѣйствіе этого стремленія обнаруживалось и впослѣдствіи, когда появились новыя краткія гласныя.

При обзорѣ отдѣльныхъ категорій случаевъ, въ которыхъ латышскій языкъ имѣлъ или имѣетъ старыя подвижныя гласныя, мы видѣли, что въ извѣстныхъ грамматическихъ формахъ, а также въ словахъ kad и tad въ окончаніи существовали не старыя краткія гласныя, но гласныя, бывшія нѣкогда долгими и сохранившіяся лишь въ силу спеціальныхъ условій. Подвижность гласной *i* въ окончаніи мѣстнаго ед. и гласной *i* въ окончаніи неопред. наклоненія приходится отнести на счетъ психическихъ элементовъ, вызвавшихъ то явленіе, которое упомянуто мною выше подъ № 4; съ другой сторо-

ны, подвижность гласной *и* въ окончаніи дат. ед. и мн. ч. и гласной *і* въ окончаніи извѣстныхъ образованій повелительной формы вызвана вліяніемъ аналогіи со стороны тѣхъ случаевъ, гдѣ гласная была фонетически подвижной (см. выше); наконецъ, появленіе подвижности стараго *и* изъ общебалтійскаго ǫ въ kada, tada также объясняется вліяніемъ какой-то аналогіи, можно думать, что повліяли здѣсь нарѣчія, имѣвшія фонетическую подвижность гласной. Съ другой стороны, въ разобранныхъ выше случаяхъ мы видѣли нефонетическую подвижность гласной тамъ, гдѣ она была по фонетическимъ условіямъ подвижной: въ окончаніи твор. *-mі* удареніе нѣкогда падало въ части образованія, именно на гласную суффикса, но подъ вліяніемъ прочихъ случаевъ, а также подъ вліяніемъ стремленія сравнить по числу слоговъ формы словоизмѣненія одного и того же слова, и здѣсь всюду появилась подвижность гласной *і*. По отношенію къ литовскому языку мы должны замѣтить, что и въ образованіяхъ формы мѣстн. подвижность гласной появилась въ части случаевъ, не смотря на лежавшее на ней удареніе. Въ латышскомъ яз., какъ извѣстно, удареніе передвинуто на коренной слогъ.

Разсмотрѣвъ исторію старыхъ краткихъ гласныхъ въ концѣ словъ, я перехожу теперь къ изслѣдованію судьбы старыхъ долгихъ гласныхъ въ латышскомъ и въ прусскомъ языкѣ.

Въ латышскомъ яз. мы находимъ старыя долгія гласныя конечнаго слога въ видѣ долгихъ гласныхъ лишь въ словахъ односложныхъ, при чемъ на сокращеніе такихъ гласныхъ въ словахъ неодносложныхъ не вліяли никакія спеціальныя условія, кромѣ именно положенія въ конечномъ слогѣ словъ. Въ противоположность литовскому языку здѣсь сократились одинаково и гласныя съ старой длительной, и съ старой прерывистой долготой, и это обстоятельство указываетъ на то, что сокращеніе это произошло уже въ эпоху отдѣльнаго существованія латыш-

скаго языка. Сами случаи, гдѣ мы находимъ сокращеніе старыхъ долгихъ гласныхъ, слѣдующіе.

I. Случаи, гдѣ были долгія гласныя съ прерывистой долготой:

a) гласная *a* изъ ā, сохраняющагося въ словахъ односложныхъ, въ окончаніи род. ед. ч. именъ и мѣстоименій съ основами на *a:* vil̓ka, tā, ср. лит. vil̃ko, tõ (въ діалектахъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, долгія гласныя, полученныя изъ общелитовскаго языка, подверглись позднѣйшему, „второму“ сокращенію при положеніи въ конечномъ слогѣ безъ ударенія).

b) гласная *a* изъ ā въ окончаніи формы 3-го л. глаголовъ съ основами на старое ā° въ настоящемъ и прошедшемъ времени: zina, vil̓ka, но въ возвратной формѣ zinа̓s, vil̓kа̓s, ср. лит. žìno, vil̃ko.

c) гласная *a* изъ ā въ окончаніи род. ед. ч. основъ ж. р. на ā: rů̓kas, но tās, ср. лит. rañkos, tõs.

d) гласная *a* изъ ā въ окончаніи им. мн. именъ ж. р. съ тѣми же основами: rů̓kas, но tās, ср. лит. rañkos, tõs.

e) гласная *e* изъ ē въ окончаніи формъ 3-го л. въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, гдѣ діалекты сохранили старую основу на ē: напр. vede, ср. лит. vẽdė (Биленштейнъ на стр. 202 1-го тома и въ другихъ мѣстахъ считаетъ это *e* діалектическимъ измѣненіемъ *a*).

f) гласная *e* изъ ē въ окончаніи род. ед. именъ ж. р. съ основами на ē: zа̓les, ср. лит. žolē̃s.

g) гласная *e* изъ ē въ окончаніи формы им. мн. ч. именъ ж. р. съ основами на ē: zа̓les, ср. лит. žõlės.

h) гласная *e* изъ ē въ окончаніи им. ед. ч. тѣхъ же именъ: zа̓le, ср. лит. žolē̃.

II. Случаи, гдѣ были долгія гласныя съ длительной долготой:

a) гласная *a* изъ ā въ окончаніи им. ед. ч. именъ ж. р. съ основами на ā: rũ̊ka, но tā, ср. лит. rankà, tà.

b) гласная *a* изъ ā въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. глаголовъ (см. „Къ исторіи", стр. 52): eima; ср. лит. -ma, -mos.

c) гласная *e* изъ ē въ окончаніи формы 1-го л. мн. ч. глаголовъ въ обычномъ ея образованіи: vedam, діал. vedame при vedamẽs, ср. лит. -me, -mẽs.

d) гласная *i* изъ ī въ окончаніи им. ед. ч. извѣстныхъ основъ ж. р.: pati, -usi въ окончаніи прич. ж. р., ср. лит. patì, -us(i).

Исторія старыхъ носовыхъ гласныхъ въ латышскомъ языкѣ представляетъ полную аналогію только что разсмотрѣннымъ явленіямъ: и здѣсь мы находимъ сокращеніе старыхъ носовыхъ гласныхъ при положеніи въ конечномъ слогѣ безъ всякаго отношенія къ старому различію въ качествѣ долготы. Важно при этомъ отмѣтить, что сокращеніе произошло уже послѣ того, какъ латышскій языкъ утратилъ носовое качество въ старыхъ носовыхъ гласныхъ и подвергъ ихъ извѣстнымъ видоизмѣненіямъ. Слѣдовательно, исторія старыхъ носовыхъ гласныхъ при разсматриваемомъ фонетическомъ положеніи совпадаетъ частью съ исторіей старыхъ долгихъ гласныхъ (для ų и į), частью съ исторіей старыхъ сложныхъ гласныхъ (для ą и ę), такъ какъ сокращенію подверглись непосредственно не носовыя гласныя, а развившіяся изъ нихъ долгія и сложныя гласныя. Въ виду этого можно бы и не выдѣлять въ особую группу самихъ случаевъ, гдѣ мы находимъ въ латышскомъ языкѣ видоизмѣненія старыхъ носовыхъ гласныхъ; на нѣкоторое нарушеніе строгой послѣдовательности я рѣшился въ виду бо́льшаго удобства при сопоставленіи съ фактами литовскаго языка.

I. Случаи, гдѣ старыя носовыя гласныя были съ прерывистой долготой:

a) гласная *u* непосредственно изъ ů и далѣе изъ ǫ въ окончаніи формы вин. ед. ч. именъ съ основами на *a* и ā, при чемъ въ односложныхъ мѣстоименіяхъ здѣсь сохраняется сл. гл. ů: vilku, rů̃ku, но tů [1]), ср. лит. vil̃ką, rañką, tą̃;

b) гласная *i* непосредственно изъ ё и далѣе изъ ę̑ въ окончаніи формы вин. ед. именъ ж. р. съ основами на -ē: zàli, ср. лит. žõlę;

c) гласная *i* непосредственно изъ ё и далѣе изъ ę въ окончаніи им. ед. ч. причастій муж. р. отъ основъ прошедшаго времени: vedis, ср. лит. vedęs (замѣчу кстати, что причастія отъ основъ настоящаго времени, а также отъ основъ будущаго врем., послѣднія съ извѣстнымъ новообразованіемъ, представляютъ въ латышскомъ языкѣ въ окончаніи им. ед. ч. м. р. новообразованіе на -ůts, -ůt, которое произошло слѣдующимъ образомъ: по аналогіи косвенныхъ падежей *t* было возстановлено и въ формѣ имен., такъ что явилось представленіе будто бы это ůts изъ ůtas; правильныя съ исторической точки зрѣнія образованія на -us (ср. лит. ąs), см. Bielenstein, II, p. 175; образованія на -ît (стр. 174) представляютъ собою измѣненія старыхъ образованій *-is въ томъ же направленіи, какъ это мы видѣли выше по отношенію къ образованіямъ на -ůt, -ůts);

d) гласная *i* непосредственно изъ ī и далѣе изъ į въ окончаніи формы вин. ед. ч. именъ съ основами на *i*: sir̃di, ср. лит. szir̂dį;

e) гласная *u* непосредственно изъ ū и далѣе изъ ų

---

[1]) Обращаю вниманіе на то, что въ латышскихъ словахъ я вездѣ пишу ů, ё, отмѣчая прерывистое удареніе знакомъ ̃.

въ окончаніи вин. ед. ч. именъ съ основами на *u:* alu, ср. лит. ãłų;

f) гласная *u* непосредственно изъ ů и далѣе изъ ą° въ окончаніи род. мн. ч.: vil̃ku, но tů, ср. лит. -ų.

II. Случаи, гдѣ старая носовая гласная имѣла длительную долготу:

a) гласная *-u-* непосредственно изъ ů и далѣе изъ ǫ въ окончаніи формы вин. мн. ч. отъ основъ на a° при ů въ односложныхъ мѣстоименіяхъ: vil̃kus, но tůs, ср. лит. viłkùs, лит. tùs при діал. tů̂s (tùs получилось фонетически при энклитическомъ употребленіи);

b) гласная *-a-* непосредственно изъ -ā- и далѣе изъ ą въ окончаніи формы вин. множ. ч. отъ основъ на ā при ā въ односложныхъ мѣстоименіяхъ: rũkas, tãs, лит. rankàs, tàs, діал. tą̂s (ср. tùs при tů̂s);

c) гласная *-i-* непосредственно изъ ī и далѣе изъ į въ окончаніи формы вин. множ. ч. отъ основъ на *i:* sir̃dis, ср. лит. szî̂rdis;

d) гласная *-u-* непосредственно изъ ū и далѣе изъ ų въ окончаніи формы вин. им. отъ основы на *u:* alus, ср. лит. ałùs;

e) гласная *e* непосредственно изъ ē и далѣе изъ ę въ окончаніи формы вин. мн. ч. имени съ основами на ē: zãles, ср. лит. żolès [1]);

f) гласная *-u* непосредственно изъ ů и далѣе изъ ǫ въ окончаніи нарѣчій tad, kad (см. выше); ср. ů въ твор. ků.

---

[1]) По поводу приведенныхъ образованій вин. мн. ч. замѣчу, что я принимаю вслѣдъ за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ удлиненіе передъ -ns одного слога краткихъ гласныхъ, такъ что въ окончаніи вин. мн. въ литовсколатышскомъ языкѣ существовали: -ōns, -ā°ns, -ēns, -īns, -ūns, отсюда -ǫs, -ą°s, -ęs, -įs, -ųs съ долгими носовыми гласными: ō въ ōns непосредственно изъ *o*, а это послѣднее изъ ā° передъ носовой въ дифтонгич. сочетаніи; гласныя ā° и ē получили послѣ себя n по аналогіи другихъ случаевъ.

g) гласная *u* непосредственно изъ ů и далѣе изъ ǫ, которое въ свою очередь изъ aᵒn, an, ā̄n, въ окончаніи твор. ед. ч. именъ ж. р. на ā въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ такія образованія сохранились (см. выше): rů̃ku, ср. лит. rankà при ronkò, runkù въ извѣстныхъ говорахъ;

h) гласная *e* изъ стараго ė, а это изъ ę̄ⁱ въ окончаніи формъ мѣстн., разсмотрѣнныхъ мною въ отдѣлѣ, посвященномъ подвижнымъ гласнымъ.

Переходя къ исторіи старыхъ сложныхъ гласныхъ, замѣчу, что, какъ мы уже убѣдились выше, она вполнѣ аналогична исторіи старыхъ долгихъ гласныхъ, т. е. сл. гл. ů и ė подвергались въ латышскомъ яз. сокращенію при положеніи въ конечномъ слогѣ словъ, за исключеніемъ словъ односложныхъ. Разсмотримъ теперь отдѣльныя категоріи случаевъ, гдѣ являлись нѣкогда эти сложныя гласныя, при томъ именно такія сложныя гласныя, которыя не изъ старыхъ носовыхъ гласныхъ, и которымъ, слѣдовательно, въ литовскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ сл. гл. ė и ů.

I. Случаи, гдѣ старыя сложныя гласныя были получены съ прерывистой долготой, мнѣ неизвѣстны изъ латышскаго языка.

II. Случаи, гдѣ старыя сложныя гласныя были получены съ длительной долготой:

a) гласная *u* изъ ů въ окончаніи формы 1-го л. ед. ч. глаголовъ: vedu, но vedů̃s, ср. лит. vedù, но vedů̂s(i).

b) гласная *i* изъ ė въ окончаніи 2-го л. ед. ч. глаголовъ: vedi, но vedẽs, ср. лит. vedì, но vedė̂s(i);

c) гласная *i* изъ ė по крайней мѣрѣ въ части инфинитивовъ на -ti (см. выше);

d) гласная *i* изъ ė въ divi, ср. лит. dvì (по происхожденію форма дв. ч. ж. р.).

e) гласная *i* изъ ė въ окончаніи им. мн. ч. неодносложныхъ основъ на *a* м. р., распространившагося въ латышскомъ языкѣ на всѣ категоріи склоняемыхъ словъ,

фонетически же оно было получено лишь въ мѣстоименіяхъ и притомъ, надо думать, односложныхъ: vil̃ki, но tě, ср. лит. gerì, tè̃, но vilkaĩ;

f) гласная *i* изъ ė въ -si, входящая въ составъ формы возвратнаго залога, ср. лит. -si.

Итакъ, мы познакомились съ исторіей долгихъ гласныхъ, носовыхъ гласныхъ и сл. гл. ė и ů въ латышскомъ языкѣ, при чемъ мы видѣли, что всѣ упомянутые звуки подверглись здѣсь въ общелатышскую эпоху сокращенію при положеніи въ конечномъ закрытомъ или открытомъ слогѣ словъ неодносложныхъ. Старые дифтонги въ латышскомъ яз. при такомъ фонетическомъ положеніи сокращенію не подлежали; тѣ случаи, въ которыхъ нѣкоторые лингвисты видятъ *i* изъ *ai*, *u* изъ *au*, объясняются иначе; разобраны они выше, здѣсь же я еще разъ повторю, сказанное мною въ книгѣ „Къ исторіи формъ спряженія въ балтійскихъ языкахъ“, что въ спряженіи глаголовъ лат. *u* и *i* въ окончаніи формъ 1-го и 2-го л. отъ основъ на старое ā° (saku, saki при лит. sakaũ, sakaĩ) объясняются не фонетическимъ измѣненіемъ дифтонговъ *au* и *ai*, но представляютъ новообразованіе по аналогіи прочихъ основъ.

Посмотримъ теперь, какова была исторія старыхъ долгихъ гласныхъ, дифтонгическихъ сочетаній и дифтонговъ въ прусскомъ языкѣ.

Въ своей книгѣ я держался того взгляда, что старыя долгія гласныя въ прусскомъ языкѣ не подверглись какимъ-либо сокращеніямъ при положеніи въ конечномъ слогѣ словъ. Противоположное мнѣніе высказалъ Бернекеръ: Einfache Längen scheinen auch im preuss. wie in den meisten litauischen Dialekten, wenn sie unbetont, verkürzt zu sein. Bei ā, ī, ū lässt sich das nicht entscheiden, du überhaupt nur betonte Längen den strich tragen... Wohl aber erscheint die Behandlung des ē beweisend für die verkürzung, weil es im Auslaut unbetont als ī erscheint mūti — mótē, pertraūki : tráukē, gijwis u. s. w. (Pr. Spr., p. 169). Что касается послѣдняго ар-

гумента, то я не нахожу возможнымъ принять его: мнѣ кажется, мы имѣемъ дѣло не съ сокращеніемъ гласной ē при указанномъ фонетическомъ положеніи, а съ измѣненіемъ ея качества въ направленіи къ гласной *i*, вообще же прусское ē, являющееся изъ общебалтійскаго ē только при старой прерывистой долготѣ, не было въ говорѣ катихизисовъ закрытой гласной, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе написаній черезъ *i*; такимъ оно оставалось и въ концѣ словъ подъ удареніемъ: ср. semmē, weddē, milē и т. п. Съ другой стороны, противъ того мнѣнія, что по отношенію къ гласнымъ ā, ī, ū нельзя найти никакихъ указаній по вопросу о сокращеніи въ конечномъ слогѣ слова безъ ударенія, я могу выставить слѣдующее соображеніе: что касается по крайней мѣрѣ, гласной *a*, то на отсутствіе сокращенія въ конечномъ слогѣ безъ ударенія указываетъ сохраненіе этого *a*, какъ *a* безъ тѣхъ измѣненій въ направленіи къ гласнымъ *e* и *o*, которымъ подвергалось *a* краткое въ положеніи безъ ударенія.

Что касается дифтонгическихъ сочетаній и дифтонговъ съ старой долгой слоговой гласной, то прусскій яз. представляетъ здѣсь краткія гласныя, и такимъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что сокращеніе старыхъ долготъ произошло еще въ общебалтійскую эпоху (литовскій и латышскій яз. представляютъ здѣсь краткія гласныя), ср. „Къ исторіи“, стр. 10; на то обстоятельство, что въ дифтонгахъ съ старой долгой гласной прусскій яз. имѣлъ краткія гласныя, указываетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ своей статьѣ объ удареніи въ прусскомъ яз., стр. 19 отдѣльнаго оттиска.

В. К. Поржезинскій.

Москва.

Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей.

Внѣшніе Гоголевскіе пріемы не могли не отразиться на произведеніяхъ его послѣдователей. Такъ какъ не только ближайшія литературныя поколѣнія, но даже младшіе современники воспитались на Гоголѣ, то уже при жизни его обозначилось широкое и разностороннее вліяніе его творчества, отмѣченнаго печатью свойственной геніямъ высокой оригинальности. Если вслѣдъ за Гоголемъ корифеи сороковыхъ годовъ создали цѣлую натуральную школу, имѣвшую огромное значеніе въ литературѣ, то въ отношеніи второстепенныхъ писателей, съ менѣе сильнымъ талантомъ, можно указать слѣды иногда даже рабскаго ученичества. Здѣсь, разумѣется, смотря по автору и силѣ его таланта, не могло не быть разныхъ степеней и оттѣнковъ отъ едва уловимаго и не всѣмъ замѣтнаго сходства до очевидностей копировки. Въ своихъ воспоминаніяхъ Анненковъ передаетъ, съ какимъ неудовольствіемъ Гоголь принялъ извѣстіе о томъ, что Гребенка рабски ему подражаетъ.

Если у такихъ корифеевъ, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, замѣчаются иногда также слѣды и внѣшняго подражанія Гоголю, особенно въ параллельныхъ характеристикахъ, имѣющихъ цѣлью показать противоположность двухъ характеровъ, напр. Хоря и Калиныча, — то у второстепенныхъ оно выражалось, кромѣ усвоенія реализма, также

въ выборѣ и обработкѣ сюжетовъ, въ подражаніи юмору, манерѣ и пріемамъ повѣствованія, даже въ перифразѣ и заимствованіи отдѣльныхъ выраженій. Въ наиболѣе осязательной формѣ примѣры зависимости отъ произведеній Гоголя, какъ отъ несомнѣннаго образца, можно найти изъ сравнительно крупныхъ писателей преимущественно у Григоровича, который и самъ нерѣдко обнаруживалъ это вліяніе или прямой ссылкой на Гоголя, или явными намеками на какое-нибудь общеизвѣстное Гоголевское выраженіе. Напр. въ разсказѣ „Лотерейный балъ" мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу: „тутъ дама запуталась, или, какъ говоритъ Гоголь, зарапортовалась" [1]).

Такъ какъ не представляетъ особаго интереса слѣдить вліяніе внѣшнихъ Гоголевскихъ пріемовъ на какомъ-нибудь незначительномъ писателѣ, а у болѣе крупныхъ оно менѣе поддается осязательнымъ указаніямъ, то мы позволимъ себѣ для нашей цѣли избрать именно Григоровича, чтобы нѣсколькими болѣе поразительными параллелями дать наглядное представленіе о томъ, какъ даже въ мелочахъ творчество второстепенныхъ писателей подчинялось вліянію Гоголя.

До какой степени въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Григоровичъ ученически относился къ Гоголю, можно видѣть на его извѣстномъ очеркѣ „Петербургскіе шарманщики", гдѣ въ главѣ „Уличный гаеръ" находимъ явную варіацію къ извѣстному Гоголевскому выраженію: „извѣстно даже не учившемуся въ семинаріи"—въ слѣдующемъ видѣ: „*извѣстно всякому даже и не читавшему* дѣтскихъ прописей, что счастье скоротечно и исполнено треволненій". Если кто нибудь возразилъ бы, что такого рода сходство случайно, то, во-первыхъ, подобныхъ случайностей много, а во-вторыхъ, тутъ

---

[1]) Также въ началѣ разсказа „Свистулькинъ" Григоровичъ цитируетъ слѣдующую фразу изъ повѣсти Гоголя „Носъ" о Невскомъ проспектѣ: „этотъ пестрый цвѣтникъ, движущійся отъ Полицейскаго моста до Аничкина".

же, въ этомъ самомъ очеркѣ, на разстояніи нѣсколькихъ страницъ, послѣ словъ: „стѣны и потолокъ усѣяны тѣми пріятными насѣкомыми, которыя пользуются честію носить названіе одинаковое съ извѣстнымъ европейскимъ народомъ“, Григоровичъ, безъ сомнѣнія вспоминая Гоголевское выраженіе, прибавляетъ: „я выразился бы и проще; но боюсь людей, не привыкшихъ сморкаться тамъ, гдѣ есть возможность обойтись безъ платка“. „Васъ, кажется, попросту бѣсъ веревочкой связалъ“, сказалъ весело Балахновъ („Проселочныя дороги“), какъ бы намекая на извѣстныя слова Гоголя, что „судья обыкновенно говорилъ, что Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется“. И тамъ же, въ „Проселочныхъ дорогахъ“, есть и другіе безусловно несомнѣнные слѣды подражанія внѣшнимъ пріемамъ и выраженіямъ той же самой повѣсти. Напр. у Гоголя читаемъ: „*О, еслибъ я былъ живописцемъ*, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды... *Но врядъ ли бы я могъ изобразить* Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукахъ“ и проч. Въ „Проселочныхъ дорогахъ“ явное подражаніе: „Лицо Аристарха Ѳедоровича выразило вдругъ столько благородства, что, *будь я живописецъ*, я начерталъ бы его тутъ же, между этими строками; *но нѣтъ, будь я первымъ живописцемъ въ мірѣ, все-таки не былъ бы я въ состояніи передать* съ подобающею точностью величавыя черты знаменитаго мужа“. Гоголевская манера употреблять въ ироническомъ смыслѣ выраженія: „достойный“, „знаменитый“, „почтенный“ и проч. въ примѣненіи къ заурядным или даже завѣдомо пошлымъ личностямъ повторяется очень нерѣдко и у Григоровича. Такъ послѣ описанія ссоры скотницы Домны съ Ѳеклой (въ разсказѣ „Деревня“) Григоровичъ говоритъ: „Каждая изъ этихъ *достойныхъ* женщинъ принялась защищать права свои въ разсужденіи того, на чью горькую долю долженъ достаться ребенокъ, будто на зло

имъ родившійся“. А въ непосредственно слѣдующихъ строкахъ, какъ и часто у Григоровича, въ свойственномъ ему, такъ сказать, тяжеломъ юморѣ чувствуется подражаніе юмору Гоголя: „жребій“, — продолжаетъ Григоровичъ—„въ благодарность за такое довѣріе, не замедлилъ, по обыкновенію, показать собою примѣръ безукоризненнаго безпристрастія и справедливости: сиротка досталась на долю скотницы, которая, не въ примѣръ другимъ бабамъ, была надѣлена полдюжиною собственныхъ чадъ“.

Черезчуръ прозрачныя и незамаскированныя заимствованія у Гоголя встрѣчаются, конечно, только въ самыхъ раннихъ опытахъ пера Григоровича, принадлежащихъ приблизительно двумъ-тремъ первымъ годамъ его литературной дѣятельности; но въ видѣ невольныхъ и, вѣроятно, незамѣнимыхъ для самого автора реминисценцій, они проскальзываютъ значительно позже.

Изъ произведеній Гоголя болѣе замѣтнымъ образомъ повліяли на литературные пріемы Григоровича, какъ это и естественно, такъ называемыя петербургскія повѣсти. Особенно начало повѣсти „Неудавшаяся жизнь“, какъ по выбору сюжета, такъ и по внѣшнимъ пріемамъ, сильно напоминаетъ вступленіе къ повѣсти „Портретъ“: также бѣдный молодой человѣкъ, художникъ въ душѣ, на послѣднія деньги покупаетъ портретъ въ лавочкѣ у старичка продавца. Купленный портретъ затѣмъ вовсе не играетъ роли въ самой повѣсти, что̀ еще больше, по нашему мнѣнію, указываетъ на внѣшнее подражаніе: то, что̀ у Гоголя существеннымъ образомъ, органически связано съ самымъ сюжетомъ, здѣсь внесено почти механически. Далѣе. Въ первыхъ строкахъ повѣсти „Портретъ“ читаемъ: „Нигдѣ не останавливалось столько народа, какъ передъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ“; въ „Неудавшейся жизни“: „Недалеко отъ Сѣнной площади, на Екатерининскомъ каналѣ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ лавочка, которая невольно обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя“. Слѣдующее затѣмъ описаніе лубочныхъ картинокъ лавочки и толпящихся около нея дѣ-

вокъ — слишкомъ явное подражаніе Гоголю, причемъ наконецъ прямо перефразировано слѣдующее выраженіе Гоголя: „Покупателей этихъ произведеній немного, но зато зрителей куча“; у Григоровича почти дословное воспроизведеніе этихъ словъ: „нечего и говорить, что дѣвокъ было болѣе, чѣмъ покупателей“. Затѣмъ, какъ у Гоголя, такъ и у Григоровича, молодой человѣкъ покупаетъ портретъ неожиданно для самого себя и отдаетъ за него послѣднюю оставшуюся у него мелочь, потомъ спохватывается и жалѣетъ о сдѣланной покупкѣ. Въ описаніи торга и въ діалогѣ, происходящемъ между старичкомъ продавцомъ и молодымъ человѣкомъ, бросается въ глаза самое несомнѣнное подражаніе, такъ же какъ и описаніе его возвращенія домой и изображеніе того, какъ молодой человѣкъ забываетъ о своихъ затруднительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ и весь отдается наслажденію картиной солнечнаго заката. Словомъ, во всемъ началѣ повѣсти, всюду видно совершенно ученическое подражаніе. Въ остальной же части повѣсти изображается гибель таланта, но уже не по собственной винѣ художника и не изъ-за соблазна и поклоненія мамонѣ, какъ у Гоголя, а въ силу тяжелыхъ семейныхъ и матеріальныхъ условій. Такимъ образомъ здѣсь Григоровичемъ взята какъ бы діаметрально противоположная схема: Гоголевскій художникъ гибнетъ жертвой пошлости и пустоты высшаго свѣтскаго общества, при встрѣчѣ съ которымъ онъ быстро втягивается въ роскошь и угодничество; художникъ Григоровича задавленъ нуждой и невѣжествомъ родственной среды. Но если оба разсказа, такъ сильно сходившіеся въ начальныхъ главахъ, потомъ расходятся въ разныя стороны, то и внезапное обогащеніе Черткова и обусловленное имъ бросаніе денегъ на первыхъ порахъ, въ свою очередь, нашло у Григоровича отраженіе въ Свистулькинѣ, въ которомъ, какъ въ личности гораздо болѣе мелкой, всѣ увлеченія роскошью и модой проявились въ болѣе пошломъ видѣ.

Съ другой стороны созданіе самаго типа Свистуль-

кипа, безъ всякаго сомнѣнія сложившагося въ фантазіи автора при участіи личныхъ наблюденій, не обошлось безъ участія явныхъ слѣдовъ вліянія Гоголевскаго творчества. Не станемъ проводить параллели между нимъ и Хлестаковымъ, напр. въ словахъ городничаго: *„сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка!“*; укажемъ лишь на то, что типъ этотъ до извѣстной степени подсказанъ Григоровичу Гоголемъ, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго сопоставленія. Говоря о Маниловѣ, Гоголь мимоходомъ намѣтилъ черты этого типа, разработаннаго послѣдующими писателями. „У всякаго есть свой задоръ“, говоритъ Гоголь и затѣмъ, перечисляя разные виды задора, продолжаетъ: „...третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый, *съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтись на гуляньи* съ флигель-адъютантомъ, *на показъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ*“. Трудно сомнѣваться, чтобы брошенный здѣсь вскользь художественный образъ не былъ замѣченъ Григоровичемъ, особенно если обратить вниманіе на нѣкоторые явные признаки сходства, напримѣръ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изображается смѣшное желаніе Свистулькина во что бы ни стало „пройтись по Невскому съ графомъ Слапачинскимъ“, точно также какъ сходный типъ намѣченъ былъ еще раньше въ лицѣ Гвоздикова въ романѣ „Похожденія Накатова или Недолгое богатство“. Но особенно слѣды уже прямо рабскаго подражанія Гоголю представляютъ заключительныя строки „Свистулькина“: „Въ самомъ дѣлѣ, *не изъ чего было много огорчаться:* во-первыхъ, Свистулькиныхъ такое множество, что умирай они хоть десятками, все-таки останется ихъ довольно; *во-вторыхъ... но и во-вторыхъ не стоитъ много огорчаться*“. Здѣсь явные слѣды подражанія окончанію повѣсти „Носъ“: „Что̀ страннѣе, что̀ непонятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это совсѣмъ непостижимо, это точно... нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не понимаю.

Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно никакой; *во-вторыхъ... но и во-вторыхъ тоже нѣтъ пользы*". Въ другомъ мѣстѣ той же главы о приключеніяхъ Свистулькина сказано: *такія происшествія должны случаться—рѣдко, можетъ быть, но должны, непремѣнно должны случаться;*—мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется". Это совершенный перифразъ заключительныхъ строкъ повѣсти „Носъ": „кто что̀ ни говори, *а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ,—рѣдко, но бываютъ*". Послѣ этого не покажется натяжкой, если мы предположимъ вліяніе Гоголя на Григоровича въ такихъ мелочахъ, какъ напр. въ словахъ: „Шамбахеръ, портной изъ *Лондона*, гласила вывѣска, вызывавшая всегда добродушную улыбку на лицахъ родственниковъ портного, знавшихъ, что Карлъ Шамбахеръ, уроженецъ Митавы". Развѣ это не варіація иностранца Василія Ѳедорова и „не любившаго шутокъ иностранца изъ Парижа и Лондона"? А вотъ варіація Гоголевскаго выраженія: „Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ". Въ „Проселочныхъ дорогахъ" читаемъ: „Выставить опять Мускатицкаго", сказалъ Николай Платоновичъ — „Никакъ нельзя-съ", отвѣчалъ Горновенко. — „Что̀ такое? какъ нельзя?"— „Никакъ не управишься, Николай Платоновичъ; Мускатицкій даже на сцену сойти не могъ, мы его водой отливали въ уборной, насилу очнулся-съ".

Возвращаясь къ указанію слѣдовъ вліянія на Григоровича петербургскихъ повѣстей Гоголя, отмѣтимъ, что начало разсказа „Капельмейстеръ Сусликовъ" отчасти напоминаетъ вступительныя строки Гоголевской „Коляски", причемъ, послѣ цѣлаго ряда указанныхъ выше примѣровъ, мы имѣемъ право придать нѣкоторое значеніе даже такой мелочи, какъ обозначеніе мѣста дѣйствія одинаковымъ образомъ („Городокъ Б..."). Въ томъ же разсказѣ, послѣ описанія образа жизни Сусликова читаемъ: „Сусликовъ былъ счастливъ и доволенъ *и, вѣроятно, прожилъ бы въ такомъ завидномъ состояніи до глубочайшей старости, еслибъ не случилось одного обстоятель-*

ства, которое сразу подкосило все его существованіе". Снова несомнѣнный перифразъ слѣдующихъ строкъ „Шинели": „Написавшись всласть, Акакій Акакіевичъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? *Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ быть, до глубокой старости, если бы не было* разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ по жизненной дорогѣ" и проч. Описаніе пронзительнаго вѣтра и происшедшей отъ него простуды Свистулькина нѣсколько напоминаетъ слѣдующія строки изъ „Шинели" объ Акакіи Акакіевичѣ: „онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ"; затѣмъ есть сходство въ описаніи бреда и въ томъ, что свидѣтельницей этого бреда тамъ и здѣсь является квартирная хозяйка. Конечно, здѣсь представляется и большое различіе; такъ, соотвѣтственно характеру героя, о Свистулькинѣ сказано: „онъ ни разу не застегнулъ пальто и, что̀ всего ужаснѣе, выступалъ съ умышленною медленностью къ Аничкову мосту".

Мы брали для сравненія преимущественно подражанія петербургскимъ повѣстямъ Гоголя, гдѣ сходство изображаемой среды скорѣе могло обусловливать подражаніе; но можно привести множество и другихъ примѣровъ. Укажемъ, напр., сходство въ описаніи ярмарки въ „Сорочинской Ярмаркѣ" и „Антонѣ Горемыкѣ". Сходство доходитъ и здѣсь до совпаденія отдѣльныхъ выраженій. Напр. въ „Сорочинской Ярмаркѣ": „*Шумъ, брань*, мычанье, *блеянье*, ревъ — *все сливается въ одинъ нестройный говоръ*. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки — все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и *ни одно слово не выхватится*, не спасется отъ этого потопа. Только *хлопанье по*

рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, *звенитъ желѣзо...*". Въ „Антонѣ-Горемыкѣ": „*Крикъ, шумъ,* разнородные голоса и восклицанія, *звонъ желѣза, вой, блеянье,* топотъ, ржаніе, *хлопанье по рукамъ, и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ,* изъ котораго *выхватывались только однѣ отрывчатыя несвязныя рѣчи...*". Въ „Проселочныхъ дорогахъ" мы находимъ между прочимъ такое мѣсто: „Между тѣмъ толпа и легкомысленный свѣтъ, встрѣчая Балахнова вездѣ и всюду, судятъ о немъ по своему. Всѣ находятъ его любезнымъ, радушнымъ, величавымъ, расточительнымъ и даже очень обыкновеннымъ смертнымъ. Такъ судитъ легкомысленный свѣтъ! И не прозрѣваетъ близорукое умственное око свѣта въ душевный тайникъ этого обыкновеннаго смертнаго; не читаетъ оно глубокосокровенной думы, ясно между тѣмъ отпечатанной на высокомъ дипломатическомъ лбу; не видитъ ничего въ этихъ чертахъ" и проч. Въ данномъ случаѣ явное подражаніе сказывается и въ взятомъ тонѣ, и въ употребленіи нѣкоторыхъ выраженій, напр. „близорукое умственное око" и въ повтореніи цѣлаго ряда глаголовъ съ предшествующимъ отрицаніемъ („не прозрѣваетъ...", „не читаетъ...", „не видитъ..."). Но помимо этого мы видимъ здѣсь реминисценцію или сознательное подражаніе слѣдующимъ словамъ Гоголя, сказаннымъ по поводу Ноздрева: „Вотъ каковъ былъ Ноздревъ! Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ: Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ". Повтореніе же сряду нѣсколькихъ отрицательныхъ предложеній въ патетическомъ тонѣ мы видимъ въ началѣ VII главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ", тамъ, гдѣ Гоголь, сравнивая судьбу двухъ писателей, характеризуетъ отношеніе общества къ писателю,

изображающему темныя стороны жизни („Ему не собрать народныхъ рукоплесканій...“, „ему не зрѣть...“).

Но особенно Григоровичъ подражалъ или, по меньшей мѣрѣ, старался подражать юмору Гоголя. Въ „Проселочныхъ дорогахъ“ онъ часто копируетъ и Гоголевскій юморъ, и Гоголевскіе пріемы рѣчи. Но здѣсь, конечно, приходится опираться на общее знакомство съ послѣдними, такъ какъ выписывать длинные примѣры было бы утомительно. Вотъ два-три примѣра. „*И кто бы могъ подумать*, взглянувъ издали на коляску Аристарха Өедоровича, мелькавшую чуть видною точкою посреди темныхъ, необъятныхъ полей, кто бы могъ подумать, что эта ничтожная точка вмѣщала въ себѣ человѣка, мысли котораго были между тѣмъ такъ возвышенны, колоссальны и могучи...? *Никто не былъ даже въ состояніи подозрѣвать этого*“. Въ томъ же романѣ находимъ такое мѣсто: „Тохтамышевъ и жена его не жили вмѣстѣ. Не могу сказать вамъ навѣрное, въ какой именно день и по какому именно случаю произошло несогласіе между ними. Людская молва и толки потеряли кредитъ съ незапамятныхъ временъ и всякій мало-мальски опытный человѣкъ знаетъ, какъ опасно довѣрять тому, что̀ говорятъ люди“. У Гоголя не мало подобныхъ мѣстъ, но, конечно, здѣсь уже нельзя искать дословнаго сходства; притомъ у Григоровича въ подобныхъ случаяхъ пропадаетъ вся сила Гоголевскаго юмора. Возьмемъ для сравненія напр. слѣдующее мѣсто у Гоголя: „Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя поговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ и намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни?“ и проч. Но вотъ болѣе осязательный примѣръ заимствованія Григоровичемъ у Гоголя. Въ разсказѣ „Деревня“ послѣдній говоритъ: „Хотя разсказчикъ этой повѣсти чувствуетъ неизъяснимое наслажденіе говорить о просвѣщенныхъ, образованныхъ и принадлежащихъ къ высшему классу людяхъ; хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ читатель

несравненно болѣе интересуется ими, нежели грубыми, грязными и вдобавокъ еще глупыми мужиками и бабами, однакожъ онъ перейдетъ скорѣе къ послѣднимъ, какъ лицамъ, составляющимъ, увы! главный предметъ его повѣствованія". Это мѣсто представляетъ простой перифразъ слѣдующихъ словъ Гоголя: „Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что̀ называютъ, второстепенныя или даже третьестепенныя; хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены; но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ" и проч. И далѣе: „Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями" и проч.

Въ заглавіи отдѣльныхъ главъ Григоровичъ, кажется, также иногда подражалъ Гоголю. У послѣдняго встрѣчаемъ между прочимъ такое заглавіе (въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ"): „Глава VI, изъ которой читатель легко можетъ узнать все то, что̀ въ ней содержится". Много такихъ заглавій въ „Проселочныхъ дорогахъ": „глава, преисполненная событіями всякаго рода", „глава, служащая продолженіемъ предшествующей". Наконецъ Григоровичъ заимствовалъ Гоголевскіе пріемы въ переходахъ, напр. „Не мѣшаетъ воспользоваться сномъ обоихъ пріятелей, чтобы нѣсколько короче ознакомить съ ними читателя" („Сосѣдка"). Или: „не мѣшаетъ воспользоваться дорогою Андреева, чтобы сказать нѣсколько словъ" и проч. У Гоголя: „хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома...". „Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше" и проч. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, переходы у Гоголя разнообразнѣе;

у Григоровича они страдаютъ подражательностью и однообразіемъ.

Что-то навѣянное Гоголемъ чувствуется и въ слѣдующихъ строкахъ: „спросите вы у ней хоть день Мамельфы, Евпсихія и Евтихія, и она тотчасъ же безошибочно отвѣтитъ вамъ, въ какіе именно дни празднуется Мамельфа, Евтихій и Евпсихій“ („Лотерейный балъ“), — не говоря уже объ изысканности именъ, представляющей, повидимому, подражаніе Гоголевскимъ: Трифилію, Дулѣ и Варахасію и другимъ въ началѣ повѣсти „Шинель“. У Гоголя также нерѣдко встрѣчаются подобныя повторенія. Напр. въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ въ слѣдующемъ діалогѣ:

— „Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ“?

— „Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ“, отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, — и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками“.

У Гоголя часто встрѣчается такое построеніе рѣчи: „Еслибы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей...“. „Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ...“. „Еслибы я былъ живописецъ, я бы изобразилъ“ („я бы изобразилъ“ повторяется нѣсколько разъ)... „но врядъ ли бы я могъ изобразить“ и т. под. Ср. у Григоровича въ „Проселочныхъ Дорогахъ“: „Еслибы мы поставлены были въ завидное положеніе нѣкоторыхъ фельетонистовъ...“ „но не имѣя счастья принадлежать къ вышеупомянутымъ фельетонистамъ...“.

Заключая нашъ обзоръ слѣдовъ вліянія Гоголя на Григоровича, укажемъ еще слѣдующее мѣсто:

„У меня блеснула счастливая мысль...! Я сейчасъ сочинилъ нѣсколько стиховъ на Бобохова.

— „Что̀ вы, что̀ вы, Павелъ Павловичъ...! какъ, вотъ въ это время...? въ одну минуту какую-нибудь вы успѣли сочинить?!“ сказала, всплеснувъ руками, Вѣра Андреевна.

— „Да-съ, у меня, знаете, все это вдругъ“! возразилъ Чибезовъ“.

Здѣсь невольно припоминается разговоръ Хлестакова съ Анной Андреевной о литературѣ и его выраженіе: „это у меня вдругъ“.

В. Шенрокъ.

Москва.

Винительный падежъ прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ русскомъ языкѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о В. п. прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ не подвергался въ лингвистической литературѣ обстоятельному изслѣдованію. И въ настоящей статьѣ не имѣется въ виду исчерпать этотъ вопросъ полностью. Она вызвана собственно тѣмъ, что сказано по этому вопросу въ самое послѣднее время, а именно въ Zeitschrift f. vergleich. Sprachforsch. XXXVII, стр. 386. Тамъ извѣстный своими трудами молодой берлинскій славистъ Бернекеръ говоритъ: „Das object im negierten satz steht noch heute im Russ., wie seit urzeiten, im genetiv. Doch begegnen hin und wieder ausnahmen; ungemein selten im masc, wie etwa Tolstoj einmal schreibt: чтобы она садъ не портила; aber sehr viel häufiger beim fem. So sagt z. b. Гончаровъ: а чтобъ вашъ сынъ не смущалъ бѣдную дѣвицу“. Прямое вліяніе утвердительныхъ предложеній онъ отвергаетъ вопросомъ: „warum sich dann dieser acc. gerade so häufig beim fem., und nicht auch im masc. und im plur. findet.“. Въ виду этого онъ объясняетъ появленіе В. п. приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Сочетанія, какъ напр. „я видѣлъ мужа и жену, мальчика и дѣвочку“, привычны въ языкѣ. Подъ вліяніемъ ихъ могло при случаѣ возникнуть: „я не видѣлъ ни мужа ни жену“, т. е. форма В. п. жену вм. жены. Отсюда

такое употребленіе формы В. п. распространяется на слова, обозначающія неодушевленные предметы, напр. „я не одобряю эту статью (Достоевскій)“.

Съ этимъ едва ли можно согласиться. Нѣтъ сомнѣнія, что В. п. въ отрицательныхъ предложеніяхъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ, притомъ преимущественно въ единств. числѣ существительныхъ на *-а* (я). Къ этому можно еще прибавить, что въ письменномъ языкѣ обыкновенно искусственнымъ образомъ избѣгаютъ этого В. п., замѣняя его Р. п-омъ, такъ что многіе случаи появленія такого В. п. нужно приписать лишь случайному недосмотру.

Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы употребленіе такого В. п. находилось въ зависимости отъ того или другого склоненія. Если отъ основъ на *-о* м. р., которыя по количеству относящихся къ нимъ словъ не уступаютъ, конечно, основамъ ж. р., такой В. п. встрѣчается сравнительно рѣдко, то это объясняется просто тѣмъ, что значительная часть такихъ словъ обозначаетъ одушевленныя существа и вслѣдствіе формальнаго совпаденія Р. п. съ В. п. въ счетъ приниматься не можетъ. Примѣры съ В. п. мн. ч. дѣйствительно крайне рѣдки, что объясняется психическими условіями, на которыя я укажу ниже.

Приблизительный подсчетъ имѣющихся у меня подъ рукой примѣровъ показываетъ, что изъ числа примѣровъ съ В. п. ж. р. бо́льшая половина обозначаетъ живыя существа. Если же имѣть въ виду исключительно тѣ примѣры, въ которыхъ объектъ въ В. п. обозначаетъ неодушевленные предметы, то такіе примѣры распредѣляются по родамъ слѣдующимъ образомъ: приблизительно 20%— ср. р., слишкомъ 30% — м. р., и слишкомъ 40% — ж. р. Слѣдовательно, количественное соотношеніе скорѣе указываетъ на то, что грамматическій родъ, или точнѣе говоря различіе, между именами съ И. п. ед. ч. на *-а* (я) (примѣровъ на *-ъ* ж. р. немного) и между всѣми другими именами здѣсь ни при чемъ. Такъ же нельзя допустить, чтобы В. п. въ отрицательныхъ предложеніяхъ былъ обя-

занъ своимъ происхожденіемъ чисто морфологической замѣнѣ Р. п-а посредствомъ В. п., не говоря уже о томъ, что примѣръ: „я не видѣлъ ни мужа ни жену“, едва ли возможенъ.

Если уже допустить здѣсь образованіе по аналогіи, то такая аналогія могла бы быть лишь синтаксической, такъ какъ съ перемѣной падежа связывается извѣстное различіе въ формальномъ значеніи, какъ будетъ показано ниже.

Но я думаю, что и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, объясненіе посредствомъ морфологической аналогіи есть лишь временное ultimum refugium, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи должно уступить свое мѣсто другому объясненію.

Я скорѣе склоненъ допустить въ этихъ предложеніяхъ такое вліяніе однихъ формъ на другія, которое даетъ какъ разъ обратный результатъ: подъ вліяніемъ тѣхъ словъ съ И. п. ед. ч. на *-ъ*, которыя обозначаютъ одушевленныя существа, и въ остальныхъ словахъ съ И. п. ед. ч. на *-ъ* замѣчается иногда стремленіе замѣнить въ отрицательныхъ предложеніяхъ форму В. п. на *-ъ* посредствомъ формы Р. п. на *-а*, разумѣется при сильномъ содѣйствіи тѣхъ отрицательныхъ предложеній, въ которыхъ объектъ долженъ быть въ Р. п.

Классификація отрицательныхъ предложеній, содержащихъ прямое дополненіе при переходномъ глаголѣ въ личной формѣ.

Предварительно нужно замѣтить, что въ этой статьѣ я имѣю въ виду исключительно такую отрицательную частицу *не*, которая относится къ отношенію между членами предложенія, но не такую, которая составляетъ со словомъ, къ которому она относится, одно реченіе, т. е. такое словосочетаніе, въ которомъ отрицаніе вмѣстѣ съ этимъ словомъ обозначаетъ одно представленіе (понятіе), все равно, пишется ли отрицаніе раздѣльно или слитно съ этимъ словомъ.

Предложенія, содержащія переходный личный глаголъ и самостоятельную отрицательную частицу *не*, мож-

но раздѣлить на такія, въ которыхъ отрицаніе относится не къ глаголу, а къ какому-либо другому члену предложенія (первый видъ отрицательныхъ предложеній), и на такія, въ которыхъ отрицаніе относится къ глаголу.

Въ первыхъ дѣйствіе вовсе не отрицается (напр. не онъ это сдѣлалъ), во вторыхъ — оно такъ или иначе отрицается.

Въ послѣдней группѣ можно различить по значенію такія предложенія, въ которыхъ дѣйствіе хотя и отрицается, но отрицается лишь относительно, и такія, въ которыхъ дѣйствіе отрицается абсолютно.

Предложенія, въ которыхъ дѣйствіе отрицается относительно, можно дѣлить на такія, въ которыхъ отрицается лишь то дѣйствіе, которое существуетъ въ возбужденномъ утвердительномъ сужденіи, а вмѣсто него говорящій имѣетъ въ виду другое дѣйствіе или тоже дѣйствіе въ другомъ видѣ (второй видъ отрицательныхъ предложеній; напр. а возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ); и, во вторыхъ, на такія, въ которыхъ дѣйствіе отрицается лишь по отношенію къ одному члену возбужденнаго утвердительнаго сужденія, причемъ говорящій имѣетъ въ виду вмѣсто этого представленія другое, по отношенію къ которому дѣйствіе не отрицалось бы имъ (третій видъ отрицательныхъ предложеній; напр.: не выбирай невѣсту, выбирай сваху).

Въ сущности предложенія перваго и второго вида не различаются между собою принципіально, такъ какъ въ тѣхъ и другихъ отвергается одинъ изъ членовъ возбужденнаго утвердительнаго сужденія въ его отношеніяхъ къ другимъ членамъ, причемъ говорящій имѣетъ въ виду вмѣсто отрицаемаго другое представленіе; такъ что если вмѣсто отрицаемаго представленія было бы это другое представленіе, то предложеніе было бы утвердительное. Но въ виду извѣстныхъ практическихъ соображеній я раздѣляю эти предложенія на такія, въ которыхъ отрицается любой членъ предложенія кромѣ глагола, и на такія, въ которыхъ отрицаніе относится къ глаголу.

Точно такъ же не существуетъ существеннаго различія въ значеніяхъ между предложеніями перваго и третьяго вида.

Въ предложеніяхъ третьяго вида дѣйствіе отрицается относительно. Въ сознаніи говорящаго присутствуетъ побочная мысль, въ которой не отрицается синтезъ этого же самаго дѣйствія съ тѣмъ представленіемъ, которое говорящій имѣетъ въ виду вмѣсто того представленія, по отношенію къ которому дѣйствіе отрицается имъ. Но такая же побочная мысль лежитъ въ основаніи и обусловливаетъ появленіе предложеній перваго вида: Не выбирай невѣсту, (выбирай сваху) — выбирай не невѣсту (а сваху).

Различіе въ значеніяхъ этихъ двухъ видовъ предложеній заключается въ различіи въ точкѣ зрѣнія, на которую говорящій становится по отношенію къ возбужденному утвердительному сужденію, которому онъ противопоставляетъ отрицательное предложеніе.

Въ предложеніяхъ перваго вида (а также и второго) онъ выражаетъ признаніе всѣхъ другихъ представленій даннаго сужденія, кромѣ одного, отверженіе котораго и составляетъ непосредственное значеніе отрицательнаго предложенія.

Въ предложеніяхъ третьяго вида говорящій принимаетъ одностороннюю точку зрѣнія къ возбужденному утвердительному сужденію: онъ дѣлаетъ исходной точкой своего сужденія именно тотъ членъ (то представленіе) сужденія, котораго онъ не признаетъ въ данномъ сочетаніи съ другими членами, и конечно по отношенію къ нему долженъ отрицать дѣйствіе, которое онъ въ сущности признаетъ, но въ связи съ другимъ представленіемъ, а не съ тѣмъ, которое сдѣлано имъ точкою отправленія.

Отъ указанныхъ предложеній 2—3 видовъ ясно отличаются по значенію тѣ предложенія, въ которыхъ дѣйствіе отрицается абсолютно, какъ не существующее въ сочетаніи съ тѣмъ субъектомъ, который самъ говорящій имѣетъ въ виду. Это различіе въ значеніяхъ позволяетъ

провести строгую грань между предложеніями двухъ слѣдующихъ видовъ—съ одной стороны, и между указанными предложеніями 2—3 видовъ — съ другой, такъ какъ въ послѣднихъ говорящій имѣетъ въ виду сужденіе, въ которомъ онъ признаетъ связь извѣстнаго дѣйствія съ другими членами сужденія.

Предложенія, въ которыхъ дѣйствіе отрицается абсолютно, я раздѣляю, прежде всего по формальнымъ различіямъ, на такія, въ которыхъ прямое дополненіе находится въ В. п. (четвертый видъ), и на предложенія съ Р. п. объекта (пятый видъ).

Различіе тѣхъ отъ другихъ по значенію заключается въ томъ, что въ предложеніяхъ четвертаго вида отвергается конкретное дѣйствіе, представленіе о которомъ входитъ въ составъ сильно возбужденнаго положительнаго сужденія, существующаго въ душѣ говорящаго, и существованіе или по крайней мѣрѣ признаніе котораго говорящій предполагаетъ и въ душѣ слушателя, напр.: Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ.

А въ предложеніяхъ пятаго вида обыкновенно отрицается лишь возможное въ данномъ случаѣ абстрактное дѣйствіе, причемъ все значеніе предложеній этого вида заключается въ опредѣленіи, посредствомъ отрицательнаго признака, отношенія между тѣми представленіями, которыя обозначаются грамматическимъ подлежащимъ и дополненіемъ, напр.: Такъ какъ онъ не нашелъ подходящей квартиры, то онъ поселился въ меблированныхъ комнатахъ. Эти предложенія могутъ, конечно, служить и отверженіемъ положительнаго сужденія, но въ такомъ случаѣ они отвергаютъ абстрактное дѣйствіе, опредѣляющее отношеніе между представленіями, обозначаемыми грамматическими подлежащимъ и дополненіемъ, напр.: Нѣтъ, она музыки не любитъ.

Такимъ образомъ предложенія 1—4 видовъ имѣютъ между собою то общее, что они служатъ для отверженія одного изъ членовъ возбужденнаго утвердительнаго сужденія въ его отношеніи къ другому или другимъ членамъ

сужденія. Предложенія же пятаго вида, составляющія громадное большинство всѣхъ отрицательныхъ предложеній, служатъ для опредѣленія состоянія психологическаго субъекта, состоянія, вытекающаго логически изъ отсутствія даннаго (отрицаемаго) абстрактнаго дѣйствія, какъ условіе или послѣдствіе такого отсутствія.

Можетъ возникнуть мысль о сближеніи предложеній четвертаго вида съ предложеніями втораго вида: „Не вы́нулъ я душу“ можетъ получить оттѣнокъ значенія: я оставилъ душу на мѣстѣ.

Если вникнуть въ побочные признаки, сопровождающіе значенія предложеній четвертаго вида, то дѣйствительно оказывается, что подчасъ они сопровождаются такимъ неопредѣленнымъ положительнымъ сужденіямъ.

Но это не мѣшаетъ провести строгую грань между предложеніями втораго и четвертаго вида. Въ первыхъ извѣстное дѣйствіе отрицается лишь благодаря присутствію въ душѣ говорящаго опредѣленнаго, ясно сознаваемаго представленія другого дѣйствія, нетожественнаго съ первымъ, безъ котораго не отвергалось бы первое; а въ предложеніяхъ четвертаго вида мотивъ отрицанія — сознаніе отсутствія даннаго дѣйствія.

Изъ всѣхъ отрицательныхъ предложеній только въ предложеніяхъ пятаго вида объектъ ставится въ Р. п., а во всѣхъ остальныхъ предложеніяхъ, т. е. 1—4 вида, употребляется В. п. объекта.

Самая трудная задача — разграниченіе областей между предложеніями четвертаго и пятаго вида, такъ какъ грань между ними — не по формѣ, а по значенію — расплывчатая и кроется въ нелегко уловимыхъ признакахъ значеній этихъ предложеній.

Выше я не имѣлъ въ виду дать логическую классификацію отрицательныхъ предложеній, а старался распредѣлить исторически сложившіяся разновидности отрицательныхъ предложеній русскаго языка на такія группы, которыя мнѣ казались наиболѣе удобными для рѣшенія намѣченнаго вопроса. Впрочемъ, вполнѣ логическая клас-

сификація возможна въ культурно-историческихъ наукахъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; и то приходится класть въ основаніе дѣленія часто несущественные признаки. А здѣсь необходимо считаться одновременно какъ со значеніемъ, такъ и съ внѣшней формой предложеній, въ ихъ разновидностяхъ.

Отрицательныя предложенія перваго вида.

Въ предложеніяхъ перваго вида отрицаніе можетъ относиться къ любому члену предложенія, кромѣ глагола. Если отрицаніе относится къ грамматическому подлежащему, напр.: не я́ купилъ этотъ домъ, то грамматическое подлежащее становится психологическимъ сказуемымъ: купившій этотъ домъ — не я́; а находящееся передъ нимъ отрицаніе отвергаетъ отожествленіе „я“ съ тѣмъ, кто купилъ домъ.

Еще съ кѣмъ ты казну кралъ, съ кѣмъ разбой держалъ?... Что не я́-то казну кралъ, не я́ разбой держалъ — Уже какъ крали-воровали добры мо́лодцы (Соболевскій, Великорусскія пѣсни VI 338. Я́-то, я́, добры молодцы = психологическія сказуемыя).

Что не самъ-то я на тебя зашелъ, Что не добрый меня конь завезъ; — Занесла меня кручинушка.

Отрицаніе при грамматическомъ объектѣ: я купилъ не до́мъ = то, что я купилъ, не до́мъ. Отвергается тожество между домомъ и тѣмъ, что я купилъ. Вмѣсто „домъ“ можно конечно сказать: э́тотъ или большо́й и т. д. домъ, но въ такомъ случаѣ отрицаніе относится къ опредѣленію, которое получаетъ логическое удареніе, такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ при нормальныхъ условіяхъ (напр. не въ стихотворной рѣчи, не въ постоянныхъ эпитетахъ) допускаются лишь опредѣленія, съуживающія значеніе опредѣляемаго слова, но не такія, которыя опредѣляютъ качество обозначаемаго имъ предмета. Я купилъ

не э́тотъ домъ = домъ, который я купилъ, не э́тотъ (а другой).

Другіе примѣры:

Не моря́ночку да во-собой взяли, — Да во-собой взяли да сестру́ родную! (Соб. В.-рус. пѣсни I 261).

Ваша рѣчка не сахаръ влечетъ; — ...Ваша рѣченька печаль волокетъ (В.-рус. пѣсни I 311).

Не рѣ́чь ты мнѣ говоришь (В.-рус. п. III 402).

Не одну́ ты любишь (В.-рус. п. V 245) и т. д.

Отрицаніе при второстепенныхъ частяхъ предложенія:

Не боязли́вые люди одерживаютъ побѣды, а смѣлые.

Онъ зарѣзалъ не чужую овцу.

Не тебѣ́ я подарилъ эту книгу.

Я не въ кладъ-то казну клалъ... Ужъ я клалъ... (В.-рус. п. VI 339).

И доносили такія рѣчи похвальныя Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ (В.-рус. пѣсни I 8).

Напишу ли я къ другу грамотку, Не перомъ и не чернилами, Я своими ли горючими слезми (В.-рус. п. V 13).

Ты не съ разума слово молвила (В.-рус. п. V 203).

Онъ не тайкомъ взялъ твою лошадь и т. д.

Въ предложеніяхъ этой категоріи дѣйствіе не отрицается, и его отношеніе къ другимъ членамъ предложенія то же, что и въ утвердительныхъ предложеніяхъ, въ виду чего его отношеніе къ прямому дополненію опредѣляется Вин. падежомъ послѣдняго.

Тотъ или другой членъ предложенія отрицается конечно потому, что синтезъ этого представленія съ остальными не соотвѣтствуетъ взглядамъ говорящаго. Насколько въ каждомъ данномъ случаѣ присутствуетъ въ душѣ говорящаго, рядомъ съ отрицаемымъ, другое представленіе, не тожественное съ отрицаемымъ, благодаря присутствію

котораго онъ отвергаетъ данное представленіе, это зависитъ отъ обстоятельствъ. Если мы скажемъ: онъ сдѣлалъ это не нарочно, то отрицаніе можетъ заключать въ себѣ лишь отсутствіе признака преднамѣренности. Въ большинствѣ же случаевъ при такомъ отрицательномъ предложеніи въ душѣ говорящаго присутствуетъ это другое представленіе, и слушатель понимаетъ, что говорящій имѣетъ его въ виду. Но это пониманіе вызвано не тѣмъ, будто данное отрицаемое слово вмѣстѣ съ отрицаніемъ обозначаютъ это представленіе, а тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ мы можемъ отвергать синтезъ даннаго представленія съ остальными лишь тогда, когда у насъ вмѣсто отвергаемаго возбуждено другое представленіе, благодаря присутствію котораго мы и отрицаемъ первое.

Необходимость присутствія такого представленія логическая. Дѣло въ томъ, что мы не можемъ себѣ представить дѣйствія, обозначаемаго переходнымъ глаголомъ (какъ напр. бьетъ, но не пьетъ, пишетъ и прочіе глаголы, имѣющіе и непереходное значеніе), безъ представленія производителя дѣйствія, объекта, на которое переходитъ дѣйствіе и, при случаѣ, другихъ частей сужденія, какъ напр. представленія мѣста или времени, когда эти члены возбуждены какъ составныя части возбужденнаго отрицаемаго сужденія. Напр. Напишу ли я къ другу грамотку не перóмъ... При отрицаніи „перомъ“ должно непремѣнно присутствовать другое представленіе, въ соотвѣтствующей функціи, такъ какъ писать безъ орудія нельзя. „Не я́ то казну кралъ...“. Такъ какъ „казну кралъ“ не отрицается, то нужно непремѣнно представленіе другого дѣйствовавшаго лица. Если это побочное представленіе не извѣстно говорящему или слушателю, то они все равно представляютъ его себѣ какъ нѣчто неопредѣленное индивидуально, опредѣленное лишь той грамматической категоріей и тѣми признаками, которыя оно получаетъ отъ связи съ остальными членами даннаго сужденія. Если это представленіе извѣстно обоимъ разговаривающимъ, то оно можетъ быть не выражено рѣчью,

напр. Вѣдь не я́ это сдѣлалъ. То же самое бываетъ нерѣдко, когда оно можетъ быть понято слушателемъ и безъ обозначенія его, благодаря психическому настроенію слушателя, внѣшнимъ обстоятельствамъ и пр.

При отсутствіи этихъ данныхъ оно не выражается рѣчью лишь въ томъ случаѣ, когда говорящій нарочно оставляетъ слушателя въ невѣдѣніи. Но и въ такомъ случаѣ оно представляется слушателемъ какъ нѣчто индивидуально неопредѣленное, напр. Могу лишь сказать, что не я́ это сдѣлалъ.

Отрицательныя предложенія второго вида.

Эти предложенія раздѣляютъ нѣкоторыя особенности предложеній перваго и третьяго вида. Въ нихъ отрицается лишь то дѣйствіе, которое существуетъ въ возбужденномъ утвердительномъ сужденіи, взамѣнъ котораго говорящій имѣетъ въ виду другое дѣйствіе, или то же дѣйствіе съ нѣкоторыми другими признаками: Онъ не укралъ эту лошадь (а купилъ ее).

И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ (Крыловъ Обозъ).

Онъ не про́далъ свой домъ, а продастъ его въ будущемъ году.

Отрицательныя предложенія третьяго вида.

Въ нихъ дѣйствіе отрицается лишь по отношенію къ одному члену возбужденнаго сужденія. Этотъ членъ остается въ такомъ случаѣ безъ отрицанія, но сильное логическое удареніе на немъ указываетъ на то, что дѣйствіе отвергается только по отношенію къ нему.

По отношенію къ другимъ членамъ предложенія дѣйствіе не отрицается и не отрицалось бы вообще, если на мѣсто того представленія, по отношенію къ которому отрицается дѣйствіе, было бы то представленіе, которое говорящій имѣетъ въ виду.

Предложенія третьяго вида по сравненію съ предложеніями перваго вида обозначаютъ мысль болѣе закон-

ченную и безъ обозначенія того представленія, которымъ по мнѣнію говорящаго нужно замѣнить то представленіе, по отношенію къ которому дѣйствіе отрицается. Если же оно обозначается, то для этого требуется второе, полное предложеніе, напр.: не бери мою́ палку, бери свою́.

Въ виду сказаннаго это представленіе остается обыкновенно невыраженнымъ, когда оно уже извѣстно слушателю, или по какимъ либо даннымъ понятно ему, или когда говорящій нарочно не желаетъ указать на него по тѣмъ или другимъ причинамъ. Напр.: Не бей Ѳому за Еремину вину. Не сватай вдовы дочку.

Такъ какъ въ предложеніяхъ третьяго вида вообще дѣйствіе не отвергается абсолютно, а лишь по отношенію къ одному члену сужденія, то и отношеніе дѣйствія къ другимъ членамъ сужденія, въ томъ числѣ къ тому представленію, которое обозначается грамматическимъ объектомъ, остается такимъ же, какъ въ утвердительномъ сужденіи, въ виду чего слово, обозначающее это представленіе, является въ формѣ Вин. падежа.

Примѣры предложеній третьяго вида. Дѣйствіе отрицается по отношенію къ подлежащему:

Я́ не одобря́ю эту статью (хотя другіе одобряютъ).

Что касается меня, то я́ не взялъ Вашъ зонтикъ (зонтикъ взятъ).

Ср. по значенію: не взя́лъ я Вашъ зонтикъ (четвертый видъ) и: я Вашего зонтика не бралъ (пятый видъ), а также: не я́ взялъ Вашъ зонтикъ (первый видъ).

Дѣйствіе отрицается по отношенію къ объекту:

Не бери зо́нтикъ, бери па́лку (напр. видя что беретъ зонтикъ).

Не выбирай невѣ́сту, выбирай сваху (Даль. Посл. I 559).

Не буди Ли́зу, буди Анну (напр. къ лицу, собирающемуся разбудить Лизу).

Я не потеряла плато́къ, я потеряла вѣ́еръ (напр. думающему, что потерянъ платокъ).

Не бей Ѳому̀ за Еремину вину (Даль. Посл. I 211. Абстрактное предложеніе изъ первоначально конкретнаго).

Не скажешь по̀длинную, такъ скажешь подноготную (Даль, Посл. I 227).

Ср. напр.: не потеря̀ла я свой платокъ, что̀ вы ко мнѣ пристаете (четвертый видъ) и: я своего платка не потеряла (пятый видъ), а также: я потеряла не плато̀къ (первый видъ).

Дѣйствіе отрицается по отношенію къ второстепеннымъ частямъ предложенія.

Онъ не зарѣзалъ чужу̀ю овцу (а зарѣзалъ напр. свою̀).

Мою̀ лошадь не берѝ (бери свою̀).

Не бери жену бога̀тую, бери непоча̀тую (Даль, Посл. I 455).

Не заламывай рябинку невы̀зрѣвшу, не сватай дѣвку не вы̀знавши (Даль, Посл. II 328).

Извиняются, что не передали Вамъ э̀тотъ конвертъ (а передали другой).

Не сватай вдовы̀ дочку (если В. п. здѣсь не для избѣжанія неудобнаго сочетанія двухъ Р. п.).

Не губи жену рано съ вѐчера, Погуби жену ко полуночи (Соб. В.-рус. п. I 171).

На роду̀ меня, вдову, Хмѣлюшка не разбѝрывала; А сегодняшній денечекъ Разобралъ меня хмѣлечекъ (В.-рус. п. IV 190).

Не трать по̀пусту время.

Не поймаешь скакуху за у̀ши (Даль, Посл. II 455).

Не будите молоду Ранымъ-ра̀но по утру, Разбудите молоду...

Чтожъ ты на поду̀шку голову не положишь?

На чужо̀й ротокъ не накинешъ платокъ.

На у̀лицѣ я не потерялъ свои часы.

Къ моей любви, къ моей святынѣ Не пролагай преступный слѣдъ (Демонъ).

Ср. по значенію: извиняются, что не пѐредали Вамъ

(этотъ) конвертъ (четвертый видъ) и: извиняются, что не передавали Вамъ этого конверта (пятый видъ), а также: извиняются, что передали Вамъ не э́тотъ конвертъ (первый видъ).

Вин. п. въ отрицательныхъ предложеніяхъ третьяго вида—не вслѣдствіе вліянія В. п-а въ стоящемъ иногда рядомъ съ отрицательнымъ предложеніемъ утвердительномъ предложеніи, какъ иногда думаютъ, а вслѣдствіе того, что отношеніе между дѣйствіемъ и объектомъ такое же, какъ въ утвердительныхъ предложеніяхъ.

Иногда думаютъ, что В. п. въ предложеніяхъ, отнесенныхъ мною къ третьему виду, объясняется тѣмъ, что въ нихъ отрицаніе поставлено ошибочно къ глаголу, и что оно въ сущности относится къ той части предложенія, на которомъ логическое удареніе.

Приведенные здѣсь факты языка, число которыхъ не трудно увеличить, дѣлаютъ всякое дальнѣйшее опроверженіе этого мнѣнія излишнимъ. Бей Ѳому не за Еремину вину, или: платокъ накинешь не на чужой ротокъ — не то, что выше приведенные примѣры. И если предложенія третьяго вида не имѣли бы даже своего, только имъ свойственнаго формальнаго значенія, то они во всякомъ случаѣ — общепринятые факты языка, а потому вполнѣ правильны.

Признаки отрицательныхъ предложеній.

Возникаетъ еще вопросъ, насколько мы вправѣ отнести разсмотрѣнныя предложенія къ отрицательнымъ. Если признакомъ отрицательныхъ предложеній служитъ отрицаніе глагола, то предложенія перваго вида не отрицательныя. И даже въ предложеніяхъ второго и третьяго вида дѣйствіе не отрицается абсолютно.

Но можно ли считать признакомъ отрицательнаго предложенія именно отрицаніе при глаголѣ? Если предложеніе: нашъ домъ не былъ выше этого дома — отрицательное, то что же будетъ предложеніе: нашъ домъ не выше этого дома; или, напр.: служба не дружба; этотъ

платокъ не желтый? О пропущенномъ или подразумѣваемомъ глаголѣ, разумѣется, не можетъ быть здѣсь рѣчи. Или, напр., предложеніе: онъ не былъ придирчивъ — отрицательное, а предложеніе: онъ былъ не придирчивъ (но строгъ) — утвердительное? Или: это не было самоотверженіе — отрицательное, а: это было не самоотверженіе (а жажда дѣятельности) — утвердительное? Было бы крайне затруднительно причислять предложенія перваго вида къ утвердительнымъ (выбирай не невѣ́сту, а сваху), а близкія къ нимъ по значенію предложенія третьяго вида къ отрицательнымъ (не выбирай невѣ́сту, выбирай сваху).

Въ обоихъ случаяхъ данное дѣйствіе не отрицается, и въ обоихъ отрицается связь даннаго объекта съ дѣйствіемъ. Очевидно, отрицаемость глагола не можетъ служить исключительнымъ признакомъ отрицательныхъ предложеній, и отрицательными нужно считать всякія предложенія, въ которыхъ отрицается синтезъ психологическаго сказуемаго съ психологическимъ подлежащимъ. Вѣрнѣе было бы здѣсь говорить о логическомъ подлежащемъ и сказуемомъ. Но какъ разъ логика придерживается своеобразныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, объясняемыхъ вліяніемъ языка на логику.

В. п. объекта въ отрицательныхъ предложеніяхъ четвертаго вида.

Перехожу къ тѣмъ отрицательнымъ предложеніямъ, въ которыхъ дѣйствіе отрицается абсолютно. Обыкновенно только эти предложенія считаются собственно отрицательными.

По общепринятому мнѣнію въ такихъ предложеніяхъ объектъ долженъ стоять въ Р. п.; а тѣ рѣдкіе случаи, въ которыхъ объектъ является въ В. п., считаются случайнымъ отступленіемъ отъ общаго порядка, или даже неправильностью. Вотъ эти то отступленія и составляютъ главную задачу настоящей работы.

Такія отрицательныя предложенія съ В. п. объекта составляютъ четвертый видъ въ принятой выше класси-

фикаціи, а отрицательныя предложенія съ Р. п. объекта — пятый видъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи отрицательныхъ предложеній четвертаго вида оказывается, что такія предложенія возможны лишь при извѣстныхъ условіяхъ, а при другихъ совершенно неупотребительны. Далѣе оказывается, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ употребляются отрицательныя предложенія съ В. п., далеко не всегда возможна, безъ измѣненія смысла, замѣна ихъ посредствомъ предложеній съ Р. п. объекта. Правда, въ письменномъ русскомъ языкѣ употребляютъ почти исключительно Р. п. объекта, зависящаго отъ отрицаемаго переходнаго глагола въ личной формѣ, но при этомъ пренебрегаютъ тѣми оттѣнками значенія, которые могутъ быть выражаемы лишь посредствомъ В. п. объекта. У всѣхъ писателей, у однихъ въ большей, у другихъ въ меньшей степени, встрѣчаются примѣры съ В. п. Но гораздо чаще употребляется эта конструкція въ народномъ языкѣ и въ обыденной рѣчи образованнаго русскаго общества, кромѣ развѣ отдѣльныхъ личностей, у которыхъ вліяніе школы уничтожило чутье къ пониманію различія въ значеніяхъ этихъ двухъ конструкцій и пріучило ихъ къ исключительному употребленію Р. п.

Тѣ же природные русскіе, которые говорятъ: не бери́ мою палку, видя, что слушатель беретъ палку, или: не по́рть скатерть, видя, что ее портятъ, или: Иванъ не прине́съ твой сундукъ, когда Иванъ долженъ былъ принести извѣстный говорящимъ сундукъ, или: я не потеря́ла свой платокъ, его украли у меня, напр. въ отвѣтъ на: ты вѣрно потеряла свой платокъ, — тѣ же лица замѣняютъ въ письмѣ этотъ В. п. обыкновенно посредствомъ Р. п-а, и даже возстаютъ въ теоріи противъ существованія такой конструкціи.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ по точному смыслу умѣстенъ исключительно В. п., или исключительно Р. п. объекта, существуетъ много такихъ случаевъ, въ которыхъ характерные признаки значенія той или другой

конструкціи выступаютъ менѣе рельефно, такъ что колебанія являются вполнѣ естественными.

Ниже я постараюсь установить различія въ значеніяхъ и въ условіяхъ появленія между отрицательными предложеніями съ В. п. объекта (четвертаго вида) и таковыми съ Р. п. объекта (пятаго вида), насколько мнѣ удалось раскрыть ихъ.

Установленіе ихъ сопряжено съ большими затрудненіями, обусловленными частію качествомъ матеріаловъ, частью самимъ характеромъ этихъ условій.

Что касается примѣровъ изъ писателей, то до извѣстной степени надежными можно считать лишь примѣры изъ прозы, такъ какъ въ стихотворной рѣчи тотъ или другой падежъ вызывается нерѣдко требованіями размѣра и рифмы. Но и примѣрами изъ несвязной рѣчи нужно пользоваться съ извѣстной осмотрительностью: Гдѣ мы встрѣчаемъ В. п. объекта, тамъ ему и мѣсто. Но вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ Р. п. объекта является нерѣдко и тамъ, гдѣ мы на основаніи данныхъ живого языка ожидали бы В. п. При такихъ условіяхъ безъ помощи живого языка обходиться нельзя.

Съ другой стороны, тѣ факты, которыми обусловлено появленіе той или другой конструкціи, психическаго свойства и трудно уловимы. Какъ бы то ни было, подобный В. п. при отрицаемомъ глаголѣ существуетъ въ русскомъ языкѣ безъ всякаго сомнѣнія. Съ этимъ фактомъ нужно считаться и наука не можетъ обходить его молчаніемъ. Насколько возможно опредѣлить тѣ условія, при которыхъ является этотъ В. п., и въ особенности установить границы между областями употребленія конструкцій съ В. п. и съ Р. п. объекта въ такихъ отрицательныхъ предложеніяхъ — это другой вопросъ.

Различія въ значеніяхъ между отрицательными предложеніями четвертаго и пятаго вида.

Основное различіе въ значеніяхъ между отрицательными предложеніями съ В. п. прямого дополненія (че-

твертаго вида) и предложеніями съ Р. п. дополненія (пятаго вида) состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ предложеніяхъ четвертаго вида отвергается извѣстное конкретное дѣйствіе, которое говорящіе имѣютъ въ виду; а посредствомъ отрицательныхъ предложеній пятаго вида опредѣляется обыкновенно состояніе психологическаго подлежащаго (которымъ можетъ быть какъ грамматическое подлежащее, такъ и грамматическое дополненіе) такимъ образомъ, что при помощи отрицаемаго болѣе или менѣе абстрактнаго дѣйствія отвергается то отношеніе между представленіями, обозначаемыми грамматическимъ субъектомъ и объектомъ, которое существовало бы, если это возможное дѣйствіе дѣйствительно происходило бы [1]).

Исключительное или главное значеніе отрицательныхъ предложеній четвертаго вида заключается въ самомъ отверженіи конкретнаго дѣйствія въ его отношеніи къ подлежащему и къ другимъ частямъ даннаго сужденія.

Дѣйствіе отрицается именно въ такомъ видѣ, какъ это дѣйствіе и его отношенія къ другимъ частямъ сужденія существуютъ въ сильно возбужденномъ утвердительномъ сужденіи, которому отрицательное противопоставляется.

Въ возбужденномъ утвердительномъ сужденіи это дѣйствіе представляется какъ конкретное, дѣйствительно происходящее (происходившее или имѣющее произойти въ будущемъ), или какъ желаемое или ожидаемое при тѣхъ же условіяхъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что въ отрицательныхъ

---

[1]) Некрасовъ, О значеніи формъ русскаго глагола стр. 41: „Р. п. ставится послѣ глаголовъ съ отрицаніемъ всегда, когда сила рѣчи сосредоточивается на отрицаніи дѣйствія отъ предмета, его опредѣляющаго". Напр. не читать письма́. „Если же сила рѣчи сосредоточивается болѣе на предметъ, чѣмъ на отрицаніи отъ него дѣйствія, то употребляется и В. п." (не читать пи́сьма).

предложеніяхъ четвертаго вида должно сохраняться то отношеніе дѣйствія къ объекту, выражаемое В. падежомъ, которое существуетъ въ соотвѣтствующемъ утвердительномъ сужденіи, которому отрицательное противопоставляется. Это весьма понятно. Если въ отрицательномъ предложеніи имѣлось бы въ виду другое отношеніе дѣйствія къ объекту (Р. п.), то такое отрицаніе было бы неполно, такъ какъ требуется отвергнуть дѣйствіе именно въ томъ видѣ и въ томъ отношеніи къ другимъ членамъ сужденія, въ какомъ оно существуетъ въ утвердительномъ сужденіи. А В. п. обозначаетъ другое отношеніе дѣйствія къ объекту, чѣмъ Р. п.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ далѣе, что глаголъ въ отрицательномъ предложеніи четвертаго вида долженъ имѣть тотъ видъ, которымъ обозначаемое имъ конкретное дѣйствіе характеризуется въ возбужденномъ утвердительномъ сужденіи. Вслѣдствіе этого въ такихъ отрицательныхъ предложеніяхъ совершенный видъ глагола составляетъ обычное явленіе.

Трудно дать общее опредѣленіе значенія В. п-а въ такихъ отрицательныхъ предложеніяхъ. Какъ извѣстно, и въ утвердительныхъ предложеніяхъ значеніе В. п., зависящаго отъ переходнаго глагола, представляетъ большое разнообразіе. Отношеніе дѣйствія къ объекту различно въ разныхъ случаяхъ, при разныхъ глаголахъ и объектахъ, а потому и функціи В. п., опредѣляющаго это отношеніе, различны въ разныхъ случаяхъ. Ср. встрѣтить кого, разорвать платокъ, печь хлѣбъ и т. д.

Въ отрицательныхъ предложеніяхъ четвертаго вида отвергается конкретное дѣйствіе, исходящее отъ конкретнаго дѣятеля и направляющееся такъ или иначе на конкретный объектъ. Такія предложенія могутъ съ теченіемъ времени получить абстрактное значеніе въ видѣ поговорокъ, пословицъ и пр., но при ихъ возникновеніи дѣйствіе и объектъ въ нихъ всегда конкретны, даже если объектомъ являются такъ называемыя отвлеченныя слова.

Въ какомъ смыслѣ я принимаю здѣсь конкретность, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Итакъ, значеніе отрицательныхъ предложеній съ В. п. дополненія заключается въ отверженіи конкретнаго дѣйствія. Если къ этому значенію прибавляются другіе побочные признаки, какъ условія или послѣдствія такого отрицанія, то это явленія второстепенныя, но не мотивы, вызывающіе такое отрицательное предложеніе.

Другое дѣло отрицательныя предложенія съ Р. п. объекта. Въ нихъ отрицается абстрактное дѣйствіе съ цѣлью указать на условія, вытекающія логически изъ отсутствія такого дѣйствія.

Этими условіями опредѣляется отношеніе другъ къ другу тѣхъ представленій, которыя обозначаются грамматическимъ субъектомъ и объектомъ. Отрицаніе фиктивнаго дѣйствія служитъ указаніемъ на условія, которыя лучше всего или исключительно могутъ быть опредѣляемы такимъ отрицательнымъ признакомъ.

Главное назначеніе (смыслъ) этихъ отрицательныхъ предложеній заключается въ опредѣленіи того положенія вещей (состоянія), при которомъ или связь даннаго дѣйствія съ даннымъ субъектомъ и объектомъ невозможна, или которое является послѣдствіемъ отсутствія даннаго фиктивнаго дѣйствія.

Такимъ образомъ отрицательнымъ предложеніемъ съ Р. п. объекта опредѣляется состояніе психологическаго субъекта тѣмъ, что указывается, что въ числѣ признаковъ, могущихъ быть при данномъ субъектѣ, нѣтъ такихъ, которые совмѣстимы, какъ условія или послѣдствія, съ даннымъ дѣйствіемъ.

Могло бы казаться, что такихъ признаковъ можетъ быть безконечно много при данномъ субъектѣ и потому подобное опредѣленіе посредствомъ отрицательнаго признака можетъ казаться безконечно неопредѣленнымъ, лишеннымъ всякаго положительнаго значенія.

Въ дѣйствительности это не такъ. Когда прибѣгаютъ къ такому отрицательному предложенію, то разговари-

вающіе уже настроены психически такъ, что при нормальныхъ условіяхъ отрицательное опредѣленіе имѣетъ для нихъ вполнѣ опредѣленное положительное значеніе. Они смотрятъ на отрицаемое дѣйствіе односторонне и потому сопряженныя съ этимъ дѣйствіемъ условія принимаются ими въ разсчетъ только съ той точки зрѣнія, которая въ данный моментъ является общей для разговаривающихъ и на которой сосредоточенъ ихъ интересъ.

Отрицательныя предложенія четвертаго вида сравнительно съ отрицательными предложеніями пятаго вида.

Для болѣе удобнаго обозрѣнія различія въ формальномъ значеніи отрицательныхъ предложеній съ В. п. объекта отъ таковыхъ съ Р. п. объекта я раздѣляю примѣры съ В. п. объекта на нѣкоторыя извѣстныя группы.

Наиболѣе часто употребляется В. п. объекта въ отрицательныхъ предложеніяхъ повелительныхъ. Говорящій убѣжденъ, что извѣстное конкретное дѣйствіе совершается или должно совершиться, и высказываетъ повелительное отрицательное предложеніе съ цѣлью, чтобы данное дѣйствіе не происходило.

Не бери́ ты мою душеньку (говоритъ женщина ангелу, такъ какъ поняла, что Богъ его по душу послалъ. Толстой, Чѣмъ люди живы).

Не ше́й ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ (который дѣйствительно шьется. Мотивъ для отриціанія: Рано мою косыньку па двѣ расплетать...).

Дай мнѣ придти домой, что надѣлу надъ женой!... Не бе́й жену за меня! (В.-рус. п. III 408. Говорящая отрицаетъ возбужденное предшествующей рѣчью конкретное дѣйствіе).

Онъ и снять хочетъ красной дѣвицѣ буйну голову... Не губи́ меня, красну дѣвицу! (В.-рус. п. VI 294. Отрицаніе конкретнаго дѣйствія).

Не порть, не облей скатерть. Не ломай ножикъ. Не рви мой платокъ. Не ломай палку (напр.,

видя, что слушатель портитъ скатерть, ломаетъ и т. д.).

Не по́й эту пѣсню (напр. которую ты сейчасъ поешь или собираешься спѣть).

Не разбуди́ Анну (собирающемуся разбудить ее).

Тутъ донской казакъ жену терялъ... Не теря́й-ка ты родиму матушку! (Соб., В.-рус. п. I 173).

Онъ хотѣлъ ей рубить буйну голову... Не руби́ ты мнѣ буйну голову! (Соб., В.-р. п. VI 295).

А ведутъ-то его... Вы не веди́те-тка да моего слугу (Соб., В.-рус. п. I 34).

... не стучи́те, Душу красную дѣвицу не буди́те (Соб., В.-рус. п. I 323).

Родна матушка побить меня велитъ... Вы не бе́йте эту молоду жену (Соб., В.-рус. п. II 105).

Вы, гудочки, не гудите, Моего батюшку не буди́те (В.-рус. п. III 149).

Не губи́ ты нашу душу (Пушкинъ, Сказка о царѣ Салтанѣ).

Вы гудки, не гудите, Масляницу вы не будите (Безсоновъ, Дѣтск. п. 251).

Ты убей-то... сѣрую утушку. Не бей ты... красную дѣвицу... Бѣлую лебедушку... Сѣрую утушку... Красная дѣвица — невѣста моя... (Соб., В.-рус. п.).

Не бей, молодецъ, ты свою худую жену (В.-рус. п. 407).

... не жги свѣчу сальную (В.-рус. п. III 293, 301).

Ты не жги свѣчу да воску яраго (В.-р. п. III 294).

Ты не жги, не жги да свѣчи сальныя (В.-рус. п. III 247).

Не теряй надежду увидѣть его здѣсь.

Ходить ты къ намъ ходи, а соръ изъ избы не выноси́ (выносишь).

Не говори неправду! (въ данномъ случаѣ).

Не растравляй мое сердце!

Не пей водку! (видя, что пьетъ или собирается пить данную водку).

Не мути воду! (волкъ овцѣ, мутящей воду).

Не покиньте мою молоду жену (В.-рус. п. VI 66. Говорящій покидаетъ ее, говоритъ остающимся. Изъ опасенія, что дѣйствіе можетъ сбыться, оно представляется болѣе конкретно, потому для усиленія В. п.).

Не забывайте, сынки, мать вашу (Гоголь, Сочиненія, изд. 1880, I 265. В. п. психологическаго субъекта усиливаетъ значеніе дѣйствія въ его переходѣ на „мать").

Не оставь молодую вдову (Лермонтовъ, Куп. Калашниковъ).

Не испорть это мѣсто (Островскій: „Вложи какъ можно больше души").

Въ повелительныхъ предложеніяхъ замѣтно стремленіе расширить область конструкціи съ В. п. за указанные предѣлы. Здѣсь появляется В. п. иногда и въ томъ случаѣ, когда говорящій не имѣетъ въ виду опроверженія опредѣленнаго конкретнаго дѣйствія, но когда болѣе абстрактное дѣйствіе подъ вліяніемъ страха, опасенія, сильнаго желанія, чтобы оно не сбылось, возбуждается съ такой силой, что для отрицанія его предпочтительно тотъ болѣе полный переходъ дѣйствія на объектъ, который обозначается В. п. Въ такихъ случаяхъ отрицательное повелительное предложеніе съ В. п. имѣетъ значеніе эмфатическаго повелѣнія:

Ср. отрицательныя предложенія съ Р. п. объекта:

Не читай такихъ книгъ! (т. е. вообще. Опредѣленіе извѣстнаго желательнаго состоянія, исключающаго такое отношеніе къ извѣстнымъ книгамъ, которое могло бы, напр., оказать вредное вліяніе).

Не пой этой пѣсни! (т. е. вообще. Опредѣляетъ отношеніе къ пѣснѣ, извѣстное состояніе, желательное по тѣмъ или другимъ причинамъ,

напр. просматривая сборникъ пѣсенъ: эту пой, а этой пѣсни не пой).

Не покидай земли родной (Опредѣляетъ желательное отношенiе между слушателемъ и родиной).

Не кажи своего бѣла лица (Соб., В.-рус. п. IV 194. Желательное состоянiе, при которомъ исключаются извѣстныя нежелательныя послѣдствiя: „Гостинный сынъ волюшку беретъ...“).

Не рубите молодцу да буйной головы (Соб., В.-р. п. I 320; т. е. не лишайте его жизни).

Ты не пой, соловушка, не свисти, молодой, Не давай назолушки сердечку моему! (В.-рус. п. III 53. Указываетъ на условiя, вслѣдствiе которыхъ: не пой).

При такихъ же условiяхъ, какъ въ повелительныхъ предложенiяхъ, является В. п. въ отрицательныхъ предложенiяхъ цѣли:

Я желаю, чтобы ты не читалъ эту книгу (ты читаешь или собираешься читать ее).

Руку обтеръ, чтобы барскiй чулокъ не попачкать (въ данномъ конкретномъ случаѣ. Л. Толстой, Сочиненiя, XII, 1887, стр. 19).

Чтобы она садъ не портила.

Чтобы вашъ сынъ не смущалъ бѣдную дѣвушку.

Чтобъ шумъ оружiя съ собою не вводилъ (Озеровъ).

Я желаю, чтобы ты не говорилъ неправду (говоришь неправду, конкретно).

Ср. съ Р. п.:

Я желаю, чтобы ты никогда не говорилъ неправды, чтобы Вашъ сынъ не смущалъ этой дѣвушки (вообще), чтобы вообще не портили сада и т. д. (Говорящiй допускаетъ возможность дѣйствiя, наступленiе котораго для него не желательно, а желательно ему то состоянiе, возможное лишь при отсутствiи даннаго дѣйствiя, при которомъ: ты былъ бы прав-

дивъ, дѣвушка сохраняла бы свое душевное спокойствіе, садъ сохранялся бы въ цѣлости).

Вопросительныя предложенія, въ которыхъ говорящій обнаруживаетъ мысль, что онъ считаетъ соотвѣтствующее утвердительное сужденіе согласнымъ съ истиной, облекаются въ форму отрицательныхъ для того, чтобы такимъ контрастомъ рельефнѣе подчеркнуть ожидаемый утвердительный отвѣтъ.

При такой возбужденности утвердительнаго сужденія мы ожидаемъ конечно В. п. Ср. Miklosich, Synt., стр. 500.

Прошеніе-то, поди-ка, опять не написалъ? (Горькій, Мѣщане, стр. 7. Извѣстное разговаривающимъ прошеніе, котораго Петръ все не удосуживался написать).

... не находишь ли ты что-то пріятное для себя въ такомъ раздвоеніи души? (Мѣщане, стр. 129. Убѣжденіе говорящаго въ истинѣ утвердительнаго сужденія доказываетъ предшествующее: „Тебѣ нравится это").

Не разбудить ли барыню? (Гончаровъ. Имѣетъ въ виду извѣстное конкретное дѣйствіе: нужно разбудить).

Развѣ ты вчера не видѣлъ эту даму? (Ты, должно быть, видѣлъ ее при такихъ-то обстоятельствахъ).

Не теряешь ли ты время? (въ данномъ случаѣ: теряешь).

Не купить ли мнѣ домъ?

Не терпитъ ли онъ холодъ? не чувствуетъ ли голодъ? (Дмитріевъ).

Сіе безпокойство... не означали ли великую душу? (Батюшковъ).

Не принести ли стулья, свѣчи, ножъ, обѣдъ? (которые говорящій имѣетъ въ виду принести).

Не разскажешь ли ты намъ всю правду?

Не слышимъ ли въ бою часовъ Гласъ смерти, две-

ри скрипъ подземный? (Державинъ. Возможно вліяніе размѣра).

Машутку-то не видалъ? Эхъ ты! повидалъ бы! (Горькій, Сочиненія, V 258).

Не видимъ ли мы высокій примѣръ вѣрности исконнымъ русскимъ завѣтамъ?

Когда въ вопросѣ не скрывается утвердительнаго сужденія, а лишь допускается возможность извѣстнаго состоянія, обусловленнаго возможнымъ дѣйствіемъ, то и здѣсь является Р. п.

Не снесла ли она яичка гдѣ? (Толстой, Сочиненія XI 37. Послѣдствіемъ чего было бы то, что яичко гдѣ-нибудь да находится).

Ты не любишь ли другой? (Соб., В.-рус. п. V 225. Изъ этого состоянія объяснилось бы отношеніе ко мнѣ).

Не позабылъ ли ты старой должности? (Пушкинъ).

Не принести ли стульевъ, бумаги, свѣчей, ножей? (= не нужны ли стулья и т. д.).

Вин. п. объекта въ отрицательныхъ предложеніяхъ условныхъ:

Если ты не отдашь книгу, то я на тебя пожалуюсь (ты долженъ сейчасъ отдать).

Я не отдамъ лошадь, пока не положишь деньги на столъ (Ты требуешь, чтобъ я отдалъ лошадь. Ты долженъ уплатить деньги).

Не скажешь подлинную, такъ скажешь подноготную (Даль, Послов. I 227. Ты долженъ сказать подлинную).

Пока не выучишь урокъ, не позволю тебя выйти (ты долженъ выучить свой извѣстный урокъ).

Не ронять бы горьки слезы за окно, Не бранить бы чужу дальну сторону.—Не роняла бы горьки слезы за окно (Соб., В.-рус. п. III 61, 62. Роняла, бранила).

Ср. Р. п. объекта:

Если онъ не принесетъ твоей книги, то возьми мою (если у тебя не будетъ книги, то...).

Кабы кустышекъ не милъ, Соловей гнѣзда не вилъ, Малыхъ дѣтокъ не плодилъ (Соб., В.-рус. п. IV 126. Абстрактное дѣйствіе—отношеніе соловья къ гнѣзду касательно свиванія его и пр.).

Какъ бы я знала... Не топила бы краснаго золота, Не лила бы я золота перстня, Не тратила бы золотой казны (Соб., В.-рус. п. V 48. Описаніе извѣстныхъ условій состояніи).

Въ повѣствовательныхъ предложеніяхъ представляется меньше случаевъ для противопоставленія отрицательнаго сужденія возбужденному утвердительному, для отрицанія конкретнаго дѣйствія. Отрицательныя повѣствовательныя предложенія съ В. п. объекта являются тогда, когда отвергается дѣйствіе, съ увѣренностью предполагаемое, ожидаемое или желаемое говорящимъ или слушателемъ. Чаще всего такимъ отрицательнымъ предложеніемъ говорящій отвергаетъ конкретное дѣйствіе, возбужденное въ душѣ слушателя въ утвердительномъ сужденіи, большею частію обнаруженное словами, такъ какъ при этихъ условіяхъ обыкновенно представленіе о конкретномъ дѣйствіи достаточно возбуждено у говорящаго, чтобы вызвать то отношеніе глагола къ объекту, которое выражается посредствомъ В. п.

Не вы́нулъ я душу (Толстой, Чѣмъ люди живы. Я долженъ былъ вынуть ее).

Она хвалилась, что хочетъ море сжечь... А море не зажгла (Крыловъ, Синица).

Иванъ свой домъ не прода́стъ.

Три дня хату не топила (В.-рус. п. IV 191).

Живу съ Катенькой въ раздорѣ, Раздолъ людямъ не объявлю́ (В.-рус. п. V 105).

Онъ не возметъ мою лошадь.

Я не вижу Вашу книгу (въ данный моментъ).

Далеко ты! Не слышишь голосъ мой (Лермонтовъ).

... и выйдетъ, что эту улицу какъ будто и не мостили вовсе (ее мостили).

Онъ не уви́дитъ свою родину.

Онъ не узналъ свою бабушку.

Иванъ еще не прине́съ твою книгу.

Она намъ обѣдъ не пригото́вила.

Онъ еще не купилъ мою лошадь.

Никто-то вора Гаврюшку не признаетъ (Соб., В.-рус. п. VI 344).

Причину не понимаю (Фонвизинъ. Письма къ роднымъ. Истоминъ, Главнѣйшія особенности... Р. Ф. В. т. 38).

Не бойся. Няня дитё не тро́нетъ.

Не поки́ну вѣру христіанскую (Дух. стих., Буслаевъ, Синт., 256).

Не забывали добродѣтель (Грибоѣдовъ, Письмо 1814 г., Истоминъ, Главнѣйшія особенности...).

Боясь, грусть не утая, Будить людское сожалѣнье (Лермонтовъ. Слѣдовало бы утаивать грусть. Впрочемъ возможно вліяніе размѣра).

Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ Коверъ не будетъ распускать (сравненіе съ конкретнымъ дѣйствіемъ Пенелопы).

Онъ не найде́тъ мою шляпу.

Онъ не отда́стъ книгу.

Я не приняла въ расчетъ это обстоятельство (въ данномъ конкретномъ случаѣ).

Ничто не возмущало жизнь ихъ (Гоголь).

Онъ однако не потерялъ надежду на благополучный исходъ.

Сегодня утромъ Иванъ не повторилъ свой урокъ.

Не люблю я это наружное веселье (мое безучастіе къ которому васъ удивляетъ).

Онъ едва ли не теряетъ время (Востоковъ, Р. Гр. § 258. Онъ теря́етъ время).

...даетъ ли факультетъ имъ возможность? факультетъ не́ далъ имъ эту возможность.

Однако тетку я дома не заста́лъ.

Онъ и всѣхъ гостей позвалъ, Одноё сову не звалъ (Безсоновъ, Дѣтск. п. 101).

Всѣхъ птичекъ—пташекъ на пиръ созвала, Одную совоньку на пиръ не звала (Безсоновъ 102).

Понесу кисель на таргъ... Никто кисель не торгуетъ... Я уставлю на дворъ... Кисель куры не клютъ... Отпросилася свинья... Свое рыло обмывать.. Она рыло не намыла (Безсоновъ, Дѣтск. п. 187—189).

Давно люблю и ни отъ кого это не скрывалъ (Горькій, Мѣщане 72. Въ опровержение: „Исподтишка живешь...").

При отрицательныхъ повѣствовательныхъ предложеніяхъ съ Р. п. объекта весь интересъ говорящихъ сосредоточенъ на тѣхъ условіяхъ, которыя логически вытекаютъ изъ отсутствія фиктивнаго возможнаго дѣйствія, такъ что эти предложенія, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, собственно не повѣствовательныя, а описательныя. „Ангелъ не вынималъ души, не вынулъ души" опредѣляетъ извѣстнымъ образомъ состояніе ангела или души, смотря по тому, что психологическій субъектъ „Ангелъ не вынулъ души" опредѣляетъ преимущественно состояніе „души": душа" осталась невынутой, въ тѣлѣ. „Я не купилъ шляпу"—я не совершилъ извѣстнаго дѣйствія, а: „я не купилъ шляпы" значитъ между прочимъ: у меня нѣтъ шляпы, потому что я не купилъ шляпы, напр. въ отвѣтъ на: покажи мнѣ свою новую шляпу.

Ты вѣдь знаешь эту женщину. — Я ея никогда не видалъ (т. е. не только не знаю, но мое отношеніе къ ней такое, что даже не видалъ, вслѣдствіе чего и знакомства быть не можетъ).

Почему же ты сестрѣ не пе́редалъ мой поклонъ? — Я сестры дома не засталъ. (При такихъ условіяхъ не было возможности передать поклонъ).

Онъ долго искалъ, но не нашелъ своего кошелька (остался безъ кошелька).

Когда значеніе глагола имѣетъ ту степень абстрактности, которая является при абстрактномъ объектѣ, то объектъ всегда въ Р. п.; напр. Иванъ не нашелъ въ лавкѣ подходящаго ключа, подходящихъ замковъ (никогда В. п.).

Другіе примѣры съ Р. п. объекта:

Онъ не любитъ веселья.

Ты не чувствуешь любви никакой (В.-рус. п. II 51).

А вина то горькаго молодецъ не пиивалъ (В.-рус. п. I 2).

Черезъ рѣченьку жердочка лежала... Что никто по ней слѣда не проложитъ (В.-рус. п. I 563).

Ты за что меня цѣлуешь, а правды не скажешь (В.-рус. п. IV 435).

Много слезъ я проливала; Милый слезъ тѣхъ не видалъ (В.-рус. п. V 251).

Ты... отрады сердцу не дала (В.-рус. п. V 121).

Она обѣда не приготовила (обѣда нѣтъ, въ отличіе отъ: „она не приготовила обѣдъ", который она должна была приготовить, напр. въ виду того, что она готовитъ намъ каждый день обѣдъ, и пр.).

Кошка не ѣстъ ветчины (условія кошки, отношеніе къ ветчинѣ, но: „кошка не ѣстъ ветчину" — она теперь не ѣстъ данный ей кусокъ ветчины).

Что касается болѣе тѣсныхъ сочетаній глагола съ отвлеченными именами, которыя въ нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ, особенно въ новоперсидскомъ, очень распространены, то въ русскомъ языкѣ ихъ мало и сращеніе менѣе тѣсное, вслѣдствіе чего такія имена въ роли объекта не отличаются отъ другихъ подобныхъ сочетаній относительно употребленія Р. п. и В. п.: онъ пользы не приноситъ.

Относительно предложеній четвертаго вида нужно еще замѣтить, что прямое дополненіе въ нихъ почти все-

гда въ ед. ч. Причина этому кроется не столько въ томѣ, что во мн. ч. названія одушевленныхъ существъ имѣютъ во всѣхъ склоненіяхъ въ В. п. окончанія Р. п-а, такъ что по формѣ объекта нельзя отличать предложеній четвертаго вида отъ таковыхъ пятаго вида, какъ особенно въ томъ, что обыкновенно дѣйствіе не представляется въ достаточной степени конкретнымъ, какъ скоро оно переходитъ на многіе, хотя и конкретные объекты, обозначаемые мн. числомъ прямого дополненія.

Конкретность и абстрактность предложеній четвертаго и пятаго видовъ.

Непремѣнное условіе отрицательныхъ предложеній четвертаго вида — чтобы отрицаемое дѣйствіе представлялось какъ болѣе или менѣе конкретное. Для этого прежде всего необходимо, чтобы значеніе грамматическаго объекта было конкретное, индивидуально опредѣленное. Объ этихъ различіяхъ въ значеніяхъ я скажу ниже.

Такое конкретное отрицательное предложеніе отличается отъ соотвѣтствующаго утвердительнаго лишь тѣмъ, что въ немъ конкретное дѣйствіе отрицается какъ несуществующее въ данномъ сочетаніи съ другими членами сужденія: Не вы́нулъ я душу. Отсюда видно, почему четвертый видъ предложеній встрѣчается чаще всего въ повелительныхъ и вопросительныхъ предложеніяхъ. Въ повелительныхъ предложеніяхъ отрицается часто дѣйствіе въ конкретномъ сужденіи, возникшемъ непосредственно изъ внѣшняго воспріятія: не облей скатерть, не ломай ножикъ. Такъ же сравнительно часто является вопросительное предложеніе четвертаго вида, въ которомъ говорящій посредствомъ отрицательнаго вопроса добивается признанія конкретнаго сужденія, въ истинѣ котораго онъ болѣе или менѣе увѣренъ: Развѣ ты не нашла свой кошелекъ?

Въ предложеніяхъ пятаго вида значеніе глагола всегда абстрактное; а значеніе грамматическаго субъекта и объекта можетъ быть какъ конкретнымъ, такъ и абстрактнымъ.

Дѣйствіе въ данномъ случаѣ фикція говорящаго,

а реальное значеніе имѣютъ лишь тѣ условія, которыя логически вытекаютъ изъ отсутствія даннаго дѣйствія: Я не бралъ, не взялъ, не возьму вашихъ книгъ — выражаетъ мое отношеніе къ извѣстнымъ книгамъ. Онъ не видалъ большихъ городовъ — опредѣляетъ напр. извѣстнымъ образомъ его кругозоръ, и пр.

Отступленіе. Конкретность и абстрактность представленій.

Терминъ конкретный и абстрактный я употребляю въ смыслѣ Пауля (Principien d. Sprachgesch.[3] 68 и друг.). Конкретное значеніе обозначаетъ нѣчто реально существующее въ предѣлахъ мѣста и времени. Абстрактное значеніе заключается въ такъ называемыхъ общихъ представленіяхъ (понятіяхъ въ психологическомъ смыслѣ). Существительныя, обозначающія дѣйствіе или качество и называемыя отвлеченными (абстрактными), могутъ въ вышеозначенномъ смыслѣ быть какъ абстрактными, такъ и конкретными. „Бѣлизна“ скатерти, которую (скатерть) я вижу передъ собою, или только представляю себѣ какъ конкретную, конкретна; а въ: рука руку моетъ — всѣ три слова имѣютъ абстрактное значеніе. Взятіе Казани Іоанномъ — столь же конкретно, какъ: Іоаннъ взялъ Казань.

Содержаніе конкретнаго представленія обыкновенно существенно не отличается отъ содержанія общаго представленія: тѣ же неясные, случайные, отрывочные признаки, относящіеся преимущественно къ области зрительныхъ воспріятій, которые, такъ сказать, висятъ на словѣ и безъ него обыкновенно цѣлаго не составляютъ. Они различны въ разное время и при разномъ настроеніи. Нерѣдко главная масса представляемаго въ конкретныхъ представленіяхъ состоитъ не столько изъ признаковъ, относящихся къ данному представленію, сколько къ окружающей его конкретной обстановкѣ.

При всей ихъ неопредѣленности и измѣнчивости, доходящей часто почти до полнаго отсутствія признаковъ, со словомъ связано однако всегда достаточно признаковъ для того, чтобы значеніе его отличалось отъ значенія

другихъ словъ, насколько это нужно въ каждомъ данномъ случаѣ.

Въ предложеніяхъ: лошади ѣдятъ сѣно; у лошади шея тоньше, чѣмъ у коровы; его лошадь хромаетъ — представленія о лошади различны. Но въ каждомъ изъ нихъ выступаютъ болѣе опредѣленно нѣкоторые признаки или нѣкоторыя части зрительнаго представленія о лошади, которыми эти представленія отличаются напр. отъ представленія о коровѣ и пр. Такъ, въ послѣднемъ примѣрѣ при бо́льшей напряженности мысли очерчиваются прежде всего ноги, во второмъ шея и пр.

При быстрой смѣнѣ представленій и малой напряженности мысли отдѣльныя представленія въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ или отдѣльныхъ признакахъ всплываютъ, такъ сказать, до порога сознательнаго и снова скрываются. Но и такая степень возбужденности представленій можетъ оставить достаточно прочный слѣдъ или воспоминаніе для того, чтобы впослѣдствіи можно было вызвать по желанію тѣ же представленія съ большей опредѣленностью, въ область полной сознательности.

При конкретныхъ представленіяхъ обыкновенно выдвигаются нѣкоторыя части, отдѣльные конкретные признаки даннаго предмета. Но это обстоятельство не можетъ служить отличіемъ конкретнаго представленія отъ абстрактнаго, такъ какъ такіе же признаки могутъ входить и въ составъ абстрактнаго представленія.

Существенное отличіе конкретнаго представленія отъ абстрактнаго составляетъ сознаніе, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду именно такой-то или такіе-то, какой-то или какіе-то предметы, находящіеся (или находившіеся и пр.) тамъ-то или гдѣ-то.

Конкретное представленіе о вещи, о которой мы не знаемъ никакихъ признаковъ, которыми мы могли бы выдѣлить данную вещь отъ всѣхъ другихъ, обозначаемыхъ тѣмъ же словомъ, не можетъ само по себѣ отличаться ничѣмъ отъ общаго представленія, связаннаго съ даннымъ словомъ, кромѣ сознанія, что это представленіе относит-

ся къ какой-то одной индивидуальной вещи или къ какимъ-то индивидуальнымъ вещамъ. Назову такія значенія — конкретными индивидуально-неопредѣленными или просто конкретными неопредѣленными.

Но достаточно придать такому представленію какой-нибудь хотя бы внѣшній признакъ, не относящійся къ содержанію самого представленія, благодаря которому данное представленіе можетъ быть относимо лишь къ извѣстному или извѣстнымъ индивидуальнымъ явленіямъ (напр. опредѣлить его отношеніе къ чему-либо извѣстному конкретному), какъ мы уже представляемъ его себѣ какъ конкретное, индивидуально опредѣленное.

Различіе это лучше всего видно изъ примѣровъ.

Если при отсутствіи извѣстнаго общаго съ говорящимъ психическаго настроенія намъ скажутъ: ich traf den Mann (или je rencontrai l'homme, I met the man), то мы недоумѣваемъ, какого именно конкретнаго человѣка представить себѣ. Говорящій очевидно имѣетъ въ виду опредѣленнаго конкретнаго человѣка, а у насъ нѣтъ данныхъ, опредѣляющихъ, какого именно. При нормальныхъ условіяхъ говорящій становится на точку зрѣнія слушателя и скажетъ: se rencontrai un homme, ich traf einen Mann, I met a man, я встрѣтилъ (одного) человѣка. Тогда мы объ этомъ человѣкѣ будемъ точно такъ же знать лишь то, что даетъ слово homme, man. Слѣдовательно содержаніе даннаго конкретнаго представленія равно обстрактному. Но неопредѣленный членъ въ данномъ конкретномъ предложеніи указываетъ на то, что нужно имѣть въ виду одного изъ всѣхъ людей. Какого?— котораго говорящій встрѣтилъ.

Послѣ этого говорящій уже скажетъ: Je lui dis, ich sagte ihm, или ich sagte dem Mann и пр., и мы понимаемъ подъ lui, ihm вполнѣ опредѣленнаго индивидуально, конкретнаго человѣка, хотя не прибавилось никакого признака, относящагося къ содержанію представленія объ этомъ человѣкѣ. Да и такой признакъ не помогъ бы намъ выдѣлить даннаго человѣка отъ всѣхъ остальныхъ, если

на помощь не явилось бы другихъ, внѣшнихъ данныхъ, какимъ въ этомъ случаѣ является признакъ „встрѣтилъ“. Но теперь для насъ the man не просто какой-то конкретный человѣкъ, а именно тотъ человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ, the man he met, der Mann, den er traf или встрѣченный имъ человѣкъ: Въ дальнѣйшемъ разсказѣ говорящій скажетъ: il me repondit, er antwortete mir, или der Mann antwortete mir и т. д., такъ какъ субъектъ еще болѣе отличенъ отъ всѣхъ другихъ людей: человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ, которому онъ сказалъ, отвѣтилъ ему.

Съ точки зрѣнія языка индивидуально опредѣленнымъ является лицо напр. въ: (Я встрѣтилъ одного изъ твоихъ товарищей и) я сказалъ ему, хотя слушателю еще не извѣстно, кого именно изъ его товарищей говорящій имѣетъ въ виду. Или: (Сквозь туманъ онъ увидѣлъ что-то черное) Оно двигалось и пр. Оно обозначаетъ индивидуально опредѣленное конкретное представленіе, такъ какъ то черное, которое онъ видѣлъ сквозь туманъ, отлично отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ и представляется реально существовавшимъ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время.

Различія въ конкретности и абстрактности значенія глаголовъ нѣсколько сложнѣе.

При абстрактномъ значеніи грамматическихъ субъекта и объекта дѣйствіе всегда абстрактное и не содержитъ признаковъ времени. Въ этомъ случаѣ употребляется форма настоящаго времени, такъ какъ нѣтъ особой личной формы, стоящей внѣ временного соотношенія. Напр. Рука руку моетъ. На чьемъ току молотятъ, тому и хлѣбъ возятъ.

Но отсутствіе признака времени съ точки зрѣнія говорящаго не мѣшаетъ тому, что при подчиненіи одного абстрактнаго дѣйствія другому они могутъ быть понимаемы въ извѣстной временной послѣдовательности: Снявши голову по волосамъ не плачутъ.

Я говорилъ о формѣ настоящаго времени, такъ какъ глаголъ совершеннаго вида собственно не имѣетъ зна-

ченія настоящаго времени. Но это не мѣшаетъ ему обозначать абстрактное дѣйствіе, когда дѣйствіе представляется именно такъ, что можетъ быть обозначаемо лишь совершеннымъ видомъ глагола, напр. На слѣпого очковъ не приберешь. Угля сажей не замараешь.

Дѣйствіе, производимое конкретнымъ существомъ или предметомъ и переходящее на конкретное существо или предметъ, можетъ бытъ какъ конкретнымъ, такъ и абстрактнымъ, смотря по тому, какъ мы это дѣйствіе представляемъ себѣ во времени.

Въ представленіи такого дѣйствія возможна большая или меньшая степень конкретности. Такъ, дѣйствіе, обозначаемое несложнымъ глаголомъ совершеннаго вида, какъ купилъ, бросилъ, сказалъ, толкнулъ и пр., можетъ наиболѣе удобно представляться конкретно; но по отношенію къ законченности дѣйствія можетъ пониматься и абстрактно.

Дѣйствіе, обозначаемое какъ длительное (продолженное), можетъ представляться конкретно какъ извѣстное состояніе непрерывнаго дѣйствія, напр. говорить, гнать, портить. Этотъ же видъ употребляется обыкновенно въ абстрактныхъ предложеніяхъ со значеніемъ абсолютнаго времени, напр. люди портятъ другъ другу жизнь.

Дѣйствіе, обозначаемое многократнымъ видомъ глагола наименѣе удобно быть пріурочено къ извѣстному времени, такъ какъ не можемъ отдѣльные моменты проявленія дѣйствія соединить въ одно цѣлое, конкретное, и отнести къ одному опредѣленному времени. Въ виду этого, по отношенію къ времени, глаголы этого вида собственно абстрактны. Напр. Они часто прерывали свои занятія. По вечерамъ онъ намъ разсказывалъ свои приключенія.

По той же причинѣ дѣйствіе, направляющееся на многіе предметы, обозначаемые мн. числомъ прямого дополненія, часто не представляется какъ конкретное въ виду того, что оно переходитъ не на всѣ отдѣльные предметы, обозначаемые прямымъ дополненіемъ во мн. числѣ,

одновременно, а поочередно, напр. при строить, писать, бросить и т. д. Но и въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе въ дѣйствительности направляется одновременно на всѣ конкретные объекты, обозначаемые прямымъ дополненіемъ во мн. ч., напр. при принести, купить, сказать, покинуть, забыть, сжечь и пр., представленіе объ этомъ дѣйствіи въ его полномъ объемѣ, въ его одновременномъ переходѣ на многіе предметы, не можетъ одновременно вмѣщаться въ нашей точкѣ фиксаціи. Мы можемъ при особенно сильной внимательности представить себѣ это дѣйствіе въ его переходѣ поочередно на отдѣльныя вещи, обозначаемыя въ совокупности множ. числомъ дополненія, или же — отдѣльныя вещи не представляются каждая въ отдѣльности съ достаточной ясностью, чтобы дѣйствіе могло обладать той степенью конкретности, при которой возможенъ В. п. объекта послѣ отрицаемаго глагола. Поэтому могли бы еще существовать предложенія вродѣ: онъ не забудетъ Ваши ласки, но въ большинствѣ случаевъ когда прямое дополненіе въ мн. ч. обозначаетъ конкретныя вещи, совершенно невозможны тѣ условія, при которыхъ является В. п. дополненія. Этимъ обстоятельствомъ объясняется почти полное отсутствіе предложеній четвертаго вида съ В. п. дополненія во мн. ч.

Подробныя данныя для разсмотрѣнія видовъ русскаго глагола по отношенію къ способности имѣть конкретное или абстрактное значеніе находятся въ извѣстномъ изслѣдованіи Г. К. Ульянова, „Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ“ и въ „Критическомъ разборѣ“ этого сочиненія Ф. Θ. Фортунатова. Къ выше сказанному ср. между прочимъ стр. 138, 139 послѣдняго, и ср. 190 и слѣд. перваго сочиненія.

Помимо различій, зависящихъ отъ вида глаголовъ, степень абстрактности значенія глагола зависитъ еще отъ конкретности и абстрактности значеній объекта и субъекта; напр. Онъ не читалъ этого романа; онъ не читаетъ романовъ; неграмотные люди книгъ не читаютъ. Ср. еще: онъ не читаетъ, въ смыслѣ: не умѣетъ читать.

Смѣшеніе предложеній четвертаго и пятаго вида.

Однако не всегда указанныя выше особенности значеній предложеній четвертаго и пятаго вида представляются съ такой опредѣленностью, что невозможно смѣшеніе ихъ.

Между крайними противоположными точками, характеризующими четвертый и пятый видъ, возможенъ цѣлый рядъ промежуточныхъ случаевъ, въ которыхъ говорящій— смотря по тому, какіе оттѣнки значенія въ моментъ разговора ему кажутся наиболѣе существенными — можетъ прибѣгнуть къ конструкціи съ В. п. или съ Р. п. Къ простому опроверженію дѣйствія возбужденнаго утвердительнаго сужденія (четвертый видъ) можетъ присоединиться въ большей или меньшей степени мысль объ условіяхъ, вытекающихъ изъ отсутствія даннаго дѣйствія. Съ другой стороны, въ предложеніяхъ пятаго вида, кромѣ главной цѣли, указанія на условія, сопряженныя съ отсутствіемъ возможнаго дѣйствія, уже самое существованіе такого отрицательнаго сужденія возможно лишь при по крайней мѣрѣ слабомъ возбужденіи соотвѣтствующаго положительнаго сужденія, т. е. при ассоціаціи членовъ сужденія въ такомъ логическомъ соотношеніи, въ которомъ они, при большей ясности проявленія, являются въ утвердительныхъ предложеніяхъ.

Другими словами: такъ какъ характерные признаки отрицательныхъ предложеній отверженія дѣйствія (четвертаго вида) и опредѣленія состоянія (пятаго вида) не всегда выступаютъ съ достаточной силой и безъ примѣси другихъ признаковъ, то между этими двумя крайностями возможны и случаи смѣшаннаго типа по значенію, приближающіеся болѣе къ той или другой крайности, смотря по субъективному взгляду говорящаго.

Вотъ здѣсь-то, въ этой промежуточной области, вполнѣ умѣстны колебанія, безъ особаго нарушенія смысла.

Примѣры:

Не прощайся, ворочайся, миленькій, назадъ! Не
забылъ ли золотыя свои стремена? Не за-

былъ ли черной шляпы со перомъ? Не забылъ ли перчаточекъ... черниленки... своей души Маши полотно? (В.-рус. п. V 285).

Не стилалъ перинки пуховыя, И не кладалъ крутоскладное сголовьице, И не натягалъ соболина одѣялышка (В.-рус. п. I 25).

Ты не жги свѣчи́ (свѣчу) (В. п. и Р. п. В.-рус. п. III на каждой страницѣ отъ 293 до 301, а также 303, 309, 310).

Въ „Дѣтскихъ Пѣсняхъ" Безсонова особенно употребителенъ В. п., напр. стр. 90: Никто совушку не зналъ, Никто её не видалъ. (Въ такихъ случаяхъ обыкновенно Р. п. Появленію В. п., можетъ быть діалектическому, способствуетъ то обстоятельство, что „совушку" психологическій субъектъ).

Кромѣ того, когда этого требуютъ другія условія, и если эти другія условія въ данный моментъ пересиливаютъ указанныя различія въ значеніяхъ, то вмѣсто ожидаемаго Р. п. можетъ быть и В. п., и наоборотъ. Къ такимъ внѣшнимъ условіямъ относятся ритмъ и рифма въ стихахъ, а также повидимому иногда и ритмъ рѣчи (тактъ) въ прозѣ. Примѣры:

Какой ужасный шумъ, нельзя ничто понять (Батюшковъ. Вм. ничего).

Сидѣлъ онъ не смыкая очи (Пушкинъ. Вм. очей. Рифма къ ночи).

Не дѣлать намъ ничто (Кантемиръ).

Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять, Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить правы, Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы (Крыловъ, Червонецъ).

Чуть головы не сломилъ (В.-рус. п. VI 441).

Еще доселѣ ихъ свирѣпость Твою не одолѣла крѣпость (Крыловъ, Дубъ и Трость. Предпочтительнѣе Р. п., что доказываетъ и продолженіе: И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица).

Не видятъ блескъ ея враги И беззащитно умираютъ (Лермонтовъ).

Впрочемъ, когда грамматическій объектъ обозначаетъ психологическій субъектъ, какъ въ послѣднихъ примѣрахъ, то иногда является В. п. и безъ особыхъ постороннихъ причинъ:

Куда пошлешь, все жену не дождешься (В.-рус. п. I 1).

Заключеніе.

Въ заключеніе повторю вкратцѣ главный результатъ предыдущаго изслѣдованія.

Отрицательныя предложенія, въ которыхъ дѣйствіе, обозначаемое переходнымъ глаголомъ, отрицается абсолютно, бываютъ двоякаго рода.

Главное, но не единственное словесное различіе заключается въ различіи въ падежѣ объекта.

Предложенія съ В. п. объекта служатъ для отверженія представленія о конкретномъ дѣйствіи, существующемъ въ возбужденномъ утвердительномъ сужденіи, въ его отношеніи къ другимъ членамъ сужденія.

Предложенія съ Р. п. объекта служатъ для опредѣленія отношенія между тѣми представленіями, которыя составляютъ реальныя значенія грамматическихъ субъекта и объекта. Значеніе этихъ предложеній заключается въ указаніи на тѣ условія, которыя логически вытекаютъ изъ отсутствія отрицаемаго абстрактнаго дѣйствія.

Непремѣнныя условія, безъ которыхъ появленіе означенныхъ предложеній съ В. п. объекта невозможны: конкретное, индивидуально опредѣленное значеніе объекта и болѣе или менѣе конкретное значеніе глагола.

Найдутся вѣроятно отдѣльныя лица, а можетъ быть и цѣлыя семьи, въ языкѣ которыхъ отрицательныя предложенія съ В. п. объекта, подъ вліяніемъ школы и письменнаго языка, совсѣмъ не употребительны.

При такихъ условіяхъ чутье къ пониманію такого различія въ формальныхъ значеніяхъ предложеній есте-

ственно могло притупляться у тѣхъ образованныхъ русскихъ людей, которые не находятъ въ произведеніяхъ народной литературы и въ общеніи съ живымъ народнымъ языкомъ противовѣса одностороннему вліянію школы.

Такимъ лицамъ вышеприведенные примѣры съ В. п. объекта должны казаться даже неправильными, а указанныя различія въ значеніяхъ между отрицательными предложеніями четвертаго и пятаго вида — натяжкой.

Но уже тотъ фактъ, что предложенія четвертаго вида существуютъ и, несмотря на громадный численный перевѣсъ отрицательныхъ предложеній пятаго вида, сохраняются вѣками, явно свидѣтельствуетъ о томъ, что существуютъ такія психическія условія, которыя не даютъ подпасть предложеніямъ съ В. п. объекта подъ вліяніе аналогіи большинства отрицательныхъ предложеній. Слѣдовательно, въ значеніяхъ ихъ существуютъ такія различія, хотя и трудно поддающіяся общимъ опредѣленіямъ, которыя ставятъ между ними извѣстныя грани и обезпечиваютъ существованіе обоихъ видовъ предложеній.

При такихъ условіяхъ весьма понятно, что нельзя руководствоваться исключительно субъективнымъ сознательнымъ пониманіемъ этихъ различій. Лишь при помощи объективнаго разбора относящихся сюда примѣровъ и сопоставленія сопровождающихъ ихъ условій можно найти тѣ данныя, которыя составляютъ эти различія. Что полученные выше результаты нельзя выразить въ краткихъ точныхъ правилахъ, опредѣляющихъ въ каждомъ данномъ случаѣ безошибочно необходимость той или другой конструкціи, объясняется неточнымъ знаніемъ нашей психической жизни, не только не позволяющей намъ опредѣлить абсолютно градаціи возбужденности нашихъ представленій, но не позволяющей даже констатировать въ каждомъ данномъ представленіи присутствія того или другого признака. Это находится конечно въ связи съ измѣнчивостью и неопредѣленностью нашихъ представленій, и съ неуловимостью грани между областями сознательнаго и безсознательнаго, въ особенности же съ зачаточнымъ

состоянiемъ экспериментальной психологiи. Во всякомъ случаѣ нужно имѣть въ виду, что при объективной провѣркѣ на живомъ языкѣ изложенныхъ здѣсь выводовъ необходимо соблюдать извѣстныя правила, какъ при всякомъ экспериментѣ.

Для того, чтобы получить отвѣтъ съ тѣмъ или другимъ падежомъ объекта нужно въ испытуемомъ лицѣ предварительно возбудить соотвѣтствующее психическое настроенiе искуственно вызванными событiями, или по крайней мѣрѣ краткимъ изложенiемъ ситуацiи. Разумѣется и здѣсь, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, опрашиваемый долженъ быть въ полномъ невѣдѣнiи относительно того, какiе факты имѣетъ въ виду изслѣдователь. При такихъ условiяхъ получался обыкновенно отвѣтъ съ тѣмъ падежомъ объекта, котораго я добивался, т. е. или опроверженiе конкретнаго дѣйствiя или же опредѣленiе извѣстнаго состоянiя психологическаго субъекта. Самые лучшiе объекты изслѣдованiя — малограмотные или во всякомъ случаѣ лица, у которыхъ грамматическое правило объ употребленiи Р. п. въ отрицательныхъ предложенiяхъ сознательно не примѣняется. Но вполнѣ удовлетворительные результаты получаются также у лицъ, научно знающихъ русскiй языкъ и въ то же время обладающихъ тонкимъ и глубокимъ практическимъ пониманiемъ родного языка.

Чтобы показать, какъ у писателя, глубоко проникнутаго духомъ живого русскаго языка, чередуются отрицательныя предложенiя съ Р. п. и съ В. п. объекта, приведу нѣсколько строкъ изъ разсказа „Чѣмъ люди живы" Л. Н. Толстаго (Сочин. XII 27): „...и послалъ меня Господь вынуть изъ женщины душу ...Увидала меня жена, поняла, что Богъ меня по душу послалъ, заплакала и говоритъ: ...*Не бери ты мою душеньку*, ...*Не могъ я изъ родильницы души вынуть*" (Р. п. Не дерзая прямо начать рѣчь съ отрицанiя порученнаго ему дѣйствiя, ангелъ описываетъ сначала свое душевное состоянiе посредствомъ отрицательнаго признака, опредѣляющаго его отношенiе

къ извѣстной душѣ невозможностью вынуть её *). Далѣе перечисляются факты, вызвавшіе это состояніе). „Отца деревомъ убило, мать родила двойню и молитъ *не брать изъ нея души*" (брать абстрактно, имѣется въ виду послѣдствія отсутствія такого дѣйствія), „говоритъ: Дай мнѣ дѣтей вспоить... Нельзя дѣтямъ... безъ матери прожить". (Изложивъ обстоятельства, могущія служить объясненіемъ и извиненіемъ тому, что онъ не исполнилъ извѣстнаго дѣйствія, ангелъ становится лицомъ къ лицу съ порученнымъ ему конкретнымъ дѣйствіемъ и отрицаетъ его:) „*Не вынулъ я изъ родильницы душу*".

Александръ И. Томсонъ.

Одесса.

*) Подробности относительно В. п. resp. Р. п. объекта при инфинитивѣ, зависящемъ отъ отрицаемаго личнаго глагола, а также свое мнѣніе о происхожденіи отрицательныхъ предложеній съ В. п. объекта я выскажу въ другомъ мѣстѣ.

Кратное значеніе удвоенныхъ основъ.

Дельбрюкъ, въ Vgl. Synt. II, стр. 16 слѣд., показалъ, что удвоенныя основы типа др.-инд. jígāti, греч. βίβᾱμι имѣютъ *итеративное* значеніе, т. е. то значеніе, которое мы называемъ *кратнымъ*. Но при этомъ Дельбрюкъ оставилъ невыясненнымъ, въ чемъ заключается существенное отличіе кратнаго значенія удвоенныхъ основъ отъ такого же значенія основъ другихъ образованій, какъ др.-инд. *patáyati*, греч. φορέω, слав. *носити* и *плавати*, о которыхъ онъ говоритъ на стр. 109 слѣд., 135 слѣд. и 139 слѣд. Характеристика кратнаго значенія основъ типа φορέω и *плавати* какъ „iterativ-ziellose Bedeutung" (стр. 109) не выражаетъ сущности различія въ значеніяхъ разсматриваемыхъ основъ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью выяснить, въ чемъ состоитъ это различіе.

Въ своемъ изслѣдованіи Знач. глаг. основъ въ лит.-слав. яз. ч. II я пришелъ къ тому выводу, что основы типа patáyati, φορέω, πωτάομαι, *носити*, *плавати* представляютъ собой индо-европейское образованіе кратныхъ основъ, обозначавшихъ *повторяемость длительнаго времени признака;* при этомъ я высказалъ предположеніе (стр. 250), что и литовско-славянскимъ основамъ съ приставкой pō-, обозначающимъ кратность недлительнаго времени признака, могли соотвѣтствовать по значенію какія нибудь также индо-европейскія основы. Теперь я думаю, что такими индо-европ. основами, обозначавшими *повторяемость недлительнаго времени признака* и были удвоенныя основы типа jígāti, βίβᾱμι.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы разсмотримъ ближе удвоенныя основы этого образованія въ др.-инд. и греч. языкахъ, то мы замѣтимъ прежде всего то обстоятельство, что при большинствѣ ихъ являются корневыя основы безъ удвоенія. Именно, изъ 45 др.-индійскихъ удвоенныхъ основъ 32 чередуются съ корневыми неудвоенными [1]): jígā- : ágāt, ciké- : ácet, dádā- : dā́ti, ádāt, dádhā- : dhāti, ádhāt, pípar- «наполнять» : pūrdhí, píba- : pā́ti, ápāt, bíbhar- : bhárti, bibhé- : bhema, sişak- : sacānā́-, tíşṭha- : ásthāt, jáhā- : ahāt, íyar- : árti, ārta, arāṇá-, jíghrā- : ghrā́ti, pipr̥k- : parcas, pr̥cānā́-, mímā- «измѣрять» : mā́ti, yuyó- : yuyāt, yavanta, rirī-, rarā- : rā́sva, vivák- : vacmi, ucyāsam, vivaç- : vā́şṭi, suşu- : sótu, sutám, jíghn- : hánti, áhan, juhū : hūmáhe, áhūmahi, jakş- : ághas, ákşan, mamad- : matsva, mandús, -dānā́-, maman- : amata, vavr̥t- : vártti, ávr̥tran, jihar- : harmi, ninī- : nethá, ánītam, sasas- : sásti, dīdhī- : dhīmahi, ninij- : nijānā́-. Точно также въ греческомъ при удвоенныхъ основахъ древняго типа мы находимъ корневыя безъ удвоенія: βίβᾱμι : ἔβᾰ, ἵστᾱμι : ἔστᾰ, δίδωμι : ἔδομεν, τίθημι : ἔθεμεν, ἵημι (*si--sē-mi; ср. sero, *si-so) : ἐφ-έτην, -πίπλημι : πλῆτο, ἐγ-κίκρᾱ : др.-инд. çrāti (Brugm. Grdr. II, § 594, стр. 966); сюда же, вѣроятно, слѣдуетъ прибавить ἐσ-πιφράναι (bíbharti) : εἰσ-φρῆναι· εἰσάξαι, ἐνεγκεῖν Hes. и φέρτε (bhárti) (Brugmann, Gr. Gr.³, §§ 325, 330. b. 1.); затѣмъ ср. удвоенныя основы, распространенныя въ греческомъ суф. -σκο-: πιπίσκω (ср. др.-инд. pipyata, pīpihi, Brugm. Grdr. II, § 469, стр. 849) : πῖθι и διδράσκω : ἔδρᾱν, др.-инд. drā́ti.

Что касается видового значенія приведенныхъ корневыхъ основъ, являющихся при удвоенныхъ, то въ греческомъ оно всегда *недлительное* (соверш. видъ). Въ др.-

---

[1]) Перечень др.-индійскихъ основъ того и другого образованія, приведенный Дельбрюкомъ, ор. с. стр. 16—25 и 65—81, пополненъ мною по Whitney'ю, Wurzeln; не считаются при этомъ формы на *-si* и *-i* отъ корневыхъ основъ.

индійскомъ не для всѣхъ приведенныхъ корневыхъ основъ можно доказать тоже самое значеніе; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ несомнѣнное длительное значеніе (какъ, напр., sas-, su-, han-, vaç-, bhar-); но очень многія изъ нихъ имѣютъ, такъ же несомнѣнно, недлительное значеніе; при этомъ значеніе недлительности является въ этихъ основахъ не только въ формѣ прошедшаго времени (какъ ágāt, ádāt, ádhāt, ásthāt, ácet и др.), но и въ другихъ формахъ (настоящее, повелит. и др.). Въ послѣднемъ случаѣ на основаніи текстовъ, къ сожалѣнію, не всегда съ полной точностью можно рѣшить вопросъ о видовомъ значеніи основы; напр., формы dā́ti, dhā́ti, pā́nti (pā- «пить»), hūmáhe могутъ быть объясняемы и какъ формы отъ основъ съ длительнымъ значеніемъ, хотя формы прошедшаго времени отъ этихъ основъ имѣютъ, несомнѣнно, значеніе недлительности (ср. Delbrück, Vgl. Synt. II, стр. 76).

Однако при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ RV указанныя формы настоящаго времени употребляются весьма часто въ такихъ сочетаніяхъ, въ которыхъ онѣ не имѣютъ значенія формъ времени, т. е. являются со значеніемъ injunctiv'a. Напр., ср. IV, 8, 3: dā́ti priyā́ṇi cid vásu «онъ даетъ» или «дастъ»; въ предъидущемъ стихѣ — sá devā́ñ éhá vakṣati — формѣ dā́ti соотвѣтствуетъ conj. aor. vakṣati «привезетъ»; въ VII, 15, 12 — dítiç ca dāti vā́ryam форма dāti соотвѣтствуетъ формѣ dātu въ ст. 11-мъ — bhágaç ca dātu vā́ryam и должна быть объясняема какъ conjunct. или какъ injunct. Въ VI, 24, 2 — stutó vidáthe d ā t i vā́jam «прославленный — подастъ» и въ VII, 42, 4 — yadā́ vīrasya revā́to duroṇé syonaçī́r átithir ācíketaṭ, súprīto agníḥ súdhito dáma ā́ sá viçé d ā t i vā́ryam íyatyai форма dāti вполнѣ объясняется какъ injunctivus; тоже и въ V, 48, 5. Въ II, 38, 1 — nūnáṃ devébhyo ví hí d h ā́ t i ratnam áthā́bhajad vītíhotraṃ svastaú форма dhā́ti параллельна къ ā́bhajat (imperfect.=aor.) и обѣ имѣютъ значеніе injunctiv'a; точно также и въ VII, 90, 3 — rāyé nú yáṃ jajñā́tū ródasīmé rāyé devī́ dhiṣáṇā d h ā t i форма dhāti имѣетъ ясное зна-

ченіе injunctiv'a; тоже самое въ IV, 55, 1 — kó vo 'dhvaré várivo dhāti devāḥ. Delbrück (l. c. § 28, стр. 76) признаетъ значеніе conj. aor. въ формѣ pānti въ II, 11, 14 — rā́si çárdha indra mā́rutaṃ naḥ sajóṣaso yé ca mandasānā́ḥ prá vāyávaḥ pānty ágraṇītim; значеніе injunctiv'a здѣсь точно также подходитъ. Въ I, 89, 3 — tān pū́rvayā nivídā hūmahe и въ 5-мъ стихѣ tám — ávase hūmahe форма hūmahe, въ сопоставленіи съ формами yantu, vartatām, prá tirantu, karat, должна быть понимаема какъ injunctivus — «призовемъ, взовемъ»; такое же значеніе эта форма имѣетъ въ VI, 46, 3 — yáḥ satrāhā́ vícarṣaṇir índraṃ táṃ hūmahe vayám («wollen wir rufen» по Ludwig'y); но въ стихѣ 6-мъ hūmahe не отличается по значенію отъ hávāmahe «зовемъ» въ ст. 1-мъ. Ср. еще conjunctiv.-injunct. hóma «призовемъ» въ I, 9, 9. Форма áhūmahi имѣетъ несомнѣнное аористическое значеніе въ обоихъ мѣстахъ — VI, 45, 10 и VIII, 24, 18. Приведенныя формы injunctiv'овъ скорѣе всего указываютъ на недлительное значеніе ихъ основъ (ср. Знач. глагольн. осн. II, стр. 331 и слѣд.).

Недлительное значеніе въ нѣкоторыхъ другихъ корневыхъ основахъ, чередующихся съ удвоенными, можно видѣть въ слѣдующихъ случаяхъ: X, 126, 2 — tád dhí vayáṃ vṛṇīmáhe váruṇa mítrā́ryaman, yénā nír áṅhaso yūyám pāthá nethā́ ca mártyam áti dvíṣaḥ: формы pāthá nethā́ ca здѣсь являются injunctiv'ами въ относительномъ предложеніи; подобное же употребленіе injunctiv'a, только въ главномъ предложеніи, мы находимъ въ VI, 13, 3: sá sátpatiḥ çávasā hanti («убьетъ») vṛtrám ágne vípro ví paṇér bharti («вырветъ») vā́jam, yáṃ tvám.... hinóṣi; въ I, 42, 9 — çagdhí pūrdhí prá yáṅsi ca çiçīhí prā́sy udáram форма pūrdhí, рядомъ съ аористическими формами çagdhí, yáṅsi, prā́si, должна имѣть также аористическое значеніе («наполни»); точно также pūrdhí показываетъ аористическое значеніе въ VIII, 84 (95 по Aufrecht'y [2]), 4, гдѣ оно стоитъ рядомъ съ аористическимъ çrudhí; вѣроятно аористическое значеніе этой

формы въ VIII, 67 (78 по Aufr. [2]), 10 и VII, 24, 6; не ясно видовое значеніе формы въ X, 73, 11 и I, 36, 12. Въ IX, 69, 5 — ámr̥ktena rúçatā vā́sasā hárir ámartyo nirṇijānáḥ pári vyata форма nijānáḥ при аористѣ vyata сама имѣетъ аористическое значеніе.

Постоянное значеніе недлительности въ указанныхъ греческихъ корневыхъ основахъ, чередующихся съ удвоенными, и затѣмъ значеніе недлительности въ славянскихъ основахъ da-, dě-, sta- даже при утратѣ соотвѣтствующихъ удвоенныхъ основъ показываютъ, что соотношеніе двухъ видовыхъ значеній въ удвоенныхъ и соотвѣтственныхъ корневыхъ неудвоенныхъ основахъ существовало въ индоевроп. праязыкѣ. Если же въ др.-индійскомъ это соотношеніе часто не наблюдается, т. е. если въ этомъ языкѣ корневыя основы часто имѣютъ видовое значеніе длительности, какъ и соотвѣтственныя удвоенныя основы, то этотъ фактъ можетъ объясняться какъ явленіе самого др.-индійскаго языка, въ которомъ получило развитіе спряженіе корневыхъ основъ, не чередующихся съ удвоенными: подъ вліяніемъ корневыхъ основъ этого рода, не имѣвшихъ съ самаго начала видового недлительнаго значенія, и тѣ корневыя основы, которыя чередуются съ удвоенными, могли пріобрѣтать въ др.-инд. языкѣ значеніе длительности, или, говоря точнѣе, эти основы могли утрачивать различіе видовъ недлительнаго и длительнаго, становиться безвидовыми. Съ другой стороны, утрата первоначальнаго значенія недлительности въ извѣстныхъ корневыхъ основахъ вызывалась также измѣненіями ихъ реальныхъ значеній; напр., основа gā- съ первоначальнымъ значеніемъ «сдѣлать шагъ, шагнуть» не могла утратить видового значенія недлительности; но когда это значеніе основы gā- измѣнилось въ значеніе «идти», то тогда недлительное значеніе этой основы легко утрачивалось. Теперь мы разсмотримъ ближе реальныя значенія удвоенныхъ основъ типа др.-инд. jígā-, греч. βιβᾱ-, чтобы уяснить, каково было первоначальное кратное значеніе этихъ основъ и по-

чему эти кратныя основы являются связанными именно съ корневыми основами недлительнаго вида.

Основы jígā-, βιβα- представляютъ типическій примѣръ кратнаго значенія большинства удвоенныхъ основъ этого рода: какъ показалъ Дельбрюкъ, Vgl. Synt. II, 16 слѣд., собственное значеніе др.-индійской и греческой основы есть „*шагать, ступать*"; такимъ образомъ обѣ основы обозначаютъ такое дѣйствіе, которое распадается на отдѣльные правильно послѣдовательные моменты; такого рода глагольные признаки могутъ быть названы составными (ср. Знач. глаг. основъ II, стр. 17). Кратное значеніе этихъ основъ состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что ими время признака обозначается какъ *составное* (ibid. стр. 229), т. е. какъ распадающееся на отдѣльные правильно послѣдовательные моменты. Это кратное значеніе существенно отличается отъ кратнаго значенія основъ типа patáyati, φορέω и т. д., которыя обозначаютъ *сложное* время признака, т. е. слагающееся изъ ряда длительныхъ временъ признака.

Такое же значеніе представляютъ въ др.-индійскомъ удвоенныя основы глаголовъ: jihī- (hā-) «ступать, отступать», íyarti «движетъ, колеблетъ, качаетъ» (примѣры см. у Дельбрюка, l. c. 21 слѣд.), jígharti «кропитъ, окропляетъ», mimih- первоначально съ тѣмъ же значеніемъ и также со значеніемъ «mingere», jíghrati «нюхаетъ, обнюхиваетъ», pipr̥k- «мѣшать» (жидкость), babhas- «жевать, съѣдать», jakṣ- (ghas-) съ тѣмъ же значеніемъ, mímāti «мѣряетъ, отмѣряетъ» (напр., ср. VI, 47, 3 — ayáṃ ṣáḷ urvír amimīta; X, 114, 5 — gráhān sómasya mimate dvā́daça «отмѣряютъ 12 чашъ сомы»), mímāti «рыкаетъ, реветъ, мычитъ, блеетъ», yayas- «волноваться, клокотать, кипѣть», mamád- первоначально съ тѣмъ же значеніемъ (ср. VIII, 14, 10 и др.), vivek- «вѣять, провѣвать» (зерно), çíçāti «точитъ, остритъ», suṣu- «давить, жать» (сокъ), jighn- въ собственномъ значеніи — «ударять» (ср. I, 54, 10 — abhím índro nadyò vavríṇā hitā́ víçvā anuṣṭhā́ḥ prava-

ṇéṣu jighnate «die ströme... schlägt Indra nacheinander auf abschüssigen pfaden herab», по Людвигу), vavr̥t- «вертѣть, вертѣться» (въ RV часто въ сравненіяхъ съ вертящимся колесомъ; напр., X, 89, 2 — sá sū́ryaḥ páry urū́ várāṅsy ḗndro vavr̥tyād ráthyeva cakrā́; также III, 61, 3; IV, 31, 4), ninij- «мыться, купаться» (X, 132, 6 — sū́ro ninikta raçmíbhiḥ), jakṣ- (has-) «смѣяться», niṅs- «цѣловать», dīdhī- «глядѣть, смотрѣть», собственно — «бросать взгляды, поглядывать» (ср. V, 40, 5 — yát tvā sūrya svàrbhānus támasā́vidhyat āsuráḥ, ákṣetravid yáthā mugdhó bhúvanāny adīdhayuḥ «wie ein verwirrter ortskundiger schauten da die wesen», по Ludw.; VII, 33, 5 — úd dyām ivét tr̥ṣṇájo nāthitā́só 'dīdhayur... «wie durstende schauten sie flehend auf zum Himmel», по Grassm.), cikḗti, вѣроятно, съ такимъ же первоначальнымъ значеніемъ (ср. IV, 38, 4 — vidáthā nicikyat «бросая взоры на собранія»; ср. ниже также значеніе аориста ácet, ácidhvam), dīdē- «блистать, сверкать» (ср. ниже другое значеніе — «бросать взгляды, высматривать»). Въ другихъ глаголахъ съ удвоенными основами первоначальное значеніе измѣнилось и поэтому въ нихъ кратное значеніе выступаетъ не ясно, или совсѣмъ не можетъ быть признано. Такъ, въ píparti «наполняетъ» кратное значеніе выступаетъ болѣе или менѣе ясно, когда этотъ глаголъ употребляется въ смыслѣ «наполняетъ пищей, насыщаетъ» (кромѣ примѣра изъ VI, 48, 5 у Дельбрюка, l. c. стр. 18, ср. еще I, 22, 13 — mahī́ dyāúḥ pr̥thivī́ ca na imáṃ yajñáṃ mimikṣatām pipr̥tā́m no bhárīmabhiḥ и I, 46, 4 — havíṣā jāró apā́m píparti pápurir narā́). Въ vívakti кратное значеніе становится понятно, если предполагать въ немъ первоначальное значеніе «кричать, восклицать, взывать», на которое указываютъ значенія этого глагола въ X, 11, 6, VII, 6, 1 и VII, 22, 5 (Delbrück, l. c. стр. 23); ср. также прусск. wackītwei «звать», wackis «крикъ»; такое же значеніе, повидимому, было и въ основѣ juhū- (ср. ibid. стр. 24). Въ píbati, -te кратное значеніе объясняется, если предполагать въ немъ,

вмѣстѣ съ Дельбрюкомъ, стр. 25, какъ первоначальное значеніе «глотать», «einen Schluck thun». Въ títarti первоначальнымъ значеніемъ могло быть «переступать» (ibid. 17) и тогда понятно кратное значеніе въ этой основѣ. Въ síṣakti первоначальнымъ значеніемъ, вѣроятно, было «идетъ по пятамъ, шагъ за шагомъ» (ср. примѣры у Delbr. на стр. 20). Въ bibhéti ни кратное, ни интенсивное (какъ думаетъ Delbrück, стр. 19, 25) значенія не понятны, если исходить изъ значенія «бояться»; но кратное значеніе объясняется совершенно удовлетворительно, если мы примемъ для этого глагола первоначальное значеніе «дрожать, трепетать», на которое указываетъ др.-в.-н. bibēm, нѣм. bebe (Brugmann, Grdr. II, § 537, стр. 930). Въ основѣ dīdē- (см. выше) кратное значеніе объясняется при значеніи «блистать, сверкать»; но этотъ глаголъ имѣлъ, вѣроятно, и другое значеніе — «бросать взгляды, высматривать», на которое указываетъ греч. δίζομαι, изъ *δι-δι-ο-μαι, «suche, strebe», urspr. «schaue nach etwas aus» (Brugm. ibid. стр. 931). Для yuyóti можно предполагать первоначальное значеніе «толкать, отталкивать». Въ vivik- (vyac-) кратное значеніе можно объяснять при значеніи «охватывать»; но въ виду латинскаго vincire можно предполагать для этого глагола также значеніе «обвязывать, связывать» (именно въ смыслѣ гомер. δίδη). Въ основѣ sísar- первоначальнымъ значеніемъ, на основаніи значеній греч. ὁρμή (ср. эти значенія у Гомера), можно основательно предполагать выраженіе „стремительнаго сильнаго движенія, натиска“; отсюда развилось др.-инд. значеніе «бѣжать, течь». Не ясно значеніе основы maman- въ RV: Грассманъ принимаетъ 2 man- въ значеніи «zaudern, zögern, still stehen» и «zum Stillstand bringen, festhalten»; Уитней (Wurzeln) относитъ формы отъ maman- къ man- «думать». Въ RV X, 27, 20 — etaú me gávaū pramarásya yuktāú mó ṣú prá sedhīr múhur ín mamandhi форма mamandhi, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть производима по значенію отъ man- «думать»; Грассманъ

здѣсь переводитъ — „lasse sie nicht vorschreiten, halte schnell inne“, Людвигъ — „halte mir nicht ferne, lasz sie hier oft weilen“; повидимому, mamandhi здѣсь значитъ «сдерживай, удерживай»; въ такомъ случаѣ maman- надо сопоставлять съ μίμνω (ср. Fick, Wtb.[4] s. ménô «weilen, bleiben») и первоначальное значеніе этой удвоенной основы выводить изъ того значенія, которое имѣетъ у Гомера μίμνω въ сочетаніяхъ, какъ αἵ τ' (δρύες) ἄνεμον μίμνουσι καὶ ὑετὸν ἤματα πάντα (M 133) — «сопротивляются, выдерживаютъ», или οὐδ' ἄρα μιν μίμνον πολέες περ ἐόντες (E 94) — «не могли устоять»; такимъ образомъ значеніе «оказывать сопротивленіе, давать отпоръ натискамъ» и будетъ кратнымъ значеніемъ, именно составнымъ кратнымъ. Совершенно неясно первоначальное значеніе въ основахъ jáhā- «оставлять въ покоѣ, покидать», pípar- «охранять, помогать», vivaç- «желать», vivek- (viç-) «дѣйствовать», juhó- «лить въ огонь, приносить жертву», jihrē̆- «стыдиться», ninī- «вести, провожать», sasas- «спать».

Такимъ образомъ для большинства удвоенныхъ основъ или опредѣляется совершенно ясно, или можетъ быть съ большой вѣроятностью допущено общее значеніе, состоящее въ томъ, что эти основы называютъ составные признаки. Такіе признаки не могутъ имѣть длительнаго времени въ собственномъ смыслѣ, но такое длительное время, которое образуется изъ сочетанія отдѣльныхъ моментовъ времени. Это длительное время и есть извѣстный родъ кратнаго времени, называемый мною составнымъ временемъ. Однако при этомъ надо имѣть въ виду, что составные признаки не должны выражаться непремѣнно посредствомъ кратныхъ основъ: наряду съ кратными основами для обозначенія такихъ признаковъ могутъ употребляться и некратныя основы; выборъ основы того или другого рода здѣсь, очевидно, долженъ зависѣть отъ того, выдѣляется ли въ представленіяхъ такихъ признаковъ ихъ составной характеръ, или нѣтъ (ср. Знач. глаг. осн. II, стр. 17). Поэтому въ дѣйствительности въ одныхъ и

тѣхъ же глагольныхъ словахъ, обозначающихъ составные признаки, мы находимъ часто и удвоенныя, и неудвоенныя основы. Напр., ср. títarti : tárati, tiráti; bibhēti : bháyatē; síṣakti : sácate, ἕπεται; babhas-, bápsa- : bhasa-; yayas- : yásyati : греч. ζέω; çíçā- : (sáṃ) çyat; juhū- : háva-, huvá- : hváya- [1]). По отношенію къ нѣкоторымъ изъ этихъ случаевъ чередованія основъ Дельбрюкъ замѣчаетъ, что онъ не находитъ разницы въ значеніи удвоенной и неудвоенной основы; разницы въ значеніи нѣтъ здѣсь въ томъ отношеніи, что какъ удвоенная, такъ и неудвоенная основа обозначаютъ составной признакъ; существенная же разница въ томъ, что удвоенная основа обозначаетъ составное время такого признака, а неудвоенная не обозначаетъ. Въ теченіе жизни др.-инд. языка въ однихъ глагольныхъ словахъ сохранялось чередованіе удвоенныхъ и неудвоенныхъ основъ, въ другихъ оно постепенно утрачивалось, съ преобладаніемъ то однихъ, то другихъ. Утрата удвоенныхъ основъ при этомъ легче всего происходила въ такихъ глагольныхъ словахъ, которыя съ измѣненіемъ значенія утрачивали значеніе названій составныхъ признаковъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ даже при этомъ условіи могли упрочиваться и удвоенныя основы; напр., ср. vivákti, juhóti.

Итакъ, большинство удвоенныхъ основъ типа jígā-, βιβα-, какъ показываетъ предъидущее обозрѣніе, принадлежитъ тѣмъ глагольнымъ словамъ, которыя обозначаютъ составные признаки. Въ значительномъ меньшинствѣ случаевъ мы находимъ удвоенныя основы того же типа въ другого рода глагольныхъ словахъ, которыя не обозначаютъ составныхъ признаковъ. Таковы въ др.-индійскомъ

---

[1]) Я привелъ здѣсь только случаи чередованія удвоенныхъ основъ съ основами на *-a-* или *-ya-*; случаи чередованія, какъ píparti : pr̥ṇā́ti, píbati : pā́ti, íyarti : r̥ṇóti : r̥cháti и др. я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ неудвоенныя основы этихъ типовъ, по крайней мѣрѣ по происхожденію, имѣли спеціальныя значенія.

основы: dádā- «давать», dádhā- «класть, ставить», bíbhar- «нести», tíṣṭha- «стоять», jihar- (въ санскритѣ) «нести, брать» и, вѣроятно, rirī-, rarā- «давать, дарить». Значеніе tíṣṭha- «стоять» Дельбрюкъ (стр. 21) объясняетъ такимъ образомъ, что первоначально эта основа обозначала «er tritt wiederholt hin» (gleichsam die Stellung ausprobierend), а отсюда — «er stellt sich fest, steht fest»; т. е. tíṣṭha- первоначально обозначало повторяемость признака, обозначаемаго простой основой sthā- «стать». Признакъ, обозначаемый индо-европ. основой stā- «стать», такого рода, что онъ не можетъ быть представляемъ какъ длительный, и основа stā- поэтому должна являться всегда аористической, т. е. основой недлительнаго вида по сравненію съ другими глагольными словами, въ которыхъ различаются основы вида недлительнаго и длительнаго. Длительному времени другихъ глагольныхъ словъ въ этомъ словѣ можетъ соотвѣтствовать только кратное время, при чемъ это кратное время должно слагаться изъ ряда недлительныхъ временъ. Такое кратное время можно назвать *сложно-составнымъ* (ср. Знач. глаг. осн. II, стр. 11 и 229). Такимъ образомъ я раздѣляю мнѣніе Дельбрюка, что tíṣṭha- первоначально обозначало «становиться», въ соотношеніи съ sthā- «стать». Но слѣдуетъ ли выводить обычное др.-инд. значеніе «стоять» изъ «становиться», это вопросъ; можно также думать, что значеніе «стоять» въ tíṣṭha-, какъ и значеніе «ставить» въ ἵστα-, лат. sisto, позднѣйшаго происхожденія, т. е. возникли въ этихъ отдѣльныхъ языкахъ вслѣдствіе переноса на удвоенныя основы тѣхъ значеній, которыя являлись нѣкогда въ исчезнувшихъ основахъ другихъ образованій.

Подобно stā- и основы dō- «дать» и dhē- «дѣть, положить» являлись аористическими, такъ какъ и онѣ обозначаютъ признаки недлительные по ихъ природѣ; поэтому и въ этихъ глагольныхъ словахъ вмѣсто основъ длительнаго вида могутъ являться собственно только основы кратныя, обозначающія сложно-составное время. Если

riri-, rara- имѣетъ дѣйствительно первоначальное значеніе «давать, дарить», то возникновеніе этой основы объясняется такъ же, какъ и основы dadā-. Нѣсколько особый случай представляетъ основа bíbhar-. Въ RV она имѣетъ обыкновенно значеніе, вполнѣ соотвѣтствующее русскому «*носитъ*» (ср. bíbhrad drāpím, nā́ma bíbharṣi и др. примѣры у Дельбрюка, l. c. стр. 18 слѣд.); въ нѣкоторыхъ случаяхъ bíbhar- смѣшивается по значенію съ bhára- (ibid. стр. 19). Значеніе bíbhar- «носить» возникло несомнѣнно изъ кратнаго значенія подобно тому, какъ и значеніе русскаго *носитъ* (въ извѣстномъ смыслѣ) возникло изъ кратнаго значенія (ср. Знач. глаг. осн. II, стр. 132 слѣд.). Но въ такомъ случаѣ первоначальное кратное значеніе основы bíbhar- отличалось отъ кратнаго значенія разсмотрѣнныхъ выше удвоенныхъ основъ, такъ какъ bíbhar- соотносительно съ bhára-, т. е. съ основой длительнаго вида, и обозначало, слѣдовательно, повторяемость длительнаго времени признака; иначе говоря, bíbhar- имѣло тоже кратное значеніе, что̀ φορέω при φέρω. Случай такого кратнаго значенія въ удвоенной основѣ является единственнымъ. Поэтому я думаю, что это значеніе въ основѣ bíbhar- не первоначально. Какъ показываетъ славянское *беретъ*, индо-евр. основа bhere-, bher- имѣла два значенія: „нести“ и „брать“, м. б. также „хватать“; на второе значеніе указываетъ, повидимому, и др.-индійскій; ср. въ RV VI, 13, 3 — sá sátpatiḥ çávasā hanti vṛtrám ágne vípro ví paṇér bharti vā́jam, гдѣ форму ví bharti Ludwig переводитъ черезъ „rafft hinweg“; по-русски вполнѣ подходило бы здѣсь значеніе «выхватитъ». Можно такимъ образомъ думать, что въ индо-европейскомъ, собственно, различались двѣ основы: bher- «брать, хватать» и bhere- «нести»; къ первой кратной основой была удвоенная, а ко второй основѣ кратной являлась та основа, которую мы находимъ въ φορέω. Въ др.-индійскомъ bher- и bhere-, вообще, смѣшались по значеніямъ и въ ведійскомъ нарѣчіи сохранилась только одна кратная основа bíbhar-, которая приняла на себя значеніе основы, за-

ключающейся въ φορέω. При такомъ предположеніи первоначальное кратное значеніе основы bíbhar- объясняется какъ однородное со значеніями или основъ типа jígā- (при значеніи bher- «хватать»), или основъ типа dáḍā- (при значеніи bher- «брать»). — Значеніе основы jihar- объясняется точно такъ же при предположеніи первоначальнаго значенія основы g¹her- «брать, хватать» (ср. χείρ, εὐχερής).

Если основы типа jígā- обозначали составное время признака, то въ такомъ случаѣ соотвѣтствующія имъ простыя основы (gā- и т. д.) должны были имѣть значеніе *моментальное* (Знач. глаг. осн. II, стр. 63). По ведійскимъ примѣрамъ, однако, трудно опредѣлить именно это значеніе для основъ этого рода. Моментальное значеніе само по себѣ не можетъ часто встрѣчаться въ такихъ текстахъ, какъ гимны; а съ другой стороны, какъ показываетъ предъидущій разборъ значеній удвоенныхъ основъ, эти основы во многихъ случаяхъ измѣнили свое первоначальное значеніе составной кратности вслѣдствіе измѣненія реальныхъ значеній; поэтому соотвѣтствующія удвоеннымъ простыя основы также должны были измѣнить во многихъ случаяхъ моментальное значеніе въ другія значенія недлительности. Но, во всякомъ случаѣ, на основаніи, напр., значеній др.-инд. ágāt и греч. ἔβη можно съ большой вѣроятностью заключать, что собственное значеніе простой основы gā- было «шагнуть, ступить» (ср. Delbr., l. c. стр. 77). Въ разсмотрѣнныхъ выше (стр. 706) формахъ hūmahe, áhūmahi также не трудно видѣть моментальное значеніе основы — «воскликнуть, воззвать». Въ RV IV, 24, 8 — yadā́ samaryám̥ vy áced ṛ́ghāvā dīrghám̥ yád ājím abhy ákhyad aryáḥ сопоставленіе vy áced и abhy ákhyad даетъ, повидимому, основаніе первое понимать въ смыслѣ «взглянулъ» (на битву), а второе — «осмотрѣлъ» (обширное поле битвы). Въ V, 55, 7 — ná párvatā ná nadyò varanta vo yátrā́cidhvam maruto gáchathéd u tát я думаю правильно будетъ перевести: «ни горы, ни рѣки не удержатъ васъ; куда *упалъ вашъ*

взглядъ (*взглянете*), маруты, туда идете». Другихъ случаевъ изъ RV, гдѣ можно было бы предполагать моментальное значенiе, я не знаю.

Теперь остановимся еще на греческихъ удвоенныхъ основахъ. По отношенiю къ греческому надо имѣть въ виду, что въ немъ удвоенныя основы разсматриваемаго типа замѣтно утратили свою обособленность отъ другихъ основъ какъ по значенiю, такъ и по формѣ (ср. переходъ многихъ удвоенныхъ основъ въ 1-е спряженiе, какъ *γίγνομαι*, *πίπτω* и др.). Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще можно видѣть довольно легко, что первоначально и въ греческомъ удвоенныя основы даннаго образованiя имѣли кратное значенiе составное и сложно-составное. Къ основамъ перваго рода кромѣ *βιβᾱ-*, о которой было уже сказано выше, принадлежатъ еще: *-κικρᾱ-* «мѣшать, смѣшивать», *-πιπλη-* (ср. выше стр. 709 о др.-инд. pipar-); *διδη-* «вязать, обвязывать»; ср. у Гомера Λ 105—*δίδη μόσχοισι λύγοισι* «обвязывалъ нѣжными прутьями»; μ 54—*οἵ δέ σ' ἔτι πλεόνεσσι τότ' ἐν δεσμοῖσι διδέντων*; съ этимъ ср. ниже стихъ 196—*πλείοσί μ' ἐν δεσμοῖσι δέον*, гдѣ тотъ же глагольный признакъ обозначенъ основой длительной, а не кратной; по значенiю ср. выше (стр. 710) др.-инд. vivik-;— *ἵημι*, изъ *si-sē mi, собственно «бросаю»; ср. лат. sero (*siso), старо-слав. сѣяти;— съ измѣненной основой сюда принадлежатъ: *ϝιϝάχω* «кричу», *κικλήσκω* «зову, призываю» *βιβρώσκω* «пожираю»; сюда же принадлежитъ и *μίμνω*, о которомъ см. выше, стр. 711. Въ другихъ основахъ, какъ напр., *κίχημι*, *ἴσχω* (**σίσχω*, *ἔχω*), *λιλαίομαι*, *ἀπο-διδράσκω*, *διδάσκω* и др., трудно возстановить первоначальныя значенiя и указать въ нихъ составное кратное значенiе.—Къ основамъ второго рода, кромѣ *δίδωμι*, *τίθημι*, *ἵστᾱμι*, можно относить еще: *γίγνομαι*, лат. gigno, «рождаюсь», *πίπτω* «падаю», *τίκτω* «рождаю», такъ какъ признаки, обозначаемые этими основами, также не могутъ быть представляемы какъ собственно длительные.

Простыя основы, соотвѣтствующiя удвоеннымъ, въ греческомъ всегда имѣютъ аористическое значенiе; но

случаевъ, гдѣ можно было бы показать моментальное значеніе, я не знаю.

Изложенные факты, какъ мнѣ кажется, съ достаточной убѣдительностью говорятъ за то, что удвоенныя основы типа jígā-, βιβᾱ- имѣли кратное значеніе вполнѣ опредѣленнаго характера и ясно обособленное отъ кратнаго значенія другого рода. Совпаденіе значеній этихъ удвоенныхъ основъ въ др.-индійскомъ и греческомъ показываетъ, что выражаемое ими кратное значеніе существовало уже въ индо-европейскомъ праязыкѣ, рядомъ съ кратнымъ значеніемъ другого рода и выраженнымъ основами другого образованія. Такимъ образомъ подтверждается высказанное мной (Знач. глаг. осн. II, стр. 250) предположеніе о томъ, что литовско-славянскія кратныя основы съ приставкой pō- являются новыми только по формѣ, по значенію же онѣ стоятъ въ преемственной связи съ извѣстными индо-европейскими кратными основами.

Г. Ульяновъ.

Варшава.
Іюнь 1902 г.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ Ягича:

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Должно быть:
94	25	задолго	долго
99	10	яицо	лицо
103	5	словѣнеские	словѣнские

Къ статьѣ Брандта:

Кромѣ bieda и dzieło, при чешских bída и dílo, можно привести еще такую же пару: cesarz и císař. Остромирово евангеліе, правда, употребляет в послѣднем словѣ, когда выписывает его сполна, є: цєсаревъ, цєсарь мѫжь, цєсарьствиꙗ, но в паннонских памятниках дѣйствительно является ѣ.

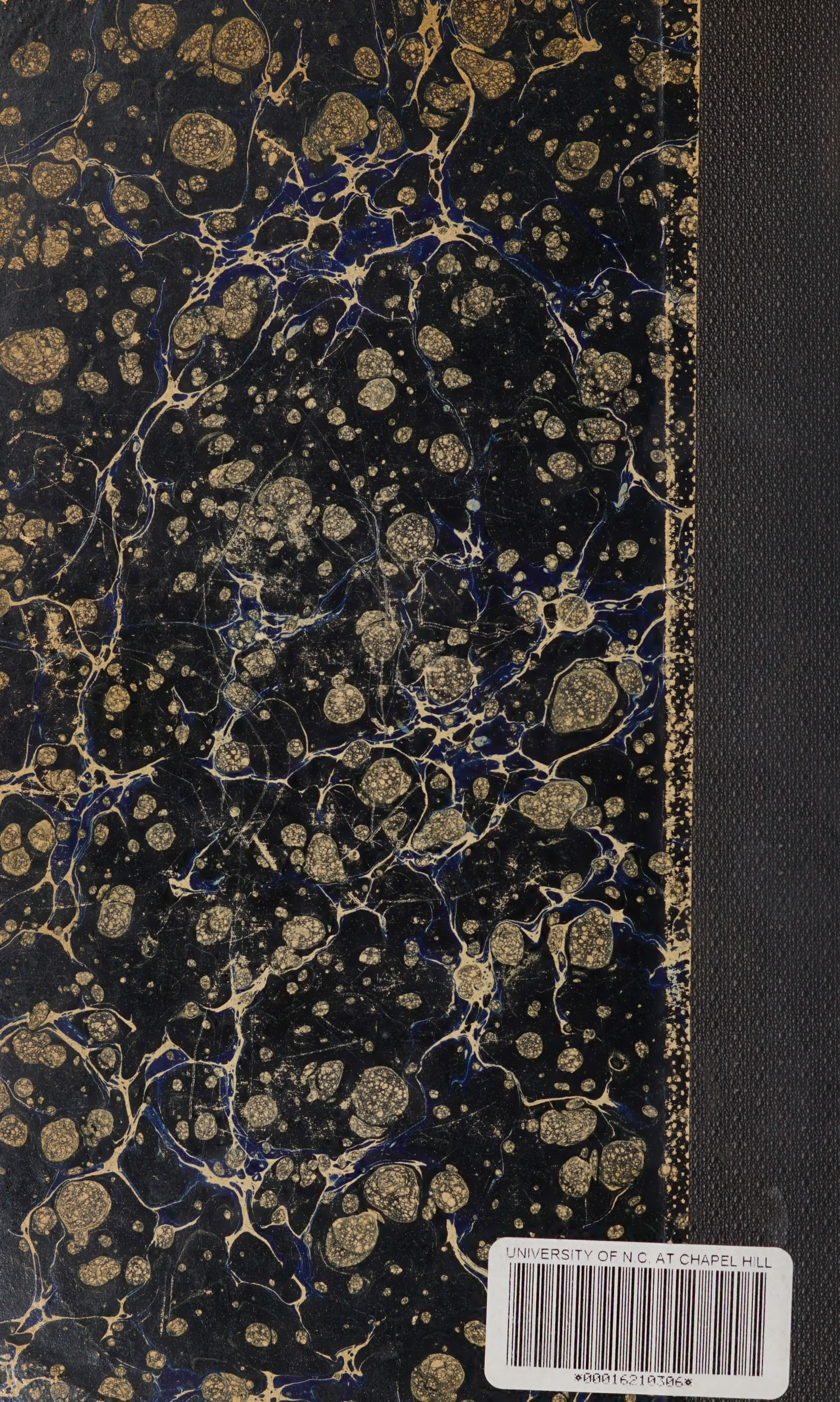
Къ словамѣ пѐсък вм. пѣсък:

Соотвѣтственно такой акцентовкѣ и по болгарски произносят пѐсък. Такое же колебанье ударенія представляет русское книжное (новоцерковное) пѐтел, при болгарском пѣте́л и сербском пjѐтао, и болг. Ко́тел, как названіе города, при нарицальном коте́л, = рус. котёл, серб. кѐтао.

Къ статьѣ Томсона:

666	14	сужденіямъ	сужденіемъ
677	34	предметъ	предметѣ
682	24	предпочтительно	предпочтителенъ
684	31	означали	означало
685	30	тебя	тебѣ
686	33	раздолъ	раздоръ
688	8	таргъ	торгъ
—	10	клютъ	клюютъ
691	3	книтъ	книгъ
693	27	обстрактному	абстрактному

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00016210306